

ИНСТИТУТ ВОДНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СО РАН
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВ ИМ. П.И. ЧАЙКОВСКОГО

МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

Научный журнал
Издаётся с 1998 года
Выходит один раз в два месяца

№ 5 (48)

Октябрь 2014

ISSN 1991-5500

Индекс в каталогах
Роспечати 31043

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.В. Петров – д-р пед. наук, проф.,
академик ПАНИ, член межд-го
союза журналистов (г. Горно-Алтайск)

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

А.А. Петров (г. Горно-Алтайск)

ПЕРВЫЙ ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Н.А. Куликова – канд. филол. наук,
доцент (г. Санкт-Петербург)

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Р.В. Опарин – кан. пед. наук, доцент
(г. Барнаул)

М.Г. Чухрова – д-р мед. наук, проф.
(г. Новосибирск)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

Н.С. Часовских – канд. пед. наук,
член межд-го союза журналистов
(г. Горно-Алтайск)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Л.Г. Тырса (г. Горно-Алтайск)

ВЕДУЩИЙ МЕНЕДЖЕР ЖУРНАЛА

С.Х. Мараян – член-корр. ПАНИ
(г. Горно-Алтайск)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА
В.А. Петров (г. Горно-Алтайск)

ПЕРЕВОДЧИК

М.А. Останина – канд. филол. наук,
доцент (г. Горно-Алтайск)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

649006, г. Горно-Алтайск,
пр. Коммунистический,
№ 68, офис 301, редакция журнала
«Мир науки, культуры, образования»
Тел.: 8 (388-22) 4-74-44;
E-mail: mnko@mail.ru; <http://amnko.ru/>

Индекс научного цитирования:

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=26070

Журнал зарегистрирован в:

➤ Роскомнадзоре РФ

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-49955 от 23.05.2012 г.

➤ International Centre ISSN, Paris - France

➤ Журнал включен в «Перечень ведущих
рецензируемых изданий ВАК РФ»
по направлениям: Педагогика, Психология,
Филология, Искусствоведение, Культурология,
Философия, История, Социология, Экономика,
Юриспруденция, Медицина, Экология,
Сельскохозяйственные науки

Подписано в печать 18.10.2014
Формат 60х84/8. Усл. печ. л. – 53,0.
Тираж 500 экз. Зак. №

© Редакция журнала «Мир науки, культуры,
образования», 2014

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.И. Щербаков	– председатель редакционного совета, доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)
Е.Л. Кудрина	– доктор педагогических наук, профессор, ректор Кемеровского госуниверситета культуры и искусства (г. Кемерово)
В.Л. Петухов	– доктор биологических наук, профессор (г. Новосибирск)
Ю.И. Винокуров	– доктор географических наук, профессор, директор института водных и экологических проблем СО РАН (г. Барнаул)
И.Р. Лазаренко	– доктор педагогических наук, профессор, ректор АлтГПА (г. Барнаул)
А.С. Кондыков	– профессор, ректор АГАКИ (г. Барнаул)
С.Н. Скоринов	– доктор культурологии, профессор, ректор ХГИИиК (г. Хабаровск)
Ш.А. Амонашвили	– доктор психологических наук, профессор, академик РАО (г. Москва)
В.И. Загвязинский	– доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Тюмень)
Д. Чевалир	– доктор филологических наук, профессор штата Мерилэнд (США)
Д. Майкельсон	– доктор филологических наук, профессор (США)
И. Сербан	– доктор психологии, доктор медицины, профессор университета Париж 8 (г. Париж)
Б.В. Новиков	– доктор философских наук, профессор (г. Киев, Украина)
У. Грисволд	– доктор педагогических наук, профессор университета штата Канзас (США)
Ю. Подгорецки	– доктор педагогических наук, профессор университета Опольски (г. Ополье, Польша)
М.С. Панин	– доктор биологических наук, профессор (Казахстан)
Р.Т. Раевский	– доктор педагогических наук, профессор (г. Одесса, Украина)
М.Г. Чухрова	– доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)
Д. Батчулуун	– доктор философских наук, профессор (г. Ховд, Монголия)
О.О. Синицына	– доктор медицинских наук, зам. директора НИИ ЭЧИГОС им. А.Н. Сысина Рамн (г. Москва)
Г.И. Лазарев	– доктор экономических наук, профессор, ректор ВГУЭС (г. Владивосток)
С.В. Кривых	– доктор педагогических наук, профессор (г. Санкт-Петербурга)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю.В. Сенько	– академик РАО, доктор педагогических наук, профессор (г. Барнаул)
П.И. Костенок	– доктор педагогических наук, профессор (г. Челябинск)
А.С. Прутченков	– доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)
С. Д. Каракозов	– доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)
В.И. Долгова	– доктор психологических наук, профессор (г. Челябинск)
Н.Е. Мусинова	– доктор культурологии, профессор (г. Кострома)
Т.М. Степанская	– доктор искусствоведения, профессор (г. Барнаул)
В.В. Гафаров	– доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)
А.В. Пузанов	– доктор биологических наук, профессор (г. Барнаул)
Д.Л. Штуден	– доктор культурологии, профессор (г. Новосибирск)
В.И. Хаснулин	– доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)
Н.А. Мешков	– доктор медицинских наук, профессор (г. Москва)
В.С. Чернявская	– доктор педагогических наук, профессор (г. Владивосток)
А.М. Руденко	– доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)
Д.С. Адушинов	– доктор с.-х. наук, профессор (г. Иркутск)

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Дизайн обложки: П.Г. Белозерцев. В оформлении использованы стихи Б. Бедюрова, Т. Маршаловой, П. Валери.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
 Абдина Р.П. 101
 Айкина Л.П. 212
 Акпарова Г.Т. 212
 Алексеев И.А. 311
 Андриященко О.К. 134
 Апанасенко О.Н. 40
 Астахов О.Ю. 271
 Атрощенко С.А. 122
- Б**
 Багирова Е.В. 87
 Балясникова Л.В. 34
 Баранчев О.Л. 7
 Басов А.В. 214
 Башова И.В. 104, 107
 Белобородова Н.С. 10
 Бельская Е.В. 209
 Бережнова Л.Н. 42
 Беспалова Н.Н. 283
 Богатенков С.А. 46
 Бойнов Е.И. 299
 Бокова О.А. 181
 Буравцова Н.В. 172
- В**
 Важенина С.С. 13
 Важина Е.Н. 115
 Важов В.М. 225
 Васильева Н.А. 228
 Васильева С.И. 34
 Вахрушева Н.А. 110
 Верещагина Т.Н. 231
 Виноградова Ю.Б. 96
 Витовтова Г.И. 256
 Волковский Е.В. 329
 Серебряков О.Н. 329
 Володина Л.О. 17
- Г**
 Газзаева А.Р. 114
 Глебов В.В. 183
 Глебов В.В. 339
 Гонтарь С.Н. 301, 306
 Гредников С.А. 234
 Грибанов Н.И. 214
 Гудова М.Ю. 273
- Д**
 Даваа Ундармаа 132
 Дмитриева Н.В. 172
 Долматова О.А. 76
- Е**
 Евдокишина О.В. 167
 Ефремова А.О. 279
- Ж**
 Жигалова Г.Г. 216
 Жигалова Г.Г. 303
 Жигалова Г.Г. 304
- З**
 Загрядская Н.А. 117
- И**
 Иващенко Е.Н. 7
 Искандеров Н.Ф. 20
 Исмаилов А. М. 235, 237
- К**
 Казанин К.С. 214
 Калашников В.В. 214
 Калашников В.Вл. 214
 Кашин С.Н. 175
 Кашина Н.И. 50
 Кашина Н.И. 70
 Кивацкая А.В. 332
 Киричук А.А. 348
 Коваленко П.С. 263
 Ковешников М.И. 315
 Козил В.Н. 225
 Козырева Т.С. 172
 Козюра Е.Н. 175
 Кокорин Е.В. 78
 Кокорина К.А. 80
 Корзенникова И.Н. 52
 КОРТУНОВ А.И. 239
 Кузина Е.В. 120
 Кузнецов Д.Е. 242
 Кузьминова Е.А. 158
 Куликова Н.А. 73
 Куприянова И.В. 261
 Кушнарев А.П. 222
- Л**
 Лбова Е.М. 247
 Лесовиченко А.М. 275
 Лизунова И.В. 244, 247
 Личман Е.Ю. 188
 Лохонова Г.М. 57
 Любимов Р.В. 332
- М**
 Магомедова А.А. 23
 Мазурина Т.А. 190
 Мальцева Е.А. 275
 Малюков С.Г. 40
 Мареев Г.О. 218
 Мареев О.В. 218
 Матафонова Т.А. 25
 Медведева Н.И. 169
 Мелихов В.А. 289
 Мергалиев Д.М. 209, 212
- Н**
 Назын Ч.Д. 327
 Наumenко Л.С. 61
 Нгуен Х.Ф.В. 337
 Николаенко Г.И. 67
 Новичихина Т.И. 88, 92
- О**
 Обрубова А.В. 194
 Овсянникова О.А. 28
 Одинцев А.В. 225
 Оленина Г.В. 279
 Ондар В.С. 162
 Отаров А.А. 216
 Отаров А.А. 304
- П**
 Патрахина Т.Н. 293
 Перевезенцева Ю.С. 122
 Перервина И.М. 31
 Пец О.И. 171
 Плеханова Е.А. 124
 Полтева Т.И. 286
 Полякова Е.А. 256
 Попов С.В. 329
 Пузанов А.В. 311
 Пушкова Н.Б. 196
- Р**
 Робертус Ю.В. 332
 Родионова О.М. 335
 Ромашова О.В. 127
 Рыбникова Е.Е. 136
 Рясов А.А. 30, 3063
- С**
 Сайдумова К.Н. 141
 Семикопная Н.П. 26
 Сербина Н.С. 152
 Скопа В.А. 266, 268
 Соловьев Г.М. 175
 Столярчук И.А. 33
 Сутченкова О.С. 321
 Суюнова Г.С. 134
- Т**
 Тагильцева Н.Г. 70
 Тарасов Д.Ю. 42
 Таяновская И.В. 67
 Тимофеева Е.В. 96
- Тихоненко М.А. 143, 145**
Трубакина Н.В. 154
- У**
 Уваров Н.А. 301
 Урусова Н.П. 197, 200
 Успех Э.Р. 82
- Ф**
 Фёдоров Р.В. 218
 Федурлов Б.А. 76
 Фомина А.А. 84
 Фортунатов А.А. 37
- Х**
 Хаджиева М.Х. 278
 Харламов С.В. 296
- Ц**
 Цзя-ин Ма 158
- Ч**
 Чамзырын Е.Т. 146
 Чеджемов А.Ю. 250
 Чеджемов А.Ю. 308
 Чеджемов С.Р. 308
 Черёмкин И.М. 311
 Черепкова Е.В. 222
 Чернова М.А. 185
 Черняева Е.Н. 271
 Чухрова М.Г. 222
- Ш**
 Шамшер Аллам Мд .. 335
 Шептенко П.А. 99
 Шкапа Е.С. 149
 Шкуропацкая М.Г. 132
 Шпаковский М.С. 214
 Шунков А.В. 136
- Щ**
 Щекина В.В. 311
 Щербаков Ю.И. 3, 5
 Щербакова Е.К. 152
- Ю**
 Юровская О.Л. 204
 Юровских С.С. 178

Раздел 1

ПЕДАГОГИКА

Редактор раздела:

ЮННА ВАЛЕРЬЕВНА СОРОКОПУД – доктор педагогических наук, профессор каф. психологии и педагогики Московского института государственного управления и права (г. Москва)

УДК 371

Shcherbakov Yu.I. A DEPARTMENT AS A STRUCTURAL COMPONENT OF A SCHOOL: A NEW EDUCATIONAL CLUSTER. The article proves the necessity to improve the methodological and pedagogical approaches in educational activities for the preparation of future teachers by means of strengthening the practical orientation of the training in undergraduate programs of the specialty of "Psychological and pedagogical education". According to the author, one of the models that addresses issues of continuity of theory and practice in the educational development of students, is the creation of an educational cluster such as "School-University". The paper examines the experience of a department of Moscow State University n.a. M.A. Sholokhov.

Key words: educational cluster, bachelor's degree, interaction, networking of educational institutions.

Ю.И. Щербakov, д-р пед. наук, проф., зав. каф. МГГУ им. М.А. Шолохова, г. Москва,
E-mail: shcherbakov1937@gmail.com

КАФЕДРА НА БАЗЕ ШКОЛЫ – НОВЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР

В статье обосновывается необходимость совершенствования методологических и педагогических подходов в образовательной деятельности по подготовке будущих педагогов средствами усиления практической направленности подготовки в программах бакалавриата по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование». По мнению автора, одной из моделей, позволяющих решать вопросы преемственности теории и практики в образовательной деятельности по развитию обучающихся, является создание образовательного кластера «Школа-Вуз». Рассматривается опыт работы базовой кафедры МГГУ им. М.А. Шолохова.

Ключевые слова: образовательный кластер, бакалавриат, взаимодействие, сетевое взаимодействие образовательных организаций.

В настоящее время происходят активные изменения как в структуре управления и в содержании системы образования Российской Федерации. Это обусловлено различными обстоятельствами, в том числе и научными подходами к психолого-педагогическим технологиям в деятельности образовательных организаций.

В разных регионах России проводятся исследования, начинают работу экспериментальные площадки, преследующие цель приблизить образование, обучение и воспитание к требованиям, предъявляемым государством, обществом с учётом научного прогресса, инновационных технологий, образовательных программ на всех уровнях высшего и общего образования, на всех его уровнях: дошкольном, начальном, основном и в старшей школе.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования предполагает наличие у выпускников высших учебных заведений теоретических знаний, владение навыками профессионального мастерства и системой принципов личностно-ориентированного взаимодействия. Программы прикладного бакалавриата должны обеспечить получение прикладных квалификаций и удовлетворение потребности рынка труда в кадрах, обладающих профессиональными навыками и готовых приступить к профессиональной деятельности сразу после окончания вуза.

Будущий педагог образовательной организации должен уметь анализировать методическую литературу, проводить научно-исследовательскую работу, грамотно, интересно и рационально организовать воспитательно-образовательную работу

с детьми. В этой связи особое значение имеет практика в образовательных организациях, в ходе которой будущие педагоги применяют полученные научные знания на практике, понимая, принимая или отвергая различные теории и подходы и, что самое важное, осознают как выстраивать свой путь в профессии.

Совершенствование методологических и педагогических подходов в образовательной деятельности по подготовке будущих педагогов средствами усиления практической направленности подготовки в программах бакалавриата по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование» (Воспитатель), а также на основе сетевого взаимодействия образовательных организаций, реализующих программы высшего и общего образования, в том числе по программам магистратур.

Повышение качества образовательного процесса, формирования профессиональных компетенций у студентов и магистрантов, обучающихся по направлениям подготовки психолого-педагогическое образование профиль «Психология и педагогика дошкольного образования» (бакалавриат), «Педагогика дошкольного образования», «Управление в образовании» (магистратура), что позволяет создать условия для выполнения требований по направлениям подготовки в государственных образовательных стандартах для конкурентоспособности выпускников на рынке образовательных услуг.

Одной из моделей, позволяющих решать вопросы преемственности теории и практики в образовательной деятельности по развитию обучающихся, является создание образовательного кластера «Школа-Вуз», который реализован как базовая кафедра психолого-педагогического развития ГБОУ ВПО МГГУ

им. М.А. Шолохова в ГБОУ Школа № 1191 г. Москвы (директор Васильева С.И., заслуженный учитель РФ). На подготовительном этапе в оде многочисленных дискуссий и встреч сотрудников кафедры и педагогических работников Школы было определена необходимость создания координационного центра, которым стал Школьный научный центр «Успешное развитие для всех» (научный руководитель Щербаков Ю.И., д-р пед. наук, проф., заведующий каф. МГГУ им. М.А. Шолохова, руководитель Меркель Е.В., методист по научной работе ГБОУ Школа № 1191). Создание базовой кафедры позволяет обеспечить тесное взаимодействие ученых и практиков с целью обеспечения успешной образовательной деятельности по развитию обучающихся и студентов, психолого-педагогическому сопровождению, а также их профессиональному самоопределению. В тоже время базовая кафедра – это возможность научного подхода к организации образовательной деятельности в Школе, которая включает большой контингент участников образовательных отношений: обучающихся, их родителей, педагогических работников. Благодаря такой форме взаимодействия педагоги Школы могут обратиться к ученым по актуальным проблемам и обеспечить научные подходы при выстраивании индивидуальной траектории развития большого количества школьников. Ученые кафедры – активные участники семинаров, практикумов, тренингов с педагогическими работниками Школы в условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов общего и профессионального образования. Психолого-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих ребенка как в норме, так и с особенностями психического и физического развития, с использованием интегративных инновационных технологий» (Болотова Н.П., канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии МГГУ им. М.А. Шолохова. Интересно и творчески прошел семинар-практикум «Взаимодействие педагогов с детьми с учетом возрастных особенностей и имеющих трудности в обучении», (Корниенко Е.Е., старший преподаватель педагогического факультета МГГУ им. М.А. Шолохова. А 22 апреля 2014 года в Школьном научном центре прошла встреча представителей кафедры педагогики и психологии, магистрантов ГБОУ ВПО МГГУ им. М.А. Шолохова с администрацией и педагогическими работниками Школы № 1191, в которой участвовали представители кафедры педагогики и психологии Щербаков Ю.И., д-р пед. наук, проф., Атаева Л.И., канд. пед. наук, доцент, Величина В.М., д-р пед. наук, проф., Болотова Н.П., канд. психол. наук, доцент, Козилова Л.В., канд. пед. наук, доцент, Коротков И.В., канд. пед. наук, доцент, Макарова А.Н., канд. психол. наук, доцент, Пылаева В.С., канд. пед. наук, доцент, Сергеева М.В., ст. преп. В дискуссии активное участие приняла Балясникова Л.В., канд. психол. наук.

Одно из направлений взаимодействия – участие педагогических работников Школы в научно-практических конференциях, проводимых МГГУ им. М.А. Шолохова, так, Меркель Е.В. участвовала в межвузовской научно-практической конференции «Реформы российского образования и перспективы инновационных образовательных технологий» (29.04.2014 г.) и других, на которых были представлены результаты совместных научно-практических исследований в области педагогических технологий, технологии формирования гражданско-правовой культуры школьников.

Проведение совместных научных исследований под руководством сотрудников базовой кафедры МГГУ им. М.А. Шолохова в Школе с целью анализа и представления проектов решения проблем психолого-педагогического сопровождения образовательной деятельности с обучающимися является важным механизмом построения научно-обоснованной программы развития и образовательной программы, что позволяет обеспечить успешное развитие всех участников образовательных отношений, что предусматривают образовательные стандарты.

В следующем учебном году Планом-графиком предусмотрены семинары-практикумы, тренинги по актуальным вопросам образовательной деятельности как со студентами, так и с педагогическими работниками, совместные круглые столы по обеспечению преемственности. Важной формой сотрудничества являются индивидуальные и групповые консультации сотрудников кафедры во главе с проф. Щербаковым Ю.И., проводимые для школьников, их родителей, педагогов, позволяющий обеспечить научный подход к образованию и воспитанию.

Особое место в работе занимает повышение квалификации педагогических работников Школы. Группа педагогов, руко-

водителей структурных подразделений Школы № 1191 обучаются на кафедре психолого-педагогического сопровождения по программе «Менеджмент в образовании», в последующем группа педагогов планирует обучаться по программе «Управление в образовании», что позволит продолжить работу по повышению квалификации, а в дальнейшем, через 2-3 года, возможно формирование еще одного направления работы базовой кафедры – проведение на регулярной основе программ повышения квалификации педагогических работников и других категорий с выдачей сертификатов и свидетельств государственного образца по актуальным направлениям психолого-педагогического сопровождения образовательной деятельности с обучающимися. При этом базовая кафедра может взять на себя разработку учебных курсов, подготовку программ и учебных пособий, предоставить опытных экспертов-преподавателей для чтения лекций и проведения занятий. ГБОУ Школа №1191 готова предоставить для проведения занятий помещения и оборудование в соответствии с Договором.

Нами запланированы семинары-практикумы по вопросам реализации ФГОС дошкольного и основного общего образования, изучение инновационных методов и приемов образовательной деятельности, педагогические исследования, позволяющие обеспечить успешное развитие каждого.

Представители кафедры являются также членами жюри Школьного фестиваля «Образовательных идей и успехов», на котором обучающиеся, начиная от дошкольников до старшей школы, и педагоги представляют общественности свои достижения и находки, совместно участвуя в исследованиях и их описании.

Участие ученых в Днях открытых дверей в Школе позволяет обучающимся и их родителям более подробно, что называется «из первых уст» узнать о направлениях подготовки на кафедре и в МГГУ им. М.А. Шолохова, узнать о различных структурах организации студенческой жизни. В тоже время обучающиеся и педагоги Школы № 1191 являются также активными участниками Дней открытых дверей в Университете, что позволяет погрузиться в научные проблемы, организовать общение со студентами, преподавателями и способствует профессиональному самоопределению.

В течение всего учебного года студенты, ученые, обучающиеся школы проводят исследования, участвуют в экспериментальной и инновационной деятельности, результаты которой представляют на совместной научно-практической конференции с участием представителей кафедры психолого-педагогического сопровождения и Школьного научного центра, социальных партнеров Школы.

Результатом работы базовой кафедры МГГУ им. М.А. Шолохова, по замыслу организаторов, должно стать:

- создание разработки и апробация модели организации педагогической практики и научно-исследовательской работы студентов, обучающихся по направлениям подготовки психолого-педагогического образования (бакалавриата и магистратуры), усиление практической направленности подготовки, повышение конкурентоспособности выпускников на рынке труда;
- психолого-педагогическое сопровождение учебного процесса в образовательной организации, что позволит выявить проблемы, связанные с образованием, наметить пути их решения, а в конечном итоге – повысить уровень качества знаний обучающихся; повышение квалификации педагогических работников образовательных организаций, взаимодействующих с кафедрой на основе договоров с выдачей сертификатов, удостоверений и иных документов;
- возможность проведения констатирующего и контрольного этапов опытно-экспериментальной работы студентов, повышение качества проведения научного исследования;
- творческое развитие личности студента, реализация его интересов (реализация программ внеурочной деятельности и дополнительных предпрофессиональных и общеразвивающих программ) сопровождение его деятельности в соответствии с современными требованиями к воспитательно-образовательному процессу в образовательной организации, в том числе, в системе дополнительного образования;
- обеспечение оптимизации процесса взаимодействия ученых и педагогов-практиков по созданию комфортной психолого-педагогической среды развития; участие в разработке Основной образовательной программы общего образования и Программы стратегии развития Школы путем научных исследований

и описания основных направлений образовательной деятельности Школы, Школьного научного центра со всеми участниками

ми образовательных отношений: обучающихся, их родителей, педагогических работников и иных категорий.

Статья поступила в редакцию 21.08.14

УДК 37.02

Shcherbakov Yu.I. PSYCHO-PEDAGOGICAL BASES OF FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE IN THE MODERN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS. The article proves the importance of extracurricular activities for the formation of ecological culture of younger pupils in modern educational institutions. The work identifies important issues to create a single educational process aimed at the development of conscious attitude of children to nature: the lack of time allocated in the curriculum to study the surrounding world, the competence of a teacher in the organization of educational process on formation of ecological culture of younger students. The author proposes a solution to the problem through the organization of extracurricular activities.

Key words: junior schoolchildren, ecological culture, extracurricular work, competence of a teacher.

Ю.И. Щербаков, д-р пед. наук, проф., зав. каф. МГГУ им. М.А. Шолохова, г. Москва,
E-mail: shcherbakov1937@gmail.com

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В статье обосновывается значимость внеклассной работы для формирования экологической культуры младших школьников в современных образовательных организациях. Выявляются важные проблемы по созданию единого педагогического процесса направленного на формирование осознанного отношения детей к природе: дефицит времени, отводимый в учебном плане на изучение окружающего мира, компетентность педагога при организации образовательно-воспитательного процесса по формированию экологической культуры младших школьников. Автор предлагает решение проблемы через организацию системы внеклассной работы, обладающую целым рядом преимуществ.

Ключевые слова: младший школьник, экологическая культура, внеклассная работа, компетентность педагога.

В настоящее время в современном мире важно не просто жить, уделяя внимание возможным экологическим проблемам, но также иметь высокую экологическую культуру, которая рассматривает проблему защиты окружающей среды как одну из высших ценностей.

В связи с этим, становится понятным, что формирование и развитие экологической культуры должно начинаться с детства и проходить на протяжении всей жизни и этот вопрос уже давно перерос из педагогической проблемы в проблему, от решения которой зависит выживание человечества [1-3].

В области образования и воспитания личности главным критерием становится создание всесторонне развитой личности, которая должна жить в гармонии с окружающим миром и самим собой, действовать в рамках экологической необходимости. Осознание человеком неотъемлемости от окружающего мира, единства с природой, ответственностью за существование жизни планеты является уровнем экологической культуры [4].

Процесс формирования экологической культуры связан с приобретением и наращиванием знаний, опыта, передач их из поколения в поколение в виде нравственных императивов. Однако эмоциональное отношение, умение воспринимать и взаимодействовать с природным миром – это итог воспитания, в процессе которого происходят изменения в сознании человека представления о приоритете человека над природой и формирование нового мироощущения, способствующего восприятию природы и человека во взаимной связи и зависимости.

В следствии это современная школа требует качественно-го изменения системы образования, что связано с внедрением новых моделей, способствующих развитию экологической культуры начиная с младших школьников; применением альтернативных методик её развития в соответствии с современной парадигмой экологического образования и воспитания [5].

Нужно отметить, что система внеклассной работы обладает целым рядом преимуществ: меньшая формализованность мероприятий; исследовательская направленность деятельности в отличие от классно-урочной системы, где большинство заданий носят репродуктивный характер; строгое следование интересам воспитанников, предоставление им современной информации, не связанной жесткой программой (стандартом); дове-

дительность в отношениях детей и взрослых; мотивация детей на саморефлексию в общении с природой; возможностью привлечения широкого спектра профильных учреждений из системы дополнительного образования. Постановка развития экологической культуры в таких условиях позволяет значительно расширять знания, развивать направленность экологической деятельности, является созидательной и социально-значимой.

Важной проблемой по созданию единого педагогического процесса направленного на формирование осознанного отношения детей к природе является дефицит времени, отводимый в учебном плане на изучение окружающего мира, что успешно может решаться в значительной мере в системе внеклассной работы.

Однако, было бы опрометчиво полагать, что младший школьный возраст однозначно предрасположен к усвоению лишь позитивных влияний экологического характера. Общая сензитивная обостренность может быть притуплена и даже приглушена в зависимости от целого ряда негативных явлений общественной и индивидуальной жизни: урбанизация, отдаляющая человека от естественной среды обитания; информатизация, приводящая к отсутствию у человека, тем более ребенка, возможности сконцентрироваться на собственных чувствах, переживаниях, ощущениях, сформировать свое мнение и т.д.

Представляя собой совокупность различных видов деятельности и обладая широкими возможностями воспитательного воздействия на ребенка, внеклассная работа содействует разностороннему раскрытию индивидуальных особенностей, которые не всегда удается выявить на уроке: включению в различные виды деятельности, что позволяет существенно обогатить личный опыт ребенка, его знания о разнообразии социальной жизни, привить необходимые практические умения и навыки. Возможность проявить себя в различных видах деятельности создает благоприятные условия для самореализации ребенка, повышения его самооценки, уверенности в себе, то есть положительного восприятия самого себя.

Таким образом, внеклассная воспитательная работа обеспечивает необходимые условия для социализации личности ребенка, в том числе для повышения уровня его экологической культуры.

Рассматривая новые ориентиры образования, предполагающие на выходе из школы всесторонне развитого и мыслящего выпускника [6], можно сделать вывод, что задачи экологического воспитания требуют более тщательного изучения и предполагают создание и реализацию воспитательно-образовательной модели, основанной на:

- создании в педагогическом коллективе осознания значимости экологических проблем как и патристического, духовного, здоровьесберегающего и других направлений;
- разработке условий, обеспечивающих в воспитательном процессе экологической культуры у младших школьников во внеклассной работе;
- осуществлении систематической работы с детьми в рамках как традиционных, так и инновационных технологий, их интеграцию;
- систематической работе с родителями, привлечении их к совместной деятельности с детьми, а главной задачей в современной образовательной организации должна быть готовность педагога формировать основы экологической культуры обучающихся и являться сильной стороной их профессиональной деятельности.

А.В. Хуторской в своих трудах говорил о том, что «педагог должен быть компетентным, так как он в данном случае является носителем экологической культуры. А компетентность – это качество личности, предполагающее владение человеком определенной совокупностью знаний, умений, навыков, способов деятельности, т. е. компонентов экологической культуры, необходимых для эффективного выполнения деятельности по отношению к определенному кругу процессов» [7].

Педагог, осуществляющий процесс формирования экологической культуры, должен сочетать в себе необходимые нравственные качества, способность к творческой организации педагогического процесса, высокий уровень эрудированности в вопросах экологического воспитания и организации различных форм внеурочной деятельности, знание современных образовательных технологий в области воспитания, ориентироваться в экологической обстановке в России и основных направле-

ниях государственной политики в области охраны природы, уметь анализировать и обобщать передовой педагогический опыт в области воспитания экологической культуры, диагностировать результативность общения в процессе экологической деятельности, обладать общими педагогическими способностями, относиться к природе как ценности, стремиться повышать уровень экологической культуры, т.е. быть готовым к решению задач экологического образования и воспитания школьников [7]. Для того чтобы педагогическая система формирования экологической культуры работала успешно, необходимо совершенствовать культуру учителя, обогащать его знания в области природы, экологических проблем. Этому способствует проведение конференций, круглых столов, заседаний методических объединений учителей-предметников и классных руководителей.

Эффективность воспитания экологической культуры у учащихся во многом обусловлена тем, насколько экологические ценности воспринимаются педагогом как жизненно необходимые и какие мотивы им движут в работе с детьми. Если учитель в своей деятельности руководствуется мотивом «вынужден», то эффект следует ожидать низкий, если же он движим мотивом «хочу» или «не могу иначе», то и результативность воспитания экологической культуры возрастает. Реализация этого условия предполагает насыщенность содержания педагогического процесса, разнообразие форм, средств и методов организации деятельности, плодотворность взаимодействия в среде единомышленников, систематичность и действенность способов мониторинга экологических знаний, умений и навыков детей.

Для педагога целью формирования экологической культуры является одновременно выполнение заказа общества и организация природосообразной воспитательной среды, комфортной для ребенка. Система целеполагания реализуется посредством формирования общественно признанных одобряемых знаний, умений и навыков (выполнение социального заказа) и организации форм воспитательной работы, вызывающих интерес школьников, для успешного участия в которых ребенок должен обладать все теми же знаниями и умениями, разделять и опираться в деятельности на ценности, принятые в коллективе.

Библиографический список

1. Гайнуллова, Ф.С. Формирование экологической компетентности у будущих учителей начальных классов в условиях вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2004.
2. Глазачев, С.Н. Социология духовной жизни как методология экологического образования / С.Н. Глазачев, О.Н. Козлова // Вестник МГОПУ им. М.А. Шолохова. – 2004. – № 1. – Сер.: Экопедагогика.
3. Дерябо, С.Д. Экологическая педагогика и психология / С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин. – Ростов-на-Дону, 1996.
4. Пазова, Р.И. Экологическая культура – основа экологического образования // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 2.
5. Симонова, Л.П. Экологическое образование в начальной школе: учеб. пособ. для студ. сред. пед. заведений. – М., 2000.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования Приказ Минобрнауки России от 06 октября 2009 г. № 373, в ред. приказов от 26 ноября 2010 г. № 1241, от 22 сентября 2011 г. № 2357 [Э/р]. – Р/д: <http://минобрнауки.рф/>
7. Хуторской, А.В. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования / А.В. Хуторской, Л.Н. Хуторская // Проектирование и организация самостоятельной работы студентов в контексте компетентностного подхода: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. А.А. Орлова. – Тула, 2008. – Вып. 1.
8. Щербakov, Ю.И. Методические разработки внеклассных мероприятий в начальной школе. – М., 1997.

Bibliography

1. Gaynullova, F.S. Formirovanie ehkologicheskoy kompetentnosti u budutikh uchiteley nachalnihkh klassov v usloviyakh vuza: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – M., 2004.
2. Glazachev, S.N. Sociologiya dukhovnoy zhizni kak metodologiya ehkologicheskogo obrazovaniya / S.N. Glazachev, O.N. Kozlova // Vestnik MGOPU im. M.A. Sholokhova. – 2004. – № 1. – Ser.: Ehkopedagogika.
3. Deryabo, S.D. Ehkologicheskaya pedagogika i psikhologiya / S.D. Deryabo, V.A. Yasvin. – Rostov-na-Donu, 1996.
4. Pazova, R.I. Ehkologicheskaya kul'tura – osnova ehkologicheskogo obrazovaniya // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2009. – № 2.
5. Simonova, L.P. Ehkologicheskoe obrazovanie v nachalnoy shkole: ucheb. posob. dlya stud. sred. ped. zavedeniy. – M., 2000.
6. Federal'niy gosudarstvenniy obrazovatel'niy standart nachalnogo obshchego obrazovaniya Prikaz Minobrnauki Rossii ot 06 oktyabrya 2009 g. № 373, v red. prikazov ot 26 noyabrya 2010 g. № 1241, ot 22 sentyabrya 2011 g. № 2357 [Eh/r]. – R/d: <http://minobrnauki.rf/>
7. Khutorskoy, A.V. Kompetentnost' kak didakticheskoe ponyatie: sodержanie, struktura i modeli konstruirovaniya / A.V. Khutorskoy, L.N. Khutorskaya // Proektirovanie i organizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov v kontekste kompetentnostnogo podkhoda: mezhvuz. sb. nauch. trudov / pod red. A.A. Orlova. – Tula, 2008. – Vihp. 1.
8. Therbakov, Yu.I. Metodicheskie razrabotki vneklassnikh meropriyatiy v nachalnoy shkole. – M., 1997.

Статья поступила в редакцию 22.08.14

УДК 37.022

Barancheyev O.L., Ivashchenko Ye.N. INFORMATION SYSTEMS IN THE IMPLEMENTATION OF THE MODEL OF TEACHING SCIENCE TO STUDENTS IN MILITARY SCHOOLS OF MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA. The article presents the experience of application of computerized educational-methodic complex in the educational process at Novosibirsk military Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, based on the conceptual, normative and guidance documents.

Key words: information technologies, models of learning technologies, computerized computer science textbook, educational and methodical complex, technology education.

О.Л. Баранчев, канд. пед. наук, проф. каф. «Информатики и математики», Новосибирский военный институт ВВ МВД России, г. Новосибирск, E-mail: OLxovic@ngs.ru;

Е.Н. Иващенко, канд. физ.-мат. наук, проф. каф. математики и информатики НВИ ВВ МВД России, г. Новосибирск, E-mail: ien1234@ngs.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИКЕ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ ВВ МВД РОССИИ

В статье обоснована необходимость работы по внедрению в образовательный процесс новых информационных технологий. Рассматривается опыт Новосибирского военного института ВВ МВД России, где на основе концептуальных, нормативно-правовых и документов в получили распространение тренажеры на базе персональных компьютеров для обучения основам стрельбы, вождению боевой техники, работе со средствами связи, при изучении криминалистики отрабатываются навыки создания «фотороботов». Представлен опыт применения компьютеризированного учебно-методического комплекса в образовательный процесс в Новосибирском военном институте ВВ МВД России на основе концептуальных, нормативно-правовых и руководящих документов.

Ключевые слова: информационные технологии, модели технологии обучения, компьютеризированный учебник по информатике, учебно-методический комплекс, технология обучения.

Информатика в военных институтах внутренних войск изучается как самостоятельный раздел дисциплины «Информатика и математика». На основе концептуальных, нормативно-правовых и руководящих документов в Новосибирском военном институте ВВ МВД России проводится работа по внедрению в образовательный процесс новых информационных технологий. Распространение получили тренажеры на базе персональных компьютеров для обучения основам стрельбы, вождению боевой техники, работе со средствами связи, при изучении криминалистики отрабатываются навыки создания «фотороботов». Моделирование различных ситуаций, возникающих при выполнении служебно-боевых задач, выполняется в компьютеризированном классе управления боем. Одно из новых направлений информатизации в НВИ ВВ МВД России – использование геоинформационных данных и технологий.

В работе под технологией обучения понимается системное конструирование процесса обучения, которое включает этапы проектирования, реализации, экспертизы [1]. Проектирование технологии обучения включает в себя разработку модели с подробным описанием основных блоков, их взаимодействия, необходимыми методами, средствами обеспечения. Структурно модель разработанной нами технологии представлена на рис. 1. Процесс обучения, согласно разработанной технологии состоит из подготовительной части, основной и заключительной.

В ходе подготовительной части проводятся мероприятия, касающиеся организационных аспектов, определяются конкретные цели обучения – основная и промежуточные. Основное внимание в подготовительной части уделяется разработке тематического плана, определяется одна или несколько учебных целей, контрольные вопросы.

На представленной структурной схеме модели (рис. 1) для примера показано, что на занятии изучается один, два или три учебных вопроса (УВ1, УВ2 и УВ3), и учебная цель каждого занятия разбивается на несколько миницелей. Предложенная модель обучения учитывает специфику обучения в военном вузе.

Структурно разработанный нами учебно-методический комплекс с использованием информационных систем (УМКИС) состоит из:

1. Информационных средств обучения, к которым относятся средства, использующие новые информационные технологии.

2. Программного обеспечения комплекса, среди которого основное место занимает тематический компьютеризированный учебник по информатике и система контроля знаний.

3. Методического обеспечения обучения информатике с использованием рассматриваемого комплекса.

Одним из основных средств УМКИС является тематический компьютеризированный учебник по информатике и системе контроля.

При разработке тематического компьютеризированного учебника по информатике учитывались:

- нормативно-правовые документы обучения информатике в Новосибирском военном институте ВВ МВД России;
- особенности образовательного процесса военного вуза;
- учебно-материальная база НВИ ВВ МВД России.

Основные направления использования разработанного тематического компьютеризированного учебника по информатике:

- при проведении всех видов занятий по информатике;
- для дальнейшего самообразования по отдельным темам информатики курсантов и офицеров;
- подготовке к проведению занятий начинающих преподавателей.

Тематический компьютеризированный учебник содержит: учебный материал, сгруппированный по изучаемым темам; задания для выполнения практических задач; методический материал, библиографический список литературы по изучению информатики; теоретические вопросы и задачи, выносимые на зачет и экзамен.

Среди достоинств используемой технологии стоит отметить структурированность учебника по темам и учебным вопросам, простоту использования. Используемая при разработке учебника HTML-технология позволяет оперативно обновлять содержание учебника.

В разработанном учебно-методическом комплексе с использованием информационных систем в качестве технологической основы для проведения текущего контроля выбрано стандартное программное обеспечение УТС. При этом целью текущего контроля должна быть не только оценка знаний курсанта, но и помощь в организации самостоятельного изучения учебного материала.

Вопросы могут быть нескольких типов: одиночный и множественный выбор; соответствие; с ключевыми словами; с ответом, содержащим последовательность действий. Во время работы курсантов с тестирующей программой преподаватель имеет возможность наблюдать на экране своего компьютера процесс их ответов. По окончании ответа курсант получает результаты, которые фиксируются и запоминаются в электронном журнале. По результатам контроля курсант получает оценку и ему

даются рекомендации по самостоятельному дополнительному изучению отдельных тем.

Анализ литературы позволил предложить классификацию средств обучения по их информационно-техническому виду. Следуя такой классификации, к информационным средствам обучения будем относить как традиционно используемые средства, так и электронные, в том числе и компьютерные (вычислительные) средства (рис. 3).

Разработанный компьютеризированный учебник по информатике, входящий в состав УМКИС, позволяет преподавателю в ходе занятия ссылаться на необходимые теоретические основы изучаемого материала, демонстрировать графический мате-

риал, использовать учебник в качестве справочного пособия, самостоятельно изучать теоретический материал. Используя в качестве теоретической основы концепцию личностно-ориентированного обучения, разработана модель технологии обучения с применением информационных систем, учебно-методического комплекса.

Положительный эффект от использования разработанного учебно-методического обусловлен взаимосвязью структурированного учебного материала и результатов проведения контроля, управлением и самоуправлением индивидуальной учебной деятельностью курсанта.

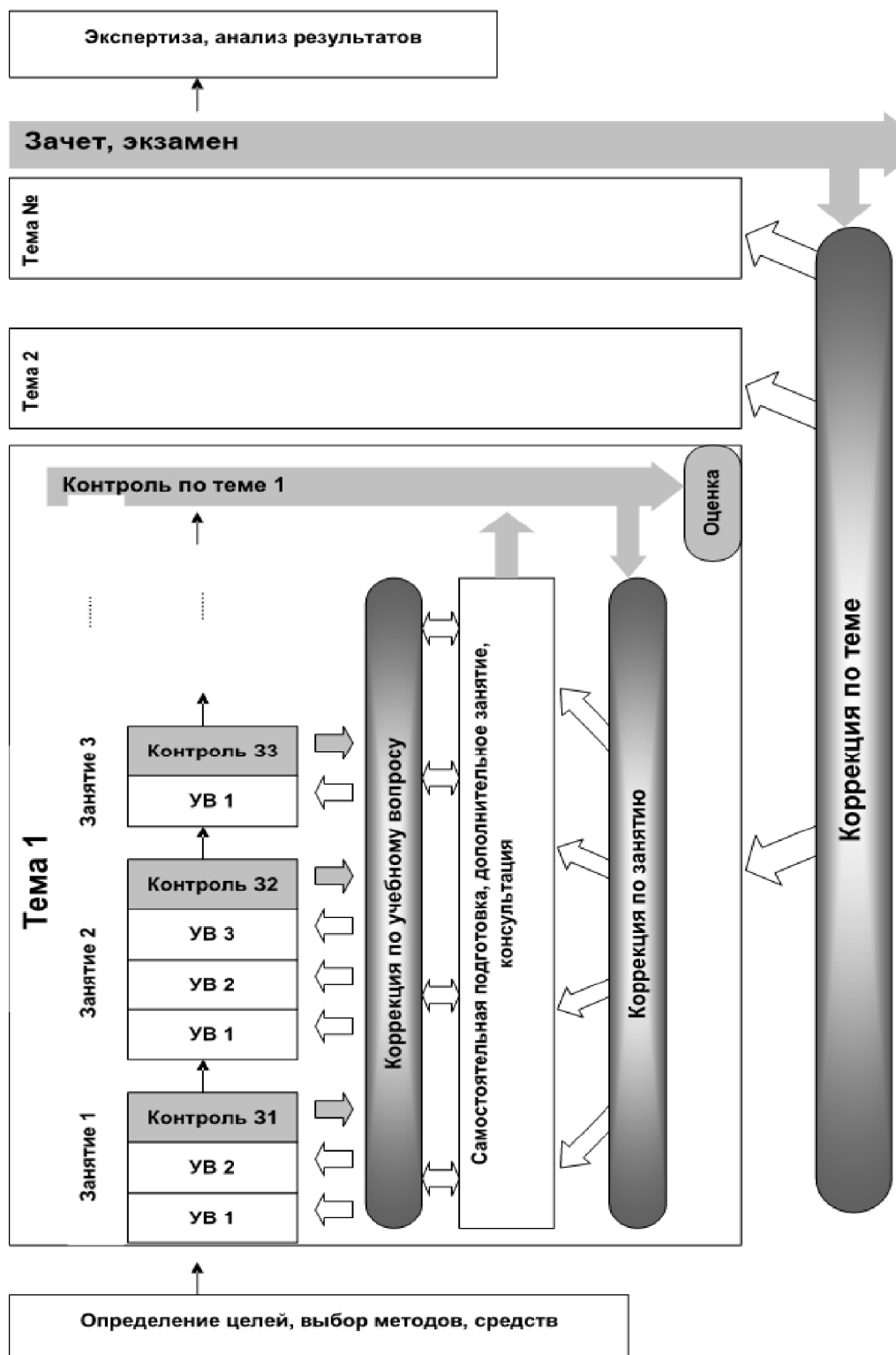

Рис. 1. Модель технологии обучения информатике

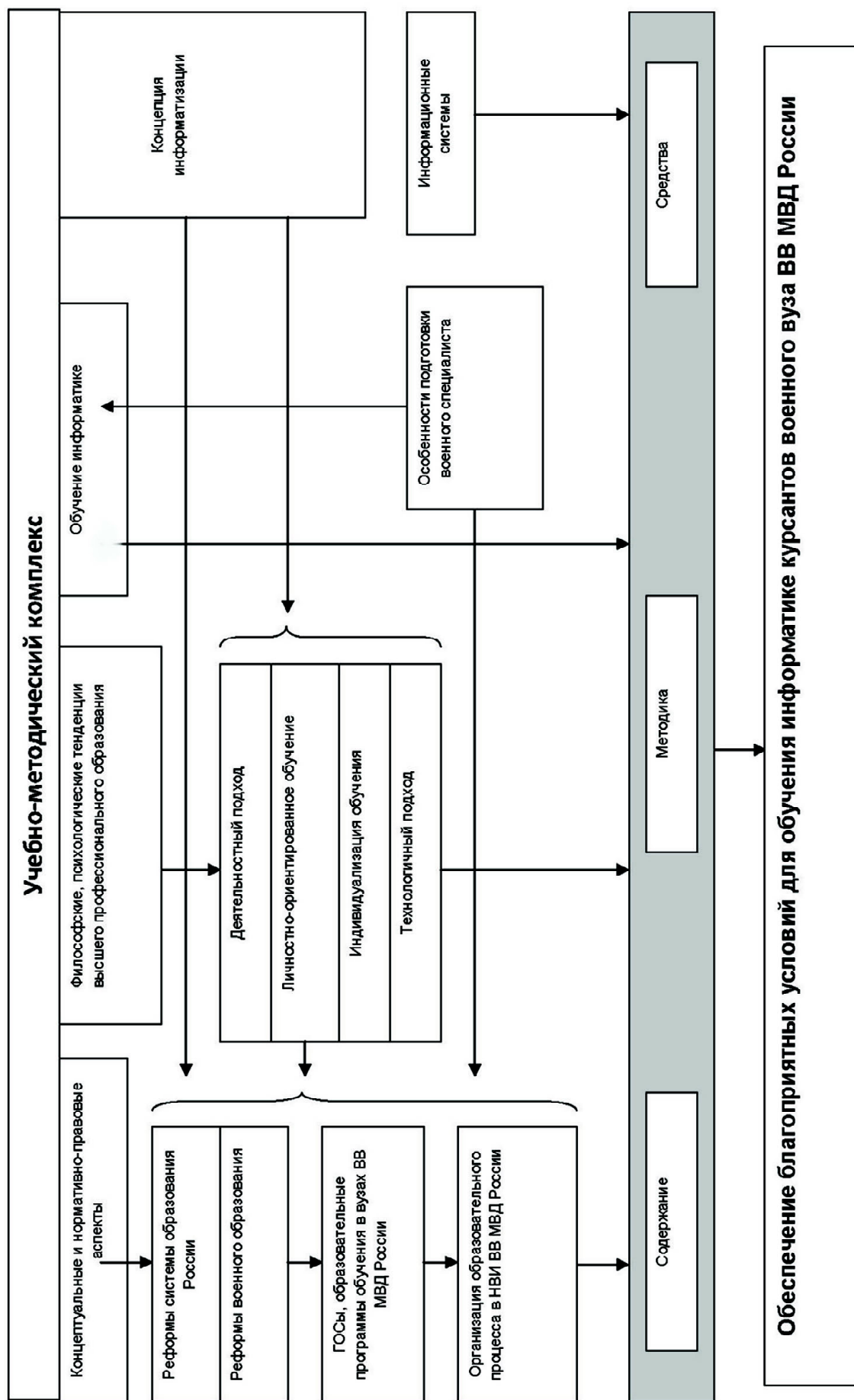

Рис. 2. Структура учебно-методического комплекса

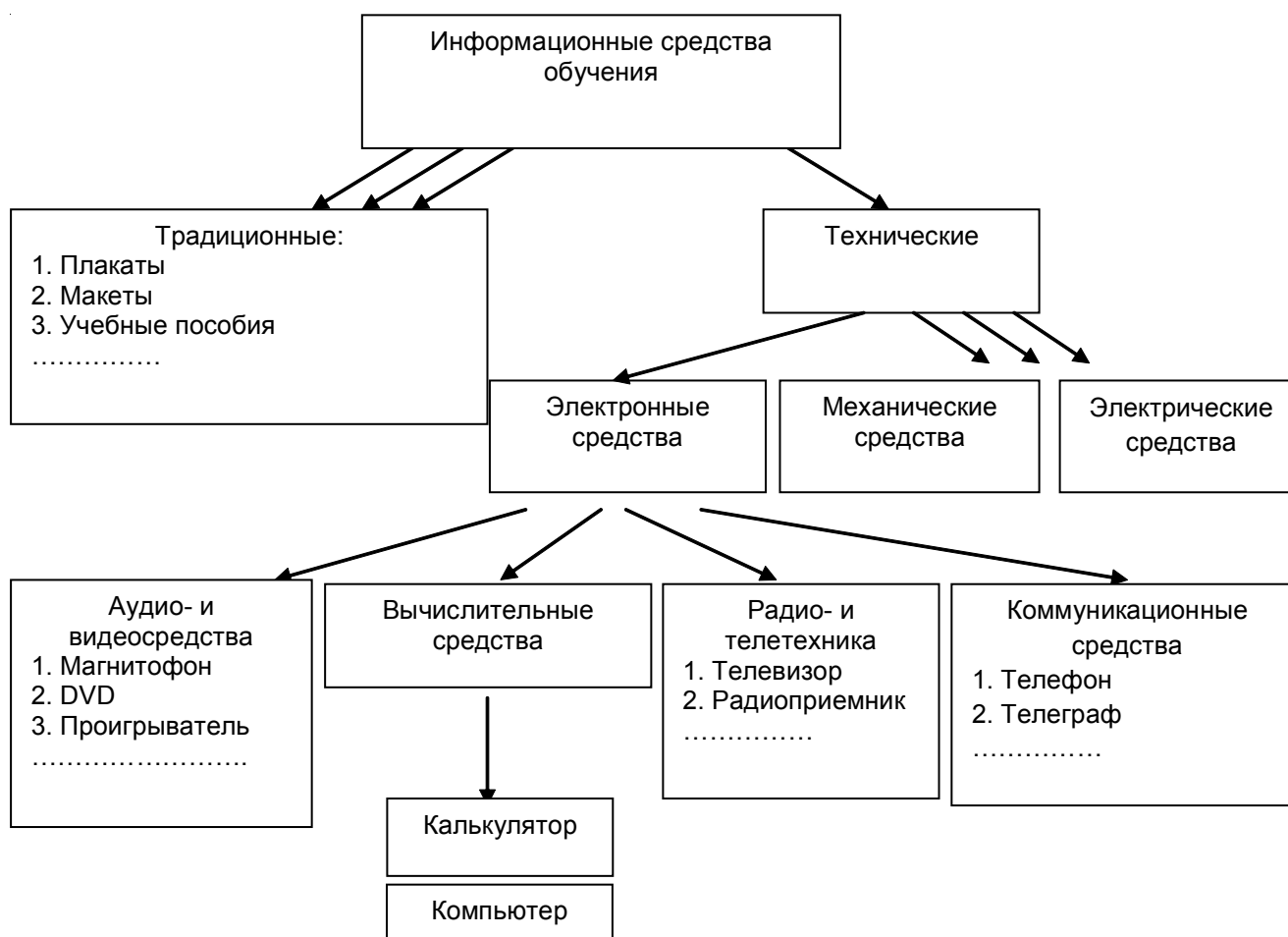

Рис. 3. Иерархия информационных компьютерных средств обучения.

Библиографический список

1. Барабанчиков, А.В. Основы военной психологии и педагогики. – М., 1988.

Bibliography

1. Barabanthikov, A.V. Osnovih voennoy psikhologii i pedagogiki. – М., 1988.

Статья поступила в редакцию 05.08.14

УДК 376

Beloborodova N.S., Mirzahanova Ye.S. THE FEATURES OF SOCIALIZATION OF STUDENTS WITH DEVIANT BEHAVIOR. In this article on the basis of the detailed theoretical analysis of the problem and results of practical and experimental work, the authors revealed and proved the methods, which are the most effective in the process of socialization of personality including deviant behavior. Having respect to the analysis of methods and techniques of the impact on deviation, the authors developed their own program for the studies in extracurricular classes and in a special additional educational course.

Key words: socialization, deviant behavior, education, work, family, economic education.

Н.С. Белобородова, д-р пед. наук, проф., зам. директора по воспитательной работе и социальным вопросам Бирского филиала Башкирского гос. университета, г. Бирск, E-mail: belo-nelya@yandex.ru;
Е.С. Мирзаханова, преп. Бирского многопрофильного профессионального колледжа г. Бирск, E-mail: ew.mirzahanowa2011@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ, ИМЕЮЩИХ ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Авторы обосновывают необходимость формирования компетенций, которые помогут человеку реализовать себя в обществе и адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям жизни, называют факторы социализации. В статье на основе подробного теоретического анализа проблемы и результатов опытно-экспериментальной работы выявлены и обоснованы методы, которые являются наиболее результативными в процессе

социализации личности, в том числе обладающей девиантным поведением. Исходя из анализа методов и приемов воздействия на девиацию, авторами были разработаны программы кружка и специального курса.

Ключевые слова: социализация, девиантное поведение, воспитание, труд, семья, экономическое воспитание.

На протяжении многих лет наблюдаются изменения в различных аспектах нашей жизни: будь то духовная, научная, экономическая, социальная, нравственная сфера. Данные изменения, по нашему мнению, затрагивают не только общество, но и каждую личность. Для того чтобы человек стал самодостаточной личностью, ему необходимо предоставить тот набор компетенций, который поможет реализовать себя в обществе и адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям жизни.

Как известно, одним из таких процессов воздействия на личность является процесс социализации. Под социализацией нами понимается процесс, посредством которого индивидом усваиваются нормы его группы таким образом, что через формирование собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности [1]. На наш взгляд, сущность данного процесса состоит в том, что личность развивается, интегрируется и самоопределяется в результате адаптации к социуму.

Необходимо отметить тот факт, что личность социализируется и развивается под воздействием различных условий. Данные условия принято называть факторами социализации. Ученый в области социальной педагогики Мудрик А.В. выделяет следующие факторы социализации:

- мегафакторы – планета, космос, мир;
- макрофакторы – страна, этнос, общество, государство;
- мезофакторы – местность, тип поселения, средства массовой информации;
- микрофакторы – окружающий социум, воспитательные институты [2].

Итог воздействия данных факторов и агентов социализации (лиц, которые находятся в непосредственном контакте с личностью) – личность, которая становится не только объектом, но и субъектом общественных отношений. Социализация протекает в положительном направлении при условии, если происходит процесс развития личности. Как известно, становление личности в процессе социализации происходит поэтапно. Ученые выделяют этапы социализации в зависимости от отношения к трудовой деятельности:

- дотрудовой – до начала трудовой деятельности;
- трудовой – период зрелости;
- послетрудовой – пожилой возраст.

Необходимо отметить, что особенно интенсивно процесс социализации протекает на первом этапе, так как именно на данном этапе закладывается эмоциональная сфера, нравственные качества, формируется мировоззрение и духовная сфера личности.

Проанализировав различные статистические данные за последние несколько лет, мы пришли к выводу, что в последнее время среди подрастающего поколения прослеживается тенденция к утрате навыков нравственного поведения, появляются различные отклонения в поведении – девиация. Под отклоняющимся или девиантным поведением понимается система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали [3]. Следует отметить, что особенность девиантного поведения заключается в том, что оно разрушает личность и наносит колоссальный вред окружающим. Но здесь назревает такой вопрос: «В результате чего возникают данные отклонения?» На основе проведенного анализа на данный вопрос можно ответить тем, что девиантное поведение – это результат де-социализации личности и выделить такие факторы, как биологические (наследственность и индивидуальные особенности личности), социальные (окружающая обстановка) и психологические (психическое состояние личности), а также выделить ряд обстоятельств, способствующих появлению девиации:

- неблагополучная семья;
- непонимание окружающих;
- слабая эмоциональная сфера личности;
- свободное время;
- неуверенность в себе;
- отсутствие материальной поддержки;
- повышенный контроль со стороны семейного и образовательного института.

В результате влияния данных факторов и выделенных предрасполагающих обстоятельств возникают ситуации, которые способствуют отклонению в развитии и создают предпосылки для возникновения и проявления девиантного поведения.

Таким образом, на сегодняшний день перед нами возникает проблема – как правильно организовать процесс социализации, чтобы личность, в том числе обладающая девиантным поведением, смогла адаптироваться к реалиям нашего времени и самореализовать себя в обществе.

Анализ литературы и наши наблюдения позволяют нам сделать следующий вывод – ключевую роль в процессе социализации играет воспитание. Воспитание как педагогический процесс предполагает определенным образом педагогически организованное взаимодействие воспитателя и воспитанника, их совместное движение в системе социальной жизни, событий, явлений, переживаний и опыта [4]. Через процесс воспитания происходит развитие личности, то есть личность изменяется, совершенствуется, приобретает определённые знания, умения и навыки, вырабатываются ценностные ориентиры. Воспитание – часть процесса социализации. Именно при помощи набора воспитательных средств и применения различных приемов воспитания происходит социализация личности.

В условиях опытно-экспериментальной работы нами было выявлено, что предметом социализации личности обладающей девиантным поведением является трудовое, семейное и экономическое воспитание.

У сегодняшних подростков отсутствует положительная мотивация к труду, ориентация в экономическом пространстве, нет чётких представлений об основных экономических понятиях, которые связаны с семьей и непосредственно с экономикой в целом, более того, подростки, обладающие девиантным поведением, не могут дать чёткую оценку своим экономическим действиям. Сегодня обществу нужна личность, обладающая следующими качествами: организованностью, ответственностью, бережливостью, трудоспособностью, экономичностью. Личность способная адаптироваться к реалиям нашего времени и реализовать себя в профессиональной и непрофессиональной сферах своей жизни. Поэтому мы пришли к выводу, что выше перечисленные методы являются наиболее результативными в процессе социализации личности, в том числе, обладающей девиантным поведением. Так как их можно интегрировать и реализовывать в процессе социализации личности обладающей девиантным поведением средствами экономического воспитания по направлениям:

- труд;
- экономика;
- семья.

Трудовое воспитание является одним из ключевых компонентов экономического воспитания в процессе социализации девиантного поведения, так как труд есть сознательная, целесообразная, созидательная физическая или интеллектуальная деятельность человека, направленная на удовлетворение его материальных и духовных потребностей, развивающая его физические и духовные сущностные силы [5].

Задачами в системе нашего исследования являются:

- формирование положительной мотивации к трудовой деятельности;
- воспитание потребности в труде;
- формирование нравственных качеств личности, таких как ответственность, честность и целеустремлённость;
- воспитание культуры труда.

Реализация данного метода организуется:

- в умственном труде, который организуется в рамках учебной деятельности и дополнительного образования через организацию кружковой работы;
- в производственном труде – обучающиеся с девиантным поведением вовлекаются в работу производственных бригад или в рамках учебной деятельности в работу малых производственных предприятий;
- в общественно полезном труде, который осуществляется через различные акции, субботники.

В процессе экономического воспитания происходит:

- усвоение социально-экономических ролей, например: про-
давец, налогоплательщик, работника, потребителя, собствен-
ника, работодателя;
- формирование основных экономических понятий, таких
как деньги, товар, рынок, цена, банки, реклама;
- воспитание экономических качеств личности: бережли-
вость, экономичность, расчётливость и предприимчивость;
- формирование личных экономических интересов.

Согласно основной идеей темы нашего исследования об-
разовательную основу данного направления составляют кружки
экономической направленности и специальные курсы.

Семейное воспитание является структурным компонентом
в системе «Труд – экономические знания – семья». Реализация
данного метода направлена на формирование семейных цен-
ностей личности:

- формирование основных экономических понятий, которые
неразрывно связаны с семьёй – семейный бюджет, доходы
и расходы семьи, страхование, коммунальные услуги;
- использование приобретенных знаний, умений, и навы-
ков в практической деятельности;
- формирование экономических норм, которые способству-
ют формированию экономических навыков;
- воспитание культуры семейных отношений;
- формирование разумных потребностей личности.

Исходя из анализа методов и приемов воздействия на де-
виацию, нами были разработаны авторская программа кружка
и авторская программа специального курса.

Авторская программа кружка «Я вхожу в мир экономики»
может быть использована как в системе школьного дополнитель-
ного образования, так и в системе среднего профессионального
образования. Огромное место в данной программе отводится
воспитанию экономически образованного человека, который
способен совершать грамотные и рациональные экономиче-
ские поступки.

Реализация данной программы направлена на:

- развитие прикладных экономических знаний;
- формирование особого экономического образа мышления;
- освоение основных моделей экономического поведения;
- формирование профессионального самоопределения;
- формирование положительной мотивации к труду;
- развитие творческих способностей.

Нами предлагается использовать такие формы работы как:

- организация бесед, диспутов, семинаров, конференций
и круглых столов;
- проведение занятий практикумов, деловых и ролевых игр;
- проведение викторин, конкурсов, выставок;
- решение экономических задач и тестов;
- проведение производственных экскурсий и встреч с ин-
тересными людьми.

Структура данной программы состоит из трёх разделов.
Первый раздел посвящён денежным отношениям. В нем рас-
сматриваются такие темы как: «Деньги», «Ценные бумаги»,
«Цена», «Товар», «Рынок», «Банки». Второй раздел посвящён
трудоустройству и раскрывает такие темы как «Трудовые

отношения», «Основы бизнеса» «Предпринимательская деятель-
ность», «Сфера услуг как источник дохода», «Сельскохозяйствен-
ная деятельность». Третий раздел посвящен экономике семьи
и включает следующие темы: «Бюджет семьи», «Доходы семьи»,
«Расходы семьи» «Экономические ресурсы семьи», «Страхова-
ние как способ защиты имущества».

Реализация авторской программы специального курса «Ос-
новы малого бизнеса» способствует формированию экономи-
ческого сознания, культуры, общекультурных, ценностно-смыс-
ловых, коммуникативных и социально-трудовых компетенций
личного самосовершенствования. Структура программы состо-
ит из семи разделов, которые рассматривают: основы бизнеса,
вопросы организации, функционирования и ликвидации фирмы,
выплату налогов, вопросы конкуренции, использование наём-
ного труда и правовое оформление трудовых отношений, стра-
тегию поведения в конфликтных ситуациях, механизмы поддер-
жки малого бизнеса.

Актуальность программы состоит в том, что она не только
способствует формированию экономической грамотности, но
и формирует общепрофессиональные компетенции: примене-
ние информационно-коммуникационных технологий, осуществ-
ление поиска необходимой информации, умение работать в ко-
манде, владеть навыками делового общения, владеть этикой
трудовых отношений, определять задачи личностного самораз-
вития и заниматься самообразованием.

Целями специального курса являются социализация, про-
фессиональное самоопределение и формирование в процессе
обучения ключевых компетенций.

Основными задачами данного курса являются:

- формирование экономического сознания;
- развитие конкурентно способных качеств личности;
- формирование благоприятных условий, способствующих
раскрытию творческого потенциала обучающихся;
- развитие экономической культуры;

Поставленные нами цели и задачи определяют педагоги-
ческие принципы реализации программы специального курса
«Основы малого бизнеса»:

- принцип доступности;
- принцип связи с жизнью и практикой;
- принцип системности;
- принцип природосообразности;
- принцип гуманизации;
- принцип культуросообразности.

В основе процесса реализации данной программы лежит
практико – ориентированное обучение, системно-деятельност-
ный и личностно – ориентированный подход.

Введение данных программ в образовательную среду по-
зволяет обучающимся, в том числе с девиантным поведением,
ориентироваться в окружающей действительности и осозна-
вать своё предназначение, принимать грамотные решения
в различных жизненных ситуациях и нести за них ответствен-
ность, эффективно общаться с окружающими, владеть этикой
трудовых отношений, владеть способами контроля и самокон-
троля, а также действовать в результате выполнения различ-
ных социальных ролей.

Библиографический список

1. Фролов, С.С. Социология: учеб. для высших учеб. заведений. – М., 1994.
2. Мудрик, А.В. Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов. – М., 2000.
3. Мустаева, Ф.А. Основы социальной педагогики: учеб. для студ. высших пед. учеб. заведений – М., 2001.
4. Голованова, Н.Ф. Общая педагогика: учеб. пособ. для вузов. – СПб., 2005.
5. Лихачев, Б.Т. Педагогика: курс лекций: учеб. пособ. для студентов пед. учеб. заведений и слушателей ИПК и ФПК. – М., 2001.

Bibliography

1. Frolov, S.S. Sociologiya: ucheb. dlya vihshevik ucheb. zavedeniy. – M., 1994.
2. Mudrik, A.V. Social'naya pedagogika: ucheb. dlya stud. ped. vuzov. – M., 2000.
3. Mustaeva, F.A. Osnovih social'noy pedagogiki: ucheb. dlya stud. vihshevik ped. ucheb. zavedeniy – M., 2001.
4. Golovanova, N.F. Obshchaya pedagogika: ucheb. posob. dlya vuzov. – SPb., 2005.
5. Likhachev, B.T. Pedagogika: kurs lekciy: ucheb. posob. dlya studentov ped. ucheb. zavedeniy i slushateley IPK i FPK. – M., 2001.

Статья поступила в редакцию 05.08.14

УДК 37.017.924

Vazhenina S.S. METHODS OF FORMING VALUABLE ATTITUDE TOWARD ARTS IN STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION OF CULTURE BY MEANS OF ARTISTIC ACTIVITIES. The research states the topicality of the necessity of work in the sphere of depreciation of consumer's attitude to the environment, including artistic spheres of life, in students, who are treated as a social-demographic group and future intelligentia. In the work the contents of methods to bring up a valuable attitude toward arts at students of higher education institution of culture is described by means of art activity: the necessity of these methods are described, the characteristic stages of the methods are revealed. The proposed method-based technique will be useful to specialists, who are interested in the theory and applied aspects of professional artistic education.

Key-words: art activity, axiological attitude towards art among students of a university of culture, university of culture.

С.С. Важенина, начальник отдела по внеучебной работе ФГБОУ ВО «Тюменская гос. академия культуры, искусств и социальных технологий», г. Тюмень, E-mail: vazhenina-svetlana@rambler.ru

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ИСКУССТВУ У СТУДЕНТОВ ВУЗА КУЛЬТУРЫ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье выявляется актуальность необходимости проведения работы по ослаблению роли потребительского отношения к окружающей действительности, в том числе, к искусству у студенчества, как социально-демографической группы, составляющей резерв интеллигенции. Автор описывает содержание методики формирования ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры средствами художественной деятельности: обосновывается необходимость создания методики, раскрывается характеристика этапов методики. Предлагаемая методика может представлять интерес для исследователей, занимающихся вопросами теории и практики профессионального художественного образования.

Ключевые слова: художественная деятельность, ценностное отношение к искусству у студентов вуза культуры, вуз культуры.

Актуальность создания методики формирования ценностного отношения к искусству вызвана рядом моментов.

Смена в современном обществе ценностной парадигмы с духовной на материальную, о чем пишут исследователи (философ О.А. Лосева, психолог Т.А. Серебрякова и др.) привела к распространению потребительского отношения к окружающей действительности (В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова).

Потребительским исследователями в области педагогики (М.А. Козловская, Н.Б. Наумова), философии (А.А. Оганов), социологии (М.И. Жабский, М.А. Кобцева), культурологии (Ю.В. Рыжов), искусствоведения (А.В. Шило) характеризуется и отношение к искусству, как способу познания окружающей действительности, ко всем его видам, формам и жанрам. Искусство сегодня, как носитель ценностной парадигмы, само не воспринимается как ценность, как значимый компонент духовного мира отдельного человека [1; 2]. Философ Г.Г. Силласте обращает внимание на то, что акценты в культурной жизни общества перенесены с формирования у населения высокохудожественных вкусов, уважения к национальным культурным ценностям и традициям на поощрение потребительских запросов в сферах досуга и развлечений. Произошла гипертрофия рекреационной функции искусства [3]; исследователи Е.М. Щелканова и С.Б. Верховская указывают на усиление потребительского отношения к искусству, как к способу получения разрядки: когда человек идет в заведение культуры, он, прежде всего, думает о том, как сможет отдохнуть, развлечься [4]; педагог В.П. Анисимов, кроме потребительского использования искусства как развлечения (шоу-бизнес), говорит о восприятии его как второстепенного (незначимого) вида деятельности в развитии личности.

Сложившаяся ситуация актуализирует необходимость проведения работы по устранению (ослаблению роли) потребительского отношения к окружающей действительности, в том числе, к искусству у студенчества, как социально-демографической группы, составляющей резерв интеллигенции, которая будет определять процесс общественного развития в ближайшие десятилетия. О важности этой работы в свое время писал классик отечественной педагогики В.А. Сухомлинский: «меня очень беспокоит потребительское отношение некоторой части нынешней молодежи к духовным ценностям, особенно к музыке. Не хотят учиться играть на скрипке или на кобзе, не хотят петь. Довольствуются музыкой, записанной на пленку. Нажал кнопку – и музыка есть, не надо учиться, не надо думать. Так легко дойти до

полного отупения» [5, с. 198]. Педагог Д.Ф. Ахмерова подтверждает наличие этой проблемы и сегодня: социальное назначение преподавателя мы видим в том, чтобы, во-первых, помочь студенту перестроить свое индивидуальное сознание и потребительское отношение к окружающей действительности, а во-вторых, помочь ему в саморазвитии через усвоение и воспроизводство существующих культурных норм [6]. Работа по устранению (ослаблению роли) потребительского отношения к окружающей действительности, в том числе, к искусству и формированию ценностного отношения к искусству актуальна и для студентов вуза культуры, как потенциальной элиты в области культуры и искусства. О.В. Стукалова пишет о необходимости создания в вузе культуры особой педагогической системы, направленной на акцентирование образовательных приоритетов на глубокое освоение гуманитарного знания и опору на воспитательный потенциал искусства, качественное изменение содержания образования, преодоление потребительского отношения к культуре и развитие у будущих специалистов мотивов и навыков самореализации в культуротворческой деятельности [7]. С.В. Маркова считает, что у студента вуза культуры опасности потребительского отношения к ценностям культуры, формирования установок на пассивную позицию обучения, «иждивенчества» в творчестве можно избежать за счет усиления роли педагога в активизации образовательно-творческого процесса, превращения этого процесса в органическую потребность каждого студента. Проблема формирования ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры в работах О.В. Стукаловой и С.В. Марковой является сопутствующей основной, так, О.В. Стукалова упоминает о ней в связи с описанием современного состояния и перспектив развития высшего профессионального образования в сфере культуры и искусства, а С.В. Маркова, рассматривая художественно-педагогические принципы формирования пластической культуры у студентов режиссерских специальностей. Таким образом, несмотря на имеющийся у исследователей интерес к вопросу предотвращения распространения потребительского отношения к окружающей действительности, существует потребность в системном и комплексном подходе к формированию духовной составляющей ценностной парадигмы студенчества вуза культуры.

Анализ теоретико-практического опыта по формированию ценностного отношения к искусству в общей и социальной педагогике показал, что проблема аксиологического подхода к об-

разованию (Н.А. Астахова, В.А. Сластенин, Г.И. Чижакова и др.), воспитанию ценностных отношений и ценностных ориентаций в различных возрастных (Г.В. Агадилова, Н.И. Коростелева, О.Д. Кузьмина, А.Н. Малуков, О.П. Хабибулина и др.), профессиональных (М.Н. Демина, И.В. Медведев, Т.Х. Невструева и др.) и социальных (Э.В. Заурова и др.) группах предстает как широко изучаемая. Вместе с тем, в теории и практике профессионального художественного образования работы, описывающие формирование ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры носят единичный характер: Л.Э. Муртазина «Художественно-эстетическое воспитание студентов вузов культуры и искусств средствами музыкальной деятельности», М.В. Новикова «Реализация аксиологических основ народной художественной культуры в деятельности художественного руководителя любительского творческого коллектива», В.Г. Телегей «Формирование эстетического отношения студентов-дизайнеров к профессии в процессе вузовского обучения», Халаф Намир Касам «Формирование ценностного отношения у студентов-дизайнеров к арабской художественной культуре средствами орнамента» [8].

Средством формирования ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры может выступать художественная деятельность. Воспитательный потенциал художественной деятельности раскрывают в своих работах психологи (М.С. Бережная, В.В. Горев и др.), педагоги (Н.А. Беневольская, А.В. Гризоголова, С.И. Назарова, М.Г. Племенюк, В.В. Русевич и др.). М.С. Бережная пишет, что современная образовательная гуманистическая парадигма нацеливает вузы на развитие личностного, ценностного, культурологического потенциала студентов [9] и в связи с этим отмечает значимость использования в работе со студентами возможностей искусства и художественной деятельности. Об актуальности исследований обучения и воспитания на основе организации художественной деятельности пишет и С.И. Назарова, отмечая, что художественная деятельность является основой целостного восприятия мира и способствует более интенсивному и прочному эстетическому, эмоциональному и интеллектуальному развитию личности [10]. Таким образом, исследование возможностей художественной деятельности в формировании ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры является актуальным, в том числе и в общем контексте формирования личности.

Результатом изучения теоретических основ формирования ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры средствами художественной деятельности стало выявление и разработка содержания понятия «ценностное отношение к искусству у студентов вуза культуры», обозначение педагогических условий, способствующих формированию ценностного отношения к искусству и характеристика принципов, в соответствии с которыми должно осуществляться формирование ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры.

Ценностное отношение к искусству у студентов вуза культуры – это личностное образование студентов вуза культуры, характеризующееся значимым положительным отношением (значимой положительной оценкой искусства) к искусству и формирующееся в процессе художественной деятельности при восприятии произведений искусства, их оценке и при создании студентами собственного художественно-творческого продукта, который они будут доносить до слушателей и зрителей, и тем самым формировать у них это ценностное отношение к искусству [11; 12]. Педагогические условия, способствующие формированию ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры средствами художественной деятельности выявлены на основе учета возможностей и особенностей художественного вуза [1] – это: готовность педагога осуществлять гуманистически ориентированное образование, открытость вуза как образовательной системы, развитие форм художественно-творческих мероприятий. Формирование ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры должно осуществляться с учетом содержания принципа гуманизма и разработанного нами на его основе принципа гуманизма искусства [12], основанного на признании искусства эффективным средством реализации каждым человеком своих интересов, потребностей и целей в общем контексте личностного самоопределения за счет формирования у человека положительного отношения к искусству, как носителя общечеловеческих ценностей, и утверждению ценности искусства как средства постижения окружающего мира.

Опытно-поисковая работа осуществлялась на базе института музыки, театра и хореографии ФГБОУ ВО «Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий». В ней приняли участие 87 студентов 2 и 3 курсов очной формы обучения специальностей/направлений подготовки «Народное художественное творчество», «Режиссура театрализованных представлений и праздников», «Дирижирование», «Музыкальное искусство», «Инструментальное исполнительство», «Музыкальное образование». Опытно-поисковая работа включала три этапа: начальная диагностика, формирующий и итоговый этап.

Сущностные характеристики понятия «ценностное отношение к искусству у студентов вуза культуры» явились основанием для определения критериев сформированности ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры. Это – знание искусства; умение его воспринимать, оценивать и рассматривать для себя как ценность; способность создавать художественно-творческий продукт, основанный на общечеловеческих ценностях, характеризующийся положительным отношением слушателей (зрителей).

Ценностное отношение к искусству у студентов вуза культуры оценивалось по трём уровням: высокому, среднему и низкому. При распределении студентов по уровням ценностного отношения к искусству использовались балльные выражения показателей. Каждому показателю высокого уровня соответствовало 3 балла, среднего – 2 балла, низкого – 1 балл. Уровень ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры складывался из суммы баллов по показателям.

Критерий «знание искусства» связан с показателями: осведомленность о содержании понятия искусства; осведомленность об основных видах и жанрах искусства; осведомленность об основных функциях искусства (для начальной диагностики применялись разработанные нами самостоятельно анкета и тест). Анкета и тест содержат по 12 вопросов: по 4 вопроса на каждый показатель. Высокому уровню оценки ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры соответствовало 3 балла за 4 правильных ответа, среднему – 2 балла за 2 правильных ответа и низкому – 1 балл за 1 правильный ответ.

Критерий «умение воспринимать искусство, оценивать и рассматривать для себя как ценность» связан с показателями: готовность (желание) поделиться впечатлениями о воспринятом; оценка произведения искусства с позиций общечеловеческих ценностей, соотнесение общечеловеческих ценностей с личным опытом (для начальной диагностики применялись разработанные нами самостоятельно: анализ продуктов деятельности и метод кейсов). Метод анализа продуктов деятельности, содержание которого предполагает посещение студентами под руководством преподавателя мероприятия (концерт, спектакль) учреждения культуры города, результатом имеет оценку мероприятия с позиций общечеловеческих ценностей. Студентам предлагается написать эссе, осветив в нем ответы на вопросы: 1) понравилось ли Вам произведение искусства, почему; 2) какие общечеловеческие ценности были отражены в произведении искусства, опишите; 3) какие из общечеловеческих ценностей, нашедших отражение в произведении искусства, Вы считаете для себя приоритетными, почему. Показатель «готовность (желание) поделиться впечатлениями о воспринятом» оценивался таким образом: высокий уровень – полные и аргументированные ответы на все вопросы; средний уровень – наличие ответов на все вопросы, но частично отсутствует аргументация; низкий уровень – отсутствие ответов на вопросы. Показатель «оценка произведения искусства с позиций общечеловеческих ценностей» оценивался таким образом: высокий уровень – перечислены названия общечеловеческих ценностей, дана их характеристика; средний уровень – перечислены названия общечеловеческих ценностей, но частично отсутствует их характеристика; низкий уровень – отсутствие названий общечеловеческих ценностей и их характеристик. Показатель «соотнесение общечеловеческих ценностей с личным опытом» оценивался таким образом: высокий уровень – названы общечеловеческие ценности, имеющие приоритетное значение для студента, дано обоснование; средний уровень – названы общечеловеческие ценности, имеющие приоритетное значение для студента, обоснование частично или полностью отсутствует; низкий уровень – отсутствуют названия общечеловеческих ценностей и обоснования. Метод кейсов содержит проблемную ситуацию и перечень вопросов для размышления и обсуждения, нацеленных на

выявление уровня сформированности ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры. Содержание проблемной ситуации сводится к следующему: «Студент вуза культуры Александр М. очень любил создавать хореографические и театральные постановки. Причем, никакой специальной подготовки к занятиям художественной деятельностью у Александра М. не было. Несмотря на это, студент активно участвовал во всех внеучебных мероприятиях (выставки, конкурсы и др.), предлагая на суд зрителей и жюри свои работы. Каждый раз зрители встречали выступления Александра М. скудными аплодисментами, которые, по преимуществу, были вызваны желанием поддержать своего одноклассника. Об овациях Александру М. приходилось только мечтать. Жюри всякий раз не присуждало Александру М. призовых мест, что, конечно, не могло его не огорчать. Хотя, один раз, Александр М. все же был отмечен специальным призом жюри «За создание художественного образа». С течением времени зрители и жюри начинали демонстрировать безразличие к тому, что презентовал студент, ситуация год от года становилась все более напряженной, но самоуверенность не позволяла Александру М. отказываться от создания хореографических и театральных постановок и от участия во внеучебных мероприятиях вуза». Предлагаемые для размышления и обсуждения вопросы: 1) можно ли считать хореографические и театральные постановки, которые создавал Александр М., произведениями искусства, почему; 2) в чем специфика произведения искусства как продукта художественной деятельности человека; 3) проявилось ли ценностное отношение к созданным художественно-творческим продуктам у студента и зрителей, почему. Метод реализуется посредством письменной работы и следующего за ним устного опроса. Показатель «готовность (желание) поделиться впечатлениями о восприятии» оценивался таким образом: высокий уровень – полные и аргументированные ответы на все вопросы; средний уровень – наличие ответов на все вопросы, но частично отсутствует аргументация; низкий уровень – отсутствие ответов на вопросы. Показатель «оценка произведения искусства с позиций общечеловеческих ценностей» оценивался таким образом: высокий уровень – при ответах на вопросы приведены примеры общечеловеческих ценностей, раскрыта их сущность; средний уровень – при ответах на вопросы приведены примеры общечеловеческих ценностей, но не раскрыта их сущность или: приведена характеристика общечеловеческих ценностей, но конкретно они не названы; низкий уровень – при ответах на вопросы не приведены примеры общечеловеческих ценностей и отсутствует их характеристика. Показатель «соотнесение общечеловеческих ценностей с личным опытом» оценивался таким образом: высокий уровень – в устном опросе студенты могут назвать общечеловеческие ценности и привести примеры из своей жизни, когда они руководствовались в принятии решений общечеловеческими ценностями; средний уровень – в устном опросе студенты могут назвать общечеловеческие ценности, но привести примеры из своей жизни, когда они руководствовались в принятии решений общечеловеческими ценностями, не могут; низкий уровень – в устном опросе студенты не могут назвать общечеловеческие ценности и не могут привести примеры из своей жизни, когда они руководствовались в принятии решений общечеловеческими ценностями.

Критерий «способность создавать художественно-творческий продукт на основе общечеловеческих ценностей, характеризующийся положительным отношением слушателей (зрителей)» связан с показателями: создание индивидуального и коллективного художественно-творческого продукта; презентация индивидуального и коллективного художественно-творческого продукта слушателям (зрителям), (для начальной диагностики применялся разработанный нами самостоятельно: анализ продуктов деятельности). Студенту предлагается составить педагогическую ситуацию на основе общечеловеческих ценностей, содержанием которой было бы выражение ценностного отношения человека к чему-либо и проанализировать педагогическую ситуацию. Показатель «создание индивидуального и коллективного художественно-творческого продукта» оценивался следующим образом: высокий уровень – студент выполнил задание полностью: составил педагогическую ситуацию на основе общечеловеческих ценностей, содержанием которой стало выражение ценностного отношения к чему-либо; средний уровень – студент выполнил задание частично: составил педагогическую ситуацию на основе общечеловеческих ценностей, содержанием которой стало выражение ценностного отношения

к чему-либо, но не проанализировал её или проанализировал частично; низкий уровень – студент не выполнил задание: не составил педагогическую ситуацию на основе общечеловеческих ценностей, содержанием которой стало бы выражение ценностного отношения к чему-либо или составил педагогическую ситуацию, но содержание её не отражало ценностного отношения к чему-либо. Показатель «презентация индивидуального и коллективного художественно-творческого продукта слушателям (зрителям)» оценивался следующим образом: высокий уровень – студент презентовал слушателям (зрителям) созданный художественно-творческий продукт, проанализировал его; средний уровень – студент презентовал слушателям (зрителям) созданный художественно-творческий продукт, но проанализировал его не в полном объеме или не проанализировал совсем; низкий уровень – студент не презентовал слушателям (зрителям) созданный художественно-творческий продукт.

На этапе начальной диагностики опытно-поисковой работы было выявлено, что большая часть студентов, вовлеченных в исследование, продемонстрировала низкий уровень сформированности ценностного отношения к искусству. Нами был проведен опрос студентов, продемонстрировавших низкий и высокий уровни.

Опрос студентов, продемонстрировавших высокий уровень сформированности ценностного отношения к искусству показал, что студенты занимаются художественной деятельностью (хореографией, театральным искусством и т.д.) с ранних лет, до поступления в вуз культуры посещали учреждения дополнительного образования детей (школа искусств, центр детского творчества), имеют профессиональную подготовку в области художественного творчества по результатам обучения в учреждениях среднего профессионального образования (колледж искусств). Кроме того, студенты являются участниками художественных коллективов, существующих при кафедрах, в составе которых неоднократно становились лауреатами и дипломантами конкурсов и фестивалей различного уровня; следят за репертуаром учреждений культуры города и области и посещают все премьеры. Опрос студентов, продемонстрировавших низкий уровень сформированности ценностного отношения к искусству, показал, что студенты не имеют специальной подготовки к занятиям художественной деятельностью, они не входят в состав художественных коллективов, существующих при кафедрах, главная цель обучения в вузе культуры для них – это получение высшего образования.

Результаты, полученные на этапе начальной диагностики, стали основой для разработки методики формирования ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры. Система разработанных в методике заданий построена на основе общечеловеческих ценностей, понятных всем людям, принимаемых большинством людей, за счет чего: 1) обеспечивается доступность заданий для восприятия широкого круга людей: разных возрастов, социального положения, национальности, уровня профессиональной подготовленности и т.д.; 2) планируется формировать ценностное отношение к искусству.

Методика учитывает содержание критериев сформированности ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры и включает три этапа. 1) Подготовительный, на котором была организована работа, в основном, по восприятию произведений искусства и их оценке: студентам предлагался курс лекций об искусстве, видах, жанрах, функциях искусства, с тем, чтобы вооружить их знаниями об искусстве, кроме этого осмысление нового материала осуществлялось путем заполнения таблицы «Знаю, хочу узнать, узнал» по Д. Огле и предлагалось задание, заключающееся в поиске высказываний различных авторов, отражающих признаки ценностного отношения к тому или иному виду искусства, необходимо было привести примеры высказываний и перечислить признаки ценностного отношения. Таким образом, на первом этапе методики формировались критерии: «знание искусства» и «умение воспринимать, оценивать и рассматривать для себя искусство как ценность». Система работы со студентами на подготовительном этапе выстроена с учетом педагогического условия «готовность педагога осуществлять гуманистически ориентированное образование». Такой подход позволил транслировать студентам ценностное отношение к искусству в процессе передачи знаний об искусстве, видах, жанрах, функциях искусства и создать ситуацию диалогового общения с целью обмена имеющимися знаниями. 2) Основной, на котором была организована работа по восприятию

произведений искусства, умению их оценивать с позиции общечеловеческих ценностей: осуществлялось знакомство с самодеятельными и профессиональными художественными коллективами вуза, была организована работа по сравнению демонстрируемых студентам художественно-творческих продуктов коллективов вуза с точки зрения фиксации в них конкретных общечеловеческих ценностей путем заполнения таблицы «Концептуальная таблица» и проведена исследовательская беседа, направленная на оценку студентами в качестве зрителей художественно-творческих продуктов самодеятельных и профессиональных художественных коллективов вуза с точки зрения отражения в них общечеловеческих ценностей, необходимых для формирования ценностного отношения к искусству и предлагалось по образцу задания на подготовительном этапе составить педагогическую ситуацию, содержанием которой было бы выражение ценностного отношения студента к вузу культуры посредством обозначения общечеловеческих ценностей, являющихся ориентиром в построении образовательной деятельности вуза данного профиля. Таким образом, на втором этапе методики формировался критерий «умение воспринимать, оценивать и рассматривать для себя искусство как ценность». Система работы со студентами на основном этапе выстроена с учетом педагогического условия «открытость вуза как образовательной системы», в результате чего студентам обеспечена доступность информации об организации деятельности профессиональных (учебных) и самодеятельных коллективов вуза и созданы условия для реализации каждым человеком возможности сформировать отношение к художественно-творческому продуктам коллективов, а также осуществлена работа по организации обратной связи между студентами и сотрудниками вуза культуры с целью установления диалога. 3) Итоговый, на котором была организована работа по созданию индивидуального и коллективного художественно-творческого продукта, отражающего ценностное отношение студентов к искусству и оцениванию его зрителями. Таким образом, на третьем этапе методики формировался критерий «способность создавать художественно-творческий продукт, основанный на общечеловеческих ценностях, характеризующийся положительным отношением слушателей (зрителей)». Система работы со студентами на итоговом этапе выстроена с учетом педагогического условия «развитие форм художественно-творческих мероприятий». Студентам было предложено самостоятельно выбрать форму и реализовать её. Выбор осуществлялся студентами с учетом специфики подготовки по приобретаемой ими специальности/направлению подготовки. Такой подход предопределил реализацию каждым студентом своих способностей. Кроме этого, реализация различных форм привлекла внимание широкого круга студенческой аудитории к восприятию художественно-творческих мероприятий.

Каждый этап включал соответствующие методы и формы работы, необходимые для решения определенных задач. Задачей подготовительного этапа явилось расширение у студентов знания об искусстве, формирование умения воспринимать, оценивать и рассматривать для себя как ценность искусство, где в качестве методов мы остановились на лекции, критическом

мышлении и анализе продуктов деятельности, а среди форм выбрали рассказ, таблицу и опрос.

Задачей основного этапа была организация работы по восприятию произведений искусства с целью выработать у студентов умения оценивать воспринимаемые произведения искусства с позиций общечеловеческих ценностей и здесь в качестве метода исследования мы остановились на экскурсии, критическом мышлении и анализе продуктов деятельности, а формой выбрали таблицу, исследовательскую беседу и опрос.

Задачей итогового этапа было формирование у студентов умения создавать индивидуальный и коллективный художественно-творческий продукт, основанный на общечеловеческих ценностях, и здесь в качестве метода мы остановились на проектировании, а формой выбрали художественно-творческий продукт.

Причем, в соответствии с содержанием понятия «ценностное отношение к искусству у студентов вуза культуры», учитывалась и специфика художественной деятельности, так, например, на подготовительном и основном этапах за основу принималось вовлечение студентов в репродуктивную деятельность, а на итоговом этапе – в продуктивную.

После реализации разработанной методики на итоговом этапе опытно-поисковой работы был вновь замерен уровень сформированности ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры, содержание замера было тем же, что и на этапе начальной диагностики. Итоговый этап показал, что 81,6% (71 человек) студентов повысили исходный уровень ценностного отношения к искусству, из них: 57,46% (50 человек) перешли с низкого на средний уровень, 24,14% (21 человек) – со среднего на высокий. 18,4% (16 человек) студентов остались на прежнем уровне: 5,75% (5 человек) – на низком и 12,65% (11 человек) – на высоком уровне.

Формирующий этап опытно-поисковой работы и итоговый этап позволили обнаружить положительную динамику в сформированности ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры средствами художественной деятельности. Это проявилось в повышении уровня знаний студентов об искусстве, умении оценивать произведения искусства и способности создавать художественно-творческий продукт, отражающий ценностное отношение к искусству и основанный на общечеловеческих ценностях. Следовательно, реализация данной методики способствует ослаблению роли потребительского отношения к искусству у студентов вуза культуры, повышению уровня художественной культуры выпускника вуза.

Методика может представлять интерес для исследователей, занимающихся вопросами теории и практики профессионального художественного образования. Формирование ценностного отношения к искусству, как личностного образования студентов вуза культуры, построено с учетом возможностей и особенностей художественного вуза. Положительные результаты разработанной методики позволяют говорить о возможности и необходимости продолжения работы в направлении формирования ценностного отношения к искусству в свете идей непрерывного образования на ранних этапах обучения: детская школа искусств-колледж искусств-вуз культуры и искусств.

Библиографический список

1. Важенина, С.С. Организация художественной деятельности как средства формирования ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 6.
2. Важенина, С.С. Формирование ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры в контексте усиления воспитательного компонента вузовского образовательного процесса // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 6. – Т. 1.
3. Силласте, Г.Г. Эволюция духовных ценностей россиян в новой социокультурной ситуации // Социологические исследования. – 1995. – № 10.
4. Щелканова, Е.М. Традиция как основа художественного процесса в современном искусстве Югры / Е.М. Щелканова, С.Б. Верховская // [Э/р]. – Р/д: <http://sibac.info/index.php/component/content/article/50-2011-12-21-06-47-43/3156-2012-06-27-03-57-57>
5. Сухомлинский, В.А. Мудрость родительской любви / сост. А.И. Сухомлинская. – М., 1988.
6. Ахмерова, Д.Ф. Субъект-субъектное взаимодействие студентов и преподавателей в воспитательно-образовательном процессе вуза / [Э/р]. – Р/д: <http://www.school2100.ru/upload/iblock/f9e/f9e423936080f219168c3edfc4c75831.pdf>
7. Стукалова, О.В. Высшее профессиональное образование в сфере культуры и искусства: современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2011.
8. Важенина, С.С. Теоретические основы формирования ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры // Перспективы науки. – 2014. – № 7(58).
9. Бережная, М.С. Творческая самореализация студентов вузов в художественно-творческой деятельности // Электронный научный журнал «Педагогика искусства». – 2008. – № 1 // [Э/р]. – Р/д: http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-1-2008/berezhnaia/berezhnaia_03-03-2008.htm
10. Назарова, С.И. Гуманитарное воспитание и развитие личности на основе организации интегрированной художественной деятельности // Человек и образование. – 2012. – № 1(30).
11. Важенина, С.С. Потенциал художественной деятельности в формировании ценностного отношения к искусству у студентов вуза культуры // Образование: традиции и инновации: Материалы V междунар. науч.-практ. конф. – Прага, 2014.

12. Вазенина, С.С. Роль искусства в воспитании студентов вуза культуры // Электронный научный журнал «UNIVERSUM: психология и образование». – 2014. – № 5-6(6).

Bibliography

1. Vazhenina, S.S. Organizaciya khudozhestvennoy deyatel'nosti kak sredstva formirovaniya cennostnogo otnosheniya k iskusstvu u studentov vuza kul'tur / Vihsshee obrazovanie segodnya. – 2014. – № 6.
2. Vazhenina, S.S. Formirovaniye cennostnogo otnosheniya k iskusstvu u studentov vuza kul'tur v kontekste usileniya vospitatel'nogo komponenta vuzovskogo obrazovatel'nogo processa // European Social Science Journal (Evropeyskiy zhurnal social'nykh nauk). – 2014. – № 6. – Т. 1.
3. Sillaste, G.G. Ehvoluciya dukhovnykh cennostey rossiyanok v novoy sociokul'turnoy situatsii // Sociologicheskie issledovaniya. – 1995. – № 10.
4. Thelkanova, E.M. Tradiciya kak osnova khudozhestvennogo processa v sovremennom iskusstve Yugri / E.M. Thelkanova, S.B. Verkhovskaya // [Eh/r]. – R/d: <http://sibac.info/index.php/component/content/article/50-2011-12-21-06-47-43/3156-2012-06-27-03-57-57>
5. Sukhomlinskiy, V.A. Mudrost' roditel'skoy lyubvi / sost. A.I. Sukhomlinskaya. – M., 1988.
6. Akhmerova, D.F. Sub'yekt-sub'yektnoe vzaimodeystvie studentov i prepodavateley v vospitatel'no-obrazovatel'nom processe vuza // [Eh/r]. – R/d: <http://www.school2100.ru/upload/iblock/f9e/f9e423936080f219168c3edfc4c75831.pdf>
7. Stukalova, O.V. Vihsshee professional'noye obrazovanie v sfere kul'tur i iskusstva: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: avtoref. dis. ... d-ra. ped. nauk. – M., 2011.
8. Vazhenina, S.S. Teoreticheskie osnovy formirovaniya cennostnogo otnosheniya k iskusstvu u studentov vuza kul'tur // Perspektivy nauki. – 2014. – № 7(58).
9. Berezhnaya, M.S. Tvorcheskaya samorealizatsiya studentov vuzov v khudozhestvenno-tvorcheskoy deyatel'nosti // Ehlektronniy nauchniy zhurnal «Pedagogika iskusstva». – 2008. – № 1 // [Eh/r]. – R/d: http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-1-2008/berezhnaia/berezhnaia_03-03-2008.htm
10. Nazarova, S.I. Gumanitarnoye vospitanie i razvitiye lichnosti na osnove organizatsii integriruyemykh khudozhestvennoy deyatel'nosti // Chelovek i obrazovanie. – 2012. – № 1(30).
11. Vazhenina, S.S. Potentsial khudozhestvennoy deyatel'nosti v formirovaniye cennostnogo otnosheniya k iskusstvu u studentov vuza kul'tur // Obrazovanie: traditsii i innovatsii: Materialy V mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Praga, 2014.
12. Vazhenina, S.S. Rol' iskusstva v vospitanii studentov vuza kul'tur // Ehlektronniy nauchniy zhurnal «UNIVERSUM: psikhologiya i obrazovanie». – 2014. – № 5-6(6).

Статья поступила в редакцию 22.07.14

УДК 37.01

Volodina L.O. PEDAGOGICAL PROJECTING OF THE SYSTEM OF FAMILY UPBRINGING VALUES IN MODERN RUSSIA: THE ISSUE OF CONCEPTUALIZATION. Stating this problem is linked to the necessity to explain the following components of pedagogical projecting: targeted, fundamental, and content-based. The purpose of explaining these components is to sort out the revealed mechanisms of developing the system of family upbringing values in the context of historical and pedagogical research.

Key words: system of family upbringing values, pedagogical projecting, conceptual state, concept of pedagogical projecting of the system of family upbringing values in modern Russia, pedagogical ideal of family upbringing in modern Russia.

Л.О. Володина, канд. пед. наук, доц., докторант ФГНУ «Институт теории и истории педагогики» РАО, г. Москва, E-mail: volodina-l@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Постановка проблемы связывается с необходимостью обоснования целевого, фундаментального и содержательно-смыслового компонентов педагогического проектирования с целью упорядочения выявленных закономерностей развития системы ценностей семейного воспитания в контексте историко-педагогического исследования.

Ключевые слова: система ценностей семейного воспитания, педагогическое проектирование, концептуальное положение, концепция педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания в современной России, педагогический идеал семейного воспитания в современной России.

В настоящее время одной из задач культурной политики России ставится задача осмысления и формулирования национального идеала. Появление самой идеи духовно-нравственной ориентированности российской цивилизации – свидетельство понимания государственной властью необходимости сохранения в условиях противоречивости информационного пространства единого социокультурного пространства страны.

Анализ первоисточников позволяет говорить о широком спектре духовно-нравственной проблематики в трудах теоретиков и практиков и в целом в исследованиях по духовно-нравственному воспитанию. В данной ситуации научное осмысление системы ценностей семейного воспитания порождается необходимостью концептуального упорядочения составляющих ее содержание духовных и нравственных ценностей как динамических явлений с целью обоснования педагогического идеала семейного воспитания в современной России. И в этом – существенное определение замысла педагогического проектирования, функциональная значимость которого определена его ролью ло-

гической интеграции инновационных идей как основы решения жизненных педагогических проблем, предопределяющей перспективное развитие педагогических явлений.

В раскрытии обозначенной темы автор обращается к опыту отечественного семейного воспитания в контексте историко-педагогического исследования, позволяющего изучить то, «...чем ты дорожишь как русский, с чем ты сроднился и сжился» (Ю.Ф. Самарин) [1].

История педагогики в отечественной науке получила признание и как наука историческая, ставшая своей целью выявление, накопление и обобщение исторических фактов, и как наука педагогическая, занимающаяся их педагогической интерпретацией, формированием историко-педагогического взгляда на динамику педагогической мысли и практики сквозь призму проблематики актуальных задач современной педагогики. Педагогический анализ исторических фактов в аспекте понимания их внутри той культурной эпохи, к которой они относятся, становится отправной точкой теоретического моделирования педаго-

гических феноменов как действия тех закономерностей, которые сложились в прошлом и спроецировали из прошлого настоящее. Таким феноменом в нашей работе считается система ценностей семейного воспитания в современной России.

Постулаты обоснования концептуальных положений педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания в современной России:

1. Любая педагогическая парадигма определяется системой ценностей. В основе парадигм воспитания, как моделей решения воспитательных проблем, лежат ценности.

2. Духовно-нравственное воспитание основывается на системе ценностей обобщенного (духовного) смысла и соответствующей ей системе конкретных (нравственных) качеств-ценностей.

3. Духовно-нравственные ценности – основа семейного воспитания (ими продиктованы методы, приемы воспитания, стиль взаимоотношений в семье).

4. Накопителем, носителем и генератором, воспринимающим, воспроизводящим и создающим духовно-нравственные ценности, является семья.

Семья представляет собой кровное родство, единение (моральная ответственность) обеспечивает ее целостность и сохранение. На протяжении всего своего исторического развития она как отдельный институт оставалась крепкой благодаря идеям своего рода. Семья самоценна, является субъектом национальной культуры.

5. Для России таким субъектом выступает, прежде всего, русская семья.

Величие русского народа создавалось заботой семьи о воспитании будущих полезных членов общества. Понятие «полезный член общества» соединяло в себе тесно слившиеся понятия «хорошего семьянина» и «хорошего гражданина» (Н.К. Грунский) [2, с. 35 – 36]. В системе духовных приоритетов русского народа семья выступала главной ценностью, сочетаясь с сущностью самого народа и государства.

6. Ценности семейного воспитания неразрывны с общим стилем и жизнедеятельностью семьи.

7. Все нравственные принципы внешней жизни неизбежно входят в основу жизни семьи. Духовно-нравственные ценности семейного воспитания в истории России находились под влиянием многих условий и факторов, диалектически развивались, что не могло не отражаться на соотношении традиционных и новых, национальных и национально-региональных ценностей семейного воспитания.

7.1. Природно-географическая среда России имеет прямое отношение к истории русского народа, формируя особый национальный характер: «Великорусское племя – не только известный этнографический состав, но и ... даже особый национальный характер, и природа страны много поработала ... над этим характером» (В.О. Ключевский) [3, с. 310].

7.2. Среда, в которой исторически возникла, функционировала и развивалась всякая семья, в том числе и русская, включает в себя следующие составляющие: государство, общество, нацию и род.

И в древности семья не составляла отдельной независимой единицы. Семья, прежде всего, была частью рода, воспринимаемого как единый организм, имеющего единый целостный образ. У каждой семьи, кроме родовых интересов, были интересы общественные.

Семья имела значение не сама по себе («самостоятельное творческое единство»), а только в отношении к обществу – «могучему творческому единению людей» в общем творимом деле – в национальной духовной культуре (И.А. Ильин) [4]. Семья есть воплощение социальности, данное от природы. Семья составляла «органическую часть» государства. По своей социальной сущности она призвана воспринимать, поддерживать и передавать его традиции, благодаря чему в истории Отечества развивался и сохранялся духовный смысл национального гражданства.

8. Семья по своей природе, источникам возникновения и развития, социальной роли естественно и органично встроена в структуру рода, нации, общества, государства и географические условия. Веками развиваясь в этой комплексной социоприродной среде и будучи неотрывной от нее, семейное сознание исторически осваивало компоненты среды в качестве наиболее значимых. Род, нация, общество, государство, географические условия непрерывно подпитывали такую направлен-

ность семейного сознания и становились наиболее значимыми факторами самосохранения семьи.

Род, нация, общество, государство, природа – заглавные духовные ценности семьи, которые выступают общей основой системы ценностей семейного воспитания.

9. Культурно-национальная и кровная самоценность семьи, природно-географические условия жизни и общественно-государственные основы семьи являются общими факторами, влияющими на становление системы духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье. По сути, это системные основы духовно-нравственных ценностей семейного воспитания. Элементами же системы выступают ставшие традиционными духовные ценности (базовые) и соотносимые с ними нравственные ценности.

10. Ценности воспитания в русской семье в региональных условиях, вырастая на этногенетической почве, выступают как наличный мир духовно-нравственных потребностей, развивавшихся и веками адаптированных жизненной активностью семьи в конкретных местных условиях.

Региональные условия жизнедеятельности семьи Северо-Запада России имеют природно-географические (умеренно-континентальный климат, плотность лесных массивов, густая сеть рек, заболоченность почв), социополитические (раннее включение северо-западного крестьянства в рыночные отношения), социальные (долгое существование общины особой общественной самоуправляемой организации) и этнические (смешение славянской культуры с культурами ранее заселявших данную территорию народов) особенности.

Региональные особенности содержат в себе свои, дополнительные ресурсы для дальнейшего развития ценностей воспитания в русской семье.

Регион вносит свой вклад в накопление и содержательное обогащение системы национальных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье. В этом – историческая роль региональных особенностей.

11. Устойчивая система ценностей семейного воспитания, складывающаяся до конкретного исторического периода, выступает как традиционная. Функционирующая и развивающаяся система ценностей семейного воспитания в данный (рассматриваемый) период времени есть исторически современная. Но она будет выступать как традиционная по отношению к последующим периодам истории страны.

Результатом историко-педагогического исследования является концептуальное упорядочение выше обозначенных теоретических выводов, обозначенное нами в контексте педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания в современной России, представленное в композиционном отношении целевой, фундаментальной, содержательно-смысловой составляющими.

1. Целевой компонент педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания в современной России. Концептуальные положения необходимости и действительности педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания.

Первое концептуальное положение. Духовно-нравственные ценности семейного воспитания – приоритетное направление содержания современного духовно-нравственного воспитания детей и молодежи Российской Федерации.

Задачи достижения приоритетности:

– актуализация роли ценностей семейного воспитания как фактора стабильного развития и функционирования российского общества в контексте приоритета интересов семьи в государственной социальной политике;

– понимание роли ценностей семейного воспитания в стабильном развитии и функционировании российского общества как исторически обусловленного культурно-педагогического капитала.

Второе концептуальное положение. Приоритетность духовно-нравственных ценностей семейного воспитания определяется их соотносительностью с национальными ценностями – основе национальной идентичности.

Задачи достижения национальной идентичности:

– обоснование значимости традиционных ценностей семейного воспитания в современной национальной семье;

– выявление условий устойчивости и траектории позитивного развития традиционных ценностей воспитания в современной национальной семье.

Третье концептуальное положение. Критерием эффективности педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания является создание единого образовательного пространства на территории Российской Федерации.

Задачи достижения интеграции образовательного пространства:

- создание и принятие единой системы ценностей, соответствующей современному пониманию обществом идеала семейного воспитания, обозначенного категорией «педагогический идеал», как условие обеспечения духовной безопасности Российской Федерации;

- согласованность (координация) действий значимых социальных институтов (семьи, государства, общественных организаций, научной педагогики, церкви), цель межсубъектной интеграции – достижение единства в интерпретации педагогического идеала как целеобразующее современное семейное воспитание. Основным механизмом согласованности действий выступает педагогика коммуникативного действия [5, с. 162 – 165].

Четвертое концептуальное положение. Единство образовательного пространства в отношении системы ценностей семейного воспитания строится в аспекте общего, единичного и случайного как допустимых границ вносимых в ее содержание изменений.

Задачи достижения дифференциации образовательного пространства:

- определение роли национально-региональных ценностей семейного воспитания в становлении системы традиционных национальных ценностей семейного воспитания;

- отражение национально-региональных ценностей семейного воспитания в системе современных общенациональных ценностей семейного воспитания.

Концептуальные положения находят отражение в следующих принципах построения системы ценностей семейного воспитания: действительности (соответствие системы объективным условиям жизни), рациональности (основанности на анализе механизма траектории развития системы), прогрессивного развития (ориентированности на позитивные результаты динамики системы ценностей), обратной связи (соответствие системы социальному заказу); персонализации (ориентация на конкретный образ).

Фиксация концептуальных положений на этапе целеполагания позволяет говорить о Концепции педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания с последующей формулировкой ее сущности и цели.

Концепция педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания в современной России – система научных знаний о педагогическом идеале семейного воспитания, представленном как инновационная педагогическая модель в логике познания проблемы ценностей семейного воспитания в современной России в развитии их диалектического взаимодействия в прошлом, настоящем и будущем.

Цель Концепции педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания в современной России – обоснование и создание динамической функциональной системы ценностей семейного воспитания, содержание которой отражает понятие «педагогический идеал семейного воспитания в современной России».

Обозначенные задачи по реализации концептуальных положений делают возможным формулировку подцели Концепции педагогического проектирования – толкование системы ценностей семейного воспитания в современной России в контексте логической цепочки: педагогический идеал – система ценностей семейного воспитания – культурно-педагогический капитал.

2. Фундаментальный компонент педагогического проектирования.

В соответствии с принципами целостности и динамизма системного подхода – система ценностей есть элемент более сложной социальной системы – при анализе степени ее восприимчивости к изменениям в той системе, элементом которой она рассматривается, обращается внимание на траекторию ее позитивного развития и условия его обеспечивающие. В определении сущности проектируемой системы участвует концептуальное положение детерминированности педагогического проектирования: *Семья как субъект национальной культуры в результате своей активно-адаптивной жизнедеятельности накопила силу самосохранения, самовоспроизведения, саморазвития.* Это находит подтверждение в следующих закономерностях:

1. Важнейшей формой развития системы ценностей выступает ее саморазвитие, как следствие проявления закономерности потребности-мотивационного развития системы ценностей.
2. Саморазвитие осуществляется в соответствии с исторически возникающими и культурно-оправданными потребностями русской семьи – как следствие проявления закономерности модификационно-преемственного развития системы ценностей.
3. Ведущее условие позитивного развития системы ценностей определяется позицией: ослабление духовных приоритетов семейного воспитания требует усиления социальной интеграции исторически определяющих траекторию развития системы ценностей – государства, общественно-педагогического движения, научной педагогики и церкви как следствие проявления закономерности обратно пропорциональной зависимости между социальной идентификацией и социальной интеграцией системы ценностей как культурной подсистемы общества.

Обозначенные закономерности есть специфические как результат условий позитивного развития системы ценностей семейного воспитания, становятся определяющими ее траектории (фиксируется понятием «педагогический идеал»).

Концептуальные положения фундаментального компонента позволили заключить об эволюционном характере педагогического проектирования, истинность которого подтверждается логикой самого процесса прогрессивного развития данной системы и находит отражение в следующих принципах ее построения: достаточности ресурсов, формирующими механизмами которого выступают: конъюгация (образование нового за счет соединения прежнего), ингрессия (изменение традиционного за счет обогащения новым); перспективности, регулируемыми механизмами которого выступают – прогрессивный подбор и подвижное равновесие ценностных изменений (увеличение компонентов системы при сохранении ее структуры).

3. Содержательно-смысловой компонент педагогического проектирования. Концептуальное положение эффективности педагогического проектирования системы ценностей семейного воспитания в современной России: *Развитие системы ценностей семейного воспитания имеет прогрессивную форму проявления.* Это находит подтверждение в закономерности прогрессивного поступательного развития системы ценностей, основанной на диалектике саморазвития системы, адекватно отражающей в соответствии с законом ускорения исторического времени и законом возвышения потребностей необходимость духовного роста общества. Данная закономерность как результат факторов позитивного развития системы становится определяющей механизма ее траектории (фиксируется понятием «культурно-педагогический капитал»).

Концептуальное положение содержательно-смыслового компонента педагогического проектирования, эффективность которого подтверждена обоснованной закономерностью как суммарным проявлением закономерностей специфических, позволило сформулировать общую закономерность развития системы ценностей семейного воспитания – закономерность ее возрастающей роли в структуре общественных отношений.

Концептуальное положение эффективности, определяющие прагматические аспекты педагогического проектирования, находят отражение в следующих принципах построения системы: оперативности (современности реагирования на духовные потребности общества); достоверности информационного обеспечения (реальное отражение объективной действительности в духовной потребности); научности (учет закономерностей развития системы ценностей в построении системы); целенаправленности (увязки цели педагогического проектирования с реализацией региональных приоритетов ценностей семейного воспитания).

В качестве итоговых выводов выделим следующие положения. Педагогическое проектирование системы ценностей семейного воспитания в современной России с включением в данный процесс концептуальных подходов с выходом на закономерности изучаемого явления делает возможным интерпретацию такой системы методологически обоснованной, исключая случайные элементы его структуры и содержания. Логическая цепочка: педагогический идеал – педагогическая система ценностей семейного воспитания – культурно-педагогический капитал – объясняет процесс возможного развития системы ценностей семейного воспитания: доминирующие ценности воспитания в русской семье, обозначенные понятием «педагогический идеал», отражены в системе позитивных ценностей, которая, в свою очередь, является ресурсом (капиталом) его дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Самарин, Ю.Ф. О народном образовании [Э/п]. – Р/д: http://az.lib.ru/s/samarin_j_f/text_1856_o_narodnom_obrazovanii.shtml
2. Грунский, Н.К. Лекции по педагогике. – Юрьев, 1914.
3. Ключевский, В.О. Курс истории. Сочинения: в 9 т. – М., 1987. – Т. 1.
4. Ильин, И.А. Путь духовного обновления. – М., 1993.
5. Володина, Л.О. Педагогика коммуникативного действия: историко-педагогический контекст // Новое в психолого-педагогическом исследовании. – 2013. – № 2.

Bibliography

1. Samarin, Yu.F. O narodnom obrazovanii [Eh/r]. – R/d: http://az.lib.ru/s/samarin_j_f/text_1856_o_narodnom_obrazovanii.shtml
2. Grunskiy, N.K. Lekcii po pedagogike. – Yurjev, 1914.
3. Klyuchevskiy, V.O. Kurs istorii. Sochineniya: v 9 t. – M., 1987. – T. 1.
4. Iljin, I.A. Putj dukhovnogo obnovleniya. – M., 1993.
5. Volodina, L.O. Pedagogika kommunikativnogo dejstviya: istoriko-pedagogicheskiy kontekst // Novoe v psikhologo-pedagogicheskom issledovanii. – 2013. – № 2.

Статья поступила в редакцию 11.07.14

УДК 159.92:530.1

Iskanderov N.F. A METHOD OF ORGANIZATION OF OPERATIONS ON COMPARISON IN THE STUDY OF PHYSICS IN SCHOOL. In this article the problem of the organization of the comparison operation techniques in the study of Physics in school is revealed. The operations on comparison are the ones of the most important mental operations in the process of scientific perception, therefore they are necessary for learning in all subjects of science in school, especially in Physics. The article describes the structure of the act of thinking. Teaching of implementation of this operation is divided into several stages, which have several levels to assess the successfulness of learning comparison. The author has developed a technique to establish causal relations between events. A scheme of mental actions in the process of empirical knowledge is given. In conclusion, the article proposes a system of questions for students to test their ability to carry out assimilation of comparison operations.

Key words: school education, learning of Physics, operation on comparison, cause-and-effect relations.

Н.Ф. Искандеров, канд. пед. наук, доц. каф. Физики, методики преподавания физики и современных образовательных технологий Оренбургского гос. педагогического университета, г. Оренбург, E-mail: nailfi@mail.ru

МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАЦИИ СРАВНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ШКОЛЬНОГО КУРСА ФИЗИКИ

Операция сравнения, одна из важнейших мыслительных операций в процессе научного познания, поэтому обучение ей необходимо на всех предметах естественного цикла, особенно при изучении физики в школе. В статье рассмотрена структура мыслительного акта. Обучение этой операции разделяется на несколько этапов, успешность освоения которых разделена на несколько уровней. Автором разработана методика установления причинно-следственных связей между явлениями, дается схема мыслительных действий при эмпирическом процессе познания.

Ключевые слова: обучение физике, школьное обучение, операция сравнения, причинно-следственные связи.

К базовым потребностям человека относятся: 1) потребность в понимании и осмыслении (когнитивная потребность), 2) потребность в самоактуализации и самореализации возможностей и способностей, 3) потребность в удовлетворении субъектом социальных контактов. По мнению многих исследователей, потребность в понимании является врожденной, лежащей в основе многих свойств поведения. Потребность в понимании определяет исследовательскую потребность, переходящую в когнитивную потребность в знаниях и информации. Рассматривая понимание как когнитивный акт постижения смысла, являющийся более широким, чем акт научного познания, приходим к необходимости обучению этому мыслительному акту учащихся через любой школьный предмет. Достижению понимания способствует правильно организованная деятельность учащихся во всем учебном процессе. Вооружение школьника разнообразным мыслительным действиям способствует расширению возможностей для создания успешных условий для понимания. Система школьного физического эксперимента создает благоприятные условия для развития мыслительных действий учащихся.

Проблема обучения умению сравнивать является составной частью проблемы развития мыслительных способностей учащихся. На это указывают авторы курсов методики преподавания физики, а также педагоги и психологи, изучающие проблему развития мышления учащихся в процессе обучения [1; 2; 3; 4].

В тоже время Л.Л. Гурова отмечает, что при формировании мыслительных способностей на начальном этапе важную роль составляет практическое мышление, проявляющиеся в решении проблем с реальными физическими объектами по их мысленному преобразованию [5]. Основой мыслительного акта, по мнению автора, служит образное мышление, в котором любая сенсорная модель деятельности позволяет осуществить процедуру понимания ситуации, происходящую через образы предметов содержащих в себе свойства всеобщего и особенного, общего и конкретного достигать понимания, процедура данного мыслительного акта происходит путем сравнения свойств изучаемых объектов восприятия.

В учебном эксперименте часто приходится проводить сравнения результатов наблюдений, позволяющих выделить существенные признаки у изучаемых предметов, формировать представления об общих и отличительных признаках класса предметов. Мыслительный акт сравнения состоит из следующих элементов:

- 1) выявление цели сравнения;
- 2) выбор предметов сравнения;
- 3) выделение необходимых признаков для осуществления сравнения;
- 4) выделение основания, по которому организуется сравнение;

5) установление наличия выделенных признаков у объектов сравнения;

6) количественная или качественная характеристика объектов по выделенному основанию и ее фиксация в какой-либо форме;

7) выражение результатов сравнения в наглядной форме;

8) построение выводов в соответствии с выдвинутой целью.

Полученный результат сравнения может стать основой для дальнейшего обобщения, классификации и систематизации.

Изучение в эксперименте различных явлений и построение выводов требуют умения находить причинно-следственные связи между явлениями и процессами обуславливающими изучаемое явление, проводя наблюдения надо четко выделять независимые и взаимосвязанные причины и явления. При построении итоговых выводов делать высказывания соблюдая причину и следствие. Так, например, изучив закономерности отражения волн любой природы надо записывать вывод в виде $\beta = \alpha$, так как угол падения независим и определяется самим экспериментатором, а угол отражения зависит от выбранного угла падения.

Наблюдения за процессами теплопередачи дают возможность для выявления причинно-следственных связей в явлениях, через обобщение провести их классификацию. Изучение явлений предполагает выяснение взаимосвязи данного явления с другими, сопровождающими его и находящимися с ним в причинно-следственной связи. В логике выделяется четыре основных пути установления таких связей методом индуктивных умозаключений для случая эмпирического познания природных процессов. К ним относятся: 1) метод согласия; 2) метод разницы; 3) метод остатков; 4) метод сопутствующих изменений.

Метод согласия позволяет из многообразия сочетаний изучаемого явления с сопутствующими явлениями, выделить только те, которые задают причинную следственную связь. Для этого в каждом изучаемом случае или научном факте ищут то одно из явлений, что присутствует в каждом акте наблюдения. Выделение этого явления и позволяет найти причину вызывающую начало протекания его. Например, при наблюдениях причины разряда воздушного конденсатора ставятся опыты по разрядке его под действием пламени, ультрафиолетовых лучей, радиоактивного излучения, устанавливают что причиной этого явления были ионы газа, создаваемые каждый раз различным образом.

В методе разницы выдвигается гипотеза о возможной причинно-следственной связи явлений. После этого, если из совокупности явлений удалить предполагаемую причину, и после этого изучаемое явление не наступит, то гипотеза подтверждается. Так, выдвинув гипотезу о причине конвекции возникновением архимедовой силы создадим условия для нагревания жидкости сверху, увидим отсутствие конвекции. В этом случае можно заключить, что причина конвекции в архимедовой силе, действующей с нижней части жидкости.

Идея метода остатков состоит в том, что если, в совокупности явлений известны причинные связи для всех явлений кроме одного, то оставшееся явление и причина взаимосвязаны. Изучая явление излучения можно наблюдать нагрев теплоприемника расположенного сбоку от нагревателя на достаточном расстоянии от него, при этом это явление невозможно объяснить ни теплопроводностью, ни конвекцией, следовательно, причина передачи тепла в другом явлении – тепловом излучении.

Если при наблюдении первого явления каждый раз наступает второе, то можно предположить наличие причинной связи их между собой и получить метод сопутствующих изменений. Наблюдения за дроблением и растворением перманганата калия и других веществ или делимости электрического заряда можно сделать вывод о делимости вещества и зарядов и малости частиц деления.

Обнаружение причинно-следственных связей в явлениях дает возможность дальнейшего более глубокого изучения явления через установление границ их существования. Взаимосвязь явлений между собой проявляется как некоторое изменение состояния изучаемого объекта, появлению у объектов новых свойств, определяющих измененное состояние. Модель этого процесса может быть представлена схемой: начальное состояние системы – процесс – результат – конечное состояние системы. Непонимание этой процедуры приводит к неверной демонстрации изучаемых явлений и процессов. Для наблюдения явления электролиза и построения верного его определения нельзя демонстрировать только результат отложения меди на угольных электродах, как это часто демонстрируют в школе, а

надо показать сам процесс выделения вещества в виде выделяющегося газа либо отложение вещества как в опыте с уксуснокислым свинцом. Для реализации любого процесса необходимо соблюдение требования ограничения условий, приводящих к однозначности существования явления или процесса. С точки зрения математики, каждое условие будем рассматривать как задаваемую ось, а необходимое и достаточное условие определяют область существования явления в данном условии. Совокупность условий задает – n -мерное пространство, а совместно необходимыми и достаточными условиями определяют n -мерный пространственный объем, в котором полностью определены условия существования явления. Из этого становится ясным требование одновременности осуществления требований условия существования явления, поскольку не выполнение одного из них задает другой k мерный объем в котором могут помещаться условия для осуществления других явлений, либо пустое множество в котором ничего не существует.

Например, условием существования электрического тока будут: а) наличие любого числа свободных электрических зарядов, б) действие на них электрического поля. Явление плавления вещества определяется: а) наличием вещества в кристаллическом состоянии; б) достижения температуры плавления; в) постоянство подвода энергии.

Изучение явления открывает возможности для более глубокого изучения структуры физического знания через следующую взаимосвязь изучаемых понятий. Для обнаружения явления и его демонстрации достаточно наблюдать разрозненные между собой опыты, построение обобщений в которых приводит к выявлению явления его описания, построения определения. Сравнение явлений в разных опытах между собой позволяет обнаружить некоторые их характеристики, отражающие различные свойства изучаемых объектов. Обобщение знаний о характеристике явления приводит к необходимости ее специального наименования через введение меры или физической величины. Введение меры необходимо требует проведения стандартизации операции и ее воспроизведения для дальнейшего сравнения. Поэтому на этом этапе мы сталкиваемся с необходимостью определения процедуры стандартизации меры через введение единицы измерений физической величины в той или иной системе единиц. Следующим этапом изучения становится введение способа измерения физической величины и построения приборов и систем измерителей позволяющих сравнивать меры характеризующие явления между собой.

Таким образом, мы получаем схему мыслительных действий для изучения структуры физических знаний на эмпирическом уровне познания позволяющую двигаться по познавательной цепочке: явление – свойство; характеристика – мера – единица измерения – способ измерения – измерительный прибор.

Рассмотрим это на примере изучения понятия «Масса тела». Явление, в котором для измерения скорости тела требуется время, назовем явлением инерции. Пронаблюдать его можно: а) используя пружинный маятник, б) разрыв нити подвеса гири при медленном натяжении нижней нити, в) падение вперед груза при резком торможении. При этом желательно построить обобщенный график зависимости скорости движения от времени воздействия на котором указать на наличие не мгновенного изменения скорости тела. Серия опытов, в которых берутся разные тела, позволяют сравнить времена достижения телами одной скорости, и для тел, которым требуется большее время достижения той же скорости при одинаковом воздействии, ввести характеристику этого свойства – длительность, а свойство назвать инертностью. Такая процедура сразу устраняет интерференцию сходных терминов инерция и инертность. Мерой инертности станет понятие «масса тела», единицей измерения в СИ 1 кг. Полезно для этого показать эталон массы в 1 кг и познакомить с другими эталонами массы 1 фунт; 1 пуд, познакомить с историей введения эталона 1 кг. Следующий этап связан с получением формулы

лы $m_T = \frac{m_2 a_2}{a_T}$ и показа взаимодействия тел и возможность

прямого и косвенного измерения ускорений взаимодействующих тел. Последним этапом становится изучение рычажных весов как прибора для измерения масс тел.

По степени полноты различаются полное или частичное сравнение. Результатом этого приема устанавливается сходство либо различие (полное либо частичное). Выявление только признаков сходства в объектах приводит к возможности их сопос-

тавления, а выявление только признаков отличия приводит к противопоставлению изучаемых объектов.

По временной последовательности установления сравнения объекты могут быть параллельными, последовательными, отсроченными. Параллельным будет сравнение синхронно изучаемого материала, к ним можно отнести сравнения механических свойств твердых тел. Последовательным сравнением будут действия по изучению явлений и процессов, изучаемых в хронологическом порядке. К таким можно отнести сравнение явлений теплопередачи, парообразования, тока в разных средах. Отсроченное сравнение становится возможным при изучении материала различных тем одного курса, либо материала разных курсов физики. Так можно проводить сравнение движения жидкости и электрического тока, испарения и термоэлектронной эмиссии.

В обучении операциям сравнения можно выделить следующие основные этапы.

Первый этап связан с ознакомлением учащихся с элементами формальной логики и показа приемов их использования для облегчения изучения материала и более глубокого проникновения в сущность явлений и процессов. Вторым этапом должен стать показ учителем основных этапов процедуры сравнения на основе предлагаемого алгоритмического предписания. На третьем этапе учащиеся упражняются в выполнении операции сравнения на сходном материале. Четвертый этап характеризуется применением его для изучения эмпирического материала в разных видах деятельности по предмету. Пятый этап наступает при использовании этого приема в изучении материала по другим предметам и в жизни.

Степень полноты усвоения этого мыслительного акта дает возможность выделить уровни усвоения учащимися умения сравнивать. На первом уровне учащиеся описывают объекты, но не сопоставляют их. На втором уровне учащиеся усваивают структуру акта, но объекты рассматривают один за другим. Третий уровень характеризуется полным усвоением процедуры сравнения, но лишь для некоторых из необходимых признаков объектов. Пятый уровень усвоения позволяет полностью использовать умение в учебно-исследовательской деятельности.

По результатам сравнения учащиеся должны научиться представлять их в виде таблиц, графиков, схем.

Наиболее частыми ситуациями, возникающими в изучении физики, можно считать следующие:

1. Сравнение с целью выявления общего в процессах и явлениях.
2. Сравнение с целью выявления особенного, отличительного.
3. Полное сравнение по установлению сходства и отличия.
4. Сравнение с целью выявления существенного свойства в явлениях.
5. Сравнение призванное установить наличие причинно-следственных связей в явлениях.
6. Сравнение с целью прогнозирования процесса или результата.
7. Обобщающие сравнения изучаемых свойств явлений и процессов.

Способы организации процедуры сравнения не новы для учащихся к моменту начала изучения физики, это должен учитывать учитель физики в своей работе. Главное правило в организации этой процедуры состоит в выполнении условия одинаковости сравниваемых объектов во всем кроме сравниваемого параметра. После этого выявляются различия в протекании явления или процесса на качественном или количественном уровнях. Это позволяет перейти к формулировке вывода об особенностях протекания явления. К этому случаю относятся выявление зависимости сопротивления проводника от его параметров. Для этого берут два проводника из одного материала, одинакового сечения, длины которых отличаются в два раза. Измерение величины тока показывает что чем длиннее проводник, тем меньше ток, а так как сопротивление проводника при его росте наоборот уменьшает ток то, следовательно, сопротивление прямо пропорционально длине проводника. Подобным образом устанавливается через сравнение качественная зависимость скорости диффузии от температуры, для этого опускают два пакетика чая в горячую и холодную воду, настой чая начнет диффундировать через пористую бумагу пакетика наиболее сильно в горячей воде по сравнению с холодной. В преподавании физики при организации эмпирического метода познания широко при-

меняются приемы сравнения параметров, отображающих внешние и внутренние свойства объектов изучения. При реализации теоретического метода, познания появляется возможность выявления границы действия законов. Это легко сделать при изучении законов Ома для участка цепи и полной цепи, или при выявлении перехода явления трения покоя в трение скольжения, условий плавания тел. Условия перехода одного явления в другое широко представлены в разных разделах физики: в механике: условия перехода от равномерного движения к ускоренному, незатухающих колебаний в затухающие, возникновение резонанса; в термодинамике: испарения в кипение, сообщение теплоты и нагревания, отличия коэффициента полезного действия тепловых двигателей в идеальном и реальных циклах. В электричестве явления электромагнитной индукции и самоиндукции.

Особая важная роль школьного курса физики состоит в возможности осуществления одного из наиболее сложных видов сравнения – выявление функциональных сходств изучения объектов. Общими функциями могут обладать системы, выглядящие внешне совершенно различным образом. Так к этому можно подойти, выявив общие условия функционирования некоего вида систем, а затем обнаружить эти функции у реальных объектов. Например, выяснить энергетические процессы функционирования колебательных систем с энергетической точки зрения. Когда один вид энергии может переходить в другой, а после этого показать разные колебательные системы и выяснить в них какие виды энергий и у каких тел переходят друг в друга.

При изучении поведения рамки с током в магнитном поле обнаружить функциональную разницу между поворотом и вращением рамки и выявить условия создания каждого из этих видов движения. Общими функциями могут обладать автоколебательные системы, несмотря на различие их внешнего устройства: будь то маятник в часах, генератор незатухающих колебаний на транзисторе. В этих устройствах есть разные по виду элементы общего фундаментального назначения – источника энергии. Другой функциональный элемент в этих устройствах это колебательные системы. Важным для этого вида систем является элемент, обеспечивающий положительную обратную связь. В ядерной физике при рассмотрении устройства ядерного реактора в начале выявляется функциональное назначение его частей, а после этого, при рассмотрении конкретных устройств, выявляют, какие устройства в разного типа реакторов выполняют эти функции.

В процессе преподавания методики физики и более успешного усвоения студентами методики организации различного вида сравнений в процессе изучения школьной физики можно предложить следующие вопросы.

Вопросы студентам для понимания используемых видов мыслительных приемов при проведении школьного физического эксперимента.

1. Рассмотреть, пониманию какой ситуации способствует данный эксперимент?
2. Определить содержание этапов акта сравнения в данном эксперименте?
3. Какие причинно-следственные связи устанавливаются при осуществлении эксперимента?
4. Какие приемы позволяют установить эту причинно-следственную связь?
5. Какие сходства и различия мыслительных действий наблюдаются в проводимых опытах?
6. Каковы возможности построения обобщающих и классификационных схем в серии опытов?
7. Каковы функции разных элементов в моделях приборов?
8. Найдите общие функции, выполняемые разными деталями и элементами в одно типовых установках?
9. Что такое закономерность и закон? Что из них изучается в этом эксперименте?
10. Каковы правильные формулировки закона его границ и опишите наиболее возможные ошибки в построении его определения?
11. Какие психологические трудности в восприятии и фиксации эксперимента создает используемое оборудование?
12. Как используя цепочку рассуждений в изучении физического понятия: явление – свойство – мера – единица меры – способ измерения, провести рассуждение при изучении предложенного понятия?

13. Какие возможны модели физических явлений для описания данного явления? Их возможности и ограничения?

14. Какие аналоги можно использовать для более облегченного описания изучаемого явления?

Библиографический список

1. Поспелов, Н.Н. Формирование мыслительных операций у старшеклассников / Н.Н. Поспелов, И.Н. Поспелов. – М., 1989.
2. Иванова, Л.А. Активизация познавательной деятельности учащихся при изучении физики: пособ. для учителей. – М., 1983.
3. Теория и методика обучения физики в школе: общие вопросы: учеб. пособ. для студ. высш. пед. учеб. заведений / С.Е. Каменецкий, Н.С. Пурышева, Н.Е. Вазеевская [и др.]; под ред. С.Е. Каменецкого, Н.С. Пурышевой. – М., 2000.
4. Методика преподавание физики в 7-8 классах средней школы: пособ. для учителей // А.В. Усова, В.П. Орехов, С.Е. Каменецкий [и др.]; под ред. А.В. Усовой. – М., 1990.
5. Гурова, Л.Л. Психология мышления. – М., 2005.

Bibliography

1. Pospelov, N.N. Formirovanie mihsitel'nykh operatsiy u starsheklassnikov / N.N. Pospelov, I.N. Pospelov. – M., 1989.
2. Ivanova, L.A. Aktivizatsiya poznatel'noy deyatel'nosti uchashchikhsya pri izuchenii fiziki: posob. dlya uchiteley. – M., 1983.
3. Teoriya i metodika obucheniya fiziki v shkole: obshchie voprosy: ucheb. posob. dlya stud. viyss. ped. ucheb. zavedeniy / S.E. Kameneckiy, N.S. Purihsheva, N.E. Vazheevskaya [i dr.]; pod red. S.E. Kameneckogo, N.S. Purihshevoy. – M., 2000.
4. Metodika prepodavaniya fiziki v 7-8 klassakh sredney shkolih: posob. dlya uchiteley // A.V. Usova, V.P. Orekhov, S.E. Kameneckiy [i dr.]; pod red. A.V. Usovoy. – M., 1990.
5. Gurova, L.L. Psikhologiya mihsleniya. – M., 2005.

Статья поступила в редакцию 08.08.14

УДК 378

Magomedova A.A. INFORMATION-METHODOLOGICAL SUPPORT IN THE FORMATION OF READINESS FOR NETWORKING IN LANGUAGE LEARNING IN FUTURE BACHELORS OF JURISPRUDENCE DEPARTMENT. The article presents the structure and contents of information and methodological support, which plays an important role in forming of readiness for networking when learning a foreign language. The target group includes bachelor students majoring in Jurisprudence. The paper presents the main components of information and methodological support, including copyrights electronic educational-methodical complexes and multimedia presentations on various topics on the discipline of Foreign Language in Law.

Key words: information and methodological support, future bachelor students, networking, formation of readiness, learning a foreign language, copyrights electronic educational-methodical complexes, multimedia presentations.

A.A. Магомедова, преп. каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Кавказского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Махачкала, E-mail: aysha_akbarovna@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПО ПРОФИЛЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ» К СЕТЕВОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье представлены структура и содержание информационно-методического обеспечения, которое играет важную роль при формировании готовности будущих бакалавров по профилю «Юриспруденция» к сетевому взаимодействию при изучении иностранного языка. Представлены основные составляющие информационно-методического обеспечения, включающие в себя авторские электронные учебно-методические комплексы и мультимедийные презентации по разным темам дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденция».

Ключевые слова: информационно-методическое обеспечение, будущий бакалавр, сетевое взаимодействие, формирование готовности, изучение иностранного языка, авторские электронные учебно-методические комплексы, мультимедийные презентации.

В настоящее время в педагогической науке предполагает новое понимание методической деятельности – информационно-методическое обеспечение, позволяющее педагогу оперативно осуществлять обратную связь со студентами, отбирая методики и технологии, адекватные контингенту студентов и своевременно корректировать учебный процесс.

С помощью информационно-методического обеспечения созданы условия для самообразования педагога, возможности выбора методик, адекватных контингенту студентов, способствующих успешности его и студентов, самореализации в дальнейшем. Модель информационно-методического сопровождения образовательного процесса представлена на рис. 1.

Дидактические возможности средств ИКТ позволяют повысить интерес обучаемого к восприятию учебного материала и способствуют интенсификацию учебного процесса, а также позволяют формировать информационно-методическое обеспечение, необходимое для качественного ведения учебного процесса по учебной дисциплине.

По мнению И.В. Роберт, информационно-методическое обеспечение учебного процесса – это обеспечение учебного процесса необходимыми научно-педагогическими, учебно-методическими, информационно-справочными, инструктивно-организационными, нормативно-методическими, техническими и другими материалами, которые используются в учебном процессе конкретного образовательного учреждения [1].

Все указанные выше составляющие информационно-методического обеспечения учебного процесса, могут быть реализованы в электронных изданиях образовательного назначения, которые разрабатываются в единой программной среде как электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК), позволяющие организовать информационно-методическое сопровождение учебного процесса на всех его стадиях.

Электронные образовательные ресурсы (ЭОР) прочно завоевывают свое место в образовательном пространстве. Этот процесс документально подтверждают принятые и действующие национальные стандарты Российской Федерации. Применение

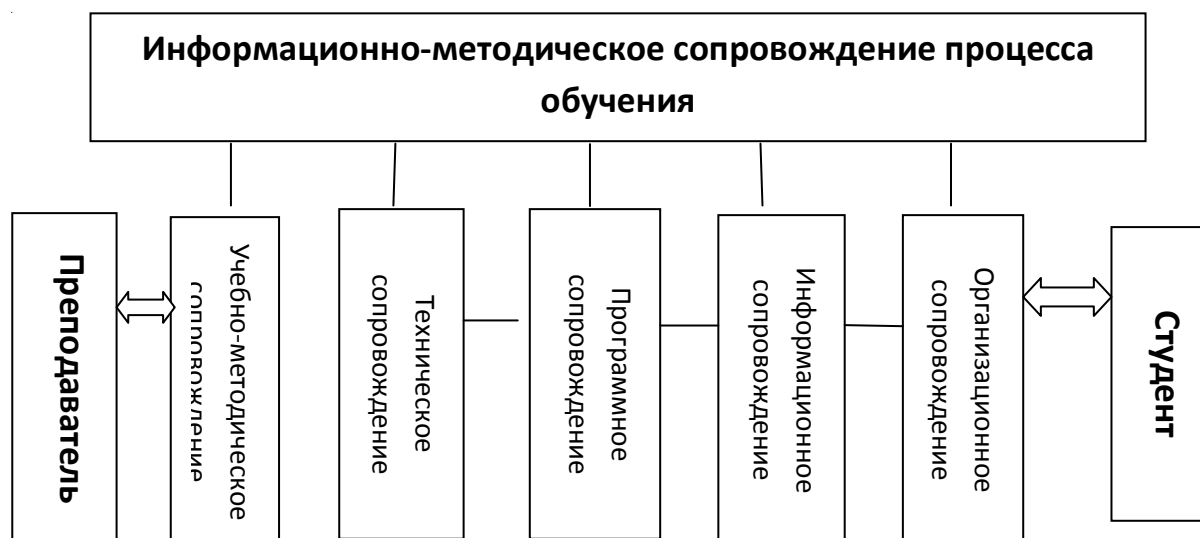

Рис. 1. Модель информационно-методического сопровождения образовательного процесса

электронных образовательных ресурсов в процессе обучения позволяет надеяться на реальную возможность расширения самостоятельной учебной работы – полезного с точки зрения целей образования и эффективного с точки зрения временных затрат. Использование ЭОР в обучении перестает быть новым, неизвестным, необычным. Оно становится законодательно определенным. Поэтому к электронному обучению предъявляются вполне обоснованные требования, обеспечивающие его надлежащее качество [2].

Самостоятельная работа обучающихся с использованием электронных образовательных ресурсов, с одной стороны, способствует эффективной работе по усвоению знаний и овладению способами деятельности, входящими в содержание обучения по дисциплине «Иностранный язык», с другой стороны, удовлетворяет потребность в самосовершенствовании по предмету за пределами обязательного программного материала, а также после окончания учебного заведения.

Электронный учебно-методический комплекс становится основной формой информационно-методического обеспечения учебного процесса, включающее в себя совокупность учебно-методических материалов, способствующих эффективному освоению будущими бакалаврами учебного материала, входящего в учебную программу дисциплины плана подготовки их по направлениям.

ЭУМК включает в себя, как правило, следующие компоненты:

1. Учебная программа дисциплины.
2. Методические рекомендации по изучению дисциплины для студентов.
3. Учебные и учебно-методические материалы по следующим видам занятий: лекционные, семинарские, практические.
4. Учебно-справочные материалы.
5. Учебно-наглядные материалы.
6. Словарь терминов и персоналий (или глоссарий).
7. Формы текущего, промежуточного и итогового контроля.
8. Материалы профессиональной практики.
9. Учебно-библиографические материалы.

Список перечисленных составных частей ЭУМК может быть продолжен, в тоже время некоторые пункты в нем наоборот могут варьироваться – это зависит от конкретной учебной дисциплины и конкретной специальности [3; 4].

Электронные учебно-методические комплексы обычно включают в себя мультимедиа курсы, каждый из которых представ-

ляет собой комплекс логически связанных структурированных дидактических единиц, представленных в цифровой форме, содержащий все компоненты учебного процесса.

Целями создания и использования ЭУМК являются: поддержка и развитие, как основного учебного процесса, так и дистанционных технологий непрерывного образования; обеспечение 100%-ной оснащенности учебного процесса учебно-методическими, справочными и другими материалами, улучшающими качество подготовки специалистов; создание инструмента планирования и организации работ по совершенствованию учебно-методической базы вуза.

Современные электронные ресурсы для обучения языку можно представить следующими группами учебных материалов и программных средств: электронные словари, в том числе учебные; аутентичные материалы на изучаемом языке; специализированные учебные ресурсы для обучения языку; средства электронной коммуникации. Учебные ресурсы, принадлежащие к каждой из этих групп, могут быть использованы в сетевом взаимодействии.

На занятиях по иностранному языку нами используются образовательные Интернет-сайты (www.edu.ru и www.school-collection.edu.ru), которые имеют большой набор электронных образовательных ресурсов.

Нами разработаны ЭУМК по дисциплинам «Иностранный язык в сфере юриспруденции» и «Иностранный язык», а также электронный ресурс факультатива «Сетевые информационные ресурсы при изучении иностранного языка» и мультимедийные презентации по некоторым темам иностранного языка.

Данные электронные ресурсы размещены на сайте портала дистанционного обучения «СКИФ» Донского государственного технического университета (<http://skif.donstu.ru>) в разделе «Дагестанский государственный педагогический университет», а также на сайте Северо-Кавказского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (<http://skfpra.ru>). По результатам проверки была принята альтернативная гипотеза, которая подтверждает эффективность использования информационно-методического обеспечения, реализующего возможности сетевого взаимодействия при изучении иностранного языка будущими бакалаврами по профилю «Юриспруденция»; качество умений и степень обученности будущих бакалавров при использовании информационно-методического обеспечения увеличились на 23,1% и 12,5% соответственно.

Библиографический список

1. Роберт, И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования. – М., 2010.
2. Сорокопуд, Ю.В. Педагогика высшей школы. – Ростов-на-Дону, 2011.
3. Абдуллаев, Д.А. Образовательные ресурсы Интернет в профессиональной подготовке бакалавров по профилю «Математика» / Д.А. Абдуллаев, Т.Г. Везилов // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6(43).
4. Гузеева, Э.Р. Модель формирования профессиональной компетентности будущих бакалавров с использованием образовательных Интернет-порталов / Э.Р. Гузеева, Т.Г. Везилов // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 2(45).

Bibliography

1. Robert, I.V. Sovremenniiye informacionniye tekhnologii v obrazovanii: didakticheskie problemih; perspektivih ispoljzovaniya. – M., 2010.
2. Sorokopud, Yu.V. Pedagogika vihshey shkolih. – Rostov-na-Donu, 2011.
3. Abdullaev, D.A. Obrazovatelniye resursih Internet v professionalnoy podgotovke bakalavrov po profilu «Matematika» / D.A. Abdullaev, T.G. Vezirov // Mir nauki, kul'turih, obrazovaniya. – 2013. – № 6(43).
4. Guzueva, Eh.R. Modelj formirovaniya professionalnoy kompetentnosti budutikh bakalavrov s ispoljzovaniem obrazovatel'nikh Internet-portalov / Eh.R. Guzueva, T.G. Vezirov // Mir nauki, kul'turih, obrazovaniya. – 2014. – № 2(45).

Статья поступила в редакцию 08.08.14

УДК 378

Matafonova T.A. EDUCATIONAL BACKGROUND IN THE PROCESS OF BUILDING A PROFESSIONAL COMPETENCE IN FUTURE SPECIALISTS IN TOURISM IN CONDITIONS OF INFORMATION-BASED EDUCATIONAL ENVIRONMENT. This paper considers certain aspects of a university information-based educational environment wherein an important place is given to the educational background behind the process of building competence in future travel professionals.

Key words: competence, travel professional, information-based educational environment, educational background.

Т.А. Матафонова, ст. преп., Кировский филиал Санкт-Петербургского гос. экономического университета, г. Киров, E-mail: tati-m07@mail.ru

ПРОГРАММНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ТУРИСТСКОГО ПРОФИЛЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В работе рассматриваются некоторые аспекты информационной образовательной среды вуза, где важное место занимает программно-методическое обеспечение процесса формирования профессиональной компетентности будущих специалистов туристского профиля.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, специалист туристского профиля, информационная образовательная среда, программно-методическое обеспечение.

В словаре С.И. Ожегова под обеспечением понимается то, чем обеспечивают кого-либо [1, с. 374]. То есть речь идет о совокупности средств, позволяющих человеку выполнять различные виды деятельности. Необходимо отметить, что многие исследователи раскрывают сущность и содержание различных видов обеспечения через совокупность используемых педагогом методов, средств и форм обучения, позволяющих всесторонне поддержать учебный процесс, сделать его эффективным и результативным. То есть, во всех случаях речь идет о разработке соответствующей дидактическим целям методической системы обучения. Наиболее явно эта связь прослеживается с созданием новых методик обучения и появлением современных дидактических средств, которые являются основными составляющими информационной образовательной среды вуза.

В учебном процессе нами активно используется метод деловых игр, который интегрирует развитие ценностно-мотивационного, когнитивного и творческого компонентов профессиональной компетентности. Есть основание полагать, что деловые игры оказывают заметное влияние на формирование профессиональной компетентности будущих специалистов туристского профиля, так как их использование способствовало повышению уровня сформированности данного свойства личности специалиста в среднем на 10%. Проведение деловых игр повысило квалификацию специалистов, прежде всего, в практических производственных вопросах, значительно сократило время адаптации выпускников на производстве, устранило вакуум между фундаментальной вузовской подготовкой и практической работой специалистов туристского профиля.

Использование деловых игр в учебном процессе позволяет сформировать у студентов: готовность действовать с учетом позиции другого; способность с помощью вопросов получить необходимую информацию; готовность брать на себя инициативу в организации общения при решении проблемы; способность переводить конфликтную ситуацию в диалог, находить пути решения через анализ и выработку общей точки зрения; стремление и возможность понимать относительность, субъективность мнений, желание и умение прислушиваться к точке зрения других; обнаруживать различные эмоциональные состояния у уча-

стников игры и использовать это в ходе общения при решении проблемы; выявить свои профессиональные умения в общении, профессиональные интересы, позиции, психологические качества и корректировать их.

При изучении дисциплин «Информационные технологии управления социально-культурной деятельностью», «Основы информационной культуры и информатики» и «Методическое обеспечение социально-культурной деятельности» будущими специалистами по направлению подготовки 071800.62 – Социально-культурная деятельность (профиль «Менеджмент социально-культурной деятельности») нами рассмотрена технология электронного портфолио (Е-портфолио). Опыт использования Е-портфолио в отечественной и зарубежной практике позволил выделить основные принципы и характеристики.

Условием эффективного использования современных средств ИКТ информационной образовательной среды вуза в формировании профессиональной компетентности будущих специалистов туристского профиля является электронное портфолио как основа реализации индивидуальной образовательной траектории.

В нашем исследовании электронное портфолио выступает в качестве образовательного ресурса, основная цель которого заключается в предоставлении доказательств, а также оценки прогресса, достигнутого студентом во время обучения.

Проблема использования электронного портфолио в контексте компетентного подхода активно исследуется в современной российской и зарубежной педагогике, где исследуются возможности его применения в образовании.

С позиций компетентного подхода е-портфолио обеспечивает будущим специалистам туристского профиля показать все, на что они способны, создать стимул роста. При этом он выполняет несколько функций: целеполагания (поддерживает учебные цели студента); содержательную (раскрывает весь спектр выполняемых будущим специалистом туристского профиля профессиональных работ); развивающую (обеспечивает непрерывность процесса обучения от года к году); мотивационную (поощряет результаты деятельности будущих специалистов туристского профиля); диагностическую (фиксирует изменения

и рост знаний будущего специалиста туристского профиля за определенный период времени); рейтинговую (позволяет определить количественные и качественные индивидуальные достижения).

Одним из разновидностей программно-методического обеспечения являются электронные образовательные издания и ресурсы.

Внедрение информационных технологий в учебный процесс актуализирует разработку и использование в курсе «Информационные технологии управления социально-культурной деятельностью» специализированных образовательных электронных изданий и ресурсов.

В настоящее время многие учебные заведения самостоятельно занимаются разработкой собственных электронных ресурсов различного назначения и применяют их в учебном процессе. Созданием подобных продуктов для различных типов учебных заведений занимаются и специализированные организации такие, как, например: «1С», «Кирилл и Мефодий», «Физикон», «Медиахауз», «Просвещение-Медиа» и другие. Тем самым образовательные издания и ресурсы получили большое распространение в области индивидуальной подготовки к поступлению в высшие учебные заведения, при организации различных видов дистанционного и смешанного обучения. В качестве образовательных изданий и ресурсов могут выступать учебники, учебные пособия, методические пособия, курсы лекций, рефераты, сборники задач и упражнений, а также другие источники. Учебные материалы должны отличаться высоким уровнем исполнения и художественного оформления, полнотой информации, качеством методического инструментария, качеством технического исполнения, наглядностью, логичностью и последовательностью изложения.

Библиографический список

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1997.

Bibliography

1. Ozhegov, S.I. Tolkovihy slovarj russkogo yazihka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 1997.

Статья поступила в редакцию 22.07.14

УДК 371

Merkel Ye.V., Semikopnaya N.P. THE BASE DEPARTMENT AND THE SCHOOL SCIENTIFIC CENTER – NEW METHODS OF FORMING CIVIL-LEGAL CULTURE OF LEARNERS AND STUDENTS. The article describes the main directions of cooperation in the framework of the strategic partnership of a cluster-like type between the base department of psychology and teacher education of MGGU n.a. M. A. Sholokhov and "The successful development for all", a School Scientific Center of School №1191 in Moscow, to build civil-legal culture of learners and students. Educational activities in this direction help all participants of educational relations – learners, students and teaching staff – to develop successfully, obtain continuing professional education.

Key words: strategic partnership of a cluster-like type, base department, school research center, civil-legal culture of learners and students, successful development of students, and teachers in educational relations.

Е.В. Меркель, почетный работник общего образования РФ, руководитель ШНЦ, методист по научной работе ГБОУ Школа № 1191, г. Москва, E-mail: elena_trubitsina@mail.ru; **Н.П. Семикопная**, отличник образования, руководитель ВР ГБОУ Школа № 1191, г. Москва, E-mail: semikopnat@yandex.ru

БАЗОВАЯ КАФЕДРА И ШКОЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР – НОВЫЕ ФОРМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ И СТУДЕНТОВ

В статье раскрываются основные направления сотрудничества в рамках стратегического партнерства кластерного типа между базовой кафедрой психолого-педагогического образования ФГБОУ ВПО МГГУ им. М.А. Шолохова Школьным научным центром «Успешное развитие для всех» ГБОУ Школа № 1191 г. Москва по формированию гражданско-правовой культуры обучающихся и студентов. Образовательная деятельность в этом русле помогает всем участникам образовательных отношений: обучающимся, студентам и педагогическим работникам успешно развиваться, получать непрерывное профессиональное образование.

Ключевые слова: стратегическое партнерство кластерного типа, базовая кафедра, школьный научный центр, гражданско-правовая культура обучающихся и студентов, успешное развитие участников образовательных отношений: обучающихся, студентов, педагогических работников.

Воспитание и обучение детей и молодежи всегда являлось одним из приоритетов образовательной политики Российской Федерации и города Москвы как столичного региона. Гражданское общество и государство всерьез обеспокоены проблемами духовно-нравственного развития подрастающих поколений москвичей, формирования их российской идентичности, преодоления экстремистских настроений в детской среде. Все это актуализирует необходимость осуществления эффективных практических действий в сфере обучения и воспитания, реализации согласованной программы обучения и воспитания во всех столичных округах. Одним из путей решения этой проблемы в нашей школе № 1191 г. Москвы (директор – Васильева С.И., заслуженный учитель РФ) мы видим стратегическое партнерство кластерного типа, которое осуществляется в нашей образовательной организации под научным и психолого-педагогическим сопровождением базовой кафедры психолого-педагогического образования ФГБОУ ВПО МГГУ им. М.А. Шолохова (ректор Нечаев В.Д., д-р пед. наук, проф.) и Школьного научного центра «Успешное развитие для всех», научным руководителем которого является Щербаков Ю.И., д-р пед. наук, проф., а руководителем – Меркель Е.В., методист по научной работе. «Актуальность подобного сотрудничества не вызывает сомнения, так как взаимодействие сторон позволяет создать условия для выполнения требований государственных образовательных стандартов специальности и федеральных государственных образовательных стандартов направлений подготовки, для конкурентоспособности выпускников на рынке образовательных услуг» [1].

Нами разработана и реализуется программа «Преемственность для успешного развития обучающихся и студентов», включающая подпрограммы «Я – гражданин земли Российской», координаторы Меркель Е.В., Семикопная Н.П., «Дети, литература, театр и музыка», координатор Хаванова Т.Е., «Дети и ИКТ», координатор Яценко О.В., «Дети, спорт и здоровье», координатор Мышкин В.Н., Шендановин Ю.С., «Дети и музеи», координатор Семикопная Н.П. В своей работе мы стараемся прежде всего руководствоваться целями по духовно-нравственному развитию и воспитанию школьников, что позволяет формировать у них стремление добиваться хороших знаний и умений, а это, в свою очередь, способствует обеспечению качества образовательной деятельности в целом. Одной из таких программ является программа «Я – гражданин земли Российской», данный документ разработан в соответствии с Концепцией духовно-нравственного развития личности гражданина России. «Воспитание же гражданственности, столь актуальное сегодня, нуждается в поддержке и целостном, системном педагогическом представлении как относительно сущности, так и процесса» [2].

Участники Школьного научного центра, реализуя программу «Я – гражданин земли Российской», системно подходят к формированию гражданской позиции обучающегося, создают условия для его самопознания и самовоспитания, самореализации и социализации в современном обществе, проводят акции, флэш-мобы, конкурсы проектных работ гражданско-патриотической направленности, по формированию гражданско-правовой культуры. В рамках реализации программы проведены такие мероприятия:

- Акции «Вахта памяти», «Моя малая Родина», «День Земли», «Акция – Зарплата», «Акция – ель Победы».
- Вечера: «Мы помним те годы», «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы» «Родные просторы, родная Земля», «Поэты о России!».
- Спортивные праздники: «Салют, Победа!» – вручение приписных свидетельств допризывной молодежи, «Салют Олимпиада!»
- Шефство над ветеранами ВОВ 1941-1945 гг.
- Экскурсии по памятным местам городов Москвы и Волоколамска, поездка с ветеранами ВОВ в Ельню «Битва за подступы к Москве».
- Встречи с участниками Великой Отечественной войны, военнослужащими Российской Армии и офицерами запаса.
- Уроки мужества «Они защищали Москву».
- Игры, диспуты, олимпиады к 70-летию Сталинградской битвы, Блокады Ленинграда, Курской дуги.

Содержание гражданско-патриотического воспитания органически связано с воспитанием нравственным, интеллектуальным и трудовым, с решением всех задач всестороннего развития личности школьника, поэтому проводить эту работу необходимо только комплексно, включая работу над социально значимыми проектами: «Подвиг Зои Космодемьянской», «Героический блокадный Ленинград», «Курская дуга», «70 лет Сталинградской битвы», «За нами Москва – отступать некуда».

Работа в Школьном научном центре «Успешное развитие для всех» позволяет педагогическим работникам нашего образовательного комплекса принимать активное участие в заседаниях, встречах, семинарах по инновационным, прорывным, актуальным вопросам образовательной и воспитывающей деятельности. Социальный успех – это осознанная ориентированность человека на непрерывное развитие, на реализацию личного стремления обрести дело своей жизни, отвечающее социальным ожиданиям общества. Нашим педагогическим работникам в образовательном комплексе принадлежит ключевая роль – профессионально и творчески организовывать образовательную деятельность с обучающимися, внедрять инновационные технологии, воспитывать у школьников стремление к новым знаниям.

Стратегическое партнерство кластерного типа школы с кафедрой психолого-педагогического образования ФГБОУ ВПО «МГГУ им. М.А. Шолохова» под руководством Щербакова Юрия Ивановича, д-ра пед. наук, проф., зав. каф. педагогики и психологии позволяет реализовывать новые подходы к обучению и воспитанию подрастающего поколения.

Научное и психолого-педагогическое сопровождение образовательной деятельности с обучающимися Школы № 1191 и студентами ФГБОУ ВПО «МГГУ им. М.А. Шолохова» помогает моделировать и творить креативную среду школы, в которой Личность воспитывает Личность: человеческую и духовно-нравственную, жизнелюбивую и умную, здоровую и творческую, словом, социализированную, способную не просто адаптироваться в обществе, но быть социально успешной. Нам, педагогическим работникам школы, руководителям разных направлений были профессионально интересны и полезны семинары практической направленности, проведенные сотрудниками кафедры: Бо-

лотовой Натальей Петровной, канд. психол. наук, доц. каф. педагогики и психологии МГГУ им. М.А. Шолохова по теме «Психолого-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих ребенка как в норме, так и с особенностями психического и физического развития, с использованием интегративных инновационных технологий»; семинар по теме «Взаимодействие педагогов с детьми с учетом возрастных особенностей и имеющих трудности в обучении», проведенный Корниенко Еленой Евгеньевной, старший преподаватель педагогического факультета МГГУ им. М.А. Шолохова; семинар-практикум по теме «Инновационные технологии и духовно-нравственное развитие и воспитание современных подростков», проведенный Барышовым Д.П., канд. техн. наук, доц. каф. педагогики и психологии МГГУ им. М.А. Шолохова. Совместная работа по созданию научно-методических материалов и представления всей деятельности на информационных пространствах кафедры педагогики и психологии <http://mggu-sh.ru/ped/kafedra-pedagogiki-i-psikhologii> и Школы http://sch1191sz.mskobr.ru/obrazovanie/innovacionnaya_i_eksperimentalnaya_deyatelnost/

Библиографический список

1. Щербаков, Ю.И. Взаимодействие вуза и школы в современных условиях // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1(44).
2. Князев, А.М. Гражданственность / А.М. Князев, В.С. Сорокин. – М., 2013.
3. Меркель, Е.В. Союз науки и практики в формировании гражданско-правовой культуры обучающихся // Реформы российского образования и перспективы инновационных образовательных технологий: сб. материалов межвузовской научно-практич. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, педагогов-практиков, студентов (29 апреля 2014 года) / под. ред. Л.В. Козиловой. – М., 2014. – Ч. 2.

Bibliography

1. Therbakov, Yu.I. Vzaimodeystvie vuza i shkolih v sovremennikh usloviyakh // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2014. – № 1(44).
2. Knyazev, A.M. Grazhdanstvennost' / A.M. Knyazev, V.S. Sorokin. – M., 2013.
3. Merkely, E.V. Soyuz nauki i praktiki v formirovani grazhdansko-pravovoy kul'turi obuchayutikhsya // Reformih rossiyskogo obrazovaniya i perspektivih innovatsionnih obrazovatel'nykh tekhnologiy: sb. materialov mezhvuzovskoy nauchno-praktich. konf. преподавателей, аспирантов, магистрантов, педагогов-практиков, студентов (29 апреля 2014 года) / под. ред. Л.В. Козиловой. – М., 2014. – Ч. 2.

Статья поступила в редакцию 21.07.14

УДК 37.02:78

Ovsyannikova O.A. ORGANIZATION OF THE JOINT RESEARCH PROJECT WITH THE STUDENTS MAJORING IN MUSIC EDUCATION WITHIN THE SCHOOL SUBJECT OF ARTS. The paper considers possibilities of professional training of teachers who teach Arts by expanding the professional duties of Music teachers, the acquisition of professional knowledge and skills within a university's and a secondary school's collective research projects. The work describes the practical experience of organization of projects in Arts classes and distinguishes its stages.

Key words: collective research project, subject of Arts, stages of a project, expansion of professional functions of a Music teacher.

О.А. Овсянникова, канд. пед. наук, доц. каф. музыкального образования Тюменского гос. университета, г. Тюмень, E-mail: sergeiovsiannikov@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА СО СТУДЕНТАМИ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» В РАМКАХ ШКОЛЬНОГО ПРЕДМЕТА «ИСКУССТВО»

В работе рассматриваются возможности подготовки профессиональных кадров учителей предмета «Искусство» посредством расширения профессиональных функций учителей музыки, приобретения ими профессиональных знаний и умений в рамках организации в вузе и общеобразовательной школе коллективных исследовательских проектов; описывается практический опыт организации проектов по предмету «Искусство», выделяются их этапы.

Ключевые слова: коллективный исследовательский проект, предмет «Искусство», этапы организации проекта, расширение профессиональных функций учителя музыки.

В современных образовательных условиях исследовательская деятельность школьников приобретает приоритетное значение. В процессе ее осуществления у школьников развивается мышление, речь, коммуникативные способности, повышается самооценка, они приобретают некоторые профессиональные умения и навыки. В примерной основной образовательной программе образовательного учреждения (Основная школа) указывается на необходимость защиты каждым учащимся итогового исследовательского (индивидуального) проекта. Программа подготовки проекта включает требования по следующим рубрикам:

организация проектной деятельности, содержание и направленность проекта, защита проекта, критерии оценки проектной деятельности [1]. В учебнике для общеобразовательных учреждений «Искусство» (8-9 классы), авторами которого являются Г.П. Сергеева, И.Э. Кашекова, Е.Д. Критская, также предусмотрено выполнение обучающимися индивидуальных и групповых проектов, а также мини-проектов [2]. В примерной основной образовательной программе образовательного учреждения указывается, что учащиеся основной школы должны научиться создавать презентации, проводить обработку цифровых звукоза-

писей с использованием компьютерных инструментов, осуществлять видеосъемку и проводить монтаж снятого материала, создавать мультипликационные фильмы, в целом использовать возможности информационных технологий в творческой деятельности, связанной с искусством. Результаты же планируется достигать на таких предметах, как «Русский язык», «История», «Обществознание», а также на предмете «Искусство» [1]. К сожалению, практика показывает, что данные умения и навыки не в полной мере, а иногда и вообще не реализуются в рамках предмета «Искусство». Связано это с неподготовленностью профессиональных кадров учителей, которые ведут данную дисциплину. До сих пор не создано специальных учреждений, которые могли бы подготовить квалифицированных преподавателей по данному предмету, за исключением некоторых курсов повышения квалификации, где данные знания даются в небольшом объеме, поэтому «Искусство» ведут преимущественно учителя изобразительного искусства, либо учителя музыки, которые не в состоянии в полном объеме реализовать достаточно сложную и разнообразную образовательную программу по данному предмету. Эта дисциплина требует искусствоведческих, музыкальных, художественных, культурологических знаний и умений, предусматривает профессиональное владение различными техническими устройствами: умение вести видеосъемку и осуществлять монтаж для создания фильмов, создание фото и видео репортажей, макетов, газет и журналов и т.д.

На наш взгляд, учитель музыки при определенном расширении содержания профессионального образования, а также при использовании эффективных и современных методов преподавания, может успешно и творчески вести предмет «Искусство». Одним из способов решения такой сложной и многоаспектной проблемы может являться осуществление проектной исследовательской деятельности как самим учителем, так и учащимися, что позволит приобрести необходимые знания и умения в процессе творческой деятельности, в том числе и совместной. Но выполнение коллективного учебного проекта по предмету «Искусство» имеет ряд сложностей и особенностей. Поэтому обратимся к рассмотрению вопроса организации такого проекта. Художественно-творческие проекты могут иметь разнообразную тематику, главное, чтобы они носили интегрированный, развивающий в духовно-нравственном, эстетическом отношении характер и были интересны обучающимся. Рассмотрим два учебных проекта, которые первоначально были апробированы в рамках высшего профессионального образования, а со студентами специальности «Музыкальное образование», а затем внедрены в практику школьного урока «Искусство» с учащимися 8-х классов.

В данной работе предлагается пример организации проекта «Из истории создания военных песен» с учащимися 8-го класса, который мы опишем более подробно. Этот проект является информационно-исследовательским и творческим, предусматривает работу всего класса в течение нескольких месяцев. В данном случае осуществляется коллективная форма проектной деятельности школьников. В результате самостоятельных действий учащиеся готовят проект по теме, а результатом их деятельности является концерт-презентация военных песен для ветеранов, учащихся других классов, преподавателей и родителей.

Цель данного проекта – изучение истории создания военных песен, творчества композиторов, написавших эти песни, а конечный результат (продукт) – презентация музыкально-исторического концерта с одноименным названием.

Вовлечение учащихся в проектную деятельность должно происходить постепенно. Как показывает опыт проектной деятельности, интерес к такой в значительной степени самостоятельной работе появляется в основном звене школы, то есть в подростковом возрасте.

Проектная деятельность проводится поэтапно. Как педагогическая технология она не предполагает жесткой алгоритмизации действий, но требует следования логике и принципам проектной деятельности [3].

Организация проектной деятельности в музыкальном и художественном образовании полностью ложится на плечи учителя. Подготовить, заинтересовать, организовать учащихся, контролировать процесс «основные задачи учителя в проектной деятельности».

Как правило, часть проектной деятельности осуществляет на уроке, а часть во внеурочное время. На уроке должны кон-

тролироваться лишь опорные пункты проектной деятельности, ее ход работы (планирование, распространение найденной учениками информации между одноклассниками, репетиция творческих номеров и прочие моменты проектной деятельности). Учащиеся сами добывают подходящую по теме проекта информацию, музыкальный материал, знакомятся с ним и обрабатывают его.

Любой процесс организации предполагает поэтапность действий. Нами обозначены и реализованы следующие этапы организации проекта «Из истории создания военных песен».

Первый этап – нахождение и формулировка темы (тема должна быть интересна учащимся и отвечать их возрастным особенностям; она может быть приурочена к какому-либо празднику или важному событию школы, города, страны).

Второй этап – планирование учебных действий. Продумывание каждого следующего этапа проектной деятельности. Распределение ролей каждого учащегося по группам:

I группа – «Историки». Их задача: изучить причины возникновения военных песен, их тематику, проанализировать творчество композиторов, подобрать широкий репертуар военных песен, систематизировать всю информацию и предоставить ее другим участникам;

II группа – «Создатели презентации». В их задачу входит создание презентации для каждой песни в программе Power Point с использованием видео, фото материалов.

III группа – «Сценаристы и ведущие». Задача сценаристов: продумать порядок номеров, составить сценарий презентационного концерта, отследить подготовку концертных номеров; Задача ведущих: научиться презентовать каждый номер с выражением и характером, подготовить афиши и приглашения на концерт.

IV группа – «Исполнители». Их задача: подготовить свой концертный номер (песню, художественное слово, танец и т.д.);

Третий этап – сбор исторических данных о возникновении военных песен, их создании, тематике и сведениях о композиторах, обработка найденного материала.

Четвертый этап – анализ и обобщение исторической информации (определенные материалы, сведения о военных песнях презентуются на уроке музыки или на уроке искусства для отслеживания готовности информации).

Пятый этап – подготовка сообщений и творческих номеров (создание презентации по каждой песне, репетиции номеров; на уроках музыки со школьниками разучиваются сами военные песни, как в хоровом варианте, так и в дуэте, и соло).

Шестой этап – концерт, как презентация проектной деятельности.

Седьмой этап – коллективное обсуждение, анализ проделанной работы, обсуждение планов будущих проектов.

На протяжении всей проектной деятельности учитель должен отслеживать работу учащихся, помогать им в отборе исторической информации, в сборе коллектива и в организации репетиционных моментов. Цель современного учителя в проектной деятельности – научить детей самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, научить прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения проблемы.

Важную роль в организации проекта «Из истории создания военных песен» играет обеспечение рабочего места всем необходимым. Желательно, чтобы школа смогла обеспечить учащихся информационно-технологическими ресурсами (компьютеры, выход в Интернет, фонд и каталоги библиотеки), предоставить свободное от урочных занятий помещение, не ограничивающее свободу действий учащихся.

Немаловажную роль играет и заключительный этап проектной деятельности – анализ полученного результата. Всеми учащимися и учителем осуществляется коллективное обсуждение проделанной работы, устанавливается достижение цели, выявляются недочеты проектной деятельности, проявившиеся в концерт-презентации (если таковые имеются), выясняется польза этого проекта для каждого учащегося (что они узнали, открыли для себя), что дала им проектная деятельность, как для отдельной самостоятельной личности, так и для всего учебного коллектива.

В процессе работы учащиеся должны получить знания об истории создания песен периода Великой Отечественной войны, научиться их выразительно исполнять, осознать, что музыка имеет важное значение в жизни каждого человека, кроме того,

она воспитывает не только эстетические, но и патриотические чувства.

Далее обратимся к рассмотрению этапов проекта «Образ Снегурочки в различных видах искусства». Выполнение данного проекта школьниками предусматривается в учебнике «Искусство» (8-9 классы) Г.П. Сергеевой, И.Э. Кашековой, Е.Д. Критской для общеобразовательных учреждений [2]. Этот проект также носит групповую форму воплощения. В данном случае будет показана реализация проекта со студентами специальности «Музыкальное образование», ведь будущие профессионалы смогут успешно осуществлять проектную деятельность со школьниками только в том случае, если они сами пройдут этот путь в процессе учебной деятельности.

Цель данного проекта: на примере учебного проекта для школьников 8 класса показать возможности расширения профессиональных функций учителя музыки. Задачи проекта: пополнение педагогической копилки учителя музыки; апробация проектной деятельности по предмету «Искусство»; формирование общекультурной компетенции «работать в команде». Ресурсное обеспечение проекта: компьютерное оборудование, видеоматериалы, художественные иллюстрации, музыкальные фрагменты, учебник по предмету «Искусство» для учащихся 8-9 классов.

Этапы проекта: подготовительный, на котором изучаются методические материалы по проектной деятельности, распределяются роли в команде, определяются сроки работы и ресурсы; реализационный, на котором определяется логика, структура и содержание проекта, распределяются содержательные линии и концертные фрагменты между участниками, собирается методическая и искусствоведческая литература, подбирается музыкальный и художественный материал, пишется текст доклада, составляется презентация; заключительный этап, который предполагает презентацию проекта в форме доклада с электронной презентацией и концертным номером.

К возможным рискам можно отнести короткие сроки создания проекта, занятость участников в учебном процессе и концертной деятельности, а также недостаток опыта проектной деятельности. Данные риски успешно могут быть преодолены при оптимальной организации проектной деятельности и контроля со стороны научных кураторов. В ходе осуществления проекта планируются следующие результаты: расширение профессиональных функций учителя музыки, приобретение опыта проектной деятельности студентами, которые смогут реализовать данный проект в общеобразовательной школе с учащимися 8-х классов, укрепление связи «школа-Вуз», а также создание учебного художественно-творческого продукта в виде презентации проекта.

Кратко обозначим содержание презентации проекта. В презентации студенты последовательно рассматривали возникновение и трансформацию образа сказочной героини Снегурочки в различных видах искусства. Первоначально был показан образ Снегурочки в русских народных сказках как образ ледяной девочки-внучки, которую слепили из снега старик со старухой себе в утешение; отражены истоки его возникновения на основе древнего славянского обряда похорон Костромы [4]. Затем рассматривались различные, в том числе и авторские варианты сказок о Снегурочке: собирателя фольклора А. Афанасьева, И. Даля, Н. Островского. Далее образ этого персонажа отражался в театральном и изобразительном искусстве, неразрывно друг

с другом связанных, так как эскизы образов героев и их костюмов к театральным постановкам писали известные художники: В. Васнецов, М. Врубель, Н. Рерих и другие. Важно было не только продемонстрировать иллюстрации героини, но и проанализировать взаимодействие цвета, фактуры, формы костюма с ее характером. Образ Снегурочки был прослежен и в искусстве лаковой миниатюры: у современных федоскинских художников, у мастеров Палеха и Холуя на росписях брошек, блокнотов, бисерниц.

Студенты проследили развитие образа Снегурочки в работах педагогов конца XIX — начала XX века, которые готовили сценарии для детских новогодних ёлок. В военный период этот образ исчезает. В качестве обязательной постоянной спутницы Деда Мороза она возрождается лишь в начале 1950-х благодаря усилиям детских классиков Льва Кассиля и Сергея Михалкова, которые писали сценарии для кремлевских елок.

Образ Снегурочки ярко отражен и в кинематографе. В презентации был показан фрагмент мультипликационного фильма «Снегурочка» по мотивам одноименной пьесы А.Н. Островского на музыку Н.А. Римского-Корсакова в обработке Л.А. Шварца, что позволило более детально проанализировать характер персонажа, ее взаимодействие с другими героями. Для сравнения был показан образ Снегурочки из художественного фильма режиссера Татьяны Петровой «Снегурочка. Пасхальная сказка», где персонаж предстает трагичным, вызывает сочувствие и интерес.

Особенно ярко был представлен образ Снегурочки в музыкальном искусстве: в «Весенней сказке» П.И. Чайковского и в одноименной опере Н.А. Римского-Корсакова. В презентации прозвучала интродукция «Весенней сказки» П. Чайковского. Кульминацией презентации явилось исполнение студенткой «Сцены таяния» из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка».

Изучение данного образа позволило студентам увидеть историю страны, проследить трансформацию образа в музыкальном, драматическом, изобразительном, декоративно-прикладном искусстве, в искусстве кино и мультипликации. Кроме того, они получили опыт проведения проектной деятельности, смогли осознать недочеты, положительные моменты проекта, научились работать в команде. Самое главное, они смогли перенести данный опыт в плоскость школьного урока «Искусство» и успешно организовать данный проект со школьниками.

Следует отметить, что сложности преподавания предмета «Искусство» могут преодолеваются в процессе коллективной и индивидуальной проектной деятельности как учащихся, так и преподавателя. Совместная исследовательская деятельность позволяет более глубоко погрузиться в изучение какой-либо темы, творчески ее интерпретировать, перенять друг у друга определенные умения и навыки, в том числе и в сфере информационных технологий. Важно, чтобы проектная деятельность была хорошо спланирована и организована. Количество и содержание этапов может зависеть от конкретного проекта, главное, соблюдать логику организации: от подготовительного этапа через реализацию проекта и его представление к заключительной аналитической ступени.

Библиографический список

1. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / сост. Е.С. Савинов. — М., 2011. (Стандарты второго поколения).
2. Искусство. 8-9 классы: учеб. для общеобразоват. учреждений / Г.П. Сергеева, И.Э. Кашекова, Е.Д. Критская. — М., 2011.
3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е.С. Полат. — М., 2000.
4. Богданова, С. Мифологические мотивы в сюжете пьесы Островского «Снегурочка» // Литература. — 1996. — № 33.

Bibliography

1. Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma obrazovatel'nogo uchrezhdeniya. Osnovnaya shkola / sost. E.S. Savinov. — M., 2011. (Standartih vtorogo pokoleniya).
2. Iskusstvo. 8-9 klassih: ucheb. dlya obtheobrazovat. uchrezhdeniy / G.P. Sergeeva, I.Eh. Kasheкова, E.D. Kritskaya. — M., 2011.
3. Novihе pedagogicheskie i informacionnihe tekhnologii v sisteme obrazovaniya / pod red. E.S. Polat. — M., 2000.
4. Bogdanova, S. Mifologicheskie motivih v syuzhete pjesih Ostrovskogo «Snegurochka» // Literatura. — 1996. — № 33.

Статья поступила в редакцию 21.08.14

УДК 378:3.74

Perervina I.M. THE PROGRAM OF EXPERIMENTAL WORK ON THE DEVELOPMENT OF CULTURE TO CARRY OUT A POLILOQUE BY STUDENTS OF JUNIOR COURSES IN THE PROCESS OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE. The article considers a program of experimental work on the development of culture to carry out a polylogue by junior students. The work reveals the contents of stages in the analysis of the experimental data, obtained as a result of experimental work.

Key words: polylogue, culture of a polylogue, levels of development, experiment, pedagogical technologies.

И.М. Перервина, ст. преп. каф. иностранных языков Алтайского гос. аграрного университета, г. Барнаул, E-mail: perervind@mail.ru

ПРОГРАММА ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ КУЛЬТУРЫ ПОЛИЛОГА СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается программа опытно-экспериментальной работы по развитию культуры полилога студентов младших курсов, подробно описаны этапы, приведен анализ экспериментальных данных, полученных в результате опытно-экспериментальной работы.

Ключевые слова: полилог, культура полилога, этапы развития, эксперимент, педагогические технологии.

Анализ состояния проблемы развития культуры полилога выявил недостаточную разработанность этой проблемы в теории и практики высшей школы. Проведенное нами исследование позволило определить реальную необходимость поиска оптимальной модели развития культуры полилога. С целью проверки ее эффективности была проведена опытно-экспериментальная работа.

Исследование по реализации модели развития культуры полилога студентов младших курсов проводилось на базе ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный аграрный университет».

Для реализации данной модели была разработана программа, которая представляла собой ряд целенаправленных, взаимосвязанных и технологически упорядоченных действий преподавателя и студентов по реализации данной модели.

Эксперимент проводился с 2010 по 2014 год.

Цель опытно-экспериментальной работы – проверить эффективность разработанной и описанной нами модели развития культуры полилога студентов младших курсов в процессе изучения иностранного языка в неязыковом вузе.

В качестве ведущего метода в нашем исследовании использовался педагогический эксперимент [1].

Для подтверждения выявленного нами противоречия между высокими требованиями государства и общества к личным и профессиональным качествам студентов и не соответствующим данным требованиям состоянием культуры общения студентов нами был проведен констатирующий эксперимент. Так, обучение в контрольных группах проводилось в традиционной форме, в соответствии с программой курса «Иностранный язык для неязыковых факультетов и вузов». В экспериментальных группах использовалась модель развития культуры полилога студентов младших курсов. На занятиях использовались групповая и коллективная формы обучения [2; 3].

Программа реализации модели развития культуры полилога студентов младших курсов была рассчитана на 1, 2, 3, 4 семестры изучения иностранного языка. Реализация данной модели проходила в три логически взаимосвязанных этапа: диагностический, формирующий, оценочно-результативный, каждый из которых имел свою цель, задачи, средства, методы и результат.

Диагностический этап. На данном этапе проводилась диагностика студентов по выявлению мотивации изучения иностранного языка, а также понимания значения культуры полилога для будущей профессиональной деятельности. Нами определялась, также, степень информированности студентов о культуре делового общения, культуре полилога и степень сформированности каждого из критериев культуры полилога. Основными методами данного этапа выступили методы опроса: анкетирование, интервью, беседа и педагогическое наблюдение.

На основе анализа полученных на диагностическом этапе данных, нами был разработан элективный курс «Культура полилога студентов неязыковых вузов», который был внедрен в образовательный процесс на формирующем этапе.

Формирующий этап. Целью данного этапа было развитие культуры полилога. Здесь мы предполагали использовать технологию развития культуры полилога.

Основные задачи данного этапа:

1. Сформировать систему знаний у студентов по развитию культуры полилога.
2. Создать условия по развитию культуры полилога.
3. Сформировать из учебной группы коллектив.
4. Развить внутреннюю мотивацию к изучению иностранного языка.
5. Развить навыки работы в коллективе.

Для формирующего этапа мы определили следующие методы: беседа, обучение в коллективе, метод проектов, активные формы проведения занятий, метод погружения и различные тренинги.

Предполагаемые результаты:

1. Развитие всех критериев сформированности культуры полилога.
2. Развитие внутренней мотивации к изучению ИЯ.
3. Понимание студентами важности полученных знаний для будущей профессиональной деятельности.
4. Готовность и умение работать в коллективе.

Оценочно-результативный этап. На данном этапе осуществлялись оценка и анализ результатов учебной деятельности по развитию культуры полилога. Для данного этапа нашей программы нами были сформулированы следующие задачи:

1. Оценить результаты учебной деятельности по развитию культуры полилога.
2. Провести коррекцию деятельности на основе полученных данных.
3. Выявить положительные изменения в развитии культуры полилога.

Основной метод данного этапа – диагностика.

Для определения степени информированности студентов о культуре делового общения, культуре полилога и о применении данных знаний для будущей жизни и профессиональной деятельности нами проводились опрос, беседа. Результаты опроса и беседы (до эксперимента) показали, что большая часть респондентов экспериментальной и контрольной групп имеют слабое представление о культуре делового общения и, в частности, о культуре полилога (37% и 32% соответственно), небольшое количество студентов частично информированы о культуре полилога и понимают её значение для будущей деятельности (18% и 14% соответственно), у 33% и 40% респондентов соответственно зафиксировано полное отсутствие понимания о культуре межличностных отношений, 12% и 14% респондентов соответственно считают, что культура общения не важна для их будущей профессиональной деятельности.

Принимая во внимание данные результаты, нами были определены причины такого распределения:

Таблица 1

Динамика изменений уровней развития внутренней мотивации студентов в процессе изучения иностранного языка в контрольных и экспериментальных группах до и после эксперимента, (в %)

Уровни	Экспериментальные группы		Контрольные группы	
	до	после	до	после
1. Осознанный	12	44	15,4	8
2. Положительный	16	28	11,6	4
3. Нейтральный	52	16	34,6	68
4. Негативный	20	12	38,4	20

– отсутствие знаний о культуре полилога (непонимание значения этих знаний для будущей профессиональной деятельности);

– снижение общей культуры современных студентов;

– отсутствие связи теории и практики (студенты не готовят к будущей профессиональной деятельности, а дают только готовые знания по определенному предмету).

Проанализируем изменения, произошедшие в мотивационной сфере студентов контрольных и экспериментальных групп до и после эксперимента. В нашем исследовании мы использовали панельные анкеты.

Мы измеряли уровни внутренней мотивации к изучению иностранного языка, т.к. считаем, что знание мотивации студентов поможет нам при обучении.

Для математических расчетов мы использовали критерий хи-квадрат Пирсона, который применяется для сравнения результатов двух случайных, независимых выборок, измеренные по шкале порядка. Результаты этих изменений представлены в таблице 1.

Полученные нами цифровые показатели свидетельствуют о положительных сдвигах, которые произошли в экспериментальных группах к концу эксперимента. Так, на 32% увеличилось количество студентов на осознанном уровне сформированности внутренней мотивации в экспериментальных группах, в то время как в контрольной группе этот показатель снизился на 7,3%. На положительном уровне увеличилось число обучаемых на 12% в экспериментальной группе, в контрольной же – снизилось на 7,5%. Кроме того, в контрольной группе повысилось количество студентов на нейтральном (на 33,4%) по сравнению с экспериментальными группами, в которых количество студентов на данном уровне увеличилось на 36%. В экспериментальной группе на негативном уровне уменьшилась численность на 8%, в контрольных группах – на 18,4%.

Таким образом, положительные результаты, произошедшие в уровнях развития внутренней мотивации в экспериментальной группе позволяют судить о том, что нам удалось заинтересовать студентов. Этому способствовали созданные условия для развития положительной мотивации к изучению иностранного языка (например, создание ситуаций успеха для слабых студентов), а также верно подобранные методы обучения и содержание обучения, которое включало материал, специально подобранный для этой цели. В контрольных группах, наоборот, снизилось количество студентов на осознанном и положительных уровнях и увеличилось на нейтральном, мотивами которого яв-

ляются избегание плохой оценки, изучение его, т.к. этого требуют родители. Это говорит о том, что студенты не видят и не понимают перспектив применения иностранного языка в будущей профессиональной деятельности.

На основании результатов опытно-экспериментальной работы нами были сделаны следующие выводы:

1. Опыт-экспериментальная работа по выявлению эффективности модели развития культуры полилога у студентов младших курсов была выполнена нами в полном объеме.

2. Разработанная программа реализации модели развития культуры полилога состояла из трех этапов, каждый из которых включал цели, задачи, методы и ожидаемый результат. Целью диагностического этапа была диагностика студентов; на формирующем этапе мы формировали систему знаний у студентов по развитию культуры полилога и оценочно-результативный этап, в ходе которого нами проводилось оценивание полученных результатов.

3. Для определения динамики развития культуры полилога проводилось повторное тестирование, анкетирование, сравнение результатов, наблюдение в ходе подготовки и проведения ролевых и деловых игр, тренингов. Диагностика студентов проводилась как в письменной, так и в устной формах.

4. Результаты констатирующего эксперимента выявили в образовательном процессе вуза преобладание низкого уровня развития культуры полилога и мотивации к изучению иностранного языка. Чтобы повысить эффективность процесса развития культуры полилога у студентов в образовательном процессе вуза необходимо было реализовать сконструированную нами модель.

5. Полученные в ходе формирующего эксперимента данные говорят о том, что в процессе развития культуры полилога у студентов экспериментальных групп, в отличие от студентов контрольных групп, произошли заметные изменения: повысилась мотивация к изучению иностранного языка, студенты осознали необходимость развития культуры общения для будущей профессиональной деятельности, повысился показатель каждого из критериев развития культуры полилога.

6. Разработанная нами модель развития культуры полилога оказала активное влияние на развитие личностных и профессиональных качеств будущих специалистов.

7. В условиях опытно-экспериментальной работы подтвердилась эффективность разработанной модели, а полученные в ходе эксперимента данные доказали необходимость и целесообразность внесенных в образовательный процесс изменений.

Библиографический список

1. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад; ред. кол.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова [и др.]. – М., 2002.
2. Борзова, Е.В. Парная и групповая работа на уроках иностранного языка в старших классах // Язык. Речь. Коммуникация. – 2000. – Вып. 4.
3. Москвская, Н.Л. Изучение иностранного языка на основе группового консультирования / Н.Л. Москвская, Л. Губарева // Язык и образование в диалоге культур: Матер. 44 научно-методич. конф. преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь, 2000.

Bibliography

1. Pedagogicheskijy ehnciklopedicheskijy slovarj / gl. red. B.M. Bim-Bad; red. kol.: M.M. Bezrukikh, V.A. Bolotov, L.S. Glebova [i dr.]. – M., 2002.
2. Borzova, E.V. Parnaya i gruppovaya rabota na urokakh inostrannogo yazihka v starshikh klassakh // Yazihk. Rechj. Kommunikaciya. – 2000. – Vihp. 4.
3. Moskovskaya, N.L. Izuchenie inostrannogo yazihka na osnove gruppovogo konsuljtirovaniya / N.L. Moskovskaya, L. Gubareva // Yazihk i obrazovanie v dialoge kuljtur: Mater. 44 nauchno-metodich. konf. prepodavatelej i studentov «Universitetskaya nauka – regionu». – Stavropolj, 2000.

Статья поступила в редакцию 11.08.14

УДК 37.04

Stolyarchuk I.A. PREVENTING GENDER DISADAPTATION OF TEENAGERS: A HOLISTIC APPROACH. The article is devoted to a problem of gender disadaptation and its prevention, which is based on a holistic approach in correspondence with socio-cultural and economic transformations, taking place in the modern society. The author provides diagnostic tools for practical study a gender-based standpoint of adolescents and suggests possible ways of prevention of gender disadaptation of teenagers in conditions of institutions of general and additional education.

Key words: gender disadaptation, adolescents, preventive education, holistic approach.

И.А. Столярчук, канд. пед. наук, доцент, Волгоградский гос. социально-педагогический университет, г. Волгоград, E-mail: lisgender-vspu@mail.ru

ПРОФИЛАКТИКА ГЕНДЕРНОЙ ДЕЗАДАПТИРОВАННОСТИ ПОДРОСТКОВ НА ОСНОВЕ ЦЕЛОСТНОГО ПОДХОДА

Статья посвящена проблеме гендерной дезадаптированности подростков и ее профилактике на основе целостного подхода в соответствие с социокультурными и экономическими трансформациями, происходящими в современном обществе. Автор приводит диагностические методики для практического изучения гендерной позиции подростков, предлагает возможные способы профилактики гендерной дезадаптированности подростков в условиях учреждений общего и дополнительного образования.

Ключевые слова: гендерная дезадаптированность, подростки, педагогическая профилактика, целостный подход.

В современном мире имеет место тенденция к большей независимости гендеров, а официальный брак уже не считается для нового поколения единственной формой «постоянных» взаимоотношений между мужчиной и женщиной. В наименее выгодном положении оказываются дети, проявляющие признаки гендерной несостоятельности. Неспособность девочек и мальчиков-подростков (тинейджеров) адаптироваться к усложнившимся условиям жизни, новым требованиям, предъявляемым к ним самим и их окружению, меняющимся ценностям, психотравмирующим ситуациям, возникающим, главным образом, в процессе их общения в семье, школе, учреждениях дополнительного образования сопровождается развитием гендерной дезадаптированности.

Вызывает беспокойство увеличивающееся количество подростков с деструктивным гендерным поведением, снижение возраста первого сексуального опыта, рост подростковых беременностей, ухудшение репродуктивного здоровья молодежи, подростковая наркомания и другие причины гендерной дезадаптированности, являющиеся, однако, лишь следствием глубоких внутриличностных противоречий.

Под *гендерной дезадаптированностью* подростков мы понимаем рассогласование между половым самосознанием и шаблонными гендерными стереотипами, недостаточными представлениями подростков о путях преодоления стереотипов; между требованиями (традиционной, «гегемонной») маскулинной стратегией и эгалитарной (равноценных взаимоотношений), неспособностью подростков к ценностному выбору стратегии, адаптации в ситуации гендерной неопределенности; между деструктивными социализирующими влияниями и неспособностью подростков к их противостоянию, субъектной позиции в гендерном поведении в русле конструктивной гендерной социализации.

Подростковую субкультуру сегодня можно рассматривать в качестве глобального сегмента, поскольку она вольно или невольно включена в медиа-пространство: через интернет-сети, блоги, — она участвует в обмене, смотрит новые фильмы, следит за музыкой, новинками. Подростки склонны к экспериментам в любых сферах жизни: менять увлечения, пробовать себя в разных ролях, «примерять» разные имиджи. Гендерная социализация подростков происходит в пространстве гендерных отношений. В процессе взросления подростки осуществляют поиск подходящей гендерной стратегии поведения (маскулинной, гиперфемининной, гиперфемининной, унисекс), взаимоотношений с людьми: (маскулинного, фемининного, андрогинного, недефференцированного типа). Проблемы подросткового возраста связаны именно с «гендерным разговором» с собой. Важно, чтобы особенно в этот период преодоления возрастных кризисов не происходила утрата целостности личности, не нарушался внутриличностный баланс, разногласие между сознательными действиями и произвольными реакциями,

чтобы не происходил раскол, когда «один аспект личности восстает против другого, вызывая саморазрушительное поведение» [1], гендерную дезадаптированность подростков.

В сложившейся социокультурной и экономической ситуации перспективной представляется педагогическая профилактика гендерной дезадаптированности подростков на основе целостного подхода, разрабатываемого Волгоградской научной школой (Н.М. Борытко, А.Н. Выршиков, С.Б. Думов, В.С. Ильин, Н.К. Сергеев, В.В. Сериков, Л.И. Столярчук и др.), способствующая конструктивной направленности гендерной социализации, обеспечивающая эффективное воспитание подростков. Результатом эффективного воспитания подростков в ходе конструктивной гендерной социализации является достижение определенного уровня гендерной адаптированности, ее дальнейшее совершенствование, целостное развитие личности. «Для обеспечения целостного подхода к воспитанию важно, прежде всего, видеть какой вклад в развитие учащихся может внести данная педагогическая система, каковы ее возможности в этом отношении, и сформулировать общие цели так, чтобы они наиболее полно выражали эти возможности. Для этого в целях должно быть выделено такое сочетание качеств личности, такой их «конструкт», который в определенном отношении представляет личность в целом, является репрезентативным для личности в целом [2].

В нашем исследовании вслед за исследователями (А.Г. Асмолов, А.В. Петровский, А.Н. Леонтьев) «адаптацию» мы рассматриваем как условие целостного развития, становления личности подростка, обладающего сочетанием качеств личности, «конструктом», позволяющим ему конструктивно взаимодействовать (не саморазрушительно, а созидательно) с самим собой и окружающими людьми в ходе гендерной социализации.

Гендерная дезадаптированность подростков возникает в результате неэффективного воспитания или ввиду его отсутствия, тогда подростки становятся более уязвимыми и подверженными деструктивным влияниям гендерной социализации. Под дезадаптацией, гендрной дезадаптацией мы понимаем неблагоприятные условия для развития личности подростка, нарушающие его структурно-функциональное приспособление (или отдельные личностные инстанции) к изменяющимся обстоятельствам социума, создающим трудности в жизнедеятельности. В понимании сущности дезадаптированности, гендерной дезадаптированности мы основываемся на теории социализации (Ф.Г. Гиддингс, Т. Парсонс и др.). Их употребление термина «социализация» включает размышления о ее деструктивной и конструктивной направленности, выполняющей роль предупреждения дезадаптированности подростков. Первоначальное значение социализации ограничивалось лишь адаптацией в значении приспособления подростка к социальной среде на основе усвоенных норм, правил. С развитием социологического знания

под конструктивной социализацией исследователи стали понимать преобразование личности себя и окружающего мира [3].

В ходе исследования мы осуществляли поиск ответа на вопрос: почему в реальности, несмотря на глубокие психофизиологические изменения, трудности возраста и жизненные ситуации: у одних подростков происходит дезадаптированность, а у других нет. Мы основывались на положениях Г.М. Андреевой, расширившей представления о роли личности в процессе социализации как субъекте социализации [4]. Для нашего исследования существенное значение имел перенос акцента в социализации Н.Ф. Головановой, с усвоения социальных норм на осознанный выбор ценностей и своего стиля жизни [5], что существенно в понимании целостности личности и ее активной конструктивной роли во взаимодействии с окружающими при осуществлении профилактики гендерной дезадаптированности подростков.

Профилактика гендерной дезадаптированности подростков на основе целостного подхода «...переводит восприятие человека в сферу его внутренней активности, деятельности, субъектности – в сферу Бытия» [6, с. 21], обуславливает возрастание независимости личности от возникающих жизненных ситуаций, «меньшую восприимчивость» к внешним факторам, большую ориентированность на свой внутренний мир. Профилактическая работа, обладающая характеристикой целостности, более эффективно способствует развитию адаптированности, «вытесняющей» у подростков ситуативные примитивные, вредные для личностного развития ориентиры, более значимыми ценностями, ведущими к полноценному и целостному развитию личности, «воспитанию новой личности с высокими интенциями открытости и адаптивности к различным гендерным культурам, приоритетами миролюбия и эгалитаризма во всех сферах жизни, способной к индивидуальному жизненному выбору в динамично развивающемся современном обществе» [7], препятствующими дезадаптированности, гендерной дезадаптированности посредством педагогической поддержки системы взаимоотношений: с самим собой и окружающими его людьми (взрослыми и сверстниками обоего пола).

В ходе исследования, проведенного научно-исследовательским Центром гендерных исследований (ЦГИ) ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» при личном участии автора статьи как сотрудника ЦГИ в результате экспериментальной работы в МОУ «Центр дополни-

тельного образования детей «Славянка», МОУ СОШ № 84, № 35 г. Волгограда, было выявлено, что педагогическая профилактика препятствует развитию гендерной дезадаптированности. У подростков не закрепляются гендерные стереотипы, приветствующие в мужчине только гнев, агрессию, а предлагаются активные формы обучения, самовыражения, в которых обида, разочарование, страх, печаль, волнение переживаются безопасно, без давления и порицания окружающих, осуществляемые в игре, театрализации и др. Подростки не теряют часть самих себя, не «приносят в жертву» почитаемому в обществе культу традиционной («гегемонной») маскулинности (мужественности), а сохраняют и развивают целостность своей личности.

Для практического изучения гендерной позиции как способа профилактики гендерной дезадаптированности подростка мы используем диагностические методики: сочинение «Мое отношение к мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности)», незаконченные предложения: «Разные, но равные» это.....», тест WZT (Wartegg Zeichentest) – проективная методика исследования личности Э. Вартега. Обработка результатов основывается на полученных показателях.

Педагогическая профилактика осуществляется в условиях дополнительного образования в ходе занятий творческих кружков и спортивных секций, наполненных гендерным содержанием. Мы не ограничиваем как мальчиков, так и девочек традиционно считавшимися «женскими» и «мужскими» видами деятельности, спорта и творчества (кулинария, пение, драма, танцы и фотография, борьба, компьютерные технологии и др.), в ходе которых взрослеющий человек осмысливает собственное поведение и стремится к самореализации, учится защищаться от негативных социальных влияний и справляться с внутриличностными конфликтами. Для этого мы применяем различные механизмы профилактики гендерной дезадаптированности подростков: *блокирование, воздействие на среду, нейтрализация, ограничение и др.*, применение которых является уместным, своевременным и соответствует реальной ситуации гендерной дезадаптированности как вида девиации и глубины проявления, что дает основание считать педагогическую профилактику гендерной дезадаптированности подростков на основе целостного подхода перспективной для дальнейшего изучения и реализации в общеобразовательных учреждениях и учреждениях дополнительного образования.

Библиографический список

1. Лоуэн. А. Удовольствие: творческий подход к жизни / пер. с англ. – М., 2011.
2. Ильин, В.С. Проблемы теории педагогических систем с позиций целостного подхода // Известия ВГПУ. – 2007. – № 1 (19). – Сер. «Педагогические науки».
3. Столярчук, Л.И. Гендерный подход к педагогическому образованию в вузе // Известия ВГПУ. – 2011. – № 8(62). – Сер. «Педагогические науки».
4. Андреева, Г.М. Социальная психология. – М., 1980.
5. Голованова, Н.Ф. Социализация школьников как явление педагогическое // Педагогика. – 1998. – № 5.
6. Борытко, Н.М. Гуманитарно-целостный подход в педагогическом исследовании // Известия ВГПУ. – 2011. – № 8 (62). – Сер. «Педагогические науки».
7. Гендерное образование: учеб. пособ. / под ред. Л.И. Столярчук. – Краснодар, 2011.

Bibliography

1. Louehn. A. Udovoljstvie: tvorcheskij podkhod k zhizni / per. s angl. – M., 2011.
2. Iljin, V.S. Problemy teorii pedagogicheskikh sistem s pozicij celostnogo podkhoda // Izvestiya VGPU. – 2007. – № 1 (19). – Ser. «Pedagogicheskie nauki».
3. Stolyarchuk, L.I. Gendernij podkhod k pedagogicheskomu obrazovaniyu v vuze // Izvestiya VGPU. – 2011. – № 8(62). – Ser. «Pedagogicheskie nauki».
4. Andreeva, G.M. Socialnaya psikhologiya. – M., 1980.
5. Golovanova, N.F. Socializaciya shkolnikov kak yavlenie pedagogicheskoe // Pedagogika. – 1998. – № 5.
6. Boritko, N.M. Gumanitarno-celostnij podkhod v pedagogicheskom issledovanii // Izvestiya VGPU. – 2011. – № 8 (62). – Ser. «Pedagogicheskie nauki».
7. Gendernoe obrazovanie: ucheb. posob. / pod red. L.I. Stolyarchuk. – Krasnodar, 2011.

Статья поступила в редакцию 02.08.14

УДК 371

Balyasnikova L.V., Vasileva S.I. LITERARY WORKSHOPS AS A FORM OF CREATING CONDITIONS FOR PERSONAL GROWTH OF PUPILS IN AN EDUCATIONAL INSTITUTION. The paper analyzes a problem of development of subject (individual) growth of pupils by upbringing means in a school in the context of a Federal State Educational Standard. The article demonstrates the experience of a social partnership of a school, a higher educational institution, representatives of culture, art, public institutions the name of which is a school scientific centre of "Successful development for everybody".

Key words: education, subject experience, creative work, cooperation, development, school.

Л.В. Балясникова, канд. психол. наук, методист гос. бюджетного образовательного учреждения «Центр педагогического мастерства», г. Москва, E-mail: balove@mail.ru; **С.И. Васильева**, заслуженный учитель РФ, директор гос. бюджетного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 1191», г. Москва, E-mail: vasiljevsi@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ КАК ФОРМА СОЗДАНИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ СУБЪЕКТНОГО РОСТА ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

В статье анализируется проблема развития субъектности обучающихся средствами воспитательной работы в контексте реализации ФГОС ООО, авторами описаны первые шаги взаимодействия школы, ВУЗа, представителей культуры, искусства, общественных организаций в рамках социального партнерства научного школьного центра «Успешное развитие для всех».

Ключевые слова: образование, воспитание, субъектный опыт, творчество, сотрудничество, развитие, школа.

Проблема субъектного опыта обучающихся, самостоятельности современного ребенка, его включенности в социально-значимую деятельность в контексте подготовки к адаптации и взаимодействию с изменяющимися условиями жизни для достижения общественного прогресса и личного успеха сегодня рассматривается как одна из приоритетных задач образования. Федеральные государственные стандарты общего образования предполагают «обеспечение: формирования российской гражданской идентичности обучающихся; <...> доступности получения качественного основного общего образования; <...> духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся и сохранения их здоровья; условий создания социальной ситуации развития обучающихся, обеспечивающей их социальную самоидентификацию посредством личностно значимой деятельности» [1].

Личностно значимая деятельность это всегда то, что согласуется с внутренними интересами личности, что ее формирует, что делает целостной, полной в реализации имеющихся способностей. Организация условий для такой деятельности обучающихся и есть сегодняшняя задача современной школы. О необходимости специально созданных условий индивидуализации и рефлексивного потенциала размышлял Сократ еще в IV веке до н.э. Развивая мысль о самоусовершенствовании личности и развитии ее способностей, он разработал специальный метод обучения – эвристическую беседу. Уже тогда Сократ указывал на роль специально созданных условий для развития душевных сил ученика с учетом его склонностей и способностей.

Сегодня в школе есть большое количество кружков и секций дополнительного образования, однако, погружение в профессиональную среду, общение с выдающимися представителями профессии, внешняя оценка и реагирование на собственное творчество дают ребенку эмоциональный заряд, вовлечение в творческий процесс, повышение мотивации, что конечно отражается на общей активности, как в учебной, так и во внеурочной деятельности.

Создание условий для такого развития в образовательном учреждении сегодня возможно при организации социального партнерства между представителями науки, культуры, искусства. В ГБОУ Школа №1191 Москвы результатом стратегического партнерства кластерного типа между школой и ФГБОУ ВПО МГГУ им. М.А. Шолохова стало создание Школьного научного центра (ШНЦ) «Успешное развитие для всех» (научный руководитель Щербаков Ю.И., д-р пед. наук, проф.), функционирующего по 5 основным программам «Я – гражданин земли российской», «Дети, литература, театр и музыка», «Дети и ИКТ», «Дети и музеи», «Дети, спорт и здоровье» и базовой кафедры психолого-педагогического образования (БК ППО). «Актуальность подобного сотрудничества не вызывает сомнения, так как взаимодействие сторон позволяет создать условия для выполнения требований государственных образовательных стандартов специальностей и федеральных государственных образовательных стандартов направлений подготовки, для конкурентоспособности выпускников на рынке образовательных услуг» [2]. Задача Школьного научного центра и базовой кафедры психолого-педагогического образования на сегодняшний день – это интеграция научных подходов, современных психолого-педагогических технологий с практическими приемами деятельности педагогов и системой воспитательной работы в Школе, научно-методическое сопровождение проектно-исследовательской деятельности

школьников, сопровождение непрерывного профессионального развития педагогических работников, совместные научные исследования проблем в образовательной деятельности Школы и поиски эффективных путей их решения.

Понимая необходимость развития способностей ребенка через получение субъектного опыта, сотрудники ШНЦ «Успешное развитие для всех» и БК ППО разработали новую форму активизации творческого потенциала и субъектной активности обучающихся через программу «Дети, литература, театр и музыка» с учетом проблем и потребностей участников образовательного процесса.

Понятие «субъектный опыт» означает опыт жизнедеятельности, приобретенный ребенком до школы и в период школьного обучения в конкретных условиях семьи, окружающей среды, в процессе восприятия и понимания им мира людей и вещей. Субъектный опыт называют особенным, личным, индивидуальным, жизненным т.п.

По мнению В.И. Слободчикова, субъективность – это та категория в психологии, которая выражает сущность внутреннего мира человека [3]. Автор отмечает, что субъектность человека по своему исходному основанию связана со способностью индивида превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования. Сущностными свойствами этого процесса является способность человека управлять своими действиями, реально-практически преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий [3].

Для создания условий развивающей личностно-ориентированной среды по направлению «Дети, литература, театр и музыка» руководителем школьного научного центра «Успешное развитие для всех» Меркель Е.В., канд. пед. наук, методистом по научной работе в Школе было организовано сотрудничество с Московским отделением Петровской академией наук и искусств, представителями Московской городской организации Союза писателей России, ГБОУ ЦО № 1679. Директор В.Н. Просвикин, канд. пед. наук, ООО Центр развития человека «Успешный человек будущего», рук. Емельянова Е.В., канд. пед. наук. Творческой группой педагогов, писателей и поэтов под руководством заместителя директора по воспитательной работе Хавановой Т.Е. разработаны, организованы и проведены 2 литературные мастерские по темам: «Нравственный выбор молодого человека» и «Моя Россия».

Формат литературной мастерской предполагает взаимодействие школьников с мастером (поэтом, писателем). Для этой цели, в рамках взаимодействия, были приглашены представители Московского отделения Петровской академии наук и искусств и Московской городской организации Союза писателей России. Мастерские проходили в интерактивной форме, где каждый ученик мог попробовать себя в роли писателя или поэта. 1-ая литературная мастерская проводилась на примере рассказа Розы Шорниковой «Время собирать камни», с приемом дописывания неоконченного произведения и обоснования собственной позиции. Администрацию школы и сотрудников ШНЦ «Успешное развитие для всех», БК ППО интересовал вопрос о том, какие представления у сегодняшнего подрастающего поколения о нравственном выборе, а также, какие изменения происходят в личностном плане учеников, если подготовить специально организованную среду для обсуждения вопросов нравственности.

Таблица 1

Результаты опроса участников литературной «Нравственный выбор молодого человека» мастерской до и после проведения

Вопросы / время проведения	Задумываешься ли ты, какой ты делаешь выбор в поступках	Помогал ли ты делать нравственный выбор (поступок) своему другу, близкому человеку	Как ты считаешь, важна ли нравственная позиция современному школьнику
До литературной мастерской	«Да» – 14% «Не знаю» – 28% «Нет» – 58%	«Да» – 14% «Не знаю» – 28% «Нет» – 58%	«Да» – 14% «Не знаю» – 38% «Нет» – 48%
После проведения литературной мастерской	«Да» – 64% «Не знаю» – 28% «Нет» – 8%	«Да» – 42% «Не знаю» – 40% «Нет» – 18%	«Да» – 58% «Не знаю» – 38% «Нет» – 4%

Таблица 2

Результаты опроса участников литературной мастерской «Моя Россия» до и после проведения

Вопросы / время проведения	Задумываешься ли ты, что для тебя Россия	Можешь ли ты что-нибудь сделать для России	Хочешь ли ты что-нибудь сделать полезного для России
До литературной мастерской	«Да» – 14% «Не знаю» – 28% «Нет» – 58%	«Да» – 4% «Не знаю» – 56% «Нет» – 40%	«Да» – 24% «Не знаю» – 76% «Нет» – 0%
После проведения литературной мастерской	«Да» – 64% «Не знаю» – 28% «Нет» – 8%	«Да» – 56% «Не знаю» – 46% «Нет» – 8%	«Да» – 78% «Не знаю» – 22% «Нет» – 0%

2-ая литературная мастерская проходила в формате обсуждения фрагментов произведений собственного сочинения учеников разных школ по теме «Моя Россия», с высказыванием своего отношения как гражданина России. Что бы помочь подросткам выражать свое мнение и отношение к обсуждаемой теме, использовались рефлексивные вопросы, которые касались не только эмоционального отношения к тому или иному произведению, персонажу, но и собственных наблюдений, средств выражения чувств к Родине, к семье, к близким.

Для сравнения уровня осознанности данной темы и влияния атмосферы литературной мастерской на понимание своей роли как гражданина России, мы провели опрос до и после проведения мастерских.

Анализируя данные опроса, мы видим, как изменяется позиция участников мастерской по отношению к себе, к своему внутреннему выбору, к позиции гражданина в сторону идентификации, осознанности. Учитывая особенности ведущей деятельности школьников в данном возрасте и активное использование информационных ресурсов в повседневной жизни, для расширения открытости обсуждения, обе литературные мастерские проходили с применением технологии веб-трансляции на платформе www.premstvennost.ru. Такая форма позволила принимать участие не только детям и педагогам из других образовательных учреждений, из других регионов, но и детям, находящимся дома по какой-либо причине. Формат межрегионального

общения дает возможность ученикам выйти за рамки своего «Я», посмотреть на себя глазами своих сверстников из других 48 регионов Российской Федерации.

Сегодняшние социально-экономические преобразования в обществе выявили потребность в людях активных, творчески и системно-мыслящих, способных нестандартно решать поставленные задачи. Опыт проведения литературных мастерских, показал значимость для современного подростка, юноши проблемы нравственных ценностей, уважения себя и других, отношения к миру.

Таким образом, погружаясь в атмосферу творчества с представителями культуры, искусства у детей, склонных к писательской и поэтической деятельности, появилась возможность поделиться своим творчеством и послушать произведения не только мастеров слова, но и таких же, как они учеников; а у детей, которые пока не пробовали себя в этом направлении появилась возможность побывать в сообществе любителей литературного творчества, выразить свое отношение к позиции того или иного автора, попробовать собственные силы в написании рассказа или стихотворения. Все это, безусловно, помогает ученикам в формировании субъектной активности, обретения смыслов, ценностей и внутренних ориентиров, что позволяет создать условия для выполнения требований государственных образовательных стандартов.

Библиографический список

1. Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования [Э/р]. – Р/д: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/938>
2. Щербakov, Ю.И. Взаимодействие вуза и школы в современных условиях // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1(44).
3. Слободчиков, В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учеб. пособ. для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М., 1995.

Bibliography

1. Federalnihe gosudarstvennihe obrazovatelnihe standartih obthego obrazovaniya [Eh/r]. – R/d: <http://minobrnauki.rf/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/938>
2. Therbakov, Yu.I. Vzaimodeystvie vuza i shkolih v sovremennikh usloviyakh // Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – 2014. – № 1(44).
3. Slobodchikov, V.I. Osnovih psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu subjektivnosti: ucheb. posob. dlya vuzov / V.I. Slobodchikov, E.I. Isaev. – M., 1995.

Статья поступила в редакцию 10.09.14

УДК 378.147

Fortunatov A.A. TECHNOLOGICAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF WAYS TO FORM STUDENTS' ECOLOGICAL CULTURE IN VOCATIONAL ECOLOGICAL TRAINING. The article deals with the substantial characteristics of methods developing ecological culture at a university. The author describes a process of the influence of the proposed methods on the formation of students' ecological culture. An integral component of the described methods is implementation of a special course on development of ecological culture in university students, which presupposes the usage of active forms of teaching. The work also presents qualitative features of mostly essential and prior topics of the course, approbated during the research.

Key words: methods, ecological education, ecological culture of university students.

А.А. Фортунатов, канд. пед. наук, доц., ФГБОУ ВПО «Магнитогорский гос. технический университет», г. Магнитогорск, E-mail: art_fortunatov@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В работе представлены содержательные характеристики методики развития экологической культуры обучающихся в вузе. Раскрыт процесс влияния разработанной методики на формирование экологической культуры студентов. Неотъемлемой частью содержания данной методики является введение спецкурса по проблеме развития экологической культуры студентов вуза, которое предполагает применение активных форм обучения. Представлены содержательные характеристики наиболее значимых и приоритетных тем спецкурса, апробированных в ходе исследования.

Ключевые слова: методика, экологическое образование, экологическая культура студентов вуза.

Остановимся непосредственно на рассмотрении методики формирования экологической культуры обучающихся.

В процессе разработки методики развития экологической культуры студентов мы опирались на ряд основополагающих работ отечественных ученых в области разработки методики: В.И. Загвязинского, К. Ингенкампа, В.В. Краевского, И.П. Подласова, М.Н. Скаткина и др. Также были проанализированы и интерпретированы материалы, полученные в ходе апробации методики, исходя из положений гипотезы, задач, и этапов исследования, а также проведенного нами изыскания.

В предлагаемой методике, можно выделить наряду с общими положениями высшего профессионального образования и специфику системы профессионально-экологического образования. Исходя из того, что объем статьи ограничен, мы выделим только основы разработанной методики, которая более подробно отражена в других авторских публикациях.

Неотъемлемой частью содержания нашей методики реализации педагогических условий является введение спецкурса по проблеме развития экологической культуры студентов вуза «Экология Южного Урала» (таблица 1) [1, с. 172-173].

Данный спецкурс по проблеме развития экологической культуры студентов вуза, направлен на формирование преемственной систематизации и обобщение представления о профессионально-экологическом образовании, исходя из разнообразия предметного содержания. Разработка программы обучения спецкурса проводилась исходя из преемственности его с содержанием программ обучения других дисциплин, а также основывается на том, его можно рассматривать в качестве средства, которое способствует преемственности всей системы профессионально-экологического образования студентов вуза.

Все это способствовало уточнению предметного поля, основных содержательных линий и принципов отбора материала, глубины изложения и степени детализации его изучения, определения основных идей, ядра и иерархии компонентов содержания, технологии структурирования учебного материала, а также логики его построения.

Как показало исследование, в рамках данного спецкурса студенты закрепляют знания непосредственно о науке экология, ее задачах в системе естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, выявляют роль и значение экологии на современном этапе развития Уральского региона, а также вклад отечественных и зарубежных ученых в решение экологических проблем. В ходе изучения разработанного нами спецкурса студенты овладевают методологическими и экологическими знаниями и умениями, знакомятся с новейшими экологическими техноло-

гиями, в том числе, с системой экологического менеджмента. Содержание разделов спецкурса построено таким образом, чтобы максимально влиять на чувственную сферу личности студентов, развитию его экологической культуры, а также формированию ответственного отношения к миру природы.

В ходе изучения содержания данного учебного курса предполагается овладение студентом следующими умениями и навыками [2, с. 173]:

- развитие экологической культуры;
- развитие интеллектуальных умений;
- формирование умений наблюдать и оценивать состояние окружающей природной среды, пользуясь измерениями и опытом, истолкования данных, формулируя гипотезы и рабочие определения;
- овладение разнообразными методиками системы экологического менеджмента.

Содержание экологического компонента спецкурса, связано с рассмотрением тех разделов экологии и теории природопользования, которые не вошли или вошли в недостаточном объеме в учебные программы общего плана подготовки обучающихся.

Реализация, разработанного нами, спецкурса предполагает применения активных форм обучения, которые наглядно представлены в таблице 2 [3, с. 9]. На выбор содержания и логику построения курса значительное влияние оказало использование технологий эффективного обучения. При составлении таблицы мы опирались на исследования В.С. Кукушиной [4], С.А. Мухиной и А.А. Соловьевой [5; 6], Г.К. Селевко [7], А.П. Панфиловой [8] и др.

Из активных методов обучения в нашем исследовании применялись: лекция-визуализация, лекция-пресс-конференция, лекция с заранее запланированными ошибками, дискуссия, деловая игра, конференция, мозговая атака, круглый стол, выездные занятия (экскурсии) и др.

Реализация нами активных методов обучения: повышает результативность обучения, но не за счет увеличения объема передаваемой информации, а за счет глубины и скорости ее переработки; вынуждает студентов в силу учебной ситуации самостоятельно принимать творческое по содержанию и мотивационно оправданное решение; способствует развитию экологической культуры студентов.

Ниже остановимся на содержании некоторых наиболее значимых и приоритетных тем, апробированных нами в ходе исследования спецкурса. В первую очередь для реализации программы спецкурса мы применяли активные методы обучения.

Таблица 1

Программа спецкурса «Экология Южного Урала»

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ РАЗДЕЛОВ И ТЕМ КУРСА	ВСЕГО (часов)	Аудиторные занятия (час)	
			В том числе	
			Лекции	Семинарские занятия
	Раздел I. Региональные проблемы экологии			
1	Классификация природных ресурсов Южного Урала.	4	2	2
2	Природный потенциал Южного Урала.	4	2	2
3	Климатические ресурсы Южного Урала.	4	2	2
4	Промышленное и сельскохозяйственное производство на Южном Урале.	4	2	2
	Раздел II. Комплексная оценка загрязнения окружающей и производственной среды			
5	Оценка состояния и охрана атмосферного воздуха.	4	2	2
6	Оценка состояния и охрана водных ресурсов.	4	2	2
7	Оценка состояния и охрана Земельных ресурсов.	4	2	2
8	Леса, их использование, воспроизводство и охрана.	4	2	2
9	Радиоактивное загрязнение окружающей среды.	4	2	2
	Раздел III. Государственное регулирование природопользования и охраны окружающей среды			
10	Природоохранительное законодательство и ответственность.	4	2	2
11	Система экологического и биомедицинского мониторинга.	4	2	2
	Раздел IV. Система экологического менеджмента			
12	Система экологического менеджмента в России	4	2	2
13	Разработка, внедрение и развитие системы экологического менеджмента	5	2	3
14	Перспективы распространения и развития подходов СЭМ	3	2	1
	Итого	56	28	28

Таблица 2

Состав активных методов обучения

Не имитационные методы	Имитационные методы	
Активные (проблемные) лекции. Дискуссия (круглый стол; пресс-конференция; конференция). Мозговая атака. Выездные занятия с дискуссией. Программированное обучение. Выпускная (дипломная) работа с защитой. Стажировка без выполнения должностной роли.	Игровые методы. Игровое проектирование. Стажировка с выполнением должностной роли. Разыгрывание ролей. Паратеатр. Психодрама. Деловая игра.	Не игровые методы. Анализ конкретных ситуаций. Разбор корреспонденции. Действие по инструкции (алгоритму). Решение ситуативных и производственных задач.

Лекции по изучению нового материала мы проводили в следующей последовательности [9, с. 11-12]:

- активация знаний по экологии, которые уже имелись у студентов (на данные знания можно опереться при изучении новой темы);

- постановка новой темы;

- по ходу лекции – фиксация основных данных в кратких записях и графическом изображении на доске и в конспектах студентов. Проверка понимания нового материала и усвоение фактических данных, определений, понятий, формулировка выводов.

При разработке лекции мы опирались на опыт их конструирования, который представлен в работах С.А. Мухиной, А.А. Соловьевой и А.П. Панфиловой.

В ходе реализации лекционного материала нами применялись различные педагогические приемы. На лекционном занятии нами применялся такой педагогический прием как проблемная ситуация.

Данная проблемная ситуация формируется когда студенты применяют ранее усвоенные знания в новых условиях, при этом мы должны продемонстрировать студентам недостаточность имеющихся у них знаний. Тем самым способствовать поиску и усвоению новых экологических знаний.

Например, при изучении раздела 2, студенты узнают о том, что на людей может влиять определенная предельно допустимая концентрация (ПДК) веществ в воздухе, воде и почве. В качестве самостоятельного изучения студентам предлагается следующее: найти и указать максимальную концентрацию ПДК веществ для человека, а также последствия, которые они вызывают у человека. В данном случае проблемное задание формиру-

ет побудительную причину: повторение изученного материала идет в форме самостоятельной работы, требующей дополнительных источников, тем самым активируются самостоятельные умения, мотивация к решению возникшей проблемы и мотивация к развитию экологической культуры.

При раскрытии темы лекции мы также применяли следующие педагогические приемы: индуктивный прием (примеры, факты, подводящие к научным выводам); приемы дедукции (разъяснение общих положений с последующим показом возможности их приложений на конкретных примерах); прием ситуация-иллюстрация (поясняет какую-либо сложную процедуру или ситуацию, относящуюся к основной теме и заданную нами).

На лекции нами применялся такой педагогический прием как проблемная ситуация. Проблемная ситуация формируется при условии, что студенты не знают пути решения поставленной перед ними задачи, не могут ответить на поставленный вопрос, то есть в случае, когда студенты понимают, что имеющиеся у них знания являются недостаточными для объяснения нового факта.

Так при изучении темы 3 «Климатические ресурсы Южного Урала», студенты приводят примеры воздействия на жизнедеятельность организмов температуры, освещенности и др., а потому свободно экстраполируют имеющиеся знания на человеческую популяцию, приводя примеры влияния лишь климатических факторов. Наша просьба прокомментировать иные абиотические факторы вызывает затруднение. После этого мы предлагали студентам самостоятельно изучить абиотические факторы с последующим проведением дискуссии, в ходе которой студенты приходят к выводу о влиянии на человеческую популяцию других факторов.

Данные приемы способствовали дальнейшему закреплению у студентов экологических знаний, умений и компетенции, а также способствовали формированию экологической культуры.

Дальше идет описание практического занятия, которое мы применяли в разработанном нами спецкурсе по проблеме развития экологической культуры студентов вуза.

При разработке деловых игр мы опирались на опыт их конструирования, который представлен в работах нескольких авторов Г.К. Селевко, С.А. Мухиной, А.А. Соловьевой, В.С. Кукушиной и др.

Из-за эмоциональной насыщенности игры, проявлением индивидуальности игроков – формируются межличностные отношения внутри микрогрупп и с преподавателем, что в свою очередь способствует развитию профессиональных качеств студента.

Применение нами деловой педагогической игры в спецкурсе способствовало более глубокому пониманию студентами материала лекционного и практического курса, формированию мотивации к развитию экологической культуры, возросшему интересу студентов к предмету в ходе творческого решения учебных задач, а также помогало подготовить к проведению экологических экскурсий.

Игровая форма занятий основывается на игровых приемах, ситуациях, которые побуждают и стимулируют студентов к учебной деятельности. Игры раскрывают проблему динамики, позволяют студентам включаться в реальные события.

При разработке деловой игры нами учитывалось пять психолого-педагогических принципов:

- принцип имитационного моделирования ситуации;
- принцип проблемности содержания;
- принцип ролевого взаимодействия в совместной деятельности;
- принцип двуплановости игровой учебной деятельности;
- принцип диалогического общения.

Деловая игра проводилась нами и перед лекцией с целью выявления недостатков студентов в знаниях (в данной ситуации студенты опираются только на личный опыт) и после лекции, в ходе чего у студентов закреплялись и актуализировались знания.

В ходе деловой игры студенты, испытывая интерес, становились активными, собранными. Интерес, который проявляли студенты, способствовал формированию положительных эмоций, увеличению темпа и результатов эвристического мышления, формированию мотивации к формированию экологической культуры.

В ходе деловой игры нами реализовывался принцип единства знаний и опыта, который является принципом воспитания. На процесс развития личности студента в ходе деловой игры влияет взаимосвязь следующих факторов:

- система специальной и личностной мотивации;
- возможность через коллективную деятельность поставить и решить задачу;
- возможность воссоздать целостную динамическую производственную ситуацию и действовать в ней.

Деловая игра активизирует познавательную деятельность студента, формирует творческую активность, профессиональную компетентность личности студента.

Например, деловая игра была проведена нами по теме 13 «Разработка, внедрение и развитие системы экологического менеджмента». В ней принимали участие студенты экспериментальной группы.

Методика проведения состояла в следующем.

Продолжительность игры составляла 2 часа 30 минут. Студентов экспериментальной группы мы разделили на три подгруппы по 5-10 человек в каждой с определенным перечнем самостоятельной подготовки докладов: одни студенты освещали

блок вопросов, связанных с Россией, другие с США, третьи – с Индией. Можно выделить следующие этапы проведения деловой игры:

1 Этап. Введение (15 мин).

Распределение ролей в каждой группе. Роли распределялись следующим образом: в группе выбирался «президент» страны, которую они освещали, два его «помощника», остальные составляли «население» этой страны. Студент (президент) готовил доклад по выбранной стране, который затем заслушивается перед аудиторией. Доклады включали в себя следующие темы:

- сущность экологической культуры, ее место и роль в структуре общей культуры человека;
- влияние ответственности и религии на экологию страны (влияние экологической культуры на развитие экономики и решение экологических проблем);
- особенности экологического менеджмента в различных странах.

В ходе данной игры нами применялся прием введения двойных ролей (смена ролей в процессе игры), который также способствовал дальнейшему развитию мотивации к экологическому самообразованию.

2 Этап. Разработка новых идей, предложений и обсуждение их внутри группы (45 мин).

3 Этап (45 мин). Доклад президента страны. Ответы «президента» страны и его «помощников» на вопросы «населения других стран». Ролевое взаимодействие «президентов», их «помощников» и «населения» стран. Каждый студент или группа студентов в зависимости от выбранной страны, старались показать все особенности экологического образования и экологической культуры в данной стране.

4 Этап (35 мин). Обсуждение докладов и предложений

о возможности внедрения положительного опыта в области экологического образования и экологической культуры другой страны в Россию. В конце совместно студентами групп составлялись рекомендации по улучшению экологического образования и самообразования, экологической культуры в России.

Новизна данной деловой игры в том, что здесь были:

- отмечены проблемы экологического образования, самообразования и экологической культуры в комплексе: международные, региональные и локальные;
- происходило описание и погружение студентов в проблемы экологического образования и экологической культуры России;
- выделение экологического образования и экологической культуры в качестве основополагающих в решении экологических проблем;
- акцентировалось внимание на общих и специфических чертах экологического образования и экологической культуры в различных странах.

В конце деловой игры нами применялся прием ситуационная оценка, который описывает положение, выход из которого в определенном смысле уже найден. Проводится как бы критический анализ ранее принятых решений. Давалось мотивированное заключение по поводу происшедшего события. Позиция слушателей являлась позицией как бы стороннего наблюдателя.

На деловой игре с применением данных педагогических приемов у студентов формировалась экологическая культура, также происходит совершенствование экологических умений, закрепление экологических знаний и компетенции.

Итак, в данной статье мы рассмотрели особенности формирования экологического образования студентов вуза, и выделили некоторые аспекты реализации методики развития экологической культуры студентов в условиях профессионально-экологического образования.

Библиографический список

1. Фортунатов, А.А. Основные содержательные характеристики методики развития экологической культуры студентов вуза // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 7.
2. Фортунатов, А.А. Основные содержательные характеристики методики развития экологической культуры студентов вуза // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 7.
3. Фортунатов, А.А. Формирование экологического самообразования студентов вуза с помощью активных методов обучения: метод. рекомендации для преподавателей вузов. – Магнитогорск, 2008.
4. Кукушина, В.С. Педагогические технологии: учеб. пособ. для студентов педагогических специальностей / под общ. ред. В.С. Кукушина. – Ростов-на-Дону, 2002. – Сер. «Педагогическое образование».
5. Мухина, С.А. Нетрадиционные педагогические технологии в обучении / С.А. Мухина, А.А. Соловьева. – Ростов-на-Дону, 2004. – Сер. «Среднее профессиональное образование».
6. Мухина, С.А. Современные инновационные технологии обучения / С.А. Мухина, А.А. Соловьева. – М., 2008.

7. Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. – М., 2006.
8. Панфилова, А.П. Тренинг педагогического общения: учеб. пособ. – М., 2006.
9. Fortunatov, A.A. Формирование экологического самообразования студентов вуза с помощью активных методов обучения: метод. рекомендации для преподавателей вузов. – Магнитогорск, 2008.

Bibliography

1. Fortunatov, A.A. Osnovniye soderzhatel'nyye kharakteristiki metodiki razvitiya ehkologicheskoy kul'turiny studentov vuza // Ucheniye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. – 2014. – № 7.
2. Fortunatov, A.A. Osnovniye soderzhatel'nyye kharakteristiki metodiki razvitiya ehkologicheskoy kul'turiny studentov vuza // Ucheniye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. – 2014. – № 7.
3. Fortunatov, A.A. Formirovaniye ehkologicheskogo samoobrazovaniya studentov vuza s pomoshch'yu aktivnykh metodov obucheniya: metod. rekomendatsii dlya prepodavateley vuzov. – Magnitogorsk, 2008.
4. Kukushina, V.S. Pedagogicheskie tekhnologii: ucheb. posob. dlya studentov pedagogicheskikh special'nostey / pod obsh. red. V.S. Kukushina. – Rostov-na-Donu, 2002. – Ser. «Pedagogicheskoe obrazovanie».
5. Mukhina, S.A. Netraditsionnye pedagogicheskie tekhnologii v obuchenii / S.A. Mukhina, A.A. Solovjeva. – Rostov-na-Donu, 2004. – Ser. «Srednee professional'noye obrazovanie».
6. Mukhina, S.A. Sovremennyye innovatsionnye tekhnologii obucheniya / S.A. Mukhina, A.A. Solovjeva. – M., 2008.
7. Selevko, G.K. Ehnciklopediya obrazovatel'nykh tekhnologiy: v 2 t. – M., 2006.
8. Panfilova, A.P. Treniny pedagogicheskogo obsheniya: ucheb. posob. – M., 2006.
9. Fortunatov, A.A. Formirovaniye ehkologicheskogo samoobrazovaniya studentov vuza s pomoshch'yu aktivnykh metodov obucheniya: metod. rekomendatsii dlya prepodavateley vuzov. – Magnitogorsk, 2008.

Статья поступила в редакцию 10.09.14

УДК 37.378

Apanasenko O.N., Malyukov S.G. ORGANIZATION OF COGNITIVE AND RESEARCH WORK OF STUDENTS AS A METHOD OF IMPROVING THEIR FUTURE PROFESSIONAL PREPARATION. The article is devoted to a problem of formation of professional preparedness of a specialist. In this regard, there are two activities in professional preparedness of specialists, revealed their importance in the educational process. As the research task, the authors have defined an attempt to outline the tasks and methods of development of the cognitive activity, to make it a research work, which would be a basis of the creative activity of students, future professionals. It is emphasized that an important factor that combines the learning-and-research work and the scientific research work of students is the organization of their independent work, starting with the first year of the studies. The possibility of independent work should be increased and at the end of training become a means of self-improvement of a future profession. The authors conclude that the development of creative abilities of students should be addressed in the educational process and during extracurricular time. The article makes a notice of the need to build and rebuild their professional activities in accordance with changing conditions.

Key words: cognitive, research activity, creative abilities, general cognitive abilities, professionalization, systems approach.

О.Н. Апанасенко, канд. пед. наук, доц., ЛГУ им. А.С. Пушкина (Алтайский филиал), г. Барнаул, E-mail: oapanasenko@bk.ru; С.Г. Малюков, канд. юрид. наук, доц., ЛГУ им. А.С. Пушкина (Алтайский филиал), г. Барнаул, E-mail: elektron999@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Статья посвящена актуальной проблеме формирования профессиональной подготовленности специалиста. В связи с этим рассматриваются два вида деятельности в профессиональной подготовленности специалиста, раскрывается их значение в учебном процессе. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка обозначить задачи и методы развития познавательной деятельности, превращение ее в научно-исследовательскую, которая явилась бы основанием творческой деятельности студентов, будущих профессионалов. Подчеркивается, что важным фактором, объединяющим учебно-исследовательскую работу студентов и научно-исследовательскую является организация самостоятельной работы, начиная с первого курса. Возможности самостоятельной работы должны повышаться и в конце обучения превратиться в способы самосовершенствования предстоящей профессиональной деятельности. Авторы приходят к выводу, что развитие творческих способностей студентов должно формироваться в учебном процессе и во внеучебное время. В заключение статьи говорится о необходимости строить и перестраивать свою профессиональную деятельность в соответствии с меняющимися условиями.

Ключевые слова: познавательная, исследовательская деятельность, творческие способности, общепознавательные способности, профессионализация, системный подход.

В профессиональной подготовленности специалиста определенного профиля можно выделить два вида деятельности: собственно профессиональную и познавательную, которая при определенных условиях может трансформироваться в исследовательскую. Под собственно профессиональной деятельностью (например, юриста) мы понимаем умение проводить диагности-

ку различного рода преступлений, осуществлять их раскрытие, профилактику асоциального поведения людей. Под познавательной, исследовательской деятельностью мы понимаем способность молодых специалистов самосовершенствовать свой профессиональный опыт в соответствии с меняющимися условиями работы и необходимостью использования в своей практической

кой деятельности новой научной информации. Другими словами, под познавательной, исследовательской деятельностью специалиста мы понимаем его способность самосовершенствоваться своей профессиональной деятельностью в соответствии с меняющимися обстоятельствами.

Актуальность формирования такой познавательной, исследовательской деятельности в процессе обучения в вузе определяется темпами развития науки и техники, небывалым ростом научной информации, с одной стороны, и ее быстрым устареванием, с другой. Активно развиваются новые области в юриспруденции: юрисконсульт по правовому обеспечению предприятий, юрисконсульт предпринимательства, сферы управления; информатик-юрист, который является профессионалом в области применения информационных систем и др. Несомненно, что профессия «информатик» и в последующие десятилетия будет пользоваться спросом, специалист-информатик легко найдет интересную, творческую и перспективную работу в любой сфере человеческой деятельности [1].

В связи с тем, что информация в юриспруденции удваивается каждые 6-7 лет, то со всей важностью встает задача не столько вооружения молодых специалистов определенным объемом знаний, сколько формированием у них способности его усвоения и возможностей совершенствования своего профессионального опыта в соответствии с последними достижениями юридической науки. Следовательно, встает актуальная задача в процессе обучения – сформировать у студентов юридических вузов необходимые творческие способности для высококвалифицированного выполнения своей профессиональной деятельности, ее сознательного построения в соответствии с появляющимися новыми данными юридической науки. Существующие способы обучения студентов в вузах должным образом не всегда формируют эти качества.

Одним из способов устранения противоречия между традиционно сложившимися способами обучения и требованиями к подготовке молодых специалистов в условиях огромных достижений науки и техники и может способствовать включение способов формирования познавательной и исследовательской видов деятельности в учебный процесс. Проблема формирования познавательной и исследовательской работы студентов должна органически влиться в содержание учебного процесса, превращая общеобразовательный процесс в единый научно-учебно-производственный процесс, превращение учебного процесса в творческую и созидательную деятельность, т.е. развитие творческих способностей студентов должно формироваться в самом учебном процессе и во внеучебное время – на занятиях в кружках, факультативах и направлено на выполнение единой задачи – подготовки любящего свое дело, творческого и целеустремленного специалиста.

В настоящее время можно констатировать, что формы УИРС и НИРС в некоторых вузах не затрагивают существа поставленной проблемы. Можно сказать, что УИРС и НИРС проводятся сами по себе, а учебный процесс сам по себе. Действительно, реферирование, рецензирование, переводы, умение проводить информационный и патентный поиск и т.д. как формы УИРС, безусловно, являются важными моментами в исследовательской, познавательной работе, но все же их можно считать вспомогательными средствами при формировании творческих познавательных способностей и средств по совершенствованию профессионального опыта специалиста. С другой стороны, как правило, основной формой НИРС является включение студентов в научно-исследовательскую работу по тематике кафедры. Но, изучая материал по своей специальности, он может не совсем соответствовать задачам совершенствования будущего профессионального опыта юриста, врача и т.д. [2].

Центральным моментом, объединяющим как УИРС, так и НИРС является организация самостоятельной работы, начиная с первого курса. От курса к курсу возможности самостоятельной работы должны повышаться и в конце обучения превратиться в способы самосовершенствования предстоящей профессиональной деятельности.

Наличие самостоятельности, как творческой способности человека проводить поиск необходимых знаний, включать их в создание схем по решению теоретических и практических задач, а при необходимости, в зависимости от поставленных целей, строить и перестраивать сами схемы по их решению, является одним из важнейших средств преодоления противоречия между ростом информации в различных областях научного зна-

ния и традиционными способами его присвоения. Мы считаем, что основная задача вузовского обучения состоит не столько в организации условий по усвоению студентами в процессе обучения определенного объема знаний, сколько в формировании у них творческих способностей к самостоятельному их приобретению, а после окончания вуза в наличии у них способности к самостоятельному совершенствованию своего профессионального опыта.

Основание такой творческой способности лежит в материальной и духовной культуре человечества, во всеобщих познавательных схемах общественного субъекта, отражающих наиболее общие этапы научного познания в данных конкретных исторических условиях. В структуре общественного сознания всеобщие схемы познавательной деятельности фиксируются в виде методов, как совокупности приемов и операций практического и теоретического освоения действительности; а также – в форме методологии, как учения о принципах и способах построения конкретных методов.

Большинство учебных дисциплин, изучаемых в вузе: история, математика, химия, социология и т.д., излагается на теоретическом уровне. В исследованиях ученых В.В. Давыдова [3], В.С. Швырева [4] показано, что научение теоретических объектов и формирование на основе их содержания соответствующих видов теоретической деятельности предполагает определенные общепознавательные способности: абстрагирования, содержательного обобщения, идеализации, мысленного моделирования и т.д. Как показывает практика эти методы, составляющие основание общепознавательных способностей в освоении теоретических дисциплин и в формировании самого теоретического мышления у начинающих студентов отсутствует. Да и преподаватели их не используют для введения обучаемых в содержательную область своего предмета. Поэтому мы считаем, что первоначальной задачей для студентов младших курсов должно стать направленное формирование у них общепознавательных способностей в ходе исследовательской работы на основании усвоения ими соответствующих методов, обозначенных выше.

Вторая задача в развитии познавательной деятельности состоит в превращении ее в познавательно-исследовательскую, решение которой предполагает, чтобы в структуре общественного сознания выделить общий метод или совокупность методов, которые, будучи выделены как предмет специального усвоения и усвоены в своем общем виде, служили бы действительным инструментом самостоятельного познания и исследования в соответствующей сфере профессиональной деятельности, т.е. явились бы основанием творческой деятельности в ней.

Таким методом при существующей подготовке кадров юридического профиля является метод системного подхода. В основу построения учебного плана положен предметный принцип. Существующий предметный принцип построения учебного плана в принципе не может решить проблему формирования теоретического мышления. Повышение уровня теоретичности, фундаментальности, внутренней логики в изложении определенного предмета, например истории, права, биологии, физики и т.д. приводит, во-первых, к значительному увеличению времени на введение обучаемых в эту теоретическую сферу предмета; во-вторых, сокращает его прикладное, с точки зрения профессиональной юридической деятельности, назначение, т.к. в существующем понимании фундаментальности предмета науки она, прежде всего, направлена на логику своего внутреннего развития; в третьих, и это является самым главным, даже если гипотетически предположить, что каждый учебный материал мы будем излагать на том уровне фундаментальности, теоретичности, которая данная наука достигла к настоящему времени и допустим, что обучаемый каким-то образом сможет усвоить это содержание – то желаемого эффекта мы не получим. Почему? Потому что, сформировав на основе этих предметов теоретическое мышление, мы не охватим самого существенно, фундаментального – понятие целостности науки.

Вторая сторона проблемы – это профессионализация, т.е. когда из различных наук истории, права берут те положения и данные, которые могут пригодиться в будущей профессиональной деятельности юриста. Такой подход, а именно он преобладает в содержании существующих учебных программ, ведет к эмпиризму, так как при этом часто теряется и не учитывается внутренняя логика предмета как науки. На помощь приходит системный подход, который сформировался и развивался как

методологическое и теоретическое направление в исследовании и описании сложных целостных системных объектов (П.К. Анохин, И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин).

В системном подходе выделяются два аспекта: 1) категориальный аппарат описания сложных системных объектов; 2) методы исследования и анализа этих систем. В категориальный аппарат описания сложных системных объектов входит взаимосвязанная система понятий: среда, целесообразность, целостные свойства объектов, элемент, свойство, связи, взаимосвязи, структура, организация, самоорганизация, элемент как система, иерархия систем и ряд других понятий. Исследование, познание сложных системных объектов, раскрытие механизмов их целостности имеет свои сложности, так как они не могут быть расчленены. В таком случае данный объект перестает быть именно объектом, потому что нарушаются связи между его элементами, образующими структуру данной системы, которая определяет целостные ее характеристики. В ходе исторического изучения сложных системных объектов, постепенно в материальной и духовной культуре человечества сформировались методы исследования и познания сложных систем. Среди них: метод восхождения от конкретного к абстрактному; метод восхождения от абстрактного к конкретному, исторический, а также ряд специальных методов в зависимости от природы и характера изучаемых систем.

Понятие системного подхода, будучи усвоенное студентами, став их субъективными способностями, позволяют сложить разнородный изучаемый материал в одно единое целое.

Конечно, теоретическое мышление подчиняется законам логики: суждение, умозаключение, понятие той самой логики, которая составляет общественный опыт человечества, выработанный им в ходе многовековой истории, которая, к сожалению, также не является предметом специального усвоения для студентов некоторых вузов. Как целостная система понятий, данный предмет, будучи освоенный обучающимися, составляет его общую культуру мышления. Все это можно назвать «делом логики».

Системный подход может использоваться не только студентами, как творческое средство преодоления несовершенства существующего учебного плана, но и как сознательный способ его совершенствования преподавательским коллективом вуза [5].

Самое главное состоит в том, что не логика предмета соотносится своим канонам определяет объем и порядок изложения материала, а онтология, системы, ее объективные условия возникновения и развития диктуют место и значение каждого пред-

мета в общей схеме изучения той или иной системы. В дальнейшей интеграции учебных предметов, объективная логика возникновения, строения и функционирования той или иной конкретной системы полностью поглощает их предметность, интегрирует его в единое слитное содержание – модуль.

Проблема фундаментальности при изучении того или иного объекта (субъекта) в норме переносится с предмета на изучение системы и межсистемных взаимодействий. Глубина изложения того или иного предметного материала трансформируется в адекватность его изложения при раскрытии конкретного механизма строения и функционирования системы последним достижениям науки.

На основании этих, предварительно сформированных теоретических средств, возникает субъективно творческая свободная деятельность в познании механизмов функционирования конкретных систем, а познание всевозможных связей между элементами системы и ее иерархическими уровнями выступает как частный случай решения общей задачи.

В формировании познавательной деятельности, которая на последнем этапе своего становления трансформируется в собственно исследовательскую, должно явиться описание общего строения той профессиональной деятельности, которую студентам предстоит выполнять, а также выделение из общественного опыта способов и средств ее построения и совершенствования в зависимости от конкретных задач и меняющихся условий.

Студентами старших курсов демонстрируются готовые образцы выполнения профессиональной деятельности, которые они совместно с преподавателем выполняют на практике. Постепенно от усвоения готовых форм профессиональной деятельности обучаемый выделяет общую структуру этой деятельности в логическом психологическом и предметном плане. Затем выделяются методологические средства, которые, будучи усвоенными обучающимися, позволяют им сознательно строить и перестраивать свою профессиональную деятельность в различных областях юриспруденции.

Выделение из человеческой культуры содержания, лежащего в основе познавательных способностей, а также специальных методов, на основании которых можно строить и перестраивать профессиональную деятельность, в соответствии с меняющимися условиями, сознательное овладение этим содержанием в ходе обучения в вузе, дает возможность молодым специалистам поддержать свою профессиональную компетентность на достаточно высоком уровне, а также служит основой ее повышения.

Библиографический список

1. Демченко, З.А. Научно-исследовательская школа студента исследователя / З.А. Демченко // Высшее образование в России. – 2010. – № 12.
2. Ляудис, В.Я. Формирование учебной деятельности студентов / В.Я. Ляудис; под ред. В.Я. Ляудис. – М., 1989.
3. Давыдов, В.В. Проблемы развивающегося обучения. – М., 1986.
4. Швырев, В.С. Научное познание как деятельность. – М., 1991.
5. Анохин, П.К. Теория функциональной системы // Успехи филологических наук. – 1970. – № 1. – Т. 1.

Bibliography

1. Demchenko, Z.A. Nauchno-issledovatel'skaya shkola studenta issledovatelya / Z.A. Demchenko // Vyshee obrazovanie v Rossii. – 2010. – № 12.
2. Lyaudis, V.Ya. Formirovanie uchebnoy deyatel'nosti studentov / V.Ya. Lyaudis; pod red. V.Ya. Lyaudis. – M., 1989.
3. Davydov, V.V. Problemih razvivayuthegosya obucheniya. – M., 1986.
4. Shvihrev, V.S. Nauchnoe poznanie kak deyatel'nost'. – M., 1991.
5. Anokhin, P.K. Teoriya funktsional'noy sistem / Uspekhi filologicheskikh nauk. – 1970. – № 1. – T. 1.

Статья поступила в редакцию 17.09.14

УДК 371:351

Berezhnova L.N., Tarasov D.Yu. TRENDS OF INTEGRATION OF HIGHER MILITARY EDUCATION TAUGHT BY MILITARY INSTITUTIONS OF MINISTRY OF INTERIOR AFFAIRS OF RUSSIA INTO THE GLOBAL EDUCATIONAL SPACE. This paper deals with the centering tendencies of integration of science and education in the world community, as well as related areas of improvement of the educational process in the military academies of Ministry of Interior Affairs of Russia. In the course of the research the experience of studying the integration process gained by the authors is presented. The work reveals levels, steps, features of the integrational processes in the field of vocational education.

Key words: international integration of higher education, integrational process, vocational education, system of higher military education.

Л.Н. Бережнова, д-р пед. наук, проф., заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, зав. каф. теории и методики непрерывного профессионального образования в ФГКВУ ВПО «Санкт-

Петербургский военный институт внутренних войск МВД России», г. Санкт-Петербург, E-mail: parus77777@yandex.ru; Д.Ю. Тарасов, канд. пед. наук, преп., ФГКВОО ВПО «Новосибирский военный институт внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России», г. Новосибирск, E-mail: parus77777@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ В МИРОВОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье рассматриваются центрирующие тенденции интеграции науки и образования в мировом сообществе, а так же связанные с этим направления совершенствования образовательного процесса в военных вузах МВД России, анализируется опыт изучения интеграционных процессов, накопленный исследователями, раскрываются уровни, ступени, черты интеграционных процессов в сфере профессионального образования.

Ключевые слова: международная интеграция высшего образования, интеграционный процесс, профессиональное образование, система высшего военного образования.

Рост международной открытости национальных культур, основные мировые тенденции развития человеческой цивилизации своеобразно преломляются в системе образования. Высшее образование является важнейшим социальным институтом, живо реагирующим на все общественные изменения и процессы. Содержание национальных систем высшего образования естественно стремится к так называемым «мировым стандартам», вырабатываемым мировой наукой и техникой.

Глобализация, которая, невзирая на различия во мнениях, представляет собой объективную реальность, повышает роль образования в международной жизни, порождает новые тенденции высшего военного профессионального образования в России.

Важнейшие тенденции, связанные с интеграцией науки и образования в мировом сообществе:

✓ рост масштабов высшего образования. В разных странах идет стремительный количественный рост студентов вузов. Расширение масштабов высшего образования ставит остро проблемы качества обучения и финансирования. Рост числа студентов вынуждает многие учебные заведения сокращать затраты на модернизацию инфраструктуры, библиотечные фонды, международное сотрудничество, педагогические кадры.

✓ интернационализация высшего образования, основанная на универсальном характере знаний, на мобилизации коллективных усилий международного научного сообщества. Из года в год увеличивается число студентов, исследователей и преподавателей, которые обучаются, работают, живут и общаются в интернациональной среде. Интернационализация высшего образования представляет собой объективный, динамично развивающийся процесс.

✓ универсализация содержания образования, которую невозможно остановить в эпоху информационной революции и при существующих мировых универсальных коммуникационных системах в виде Интернет. Универсальный характер знаний, мобилизация коллективных усилий международного научного сообщества проявляется в возрастающей роли международного сотрудничества в деятельности национальных образовательных заведений и организаций, в развитии наднациональных организаций, программ и фондов.

Основываясь на указанных доводах, принципиально сформулируем два важных вывода:

1) *международная интеграция* высшего образования приобретает черты качественно нового этапа – интернационализацию и универсализацию;

2) перспективы интеграции науки и образования обуславливают *инновационное развитие общества* [1].

У научного сообщества не вызывает сомнений факт – интеграция высшего образования в мировую систему это объективный процесс. Причем важным условием интеграции высшей школы России в мировое образовательное пространство должно быть сохранение национального опыта, традиций, упрочение и развитие её несомненных достоинств: «научность образования, его фундаментальность, его энциклопедичность» (В.А. Садовничий) [2].

В этих условиях одним из основных принципов совершенствования образовательного процесса в военных вузах является

нацеленность на перспективу. Важным критерием успешной реализации этого принципа становится формирование у курсантов военных институтов внутренних войск МВД России не узкоспециальных знаний, а методологически обоснованных, способствующих развитию личности военного специалиста и его адаптации к быстро изменяющимся условиям деятельности.

Реформирование системы военно-профессионального образования в целях достижения её качественного соответствия перспективам развития общества, Вооруженных Сил МО России, внутренних войск МВД России и всей системы высшего профессионального образования страны требует научно-методического обеспечения направлений её преобразования. Строительство внутренних войск МВД России, проводимое с целью получения немногочисленной, но высокоэффективной структуры требует изменения существовавшей системы военного образования. Особо востребованными этот период реформирования становятся подходы, связанные с реализацией межпредметных связей в процессе обучения и интеграцией образовательной (предметной) и исследовательской деятельности. Реализуя идею обучения военного специалиста в соответствии с предъявляемыми к нему современными требованиями военных институтов ВВ МВД России необходимо учитывать преобладание интеграционных, системных процессов, которые все больше охватывают науку, культуру, образование. Без междисциплинарной интеграции сегодня невозможно решить задачу воспитания целостной личности, имеющей необходимые офицеру-выпускнику компетенции.

Существующие научные исследования свидетельствуют о том, что интеграция представляет собой процесс и результат синтеза ранее разрозненных компонентов в единое целое. Процесс синтеза осуществляется не менее чем с двумя компонентами на основе общих свойств этих компонентов. В строгом смысле интеграция не является чисто теоретическим понятием, правильнее было бы определить его как эмпирическое представление. Интеграция как процесс доступен наблюдению, управляем, открыт преобразованиям. Интеграция различных видов деятельности способствуют разрешению противоречия между разрозненным усвоением знаний и необходимостью их синтеза, комплексного применения в практической деятельности курсанта. С позиций современных требований к содержанию образования будущий военный специалист должен обладать умениями и профессиональной мобильностью, оперативно реагировать на постоянно возникающие изменения в практической деятельности.

Опыт развития интеграционных процессов накоплен разными науками и получил определенное обобщение в методологической литературе. Идеи интеграции образования нашли свое воплощение в работах отечественных ученых В.С. Безруковой, А.П. Беляевой, М.Н. Берулавы, И.В. Блауберга, В.Н. Ворониной, С. Готта, А.Я. Данилюка, В.И. Загвязинского, Н.Г. Кузьменко, В.В. Левченко, Н.Ф. Масловой, Ю.Н. Семина, Г.Н. Серикова, Ю.С. Тюнникова, А.Д. Урсула, Г.Ф. Федорца, Н.К. Чапаева, Э.Г. Юдина, В.А. Энгельгардта и др., а также зарубежных исследователей Дж.Т. Гетрие, А. Вигфилда, С. Секкера.

Существует множество определений понятия «интеграция». Данный термин произошел от латинского слова *integratio* – вос-

становление, восполнение и integer – целый; – объединение в целое каких-либо частей, элементов. «Интеграция» определяется как: 1) состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, организма в целом, а также процесс, ведущий к такому состоянию; 2) процесс сближения и связи наук, происходящий наряду с процессами дифференциации. Она понимается как объединение, взаимосвязь элементов, включение в целое в качестве составной части [3]. Элементы образуют «системное единство по принципу взаимодополняемости их функционирования и развития внутрисистемных связей» (В.В. Левченко) [4].

Важнейшую роль играет интеграция в педагогической деятельности. В учебном процессе интеграция представляет собой не просто перенесение знаний из одного предмета в другой, а объединение, взаимосвязь дисциплин, в результате чего они приобретают новое качество. Интеграция в педагогической науке понимается как процесс и результат объединения компонентов содержания образования с целью повышения целостности знаний, умений, навыков обучаемых. В 1993 году на сессии ЮНЕСКО была утверждена такая трактовка интеграции знаний (органическая взаимосвязь, взаимопроникновение), результатом которой должно стать формирование у учащихся единой интегративной картины мира.

Интеграция как педагогическое явление имеет длительную историю своего развития. Основная идея заключена в том, что интеграция – это один из действенных способов совершенствования учебного процесса и развития учащихся. Так, Я.А. Коменский требовал осуществлять взаимосвязь учебных предметов как «кратчайшего пути обучения». Дж. Локк считал наложение содержания одного предмета элементами и фактами другого предмета средством, способным не только формировать умения и навыки ученика, но и разнообразить знания о жизни [5]. С этой целью он предлагал связать иностранный язык с географией и историей страны. А. Дистерверг говорил о необходимости межпредметных связей в систематическом изучении дисциплин. По его мнению, естественные связи между учебными предметами способствуют формированию глубоких и прочных знаний, навыков и умений [6].

В отечественной педагогике К.Д. Ушинский предпринял первую попытку теоретического осмысления данной проблемы. Он предложил классификацию межпредметных связей по типу возникающих ассоциаций: по противоположности, по сходству, по порядку времени, по единству места, развитию и т.д. «Только система, конечно разумная, выходящая из самой сущности предметов, – полагал он, – дает нам полную власть над нашими знаниями» [7].

Большой вклад в развитие отечественной педагогики в области интеграции дисциплин внесли Н.К. Крупская, П.П. Блонский. Они пытались решить проблему всестороннего изучения явлений, событий с точки зрения комплексного подхода. Н.К. Крупская призвала изучать явления природы и общества в их взаимосвязи, в единстве. Знания, умения, навыки учащихся должны были объединяться вокруг трех ведущих идей – труд, общество, природа [8].

В 60-е годы XX века формируются теоретические основы межпредметных связей. В это время утверждается необходимость использования интегративных процессов в образовании. Интеграция признается важным фактором в формировании мировоззрения учащихся, в развитии их творческих способностей. В дальнейшем делается вывод о том, что интегративные связи способствуют оптимизации обучения, развитию логического мышления учащихся, появлению глубоких, систематических знаний.

В 80-е годы интеграция рассматривается как часть дидактики в комплексном взаимодействии образовательной, воспитательной и развивающей функций. Выявляются общепедагогические, дидактические, методические и психологические аспекты проблемы. Межпредметные связи становятся фундаментом целостного подхода к систематизации знаний, организации учебно-познавательной деятельности и формированию мировоззрения обучаемых. Признается мысль о необходимости установления интегративных связей между элементами системы содержания образования. М.Н. Скаткин пишет: «... необходимо в содержании обучения обеспечить синтез, интеграцию, соединение частей в единое целое» [9].

Интеграция в современном военном ВУЗе ВВ МВД России – это процесс взаимопроникновения, уплотнения, унификации знаний, проявляющийся в единстве с процессами расчленения, размежевания, дифференциации.

Для полного и всестороннего понимания феномена интеграции необходимо рассмотрение *уровней интегративного процесса*, которые характеризуют степень целостности и объединенности содержания. Чем выше уровень интеграции, тем крепче взаимосвязь компонентов, степень единства частей, тем более целостным является содержание.

Ю.С. Тюнников [10] выделяет три уровня интеграции в педагогическом процессе:

1. Низкий – уровень модернизации, т.к. изменения в исходном содержании учебного предмета и процесса обучения носят в данном случае частный характер. Основные элементы не изменяются, имеют слабую связь между собой, могут быть легко заменены на другие с новым содержанием, при этом структура содержания сохраняет свои первоначальные черты.

2. Средний – комплексирование. В содержании проявляются разносторонние взаимосвязи, интегрированные элементы. Основные изменения на этом уровне характеризуются как формирование «структуры в структуре».

3. Высокий – синтез целостного новообразования. Для этого уровня характерна коренная перестройка ранее сложившегося содержания и синтез принципиально нового дидактического содержания. В процессе интеграции происходит «переспециализация» элементов двух групп, где одни вступают в синтез, а другие способствуют этому. Характерной особенностью структуры содержания является концентрация интегрированных элементов в логической связи между собой в блоки, что обеспечивает преемственное развертывание всего содержания.

А.Д. Урсул [11] отмечает, что процесс развития целостности проходит пять ступеней:

1. Совокупность – объединение элементов по общему признаку.

2. Комплексность – начальная форма синтеза.

3. Упорядоченность – появление отношения порядка между элементами.

4. Организация – в процессе возникновения связей между элементами появляются новые свойства (признаки), отсутствовавшие ранее.

5. Система – нарастание связей образует целостное единство, выступающее современной формой синтеза объединяемых компонентов.

По мнению М.Н. Берулавы [12] интеграция может осуществляться на трех уровнях, в основе которых лежат соотношения содержательной и процессуальной сторон интеграции, решаемые посредством её дидактические задачи, а также определенные типы интеграционного взаимодействия.

Первый и самый высший – *уровень целостности*, завершающийся формированием новой учебной дисциплины, носящей интегративный характер и имеющей собственный предмет изучения. В качестве основного интегрирующего фактора на данном уровне выступают комплексные (переходные) науки, в основе рассматриваемого уровня интеграции лежит переходный тип интеграции общего и профессионального образования.

Вторым уровнем интеграции содержания образования является *уровень дидактического синтеза*. Интеграция учебных предметов на данном уровне осуществляется постоянно на базе одного из них. При этом каждый из взаимодействующих предметов в то же время сохраняет свой статус и свои концептуальные основания. Дидактический синтез характеризует не только содержательную интеграцию учебных предметов, но и определяемый ею процессуальный синтез, предполагающий интеграцию форм учебных занятий ряда общеобразовательных дисциплин. Соответственно обязательно будет иметь место и определенная интеграция методов и средств обучения как структурных компонентов процесса обучения. Функции основного интегрирующего фактора на уровне синтеза выполняют общие объекты исследования. Положительными моментами данного межциклового взаимодействия являются: уплотнение и концентрация учебного материала, устраняющая перегрузку учащихся и приводящая к экономии учебного времени, и усиление мотивации.

Самым низким уровнем интеграции общеобразовательных и профессиональных дисциплин является *уровень межпредметных связей*. Данный уровень характеризуется ассимиляцией инструментария (технического и теоретического), соучаствующего в интеграции учебного предмета с базовым предметом, каждый из которых при этом сохраняет свой суверенитет в учебном процессе. Цель такой интеграции – актуализация знаний учащихся, их обобщение и систематизация. В данном случае

отсутствует интеграция форм учебных занятий, что приводит к недостаточному уровню интеграции содержания образования.

Процессы, протекающие в системе обучения в военных ВУЗах ВВ МВД России наглядно свидетельствуют, что объединение разнопредметного содержания приводит к появлению новых учебных дисциплин, а затем к дифференциации учебного процесса. Когда мы говорим об интеграции в образовании, то с необходимостью подразумеваем и дифференциацию.

Интеграция по отношению к образованию носит фундаментальный характер, т.е. принадлежит к числу определяющих характеристик образовательного процесса. Представление интеграции как процесса «слияния» различных массивов учебного содержания, имеющее своим результатом новые интегрированные учебные курсы, определяет сегодня одно из направлений практической деятельности по созданию новых интегрированных образовательных систем. Но недостаточно знать, что интеграция – это слияние, важно понять механизмы этого слияния. Интеграция предполагает дифференциацию методов, в соответствии с которыми организуется дидактический процесс в новой интегрированной системе, что отражает суть педагогической деятельности.

Развитие системы высшего военного образования в системе МВД России непосредственно связано с процессом интеграции науки и образования.

Интеграция как процесс восстановления, восполнения целого реализует функции совмещения сущностных свойств научной и образовательной деятельности, что позволяет получать результаты нового качества в сокращенные временные ресурсы.

В качестве перспективных источников решения задачи интеграции науки и образования рассматриваются направления деятельности, ориентированные на:

- создание условий научного и научно-методического сопровождения внедрения результатов фундаментальных и прикладных исследований в образовательный процесс;

- использование результатов исследований кафедр для разработки новых технологий и форм обучения самостоятельной научно-исследовательской работе курсантов;

- расширение инновационной активности и открытости военного института через организацию презентации научных достижений на выставках и форумах, в средствах массовой информации и Интернете.

Одна из задач укрепления интеграции вузовской науки и образования заключается в поиске путей, механизмов и форм осуществления поддержки коллективов кафедр, преподавателей и курсантов, участвующих в научно-исследовательской деятельности.

Необходимо отметить направленность вузовской науки на обеспечение инновационной научной деятельности военного института ВВ МВД России, сохранение фундаментальности подготовки кадров высшей квалификации как одного из приоритета образования [13]. Интеграция науки и высшего образования должна **обеспечить повышение** качества образования и подготовки научных кадров. Кроме этого обеспечивается **повышение эффективности** использования бюджетных средств в сфере образования.

Итак, следует отметить.

1. Образование и наука являются сегодня ведущими факторами прогресса общества.

2. Интеграция науки и образования в системе военного образования накапливает потенциал для решения следующих задач: достижения уровня образования выпускника-офицера позволяющего в полной мере выполнять обязанности по занимаемой воинской должности в течении первых пяти лет после выпуска.

3. Интеграция науки и образования на современном этапе ориентирована на развитие новых форм организации науки в образовательных учреждениях.

Библиографический список

1. Бережнова, Л.Н. Образование человека в поликультурном обществе: междисциплинарное исследование: монография / под общ. ред. проф. Л.Н. Бережновой. – СПб., 2008.
2. Садовничий, В.А. Университет. Настоящее. Будущее. Выступление на международной конференции университетов стран СНГ «Университеты и общество». – М., 2000.
3. Прохоров, А.М. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1998.
4. Левченко, В.В. Интегрированный подход к профессионально-педагогической подготовке в вузе специалистов для образовательных учреждений: дис. д-ра пед. наук. – Самара, 2009.
5. Педагогическое наследие / сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. – М., 1989.
6. Константинов, Н.А. История педагогики / Н.А. Константинов, Е.Н. Медынский, М.Ф. Шабаева. – М., 1982.
7. Ушинский, К.Д. Собрание сочинений: в 11 т. / сост. В.Я. Струминский. – М., 1947.
8. Гончарова, Н.К. Педагогические взгляды и деятельность Н.К. Крупской / под ред. Н.К. Гончаровой. – М., 1969.
9. Скаткин, М.Н. Проблемы современной дидактики. – М., 1984.
10. Тюнников, Ю.С. Методика выявления и описания интегративных процессов в учебно-воспитательной работе С ПТУ. – М., 1988.
11. Урсул, А.Д. Становление ноосферной науки и устойчивое развитие / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул // Безопасность Евразии. – 2004. – № 4.
12. Берулава, М.Н. Интеграция содержания общего и профессионального образования в профтехучилищах. Теоретический и методологический аспект. – Томск, 1988.
13. Тарасов, Д.Ю. Профессиональное мировоззрение офицера внутренних войск МВД России – педагогические и гуманитарные составляющие // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2014. – № 4. – Т. 14.

Bibliography

1. Berezhnova, L.N. Obrazovanie cheloveka v polikulturnom obshestve: mezhdisciplinarnoe issledovanie: monografiya / pod obsh. red. prof. L.N. Berezhnovoy. – SPb., 2008.
2. Sadovnichiy, V.A. Universitet. Nastoyathee. Buduthee. Vihstuplenie na mezhdunarodnoy konferencii universitetov stran SNG «Universiteti i obshestvo». – M., 2000.
3. Prokhorov, A.M. Bolshoy ehnciklopedicheskiy slovarj / gl. red. A.M. Prokhorov. – M., 1998.
4. Levchenko, V.V. Integrirovanniy podkhod k professionaljno-pedagogicheskoy podgotovke v vuze specialistov dlya obrazovatelnykh uchrezhdeniy: dis. d-ra ped. nauk. – Samara, 2009.
5. Pedagogicheskoe nasledie / sost. V.M. Klarin, A.N. Dzhurinskiy. – M., 1989.
6. Konstantinov, N.A. Istoriya pedagogiki / N.A. Konstantinov, E.N. Medihnskiy, M.F. Shabaeva. – M., 1982.
7. Ushinskiy, K.D. Sbranie sochineniy: v 11 t. / sost. V.Ya. Struminskiy. – M., 1947.
8. Goncharova, N.K. Pedagogicheskie vzglyadi i deyatel'nostj N.K. Krupskoy / pod red. N.K. Goncharovoy. – M., 1969.
9. Skatkin, M.N. Problemih sovremennoy didaktiki. – M., 1984.
10. Tyunnikov, Yu.S. Metodika vihyavleniya i opisaniya ingegrativnykh processov v uchebno-vospitatel'noy rabote S PTU. – M., 1988.
11. Ursul, A.D. Stanovlenie noosfernoy nauki i ustoychivoe razvitie / A.D. Ursul, T.A. Ursul // Bezopasnostj Evrazii. – 2004. – № 4.
12. Berulava, M.N. Integraciya soderzhaniya obthego i professional'nogo obrazovaniya v proftekhuchilithakh. Teoreticheskij i metodologicheskij aspekt. – Tomsk, 1988.
13. Tarasov, D.Yu. Professional'noe mirovozzrenie oficera vnutrennikh voysk MVD Rossii – pedagogicheskie i gumanitarniye sostavlyayuthe // Vestnik Kihrgizsko-Rossiiyskogo Slavyanskogo universiteta. – 2014. – № 4. – T. 14.

Статья поступила в редакцию 03.09.14

УДК 004+37

Bogatenkov S.A. FORMATION OF A COMPETENCE THAT ENABLES TEACHING STAFF TO WORK WITH "ENERGY" COMPLEX OF TECHNICAL MEANS (A SAFETY ASPECT). This article discusses a problem of the necessity to eliminate the contradiction between demands of employers for training information and its real state. Particular attention is paid to the competence-oriented information management training, which deals with adapting the competencies of an educational standard to the real requirements of employers. The article deals with a topic, related to the formation of a competence to work with a complex technical means "Energy", widely used by Russian enterprises, in graduates of vocational teachers' training organizations. Based on the analysis of practical experience in the implementation of "Energy" complex at Chelyabinsk Thermal Power Plant-2, the paper forms competencies that correspond with requirements for a special education with the personnel of different levels. The author concludes that the use of the experience of the implementation of "Energy" complex at Chelyabinsk TPP-2 in the formation of information and communication competence of graduates of vocational teachers' educational organizations eliminates the risk connected with the lack of practical work of the graduates. The application of the results of this research opens opportunities for high quality training by orders of enterprises that introduce "Energy" complex into their work.

Key words: information and communication competence, safety, vocational teacher education.

С.А. Богатенков, канд. техн. наук, доц., вед. н. с. каф. подготовки педагогов профессионального обучения и предметных методик Челябинского гос. педагогического университета, г. Челябинск, E-mail: ser-bogatenkov@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ РАБОТЫ С КОМПЛЕКСОМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ «ЭНЕРГИЯ» В АСПЕКТЕ БЕЗОПАСНОСТИ

В данной статье рассматривается проблема, состоящая в необходимости устранения противоречия между требованиями работодателей к информационной подготовке кадров и ее реальным состоянием. Особое внимание уделено компетентностно ориентированному управлению информационной подготовкой кадров, состоящему в адаптации компетенций образовательного стандарта к реальным требованиям работодателей. В статье затрагивается тема, связанная с формированием компетентности выпускников организаций профессионально-педагогического образования для работы с комплексом технических средств «Энергия», широко применяемом на предприятиях России. На основании анализа практического опыта внедрения комплекса технических средств «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 и привлечения компетенций образовательного стандарта формируются соответствующие требования к персоналу с различным уровнем образования. Автор приходит к выводу, что применение опыта внедрения КТС «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 при формировании информационной и коммуникационной компетентности выпускников организаций профессионально-педагогического образования устраняет угрозу безопасности, связанную с недостаточной практической ориентацией выпускников. Применение результатов исследования открывает возможности для качественной подготовки специалистов под заказ предприятий, внедряющих КТС «Энергия».

Ключевые слова: информационная и коммуникационная компетентность, безопасность, профессионально-педагогическое образование.

За последнее время достигнуты значительные успехи в области применения информационных и коммуникационных технологий во всех сферах профессиональной деятельности. Например, специалисты ЗАО «Интеравтоматика» разработали и внедрили около 120 проектов, из них более 60 – это проекты АСУ ТП крупных энергоблоков мощностью 100 Мвт и больше [1, с. 3]. Широкое распространение на предприятиях промышленности «Энергия», предназначенный для построения автоматизированных информационно-измерительных систем (АИИС) коммерческого и технического учета всех видов энергоносителей – электрической и тепловой энергии, природного и технических газов, пара, горячей и холодной воды. На сайте разработчика и изготовителя КТС «Энергия» научно-технического предприятия «Энергоконтроль» (www.energocontrol.ru) приведено более 1000 таких предприятий.

Внедрение информационных технологий, с одной стороны, приводит к развитию практико-ориентированного подхода в образовании, с другой – к усилению угроз безопасности. О необходимости практико-ориентированного подхода отмечалось в выступлениях руководителей самого высокого уровня. Так, председатель правительства РФ Д.А. Медведев отметил тенденцию увеличения доли российских вузов, взаимодействующих с промышленными компаниями. Он указал на целесообразность привлечения в качестве преподавателей специалистов, имеющих опыт работы в производственных цехах, конструкторских бюро, маркетинговых и сервисных компаниях, особенно для новых форм образования, таких как прикладной бакалавриат и техно-

логическая магистратура [2]. Серьезной угрозой безопасности является современное состояние педагогического образования в России. В концепции поддержки развития педагогического образования опубликованы результаты мониторинга деятельности государственных вузов и их филиалов, проведенного в 2012 году Министерством образования и науки РФ, которые показали, что 30 из 42 педагогических вузов (71,43%) и 29 из 37 их филиалов (78,38%) признаны имеющими признаки неэффективности. Немаловажную роль в сложившейся ситуации играет проблема неудовлетворительного качества подготовки выпускников, обусловленная устаревшими методами и технологиями, отсутствием связи учебных дисциплин и реальных потребностей работодателей [3].

Приведенные факты свидетельствуют о наличии проблемы, состоящей в необходимости устранения противоречия между требованиями работодателей к информационной подготовке кадров и ее реальным состоянием.

Проводниками формирования знаний, умений и навыков при подготовке специалистов в области применения информационных и коммуникационных технологий являются педагоги профессионального обучения, которые, с одной стороны, являются специалистами в определенной отрасли, с другой стороны, – педагогами по подготовке таких специалистов. Базой для их подготовки являются федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) СПО и ВПО по направлению «профессиональное обучение (по отраслям)», включающие необходимые профессиональные компетенции. Система подготовки кадров

предполагает адаптацию профессиональных компетенций к различным профилям направления. Инструментом для такой адаптации является компетентностно ориентированное управление подготовкой педагогов профессионального обучения, предложенное Е.А. Гнатышиной [4]. С.А. Богатенков адаптировал теорию компетентностно ориентированного управления для случая проектирования информационной подготовки кадров [5], в том числе, для прикладных бакалавров [6].

Формирование информационной компетентности в уровне профессионально-педагогическом образовании проектировалось на основе опыта внедрения информационных технологий в образовании, машиностроении, энергетике, экономике и управлении [7]. Результатом научных исследований стала монография «Проектирование безопасной информационной подготовки» [8], за которую автор удостоен звания лауреата Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2013 года, проводимого Фондом развития отечественного образования. При проектировании информационной подготовки педагогических кадров использовался критерий безопасности [9]. Информационную подготовку педагогических кадров необходимо рассматривать как систему управления качеством, которая оценивается рядом показателей, учитывающих уровень безопасности [10]. Динамика развития концепции формирования компетенции в области применения информационных и коммуникационных технологий, т.е. ИКТ-компетентности педагога в системе профессионально-педагогического образования (ППО), отражена в статьях [11; 12]. Концепция основана на классификации ИКТ-компетенций [13]. На основе анализа опыта [14, 15] сформулированы требования к информационной подготовке кадров сферы торговли [16], а также в условиях применения информационно-измерительных систем [17] или систем автоматизированного проектирования [18].

Методология системы проектирования информационной подготовки кадров основана на уровневой модели формирования информационных и коммуникационных компетенций выпускников [19], которая состоит из моделей подготовки выпускников СПО, бакалавриата и магистратуры [20-22].

Использование уровневой модели и классификации информационных и коммуникационных технологий дало возможность реализовать технологии безопасной информационной подготовки педагогических кадров в условиях информатизации образования [23; 24]. Разработанные методология и технологии безопасной информационной подготовки кадров позволяют разработать эффективные системы подготовки кадров под заказ предприятий. Например, система информационной подготовки кадров для работы в среде 1С, широко используемой на предприятиях России и ближнего зарубежья, описана в статье [25].

В статье затрагивается тема, связанная с формированием компетентности выпускников организаций профессионально-педагогического образования для работы с комплексом технических средств «Энергия», широко применяемом на предприятиях России. На основании анализа практического опыта внедрения комплекса технических средств «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 и привлечения компетенций ФГОС формируются соответствующие требования к персоналу с различным уровнем образования. Опыт внедрения КТС «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 опубликован в статьях журнала «Промышленная энергетика» [26-29]. Модели, методы и средства информационной поддержки принятия решений в условиях применения КТС «Энергия» нашли свое отражение в трудах международной научно-методической конференции «Информатизация инженерного образования» [30].

Анализ опыта внедрения КТС «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 позволил сформулировать требования для персонала с различным уровнем образования: СПО, бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В результате анализа ФГОС для СПО и ВПО по направлению «Профессиональное обучение (по отраслям)» и применения методов компетентностно ориентированного управления для выпускников СПО, бакалавриата и магистратуры получены компетенции, соответствующие требованиям практического опыта. В связи с отсутствием ФГОС ВПО для выпускников аспирантуры соответствующие компетенции получены по требованиям опыта аналогично.

Рассмотрим технологии формирования полученных компетенций для различных уровней образования.

Уровень СПО: способность разрабатывать и оформлять техническую и технологическую документацию с помощью

КТС «Энергия». В результате автоматизации документооборота при учете электроэнергии и энергоносителей значительно уменьшается или устраняется субъективная составляющая погрешности, что позволяет существенно повысить уровень доверия расчетным показателям.

Благодаря гибкому программному обеспечению КТС «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 созданы необходимые группы каналов учета, разработаны удобные выходные формы, отражающие потребности пользователей. Так, баланс электрической энергии по главной схеме за месяц рассчитывается автоматически и передается в Энергонадзор по электронной почте. В результате автоматизации сбора данных небаланс электроэнергии уменьшился в 10 раз, стали ненужными записи в журнал показаний счетчиков, расчет небаланса и заполнение выходных форм. Разработаны выходные формы учета электроэнергии по вахтам, которые позволяют оценивать работу каждой конкретной вахты по выработке электроэнергии, ее затратам на собственные нужды, в том числе конкретно для различных видов котельного и турбинного оборудования. Кроме того, разработаны документы, позволяющие определить время работы котельного и турбинного оборудования. По этим данным можно автоматически формировать графики фактической работы оборудования и рассчитывать реальные технико-экономические показатели работы станции.

В результате внедрения КТС «Энергия» на предприятии в должностные инструкции персонала должно быть внесено следующее изменение: *разрабатывать и оформлять документацию с помощью КТС «Энергия».*

Уровень бакалавриата: готовность к повышению производительности труда и качества продукции, экономии ресурсов и организации безопасности с помощью КТС «Энергия». Эффективные результаты в управлении ресурсами достигаются в результате внедрения КТС «Энергия», объединяющей всех пользователей и включающей технологические вычислительные сети, обеспечивающие автоматизированный сбор, обработку и своевременную передачу информации.

Внедрение КТС «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 позволило повысить эффективность мероприятий по энергосбережению и создало условия для безопасной работы оборудования и персонала, так как обеспечивает:

- повышение надежности работы оборудования благодаря внедрению автоматизированных систем информационной поддержки оперативного и ремонтного персонала;
- повышение оперативности в оценке состояния производства благодаря большой производительности компьютеров;
- улучшение условий труда эксплуатационного, ремонтного и управленческого персонала в результате автоматизации рутинных процедур обработки информации;
- повышение культуры производства благодаря компьютерной обработке данных, передаче их по ЛВС или с помощью модемной связи и получению печатных документов;
- сокращение количества эксплуатационного и управленческого персонала в результате автоматизации вычислительных и информационных работ.

В результате внедрения КТС «Энергия» на предприятии в должностные инструкции персонала должно быть внесено изменение: *повышать производительность труда и качество продукции, экономить ресурсы и организовывать безопасность с помощью КТС «Энергия».*

Уровень магистратуры: способность и готовность управлять процессами с помощью КТС «Энергия». Большое значение для энергосбережения имеет процесс выявления потерь энергии, связанной с утечками в коммуникациях и с несанкционированными подключениями отдельных потребителей. При традиционном подходе эта задача решается персоналом предприятий достаточно трудоемко и долго. При этом не исключена опасность поражения персонала электрическим током и действием энергоносителей. Поэтому внедрение информационных технологий, при которых уменьшается трудоемкость и время нахождения персонала в зоне возможного поражения электрическим током и энергоносителями, является актуальной задачей.

Методика поиска недопустимых потерь энергии на основе КТС «Энергия» позволяет локализовать область поиска потерь энергии. Однако при этом предъявляются повышенные требования к уровню квалификации персонала, т.к., с одной стороны, он должен знать особенности технологического процесса,

а с другой – должен быть квалифицированным пользователем КТС «Энергия». Кроме того, процесс поиска отнимает достаточно много времени. Очевидно, что такой поиск недопустимых потерь требует предварительного разбиения на группы, которое может быть выполнено только специалистом, хорошо знающим технологический процесс. Кроме того, значения небаланса рассчитываются для всех существующих групп еще до начала анализа полученных данных, т.е. результаты измерений используются многократно. Хотя значения небаланса отдельного канала рассчитываются только для групп с недопустимым небалансом, однако для таких групп приходится рассчитывать небалансы всех входящих в него каналов. Количество групп сопоставимо с количеством каналов. Если групп с недопустимым небалансом несколько, алгоритм необходимо будет повторить несколько раз, при этом часто повторяя уже проделанные вычисления.

Еще одним недостатком данного метода является сложность расчета коэффициента допустимых потерь для группы. Он очевидно больше коэффициента допустимых потерь для отдельного канала и зависит, например, при передаче электроэнергии, от количества трансформаторов на всем пути передачи энергии. Необходимо для каждого трансформатора вводить фиктивный потребитель энергии, что может быть сделано только опытным специалистом.

На кафедре «Прикладная математика» Южно-Уральского государственного университета в рамках дипломного проекта под руководством автора создан алгоритм и программа, в которой отсутствуют перечисленные недостатки. Программа внедрена на Челябинском трубопрокатном заводе, на Челябинской ТЭЦ-2. В результате выполнения дипломного проекта разработана математическая модель коммуникационной сети электроэнергии или энергоносителей, учитывающая взаимосвязь между входными и выходными потоками энергии. На основе модели и обзор существующих методов разработан эффективный алгоритм поиска недопустимых потерь энергии, программная реализация которого позволила сократить время и трудоемкость работ в зоне возможного поражения электрическим током или действием энергоносителей, а также эффективно планировать мероприятия по дальнейшему устранению неисправностей.

В результате внедрения КТС «Энергия» на предприятии в должностную инструкцию руководителя подразделения должно быть внесено изменение: *управление процессами выполнять с помощью КТС «Энергия».*

Уровень аспирантуры: способность и готовность решать проблемы с помощью КТС «Энергия». Проблемы применения КТС «Энергия» на энергоемких предприятиях связаны с существованием аналогичных информационно-измерительных систем (ИИС), их функциональных, технических и стоимостных характеристик. Существуют определенные трудности экономически обоснованного выбора их структуры и состава в связи с увеличением номенклатуры и спектра указанных характеристик. Возникает ряд вопросов. Чем определяется эффективность ИИС? Как учитывать важность измеряемых величин при выборе системы учета? Например, учет расхода коммерческих теплоносителей на Челябинской ТЭЦ-2 выполняется двумя автома-

тизированными системами, а учет расхода некоммерческих теплоносителей – одной. Правильно ли сделан выбор?

За 20 лет с момента внедрения КТС «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 появилась новая версия КТС «Энергия+». Совершенствуются принципы построения АИИС КУЭ на базе КТС «Энергия+» для целей расчетов на оптовом и розничном рынке электроэнергии. Такие АИИС КУЭ/ТУЭ строятся по двухуровневой схеме (счетчики на подстанциях – центр АИИС КУЭ/ТУЭ), без так называемого УСПД (устройство сбора и передачи данных, которое негативно влияет на метрологию и надежность систем) и позволяют:

- сводить баланс электроэнергии и мощности на 15сек/3мин/15мин/30мин/1час интервалах времени;
- прогнозировать отклонения от заявленного почасового графика потребления/выработки электроэнергии и мощности;
- контролировать мгновенные параметры электросети (напряжения, токи).

В каком направлении, и каким образом целесообразно дальше развивать КТС «Энергия» или следует остановиться на достигнутом? Как рационально использовать оперативный и ремонтный персонал подразделений АСУ и экономически обосновать его численность с учетом текущих и перспективных работ? Где искать резервы для сокращения численности эксплуатационного и управленческого персонала в результате автоматизации вычислительных и информационных работ? Дело в том, что необоснованный выбор варианта автоматизации связан со снижением ее эффективности или с лишними расходами на приобретение. Необоснованная кадровая политика может привести к снижению надежности обслуживаемых систем или к перерасходу денежных ресурсов на зарплату персоналу. В связи с переходом к рыночной экономике эти вопросы стали крайне актуальными, поэтому их решение представляет большой интерес для руководителей предприятий и подразделений.

На основе анализа тенденций развития экономической ситуации и технико-коммерческих оценок в статье [28] обоснованы принципы выбора и предложена методология внедрения КТС «Энергия» на ТЭС и других предприятиях. Приведенный анализ основан на опыте внедрения КТС «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2. Но это не исключает возможности более широкой трактовки полученных результатов применительно к другим предприятиям.

В результате внедрения КТС «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 в должностную инструкцию заместителя руководителя по ИТ должно быть внесено изменение: *решать проблемы, связанные с управлением процессами с помощью КТС «Энергия».*

Подводя итоги можно утверждать, что применение опыта внедрения КТС «Энергия» на Челябинской ТЭЦ-2 при формировании информационной и коммуникационной компетентности выпускников организаций профессионально-педагогического образования устраняет угрозу безопасности, связанную с недостаточной практической ориентацией выпускников. Использование описанного в статье материала открывает возможности для качественной подготовки специалистов под заказ предприятий, внедряющих КТС «Энергия».

Библиографический список

1. Свидерский, А.Г. Автоматизация российской энергетики: новые задачи, новые решения / А.Г. Свидерский, В.А. Биленко, А.А. Ананьев. // Теплоэнергетика. – 2013. – № 10.
2. Стенограмма выступления Д.А. Медведева на Международном авиационном конгрессе 27 августа 2013 года [Э/п]. – Р/д: <http://government.ru/news/4093>
3. Концепция поддержки развития педагогического образования [Э/п]. – Р/д: <http://www.mpgu.edu/documents/conceptiya-podderzhki-ped-obrazovaniya.pdf>
4. Гнатышина, Е.А. Компетентностно ориентированное управление подготовкой педагогов профессионального обучения. – СПб., 2008.
5. Богатенков, С.А. Компетентностно ориентированное управление информационной подготовкой выпускников образовательных организаций // Концепт. – 2014. – Т. 12.
6. Богатенков, С.А. Проектирование информационной подготовки прикладных бакалавров / С.А. Богатенков, Е.А. Гнатышина. – Челябинск, 2013.
7. Богатенков, С.А. Формирование информационной компетентности в уровневом профессионально-педагогическом образовании. – Челябинск, 2012.
8. Богатенков, С.А. Проектирование безопасной информационной подготовки. – Челябинск, 2013.
9. Богатенков, С.А. Проектирование информационной подготовки педагогических кадров по критерию безопасности // Информатика и образование. – 2013. – № 8.
10. Богатенков, С.А. Информационная подготовка педагогических кадров как система управления качеством образования // Информатика и образование. – 2013. – № 7.
11. Богатенков, С.А. Концепция системы формирования информационной и коммуникационной компетентности выпускников учреждений профессионально-педагогического образования // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 5.
12. Богатенков, С.А. Концепция формирования информационной и коммуникационной компетентности педагога в системе профессионально-педагогического образования // Концепт. – 2014. – № 5.

13. Богатенков, С.А. Классификация информационных и коммуникационных компетенций в профессионально-педагогическом образовании как фактор дидактической безопасности // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 1.
14. Богатенков, С.А. Опыт создания мультимедийной образовательной среды: машиностроение, торговля, образование // Информатика и образование. – 2014. – № 3.
15. Богатенков, С.А. Повышение эффективности мероприятий по энергосбережению с помощью автоматизированных средств учета энергии // Промышленная энергетика. – 1997. – № 12.
16. Переверзев, П.П. Требования к информационной подготовке кадров сферы торговли в инновационной информационной среде / П.П. Переверзев, С.А. Богатенков, Д.С. Богатенков // Управление инновационным развитием экономики: теория, методология, практика. – Челябинск, 2014.
17. Богатенков, С.А. Требования к информационной подготовке кадров в условиях применения информационно-измерительных систем / Концепт. – 2014. – № 1.
18. Богатенков, С.А. Формирование требований к информационной подготовке кадров в условиях применения систем автоматизированного проектирования / С.А. Богатенков, Н.Д. Юсубов // Баку: Машиноведение. – 2014. – № 1.
19. Гнатышина, Е.А. Уровневая модель информационных и коммуникационных компетенций выпускников учреждений профессионально-педагогического образования / Е.А. Гнатышина, С.А. Богатенков // Педагогическое образование и наука. – 2012. – № 12.
20. Богатенков, С.А. Модель системы формирования информационной и коммуникационной компетентности бакалавров профессионального обучения // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6.
21. Богатенков, С.А. Формирование компетентности магистров профессионального обучения // Профессиональное образование. Столица. – 2013. – № 5.
22. Богатенков, С.А. Формирование информационной и коммуникационной компетентности в профессионально-педагогическом образовании // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2012. – № 8.
23. Богатенков, С.А. Технология безопасной информационной подготовки педагогических кадров в условиях информатизации образования // Концепт. – 2013. – 6.
24. Богатенков, С.А. Компетентностно-ориентированный подход к планированию информационной подготовки выпускников образовательных организаций // Концепт. – 2013. – № 5.
25. Богатенков, С.А. Система информационной подготовки кадров в условиях применения конфигураций «1С: Предприятие» / С.А. Богатенков, Д.С. Богатенков // Концепт. – 2014. – Т. 20.
26. Богатенков, С.А. Опыт внедрения и эксплуатации автоматизированного рабочего места инженера производственно-технического отдела и комплекса технических средств «Энергия» на ТЭЦ-2 Челябинска / С.А. Богатенков, Э.С. Варыпаев // Промышленная энергетика. – 1996. – № 11.
27. Богатенков, С.А. Опыт наладки комплексной информационно-измерительной системы на ТЭЦ-2 Челябинска // Промышленная энергетика. – 1997. – № 3.
28. Богатенков, С.А. Принципы и методология внедрения информационно-измерительных систем на ТЭС и других предприятиях // Промышленная энергетика. – 1998. – № 1.
29. Богатенков, С.А. Повышение эффективности АСУ ТЭС // Промышленная энергетика. – 1998. – № 6.
30. Богатенков, С.А. Модели, методы и средства информационной поддержки принятия решений в системе информационной подготовки кадров // Труды Международной научно-методической конференции «Информатизация инженерного образования». – М., 2014.

Bibliography

1. Sviderskiy, A.G. Avtomatizatsiya rossiyskoy ehnergetiki: noviye zadachi, noviye resheniya / A.G. Sviderskiy, V.A. Bilenko, A.A. Ananjev. // Teploehnergetika. – 2013. – № 10.
2. Stenogramma vkhstupleniya D.A. Medvedeva na Mezhdunarodnom aviacionnom kongresse 27 avgusta 2013 goda [Eh/r]. – R/d: <http://government.ru/news/4093>
3. Konceptiya podderzhki razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya [Eh/r]. – R/d: <http://www.mpgu.edu/documents/conceptiya-podderzhki-ped-obrazovaniya.pdf>
4. Gnatiushina, E.A. Kompetentnostno orientirovannoe upravlenie podgotovkoy pedagogov professionalnogo obucheniya. – SPb., 2008.
5. Bogatenkov, S.A. Kompetentnostno orientirovannoe upravlenie informacionnoy podgotovkoy vihpusnikov obrazovatelnykh organizatsiy // Koncept. – 2014. – Т. 12.
6. Bogatenkov, S.A. Proektirovanie informacionnoy podgotovki prikladnykh bakalavrov / S.A. Bogatenkov, E.A. Gnatiushina. – Chelyabinsk, 2013.
7. Bogatenkov, S.A. Formirovanie informacionnoy kompetentnosti v urovnevom professionalno-pedagogicheskom obrazovanii. – Chelyabinsk, 2012.
8. Bogatenkov, S.A. Proektirovanie bezopasnoy informacionnoy podgotovki. – Chelyabinsk, 2013.
9. Bogatenkov, S.A. Proektirovanie informacionnoy podgotovki pedagogicheskikh kadrov po kriteriyu bezopasnosti // Informatika i obrazovanie. – 2013. – № 8.
10. Bogatenkov, S.A. Informacionnaya podgotovka pedagogicheskikh kadrov kak sistema upravleniya kachestvom obrazovaniya // Informatika i obrazovanie. – 2013. – № 7.
11. Bogatenkov, S.A. Konceptiya sistem formirovaniya informacionnoy i kommunikacionnoy kompetentnosti vihpusnikov uchrezhdeniy professionalno-pedagogicheskogo obrazovaniya // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2012. – № 5.
12. Bogatenkov, S.A. Konceptiya formirovaniya informacionnoy i kommunikacionnoy kompetentnosti pedagoga v sisteme professionalno-pedagogicheskogo obrazovaniya // Koncept. – 2014. – № 5.
13. Bogatenkov, S.A. Klassifikatsiya informacionnykh i kommunikacionnykh kompetentsiy v professionalno-pedagogicheskom obrazovanii kak faktor didakticheskoy bezopasnosti // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2013. – № 1.
14. Bogatenkov, S.A. Opiht sozdaniya multimediyjnoj obrazovatel'noj sredih: mashinostroenie, trgovlya, obrazovanie // Informatika i obrazovanie. – 2014. – № 3.
15. Bogatenkov, S.A. Povishenie ehffektivnosti meropriyatiy po ehnergobezopasnosti s pomosh'yu avtomatizirovannykh sredstv ucheta ehnergii // Promyshlennaya ehnergetika. – 1997. – № 12.
16. Pereverzev, P.P. Trebovaniya k informacionnoy podgotovke kadrov sferih trgovli v innovacionnoy informacionnoy srede / P.P. Pereverzev, S.A. Bogatenkov, D.S. Bogatenkov // Upravlenie innovatsionnim razvitiem ehkonomiki: teoriya, metodologiya, praktika. – Chelyabinsk, 2014.
17. Bogatenkov, S.A. Trebovaniya k informacionnoy podgotovke kadrov v usloviyakh primeneniya informacionno-izmeritel'nykh sistem // Koncept. – 2014. – № 1.
18. Bogatenkov, S.A. Formirovanie trebovaniy k informacionnoy podgotovke kadrov v usloviyakh primeneniya sistem avtomatizirovannogo proektirovaniya / S.A. Bogatenkov, N.D. Yusubov // Baku: Mashinovedenie. – 2014. – № 1.
19. Gnatiushina, E.A. Urovnevaya model' informacionnykh i kommunikacionnykh kompetentsiy vihpusnikov uchrezhdeniy professionalno-pedagogicheskogo obrazovaniya / E.A. Gnatiushina, S.A. Bogatenkov // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. – 2012. – № 12.
20. Bogatenkov, S.A. Model' sistem formirovaniya informacionnoy i kommunikacionnoy kompetentnosti bakalavrov professionalnogo obucheniya // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2012. – № 6.
21. Bogatenkov, S.A. Formirovanie kompetentnosti magistriv professionalnogo obucheniya // Professionalnoe obrazovanie. Stolitsa. – 2013. – № 5.
22. Bogatenkov, S.A. Formirovanie informacionnoy i kommunikacionnoy kompetentnosti v professionalno-pedagogicheskom obrazovanii // Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. – 2012. – № 8.
23. Bogatenkov, S.A. Tekhnologiya bezopasnoy informacionnoy podgotovki pedagogicheskikh kadrov v usloviyakh informatizatsii obrazovaniya // Koncept. – 2013. – 6.
24. Bogatenkov, S.A. Kompetentnostno-orientirovanniy podkhod k planirovaniyu informacionnoy podgotovki vihpusnikov obrazovatel'nykh organizatsiy // Koncept. – 2013. – № 5.

25. Bogatenkov, S.A. Sistema informacionnoy podgotovki kadrov v usloviyakh primeneniya konfiguratsiy «1S: Predpriyatie» / S.A. Bogatenkov, D.S. Bogatenkov // *Koncept*. – 2014. – Т. 20.
26. Bogatenkov, S.A. Opiht vnedreniya i ekspluatatsii avtomatizirovannogo rabocheho mesta inzhenera proizvodstvenno-tekhnicheskogo otdela i kompleksa tekhnicheskikh sredstv «Energiya» na TEhC-2 Chelyabinsk / S.A. Bogatenkov, Eh.S. Variohaev // *Promishlennaya ehnergetika*. – 1996. – № 11.
27. Bogatenkov, S.A. Opiht naladki kompleksnoy informacionno-izmeritel'noy sistem na TEhC-2 Chelyabinsk // *Promishlennaya ehnergetika*. – 1997. – № 3.
28. Bogatenkov, S.A. Principi i metodologiya vnedreniya informacionno-izmeritel'nykh sistem na TEhS i drugih predpriyatiyakh // *Promishlennaya ehnergetika*. – 1998. – № 1.
29. Bogatenkov, S.A. Povishenie ehfektivnosti ASU TEhS // *Promishlennaya ehnergetika*. – 1998. – № 6.
30. Bogatenkov, S.A. Modeli, metodih i sredstva informacionnoy podderzhki priyatiya resheniy v sisteme informacionnoy podgotovki kadrov / *Trudih Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Informatizatsiya inzhenernogo obrazovaniya»*. – М., 2014.

Статья поступила в редакцию 03.09.14

УДК 355.231+398.8

Kashina N.I. A PROBLEM OF UNDERSTANDING TRADITIONAL CULTURAL AND ART VALUES BY CHILDREN AND YOUTH. In the article theoretical bases of a concept of understanding traditional cultural and art by children and youth are revealed. It is stated that a substantial basis of this process is made by artistic culture of the Cossacks. The theory of this concept proves the necessity of introduction of artistic culture of the Cossacks into educational environment of a school, family, establishments of additional education and the necessity of uniting of these environments in a common educational space. The paper also tells about the importance of the development of ethnointonational ear of children and youth and mastering a language of musical culture of the Cossacks. The introduction of art culture of the Cossacks in traditional forms existing in the Cossack culture and the creation of the Cossacks of art products are the components of spiritual experience. The author names the processes of identification, reflection, isolation and self-realization as the main mechanisms of the development.

Key words: art culture, art values, traditional values, Cossacks.

Н.И. Кашина, канд. пед. наук, доц. каф. музыкального образования, докторант Уральского гос. педагогического университета, г. Екатеринбург, E-mail: koranata@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОСВОЕНИЯ ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье раскрываются теоретические основания концепции освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей, в основе которой лежат положения: содержательную основу данного процесса составляет художественная культура казачества; необходимо: включение художественной культуры казачества в воспитательную среду школы, семьи, учреждений дополнительного образования и объединение данных сред в единое воспитательное пространство, развитие этноинтонационного слуха детей и молодежи и овладение ими языком музыкальной культуры казачества; содействие их «проживанию» практически-духовного компонента культурного опыта казачества, включение художественной культуры казачества в традиционные формы бытования в казачьей культуре, создание по освоенным образцам культуры казачества художественных продуктов; механизмами освоения являются идентификация, рефлексия, обособление и самореализация.

Ключевые слова: художественная культура, художественные ценности, традиционные ценности, казачество.

Сегодня приоритеты государственной политики лежат в области сохранения и развития уникальной российской цивилизации, консолидации общества на основе отечественных духовных традиций и российского менталитета, совершенствования духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи. Концептуальные подходы к решению данных проблем содержатся в «Национальной доктрине образования в РФ до 2025 г.», «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» и др. Однако, не смотря на позитивные тенденции усиления духовно-нравственного аспекта содержания образования, поиск концептуально-теоретических подходов в этой области остается по-прежнему актуальным. Одно из его направлений – обращение к истории и культуре народов России, включающее историко-педагогическое обобщение опыта предшествующих поколений, реализацию потенциала многовековых традиций отечественной культуры.

Системой порождения, накопления, хранения, общения и трансляции ценностно-познавательного кругозора культуры, с наибольшей достоверностью воплощающей национальный характер этноса, является художественная культура. Она обладает мощным аксиологическим потенциалом, направленным на совершенствование гуманистических оснований личности, регулирование ее отношений с миром (М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев).

Реализация духовно-нравственного потенциала искусства в системе обучения и воспитания детей и молодежи признается сегодня одним из перспективных направлений оптимизации современной системы образования (Э.Б. Абдуллин, Ю.Б. Алиев, Е.А. Бодина, В.В. Медушевский, А.А. Мелик-Пашаев). Но педагогике искусства еще предстоит осмыслить процесс функционирования и трансформации новых ценностных парадигм, в рамках которых происходит становление личности человека нового тысячелетия. Для подрастающего поколения россиян необходимо представить идеалообразующее пространство культуры, что выдвигает для педагогического сообщества требование разработки и оснащения данного процесса (Л.С. Зорилова, А.И. Щербакова).

Носителем традиционных народных ценностей, представляющих собой воплощение ценностей общечеловеческих (семья, патриотизм, гражданственность, социальная солидарность, Православие, труд и др.), являвшихся на протяжении многих веков важным элементом общественного сознания и фундаментом российской социальной системы, стало казачество. Его художественная культура является кумулятивной базой этнокультурной среды и средством познания этнической картины мира казачества (А.Ф. Григорьев), а в ее феноменах содержится своеобразные модели, которые являются «схемами человеческого духа», по которым воспроизводится человеческая типология

[1, с. 35]. Ее неотъемлемой частью и значимой сферой жизни и быта казачества является музыкальная культура – уникальный по силе воздействия и эмоциональной насыщенности феномен.

Включение художественной культуры казачества в процесс воспитания подрастающего поколения может рассматриваться в качестве средства освоения детьми и молодежью традиционных ценностей. Но, на практике ее педагогический потенциал реализуется не в полной мере даже в учебных учреждениях с казачьим кадетским компонентом. Существующие программы и учебно-методические пособия направлены, в основном, на создание у учащихся представлений о фольклоре казачества Дона и Кубани как о целостной многофункциональной системе жизнеобеспечения народа. Практически полностью отсутствует подобный учебно-методический базис по освоению детьми музыкальной культуры других локально-региональных казачьих традиций. Существующие исследования в этой области предлагают решение проблемы воспитания учащихся средствами художественной культуры казачества с общепедагогических позиций, что не вполне способствует их отклику на художественные образы, содержащиеся в ней, и успешности присвоения ими ценностей и идеалов культуры казачества.

В практике обучения и воспитания пока еще мало востребован богатейший опыт социализации и инкультурации детей в семье и казачьей общине, в процессе которых подрастающее поколение усваивало базовые культурные ориентиры и нравственные идеалы. Все это вызывает необходимость обращения к научному осмыслению опыта воспитательной работы, накопленного в дореволюционных казачьих заведениях, где важнейшую роль играло музыкальное искусство с тем, чтобы восстановить утраченную преемственность между поколениями, заимствовать наиболее ценное педагогическое наследие для дальнейшего совершенствования отечественной системы духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи.

В связи с вышеизложенным, нами была создана концепция освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей на основе художественной культуры казачества. Ее теоретическими основанием являются следующие положения:

1. Музыкальная культура каждой локальной казачьей традиции включает неказачий и казачий слои (состоит из общеказачьего репертуара и репертуара, связанного с региональной традицией, имеющей яркие музыкально-стилистические признаки, аккумулирующие в себе специфику местных условий, социально-исторические особенности региона, своеобразие его культуры). Она воспроизводит этнические, локальные, региональные, социальные типы творчества, и их составляющие – систему ценностей, норм и способов деятельности. Музыкальная культура уральских и оренбургских казаков связана с самобытными традициями, характерными только для казачества Урала (например, обычай «взятия городов», возникшим в связи с положением, которое занимали казаки на пограничной Оренбургской линии и напоминающим действительную оборону оренбургских и уральских казаков при линейной крепости от нападающих на нее киргиз-кайсаков, обряд «Багренье» – особый вид зимнего рыболовства, характерный только для уральского казачества), с географическими особенностями – уральское и оренбургское казачество неотделимо от реки Яик (Урал). Индивид «включается» именно в родную культуру, усваивает присущие ей традиции мировоззрения, мироощущение (психологически наследует ее). Она наиболее близка и доступна детям, впитывается ими на подсознательном уровне, входит как компонент в социально-психологическую ситуацию его развития (Л.С. Выготский). Поэтому содержательную основу процесса освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей должна составлять художественная культура казачества, характерная для региона их проживания.

2. Историческое прошлое казачества свидетельствует об исключительно развитой музыкально-фольклорной среде, в которой воспитывалось подрастающее поколение казаков. Находясь в постоянном соприкосновении с фольклором в его естественных, бытовых формах, дети не только осваивали народный музыкально-поэтический язык, постигали «плоть и кровь» традиционной культуры казачества, но и осваивали ее аксиоферу. Поэтому необходимо включение художественной культуры казачества в воспитательную среду школы (уроки музыки и все блоки структуры казачьего кадетского компонента, вне-

классная, внешкольная деятельность), семьи, учреждений дополнительного образования (казачьи клубы, молодежные объединения); объединение данных сред в единое воспитательное пространство. Это создает условия целостного вхождения детей и молодежи в культурное пространство казачества, выступающего оптимальной формой коммуникации между различными историческими эпохами.

3. Согласно диалоговой концепции культуры М.М. Бахтина, культура является формой бытия и общения людей различных культур и формой самоопределения личности. Диалог является условием культурного бытия человека и способом нахождения им человеческих смыслов. Как доказывают исследования в области музыкальной психологии (А.Л. Готсдинер, В.А. Мединцев, В.В. Медушевский, Г.С. Тарасов и др.), музыкальная культура способствует межличностному и внутриличностному общению реципиентов. На освоение человеком ценностей содержания произведений музыкального искусства влияет внутренний, внутриличностный уровень музыкального общения. Вхождение личности в интонационно-символическое поле общественного музыкального сознания подчинено действию механизмов *идентификации и обособления*, в том числе на уровне личности в этносе и культуре (А.В. Торопова). Воспринятый в музыкальном произведении материал осмысливается человеком этически, познавательно и эстетически (реализуется *механизм рефлексии*). *Самореализация личности в рамках художественной культуры является процессом и результатом его отождествления с ценностями и референтными личностями культуры* [2]. Таким образом, *механизмами освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей, реализующимися в процессе художественного общения, являются идентификация, рефлексия, обособление и самореализация*.

4. Музыка – явление интонационное. Явления действительности получают преломление в интонации. Музыкальный образ в форме чувственно осязаемой мысли осознается человеком посредством слуха. Музыкальный слух рассматривается современными учеными с позиций интонационной теории Б.В. Асафьева, в соответствии с которой музыка воспринимается как искусство «интонируемого смысла», в интонациях которой «свернута» та или иная музыкальная культура, заключены функции выражения и воздействия. Этнослух (термин И.И. Земцовского [3]) является главным этническим идентификатором, который «развивает и создает нашу личность», делает музыку культурно значимой для нас. Этнография слуха является основой всей музыкальной деятельности, ключом к познанию всех музыкальных языков человечества, рождает музыкальное мышление и открывает дорогу к восприятию других культур [4]. Музыкальный язык – основа познания художественного смысла и содержания любого музыкального произведения, музыкальной деятельности и коммуникации, специфическое средство материализации, хранения и передачи музыкальной информации, посредством которого общественное музыкальное сознание транслирует культурные нормы (процесс присвоения значений), сенсорные эталоны (интонымы) и эстетические стереотипы. Музыкальная речь, состоящая из ряда интонационных единиц, является образно-познавательной деятельностью сознания, связанной с выражением звукообразов и звукоидей. Овладеть музыкальной культурой общества, – значит, овладеть ее музыкальным языком [5]. *Для эффективного освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей необходимо развитие их этноинтонационного слуха и овладение ими языком музыкальной культуры казачества*.

5. Обычаи, ритуалы и обряды являются средством установления связи между прошлым и настоящим, предками и потомками (В.П. Левкович, Н.Г. Панкова). «Проживание» культурной ситуации позволяет человеку ощутить вертикаль развития культуры от ее корней до современности [6]. Ребенку необходимо прочувствовать, пережить на собственном опыте значимость тех или иных культурных ценностей в деятельности, чтобы интериоризировать предлагаемые ценности. Освоить музыкальную культуру общества, персонифицировать ее можно исключительно посредством музыкальной деятельности (Р.А. Тельчарова) – «орудия» индивидуального вхождения человека в культуру и социум, посредством которого личность в практической деятельности через музыкальное произведение общается с духовным опытом человечества» [7]. Социализация личности происходит именно в той мере, насколько индивид оказывается при-

общен к коллективной традиции не просто как ее носитель, но и как активный творец [8]. Поэтому фактором эффективного освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей является «проживание» ими практически-духовного компонента культурного опыта казачества, включение художественной культуры казачества в традиционные формы бытования в казачьей культуре (реконструкция обрядов, оформление торжественных военных ритуалов, событий, процесс начальной военной подготовки, проведение казачьих военно-спортивных игр и т.д.), создание по освоенным образцам культуры казачества художественных продуктов.

Концепция разработана с опорой на культурологический (позволяет выстроить учебно-воспитательный процесс с учетом культурного наследия, норм и ценностей культуры казачества, возрастных особенностей детей и молодежи), гендерный (позволяет организовать учебно-воспитательный процесс, представляющий учащимся ориентир на реализацию традиционных мужских и женских социальных ролей), личностно ориентированный (позволяет признать за ребенком статус субъекта воспитательного процесса и направить воспитание на принятие им традиционных ценностей и гуманистических норм культуры казачества), деятельностный (позволяет осуществить процесс освоения детьми и молодежью традиционных культурных и ху-

дожественных ценностей в музыкальной и творческой деятельности), аксиологический (позволяет выявить, обосновать и актуализировать в учебно-воспитательном процессе традиционные ценности, заложенные в художественной культуре казачества), полихудожественный (позволяет включить подрастающее поколение в различные виды художественной деятельности), интонационный (позволяет реципиентам через интонацию открывать путь постижения музыки в широком жизненном контексте) подходы и принципы интеграции (позволяет формировать целостное представление детей и молодежи о художественной культуре казачества, осваивать ее комплексно), освоения детьми и молодежью музыкального фольклора казачества в контекстных связях (позволяет изучать фольклорные образцы в соответствующем бытийном контексте, так как народная музыка включает контексты: фольклорного действия, культуры и реальной жизни).

Положения концепции отражены в педагогической модели освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей. Она внедрялась в период 2010–2013 гг. в ряде учебных заведений/классов с казачьим кадетским компонентом и клубов Урала (гг. Богданович, Дегтярск, Екатеринбург, Нижний Тагил, Оренбург, Полевской, Ревда, Сорочинск, Челябинск и др.) и показала свою результативность (что было подтверждено диагностическими исследованиями).

Библиографический список

1. Торопова, А.В. Феномен музыкального сознания: методология исследования и развитие: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2009.
2. Кашина, Н.И. К вопросу о механизмах формирования культурной идентичности казаков-кадет средствами музыкальной культуры казачества / Н.И. Кашина, Н.Г. Тагильцева // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 5.
3. Земцовский, И. Апология слуха // Музыкальная академия. – 2002. – № 1.
4. Шамина, Л.В. Этнографическая парадигма школьного музыкального образования: от «этнографии слуха» к музыке мира // Э.Б. Абдуллин, Е.В. Николаева. Теория музыкального образования: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М., 2004.
5. Тельчарова, Р.А. Музыка и культура (Личностный подход). – М., 1986.
6. Афанасьева, А.Б. Модель этнокультуры в музыкальном образовании современного школьника // Музыка в школе. – 2006. – № 4.
7. Подуровский, В.М. Психологическая коррекция музыкально-педагогической деятельности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.М. Подуровский, Н.В. Суслова. – М., 2001.
8. Алексеев, Э.Е. Фольклор в контексте современной культуры. Рассуждения о судьбах народной песни. – М., 1988.

Bibliography

1. Toropova, A.V. Fenomen muzikal'nogo soznaniya: metodologiya issledovaniya i razvitie: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. – M., 2009.
2. Kashina, N.I. K voprosu o mekhanizmax formirovaniya kul'turnoy identichnosti kazakov-kadet sredstvami muzikal'noy kul'turi kazachestva / N.I. Kashina, N.G. Tagil'tseva // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2013. – № 5.
3. Zemcovskiy, I. Apologiya slukha // Muzikal'naya akademiya. – 2002. – № 1.
4. Shamina, L.V. Ehtnograficheskaya paradigma shkol'nogo muzikal'nogo obrazovaniya: ot «ehtnografii slukha» k muzike mira // Eh.B. Abdullin, E.V. Nikolaeva. Teoriya muzikal'nogo obrazovaniya: uchebnik dlya stud. vihsch. ped. ucheb. zavedeniy. – M., 2004.
5. Tel'charova, R.A. Muzika i kul'tura (Lichnostniy podkhod). – M., 1986.
6. Afanasjeva, A.B. Model' ehtnokul'turi v muzikal'nom obrazovanii sovremennogo shkol'nika // Muzika v shkole. – 2006. – № 4.
7. Podurovskiy, V.M. Psikhologicheskaya korrekciya muzikal'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti: ucheb. posobie dlya stud. vihsch. ucheb. zavedeniy / V.M. Podurovskiy, N.V. Suslova. – M., 2001.
8. Alekseev, Eh.E. Fol'klor v kontekste sovremennoy kul'turi. Rassuzhdeniya o sud'bach narodnoy pesni. – M., 1988.

Статья поступила в редакцию 03.09.14

УДК 378

Korzennikova I.N. ON THE QUESTION ABOUT FORMING CROSS-CULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE.

This article is devoted to a problem of cross-cultural competence, which is very important nowadays. This problem is especially topical, because of international conflicts, which worry people in the 21 century. The object of the article is reflection of forming cross-cultural competence. With this purpose an analysis of theoretical works of Russian and foreign authors was carried out. Forming cross-cultural competence, connected with different conceptions of personal upbringing, was realized in different periods of time. So, this problem has been considered in a retrospective aspect since 16 century up to nowadays. In this article a value of pedagogical approaches such as competential, socially environmental, culturological, system-actional approaches, developed by past and modern scientists, is shown. The formation of cross-cultural competence is connected with main principles: the connection with cultural conditions, the connection with natural conditions, the connection with dialogical conditions. The problem of cross-cultural competence is of some interest for specialists of different spheres of life. To sum up the main idea, the author makes a conclusion that the basis of cross-cultural competence is a dialogue leading to mutual understanding and interaction of specialists.

Key words: culture, world, cross-cultural competence, historical analysis, international conflicts, object, forming of cross-cultural competence, different conceptions of personal upbringing, achievement, approaches, analysis of theoretical works of Russian and foreign authors, culture-, nature- and dialogue-based conditions, mutual understanding and interaction.

И.Н. Корзенникова, ст. преп. ФГБОУ ВПО БГУЭП, г. Якутск, E-mail: korzennikovairina@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Статья посвящена проблеме межкультурной коммуникативной компетенции. Целью статьи является отображение формирования межкультурной коммуникативной компетенции. Для её достижения был проведён анализ теоретических работ зарубежных и отечественных авторов по теме исследования. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции связано с различными концепциями воспитания личности, реализуемые в разное время. Поэтому в статье данная проблема была рассмотрена в ретроспективе, начиная с XVI века и до настоящего времени. Показана ценность разработанных учеными прошлого и настоящего педагогических подходов: компетентностного, средового, культурологического, системно-деятельностного. Формирование межкультурной компетенции связаны с принципами: культуросообразности, природосообразности, диалогичности. Проблема формирования межкультурной коммуникативной компетенции представляет интерес для специалистов различных сфер жизни. Суммируя сказанное, автор приходит к выводу, что основой формирования является диалог, ведущий к взаимопониманию и взаимодействию специалистов.

Ключевые слова: культура, мир, межкультурная компетенция, исторический анализ, межнациональные конфликты, цель, формирование межкультурной коммуникативной компетенции, достижения, подходы, анализ литературы зарубежных и отечественных авторов, различные концепции воспитания личности, культуросообразности, природосообразности, диалогичности, взаимопонимание и взаимодействие.

В XXI веке людей продолжают беспокоить мировые и межнациональные конфликты, борьба с международным терроризмом, политические и экономические разногласия. Поэтому понятно стремление мирового сообщества договориться, найти общий язык и наладить долгосрочные связи с зарубежными партнерами. В условиях глобализации и интеграции стран возрастает потребность в подготовке специалистов, способных легко адаптироваться в поликультурном сообществе, формировать и поддерживать новые коммуникации. Важность этой задачи оказывает влияние на воспитание личности в духе культуры и мира, на поиск эффективных методов формирования межкультурной коммуникативной компетенции в условиях современного вуза.

Проблема формирования межкультурной коммуникативной компетенции представляет интерес для специалистов различных областей знаний и остается наиболее актуальной в связи с присоединением образовательной системы России к Болонскому процессу.

Изучение проблемы формирования межкультурной компетенции требует ретроспективного обзора литературы зарубежных и отечественных авторов по теме исследования. Формирование межкультурной компетенции связано с реализуемыми в разное время различными концепциями воспитания личности.

Исторический анализ проблемы начинается с рассмотрения педагогических идей философов и педагогов XVI – XVII веков, так как именно в этот период христианство занимало главенствующее положение в обществе, апеллируя к внутреннему миру человека. Обращение к духовности повлияло на педагогическую науку, в результате чего философы и педагоги наполнили педагогику гуманистическими идеями и призывали к формированию личности.

Яркими представителями XVI–XVII веков среди западных авторов являются М. Монтень и Я.А. Коменский. Первый (1533–1592 гг.) на примере собственного опыта раскрывал значение иностранного языка, в частности, латинского и греческого, позволившие ему не только читать произведения Овидия, Вергилия в оригинале, но и активно развивать речь в раннем возрасте [1].

Я.А. Коменский (1592–1670 гг.) был первым педагогом, предложившим единую образовательную систему (материнская школа – родная школа – латинская школа – академия или университет). В латинской школе автор советовал обучать четырём языкам (родной, латинский, греческий, древнеевропейский языки) с целью воспитания образованного человека того времени [2]. В XVI – XVII веке педагоги и философы М. Монтень и Я.А. Коменский обозначили значение и роль иностранного языка в образовании и воспитании человека.

Развивали идеи предшественников педагоги XVIII века Дж. Локк (1632–1704 гг.), Ж.-Ж. Руссо (1712–1778 гг.), И.Г. Песталоцци (1746–1827), решавшие проблему всестороннего развития личности, разделив воспитательный процесс на физическое вос-

питание, умственное воспитание, нравственное воспитание и трудовое воспитание. Педагоги прошлого настаивали на обязательном обучении иностранным языкам. Так, английский философ и педагог Дж. Локк (1632–1704 гг.) убеждал в необходимости изучения родного, а затем французского языка и латыни, так как именно через язык происходит познание мира и культуры [3]. Швейцарский педагог-демократ И.Г. Песталоцци (1746–1827 гг.) подчеркивал роль культуры при обучении и воспитании ученика, особенно при постижении иностранных языков [4]. Педагоги XVIII века искали пути воспитания личности через приобщение к культуре. Образование приобрело направленность на духовность, чувства и разум, создав тем самым предпосылки для всестороннего развития личности, столь необходимые для формирования межкультурной коммуникативной компетенции.

Немецкий философ и педагог XIX века Ф.А. Дистерверг (1790–1866 гг.) привнес в педагогическую дидактику основные принципы разностороннего воспитания ребенка: природосообразности, культуросообразности, самодеятельности. Задача воспитания, по мнению исследователя, заключается в приобщении человека, наделенного индивидуальными и национальными особенностями, к общечеловеческим ценностям для достижения своего высшего назначения, предначертанного Богом. Ф.А. Дистерверг ввел в педагогику понятие гуманности, что означало «стремление к благородным общечеловеческим целям». Согласно Ф.А. Дистервергу, гуманность состоит из трех ступеней: первая ступень включает уважение к чужой личности и ее особенностям; вторая ступень подразумевает её содействие человеческим и национальным целям на основе согласия; третья цель заключается в объединении с ней и всеми нациями земного шара для достижения общего назначения человечества, установленного Богом [5]. Впервые оформленные великим педагогом цели перекликаются с задачами межкультурной коммуникативной компетенции. Представленное Ф.А. Дистервергом суждение о культуросообразности стало одним из принципов межкультурной коммуникативной компетенции.

Сформулированный мыслителями XVI–XIX веков, Я.А. Коменским, Дж. Локком, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Ф.А. Дистервергом принцип природосообразности направлен на воспитание человека согласно законам природы. Каждый из педагогов внес свой вклад в его разработку. Я.А. Коменский раскрывал четыре стадии в процессе обучения: самостоятельное наблюдение, практическое осуществление, применение полученных знаний, самостоятельное изложение результатов своей деятельности. Дж. Локк провозгласил естественное равенство детей, разработал приемы развития самостоятельного мышления и выделил четыре периода формирования человека. Ж.-Ж. Руссо предлагал дать детям больше свободы учиться действовать самим, не требуя ничего от других [6]. Он делил возраст детей на четыре периода, последний из которых (от пятнадцати до восемнадцати лет) являлся наиболее благоприятным для воспитания нрав-

ственности. Задача воспитания по Руссо заключается в воздействии на детей исподволь, проявляя при этом требовательность и настойчивость. Благодаря ремёслам и искусствам выявляются природные способности и дарования ребенка. И.Г. Песталоцци ввел метод элементарного воспитания с целью развития природных задатков и творческих способностей. Как считал педагог, обучение числу и форме развивает способности к мышлению, научит сравнивать и сопоставлять различные факты [7]; работа над речью способствует выражению чувств и впечатлений от восприятия окружающего мира. На необходимости изучать природу, как и самого человека, который тесно связан с ней, настаивал Ф.А. Дистервег.

Немецкий философ XIX века педагог Иоганн Фридрих Гердер (1778–1841 гг.) в своем труде «Идеи философии истории человечества» особое внимание уделял языку как средству воспитания людей. И.Ф. Гердер полагал, что человек становится разумным благодаря языку, лишь только язык превратил человека в человека. И.Ф. Гердер первым предложил идею философского сравнения языков, в каждом из которых отражается рассудок и характер народа. По И.Ф. Гердеру, сопоставление различных культурных языков создало бы переменчивую картину многообразных путей развития, поступательного движения человеческого духа [8]. Однако мыслитель верил, что «со временем весь человеческий род будет связан единой цепью братской традиции». Отсюда можно сделать вывод, что познание мира, приобщение к культуре, причастность к духовным ценностям и истории человечества начинается с языка. Сравнение и сопоставление языков имеет прямое отношение к задачам культурологического подхода.

Развивали эти идеи и исследователи XX века, в частности, Дьюи (1859–1952), который связывал образование с культурой, приобщение к которой происходит через *деятельность*. В основе его деятельностной концепции лежат развитие способностей, обучение мысли и действию, постижение знаний через трудности и творчество в деятельности. Дж. Дьюи определяет факторы, влияющие на формирование способностей: языковая компетенция, включающая в себя основные формы речи, лексический запас, пополняемый как необходимость в обычном жизненном общении; развитие эстетической оценки, хороших манер и вкуса. Наличие всех этих компонентов и создает «подсознательное влияние среды», что сказывается на чертах характера и складе ума. Особую роль в процессе воспитания Джон Дьюи отводил окружающей среде, представляющей собой совокупность внешних условий, которые поддерживают деятельность либо мешают ей [9]. Джон Дьюи заложил основы средового подхода, деятельностной концепции важные для формирования межкультурной коммуникативной компетенции.

Концепцию «образовательной среды» развила М. Монтессори, различавшая ее два направления: «она может благоприятствовать или глушить ее» [10]. Идеи адаптации воспитанника в окружающей среде нашли свое продолжение в средовом подходе при формировании межкультурной коммуникативной компетенции

А. Маслоу (1908–1970) предложил гуманистическую концепцию формирования самоактуализированных людей, которых можно воспитать при комфортных взаимоотношениях с реальностью, при ощущении чувства благополучия, достатка, изобилия, при умении отделять средство от цели [11]. Под самоактуализацией А. Маслоу понимал отсутствие неудовлетворенных базовых потребностей у самоактуализированных людей. Мотивация для них приравнивается к личностному росту, самовыражению, созреванию и развитию. Самоактуализированный человек не отделяет себя от конкретной культуры и во взаимоотношениях придерживается следующих принципов: 1. подобные люди вполне вписываются в рамки своей культуры; 2. самоактуализированные люди считают себя частью общества и трудятся во имя его усовершенствования (они осознают необходимость социальных перемен, но на социальные реформы нужно время); 3. им не свойственно «только абсолютное принятие собственной культуры», они не поддаются влиянию этноцентризма; 4. они живут по общечеловеческим законам и законам их собственной человеческой природы. Так, А. Маслоу показывал идеальные взаимоотношения самоактуализированных людей, во многом предвосхищая идеал поликультурной личности, способной выстраивать плодотворный диалог и готовой к межкультурному взаимодействию.

Новый взгляд на формирование личности, способной к межкультурной коммуникации, изложил Мартин Бубер (1878–

1963), рассматривавший природу диалога с философской точки зрения. Философ утверждал, что мир двойственен для человека в силу двойственности его соотношения с ним, где есть два основных слова: Я-Ты и Я-Оно (Он, Она). Согласно М. Буберу, схема «Я-Ты» подразумевает диалог, а значит, и отношения одного с другим, где под «Ты» может быть объект или субъект. Схема «Я-Оно» распространяется на материальные или духовные объекты. Ученый выделяет три сферы, в которых строится мир отношений. Первая: жизнь с природой, где отношение застыло на пороге речи. Вторая: жизнь с людьми, где отношение оформлено в речь. Третья: жизнь с духовными сущностями, где отношение не обладает речью [12]. Все начинается с отношений, а отношение есть диалог, т.е. коммуникация, подразумевающая взаимопонимание. Диалог и отношение представляют собой основу межкультурной коммуникативной компетенции.

В России развитие педагогической науки началось с Петра I, определившего основные направления общественно-политической жизни. Идеология повлекла за собой социально-экономические преобразования в жизни страны. Именно Петр I усовершенствовал армию, создал флот, поощрял торговлю, способствовал развитию дипломатических связей, подготовив тем самым базу для реформ в области образования. Кадровая политика проводилась постепенно: приглашались лучшие специалисты из-за рубежа, молодые люди отправлялись на учебу за границу с целью создания национальных кадров. Петровские образовательные реформы связаны с открытием «Школы математических и навигацких наук», позднее переименованной в Морскую академию, а также с появлением инженерных школ, медицинских школ, горных школ, духовных школ, циферных школ в России. В это время выходят в свет «Букварь» Федора Поликарпова (1701), книга «Юности честное зерцало» (1717), «Арифметика» Л.Ф. Магницкого (1703г). «Букварь» Федора Поликарпова (1701), предназначенный для подготовки переводчиков, где впервые вводились шрифты латинский и греческий [13]. П. Пекарский в научном издании «Наука и литература при Петре Великом» отмечал, что в петровские времена обнаружился недостаток в специалистах, знающих иностранные языки, а те, кто владел языками, являлись обрусевшими чужеземцами [14]. По этой причине в Москве появилась славяно-греко-латинская академия, где греческий и латинский языки преподавались братьями греческого происхождения Ионикием и Софронием Лихудами. Греческая грамматика была написана под руководством Константина Ласкаря, изданная в Венеции в 1673г., а латинская грамматика преподавалась по разным источникам, изданными в Греции и Италии [14]. Первыми печатными книгами стали учебники для изучения иностранного языка, созданные Г. Копиевским в Голландии и «Лексикон триязычный, сиречь речений славянских, эллиногреческих и латинских сокровище», составленный Поликарповым [14, с. 191]. В петровские времена в XVIII веке были предприняты первые попытки к изучению иностранных языков, первые изданные учебники и словари пытались восполнить тот вакуум научной литературы, который наблюдался в России. Однако сам Петр I прилагал усилия, чтобы русский язык стал языком национальной культуры, языком науки и политики, языком межличностного общения. Наряду с иностранными языками Петром Первым были заложены основы русского национального языка.

Идею любви к родному народному языку и влияния языка на личность развивали великие русские ученые М.В. Ломоносов (1711–1765 гг.), Е.Р. Дашкова. М.В. Ломоносов внес большой вклад в формирование межкультурной компетенции, заложив основу великого русского языка, создав учебники по риторике и по грамматике русского языка, которые стали прообразом всех последующих учебников в области словесности.

В 1724 г. указом Петра I в Петербурге была основана Академия наук. Ученых XVIII века волновали вопросы составления словаря русского языка и русской грамматики, теории прозы и теории поэзии, обогащения русской литературы посредством перевода на русский язык замечательных произведений иностранных писателей. Первым директором Академии наук стала и много сделала для изучения иностранных языков Е.Р. Дашкова (1743–1810 гг.), считавшая, что изучение древних языков необходимо, «чтобы заимствовать мысли и красоты из греческих и римских писателей», а владение немецким, английским и французским языками – «для сношения с иностранцами» [15]. Е.Р. Дашкова активно проводила идею изучения иностранного языка на основе первоначально заложенного культа родины

и родного языка, что согласуется с задачами межкультурной коммуникативной компетенции. По мнению Е.Р. Дашковой, главнейшая наука для человека заключается в познании самого себя, а для гражданина – в познании своего отечества, что позднее воплотится в идею формирования личности и в гражданское воспитание.

Идея народности направила педагогику в новое русло, передовые педагоги XIX века К.Д. Ушинский (1824-1870 гг.), Л.Н. Толстой (1828-1910 гг.) громче заговорили о стирании словесных граней и приобщении народа к образованию. При этом К.Д. Ушинский не раз отмечал воспитательное значение родного слова, проникающего в самые глубины души. Не отрицал он и изучение иностранных языков, которые лишь только развивают ребенка в духовном плане [16]. В воспитании К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой выделяли духовность, стремились раскрыть творческие возможности человека. Писатель, также как и К.Д. Ушинский, стремился к паритетному диалогу между учителем и учеником, принимая ребенка как часть природы, что впоследствии в педагогике стали обозначать как природосообразный подход к воспитанию и обучению.

Гуманизация, охватившая умы педагогов и прогрессивных людей XX века, нашла отражение в педагогических концепциях В.А. Сухомлинского (1918-1970), поднимавшего проблему формирования высокообразованной духовной личности. Он всегда трепетно относился к душе ребенка, взывая к совести, сопереживанию, сочувствию [17]. Идея гуманизации, вобравшая в себя все самое лучшее из традиций российской педагогики, послужила основой для личностно-ориентированного подхода.

К этим проблемам также обращались А.Н. Леонтьев (1903-1979), А.И. Арнольдов (1915) Э.С. Маркорян, рассматривавшие формирование личности посредством культуры. Однако А.Н. Леонтьев воспринимал связь мира, человеческой культуры с деятельностью, автор приравнивал культуру, зарождающуюся именно в *человеческой среде*, к формированию опыта [18]. Среда есть творение и культура, облаченная в форму материальных и духовных продуктов человеческой деятельности. А. Арнольдов продолжает ту же мысль, но для него культура является синтезом созданных человеком нравственных ценностей и отражает совокупный духовный опыт человечества [19]. А.И. Арнольдов искал связи в культуре, т. к. она формирует человеческую душу, которая сложнее Вселенной и обогащается в результате упорного и настойчивого труда этой души, усилий человеческого ума [20]. Э.С. Маркорян рассматривал культуру с позиции деятельности как внебиологически выработанный, особый, лишь человеку присущий способ деятельности [21]. Таким образом, исследователи подтверждали значение культуры при формировании духовного опыта человека.

Отечественные философы XX века Н.А. Бердяев (1874-1948), М.М. Бахтин (1895-1975), В.С. Библер (1918-2000), М.С. Каган (1921-2006) развивали тему диалога, как способ бытия, интерпретируя данную проблему с позиции русской философии, отталкиваясь от диалога и взаимопонимания, т.е. коммуникации.

В поисках определения личности Н.А. Бердяев пришел к выводу, человеческая личность реализуется только в общении с другими личностями. Бердяев понимал общение как встречу «я» с «ты», далее перерастающее в «мы» [22], что, бесспорно, относится к диалогу.

М.М. Бахтин также рассматривал проблему диалога, а значит, коммуникацию, но трактовал ее в единстве с культурой и литературой. Говоря о понимании чужой культуры, М.М. Бахтин настаивал на «вживании в чужую культуру», на необходимость «взглянуть на мир ее глазами». В понимании М.М. Бахтина, чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже. Встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются [23].

Если М.М. Бахтин первым выдвинул термин «диалога культуры», то затем В.С. Библер дополнил его. Определение, данное В.С. Библиером, предполагает другой подход, где основной акцент ставится на общение: «Культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур... и в этом общении происходит общение индивидов»

[24]. В.С. Библер избирает форму организации личности – диалог, как выявления многоголосья мира в индивидуальном сознании.

Подобные идеи развивал М.С. Каган в своей работе «Мир общения». Проблема межсубъектных отношений» выдвигает деятельностную природу человеческого общения, проявляющуюся в направленности действий субъекта на другого субъекта. Субъектно-субъектная структура общения накладывает отпечаток на взаимодействия субъектов, меняя их менталитет и поведение. Общение, по М.С. Кагану, приобретает поиск некой общей позиции, поэтому процесс обмена мнениями становится диалогом, а его участники – партнерами [25]. В процессе диалога, как считал М.С. Каган, меняются отношения между культурами, их можно охарактеризовать как равноправные, равноценные, учитывающие непохожесть и уникальность каждой из культур [26]. Таким образом, диалог культур выступает синонимом межкультурного общения, проявляющегося во взаимопонимании и взаимодействии разных культур посредством овладения иностранным языком. Значит, межкультурная коммуникативная компетенция может быть реализована через коммуникацию при сравнении различных культур.

Формирование нового человека в рамках общественных отношений побудило ученых М.С. Кагана, А.Н. Леонтьева (1903-1979), С.Л. Рубинштейна (1889-1960), Г.П. Щедровицкого (1929-1994) обратиться к личности с позиций системно-деятельностного подхода. М.С. Каган рассматривал человека как элемент сложной системы, соединяющей в себе законы природы и законы социума. М.С. Каган соотносил деятельность, направленную на объекты или на другие субъекты, с активностью субъекта. Человеческая деятельность состоит из трех компонентов: субъект деятельности – конкретный индивид, социальная группа, общество; объект деятельности – социальный институт или сам человек; виды деятельности [27]. Деятельность осуществляется не одиноким субъектом, а подразумевает действия нескольких субъектов, направленные в область коммуникативной активности или общения.

Отечественные психологи С.Л. Рубинштейн и А.А. Леонтьев также рассматривали общение как деятельность. В онтогенезе развития человек, по мнению психологов, проходит три стадии: игру, учение и труд. Отечественные психологи Л.С. Выготский [27], С.Л. Рубинштейн [28], А.Н. Леонтьев внесли большой вклад в изучение проблемы деятельности. Деятельность С.Л. Рубинштейн понимает как процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь [30]. Данное определение можно соотносить с познавательной деятельностью, т.к. она позволяет почерпнуть знания о мире, о культуре, пропустить их через себя. Сопоставление и анализ дают основание для возникновения личного отношения ко всему происходящему.

Таким образом, можно утверждать, что определение деятельности относится и к межкультурной коммуникативной компетенции. А.Н. Леонтьев, продолжая тему деятельности, рассматривал ее структуру в виде цепочки: *мотив – цель деятельности личности – результат деятельности личности* [17]. В анализе деятельности существуют психофизиологические механизмы, которые реализуют саму деятельность. Внутренние психические процессы передаются при помощи системы знаков, а значит при помощи языка. Все эти моменты важны как на стадии формирования, так и на стадии реализации деятельности. Так, в педагогику был привнесён системно-деятельностный подход, один из ключевых подходов для формирования межкультурной коммуникативной компетенции. Системно-деятельностный подход выполняет ведущую роль в нашей модели.

Вопросами межкультурных отношений также занимаются науки, образованные в XX веке, такие как этнопсихология, изучающая психологические особенности межэтнического взаимодействия, и кросс-культурная психология, направленная на изучение мышления, поведения и культурных особенностей представителей иных культур, отличных от родной. Ученые Г.У. Солдатова [30], Л.Г. Почебут [31], И.Э. Белоусова [32] проявляют интерес к личности с позиции этнических и культурных ценностей в ситуациях межэтнического общения.

Таким образом, исторический анализ работ зарубежных и отечественных философов и педагогов показал, что понятие «межкультурная коммуникативная компетенция» складывалось

на протяжении многих веков и исследуется до сих пор. Отечественные педагоги учили относиться с глубоким почтением к родному слову, к культуре родины, что послужило основой для духовного развития личности. Зарубежные и отечественные

философы и педагоги подошли к пониманию, что основой формирования межкультурной коммуникативной компетенции является диалог, ведущий к взаимопониманию и взаимодействию будущих специалистов.

Библиографический список

1. Монтень, Мишель Опыты: в 3 т. – М.; Л., 1958. – Т. 1. О воспитании детей.
2. Коменский, Я.А. Избранные педагогические сочинения. Очерк латинской школы / под ред. А.А. Красько. – М., 1955.
3. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. / пер. с англ. и лат. – М., 1988. – Т. 3.
4. Песталоцци, И.Г. Памятная записка парижским друзьям о сущности и цели метода. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. В.А. Ротенберг, В.М. Кларина. – М., 1981. – Т. 1.
5. Дистервег, Ф.А. Избранные педагогические сочинения. – М., 1956.
6. Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. В.А. Джимбладзе, сост. А.Н. Джуринский. – М., 1981. – Т. 2.
7. Песталоцци, И.Г. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. В.А. Ротенберг, В.М. Кларина. – М., 1981. – Т. 2.
8. Гердер, И.Г. Идеи философии истории человечества. – М., 1997.
9. Дьюи, Дж. Демократия и образование. – М., 2000.
10. Монтессори, М. Метод научной педагогики. Дом ребенка. – М.; Владимир, 2010.
11. Маслоу, А.М. Мотивация и личность. – СПб., 2003.
12. Бубер, М. Два образа веры / под ред. П.С. Гуревича. – М., 1995.
13. Соловков, И.А. Антология педагогической мысли России XVIII века. – М., 1989.
14. Пекарский, П.П. Наука и литература при Петре Великом. – СПб., 1862. – Т. 1.
15. Сухомлинов, М.И. История Российской академии / Приложение к XXIV тому записок к имп. Академии наук, №2. – СПб., 1874.
16. Ушинский, К.Д. Родное слово. Книга для детей и родителей / сост., предисл., прим. подгот. текста Н.Г. Ермолиной. – Новосибирск, 1944.
17. Сухомлинский, В.А. Как воспитать настоящего человека (Этика коммунистического воспитания) Педагогическое наследие / сост. О.В. Сухомлинская. – Педагогика, 1989.
18. Леонтьев, А.Н. Культура, поведение и мозг человека // Вопросы философии. – 1968. – № 7.
19. Арнольдов, А.И. Наука постижения культуры // Народное образование. – 1998. – № 5.
20. Арнольдов, А.И. Общество и культура: современный портрет. – М., 2007.
21. Маркорян, Э.С. Очерки теории культуры. – М., 1983.
22. Бердяев, Н.А. О человеке, его свободе и духовности: избранные труды. – М., 1999.
23. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества // Ответ на вопрос редакции «Нового мира». – М., 1986.
24. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М., 1990.
25. Коган, М.С. Мир общения: проблема межличностных отношений. – М., 1998.
26. Коган, М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М., 1974.
27. Выготский, Л.С. История развития высших психологических функций // Собр. соч.: в 6 т. – М., 1983. – Т. 3.
28. Выготский, Л.С. Проблемы общей психологии // Полное собр. соч.: в 6 т. – М., 1982. – Т. 1.
29. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 2005.
30. Солдатова, Г.У. Психология межличностной напряженности. – М., 1998.
31. Почебут, Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учеб. пособ. – СПб., 2012.
32. Белоусова, И.Э. Этнопсихология: учеб. пособ. / под общ. ред. А.А. Дергача. – М., 2009.

Bibliography

1. Montenj, Mishel' Opihtih: v 3 t. – M.; L., 1958. – T. 1. O vospitanii detej.
2. Komenskiy, Ya.A. Izbranniye pedagogicheskie sochineniya. Ocherk latinskoy shkoli / pod red. A.A. Krasjko. – M., 1955.
3. Lokk, Dzh. Sochineniya: v 3 t. / per. s angl. i lat. – M., 1988. – T. 3.
4. Pestalocci, I.G. Pamyatnaya zapiska parizhskim druz'yam o suthnosti i celi metoda. Izbranniye pedagogicheskie sochineniya: v 2 t. / pod red. V.A. Rotenberg, V.M. Klarina. – M., 1981. – T. 1.
5. Disterveg, F.A. Izbranniye pedagogicheskie sochineniya. – M., 1956.
6. Russo, Zh.-Zh. Pedagogicheskie sochineniya: v 2 t. / pod red. V.A. Dzhimbladze, sost. A.N. Dzhurinskiy. – M., 1981. – T. 2.
7. Pestalocci, I.G. Izbranniye pedagogicheskie sochineniya: v 2 t. / pod red. V.A. Rotenberg, V.M. Klarina. – M., 1981. – T. 2.
8. Gerder, I.G. Idei filosofii istorii chelovechestva. – M., 1997.
9. Dyuui, Dzh. Demokratiya i obrazovanie. – M., 2000.
10. Montessori, M. Metod nauchnoy pedagogiki. Dom rebenka. – M.; Vladimir, 2010.
11. Maslou, A.M. Motivaciya i lichnostj. – SPb., 2003.
12. Buber, M. Dva obraza verih / pod red. P.S. Gurevicha. – M., 1995.
13. Solovkov, I.A. Antologiya pedagogicheskoy mihsli Rossii XVIII veka. – M., 1989.
14. Pekarskiy, P.P. Nauka i literatura pri Petre Velikom. – SPb., 1862. – T. 1.
15. Sukhomlinov, M.I. Istoriya Rossiyskoy akademii / Prilozhenie k XXIV tomu zapisok k imp. Akademii nauk, №2. – SPb., 1874.
16. Ushinskiy, K.D. Rodnoe slovo. Kniga dlya detej i roditeley / sost., predisl., prim. podgot. teksta N.G. Ermoliny. – Novosibirsk, 1944.
17. Sukhomlinskiy, V.A. Kak vospitatj nastoyathego cheloveka (Ehtika kommunisticheskogo vospitaniya) Pedagogicheskoe nasledie / sost. O.V. Sukhomlinskaya. – Pedagogika, 1989.
18. Leontjev, A.N. Kuljtura, povedenie i mozg cheloveka // Voprosih filosofii. – 1968. – № 7.
19. Arnoljdov, A.I. Nauka postizheniya kuljturih // Narodnoe obrazovanie. – 1998. – № 5.
20. Arnoljdov, A.I. Obthestvo i kuljtura: sovremennihyj portret. – M., 2007.
21. Markoryan, Eh.S. Ocherki teorii kuljturih. – M., 1983.
22. Berdyayev, N.A. O cheloveke, ego svobode i dukhovnosti: izbranniye trudih. – M., 1999.
23. Bakhtin, M.M. Ehetika slovesnogo tvorchestva // Otvet na vopros redakcii «Novogo mira». – M., 1986.
24. Bibler, V.S. Ot naukoucheniya – k logike kuljturih: dva filosofskikh vvedeniya v dvadcatj pervihyj vek. – M., 1990.
25. Kagan, M.S. Mir obtheniya: problema mezhlchnostnihkh otnosheniy. – M., 1998.
26. Kagan, M.S. Chelovecheskaya deyatel'nostj (Opiht sistemnogo analiza). – M., 1974.
27. Vihgotskiy, L.S. Istoriya razvitiya vihsshikh psikhologicheskikh funkciy // Sobr. soch.: v 6 t. – M., 1983. – T. 3.
28. Vihgotskiy, L.S. Problemih obthey psikhologii // Polnoe sobr. soch.: v 6 t. – M., 1982. – T. 1.
29. Rubinshteyn, S.L. Osnovih obthey psikhologii. – SPb., 2005.
30. Soldatova, G.U. Psikhologiya mezhlchnostnoy napryazhennosti. – M., 1998.
31. Pochebut, L.G. Kross-kuljturmaya i ehtnicheskaya psikhologiya: ucheb. posob. – SPb., 2012.
32. Belousova, I.Eh. Ehtnopsikhologiya: ucheb. posob. / pod obth. red. A.A. Dergacha. – M., 2009.

Статья поступила в редакцию 03.09.14

УДК 378.1

Lochonova G.M. FORMING OF A MULTICULTURAL PERSONALITY OF A STUDENT IN COOPERATIVE HIGHER EDUCATIONAL SCHOOL. The paper studies a problem of adaptation of graduates of a cooperative university to professional work in organizations of consumers' cooperative society. The research deals with the formation of a multicultural identity of a student of a cooperative institution. The author offers the basic components in the process, when a multicultural identity of a future specialist is formed. The work substantiates the idea that along with special expertise a graduate should have additional skills. The article summarizes long experience of organization of educational, scientific and educational activities in Cheboksary Cooperative Institute, an affiliate branch of Russian University of Cooperation. The research is based on numerous organizational and pedagogical experiments. The basic aspects of this work can be used in planning of scientific and educational work of a university, which confirms the practical significance of the conducted study.

Key words: student of a cooperative institution, culture, corporate culture, legal culture, spiritual values, morals.

Г.М. Лоханова, канд. пед. наук, руководитель Центра организации НИР и кооперативного партнерства Чебоксарского кооперативного партнерства (филиала) Российского университета кооперации, г. Чебоксары, E-mail: malws84@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА КООПЕРАТИВНОГО ВУЗА

Статья посвящена актуальной проблеме адаптации выпускников кооперативного вуза при осуществлении трудовой деятельности в организациях системы потребительской кооперации. В данной статье рассматриваются вопросы формирования поликультурной личности студента кооперативного вуза. Автором предложены основные составляющие процесса формирования разносторонней личности будущего специалиста. Обосновывается мысль о том, что наряду со специальными профессиональными знаниями, выпускник должен обладать дополнительными навыками и умениями. В статье обобщен многолетний опыт по организации учебной, научной и воспитательной деятельности Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации. Исследование базируется на многочисленных организационно-педагогических экспериментах. Использование основных аспектов статьи возможно при планировании научной и воспитательной работы вуза, что подтверждает практическую значимость исследования.

Ключевые слова: студент, кооперативный вуз, культура, корпоративная культура, правовая культура, духовные ценности, нравственность.

Общество диктует новый уровень поликультурного образования, которое бы способствовало формированию у обучающихся поликультурного мышления и социальной устойчивости, нравственности и гуманности, умения жить в модернизирующемся мире. В связи с этим актуален вопрос поликультурного воспитания личности.

В настоящее время становится возможным усиление культурообразующей роли образования, появляется модель студента, обладающего общекультурной компетенцией. Данная компетенция относится к ключевым компетенциям, согласно классификации А.В. Хуторского [1]. Общекультурная компетенция – это способность человека ориентироваться в пространстве культуры; она включает в себя национальную и общечеловеческую культуру, духовно-нравственные основы семейных, социальных явлений и традиций [2]. Синякова М.Г. отмечает, что общекультурная компетенция выступает фундаментальной составляющей для таких образований, как профессиональная готовность и компетентность, профессионализм, мастерство, индивидуальное творчество и др. [3]. Анализируя требования, предъявляемые к современному специалисту, хотелось бы подробнее остановиться на некоторых составляющих процесса формирования поликультурной личности.

Успешность адаптации выпускников вуза к условиям труда во многом определяется их готовностью принять корпоративную культуру той организации, в которой им предстоит работать. Указанная готовность определяется уровнем сформированности у выпускников вуза основ корпоративной культуры как личностного качества. Миссия организации, история, мифы, легенды, ритуалы, традиции и условия работы являются основными элементами корпоративной культуры. Именно в них просматриваются и закрепляются ценности корпоративной культуры. Для выпускника кооперативного вуза важное значение имеют ценности и принципы потребительской кооперации, которые основываются на добровольности, демократии, независимости, равенстве, взаимопомощи, взаимной ответственности, справедливости и солидарности. Эти ценности культивируются среди членов потребительских обществ [4]. Работник, которого удовлетворяют не все условия труда в системе потребкооперации, мо-

жет продолжать работу на предприятии, принадлежность к которому вызывает во внешней среде уважение, работать на котором престижно.

При обучении в вузе у студента должно возникать чувство сопричастности к общему делу. Данное чувство формируется и развивается при изучении истории кооперативного движения, прохождении учебно-ознакомительной практики, участии в выездных занятиях в организации потребительской кооперации, а также выполнении научно-исследовательских работ по актуальным проблемам кооперации. Многие ритуалы, традиции и праздники, связанные с важными историческими событиями, многократно усиливают эмоции и чувственные переживания будущего работника системы потребкооперации [5]. Молодые специалисты, обладающие достаточным уровнем корпоративной культуры, смогут позитивно влиять на создание эффективной команды для повышения производительности труда и гармонизации социально-трудовых отношений в коллективе.

Следующей составляющей данного процесса является правовое воспитание и юридическая грамотность. Уровень правовой культуры в каждом обществе зависит от многих факторов: экономики страны, благосостояния граждан, национальных и религиозных особенностей, политического строя и способности власти охранять правовые институты, степени развития юридической науки и образования и т.д. Правовые знания необходимы практически во всех областях, где действуют законы и юридические нормы, в том числе и в системе потребительской кооперации. Система мероприятий правового образования включает в себя работу правовых семинаров, школ, курсов, которые организуются государственными, общественными органами, учебными заведениями. Основными задачами правового воспитания являются: достижение прочных знаний людей о законодательстве, законности, правах и обязанностях личности, повышения авторитета закона, формирование законопослушания, навыков и умения участвовать в правосудии и иных формах юридической деятельности. Правовое воспитание не может происходить без обучения. Правовое обучение – это «способ внешнего выражения и организации передачи теоретического правового материала объекту воспитания» [6]. Правовая грамотность

включает в себя знакомство с определениями и сущностью правовых понятий, законодательными документами. Развитие правовой грамотности осуществляется на практических и семинарских занятиях, на которых студенты проводят сравнительный анализ документов.

Современные проблемы понимания правовой культуры, правового образования, правового сознания и правового воспитания взаимосвязаны с переходом общества к новому варианту социокультурного развития, другой культурной парадигме [7]. С учетом сегодняшних реалий необходимо преодолеть правовой нигилизм, повысить авторитет законодательства и его способность быть эффективным инструментом создания в нашей стране правового государства. Результаты проведенного нами исследования подтверждают тезис о том, что в связи с постоянными изменениями в законодательной сфере студенты вуза готовы постоянно повышать уровень правовой грамотности. За 2012-2014 гг. на базе Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации в рамках Открытой Академии правовой культуры детей и молодежи (рук. – Певцова Е.А., профессор) проведены научные мероприятия и тренинги по юриспруденции. Особое внимание уделялось нормативно-правовым актам, регулирующим систему потребительской кооперации.

Будущий работник системы потребительской кооперации должен быть специалистом новой формации – конкурентоспособным, инициативным, предприимчивым, умеющим самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, готовым к позитивным преобразованиям социальной среды и способным участвовать в формировании гражданского общества

и правового государства. Опыт показывает, что только человек с высокими духовно-нравственными качествами, определяет положительную динамику развития страны. К сожалению, в обществе происходит снижение общекультурного уровня, материальные ценности доминируют над духовными, происходит искажение представлений о доброте, милосердии, справедливости и патриотизме. Система образования выступает в роли главного фактора формирования человека новой постиндустриальной формации. Подготовка специалиста высшей квалификации сегодня также решается через призму духовно-нравственного воспитания. Воспитательная работа вуза должна включать в себя организационно-педагогические условия, включающие комплексное воздействие на субъект исследования через усвоение духовно-нравственных ценностей, воспитание патриотических стремлений, приобретение знаний по истории и культуре страны и родного края. Так, студенты кооперативного вуза должны воспитываться на трудовых подвигах лидеров и передовиков кооперации, знать историю развития системы и учитывать ее специфику.

Роль кооперативного вуза в формировании поликультурной личности будущего работника система потребительской кооперации особенно велика. Развитие личностных и духовных качеств молодого поколения, их эстетическое воспитание, повышение уровня правовой грамотности и корпоративной культуры, сохранение традиционных нравственных ценностей происходит в стенах учебного заведения. Патриотизм, справедливость, честность, искренность – это те ценности, которые остаются главными в воспитании молодежи.

Библиографический список

1. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. – 2003. – № 2.
2. Симдянова, Г.Н. Методика формирования общекультурных компетенций у учащихся начальной школы // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 1(8).
3. Синякова, М.Г. Основные подходы к определению сущности общекультурной компетентности бакалавра менеджмента // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 9.
4. Лоханова, Г.М. Корпоративная культура будущих работников потребительской кооперации: теория, опыт и перспективы развития. – Чебоксары, 2011.
5. Пригожин, А.Г. Организационная культура и ее преобразование // Общественные науки и современность – 2003. – № 5.
6. Кваша, А.А. Правовые установки граждан: дис. ... канд. юр. наук. – Волгоград. 2002.
7. Певцова, Е.А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права – 2004. – № 3.

Bibliography

1. Khutorskoy, A.V. Klyuchevye kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya // Narodnoe obrazovanie. – 2003. – № 2.
2. Simdyanova, G.N. Metodika formirovaniya obshchekulturnih kompetency u uchastnikov nachalnoy shkolny // Vektor nauki TGU. – 2012. – № 1(8).
3. Sinyakova, M.G. Osnovnye podkhody k opredeleniyu suthnosti obshchekulturnoy kompetentnosti bakalavra menedzhmenta // Mezhdunarodniy zhurnal ehksperimentalnogo obrazovaniya. – 2010. – № 9.
4. Lokhonova, G.M. Korporativnaya kul'tura budutikh rabotnikov potrebitel'skoy kooperatsii: teoriya, opit i perspektiv razvitiya. – Cheboksari, 2011.
5. Prigozhin, A.G. Organizatsionnaya kul'tura i ee preobrazovanie // Obshchestvenniye nauki i sovremennost' – 2003. – № 5.
6. Kvasha, A.A. Pravovyye ustanovki grazhdan: dis. ... kand. yur. nauk. – Volgograd. 2002.
7. Pevцова, E.A. Sovremennyye definitivnyye podkhody k pravovoy kul'ture i pravovomu soznaniyu // Zhurnal rossiyskogo prava – 2004. – № 3.

Статья поступила в редакцию 03.09.14

УДК 373.1

Mironova A.M. ON THE QUESTION OF DEVELOPMENT OF PUPILS' INTELLECTUAL GIFTEDNESS. The article is devoted to a detailed analysis of the nature of the phenomenon of pupils' intellectual giftedness. The research problem is inspired by the requirement of the modern pedagogical and psychological sciences, as well as educational practice in the development of such concept that would include the development of its structure and the dynamics of the phenomenon of pupils' intellectual giftedness. The author analyzes various scientific positions to reveal this problem. Considering the variety of definitions of "intelligence" and "giftedness" she comes to a conclusion that a unified approach to their definition doesn't exist nowadays. The author pays particular attention to components, which must be taken into account in the development of intellectual giftedness, as well as to the conceptual terminology and basic ideas. The experience of modern scientific schools presented in the article deserves a particular interest. They implement the methods of teaching that promote the development of pupils' intellectual giftedness.

А.М. Миронова, аспирант Забайкальского гос. университета, г. Чита, E-mail: mironitta1971@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ОДАРЁННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Статья посвящена детальному анализу природы феномена интеллектуальной одарённости школьников. Проблема исследования обусловлена потребностью современной педагогической и психологической науки, а также образовательной практики в разработке концепции, включающей структуру и динамику проявления феномена интеллектуальной одарённости школьников, что актуализирует её рассмотрение. Раскрывая данную проблему, автор анализирует различные научные позиции исследователей. Рассматривая многообразие определения понятий «интеллект» и «одарённость» он приходит к выводу, что на сегодняшний день единого подхода к их определению не существует. Особое внимание автор уделяет компонентам, которые необходимо учитывать при развитии интеллектуальной одарённости, а также понятию – терминологическому аппарату и ключевым идеям. Особого интереса в статье заслуживает представленный опыт современных научных школ, реализующих методику обучения, способствующую развитию интеллектуальной одарённости школьников.

Ключевые слова: интеллект, одарённость, развитие, деятельность, активность, инициатива, мотив, познавательный интерес.

Главным двигателем прогресса во всех сферах деятельности общества и государства является один из важнейших ресурсов общества его интеллектуальный потенциал. Для общества, существующего в условиях глобализации и информатизации XXI века, способность к сохранению и приумножению интеллектуального потенциала является жизненно необходимой. Опыт наиболее развитых стран мира показывает, что успехи в сфере науки, производства, развития новых технологий, культуры и образования свидетельствуют о необходимости коренной перестройки системы образования в направлении создания условий для развития интеллектуальной одарённости школьников. Перед современной школой стоит задача максимального раскрытия и развития потенциала каждой личности ребёнка, подготовки его к самосовершенствованию, самоопределению и самореализации.

В теории и практике понимания, диагностики и развития одарённости рассматривается: как система развития когнитивных процессов (Г. Мюнстерберг, Г.И. Россолимо; В. Мёде, У. Штерн и др.); как развитие интеллекта, измеряемого с помощью специальных тестов (А. Бине, У. Штерна, Г. Айзенка, Д. Векслера и др.); как общие и специальные способности (Б.М. Теплов, Н.С. Лейтис, В.А. Крутецкий, В.Д. Шадриков, В.Н. Дружинин и др.); как творческий потенциал (А.М. Матюшкин, Н.Б. Шумакова, В.С. Юркевич, Д.Б. Богоявленская и др.); как форма проявления творческой природы психики, реализующаяся при наличии природных задатков и соответствующих средовых условий (В.И. Панов); как динамическое интегральное личностное образование (Л.И. Ларионова).

В своей работе «Продуктивное мышление» М. Вертгеймер отмечает, что в психологической науке насчитывается свыше семидесяти определений интеллекта. Ряд исследователей рассматривают интеллект, как способность: к целесообразному, рациональному поведению и эффективному взаимодействию с окружающим миром (Д. Векслер); приспособления к новым жизненным условиям (В. Штерн); оперирования знаниями для понимания конкретных и абстрактных понятий (Р. Стернберг). Мнения других учёных на определение данного понятия расходятся. Интеллект это: способ приобретения знаний (Л. Полани); процесс взаимодействия человека с миром критерием развития, которого является мобильность индивидуального поведения (Р. Фейерштейн); структурированная совокупность интеллектуальных активностей (Р. Мейли); динамическая формула организации индивидуального ментального опыта (М.А. Холодная); деятельность, а его развитие, как следствие разрешения определённых жизненных ситуаций (В.Д. Шадриков). Таким образом, результаты анализа понятий «одарённость» и «интеллект» показывают, что на сегодняшний день единого подхода в понимании этих понятий не существует.

Как показывает анализ научной литературы, диссертационных исследований и образовательной практики, вопросы, касающиеся развития интеллектуальной одарённости не нашли своего достаточного отражения. В связи с этим, целью нашей статьи является изучение теоретических аспектов понятия «интеллектуальная одарённость» и описание содержания составляющих компонентов, обеспечивающих её развитие.

В рамках нашего исследования нам близко понимание интеллектуальной одарённости, как такого «состояния индивидуально – психологических ресурсов (в первую очередь умственных), обеспечивающее возможность творческой интеллектуальной деятельности, связанной с созданием субъективно и объективно новых идей, использованием нестандартных подходов в разработке проблем, чувствительностью к перспективным ли-

ниям поиска решений; открытостью к любым инновациям», сформулированного М.А. Холодной [1].

Анализируя проблематику вопроса мы выяснили, что категория «развития» находится в центре внимания учёных и практиков. Наше обращение к сущности понятия «развитие» показало, что исследователи характеризуют его как процесс: самостоятельного движения, характеризующийся возникновением и образованием нового при вхождении ребёнка по ступеням развития [2]; изменений, приводящих к преобразованию психики и поведения человека [3]. Г.И. Щукина представляет развитие ребёнка, как сложную систему различных структур, взаимодействующих и взаимосвязанных друг с другом. Она подчёркивает, что процесс развития совершается в определённых социальных условиях в жизни, в деятельности, в общении с людьми [4].

В своих рассуждениях о том, какие изменения исходного целого можно трактовать, как его развитие Вл. Соловьёв утверждал, что изменения источником которых являются только внешние факторы не могут классифицироваться как развитие. По его мнению, источники развития содержатся в самом развивающемся существе, вытекают из него самого и только для своего проявления, для своей полной реализации нуждаются во внешнем воздействии [5]. Интеллектуальное развитие является частью составляющей процессов развития. Отсюда можно сделать вывод, что общие законы развития должны здесь действовать, как и во всех остальных областях.

Т.И. Артемьева, Н.С. Лейтес, В.С. Юркевич, рассматривая общий компонент одарённости, считали его интеллектом, формирование которого происходит в процессе интеллектуальной деятельности. Следовательно, интеллектуальная деятельность личности и «одарённость» – тесно связанные между собой проблемы педагогического и психологического знания [6; 7]. Хочется отметить, что М.А. Холодная в своих исследованиях так же подчёркивает, что интеллектуальная одарённость всегда проявляется в сверхвысоких показателях интеллектуальной деятельности [1]. Согласно теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина [8] освоение процесса интеллектуальной деятельности и усвоение обеспечивающих её знаний может быть успешным при постепенном прохождении учащимися этапов, каждый из которых качественно отличается от предыдущих. Исходя из данной теории, выполнение нового действия требует от ученика ориентировки в условиях этого действия, что приводит к образованию действий восприятия и мышления путём перехода внешних предметных действий в план восприятия и операций осуществляемых «в уме». Практическое значение применения этой теории заключается в том, что процесс формирования умственных действий происходит без изначального заучивания нового материала, без использования приёма проб и ошибок при обеспечении заданных показателей. Однако практика показала, что теория поэтапного формирования умственных действий не получила широкого распространения в образовательном процессе школы.

Дополнительные шаги, которые должны быть сделаны психологами и педагогами для перехода от содержащегося в концепции П.Я. Гальперина общепсихологического знания о функциональном генезисе к построению собственно процесса интеллектуального развития отражены в работах Н.Ф. Талызиной. Она раскрывает своё видение процесса формирования начальных логических действий и понятий от практических реальных действий к символическим записям, затем к речевой форме и внутренним умственным действиям. Существенным для реализации процесса интеллектуального развития являются общие характеристики действий: по форме, по степени обобщённости, по мере освоения и т.д. [9].

Важность совместной интеллектуальной деятельности учащихся, отмечается в исследованиях А.Н. Воронина, которая рассматривается им как «внешняя совместная деятельность двух и более человек в различных ситуациях по решению познавательных задач» [10]. Он обращает внимание на то, что только при включении в интеллектуальную деятельность, человек имеет шанс проявить свой интеллект, что «проходя через опыт совместной интеллектуальной деятельности» человек становится другим.

Участие в совместной интеллектуальной деятельности чаще приводит к повышению уровня интеллекта и креативности, но возможно и их понижение, связанное с неудачным взаимодействием или с не полностью освоенной ролью, а также с конкуренцией или соперничеством. Включаясь в интеллектуальную деятельность, человек рискует, так как по ее завершению интеллект и креативность могут не только повыситься, но и понизиться. Исследования А.Н. Воронина показали, что при повышении интеллекта и креативности наблюдается взаимопонимание учителя и ученика при решении поставленных задач в образовательном процессе, а разногласия ведут к понижению. Достоинства продуктивного взаимодействия учитель-ученик на уровне общения указывают в своём исследовании Ю.В. Сенько и М.Н. Фроловская. Они рассматривают общение, как «пространство, в котором участники образовательного процесса проявляют свою индивидуальность, в котором реализуются процессы личностного развития» [11].

Движущей силой развития интеллектуальной одарённости ребёнка является интеллектуальная активность [12], которая направлена на достижение сознательно поставленной цели. Анализ научной литературы показал, что учёными ведётся разностороннее изучение данного понятия: как синонима умственной деятельности (А.Ф. Лазурский); как страсть к поиску, имеющую определенные компоненты (Ш.А. Амонашвили); как ракурс активизации учебной деятельности детей (Т.А. Шамова, Т.И. Зубкова, Г.И. Щукина). Оно рассматривается ими как потребность в умственных впечатлениях (В.С. Юркевич); как феномен в аспекте развития способностей и психологических механизмов интеллектуальной одарённости (М.А. Холодная, Н.С. Лейтес).

Принимая во внимание вышесказанное установим, что в рамках нашего исследования для нас будет наиболее приемлемым понятие З.Ю. Гнездиловой, рассматривающей интеллектуальную активность, как важную характеристику, характеризующую деятельность поведение, направленное на инициирование самостоятельности, настойчивости и успешности рассмотрения и решения творческих задач в процессе обучения [13].

Активность проявляется в инициативе. Понимание того, что интеллектуальная инициатива может служить мерой интеллектуальной активности достаточно распространённое. Под интеллектуальной инициативой принято считать, прежде всего, продолжение мыслительной деятельности за пределами ситуативной заданности, не обусловленной ни практическими нуждами, ни отрицательной оценкой работы [14]. Д.Б. Богоявленская выделяет трёхуровневую систему проявления интеллектуальной активности состоящую из следующих этапов: стимульно – продуктивного, эвристического и креативного. Креативный уровень является высшим в проявлении интеллектуальной активности и проявляется в деятельности по нахождению продвинутых способов решения проблем. Для умственного развития отличительной особенностью проявления креативного уровня является глубокий процесс анализа.

Интеллектуальная активность, направленная на достижение определенной потребности побуждается мотивами, которые в процессе интеллектуальной деятельности обладают не только силой, но и направленностью. Для развития интеллектуальной одарённости ребёнку необходимо не столько удовлетворение уже имеющихся у него потребностей, сколько появление новых – более высоких. Именно интеллектуальные потребности побуждают личность действовать, создавая определенное напряжение, но смысл интеллектуальному действию придает мотив.

Внутренним мотивом, основанным на свойственной человеку врожденной познавательной потребности является познавательный интерес. Д.И. Писарев называл познавательный интерес «духовной жаждой», «позывом», «непреодолимым бескорыстным стремлением» [15]. По мнению Г.И. Щукиной, познавательный интерес – это потребность личности заниматься именно той областью явлений и деятельностью, которая приносит удовлетворение, является мощным стимулом активности личности [4].

Рассматривая особенности познавательного развития у одарённых детей, А.И. Савенков выделяет следующие их отличительные характеристики: сверхчувствительность к проблемам, познавательную самостоятельность, высокий уровень логического мышления, оригинальность, гибкость и продуктивность мышления, лёгкость ассоциирования, способность к прогнозированию [16]. Э.Г. Гельфан, М.А. Холодная и Л.Н. Демидова считают, что для развития интеллектуальных возможностей детей необходимы следующие интеллектуальные качества: критичность, дисциплинированность ума как способность планировать свою интеллектуальную деятельность, самоконтроль. Особая роль отводится любознательности, как способности активно реагировать на новую информацию.

Интересный подход в определении природы интеллекта через продуктивное мышление, заключающегося в «умении к приобретению знаний», представлен З.И. Калмыковой [17]. В работах целого ряда учёных (Ю.К. Бабанского, А.В. Брушлинского, А.К. Зака, М.К. Мамардашвили, Н.А. Менчинской) понятия «интеллекта» и «мышления» отождествляются. В.П. Зинченко рассматривает мышление как особую реальность (процесс, акт, деятельность), доставляющую нам опосредованное или непосредственное знание о другой, скрытой от наблюдения реальности [18].

Формирование у ребёнка способности мышления на основе осуществления мыслительных актов и употребление знаний в создании формы мыслительного опыта возможно при осуществлении метапредметного подхода в образовательном процессе школы. Научные аспекты метапредметного подхода, заложенного в основу новых стандартов образования, разработаны группой исследователей (Н.В. Громыко, Ю.В. Громыко, О. Глазунова, И.В. Васина и др.), которые понимают его как использование в содержании образования культурных техник и способов мышления и деятельности в надпредметной области. В основе мыслительного содержания лежит технология развития мыслительных способностей: воображение, мышление, понимание, действия, рефлексии, которые дают возможность ребёнку осваивать разные предметные области, ставить цели, проектировать работу и разрешать ситуации. Диагностическим критерием наличия у ребенка такой способности является перенос им способа, которому он научился из одной предметной области в другую. В отличие от знаний, умений и навыков, которые можно передать ребенку в ограниченном количестве, способности дают ребенку шанс ориентироваться даже в незнакомых для него предметных областях и осваивать их.

В рамках нашего исследования особый интерес представляет опыт научной школы А.В. Хуторского, реализующей методику обучения, в которую входит принцип метапредметности в качестве одного из ведущих уже более двух десятилетий. Такой тип обучения был назван эвристическим. А.В. Хуторский отмечает, что целью эвристического обучения является «конструирование учеником собственного смысла, целей и содержания образования, а также процесса его организации, диагностики и осознания» [19]. Учебный материал при таком обучении выполняет роль среды, использующей учеником «для создания собственного содержания образования в виде его личных продуктов творчества», методика обучения основывается на открытых заданиях, начинающихся с глаголов: предложите, объясните, сочините, установите, исследуйте и др. Результаты, полученные учениками, индивидуальны, многообразны и различны по степени своего самовыражения. Можно выделить целый ряд форм уроков, используемых при эвристическом обучении, которые способствуют развитию интеллектуально одарённых школьников. Это и эвристические беседы, лекции и семинары, метапредметные уроки и уроки составления задач, конструирования понятий, изобретательства, защиты творческих работ. По мнению А.В. Хуторского, эвристическое обучение необходимо одарённым детям. Оно позволяет оптимально решить задачу их позитивной самореализации.

Вопросы, касающиеся развития интеллектуальной одарённости школьников представляют интерес, как для самой развивающейся личности, так и для педагогов, психологов и общества в целом. Несомненно, что таких вопросов гораздо больше, чем мы рассмотрели. Решение проблемы развития интеллектуально одарённых школьников позволяет решить ряд педагогических, методологических задач, выбрать способы взаимодействия психолога – педагогической теории и современной педагогической практики.

Библиографический список

1. Холодная, М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования [Э/р]. – Р/д: http://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o304_page_30.html
2. Выготский, Л.С. Проблема культурного развития ребёнка [Э/р]. – Р/д: http://www.bim-bad.ru/docs/vygotsky_childs_cultural_development.pdf
3. Реан, А.А. Психология человека от рождения до смерти. – СПб., 2002.
4. Шукина, Г.И. Активизация познавательной деятельности в учебном процессе. – М., 1979.
5. Соловьёв, В.С. Философские начала целого знания. – 1988. – Т. 1.
6. Артемьева, Т.И. Проблема способностей: личностный аспект // Психологический журнал. – 1984. – № 3. – Т. 5.
7. Ермаков, С.С. Развитие познавательной потребности у школьников в процессе обучения / С.С. Ермаков, В.С. Юркевич // Современная зарубежная психология. – 2013. – № 2.
8. Гальперин, П.Я. Введение в психологию. – М., 1999.
9. Талызина, Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. – М., 1984.
10. Воронин, А.Н. Интеллектуальная деятельность: проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии // Психология. – 2006. – № 3.
11. Сенько, Ю.В. Педагогика понимания / Ю.В. Сенько, М.В. Фроловская. – М., 2007.
12. Богоявленская, Д.Б. Психологические основы интеллектуальной активности: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1988.
13. Гнездилова, З.Ю. Формирование интеллектуальной активности учащихся в процессе обучения: дис. ... канд. психол. наук. – Иркутск, 2001.
14. Психологический словарь // под ред. Б.Е. Варшавы, Л.С. Выготского. – М., 2008.
15. Писарев, Д.И. Избранные педагогические труды. – М., 1984.
16. Савенков, А.И. Одарённые дети – особенности познавательного развития [Э/р]. – Р/д: <http://www.all-tests.ru/odarennye-deti-osobennosti-poznavatel'nogo.htm>
17. Калмыкова, З.И. Продуктивное обучение как основа обучаемости. – М., 1981.
18. Зинченко, В.П. Наука о мышлении [Э/р]. – Р/д: http://www.bim-bad.ru/docs/zinchenko_thinking_development.pdf
19. Хуторской, А.В. Дидактическая эвристика – теория и технология развития одарённости учащихся [Э/р]. – Р/д: <http://thisisme.ru/content/didakticheskaya-evristika-%E2%80%93-teoriya-i-tehnologiya-razvitiya-odarennosti-uchashchikhsya>

Bibliography

1. Kholodnaya, M.A. Psikhologiya intellekta: paradoksih issledovaniya [Eh/r]. – R/d: http://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o304_page_30.html
2. Vihgotskiy, L.S. Problema kulturnogo razvitiya rebyonka [Eh/r]. – R/d: http://www.bim-bad.ru/docs/vygotsky_childs_cultural_development.pdf
3. Rean, A.A. Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti. – SPb., 2002.
4. Thukina, G.I. Aktivizatsiya poznavatel'noy deyatel'nosti v uchebnoy processe. – M., 1979.
5. Soloviyov, V.S. Filosofskie nachala celogo znaniya. – 1988. – T. 1.
6. Artemjeva, T.I. Problema sposobnostey: lichnostniy aspekt // Psikhologicheskij zhurnal. – 1984. – № 3. – T. 5.
7. Ermakov, S.S. Razvitie poznavatel'noy potrebnosti u shkol'nikov v processe obucheniya / S.S. Ermakov, V.S. Yurkevich // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. – 2013. – № 2.
8. Gal'perin, P.Ya. Vvedenie v psikhologiyu. – M., 1999.
9. Talizhina, N.F. Upravlenie processom usvoeniya znaniy. – M., 1984.
10. Voronin, A.N. Intellektual'naya deyatel'nost': proyavlenie intellekta i kreativnosti v real'nom vzaimodeystvii // Psikhologiya. – 2006. – № 3.
11. Senjko, Yu.V. Pedagogika ponimaniya / Yu.V. Senjko, M.V. Frolovskaya. – M., 2007.
12. Bogoyavlenskaya, D.B. Psikhologicheskie osnovy intellektual'noy aktivnosti: dis. ... d-ra psikhol. nauk. – M., 1988.
13. Gnezdilova, Z.Yu. Formirovanie intellektual'noy aktivnosti uchashchikhsya v processe obucheniya: dis. ... kand. psikhol. nauk. – Irkutsk, 2001.
14. Psikhologicheskij slovar' // pod red. B.E. Varshavih, L.S. Vihgotskogo. – M., 2008.
15. Pisarev, D.I. Izbranniye pedagogicheskie trudi. – M., 1984.
16. Savenkov, A.I. Odaryonniye deti – osobennosti poznavatel'nogo razvitiya [Eh/r]. – R/d: <http://www.all-tests.ru/odarennye-deti-osobennosti-poznavatel'nogo.htm>
17. Kalmihkova, Z.I. Produktivnoye obuchenie kak osnova obuchaemosti. – M., 1981.
18. Zinchenko, V.P. Nauka o mihslenii [Eh/r]. – R/d: http://www.bim-bad.ru/docs/zinchenko_thinking_development.pdf
19. Khutorskoy, A.V. Didakticheskaya ehvristika – teoriya i tekhnologiya razvitiya odaryonnosti uchashchikhsya [Eh/r]. – R/d: <http://thisisme.ru/content/didakticheskaya-evristika-%E2%80%93-teoriya-i-tehnologiya-razvitiya-odarennosti-uchashchikhsya>

Статья поступила в редакцию 03.09.14

УДК 37:371

Naumenko L.S. THE USE OF A BLOG BY A TEACHER IN HIS OR HER PROFESSIONAL LIFE. The article deals with a new phenomenon in teaching. It is a teacher's personal blog, which is seen as an opportunity for a teacher to do his or her job well. Though popular with the teachers, the topic is not totally analyzed and requires to be studied on both theoretical and practical levels. The main objectives of this research are the working out a technology of making a teacher's blog at Blogger service. This allows spreading the blog facts into the teaching process. The author offers the technology of its constructing, organization, criteria of evaluation and the principles of the effective working with its help. The paper might be found helpful for teachers.

Key words: blog, teacher's blog, technology of blog constructing, blog organization, blog criteria rating, principles of the effective working.

Л.С. Науменко, учитель английского языка муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Лицей № 97», г. Челябинска, e-mail: Lusynaumenko97@gmail.com

БЛОГ УЧИТЕЛЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена новому явлению в образовательной практике – блогу учителя, который создается и используется самим педагогом в профессионально-педагогической деятельности. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Целью данной работы является разработка технологии создания блога учителя на сервисе Blogger, технологии его использования, выявление принципов ведения успешной профессионально-педагогической деятельности его средствами, что позволит внести существенный вклад в решение комплекса проблем учительского блога. Предложенные

автором рекомендации могут быть использованы в массовой практике образования с целью создания учителем персонального блога, оценивания его качества, а также соблюдения основных положений осуществления профессионально-педагогической деятельности с его использованием.

Ключевые слова: блог, блог учителя, структура блога учителя, критерии оценивания блога учителя, этапы использования блога учителя, принципы профессионально-педагогической деятельности с использованием блога учителя.

Известно, что интенсивная информатизация всех сфер жизнедеятельности ставит новые цивилизационные проблемы, в том числе перед педагогической наукой и системой образования [1, с. 26], поэтому предъявляются все новые требования к профессиональной деятельности педагога. Сегодня деятельность учителя отличают «мобильность, способность к нестандартным трудовым действиям, самостоятельность в принятии решений» [2], а личность педагога – это саморазвивающаяся личность, которая постоянно демонстрирует умение учиться. Освоение Интернета; взаимодействие по Скайпу, через электронную почту и социальные сети с обучающимися, родителями и коллегами; организация деятельности с использованием проектора и интерактивной доски на уроках и вне его – вот далеко не весь список, которым каждый учитель овладел за последнее десятилетие.

Однако для осуществления эффективной профессионально-педагогической деятельности в нынешних условиях этого уже оказывается явно недостаточно. Сегодня документально подтверждена позиция, что учитель должен владеть ИКТ-компетенциями и быть профессионально ИКТ-компетентным, что предполагает реализацию дистанционной формы обучения детей [3, с. 275], осуществление дистанционного консультирования при выполнении заданий учащимися [2], поддержка взаимодействия с тьютором [2], использование образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий [4, с. 30], составление портфолио учащихся и своего собственного [2], привлечение семьи к решению вопросов воспитания ребенка, сотрудничество с другими педагогами [2].

В осуществлении перечисленного, а значит, для ведения профессионально-педагогической деятельности на новом, соответствующем требованиям государства, общества, развития науки и техники уровне призван помочь блог учителя, который создан и используется самим педагогом.

Вышеуказанный факт подтверждается наличием блогов учителей (блог классного руководителя, блог учителя-предметника, блог педагогического сообщества, блог предметного методического объединения, блог-проект, блог-электронная тетрадь, блог-школьная газета, блог класса), которые созданы и находятся в свободном доступе в сети Интернет. Однако данная практика не является повсеместной.

Приходится констатировать, что многие учителя не имеют персональных страничек, а часть учителей, имеющих блоги, прекращает ведение едва ли не сразу после создания.

В первом случае это вызвано неразработанностью данной проблемы в теории и практике, недостатком рекомендаций и технологии создания блога учителя; в другом – отсутствием технологии использования блога учителя и выделением принципов ведения успешной профессионально-педагогической деятельности его средствами.

Таким образом, целью данной работы является разработка технологии создания блога учителя на сервисе Blogger, технологии его использования и разработке принципов ведения успешной профессионально-педагогической деятельности учителя его средствами.

Феномен блога не является недавним. Сведения о его первых упоминаниях зарубежные источники [5] относят к 1994 году и указывают на создателя блогов Джастина Холла, русскоязычные источники говорят о 1996 году [6] и связывают их с именем английского ученого Тима Бернерса-Ли. Основным содержанием блогов в первом и втором случаях были новости. Сегодня блоги не только дают новостной обзор, но также освещают спорт, политику, решают проблемы бытового и специального характера. К назначению блогов принято относить общение, самопрезентацию, развлечение, сплочение и удержание социальных связей, саморазвитие, рефлексии [6].

Несмотря на то, что явление блогов не ново, персональный блог учителя в образовании – абсолютное новшество для педагогической практики.

Блог учителя определяется нами как веб-сайт учителя, созданный и используемый им же, позволяющий размещать тек-

стовую, числовую, графическую, звуковую и видео информацию в целях осуществления информационного взаимодействия между участниками образовательного процесса. При этом к участникам образовательного процесса следует относить учащихся, их родителей и педагогических работников.

Анализ журнальных статей по вопросам образования, педагогики и методики преподавания последних лет говорит о том, что встречаются попытки раскрыть этапы создания учительского сайта; попытки описать положительные стороны использования блога учителя в профессионально-педагогической деятельности. Авторы статей – это учителя-практики, которые являются успешными блоггерами на протяжении нескольких лет, делятся опытом создания личного блога и способами его использования в своей практической деятельности.

Так, например, Н.Ф. Анохина обращает внимание на то, что личный сайт учителя может стать средством самопрезентации в интернет-пространстве. Автор дает рекомендации по созданию эффективной самопрезентации учителя в интернете [7].

М. Ломакина описывает создание учительского сайта и рассказывает о возможностях размещения новостей, информации общего характера для учащихся и дополнительных заданий по предмету [8].

Л. Орехова предлагает создание учительской странички в социальной сети Facebook для дополнительной возможности работы с учащимися [9].

Например, П.В. Сысоев и М.Н. Евстигнеев рассматривают вопросы развития умений письма и чтения у учащихся на иностранном языке средствами информационно-коммуникационных технологий и говорят о возможностях создания и ведения блога учителем и учащимися для развития указанного типа умений [10].

Ю.В. Скрипкина указывает на потенциал блога в образовательной практике и предлагает его использование как нового способа развития коммуникативных умений учащихся [11].

Заслуживает внимания статья Т. Дюкачевой «Персональный сайт педагога как средство формирования и повышения уровня ИКТ-компетентности» в журнале «Учитель» [12], где автор выделяет цели создания сайта учителя, рассказывает об ожидаемых результатах и описывает содержание страниц на примере своего блога.

А.Ю. Сапожкова частично решает вопрос структуры и содержания учительского сайта, а также предлагает некоторые критерии его оценке [13, с. 25].

Не отрицая значимости ни одной из представленных работ по данной проблематике, предложим собственный ракурс видения вопросов создания блога учителя и его использования в профессионально-педагогической деятельности.

Детальное рассмотрение деятельности по созданию блога учителя позволяет выделить несколько этапов, каждый из которых характеризуется наличием цели, последовательностью действий как способа достижения цели и запланированного, измеримого результата, что приравнивает указанное к технологии создания блога.

1 этап – **доблоговый** или **конструкторский** (цель этапа: определить цели создания блога учителя и аудиторию его пользователей) – включает:

- определение самим педагогом целей создания своего блога;
- определение педагогом целевой аудитории для работы через персональный блог;
- определение конкретных направлений работы с данным типом пользователей для осуществления деятельности с помощью личного блога;
- выделение одного приоритетного, доминантного направления работы с аудиторией пользователей посредством своего блога;
- подготовка/выбор названия блога, высвечивающее основное направление деятельности педагога средствами его блога.

К результатам данного этапа следует отнести наличие у учителя четкой цели создания персонального блога, присут-

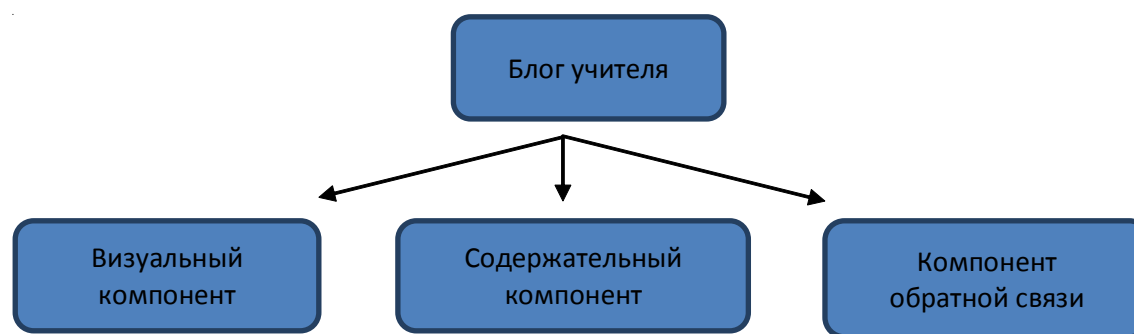

Рис. 1. Трехкомпонентная структура блога учителя

ствие полного понимания круга участников взаимодействия средствами блога учителя, выбор приоритетного направления профессионально-педагогической деятельности его средствами и его выражение через название блога. Т.е. по сути, на данном этапе происходит формулирование содержательной части блога учителя.

2 этап – **блоговый** или **процессуальный** (цель этапа: поэтапно выполнить рекомендации системы для создания блога учителя) – включает:

- заполнение данных для создания аккаунта (учетной записи);
- внесение названия блога учителя;
- выбор адреса блога учителя для входа пользователями;
- выбор шаблона, отображающего внешний вид блога учителя из имеющегося множества;
- внесение описания блога учителя;
- создание учителем страниц своего блога;
- наполнение страниц;
- размещение необходимых дополнительных элементов, предоставляющих информацию об авторе блога, обеспечивающих обратную связь и пр.

Результатами данного этапа считается созданный учителем персональный блог, который представляется в виде структуры (рис. 1), состоящей из 3-х основных компонентов: визуального (дает представление о внешнем облике блога, его дизайне); содержательного (отражает содержание сообщений на страницах блога учителя и передает форму представления содержания); обратной связи (дает представление о содержании, формах и инструментарии обратной связи).

Созданный блог учителя может быть представлен в виде модели (рис. 2), системными компонентами которой являются визуально-информационный; содержательно-информационный и контактно-информационный.

3 этап – **послеблоговый** или **рефлексивно-оценочный** (цель этапа: проверить и оценить качество созданного учителем персонального блога) – включает:

- сопоставление намеченных целей создания блога учителя с получившимися результатами;
- осуществление оценки качества созданного учителем блога по разработанным критериям (таблица 1).

Результатом данного этапа можно считать блог учителя, соответствующий критериям оценки качества.

Созданный учителем персональный блог в процессе использования в деятельности требует реализации нескольких этапов, часть из которых является обязательной, а один этап необязательный и появляется лишь при некоторых типах взаимодействия.

Представим этапы использования учителем персонального блога с отображением обязательных и необязательных этапов (рис. 3).

Представленные на рисунке этапы использования блога учителя в профессионально-педагогической деятельности можно охарактеризовать следующим образом:

- **конструкторский этап**, имеющий целью осуществить информационное взаимодействие средствами подготовленных учителем материалов; данный этап предполагает решение следующих задач: определить целевую аудиторию информационного взаимодействия; определить цели взаимодействия; сделать отбор содержания материала, форм, методов и средств его пре-

зентации для достижения цели; спрогнозировать результат, формы и способы обратной связи;

- **процессуальный этап**, направленный на размещение информации учителем на своем блоге для определенного круга пользователей; этап реализуется через решение генеральной задачи: реализовать технологии (технология входа на блог, технология создания материалов, технология публикации материалов и компонентов обратной связи, технология прикрепления ссылок, технология проверки материалов учителем как обычного пользователя, технология устранения возможных неполадок и пр.).

● **консультативно-тьюторский этап** (является важным этапом использования блога в профессионально-педагогической деятельности педагога, но не обязательным; данный этап становится необходимым только в отношении некоторых типов размещенной информации на блоге учителя), нацеленный на курирование процесса самостоятельной познавательной деятельности пользователей блога учителя через организацию индивидуальных дистанционных консультаций; этап осуществляется через проведение индивидуального **дистанционного** консультирования, инструктирования, оказания помощи в возникающих вопросах, внесение корректив в деятельность (регулирование деятельности) участников образовательного процесса с помощью размещенных форм обратной связи на блоге учителя (чаты, отправка мгновенных сообщений по электронной почте); оказание помощи и консультирование на данном этапе происходит через ответы на вопросы пользователей и обеспечение их дополнительной информацией, сведениями и данными;

● **рефлексивно-оценочный**, имеющий целью установить значимость размещенной на блоге информации самим учителем для целевой аудитории через компоненты обратной связи, а это: качественные (содержание, формы и инструментарий обратной связи) и количественные показатели (зарегистрированные и незарегистрированные пользователи блога учителя).

Выделим принципы профессионально-педагогической деятельности с использованием блога, которые определяются нами как основные исходные положения осуществления профессионально-педагогической деятельности учителя с использованием личного блога, определяющие ее результативность.

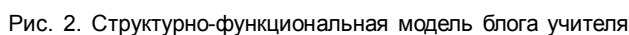
В основу эффективной профессионально-педагогической деятельности учителя посредством блога учителя положены следующие принципы:

- **принцип оперативного донесения информации**, который включает быстрое, почти моментальное реагирование на нужды пользователей блога;

● **принцип систематического обновления информации**, который предполагает то, что информация, содержащаяся на блоге, корректируется и обновляется регулярно; необходимо взять за правило делать изменения на блоге не реже, чем один раз в 1-2 дня, «приучить» учащихся, родителей и коллег ежедневно бывать на блоге; этот принцип связан со следующим, который можно определить как

- **принцип многогранного освещения информации**, он предлагает ссылки на различные источники по одной теме и представляет разностороннее рассмотрение информации пользователям блога;

● **принцип информационно-содержательного наполнения блога** предполагает наличие разного рода информации на блоге учителя, а это: информация познавательного характера

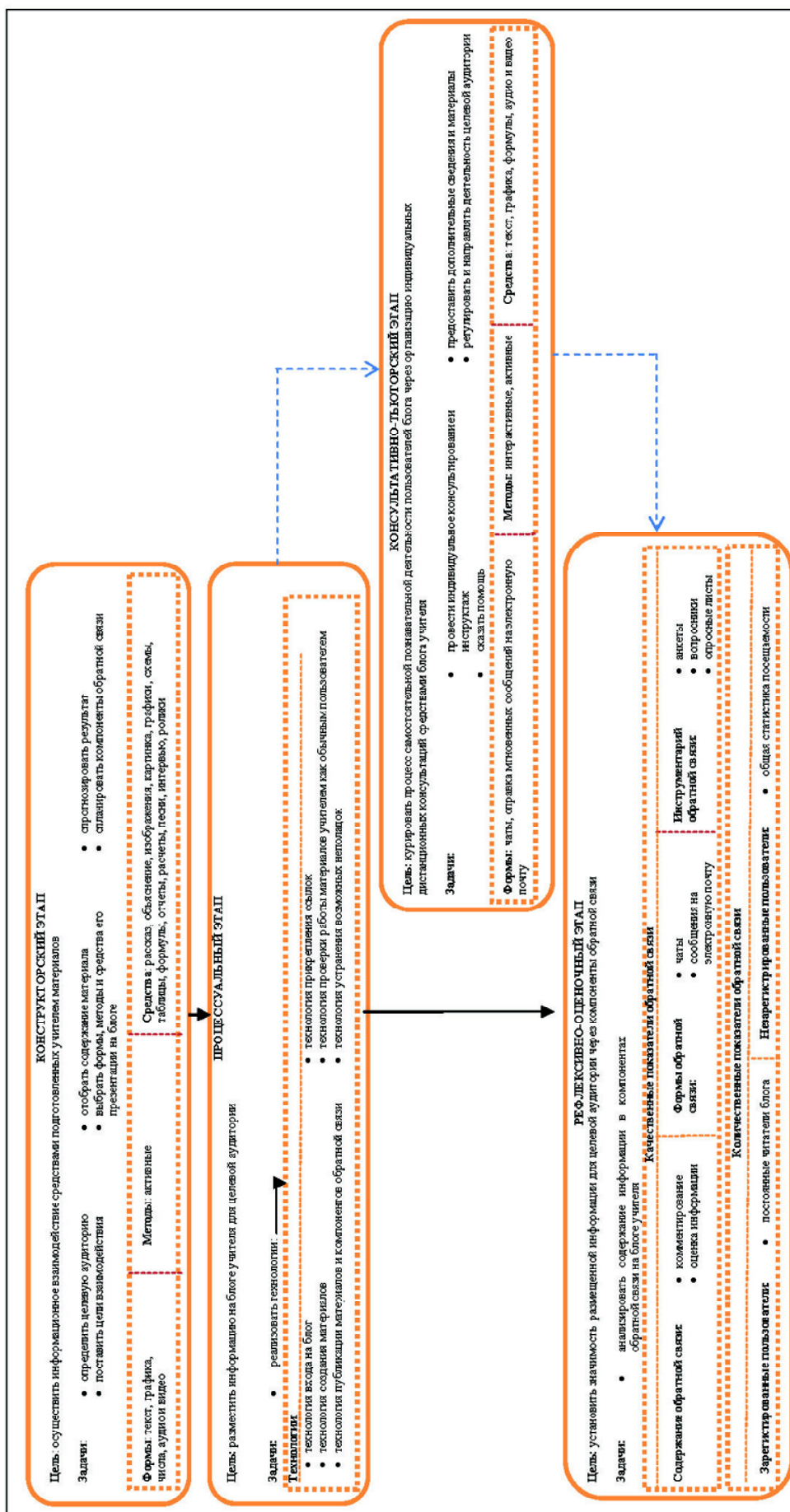

Рис. 3. Этапы использования блога учителя в профессионально-педагогической деятельности

Таблица 1

Критерии оценивания блога учителя

Критерий 1: Внешне-зрительный облик блога учителя: с первого взгляда блог учителя отражает порядок, организацию, строгость и является источником жизни, не кажется безнадежно заброшенным.	
Показатели	Описание показателя
1. Цветовое оформление блога учителя	<ul style="list-style-type: none"> спокойное цветовое оформление; наличие нейтральных цветов без избытка желтого, красного, оранжевого, лилового, темно-синего и черного.
2. Размер и формат шрифта в сообщениях	<ul style="list-style-type: none"> размер (предпочтительно 16-18 px) шрифта читабельный; формат (предпочтительно Arial, Verdana, Tahoma) шрифта читабельный; частичное применение курсива (небольшие фрагменты текста) и полужирного шрифта (выделение заголовков);
3. Дополнительные элементы и анимация на блоге учителя	<ul style="list-style-type: none"> дополнительные элементы и анимация умеренные, сдержанные, не раздражающие пользователей; страница недлинная из-за большого количества размещенных на ней элементов; элементы не мелькают, не двигаются в хаотичном порядке, не появляются бесконечно, не выплывают, не «идут» за мышью, не рассыпаются звездами и пр.; реклама отсутствует.
4. Название блога учителя	<ul style="list-style-type: none"> имеется заглавие; название представляет одно из направлений деятельности учителя или нечто общее, отражающее идею блога; название лаконичное, имеет не более 3-х слов.
5. Описание блога учителя	<ul style="list-style-type: none"> краткие сведения об учителе (ФИО, предмет); описание своеобразия блога (цель создания блога, аудитория пользователей и др.); описание – краткий и лаконичный текст (3-4 предложения).
6. Страницы блога учителя	<ul style="list-style-type: none"> страницы присутствуют и имеют названия; передвижение по блогу простое, удобное, понятное.
7. Единый стиль оформления записей	<ul style="list-style-type: none"> сообщения и записи выполнены в едином стиле оформления (шрифт, размер шрифта, выравнивание, размещение элементов на страницах и пр.).
8. Другое	<ul style="list-style-type: none"> записи обновляются регулярно; сообщения датированы; ссылки работают, переходы по ссылкам осуществляются.
Критерий 2: Информационное наполнение: критерий отражает качественные характеристики представленной информации и отражает адекватную форму ее представления.	
Показатели	Описание показателя
1. Актуальность	<ul style="list-style-type: none"> соответствие информации текущему моменту времени; своевременность донесения информации
2. Полезность информации	<ul style="list-style-type: none"> нужность, важность информация для принятия решений; ценность для осуществления практической деятельности
3. Понятность	<ul style="list-style-type: none"> доступность изложения информации; ясность выражаемой идеи/мысли
4. Достоверность информации	<ul style="list-style-type: none"> верность подачи информации; точность передачи информации
5. Полнота информации	<ul style="list-style-type: none"> подробность информации; достаточная содержательность информации для принятия верного решения
6. Форма представления информации	<ul style="list-style-type: none"> разнообразие форм представления (текстовая, числовая, графическая, аудио, видео); разнообразие средств представления информации (тексты, статьи, объяснения, повествования, задания, алгоритмы, рекомендации, просьбы, вопросы; отчеты, подсчеты, формулы; таблицы, схемы, изображения; аудио и видео записи, фильмы, интервью, песни и пр.
Критерий 3: Обратная связь и ее реализация. Критерий предполагает наличие количественных и качественных показателей реализации обратной связи.	
Показатели	Описание показателя
1. Количественные показатели	<ul style="list-style-type: none"> установленный на блоге учителя счетчик; наличие списка постоянных читателей блога учителя
2. Качественные показатели	<ul style="list-style-type: none"> наличие содержательных комментариев от пользователей и автора блога; наличие меток оценки информации; наличие чатов для общения между пользователями; наличие адреса электронной почты автора блога или специальной формы для отправки сообщения; присутствие анкет, вопросников, опросных листов

(задания, статьи, рассказы, алгоритмы, отчеты, формулы, графики, видео и аудио ролики, интервью, звуковые дорожки и пр.); сообщения описательного, констатирующего характера (рассказы, повествования, расчеты, вычисления, подсчеты, графики, схемы, изображения и пр.); побудительная информация (просьбы, советы, поручения, рекомендации, требования, инструкции);

● **принцип размещения средств для реализации обратной связи** на нескольких уровнях: содержание, формы, инструменты;

● **принцип рефлексии результата использования учителем своего блога в собственной профессионально-педагогической деятельности**, анализ совершаемых действий через блог, умение адекватно оценить себя и свою деятельность с использованием блога; следование данному принципу поможет педагогу раскрыть новые направления ведения его деятельности и решения профессионально-педагогических задач средствами использования блога, а значит, выявить неоткрытые грани личности и реализовать творческое «Я».

Таким образом, разработанная технология создания блога учителя и критерии его оценки, выявленные этапы использования блога учителя и принципы осуществления профессионально-педагогической деятельности его средствами вносят существенный вклад в решение комплекса проблем учительского блога на теоретическом и практическом уровнях, а предложен-

ный автором рекомендации могут быть использованы в массовой практике образования с целью создания учителем персонального блога, оценивания его качества, а также соблюдения основных положений ведения успешной профессионально-педагогической деятельности его средствами.

Библиографический список

1. Ермаков, Д.С. Информационная компетентность в информационном обществе // Педагогика. – 2013. – № 2.
2. Профессиональный стандарт педагога. Проект стандарта [Э/п]. – Р/д: http://www.academy.edu.by/files/prof_standart_pedagoga.pdf.
3. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / сост. Е.С. Савинов. – М., 2011.
4. Новый Закон «Об Образовании в Российской Федерации»: текст с изм. и доп. на 2013 г. – М., 2013.
5. Chapman, C. A brief history of blogging [Э/п]. – Р/д: <http://www.webdesignerdepot.com/2011/03/a-brief-history-of-blogging/>
6. Блог [Э/п]. – Р/д: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%B3>
7. Анохина, М.Ф. Самопрезентация учителя в интернет-пространстве // Школьные технологии. – 2013. – № 1.
8. Ломкина, М. Технология создания учительского сайта // Учитель. – 2013. – № 4.
9. Орехова, Л. Создание учительской странички в социальной сети Facebook // Учитель. – 2013. – № 3.
10. Сысоев, П.В. Методика обучения английскому языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий / П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев. – М.; Ростов-на-Дону, 2010.
11. Скрипкина, Ю.В. Новые подходы к развитию коммуникативных компетентностей учащихся: образовательный потенциал социальных сетей и блогов [Э/п]. – Р/д: <http://www.eidos.ru/journal/2011/1023-09.htm>.
12. Дюкачева, Т. Персональный сайт педагога как средство формирования и повышения уровня ИКТ-компетентности // Учитель. – 2013. – № 3.
13. Сапожкова, А.Ю. Создание и развитие персонального сайта учителя: методические рекомендации. – Вологда, 2012.

Bibliography

1. Ermakov, D.S. Informacionnaya kompetentnost' v informacionnom obshchestve // Pedagogika. – 2013. – № 2.
2. Professionalnij standart pedagoga. Proekt standarta [Eh/r]. – R/d: http://www.academy.edu.by/files/prof_standart_pedagoga.pdf.
3. Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma obrazovatel'nogo uchrezhdeniya. Osnovnaya shkola / sost. E.S. Savinov. – M., 2011.
4. Novijj Zakon «Ob Obrazovanii v Rossijskoj Federacii»: tekst s izm. i dop. na 2013 g. – M., 2013.
5. Chapman, C. A brief history of blogging [Eh/r]. – R/d: <http://www.webdesignerdepot.com/2011/03/a-brief-history-of-blogging/>
6. Blog [Eh/r]. – R/d: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%B3>
7. Anokhina, M.F. Samoprezentaciya uchitelya v internet-prostranstve // Shkol'niye tekhnologii. – 2013. – № 1.
8. Lomakina, M. Tekhnologiya sozdaniya uchitel'skogo sayta // Uchitel'. – 2013. – № 4.
9. Orekhova, L. Sozdanie uchitel'skoj stranichki v social'noj seti Facebook // Uchitel'. – 2013. – № 3.
10. Sihsoev, P.V. Metodika obucheniya angliyskomu yazhku s ispol'zovaniem novihkh informacionno-kommunikacionnihkh Internet-tekhnologiy / P.V. Sihsoev, M.N. Evstigneev. – M.; Rostov-na-Donu, 2010.
11. Kripkina, Yu.V. Noviye podkhodih k razvitiyu kommunikativnihkh kompetentnostej uchathikhsya: obrazovatel'niyh potentsial social'niyhkh setej i blogov [Eh/r]. – R/d: <http://www.eidos.ru/journal/2011/1023-09.htm>.
12. Dyukacheva, T. Personal'niyh sayt pedagoga kak sredstvo formirovaniya i povisheniya urovnya IKT-kompetentnosti // Uchitel'. – 2013. – № 3.
13. Capozhkova, A.Yu. Sozdanie i razvitie personal'nogo sayta uchitelya: metodicheskie rekomendacii. – Vologda, 2012.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 811.161.1 (072)

Nikolayenko G.I., Tayanovskaya I.V. PERSPECTIVE TRENDS IN MODERN TEACHING OF RUSSIAN FUNCTIONAL STYLISTICS FOR BELARUSIAN STUDENTS. The article analyzes principles of functional-stylistic work at Russian lessons in a Belarusian school. A special attention is done to the proficiency in functional styles of Russian and Belarusian, establishing linkages with theoretical knowledge on the functional style, obtained in the study of the Belarusian language, and identifying similarities and differences in system of functional styles of Russian and Belarusian. In the work the discussion problems of functional stylistics and modern conceptual issues in its teaching are described in regard to the contents of functional-stylistic training of Belarusian students at Russian lessons. The special stylistic skills are allocated for their formation at the institutions of secondary education in Belarus. This proximate composition of the skills may serve as a practical guide in the further constructing of additional teaching exercises.

Key words: methods of functional-stylistic training, functional styles of the Russian language, substyles, stylistic synonymy, special stylistic skills.

Г.И. Николаенко, д-р пед. наук, доц., проректор по научно-методической работе ГУО «Академия последипломного образования», г. Минск, E-mail: info@academy.edu.by; И.В. Таяновская, канд. пед. наук, доц., зав. каф. риторики и методики преподавания языка и литературы Белорусского государственного университета, г. Минск, E-mail: tayanov@tut.by

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБУЧЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА БЕЛОРУССКИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье проанализированы принципы построения функционально-стилистической работы на уроках русского языка в белорусской школе (учет уровня владения различными функциональными стилями русского и белорусского языка; установление взаимосвязей с теоретическими сведениями по функциональной стилистике, получаемыми при изучении белорусского языка; выявление совпадений и различий в системе функциональных стилей русского и белорусского языка). Охарактеризованы дискуссионные проблемы функциональной стилистики и современные концептуальные акценты в ее преподавании. В аспекте, определяющем содержание стилистической подготовки на учебных занятиях по русскому языку; выделен состав специальных стилистических умений, перспективный для формирования в учреждениях общего среднего образования Беларуси

и способный послужить практически значимым ориентиром при конструировании дополнительных учебных заданий.

Ключевые слова: методика обучения функциональной стилистике, функциональные стили русского языка, подстили, стилистическая синонимика, специальные стилистические умения.

При работе над коммуникативным развитием учащихся и словесным воплощением связного высказывания следует непременно учитывать, что любой текст, по выражению российского ученого Т.А. Воронцовой, представляет собой своего рода «место приложения» функционального стиля [1, с. 17], область проявления различных стилеобразующих обстоятельств. Это отчетливо обнаруживается во всем характере протекания текстовой деятельности: начиная от формирования речевого замысла, вплоть до его исполнения в конкретных, доступных адресату мельчайших деталях.

В качестве важнейшей цели освоения русского языка в Беларуси, на уровне программной документации, выдвигается следующая: «научить пользоваться русским языком во всех видах речевой деятельности... в избранных сферах применения языка» [2, с. 3]. Как явствует из указанной ведущей цели в преподавании предмета, одним из актуальных векторов в ходе формирования русскоязычной коммуникативной компетенции белорусских учащихся является функционально-стилистическая подготовка. В разработку вопросов обучения функциональной стилистике русского языка в Беларуси, начиная с 80-х гг. XX ст. – времени включения в учебные программы специального стилистического материала, в аспекте обеспечения концентрического характера в его раскрытии внесли существенный вклад исследователи-лингвисты и методисты: А.Е. Супрун, Л.А. Мурина [3] и нек. др. Однако для школьников Беларуси, в силу менее резко выраженной стилистической окраски языковых единиц в близкородственном русскому белорусском языке, усвоение данного материала оказывается сопряженным с несколько более значительными объективными сложностями и требует особого внимания.

С учетом отмеченного, в статье решается следующая центральная проблема: какие стилистические коммуникативно-речевые умения возможно формировать при обучении русскому языку белорусских школьников, исходя из общих особенностей в содержании современного преподавания функциональной стилистики? *Теоретическая значимость* изучения данной проблемы обусловлена ее анализом в обобщенном и системном ракурсе, дающем возможность дальнейшего рассмотрения и развития намеченных содержательных направлений стилистической подготовки, в том числе применительно к освоению конкретных функциональных стилей. *Практическая* социально-коммуникативная значимость вопросов овладения функциональными стилями неразрывно сопряжена с непосредственным отражением дифференциации ведущих сфер общественной деятельности и сознания в специфике функционально-стилевого расщепления речи. *Личный вклад* авторов статьи в раскрытие рассматриваемой темы заключается, в первую очередь, в следующем: охарактеризованы особенности и принципы построения функционально-стилистической работы в белорусской школе; как отражение проблемной направленности в смысловой структуре данного материала, выявлены дискуссионные вопросы в обучении школьников функциональной стилистике; отмечены современные акценты в раскрытии содержания функционально-стилистической проблематики; выделен комплекс стилистических умений, возможность работы над которыми заложена в системе языковой и речевой подготовки при обучении русскому языку в Беларуси.

Особенности организации обучения функциональной стилистике русского языка в белорусской школе. Функциональная стилистика – весьма специфичная часть курса русского языка в белорусских школах. Дело в том, что на изучение теории стилей программой отводится минимизированное количество вводных учебных часов. Ознакомление со стилистическим расщеплением речи осуществляется на II-й ступени общего среднего образования, в 5 кл., в разделе «Культура устной и письменной речи». Далее теория стилей более глубоко усваивается в 6 кл. и повторяется на новом уровне в связи с обобщением стилеобразующей роли различных языковых средств, в том числе в 8–9 кл. – в рамках раздела «Текст». На III-й ступени среднего образования стилистический материал систематизируется

при работе над темой «Стилистика как раздел науки о языке» (2 ч.). В то же время, именно функциональная стилистика является основой работы по развитию речи, именно с функционально-стилистической точки зрения должны постоянно оцениваться языковые явления. Поэтому можно с уверенностью говорить о сквозном характере и исключительном значении стилистического материала.

В условиях, когда учащиеся приступают к изучению стилистически дифференцированной речи на русском языке, положение оказывается специфичным: в ситуации развитого двуязычия, фиксируемого в Беларуси, соотношение употребительности того или иного стиля на русском или белорусском языке в определенной аудитории является неодинаковым. Так, можно говорить об использовании разговорного стиля преимущественно на белорусском языке в сельских школах; научного и публицистического стилей – на русском и белорусском языках; об обращении в подавляющем большинстве случаев к деловому стилю на русском или белорусском языке, в зависимости от принятого в учреждении образования языка обучения. Различия в сфере использования функциональных стилей позволяют выдвинуть специфичный для условий белорусской школы принцип обучения функциональной стилистике: *принцип учета уровня владения различными функциональными стилями русского и белорусского языка*. Реализация этого принципа требует вычленения наиболее важных для существующей ситуации моментов работы над каждым отдельным стилем; учета уже имеющихся у школьников умений и навыков и опоры на них, а также предупреждения вероятной интерференции в том или ином стилистическом пласте.

Усвоение учащимися теоретических сведений по русской функциональной стилистике сочетается с усвоением аналогичного материала по белорусскому языку, а это дает основание указать в качестве еще одного принципа обучения школьников Беларуси функциональным стилям русского языка *принцип установления взаимосвязей с теоретическими сведениями по функциональной стилистике, получаемыми при изучении белорусского языка*. Соблюдение этого принципа предполагает опору на лингвистическую подготовку учащихся.

Целесообразно обратить внимание на то, что основные экстралингвистические характеристики функциональных стилей русского и белорусского языков, как двух государственных языков Республики Беларусь, являются тождественными. Этого, однако, нельзя сказать о языковых средствах выражения того или иного стиля. Несмотря на значительную общность этих средств в русском и белорусском языках, между ними существуют и определенные расхождения. Наличие таких несоответствий позволило выдвинуть в качестве принципа обучения белорусских учащихся русской функциональной стилистике *принцип учета совпадений и различий в системе функциональных стилей русского и белорусского языка*. Реализация названного принципа связывается с учетом данных сопоставительной характеристики функциональных стилей русского и белорусского языков.

Функционально-стилистическая подготовка учащихся как основа для развития специальных стилистических умений (материалы подготовлены И.В. Таяновской). Целью нашего дальнейшего изложения, ориентированного на разработку научных основ для совершенствования учебных и методических средств преподавания, служит выявление проблемно-дискуссионных аспектов, значимых концептуальных позиций и конкретизированного состава практических умений в содержании функционально-стилистического материала по курсу русского языка, адресованному белорусским школьникам. Как и прежде, дискуссионными проблемами в области современной функциональной стилистики, решение которых может влиять на проектирование содержания школьного обучения, являются, в частности:

➤ *Критерии выделения функциональных стилей.* Основными, наиболее общепризнанными критериями для разграничения функционально-стилевых разновидностей языка, тради-

ции в установлении которых восходят к весьма влиятельным лингвистическим трудам, признаются следующие: а) реализуемые функции языка, что объясняет само используемое, ключевое терминологическое обозначение изучаемых стилей именно как функциональных (по В.В. Виноградову); б) обобщенно трактуемые сферы коммуникации (по М.Н. Кожиной), в школьной практике именуемые «условиями общения»; в) своеобразие языкового строя высказываний, принадлежащих к данному стилю (по Л.В. Щербе, А.К. Панфилову); г) совокупность параметров, в число которых включаются функции речи, тяготение к определенной форме ее воплощения, специфика применяемых языковых средств, характерные жанры (по Б.Н. Головину) [4]. Последнее из пониманий, при определяющей роли внеязыковых факторов, на наш взгляд, можно считать диалектически обоснованным и, прежде всего, перспективным для школьного рассмотрения вопросов функциональной стилистики. При этом первые два из критериев интегрируются в комплексном понятии речевой ситуации, связанном с выбором и воплощением функционального стиля причинно-следственной логической зависимостью.

➤ *Состав и стратификация функциональных стилей и подстилей.* В частности, один из вопросов, традиционно дебатированных в рамках отмеченной проблемы, – *возможность обособления художественного стиля (или стиля художественной литературы)*: в числе известных ученых есть как противники его выделения (А.И. Горшков, Н.М. Шанский и др. [5]), так и, напротив, приверженцы (Р.А. Будагов, В.П. Москвин и др. [6]). В ходе научной дискуссии обращается внимание на нередкое применение в художественной речи языковых средств иного стилистической окраски, а иногда – элементов, вообще не принадлежащих к литературному языку (напр., диалектизм или жаргонизм). В то же время, несомненным представляется наличие у художественной речи особой эстетической функции, нацеленности на создание вымышленной реальности и на конструирование словесных образов, что, скорее, сближает ее с остальными стилями, нежели отдаляет от них. Вышесказанное свидетельствует, вместе с тем, об особом положении языка художественной литературы, в сравнении с иными функциональными стилями.

Ряд современных ученых, также в дискуссионном плане, проводит новаторские исследования, обосновывая автономность существования дополнительных функциональных стилей и подстилей (так, И.А. Крылова выделяет и исследует церковно-религиозный стиль; А.Н. Шепелев – стиль права [7] и т. п.). Однако в методической науке в настоящее время господствует приоритетная опора на наиболее традиционное, общепринятое лингвистическое знание с выделением пяти функциональных стилей. По нашему мнению, в рамках функционально-стилевого расслоения речи, уже устоявшегося в содержании школьного обучения стилистике, целесообразно обращать внимание как на явления внутривариативной неоднородности, так и, в первую очередь, на признаки, формирующие единство каждого функционального стиля.

➤ *Дифференциация и профилактика неразграничения, с одной стороны, функционально оправданных речевых стереотипов (клише) и, с другой, – нежелательных речевых штампов в текстах определенного стиля.* Указанные термины иногда строго не разграничиваются в научной лингвистической литературе (О.С. Ахманова и др. [9]). Однако, как правило, считается (В.Г. Костомаров [10] и др.), что клише, в качестве регулярно повторяемых конструктивных единиц текста, обладают мотивированностью своего употребления, экономят речевые усилия составителя высказывания (и, отметим отдельно, также и адресата – при восприятии речи), позволяют в большей степени концентрировать внимание не на формальной, а на содержательной стороне словесного произведения, структурно его упорядочивают. В качестве примера уместна ссылка на устойчивую речевую формулу: *что и требовало доказать* – в логико-аналитических комментариях к геометрическим теоремам.

В свою очередь, понятие речевых штампов чаще употребляется в негативно-оценочном значении, поскольку ими может снижаться информационная нагрузка высказывания, коммуникативная ценность и чистота речи, усиливаться ее смысловая избыточность. Штапованность научного изложения может выражаться в злоупотреблении оборотами с формально-канцелярской или публицистической окраской, наподобие выражений: *На современном этапе имеют место быть рассмотренные примеры, получившие широкое распространение.* В методичес-

ком смысле работа над предотвращением штапованности научного слога уместна при ознакомлении с коммуникативным качеством чистоты речи, а также в связи с формированием умений речевой компрессии.

Помимо того, в современном обучении функциональной стилистике на первый план выдвигается ряд значимых акцентов:

● *Осознание учащимися социальной значимости каждой обобщенной сферы коммуникации*, которое выполняет важную мотивирующую нагрузку при усвоении стилистических сведений. Примечательно обратить внимание на то, что проводимое разграничение этих сфер для книжных стилей имеет, в определенной степени, и профориентационную направленность. Не вызывает сомнений то воспитательное значение, которым обладает демонстрация воплощенных в слове актуальных достижений человеческой деятельности, связанных с различными формами общественного сознания (политикой и правом, наукой и искусством). Применительно к научному стилю, речь идет о понимании учащимися ключевой роли науки в современном обществе, после наступления информационного этапа в глобальном развитии цивилизации.

● *Диалектическое осмысление функций любого стиля речи, среди которых выделяется ведущая, приоритетная.* Так, в научном стиле реализуется и «лидирует» основная информативная функция, которая, в сопоставлении с официально-деловым либо публицистическим стилем, выступает в качестве когнитивной, познавательной. В то же время, в научно-популярных, заинтересовывающих высказываниях названная ведущая функция обычно дополняется экспрессивной. В тех научно-учебных текстах, в которых представлено рекомендательное начало, помимо того, прослеживается воплощение инструктивной и воздействующей направленности.

● *Взаимосвязанное изучение различных стилистических черт.* Например, в научной речи образность носит характер не основного способа осознания действительности, как в речи художественной, а вспомогательного, пояснительного приема. Образность жестко подчинена точности научного высказывания: каждый привлекаемый образ и развиваемая с его помощью пояснительно-событийная конкретизация не должны искажать сущности наглядно иллюстрируемых ими научных положений, как это происходит в следующих речевых примерах: *Заимствованные слова – это как будто бы слова-беженцы в русском языке; С тех пор все знаки препинания объединились в одну семью-пунктограмму и зажили дружно* [из обучающих текстов по материалам: 11].

● *Акцентирование ресурсов стилистической синонимии.* В частности, на уровне усвоения знаний по морфологии демонстрируется текстообразующий потенциал имен числительных (как количественных, так и порядковых), для отражения точно измеряемого множества предметов в научных высказываниях, а также числительных с показателями приблизительности – для передачи приблизительно характеризуемого множества, в научных текстах заинтересовывающей направленности: *При прокладке линий Минского метрополитена в 2006 г. в нашей республике были впервые обнаружены останки ископаемого лесного слона, в том числе – плечевая кость размером более одного метра в длину и около 30 см в диаметре. Такие слоны обитали на территории современной Беларуси примерно 100 тысяч лет назад. Найденный скелет лесного слона минчане могут увидеть своими глазами в экспозиции зоологического музея Белорусского государственного университета, по адресу: Минск, ул. Курчатова, 10* [из сообщения по биологии].

● *Осознание существенного влияния формы речи на специфику реализации функционального стиля.* Так, в научных высказываниях в устной форме речи большее распространение обретают средства речевого контакта, особенно активно используется вопросно-ответные построения: *Но еще задолго до того, как были придуманы буквы, люди научились передавать информацию друг другу. Сейчас мы легко воспользуемся ручкой, карандашом, фломастером... Напишем записку, позволим по мобильному телефону или же пообщаемся через Интернет. Ведь мы живем в 21 веке! А если бы мы попали в каменный век? Первообытные люди тоже нуждались в общении...* [из выступления по материалам издания: 12].

Проведенное анкетирование 92 старшеклассников позволило выявить, что среди известных им стилистических умений – главным образом, обобщенно именуемое интегрально «умение соблюдать нужный стиль речи» (подобные ответы дает

47,8% опрошенных), а также готовность уместно (или, как не вполне точно отвечают многие, «правильно») употреблять языковые средства (например, «подбирать слова и выражения»), названная 35,9 % респондентов.

Наряду с этим, осмысление стратегических ориентиров современной функционально-стилистической подготовки белорусских школьников на уроках русского языка позволяет подчеркнуть особую значимость поступательного формирования таких умений, как: ● умение комплексно оценивать речевую ситуацию, определяющую выбор функционального стиля; ● способствовать реализации в тексте ведущей функции стиля, при необходимости – в сочетании с дополнительными; ● учитывать и воплощать совокупность черт определенного стиля речи; ● устанавливать взаимную согласованность различных стилистических черт при их воплощении; ● придерживаться функционально-стилистических ориентиров в проявлении и взаимосвязи текстовых признаков; ● определять функциональную обусловленность употребления того или иного языкового средства; ● дифференцировать значения средств языка, используемых в различных стилях (напр., настоящего постоянного времени глаголов в сопоставлении с настоящим актуальным или настоящим долженствования); ● определять стилистическую окраску языковых единиц (функ-

ционально-стилистическую, эмоционально-оценочную); ● осуществлять обоснованный выбор синонимических средств языка, исходя из их стилистических характеристик; ● обеспечивать продуманное объединение языковых средств в рамках определенного функционального стиля, в соответствии со стилистическим заданием устанавливать стилистическое согласование в применении тех или иных языковых единиц; ● творчески использовать стилистический контраст, осознанные, преднамеренные отступления от языковых и речевых норм в уместных для этого контекстах (напр., в занимательном дидактическом повествовании); ● при создании высказывания принимать во внимание особенности, дифференцирующие в целом книжную и разговорную речь; ● учитывать влияние формы речи на особенности воплощения функционального стиля; ● использовать функционально оправданные клише, характерные для определенного стиля; ● предупреждать злоупотребление стилистическими штампами; ● выразительно озвучивать тексты определенного стиля, соблюдая ситуативно и содержательно оправданный регистр тональности; ● варьировать особенности воплощения функционального стиля в зависимости от жаровой принадлежности высказывания.

Библиографический список

1. Воронцова, Т.А. Элементарная стилистика. – Ижевск, 2009.
2. Учебная программа для учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения: Русский язык: V–XI кл. – Минск, 2012.
3. Преподавание русского языка в IV–VI классах / под ред. А.Е. Супруна. – Минск, 1985; Мурина, Л.А. Развитие связной речи учащихся. – Минск, 1985.
4. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981; Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М., 1998; Кожина, М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1977; Щерба, Л. В. Современный русский литературный язык // Избр. работы по русскому языку. – М., 1957; Панфилов, А.К. Лекции по стилистике русского языка. – М., 1972; Головин, Б.Н. Основы культуры речи. – М., 1988.
5. Горшков, А.И. Русская стилистика. – М., 2006; Шанский, Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. – Л., 1990.
6. Будагов, Р.А. Человек и его язык. – М., 1976. – С. 204–211; Москвин, В.П. Стилистика русского языка. – М., 2006.
7. Крылова, И.А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: автореф. дис.... канд. филол. наук. – СПб., 2005; Шепелев, А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2003.
8. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2004.
9. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. – СПб., 1999.
10. Лингвистическая сказка [Э/п]. – Р/д: <http://nsportal.ru/ap/ap/literaturnoe-tvorchestvo/2011/12/15/lingvisticheskaya-skazka>; Лингвистические сказки [Э/п]. – Р/д: <http://www.pandia.ru/text/78/067/374.php>
11. Каширина, Т.Г. Доклады и сообщения по русскому языку / Т.Г. Каширина, Л.Ф. Бойко. – М., 2011.

Bibliography

1. Voroncova, T.A. Ehlementarnaya stilistika. – Izhevsk, 2009.
2. Uchebnaya programma dlya uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazhnikami obucheniya: Russkiy yazihk: V–XI kl. – Minsk, 2012.
3. Prepodavanie russkogo yazihka v IV–VI klassakh / pod red. A.E. Supruna. – Minsk, 1985; Murina, L.A. Razvitie svyaznoy rechi uchastikhshysya. – Minsk, 1985.
4. Vinogradov, V.V. Problemih russkoy stilistiki. – M., 1981; Rozentalj, D.Eh. Prakticheskaya stilistika russkogo yazihka. – M., 1998; Kozhina, M.N. Stilistika russkogo yazihka. – M., 1977; Therba, L. V. Sovremenniy russkiy literaturniy yazihk // Izbr.rabotih po russkomu yazihku. – M., 1957; Panfilov, A.K. Lekcii po stilistike russkogo yazihka. – M., 1972; Golovin, B.N. Osnovih kul'turih rechi. – M., 1988.
5. Gorshkov, A.I. Russkaya stilistika. – M., 2006; Shanskiy, N.M. Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. – L., 1990.
6. Budagov, R.A. Chelovek i ego yazihk. – M., 1976. – S. 204–211; Moskvina, V.P. Stilistika russkogo yazihka. – M., 2006.
7. Krihlova, I.A. Sovremennaya pravoslavnyaya propovedj v funkcionalno-stilisticheskom aspekte: avtoref. dis.... kand.filol.nauk. – SPb., 2005; Shepelev, A.N. Yazihk prava kak samostoyatel'nyj funkcional'nyj stilj: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – N. Novgorod, 2003.
8. Akhmanova, O.S. Slovarj lingvisticheskikh terminov. – M., 2004.
9. Kostomarov, V.G. Yazihkovoy vkus ehpokhi. – SPb., 1999.
10. Lingvisticheskaya skazka [Eh/r]. – R/d: <http://nsportal.ru/ap/ap/literaturnoe-tvorchestvo/2011/12/15/lingvisticheskaya-skazka>; Lingvisticheskie skazki [Eh/r]. – R/d: <http://www.pandia.ru/text/78/067/374.php>
11. Kashirina, T.G. Dokladih i soobsheniya po russkomu yazihku / T.G. Kashirina, L.F. Boyko. – M., 2011.

Статья поступила в редакцию 26.08.14

УДК 355.231+398.8

Kashina N.I., Tagiltseva N.G. PSYCHOLOGICAL PREREQUISITES OF DEVELOPMENT OF TRADITIONAL CULTURAL AND ART VALUES IN CHILDREN AND YOUTH. In the article psychological prerequisites of development of identity of traditional cultural and art values are revealed. The author proves that a condition of such development is realization of the art and esthetic relation allowing not only learning, but also enduring these or those vital situations reflected in a work of art. This relation is initiated by turning on of mechanisms of identification (with the images concluded in a work of art), reflections (judgment of the apprehended material ethically, informatively and esthetically), isolations (discharge of the recipient, inclusion in real life of norms, the examples of behavior mastered by means of identification), self-realization (in musical activity, creation of art products).

Key words: art values, traditional values, identification, reflection, isolation, self-realization.

Н.И. Кашина, канд. пед. наук, доц. каф. музыкального образования Уральского гос. педагогического университета, г. Екатеринбург, E-mail: koranata@mail.ru; **Н.Г. Тагильцева**, д-р пед. наук, проф., зав. каф. музыкального образования Уральского гос. педагогического университета, г. Екатеринбург, E-mail: musis52nt@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОСВОЕНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье раскрываются психологические предпосылки освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей. Автором доказывается, что условием их освоения является реализация художественно-эстетического отношения, позволяющего не только узнать, но и пережить те или иные жизненно важные ситуации, отраженные в произведении искусства. Данное отношение инициируется включением механизмов идентификации (с образами, заключенными в произведении искусства), рефлексии (осмысление воспринятого материала этически, познавательное и эстетически), обособления (отстранение реципиента, включение в реальную жизнь норм, образцов поведения, освоенных посредством идентификации), самореализации в музыкальной деятельности, создании художественных продуктов.

Ключевые слова: художественные ценности, традиционные ценности, идентификация, рефлексия, обособление, самореализация.

На рубеже XX-XXI вв. произошла смена ценностной парадигмы современного российского общества, разрушение стереотипов жизненных ценностей и приоритетов. Сегодня оно нуждается в ценностно-смысловых ориентирах, духовно-нравственных идеалах и культурных образцах.

Носителем традиционных народных ценностей (семья, патриотизм, гражданственность, социальная солидарность, Православие и др.), являвшихся на протяжении многих веков важным элементом общественного сознания и фундаментом российской социальной системы, стало казачество. Его художественная культура является кумулятивной базой этнокультурной среды и средством познания этнической картины мира казачества (А.Ф. Григорьев), а в ее феноменах (художественных ценностях) содержатся своеобразные модели, которые являются «схемами человеческого духа», по которым воспроизводится человеческая типология [1, с. 35]. Все вышесказанное актуализирует проблему освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей на основе художественной культуры казачества.

Формирование ценностной сферы личности – сложный и многогранный процесс. Попытки его осмысления предпринимаются представителями различных наук: социологии, педагогики, психологии. Процесс ценностного ориентирования личности при общении с художественным произведением имеет свою специфику, и детерминирован определенными механизмами, суть которых будет раскрыта в содержании данной статьи.

Воспитательное воздействие искусства на личность представляет собой двусторонний процесс активного взаимодействия художественного произведения и личности. Современными учеными доказывается, что ценностное ориентирование личности при общении с художественным произведением определяется познанием, переживанием и наслаждением (Р.П. Шульга). Чтобы сформировать свое ценностно-смысловое пространство, человеку недостаточно осмысления общечеловеческих ценностей. Необходимо их «проживание» внутри себя, так как смысл порождается не значением, а жизнью: «только когда символ будет непосредственно пережит субъектом, станет его конкретным опытом, только тогда он из общечеловеческой ценности превратится в личностную ценность, станет достоянием индивидуального сознания, живым участником смысловой сферы личности» [2, с. 94].

Условием реализации формирующих, развивающих и воспитывающих потенциальных возможностей искусства одни ученые называют *эстетическое отношение* – духовную связь субъекта с объектом, основанную на незаинтересованном интересе к последнему и сопровождаемую чувством глубокого духовного наслаждения от общения с ним [3, с. 244]. Объектом в данном случае является художественное произведение, обладающее «принудительной» силой эстетического внушения. Вовлекая объект в сферу эстетического отношения, субъект усматривает в нем богатство возможных преобразований, по-новому

упорядочивает и завершает его в своем воображении с позиций эстетического идеала.

Другие исследователи основой процесса производства, трансляции и потребления культурных ценностей называют *художественное отношение* [4], подразумевая под ним *разновидность эстетического отношения* – «особую идеальную рефлексии с целенаправленным производством и воспроизводством чувственно являющихся сущностей с помощью специфических условных искусственных репрезентантов – живописных... работ, ...музыкальных симфоний, ...посредством всего того, что составляет объект-язык искусства» [5, с. 22].

Также современными учеными указывается на активный, действенный процесс, осуществляющий перевод художественных ценностей духовной культуры общества в индивидуальную систему ценностей, имеющих личностный смысл, – *художественно-эстетическое отношение*, которое лежит в основе художественного сознания личности, и объединяет в себе смысловые ценности, принципы, отношения к действительности, самому себе, важнейшим формам самореализации, нормам поведения и волеизъявления и представляет собой одну из важнейших форм индивидуального сознания [6].

Таким образом, присвоение личностью ценностей в процессе восприятия произведения искусства осуществляется в ходе реализации *художественно-эстетического отношения*, которое позволяет не только узнать, но и пережить те или иные жизненно важные ситуации, отраженные в произведении искусства.

Ценностно-смысловой контекст художественного сознания организует процесс, в котором, с одной стороны, происходит «исчезновение» субъекта, его погружение в мир художественного произведения, растворение в художественной действительности, созданной автором. С другой стороны, художественная действительность отчуждается, «внеполагается» субъекту, и художественное произведение предстает перед реципиентом как отстраненный и заверченный в себе мир. Дialeктика данного процесса состоит в полной погруженности реципиента в мир художественного произведения и дальнейшем его возвращении в свой собственный мир. Процесс сопереживания, эмпатии неразрывно связан с диаметрально противоположным процессом созерцания художественной формы в ее гармонии, завершенности и совершенстве. Данные процессы, опосредуя друг друга, создают стереоскопическое (бинарное) видение произведения искусства, которое и составляет суть *художественно-эстетического отношения* человека к произведению искусства. Таким образом, как указывают современные исследователи в области психологии искусства, личность, воспринимающую искусство, характеризуют три фундаментальных психических процесса: эмпатия, рефлексия и саморегуляция, а психологическим механизмом ценностно-смысловой рефлексии является соотношение субъективно-оценочных нормативных предпочтений с социально-значимыми стандартами ценности художественного произведения [6].

Анализируя данные процессы, необходимо отметить их родство с *механизмами идентификации, рефлексии и обособления*. Между тем, именно посредством *механизмов идентификации и обособления* осуществляется, по мнению А.В. Тороповой, вхождение личности в интонационно-символическое поле общественного музыкального сознания, процесс общения общечеловеческих и индивидуальных смыслов-переживаний, который ведет к порождению индивидуальных смыслов и эффективной обработке информации, заложенной в произведениях музыкального искусства и приводит к чувству личности [1].

В современных исследованиях идентификация трактуется как процесс объединения субъектом себя с другим индивидом или группой на основании установившейся эмоциональной связи, а также включение в свой внутренний мир и принятие как собственных ценностей [7]; социо- и психокультурный механизм, формирующий личностное ядро и гармонизирующий отношения человека с социальной средой, способствующий погружению человека в мир культурных ценностей и органичному освоению доминирующего типа ментальности (О.В. Чебоненко). Его функциями являются: приобретение человеком готовых форм поведения, которые представляют собой сумму присвоенных характеристик поведения других (Л.В. Попова, Г.В. Дьяконов); символического обладания желаемым объектом, понимания и гуманизма, формирования общности или группирования, психологической защиты (В.А. Самкова); усвоения социальной информации и, шире, осуществления социализации (Г. Гибш, М. Форверг, Б.Д. Парыгин). Идентификация задает антропологические приоритеты и нормы, формирует образы человека и человечности, которые признаются в качестве приемлемых и желательных в рамках данного сообщества. В.В. Медушевский указывает на способность идентификации снимать противоположность между «Я» и «не-Я», включать «не-Я» в «Я» и растворять «Я» в «не-Я», что, в конечном счете, ведет к претворению «не-Я» в «Я». Эта способность, по его мнению, цементирует культуру, общение людей.

Выделяют два типа идентификационного поведения: «принятие роли» (как «холодное» вхождение в позицию другого) и сопереживание (как «теплое» проникновение) (В.С. Собкин).

Особое место в понимании значения феномена идентификации как социогенетической формы развития личности занимает теория В.С. Мухиной [8]. Механизм идентификации в русле данной теории представляет собой механизм отождествления индивидом себя с другим человеком или любым объектом, непосредственное переживание субъектом своей тождественности с субъектом идентификации и присвоение индивидом всесторонней человеческой сущности. Идентификация осуществляется как интроекция (интериоризационная идентификация), обеспечивающая «присвоение» и «вчувствование» в другого и проекция (экстериоризационная идентификация), обеспечивающая перенос своих чувств и мотивов на другого. Взаимодействие социальных и личностных механизмов идентификации (отождествление субъектом себя с другими субъектами или уподобление им) и диалектически связанного с ним механизма обособления (индивидуальное присвоение человеком социального опыта людей, выделение из общего целого), как указывает В.С. Мухина, возможно во всех сферах активности человека, в том числе в искусстве.

По мнению современных культурологов (М.С. Каган, А.М. Эткинд), в процессе общения с произведением музыкального искусства человек воспринимает ценности, идеалы и нормы конкретной культуры, отраженные в нем, как феномене самосознания культуры. Для превращения данных ценностей, норм и идеалов в стереотипы поведения человека, необходимо применение механизма идентификации, поскольку искусство предоставляет личности набор символов, с которыми она может себя ассоциировать (набор потенциальных положительных и отрицательных идентификаций).

Только идентифицируясь с художественными образами музыкального произведения, у человека возникают индивидуально окрашенные ассоциации, осуществляется эмоциональный резонанс, происходит актуализация личного бессознательного опыта, результатом чего является эффект «повторного проживания» (А.В. Торопова). Это эмоциональное сопереживание, проявляющееся как идентификация эмоционального настроения реципиента со смысловым развертыванием музыкального про-

изведения, является способом этического воздействия на человека и обуславливает его культурную самоидентификацию (В.Н. Холопова).

Во время своего звучания музыкальное произведение как бы «погружается» в личность, и все психологические события разворачиваются именно там, во внутреннем мире человека. Процесс идентификации реципиента с художественным «Я» автора происходит следующим образом: «реальное, практическое, «наполненное» личностными смыслами «Я» реципиента «сталкивается» с воображаемым, теоретическим и в этом смысле безличностным «Я» автора. Возникает психологическое напряжение [9, с. 144-145]. Далее воспринятый в музыкальном произведении материал осмысливается человеком (то есть реализуется *механизм рефлексии*, когда у реципиента происходит соотношение субъективно-индивидуальных предпочтений с общественно принятыми нормами оценки произведения искусства), а затем осуществляется *механизм обособления*, когда художественная действительность отчуждается, «внеполагается» субъекту, в процессе чего художественное произведение предстает перед реципиентом как отстраненный и заверченный в себе мир [6]. И только на основе взаимодействия этих двух механизмов (*идентификация-обособление*) происходит перенос из художественного мира в действительность.

Анализируя данные процессы, М.М. Бахтин отмечал, что «диалогическая динамика отношения личности к искусству состоит в полной погруженности в мир художественного, произведения и в возвращенности в мир своего «я» [10, с. 172]. Процесс восприятия произведения искусства он понимал как «встречу» сознания автора и реципиента. Подобный диалог, по его мнению, и является способом нахождения реципиентом человеческих смыслов.

Полноценное художественное воздействие искусства на личность осуществляется лишь в результате опосредования, эмпатического сопереживания и созерцания. Результаты общения с искусством оказываются значимыми для реципиента, лишь когда в процессе восприятия состоялось переживание себя как части целого, «возник эмоциональный отклик на воспроизведенные в художественной ткани бытийственно значимые моменты» [10, с. 104] (то есть, когда осуществились *идентификация, рефлексия и обособление*).

Здесь же необходимо обратиться к *механизму самореализации*, так как процесс освоения человеком музыкальной культуры происходит через музыкальную деятельность, где она выступает средством обработки информации, заложенной в музыкальном произведении, которое является многоуровневой информационной структурой.

Таким образом, *механизмами освоения традиционных культурных и художественных ценностей являются идентификация, рефлексия, обособление и самореализация*. Только идентифицируясь с художественными образами музыкального произведения, у человека возникают индивидуально окрашенные ассоциации, осуществляется эмоциональный резонанс, происходит актуализация личного бессознательного опыта, результатом чего является эффект «повторного проживания» (А.В. Торопова). Это эмоциональное сопереживание, проявляющееся как идентификация эмоционального настроения реципиента со смысловым развертыванием музыкального произведения, является способом этического воздействия на человека. Воспринятый в музыкальном произведении материал осмысливается человеком этически, познавательно и эстетически (реализуется *механизм рефлексии*, когда у реципиента происходит соотношение субъективно-индивидуальных предпочтений с общественно принятыми нормами оценки произведения искусства). В момент *идентификации* происходит погружение субъекта в мир музыкального произведения, его слияние с его «колизией», а затем осуществляется *механизм обособления*, когда художественная действительность отчуждается, «внеполагается» субъекту, в процессе чего художественное произведение предстает перед реципиентом как отстраненный и заверченный в себе мир (на основе взаимодействия *механизмов идентификации и обособления* происходит перенос из художественного мира в действительность). *Механизм самореализации* в процессе освоения человеком музыкальной культуры осуществляется через музыкальную деятельность, которая выступает средством обработки информации, заложенной в музыкальном произведении, являющегося многоуровневой информационной структурой.

Библиографический список

1. Торопова, А.В. Феномен музыкального сознания: методология исследования и развитие: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2009.
2. Коломиец, Г.Г. Музыкально-эстетическое воспитание (аксиологический подход): монография. – Оренбург, 2001.
3. Эстетика: Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева [и др.]. – М., 1989.
4. Копцева, Н.П. Музыкальное искусство в системе ценностей культуры: монография / Н.П. Копцева, В.П. Лозинская. – Красноярск, 2009.
5. Жуковский, В.И. Философия искусства. – Красноярск, 1998.
6. Крупник, Е. Некоторые методологические проблемы воспитательного воздействия искусства на личность // Художественное воспитание подрастающего поколения: проблемы и перспективы: сб. статей. / сост. М.М. Берлянич. – Новосибирск, 1989.
7. Представление // Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова [и др.]. – М., 1983.
8. Мухина, В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – Екатеринбург, 2007.
9. Басин, Е.Я. Теоретические проблемы искусства: Логика, психология, эстетика, социология. – М., 2010.
10. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
11. Шулга, Р.П. Искусство и ценностные ориентации личности. – Киев, 1989.

Bibliography

1. Toropova, A.V. Fenomen muzikal'nogo soznaniya: metodologiya issledovaniya i razvitiye: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. – M., 2009.
2. Kolomiec, G.G. Muzikal'no-ehsteticheskoe vospitanie (aksiologicheskij podkhod): monografiya. – Orenburg, 2001.
3. Ehstetika: Slovarj / pod obsh. red. A.A. Belyaeva [i dr.]. – M., 1989.
4. Kopceva, N.P. Muzikal'noe iskusstvo v sisteme cennostej kul'turij: monografiya / N.P. Kopceva, V.P. Lozinskaya. – Krasnoyarsk, 2009.
5. Zhukovskij, V.I. Filosofiya iskusstva. – Krasnoyarsk, 1998.
6. Krupnik, E. Nekotorige metodologicheskie problemih vospitatel'nogo vozdeystviya iskusstva na lichnostj // Khudozhestvennoe vospitanie podrastayutego pokoleniya: problemih i perspektivih: sb. statej. / sost. M.M. Berlyanchik. – Novosibirsk, 1989.
7. Predstavlenie // Psikhologicheskij slovarj / pod red. V.V. Davihdova [i dr.]. – M., 1983.
8. Mukhina, V.S. Lichnostj: Mifih i Realnostj (Al'ternativnij vzglyad. Sistemnij podkhod. Innovacionnihe aspektih). – Ekaterinburg, 2007.
9. Basin, E.Ya. Teoreticheskie problemih iskusstva: Logika, psikhologiya, ehstetika, sociologiya. – M., 2010.
10. Bakhtin, M.M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. – M., 1986.
11. Shulga, R.P. Iskusstvo i cennostnihe orientacii lichnosti. – Kiev, 1989.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 372.881.1

Kulikova N.A. ACTIVE FORMS OF TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS AS A MEANS OF DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE. The article considers a concept of communicative and language competence. The research proves the use of active forms of training, providing multi-level and diversified communication of all participants of educational process, the need of practice-oriented training. The authors use their own experience and offer active forms of work that allow forming the communicative competence among Chinese students in the process of learning the Russian language.

Key words: competence, communicative competence, language competence, active forms of teaching Russian as a foreign language.

Н.А. Куликова, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург, E-mail: n.kulikova@mail.ru

АКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Рассматриваются понятия коммуникативной и лингвистической компетенции. Обосновывается применение активных форм обучения, обеспечивающих многоуровневую и разностороннюю коммуникацию всех участников образовательного процесса, необходимость практико-ориентированного обучения. Предлагаются активные формы работы, позволяющие формировать коммуникативную компетентность иностранных студентов, в процессе изучения русского языка.

Ключевые слова: компетентность, коммуникативная компетенция, языковая компетенция, активные формы обучения, русский язык как иностранный.

В настоящее время, в связи с расширением межкультурных контактов и развитием международных связей, возрастает роль знания иностранных языков. Русский язык для иностранных студентов – это не только учебный предмет, но и средство развития личности, возможность достижения профессиональной компетентности. У студентов-иностранцев, изучающих русский язык, должны быть сформированы определенные знания, умения и навыки в области русского языка, позволяющие будущим специалистам стать конкурентоспособными.

Существует несколько понятий, с помощью которых осуществляется попытка охарактеризовать степень осведомленности о системе того или иного языка. К таким понятиям относятся: коммуникативная компетенция/компетентность, языковая компетенция/компетентность. Компетентностный подход, предпола-

гает владение практическим знанием, то есть воссозданным внутри себя при помощи рефлексии. Обучение на основе компетентностного подхода нацелено на формирование различных компетенций будущего специалиста. И.А. Зимняя выделяет три группы компетенций:

- компетенции, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности, общения;
- компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы;
- компетенции, относящиеся к деятельности человека [1].

А.Б. Раисова в своей работе выявляет несколько компонентов изучения иностранного языка, в том числе, *коммуникативный компонент*, который объединяет иноязычную коммуникативную компетенцию в сфере профессиональной деятельности

и общие (личностные) компетенции, представляющие собой профессионально важные качества и умения специалиста. А так же *регулятивный компонент, который* отражает адекватную самооценку способностей студентов и воспитывает чувство ответственности за успехи в учебной и будущей профессиональной деятельности. Например, среди прочего, развивает:

- способность эффективно работать индивидуально и как член команды;
- умение использовать различные методы эффективной коммуникации в профессиональной среде и в социуме;
- творческий поиск в рамках профессии, осознание необходимости и способность самостоятельного обучения в течение всей жизни [2].

Следует отметить, что коммуникативная и языковая компетенция между собой тесно связаны. При этом, по отношению к коммуникативной и языковой компетенциям используются различные определения, а как следствие – наличие разных классификаций. В методической литературе понятия «коммуникативная компетенция» и «коммуникативная компетентность» рассматривали Т.М. Балыхина, М.К. Кабардов, Н.В. Кузьмина, Ю.Л. Мамедова, А. Холлидей и др. Различные трактовки, определения подводят к мысли, что коммуникативная компетенция является одной из ключевых характеристик профессиональной подготовленности студента. В данном случае, под коммуникативной компетенцией мы понимаем владение совокупностью знаний, умений и качеств, необходимых для межкультурной коммуникации в конкретных условиях, с учетом культурных норм коммуникативного поведения.

Коммуникативная компетентность выходит за пределы «техники» общения, умения поддерживать контакты и строить поведенческие стратегии и является необходимой составляющей коммуникативной культуры и профессиональной компетентности специалиста.

Э.В. Эрдниева отмечает, что в понятие коммуникативной компетенции входит овладение необходимым набором не только речеведческих и языковых знаний, но и умений в области коммуникативного аспекта профессиональной деятельности, а также практического использования средств коммуникации, что соотносится и с реализацией воспитательных задач по формированию социально активной личности, ориентирующейся в современном мире. Формирование коммуникативной компетенции – процесс длительный и достаточно сложный. Особую сложность в преподавании русского языка представляет соотношение предметного курса и реального речевого опыта студента, процесс приобретения знаний о языке и процесс овладения языком [3].

Следует отметить, что коммуникативная компетентность – феномен открытого типа, постоянно пополняющийся по мере продвижения в профессиональном становлении. Обучение иноязычной речевой деятельности чаще всего ограничивается формулами и клише, обеспечивающими элементарные бытовые потребности. Позже такой подход приводит к необходимости постоянного обращения к умениям иноязычной речевой коммуникации с целью обогащения первоначальных коммуникативных умений национальной спецификой изучаемого языка.

Н.С. Кузнецова напоминает «если рассматривать понятия коммуникативная, языковая компетенция/компетентность применительно к иностранному языку, а в нашем случае русский язык выступает как иностранный, то на этом уровне можно рассматривать иноязычную компетенцию/компетентность» [4].

Советом Европы был разработан документ «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка», который отражает модернизацию содержания обучения иностранному языку Согласно этому документу в области иностранного языка рассматриваются два вида компетенции: общие компетенции и коммуникативная языковая компетенция. Коммуникативная, в свою очередь, включает:

- а) лингвистический компонент – совокупность знаний, умений и навыков, которые позволяют свободно оперировать речевым материалом для построения осмысленного высказывания;
- б) социолингвистический компонент, который рассматривает способность выбирать и использовать языковые формы и средства, адекватные цели и ситуации общения;
- в) прагматический компонент, который заключается в умении так строить общение, чтобы добиться поставленной цели, знать и владеть различными приемами получения и передачи информации в процессе общения.

Таким образом, иноязычная коммуникативная компетентность формируется в процессе речевого общения на иностранном языке. Соответственно, в процессе обучения русскому языку иностранных студентов необходимо создавать условия для общения.

Т.А. Островерхова приходит к выводу, что компетентность не может быть отделена от конкретных условий ее реализации и может проявляться только в деятельности. Она связывает воедино одновременную мобилизацию знаний, умений и способов поведения в конкретных ситуациях. Рассматривая компетентностно-деятельностный подход, нельзя исключить его личностную составляющую, которая означает, прежде всего, что в центре обучения находится студент как субъект учебной деятельности, а система обучения предполагает максимальный учет индивидуально-психологических, возрастных, национальных и статусных особенностей личности студента. Этот учет осуществляется через выбор содержания и форм учебных заданий, через характер взаимодействия со студентом [5].

В современном образовании процесс обучения становится все более ориентированным на сотрудничество преподавателя и студента в достижении определенных образовательных целей. Мотивированное отношение студента является неперенным условием достижения результативности процесса обучения. Это особенно актуально в лингвистическом образовании, где успех образовательного процесса во многом зависит от применяемых методов обучения (способов совместной деятельности педагога и студентов, направленных на достижение ими образовательных целей).

Современное образование находится в плоскости использования диалогических технологий обучения. Как указывает Н.А. Полякова, «диалог как содержание образования предполагает новый взгляд личности на свою деятельность, на свое становление, на свои отношения с миром. Общение предстает здесь как некий основополагающий, универсальный принцип, регулирующий ход и характер личностно ориентированного развивающего обучения. <...> В процессе общения субъективные пространства существования различных людей отчасти проникают друг в друга, и образуется пространство взаимодействия. Его объем определяется способностями всех участников диалога к пониманию другого человека, степенью открытости собеседников, их желанием сделать предметом согласования свои мысли и чувства» [6].

Преподавателю в процессе подготовки к занятию по русскому языку, прежде всего, нужно увидеть языковой материал глазами иностранных студентов, реально оценивать те трудности, которые они должны преодолеть. Так, для всех изучающих русский язык как иностранный особую трудность представляют: категория рода, категория одушевленности и неодушевленности, русская предложно-падежная и видовременная системы.

Преодоление обозначенных трудностей предполагает использование особых методов и форм работы обучения русскому языку. В современной методике преподавания русского языка как иностранного описано большое количество приемов обучения и дидактических игр. Практика преподавания свидетельствует о необходимости использования активных форм обучения. При обучении русскому языку в качестве иностранного отдается предпочтение таким методам, которые помогают преодолеть типичные для затруднения, а также активным методам обучения, поскольку именно такие методы повышают познавательную активность учеников, вызывают у учащихся интерес к изучению русского языка, способствуют формированию коммуникативной компетенции.

Активные формы обучения – это такие формы обучения, при которых деятельность обучаемого носит продуктивный, творческий, поисковый характер. К активным формам обучения относят дидактические игры, анализ конкретных ситуаций, решение проблемных задач, обучение по алгоритму, мозговую атаку, внеконтактные операции с понятиями и др.

Используя активный метод в обучении языку, преподаватель сотрудничает с учащимся, между преподавателем и обучаемым присутствует субъект-субъективные отношения. Преподаватель – руководитель и организатор межличностных отношений, при этом он выступает в роли эксперта, снабжая учащихся недостающей информацией и средствами оформления мысли [7]. Именно такое обучение принято считать «наилучшей практикой обучения». Исследования показывают, что именно на активных занятиях, если они ориентированы на достижение конкретных целей и правильно организованы, обучаемые часто

усваивают материал наиболее полно и с пользой для себя [8]. Фраза «наиболее полно и с пользой для себя» означает, что учащиеся думают о том, что они изучают, каким образом они будут применять полученные знания в ситуациях реальной жизни или дальнейшего обучения.

1. Метод коллективной формы работы: увеличивает объем речевой деятельности на уроках так, как хоровые ответы помогают преодолеть боязнь допустить ошибку. При такой форме работы происходит процесс накапливания наиболее употребительных русских слов и фраз для использования их в разговорной речи. Такая форма работы снимает страх перед говорением на русском языке.

Проговаривание вслух слов, форм слов, фраз, по нашему мнению, логично проводить в два этапа. Первый – проговаривание вслед за преподавателем. На этом этапе запоминание слова или фразы подкрепляем предметом или рисунком (красная машина, черная машина, белая машина; белый телефон, черный телефон, розовый телефон; большой стакан, маленький стакан). На втором этапе демонстрация картинки или предмета помогают вспомнить слова или фразы на русском языке и произнести их вслух.

2. Работа в парах: помогает исправлять речевые ошибки учеников путём составления диалога по заданной ситуации. В этом случае ученики оказывают друг другу помощь в правильном и чётком произношении слов и фраз на русском языке. Выработка фонематического слуха достигалась и за счёт индивидуальной работы с учеником.

Студенты в процессе диалога меняются ролями, имея возможность вспомнить и произнести обе части диалога, внести изменения в лексический состав диалога в соответствии с личными знаниями и предпочтениями (- Соня, пойдём сегодня в кино? – Пойдём. А какой фильм показывают? – Комедию (ужасы, мелодраму). – Хорошо, встречаемся в 17 (17:30, 18:30) у входа (в парке, у меня дома)).

Возможность изменить готовые речевые клише позволяет студентам лучше ориентироваться в составе предложения, демонстрировать понимание и проявлять творческие способности в процессе общения. В паре с другим студентом подобные эксперименты проводить проще, чем на глазах у всей группы или перед преподавателем. Практика показала, что подобная возможность экспериментировать чаще всего давала хорошие результаты.

3. Дидактические игры оживляют занятие, делают его более интересным и разнообразным. Привлекая предметы, наглядный материал, мы расширяем словарный запас студентов. При такой форме работы возрастает мотивация, а лексический материал, привязанный к какому-либо предмету или образу запоминается эффективнее. В процессе игры студенты усваивают лексику, тренируются в произношении и закреплении в речи определённых слов, словосочетаний, целых предложений, происходит развитие умственной деятельности, формирование навыков говорения в соответствии с поставленной перед учащимися игровой задачей. Во время игры учениками усваиваются шаблоны речевого поведения в разных коммуникативных ситуациях, что позволяет говорить о формировании коммуникативной компетенции.

Игра «Почтальон». Студент-почтальон приносит и раздаёт карточки-приглашения, на которых написаны слова, входящие в ассоциативный ряд к базовому слову – месту, откуда направлено приглашение (парк, музей, театр, школа, почта). Задача учеников – отгадать место, куда они получили приглашение.

Игровые ситуации «В ресторане», «Поздравление». Задача преподавателя подготовить для игры лексическое наполнение

(слова, фразы и их возможные варианты следует записать и проговорить вслух). Такие игры позволяют приблизить студентов к реальной коммуникативной ситуации, выбрать подходящие слова, фразы, проговорить их. Организованные на занятии игровые ситуации готовят студента к общению в реальной жизни.

Русские и иностранные студенты по-разному внешне проявляют переживаемые эмоции. Неумение «считывать» эмоциональное состояние может привести к серьёзному непониманию в процессе межкультурной коммуникации. Упражнения, направленные на считывание эмоционального состояния собеседника также являются частью формирования коммуникативной компетентности студентов (В магазине: – Я хочу купить шарф. – Пожалуйста, у нас есть разные цвета. Какой цвет вам нужен? – Мне нравится (я люблю, мне подойдет) красный (белый, чёрный, розовый), я не хочу (мне не нравится) зелёный). Музыка. – Это стиль техно. – Мне нравится (показать). – Это народный стиль. – Это грустная музыка. – Это классическая музыка. – Серьёзная).

В своей статье О.В. Козина приводит примеры коммуникативных упражнений, в том числе, упражнений по развитию эмпатии и толерантности студентов (направленных на развитие рефлексии, на определение роли собеседника). В процессе формирования коммуникативной компетентности такие упражнения нашли достаточно широкое применение. Автор выявил, что ролевая игра лучше «работает» в середине курса обучения, когда накоплен достаточный уровень знаний в изучаемой области. Вместе с тем отмечается эффективность других видов учебных игр на начальном этапе с целью установления контакта и снятия психологической напряжённости в группе. Эффективность ролевой игры во многом зависит от ясного представления конечного результата и хорошо продуманного хода игры в соответствии с поставленной целью [9].

По мнению Е.В. Олександренко, личностно-деятельностный подход к развитию иноязычной коммуникативной компетентности вносит свои изменения в технологии обучения и организации учебного процесса. Наиболее адекватной технологией обучения считается технология обучения в сотрудничестве. В результате исследования применения групповых форм обучения с использованием проблемно-коммуникативного подхода, Е.В. Олександренко выявлена динамика развития речевых умений и языковых навыков, эмоционального самочувствия студентов в группах. Также установлена зависимость формирования иноязычной коммуникативной компетентности от формы организации сотрудничества будущих специалистов в учебной деятельности: количественные характеристики развертывания коммуникации, в частности, объема полей речевого взаимодействия участников групп одинаковы, но различна их представленность в коммуникативном процессе и функции, которые они выполняют [10].

Активные методы обеспечивают многоуровневую и разно-стороннюю коммуникацию всех участников образовательного процесса, поэтому применение их необходимо при обучении русскому языку, а сам процесс обучения должен быть практико-ориентированным. Активные методы обучения, на наш взгляд, – это те методы, которые позволяют достичь высокого уровня коммуникативной компетентности студентов. В связи с этим возникает необходимость разработки принципов комплексного обучения на основе сочетания различных методов и форм проведения учебных занятий, преимущественно направленных на активизацию обучаемых. Повышение качества подготовки специалиста возможно при условии внесения существенных изменений в процесс обучения посредством внедрения образовательных технологий сотрудничества.

Библиографический список

1. Зимняя, И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М., 2004.
2. Раисова, А.Б. Основные компоненты в структуре модели развития профессионально-иноязычной компетентности студентов технических специальностей // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3.
3. Эрдниева, Э.В. формирование коммуникативной компетенции будущих специалистов гуманитарного профиля (в условиях образования с этнокультурной направленностью) // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5.
4. Кузнецова, Н.С. К вопросу о языковой компетентности студентов-иностранцев, изучающих русский язык // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4.
5. Островерхова, Т.А. Компетентностно-деятельностный подход к обучению иностранным языкам как средство формирования профессионального взаимодействия студентов в техническом вузе // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4.
6. Полякова Н.А. Роль межличностного общения и компетентно-деятельностного подхода в условиях личностно ориентированного развивающего обучения иностранному языку // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 6.
7. Казначеева, С.Н. Студентский возраст и организация познавательной деятельности // Психология обучения. – 2007. – № 5.
8. Ломов, Б.С. Особенности познавательных процессов в условиях общения // Психологический журнал. – 1980. – № 5.

9. Козина, О.В. формирование коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов в процессе кросскультурной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. – 2009. № 7
10. Олександренко, Е.В. Использование стратегии сотрудничества при формировании и развитии иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6.

Bibliography

1. Zimnyaya, I.A. Klyucheve kompetentnosti kak rezul'tativno-celevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. – M., 2004.
2. Raisova, A.B. Osnovniye komponenti v strukture modeli razvitiya professionalno-inozayichnoy kompetentnosti studentov tekhnicheskikh specialnostey // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2012. – № 3.
3. Ehrdnieva, E.V. formirovanie kommunikativnoy kompetencii budutikh specialistov humanitarnogo profilya (v usloviyakh obrazovaniya s etnokul'turnoy napravlenostiyyu) // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2009. – № 5.
4. Kuznecova, N.S. K voprosu o yazikovoy kompetentnosti studentov-inostrancev, izuchayutikh russkiy yazik // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2010. – № 4.
5. Ostroverkhova, T.A. Kompetentnostno-deyatelnostniy podkhod k obucheniyu inostrannim yazikam kak sredstvo formirovaniya professionalnogo vzaimodeystviya studentov v tekhnicheskoy vuz // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2011. – № 4.
6. Polyakova N.A. Rol' mezhluchnostnogo obsheniya i kompetentno-deyatelnostnogo podkhoda v usloviyakh lichnostno orientirovannogo razvivayuthego obsheniya inostrannomu yaziku // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2009. – № 6.
7. Kaznacheeva, S.N. Studencheskiy vozrast i organizatsiya poznatel'noy deyatelnosti // Psikhologiya obsheniya. – 2007. – № 5.
8. Lomov, B.S. Osobennosti poznatel'nykh processov v usloviyakh obsheniya // Psikhologicheskij zhurnal. – 1980. – № 5.
9. Kozina, O.V. formirovanie kommunikativnoy kompetentnosti studentov neyazikovikh vuzov v processe krosskul'turnoy kommunikatsii // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2009. № 7
10. Oлександренко, E.V. Ispol'zovanie strategii sotrudnichestva pri formirovanii i razviti inoyazichnoy kommunikativnoy kompetentnosti budutikh specialistov // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2013. – № 6.

Статья поступила в редакцию 20.09.14

УДК 37.037

Dolmatova O.A., Fedulov B.A. FORMATION OF VALUES OF MOTHERHOOD IN GIRLS THEIR TEENS BY MEANS OF FOLK TRADITIONS. The article reveals the problems of formation of values of motherhood among adolescent girls by means of folk traditions. The authors designate a role of folk pedagogy in the upbringing of children. The research gives characteristics of types of folklore of motherhood and childhood and some results of the investigation of traditions in modern families. A technique of "Motherhood in a folk tradition" is suggested. This technique offers to arrange events that would familiarize students with family traditions of motherhood.

Key words: folk traditions, values, motherhood, parenting teenage girls, methods forming motherhood.

О.А. Долматова, аспирант АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: olga_0122@mail.ru;

Б.А. Федулов, д-р пед. наук, проф. АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: fedulovb@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ МАТЕРИНСТВА У ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ

В статье раскрыты проблемы формирования ценностей материнства у девочек-подростков средствами народных традиций, обозначена роль народной педагогики в воспитании детей, охарактеризованы виды фольклора материнства и детства, представлены результаты исследования традиций в современных семьях, предложена методика «Материнство в народной традиции», предлагающая проведение мероприятий по ознакомлению учащихся с традициями семьи материнства.

Ключевые слова: народные традиции, ценности материнства, воспитание девочек-подростков, методика формирования ценности материнства.

В последние десятилетия в общественном сознании меняется образ ребенка: он мыслится как ненужное, докучливое создание, а воспитание детей превращается в технологический процесс, при котором родители стараются сократить количество контактов со своими детьми. Существующие концепции семейных ценностей рассматривают поведение человека в сфере отношения полов как сложный синтез физиологических, психологических и социальных процессов, в котором первые подчинены, включены в контекст последних. Ядром того или иного образа и стиля жизни является определенная направленность личности, она, как важнейший элемент внутренней структуры личности, закреплённая жизненным опытом индивида, определяет предпочтения или отвержения тех или иных смыслов как жизнеорганизующих начал и определяет готовность вести себя в соответствии с ними. Направленность девочки, будущей матери формируется, прежде всего, в семье, и прежде всего теми традициями, которые в ней передаются. Реализация педагогических возможностей семьи может быть оправдано следующими соображениями: во-первых, современная семья в своих основаниях имеет значительную эмоциональную основу, прежде всего, чувство любви, которое связывает ее членов и обеспечивает долговременность ее существования; во-вторых, семейная сре-

да, это среда эмоционально-насыщенная; в-третьих, особенности супружеских и детско-родительских отношений в значительной степени определяются теми взаимными чувствами, которые связывают субъектов этих отношений между собой; в-четвертых, в современных условиях значительно расширяется и возрастает значение психологической функции семьи, реализация которой не мыслится без учета доминирующей эмоциональной палитры семейного союза.

Сегодня размытое и часто безразличное отношение к ценности материнства является результатом прерывания социальной, культурной и исторической трансляции традиционной модели поведения материнства новому поколению. Поэтому, при формировании ценностей материнства в современных условиях не стабильной демографической ситуации и участвующего явления девиантного материнства важным становится воспитание, привитие народных традиций и поддержка девочек-подростков.

Развитие духовно-нравственных ценностей материнства является одной из непреходящих традиций в истории человечества. С древних времен выделяли особенности в воспитании девушек и юношей. Еще Плутарх говорил: «Имя честной женщины, вместе с ее личностью должно быть заключено в стенах

дома, в женщине воспитывалась преданность, служение детям и мужу, какие бы чувства она к нему не испытывала» [1, с. 15]. В России с учетом этих традиций были открыты институты благородных девиц. Смольный, который являлся закрытым государственным учреждением, положил начало религиозно-нравственному воспитанию девушек. Дальнейшее открытие институтов, постепенно сформировало идеал воспитания дворянской девушки. Многие выдающиеся русские педагоги отмечали, в воспитании женщины заложено воспитание всего будущего человечества. Девушка согласно традициям должна воспитываться и как послушная супруга, и как опытная мать, а также она должна быть образованной и в высшей степени культурной личностью.

В народной традиции воспитанию материнству всегда отдавалось предпочтение. Для женщины смысл жизни заключался в материнстве, потому что она дает новую жизнь миру, через нее передается связь времен и зависит будущее. Прошлые поколения направляли свои усилия на то, чтобы воспитать у будущей матери все ценности материнства. Не все правила жизни определяются образованием, многие из них включены в сам строй жизни, это например, те нормы, которые касаются оказания взаимопомощи и различных взаимодействий, именно они передаются из поколения в поколение семей и являются основной целостности социума [2, с. 19]. Поэтому, роль семьи представляется исключительной в передаче следующим поколениям социокультурного опыта, традиционной семейной культуры, а в частности формировании ценностей материнства.

Следует отметить, что в народе всегда считалось, что дети – дар Божий, а мать – хранительница семьи, культуры и народных традиций. Специального обучения будущая мать не проходила, она просто следовала народным традициям. Поэтому нами предлагается методика, основанная на народной педагогике, которая раскрывается в детском фольклоре песнях, поговорках, пословицах, сказках русского народа.

Согласно выводу М.Н. Мельникова «детский фольклор представляет собой специфическую область народного творчества, объединяющую мир детей и мир взрослых, включающую целую систему поэтических и музыкальных жанров» [3, с. 8].

Анализ различных исследований по проблемам воспитания подрастающего поколения и материнства выявляет такие причины отсутствия счастья и удовлетворенности при воспитании детей как нарушение связи между поколениями, отказ от традиционного опыта своего народа, от ценностных заветов и заветов предшествующих поколений, от традиций своего рода [4]. У многих родителей отсутствует практический опыт воспитания детей, а именно к счастливому и плодотворному материнству, так как в своём собственном воспитании у них не было подготовки.

Нами проведено исследование, которое осуществлялось на базе школ и лицеев г. Барнаула с целью выяснить, какие семейные традиции сегодня актуальны, и существуют ли они в современных семьях. Результаты показали, что главной традицией каждой семьи считается празднование всей семьей Нового года, 8 марта, 23 февраля, Пасхи и дней рождения членов семьи, так же большое внимание уделяется путешествиям и прогулкам по различным местам. Далее можно выделить такую традицию как просмотр телевизора всей семьей и прослушивание любимой музыки. К сожалению, стоит отметить, что о традициях материнства, упоминали лишь единицы опрошенных, они заключались в помощи своей маме по уходу за своими младшими братьями и сестрами.

Русский детский фольклор в свою очередь включает такие традиции материнства как колыбельные песни. Пением мать успокаивает ритм своего сердца после суеты и забот, настраивает себя на общение с ребенком. Малыш успокаивается, а спокойный ребенок растет здоровым и выносливым.

В родных поговорках, пословицах все имеет практическую пользу, они через века направляют и современных людей: «Живы родители – почитай, а умерли – поминай», «При солнышке тепло, а при матери добро», «Детей воспитывай стыдом, а не грозю и бичом» [5, с. 6].

Важная роль в традициях материнства отводится сказке. Именно из уст матери ребенок должен услышать сказку, а не просмотреть ее по телевизору или компьютеру. Живое общение и рассказы матери своему ребенку о ценностях жизни развивают мышление, фантазию и детское творчество. Впитанные от прослушанных сказок и полученные впечатления от поступков сказочных героев у ребенка пробуждаются интеллектуальные

и эстетические чувства. Те дети, которым рассказывали сказки, лучше учатся в школе, проще и свободнее общаются с одноклассниками. Сказки представляют собой непреходящую ценность, над ними нет власти времени, ни одна сказка для ребенка не может быть устаревшей.

Нельзя забывать и о семейных праздниках, которые тоже являются традицией, сближающей всех членов семьи. Праздник для детей это игры, потешки, подарки, песни. Такие задачи издавна ставились перед женщиной-матерью, это народный опыт воспитания детей.

С учетом полученных результатов исследования и общения опыта ряда работ нами была предложена методика «Материнство в народной традиции», направленная на возрождение лучших отечественных традиций семейного воспитания, где предлагается проведение мероприятий по ознакомлению учащихся с семейными традициями, и материнства в частности, которая включает в себя два блока: первый теоретический – «Народные традиции как связь поколений», включающий изучение русских народных традиций с помощью лекций и бесед (электронная презентация «Традиции моего народа»).

В содержании методики раскрывалось понятие семейные традиции, было реализовано тематическое содержание семейных традиций: праздничные вечера всех членов семьи, для младших с семейным пением, разыгрыванием сцен, музицированием; игры в кругу семьи, такие как шашки, лото, нарды, шахматы; прочтение в вечернее время народных былин, сказок, любимых стихов; совместное творчество взрослых и детей в рисовании, лепке; проведение совместного летнего отдыха; участие в спортивных походах; оформление семейных плакатов и стенгазет, картинных галерей, с выставлением рисунков членов семьи, семейных рукодел и так далее.

Второй блок – практический «Копилка материнской мудрости» предназначен для девочек-подростков. Целью данного блока является формирование потребности у девочек в накоплении знаний и навыков, необходимых матери в уходе за ребенком, его воспитании, развитии, сохранении физического и духовного здоровья. Реализуя традиции материнства в этом направлении целесообразно знакомить девочек-подростков с правилами ухода за новорожденными, их пеленание, поддержка, уход за кожей, купание. Здесь уместно узнать о правилах и приемах оказания доврачебной помощи в случаях возникновения различных заболеваний или нестандартных случаях; показать правила помощи заболевшему ребенку, например, измерение температуры, применение компресса, прием лекарств; изучение колыбельных песен, сказок, прибауток, материнской сердечной молитвы [6]. Одной из главных задач нашей методики выступает поощрение стремления девочек к познанию новой информации о традициях, касающейся материнства и детства, всестороннему ее усвоению, сохранению в записях, дневниках, подборке статей, рекомендаций, правил из различных источников, учитывая, что сегодня средства массовой информации могут искажать действительность, уводить в виртуальный мир и игнорировать традиционные ценности.

Рекомендованная методика, прошла апробацию и получила положительные отзывы в общественной организации «Центр социальной поддержки и защиты граждан "Милосердие"», в Центре «Юные матери» (информационно – консультативная служба для несовершеннолетних матерей и их детей) г. Барнаула, а также в социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусства.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее в практике социально-культурных учреждений с целью совершенствования процесса воспитания девушек-подростков. Целесообразно применять предлагаемую методику на уроках по гуманитарным предметам, а так же на классных часах с привлечением работников социально-культурной деятельности. Данное исследование может оказать существенную помощь также в работе над повышением компетентности социальных педагогов по проблемам духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, в том числе при формировании ценностного отношения к материнству.

Можно сделать вывод, что сегодня человечество столкнулось с духовно-нравственной проблемой в своем развитии, когда необходимо специальное социально-культурное воздействие на ценностно – смысловое пространство семьи. В основу такого воспитания может быть положено освоение системы ценностей материнства, которые закреплены в культурно-педагогических

практиках, составляющих основу воспитательного потенциала русской народной традиционной культуры, а также обогащение их новыми приемами и средствами. Обращение к нашим народным традициям, к изучению опыта предков, способность осво-

ить их ценностный мир жизнедеятельности, приобщение к культурным и духовным традициям своего народа – это своеобразный источник накопления жизненной энергии необходимой для стабильного и успешного развития России.

Библиографический список

1. Модзалевский, Л.Н. Очерк истории воспитания с древних времен до наших дней. – М., 2000.
2. Салеева, О.П. Педагогическое наследие А.С. Макаренко и современные проблемы воспитания молодежи. – М., 2003.
3. Мельников, М.Н. Русский детский фольклор. – М., 1987.
4. Мальченкова, В.В. Особенности профилактики деликвентности девушек-подростков социально-педагогическими и правовыми средствами / В.В. Мальченкова, Б.А. Федюлов // Современные проблемы науки и образования, 2012. – № 4.
5. Энциклопедия русских обычаев / сост. Н.А. Юдина. – М., 2000.
6. Коробкова, Л.И. «Цветок, дитя и ангел» // Жизнь: вестник. – 2007. – № 2.

Bibliography

1. Modzalevskiy, L.N. Ocherk istorii vospitaniya s drevnikh vremen do nashikh dneij. – M., 2000.
2. Saleeva, O.P. Pedagogicheskoe nasledie A.S. Makarenko i sovremennih problemih vospitaniya molodezhi. – M., 2003.
3. Melnikov, M.N. Russkiy detskiy folklor. – M., 1987.
4. Maljchenkova, V.V. Osobennosti profilaktiki delikventnosti devushek-podrostkov socialjno-pedagogicheskimi i pravovihmi sredstvami / V.V. Maljchenkova, B.A. Fedulov // Sovremennih problemih nauki i obrazovaniya, 2012. – № 4.
5. Ehnciklopediya russkikh obihchaev / sost. N.A. Yudina. – M., 2000.
6. Korobkova, L.I. «Cvetok, ditya i angel» // Zhiznj: vestnik. – 2007. – № 2.

Статья поступила в редакцию 11.07.14

УДК 376

Kokorin Ye.V., Murzina Ye.I. SOCIOCULTURAL FACTORS OF ADAPTATION OF CONVICTS IN THE SOCIETY. In the article adaptation of convicts to conditions of the society after imprisonment under the influence of various sociocultural factors is analyzed. We offer a complex view of a problem of adaptation of convicts in the society in which, along with social parameters, the special attention is paid to the environmental characteristics connected with assimilation of culture of correctional institutions in general and to the development of social and adaptive behavior.

Key words: convicts, correctional institution, sociocultural factors, social work.

Е.В. Кокорин, соискатель АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: kokorin-jenya@mail.ru;

Е.И. Мурзина, соискатель АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: murzina310@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируется адаптация осужденных в условиях общества после освобождения из мест лишения свободы под влиянием различных социокультурных факторов. Предложен комплексный взгляд на проблему адаптации осужденных в обществе, в котором, наряду с социальными параметрами, уделяется особое внимание средовым характеристикам, связанным с усвоением культуры исправительного учреждения в целом и выработкой социально-адаптивного поведения.

Ключевые слова: осужденные, исправительное учреждение, социокультурные факторы, социальная работа.

Проблемы пенитенциарной системы в Российской Федерации, ставшие в последние годы открытыми для обсуждения, безусловно, являются острыми для нашего общества. В 1996 году Россия вошла в Совет Европы, твердо заявив о своем намерении привести нашу пенитенциарную систему в соответствии с требованиями Всемирной Декларации прав человека. Россия занимает первое место в мире по числу заключенных: на сто тысяч населения их приходится 750 человек. Особенно остро в местах лишения свободы стоит проблема взаимоотношений осужденных с семьей, которая является одним из тех фундаментальных благоприятных факторов, способствующих исправлению, осужденного, его успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы и его интеграции в общество. Выявление роли, места и функций социально-культурной деятельности в процессе адаптации осужденного позволит наиболее лучше организовать воспитательную, психологическую работу с осужденными [1].

Задача проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы поставлена перед всем персоналом исправительных учреждений. Она реализуется путем проведения нравственного, правового, трудового, физического и других форм воспитания. Индивидуальная работа с осужденными – один из основных методов воспитания. Обязанность изучения личности закреплена в Законе, по которому «воспитательная работа с осужденными проводится с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных, обстоятельств, совершенных ими преступлений».

Социальная работа призвана смягчить тяготы, помочь тем, кто не в состоянии самостоятельно справиться со своими проблемами, с помощью различных социокультурных факторов. Для достижения социальной адаптации бывших заключенных необходимо осуществление многих аспектов: обеспечение возможности трудоустройства, бытовое обустройство (жилье, прописка), производственная адаптация в трудовом коллективе, семейно-бытовая адаптация, восстановление положительных социальных связей, искоренение или нейтрализация девиантных форм поведения и антисоциальных особенностей личности [2].

Одним из основных видов социальной адаптации, применяемым практически ко всем объектам социальной работы, является социально-психологическая адаптация, то есть такое взаимодействие личности и культурной среды, которое приводит к оптимальному соотношению целей и ценностей личности и группы. Этот вид приспособления предполагает поисковую активность личности, осознание ею своего социального статуса и социально-ролевого поведения, идентификацию личности и группы в процессе выполнения совместной деятельности, принятие индивидом норм, ценностей и традиций социальной группы. Как правило, большинство осужденных социально-дезадаптированы или характеризуются преобладанием неадекватной активности. Одно из важнейших направлений работы с ними – реадаптация, то есть восстановление адаптационных способностей, для чего применяются различные психологические методы и социальные технологии.

С проблемой социальной адаптации, быть может, как никто другой сталкиваются осужденные, которым после освобождения необходимо в короткий срок восстановить социально-культурные значимые навыки. С другой стороны помощь в социальной адаптации необходимо оказать и их близким, то есть семье осужденного, так как за это время могли произойти значительные изменения в их жизни, а также возможно они (семья) сами не знают какой линии поведения и общения придерживаться и как лучше помочь. Таким образом, можно говорить о двойственном характере оказания помощи в адаптации: с одной стороны, это помощь осужденному в усвоении новых и восстановлении старых навыков и ролей, с другой стороны, помощь семье и близкому его окружению в подготовке к его выходу на свободу [3, с. 7].

Успех социальной адаптации зависит от трех факторов: 1) мировоззрения, черт характера, интеллекта и т. п. бывшего осужденного; 2) наличии устойчивой социальной среды обитания: жилье, семья, взаимоотношения на работе с коллективом, удовлетворенность профессией, если она была до заключения, или той, которую приобрели в местах лишения свободы; 3) и от условий заключения, где он находился, от коллектива, который его окружал, характера организации трудового процесса и т.д. Социальная адаптация считается успешной, если бывший осужденный налаживает прочные социальные связи (семья, успех в трудовой деятельности, взаимоотношения с товарищами и т.п.), когда прекращаются негативные связи и искореняются пороки поведения. Многие зависят от сроков адаптации, как правило, этот процесс завершается к трем годам, а для преобладающей части – к одному году. Самое трудное время для адаптации, начальное – от 3 до 6 месяцев.

В исправительных учреждениях важнейшие задачи социального работника и персонала должны состоять в том, чтобы: вместе с осужденным составить план обучения и работы на период лишения свободы; помочь осужденному преодолеть психологический кризис в связи с нахождением под арестом; организовать свободное время, досуг и порекомендовать виды обучения; поддержать контакт между заключенными и их родственниками; оказывать психологическую помощь родственникам; помогать заключенному в регулировании правовых, финансовых и других вопросов; подготовить заключенного к выходу на свободу, в том числе, насколько это возможно, подыскать жилье и работу. Социальные работники, и психологи, и сотрудники исправительных учреждений должны ориентироваться на то, чтобы система изоляции не разрушила социально полезных связей преступников, и способствовать укреплению их семейных, родственных связей и отношений.

Известный криминолог Г.И. Шнайдер говорит, что «задачи воспитательного воздействия на осужденных во время досуга сводятся к тому, чтобы создавать в пенитенциарных учреждениях максимально благополучную социальную атмосферу и вызывать тягу к осмысленному проведению досуга после выхода из мест лишения свободы. Известно, что успешная культурная ориентация заключенных уменьшает тягу к рецидиву». Правильно организованный досуг способствует хорошему отдыху, восстановлению и обновлению жизненных сил человека [4, с. 1-2].

Исследование различных аспектов процесса социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы показывает, что данный процесс далеко не всегда протекает гладко и бесконфликтно. Освобожденному приходится преодолевать многочисленные препятствия как внутренние, так и внешние. Анализ действующего законодательства свидетельствует, что понятие постпенитенциарной адаптации не имеет определения. В научной литературе и нормативно-правовых актах встречаются разные значения указанного понятия основные из них это: постпенитенциарное влияние и социальная адаптация.

Одной из форм социальной и трудовой реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, является постпенитенциарное влияние, к которому следует отнести систему мер социального, трудового и административного контроля и надзора за освобожденными, оказание им помощи в получении места жительства и трудоустройства, налаживании социальных и семейных связей, воспитании у них честности и правомерного поведения, организация контроля за их поведением, а в необходимых случаях – применение к ним административно-правовых и социальных мер принуждения с целью недопущения ими совершения повторных преступлений.

Постпенитенциарное влияние – это система мероприятий, направленных на убеждение осужденных в объективной необ-

ходимости правомерного поведения на свободе и оказания им помощи в бытовом и трудовом устройстве и на организацию контроля за их поведением, вплоть до применения административных и уголовно-правовых мер принуждения с целью недопущения становления их на путь совершения повторных преступлений [5].

Социальная адаптация – это процесс усвоения освобожденными лицами социального опыта с целью возвращения их к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе [6]. Относительно социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы представляется употреблением термина «постпенитенциарная адаптация», под которым понимается двусторонний процесс приспособления личности осужденного к социальной среде, напрямую связан с комплексом мероприятий, проводимых государственными учреждениями, органами и институтами общественности, носящие добровольный или принудительный характер в целях закрепления результатов исправления и предупреждения совершения новых преступлений.

Изучив понятие социальной адаптации, предоставляется возможным охарактеризовать социальную адаптацию как двусторонний процесс приспособления личности к социокультурной среде, а под социализацией следует понимать многогранный процесс, включающий в себя как биологические, так и социокультурные механизмы.

Как отмечает Гречанюк С.К., социальная адаптация не является автоматически продолжающимся процессом. В некоторых случаях она может протекать неудовлетворительно, особенно если окружающая социальная среда освобожденного от наказания не содержит достаточного подкрепления и обеспечения положительными взглядами, устремлениями и ориентацией, которые передаются ему при постоянном непосредственном общении с другими людьми. Поэтому проблема исследования социальной адаптации освобожденных от наказания превращается в проблему надлежащего обеспечения нормального вхождения бывшего осужденного к жизнедеятельности социума. Социальная адаптация освобожденных от отбывания наказания невозможна без предоставления помощи со стороны государственных и общественных институтов [1].

В современных условиях рыночных преобразований в России проблема социальной и трудовой адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, не решается полностью, большинство уволенных не могут найти работу, зарегистрироваться, стать на учет в центрах занятости, получить нормальную медицинскую, правовую, психологическую помощь, жилье. Такие условия жизни на свободе побуждают освобожденных совершать повторные преступления и возвращаться снова в учреждения исполнения наказаний. По статистике, рецидив составляет 10% – 15%, но если не решать вопрос дальнейшей жизни освобожденного, этот показатель может быть выше.

Согласно проведенному исследованию можно сделать определенные выводы:

1. Необходимо ввести в научный термин «постпенитенциарная социокультурная адаптация лиц, осужденных к лишению или ограничению свободы» и провести анализ содержания совместимых с ним понятий, а также, с целью упорядочения законодательной базы правового регулирования социальной и трудовой реабилитации освобожденных от отбывания наказания, необходимо принять Положение «О центрах реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания».

2. Взаимодействие пенитенциарных учреждений с подразделениями органов внутренних дел подтверждает ее актуальность для предупреждения совершения преступлений как осужденными, так и другим лицами. В расширенном виде взаимодействие рассматриваемых субъектов происходит в следующих формах: обмен информацией; совместная деятельность при чрезвычайных обстоятельствах; техническое сотрудничество.

3. Одна из составляющих исправительной деятельности пенитенциарных учреждений – это надлежащая организация процесса подготовки к освобождению, но в этой сфере существуют существенные просчеты. Для того чтобы изменить ситуацию к лучшему, на наш взгляд, необходимо: изменить формальное отношение к процессу подготовки к освобождению осужденных, может быть реально достигнуто после смены стереотипов деятельности персонала пенитенциарных учреждений, усилить контроль за реализацией законодательства в сфере предоставления социальной помощи освобожденным; постоянно прово-

дять совместные координационные совещания руководства пенитенциарных учреждений, соответствующих руководителей территориальных управлений пенитенциарной системы, представителей соответствующих подразделений органов внутренних дел и работников служб занятости; постоянно обмениваться информацией о реальном состоянии по работе с освобо-

жденными; разграничить полномочия различных институтов по проведению определенных мероприятий с освобожденными.

Все эти меры будут способствовать нормальному приспособлению лиц, освобожденных после отбывания наказания, к условиям свободы, позволят им стать на путь исправления, перевоспитания и быть законопослушными гражданами России.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы девиантного поведения / под ред. В.М. Левина. – М., 2005.
2. Аминев, Г.А. Инструментарий пенитенциарного психолога. – Уфа, 2012.
3. Двенадцать вопросов о правах заключенных // Семья. – 2011. – № 50.
4. Линьков, А. Исправительная система нуждается в исправлении // Парламентская газета. – 2000. – 20 мая.
5. Конституция РФ. – М., 1995.
6. Криминальная мотивация / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1986.

Bibliography

1. Aktualnihe problemih deviantnogo povedeniya / pod red. V.M. Levina. – M., 2005.
2. Aminev, G.A. Instrumentarij penitenciaromogo psikhologa. – Ufa, 2012.
3. Dvenadcatj voprosov o pravakh zaklyuchennihkh // Semiya. – 2011. – № 50.
4. Linjkov, A. Ispraviteljnaya sistema nuzhdaetsya v ispravlenii // Parlamentskaya gazeta. – 2000. – 20 maya.
5. Konstituciya RF. – M., 1995.
6. Kriminaljnaya motivaciya / pod red. V.N. Kudryavceva. – M., 1986.

Статья поступила в редакцию 05.04.14

УДК 323.39, 379.8

Kokorina K.A. A STATE AND CULTURE: REALIZATION OF CULTURAL POLICY IN RUSSIA AND IN ALTAI KRAI.

The paper analyzes the complexity of the contemporary cultural policy of Russia and Altai Krai. The research shows how the state cultural policy in Russia in the period of reforms, associated with the formation of the "new" world of Russian citizens, were held. A role of cultural industries in shaping public consciousness has also been distinguished. Some similarities of cultural policies in Russia and Altai Krai are singled out.

Key words: regional cultural policy, local cultural policy, regional program of cultural policy, culture-forming institutions, tool-kit of a culture.

K.A. Кокорина, соискатель АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: kokorina-kristin@mail.ru

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА: РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ И АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В статье анализируется сложность современной культурной политики России и Алтайского края. Показано проведение государственной культурной политики в России в периоды реформ, связанных с формированием «нового» мировоззрения российских граждан. Отмечена роль сфер культуры в формировании общественного сознания, выделены общие черты проведения культурной политики в России и Алтайском крае.

Ключевые слова: региональная культурная политика, локальная культурная политика, региональная программа культурной политики, культурнопроизводящие институты, инструментарий культуры.

Современная культурная политика рассматривается, прежде всего, как совокупность научно обоснованных взглядов и мероприятий по всесторонней социокультурной модернизации общества и структурным реформам по всей системе соответствующих институтов, как система новых принципов, государственной и общественной составляющих в социальной и в культурной жизни, как комплекс мер по заблаговременному налаживанию научного и образовательного обеспечения этих принципов по целенаправленной подготовке кадров для квалифицированного регулирования социокультурных процессов завтрашнего дня, а главное – как осмысленная корректировка общего содержания отечественной культуры.

Управление же текущими культуротворческими процессами представляет собой комплекс оперативных действий по решению животрепещущих проблем существующих культурнопроизводящих институтов, призванных обеспечить расширенное воспроизводство актуальных культурных форм в пределах финансовых средств, кадров, инструментария и технологий, имеющихся на сегодняшний день.

Государственная культурная политика должна в основном моделировать механизмы естественно протекающего цивилизационного процесса, действовать в рамках его социально-синергических законов и лишь стимулировать ускоренное развитие общества в том направлении, в котором оно и само по себе объективно движется. Опыт истории показывает, что попытки

искусственно переменить это естественное направление развития, навязать обществу умозрительные модели его эволюции ничем хорошим для общества не кончались.

Отсюда первый и наиважнейший принцип культурной политики: не вступать в противоречие с историей, чутко улавливать основные тенденции и направление объективных процессов развития общества, ориентироваться на уже известные, вести неустанный поиск еще не изведенных законов социокультурной эволюции и искусственными мерами лишь помогать обществу в устойчивом движении в необходимом направлении, стимулировать его ускоренную модернизацию по объективно наметившемуся пути. Теодор М. Миллз, в частности, пишет: «Будучи крошечными социальными системами, группы стоят перед проблемой, типичной для любой системы: как адаптироваться к реальности непосредственно данной ситуации, как достичь групповых целей, как сохранить сплоченность группы и как удовлетворить потребности ее членов» [1, с. 43].

Второй существенный принцип – правильное определение объекта этой политики. Если объектом оперативного управления культурой являются преимущественно культурнопроизводящие и культурно-сохраняющие организации (институты), то объектом культурной политики должно быть все общество в целом, и отсюда масштабы воздействия этой политики проектируются как общенациональные (общегосударственные). Неоднородность российского общества (национальная, социальная, кон-

фессиональная и т.п.) требует гибкого сочетания универсализма культурной политики с локальными методами, оптимизированными для той или иной части нашего многообразного общества. Целью теории коммуникативного действия является анализ развертывания «жизненного мира» в процессе эволюции. Если человек становится все более свободен в своем выборе, то усиливается тенденция переноса центра тяжести на внутреннюю мотивацию. Происходит возрастание роли психологического фактора, но не инстинктивного (бессознательного), а осознанного. То есть с течением времени внешний детерминизм сменяется относительно свободным внутренним мотивом. С этой же дилеммой связана и главная проблема макроэкономики – поиск пропорции между свободным рынком и государственным регулированием [2].

Третий принцип: определение субъекта культурной политики. Было бы большой ошибкой ограничивать понимание субъекта лишь одним государством и органами его управления. Субъект, осуществляющий (реализующий) культурную политику, это в первую очередь само же общество, лишь корректируемое государственными инстанциями. Будучи одновременно и объектом и субъектом культурной политики, общество действует как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся социокультурная система, непрерывно адаптируясь к изменяющимся условиям бытия (в первую очередь изменением своих культурно-ценностных ориентаций, во многом стимулирующих и изменение утилитарных социальных потребностей, определяемых не в последнюю очередь соображениями социальной престижности, моды, идейно-ценностными установками и т.п.). Разумеется, роль профессиональных культуротворческих организаций при этом чрезвычайно важна, но они выступают лишь в качестве регуляторов, референтных групп, «подсказывающих», задающих эталонные образцы, направляющих и стимулирующих процессы социокультурной самоорганизации, саморазвития и особенно самовыражения общества в тех или иных формах.

Четвертый принцип: эволюционное воздействие культурной политики. Это предполагает постепенное содержательное воздействие на общественное сознание, нравы, ценностные приоритеты и ориентиры социальной престижности и не должно выражаться в каких-то мероприятиях немедленного действия и непосредственно формотворческого характера. Поэтому основной инструментарий культурной политики – не столько культуротворческие институты, создающие актуальные образцы культурных форм, сколько наука, образование, просветительство, воспитание, публицистика и т.п., формирующие ценностно-нормативную иерархию социокультурных запросов общества в целом.

Пятый принцип: постоянный учет гетерогенного характера российской культуры. В вопросе о российском культурном своеобразии (неизбежно ключевом вопросе в современных условиях) необходим особый акцент на вневациональных чертах содержания любой культуры. На проблеме национального или религиозного своеобразия, как уникальном синтезе черт и форм различного происхождения, на межкультурном взаимодействии, как основном условии органичного развития культуры всякого народа, на общих целях и интересах народов полиэтнической российской цивилизации. В конечном счете, цивилизация сама отберет приемлемые для нее инновации и интегрирует их в свою культуру, главным образом, на основании их соответствия глубинным, исторически сложившимся ценностным установкам (далеко не всегда формально выраженным в предшествующей традиции и потому порой неожиданным в своем выборе), чертам идентичности данного общества и формам актуальной социальной престижности.

С этим связан шестой принцип культурной политики: глубокое изучение национальной традиции, ценностных ориентаций и признаков идентичности нашего общества, всего комплекса явлений, объединяемых в категорию национальное культурное наследие. Исследование тенденций эволюции, их восприятия и интерпретации современниками и выбор форм культурной модернизации, не входящих в непримиримое противоречие с национальной цивилизационной спецификой. Особое внимание стоит уделить девиационной системе форм и символов социальной престижности, роли «великих текстов», как правило, заимствуемых Россией извне, но во многом определяющих актуальную направленность социокультурных предпочтений тех или иных слоев общества.

Некоторые аспекты предлагаемых целей, задач и принципов новой культурной политики России нуждаются в более

подробном комментировании. Актуально и в наше время то, что общество – это организм, функционирующий и развивающийся по своим внутренним законам. Реформировать его законодательным путем очень сложно, это требует глубокого понимания того, что реально нужно обществу, а также всесторонней подготовки законодателей, каковой они обычно не обладают. Г. Спенсер пишет: «Ни в одном деле нет такого поразительного несоответствия между сложностью задачи и неподготовленностью тех, кто берется за ее решение. Несомненно, что из всех чудовищных заблуждений людей самое чудовищное заключается в том, что для того чтобы овладеть каким-нибудь ремеслом, например, ремеслом сапожника, необходимо долго учиться, а единственное дело, которое не требует никакой подготовки, – это искусство создавать законы для целого народа» [3].

Феномен власти государства в России привлекает в последние годы пристальное внимание исследователей. Первые попытки осмысления этого феномена, анализа современной политической системы и разработки футуристических концепций власти были совершены после 1993 г., когда произошла ломка государственных устоев в России и стали предприниматься шаги к построению «нового» общества. Интерес к проблеме пути российского государства «подпитывается» современными российскими избирательными кампаниями и итогами выборов президента, представителей местных органов власти, депутатов законодательных органов власти, одни из которых недавно опять прошли в России и, в частности, в Алтайском крае. При обращении к проблеме формирования «нового» политического строя и «нового» гражданина демократического общества, который бы пришел на смену подданному, существовавшему в системе монархического государства царской России или тоталитарного режима России советской, необходимы обращение к истокам, анализ исторического развития той модели власти, которая существует в России сегодня. В такой ситуации интерес представляют взаимодействие власти и культуры, проведение властью культурной политики и использование властью возможностей культуры в своих целях, в частности для формирования общественного сознания российских граждан.

Обращение к теме взаимодействия государства и культуры определено и тем, что после падения советской власти взаимоотношения между властью и культурой претерпели существенные изменения. Прежде всего, это было связано с утратой интереса власти к сферам культуры как механизму формирования мировоззрения нового поколения. За последние 10-15 лет существенно деформировалась система духовного самовоспроизводства общества, прежде всего, в результате кризиса институтов социализации и культурной преемственности, важнейшим из которых является институт образования, функцией которого помимо обучения является и воспитание. Существенно снизился непосредственный интерес государства и к сфере искусства, и повседневной культуре. Утрачена роль культуры как инструмента, формирующего мировоззрение людей в интересах государства, возможности по формированию образа правителя и власти в сознании народа. Это, в свою очередь, привело к снижению контроля со стороны государства над сферами культуры. Результатом стал упадок институтов культуры, что не могло не коснуться и Алтайского края. Государство перестает уделять должное внимание развитию музеев, театров, художественных галерей и т.д. Многие из них потеряли финансовую поддержку государства и «брошены» на самоокупаемость. Так как больше нет идеологического контроля, пропадает необходимость и в самом механизме. Данные процессы дают о себе знать и в настоящее время.

Сегодня важным становится формирование нового мировоззрения россиян, в котором культура сама выступала бы ценностью. Это частично помогло бы решить ряд актуальных на сегодняшний день задач, связанных с реформой образования, демографической ситуацией, этико-эстетическим воспитанием молодежи и т.д.

Создание «нового», демократического общества в России привело к «новым» представлениям о месте искусства и религии в обществе, построении образовательного процесса, «новых» взглядов на семейно-брачные отношения, воспитание детей и т.д. Последние годы обнажили кризис многих из этих областей. Можно привести слова А.Б. Карлина о состоянии культуры в Алтайском крае: «В крае до сих пор нет культурных проектов европейского уровня, отрасль находится в глубокой стагна-

ции, здания театров и музеев худо-бедно ремонтируются, а подлинных открытий и откровений в сфере культуры не случается» [4].

Оставляет желать лучшего и демографическая ситуация в России. Сегодня реализуются разные проекты, прямым или косвенным способом нацеленные на улучшение демографической ситуации в стране. В федеральном масштабе среди таких можно назвать национальный проект «Доступное и комфортное жилье», выплату материнского капитала, на региональном

уровне действует «Областная межведомственная комиссия по демографической ситуации на территории Алтайского края». В настоящее время продолжается реформа образования, которая теперь затронула высшее образование. Результаты этих преобразований пока еще сложно оценить. Для реализации многих социальных программ, касающихся названных сфер, необходимы взвешенные управленческие решения, которые невозможны без знания истории вопроса. Именно это и определило обращение к теме взаимодействия власти и культуры в России.

Библиографический список

1. Дайзард, У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. – М., 2005.
2. Жидков, В.С. Культурная политика и театр. – М., 1995.
3. Жидков, В.С. Культурная политика России: теория и история: учеб. пособ. для вузов / В.С. Жидков, К.Б. Соколов. – М., 2001.
4. Алтайские новости. – 2014. – 13 января. – № 1-2 (301-302).

Bibliography

1. Dayzard, U. Nastuplenie informacionnogo veka // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade. – M., 2005.
2. Zhidkov, V.S. Kulturnaya politika i teatr. – M., 1995.
3. Zhidkov, V.S. Kulturnaya politika Rossii: teoriya i istoriya: ucheb. posob. dlya vuzov / V.S. Zhidkov, K.B. Sokolov. – M., 2001.
4. Altajskie novosti. – 2014. – 13 yanvarya. – № 1-2 (301-302).

Статья поступила в редакцию 05.04.14

УДК 374.71 (571.150):004.738.5

Uspek E.R. VIRTUALIZATION OF THE SOCIOCULTURAL ACTIVITY. The work defines a role of the interactive possibilities of Internet in sociocultural activities. The author reveals a positive dynamics in growth of a number of sites of Russian Houses of Culture. The investigation allows noting the effectiveness of partnerships of cultural agents in implementing sociocultural projects. Experience of cooperation in the creation of a joint web-site for Houses of Culture in Russia is presented.

Key words: innovation in sociocultural activities, update communicative environment, technological novelty, analytical activity of cultural institutions, monitoring of web-sites of Russian Houses of Culture, interterritorial creative Internet projects, partnership in exploration of a virtual space, corporate web-site of Houses of Culture.

Э.Р. Успек, аспирант АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: onir@agari.ru

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Определена роль интерактивных возможностей интернета в социально-культурной деятельности. Выявлена положительная динамика роста количества сайтов отечественных домов культуры. Отмечена эффективность партнерства культурных агентов при реализации социально-культурных проектов. Представлен опыт сотрудничества при создании корпоративного сайта домов культуры.

Ключевые слова: новаторство в социально-культурной деятельности, обновление коммуникативной среды, технологические новинки, аналитическая деятельность учреждения культуры, мониторинг сайтов отечественных домов культуры, межтерриториальные творческие интернет-проекты, партнерство в освоении виртуального пространства, корпоративный сайт домов культуры.

Увеличение доли досуга в бюджете времени наряду с ростом образованности различных слоев социума объективно способствуют повышению требовательности к профессионализму и качеству продуктов и услуг культуры, разработке и управлению социально-культурными проектами [1, с. 69; 2, с. 149]. В европейской культуре наблюдается новый подход в оценке контекста творческой работы и ее художественных и информационных средств, учитывающий перспективы ее использования не только для развлечения, но и для информирования и воспитания окружающих [3, с. 106]. Аналогичные задачи перед внешкольным образованием выдвигал его идеолог Е.Н. Медынский. Еще в начале XX в. он стремился к развитию критического сознания аудитории, поэтому настоятельно рекомендовал, увлекая, приучать к самостоятельному движению мысли [4, с. 11].

Культирование «не включенного потребления» готовых продуктов скрывает и нивелирует глубинные возможности культуры, ее влияния на развитие личности и качество ее жизни [5, с. 118]. Интерактивные свойства технологий, напротив, продуктивно насыщают социокультурное общение, тем самым, обогащая выбор решения сверхзадач социально-культурной деятельности по преобразованию «ее участников из объектов культурно-просветительного воздействия в субъектов социально-культурного творчества» [6, с. 30; 7, с. 38].

О нарастающем влиянии всеобщей информатизации убедительно пишут деятели многих сфер общественной жизни [3, с. 103]. По мнению Г.П. Тульчинского, информационное обеспечение «предполагает достижение и поддержание высокого уровня технической оснащенности и информатизации основных технологических процессов организаций культуры, создание единого информационного пространства, доступного, как институтам и представителям сферы культуры и искусства, так и потребителям культурных продуктов и услуг. В этой связи эффективное использование электронных информационных ресурсов и, в частности, Интернета становится одной из первоочередных задач информационного обслуживания» [8, с. 379].

Принадлежность к цифровому миру часто авторизуется в личностных каналах коммуникации – блогах или сайтах [9, с. 37]. Они позволяют черпать темы для широкого участия «в культурной жизни всего мира» в достижениях региональной культурной политики, поддерживающей развитие колорита местности и личности [10, с. 129; 3, с. 109]. В 2010-2013 гг. отмечается увеличение почти вдвое числа интернет-ресурсов, зарегистрированных отечественными учреждениями культурно-досугового типа. Таким образом, успехи в освоении цифрового пространства отдельных учреждений культуры трансформировались во всеобщую тенденцию и свидетельствуют о готовности сфе-

ры к обновлению коммуникативной среды в интересах реконструкции интерактивного пространства социально-культурной деятельности [8, с. 380].

Эти выводы сделаны по материалам сайтов дворцов и домов культуры (ДК) крупных городов России. Количество выявленных сайтов (40) за период 2010-2013 гг. можно принять за репрезентативную выборку, учитывая аргументировано доказанное нарастание процесса сайтостроения. Содержательно контент сайтов ДК наполняется исходя из типичных методических решений, основанных на планово-отчетных данных о проведенных или анонсируемых мероприятиях. Обилие фотоматериалов, в редких случаях – видеоресурсов позволяет избежать линейности текстового отчета. Однако поддержка визуального ряда мало способствует презентабельности информации из-за отсутствия пояснений к фото-, видеофрагментам, оставляя в кадре безликих участников культурного действия.

Обозначенные атрибуты функционирующих виртуальных аналогов ДК характеризуют начальный этап освоения возможностей телекоммуникационных сетей, по справедливому замечанию, «использование возможностей далеко отстает от технического развития Интернета, потенциал которого на порядок больше, чем простое использование электронных версий традиционных видов информации» [8, с. 374]. Дальнейшее приращение сил следует связывать с максимальным использованием интерактивных форматов социально-культурного взаимодействия реальных и виртуальных субъектов деятельности [11].

В 2010 г. Алтайский край в сети был представлен сайтом барнаульского дома культуры «Октябрьский» (ныне недействующим). Спустя три года еще три крупных краевых центра культуры стали обладателями web-ресурса [12; 13; 14]. Примечательно, что выход в цифровое пространство осваивают районные и сельские ДК края. Для них работа над «виртуальным зеркалом» начинается с создания сообществ в популярных социальных сетях. Тематические группы, организованные в оболочке соцсетей, увеличивают возможности неформальной публичной презентации социокультурной деятельности регионов и безгранично расширяют круг участников, приближая к реальности воплощения идеи профессиональной сети отечественных ДК.

Возможности отдельных сайтов расширяют рамки традиционных форм социально-культурной деятельности. Алтайский Краевой дворец молодежи впервые на территории края запустил проекты дистанционных интернет-фестивалей. Цифровой формат предоставляет равные возможности для участников из любой точки страны и мира, позволяя на практике ощутить достоинства и преимуществ пресловутой прозрачности границ. Практика социально-культурной деятельности Дворца молодежи показывает, что интерес к участию в подобных виртуальных конкурсах проявляют жители городов и районов всего края. Информационные технологии позволяют рассматривать сочетание традиционных, реальных и виртуальных мероприятий в качестве современной интерпретации анимационных методик взаимодействия субъектов социально-культурной деятельности.

Выполняя государственный заказ по организации и проведению социально-культурной работы с населением, многие ДК планируют создание собственного сайта, однако ряд экономических, технических и профессиональных причин не позволяют достигнуть поставленной цели. Особенно уязвимо ситуация выглядит в учреждениях культуры, переданных на баланс местного самоуправления в соответствии с нормами 131 федерального закона. Восприятие культуры как роскоши отмечают и европейские исследователи, указывая на дефицит средств местного сообщества [15, с. 32]. В этих условиях финансирования интернет-сайта выводится на периферию насущных потребностей.

Культурно-досуговые учреждения сельских муниципальных образований при значительном потенциале руководителей и творческих коллективов, располагают более ограниченными техническими и коммуникативными возможностями для компьютеризации деятельности, поэтому для них собственный сайт скорее исключение, чем правило. Одним из потенциальных ресурсов выхода учреждения культуры во всемирную паутину стоит признать добровольчество со стороны граждан, обладающих специальными знаниями. Общественная поддержка выступает неисчерпаемым ресурсом в осуществлении социокультурных вербальных и зрелищных проектов, в том числе реализуемых с помощью электронных и мультимедийных коммуникаций. Любительский, дилетантский уровень оформления подобных сайтов не умаляет ценности безвозмездной помощи

земляков, свидетельствуя о росте социальной активности и стремлению к самопрезентации активных и творческих граждан местного общества [16].

Учитывая эти тенденции, автором был разработан проект корпоративного сайта домов культуры Алтайского края. Алтайский культурно-досуговый центр (Алтайский КДЦ пос. Алтай Калманского района Алтайского края) и Центр культуры и досуга «Индустриальный» (ЦКД «Индустриальный» г. Барнаул Алтайского края) приняли участие в совместном создании контента сетевого ресурса. Представительство социально-культурной деятельности в сети требует рутинной работы по систематическому подбору материала, который бы отражал и накопленные документы, и анонсировал предстоящие культурные события, не говоря о проработке идей интерактивных форм взаимодействия с посетителями сайта. Между тем, опыт сотрудничества с «Тальменским межпоселенческим Домом культуры» (пгт. Тальменка Тальменского района Алтайского края), ЦКД «Индустриальный» убеждает, что практики не готовы к регулярной работе над контентом, а бюджет рабочего времени и штатное расписание муниципальных центров культуры и досуга не рассчитаны на эту деятельность.

Прогрессивно настроенные руководители ДК проявляют склонность к партнерству при реализации уже запланированных культурно значимых проектов. Практики социально-культурной деятельности сталкиваются с необходимостью принятия авторских новаторских предложений, раскрывающих их работу для посетителей цифрового пространства. Экспертной проверкой в таком случае может стать применение отдельных технологических новинок в реальных мероприятиях. Демонстрация примеров успешного внедрения новых форм работы обосновывает целесообразность и привлекательность применения новых форм социокультурной активности для расширения социально-культурного воздействия.

Практика показала, что работа с собственными архивами помогает ДК создать при помощи новейших технологий новый информационный продукт. К сожалению, значительный накопленный учреждениями материал не всегда систематизирован, практически нет ресурсов, дополнительно обработанных с помощью прикладных компьютерных программ. Новые технологии представляют собой средство для создания новых форм приобщения к ценностям искусства и культуры. На местном уровне именно сайт учреждения культуры может послужить площадкой для «перезагрузки» специально обработанных фрагментов уже забытых культурных программ. Особенно убедительно подобное утверждение выглядит на фоне настоятельных рекомендаций европейских исследователей об активизации культурной жизни сообщества при помощи новых форм и технологий [15, с. 37].

Ведение сайта в настоящее время является условием участия в федеральных конкурсах профессионального мастерства, как важнейший показатель конкурентоспособности учреждения культуры, прозрачности его деятельности и доступности продуктов и услуг. В рамках партнерских соглашений с КДЦ поселка Алтай в 2013 году была осуществлена разработка портфолио для участия в Смотре-конкурсе «Лучшее культурно-досуговое учреждение Российской Федерации» в номинации «Лучший сельский дом культуры». Заявка творческого коллектива включила цикл инновационных проектов, связанных с предоставлением платных услуг, описанием методик повышения социально-культурной активности населения, созданием и использованием видеосценариев в культурных программ и пр. Отдельной подноминацией организаторы заявляют не просто наличие сайта, а функционального ресурса, регулярно обновляемого и способного к дальнейшему развитию, с креативным дизайном, удобным интерфейсом и рубрикатом, с налаженной системой презентации проектов учреждения и пр. [17, с. 81].

Подготовка к участию в смотрах профессионального мастерства и генерация инновационных форм предоставления услуг населению способствует углубленному анализу собственной социокультурной деятельности, выявлению и оценке ее результатов. Не только конкурсный отбор или администрирование сайта, но и современная уставная документация ДК, КДЦ требует не скупой фиксации тематики и количества мероприятий, а критериальных показателей, позволяющих объективно оценить культурно-досуговую работу. Таким образом, аналитический подход способствует формированию у специалистов навыков резюме и комплексной оценки отдельных мероприятий и циклов социально-культурных программ.

В перспективе следует ожидать увеличения удельного веса сайтов учреждений культуры всех уровней, виртуальных творческих мастерских и культурных интернет-программ в Рунете, способных образовывать глобальный социально-культурный портал.

Теоретики социальных коммуникаций считают передовые технологии ведущим фактором модификации форм и содержания культурного творчества социума [8, с. 24]. Открывающиеся возможности расширяют перспективы самовыражения личнос-

ти, позволяя приобщиться к культуре широким слоям общества. Перспективность поливариантных технологий применительно к задачам креативного творчества особенно актуальна для молодежи, переживающей ценностный кризис социальной адаптации. Для нее новый «мир без границ» позволяет сделать культурное многообразие понятным и привлекательным и благодаря этому раскрыться перед окружающим с помощью адекватных технологий [8, с. 375].

Библиографический список

1. Маршалл, М. Международные модели и тенденции финансирования культуры // Государственная служба за рубежом. Управление культурой. – М., 2004. – № 5.
2. Хайнце, Т. Повышение квалификации работников культурных учреждений // Государственная служба за рубежом. Управление культурой. – М., 2004. – № 5.
3. Теппер, С. Творческие активы и изменяющаяся экономика // Государственная служба за рубежом. Управление культурой. – М., 2004. – № 5.
4. Медынский, Е.Н. Методы внешкольной просветительной работы. – Пг., 1915.
5. Кольбер, Ф. Маркетинг в искусстве // Государственная служба за рубежом. Управление культурой: реф. бюл. – М., 2004. – № 5.
6. Соловьев, А.В. Развитие новых культурных форм в условиях перехода к информационному обществу // Обсерватория культуры. – 2009. – №2.
7. Ариарский, М.А. Теория социально-культурной деятельности отвечает на вызовы времени // Вестник СПбГУКИ. – 2013. – № 2.
8. Тульчинский, Г.Л. Менеджмент в сфере культуры / Г.Л. Тульчинский, Е.Л. Шекова. – СПб., 2009.
9. Соловьев, А.В. Коммуникативная культура информационного общества // Вестник МГУКИ. – 2009. – №2.
10. Кэмерон, Д. Глобализация, культура и общество / Д. Кэмерон, Дж.Г. Штейн // Государственная служба за рубежом. Управление культурой. – М., 2004. – № 5.
11. Успек, Э.Р. Виртуальное пространство для реальной социально-культурной деятельности // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6.
12. КГАУ «Краевой дворец молодежи» (г. Барнаул, Алтайский край) [Э/р]. – Р/д: <http://www.altaidm.ru/>
13. МБУК «Дворец культуры г. Барнаула» (Алтайский край) [Э/р]. – Р/д: <http://www.dk-barnaul.ru/>
14. Дворец культуры и спорта «Сибэнергомаш» (г. Барнаул, Алтайский край) [Э/р]. – Р/д: <http://xn--80abgcgqngmuh4hwc.xn--p1ai/>
15. Хайнце, Т. Перспективы новой культурной политики // Государственная служба за рубежом. Управление культурой. – М., 2004. – № 5.
16. Малопесчанский СДК (с. Малопесчанка Мариинского района Кемеровской области) / создатель Владислав Кропотов, учащийся 8 класса МОУ «Малопесчанская СОШ» 2010 г. [Э/р]. – Р/д: <http://www.mpsdk.narod.ru/>
17. Лучшее культурно-досуговое учреждение Российской Федерации: положение о смотре-конкурсе // Дом культуры. – 2013. – № 4.

Bibliography

1. Marshall, M. Mezhdunarodnihe modeli i tendencii finansirovaniya kul'turii // Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Upravlenie kul'turoy. – M., 2004. – № 5.
2. Khaynce, T. Povichshenie kvalifikatsii rabotnikov kul'turnykh uchrezhdeniy // Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Upravlenie kul'turoy. – M., 2004. – № 5.
3. Tepper, S. Tvorcheskie aktivy i izmenyayutayasya ehkonomika // Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Upravlenie kul'turoy. – M., 2004. – № 5.
4. Medynskiy, E.N. Metodih vneshkol'noy prosvetitel'noy rabotih. – Pg., 1915.
5. Koljber, F. Marketing v iskusstve // Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Upravlenie kul'turoy: ref. byul. – M., 2004. – № 5.
6. Solovjev, A.V. Razvitie novykh kul'turnykh form v usloviyakh perekhoda k informacionnomu obthstvu // Observatoriya kul'turii. – 2009. – №2.
7. Ariarskiy, M.A. Teoriya social'no-kul'turnoy deyatel'nosti otvechaet na vyzovy vremeni // Vestnik SPbGUKI. – 2013. – № 2.
8. Tuljchinskiy, G.L. Menedzhment v sfere kul'turii / G.L. Tuljchinskiy, E.L. Shekova. – SPb., 2009.
9. Solovjev, A.V. Kommunikativnaya kul'tura informacionnogo obthstva // Vestnik MGUKI. – 2009. – №2.
10. Kehmeron, D. Globalizatsiya, kul'tura i obthstvo / D. Kehmeron, Dzh.G. Shteyjn // Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Upravlenie kul'turoy. – M., 2004. – № 5.
11. Uspek, E.R. Virtual'noe prostranstvo dlya real'noy social'no-kul'turnoy deyatel'nosti // Mir nauki, kul'turii, obrazovaniya. – 2013. – № 6.
12. KGAU «Kraevoy dvorec molodezhi» (g. Barnaul, Altayskiy kray) [Eh/r]. – R/d: <http://www.altaidm.ru/>
13. MBUK «Dvorec kul'turii g. Barnaula» (Altayskiy kray) [Eh/r]. – R/d: <http://www.dk-barnaul.ru/>
14. Dvorec kul'turii i sporta «Sibehnergomash» (g. Barnaul, Altayskiy kray) [Eh/r]. – R/d: <http://xn--80abgcgqngmuh4hwc.xn--p1ai/>
15. Khaynce, T. Perspektivih novoy kul'turnoy politiki // Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Upravlenie kul'turoy. – M., 2004. – № 5.
16. Malopeschanskiy SDK (s. Malopeschanka Mariinskogo rayona Kemerovskoy oblasti) / sozdatel' Vladislav Kropotov, uchastiyetsya 8 klassa MOU «Malopeschanskaya SOSh» 2010 g. [Eh/r]. – R/d: <http://www.mpsdk.narod.ru/>
17. Luchshee kul'turno-dosugovoe uchrezhdenie Rossiyskoy Federatsii: polozhenie o smotre-konkurse // Dom kul'turii. – 2013. – № 4.

Статья поступила в редакцию 27.04.14

УДК 02: 35

Fomina A.A. THE FORMATION OF STATE POLICY IN THE FIELD OF LIBRARY SCIENCE. The secularization of public life in the 18th century contributed to the formation of secular libraries. They were created under the guidance of state and public figures. In the 19th century the education of the peasantry led to the quantitative growth of public libraries. The cooperation of local governments and community organizations contributed to a design of a library network.

Key words: public library, cooperation of local authorities and cultural and educational institutions, library network.

А.А. Фомина, канд. пед. наук, доц. АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: terrarium46@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

Секуляризация общественной жизни в 18 века способствовала формированию светских библиотек. Они создавались под руководством государственных и общественных деятелей страны. В 19 веке просвещение кре-

стьянства привело к количественному росту общедоступных библиотек. Сотрудничество органов местного самоуправления и общественных организаций способствовало проектированию библиотечной сети.

Ключевые слова: государственные библиотеки, сотрудничество органов местного самоуправления и культурно-просветительных организаций, библиотечная сеть.

Секуляризация общественной жизни в XVIII в. потребовала новой концепции государственного строительства в области культуры и просвещения. Масштаб необходимых изменений обусловил не только культивирование на российской почве новых субъектов, но и необходимость возведения инфраструктуры в соответствии с новым курсом западноевропейской приверженности во внешней политике правительства. Казалось, что для светских нововведений использование прежних ресурсов уже не представлялось возможным. Тем не менее, сторонники петровских реформ намеривались использовать материальные и организационные возможности церкви для вовлечения «в участие в делах государства» [1, с. 22-23]. В частности, Ф.С. Салтыков предложил «разместить в монастырях и содержать на монастырские средства» губернские библиотеки, обязав собирать «старинные письма и грамоты, рукописные и печатные, старые и новые книги». В предложениях Ф. С. Салтыкова особого внимания заслуживает «государственный характер, предусматривающий привлечение губернаторов к его практическому осуществлению» [1].

Объективным препятствием в реализации регионального размаха светских проектов была неграмотность населения и отсутствие светской литературы. Даже первоначальный фонд библиотеки нового образца – Библиотеки Академии наук был частью российской контрибуции, полученной от побежденных европейских стран. Из-за нехватки издательских мощностей и обученного персонала типографов и гравиров Россия попыталась разместить заказы на научную и учебную литературу в Голландии, но не найдя отклика, была вынуждена импортировать кадры специалистов для возводимых отечественных типографий.

На фоне активной капитализации издательского рынка библиотечное дело практически весь XVIII в. оставалось государственной монополией, не смотря на ряд интересных инициатив Ф.С. Салтыкова, А.А. Курбатова, В.В. Киприянова. Можно лишь предположить частичную реализацию их предложений на периферии империи в организации государственной научно-технической библиотеки Колывано-Воскресенских заводов (1764 г.), публичных библиотек в Туле (1778 г.), Иркутске (1782 г.) [2; 3]. Известно, что сибирским библиотекам была знакома самая передовая технология обслуживания кольцевая почта, заочный абонемент, позже – бесплатное обслуживание распространилось не только на горожан, но и жителей провинции. Особенно впечатляюще достижения провинции воспринимаются на фоне неудачного обращения русской аристократии (1766 г.) к Екатерине II с проектом коллегиально управляемой национальной библиотеки. Как убедительно доказал А.Н. Ванеев, он был воспринят посягательством на абсолютизм власти. Спустя почти три десятка лет императорский указ 1795 г. обнародовал «экономически обоснованное» учреждение Императорской библиотеки на основе национализированного варшавского книжного собрания братьев Залуских. Ее возглавил А.С. Строганов, один из авторов исторического проекта, однако в импортированном фонде практически не было русскоязычных изданий, а контрибуция не имела ничего общего с коллегиальным учреждением библиотеки.

Оценивая ничтожное количество светских библиотек XVIII в., преимущественное внимание к ним в столицах империи, а также контрибуцию, заменившую комплектование, нельзя упускать из виду, что страна наращивала опыт светской культурной политики. Не смотря на широкое распространение в течение 600 лет клерикальных коллекций, их существование не предусматривало общественного доступа к документам. Лишь в 1830 г. создание губернских и уездных публичных библиотек было признано необходимым для развития «промышленности, особенно земледельческой» [1, с. 77]. Инициатива Н.С. Мордвинова, главы первой общественной организации страны – Императорского Вольного Экономического общества (ИВЭО), нашла поддержку в министерстве внутренних дел, наметившего «открытие во всех губернских городах 52 публичных библиотеки» [4, с. 81]. Но в преддверии реформ вновь созданные библиотеки были закрыты «впредь до особого распоряжения». Исследователи считают закрытие библиотек следствием борьбы с антиправительственными настроениями, возникшими вследствие революционных событий в Европе 1848-1849 гг.

Просветительство под руководством Н.С. Мордвинова, единственного члена Государственной комиссии, проголосовавшего против казни декабристов, воспринималось правительством не менее революционной акцией. Политическая благонадежность стала важным критерием участия в просветительской деятельности на долгие годы. Сомнения в таком качестве у «лиц, уполномоченных на управление» библиотеками, как «и вообще всех служащих», хотя и не влекли более ее закрытия, но законодательно требовали от «начальствующих лиц, коим предоставлена власть <...>, устранять этих лиц из библиотек и кабинетов» [5, с. 79].

С конца 40-х гг. новую просветительскую программу Общества возглавил комитет грамотности, поскольку «распространение знаний сельскохозяйственных и улучшенных приемов сельского хозяйства немислимо в стране неграмотной и невежественной». ИВЭО смогло добиться официального разрешения на его создание только в 1861 г. по примеру москвичей, учредивших «комитет для всенародного распространения грамотности на религиозно (христиански)-нравственном основании» 8 декабря 1845 г. [6]. Оба Комитета, содействуя начальному народному образованию, стремились «к распространению грамотности и полезных знаний преимущественно между крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости», не всегда достигая должного взаимопонимания [7, с. 19]. Московский комитет отстаивал необходимость составления народных книг, в которых бы «проводились мысли о пользе образования и грамотности вообще, а среди крестьянок в особенности, о народных сельских библиотеках, о способах обучения грамоте и пр.». Петербуржцы, напротив, не признавали «надобности в особой беллетристике для народа» и главную задачу видели в удешевлении изданий лучших авторов. Распространение книг комитеты сопроваждали бесплатной рассылкой, устройством книжных складов, читален, народных библиотек, организацией училищ и «грамотных изб» для обучения крестьянок.

Не смотря на неодобрение многих начинаний со стороны правящих кругов и частое закрытие библиотек и книжных складов, в целом деятельность комитетов получила широкий общественный резонанс, поскольку не замыкалась в пределах какой-либо одной губернии и распространялась «на пространные всей империи». Следуя их примеру, аналогичные просветительские цели ставил не один десяток общественных организаций.

Внимание к инфраструктуре образования нашло отражение в первых официальных документах, регламентирующих порядок открытия библиотек. С принятием в 1864 г. 175 статьи в уставе о цензуре и печати разрешалось частным лицам, акционерным компаниям или товариществам «заводить книжные магазины, лавки и кабинеты для чтения <...> тем же порядком, который определен для открытия типографий, литографий и тому подобных заведений» [5, с. 79]. С 1890 г. требовалось «представить проект устава или правил и указать, где именно будет находиться читальня, на какие средства она учреждается и чем обеспечивается ее дальнейшее существование» [8]. Помогая разбираться с учредительными документами, петербургский комитет издал брошюру с образцами текстов прошения на открытие народной библиотеки-читальни [9].

Комплексный характер легитимного управления деятельностью библиотек и издательств был вызван локализованностью российских издательств и книготорговых фирм в пределах столиц и некоторых крупных городов империи. Распространение книгопродавческих библиотек отчасти компенсировало отсутствие логистических коммуникаций, но именно потому, что «любая книга, поименованная в каталоге», могла быть продана, их существования не отличалось стабильностью. На доминирование книготорговой сущности указывало и равноправие в репертуаре, разрешавшее книжным магазинам, лавкам и кабинетам для чтения «держат у себя и продавать или давать в чтение все незапрещенные издания, <...> кои не значатся в общем каталоге запрещенных книг» [5, с. 79].

Распространение общественного доступа к информации, в том числе бесплатно, дифференцировало отношение властей к библиотекам и книжной торговле. С 1884 г. министр внутренних дел имел право «указывать местным начальствам те произведения печати, которые не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Перечень рекомендуемых книг составляло министерство народного просвещения. На контролирующее полномочия государства указывает законодательство, закреплявшее изменения, происходившие в библиотечном строительстве, но не планировавшее их. Так, например, до принятия Временных правил о книжной торговле (1865 г.), не смотря на уклонение властных органов от упорядочения процедуры открытия библиотек, к губернаторам продолжали поступать прошения частных лиц.

Просвещая в вопросах о тонкостях оформления юридического разрешения на открытие библиотеки, один из основателей Пермской публичной библиотеки, священник А.Г. Воскресенский охотно делился информацией с заинтересованным корреспондентом в 1852 г.: «На Ваши вопросы о формальностях, какие тут нужны, имею честь объяснить <...>. подана была начальникам губернии программа всех затей<...>. На ней губернатор тотчас написал «принято», и тем было кончено. Если дело вести законным порядком, могут встретиться затруднения. Мы довольно долго [искали] в законах: у кого нужно просить дозволения и ничего не нашли» [10, л. 18].

Устав о цензуре и печати зафиксировал права местного начальства, как это и предлагали Ф.С. Салтыков и Н.С. Мордвинов и сложившаяся практика деятельности комитетов грамотности. Согласно «Правилам» 1890 г. допускалось распространение народных (бесплатных) библиотек «в городах, посадах и селениях», а также платных библиотек и читален, обслуживающих ту же аудиторию «лиц низших сословий и <...> воспитанников средних и низших учебных заведений» [8, с. 8]. Круг наделенных полномочиями открытия библиотек постепенно расширялся, включая городские общественные управления, земские и сословные учреждения, частные общества, товарищества и лица, исключая земские управы [12]. Между тем, массовое распространение библиотек на региональном уровне было не возможно без финансовой поддержки земств, ее не хватало общественным организациям, обладавшим опытом культурного строительства.

По статистике, органы местного самоуправления содействовали открытию тысяч народных библиотек, читален и воскрес-

ных школ, подготовив условия для паритетного сотрудничества земств и столичных общественных организаций в 90-е гг. в софинансировании народных библиотек, предопределив проекты библиотечной сети [4, с. 77]. Одновременно разрабатываемые сети библиотек и школ ориентировались на локализованность, не случайно рекомендации Всероссийского съезда по библиотечному делу и Общеземского съезда по народному образованию (1911 г.), общественных форумов просветителей, земских деятелей и библиотечной общественности отличает принципиальная приверженность к децентрализованному развитию в российский масштаб [11, с. 56–57].

Вместе с тем, библиотечную теорию отличала ориентация на вертикальные связи с учреждениями различных территориальных уровней при соответствующей дифференциации фондов. Предполагалось, что сеть образуют: 1) центральная библиотека в уездном городе для «удовлетворения, повышенных запросов населения»; 2) районные библиотеки в наиболее крупных пунктах уезда; 3) сельские библиотеки; 4) передвижные библиотеки [4; 12]. Заведования библиотечным делом возлагалось на библиотечные комиссии при губернских, уездных земских и городских управах. Координация их деятельности находилась в ведении периодически созываемых общероссийских, губернских, уездных съездов по библиотечному делу. Таким образом, выстраивался системный подход в управлении работой региональных библиотечных сетей, способный компенсировать недостатки земского строительства [12].

Материалы Всероссийского съезда по библиотечному делу позволяют отметить курс на сотрудничество библиотек, созданных общественными организациями и благотворительными обществами [13; 14]. Это косвенно подтверждает заинтересованность культурно-просветительных обществ работой съезда. Делегаты обществ по численности уступали только группе академических и государственных библиотек, значительно превосходя представительство общественных и публичных, народных библиотек-читален, земских публичных и частных библиотек.

Проведение съезда впервые объединило библиотечную общественность. Его решения явились альтернативой недостающего государственного внимания и впервые обозначили демократический принцип в установлении правовых условий взаимодействия субъектов библиотечного пространства, способного превратить библиотеки аналогично школам «в центры жизни местного общества по всей территории Империи» [11].

Библиографический список

1. Ванев, А.Н. Развитие библиотечной мысли в России (XI – начало XX в.). – М., 2003.
2. Тульская областная универсальная научная библиотека [Э/р]. – Р/д: <http://tula71.ru/razvl/catalog/show.php?r=3&c=29&z=222>
3. Кличка, Франц Николаевич [Э/р]. – Р/д: http://irkipedia.ru/content/klichka_franc_nikolaevich
4. Матвеев, М.Ю. Общественные библиотеки России и их читатель: вторая половина XIX – начало XX в.: дис. канд. пед. наук. – СПб., 1998 [Э/р]. – Р/д: <http://diss.rsl.ru/diss/03/0103/030103036.pdf>
5. Временные правила о цензуре и печати (6 апреля 1865 г.) // Свод законов российской империи издание: в 16 т. – Т. 14. – Ст. 177. – С. 79.
6. Комитеты грамотности // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Э/р]. – Р/д: <http://ru.wikisource.org/wiki>
7. Образование взрослых на рубеже веков: вопросы методологии, теории и практики Т. I. Социально-экономические и правовые предпосылки развития образования взрослых / под ред. Е.П. Тонконогой. – СПб., 2000. – Кн. 1. История развития образования взрослых в России.
8. Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними [Э/р]. – Р/д: <http://www.turgenev.ru/baza/exp01/stand3/part1/pravila.html>
9. Суперацкий, М. Как открывать и устраивать народные библиотеки и читальни. – М., 1899.
10. Воскресенский, А.Г. Письмо С.И. Гуляеву, Пермь ноября 1852 г. // ГААК. Ф. 163. Д. 245. Лл. 18–22 об.
11. Сапрыкин, Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. – М., 2009.
12. Тищенко, М.Н. Общедоступные публичные библиотеки в системе местного самоуправления: исторический опыт и перспективы: практич. пособ. – СПб., 2006.
13. Труды первого всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в Санкт-Петербурге с 1 по 7 июня 1911 г.: в 2 ч. – СПб., 1912.
14. Первый всероссийский съезд по библиотечному делу (С.-Петербург, 17 июня 1911 г.): [резюм]. – [Б. м. и.] : [Б. и.], [Б. г. и.].

Bibliography

1. Vaneev, A.N. Razvitie bibliotekovedcheskoy mysls v Rossii (XI – nachalo XX v.). – M., 2003.
2. Tul'skaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka [Eh/r]. – R/d: <http://tula71.ru/razvl/catalog/show.php?r=3&c=29&z=222>
3. Klichka, Franc Nikolaevich [Eh/r]. – R/d: http://irkipedia.ru/content/klichka_franc_nikolaevich
4. Matveev, M.Yu. Obshchestvenniye biblioteki Rossii i ikh chitatel': vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.: dis. kand. ped. nauk. – SPb., 1998 [Eh/r]. – R/d: <http://diss.rsl.ru/diss/03/0103/030103036.pdf>
5. Vremenniye pravila o cenzure i pechati (6 aprelya 1865 g.) // Svod zakonov rossiyskoy imperii izdanie: v 16 t. – T. 14. – St. 177. – S. 79.
6. Komiteti gramotnosti // Ehnciklopedicheskiy slovarj Brokgauza i Efrona [Eh/r]. – R/d: <http://ru.wikisource.org/wiki>
7. Obrazovanie vzroslykh na rubezhe vekov: voprosi metodologii, teorii i praktiki T. I. Social'no-ehkonomicheskie i pravoviye predposilki razvitiya obrazovaniya vzroslykh / pod red. E.P. Tonkonogoy. – SPb., 2000. – Kn. 1. Istoriya razvitiya obrazovaniya vzroslykh v Rossii.
8. Pravila o besplatnikh narodnikh chitalnyakh i o poryadke nadzora za nimi [Eh/r]. – R/d: <http://www.turgenev.ru/baza/exp01/stand3/part1/pravila.html>

9. Superacskiy, M. Kak otkrihvatj i ustraivatj narodnihe biblioteki i chitaljni. – M., 1899.
10. Voskresenskiy, A.G. Pisjmo S.I. Gulyaevu, Permj noyabrya 1852 g. // GAAK. F. 163. D. 245. Ll. 18–22 ob.
11. Saprihkin, D.L. Obrazovateljniy potencial Rossiyskoy imperii. – M., 2009.
12. Tithenko, M.N. Obthedostupnihe publicnihe biblioteki v sisteme mestnogo samoupravleniya: istoricheskiy opit i perspektivih: praktich. posob. – SPb., 2006.
13. Trudih pervogo vsrossiyskogo sjhezda po bibliotechnomu delu, sostoyavshegosya v Sankt-Peterburge s 1 po 7 iyunya 1911 g.: v 2 ch. – SPb., 1912.
14. Perviyh vsrossiyskiy sjhezd po bibliotechnomu delu (S.-Peterburg, 17 iyunya 1911 g.): [rezolyucii]. – [B. m. i.] : [B. i.], [B. g. i.].

Статья поступила в редакцию 18.07.14

УДК 37

Bagirova Ye. V. PARTICULAR FEATURES IN SOCIALIZATION OF TEENAGERS BY MEANS OF CHOREOGRAPHY.

The article presents an analysis of a "process of socialization" in relation to adolescence. In the paper features of socialization of teenagers by means of choreography as an extracurricular activity are described.

Key words: socialization, particular features of socialization of teenagers, leisure activities, choreographic creativity.

Е.В. Багирова, аспирант АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: evgenya_zenuhina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

В статье представлен анализ «процесса социализации» применительно к подростковому возрасту. Рассматриваются особенности социализации подростков средствами хореографического творчества в условиях досуговой деятельности.

Ключевые слова: социализация, особенности социализации подростков, досуговая деятельность, хореографическое творчество.

В историческом прошлом танец существовал как излюбленная досуговая деятельность в культурах всех народов мира, отражая основные стороны человеческого бытия. В школьные годы закладываются основы мировоззрения, становления идейной личности, способной ради общего блага пожертвовать своими эгоистическими интересами. Хореографический коллектив в свою очередь должен создать такую атмосферу, при которой эти качества личности развивались бы гармонично. Увлекаясь развитием чисто танцевально-технических навыков исполнения, что само по себе не плохо, есть возможность развивать и внутренний мир подростка, что неминуемо сказывается и на исполнительской культуре. Создавая содержательный репертуар, ставим подростков под непосредственное влияние музыки и танцевального образа, воспитывая в них различные моральные качества, подводим их к пониманию нравственных мотивов поведения. Воспитывая детскую аудиторию через образы хореографии, раскрывая в них эстетическую чуткость к прекрасному и безобразному, возвышенному, низменному, комическому, трагическому в различных их проявлениях, учим любить и ненавидеть, страдать и радоваться, чувствовать нравственную красоту и уродства. Таким образом, подростки проходят школу духовного танцевального воспитания.

Заложенные в корне хореографического творчества социально-культурные ориентации позволяют решать такие значимые проблемы в развитии личности подростка, как здоровье, гармонизация личности, развитие интеллекта, нравственные убеждения. Хореографическое творчество предоставляет возможность лучше понять себя, что немаловажно в процессе формирования личности. Воспитание подростков хореографическими средствами помогает всестороннему развитию личности, учит его находить в творчестве эстетическое и духовное наслаждение. Поэтому работа в данном направлении представляется важным звеном в общепедагогическом процессе.

Хореографическое творчество коллективное, способствует развитию с ранних лет чувства коллективизма, требовательности друг к другу, доброты, принципиальности, стойкости. В педагогической практике воспитывающие резервы хореографического творчества используют для развития идейно-политического, трудового, нравственного сознания человека, его эстетического и физического развития.

Занимаясь в хореографическом коллективе, подросток имеет возможность научиться не только танцевать, но и общаться, адекватно сравнивать себя с другими, постоянно участвовать

в соревновании, перенимать опыт у старших, то есть постоянно совершенствовать свои физические возможности и развивать нравственные качества. Учиться вести себя в соответствии с определёнными обстоятельствами в коллективе и обществе в целом.

Как показывает статистика, в последнее время всё больше детей имеют слабое здоровье. Причин этому объяснению много. К ним относятся экология, окружающая среда, наследственность и другие. Занятия хореографическим творчеством способствует физическому развитию детей. Различные прыжки, вращения, растяжки, движения заставляют напрягаться все мышцы. Одновременно происходит тренировка всего тела, равновесия, дыхания, улучшается подвижность, осанка, координация, исправляются и другие многие природные недостатки. Танец учит владеть своим телом, помогает скорректировать фигуру.

Для того чтобы процесс овладения хореографическим творчеством был плодотворным, следует в ходе деятельности отметить особенности применения на занятиях хореографии методологических принципов обучения и воспитания в сочетании с творческим потенциалом участников коллектива: принцип сочетания традиций и новаторства; индивидуализации и личностного подхода к обучению; наглядности и образности в обучении; принцип системности в обучении [1].

Принцип сочетания традиций и новаторства. Для того чтобы педагогический процесс был эффективным, особое внимание в обучении хореографией уделяется созданию и заботливому сохранению традиций, сохранению преемственности в обучении. Во время занятий происходит знакомство с мировыми шедеврами хореографического творчества, приобщаясь к истории различных видов искусств разных времен и народов. Перебирая от них лучшее для своего творчества.

Принцип индивидуализации и личностного подхода. Внедрение личностного подхода в деятельность хореографического коллектива позволяет повысить воспитательно-педагогический потенциал в обучении, гуманизирует весь процесс творчества, способствуя моральной удовлетворённости результатами обучения. Индивидуальность, как личность, формируется в условиях социализации в коллективе, с учётом физиологических параметров подросткового возраста.

Принцип наглядности и образности в обучении. Необходимость данного принципа обосновывается диалектикой перехода мысли от конкретного к абстрактному, от чувственного к рациональному. Современные технические средства обучения

дают богатый выбор средств для формирования чувственных образов. Это телевидение, аудио- и видеотехника, которые активно используются в процессе обучения. Наглядность также связана с конкретным показом упражнений их характеристикой и словесным пояснением. Воспитанники коллектива должны увидеть, как правильно исполнить то, или иное па, так или иначе использовать дыхание во время выступления.

Принцип системности обучения. Данный принцип связан с объёмным системным представлением художественно-творческой деятельности. Системность заключается в сочетании изучения знаний и последовательного овладения вокальными и хореографическими навыками умениями в определенном логическом порядке: от простого к сложному, от прочувствования отдельных движений к исполнению концертного номера.

Овладение тем или иным навыком танцевания, грациозностью движений носит художественно-творческий характер. Занимаясь в коллективе, воспитанники не просто выучивают определённое количество движений и танцев, но и на каждом занятии познают своеобразный выразительный язык хореографического творчества, где тесно переплетаются музыка, пластика, образ, душа человека. Работая над хореографическими образами, участники коллектива находят наиболее красивые и выразительные движения и позы.

Одна из задач, стоящих перед педагогом хореографического коллектива, – научить видеть, чувствовать, понимать прекрасное в художественном произведении. Когда воспитанник начинает танцевать, а не механически повторять выученные текст и движения, номер становится «тропой», в область его ценностей, желаний, невыраженных чувств, тропой к творческому потенциалу [2]. Осознавая хореографическое произведение через образ, исполняя свободно и осознанно, каждый участник делает шаг к принятию свободы и творчества в повседневной жизни, что характеризует его как личность. Акт творческого самоутверждения в хореографическом номере сопровождающийся яркими переживаниями особенно существенен в переломные моменты развития характера подростка, когда его жизненная позиция еще недостаточно установилась, когда эмоционально значимый толчок может дать направление его интересам и стремлениям [3].

Нельзя не сказать о роли педагога в хореографическом коллективе. В данном случае он является неким «агентом социализации» – люди и учреждения, ответственные за обучение культурным нормам и усвоение социальных ролей. Именно педагог участвует в социализации личности участников своего коллектива. Выяснив навыки и способности каждого воспитанника, изучив его окружение, он создаёт условия для развития подростка. Главным в этом становятся взаимопонимание с подростком, только тогда педагог сможет направить его на путь самообразования, вовлечь в творчество. В то же время, одним из сложных моментов в процессе занятия подростков хореографическим творчеством является необходимость разрешения противоречия между досуговым характером занятий в кружке, предполагающим отдых, раскрепощение, и созданием художественного продукта, связанным с целенаправленным, зачастую напряженным творческим трудом. В хореографическом коллек-

тиве эта особенность требует для каждого участника поиска гармонии раскрепощённости, свободы и осознанности, творческой дисциплины. Хореографическая практика, основанная на значительных физических усилиях, может дать подростку и «нагрузку» и «разрядку», однако, перед педагогом неизбежно встает вопрос об их разумном соотношении.

Следовательно, большое значение имеет также подготовка квалифицированных педагогов по хореографии, от того насколько педагог подготовлен в этих вопросах будет зависеть успех коллектива и его воспитанников. Вся работа с подростками строится на интересе, увлеченности и творчестве.

Одним из важнейших принципов художественно-педагогического процесса, значительно повышающим его эффективность, в хореографическом коллективе является проявление инициативы участников. Систематические, целенаправленные, определенной формы и содержания упражнения на уроках хореографии, учитывающие пол и возраст, способствуют развитию творческих начал подростка, нравственных качеств, создают условия для гармоничного развития подростка, наполняют ощущение раскрепощённости и уверенности в собственных силах. В процессе занятий деятельность каждого участника становится творчеством созидания своего «Я». Подросток создает свое видение мира, материализует свое образное художественное мышление. Происходит целостное видение образов, такой процесс искренен и является жизненно важным процессом для подростка. Сам творческий акт участия в нем – фактор огромного социального значения.

Таким образом, анализируя широкий спектр литературы и фактологического материала, можно с уверенностью констатировать, что хореографическое творчество является одним из средств социализации подростков, так как имеет большие возможности для развития, формирования, становления личности. У подростков развивается коммуникабельность, вырабатываются ценностные ориентиры, нравственные качества, нормы общения и поведения, появляется представление о базовых ценностных ориентациях, разграничиваются взаимоотношения между детьми и взрослыми. У большинства подростков, занимающихся хореографическим творчеством, формируется целый комплекс эстетического, познавательного и коллективистического порядка, который во многом определяет новые мотивы поведения подростка, осмысливается им самим как гармоничное сочетание личных и общественных интересов, а также пропадает ощущение творческого дискомфорта. Весь творческий процесс протекает в коллективе и носит коллективный характер, занятия развивают чувство ответственности перед другими участниками, обществом, умение считаться с их интересами. Организуют внутренний распорядок подростка. Участие в концертной и конкурсной деятельности коллектива формирует у подростков здоровый дух соперничества, уважение друг к другу, любовь к своему делу, значимость каждого для коллектива и общества. Систематическая учебно-воспитательная работа в коллективе оказывает на подростка положительное воздействие для дальнейшего развития и успешного существования личности в обществе.

Библиографический список

1. Ваганова, А.Я. Основы классического танца. – Л.: М., 1963.
2. Захаров, Р.В. Сочинение танца. – М., 1983.
3. Богоявленская, Д.Б. Психология творческих способностей: учеб. пособ. для студентов вузов. – М., 2002.

Bibliography

1. Vaganova, A.Ya. Osnovih klassicheskogo tanca. – L.; M., 1963.
2. Zakharov, R.V. Sochinenie tanca. – M., 1983.
3. Bogoyavlenskaya, D.B. Psikhologiya tvorcheskikh sposobnosteyj: ucheb. posob. dlya studentov vuzov. – M., 2002.

Статья поступила в редакцию 14.06.14

УДК 53(091)

Novichikhina T.I. SCIENTIFIC AND INFORMATIONAL FIELD OF THE MIDDLE AGES. The article traces the source, accumulation, storage and methods of transmitting of scientific information in the middle ages. The conditions affecting the rate of the development of science and the flows of scientific information are considered. The relationship between economic and cultural development, their influence on the rate of scientific research is emphasized. The role of science in the Arab East in the development of experimental science is demonstrated. The special focus is done on the importance of the establishment of universities, their importance for the development of European science. The importance of the work of conspicuous disciples of medieval science is emphasized.

Key words: science, information, middle ages.

Т.И. Новичихина, канд. физ.-мат. наук, доц. ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: genphys@uni-altai.ru

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В работе прослеживается история получения, накопления, хранения и способы передачи научной информации в эпоху средневековья. Рассмотрены факторы, влияющие на темпы развития науки и потоки научной информации. Подчеркивается связь между экономическим и культурным развитием, их влияние на темпы научных исследований. Показана роль науки арабского востока в развитии экспериментальной науки. Сделан акцент на важность создания университетов, их значимость для развития европейской науки. Отмечено значение деятельности ярких представителей средневековой науки.

Ключевые слова: наука, информация, средние века.

Наука относится к сфере деятельности человека, которая призвана вырабатывать объективные знания об окружающей действительности. Процесс получения информации, накопленной предыдущим опытом знаний, формирует мировоззрение человека и способствует его становлению как личности. Современное миропонимание является важнейшим компонентом человеческой культуры, способствующим развитию кругозора, эрудиции и самоуважения индивида. Именно в этом и состоит смысл получения образования.

Темпы развития науки и потоки научной информации определяются рядом факторов, в частности: потребностями материального производства; практическими потребностями человека; экономическим строем государства; уровнем состояния культуры и самой науки на данном этапе развития общества [1]. Наука – продукт деятельности многих поколений людей, и чтобы прогнозировать тенденции и направления её будущего развития, необходимо изучать, анализировать и систематизировать информацию об её историческом прошлом. С этих позиций вопрос об историческом наследии науки средневековья представляется весьма актуальным.

Принято считать средневековье эпохой застоя в развитии человеческой цивилизации в целом и науки, в частности. Однако исследование научной информации того времени показывает, что и в тот период человечеством получено немало важных и полезных сведений для его дальнейшего развития [2].

Начальный этап средневековья (VII-XI века) характеризуется заметным всплеском научных исследований на арабском востоке. И это неудивительно. Средневековый Восток славился богатством и культурой, чего не скажешь о Европе того времени. Столица арабского государства Багдад была украшена роскошными дворцами, шумными базарами, заполненными продавцами и покупателями разных стран и народов. Арабские купцы снаряжали торговые караваны и морские суда; в городах выделялись богатые ткани, ковалось оружие, изготавливались драгоценные украшения из золота и серебра. Торговля требовала развития естественных наук: математики, пригодной для решения практических задач; развития астрономии для судоходства в любое время суток; развития измерительной техники (взвешивание, измерение объемов и т.п.); развития метрологии, понятной для представителей разных стран. Это связано с тем, что морские и сухопутные пути проходили через арабские земли.

Виднейшим представителем арабской науки в тот период был Абу Абдалла Мухаммед ибн Муса аль Хорезми (780–850 гг.) Им написан трактат «Аль Джабар» – алгебра, где рассмотрены действия с целыми числами и дробями, вводится ноль, решаются линейные и квадратные уравнения.

Арабы раньше других начали развивать экспериментальную науку. Первым к опытным исследованиям обратился Бируни (973–1048 гг.), изготовив «конический прибор», с помощью которого он производил точные определения плотности различных веществ. В дальнейшем подобные исследования были продолжены Аль Хазини с помощью сконструированного им прибора, который был назван «Весы мудрости». В своей «Книге о весах мудрости» (1121 г.) он приводит таблицу плотности металлов, измеренных на этих весах с погрешностью меньше 4,5 граммов ($\approx 0,1\%$). Такой точности он достиг, учитывая плотность воздуха. Еще одним крупным ученым прославилась арабская наука – это Абу Али аль-Хасан ибн аль-Хайсам (965–1039 гг.), которого в Европе знали как Алхазена. В изданной им «Книге оптики», описано, как ему удалось получить изображения солнца и луны в камере-обскуры. Изучая преломления света, он по-

казал, что углы падения и преломления непропорциональны и что падающие и преломленные лучи лежат в одной плоскости с перпендикуляром, восстановленным к границе сред в точку падения. Им также измерена высота атмосферы – 52 тысячи шагов, что не очень точно.

Арабские ученые вели пристальные астрономические наблюдения. Уделяя внимание астрономическим исследованиям, Бируни удалось определить радиус земли – 6490 км (по современным данным $R_z = 6370$ км). Крупным астрономом того времени был внук знаменитого Тимура – Улугбек (1394–1449 гг.). Он построил в Самарканде астрономическую обсерваторию, оснастив её первоклассными приборами, позволяющими вести самые точные наблюдения за небесными светилами. Им были составлены точный каталог звезд и таблицы движения планет, с указанием их координат на небесной сфере.

В западной Европе наука раннего средневековья намного отставала от арабской. Западноевропейские феодалы жили в разрозненных помещичьих усадьбах, имели своих крепостных, которые и снабжали их всем необходимым: продуктами, одеждой, обувью и т.п. Мир средневекового европейца в большинстве своем ограничивался рамками своей усадьбы, столь же ограниченным было его миропонимание. Их представления о Земле, по сравнению с арабами, выглядели убогими – Земля уподоблялась плоской лепешке, накрытой хрустальным копаком и плавающей в океане. По их мнению, небесная сфера состояла из нескольких поясов, на последнем из которых жили боги (седьмое небо). Грамотой владели в основном священники, читались только священные писания. Господствующей философией была религия. Природа понималась как результат божественного творения. По образному выражению католика Фомы Аквинского, философия рассматривалась как «служанка богословия».

Такое положение сохранялось несколько столетий, и только начиная с 10 века, в Европе стали активно развиваться ремесла и торговля, восстанавливаются политические и культурные связи между странами. У речных переправ и выгодных торговых путей возникают крупные города. Стали появляться новые слои общества – ремесленники и городская буржуазия. Оживление экономической, политической и культурной жизни общества требовало грамотных специалистов – юристов, врачей, экономистов и т.д.

По этой причине в ряде крупных городов Европы возникают университеты, первым из которых явился Болонский университет, открывшийся в начале 12 века. Затем открытие подобных университетов стало повсеместным: в Монпелье (1180 г.), Падуе (1222 г.), Тулузе (1229 г.), Гренобле (1339 г.), Праге (1348 г.), Флоренции (1349 г.), Кракове (1368 г.).

Структура средневекового университета в Европе была везде одинакова [3] (рис. 1).

Даже беглый анализ позволяет сделать вывод, что университеты в основном придерживались интересов церкви. Вопросы же естествознания изучались на медицинском факультете и отчасти на второй ступени «младшего» факультета.

Одной из основных форм обучения в этих университетах была лекция (в переводе буквально – «чтение»). Были введены сохранившиеся до сих пор ученые степени доктора наук и магистра, а также звание профессора и доцента. Для торжественных ритуалов предусматривались докторские мантии и шапочки, которые можно видеть и в современных вузах в качестве принадлежности при различных церемониях.

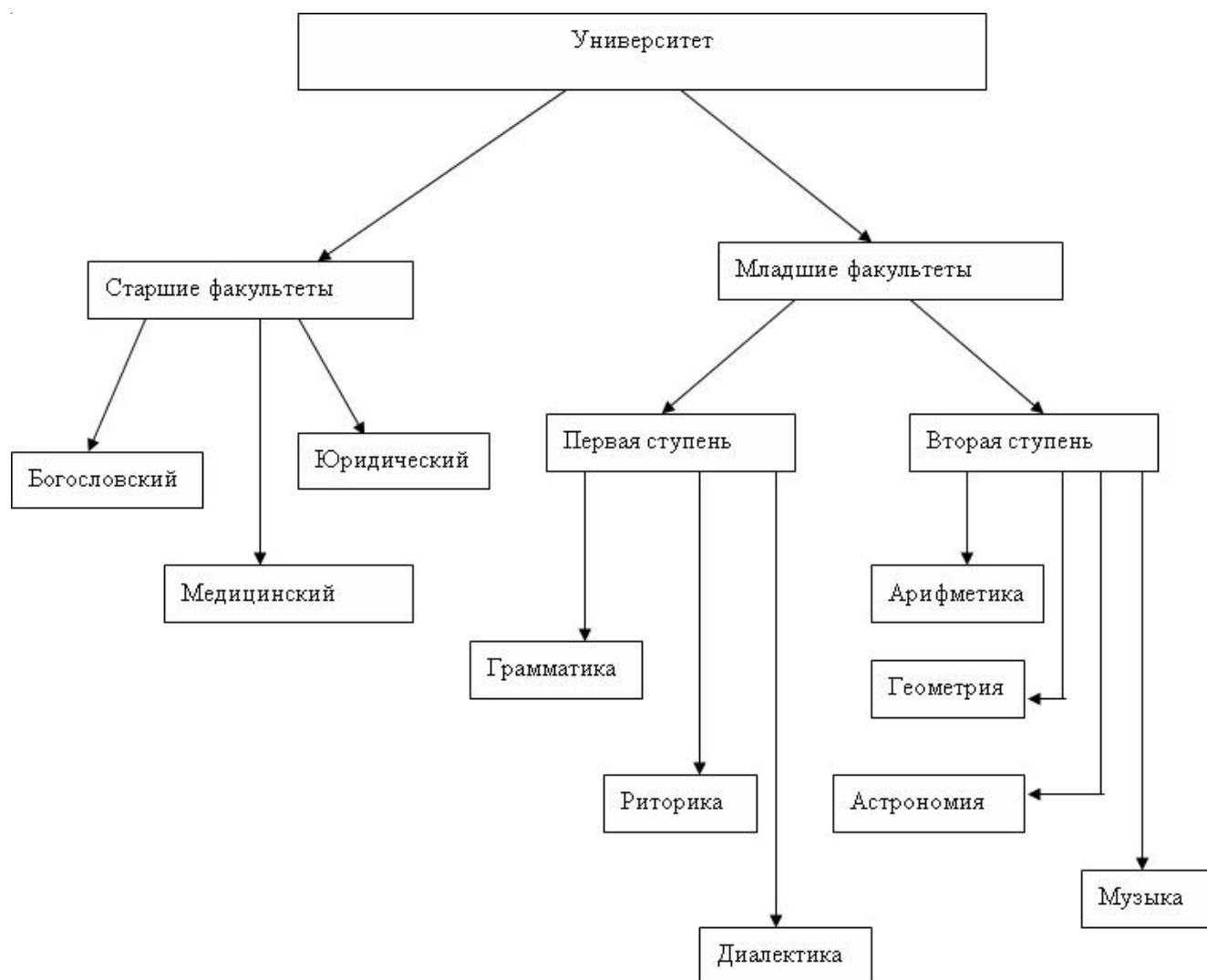

Рис 1. Структура средневекового университета

Господствующим философским направлением в средние века стала схоластика (от латинского слова «schola» – школа). Схоласты считали, что наука должна доказывать непротиворечивость догм священного писания. Для объяснения явлений природы они приписывали телам таинственные силы и свойства. Например, говоря о магните, схоласты утверждали, что он является царем камней, ему приписывали разного рода болезни. Они писали, что если магнит потереть чесноком, он будет хуже притягивать, а если воздать ему царские почести, обложить его в красную мантию, то есть обернуть его красной тряпкой, то он будет притягивать сильнее.

Чтобы представить себе какие «научные» вопросы интересовали схоластов, приведем примеры тем их диспутов:

- Где Бог создал человека в раю или не в раю?
- На каком языке говорят ангелы?
- Сколько чертей может разместиться на кончике иглы?

В период господства схоластики в Западной Европе развились и другие лженауки – астрология, алхимия, магия, зародившиеся еще ранее на Востоке и, как ни странно, активизирующиеся в наши дни. Астрология ставила своей задачей предсказание судьбы людей по небесным светилам. Она была в большом почете. У королей и крупных феодалов были свои астрологи. Она существовала долго. Даже Кеплер вынужден был заниматься астрологией и составлять гороскопы (это нужно было для добычи средств к существованию, чтобы в свободное время заниматься наукой). «Мать-астрология кормила дочь-астрономию», – говорил Кеплер.

Алхимия занималась отысканием «философского» камня, с помощью которого можно делать золото, а также достигнуть

вечной молодости. Вся теория алхимиков была основана на вере в таинственные силы слов и заклинаний, определяющих, по их мнению, протекание и результаты химических процессов. Вместе с тем, в ходе многочисленных опытов алхимии получили рецепты некоторых важных химических соединений.

Свободная, самостоятельная мысль беспощадно подавлялась. Эта эпоха вошла в историю науки как период «застоя». Однако и в этих условиях жили и работали люди, возвышавшиеся над общим уровнем, искавшие новые пути познания, новые способы извлечения научной информации.

Одним из таких людей был Роджер Бэкон (1214-1294 гг.) Он был исключительной личностью, провозвестником опытного естествознания, глубоко изучившим античные и арабские рукописи. Бэкон вел неутомимую борьбу с суевериями, разоблачал лежавшее в их основе невежество. Он сам экспериментировал и ставил физические и химические опыты. Опытным путем он нашел состав пороха, нашел способ получения фосфора, магния, висмута, изучил действие пара. Много занимался оптикой: изобрел камеру обскура, изучил возможность создания оптических приборов, с помощью которых «отдаленные предметы кажутся приближенными и наоборот, так, что на невероятном расстоянии будем читать мельчайшие буквы и различать мельчайшие вещи, а также будем в состоянии рассматривать звезды как пожелаем» [4]. Людям со слабым зрением он советовал прикладывать к глазу выпуклую линзу.

Преследуемый церковной инквизицией за свои прогрессивные взгляды Р. Бэкон просидел в тюрьме более 20 лет. Последователи Бэкона во взглядах на природу, тем не менее, нашлись и в других странах. Так, ректор парижского университета Жан Буридан, подверг анализу учение о движении Аристотеля – невиданная по тому времени дерзость. В трактате «Вопросы к восьми книгам «Физика» Аристотеля он рассматривает движение брошенного тела на примере полета копья, движение корабля по инерции против течения, объясняет ускоренное движение падающего тела, описывает свободное вращение волчка и вводит понятие напора (*impetus* – в последствии «импульс»). Ученик Буридана Никола Орем в книге «О небе и вселенной» (1377 г.) обосновывает суточное вращение земли, а также вводит график зависимости скорости движения от времени, фактически обосновывая геометрический смысл физических величин.

Обособленно выглядит учение Пьера Марикура (1269 г.) «Послание о магните», где он указывает способ, как найти полюса магнита, как намагнитить тонкую иглу; описывает опыты по взаимодействию полюсов магнита; утверждает, что компас показывает на полюс, а не на полярную звезду (называя её мореходной), то есть считает, что существует земной магнетизм. Кроме того, отмечает, что при разломе магнита, получается два магнита – каждый со своими двумя полюсами.

Возникновение и функционирование университетов явилось первой предпосылкой, послужившей всплеску европейской науки того периода. Изучение наследия античной науки в этих университетах стало второй предпосылкой укрепления научных подходов к объяснению окружающей действительности. И, наконец, третьей предпосылкой (пожалуй, главной) явилось развитие техники в тот период. Были сконструированы механические (колёсные) часы; в 13 веке в Италии появились очки; был усовершенствован компас. По словам известного русского академика-кораблестроителя А.Н. Крылова: «Компас – инструмент малый, но без него не была бы открыта Америка» (1492 г., Колумб) [5]. Большую службу компас сослужил в ходе кругосветного путешествия Магеллана (1519-1522 гг.), когда было окончательно доказано, что Земля – шар. В это время удалось наладить производство бумаги и организовать книгопечатание. Показательны такие цифры: с 1470 по 1500 год было издано книг – в Венеции – 2835; в Риме – 925, в Милане – 625; в Париже – 751; в Кельне – 530; в Лондоне – 130; в Оксфорде – всего 7.

Даже эти немногочисленные печатные издания позволили записывать и хранить информацию на бумажных носителях, что дало возможность использовать ее более широкому кругу исследователей, посвятивших свою жизнь поискам научной истины.

Полученная в стенах университетов и в частных лабораториях научная информация стала тем фундаментом, на котором в средние века появились нужные для практической деятельности технические изобретения: гидравлическое колесо (1526 г.); гидравлический насос, используемый в рудниках (1531 г.); первые гидросооружения – плотины (1570 г.); пресс для чеканки монет (1530 г.); станок для изготовления металлических лент (1579 г.); вязальные машины для чулок (1589 г.).

В это время на научном небосводе Европы ярко вспыхнула звезда великого Леонардо да Винчи (1452-1519 гг.), который являлся выдающимся представителем наступившей в Италии эпохи Возрождения. Деятельность Леонардо да Винчи представляется весьма многогранной. Особенно интересны для нас его достижения в области механики, физики и техники. Механику он называет «раем математических наук». В механике он исследует вопросы свободного падения тел, движения тел, брошенных под углом к горизонту, теории простых механизмов, определения центра тяжести тел. Он знал и использовал метод разложения сил: для описания движения тел по наклонной плоскости ввёл понятие силы трения, связав её с силой нормального давления. Однако им ошибочно предлагалось универсальное значение коэффициента трения, равное 0,25.

При описании механического движения Леонардо уже отходит от представлений Аристотеля, прочно укоренившихся в то время. В частности, он пишет: «Всякое движение стремится к своему сохранению... Всякое движение будет продолжать путь своего бега по прямой» [2]. Это еще не формулировка закона инерции, но верно выбранное направление к его открытию.

При изучении колебательного движения он близко подошел к современной трактовке явления резонанса, отмечая возрастание амплитуды колебаний при совпадении собственной частоты системы с частотой, действующей на неё силы извне. Леонардо

уже тогда был уверен в невозможности создания вечного двигателя, резко критиковал тех, кто пытался этим заниматься.

В его трудах достаточно много места уделено гидравлике, где он решал теоретические задачи, продиктованные практическими потребностями: непосредственно занимался мелиорацией, постройкой шлюзов, проектированием оросительных каналов на реках Италии. Эти работы побудили его заняться теорией сообщающихся сосудов, гидравлических насосов – здесь он был близок к формулировке закона Паскаля. В оптике Леонардо да Винчи впервые ставит вопрос о волновой природе света, устанавливая схожесть в распространении звуковых, водяных и световых волн.

Для его научных изысканий характерна экспериментальная направленность, он всегда стремился проверить на опытах все свои гениальные догадки. «Опыт – отец всякой достоверности. Мудрость – дочь опыта», – писал он [2]. Его познания в области астрономии позволили независимо от Коперника вплотную подойти к пониманию гелиоцентрической системы мира. Заслуживает внимания следующее высказывание Леонардо: «Солнце не движется. Земля не в центре солнечного круга и не в центре мира... Земля – звезда, почти подобная Луне» [5].

Особенно ярко проявился его талант как инженера-изобретателя. Перечень изобретений весьма внушителен: многоуровневый мост, водяные лыжи, махолёт, парашют, вертолёт, пушка, танк, самоходная тележка, акваланг, приспособления для водолаза, землечерпалка, ткацкие станки, прятка, спасательный круг, ламповое стекло, флейта и многое другое. Все механические аппараты, по замыслу их автора, должны приводиться в движение мускульной силой рук и ног человека. Это побуждало Леонардо заниматься анатомированием птиц, животных и умерших людей.

Интересно, что в наши дни нашлось немало поклонников технических творений Леонардо да Винчи, которые попытались воплотить на практике его задумки. Так, по его чертежам был изготовлен пирамидальный парашют, который благополучно приземлился с высоты почти 2500 метров; в норвежском городе Ас построен мост длиной 100 метров, спроектированный великим итальянцем; собраны и удачно испытаны самодвижущаяся тележка и танк на гусеничном ходу. Некоторое затруднение вызвало испытание построенного по чертежам Леонардо планера – дельтаплана. Дело в том, что одним из методов шифровки своих проектов он избрал преднамеренное искажение отдельных деталей технических устройств. Это коснулось и дельтаплана, где на рисунке неверно указано расположение его передней и задней частей. Стоило только развернуть аппарат на 180 градусов, как он прекрасно спланировал с высокого холма вместе с испытателем. Английские подводники успешно испытали сделанный по проекту да Винчи скафандр (прообраз водолазного костюма), в котором им удалось «погулять» по дну реки.

Эти примеры свидетельствуют о том, что Леонардо обладал даром предвидения технического плана. А его прогноз: «Люди будут собственной особой разбегаться по разным частям мира, не двигаясь с места» можно трактовать как предсказание возможности передачи телевизионного изображения или работы Интернета [5].

Однако самым революционным шагом в развитии средневековой науки следует считать гениальное творение великого польского астронома Николая Коперника (1473-1543 гг.), предложившего и обосновавшего гелиоцентрическую систему мира. Революционность такой системы состояла в том, что до Коперника на протяжении почти двух тысяч лет господствовала предложенная Птолемеем, развитая Аристотелем и узаконенная церковью геоцентрическая система мироздания, которая утверждала, что центром Вселенной является Земля, а все планеты, в том числе, Солнце и Луна, движутся вокруг Земли («гео» – Земля). Коперник, проводя многочисленные астрономические наблюдения, пришел к идее об относительности движений и о равноправности наблюдаемого и наблюдателя (пример с движением корабля относительно берега и наоборот). Сущность его великого открытия выражают слова, высеченные на пьедестале памятника – «Остановивший Солнце, сдвинувший Землю». Действительно, в центре Вселенной Коперник поместил Солнце (отсюда – гелиоцентрическая система, т.к. «гелиос» – Солнце), вокруг которого вращаются (каждая по своей орбите) планеты. Новая теория предлагала по-новому смотреть на устройство мира – это был вызов церковному авторитету в вопросах природы. Коперник написал 6 томов «О вращении небесных сфер», где развивал и доказывал истинность своей теории, явившейся по

сути научной программой исследования Вселенной. Естественно, что учение о гелиоцентрической системе мира вызвало категорическое неприятие со стороны церкви, так как оно противоречило священному писанию. Более того, не сразу была принята на веру теория Коперника и его коллегами-учеными. Однако среди них нашлись и такие, которых она захватила всецело и подвигла не только к признанию и изучению, но и развитию. Одним из таких продолжателей, дополнивших и распространивших идею гелиоцентризма, явился Джордано Бруно (1548-1600 гг.), судьба которого сложилась весьма трагично.

Таким образом, в актив средневековой науки можно с уверенностью отнести следующие достижения:

- создание арифметики и основ алгебры;
- зарождение экспериментальных методов исследования;
- организация научно-образовательных учреждений (университетов);

– появление проектов первых опытных моделей (Леонардо да Винчи);

– конструирование технических устройств для практических нужд человека;

– зарождение основ нового мировоззрения (Р. Бэкон);

– создание гелиоцентрической системы мира (Н. Коперник).

Полученная научная информация в эпоху средневековья стала тем информационным полем, на платформе которого дали ростки новые научные направления, связанные с активными процессами дифференциации естественных наук, в ходе которых отпочковались как самостоятельные науки – физика, химия, математика и др. Это привело к новому, более глубокому пониманию роли науки в обществе, к появлению, накоплению и тщательной обработке новой информации, что способствовало переходу человеческой цивилизации на новый, более высокий уровень своего развития.

Библиографический список

1. Ильин, В.А. История физики. – М., 2003.
2. Воров, Ю.Г. Краткий курс лекций по истории науки / Ю.Г. Воров, П.Д. Голубь. – Барнаул, 2012.
3. Усова, А.В. Краткий курс истории физики. – Челябинск, 1995.
4. Гиндикин, С.Г. Рассказы о физиках и математиках. – М., 1982.
5. Голубь, П.Д. Штрихи к портретам великих физиков и изобретателей: хрестоматия. – Барнаул, 2007.

Bibliography

1. Iljin, V.A. Istoriya fiziki. – M., 2003.
2. Vorov, Yu.G. Kratkij kurs lekcij po istorii nauki / Yu.G. Vorov, P.D. Golubj. – Barnaul, 2012.
3. Usova, A.V. Kratkij kurs istorii fiziki. – Chelyabinsk, 1995.
4. Gindikin, S.G. Rasskazih o fizikakh i matematikakh. – M., 1982.
5. Golubj, P.D. Shtrikh k portretam velikih fizikov i izobreteley: khrestomatiya. – Barnaul, 2007.

Статья поступила в редакцию 15.09.14

УДК 53(091)

Novichikhina T.I. SCIENTIFIC-INFORMATIONAL FIELD OF THE 17 CENTURY. The paper presents the history of obtaining, accumulation, storage and methods transmitting of scientific information in the 17 century. It specifies a new state of science in the society in that period. The emphasize is made on the importance of the reviewed period for the development of science and humanity in general, as a result of the expansion of scientific information by scientists and its extension beyond the scope of pure science. The fundamental role of scientific discoveries of the 17 century is noted. The special focus is on the applied use of research results.

Key words: science, information, 17 century.

Т.И. Новичихина, канд. физ.-мат. наук, доцент ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: genphys@uni-altai.ru

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ XVII ВЕКА

В работе рассмотрена история получения, накопления, хранения и способы передачи научной информации в XVII веке. Отмечено новое положение науки в обществе в этот период. Подчеркивается важность рассматриваемого периода для развития науки и человечества в целом в результате расширения границ научно-информационного поля трудами ученых и выхода его далеко за рамки чистой науки. Отмечена фундаментальная роль научных открытий XVII века. Сделан акцент на прикладном использовании результатов научных исследований.

Ключевые слова: наука, информация, XVII век.

Развитие науки любого этапа неразрывно связано с уровнем состояния экономического и политического уклада общества. Не исключение в этом плане составляет и XVII век. Этот период характеризуется началом развития капиталистического производства. В Голландии уже во второй половине XVI века капиталистическое производство стало играть решающую роль, а к началу XVII века Голландия превратилась в образцовую страну. В Англии в середине XVII века произошла буржуазная революция, расчистившая дорогу для капиталистического развития страны. Капиталистические отношения, хотя и медленнее, начали развиваться во Франции, и французская буржуазия приобрела все большую экономическую зависимость [1].

В этот период особенно быстро развивалась мануфактура и мануфактурная техника. В первую очередь это коснулось горнодобывающей, металлургической и металлообрабатывающей отраслей промышленности. Развитие техники предопределило возрастание потребности в увеличении производства чугуна, же-

леза, стали. Это потребовало совершенствовать имеющееся уже оборудование, искать новые, более мощные, двигательные установки. Для выплавки стали и чугуна возникла острая необходимость переоборудования воздуходувных мехов, обеспечивающих эффективное продувание воздуха в домнах. Необходимо было конструировать новые мощные двигатели.

Чтобы повысить добычу железной руды, потребовалось решать проблему углубления шахт, что привело к необходимости усовершенствования грузоподъемных и водоподъемных механизмов, более мощных и более производительных. Развитие производства стимулировало создание оригинальных передаточных устройств и механизмов, обеспечивающих передачу двигательной силы от двигателя к рабочей машине.

Ощутимый толчок к развитию техники дало текстильное производство. Например, в то время были сконструированы ленточный станок, а также шелкокрутильная машина.

Расширяющаяся торговля особенно с колониальными территориями привела к развитию морского и океанского флотов в ряде государств Европы. Самой мощной морской, военной, экономической державой Европы того периода стала Голландия. Англия была не согласна с таким положением и сама стремилась стать ведущей мировой страной во всех отношениях, такое соперничество также в немалой степени стимулировало рост производства.

Всплеск мануфактурного производства привел к тому, что труд интеллектуальный и труд непосредственно рабочего разделились. Работники умственного труда выделились как инженерно-техническая интеллигенция, решающая задачи практического использования результатов научных исследований и их достижений. Это способствовало повышению производительности труда, увеличению прибыли и прибавочной стоимости.

Наука из служанки богословия превращается в служанку капитала. Буржуазия, почувствовав реальную пользу от научных исследований, стало финансировать науку, способствуя её развитию. Особенно это коснулось естественных наук, которые оказались способными давать практическую выгоду капиталу и производству.

Таким образом, наука о природе явилась одним из важнейших инструментов повышения материального благополучия. Решаемые практически полезные задачи наукой заставили прогрессивную общественность, политических деятелей и философов изменить свое отношение к ней, предоставить ей приоритетное значение по сравнению с господствующей до того времени схоластикой.

Университетская наука в то время была вне интересов общества. Вот как описывает ее состояние английский философ и политический деятель Френсис Бэкон (1561–1626 гг.): «Если вы выбросите из естественной истории басни, замечания на древность, ссылки, пустые препирательства ..., то вы убедитесь, что она обратится в ничто». Задачи науки того периода достаточно четко определил один из лидеров английской науки – физик Роберт Гук: «Задача науки состоит в изыскании совершенного знания природы, а также свойств тел и причин естественных процессов. Эти знания приобретаются не просто ради самих себя, а для того, чтобы дать возможность человеку... вызывать и совершать такие эффекты, которые могут способствовать его благополучию в мире».

Таким образом, ситуация требовала того, чтобы научные исследования в конечном счете имели практический выход. При этом становятся необходимыми количественные соотношения, то есть открытые законы природных явлений и технических процессов должны быть описаны математически.

Новое положение науки в обществе, покровительственное отношение к ней со стороны буржуазии и государственных деятелей, прогрессивных мыслителей-философов приводят к созданию новых организационных форм ее развития. Наряду с университетами создаются научные общества.

Во второй половине XVII века во всех ведущих странах Европы создаются Академии наук. Первая из них была образована во Флоренции в 1657 году братьями Медичи. Она называлась «Академия опыта», что указывает на экспериментальную направленность исследований в ее стенах. В 1662 году в Англии создается Лондонское Королевское Общество (ЛКО) с экспериментальной лабораторией (первым ее куратором был Р. Гук). Там же в Англии известный химик Роберт Бойль (1627–1691 гг.), являющийся одновременно одним из директоров английской Ост-индийской компании на свои средства открывает первый в мире научно-исследовательский институт. Деятельность ученых ЛКО быстро дала о себе знать, в 1679 году Р. Гук изобрел «часы погоды», которые автоматически через каждые 15 минут измеряли и записывали на бумагу время, атмосферное давление, влажность, силу ветра и температуру. В 1666 году в Париже открывается королевская Академия наук, которой руководил известный ученый – физик Христиан Гюйгенс (1629 – 1695 гг.). В 1672 году начинает функционировать Берлинская Академия или «Общество для поощрения в Германии искусств и науки». Возглавляет эту Академию знаменитый математик Вильгельм Лейбниц (1646 – 1716 гг.).

Академии функционировали эффективнее, чем университеты, однако в университетских стенах постепенно стал наблюдаться поворот в сторону естественных наук. Этому способствовало то, что многие члены академий были одновременно профессорами университетов. Например, президент Лондонского

Королевского Общества И. Ньютон более 25 лет был профессором Кембриджского университета. Усилиями академий и университетов научная информация накапливается, множится и фиксируется. Практикуется обмен такой информацией между ведущими учеными и научными центрами Европы. И, как следствие этого процесса, стали издаваться и распространяться научные журналы, первым из которых был «Philosophical Transaction» – труды ЛКО (датируется 1665 годом).

Таким образом, к концу XVII века фактически закончился первый этап научно-технической революции. По сути, именно в это время были заложены основы современной науки. Этот период дал миру многих выдающихся ученых-естествоиспытателей [2].

Одним из первых ученых, ставшим сторонником материалистического подхода к науке, явился английский философ и политический деятель Френсис Бэкон (1561 – 1626 гг.). В своем главном труде «Новый органон», вышедшем в свет в 1620 году, он четко разграничивает роль естественных наук и философии. Считая естествознание «Великой матерью наук», Бэкон отводит ему роль служителя опыта с дальнейшей практической пользой для человека. Философия же, по его мнению, должна указывать пути научных исследований для исполнения естествознанием своего предназначения. Его пристальное внимание к техническому прогрессу позволило сделать вывод о необходимости мощной научной базы и построении новых теорий на основе опытных наработок и фактов.

Прогрессивная научная мысль прокладывала себе дорогу не только в Англии. Она ширилась, охватывая практически все крупные страны Европы. Так, в XVII веке в Германии возшла звезда Иоганна Кеплера, во Франции внес весомую лепту в развитие науки Рене Декарт, в Голландии – Христиан Гюгенс. И этот список великих имен можно продолжать, включая гения физики – Исаака Ньютона.

Это те ученые, которые заложили фундамент естественных наук на основе новых взглядов и подходов к объяснению мироздания.

Убежденным последователем гелиоцентрических идей Коперника и их продолжателем стал известный немецкий математик и астроном Иоганн Кеплер (1571 – 1630 гг.), который в итоге своей научной деятельности составил человечеству теорию небесной механики. Получив в свое распоряжение богатейшее наследие пражского астронома Тихо Браге в виде журналов, где на протяжении 35 лет постоянно записывались результаты наблюдений за движением небесных светил, И. Кеплер подверг их тщательной математической обработке. Кропотливый и порой изнуряющий труд, длившийся 8 лет, привел к великому успеху – Кеплер открыл и сформулировал три закона небесной механики, которые позднее были названы его именем. Законы Кеплера не только подтвердили учение Коперника, но и существенно обогатили его, исправив имеющиеся в нем ошибки.

Трудами И. Кеплера гелиоцентрическая система мира получила свое научное обоснование, но ее окончательному утверждению мешало закостенелое мышление религиозных догматиков и их сильное влияние на умы большинства людей. Да и власть, и сила была в их руках.

Что же касается достижений других естественных наук, то для физики XVII век является началом становления ее как науки. Очевидными становятся успехи в развитии статики, кинематики и динамики. Так, голландский инженер Симон Стевин (1548 – 1620 гг.) в своем научном трактате под названием «Математические мемуары» (1605 г.) рассмотрел условия равновесия в системах твердых тел и жидкостей. Им решена задача о равновесии цепочки, надетой на трехгранную призму. Стевин описал равновесие тел на наклонной плоскости, ввел принцип разложения и сложения сил, предложив при этом правило параллелограмма.

Самым знаменательным научным событием того времени явились творения великого итальянца Галилео Галилея (1564–1642 гг.). Он был самой внушительной фигурой в европейской науке XVII века, а его научная деятельность весьма многогранной. В 1632 году Галилей издал острополюмическую книгу «Диалоги о двух системах мира – Птолемеевой и Коперниковой».

Содержание книги не оставляет сомнения в справедливости гелиоцентрической Вселенной. Блестящая аргументация произвела сильное впечатление на современников Галилея, и «Диалог» стал книжной сенсацией, который заинтересовал даже людей, далеких от науки.

Одновременно книга вызвала негодование церковников и схоластов университетской науки, что привело Галилея к судилищу, на котором он был вынужден публично отречься от своего учения. Вряд ли стоит за это осуждать Галилея. Скорее всего, он сделал это еще и для того, чтобы иметь возможность развивать свои идеи относительно мироздания и укрепить их в умах людей. Именно благодаря такому отречению появилась вторая великая книга Галилея «Беседы о двух новых науках» (1638 г.), а его легендарная фраза «а все-таки она вертится!», произнесенная после суда по существу отображает непоколебимость мировоззрения этого выдающегося ученого. Убежденность во взглядах на природоустройство у Галилея возникла не на ровном месте. Прежде были наблюдения, исследования, гипотезы и их проверка. На это в большой мере повлияли астрономические наблюдения с помощью сконструированного им в 1609 году телескопа с 30-ти кратным увеличением. Первым из ученых направив свой телескоп на небо, Галилей заметил возле планеты Юпитер три светлые точки; это были спутники Юпитера (позже Галилей обнаружил и четвертый). Повторяя наблюдения через определенные интервалы времени, он убедился, что спутники обращаются вокруг Юпитера. Это послужило наглядной моделью кеплеровской системы, убежденным сторонником которой сделали Галилея размышления и опыт.

Были и другие важные открытия, которые ещё больше подрывали доверие к официальной космогонии с ее догмой о неизменности мироздания: изобретение телескопа позволило обнаружить фазы Венеры и убедиться, что Млечный Путь состоит из огромного числа звезд. Открыт солнечные пятна и наблюдая их перемещение, Галилей совершенно правильно объяснил это вращением Солнца. Изучение поверхности Луны показало, что она покрыта горами и изрыта кратерами. Даже этот беглый перечень позволил бы причислить Галилея к величайшим астрономам, но его роль была исключительной уже потому, что он произвел поистине революционный переворот, положив начало инструментальной астрономии в целом. Но самое главное – астрономические открытия Галилея сломали барьер между «земным и небесным», существовавший со времен Аристотеля. Они стали неопровержимым подтверждением правильности гелиоцентрической системы мира, предложенной Коперником. Результаты этих открытий были изложены Галилеем в трактате, вышедшем в 1610 году под гордым названием «Звездный вестник».

Основные достижения Галилея как физика-экспериментатора исходили из опытов по механике. Его лабораторной базой при этом служила известная Пизанская башня, откуда он с высоты 60 метров сбрасывал чугунный и деревянный шары одинакового размера. Результаты опытов позволили ему открыть следующие важные выражения для свободного падения тел:

а) ускорение силы тяжести, измеренное Галилеем, дало значение $4,8 \text{ м/с}^2$ (ошибка почти в двое связана, главным образом с неточностью измерения времени, которое он оценивал по биению своего пульса);

б) скорость падения тел не зависит от их веса, она нарастает пропорционально времени падения. Аристотель утверждал, что скорость падения тел пропорциональна их весу. Это утверждение уже вызывало сомнения, а проведенные Галилеем в присутствии многочисленных свидетелей наблюдения за падением с Пизанской башни шаров различного веса, но одинаковых размеров, наглядно опровергали его;

в) путь, пройденный свободно падающим телом, пропорционален квадрату времени движения (сегодня мы пишем

$$h = \frac{gt^2}{2} \text{).}$$

Кроме того, изучая явления, происходящие в каюте корабля покоящегося или равномерно движущегося, Галилей пришел к открытию важнейшего физического принципа – принципа относительности. Решительно отказавшись от представлений Аристотеля о движении, Галилей пришел к выводу, что движение (имеются в виду только механические процессы) относительно, то есть нельзя говорить о движении, не уточнив, по отношению к какому «телу отсчета» оно происходит.

Ему же принадлежат основные работы о движении тела по наклонной плоскости; о движении тела, брошенного под углом к горизонту; по теории простых механизмов и т. д. И, наконец, на базе опытных исследований он сформулировал закон инерции, который затем вошел в механику Ньютона как один из основных законов.

Галилео Галилей по справедливости считается родоначальником физической науки. Он, несомненно, был крупнейшим физиком XVII века, но этот век дал науке и много других выдающихся ученых.

К таким личностям, в первую очередь, надо отнести философа, математика и физика Рене Декарта (1596 – 1650 гг.).

Значение Декарта в науке не исчерпывается конкретными открытиями и достижениями, хотя и их было достаточно, чтобы имя его осталось известным ученому миру.

Он создал аналитическую геометрию. Им же предложена прямоугольная система координат, которая используется и в наши дни.

Декарту также принадлежит заслуга введения алгебраической символики. Он предложил обозначать неизвестные буквами X, Y, Z, а буквенные коэффициенты в уравнениях – a, b, c.

К этому времени у него сложились и основные физические воззрения. Декарт одним из первых сформулировал принцип относительности движений, им предпринята попытка обосновать закон сохранения количества движения (однако, он не учел векторный характер импульса). В оптике в 1637 году он сформулировал закон преломления света (этот закон ранее нашел голландец Снеллиус, но не опубликовал его). Декарт также правильно истолковал физический принцип образования радуги.

Его формулировка закона инерции очень близка по тексту к ньютоновской: «...если тело пришло в движение, уже этого достаточно, чтобы оно его продолжало с той же скоростью и в направлении той же прямой, пока оно не будет остановлено или отклонено какой-либо другой причиной». Все явления мира им сводятся к механическому движению и взаимодействию частиц посредством их столкновения. Мир он уподобил сложному механизму, состоящему из более простых деталей. Он отвергал все формы движения, кроме механической, отрицал существование пустоты, считал материю непрерывной, неделимой и заполняющей всё мировое пространство и т.д.

Такая физическая теория в истории науки получила название картезианство, от латинского происхождения имени Декарта – Картезий. Это была одна из самых мощных теорий XVII века, способная конкурировать даже с теорией Ньютона.

Однако при жизни Декарт был известен больше как философ, считающий человеческий разум основой познания мира. Главными в научных исследованиях, по его мнению, являются человеческий разум и мышление. Отсюда знаменитое положение Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую». Он отвергал все, кроме того, что мыслящий человек, безусловно, существует, так как глупо отвергать мышление. Логике познания он выстроил от простейшего и очевидного к сложному и неочевидному (известный метод дедукции).

Он допускает, что природа была создана богом в виде первоначального хаоса, ее частей и их движений. По Декарту, «Бог – первопричина движения, он постоянно сохраняет в мире его одинаковое количество». Некоторые ошибочные представления о действительности Декарта можно считать издержками состояния науки того времени, в котором он жил. В целом же его вклад в миропонимание неизмеримо велик.

Говоря о развитии механики в XVII веке, уместно отметить разработки известного голландского физика Христиана Гюйгенса (1629-1695 гг.). Важные исследования он провел по выявлению законов сталкивающихся тел.

Свои результаты он изложил в рукописи 1655 года, которая была опубликована в посмертных сочинениях под заголовком «О движении тел под действием удара».

Х. Гюйгенс, человек с умом практичным и конструктивным, не склонен был игнорировать данные опыта, а потому и обратил внимание на ошибочность утверждения Декарта о сохранении арифметической суммы количества движения mv . Он фактически впервые утверждал, что эта величина носит векторный характер. Вместе с тем, им опять же впервые вводится другая мера движения – mv^2 – прообраз будущей кинетической энергии. Гюйгенс обнаружил, что суммы обоих этих величин сохраняются.

Установив, что для движущихся тел имеет физическое значение только относительная скорость этих тел, Гюйгенс стал первым ученым, сформулировавшим принцип относительности движения. Он состоит в том, что системы отсчета, которые движутся по отношению друг к другу с постоянной прямолинейной скоростью, равноценны для описания физических явлений. Эта эквивалентность называется в настоящее время принципом относитель-

ности Галилея, но правильнее было бы называть ее принципом относительности Гюйгенса. Позднее этот принцип был трансформирован Ньютоном в один из основных законов динамики.

В мемуарах Гюйгенса по механике впервые вводится понятие центробежной силы. Им с достаточно большой точностью определено значение ускорения свободного падения ($g=979,9 \text{ см/с}^2$).

Не менее весомый вклад внес Х. Гюйгенс в развитие оптики. В 1678 году обнаружил явление поляризации света, а в «Трактате о свете» изложил основы волновой теории света и, применив новый принцип, известный как «принцип Гюйгенса», объяснил законы геометрической оптики, исходя из волновых представлений о природе света.

Подобный подход привел Гюйгенса к выводу о том, что свет в оптической более плотной среде должен распространяться с меньшей скоростью, чем в среде оптически менее плотной. Этот вывод противоречил результатам корпускулярной теории света Ньютона, которая приводила к обратному результату. Авторитет Ньютона в то время был настолько непререкаем, что ученый мир безраздельно встал на его сторону. Однако истинность любой теории может определить только опыт. Опыт подтвердил правоту выводов Гюйгенса спустя лишь 160 лет, когда французский физик Физо измерил скорость света в воде и показал, что она заметно меньше, чем в воздухе.

Используя сконструированный им самим телескоп, Гюйгенс обнаружил в 1655 г. спутник Сатурна, который позднее был назван Титаном. Некоторое время спустя, подтвердилось его гипотеза, что загадочные «придатки» Сатурна являются кольцом. Он писал что кольцо «тонкое и плоское, нигде не соприкасается с планетой и наклонено к эклиптике». Гюйгенс не верил своим глазам, ведь ничего подобного астрономы еще не знали. Он открыл полярные шапки Марса и полосы на Юпитере. Им была также сконструирована так называемая планетарная машина – подобие планетария. Он первым пришел к выводу, что Земля сжата у полюсов, близко подошел к открытию закона всемирного тяготения.

Необходимость решения крайне важной практической задачи XVII века – конструирование часов побудило его обратиться к проблеме колебаний маятника, что привело в итоге к тому, что он сконструировал первые маятниковые часы (1656 год), теория которых изложена им в мемуарах «Маятниковые часы» в 1678 году. Здесь же им рассмотрена теория физического маятника, в которой введено понятие, сходное с моментом инерции, получена формула для вычисления периода колебаний.

В 1657 г. он изобрел маятниковые часы с механизмом спуска гири, благодаря которому колебания маятника не затухали. Такие часы были необходимы для регистрации точных моментов астрономических наблюдений. В 1665 г. было опубликовано «Краткое руководство для использования часов в целях определения долготы». Его старания приспособить часы с маятником для использования на море привели в 1675 г. к конструкции часов с балансиром вместо маятника и спиральной пружины вместо гири. Эта конструкция, которая и теперь еще применяется во всех механических часах, завоевала всеобщее признание.

Апофеозным завершением научных разработок XVII века стало выход в свет знаменитого труда Исаака Ньютона (1643 – 1727 гг.) «Математические начала натуральной философии» (1687 г.).

Состояние науки к концу XVII века характеризовалось механическим подходом к объяснению явлений природы, естествознание того времени было исключительно механическим. По этой причине перед И. Ньютоном встала задача описания механического движения с помощью законов, присущих такому движению. Механику, начатую Галилеем и Декартом, Ньютон развил настолько, что она стала строгой научной системой, основная суть которой была изложена им в указанной работе.

В этом фундаментальном труде фактически разработана классическая механика, каноны которой были незыблемыми вплоть до начала XX века, когда появились работы Эйнштейна по теории относительности. В «Началах» Ньютоном введены понятие силы, массы, ускорения, количества движения; сформулированы три основных закона динамики; описан открытый им закон всемирного тяготения.

Еще ранее И. Ньютон создал дифференциальное и интегральное исчисление, широко используемое для математического описания многих процессов, изучаемых механикой. Он считал, что все законы механики действуют только для абсолют-

ных движений. Это потребовало от него четкого определения понятий абсолютного пространства и абсолютного времени, с чем он справился блестяще. По Ньютону:

а) «Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью».

б) «Абсолютное пространство по самой своей сущности безотносительно к чему-то ни было внешнему, остается всегда одинаковым и неподвижным» [3].

Однако Ньютон как физик признавал принцип относительности движений, вводя понятие инерциальных систем отсчета, которые являются равноправными при механических движениях.

Главное применение разработанная Ньютоном механика нашла в создании системы мира. В основе ее лежит модель Вселенной, предложенная Коперником. Именно с появлением работ Ньютона стало возможным полное теоретическое описание гелиоцентрической системы мира. Закон всемирного тяготения, устанавливающий, что все планеты и кометы притягиваются к Солнцу, а спутники к своим планетам с силой, обратно пропорциональной квадрату расстояния, позволил разработать подробную теорию движения небесных тел. Этот закон позволил объяснить многие астрономические явления: особенности движения Луны, ее прецессию, приливы и отливы на Земле, сжатие Юпитера и т.д.

Мир Ньютона – механический мир. Механическая картина мира после выхода ньютоновских «Начал» настолько прочно укрепились в сознании ученых последующих поколений, что от нее было сложно отказаться даже тогда, когда она исчерпала себя. В механической картине мира физика стала лидером наук, ее понятия, термины, теории проникали во все другие области естествознания, заметно влияя на становление мировоззрения людей. Мир воспринимался как совокупность диалектических систем, а природу, общество и человека стали рассматривать с точки зрения динамической гармонии.

Таким образом, к концу XVII века научно-информационное поле существенно обогатилось как в теоретическом, так и в практическом плане. Однако не только достижения астрономии и механики способствовали этому. XVII век подарил ученому миру немало открытий и в области других естественных наук. Значительно расширились границы научно-информационного поля трудами ученых, занимавшихся исследованиями вопросов молекулярной физики, теориями и законами газового состояния и жидкостей, электричества и оптики.

К этому периоду относятся: открытие атмосферного давления (Э. Торричелли); установление закона распределения давления в жидкостях (закон Б. Паскаля); изобретение ртутного термометра, барометров различной конструкции, ареометра, гигрометра, воздушного насоса. Роберт Бойль сформулировал понятие химического элемента как простейшей составной части вещества. Им же открыта зависимость давления газа от его объема при постоянной температуре (закон Бойля – Мариотта).

Начало XVII века ознаменовалось и первыми результатами исследований в области электричества. В 1600 году англичанин У. Гильберт, изучая наследие древнегреческих естествоиспытателей, провел ряд экспериментов, заложивших основы электромагнитостатики. Он ввел в науку термин «электричество» и изучил возможности электризации тел трением. Через 60 лет немецкий физик О. Герики (известный своими опытами с макдебургскими шарами) сконструировал первую электрическую машину, с помощью которой опытным путем ему удалось обнаружить, что наэлектризованные тела могут не только притягиваться, но и отталкиваться, что электризацию тел можно осуществить не только трением, но и через влияние.

Объем информации о световых явлениях в XVII веке также значительно возрос. В первую очередь, это относится к геометрической оптике, где теоретически был сформулирован один из важнейших оптических принципов, известный сегодня, как принцип Ферма. Обращает внимание факт всестороннего исследования ряда оптических законов. Так, экспериментально открыт в 1621 году В. Снеллиусом закон преломления, нашел свое теоретическое доказательство в труде Р. Декарта «Диоптрика» (1637 год).

Во второй половине XVII века вышел в свет труд Ф. Гримальди «Физико-математический трактат о свете, цветах и радуге», в котором содержится описание явления дифракции света. Внес свою лепту в получении информации о свойствах све-

та и великий И. Ньютон. Им экспериментально открыто явление дисперсии света – разложение белого света в спектр, то есть на составные цвета. Он же выдвинул корпускулярную гипотезу о том, что свет представляет собой поток частиц. Эта гипотеза встретила противостояние в труде Х. Гюгенса «Трактат о свете», где свет рассматривается, как распространяющиеся волны. Эти идеи положены в основу современных представлений о свете, проявляющего свойства корпускулярно-волнового дуализма.

Кроме того, И. Ньютон сконструировал первый зеркальный телескоп-рефлектор. Именно подобный инструмент позволил впервые измерить скорость света в межпланетном пространстве. В 1676 году датчанин О. Ремер в процессе наблюдения спутника Юпитера Ио сделал вывод о конечности скорости распространения света. По его расчетам она составляет 214 000 км/с, что не очень точно [3]. До этого некоторые вид-

ные ученые, в том числе И. Кеплер, Р. Декарт и другие считали скорость света величиной бесконечной.

Анализируя достижения естественных наук в XVII веке и учитывая, что при этом шел активный обмен научной информацией между крупнейшими научными центрами Европы, где практиковалось систематическое печатание результатов исследований в различных академических изданиях, позволивтельно утверждать, что научно-информационное поле того периода вышло далеко за его рамки по сравнению со средневековьем. Научная информация становилась не только достоянием ученых мужей, но и овладевала умами представителей буржуазных кругов, заинтересованных в более эффективном развитии производства. Общество по заслугам оценило практическую значимость науки, работающую не только на капитал, но и на благо всего человечества.

Библиографический список

1. Ильин, В.А. История физики. – М., 2003.
2. Воров, Ю.Г. Краткий курс лекций по истории науки / Ю.Г. Воров, П.Д. Голубь – Барнаул, 2012.
3. Усова, А.В. Краткий курс истории физики. – Челябинск, 1995.

Bibliography

1. Iljin, V.A. Istoriya fiziki. – M., 2003.
2. Vorov, Yu.G. Kratkiy kurs lekciy po istorii nauki / Yu.G. Vorov, P.D. Golubj – Barnaul, 2012.
3. Usova, A.V. Kratkiy kurs istorii fiziki. – Chelyabinsk, 1995.

Статья поступила в редакцию 17.09.14

УДК 378:80:681.3

Timofeeva E.V., Vinogradova Yu.B. ACTIVATION OF STUDENTS' EDUCATIONAL-COGNITIVE ACTIVITY WITH INFORMATION AND COMMUNICATIONS TECHNOLOGIES. In the article the basics of information-based and communicational technology usage is revealed. The role of the technologies is determined during the foreign language training under conditions of the education modernization. The classification of means of the new information technologies used in the foreign language training is suggested. The usage of new technologies in training is one of the most important aspects of the training improvement and optimization, and the enrichment of methods and techniques allowing diversification of work forms and transformation of the training process into an interesting foreign language training process for students. Means of the information-communication technologies listed by the authors allow stirring up students' cognitive activity, assuring positive training motivation, high training differentiation, improvement of knowledge, skill and practice control. The efficiency of the usage of information-communication technology depends on methods and forms of the use of technology, on a teacher's abilities to use the methodology, and on a teacher's electronic resources. The authors single out a number of recommendations for teachers using information-communication technologies in their lessons relying on the study of the theoretical problems of the research and practical application of the resources in the foreign language training.

Key words: information-communication technology, education modernization, means of the new information technologies, foreign language training, training optimization.

Е.В. Тимофеева, канд. пед. наук, доц. каф. иностранных языков ФГБОУ ВПО «Алтайский гос. аграрный университет», г. Барнаул, E-mail: elena.timofeeva.69@mail.ru; **Ю.Б. Виноградова**, канд. пед. наук, доц. каф. иностранных языков ФГБОУ ВПО «Алтайский гос. аграрный университет», г. Барнаул, E-mail: vinogradovayulia@yahoo.com

АКТИВИЗАЦИЯ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ИКТ

В статье раскрывается сущность информационно-коммуникационных технологий, определяется их роль при обучении иностранному языку в условиях модернизации образования, предлагается классификация средств новых информационных технологий, применяемых в обучении иностранному языку. Использование новых информационных технологий в преподавании является одним из важнейших аспектов совершенствования и оптимизации учебного процесса, обогащения арсенала методических средств и приемов, позволяющих разнообразить формы работы и сделать процесс обучения иностранному языку интересным для студентов. Перечисленные авторами статьи средства ИКТ позволяют активизировать познавательную деятельность студентов; обеспечить положительную мотивацию обучения; высокую степень дифференциации обучения; усовершенствовать контроль знаний, умений и навыков. Эффективность применения ИКТ зависит от способов и форм применения этих технологий, от того, насколько грамотно преподаватель владеет методикой работы с ними, от используемых им электронных ресурсов. Основываясь на изучении теоретических проблем исследования и опыте практического применения данных ресурсов в процессе обучения иностранному языку, авторы выделяют ряд рекомендаций для преподавателей, использующих информационно-коммуникационные технологии на своих занятиях.

Ключевые слова: информационно-коммуникационная технология, модернизация образования; средства ИКТ, обучение иностранному языку; оптимизация учебного процесса.

Процессы информатизации современного общества и тесно связанные с ними процессы информатизации всех форм образовательной деятельности характеризуются процессами совершенствования и массового распространения современных информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Подобные технологии активно применяются для передачи информации и обеспечения взаимодействия преподавателя и обучаемого в современных системах открытого и дистанционного образования. В концепции модернизации российского образования определены новые приоритеты. Ведущим аспектом является подготовка подрастающего поколения к жизни в быстро меняющемся информационном обществе, в мире, где постоянно возникает потребность в новых профессиях, в непрерывном повышении квалификации. В современной системе образования сложилась ситуация, когда устоявшиеся методы, приемы и формы обучения требуют осмысления, коррекции и новых педагогических решений. Это обусловлено, прежде всего, повсеместным внедрением и широким использованием информационно-коммуникативных технологий. Современный преподаватель должен не только обладать знаниями в области ИКТ, но и быть специалистом по их применению в своей профессиональной деятельности.

Использование новых информационных технологий в преподавании является одним из важнейших аспектов совершенствования и оптимизации учебного процесса, обогащения арсенала методических средств и приемов, позволяющих разнообразить формы работы и сделать процесс обучения иностранному языку интересным и запоминающимся для студентов.

В современной науке существует много различных подходов к определению термина «информационно-коммуникационные технологии». Согласно словарю Педагогического обихода (под ред. д-ра пед. наук Л.М. Лузиной), *информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)* – это совокупность средств и методов преобразования информационных данных для получения информации нового качества (информационного продукта) [1].

Информационно-коммуникационные технологии представляют собой широкий спектр цифровых технологий, применяемых для создания, передачи и распространения информации и оказания услуг (компьютерное оборудование, программное обеспечение, сотовая связь, электронная почта, сотовые и спутниковые технологии, сети беспроводной и кабельной связи, мультимедийные средства, а также Интернет) [2, с. 54-59].

Современная образовательная парадигма, строящаяся на компьютерных средствах обучения, берет за основу не передачу студентам готовых знаний, умений и навыков, а привитие обучающимся умений самообразования. При этом работа студентов на занятии носит характер общения с преподавателем, опосредованного с помощью интерактивных компьютерных программ и аудиовизуальных средств.

Ученые считают, что любой метод обучения обогащается за счет интеграции в него информационных технологий. Но если в процессе обучения информатике средства ИКТ выступают и как объект изучения и как средство обучения, то в процессе преподавания иностранного языка они являются только средством обучения. Под средствами ИКТ следует понимать программные, программно-аппаратные и технические средства и устройства, функционирующие на базе микропроцессорной, вычислительной техники, а также современных средств и систем трансляции информации, информационного обмена, обеспечивающие операции по сбору, продуцированию, накоплению, хранению, обработке, передаче информации и возможность доступа к информационным ресурсам локальных и глобальных компьютерных сетей [1]. К наиболее часто используемым в учебном процессе средствам ИКТ относятся:

- электронные учебники и пособия, демонстрируемые с помощью компьютера и мультимедийного проектора;
- электронные энциклопедии и справочники;
- тренажеры и программы тестирования;
- образовательные ресурсы Интернета;
- DVD и CD-диски с картинками и иллюстрациями;
- Видео- и аудиотехника;
- научно-исследовательские работы и проекты [3].

Перечисленные средства ИКТ позволяют активизировать учебно-познавательную деятельность студентов; обеспечить положительную мотивацию обучения с помощью интерактивного диалогового гипертекста; обеспечить высокую степень дифференциации обучения; усовершенствовать контроль знаний, умений и навыков; рационально организовать учебный процесс,

повысить эффективность занятий; формировать навыки подлинно исследовательской деятельности; обеспечить доступ к различным справочным системам, электронным библиотекам, другим информационным ресурсам.

Использование компьютерных программ при обучении иностранному языку позволяет предъявлять учебный материал более наглядно и доступно, чем в устной форме. Очень важно и то, что студент может работать на занятии в индивидуальном режиме, продвигаясь в постижении нового материала в своем темпе, возвращаясь к непонятому, если это требуется, или забегать вперед [4].

Компьютер развивает самостоятельность обучающихся и создает благоприятную социально-психологическую атмосферу на занятии, придавая им уверенность в себе, что является немаловажным фактором для развития индивидуальности студентов [5].

Таким образом, говоря о преимуществах работы обучающихся с компьютером, следует назвать его бесспорные *достоинства* [4, с. 25-31]:

- общекультурное развитие обучающихся;
- совершенствование навыков владения компьютером;
- совершенствование языкового уровня;
- создание благоприятного психологического климата;
- повышение мотивации обучающихся и их интереса к предмету;
- возможность реализации индивидуализации обучения;
- реализация принципа обратной связи;
- большие возможности наглядного предъявления материала;
- сочетание контроля и самоконтроля; объективная и своевременная оценка действий обучающихся;
- активизация навыков самостоятельной работы студентов.

Компьютер может быть эффективно использован для ознакомления, тренировки и закрепления новых языковых знаний, умений, навыков, а также на этапе их контроля.

Применение современных педагогических технологий позволяет перейти от обучения как функции запоминания к обучению как процессу умственного развития; от статической модели знаний к динамической системе умственных действий; от внешней мотивации обучения к внутренней нравственно волевой регуляции. Использование информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения иностранному языку раскрывает огромные возможности компьютера как эффективного средства обучения. Компьютерные обучающие программы позволяют тренировать различные виды речевой деятельности и сочетать их в разных комбинациях, осознавать языковые явления, способствуют формированию лингвистических способностей, создают коммуникативные ситуации, автоматизируют языковые и речевые действия, а также обеспечивают реализацию индивидуального подхода и интенсификацию самостоятельной работы обучающихся.

Применяя в учебном процессе информационно-коммуникационные технологии, необходимо, чтобы каждый педагог понял простую мысль: компьютер в учебном процессе – не механический педагог, не заместитель преподавателя, а активное средство развития студентов, усиливающее и расширяющее возможности его познавательной деятельности. Компьютер предоставляет педагогу возможность высвобождения времени для творческой деятельности и создания индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся.

Большое разнообразие обучающих средств ИКТ позволяет эффективно использовать их при обучении иностранному языку. В практике своей педагогической деятельности мы широко используем созданные специально для конкретных занятий *мультимедийные конспекты-презентации*, содержащие краткий текст по специальности, основные языковые формулы, клише для реферирования и аннотирования статей и текстов по специальности и др. Обладая такой возможностью, как интерактивность, компьютерные презентации позволяют эффективно адаптировать учебный материал исходя из индивидуальных особенностей обучающихся. Усиление интерактивности приводит к более интенсивному участию в процессе обучения самого обучаемого, что способствует повышению эффективности восприятия и запоминания учебного материала. В настоящее время разработана компьютерная поддержка курса иностранного языка. Не подменяя собой учебник или другие учебные пособия, электронные издания обладают собственными дидактическими

функциями. Основную роль играет различный материал, использование которого варьируется преподавателем. Программное обеспечение включает в себя обучающие и контролирующие программы, электронные учебники. *Мультимедийные учебники*, которые наглядно представляют материал, обеспечивают быструю обратную связь (мгновенный контроль за усвоением материала). Интерактивный режим позволяет студентам самим контролировать скорость прохождения учебного материала; разветвленная структура гиперссылок позволяет получить пояснение, дополнительную информацию. Достоинствами мультимедийных учебников являются, во-первых, их мобильность, во-вторых, доступность связи с развитием компьютерных сетей, в-третьих, адекватность уровню развития современных научных знаний. С другой стороны, создание мультимедийных учебников способствует также решению и такой проблемы, как постоянное обновление информационного материала. В них также может содержаться большое количество упражнений и примеров, подробно иллюстрироваться в динамике различные виды информации. Практика использования мультимедийных учебников показывает, что студенты качественно усваивают изложенный материал, о чём свидетельствуют результаты тестирования. Таким образом, развитие информационных технологий даёт широкую возможность для изобретения новых методов в образовании и тем самым повысить его качество. Разработка хороших мультимедиа учебно-методических пособий — сложная профессиональная задача, требующая знания предмета, навыков учебного проектирования и близкого знакомства со специальными программным обеспечением.

Самостоятельный поиск необходимой информации на *немецкоязычных и тематических сайтах* помогает формировать компенсаторную, социокультурную компетенции, развивает умение организовать самостоятельную работу.

Наши наблюдения показывают, что использование *компьютерного тестирования* повышает эффективность учебного процесса, активизирует познавательную деятельность обучающихся. Объективный контроль успеваемости, осуществляемый программой, полностью устраняет предвзятое отношение к оценке обучаемых.

Многочисленные возможности образовательных ресурсов сети Интернет в учебной деятельности развивают творческие, исследовательские способности студентов, повышают их активность, способствуют приобретению навыков, которые весьма полезны в дальнейшей профессиональной деятельности. Информационные технологии создают условия для самовыражения личности студента: результаты их творчества могут оказаться востребованными, полезными для других.

Хотя использование информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам непрерывно расширяется, тем не менее, этот процесс является предметом острых дискуссий в российских и зарубежных публикациях. Использование современных средств ИКТ во всех формах обучения может привести и к некоторым негативным последствиям, в числе которых можно отметить ряд негативных факторов психолого-педагогического характера и спектр факторов негативного влияния средств ИКТ на физиологическое состояние и здоровье обучаемого. В частности, чаще всего одним из преимуществ обучения с использованием средств ИКТ называют индивидуализацию обучения. Однако, наряду с преимуществами здесь есть и недостатки, связанные с тотальной индивидуализацией. Индивидуализация сворачивает и так дефицитное в учебном процессе живое диалогическое общение участников образовательного процесса — преподавателей и студентов, студентов между собой и предлагает им суррогат общения в виде «диалога с компьютером». В течение всего срока обучения студент занимается, в основном, тем, что молча потребляет информацию. В це-

лом орган объективизации мышления человека — речь — оказывается выключенным, обездвиженным в течение многих лет обучения. Студент не имеет достаточной практики диалогического общения, формирования и формулирования мысли на профессиональном языке. Если пойти по пути всеобщей индивидуализации обучения с помощью персональных компьютеров, можно прийти к тому, что мы упустим самую возможность формирования творческого мышления, которое по самому своему происхождению основано на диалоге. Использование информационных ресурсов, опубликованных в сети Интернет, часто приводит к отрицательным последствиям. Готовые проекты, рефераты, доклады и решения задач из сети Интернет не всегда способствуют повышению эффективности обучения и воспитания.

Противники компьютерного обучения говорят о вредном влиянии компьютера на здоровье как обучаемых, так и обучающихся. Они придерживаются мнения о необходимости проведения большой предварительной организационной работы преподавателя по выбору и подготовке в компьютерной форме необходимых учебных материалов.

Изучив состояние проблемы использования средств ИКТ в сфере обучения иностранным языкам, можно сделать вывод о том, что эффективность применения ИКТ зависит от способов и форм применения этих технологий, от того, насколько грамотно преподаватель владеет методикой работы с ними, от используемых им электронных ресурсов. Основываясь на изучении теоретических проблем исследования, анализе ресурсов ИКТ и опыте практического применения данных ресурсов в процессе обучения иностранному языку можно выделить ряд рекомендаций для преподавателей, использующих информационно-коммуникационные технологии на своих занятиях.

1. Преподаватель и студент должны уметь обращаться с компьютером на уровне, необходимом для выполнения компьютерных заданий.

2. Преподавателю следует четко представлять, какие формы ИКТ следует использовать на данном этапе занятия, и оправдано ли это использование.

3. Необходимо заранее подбирать материал к занятию с использованием ИКТ, руководствуясь определенными критериями, адаптировать отобранный цифровой материал в соответствии с задачами и условиями обучения.

4. Преподавателю следует планировать и организовывать самостоятельную работу учащихся по предмету с привлечением ИКТ.

При подготовке к занятию с использованием ИКТ преподаватель не должен забывать, что это занятие, а значит, он должен составлять план занятия исходя из его целей, при отборе учебного материала необходимо соблюдать основные дидактические принципы: систематичности и последовательности, доступности, дифференцированного подхода, научности и др.

Электронные презентации дают возможность преподавателю при минимальной подготовке и незначительных затратах времени обеспечить наглядность на занятии. Занятия, составленные при помощи PowerPoint, зрелищны и эффективны при работе с информацией.

Таким образом, использование средств ИКТ при обучении иностранному языку способствует повышению интереса обучающихся к предмету и активизации их учебно-познавательной деятельности, развитию навыков самостоятельной работы и работы в коллективе, эффективному формированию всех видов речевой деятельности. Систематическая работа с компьютерными заданиями формирует у студентов устойчивые навыки самостоятельной работы, что приводит к сокращению времени на выполнение стандартных заданий и позволяет увеличить время на выполнение работ творческого характера.

Библиографический список

1. Словарь педагогического обихода / под ред. проф. Л.М. Лузиной. — Псков, 2003.
2. Коптюг, Н.М. Интернет-уроки как вспомогательный материал для учителя английского языка // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 4.
3. Сажков, Б.П. Организация информационного пространства образовательного учреждения: практическое руководство. — М., 2005.
4. Подпригорова, Л.А. Использование интернета в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. — 2003. — № 5.
5. Войтко, С.А. Об использовании информационно-коммуникационных технологий на уроках английского языка // Интернет-журнал Фестиваль педагогических идей «Открытый урок» 2004 — 2005 [Э/п]. — П/д: <http://festival.1september.ru/articles/415914/>

Bibliography

1. Slovarj pedagogicheskogo obikhoda / pod red. prof. L.M. Luzinoyj. — Pskov, 2003.
2. Koptjug, N.M. Internet-uroki kak vspomogatel'nyj material dlya uchitelya anglijskogo yazyhka // Inostrannije yazyhki v shkole. — 2000. — № 4.

3. Sayjkov, B.P. Organizaciya informacionnogo prostranstva obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: prakticheskoe rukovodstvo. – M., 2005.
4. Podoprigrorova, L.A. Ispol'zovanie interneta v obuchenii inostrannim yazykam // Inostranniye yazyki v shkole. – 2003. – № 5.
5. Voytko, S.A. Ob ispol'zovanii informacionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy na urokakh angliyskogo yazyka // Internet-zhurnal Festivali pedagogicheskikh idey «Otkritiy urok» 2004 – 2005 [Eh/]. – R/d: <http://festival.1september.ru/articles/415914/>

Статья поступила в редакцию 19.09.14

УДК 37.013.42

Sheptenko P.A. THE SPECIFICITY OF THE PROFESSIONAL WORK OF A SOCIAL PEDAGOGUE IN RURAL SCHOOLS. The article discusses the specifics of the work of a social pedagogue in rural schools. The author proposes a model, including an objective-related, contents-related, technological, productive units, and identifies its effectiveness.

Key words: rural school, social worker, rural society, student-oriented interaction.

П.А. Шептенко, канд.пед.наук, профессор ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: psheptenko@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматривается специфика работы социального педагога в условиях сельской школы. Предложена модель, включающая целевой, содержательный, технологический, результативный блоки, выявлена ее эффективность.

Ключевые слова: сельская школа, социальный педагог, сельский социум, личностно-ориентированное взаимодействие.

Усиление внимания педагогики к проблемам взаимодействия человека и среды актуализирует задачу изучения влияния сельской среды на процессы социализации, воспитания, образования и социальной защиты человека, который проживает в специфических условиях сельской среды.

По мнению М.П. Гурьяновой, в современной педагогической науке социальная педагогика села вправе выделиться в самостоятельную область социальной педагогики, т.к. четко определены ее предмет исследования: закономерности развития социально-педагогической теории и практики в условиях сельского социума. Объектом социальной педагогики села выступают человек, среда, социум. Объектом могут быть и межличностные взаимодействия в процессе социальной адаптации человека к сельской общности и производственным отношениям на селе [1].

Цель социальной педагогики села – научно-теоретическое обоснование и обеспечение социально-педагогической деятельности в сельском микросоциуме. Как область практики, она нацелена на преодоление педагогической замкнутости сельской школы, вывод воспитания на широкий путь общественной жизни, «очеловечивание» окружающей среды, создание воспитывающих отношений в социуме, поиск механизмов педагогически компетентного вмешательства в кризисные ситуации социальной деятельности (М.П. Гурьянова).

По сути социальная педагогика села нацелена на педагогическую помощь и поддержку человека в его социальном формировании, развитии, самовыражении, самоопределении, самореализации, самопомощи в сельской среде.

Отличительные особенности социальной педагогики села (по М.П. Гурьяновой): социальная педагогика села изучает личность в среде, в конкретном динамично меняющемся и развивающемся сельском социуме, на всех стадиях онтогенеза, с учетом влияния на ее развитие всех факторов окружающей среды. Комплексное изучение личности является одной из задач социальной педагогики.

Социальная педагогика рассматривает педагогический процесс в открытой среде как явление общественной жизни, педагогически управляемый процесс организованных и стихийных воздействий на личность всех явлений макро-, мезо- и микро-среды, в которой живет и формируется индивид. Сферой деятельности социальной педагогики является открытая среда – социальные институты микросоциума, все объекты социальной деятельности.

Социальная педагогика изучает все явления общественной жизни общества, начиная с состояния производственных сил и заканчивая самым возвышенными идеологическими надстройками, но только под своим специфическим углом зрения, с позиции того, как все эти производственные, экономические, поли-

тические, культурные условия и другие аспекты общественной жизни изменяют и формируют человека.

Наше исследование проводилось на базе ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия», где осуществляется подготовка социальных педагогов, и педагогов сельских школ Алтайского края. Целью исследования явилось выявление специфики профессиональной деятельности социального педагога в условиях сельской школы.

Специфика работы сельского социального педагога определяется той ролью, которую он играет в жизни села, набором требований, предъявляемых сельским обществом к социальному педагогу, особым механизмом решения воспитательных и социальных проблем, основанном на традициях сельской жизни, условиями жизни сельского населения.

Практика показывает, что сельский социум предъявляет повышенные требования к социальному педагогу. Социально-педагогическая работа на селе – один из самых сложных участков социальной и педагогической работы, требующей специализированной профессиональной подготовки и особых личностных качеств.

Сельский социальный педагог работает в условиях жесткого социального контроля, на виду у общественности. Люди оценивают его не только как специалиста, эксперта в своей области знаний, но, прежде всего, как человека, семьянина, труженика. Поэтому высокие моральные качества, четкие нравственные ориентиры, авторитет и уважение в среде сельских жителей – неотъемлемые черты сельского социального педагога.

Особый характер носит искусство общения с жителями села. Взаимоотношения между людьми довольно сложны, хотя внешне создают видимость простоты. Как правило, в селе люди связаны друг с другом узами близкого или дальнего родства. В селе повсеместно дают себя знать традиции. Для социального педагога необходимо умение уважительно и доступно вести беседу, разговаривать и убеждать человека, не бояться вступить в острый спор, выступить перед людьми. Ему нужно показать широту познаний и интересов, чтобы у людей появилось взаимное стремление к общению.

Сельские жители могут обращаться за помощью социального педагога в любое время и в любом месте – на работе, дома, в магазине. Социальный педагог в силу существующего дефицита квалифицированных специалистов социальной сферы зачастую совмещает обязанности социального педагога и социального работника. Так как в настоящее время вузы готовят специалистов профиля «Психология и социальная педагогика», он выполняет функционал психолога. В отдельных населенных пунктах сельской местности, как правило малонаселенных, обычно все аспекты социально-педагогической деятельности интегрированы в лице социального педагога, который помогает жите-

лям своей деревни, поселка, села в решении жизненных проблем, являясь, по существу, проводником социальной политики государства во всем многообразии ее сфер и направлений.

Велико значение народных традиций села, обычаев, обрядов, общественного мнения, роли семьи, авторитета старейших жителей. Практика показывает, что знание особенностей местной жизни, их соблюдение и умение ими пользоваться в социально-педагогической работе помогает социальному педагогу успешно адаптироваться в сельской среде.

Современный педагог вынужден работать в условиях снижения социальной активности людей, утраты многих традиций культурно-просветительской работы в деревне, обострения социальных проблем, усиления дезинтеграционных процессов, увеличения занятости людей в личном подсобном хозяйстве. В этой ситуации разбудить общественную инициативу людей может лишь человек, хорошо знающий специфику жизни на селе, образ жизни, уклад сельских жителей, хорошо понимающих пути социального обустройства деревни.

Для сельского социального педагога важно быть умелым организатором, уметь объединять людей для достижения целей социального воспитания и социальной работы, выстраивать отношения, сотрудничать с местной властью, общественными объединениями, государственными службами района, взрослыми и детьми.

Практика показывает, что педагогически целесообразна работа социально-педагогической службы, созданной на базе школы или клуба, в состав которой входят социальный педагог, психолог, медицинский работник, представители общественных объединений. Состав службы определяется как экономическими возможностями местной власти, так и реальными потребностями социума.

Функции представлены следующими:

- образовательно-воспитательная – обеспечивает целенаправленное педагогическое влияние на поведение и деятельность детей и взрослых, содействует образовательной и воспитательной работе всех социальных институтов, семьи, трудовых коллективов, средств массовой информации, общественных объединений;
- диагностическая – ставит «социальный диагноз», выявляет образовательно-воспитательный потенциал среды социума, психологические и возрастные особенности детей и подростков, молодежи, взрослого населения;
- организаторская – организует ту или иную общественно-ценную деятельность, помогает в трудоустройстве, профессиональной ориентации и адаптации детей;
- прогностическая – участвует в разработке планов, программ и прогнозов социального развития микрорайона и конкретного микросоциума, деятельности различных институтов;
- предупредительно-профилактическая и социально-терапевтическая – участвует и проводит в действие социально-правовые, юридические и психологические механизмы предупреждения и преодоления негативных влияний, организует психотерапевтическую помощь нуждающимся, обеспечивает защиту прав в обществе;
- организационно-коммуникативная – способствует включению добровольных помощников населения в социально-диагностическую работу, в совместный труд и отдых;
- охранно-защитная – использует весь арсенал правовых норм для защиты интересов клиентов;
- посредническая – осуществляет связи между семьей и образовательным учреждением, ближайшим окружением, официальными инстанциями в интересах ребенка [3].

Следует выделить основные направления социально-педагогической работы в образовательном учреждении:

- помощь семье в разрешении проблем, связанных с учебой, воспитанием детей;
- помощь ребенку в устранении причин, негативно влияющих на его успеваемость и посещение школы;
- привлечение детей, родителей, общественности к организации и проведению социально значимых мероприятий, акций;
- диагностирование, разрешение конфликтов, проблем, трудных жизненных ситуаций, затрагивающих интересы ребенка, на ранних стадиях развития с целью предотвращения серьезных последствий;
- индивидуальное и групповое консультирование детей, родителей, педагогов, администрации по вопросам разрешения

проблемных ситуаций конфликтов, снятия стресса, воспитанию детей в семье и т.п.;

- выявление запросов, потребностей детей и разработка мер помощи конкретным учащимся с привлечением специалистов из соответствующих учреждений и организаций;
- проектирование, разработка планов, проектов и программ по различным направлениям деятельности образовательного учреждения;
- пропаганда и разъяснение прав детей, семьи, педагогов;
- решение практических вопросов обеспечения учебно-воспитательной работы за пределами расписания учебных занятий [2].

Результаты проведенного опроса среди студентов Алтайской государственной педагогической академии, обучающихся по специальности «социальный педагог», проведенный с целью выяснения представления студентов о специфике социально-педагогической деятельности в сельской местности, проблемах, уровня их готовности к работе в условиях села, показали, что большинство опрошенных определило ее как «обыкновенную школу ни чем особым не отличающуюся от городской», однако, каждый выделил одну или несколько проблем, которые по их мнению, существуют в сельской школе: плохая материальная база (отсутствие литературы, пособий, плачевное состояние здания самой школы, низкая заработная плата педагогических кадров нехватка квалифицированных специалистов, малокомплектность и др.).

К субъектам социально-педагогической деятельности в сельской школе студенты отнесли таких специалистов и педагогических работников, как: социальный педагог, классный руководитель, психолог, зам. директора по воспитательной работе, учителя – предметники, родительский комитет, администрация села.

Выяснено, что респонденты едины во мнении – социально-педагогическая деятельность направлена на семью и детей (называют семьи групп риска, детей из этих семей, малообеспеченные семьи; также указывают и проблемы благополучных семей и т.д.).

К направлениям социально-педагогической деятельности опрошиваемые отнесли: социально-педагогическую помощь (консультации, профилактика, диагностика и т.д.), материальную помощь, психологическую помощь.

Таким образом, специфика работы сельского социального педагога определяется той ролью, которую он играет в жизни села, набором требований, предъявляемых сельским сообществом к социальному педагогу, особым механизмом решения воспитательных социальных проблем, основанном на традициях села, условиями жизни сельского населения.

Смысл и назначение профессии социального педагога – оказание комплексной социально-психолого-педагогической помощи ребенку, подростку, молодежи, взрослым в их успешной социализации, стимулирование людей на развитие их собственных сил, на использование имеющихся у них резервов на решение возникающих проблем.

В целом главная миссия социального педагога в жизни села заключается в посредничестве между личностью и сельским обществом, человеком и социальными службами, призванными заботиться о его здоровье, культурных потребностях, охране и защите его прав.

На основе проводимого исследования нами сконструирована модель профессиональной деятельности социального педагога в условиях сельской школы.

Модель представлена как взаимодействие четырех взаимосвязанных блоков: целевого (цель и задачи деятельности), содержательного (функции и принципы деятельности), технологического (методы и направления деятельности) и результативного.

Целевой блок определяет содержание, технологию и результат профессиональной деятельности социального педагога в условиях сельской школы:

- создание благоприятных условий для развития личности ребенка (физического, социального, духовно-нравственного, интеллектуального);
 - оказание ребенку комплексной помощи в саморазвитии и самореализации в процессе восприятия мира и адаптации в нем;
 - защита ребенка в его жизненном пространстве.
- В соответствии с целью сформулированы задачи профессиональной деятельности социального педагога в условиях сельской школы:

- сформировать у детей навыки общения, которые по какой-либо причине у него отсутствуют;
- помочь обучающимся адаптироваться в среде школы и сельского социума;
- организовать личностно-ориентированное взаимодействие детей, педагогов, родителей.

Цель, в свою очередь, определяет содержание деятельности, методы ее реализации и формы организации (индивидуальная, групповая, коллективная), которые взаимосвязаны между собой. Решение любой проблемы начинается с диагностирования проблемы, которое включает в себя обязательный сбор, анализ и систематизацию информации, на основании которой делается то или иное заключение.

Содержательный блок модели включает принципы профессиональной деятельности (взаимодействие личностно-ориентированного подхода, позитивного воспитания и принятия личности, конфиденциальности) и функции социального педагога: аналитико-диагностическая, прогностическая, организационно-коммуникативная, координационно-организационная, функция социально-педагогической поддержки воспитанников, охранно-

защитная, психотерапевтическая, социально-профилактическая, реабилитационная.

Результативный блок обусловлен результатом профессиональной деятельности социального педагога в условиях сельской школы – эффективная социально-психолого-педагогическая деятельность и успешная социализация детей всех возрастов. Основными критериями эффективности профессиональной деятельности социального педагога являются: динамика во включенности детей и взрослых в различные виды деятельности, в положительном изменении уровня отношений детей, подростков, родителей к базовым социальным ценностям, социально-психологическому климату, удовлетворенности детей и педагогов качеством социально-педагогической помощи, уменьшении правонарушений детьми, повышении авторитета социального педагога.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что проведенная социально-педагогическая работа социального педагога с учетом специфики сельского социума способствует ее эффективности и социализации обучающихся.

Библиографический список

1. Гурьянова, М.П. Школа российской глубинки: как выжить? // Народное образование. – 2000. – № 3.
2. Никитина, Л.Е. Социальный педагог в школе. – М., 2003.
3. Шептенко, П.А. Введение в специальность «Социальный педагог»: учеб. пособ. / под ред. В.А. Сластенина. – М., 2008.

Bibliography

1. Gur'yanova, M.P. Shkola rossiyjskoy glubinki: kak vihzhitj? // Narodnoe obrazovanie. – 2000. – № 3.
2. Nikitina, L.E. Social'niy pedagog v shkole. – M., 2003.
3. Sheptenko, P.A. Vvedenie v special'nostj «Social'niy pedagog»: ucheb. posob. / pod red. V.A. Slastenina. – M., 2008.

Статья поступила в редакцию 19.09.14

УДК 37.013.42:373.3:811

Abdina R.P., Miroshnichenko V.V. LINGUISTIC AND CULTURAL PREPARATION OF THE BACHELOR OF PRIMARY EDUCATION FOR WORK IN A MULTICULTURAL REGION. In the article the necessity of linguistic and cultural training in the professional development of primary teachers to work in multicultural region. Linguistic and cultural preparation involves the ability of the teacher to understand the culture of another nation for the purpose of effective communication, using the language of the people in the partial or full, as well as the ability to professionally carry out the training of the younger generation on the basis of tolerance and respect multinational, multicultural composition of the Russian society.

Key words: education, tolerance, linguistic and cultural preparation, the teacher of initial classes, multicultural region.

Р.П. Абдина, ст.н.с. ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: rabdina@mail.ru;

В.В. Мирошниченко, доцент ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: vlada_v@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРА НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РАБОТЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ

В статье рассмотрена необходимость лингвокультурной подготовки в профессиональном становлении учителя начальных классов для работы в поликультурном регионе. Лингвокультурная подготовка подразумевает способность педагога понимать культуру другого народа с целью эффективной коммуникации с использованием языка этого народа в частичном или полном объеме, а также способность профессионально осуществлять обучение подрастающего поколения на основе толерантности и уважения многонационального, поликультурного состава российского общества.

Ключевые слова: образование, толерантность, лингвокультурная подготовка, учитель начальных классов, поликультурный регион.

Профессиональное образование будущих учителей на сегодняшний день предполагает не только общую теоретическую и методическую, но и специальную регионально-педагогическую, этнокультурную подготовку. Связано это с тем, что в условиях социально-экономических преобразований все более актуальной становится проблема подготовки профессиональных кадров для работы в полиэтническом, поликультурном обществе. Все это находит отражение в ФГОС ВПО, где среди требований к результатам освоения основных образовательных программ прописаны

способность выпускника понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества и готовность к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям [1].

На сегодняшний день накоплен богатый теоретический и практический опыт о роли этнокультурных знаний в развитии

личности человека. Теоретико-методологические проблемы формирования этнической культуры нашли отражение в работах В.К. Шаповалова, Т.Я. Шпикиловой, Г.Н. Волкова, Т.И. Баклановой, Т.Я. Шпикиловой, Е.В. Бондаревской и др. В этих исследованиях изучены особенности развития личности на основе традиционных культур, проанализированы аспекты этнопедагогического диалога культур как средства нравственного формирования личности, разработаны теоретические и методические основы освоения учащимися народного творчества и многое другое. В лингвистической подготовке студентов можно выделить такие подходы как лингвострановедческий (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.), коммуникативный (И.А. Зимняя, Е.А. Маслыко, С.Ф. Шатилов и др.)

В то же время лингвокультурная подготовка будущего учителя начальных классов в исследованиях учёных не нашла достаточного отражения. Как показывает опыт, студенты педагогических вузов слабо владеют информацией о культурном и языковом наследии своего народа и народов, проживающих по соседству. Поэтому изучение и внедрение в практику подготовки студентов педагогических вузов работы в условиях полинационального региона с учетом воспитательных традиций различных этносов, а также сохранение и обогащение их культур и языка – серьезная педагогическая задача.

На сегодняшний день существует десятки различных определений понятия «язык», но все они имеют общий стержень: это средство общения. Конечным результатом коммуникации, проходящей на разных уровнях, между людьми разных возрастов и национальностей, является взаимопонимание. Актуальность вопросов, связанных с коммуникацией различных этносов, в настоящее время приобретает небывалую остроту, а это ведет за собой выдвигание на передний план исследования и в области лингвокультурологии. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова: «когда смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха, как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» [2]. В связи с этим, для будущего педагога большое значение имеет лингвокультурная подготовка, под которой мы понимаем сформированность качества личности, способной понимать культуру другого народа с целью эффективной коммуникации с использованием языка этого народа в частичном или полном объеме [3].

Особенно остро проблема лингвокультурной подготовки бакалавров начального образования стоит в полиэтнических регионах. Обусловлено это тем, что современный учитель начальной школы должен организовать образовательный процесс в учебной, воспитательной, научно-исследовательской, внеучебной, административно-управленческой, социокультурной деятельности, т.е. он является одновременно преподавателем, воспитателем, организатором досуговой деятельности детей, активным участником общения с учениками и их родителями. И если в классе обучаются дети разных национальностей, то учитель начальных классов, как классный руководитель должен взаимодействовать с родителями учеников и применять различные методики и технологии для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса. Начальная школа в этом отношении выступает учреждением, способным не только удовлетворять собственные этнокультурные потребности учащихся, но и ввести их в мир культуры народов-соседей, познакомить с общечеловеческими ценностями и приоритетами [4]. Воспитание и развитие качеств личности на основе толерантности, диалога культур и уважения многонационального, поликультурного и поли-

конфессионального состава российского общества является одним из основных компонентов, составляющих системно-деятельностный подход ФГОС начального общего образования [5].

В связи с этим, здесь особое место должна занять этнохудожественная подготовка бакалавров начального образования, под которой подразумевается совокупность художественных и этнокультурных знаний и представлений, практическое овладение некоторыми народными художественными промыслами, характерными для этносов данного региона, а также умение использовать полученные знания в формировании у детей качеств толерантности. Так, например, с целью лингвокультурной и этнохудожественной подготовки бакалавров начального образования ХГУ им. Н.Ф. Катанова в рамках вариативной части разработана дисциплина «Хакасские народные промыслы». Цель курса – расширение представлений студентов о народной художественной культуре и народных промыслах Хакасии, знакомство с творчеством народных мастеров на теоретическом и на практическом уровне. Программа курса включает и лингвистический материал, т.к. обучение и знакомство учащихся с традициями, культурой, историей края без учета языкового материала данного региона равносильно знакомству с человеком, у которого нет имени и родины. Именно язык является первостепенным признаком народа и основой традиционной культуры, поэтому введение и использование языкового материала играет большую роль в сохранении народной культуры в целом [6].

Как показывает практика, именно практическое освоение художественных промыслов вызывает у учащихся интерес, желание и потребности в познании ценностей культуры своего народа. Так, например, программой дисциплины предусмотрено посещение и анализ выставок изделий декоративно-прикладного искусства мастеров Хакасии. После практического знакомства и освоения некоторых промыслов, студенты с большим интересом рассматривают изделия, представленные на выставках, узнают знакомые им техники изготовления, осознанно восхищаются умелой рукой мастера, грамотно анализируют их работу и на последующих занятиях применяют полученные в результате посещения выставки знания.

Большое значение в лингвокультурной подготовке студентов имеет самостоятельная исследовательская работа, заключающаяся в сборе и анализе языкового и этнографического материала. В рамках самостоятельной внеаудиторной работы по дисциплине «Хакасские народные промыслы» студентами была проведена исследовательская работа по сбору материала о хакасском орнаменте. Результаты исследовательской работы были выпущены в качестве приложения к электронному учебному пособию «Реализация национально-регионального компонента при обучении декоративному рисованию в начальных классах» с указанием фамилий и имен студентов, подготовивших материал. Подобная работа пробуждает интерес студентов к дальнейшему самостоятельному изучению традиционной культуры.

Однако, ставя на первый план культуру, язык, обычаи своего народа, не следует пропагандировать лишь свои национальные приоритеты и установки. Здесь очень важна параллельная работа по ознакомлению с другими этническими коллективами, их языком и культурой, которую можно проводить в рамках посещения студентами встреч, фестивалей, праздников национально-культурных общественных объединений.

Таким образом, лингвокультурная подготовка в системе профессионального образования учителя начальных классов для работы в поликультурной среде является важным гарантом подготовки компетентного специалиста, способного профессионально осуществлять обучение подрастающего поколения на основе толерантности и уважения многонационального, поликультурного состава российского общества.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. для вузов. – М., 2000.
3. Чернов, Л.И. Лингвосоциокультурная компетентность и её формирование средствами усиления визуального компонента содержания занятий в ходе обучения иностранным языкам в ЛЦ «Глосса» [Э/п]. – Р/д: http://glossa-rzn.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=35:kompetentnost&catid=30&Itemid=83
4. Мирошниченко, В.В. Профессиональная подготовка учителей начальных классов к работе в национальной школе в поликультурном регионе (на материале Республики Хакасия): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Барнаул, 2003.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования.
6. Абдина, Р.П. Этнокультурная лексика и ее использование на уроках изобразительного искусства // Ежегодник ИСАТ. – 2010. – № 14.

Bibliography

1. Federal'niy gosudarstvenniy obrazovatel'niy standart viysshego professional'nogo obrazovaniya.
2. Ter-Minasova, S. G. Yazhik i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: ucheb. dlya vuzov. – M., 2000.
3. Chernov, L.I. Lingvosociokul'turnaya kompetentnost' i eyo formirovaniye sredstvami usileniya vizual'nogo komponenta soderzhaniya zanyatiy v khode obucheniya inostrannim yazhikam v LC «Glossa» [Eh/r]. – R/d: http://glossa-rzn.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=35:kompetentnost&catid=30&Itemid=83
4. Miroshnichenko, V.V. Professional'naya podgotovka uchiteley nachal'nykh klassov k rabote v natsional'noy shkole v polikul'turnom regione (na materiale Respubliki Khakasiya): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Barnaul, 2003.
5. Federal'niy gosudarstvenniy obrazovatel'niy standart nachal'nogo obshchego obrazovaniya.
6. Abdina, R.P. Ehtnokul'turnaya leksika i ee ispol'zovanie na urokakh izobrazitel'nogo iskusstva // Ezhegodnik ISAT. – 2010. – № 14.

Статья поступила в редакцию 20.09.14

Раздел 2

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 81'37

Bashkova I.V. THE SEMANTICS OF A WORD MUZHNIK ("A MAN, A PEASANT" – RUS.) IN V. P. ASTAFIEV'S DISCOURSE. The article is devoted to the meaning of a word *muzhik* in V. P. Astafiev's discourse. There are three meanings of this word: 'a man'; 'a village man, a peasant'; 'a husband'. This word has no negative connotations in Astafiev's works, because a social rating of peasants is high in his picture of the world.

Key words: V. P. Astafiev, muzhik, semantics, semantic language personality, gender stereotypes.

И.В. Башкова, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка и речевой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, E-mail: bbashkova@mail.ru

СЕМАНТИКА СЛОВА МУЖИК В ДИСКУРСЕ В.П. АСТАФЬЕВА

В статье анализируется семантика слова *мужик* в художественном дискурсе В.П. Астафьева. Выделяется три значения слова *мужик*: «мужчина»; «деревенский мужчина, крестьянин»; «муж». Отмечается, что в произведениях В.П. Астафьева это слово не обладает отрицательными коннотациями, так как в картине мира автора наблюдается высокая социальная оценка мужика.

Ключевые слова: В.П. Астафьев, мужик, семантика, семантическая лингвоперсонология, гендерные стереотипы.

Лингвоперсонология – наука о языковой личности – одна из активно развивающихся междисциплинарных наук [1, с. 4–5]. В её рамках возникают все новые и новые направления: социологическое, психологическое, когнитивное, культурологическое, коммуникативное, гендерное, дидактическое, соционическое [2, с. 28–83]. Наряду с другими, в настоящее время формируется такое направление, как семантическая лингвоперсонология, что во многом обусловлено развитием авторской лексикографии [3, с. 210–274], поскольку толкование слова неразрывно связано с семантикой. Семантическая лингвоперсонология изучает семантический уровень языковой личности и ставит своей целью рассмотрение авторской картины мира через семантику языковых единиц, прежде всего слов и предложений, входящих в созданные языковой личностью тексты.

Достижения современной семантики, которые проявляются в её повышенном интересе к языковой картине мира и системным явлениям в лексике, дают эффективные инструменты для исследования языковой личности. На наш взгляд, наиболее серьезными исследованиями в области семантики являются работы Московской семантической школы под руководством Ю.Д. Апресяна, ориентированные на отражение «наивной», или языковой, картины мира. В предисловии к «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» он отмечает: «<...> при описании очередного синонимического ряда мы пытаемся увидеть в нем определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку. Это особое мировидение может отличаться как от научной картины мира, так и, возможно, от способов видеть мир, присущих другим языкам. При реконструкции таких фрагментов (наивной этики, наивной анатомии, наивной психологии, наивной телеологии, наивной физики пространства и времени, наивной риторики и т. п.) используются только языковые данные» [4, с. IX].

Нам представляется, что этот опыт может быть весьма полезным и для исследователей русской языковой личности при описании авторской картины мира. Под авторской картиной мира в данной статье понимается система представлений о мире, отраженная в языке писателя. Авторская картина мира – это один из вариантов языковой картины мира.

В соответствии с антропоцентрической направленностью современной лингвистики мы рассматриваем, как представлен человек в картине мира В.П. Астафьева, через анализ семантики слова. «Антропоцентрическая лексика уникальна как по разнообразию и полноте представленных в ней лексикографических типов, так и по своей фундаментальности. Нет никаких других концептов, которые могли бы конкурировать с антропоцентрическими в этом отношении» [4, с. XI].

В XXI веке возрастает интерес к проблеме российской маскулинности, «появившиеся исследования характеризуются междисциплинарным и теоретическим разнообразием. Типы маскулинности в России анализировались с точки зрения литературоведения и cultural studies, истории, искусствоведения, гендерных штудий, антропологии, политологии, социологии и психологии» [5, с. 324–325]. Проблема маскулинности интересует и гендерную лингвистику (см.: [6; 7; 8; 9]). Одним из способов решения данной проблемы является анализ функционирования слов, обозначающих человека мужского пола.

В настоящей статье анализируется семантика слова *мужик* в художественном дискурсе В.П. Астафьева: в книгах «Последний поклон» и «Царь-рыба», в романе «Прокляты и убиты», в повести «Пастух и пастушка».

Это слово неоднократно привлекало к себе внимание лингвистов в связи с интересом к выражению гендерных стереотипов (см., например: [10–14]).

В художественном дискурсе В.П. Астафьева существительное *мужик* относится к числу наиболее частотных. Так, в книге «Последний поклон» оно употреблено 231 раз, в книге «Царь-рыба» – 103 раза, в романе «Прокляты и убиты» – 94 раза, в повести «Пастух и пастушка» – 11 раз. Другие лексемы с корнем *«муж»*, в том числе и слово с наиболее общим значением *мужчина*, встречаются в астафьевских текстах значительно реже. В «Последнем поклоне»: *муж* – 68, *муженёк* – 1, *мужичище* – 1, *мужичок* – 3, *мужичонка* – 10, *мужичьё* – 3, *мужчина* – 6, *мушшина* – 1. В «Царь-рыбе»: *муж* – 17, *муженёк* – 1, *мужичок* – 5, *мужичонка* – 24, *мужичьё* – 2, *мужчина* – 13. В романе «Прокляты и убиты»: *муж* – 31, *мужичок* – 2, *мужичьё* – 3, *мужчина* – 12, *мушшина* – 3. В повести «Пастух и пастушка»: *мужичонка* – 2, *мужчина* – 7.

Таким образом, в художественном дискурсе В.П. Астафьева взрослый человек мужского пола чаще всего обозначается словом *мужик*, и для реконструкции авторской картины мира писателя, входящих в неё гендерных стереотипов анализ семантики этого слова важен.

Словари русского языка дают следующие толкования рассматриваемого слова.

Словарь Д.Н. Ушакова: «**МУЖИ'К**, ам, м. 1. В устах «господ» (прежде), а также в крестьянском быту – крестьянин <...> 2. В том же языке «господ» – грубый, невоспитанный человек вообще (разг. пренебр. устар.) <...> 3. Мужчина (обл. и простореч. фам.) <...> 4. Муж (обл.) <...> [15, стб. 274–275].

Малый академический словарь: «1. Устар. Крестьянин <...> || Прост. устар., бран. О грубом, невежественном человеке <...> 2. Прост. Мужчина <...> || Достигший зрелости, преимущественно женатый мужчина <...> 3. Прост. Муж, супруг <...> 4. с определением. Устар. Работник, выполняющий грязную, грубую работу по дому <...>» [16, с. 309].

Большой толковый словарь русского языка: «1. Трад.-нар. Деревенский (обычно женатый) мужчина, крестьянин <...> 2. Разг.-сниж. О любом мужчине <...> 3. Разг.-сниж. Муж, супруг; сожитель <...> 4. Разг.-сниж. О грубом, невежественном, невоспитанном, неопытном мужчине» [17].

В художественных произведениях В.П. Астафьева слово *мужик* употребляется в трех значениях:

1. Мужчина, достигший зрелости. После танцев *мужики* и парни, как и прежде, водили девушек по лесу, прижимая их спиной к деревьям [18, т. 5, с. 73]; Да-а, вот бы поскорее бы вырасти да с *мужиками* бы на охоту да на рыбалку бы [18, т. 5, с. 26].

2. Крестьянин, деревенский мужчина: Существовал закон, защищающий интересы крестьян. Но *мужики* закона того не знали [18, т. 4, с. 232]. Н-да, гладко ты баешь, а *мужика*-то, крестьянина, они охомутили, извели [18, т. 6, с. 108].

3. Муж, супруг, сожитель: Бабы грохнули, и каждая из них, выпив рюмочку, сказала про своего *мужика* такое, чего в другой раз не только сказать, но и помыслить не посмела б [18, т. 4, с. 136]; Все свое имущество он оставил Михрютке-ляре, и она, с домом, с картошкой, с Васькиным и мужниным бараклом, скоро нашла себе другого *мужика* и тоже донимала его хныканьем насчет ребенка, которого у нее, как выяснилось, не было и быть не могло [18, т. 5, с. 155].

В.П. Астафьев не использует существительное *мужик* для выражения пренебрежительной оценки, указанной в качестве одного из значений этого слова в словарях. Картина мира, представленная в художественном дискурсе писателя, во многом совпадает с диалектной языковой картиной мира, в которой своя система координат.

В мире, изображенном В.П. Астафьевым, слово *мужик* является наиболее общим, нейтральным обозначением взрослого человека мужского пола, а слово *мужчина* оказывается в большинстве контекстов (кроме повести «Пастух и пастушка») стилистически маркированным – указывает на высокий стиль, иронию или речь городского интеллигентного человека: <...> но главное – пример родителей Доната Аркадьевича, Татьяны Илларионовны, пример святого отношения *мужчины* к женщине, верный до гроба их союз должен же был когда-то и где-то отозваться [18, т. 10, с. 251]; Тучнеющий, несмотря на гимнастики, юноша-*мужчина* упорхнул на палубу, резво пробежал мимо окна с выводком девиц, жужжа кинокамерой [18, т. 6, с. 72]; <...> она закуривала и, когда я снова принялся за еду, еще спросила: – Не знаешь, что ли, *мужчине* женщину бить не полагается?.. [18, т. 4, с. 410].

В дискурсе В.П. Астафьева слово *мужик* чаще всего употребляется в первом значении, в сочетаемости этого слова отражены мужские стереотипы, свойственные русской сибирской деревне 30–70-х годов XX века, особенно ярко эти стереотипы представлены в книге «Последний поклон», где мир изображен с позиции мальчика, мечтающего стать мужиком.

Наиболее распространенные коннотации, связанные со словом *мужик* в дискурсе В.П. Астафьева, следующие:

1. Мужик выполняет тяжелую физическую работу, он хозяин: *Мужик Миша, совсем мужик, в годах не таких бы и больших, да рано в работе распотачался – на лесозаготовках, на сплаву да на реке изъезженных* [18, т. 5, с. 263]; *Суровы ликом сибирские деревни, и на нашем селе, придавленном снегами и морозом, еще и скорбь какая-то невыносимая – нет мужиков, стало быть, и лошадей нету, не званая пила, не стучат колуны по дворам <...>* [18, т. 5, с. 100]; <...> *должником жить на селе не полагается, из должника не выйдет и хозяина-мужика* [18, т. 4, с. 224].

2. Мужик занимается охотой и рыбалкой: *Мужики все на Мане из ружей палят да рыбачат, еще кедровые орехи добывают, продают в городе добычу* [18, т. 4, с. 96]; <...> *к шестнадцати-семнадцати годам шурышкарский пареван умел уже все: ходить на лодке, управляться с сетями и на сенокосе, промышлять в тайге, пить водку, любить и бить бабу. Оттого и жил шурышкарский мужик на белом свете недолго, но уж зато наполненно, в большом удовольствии* [18, т. 10, с. 188].

3. Мужик – воин, защитник Родины, многие мужики не вернулись с войны: *Молодые мужики за Родину, за народ жизни положили, стало быть, и за них, за баб, тоже <...>* [18, т. 5, с. 173]; <...> *почти все наши мужики ушли той дорогой на войну, многим из них не суждено было изведать счастья возвратного пути* [18, т. 5, с. 255].

4. У мужиков суровый характер, они не любят нежностей, мужики смелые, гордые, сильные, ловкие: *Мы – мужики, пусть в игре, но мужики, и суд наш молчалив, а приговор суров: не брать хлюзду в игру!* [18, т. 4, с. 230]; *Не принято у нас, у дураков, никаких нежностей. Маленькие еще, куда ни шло, можем приласкаться, но как в возраст вошел – шабаш, бука букой!* Особенно если ты парень или *мужик* [18, т. 5, с. 185]; <...> *но я – мужик, охотником буду, зверовком, стало быть, мне никак не полагается расти трусом* [18, т. 4, с. 341]; *Под вечер мужики с громким говором, возбужденные предчувствием рыбалки, требующей ловкости, сметки и быстроты, отправились на реку <...>* [18, т. 4, с. 180]; *Вот это мужик! Сила!* [18, т. 4, с. 330]; *Терпенья у степенных мужиков мало, гордости и дел много* [18, т. 4, с. 382].

5. Мужики пьют спиртные напитки: *Я схватил бутылку, задержал дыхание, остановил всякое движение в теле и в широко растворенный рот вылил спирт – так пьют настоящие умельцы, слышал я, так пьют ходоковые мужики, покорители морей, воздушных, арктических пространств <...>* [18, т. 4, с. 403]; *Там вразброс спали и набирались сил самые прыткие на выпивку мужики* [18, т. 4, с. 194].

Слово *мужик* является социальной номинацией человека, обозначает социальное лицо. По определению И.Е. Кима, «**социальное лицо** объединяет в себе натурального человека и его знаковую ипостась, содержанием которой в принятой социологической терминологии является **социальный статус**, который определяют как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения. Статус – это нормативная категория, и, следовательно, изучая статусные отношения, мы изучаем принципы общественного устройства, закодированные во всем богатстве нюансов естественного языка» [19, с. 3]. Именно соединение «физической сущности» лица и его социального статуса является **социальным лицом**» [20, с. 48].

В.П. Астафьев показывает соотносительное положение мужика в социальной системе через оппозиции, в которые входит слово *мужик*. Их члены противопоставлены по признаку пола (*мужики* – *бабы, женщины*), возраста (*мужики* – *ребятишки, подростки, парни, старики*), месту в политической системе управления (*мужики* – *государство, органы власти*), месту жительства (*мужики* – *горожане*).

Наиболее детально В.П. Астафьев рассматривает гендерную оппозицию, прежде всего в книге «Последний поклон». Эксплицитным способом выражения сопоставительных отношений являются конструкции с союзом *а*: *От его музыки бабы плачут, а мужики напиваются и буйствуют...* [18, т. 4, с. 16].

В сложносочиненных предложениях с союзом *но* выражается несоответствие ожидаемому ходу событий: **Мужикам в эту избу доступа сегодня не было и быть не могло. Проник было дядя Левонтий под тем видом, что не может найти нужную позарез вещь в своем доме, но женщины так зашумели, с таким удалством поперли на него, замахаясь сечками и ножиками, что он бистренько, с криком: «Сдурели, стервы!» – выкатился вон** [18, т. 4, с. 136]; *По всем статьям мужик, если он истинный гробовоз, должен бабу шугануть, столкнуть ее с кровати, но он послушно подвигается, пускает жену под одеяло да еще и подтыкает под спину, чтоб теплее и мягче жене было* [18, т. 4, с. 181].

На уровне простого предложения оппозиция *мужики – бабы* выражена актантным распределением ролей, это преимущественно субъектно-объектные отношения: <...> **бабы** <...> все чепляют, чепляют друг дружку, в особенности **мужика** [18, т. 4, с. 181]; <...> высоким голосом кого-то пушит **баба Мужика**, конечно, кого сейчас еще бабам пушить? [18, т. 5, с. 278]; *Севши на бережок, мужики курят табак, обмениваются впечатлениями, поругивают баб* <...> [18, т. 5, с. 22]; <...> **бабу** свою заодно утопил бы – не скалила чтоб зубы, когда **мужик** подыкает без курева!.. [18, т. 5, с. 270].

Особое внимание писатель обращает на разрушение традиционного уклада жизни и традиционного распределения ролей мужчины и женщины:

Нынешняя баба-женщина не пылила бы, не бранилась, взяла бы лом, топор и пошла бы лед долбить. Но в те годы равноправие утвердилось еще не полностью и бабы не делали мужицкую работу, мужики – бабью [18, т. 5, с. 22].

– Раз уж **баба с ножиком на мужика**, это уж все, это уж, парень, **полный переворот, последний, стало быть, предел наступил**. Остается только молиться о спасении. Вот у меня сам-то черта самого самовитее, и поругаемся когда, но **чтоб с топором, с ножиком на мужа?**.. Да Боже сохрани нас и помилуй. Не-эт, товаришши дорогие, **крушение уклада, нарушение Богом указанного порядка** [18, т. 4, с. 73].

Не менее значима, хоть и не столь частотна в дискурсе В.П. Астафьева оппозиция *мужики – государство*, *представители власти*, поскольку тема уничтожения крестьянства – одна из главных тем его творчества: *Посадили кормильца, обзовали «элементом», да еще и «вредным», вот и пусть с четырнадцати лет кормит и содержит этот «элемент» мордатых и беспощадных дядей с наганами. Мудрая ж политика – уничтожат, а потом спохватятся: «Ах ты, разакты, опять перегиб! Опять нас, наставников, охранителей передовой морали и строгого порядка, кормить некому! Сыскать мужика! Куда-то спрятался, хитрован? Мы за него работать должны?»!* [18, т. 5, с. 141].

В приведенном выше фрагменте текста (отсылающем к «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» М.Е. Салтыкова-Щедрина) люди, находящиеся в оппозиции к мужику, эксплицитно репрезентированы существительными и определяющими их прилагательными (они выделены жирным шрифтом). Однако часто В.П. Астафьев использует неопределенно-личные предложения, в которых никак не называет представителей власти, тех, кто уничтожает мужиков: *Позднее мужиков просто скороспешно уничтожали и задним числом хохом составляли списки подсудимых* [18, т. 5, с. 335]; *Когда упрямого, загнанного в самое болото мужика пришли кулачить в пятый раз – он повесился* [18, т. 5, с. 344].

Определения, характеристики мужика, которые дает В.П. Астафьев в рассматриваемых произведениях, свидетельствуют о том, что для писателя важны и физические, и психоментальные, и поведенческие, и социальные особенности людей, называемых данным словом. Так, в книге «Последний поклон» В.П. Астафьевым выбираются следующие параметры для характеристики мужиков:

1) внешность: *большой, до костей изработанный мужик; плотный мужик в долгополом армяке, в рубаше из домотканого холста, в древнях, залиселых сапогах; квадратный мужик с квадратным лицом, с руками квадратными, с носом квадратным, со лбом квадратным; мужик, присадистый, с толстыми жилами на шее, глубокими складками у рта и в узлы завязанными ревматизмом пальцами рук; высокий, грузный, с виду вяловатый мужик; заморенные мужики; одинакового роста, даже лицами схожие, что родные братья, мужики; мужик в милицмейской фуражке; голый мужик; мужик на деревянной ноге; хромо́й мужик; кривоногий мужик;*

2) физические свойства: *сильные мужики; здоровые мужики; силой не обделены;*

3) возраст: *молодые мужики; еще молодой мужик; совсем мужик, в годах не таких бы и больших, да рано в работе распочатых; взрослые мужики;*

4) психические свойства или состояние: *гордые мужики; отчаянные мужики; мужики неробкого десятка; угрюмый мужик; остывающие мужики; истомившиеся мужики;*

5) интеллектуальные качества: *умный мужик; смекалистый мужик; степенные мужики;*

6) умение трудиться, вести хозяйство: *умелые мужики; трудога мужик; хозяин-мужик; мастеровой, домовитый мужик;*

7) поведение: *боевые мужики; мужики, такие боевые в драках, неистовые при лупцовке баб своих, лошадей и всякой другой беззащитной скотины; непутевые мужики; мужик путевый, не шарлачня; еще не разбалованные, не извольничавшиеся, не разболтанные мужики; разболтанный, безалаберный мужик; хваткий мужик; ходовые мужики;*

8) отношение к спиртным напиткам: *пьющие мужики; пьющий мужик; самые приткие на выпивку мужики; самые стойкие мужики; пьяный мужик; давно спиртного не пившие мужики; давно «не причащавшиеся» мужики;*

9) социальное положение: *рабочие мужики; мужики-лишenci; мужик из современных новопровозглашенных хозяев жизни и радетелей перестройки;*

10) образование: *грамотный мужик;*

11) модальность: *позарез нужные заполярной стройке мужики;*

12) отношение автора: *славный мужик;*

13) именование: *мужик под названием Евлания, Евлампий, значит; мужик Федоран Фокин; мужик Кирила Мефодьевич Зимин; мужик по фамилии Девяткин; мужик Михаил Луконин.*

14) социальная локализация: *мужики у Потылицыных; деревенский мужик; деревенские мужики; истинно русский мужик; овсянские мужики; сидоровские мужики; мушковские мужики;*

15) социальная актуализация (отношение сопричастности): *наши мужики, мой мужик; свой мужик; знакомый мужик; мужик искони здешний.*

Два последних параметра выделены И.Е. Кимом и определяются следующим образом: «**Социальная локализация** представляет собой включение социального субъекта в состав другого социального субъекта, имеющего точное и независимое от участников коммуникативной ситуации или других индивидов расположение на «социальной карте» мира. **Социальная актуализация** связывает носителя социального статуса с участниками прагматической ситуации или людьми, входящими в их личную сферу» [20, с. 50].

Таким образом, главные темы творчества В.П. Астафьева: война, сибирская деревня и тайга – предопределяют значимость мужского начала в его авторской картине мира. Анализ семантики и синтагматики слова *мужик* позволил выявить мужские стереотипы, представленные писателем. Большинство мужиков В.П. Астафьева много физически работают, охотятся и рыбачат, воюют, защищая Родину, гибнут на войне, мужики много пьют, любят и бьют баб, мужиков уничтожает собственное государство, поэтому, чтобы выжить, они должны быть сильными. Слово *мужик* в художественном дискурсе В.П. Астафьева употребляется в трех значениях: «мужчина»; «деревенский мужчина, крестьянин»; «муж». Стилистическая окраска этого слова нейтральная, у него нет отрицательных коннотаций. На его фоне нейтральное в литературном языке слово *мужчина* в произведениях В.П. Астафьева воспринимается как стилистически окрашенное, в большинстве контекстов сопровождается иронической оценкой. Смещение стилистических акцентов в языке В.П. Астафьева указывает на особую шкалу оценок в его авторской картине мира, где мужику дается самая высокая социальная оценка: *И малая частица мира сею, зовущаяся солдатом, должна противостоять двум страшным силам, тем, что впереди, и тем, что сзади, исхитриться должен солдатик, устоять, уцелеть, в огне-полыме, да еще и силу сохранить для того, чтобы в качестве мужика ликвидировать последствия разрушений, ими же сотворенных, умудриться продлить род человеческий, ведь не вожди, не цари его продляют, обратно мужики* [18, т. 10, с. 325].

Библиографический список

1. Иванцова, Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности. – Томск, 2010.
2. Башкова, И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. – Красноярск, 2011.
3. Шестакова, Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М., 2011.
4. Апресян, Ю.Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М., 2003.
5. Коннор, Д. Рецензия на книги: Мужской сборник. Вып. 1, 2, 3 // Антропологический форум. – 2010. – № 9.
6. Горощко, Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996.
7. Малишевская, Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
8. Прокудина, И.С. Гендерная идентификация языковой личности // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учеб. пособие / под ред. Н.В. Мельник. – Кемерово, 2009.
9. Фомин, А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2004.
10. Гайфуллина, А.Н. Мужчина VS. Мужик в интернет-дискурсе // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – Т. 2. – № 4.
11. Ефремов, В.А. Номинации мужчины в русском языке: от мужа к мужику // Мир русского слова. – 2009. – № 1.
12. Жаданова, Н.И. Стереотипы маскулинности в лингвистическом и политическом дискурсе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2012. – № 2. – Сер. «Общественные науки».
13. Кувшинова, Е.А. Лексема мужик как стилистически маркированная единица в языке произведений А.С. Пушкина // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – № 4. – Сер. «Русская филология».
14. Лян Сюдзюань. Новые семантические оппозиции «мужик – мужчина» и «баба – женщина» // Современные гуманитарные исследования. – 2009. – № 4.
15. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. – М., 1938. – Т. 2.
16. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. – М., 1999. – Т. 2.
17. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – 2009 [Э/п]. – Р/д: www.gramota.ru/slovari/dic
18. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск, 1997. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в скобках.
19. Карасик, В.И. Язык социального статуса. – М., 1992.
20. Ким, И.Е. Социальные субъекты: принципы номинации // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2010. – № 57. – Сер. «Филология. История».

Bibliography

1. Ivancova, E.V. Lingvopersonologiya: Osnovih teorii yazykovoy lichnosti. – Tomsk, 2010.
2. Bashkova, I.V. Izuchenie yazykovoy lichnosti v sovremennoy rossiyskoy lingvistike. – Krasnoyarsk, 2011.
3. Shestakova, L.L. Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'. – M., 2011.
4. Apresyan, Yu.D. Predislovie // Novihy objyasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyhka. – M., 2003.
5. Konnor, D. Recenziya na knigi: Muzhskoy sbornik. Vihp. 1, 2, 3 // Antropologicheskij forum. – 2010. – № 9.
6. Goroshko, E.I. Osobennosti muzhskogo i zhenskogo verbal'nogo povedeniya (psikholingvisticheskij analiz): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1996.
7. Malishevskaya, D.Ch. Bazovihe konceptih kul'turih v svete gendernogo podkhoda (na primere oppozicii «Muzhchina/Zhenthina») // Frazeologiya v kontekste kul'tur. – M., 1999.
8. Prokudina, I.S. Gendernaya identifikaciya yazykovoy lichnosti // Lingvopersonologiya i lichnostno-orientirovannoe obuchenie yazyhku: ucheb. posobie / pod red. N.V. Mel'nik. – Kemerovo, 2009.
9. Fomin, A.G. Psikholingvisticheskaya koncepciya gendernoy yazykovoy lichnosti: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Barnaul, 2004.
10. Gayfullina, A.N. Muzhchina VS. Muzhik v internet-diskurse // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – T. 2. – № 4.
11. Efremov, V.A. Nominacii muzhchin v russkom yazyhke: ot muzha k muzhiku // Mir russkogo slova. – 2009. – № 1.
12. Zhadanova, N.I. Stereotipih maskulinnosti v lingvisticheskom i politicheskom diskurse // Izvestiya vishshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskij region. – 2012. – № 2. – Ser. «Obshchestvennye nauki».
13. Kuvshinova, E.A. Leksema muzhik kak stilisticheski markirovannaya edinica v yazyhke proizvedeniy A.S. Pushkina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – 2010. – № 4. – Ser. «Russkaya filologiya».
14. Lyan Syudzyuanj. Noviye semanticheskie oppozicii «muzhik – muzhchina» i «baba – zhenthina» // Sovremennye humanitarnye issledovaniya. – 2009. – № 4.
15. Tolkovihy slovar' russkogo yazyhka / pod red. D.N. Ushakova: v 4 t. – M., 1938. – T. 2.
16. Slovar' russkogo yazyhka / pod red. A.P. Evgen'evoy: v 4 t. – M., 1999. – T. 2.
17. Bol'shoy tolkovihy slovar' russkogo yazyhka / gl. red. S.A. Kuznecov. – 2009 [Eh/r]. – R/d: www.gramota.ru/slovari/dic
18. Astaf'ev, V.P. Sbranie sochineniy: v 15 t. – Krasnoyarsk, 1997. Ssilki na eto izdanie dayutsya v tekste s ukazaniem toma i stranic v skobkakh.
19. Karasik, V.I. Yazyk social'nogo statusa. – M., 1992.
20. Kim, I.E. Socialniye subyekti: principii nominacii // Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta. – 2010. – № 57. – Ser. «Filologiya. Istoriya».

Статья поступила в редакцию 30.07.14

УДК 81'37

Bashkova I.V. SEMANTICS OF A WORD BABA (“A WOMAN, A PEASANT WOMAN” – RUS.) IN V. P. ASTAFIEV’S DISCOURSE. The article is devoted to the meaning of a Russian word *baba* in V. P. Astafiev’s discourse. There are seven meanings of this word: ‘a woman’; ‘a village woman, a peasant woman’; ‘a wife’; ‘a fancy woman’; ‘an uncivil woman’; ‘a granny’; ‘an old woman’. This word has both negative and positive connotations in Astafiev’s works.

Key words: V. P. Astafiev, a Russian word *baba*, semantics, semantic language personality, gender stereotypes.

И.В. Башкова, канд. филол. наук, доц., доц. каф. русского языка и речевой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, E-mail: bbashkova@mail.ru

СЕМАНТИКА СЛОВА БАБА В ДИСКУРСЕ В.П. АСТАФЬЕВА

В статье анализируется семантика слова *баба* в художественном дискурсе В.П. Астафьева. Выделяется семь значений слова *баба*: «женщина»; «деревенская женщина, крестьянка»; «жена»; «женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.», «бабушка», «старая женщина». Отмечается, что в произведениях В.П. Астафьева это слово обладает отрицательными и положительными коннотациями.

Ключевые слова: В.П. Астафьев, баба, семантика, семантическая лингвоперсонология, гендерные стереотипы.

Настоящая работа является продолжением анализа проблем, рассмотренных в статье «Семантика слова *мужик* в дискурсе В.П. Астафьева»: в ней с позиций лингвистической персонологии на основе анализа семантики слов, обозначающих человека, реконструируется фрагмент авторской картины мира, делаются выводы о гендерных стереотипах, представленных писателем.

Слово *баба* входит в число наиболее употребительных обозначений человека в художественном дискурсе В.П. Астафьева, но слово *мужик* писатель использует значительно чаще. Частота употребления этих слов в его наиболее значимых произведениях следующая: в книге «Последний поклон» *баба* встречается 186 раз, *мужик* – 231, в повествовании «Царь-рыба» *баба* – 50, *мужик* – 103, в романе «Прокляты и убиты» *баба* – 76, *мужик* – 94, в повести «Пастух и пастушка» *баба* – 10, *мужик* – 11. Такое количественное соотношение рассматриваемых слов связано с тематикой творчества В.П. Астафьева: темы взросления мальчика, сибирской деревни и тайги, войны в большей степени связаны с мужским, чем с женским, миром. Главным героем большинства его произведений автобиографичен – это мальчик, парень, мужчина, поэтому мир представлен преимущественно с мужской точки зрения. В семантике и синтагматике слова *баба* мужской взгляд на мир тоже находит яркое проявление.

Слово *баба* многозначное. В толковых словарях русского языка его значения, связанные с именованием человека, определяются следующим образом:

«**БАБА** ж. Замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была молодкою, молодичею, или вдова <...> | Мать отцова или материна, жена деда <...> | Жена; крестьянин редко иначе назовет в глаза жену свою, разве хозяйкою <...> | Повитуха, повивальная бабка, приемница <...> | Бранно, мужчину зовут бабою <...>» [1, с. 32].

«**БАМБА**, -ы, ж. 1. В устах «господ» (прежде) и в крестьянском быту – замужняя крестьянка; *противоп.* девка <...> 2. Жена (простореч.) <...> 3. Вообще женщина (разг. вульг.) <...> 4. *перен.* Мужчина робкого нрава, слабый, нерешительный (разг. презрит.) <...> [2, стб. 73–74].

«**БАМБА**, -ы, ж. 1. *Устар.* Замужняя крестьянка <...> || Простая, необразованная женщина <...> 2. *Прост.* и *обл.* Жена <...> 3. *Прост.*, *обычно пренебр.* Женщина вообще <...> 4. *Разг. презр.* О слабом, нерешительном мужчине, мальчике <...> 5. (*обычно с именем собственным*). *Разг.* То же, что бабушка [3, с. 53].

«**БАБА**, -ы; ж. 1. *Трад.-нар.* Деревенская (обычно замужняя) женщина, крестьянка <...> 2. *Разг.-сниж.* О любой женщине <...> || О неопытной женщине. 3. *Разг.-сниж.* Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.; жена <...> 4. В речи детей: бабушка <...> 5. *Презрит.* О робком, слабохарактерном мужчине, мальчике <...>» [4].

Большинство значений слова *баба* в словарях XX века сопровождается стилистическими пометами, многие из которых указывают на отрицательную оценку человека, названного этим словом: вульгарное, пренебрежительное, разговорно-сниженное, презрительное.

В художественном дискурсе В.П. Астафьева слово *баба* имеет следующие значения:

1. О любой женщине: *Она баба, женщина, хоть в крике забывается, отходит, облегчается ее изнывавшая душа* [5, т. 6]; *Жена его, из местных чалдонок, баба боевая и тоже здоровая* <...> [5, т. 6].

2. Деревенская (обычно замужняя) женщина, крестьянка, *противоп.* девка, старуха: *Тишком, бочком просочатся деревенские бабы в избу учителем и забудут там крикну молочка либо сметанки, творогу, брусники туесок* [5, т. 4]; *И все же, пусть и сквозь спящую пленку, Лешка Шестаков заметил впереди на безлюдной улице бабу в клетчатом полушалке, в валенках, насунутых на босую ногу, с коромыслом и ведрами на плечах* [5, т. 10].

3. Жена: – <...> *Ты вот чё, как выспишься, ко мне валяй – дрова пилить поможешь, баба покормит* [5, т. 5]; – *Вот эта какая-то несчастная жэнщина тебе в бабы достанется...* [5, т. 10]; – <...> *Ты чё задумал-то, о-о-ой! У меня ж баба, парнишка растёт. – У меня тоже баба, двое детей, малых* [5, т. 10].

4. Женщина, находящаяся в интимных отношениях с кем-л.: «*Баба у тебя на фронте, конечно, была?*» – «*Была*». – «*И не одна?*» – «*Не одна*». – «*Много?*» – «*Не считал, некогда воевать же надобно...*» [5, т. 10]; *За фронтом тучей движется надзорное войско, строгое, умытое, сытое, с бабами, с музы-*

кой, со своими штандартами, установками для подслушивания, пыточными инструментами <...> [5, т. 10]; – *Этот человек без особых претензий к миру – водка, баба, конвой помилосердней* [5, т. 10]; *Битва, бабы, шнапс – это и есть жизнь настоящего воина* [5, т. 10].

5. Неопытная, грубая женщина: *Неуклюже ступающая, изрядно поддтая баба в ржаво-оглессанной куртке, которая еще в первой пятилетке была белой, разносила уху в щедро наполненных тарелках, из которых торчали аппетитные осетровые хрящи. Принесла Луконину – ничего. Юре принесла – тоже ничего. Но как пошла ко мне, тревожно мне сделалось: совсем развезло бабу, едва ковыляет, вцепившись в тарелку, погрузив оба больших пальца в горячее варево. Нарывают, видно, пальцы-то, врачи велели их в теплом держать. «Ой, кабы не обила она меня!» – подумал я, и только так подумал, баба хлесь мне уху па брюки, на французские-то. Угодила точь-в-точь ниже живота... Я вскочил, петухом закукарекал, брюки горячие оттягиваю, чтобы спасти что еще от войны осталось, а баба мне: «Расселся тут, как хер на именинах!»» [5, т. 5].*

6. Бабушка, мать отца или матери (преимущественно в речи детей): *Растили Ксюшку, однако, дед с бабой, не жили и баловали ребенка, потому как зятя перевели в еще более отдаленный район, чуть ли не в дикую Монголию сунули* [5, т. 10]; *Не разнимая рук, я кубарем перевалился через городьбу нашего огорода и, увидев бабушку, полющую гряды, завопил: «Баба! Баба!»* [5, т. 4]; – *Ешь и ступай к дедушке на заимку. – Один, баба?* [5, т. 4].

7. Старая женщина (в сочетании с именем собственным, так называют хороших знакомых): *Понял я, что папа, будучи под градусами, возжаждал общения и подался за речку Быковку к бабе Даше – «на беседу». К бабе Даше приехал младший сын, тоже большой выпивоха и страшный охотник, да и Паруна тут случилась* [5, т. 5]; *Как про бэ-тэ-тэзи вымолвили, баба Капитолина и слегла, думая, что так нынче именуется энкавдэ* [5, т. 5]; *Смотрю в окошко через переулок. В огороде ковыряется глухая баба Ульяна, из-под серенького платочка царька торчит* [5, т. 5].

С позиций компонентного анализа общие семы всех семи значений слова *баба* – ‘человек’, ‘женский пол’, ‘взрослый’, именно они составляют первое значение слова. Семантические признаки ‘человек’ и ‘женский пол’ указывают на физические качества, признак ‘взрослый’ связан с физической и социальной сферами, поэтому даже в этом, первом значении слово *баба* обозначает социальное лицо (см.: [6]). В произведениях В.П. Астафьева социальный компонент значения этого слова отчетливо выражен, что проявляется и в синтагматике его дериватов: *И у меня была тетка. По отцу. Звали ее Авдотьей, но на селе знали как Дуню, потому что до взрослого бабьего звания она здесь не дотянула* [5, т. 5].

Выделенные в данной статье 2–7-е значения слова *баба* включают в себя семы, указывающие на социальный статус, социальное поведение, социальные, межличностные отношения.

Прагматический компонент наиболее ярко представлен в 4–7-ом значениях слова *баба*. 4-е и 5-е значения содержат отрицательную, пренебрежительную оценку человека, названного данным словом. 6-е и 7-е значения выражают положительную оценку, во многом обусловленную включением человека, названного словом *баба*, в личную сферу говорящего.

Употребление слова в 1–3-ем значениях сопровождается как положительной, так и отрицательной оценками. В художественном дискурсе В.П. Астафьева оценка бабы во многом обусловлена позицией человека, дающего эту оценку: самого автора или персонажа. Получается, что оценка бабы характеризует не только бабу, но и автора оценки.

В художественном дискурсе В.П. Астафьева слово *баба* обладает следующими коннотациями:

1. У бабы трудная, тяжёлая жизнь: *Умерла тетка Агафья. Сергеевская Агафья – так звали ее на селе. Жизнь прожила она длинную и трудную, как и многие овсянские бабы* [5, т. 5]; <...> *война будет долгой, и на долю нашего народа, стало быть, прежде всего на женскую долю падут такие тяжести, какие только нашим русским бабам и посылны* [5, т. 5].

2. В жизни бабы много горя, тоски: *Тетка Васенья торопливо утерлась передником, сидит, опершись на стол, тупая, послушная. В позе, в лице, в движении ее такая неизбывная, дна не имеющая тоска, что и сравнить ее не с чем, потому что не для горя-тоски рождался этот человек, и оттого это*

горе-тоска раньше других **баб** размоют ее, разорвут, как злая вешняя вода рыхлую пашню [5, т. 5]; Сникли **бабы**, головами затрясли, платками заутрапились: – Да уж, ниверситет да ниверситет, будь он проклятой! Есть чё вспомнить! До горла в снегу, на военной пайке-голодайке... Мужички чембары подпоишь, топор-пилу в руки – и на мороз, в трещебник!.. Слез-то сколько пролито, горя-то сколько пережито... [5, т. 5].

3. Баба бедна: Как суеуились **бабы** по селу, спешно собирая у соседей и родственников шубенки, телогрейки, все равно бедновато, шибко бедновато одеты ребятишки [5, т. 4]; Надо сказать, что достаток людей в нашем селе определялся по-чудному. Считалось, например, если у **бабы** нет штанов, то уж распоследняя это, никудышняя **баба**, и грош ей цена! [5, т. 4]; <...> в городе ишшо милиция гонит, лучишко не даст продовать. Что как расейская **баба** богатой сделается, в капиталиски выйдем? [5, т. 5].

4. Многие бабы необразованны, бабе вредна грамота: Сама хозяйка была неграмотная, и в ней, как и во многих русских отсталых **бабах**, жила неистребимая мечта: во что бы то ни стало хоть одну девку вывести в настоящие, в культурные люди. Ради осуществления этой затеи не щадила она ни себя, ни девок. Конечно, по деревенским активисткам Авдотья Матвеевна видела – **бабе** грамота и лишняя умственность вредна, от нее разлад в голове и в бабьем организме [5, т. 10].

5. Баба своим трудом, своими способностями обеспечивает семейное благополучие: Переживает дедушка. Думает, отчего он такой бесталанный худился, все у него идет через пень-колоду... ладно вот **баба** попалась удалая, пропал бы без нее, пропа-а-а! Тут и говорить нечего и думать не об чем [5, т. 4]; Бабушка из Сисима, которой дед был всем обязан и виноват перед ней на веки вечные, умела, как и всякая русская **баба**, обратить потраченную ею во благо семьи доброту на угнетение супруга <...> [5, т. 4].

6. У многих баб нет нормальных мужей, они одни воспитывают детей: Но больше наскомом жили самоходы. Пошумев, поозорничав, утащат чего-нибудь и испарятся навсегда, оставив молодую **бабу** с ребенком <...> [5, т. 5]; – А вот не бродяжничай, не бродяжничай! Эт-то что же ты за моду взяла: наскочишь, **бабу** обрехоташь и как вихорь унесешь? – корила Терентия бабушка Катерина Петровна <...> – Ты подумал бы башкой своей удалой <...> как твои детки тут? Пить-есть чего у них имеется? [5, т. 4]; В память навсегда вклеилась привычная шурышкарская картина – в мужичко одетая, мужиковато шагающая, курящая, пьющая **баба**, ведущая дом и хозяйство, в доме у нее выводок детей недогляженных, растущих, что в поле трава, куда-то потом навсегда исчезающих, словно в бездонный целовещеский омут занывирающих [5, т. 10].

7. Баба – объект сексуального удовольствия для мужчины: Обер-лейтенант, конечно, культурно отдыхает, глядит на фотки с голыми **бабами**... [5, т. 10]; – Я, сучий рот, в мерзлоте, в вечную вбуривался и там, в мерзлоте вечной, харч добывал, выпить добывал. Когда и **бабу**! – в который уже раз похвастался бродяга Шорохов [5, т. 10]; На другом, на живом берегу, телефонисты тревожили постоянную жающую тему – трепались про **баб** – голодной куме все хлеб на уме [5, т. 10]; [Мохнаков]: – Мне вот юбку на бочонк с селедкой надень или платье на полевую кухню надень и скажи – **баба**, дай выпить – и поеду, никакой огонь меня не остановит! [5, т. 3].

8. Одно из главных свойств бабы – любить мужчину, заботиться о нем: **Баба**, она все-таки есть **баба**, хоть и в чинах, и при должности. Наград у нее больше, чем у мужа, характер рубаки, умна, самоотверженна и в то же время слаба – расстанется со своим оболтусом, скажет себе: «Все!», – да через неделю затоскует о нем, захочет его нестерпимо и поедет на попутной в полк, чтобы потом опять сутками стоять возле операционного стола, отрабатывая «увольнение», и выпрашивать затем внеочередной выходной [5, т. 10]; – Вот, – откидывая рукой выбившиеся из-под платка волосы, заговорила Люся, кивая на гимнастерку. – Ухаживать за любимым мужчиной, оказывается, так приятно! – и сокрушенно покачала головой: – **Баба** все-таки есть **баба**! Никакое равноправие ей не поможет... [5, т. 3].

9. Несмотря ни на какие трудности, бабы поют: – Эй, подружки, на печаль не сворачивай! – емешивалась бабушка в разговор. – Печали наши до гроба с нами дойдут, от мозилы в сторону увильнут и ко другим **бабам** прилипнут. Давайте еще споем. Пущай не слышно будет, как воем, а слышно, как поем [5, т. 4]; <...> все **бабы** с какой-то забубенностью, отча-

янием, со слезливой расторопностью подхватывали протяжные песни [5, т. 4].

10. Бабы борются и побеждают: Но битых **баб** во главе с закачинским «прокурором» – теткой Талей голой рукой не возьмешь, все они видели, всех победили вплоть до собственных мужей. В наступ **бабы** пошли, представительную комиссию отбросили за Качу, в руины старого базара [5, т. 5]; – <...> Как вы, героически сокращая линию фронта, до Искитимских степей дойдете, мы, **бабы**, обороняться начнем от фашиста, станем по очереди палить из этого единственного на три деревни оружия [5, т. 10].

Соотносительное положение бабы в социальной системе В.П. Астафьев показывает через оппозиции, в которые входит слово **баба**. Их члены противопоставлены по признаку пола (**бабы** – мужики) и возраста (**бабы** – девочки, девки, старухи). В отличие от слова мужик, слово **баба** не входит в оппозиции по месту в политической системе управления и месту жительства: в авторской картине мира В.П. Астафьева власть борется с мужиками, а не с бабами, уничтожает именно мужиков; город противопоставлен мужику, а не бабе.

Наиболее детально в рассматриваемых текстах представлена оппозиция **бабы** – мужики, которая на уровне простого предположения выражена актантным субъектно-объектным распределением ролей. Эти роли меняются в зависимости от пропозиций. Самые типичные из них следующие:

1. Бабы ругают мужиков, мужики ругают баб, но бабе это занятие более свойственно: Севши на бережок, **мужики** курят табак, обмениваются впечатлениями, поругивают **баб** <...> [5, т. 5]; <...> **бабы** <...> все чепляют, чепляют друг дружку, в особенности **мужика** [5, т. 4]; <...> высоким голосом кого-то пушит **баба**. **Мужика**, конечно, кого сейчас еще бабам пушить? [5, т. 5].

2. Мужики бьют баб: На **бабу** свою, жану богоданную, с топором да и ружьишком. Воин! Мятенчик!.. [5, т. 4]; Парни, перемигиваясь, снисходительно расступаются, но, потоптавшись, поприцелившись, **мужик** возвращает плитку со вздохом: «Нет, робаты, неча мараться. В глаза рябит... Я скоро и в **бабу** кулаком не попаду...» [5, т. 4]; Вместе выпили – **мужик бабу** бить [5, т. 6].

Но есть бабы, которые сами бьют мужиков: Этак пойдет дальше дело, так он, пожалуй, возьмется свою **бабу** бить, а не она его [5, т. 6].

3. Бабы угнетают, преследуют мужиков: С одной стороны, работа ответственная, с другой стороны, **баба** преследует, выпить не дает, с третьей – эти вот, рыхлаеи всякие [5, т. 6].

В свою очередь мужики могут испортить бабью жизнь и бабью судьбу: И пойдешь ты по отцом проторенной дорожке, по тюрьмам да по этапам и погибнешь там. А воротиться? Та-ким же, как он, и воротиться, испортишь чью-то **бабью** жисть, может, и не одну, как он мою жисть испортил, загубил, подлец [5, т. 5]; Не я один ослеплен был блеском золота, сколько девчоночьих и **бабьих** судеб перекусил, как нитку, теми зубами любимый мой дядя! [5, т. 5].

4. Бабы оберегают, хранят мужиков, успокаивают их: Не знаю, что бы мы натворили, скорее всего до цели не дошли бы, схватились бы с кем-нибудь другим, но **бабы**, наши рос-сийские **бабы**, твердо знающие свою задачу: храним **мужиков** от бед, напастей и дури, стали боевым заслоном у речки и за водный рубеж нас не пускали, бесстрашно вырывая дреколь, расталкивали по сторонам [5, т. 5]; Которая-то из наших **баб**-песельниц, в обнимку уводя по тропе остывающих **мужиков**, направляла их на мирную рельсу, продолжала как бы не прерывавшуюся песню: «С та-а-аско-о-ой по р-ро-оди-ине-е-е-е-е дале-о-о-окой...» [5, т. 5].

Мужики защищают Родину, в том числе и баб: Молодые **мужики** за Родину, за народ жизни положили, стало быть, и за них, за **баб**, тоже <...> [5, т. 5].

Бабы молятся за своих защитников мужиков, солдат: Через минуту Лешка обернулся: выйдя на дорогу, **баба** размахисто, будто в хлебном поле сея зерно, истово крестила войско вослед – каждую роту, каждый взвод, каждого солдата осеняла крестным знаменем русская женщина по обычаю древлян, по заветам отцов, дедов и Царя Небесного, напутствуя в дальнюю дорогу, на ратные дела, на благополучное завершение битвы своих вечных защитников [5, т. 10].

Таким образом, в авторской картине мира В.П. Астафьева между бабами и мужиками сложные отношения: они конфликту-

ют друг с другом и заботятся друг о друге. Днем и ночью у них разные отношения: *Вечер, покой благостный в дому, а она, баба, побрякивает да позвякивает посудой, пошвыривает да побрасывает поленья. В постель идет, в горницу, и одежду с себя не сымает – рвет. «Подвинься! – рычит на мужа. – Разлегся, как боров!»*

По всем статьям **мужик**, если он истинный гробовоз, должен **бабу** шугануть, столкнуть ее с кровати, но он послушно подвигается, пускает жену под одеяло да еще и подтыкает под спину, чтоб теплее и мягче жене было. И она сразу усмиряется, притихает, старики поскорее уносят лампу в куть. На кровати вроде бы даже и баловаться начнут, шалить, что дети, смешки, шепотки, мир, лад, согласие...

И уяснил я еще в детстве, пусть не буквально-досконально, пусть не до самого дня, но уяснил, что днем, на свету, на народе люди и живут для народа, для других людей то есть, и к народу они оборачиваются угодным тому обликом, отстраненным, сердитым, готовым к отпору, чтобы с отпором не опоздать, первые и набрасываются на всех, в особенности на тех, кто под рукой, кто поближе, но, оставшись наедине друг с другом, люди становятся сами собой и живут друг для друга, пусть и недолго, ночью лишь, но живут, как велит им сердце <...> [5, т. 4].

В рассматриваемых произведениях В.П. Астафьев выбирает следующие параметры для характеристики баб:

1) внешность: *крупная и красивая баба; ладная баба; голая баба; голые да справные бабы; растелешенная баба; баба неопределенного вида; баба с грубым массивным лбом и тяжелым подбородком; баба с одним зрячим глазом; баба в ржаво-оплесканной куртке; баба в старом пиджаке, с мулатски-костлявым коричневым лицом; в мужицкое одетая баба; укутанные в шерстяные шали бабы; баба в клетчатом полушалке, в валенках, насунутых на босую ногу, с коромыслом и ведрами на плечах; баба, легко одетая, в мужичьем пиджаке, надернутом на штицевую кофту; баба, у которой семь пудов одна правая ляжка, тридцать два килограмма груди; толстые бабы; рыхлая баба; дебелая баба;*

2) физические свойства: *здоровая баба; поврежденная баба; баба работой физицкой не уезжена;*

3) возраст: *баба неопределенного возраста; еще молодые бабы;*

4) психические свойства или состояние: *душевная баба; сердобольная баба; сердобольные бабы; бабы, не помнящие*

зла; отчаянная баба; отчаянные бабы; удалая баба; баба нрава бурного; впавшая в неистовство баба; алчная баба;

5) интеллектуальные качества: *бабы себе на уме; хитрая баба;*

6) умение вести хозяйство: *баба-хозяйка;*

7) поведение: *боевая баба; бойкая баба; вздорная баба; бесовская баба; неразговорчивая баба; молчаливые бабы; ворчливая баба; баба-сплетница; бабы-песельницы; неуклюже ступающая баба; мужиковато шагающая баба; курящая баба; верная баба; податливая баба; ненаклончивая баба; увертливые бабы;*

8) отношение к спиртным напиткам: *изрядно поддавая баба; пьяная баба; пьющая баба;*

9) род занятий, профессия: *путевская баба; путевские бабы; бабы-укладчицы; бабы-резальщицы; конюха-бабы; военная баба;*

10) семейное положение: *семейные бабы;*

11) образование: *неграмотная, мудрая от жизни баба; отсталые бабы;*

12) трудный и/или несчастливый жизненный опыт: *битая баба; битые, топтанные да изработанные бабы; горемычная баба; много пережившие бабы; бабы бывалые, всего навидавшие;*

13) общая оценка: *ладная баба; богоданная баба; отпетая баба; бабы-стер-рвы; баба сучка;*

14) именование: *баба Даша; баба Капитолина; баба Ульяна; баба Уля;*

15) социальная локализация: *русская баба; русские бабы; российские бабы; расейская баба; деревенские бабы; овсянские бабы; «низовские» бабы; закахинские бабы; лассалевские бабы; барачные бабы; сидоровские бабы;*

16) социальная актуализация (отношение сопричастности): *наши бабы; своя баба; свои и чужие бабы; твоя баба; чужая, враждебная всему свету баба; бабы братанов Губиных.*

Выводы. В художественном дискурсе В.П. Астафьева слово *баба* употребляется в семи значениях, у этого слова есть как отрицательные, так и положительные коннотации. Бабы душевные, сердобольные, не помнят зла, в то же время они боевые и отчаянные. У баб трудная, тяжелая жизнь, часто несчастливая судьба. В авторской картине мира В.П. Астафьева резко отрицательно оцениваются бабы, похожие на мужиков, пьющие, курящие бабы, особенно бабы-активистки. Главное предназначение баб – это забота о семье, о детях.

Библиографический список

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1998. – Т. 4.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. – М., 1935. – Т. 1.
3. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. – М., 1999. – Т. 1.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – 2009 [Э/р]. – Р/д: www.gramota.ru/slovari/dic.
5. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск, 1997. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома в скобках.
6. Ким, И.Е. Социальные субъекты: принципы номинации // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2010. – № 57. – Сер. «Филология. История».

Bibliography

1. Dalj, V.I. Tolkovij slovarj zhivogo velikoruskogo yazihka: v 4 t. – M., 1998. – T. 4.
2. Tolkovij slovarj russkogo yazihka / pod red. D.N. Ushakova: v 4 t. – M., 1935. – T. 1.
3. Slovarj russkogo yazihka / pod red. A.P. Evgenjevovj: v 4 t. – M., 1999. – T. 1.
4. Bolshojj tolkovij slovarj russkogo yazihka / gl. red. S.A. Kuznecov. – 2009 [Eh/r]. – R/d: www.gramota.ru/slovari/dic.
5. Astafjev, V.P. Sbranie sochinenij: v 15 t. – Krasnojarsk, 1997. Ssihlki na ehto izdanie dayutsya v tekste s ukazaniem toma v skobkakh.
6. Kim, I.E. Socialjnihe subjhektih: principih nominacii // Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta. – 2010. – № 57. – Ser. «Filologiya. Istoriya».

Статья поступила в редакцию 09.08.14

УДК 803.0

Vahrusheva N.A. **PHRASEOLOGICAL SYNONYMY IN THE UPPER GERMAN DIALECT GROUP IN ALTAI.** The article lets to get a common understanding about the development of phraseological synonymy in the Upper German dialect group in Altai region. The author gives definitions of the terms “dialectal phraseological synonyms” and “dialectal phraseological quasi-synonyms” and describes some striking features of the dialectal phraseological synonymy. The article also presents a view about the typology of phraseological synonyms and quasi-synonyms in these dialects. The main content of this article is an analysis of the words of semantic groups. They are arranged into groups in accordance with their connection to real life. This helps to define, which spheres of reality are most important for this ethnos. For example, a human being has a specific value for the German dialect speakers, who live in Altai, including a person's emotions and physical conditions, his character and intelligence, his relations with other members of the society.

Key words: Upper German dialect group, synonymy, somatic, state phrase.

Н.А. Вахрушева, канд. филол. наук, ст. преп. каф. немецкого языка, Лингвистический институт, ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: vahrusheva_n@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В ВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ НА АЛТАЕ

Статья позволяет получить общее представление о развитии фразеологической синонимии в верхненемецких диалектах на Алтае. Автор раскрывает понятия диалектных фразеологических синонимов и квазисинонимов, а также описывает некоторые специфические особенности диалектной фразеологической синонимии. Кроме того, в статье представлен обзор типов диалектных фразеологических синонимов и квазисинонимов в исследуемых немецких диалектах. Основное содержание исследования составляет анализ семантических групп диалектных фразеологических синонимов и квазисинонимов, организованных по типу их связи с внеязыковой действительностью. Выделенные группы синонимов и квазисинонимов позволяют определить те участки действительности, которые представляют особое значение для данного этноса. Так, в центре внимания носителей верхненемецких диалектов Алтая находится человек, а именно: его эмоционально-психическое и физическое состояние, характер и интеллект, а также его отношения с другими членами коллектива.

Ключевые слова: верхненемецкие диалекты, синонимия, соматический, фразеологизм.

Синонимия как один из видов семантической связи между единицами языка является одной из самых продуктивных и значимых категорий не только стандартной немецкой фразеологии, но и диалектной.

Под *диалектными фразеологическими синонимами* мы понимаем разноструктурные и одноструктурные диалектные фразеологизмы, совпадающие по смыслу и различающиеся образной основой, компонентным составом и условиями их употребления в речи.

Принципиального различия между лексической и фразеологической синонимией не имеется, однако последняя характеризуется некоторыми специфическими особенностями. Так, фразеологические синонимы отличаются от лексических тем фактом, что они представляют собой сочетание слов с образно-мотивированным значением. Это позволяет не считать определенную группу синонимов (т. н. структурные синонимы) фразеологическими вариантами даже при практически полном структурном и семантическом совпадении некоторых единиц (см., например, [1, с. 94]).

Проблема различения структурных синонимов и фразеологических вариантов остается в современной лингвистике спорной. Так, к структурным синонимам можно отнести обороты, возникшие в результате метафоризации различных словосочетаний, а также взаимозаменяемости одного или нескольких компонентов. Структурные синонимы с взаимозаменяемыми компонентами отличаются в семантическом, стилистическом или территориальном плане. В отношении диалектных фразеологизмов релевантным для выделения структурных синонимов является семантическое «неродство» субститутов в оборотах с варьирующими компонентами и разная образная основа. Если вариация компонентов не затрагивает внутреннюю структуру оборота и фразеологический образ остается сохраненным, речь идет о структурных вариантах (см. [2]). Например, синонимы *Kopf wasche* и *(n) Kopf apraige, runnadrehe* различаются положенными в их основу фразеологическими образами: в первом случае ментальная обработка единицы опирается на согласованный компонент *wasche* и фразеологический образ относится к концептуальной сфере «Мытье», базируясь на представлении об очищающей силе воды. При употреблении второго фразеологизма с вариативным компонентом-глаголом в сознании возникают ситуации из концептуальной сферы «Забой животных/птиц». Между собой компоненты *apraige* и *runnadrehe* семантически родственны.

Помимо структурных синонимов в языке существуют и собственно-фразеологические синонимы – единицы, характеризующиеся семантическим соответствием при структурной и лексической разнооформленности. Важным условием существования собственно-фразеологических синонимов является выполняемая ими в предложении единая синтаксическая функция. Таким образом, синонимами можно считать фразеологизмы типа *in t Nase hacke* и *(s mal) hinne/hinna die/t Ohre/Oare schrauwe* со значением «запомнить что-л.», а также подобные им.

Синонимичность фразеологизмов *Haut un Knoche sai* и *ma kann t Rippe zähle* со схожим значением «быть очень худым» является проблематичной. Первый фразеологизм эксплицитно характеризует субъект, тогда как второй выражает оценку имплицитно, через указание на возможность проведения опреде-

ленной процедуры с таким человеком. Указанные единицы выполняют разные синтаксические функции: первый фразеологизм выполняет функцию сказуемого, второй реализуется в речи в готовом виде – в качестве предложения.

В одном контексте не полностью взаимозаменяемы фразеологизмы *Schlaig in te Hend hawe* и *Du bischt n Tollpatsch!* с близким значением «отсутствие желания/ возможности работать». Первый фразеологизм свободно функционирует в речи немцев на Алтае в разных формах, в том числе и в виде восклицательного предложения. Второй – только в указанном виде.

Фразеологизмы, подобные приведенным выше примерам, могут рассматриваться как квазисинонимы [3, с. 51]. Таким образом, под *диалектными фразеологическими квазисинонимами* мы понимаем диалектные фразеологизмы со схожим значением, но отличной синтаксической функцией в предложении, не взаимозаменяемые в одном контексте.

Во фразеологическом корпусе верхненемецких диалектов Алтая (следует оговориться, что мы анализируем только соматические фразеологизмы) имеют место традиционно выделяемые в семантическом аспекте равнозначные и идеографические синонимы. Равнозначные синонимы выражают одно и то же понятие или одно и то же суждение и отличаются образными основами: например, *die Zung bai sich halte* и *die Zung hinna die Zäh hawe, halte* имеют тождественное значение «не разглашать информацию». Равнозначные фразеологические синонимы представляют собой довольно частое явление.

Идеографические фразеологические синонимы выражают одно и то же понятие, но различаются семантическими оттенками (отдельными семантиками), выражающими, например, разную степень интенсивности действия: *(die) Zung (raus)henge* и *Zung ufs Achsel lege* различаются выражением степени усталости. Большая интенсивность характеризуемого состояния очевидна во втором случае. К этой группе фразеологизмов мы относим также квазисинонимы.

В исследуемых диалектах нами выделено 30 групп фразеологических синонимов/квазисинонимов, отличающихся друг от друга в квантитативном отношении, а также выражаемыми ими семантическими оттенками. Выделенные группы синонимов/квазисинонимов можно организовать в семантические группы с точки зрения связи с внеязыковой действительностью. Фразеологизмы всех представленных синонимических групп характеризуют человека, его действия и состояния.

В количественном отношении выделяется семантическая группа фразеологизмов, передающих **различные эмоционально-психические состояния человека**. Ее составляют следующие группы синонимов/ квазисинонимов:

1) синонимы/квазисинонимы с общим значением «выражение недовольства»:

(1) *s Maul vaziehe* „s Maul verziehen“

(2) *K'sicht vaziehe, aptrehe* „Gesicht verziehen, abdrehen“

(3) *saures, schiefes K'sicht mache* „saures, schiefes Gesicht machen“

(4) *Schnut dricke* „Schnauze drücken“

(5) *t Nase rimpfe* „die Nase rümpfen“

(6) *de Schnut hawe, da kann ma mit Traktor iwerfahre* „die Schnauze haben, die man mit Traktor überfahren kann“

(7) *die Lippa hawe, da kann ma iwerfahre* „die Lippen haben, die man überfahren kann“

Фразеологизмы (1)-(5) можно считать равнозначными синонимами, поскольку они передают тождественное значение. Фразеологизмы (6) и (7) также равнозначны по отношению друг к другу. Данную синонимическую группу составляют фразеологизмы с соматизмами – обозначениями лица и его частей (рот, нос, губы), что объясняется участием этих частей тела в артикуляции.

2) синонимы/квазисинонимы с общим значением «нарушение душевного равновесия»:

(8) *s Heaz/Hjaz platzt uf, varaigt, raigt ausanana, drickt, klemmt, tut weh* „das Herz platzt auf, verreißt, reißt auseinander, drückt, klemmt, tut weh“

(9) *s Heaz is schwea* „das Herz ist schwer“

(10) *tes is schwea, schlecht uf'm Heaz* „es ist schwer, schlecht auf dem Herzen“

(11) *en Stoa liegt uf em Hjaz* „ein Stein liegt auf dem Herzen“

(12) *n Kopf/Kop (runna)hönge, runnalasse* „den Kopf (runter)hängen, runterlassen“

(13) *die/ t, sai Noas/Naas henje/henge, runnalasse* „die, seine Nase hängen, runterlassen“

(14) *koi K'sicht hawe* „kein Gesicht haben“

Поскольку сердце универсально считается символом эмоций и местом их локализации, неудивительно, что большинство оборотов этой группы имеют в качестве опорного компонента соматизм «сердце». И если фразеологизмы (8)-(11) передают ощущения в области этого органа, то (12)-(14) описывают скорее внешний вид, осанку человека, имеющего такие ощущения.

3) синонимы/квазисинонимы с общим значением «удивляться»:

(15) *grouge/große Oage/Aage mache* „große Augen machen“

(16) *(t) Aage/Oage ufraiße, rausdricke* „(die) Augen aufreißen, herausdrücken“

(17) *(s) Maul ufraiße, ufsperre* „(s) Maul aufreißen, aufsperrern“

(18) *Oag un Maul ufraiße, Maul un Aag ufraiße* „Auge und Maul aufreißen, Maul und Auge aufreißen“

(19) *Aag un Noas ufraiße* „Auge und Nase aufreißen“

(20) *Maul un Noas ufsperre* „Maul und Nase aufsperrern“

(21) *krummes K'sicht mache* „krummes Gesicht machen“

(22) *saine Aage/Oage net glaawe/gloawe* „seinen Augen nicht glauben“

(23) *te Oare net klowe* „den Ohren nicht glauben“

Приведенные фразеологизмы свидетельствуют о широком спектре выразительных языковых средств, с помощью которых можно вербализировать удивление от увиденного/ услышанного.

4) синонимы/квазисинонимы с общим значением «(сильно) испугаться»:

(24) *mit'm/mim ganze Kerpa, Laip zittre* „mit dem ganzen Körper, Leib zittern“

(25) *t Hoa stella sich* „die Haare stellen sich“

(26) *te Knie zittre* „die Knie zittern“

(27) *de Oasch keht mit Grundais* „der Arsch geht mit Grundeis“

(28) *s Heaz is in die Festje g'rutscht* „das Herz ist in die Fersen gerutscht“

(29) *koi K'sicht hawe* „kein Gesicht haben“

Понятие «страх» в исследуемых диалектах передается с помощью фразеологизмов, в состав которых входит название тела, а также его разнообразных частей (волосы, колени, зад, сердце, лицо), отражающих, чаще всего, реальные и мнимые физические реакции организма на вызывающий страх объект/ ситуацию.

5) синонимы/квазисинонимы с общим значением «стыдиться»:

(30) *rotes K'sicht hawe, kriege* „rotes Gesicht haben, kriegen“

(31) *rot em K'sicht g'worre* „rot im Gesicht geworden“

(32) *net wisse, wo/wu die/de Oage/Aage hinstelle* „nicht wissen, wo die Augen hinstellen“

Внутренняя форма фразеологизмов (30)-(31) отражает физическую реакцию человеческого организма в ситуации, вызывающей смущение, стыд. Фразеологизм (32) характеризует поведение человека в такой ситуации.

6) синонимы с общим значением «(по)чувствовать моральное облегчение»:

(33) *tes is leicht em, uf'm Heaz/Hjaz* „es ist leicht im, auf dem Herzen“

(34) *Stain/Stoin is vom/vum Heaz (runna)k'falle* „Stein ist vom Herzen gefallen“

Синонимы (33) и (34) имеют небольшие семантические различия: в (34) «ощущается» момент перехода в состояние морального комфорта, тогда как (33) констатирует такое состояние.

7) синонимы/квазисинонимы с общим значением «в замешательстве не знать, что сказать»:

(35) *die Zung is steaf worre* „die Zunge ist steif geworden“

(36) *die Zung is/isch wie n Stain* „die Zunge ist wie ein Stein“

(37) *tas te Zung aptrickla tet* „dass die Zunge abtrocknen tut“

Опорным компонентом всех фразеологизмов этой группы является соматизм «язык». Фразеологизм (37) отличает от равнозначных синонимов (35)-(36) его функционирование в речи в качестве придаточного предложения.

8) синонимы/квазисинонимы с общим значением «очень надоесть»:

(38) *pis iwer'n/in de Hals hawe* „bis über'n/ in den Hals haben“

(39) *pis/bis iwa, uf die/d/t/de Oa/Oare/Ohre satt* „bis über, auf die Ohren satt“

(40) *pis iwer'n/in de Hals henge* „bis über'n/ in den Hals hängen“

9) квазисинонимы с общим значением «(по)терять терпение»:

(41) *kai Nerv hawe* „keinen Nerv haben“

(42) *Nerve sin am End* „Nerven sind am Ende“

Фразеологизмы, отражающие **особенности личности, черты характера человека**:

1) синонимы с общим значением «чувствовать дух времени, умение оказаться в нужном месте в нужный час»:

(43) *die Noas/Naas noch m, geje/gegen de Wint hewe, halle* „die Nase nach dem, gegen den Wind heben, halten“

(44) *t Noas noch te Luft habe* „die Nase nach der Luft haben“

(45) *die Naas/Noas hoch lifte* „die Nase hoch lüften“

(46) *die Naas in t Heh ziehe* „die Nase in die Höhe ziehen“

Приведенные фразеологизмы взаимозаменяемы во всех контекстах и выражают один и тот же смысл – поднятие носа вверх, втягивание воздуха, принесенного попутным или встречным ветром, позволяет уловить различные запахи, получить необходимую информацию и действовать соответствующим образом.

2) синонимы с общим значением «сильно стараться»:

(47) *von, ous de Hout krawwle* „von, aus der Haut krabbeln“

(48) *vum Fell rauskrawwle* „vom Fell rauskrabbeln“

(49) *sich de Nawl raife* „sich den Nabel reißen“

3) квазисинонимы с общим значением «прослушать что-л. (по невнимательности)»:

(50) *en ta, hinna, newa/niwa (t/die), an dea, turich Ohre/Oare vabai lasse, gehe lasse* „in die, hinter (die), an die, durch Ohre vorbeilassen, gehen lassen“

(51) *in/en ain/ohm Oa raingehe, ne(komme), in/em annre raus(gehe)* „in einem Ohr reingehen, reinkommen, im anderen rausgehen“

В отличие от фразеологизмов (47)-(49), взаимозаменяемых практически в любых контекстах, обороты (50) и (51) можно считать лишь квазисинонимами, поскольку (50) характеризует субъекта, а (51) относится к информации, которую субъект прослушал.

4) квазисинонимы с общим значением «отсутствие желания или возможности работать»:

(52) *Schais in te Hend hawe* „Scheiße in den Händen haben“

(53) *Du bischt n Tollpatsch!* „Du bist eine Tollpatsche!“

Фразеологизмы этой группы квазисинонимичны, так как (53) реализуется в речи носителей диалектов исключительно в виде восклицательного предложения.

5) синонимы с общим значением «быть болтливым, сплетничать»:

(54) *lange Zung hawe* „lange Zunge haben“

(55) *Zung ohna Knjocha hawe* „Zunge ohne Knochen haben“

(56) *ne falsche Zung hawe* „eine falsche Zunge haben“

6) синонимы с общим значением «молчать, не разглашать информацию»:

(57) *die Zung bai sich halte* „die Zunge bei sich halten“

(58) *die Zung hinna de Zäh halte, hawe* „hinter den Zähnen halten, haben“

Синонимичные группы 5) и 6) характеризуются равнозначностью и взаимозаменяемостью составляющих их фразеологизмов.

Фразеологизмы, описывающие **физическое состояние человека**:

1) синонимы с общим значением «голодать; испытывать сильное чувство голода»:

(59) *die Zehn in te Schank lege* „die Zähne in den Schrank legen“

(60) *mi ta Zeha klopf* „mit den Zähnen klopfen“

(61) *s Maul uf Tisch schlage* „s Maul auf Tisch schlagen“

Использование соматизмов «зубы» и «рот» для передачи данного значения объясняется участием этих частей тела в процессе приема и пережевывания пищи.

2) синонимы с общим значением «испытывать головную боль» взаимозаменяемы в любом контексте:

(62) *De/t Kopf/Kop brummt, platzt, trennt sich* „Der Kopf brummt, platzt, trennt sich“

(63) *De/t Kopf/Kop brummt wie n Parawos* „Der Kopf brummt wie ein Parawos (=eine Dampflokomotive)“

3) квазисинонимы с общим значением «хотеть спать»:

(64) *(sich) die Oage ausputze, kratze* „(sich) die Augen ausputzen, kratzen“

(65) *die Aage sin schwea* „die Augen sind schwer“

Фразеологизмы (64)-(65) передают близкое по смыслу содержание, но не могут быть использованы в одном контексте: (64) характеризует действия человека, а (65) употребляется в виде предложения и описывает его ощущения.

4) синонимы с общим значением «не смочь заснуть»:

(66) *(die) Oage/Aage nich/net zuk'macht hawe* „(die) Augen nicht zugemacht haben“

(67) *ko Oag zumache* „kein Auge zumachen“

5) синонимы с общим значением «обессилеть от ходьбы, работы»:

(68) *Zung uf Achs/ de Schulta lege* „Zunge auf Achsel/ die Schulter legen“

(69) *(die) Zung (raus)henge* „(die) Zunge (heraus)hängen“

Синонимы групп 4) и 5) можно считать абсолютными.

6) квазисинонимы с общим значением «трястись от холода»:

(70) *Känsehaut (iwer)geht* „Gänsehaut (über)geht“

(71) *Känsehaut hawe, kriege* „Gänsehaut haben, kriegen“

7) квазисинонимы с общим значением «быть очень худым»:

(72) *Haut/Hoat un Knoche sai* „Haut und Knochen sein“

(73) *ma kann t Rippe zähle* „man kann die Rippen zählen“

Фразеологизмы (70)-(71) и (72)-(73) квазисинонимичны, поскольку, реализую весьма близкое значение, они, тем не менее, не взаимозаменяемы.

Фразеологизмы, обозначающие **умственные способности человека и интеллектуальные процессы**:

1) синонимы/квазисинонимы с общим значением «быть глупым»:

(74) *(gar) nix em/im Kopf/Kop (drin)hawe* „(gar) nichts im Kopf (darin)haben“

(75) *Wint, Schaig im Kopf/Kop hawe* „Wind, Scheige im Kopf haben“

(76) *net all im Kopf/Kop hawe* „nicht alles im Kopf haben“

(77) *s lankt net em/im Kopf/Kop* „es langt nicht im Kopf“

Синонимичные фразеологизмы (74)-(76) и квазисинонимичный им фразеологизм (77) передают общий смысл, однако, не могут считаться равнозначными, поскольку содержат разные оттенки значения. Так, (76) и (77) не звучат слишком категорично (в отличие от (74)). Привлечение в качестве содержания головы других объектов действительности высвечивает в значении ФЕ (75) сему «не то, что надо».

2) «одержимость какой-либо мыслью, идеей»:

(78) *sich was en/in de Kopf/Kop (rain)schloa/schlage* „sich was in den Kopf (rein)schlagen“

(79) *was uf'm, ums Herz hawe* „etwas auf dem Herzen, um das Herz haben“

(80) *in dr/de Noas/Naas steckte* „in der Nase stecken“

3) синонимы/квазисинонимы с общим значением «потеря способности соотносить от множества дел»:

(81) *Kritz, Kasch em Kopf/Kop hawe* „Grütze im Kopf haben“

(82) *De/ta Kopf/Kop keht in/en de/t Rund/Runtl, dreht sich* „Der Kopf geht in der Runde, dreht sich“

(83) *Alles is im Kopf/Kop vadreht, k'mischt, duchanana* „Alles ist im Kopf verdreht, gemischt, durcheinander“

4) синонимы/квазисинонимы с общим значением «внезапно осознать суть происходящего; обратить внимание на то, что раньше не замечалось»:

(84) *(die/ihre) Oage/Aage sin ufgange* „(die/ihre) Augen sind aufgegangen“

(85) *Wo hat die ihre Oage g'habt?* „Wo hat die ihre Augen gehabt?“

(86) *Wo warre/worre ihre Oage?* „Wo waren ihre Augen?“

Фразеологизмы (85)-(86) взаимозаменяемы в одном контексте и отличаются от квазисинонимичного им (84) исключительным употреблением в речи в виде риторического вопроса.

5) синонимы с общим значением «запомнить, принять во внимание» можно считать равнозначными:

(87) *uf die Nase schraiwe* „auf die Nase schreiben“

(88) *in t Nase hacke* „in die Nase hacken“

(89) *(s mal) hinne/hinna die/t Ohre/Oare schraiwe* „(es mal) hinter die Ohren schreiben“

Фразеологизмы, описывающие **отношение к другим членам языкового коллектива**:

1) синонимы/квазисинонимы с общим значением «угроза наказания»:

(90) *Kopf/Kop wasche* „Kopf waschen“

(91) *(n) Kopf/Kop apraige, runnadrehe* „(den) Kopf abreißen, runterdrehen“

(92) *voan Kopf/Kop schloage* „vor den Kopf schlagen“

(93) *die Noas/Naas (ap)putze* „die Nase (ab)putzen“

(94) *die Noas/Naas voll schlage* „die Nase voll schlagen“

(95) *die/t Oare apdree* „die Ohren abdrehen“

(96) *ins Oa schloage/schloae* „ins Ohr schlagen“

(97) *t, die Rippe/Rippe zähle* „die Rippen zählen“

(98) *de Oasch vollschlage* „den Arsch vollschlagen“

(99) *in t Naas kriege* „in die Nase kriegen“

Фразеологизмы этой синонимической группы отражают разнообразие языковых средств и используемых соматизмов для выражения угрозы: голова, нос, уши, ребра, зад. С семантической точки зрения синонимы различаются содержащейся в значении семы реальности осуществления выражаемого действия (90, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 99) и его нереальности (или потенциальной нереальности), поскольку это может нанести серьезный урон здоровью и даже повлечь смерть (91, 95), благодаря чему выражаемая угроза содержит большую экспрессивность. Фразеологизмы (99) и (90-98) квазисинонимичны.

2) синонимы с общим значением «что-то доказать кому-то»:

(100) *die Naas/Naas (zu)schmiere* „die Nase zuschmieren“

(101) *iwa die Naas fahre* „über die Nase fahren“

3) синонимы с общим значением «обманывать кого-л.»:

(102) *Stoap/Staap in/en t Oage lasse, (ne)schmaiye* „Staub in die Augen lassen, hineinschmeißen“

(103) *um t Finge ruwickle, fihre* „um den Finger herumwickeln, führen“

Синонимы (100)-(101) и (102-103) равнозначны и взаимозаменяемы в одном контексте.

Таким образом, представленные фразеологические синонимы свидетельствуют о богатстве выразительных средств верхненемецких диалектов на Алтае, а наличие и численный состав каждой из выявленных групп – о важности тех или иных аспектов действительности для конкретного этноса. Так, в центре внимания носителей верхненемецких диалектов Алтая находится человек, а именно: его эмоционально-психическое и физическое состояние, характер и интеллект, а также его отношения с другими членами коллектива.

Библиографический список

1. Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М., 1970.
2. Barz, Irmhild. Phraseologische Varianten: Begriff und Probleme // Deutsche Phraseologie im Sprachsystem und Sprachverwendung/ Csaba Földes (Hrsg.). – Wien: Ed. Praesens, 1992
3. Черданцева, Т.З. Многозначность и синонимия идиом (на материале итальянского языка) // Известия АН. – 1998. – № 4. – Сер. Литературы и языка.

Bibliography

1. Chernihsheva, I.I. Frazеologiya sovremennogo nemeckogo yazihka. – M., 1970.
2. Barz, Irmhild. Phraseologische Varianten: Begriff und Probleme // Deutsche Phraseologie im Sprachsystem und Sprachverwendung/ Csaba Földes (Hrsg.). – Wien: Ed. Praesens, 1992
3. Cherdanceva, T.Z. Mnogoznachnostj i sinonimiya idiom (na materiale italjanskogo yazihka) // Izvestiya AN. – 1998. – № 4. – Ser. Literaturih i yazihka.

Статья отправлена в редакцию 18.08.14

УДК 821

Gazzayeva A.R. **THE GENRE FEATURES OF FLASH PROSE BY GINO BARAKOV**. In the article some features of flash prose in the Ossetian literature of the silver age (1910-1935) are shown. The main reference is made to stories by Gino Barakov. The author gives a genre classification of this writer's works and describes features of their contents.

Key words: Ossetian literature, flash prose, genre and style innovation, realism in national flash literature.

A.P. Газзаева, аспирант Северо-Осетинский гос. университет, г. Владикавказ, E-mail: sotion@mail.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛОЙ ПРОЗЫ ГИНО БАРАКОВА

В статье показаны особенности малой прозы в осетинской литературе серебряного века (1910-1935 гг.) на примере рассказов писателя Гино Баракова. Автор приводит жанровую классификацию его рассказов и особенности их содержания.

Ключевые слова: осетинская литература, малая проза, жанровое и стилевое новаторство, реализм в национальной малой прозе.

Одним из ведущих жанров эпической прозы в осетинской литературе серебряного века (1910-1935) является рассказ. В круг лучших мастеров короткого рассказа в 1920-1930-е гг. вошел Гино Бараков. В своих рассказах он поднимал те же проблемы, что и его собратья по перу – любви и ненависти, жизни и смерти, взаимосвязи человека и природы, поиском своего места в обществе, особенностей ментальности народа. Малая форма стала для признанного автора своего рода художественной лабораторией, где осмысливались актуальные вопросы истории и современности, осуществлялось жанровое и стилевое новаторство. Об этом свидетельствует творческая история создания реалистических рассказов, новелл, притч. Гино Баракову удалось создать целостные произведения с эпической проблематикой, каждый из которых отличается выпуклой фигурой главного героя и представляет собой какое-то оригинальное сюжетное решение. Очевидно, что Гино Бараков является мастером короткого рассказа. Однако степень разработанности исследуемой нами проблемы далеко не адекватна реальному художественному вкладу писателя в осетинскую прозу. Более того творчество столь значительного деятеля национальной культуры в научном аспекте еще не изучалось. Между тем проза Гино Баракова содержит материал, не вмещающийся в рамки прежних подходов и критериев: она гораздо разнообразнее и сложнее. Вопросы поэтики, жанра, стиля, авторского повествования, особенностей психологического анализа прозаических произведений Гино Баракова практически не затрагивались в научно-критических работах о нем. Этим и определяется актуальность темы нашего исследования. Опубликованные о прозе писателя материалы посвящены в основном юбилейным датам, выходам в свет тех или иных книг, принципам становления соцреализма в его творчестве, идейному содержанию отдельных произведений. Другие же вопросы, связанные с жанром, поэтикой и композицией рассматривались лишь фрагментарно. В то же время следует отметить работы, посвященные его поэзии, биографии, человеческой и творческой судьбе: Д. Мамсурова, А. Тедтоева, В. Малиева др.

В осетинском литературоведении к творчеству Гино Баракова одним из первых обратился Дабе Мамсуров. Это была рецензия на его первое собрание сочинений: Мамсыраты Дæбе. Барахъты Гинойы уацмæстæ // Рæстдзинад – 1960. – 25 февраля. Ожидалось, что масштабный писатель, сам, будучи прозаиком, уделил основное внимание его рассказам. Но он рассмотрел только два произведения («Тауче», «Аххос»): на первом он остановился подробно, на втором – поверхностно. К сожалению, известный писатель не вышел за рамки общих разговоров. Общими рассуждениями ограничились и литературоведы Гига Мамиев (Мамиты Гига. Лæгдзинады зарæггæнаг: [Барахъты Ги-

нойы райгуырдыл сæххæст 95 азы] // Сов. Ирыстон. – 1985. – 5 марты.) и Замира Суменова (Суменаты Замирае. Базырджын сфæлдыстад: [Барахъты Гинойы райгуырдыл сæххæст 90 азы] // Рæстдзинад. – 1980. – 19 февраль, с. 2).

В свое время высоко оценил вклад Гино Баракова в осетинскую литературу известный ученый, исследователь фольклора и осетинской поэзии, профессор Ш. Джикаев. Он посвятил ему отдельную главу в своей монографии «Фольклор и осетинская советская поэзия (1917-1941)» [1; с. 74-112]. Как видно из названия работы, исследование посвящено поэзии Гино Баракова. Шамиль Федорович подготовил и первое академическое издание его собраний сочинений: Барахъты Гино. Уæлладжыры кадæг: Поэзии. Прозæ. Театр. Публицистикæ. – Орджоникидзе: Ир, 1975. В обширном предисловии составитель уделил внимание и разбору прозаических произведений, в частности впервые дал жанровую классификацию его рассказов, которую поделил на четыре части: 1) произведения, написанные в традициях «Раздзога» («Передовой»); 2) краткие картины жизни; 3) новеллы-притчи (легенды); 4) реалистические рассказы.

В начале шестидесятых годов ушедшего века кандидат филологических наук Х.А. Ардасенов создал интересный очерк о творчестве Гино Баракова: Ардасены Х. Барахъты Гино // Цард æмæ поэзи: Критикон статьятæ. – Орджоникидзе: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1962. В своей работе исследователь на основе анализа основных художественных произведений поэта и прозаика отмечает, что он, как большинство представителей его поколения, много сделал для становления родной литературы и дальнейшего ее развития. Позднее Х. Дзуццаты опубликовал в Известиях ЮОНИИ основательное исследование «Поэмы Гино Баракова» (Дзуццаты Хадзы-Мурат. Барахъты Гинойы поэмæтæ. //Известия. ЮОНИИ АН ГССР. Вып. 12. – 1963. С. 93–106) где он отметил, что вместе с его эпическими произведениями в осетинской поэзии прокладывался путь укрепления поэзии жанра поэмы.

Интерес к комплексному исследованию творчества Гино Баракова по-настоящему зарождается только теперь, накануне 125-летия со дня его рождения. Настало, время от эпизодических газенто-журнальных публикаций перейти к работам обобщающего характера и научной глубины. Прозаические произведения Гино Баракова – это ярко и объективно освещенная героическая история нашего народа, правдивое отражение общественного сознания. А это от любого исследователя требует научной принципиальности и человеческой деликатности. Ибо сам автор отличался внутренней культурой. Он был участником исторических событий (революция, гражданская война, восстановление народного хозяйства, индустриализация), поэтому реалистически отображал атмосферу в стране, был целеустрем-

ленным в поиске правды, счастья и социальной справедливости. Эта тематика нашла отражение в его прозе. Герои рассказов, новелл, легенд и притч Гино Баракова – ярко выраженные национальные характеры, готовые пожертвовать собой ради народного блага. Вклад писателя в родную литературу огромен и самобытен. Гино Бараков – прозаик стремился без остатка уйти в свою тему, максимально приблизить её к восприятию читателя. Никаких длиннот в описаниях, ни малейших следов расплывчивости. Он так строил свои рассказы, изображал людей, пейзаж, обстановку, чтобы в прямых авторских разъяснениях, комментариях и иных субъективных элементах расшифровки замысла не было особой нужды. И объективность, и сугубая краткость новелл и притч были для Баракова не целью, а средством дальнейшего совершенствования реализма в национальной малой прозе. В рассказах Гино Фадеевича возрождались на новой основе фольклорная художественная традиция. Значение этого новаторского стиля, к сожалению, далеко не сразу было осознано и оценено современниками. Гино Бараков необычайно усилил элемент объективности, внешней отстраненности автора от изображаемого предмета при абсолютной пластичности художественного изображения. Это свойство бараковских притч, рассказов и новелл выступает особенно отчетливо рядом с манерой Сико Кулаева, тяготеющей к очерку, к лирическому дневнику и иным формам прямой авторской лирики в прозе. И юмор и лиризм, и напряжённая драматичность бараковских

рассказов заключены в реальности самого сюжета. Они выражены в столь компактной и объективной форме, что читатель действительно не замечает следов авторского вмешательства в сюжет, каких – либо субъективных усилий, закрепляющих необходимое впечатление. Последовательная эпичность, объективность, сюжетность сближают рассказы Гино Баракова с классическими новеллами Арсена Коцоева, Цомака Гадиева, Чермена Беджызаты. Но и здесь едва ли можно говорить о тождестве. В своих произведениях писатель выявил и развил то, что составляло коренную традицию национальной притчи. Точность и краткость – эти достоинства малой прозы – Бараков сумел соединить с резкой характерностью, простотой сюжета.

На наш взгляд, жанровая классификация составленная профессором Ш. Джикаевым, самый верный путь к началу системного изучения «малой прозы» Гино Баракова. Действительно, эта форма рассказа в прозе знаменитого писателя, отличающаяся оригинальными фольклорными и реалистическими сюжетами, открывает перед нами широкое поле деятельности. Первые две группы произведений похожи по своей идейности и содержанию, но во второй – сильнее тенденции реалистического рассказа, изображаемые картины шире, действие опирается на фольклорный опыт, образы отличаются глубоким психологизмом. Наибольшим достижением Гино Баракова как прозаика, являются последние два цикла. В них он засвидетельствовал себя как талантливого рассказчика, художника слова.

Библиографический список

1. Джикаев, Ш. Народно-поэтические традиции в поэзии Гино Баракова // Фольклор и осетинская советская поэзия: 1917–1941г. – Орджоникидзе, 1972.

Bibliography

1. Dzhikaev, Sh. Narodno-poeticheskie tradicii v poezii Gino Barakova // Foljklor i osetinskaya sovetskaya poehziya: 1917–1941g. – Ordzhonikidze, 1972.

Статья поступила в редакцию 22.07.14

УДК 811

Vazhina Ye.N. THE LEXICAL TAXONOMY OF COMPOUND NOUNS WITH AN INDICATIVE COMPONENT. This article presents a classification of compound conjoint nouns containing an indicative component in their nominative sense. Compound derivatives are analyzed on the basis of their lexical and word-building properties. The article describes the semantic properties of compound nouns and features of their motivation. Based on the existing semantic classifications of token names in their nominative importance, the author highlights their own groups and subgroups of the compound conjoint nouns with an indicative component. The analysis includes the description of nominative fragments of a language picture of the world: I. The names of people – “Man”; II. Other names: 1) animate – “Animals”, 2) inanimate – “Plants”, 3) inanimate – “Things and names of not subjects”. Each part has a number of sub-segments.

Key words: compound nouns, nominative fragments of linguistic world.

Е.Н. Важина, канд. филол. наук, ст. преп. каф. языкознания и методики преподавания русского языка ФГБОУ ВПО «Оренбургский гос. педагогический университет», г. Оренбург, E-mail: kvnosu@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТАКСОНОМИЯ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПРИЗНАКОВЫМ КОМПОНЕНТОМ

В статье анализируются семантические группы и подгруппы сложных слитных существительных, содержащих признаковый компонент. Предметные сложные существительные (на основе анализа их прямого номинативного значения) соотносятся с классами «Люди», «Животные», «Растения», «Вещи», а сложные существительные, обозначающие название абстрактных категорий, относятся к группе «Непредметные имена». Анализируются словообразовательные модели сложных дериватов и описываются их лексические свойства. Особое внимание уделяется семантическим свойствам сложных существительных и особенностям их мотивации.

Ключевые слова: сложные существительные, номинативные фрагменты языковой картины мира.

Общим и обязательным для номинативных знаков, будь это простой знак или сложный, является наименование предметов, явлений, состояний и их свойств, обобщенных в логические категории «предмет» и «признак» [1, с. 60]. Среди сложных слитных существительных, на основе анализа их прямого номинативного значения, мы выделяем подкласс предметных имен (точнее, сложные слитные существительные, обозначающие сложное наименование лица, предмета или явления) и подкласс признаковых имен (то есть, сложные слитные существительные,

обозначающие признакосодержащее наименование лица, предмета или явления).

Среди сложных слитных существительных, обозначающих сложное наименование, мы выделяем сложное наименование лица (*конькобежец, бытописатель*); сложное наименование животного (*осоед, муравьед, броненосец, осьминог*); сложное наименование предмета (*бумагодержатель, бетоновоз*); сложное наименование явления (*ледоход, водопад*).

Среди сложных слитных существительных, обозначающих признаковосодержащее наименование лица, предмета или явления, мы выделяем существительные оценочные (*слабомыслие*) и безоценочные (*электроаппарат*, *нефтебаза*).

Основные таксономические классы («Вещи», «Растения», «Животные», «Люди») выделил Ю.С. Степанов [2]. О номинативных фрагментах языковой картины мира говорит и С.Г. Букаренко [3]. Номинативные фрагменты, по мнению исследователя, в горизонтальном направлении носителями русского языка располагаются в следующей последовательности: «Человек» – «Нечеловек» («Животные» – «Насекомые» – «Микроорганизмы» – «Растения» и т.д.).

А.А. Уфимцева предлагает семантическую классификацию именных лексем по их номинативной значимости [4]. Лексемы, обозначающие предметы, разделяются на одушевленные и неодушевленные имена. Среди одушевленных имен выделяются имена лиц и нелиц. Неодушевленные имена делятся начисляемые и нечисляемые.

Опираясь на семантическую классификацию именных лексем А.А. Уфимцевой и основные таксономические классы Ю.С. Степанова, мы соотносим предметные сложносоставные существительные с классами «Люди», «Животные», «Растения», «Вещи», а сложносоставные существительные, обозначающие название абстрактных категорий, относим к группе «Непредметные имена» [5]. Мы выделяем собственные группы и подгруппы сложных слитных существительных, содержащих признаковый компонент. В область нашего анализа входят номинативные фрагменты языковой картины мира: I. Имена лиц – «Человек»; II. Имена нелиц: 1) одушевленные – «Животные», 2) неодушевленные – «Растения», 3) неодушевленные – «Вещи и непредметные имена». Каждый фрагмент имеет ряд подфрагментов.

I. Имена лиц – «Человек»

Внутренний мир человека определяется абстрактными понятиями «совесть», «душа», «сердце», «память», «мышление», «речь», «воля» и др. Сложные существительные отражают данные понятия.

Сложные слитные слова данной группы могут иметь разную мотивацию и образовываться по разным словообразовательным моделям, но они объединяются обобщенным значением «признаковой номинации».

● Наименование человека с одновременной его «внутренней» характеристикой: *скородум*, *вольнотумец*, *тяжелодум*, *зломышленник*, *человеконенавистник*, *клятвопреступник*, *книголюб*, *чаелюб*, *миролюбец*, *народолюбец*, *правдолюбец*, *празднолюбец*, *отечестволюбец*, *славолюбец*, *сребролюбец*, *краснобай*. Данные существительные мотивируются глагольными (со связью примыкания или управления) и атрибутивными словосочетаниями.

Носители языка, оценивая внутренние качества того или иного человека, могут использовать в речи уже сформировавшиеся в социуме языковые ярлыки (при этом оценка бывает как положительная, так и отрицательная), например: *тугодум*, *живодер*, *пустозвон*, *пустомеля*, *пустосвят*, *головорез*, *святоотатец*.

● Наименование человека по его способностям: *скороход(ец)*, *скорописец*. Существительные мотивированы глагольными словосочетаниями со связью примыкания.

● Наименование человека по его статусу: *простолудин*, *белоземigrant*, *новоземелец*, *старорежимец*, *иноземец*, *ссылнопоселенец*, *старожил*. Существительные мотивированы субстантивными словосочетаниями (связь – согласование).

Например, сложное слитное существительное *старорежимец*, построенное по модели «Сл. = (О прил. + Инт. + О сущ. + суффикс) + фл.», разворачивается в субстантивное словосочетание *человек старого режима*. Так как существительное *старорежимец* является эквивалентом данного выражения, то существительное обладает дополнительной смысловой нагрузкой, то есть является признаковосодержащей единицей номинации.

● Наименование человека по его внешнему виду: *бровеносец*, *губошлеп*, *афроамериканец*. К этой же группе относятся субстантивированные слова типа: *одноглазый*, *кривобокий*, *белокурый*, *колченогий*, *клинобородый* (например: *Клинобородый заговорил басом*), либо сложные слитные существительные, производные от сложных слитных прилагательных (например: *кривоножка*, *толстолоб*, *толстопуз*, *белоус*).

Существительное *бровеносец* мотивировано глагольным словосочетанием со связью управления (*носить брови – бровеносец*). Значение лица у данного существительного сформировалось при помощи суффикса -ец-. Стоит отметить, что су-

ществительное *бровеносец* употребляется в разговорной речи с оттенками значения «шутливое», «ироничное» (первоначально по отношению к Л.И. Брежневу бывшему Генеральному секретарю ЦК КПСС, имевшему очень густые брови). Существительное *афроамериканец* и производные от него в контексте изменяют свое лексическое значение, происходит семное варьирование (в значении сложного слова актуализируется сема «черный», как следствие политкорректной замены слова «негр» или слова «черный» на компонент «африканский»). Появление в языке слова *афроамериканец* расширяет возможности его употребления. По аналогии в русском языке появились неологизмы «афрорусский», «афророссиянин». Существительное «афроамериканец» может выступать в качестве мотивирующего при образовании прилагательных.

● Наименование человека по его роду деятельности: *вольнотолстуха*, *газосварщик*, *краснодеревщик*, *воднолыжник*, *священнослужитель*, *горноспасатель*.

Существительные данной группы мотивируются субстантивными и глагольными словосочетаниями. Сложное существительное *вольнотолстуха* («человек, слушающий лекции в высшем учебном заведении без зачисления в студенты» [6, с. 92]) построено по модели «Сл. = (О прил. + Инт. + сущ.) + фл.». Существительное разворачивается в атрибутивное словосочетание *вольный слушатель*. Атрибутивный признак предмета является дополнительной смысловой нагрузкой сложного слитного существительного. Существительное *вольнотолстуха* является единицей признаковосодержащей номинации.

● Наименование мифических героев, языческих богов: *белобог*, *чернобог*, *сильнобог*, *святовид*.

II. Имена нелиц

1. Одушевленные – «Животные»

В качестве знака номинации животного выступают либо узусальные сложные слитные существительные (*верхогляд*, *утконос*, *многозуб*, *толсторог*, *свинорыл*), либо субстантивированные прилагательные (например: – *Ну, длинногравая, пошла!*).

Подчеркнем, что существительные, называющие животных и растения, в большинстве своем являются терминами, а значит, обладают высокой степенью идиоматичности. Однако наряду с терминами в языке функционируют бытовые названия животных и растений. В таких именованиях, как правило, отражаются особенности внешнего вида животного или растения.

● Насекомые: *листоблужка*, *плодожерка*, *краснопёрка*, *долгоносик*; *водомерка*, *пескоройка*; *многоножка*.

Существительные, называющие насекомых, мотивируются субстантивными, глагольными и нумеративными словосочетаниями.

● Рыбы: *верхогляд*; *многозуб*; *иглорот*, *лжежерих*, *толстолобик*.

Данные существительные мотивируются глагольными, нумеративными и субстантивными словосочетаниями.

● Птицы: *сизоворонка*, *чернозобик*, *широконоска*, *тонконос*, *крестонос*, *шилохвость* (*шилохвостка*), *трясогузка*, *златогузка*, *серпоклюв*, *красношейка*, *серпокрылка*; *горихвостка*, *гусеницеловка*.

Существительные данной группы мотивируются субстантивными и глагольными словосочетаниями и квалифицируются нами как признаковосодержащие.

● Звери: *целезуб*, *шерстокрыл*, *водосвинка*, *трубкал*, *толсторог*, *цепконос*, *трубкал*, *клюворыл*; *звездорыл*, *иглошерст*, *лопатонос*.

Слова данной группы относятся к признаковосодержащим, хотя и по-разному мотивированы. Например, сложное слитное существительное *толсторог* («дикое горное животное семейства полорогих с густой шерстью и большими рогами, снежный баран» [6, с. 790]) построено по модели «Сл. = (О прил. + Инт. + О сущ.) + фл.». Существительное мотивировано атрибутивным словосочетанием *толстые рога*. Обозначение предмета с его атрибутом содержится в семантике сложного слитного существительного. Дополнительная смысловая (признаковая) нагрузка существительного *толсторог* позволяет считать его признаковосодержащей номинативной единицей.

2. Неодушевленные – «Растения»

Слова данной группы называют растения и обозначают их общие свойства: *пустоцвет*, *козлобродник*, *краснотал*, *чернотал*, *кривоцвет*, *густоколоска*, *лжеосина*, *лжекувшинка*, *колючелистник*, *парнолистник*, *стрелолист*, *толстолистник*, *цитиоллистник*, *ложнолиственница*, *пухоцвет*, *пустозерница*, *рогостик*, *белоголовник*; *малолетник*, *столетник*, *тысячелистник*; *дурнопьян*, *зверобой*, *горицвет*.

Существительные мотивируются субстантивными, нумеративными и глагольными словосочетаниями и являются признако-содержащими. Сложное слитное существительное *пустоцвет* («однополый тычиночный цветок, а также вообще цветок, лишенный завязи, не дающий плодов» [6, с. 622]) построено по модели «Сл. = (О прил. + Инт. + О сущ.) + фл.». Мотивирующим для данного существительного является атрибутивное словосочетание *пустой цвет (цветок)*. Существительное *пустоцвет* называет предмет с его атрибутивным признаком, а значит, является знаком признако-содержащей номинации.

3. Неодушевленные «Вещи и непредметные имена»

Этот фрагмент является весьма разнородным по своему составу. Сложные слитные слова этого класса называют предметами в самом широком толковании данного понятия.

● Имена объектов природы: *крутогор, суходол, дикотравье, густолесье, красное, криво, разно, редколесье, старолесье, староречье, мелкозем, жирнозем, мелко-травье, косогор, высокогорье, красноглины; многоцветье*.

Данные существительные мотивируются субстантивными и нумеративными словосочетаниями и являются знаками признако-содержащей номинации.

● Наименования явлений природы: *ветробой, пеллопад, косяк, суховей, первозимье, первоснежье, перволедье, гололед, чернотроп, новолуние, полнолуние; многоводье*.

Все слова данной группы являются признако-содержащими и мотивируются глагольными, субстантивными и нумеративными словосочетаниями.

● Наименования приборов, сложных устройств: *грунтопо-ровод, бронетанк, стеклоочиститель, бензопила, светотех-ника, солерудник, откормплощадка, ветрогенератор, пче-лосемья*. Названные существительные мотивируются субстан-тивными словосочетаниями и являются знаками признако-содержащей номинации. Интересно отметить некоторые неологизмы, связанные с народным названием телевизора или телевидения, например, *зомбоящик*.

● Наименования построек: *лесокомбинат, льнозавод, са-харозавод, овощебаза, жилгородок, птицеград*.

Библиографический список

1. Языковая номинация (виды наименований) / отв. ред.: Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М., 1977.
2. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). – М., 1981.
3. Букаренко, С.Г. Отражение фрагментов русской языковой картины мира в предикативных стереотипных сочетаниях: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009.
4. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968.
5. Кочеткова, Т.И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке. – Оренбург, 2004.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1996.

Bibliography

1. Yazhikovaya nominatsiya (vidih naimenovanijj) / otv. red.: B.A. Serebrennikov, A.A. Ufimceva. – M., 1977.
2. Stepanov, Yu.S. Imena, predikatih, predlozheniya (semiologicheskaya grammatika). – M., 1981.
3. Bukarenko, S.G. Otrazhenie fragmentov russkoy yazhikovoy kartinih mira v predikativnihkh stereotipnihkh sochetaniyakh: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2009.
4. Ufimceva, A.A. Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazhika. – M., 1968.
5. Kochetkova, T.I. Slovoslozhenie kak sredstvo nominatsii i predikatsii v sovremennom russkom yazhike. – Orenburg, 2004.
6. Ozhegov, S.I. Tolkovihy slovarj russkogo yazhika: 80000 slov i frazeologicheskikh vihraszenijj / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 1996.

Статья поступила в редакцию 15.09.14

УДК 81.373

Zagryadskaya N.A. THE REFLECTION OF HISTORIC EVENTS IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL NICKNAMES.

The article deals with a problem of phraseological nicknames of outstanding people, which are considered as a part of the English language phraseological system. In the work their cultural and historical potential is revealed. Particular attention is paid to the structure of such units.

Key words: phraseological unit, personal phraseological unit, phraseological nickname, historic events, proper names, evaluation.

Н.А. Загрядская, канд. филол. наук, доц., Московский гос. областной университет,
г. Боровск, E-mail: ntalie@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ АНГЛИЙСКИМИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ПРОЗВИЩАМИ

Статья посвящена фразеологическим прозвищам исторических личностей Великобритании. В работе затрагиваются предпосылки появления подобных прозвищ, анализируется их лингвострановедческий потенциал. Особое внимание уделяется структурным особенностям единиц данного класса.

Ключевые слова: фразеологическая единица, личностный фразеологизм, фразеологическое прозвище, оценочность, имя собственное, исторические события.

Среди единиц прозвищной номинации большой интерес представляют сверхсловные именованья уникальных объектов, присваиваемые им по определенному семантическому признаку и характеризующие их с определенной стороны. К данным объектам могут относиться как географические названия, так и люди, обратившие на себя внимание современников или потомков. В научной литературе последних десятилетий был установлен фразеологический статус подобных единиц, а сами они стали называться «фразеологическими прозвищами» [1]. Для обозначения единиц-антропонимов был также введен термин «личностные фразеологизмы» [2]. Фразеологические прозвища имеют двойственную природу, являясь одновременно именами собственными и фразеологическими единицами. С одной стороны как все прозвища они призваны именовать, сообщая при этом некую дополнительную информацию о своем референте и зачастую давая ему весьма специфическую характеристику. Как не раз отмечалось многими исследователями, имя появляется при необходимости обозначить предмет, попавший в поле нашего восприятия, и является, таким образом, результатом познавательной деятельности человека [3].

Считается, что присвоение прозвища почти всегда происходит «за что-то». Дж. Франклин писал, что прозвища «не даются намеренно, как имена, но вдруг расцветают с целью пошутить, насмеяться или в порыве гнева» [4, с. 319]. Таким образом, большинство прозвищ заключают в себе не только основное значение, но и содержат ярко выраженный коннотативный компонент. С другой стороны, они представляют собой устойчивые словосочетания и употребляются в готовом виде. Используя терминологию А.В. Кунина, можно сказать, что они обладают такими свойствами как: «устойчивость употребления, семантическая осложненность и раздельнооформленность» [5, с. 46]. Число прозвищ-фразеологизмов как антропонимического, так и неантропонимического характера чрезвычайно велико в разных языках. Однако особенно распространены они в англоязычном мире. Они исчисляются сотнями, появляясь и исчезая каждый день. Существуют фразеологические прозвища-топонимы, в свою очередь включающие в себя ойконимы и урбанонимы [6]. Широко известны, например, прозвища американских штатов и городов, мостов и переулков Лондона. Но наиболее обширный класс составляют фразеологические антропонимы или личностные фразеологизмы английского языка, являющиеся продуктом вторичной косвенной номинации. В отличие от однословных прозвищ, функционирующих в повседневной жизни и присваиваемых «обычным» людям, личностные фразеологизмы, как правило, называют людей известных, зарекомендовавших себя в определенной сфере деятельности. Редкая газетная публикация в Великобритании обходится без присвоения подобного «имени» какому-либо политику, спортсмену или деятелю искусства. При этом в семантической единице в большинстве случаев присутствует ярко выраженный коннотативно-оценочный компонент. Оценка может быть как положительной, так и отрицательной, эксплицитной и имплицитной. Но почти всегда автор прозвища старается выделить и подчеркнуть какое-либо свойство референта, отличающее его от целого ряда других. Среди номинативных признаков присутствуют: внешность, возраст, вклад в какое-либо дело, род занятий и др.

Вместе с тем личностные фразеологизмы не являются чем-то новым, присущим исключительно нашему времени. Традиция присвоения многословных прозвищ берет начало в глубине веков. Все они несут бесценную информацию об исторических событиях разных эпох и о людях, многие из которых были творцами этой истории в буквальном смысле слова. Далее будет предпринята попытка проанализировать ряд фразеологических прозвищ исторических персоналий Англии с точки зрения их номинативных признаков и особенностей структуры. Проведенное исследование показало, что значительное число личностных фразеологизмов возникло уже в период Средневековья. Позднее, в эпоху Возрождения, присвоение прозвищ известным личностям стало почти обыденным процессом. Обратившись к различным источникам, мы находим большое количество единиц, различающихся по своим структурно-семантическим свойствам. Некоторые из них широко известны и служат своего рода вторыми именами для своих владельцев, другие более специ-

фичны и знакомы, главным образом, историкам. Авторство многих потеряно, но о возникновении некоторых сохранилась информация. В этом случае они рассказывают нам не только о своем референте, но и о людях, чьи эмоции послужили стимулом для подобной номинации.

Так, например, известно, что фаворит короля Эдуарда II Пьер Гэвестон (Piers Gaveston) заклеил двух своих врагов: графа Уорвика (the Earl of Warwick) и графа Линкольна (the Earl of Lincoln), назвав первого **Black Dog** («Черный Пес»), а второго – **Burst Belly** («Тресни Брюхо»). Обе единицы свидетельствуют о его явно негативном к ним отношении. При этом во втором случае в основу номинации положен признак «свойство личности, привычки», так как Линкольн отличался чревоугодием. Здесь используется метонимическое переосмысление. Прозвище Уорвика семантически более сложно, так как является примером синтетической номинации и содержит характеристику объекта по моральным качествам. Черная собака в английском фольклоре, как известно, ассоциируется с темными силами, а роль графа Уорвика на политической арене была не всегда благоприятна для королевского фаворита. Метафорический характер значения данного личностного фразеологизма делает его ярким и менее однозначным, чем прозвище графа Линкольна. Вместе с тем, обе единицы звучат довольно грубо, что косвенно может свидетельствовать и бесцеремонности и прямолинейности самого Гэвестона. Сохранившиеся источники описывают Гэвестона как высокомерного и заносчивого человека, что, в том числе, привело к его падению и смерти в 1312 г.

Интересными представляются прозвища, данные королевой Елизаветой I некоторым из своих придворных. Так Уильям Сесил (William Cecil, Lord Burghley (1520 – 1598)), глава правительства королевы, получил от нее прозвище **Sir Spirit** («Господин Дух»). Внутренняя форма этой единицы затемнена, однако, возможно высказать предположение, что причиной такого именованья стала «вездесущность» Сесила. Все в государстве находилось под его контролем. Он, словно дух, проникал во все сферы жизни страны, включая религиозную, что было связано с утверждением Реформации и противостоянием ей со стороны католического сообщества. Другой деятель той же эпохи, Архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт (John Wytgiff (1530 – 1604)), удостоился от королевы весьма интересного прозвища **My Little Black Husband** («Черный Муженек»). Уитгифт занимал архиепископский пост с 1583 по 1604гг. и отличался ненавистью к пуританам и реформаторам крайнего толка. Елизавета, по свидетельствам современников, гордилась своим остроумием и любила покетничать с придворными. Ее переговоры с принцами других стран о вступлении в брак продолжались годами и ни к чему не привели. По сути, они были лишь попыткой манипуляции в сложной международной обстановке. Ее собственное прозвище **The Virgin Queen** («Королева Девственница») хорошо известно и неотъемлемо связано с ее именем. С одной стороны, королева даже в преклонном возрасте любила говорить о своих нереализованных матримониальных планах, с другой, настаивала на необходимости оставаться единственной полновластной хозяйкой в стране. Прозвище, данное ей Архиепископу, свидетельствует о ее стремлении к получению комплиментов, но одновременно является попыткой показать свое хорошее отношение к верному слуге, проявить королевское снисхождение.

Рассматривая структурные особенности исторических личностных фразеологизмов, следует отметить, что, как и в современных единицах, в них можно выделить несколько типичных грамматических структур. Согласно характеру своего стержневого компонента большая их часть представляют собой субстантивные фразеологические единицы. При этом в соответствии с количеством полнозначных элементов в прозвище возможно выделить два больших класса единиц, то есть двусоставные и многосоставные личностные фразеологизмы. Число двусоставных фразеологических прозвищ превышает число многосоставных единиц. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что двусоставные единицы представляют собой более простые и, следовательно, более доступные образования. В них более четко реализуется основная цель прозвищ – именовать, дав при этом краткую и понятную характеристику. Многосоставные единицы

являются комплексными как в структурном, так и в семантическом плане. В основе многосоставного прозвища находится, как правило, более сложный номинативный признак, обусловленный более необычной ситуацией, в которой происходила номинация. Внутри каждого из двух вышеперечисленных классов фразеологических прозвищ представляется возможным выделить несколько подклассов.

Двусоставные личностные фразеологизмы подразделяются на следующие группы: 1). Подкласс со структурой *adj + n* и атрибутивной связью между компонентами. Стержневой компонент может быть выражен как именем нарицательным, так и именем собственным. При этом семантически эта группа включает самые разнообразные единицы с различной степенью переосмысления, например: **The White Rose** («Белая Роза») – самозванец Перкин Уорбек (Perkin Warbeck (1474 – 1499)), выдававший себя за принца Ричарда, брата Эдуарда V в 90-е годы XV века. Прозвище было дано сторонниками династии Йорков и являлось символическим, совмещая в себе метонимическое и метафорическое переосмысление значения. С одной стороны, белая роза считалась эмблемой династии Йорков, а с другой, прозвище подчеркивало чистоту и честность претендента; **The Good Duke** («Добрый Герцог») – Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет (Sir Edward Seymour (1500 – 1552)), брат Джейн Сеймур, третьей жены Генриха VIII, регент при несовершеннолетнем короле Эдуарде VI. Герцога ненавидели как простые люди, так и аристократы. Очевидно, прозвище содержит иронию и дано как бы «от противного»; **The Weary Knight** («Усталый Рыцарь») – граф Эссекс (the Earl of Essex (1566-1601)), фаворит Елизаветы I, поднявший восстание в 1601 г. Прозвище было дано сестрой Эссекса в одном из писем и, видимо характеризовало его буйный нрав и неспособность долго заниматься одним делом. Как известно, именно нетерпение Эссекса привело к проблемам в Ирландии и его последующему падению. Вместе с тем, Эссекс удостоился и другого прозвища, данного ему поэтом – современником Сэмюэлом Дэниелом (Samuel Daniel (1562 – 1619)), – **The English Achilles** («Английский Ахиллес»), воспевавшая его доблесть и уязвимость одновременно; **Bloody Bonner** («Кровопоийца Боннер») – Эдмунд Боннер, епископ Лестерский (Edmund Bonner (1500 – 1569)), активный борец с еретиками в эпоху Марии I. Отличался жестокостью, призывал к сожжению на костре, чем и заслужил «титул» кровопоийцы. 2). Подкласс со структурой *n + n* и беспредложной атрибутивной связью. Единицы данного класса также могут включать как компоненты имени нарицательного, так и имена собственные, например: **The Bridge Master** («Создатель Моста») – Питер Колчерч (Peter of Colechurch), человек, руководивший постройкой первого Лондонского моста в конце XII – начале XIII вв. В данном случае единица является безоценочной, а номинация осуществляется по признаку «участие в каком-либо деле»; **The Water Poet** («Поэт Воды») – Джон Тейлор (John Taylor (1578 – 1653)), поэт-подочник, живший XVI-XVII вв. и воспевавший Темзу. Его более позднее прозвище – **The Dante of the Thames** («Данте Темзы»). В отличие от первого оно является метафорическим и уподобляет Тейлора великому итальянскому поэту; **Judgment Jack** («Джек со Страшного Суда») – отшельник, по легенде, живший на берегах Темзы; **Stratford Sparrow** («Стратфордский Воробей»), еще одно прозвище Шекспира. Иногда в роли первого компонента выступает имя собственное в притяжательном падеже, например: **Cromwell's Creature** («Ставленник Кромвеля») – Сэр Томас Одли (Sir Thomas Audley (1488 – 1544)), Лорд-Канцлер

Англии в 1533-1544 гг., инициатором назначения которого на этот пост был Томас Кромвель (Thomas Cromwell (1485–1540)), первый министр Генриха VIII. Кромвель вызывал ненависть своей политикой разрушения монастырей. Это негативное отношение также распространялось на его ближайших помощников. 3). Подкласс со структурой *n + prep + n*. Самой частотной является модель *нарицательное + предлог + имя нарицательное*.

Наиболее типичный предлог, встречающийся в подобных личностных фразеологизмах, – это предлог *of*, однако, встречаются и другие предлоги, например: **The Vicar of Hell** («Викарий из Ада») – прозвище сэра Фрэнсиса Брайна (Sir Francis Bryan 1490 – 1550)), сторонника партии Катерины Арагонской в ее противостоянии Генриху VIII. Эта единица является полностью переосмысленной и представляет собой характеристику, данную Брайну Генрихом VIII, ненавидевшим первую жену и ее придворных; **The Lady in the Tower** («Леди в Башне») – Анна Болейн (Ann Boleyn (1501–1536)), вторая жена Генриха VIII. Анну Болейн стали так называть во время суда, это прозвище сохранилось за ней и после казни (1536). В некотором смысле оно носило эвфемистический характер. Во время ареста Анна не была официально лишена титула королевы, однако, ее старались так не называть во избежание гнева Генриха VIII. Позднее сторонники Анны, верившие в ее невиновность, стали использовать прозвище, выражая так свое почтение к покойной королеве. К этой группе также относятся со структурой *имя нарицательное + предлог + топоним*. Как и во второй модели, собственное имя указывает на место происхождения или деятельности номинируемого лица, например: **The Flower of Oxford** («Цветок Оксфорда») – Джон Уиклиф (John Wycliffe (1320–1384)), английский богослов, еще в XIV в. заложивший основы будущей реформации церкви. Первый компонент единицы является результатом метафорического переосмысления и восхваляет достоинства ученого; **A She-Wolf of France** («Французская Волчица») – Изабелла Французская (Isabelle of France (1295–1358)), жена Эдуарда II. Королева отличалась жестокостью и приняла участие в заговоре против мужа, приведшем к его низложению и убийству. Это метафорическая единица, с ярко выраженным отрицательно-оценочным компонентом значения. Среди анализируемых прозвищ присутствуют некоторые с редко встречающейся структурой, а именно содержащих в себе глагол в повелительном наклонении, например: **John Amend All** («Джон Все Исправь») – Джон (Джэк) Кед (Jack Cade (ум. 1450)), лидер восстания жителей графства Кент. Автор данной единицы не известен, но можно предположить, что именно народное прозвище, так как само построение фразы разговорно, кроме того, именно участники восстания ожидали от Кеда того, что он сможет изменить их бесправное положение.

Численность многосоставных единиц гораздо меньше, чем двусоставных, а структура весьма разнообразна. Некоторые модели представляют собой расширенные варианты двусоставных структур, например, упомянутый выше **My Little Black Husband**, а также **Elizabeth's Public Enemy Number One** («Главный Враг Елизаветы») – Роберт Саутвелл (Robert Southwell (1561–1595)), иезуитский поэт и священник, проповедовавший католичество, замученный и казненный во времена Елизаветы I.

Данная статья не претендует на полный охват проблемы. В ней лишь намечаются возможности исследования исторических личностных фразеологизмов, несущих огромный пласт информации лингвострановедческого и культурологического плана.

Библиографический список

1. Тарасевич, М.П. Американская фразеологическая топонимика: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
2. Загрядская, Н.А. Личностные фразеологизмы английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
3. Суперанская, А.В. Имя через века и страны. – М., 1990.
4. Franclyn, J. A Dictionary of Nicknames. – London: Hamilton, 1962.
5. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М., 1996.

Bibliography

1. Tarasevich, M.P. Amerikanskaya frazeologicheskaya toponimika: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1985.
2. Zagryadskaya, N.A. Lichnostnye frazeologizmy angliyskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2003.
3. Superanskaya, A.V. Imya cherez veka i strani. – M., 1990.
4. Franclyn, J. A Dictionary of Nicknames. – London: Hamilton, 1962.
5. Kunin, A.V. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka. – M., 1996.

Статья поступила в редакцию 18.09.14

УДК 81'0

Kuzina Ye. V. MYTHOLOGY AS THE MAIN CHARACTERISTIC FEATURE OF ENGLISH ROMANTIC DISCOURSE.

The paper presents a thorough study of the romantic discourse with the focus on its characteristic features. The author reviews the most prominent research works related to the romance novel. It is stated that at the core of this type of discourse there is a group of ancient myths. The most popular writers of a romance novel continually "mine" those ancient myths and legends for the elements that make this particular discourse work. The author discusses a positive effect of those mythic archetypes on the reader identification with the characters, a relationship that is more complex than most critics realize.

Key words: discourse, romance novel, popular literature, myth, archetype.

Е.В. Кузина, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков экономического и юридического профилей Алтайского гос. университета АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: keepsake27@rambler.ru

МИФОЛОГИЧНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

В публикации исследуется англоязычная романтическая проза как особый тип повествовательного дискурса. В результате обзора работ отечественных и зарубежных исследований романтической прозы, автор приходит к выводу, что данный феномен описывается обзорно, но не явился до сих пор объектом серьезного лингвистического анализа. В статье отмечается, что данному типу дискурса присущи универсальные характеристики, среди которых выделяется мифологичность сюжета, реализующаяся посредством интертекстуальных включений, составляющих определенный круг из общеизвестных мифов, сказок.

Ключевые слова: дискурс, романтическая проза, массовая литература, миф, архетип.

В последние десятилетия гуманитарная наука интенсивно осваивает области культуры и искусства, прежде находившиеся на периферии академического внимания, в том числе массовую литературу и одну из ее конкретных разновидностей – романтическую прозу (далее РП). РП представляет собой определенный тип повествовательного дискурса, т.е. корпус текстов, объединенных одной тематикой (развитие любовных отношений между мужчиной и женщиной), имеющих функционально-целевую и коммуникативную общность (повествовательные произведения, написанные женщинами и адресованные женщинам).

Романтическая проза является самым популярным жанром массовой литературы [1, с. 18], что и обусловило всплеск интереса исследователей к данному типу дискурса. Значимыми являются работы Т. Модлески, Дж. Рэдзэй, К. Масселл, К. Рэмсделл, П. Регис. Однако работы данных специалистов отражают лишь отдельные аспекты РП – социологический, психоаналитический, культурологический, литературоведческий. Авторы отмечают общие характеристики дискурса РП: 1) *мифологичность* – язык дискурса насыщен символами, аллюзиями на мифические архетипы; 2) *общая литературная перспектива* – повествование, в основном, ведется с точки зрения героини, что придает ему эмоциональность; 3) *детальное изображение вещного мира*, что делает иллюзорный мир реальным и 4) способствует *вовлеченности* читателей в повествование, *отождествлению* их с героями [2-5]. Остановимся на мифологической черте отдельно.

Исследователи Л. Барлоу и Дж. Кренц отмечают, что популярность данного дискурса обусловлена тем, что эти романы отвечают ожиданиям читателей, так как они основаны на известных, гендерно-обоснованных архетипах, реализующихся в мифах, легендах, сказках, которые проступают в мотивах, сюжетах, сюжетных ходах, персонажах [6]. Архетипы, как проявление коллективного бессознательного, представляют собой повторяющиеся мотивы, их комбинации, универсальные, устойчивые психологические схемы, бессознательно воспроизводимые и обретающие содержание в мифах, символах, архаических ритуалах, легендах и т.д. Г. Юнг подчеркивает «формальность», схематичность архетипов («Архетип сам по себе пуст и чисто формален, он не что иное как предопределенная способность, возможность представления, данная a priori.» [7, с. 214]. Содержательную характеристику архетип обретает лишь в сознании, наполняясь материалом сознательного опыта. Становясь более отчетливыми, архетипы сопровождаются оживленными эмоциональными тонами, они способны потрясать, внушать, увлекать. Т.Н. Щиrowsкая отмечает, что литературные произведения, созданные с учетом архетипических моделей, притягивают внимание читателя, так как затрагивают глубинные пласты подсозна-

ния [8, с. 37], чем и объясняется тяга читателей к романтической прозе.

Таким образом, являясь мифообразующими компонентами, архетипы реализуются в легендах, сказках, мифах. Миф – это образная модель миропорядка. Как указывалось, особенностью романтической прозы является использование в ней известных мифов, которые, задействуя ассоциативный потенциал читателей, актуализируют вечные, важные для человечества проблемы. Дж. Кренц справедливо отмечает, что в разных жанрах угадываются группы древних мифов, характерных именно для данного жанра. Древними мифами, лежащими в основе романтической прозы, являются истории воссоединения мужчины и женщины, так как они воплощают ценности, жизненно-важные для выживания человечества [9].

По утверждению Дж. Кренц, в основе каждого литературного жанра лежит группа древних мифов, характерных лишь для этого жанра (детектив, научная фантастика, фэнтези). Наиболее популярные авторы в каждом жанре используют эти древние мифы и легенды, обеспечивая популярность жанра. Вестерны и детективы используют рыцарские легенды, жанр романов ужасов эксплуатирует мифы о сверхъестественных силах, существующих с первобытных времен; научная фантастика основана на мифах об открытиях и страхах, испытываемых людьми перед чужаками, агрессивными биологическими видами, стремящимися захватить новые территории. Стержнем романтической прозы являются *древние мифы, посвященные союзу мужчины и женщины*. Истории становятся мифами, когда воплощают идеалы, необходимые для выживания видов, а нет ничего более важного для выживания человечества, чем успешный союз пары [9, с. 112].

Среди популярных мифов дискурса романтической прозы особое место занимает миф о Персефоне. Похищенная таинственным могущественным Аидом, девушка вынуждена остаться с королем мертвого царства, и лишь на некоторое время может возвращаться к матери Деметре. Но и Аид очарован и покорен ею. Он – воплощение тьмы, смерти, она – свет, жизнь, возрождение. Миф может эксплицироваться и путем аллюзий, намеков на отдельные его детали, таким образом, задействуются фоновые знания читателя: *"I am fond of pomegranate myself – may I share with you the forbidden fruit of the gods?"... each bite made her think of the myth surrounding the strange red-gold fruit* [10, с. 67].

Миф о Персефоне актуализируется в романах и с помощью контраста между главными героями – мрачность героя усиливает свет, сияние, исходящие от героини. В противопоставлении героев можно различить отзвуки мифов, где проводится параллель между героем и самим дьяволом: *"The romance hero is often*

portrayed as a dark force, vaguely satanic" [11, с. 143]. Эта параллель с мифологическим архетипом находит свою реализацию в языке романов. В проанализированных романах неоднократно используются слова *demon, devil*, а также производные и ассоциативные слова для характеристики главного героя – *Lucifer, devilish, fallen angel, a devil in disguise, diabolical, diabolie, a scent of sulphur*.

Персонажи, наиболее четко воплотившие в себе перечисленные черты мифа, получают статус архетипических образов. Исследователь РП С. Филипс утверждает, что Хитклиф (Heathcliff) – это не просто прототип, это архетип [12, с. 65]. Черты Хитклифа можно увидеть в героях (alpha men) романов современной РП. Типичные характеристики героя обобщены многими критиками: *mean, moody, magnificent, arrogant, mocking, overbearing, brutal, strong men with prestige and intelligence, short tempered, ruthless, cruel, formidable, tough, hard-edged, mysterious, exotic, powerful*.

Основополагающим архетипическим сюжетом романтической прозы является история Золушки. Мотив «Золушки» повторяется во всех рассмотренных типах дискурса РП, являясь то ведущим, то второстепенным для развития сюжета. Авторы используют и прямые ссылки на Золушку, прекрасного принца, фею: *As they moved off Virginia told herself she was like Cinderella* [13, с. 192]; *"Do you really mean that I am to come to the ball?" "Cinderella, yes. I am your fairy mother. I shall wave my magic wand"* [14, с. 225].

Зачастую романы содержат непосредственные аллюзии на героев сказок о «Спящей красавице», о «Царевне-лягушке». *"Perhaps you are the Sleeping Beauty. If so, I hope I am going to be the Prince who will awaken you"* [13, с. 119].

Другим популярным в РП мифом является миф о рыцаре в белых доспехах, спасающем деву и убивающем дракона. Так, в трилогии Н. Робертс «Звезды Митры» этот миф объединяет

все три романа. На важность образа указывает то, что он вынесен в сильную позицию – в посвящение трилогии: *"To white knights and their damsels"*. Автор на протяжении трех романов постоянно обращается к мифу. *Damsel in distress, he mused, and his lips curved. Just what the doctor ordered* [15, с. 16]. Герой, Кейд, под легкой иронией скрывает благородство и доблесть настоящего рыцаря: *"Risked your life to protect mine." "I've always wanted to slay the dragon for the damsel. You gave me the chance"* [16, с. 261].

Образ рыцаря, борца со злом, защитника справедливости, прослеживается и в романе «Похищенная звезда». Герой романа Джэк Дакота – черный рыцарь, решительный и смелый: *Jack often thought he'd been born out of his own time. He figured he'd have made a pretty good knight. A black one* [16, с. 221].

Идиостилевой чертой данного автора являются мифы, положенные в основу романов, объединяющие их в трилогию, подчеркивающие идею произведения. Автору удается воссоздать и оживить популярные для РП мифы и легенды, выполняющие роль связующего звена в романах трилогии.

Итак, РП апеллируют к читателям благодаря тому, что основывается на архетипических сюжетах, типах, ситуациях, ищет ответы на вечные вопросы, затрагивающие женщин всего мира. Подобные элементы мифов и легенд, порой не выраженные словами, но лежащие в основе сюжета, ассоциируются у женщин на подсознательном уровне с чем-то знакомым и понятным. Автор РП и его читатель подписывают своего рода негласное соглашение, по которому читатель обязуется верить автору, если последний создаст в своем произведении фантастический мир, в котором идеалы мужественности, справедливости, чести, преданности, любви ставятся под сомнение и, в конце концов, торжествуют. Это знакомый с детства мир, в котором любой конфликт разрешается, добро побеждает зло, свет – тьму, герои соединяются в счастливом браке.

Библиографический список

1. Ramsdell, K. Romance Fiction: a Guide to the Genre. – USA, 1999.
2. Modleski, T. Loving With a Vengeance: Mass-Produced Fantasies for Women. – USA, 1982.
3. Рэдзуй, Д.А. Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение. – М., 2004.
4. Mussell, K. Where's Love Gone? / K. Mussell // Paradoxa. – 1997. – Vol. – № 1-2.
5. Regis, P.A Natural History of the Romance Novel. – USA, 2003.
6. Barlow, L. Beneath the Surface: the Hidden Codes of Romance / L. Barlow, J.A. Krentz // Dangerous Men and Adventurous Women: Romance Writers on the Appeal of the Romance. – USA, 1992.
7. Юнг, К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – Киев, 1996.
8. Щировская, Т.Н. Типология сюжетов в произведениях отечественной массовой литературы 1990-2000-х годов: дис. ... канд. филол. наук. – Армавир, 2006.
9. Krentz, J.A. Trying to Tame the Romance: Critics and Correctness // Dangerous Men and Adventurous Women: Romance Writers on the Appeal of the Romance. – USA, 1992.
10. Winspear, V. The Honeymoon. – London, 1986.
11. Cameron, S. Moments of Power // Dangerous Men and Adventurous Women: Romance Writers on the Appeal of the Romance. – USA, 1992.
12. Phillips, S.E. The Romance and the Empowerment of Women // Dangerous Men and Adventurous Women: Romance Writers on the Appeal of the Romance. – USA, 1992.
13. Cartland, B. The Unknown Heart. – London, 1995.
14. Holt, V. The Judas Kiss. – N.Y., 1981.
15. Roberts, N. Hidden Star / N. Roberts. – N.Y., 2001.
16. Roberts, N. Captive Star. – N.Y., 2001.

Bibliography

1. Ramsdell, K. Romance Fiction: a Guide to the Genre. – USA, 1999.
2. Modleski, T. Loving With a Vengeance: Mass-Produced Fantasies for Women. – USA, 1982.
3. Rehduehyj, D.A. Chitaya lyubovnihe romanhi: zhenthinihi, patriarkhat i populyarnoe chtenie. – M., 2004.
4. Mussell, K. Where's Love Gone? / K. Mussell // Paradoxa. – 1997. – Vol. – № 1-2.
5. Regis, P.A Natural History of the Romance Novel. – USA, 2003.
6. Barlow, L. Beneath the Surface: the Hidden Codes of Romance / L. Barlow, J.A. Krentz // Dangerous Men and Adventurous Women: Romance Writers on the Appeal of the Romance. – USA, 1992.
7. Yung, K.G. Dusha i mif: shestj arketipov. – Kiev, 1996.
8. Thirovskaya, T.N. Tipologiya syuzhetov v proizvedeniyakh otechestvennoy massovoy literatury 1990-2000-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk. – Armavir, 2006.
9. Krentz, J.A. Trying to Tame the Romance: Critics and Correctness // Dangerous Men and Adventurous Women: Romance Writers on the Appeal of the Romance. – USA, 1992.
10. Winspear, V. The Honeymoon. – London, 1986.
11. Cameron, S. Moments of Power // Dangerous Men and Adventurous Women: Romance Writers on the Appeal of the Romance. – USA, 1992.
12. Phillips, S.E. The Romance and the Empowerment of Women // Dangerous Men and Adventurous Women: Romance Writers on the Appeal of the Romance. – USA, 1992.
13. Cartland, B. The Unknown Heart. – London, 1995.
14. Holt, V. The Judas Kiss. – N.Y., 1981.
15. Roberts, N. Hidden Star / N. Roberts. – N.Y., 2001.
16. Roberts, N. Captive Star. – N.Y., 2001.

Статья поступила в редакцию 12.09.14

УДК 8Г 32

Perevezentseva Yu.S., Atroshchenko S.A. BINARY TERMS IN MATHEMATICS: STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS. The article is devoted to semantics and structure research of binary terms in mathematics. They are a base of technics and in demand in qualified communications. The source to research mathematical terms was the English-Russian Dictionary on Probability, Statistics, and Combinatorics. It is more unabridged dictionary than the others. The objective of the research is binary mathematical combinations, which command a large part of a dictionary in comparison with the other multiple terms. The author finds out the major models, definitions, the best ways of translation, binary terms formation as well as analyzes links between their components. Structural and semantic analysis of binary mathematical terms showed them to be formed with addition words of the common English as well as there is an attributive connection between their components. The definition of a term is found on the basis of its components. As a result, calquing was called as a prevailing way of translation of terms.

Key words: terminological combinations, mathematics, structural and semantic analysis.

Ю.С. Перевезенцева, канд. ист. наук, доц. каф. иностранных языков Нижегородского гос. технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, E-mail: khokhlovaj@mail.ru; **С.А. Атрощенко**, канд. пед. наук, доц. каф. иностранных языков Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал), г. Арзамас, E-mail: atroshchenko_s@mail.ru

БИНАРНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ МАТЕМАТИКИ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена исследованию структуры и семантики математических терминологических единиц, которые составляют основу большинства технических дисциплин и столь востребованы в профессиональной коммуникации. Источником для изучения математической терминологии послужил словарь по теории вероятностей, статистике и комбинаторике, являющийся наиболее полным среди остальных. Объектом исследования стали бинарные математические сочетания, составляющие большую часть словаря по сравнению с остальными многокомпонентными терминами. Авторы выявляют продуктивные модели, значения, наиболее оптимальные способы перевода, образования двухкомпонентных сочетаний, рассматривают отношения между их компонентами. Анализ структурно-семантических особенностей бинарных математических терминов показал, что они образуются путем сложения слов общего языка и между их компонентами существует атрибутивная связь. Значение термина устанавливается на основе составляющих его компонентов. В результате, преобладающим способом перевода является калькирование.

Ключевые слова: терминологические сочетания, математика, структурно-семантический анализ.

Терминологическая лексика, терминосистемы – предмет исследования многих работ лингвистов. Вопрос о специфике терминов и способах их перевода всегда занимал особое место в сопоставительном языкознании. Его рассматривали в своих работах по теории перевода В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, И.В. Арнольд и многие другие ученые. Обилие работ сподвигает к мысли, что проблемы семантизации, построения, функционирования терминологических единиц решены, но только на первый взгляд. Изучение той или иной терминосистемы не потеряет своей актуальности до тех пор, пока не прекратится развитие различных областей знаний, пока существует потребность в адекватных переводах, пока педагогическая мысль будет направлена на формирование профессиональной языковой личности, что в свою очередь, требует качественного обучения языку специальности (ESP). Необходимо отметить, что терминологическая лексика отличается от общепотребительной тем, что термин всегда соотносится со специфическим объектом, известным узкому кругу специалистов. Однако одно и то же слово, как верно было замечено А.Г. Анисимовой, может быть и термином, и нетермином одновременно в зависимости от контекста [1, с. 31].

Сегодня в век высоких технологий весьма востребована техническая терминология на английском языке, поскольку на нем, в основном, осуществляется международное сотрудничество в различных сферах производства. Нам удалось обнаружить небольшое количество исследований, выполненных на материалах технических тестов. Среди них работы, посвященные терминологии молекулярной физики (Дорош 1987), производства искусственного холода (Дроздова 1989), радиоспорта и коротковолновой связи (Кушнерук 1986), сети Интернет (Кудрявцева 2010).

В данной статье нам хотелось бы уделить внимание принципам построения терминологических словосочетаний, используемых в математике, поскольку она является базой технических дисциплин.

Ранее Р.А. Ивановой было проведено исследование, касающееся выявления способов словообразования, лексических

группировок в математике. Исследовательница также отмечает многокомпонентность математической терминологии, тенденцию к которой объясняет стремлением отразить новые понятия, придать большую информативность и семантическую точность терминам, обозначающим их [2, с. 94-97].

В нашей работе нам бы хотелось более подробно остановиться на многокомпонентных сочетаниях в математике.

Среди доступных, а соответственно и наиболее популярных на сегодняшний день источников баз являются данные корпусов [3] и электронных словарей. *English-Russian Dictionary on Probability, Statistics, and Combinatorics* [4], которым мы воспользовались для своей работы, является одним из таких словарей и содержит, по сравнению с другими, наибольшее количество математических терминов и их словосочетаний (порядка 2500). С помощью метода сплошной выборки нами было выделено в словаре 1382 терминологических словосочетаний. Зафиксированные единицы были систематизированы по компонентному составу и степени употребительности. Анализ картотеки позволил сделать следующие выводы. Подавляющее большинство терминологических словосочетаний в исследуемом словаре, а именно 832, являются двухкомпонентными (бинарными, двухсловными). Изучение именно их структуры и семантики явилось целью данной работы. На наш взгляд, её результаты смогут внести определенный вклад в решение более сложных проблем, связанных с теорией специального перевода и методами обучения такому переводу. Нами были поставлены следующие задачи: определить наиболее характерные способы образования бинарных математических терминов, установить взаимосвязь между выбором эквивалента и способом образования или функционирования термина, выявить степень влияния на перевод изменения значения термина, отметить основные приемы перевода двухсоставных математических терминов.

Как показало исследование 832 двухсловных сочетаний, бинарные единицы в математике строятся согласно следующим моделям: N+N (*multiplication scheme* – *схема умножения*, *adjacency matrix* – *матрица смежности* и др.); Adj.+N (*extendable plane* – *расширяемая плоскость*, *regenerative process* – *регене-*

пирующий процесс и др.); Participle I +N (*leading function* – ведущая функция, *equalizing strategy* – уравнивающая стратегия и др.); Participle II+N (*grouped data* – сгруппированные данные, *distributed system* – распределенная система и др.); Gerund+N (*stopping line* – линия остановки, *forwarding index* – индекс ускорения и др.).

Между компонентами сочетаний существуют атрибутивная связь. Как видим, все терминологические сочетания включают в себя существительное, являющееся в представленных случаях опорным (родовым) компонентом. Наиболее часто встречаемыми моделями являются первые две.

Рассмотрим более подробно модель: N+N. На её основании создано порядка 40% бинарных терминов. Она содержит достаточно большое количество примеров терминологических сочетаний, в которых определяемое слово стоит перед определением. Например:

reflection principle – принцип отражения

fiber process – процесс волокон

fault tree – дерево отказов и др.

Кстати, такой принцип построения сочетания используется и в других моделях, например: *binding number* – число сращивания (Gerund+N), *experimental design* – планирование эксперимента (Adj.+N). В таких случаях, по мнению В.Н. Крупнова, «сначала необходимо найти ключевое слово, с которого следует начинать перевод. Такое слово всегда находится в конце атрибутивного сочетания. Затем следует разобраться во внутренних смысловых связях атрибутивной конструкции, идя от конечного ключевого слова к его непосредственному определению» [5].

В случаях, когда атрибутивный компонент находится в постпозиции по отношению к определяемому (родовому) термину, обнаруживается следующая классификация атрибутивного компонента:

- Описание (процесса):

Например, ранее упомянутый *fiber process* – процесс волокон

- Характеристика

Например: *chord graph* – граф хорд: граф без порождённых циклов длины более чем три

- Место

Например: *breakdown point* – точка предела

- Лицо

Например: *Levy theorem* – теорема Леви

Кроме того, в словаре приведены примеры того, когда одно и то же существительное попеременно занимает место то определяемого слова, то определения: *regeneration time* – момент регенерации

и *time series* – временной ряд.

Вышеприведенные терминологические сочетания относятся к той категории сочетаний, чья семантическая структура выводится из значений составляющих их компонентов. Следует отметить, что и перевод сочетаний, которые в своей основе имеют модели Participle I +N, Participle II+N, Gerund+N, зачастую складывается из значений их компонентов. Иными словами, в словаре часто имеет место пословный перевод (калькирование). Однако, работая со словарем, необходимо помнить и о личности переводчика в том смысле, что в каждом конкретном случае именно переводчик принимает то или иное решение, касающееся варианта перевода. Как поступить в определенной ситуации: выбрать пословный (словарный) или дать описательный перевод – *breakdown point* – точка предела или точка, в любой окрестности которой содержится бесконечное множество элементов.

Вместе с тем, словарь содержит случаи, когда перевод сочетания зависит не только от семантики составляющих его элементов, но и от их расстановки по отношению друг к другу. Таким образом, переводу терминологических сочетаний должен обязательно предшествовать структурно-семантический анализ каждой единицы с целью выявления и ее значения, и грамматического статуса.

В ходе изучения словаря было обнаружен ряд терминологических сочетаний эпонимического характера. Например:

Dudley metric метрика Дадли	Dudley's condition условие Дадли
Levy theorem теорема Леви	Levy's inequality неравенство Леви
Kolmogorov formula формула Колмогорова	Kolmogorov's inequality неравенство Колмогорова

Wald test критерий Вальда	Wald's identity тождество Вальда
Khinchin theorem теорема Хинчина	Khinchin's inequality неравенство Хинчина

Примечательно, что данные словосочетания по своему типу (следуя классификации, предложенной Н.В. Новинской [6, с. 285]) являются субстантивно-субстантивными беспредложными, разложимыми, т.е. одно и то же имя собственное довольно часто входит в несколько словосочетаний в пределах данной терминологии (*Dudley metric* – метрика Дадли и *Dudley's condition* – условие Дадли). Следует отметить, что представленные выше эпонимические терминологические сочетания относятся к семантически разным случаям: когда терминологическая часть представлена общенаучным термином или когда это – узкоспециальный (математический) термин. Этот факт важен для отделения эпонима и формулировки дефиниции. В сочетаниях *условие Дадли*, *критерий Вальда* первое слово является общенаучным, в сочетаниях *тождество Вальда*, *неравенство Хинчина* – математической неотъемлемой частью обозначения.

Следующая модель – Adj.+N (встречается в 25% всех изучаемых случаев):

red noise – красный шум

anticommutative relation – антикоммутативное соотношение

greedy algorithm – жадный алгоритм

rectilinear tree – прямоугольное дерево и другие.

Как и в случае с предшествующей моделью, значение двухкомпонентных терминологических единиц в представленных примерах также эквивалентно сумме значений его составляющих. Таким образом, можно говорить, что математической терминологии, как правило, несвойственна громоздкость и описательность. Вместе с тем, при изучении модели Adj.+N нами были обнаружены и случаи полного переосмысления исходных составляющих. Например: *heavy traffic*, *low traffic*, *general population*. Неспециалистами данные сочетания будут переведены как «интенсивное уличное движение», «неинтенсивное уличное движение», «все слои населения». Но в *English-Russian Dictionary on Probability, Statistics, and Combinatorics* они трактуются как «большая нагрузка», «малая нагрузка», «генеральная совокупность». Соответственно, их значения в математике невозможно вывить с помощью пословного перевода. Эти выражения будут понятны только в контексте. Иными словами, они идиоматичны.

Нетрудно заметить, что термины-словосочетания, как правило, формируются из слов общего языка, а не из отдельных терминов. При этом значение словосочетания либо формируется из значений его составляющих компонентов, либо изменяется, чтобы обозначить объект/явление конкретно в математике. Для ряда фразеологических оборотов (*fault tree*, *red noise*, *greedy algorithm*, *rectilinear tree*) характерна образность, метафоричность. Так, под «*red noise*» понимают шумовой сигнал, который производит броуновское движение. Английские исследователи называют его Brown (от Brownian) noise. Русские ученые переводят его как коричневый шум, со временем трансформировавшийся (почему-то?) в красный. Следует полагать, что *red noise* – это перевод с русского.

Другой случай. Словосочетание *rectilinear tree* в работах западных математиков выглядит как *rectilinear Steiner tree*. Речь идет о задаче Штейнера, заключающаяся в том, чтобы найти точку, сумма расстояний от которой до заданных точек минимальна. В ходе графического решения возникает рисунок, напоминающий дерево. Похожая ситуация и с термином *fault tree* – логико-вероятностная модель причинно-следственных связей отказов системы с отказами ее элементов и другими событиями (воздействиями); представляет собой многоуровневую графологическую структуру причинных взаимосвязей. Как и в примере с *rectilinear tree*, данная модель графически представлена в виде дерева. Использование компонента *tree* в представленной математической терминологии явно основывается на метафорическом переносе – по сходству разветвленных схем и рисунков с деревом.

Смотря на вышеуказанные переводы *fault tree*, *red noise*, *greedy algorithm*, *rectilinear tree*, можно предположить, что изначально они не являлись научными, а появились и существовали определенное время как жаргонизмы, употребляющиеся в речи людей, имеющих то или иное отношение к математике. И лишь спустя некоторое время они стали использоваться учеными (причем сначала, скорее всего, в устной, а потом в пись-

менной речи), затем были зафиксированы в словарях, получили определение и вошли в терминологическую систему.

Итак, анализ структурно-семантических особенностей бинарных математических терминов показал, что зачастую они образуются путем сложения слов общего языка. Различные части речи (существительное, прилагательное, причастие I, II, герундий), а также имена собственные активно участвуют в появлении математических понятий. Значение термина, как правило, устанавливается на основе составляющих его компонентов. В результате, преобладающим способом перевода является калькирование. Вместе с тем, есть примеры, когда значения составляющих термина стерты. Трудности при переводе в этих случаях обусловлены полисемантическим характером атрибу-

тивных терминологических единиц, переосмыслением (метафоричностью) и изменением значения компонентов. Но такие затруднения нельзя назвать серьезным препятствием, так как большинство бинарных терминов в математике неконсубстанциональны, они не зависят от экстралингвистических социокультурных факторов, диапазон сфер их применения относительно узок. Однако поскольку математика как наука и математические методы все шире внедряются в практику, служат мощным средством, позволяющим исследователю глубже вникнуть в существо явления, проследить его закономерности, обнаружить скрытые связи, следует ожидать, что для переводчиков математическая терминология будет оставаться благодатной почвой для нахождения её точного соответствия знаковому выражению.

Библиографический список

1. Анисимова, А.Г. К вопросу о закономерностях перевода терминологических словосочетаний (на материале терминов гуманитарных и общественно-политических наук) // Вестник КГУ. – 2009. – № 1.
2. Иванова, Р.А. Английская математическая терминология: анализ структуры и семантики // Проблемы практики преподавания и теории языка: сб. ст. – Архангельск, 2009. – Вып. 2.
3. Перевезенцева, Ю.С. В ожидании «другой» лингвистики: идея национального корпуса и «революция» в языкознании / Ю.С. Перевезенцева, С.А. Атрошенко // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 12-1(28).
4. Borovkov, K.A. English-Russian Dictionary on Probability, Statistics, and Combinatorics [Э/р]. – Р/д: http://mathematics_statistics_en_ru.academic.ru/
5. Крупнов, В.Н. Атрибутивные сочетания и их перевод [Э/р]. – Р/д: <http://e-repa.ru/files/translation/kрупнов-attribute-collocations.pdf>
6. Новинская, Н.В. Структурно-грамматическая характеристика терминов-эпонимов // Вестник АГТУ. Гуманитарные науки. – 2004. – № 3.

Bibliography

1. Anisimova, A.G. K voprosu o zakonornostyakh perevoda terminologicheskikh slovosochetaniy (na materiale terminov gumanitarnikh i obshchestvenno-politicheskikh nauk) // Vestnik KGU. – 2009. – № 1.
2. Ivanova, R.A. Angliyskaya matematicheskaya terminologiya: analiz struktur i semantiki // Problemih praktiki prepodavaniya i teorii yazhka: sb. st. – Arkhangel'sk, 2009. – Vihp. 2.
3. Perevezenceva, Yu.S. V ozhidanii «drugoy» lingvistiki: ideya nacional'nogo korpusa i «revolyuciya» v yazhkoznanii / Yu.S. Perevezenceva, S.A. Atroshenko // Privolzhskiy nauchniy vestnik. – 2013. – № 12-1(28).
4. Borovkov, K.A. English-Russian Dictionary on Probability, Statistics, and Combinatorics [Eh/r]. – R/d: http://mathematics_statistics_en_ru.academic.ru/
5. Krupnov, V.N. Atributivnihe sochetaniya i ikh perevod [Eh/r]. – R/d: <http://e-repa.ru/files/translation/kрупнов-attribute-collocations.pdf>
6. Novinskaya, N.V. Strukturno-grammaticheskaya kharakteristika terminov-ehponimov // Vestnik AGTU. Gumanitarniye nauki. – 2004. – № 3.

Статья поступила в редакцию 17.09.14

УДК 81-139

Plekhanova Ye.A., Moiseyeva I.Yu. THE ANALYSIS OF PATTERNS OF CONVERGENCE OF STYLISTIC DEVICES.

The article describes the results of comparison of the coefficient of uniformity and coefficient of diversity patterns of convergence of stylistic devices. The author analyzed the quantitative composition of the convergence of stylistic devices in accordance with an algorithm simulation of stylistic convergence. The author leads to the conclusion, that the discreteness recognition as one of the fundamental properties of the backbone elements of the language makes explicit quantitative predominance of two-element and three-element models of the convergence of stylistic devices increase the potential for combining the elements to each other both in terms of paradigmatic and syntagmatic plans. The result can be explicated in terms of psycholinguistics and from the standpoint of system views the structure of a language. This problem is not thoroughly studied and requires further investigation.

Key words: convergence of stylistic devices, model of convergence system, coefficient of uniformity and diversity.

Е.А. Плеханова, аспирант Оренбургского гос. университета, г. Оренбург,

E-mail: plekhanova.elena.osu@gmail.com; И.Ю. Моисеева, д-р филол. наук, проф., зав. каф. романской филологии и методики преподавания французского языка ОГУ, г. Оренбург, E-mail: desire2003@yandex.ru

АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ КОНВЕРГЕНЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПО ВИДУ

В статье раскрываются результаты сопоставления коэффициента однообразия и коэффициента разнообразия моделей конвергенции стилистических приемов. Приводится алгоритм анализа экспериментального материала. В соответствии с разработанным алгоритмом моделирования конвергенции стилистических приемов проведен анализ количественного состава конвергенции стилистических приемов. Автор приводит к выводу, о том, что признание дискретности как одного из фундаментальных системообразующих свойств элементов языка эксплицирует количественное преобладание двухэлементных и трехэлементных моделей конвергенции стилистических приемов увеличением потенциальной возможности комбинирования элементов между собой как в плане парадигматики, так и в плане синтагматики. Данный результат может быть эксплицирован как с точки зрения психолингвистики, так и с точки зрения системных представлений на строение языка. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: конвергенция стилистических приемов, модели конвергенции, коэффициент однообразия и разнообразия.

В общей теории систем «разнообразие» определяется как «характеристика количества допустимых вариантов или конфигураций системы; количества элементов; числа независимых состояний; мощности множества; объема или массы материала; количества независимых элементарных сведений содержащихся в некотором хранилище информации и т.п. Чередование процессов разнообразия/однообразия приводит к образованию многоуровневой иерархической структуры» [1, с. 145].

Способность неоднородных элементов порождать образования более высокого уровня проявляется в потенциальной возможности создания бесконечного множества конкретных систем, несущих информацию (предложений), возникновение которых происходит за счет комбинирования элементов системы языка [2, с. 53].

Подобная идея прослеживалась и в работе В.И. Кремянского, определяющего неоднородность элементов как своего рода механизм, который запускает «формирование образований более высокого уровня и определяет направленность «микродвижений» во всей данной группе, способной к самоорганизации» [3, с. 57].

Е.Н. Князева, развивая исследования сложных феноменов индивидуального творчества ученых в аспекте теории самоорганизации, позиционирует процесс развития как сочетание «дивергентных тенденций (тенденции к повышению разнообразия) и конвергентных тенденций (тенденции к его свертыванию) – тенденции канализации, прогресс избирательности, однообразия». Многовариантность, разнообразие, случайность, хаотичность рассматриваются ученым как одна из характерных черт творческого мышления [4, с. 139-146].

В.В. Артюхов высказывает идею о том, что разнообразие множества элементарных механизмов системы обуславливает наибольшую вероятность того, что среди данного множества найдутся подходящие комбинации, компенсирующие происходящие в системе изменения. В этой связи автор позиционирует идею о значимости не просто нумерического (счетного) подхода к изучению прогностических комбинаторных возможностей компонентов системы, а учета категории разнообразия как системы. С точки зрения общей теории систем любое «разнообразие – это система, которой присущи элементы разнообразия $\{m\}$, отношения между элементами $\{r\}$ и ограничивающие эти отношения условия или законы композиции $\{z\}$, а также производные от основных композиций MR -, MZ -, RZ -, MRZ » [5, с. 151-153].

Принимая данную точку зрения за основополагающую на данном этапе работы, мы анализируем репертуар моделей конвергенции стилистических приемов с точки зрения *однообразия* / *разнообразия* составляющих элементов.

Репертуар двухэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – всего 250 моделей, из них 150 повторяющихся моделей, 100 неповторяющихся моделей.

Репертуар трехэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – всего 230 моделей, из них 30 повторяющихся моделей, 200 неповторяющихся. Репертуар четырехэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – всего 200 моделей, из них 18 повторяющихся моделей, 182 неповторяющихся. Репертуар пятиэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – всего 182 модели, из них 6 повторяющихся моделей, 176 неповторяющихся. Репертуар шестиэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – всего 112 моделей, из них 3 повторяющихся моделей, 109 неповторяющихся. Репертуар семиэлементных моделей и моделей с большим количеством элементов конвергенции стилистических приемов – всего 110 моделей, из них 2 повторяющихся модели, 108 неповторяющихся.

Вычисляем *коэффициент однообразия* (КО): количество повторяющихся моделей конвергенции стилистических приемов делится на количество всех выявленных моделей данной группы.

КО двухэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $150 / 250 = 0,6$;

КО трехэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $30 / 230 = 0,1$;

КО четырехэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $18 / 200 = 0,09$;

КО пятиэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $6 / 182 = 0,03$;

КО шестиэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $3 / 112 = 0,02$;

КО семиэлементных моделей и моделей с большим количеством элементов конвергенции стилистических приемов – $2 / 110 = 0,01$.

Вычисляем *коэффициент разнообразия* (КР): количество неповторяющихся моделей конвергенции стилистических приемов делится на количество всех выявленных моделей данной группы.

КР двухэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $100 / 250 = 0,4$;

КР трехэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $200 / 230 = 0,91$;

КР четырехэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $182 / 200 = 0,91$;

КР пятиэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $176 / 182 = 0,96$;

КР шестиэлементных моделей конвергенции стилистических приемов – $109 / 112 = 0,97$;

КР семиэлементных моделей и моделей с большим количеством элементов конвергенции стилистических приемов – $108 / 110 = 0,98$.

Данные, полученные в результате статистических подсчетов коэффициента однообразия и коэффициента разнообразия, представлены в табличной форме (таблица 1).

Таблица 1

Обобщенные показатели коэффициента однообразия и коэффициента разнообразия по всей выборке

Вид модели конвергенции	КО	КР
двухэлементные модели	0,6	0,4
трехэлементные модели	0,1	0,8
четырёхэлементные модели	0,09	0,91
пятиэлементные модели	0,03	0,96
шестиэлементные модели	0,02	0,97
семиэлементные модели и модели с большим количеством элементов	0,01	0,98

Примечание. В таблице приняты следующие сокращения: КР – коэффициент разнообразия, КО – коэффициент однообразия.

Средний коэффициент однообразия рассчитывается по формуле:

$$[CpKO = (KO)_{23} + KO_{33} + KO_{43} + KO_{53} + KO_{63} + KO_{7+3}] / n$$

где n – общее количество видов моделей конвергенции.

$$CpKO = (0,6 + 0,1 + 0,09 + 0,03 + 0,02 + 0,01) / 6 = 0,85 / 6$$

$$CpKO = 0,14$$

Средний коэффициент разнообразия рассчитывается по формуле:

$$[CpKP = (KP)_{23} + KP_{33} + KP_{43} + KP_{53} + KP_{63} + KP_{7+3}] / n$$

$$CpKP = (0,4 + 0,8 + 0,91 + 0,96 + 0,97) / 6 = 5,02 / 6$$

$$CpKP = 0,83$$

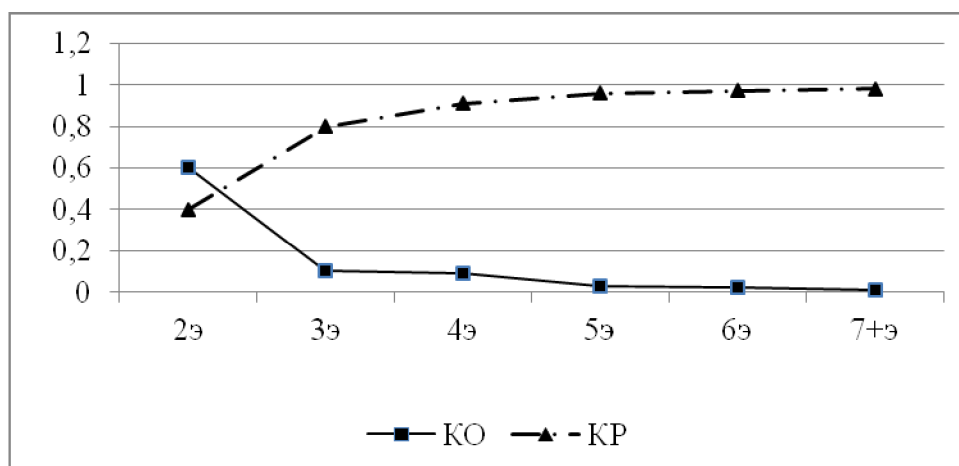

Рис. 1. Сопоставление коэффициентов разнообразия и коэффициентов однообразия моделей конвергенции стилистических приемов

Примечание. На рисунке приняты следующие сокращения: 2э – двухэлементные модели, 3э – трехэлементные модели, 4э – четырехэлементные модели, 5э – пятиэлементные модели, 6э – шестиэлементные модели, 7+э – семиэлементные модели и модели с большим количеством элементов, КР – коэффициент разнообразия, КО – коэффициент однообразия.

Результаты сопоставления коэффициента однообразия и коэффициента разнообразия моделей конвергенции стилистических приемов отражены на рисунке (рис. 1).

На рис. 1 видно, что двухэлементные модели конвергенции стилистических приемов характеризуются самым высоким коэффициентом однообразия – 0,6. Данный результат может быть эксплицирован тем, что двухэлементные модели являются основой не просто «для объединения целого из частей, самоструктурирования частей в целое, не просто для проявления, «всплытия» более глубокой структуры из подсознания, а для самовырастания целого из частей в результате самоусложнения этих частей. Поток мыслей и образов в силу своих собственных потенций усложняется и спонтанно выстраивает себя, так из простой структуры вырастает более сложная» [4, с. 206].

Преобладание однообразных двухэлементных моделей способствует гармонизации системы, тем самым, по словам Э.М. Сороко, «она обретает оптимальный режим существования, отличающийся функциональным качеством» [6, с. 132].

Модели, состоящие из пяти, шести, семи и более элементов, характеризуются самым высоким коэффициентом разнообразия – 0,96 – 0,98. Увеличение разнообразия происходит как путем увеличения количества элементов в модели, так и путем увеличения числа их возможных конфигураций. Разнообразие элементов указанных моделей создают благоприятные возможности для комбинаторики и построения новых моделей, что обуславливает подвижность, приспособляемость, способность сис-

темы восстанавливаться, а, следовательно, обеспечивает ее устойчивость и целостность на протяжении всего процесса текстообразования. Разнообразие моделей стилистических приемов приобретает важность и с точки зрения большего количества информации, получаемой читателями медиатекста. Р.Г. Пиотровский делает акцент на том, что разнообразие элементов «отражает разнообразие исходов опыта. Чем больше допустимых исходов имеет опыт, тем больше неопределенность его исходов, и тем большее количество информации получает наблюдатель, узнав об исходе опыта» [7, с. 78].

В данной связи необходимо отметить роль трех и четырехэлементных моделей стилистических приемов. Коэффициенты однообразия и коэффициенты разнообразия указанных моделей равны 0,1; 0,09 / 0,8; 0,91 соответственно. В сравнении с коэффициентами однообразия и разнообразия других видов моделей они располагаются ближе к среднему коэффициенту однообразия (Ср КО = 0,14) и к среднему коэффициенту разнообразия (Ср КР = 0,83).

А.Ф. Воловик и П.Б. Невельский определили два пути повышения продуктивности непроизвольного запоминания информации: «1) через увеличение оригинальности и, следовательно, повышение интереса; 2) через использование штампов, т.е. материала, усвоенного субъектом» [8, с. 33].

Данный результат может быть эксплицирован как с точки зрения психолингвистики, так и с точки зрения системных представлений на строение языка.

Библиографический список

1. Селезнев, Г.Д. Синергетическое мышление // Экология. Экологическое образование. Нелинейное мышление = Ecology. Ecological education. Nonlinear mentality: материалы 3 Международной конференции. – Воронеж, 1997. – Сер. «Нелинейный мир».
2. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование. – М., 1978.
3. Кремянский, В.И. Возникновение организации материальных систем // Вopr. философии. – 1967. – № 5.
4. Князева, Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. – М., 1995.
5. Артюхов, В.В. Общая теория систем: самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. – М., 2009.
6. Сороко, Э.М. Структурная гармония систем. – Минск, 1984.
7. Пиотровский, Р.Г. Математическая лингвистика: учеб. пособ. для пед. ин-тов / Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская. – М., 1977.
8. Воловик, А.Ф. Условия непроизвольного запоминания языковых элементов наглядной агитации / А.Ф. Воловик, П.Б. Невельский // Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики. – М., 1972.

Bibliography

1. Seleznev, G.D. Sinergeticheskoe mihshlenie // Ehkologiya. Ehkologicheskoe obrazovanie. Nelineynoe mihshlenie = Ecology. Ecological education. Nonlinear mentality: materialih 3 Mezhdunarodnoy konferencii. – Voronezh, 1997. – Ser. «Nelineynihy mir».
2. Solncev, V.M. Yazikh kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. – M., 1978.
3. Kremyanskiy, V.I. Vozniknovenie organizacii material'nykh sistem // Vopr. filosofii. – 1967. – № 5.
4. Knyazeva, E.N. Odisseya nauchnogo razuma. Sinergeticheskoe videnie nauchnogo progressa. – M., 1995.
5. Artyukhov, V.V. Obthaya teoriya sistem: samoorganizaciya, ustoychivostj, raznnoobrazie, krizisih. – M., 2009.
6. Soroko, Eh.M. Strukturnaya garmoniya sistem. – Minsk, 1984.
7. Piotrovskiy, R.G. Matematicheskaya lingvistika: ucheb. posob. dlya ped. in-tov / R.G. Piotrovskiy, K.B. Bektaev, A.A. Piotrovskaya. – M., 1977.

8. Volovik, A.F. Usloviya neproizvoljnogo zapominaniya yazikovihkh ehlementov naglyadnoj agitacii / A.F. Volovik, P.B. Nevel'skiy // Rechevoe vozdejstvie: Problemih prikladnoj psikholingvistiki. – M., 1972.

Статья поступила в редакцию 22.07.14

УДК 81.1

Romashova O.V. GENRE-STYLISTIC SPECIFICS OF A MEDICAL DOCUMENT (ON THE MATERIAL OF A PATIENT'S MEDICAL REPORT). The paper describes a genre and stylistic features of a patient's medical report book, which are defined by their informative-cumulative function and the influence of the unifying factors affecting bond of communication. It is shown that the speech text organization involves the use of linguistic units of an official and scientific styles of the modern Russian language. The purpose, basic and advanced features of a document are defined. Special attention is paid to images of an author, an addressee, to the past and future, and also to dictamnus contents. The author comes to the conclusion that linguistic incarnation of the genre deterministic semantic dominant is formulated as 'fixing the diagnostic and treatment processes'. The idea of the necessity for further investigation of medical documents will expand the general understanding of the patterns of generation of document texts, their iconic composition and quality characteristics, which are important both for documentation science and the sphere of practical medicine.

Key words: medical document, patient's medical report book, genre and stylistic features, speech text organization.

О.В. Ромашова, аспирант каф. русского языка и документалистики федерального гос. автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский гос. университет», начальник отдела кадров Федерального гос. бюджетного учреждения «Российский научно-исследовательский нейрохирургический институт им. проф. А.Л. Поленова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, E-mail: ol_2202@mail.ru

ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА МЕДИЦИНСКОГО ДОКУМЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКОЙ КАРТЫ СТАЦИОНАРНОГО БОЛЬНОГО)

В работе описаны жанрово-стилевые особенности медицинской карты стационарного больного, которые определяются ее информативно-кумулятивной функцией и влиянием унифицирующих факторов, характерных для документной коммуникации, показано, что речевая организация текста предполагает употребление языковых единиц официально-делового и научного стиля современного русского языка. Определены цель, основная и дополнительные функции документа. Особое внимание уделено образам автора, адресата, прошлого и будущего, а также диктумному содержанию. Автор приходит к выводу о том, что языковое воплощение жанра детерминировано семантико-смысловой доминантой, сформулированной как «фиксация лечебно-диагностического процесса». Обосновывается мысль о необходимости дальнейшего исследования медицинских документов, которое позволит расширить общее представление о закономерностях порождения документного текста, его знаковом составе и качественной специфике, что является важным как для документной лингвистики, так и для сферы практической медицины.

Ключевые слова: медицинский документ, медицинская карта стационарного больного, жанрово-стилевые особенности, речевая организация текста.

Развитие современного общества, отражающееся в документах и документных системах, расширение сферы документной коммуникации определяют актуальность научного изучения свойств документов, особенностей организации документных текстов.

В настоящее время наиболее исследованными являются управленческие документы, отражающие процессы в государственном производстве [1–8], при этом документам других сфер социальной жизни, в том числе медицинским, уделяется меньше внимания [9–12]. Между тем медицина является одной из важных отраслей науки и практики, а те изменения, которые в ней происходят, касаются и документации, в частности одного из основных документов – медицинской карты стационарного больного (МКСБ), исследование которой дает возможность дополнить имеющиеся в документной лингвистике представления о документном тексте, его жанрово-стилевой специфике, скорректировать существующую типологию документов, способствовать оптимизации процесса документационного управления в здравоохранении, а также совершенствованию организации деятельности лечебно-профилактических учреждений.

МКСБ, или «история болезни», – форма №003/у, утвержденная приказом Минздрава СССР от 04.10.1980 г. № 1030 «Об утверждении форм первичной медицинской документации учреждений здравоохранения», широко используется в медицинской практике [12].

МКСБ – это медицинский документ, который составляется в стационаре на каждого пациента независимо от цели поступ-

ления и срока его нахождения в лечебном учреждении. МКСБ относится к группе первичной медицинской документации, предназначенной для записи наблюдений за состоянием больного в течение всего периода пребывания в лечебно-профилактическом учреждении, проводимых лечебно-диагностических мероприятий, данных объективных исследований, назначений и результатов лечения. Таким образом, МКСБ следует рассматривать как фиксирующий динамику состояния и процесс лечения пациента документ, в котором находит отражение взаимодействие целого ряда сторон (субъектов): пациента, медицинских работников, страховых медицинских организаций, различных проверяющих и юридических органов.

МКСБ выполняет несколько функций, основной которых является информативно-кумулятивная, что обуславливает композиционно-речевую организацию данного документа.

Документный текст представляет собой «особый вид текстовых объектов, проявляющий в процессе своего создания, обработки и функционирования результаты воздействия различных по природе и характеру текстообразующих механизмов: совокупности интралингвистических правил построения текста и системы внеязыковых правил, в основании которых заложены принципы унификации и коммуникативного прагматизма» [5]. Особенности документного текста должны учитываться при изучении его свойств и выборе исследовательского подхода: специфику документного текста позволяет раскрыть жанрово-стилевой анализ [13]. В работах Т.В. Шмелевой (1997) [14] предложена методика такого анализа и описана модель речевого жан-

ра, которая включает ряд взаимосвязанных элементов: коммуникативную цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное содержание и языковое воплощение.

Исследование МКСБ показало, что реализация жанровых элементов в тексте данного документа имеет свою специфику.

Основной **целью** МКСБ является точная, объективная фиксация информации, которая может быть использована в дальнейшем медицинскими работниками или востребована проверяющими (судебными, страховыми и др.) органами, защищая права пациента и медицинского работника. МКСБ отличается полифункциональностью. Основной функцией является *информативно-кумулятивная* (в документе отражена динамика течения болезни, методы диагностики и лечения на различных этапах), дополнительными – *учетно-финансовая* (в условиях страховой медицины на основании МКСБ выставляются счета за медицинские услуги); *контролирующая* (МКСБ для различных контролируемых органов и страховых компаний служит основным документом, по которому можно судить о качестве лечебно-диагностического процесса); *правовая* (МКСБ содержит согласие пациента на проведение лечения; при необходимости может использоваться органами дознания, следствия и суда); *научная* (при ретроспективном изучении МКСБ, отражая клиническое мышление врача в ходе постановки диагноза и лечения, становится источником новых медицинских знаний, позволяющих выявить важные медицинские причинно-следственные отношения, что имеет значение для развития медицинской науки) [12].

Образ автора в МКСБ имеет особенность в виде его коллективного характера с различной долей участия в формировании документа следующих лиц: лечащего врача, заведующего отделением, специалистов-консультантов, среднего медицинского персонала, которые вносят информацию в документ.

Образ автора в МКСБ представлен как эксплицированно, так и имплицированно. Эксплицирован образ автора именами существительными, называющими фамилию, имя и отчество врача, его должность. Имплицитно он представлен в виде изложения, повествования от имени автора (*состояние удовлетворительное, неврологическая симптоматика с положительной динамикой, выявлено наличие внутричерепной гематомы*).

Наряду с автором МКСБ можно говорить и о соавторе этого документа, которым является пациент или его законный представитель, так как эти лица дают информированное согласие на обследование и лечение. Соавтор в тексте документа выражен: местоимениями 1 лица ед. ч. и.п. в двусоставных предложениях (*я согласен*); местоимениями 1 лица ед. ч. д.п. в односоставных безличных предложениях (*мне разъяснено*); именами собственными, называющими фамилию, имя и отчество пациента или его законного представителя; реквизитом «подпись».

Адресат в документе, как правило, имплицирован. Адресатом являются врачи-специалисты, которые осуществляют консультации на основании записей лечащего врача и этапных эпикризов, врачи амбулаторного звена, курирующие пациента после выписки из стационара на основании данных выписного эпикриза, патологоанатомы и судебно-медицинские эксперты, выполняющие исследование с учетом данных посмертного эпикриза.

Эксплицирован адресат прежде всего в эпикризах (этапном, выписном, посмертном), где он обозначен нарицательными именами существительными (*консультация терапевта, консультация офтальмолога, в поликлинику к неврологу, на патологоанатомическое вскрытие*). Образ адресата находит выражение и во вторичных документах, прилагающихся к МКСБ: статистическом талоне (адресован медицинской статистике), счете (адресован страховой медицинской организации).

Для МКСБ особое значение имеет **образ прошлого**. Это анамнез болезни и анамнез жизни. При поступлении пациента в стационар врач, его принимавший, подробно описывает все этапы развития заболевания, а также особенности жизни больного, которые могли повлиять на возникновение болезни. Анамнез характеризуется описательной лексикой в прошедшем времени (*во время физической нагрузки возникла боль в поясничной области, обратился к неврологу, получал лечение обезболивающими препаратами, физиотерапию, или: поскользнулся, упал на улице, ударился затылком об лед, отмечалась кратковременная потеря сознания, рвота, скорой помощью доставлен в стационар*). Для МКСБ образ прошлого составляют также предшествующие документы, которые находят отражение в тексте (копии выписок из МКСБ, свидетельствующие о преды-

дущем стационарном лечении, данные обследований, выполненных до поступления в данный стационар и др.).

Основой **диктумного содержания** являются данные обследования, сведения о пациенте на конкретном этапе лечения и изменений его состояния в ходе лечебного процесса. Эту функцию выполняют фрагменты текста (в виде дневников лечащего врача, описаний результатов дополнительных исследований, записей консультантов, консилиумов), насыщенные медицинской терминологией, в которых фиксируется состояние пациента на текущий момент, а также обосновывается тактика обследования и лечения (*учитывая нарушение сознания до уровня олушения, наличие анизокории, симптома Баре справа, а также полученные при компьютерной томографии головного мозга данные за субдуральную гематому в левой лобно-теменно-височной области объемом до 70 мл, показано выполнение экстренного оперативного лечения*).

Диагностика и лечение являются процессом, который имеет участников и который направлен на получение определенного результата (выздоровления или улучшения состояния пациента). В связи с этим **образ будущего** как жанровый элемент заключается в описании механизма выздоровления на основе адекватной диагностики и индивидуально подобранного лечения с учетом существующих в медицине стандартов. МКСБ не только фиксирует изменения в течении болезни на фоне лечения, но и обозначает общие направления реабилитации пациента на последующих этапах оказания медицинской помощи, которые отражены в выписном эпикризе. Прогноз заболевания, отраженный в разделах документа – дневниках наблюдений и этапных эпикризах, также следует считать образом будущего.

В тексте МКСБ образ будущего реализуется в лексических единицах, имеющих как положительную, так и негативную семантику, которые характеризуют:

- субъекты воздействия в процессе лечения (общее состояние пациента; неврологическая симптоматика, показатели пульса, дыхания, артериального давления);
- качества субъектов воздействия, которые формируются в динамике (улучшение или ухудшение состояния, жизненно важных показателей);
- прогноз течения заболевания (прогноз благоприятный, сомнительный, неблагоприятный).

Образ будущего отражается также в описании плана обследования и лечения. Для чего используются глагол *планировать* и модальное слово *показано* (*планируется выполнение компьютерной томографии головного мозга; планируется оперативное лечение – резекционная трепанация черепа, удаление внутричерепной гематомы; с целью коррекции анемии показано переливание эритроцитарной массы*).

Языковое воплощение жанра МКСБ детерминировано его семантико-смысловой доминантой [2, 3], которую можно сформулировать как 'фиксация лечебно-диагностического процесса'. Семантико-смысловая доминанта текста является его основной идеей, индикатором основного смысла, которая находит выражение в ключевой лексике и устойчивых сочетаниях слов.

Компонент 'фиксация' находит выражение в самой организации формулы документа (кем, когда и откуда доставлен, как и когда заболел, как развивалось заболевание – анамнез болезни, чем болел в течение жизни и каким вредным воздействиям подвергался – анамнез жизни, объективные данные – результаты осмотра и дополнительных методов исследования, заключение), в тех языковых формулах, которые в нем представлены и которые определяет стандарт описания: *доставлен скорой помощью с улицы..., направлен неврологом поликлиники..., заболел остро..., в прошлом перенес..., работал в шахте, имел профессиональную вредность..., объективно состояние удовлетворительное..., в неврологическом статусе..., на основании данных анамнеза и объективного обследования установлен диагноз..., госпитализация в отделение..., показана экстренная операция...*

Компонент 'лечебно-диагностический процесс' реализуется: – краткими страдательными причастиями с грамматической семантикой результата (*выполнено, произведено, при проведении исследования получены следующие результаты, после проведенного лечения отмечено, выписан, переведен, умер*) и безличными глаголами с лексической семантикой планирования (*планируется выполнение*).

– глаголами изменения состояния (*изменилось, улучшилось, ухудшилось, уменьшилось, увеличилось,росло*) и отглагольными существительными (*улучшение, ухудшение*);

– медицинской терминологией (*радикулопатия, миелоишемия, гидроцефалия, трепанация черепа, фибробронхоскопия, трахеостомия*).

Сфера функционирования документа и его характер определяют реализацию элемента жанра «языковое воплощение»: анализ единиц языка, организующих текст МКСБ, указывает на их разностилевую принадлежность. В МКСБ используются следующие средства **официально-делового стиля**:

- наименования документов, которые являются составными частями МКСБ: *лист назначений, лист выполнения назначений, заявка на проведение компьютерной томографии, сопроводительный лист, информированное согласие на..., эпидемиологический анамнез* и др. Эти «части» МКСБ представляют собой трафаретные тексты, в которых нужно подчеркнуть один из предложенных вариантов, например: *плановое / экстренное обследование, по основному / сопутствующему заболеванию; форма оплаты: по ОМС / ДМС / договору / за наличный расчет*;

- клишированные синтаксические конструкции: *назывные (неврологическая симптоматика без динамики, заявка на проведение...); безличные страдательные конструкции, создающие стиль краткого изложения информации (госпитализирован по поводу..., выписан с улучшением..., доставлен в стационар..., направлен в стационар..., переведен в отделение..., рекомендована явка в поликлинику по месту жительства); сложные предложения (документ полностью мне понятен, что я удостоверяю своей подписью)*;

- терминологические единицы, называющие части формулы документа (*анамнез жизни, анамнез болезни, объективный статус, диагноз при поступлении, диагноз клинический, диагноз заключительный, диагноз сопутствующий* и др.);

- нанизывание имен существительных в родительном падеже (*выполнение операции костнопластической трепанации черепа в правой лобно-теменно-височной области*);

- модальные конструкции (*показано выполнение*).

В тексте рассматриваемого документа также отмечены языковые средства научного стиля:

- медицинская терминология (используется прежде всего при описании диагноза и методов обследования и лечения): *сочетанная черепно-мозговая травма, перелом проксимальной фаланги первого пальца левой кисти без смещения, эрозия роговицы* и др., среди них характерные для медицины латинские термины и терминологические элементы (*трефинуция, вертебропластика, краниотомия, гематома*), метафорические терминологические единицы (*симптом звонка, объемное образование размером со сливу*);

- терминологизированные выражения (слова с положительной и отрицательной оценкой предстоящих изменений: *прогноз благоприятный, неблагоприятный, сомнительный*);

- аббревиатуры (обозначают код операций и др. манипуляций для оплаты – *пМ032а, нК0351*, код по Международной классификации болезней 10-го пересмотра – *S06.2, C71.0, I63.3*, сокращенное название болезней, операций, манипуляций – *ГБ, АСКС, ТЭЛА, ЗЧМТ, ДТЧ, РТЧ, ЦАГ* и др.);

- цифры, проценты, графики, рентгенограммы и другие невербальные средства.

Таким образом, жанрово-стилевые особенности МКСБ определяются его информативно-кумулятивной функцией и влиянием унифицирующих факторов, являющихся экстралингвистическими текстообразующими механизмами, характерными для документной коммуникации. Речевая организация текста детерминирована его семантико-смысловой доминантой 'фиксация лечебно-диагностического процесса', которая определяет отбор и употребление языковых единиц, относящихся к официально-деловому и научному стилям современного русского языка.

Дальнейшее исследование медицинских документов позволит расширить общее представление о закономерностях порождения документного текста, о его знаковом составе и качественной специфике, что является важным как для документной лингвистики, так и для сферы практической медицины.

Библиографический список

1. Карпова, Н.А. Специфика речевого жанра административного объявления в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2010.
2. Косова, М.В. Специальная лексика в документном тексте: аспекты лингвистического анализа // Вестник ВолГУ. – 2010. – № 1(11). – Сер. 2: Языкознание.
3. Краснова, О.Н. Композиционно-речевая организация научного документа (на материале авторефератов диссертаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010.
4. Делопроизводство (организация и технология документационного обеспечения управления): учебник для вузов / Т.В. Кузнецова [и др.]. – М., 2002.
5. Кушнерук, С.П. Теория современного документного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2008.
6. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях: проблемы истории и методологии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2000.
7. Рюмин, Р.В. Социальная реклама как речевой жанр: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2012.
8. Столяров, Ю.Н. Библиографический фонд правовой документации. – М., 2003.
9. Жура, В.В. Формально-семантические особенности экспозиторных субжанров устного медицинского дискурса // Вестник ВолГУ. – 2008. – № 1(7). – Сер. 2: Языкознание.
10. Маджаева, С.И. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2013.
11. Мульганова, Т.Б. Структурные и прагматические особенности текстов медицинских документов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997.
12. Ромашова, О.В. Функции и особенности истории болезни как документа / О.В. Ромашова, О.В. Морочая, В.В. Щедренко // Актуальные проблемы оказания специализированной медицинской помощи в многопрофильном стационаре: Материалы научно-практич. конф. – СПб., 2013.
13. Белоконева, К.А. К проблеме жанрово-стилевой принадлежности документного текста // Вестник ВолГУ. – 2011. – № 2(14). – Сер. 2: Языкознание.
14. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – 1997. – Вып.1.

Bibliography

1. Karpova, N.A. Specifika rechevogo zhanra administrativnogo objhavljeniia v russkom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tomsk, 2010.
2. Kosova, M.V. Special'naya leksika v dokumentnom tekste: aspektih lingvisticheskogo analiza // Vestnik VolGU. – 2010. – № 1(11). – Ser. 2: Yazhkoznaniye.
3. Krasnova, O.N. Kompozicionno-recheyaya organizatsiya nauchnogo dokumenta (na materiale avtoreferatov dissertatsiy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2010.
4. Deloproizvodstvo (organizatsiya i tekhnologiya dokumentatsionnogo obespecheniya upravleniya): uchebnik dlya vuzov / T.V. Kuznecova [i dr.]. – M., 2002.
5. Kushneruk, S.P. Teoriya sovremennogo dokumentnogo teksta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Volgograd, 2008.
6. Larin, M. V. Upravlenie dokumentatsiyey v organizatsiyakh: problemih istorii i metodologii: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. – M., 2000.
7. Ryumin, R.V. Social'naya reklama kak rechevoy zhanr: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tomsk, 2012.
8. Stolyarov, Yu.N. Bibliograficheskiiy fond pravovoy dokumentatsii. – M., 2003.
9. Zhura, V.V. Formaljno-semanticheskie osobennosti ehkspozitornihk subzhanrov ustnogo medicinskogo diskursa // Vestnik VolGU. – 2008. – № 1(7). – Ser. 2: Yazhkoznaniye.
10. Madzhaeva, S.I. Medicinskie terminosistemih: stanovlenie, razvitie, funcionirovanie: dis. ... d-ra filol. nauk. – Volgograd, 2013.
11. Mul'ganova, T.B. Strukturihi i pragmaticheskie osobennosti tekstov medicinskih dokumentov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 1997.

12. Romashova, O.V. Funkcii i osobennosti istorii bolezni kak dokumenta / O.V. Romashova, O.V. Moguchaya, V.V. Thedrenok // Aktualniye problemih okazaniya specializirovannoy medicinskoj pomoshchi v mnogoprofil'nom stacionare: Materialih nauchno-praktich. konf.. – SPb., 2013.
13. Belokoneva, K.A. K probleme zhanrovo-stilevoj prinalozhnosti dokumentnogo teksta // Vestnik VolGU. – 2011. – № 2(14). – Ser. 2: Yazihkoznanie.
14. Shmeleva, T.V. Modelj rechevogo zhanra // Zhanrih rechi. – 1997. – Vihp.1.

Статья поступила в редакцию 02.09.14

УДК 81'37

Yakimov P.A. THE RELIGIOUS PICTURE OF THE WORLD vs. THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD. In the paper the analysis of a common ground of a religious picture of the world and the Russian language picture of the world is presented. The author addresses to the following theses: the Russian language picture of the world is at its heart Christian, however there are visible evidence that it contains elements of the pagan culture, occurring at east Slavs before the adoption of Christianity. Thus, the Russian language picture of the world in its full volume isn't an extraction of a Christian picture of the world. However, throughout the history of the development the first picture was influenced by the second picture. The common-language and individual pictures of the world in the process of the development have an impact on the religious and language pictures of the world.

Key words: world picture; language picture of the world; religious picture of the world; Russian language.

П.А. Якимов, канд. пед. наук, доц. каф. современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского гос. педагогического университета, зав. каф. классического и зарубежного языкознания Оренбургской духовной семинарии, г. Оренбург, E-mail: pyakimov@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ КАРТИНА МИРА /S. РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В статье представлен анализ точек соприкосновения религиозной картины мира и русской языковой картины мира. Автор обращается к следующим тезисам: русская языковая картина мира в основе своей христианская, однако очевидно влияние и со стороны языческой культуры, бытовавшей у восточных славян до принятия христианства. При этом русская языковая картина мира в полном своем объеме не является экстрагированием христианской картины мира. Однако на протяжении истории своего развития первая испытывала влияние со стороны второй. Общеязыковая и индивидуальная картины мира по мере своего развития оказывает влияние на религиозно-языковую картину мира.

Ключевые слова: картина мира; языковая картина мира; религиозная картина мира; русский язык.

Общеизвестным фактом является то, что языковая картина мира, в силу своей вторичности и опосредованности по отношению к концептуальной картине мира (А. Вежбицкая, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Н.Б. Мечковская, Р.И. Павленис, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина), а в нашем случае, по отношению к религиозной картине мира, которая есть результат осмысления мира сквозь призму религии, является следствием объективации второй в языке и существует, прежде всего, в виде значений языковых единиц в двух взаимосвязанных плоскостях – плоскости лингвоментального пространства народа и плоскости ментального мира каждого конкретного индивида.

В ряде наших работ описываются особенности языкового воплощения религиозной картины мира в поэтических текстах, например [1, с. 74-78; 2, с. 28031; 3, с.34-37]. В данной статье нами будут представлены особенности взаимодействия религиозной и языковой картин мира обобщенно.

Исторически русская языковая картина мира формировалась, согласно достаточно популярным в языкознании теориям (теории о происхождении русского литературного языка С.П. Обнорского, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова), под влиянием старославянской, которая по своей сути является опосредованием христианской картины мира (в современной науке старославянский язык признается культовым языком, поскольку на него Кириллом и Мефодием в последней трети IX века с греческого языка, так называемого *апостольского* языка христианских народов Европы, были переведены священные тексты). Таким образом, на русскую языковую картину мира в целом оказала влияние именно христианская картина мира, что связано, во-первых, с появлением письменности на Руси (по мнению историков русского языка, доказательств существования письменности на Руси до принятия христианства нет – А.И. Горшков); во-вторых, со значительным обогащением лексики и фразеологии (А.И. Горшков, Н.Б. Мечковская, Б.А. Успенский); в-третьих, со стимулированием дифференциации языка (Н.Б. Мечковская); в-четвертых, с «приматом "книжной" культуры над культурой устной» (Н.И. Толстой). «Христианство... утвердило примат нормированной куль-

туры над культурой диалектной, ненормированной, примат культуры устойчивой, стремящейся к постоянному сохранению традиции, над культурой, находящейся в относительно свободном движении и постоянном изменении» [4, с. 425].

Однако, несмотря на недооценку со стороны исторической науки [5, с. 308], в лингвистике подтверждается влияние на русскую языковую картину мира и языческой культуры как в её чистых, нехристианских проявлениях, так и в переплетении с победившим её христианством. Н.И. Толстой, например, говорит о том, что язык фольклора как составной части русской культуры не только воспринял многое от христианства, но и сохранил многие языческие представления и образы, «наделив ими христианские праздники и христианских святых» [6, с. 428]: наименование Рождества Иоанна Предтечи днем Ивана Купалы, наделение Ильи Пророка функциями Перуна, именование проводов зимы масленицей и т.п.

Сохранение в русской языковой картине мира языческих представлений Н.И. Толстой объясняет некоторым внешним сходством их представлений христианским – цикличность и экологичность: «Христианство и его церковный календарь ежегодно побуждает паству переживать земную жизнь Христа и уже тем самым задумываться над своим жизненным путем. Язычество же побуждало человека переживать вместе с природой цикличность ее годового развития, ее пробуждение, цветение, увядание и зимний сон, равносильный земной смерти... Сближало и то, что обе религии были экологическими: язычество было направлено на экологию природы, а христианство – на экологию человеческого духа».

Русский язык, как и любой естественный язык, неоднороден: «Разные сферы его использования обслуживаются разными подязыками, каждый из которых обладает своим набором языковых единиц» [7, с. 310]. Соответственно, можно говорить об общеязыковой картине мира и специальных языковых картинах мира, обслуживающих разные сферы человеческой деятельности. Можно выделить религиозно-языковую картину мира, которая представляет собой объективацию религиозной картины мира, и соответственно является вариантом инварианта обще-

языковой картины мира [8, с. 61], аналогично тому, как религиозная картина мира является вариантом инварианта концептуальной картины мира.

Следовательно, несмотря на религиозно-философское представление о том, что каждое слово в языке сокращается, даже не будучи связанным со сферой священного, поскольку «в словах содержится энергия мира» [9, с. 25], в отличие от старославянской (поскольку старославянский язык изначально создавался для перевода на него священных христианских книг) русская языковая картина мира в своем полном объеме не является экстрагированием христианской картины мира. Однако историками русского языка доказано, что фрагменты языковой картины мира, опосредующий христианскую картину мира, оказывали значительное влияние на русскую языковую картину мира в целом не только на этапе принятия христианства на Руси, но и на других этапах развития русского языка (например, второе и третье южнославянские влияния на русский литературный язык и т.п.).

На этапе формирования новой для Руси после принятия Христианства в 988 году языковой картины мира каждое слово, вошедшее в древнерусский язык через посредство старославянского языка из греческого или латинского языков, в плоскости лингвоментального пространства народа соотносилось с конкретным христианским понятием и имело сакральный смысл. Однако в ходе исторических изменений русской языковой картины мира (прежде всего связанных с влиянием на нее других когнитивных картин мира, в том числе научной, идеологической и т.п.) многие слова утрачивают свой первоначальный смысл (об этом много пишет православный писатель В.Д. Израбеков, филолог В.В. Колесов), предположительно сохраняя его в плоскости ментального мира отдельных индивидов.

Лингвисты утверждают, что языковая картина мира не равна концептуальной: языковое выражение получают только те ее фрагменты, которые являются актуальными для данного народа или даже конкретного индивида; концептуальная картина мира богаче языковой, поскольку в ее создании участвуют различные типы мышления, не только вербальные (З.Г. Попова, И.А. Стер-

нин). Следовательно, познание религиозной картины мира человеком возможно настолько, насколько позволяет это сделать язык и его семантика (Н.Б. Мечковская, О.Н. Корнилов). Однако отдельным личностям удается познать религиозную картину мира шире, чем она объективирована в языке. Познание Бога посредством религиозных символов (видения, знамения и т.п.), по утверждению М. Планка, равноценно чувственному познанию человеком мира, законов природы: «Религиозному человеку Бог дан непосредственно и первично. Из Него, Его всемогущей воли исходит вся жизнь и все явления как телесного, так и духовного мира. Хотя Он и непознаваем разумом, но тем не менее непосредственно проявляет себя через посредство религиозных символов, вкладывая свое святое послание в души тех, кто, веруя, доверяется Ему» [10]. Подобные индивидуальные религиозные представления могут стать частью религиозной картины мира (как правило, это то, что мы можем прочесть в житиях святых и других религиозных произведениях). Т.е. непосредственная картина мира опосредуется и становится частью концептуальной картины мира (З.Д. Попова, И.А. Стернин).

Постигая религию посредством различных каналов (вербальных, чувственных и т.д.), человек постоянно расширяет свои религиозные представления, которые не всегда опосредуются теми же самыми языковыми единицами, что в религиозной картине мира. При этом использование иных лексических единиц не является искажением картины мира, поскольку как утверждает Г.В. Колшанский, объективация картины мира в языке не может быть истинной или ложной по отношению к объективируемой картине мира, «ибо он (язык) такой, каким видят люди реальный мир, а характер его вторичности не накладывает никаких ограничений на возможность формирования различных высказываний о мире во всем его многообразии бытия» и соответственно форм выражения» [11, с. 36-37].

Таким образом, русская языковая картина мира и христианская картины мира не равны между собой, однако имеют весьма тесную связь на протяжении всего времени взаимодействия, что обуславливает динамику как первой, так и второй.

Библиографический список

1. Якимов, П.А. Некоторые особенности лексического воплощения религиозной картины мира в поэзии Семена Липкина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 4 (140).
2. Якимов, П.А. Глина и гончар в поэзии Семена Липкина // Русская речь. – 2014. – № 1.
3. Якимов, П.А. Лексическое представление христианских артефактов в поэзии А.А. Ахматовой // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2011.
4. Толстой, Н.И. Избранные труды: в 3 т. – М., 1998. – Т. 2. Славянская литературно-языковая ситуация.
5. Федотов, Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. – М., 2001. – Т. 10. Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси X-XIII вв.
6. Толстой, Н.И. Избранные труды: в 3 т. – М., 1998. – Т. 2. Славянская литературно-языковая ситуация.
7. Шмелев, А.Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М., 2012.
8. Ефремов, В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «"мужчина" и "женщина"»: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010.
9. Булгаков, С.Н. Философия имени. – Париж, 1953.
10. Планк, М. Религия и естествознание // Вопросы философии. – 1990. – № 8.
11. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990.

Bibliography

1. Yakimov, P.A. Nekotoriye osobennosti leksicheskogo voplotheniya religioznoy kartin mir v poezii Semena Lipkina // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 4 (140).
2. Yakimov, P.A. Glina i gonchar v poezii Semena Lipkina // Russkaya rech. – 2014. – № 1.
3. Yakimov, P.A. Leksicheskoe predstavlenie khristianskikh artefaktov v poezii A.A. Akhmatovoy // Vestnik Adigeyskogo gosudarstvennogo universiteta. – Maykop, 2011.
4. Tolstoy, N.I. Izbranniye trudi: v 3 t. – M., 1998. – T. 2. Slavyanskaya literaturno-yazikovaya situatsiya.
5. Fedotov, G.P. Sbranie sochineniy: v 12 t. – M., 2001. – T. 10. Russkaya religioznost. Ch. I. Khristianstvo Kievskoy Rusi X-XIII vv.
6. Tolstoy, N.I. Izbranniye trudi: v 3 t. – M., 1998. – T. 2. Slavyanskaya literaturno-yazikovaya situatsiya.
7. Shmelev, A.D. «Yazikovaya kartina mira» i «kartina mira teksta»: tochi vzaimodeystviya // Konstanti i peremenniye russkoy yazikovoy kartin mir. – M., 2012.
8. Efremov, V.A. Dinamika russkoy yazikovoy kartin mir: verbalizatsiya konceptual'nogo prostranstva «"muzhchina" i "zhentina"»: dis. ... d-ra filol. nauk. – SPb., 2010.
9. Bulgakov, S.N. Filosofiya imeni. – Parizh, 1953.
10. Plank, M. Religiya i estestvoznaniye // Voprosi filosofii. – 1990. – № 8.
11. Kolshanskiy, G.V. Objektivnaya kartina mira v poznanii i yazihke. – M., 1990.

Статья поступила в редакцию: 19.09.14

УДК 81.114.4

Davaa Undarmaa, Shkuropatskaya M.G. ASSOCIATIVE CHARACTERISTICS OF ANIMALS' NAMES IN THE RUSSIAN SOCIETY. The article describes the everyday language consciousness of Russian native speakers, which is reflected in the real psychological sense of a word. The psychological meaning of a word is considered by us as part of a language / speech mechanism in the human part of the overall ensemble of mental processes and mechanisms with the inclusion of a person in the social interaction of various kinds. A free association experiment has been used as the main method for collecting linguistic material for the research. We analyzed more than 1,500 responses, which were given to 10 word-stimuli, indicating pets that are the key words for a certain linguistic culture. As representatives of a certain linguistics students of Altai State Academy of Education n.a. V. M. Shukshin were invited. Based on the analysis of associative fields words were put into 17 models of associating words, the description of which is devoted to the main contents of the article. In conclusion, the authors present an invariant model of associative meanings of the words, related to the given group of the vocabulary, on the basis of a quantitative analysis of the experimental material.

Key words: language as a property of an individual; associative meaning of a word; association model; semantic relations in "stimulus"-"reaction" correlation; names of animals.

Ундармаа Даваа, аспирант ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина», г. Бийск, E-mail: undaraa_0720@yahoo.com; М.Г. Шкуропатская, д-р филол. наук, проф. ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина», г. Бийск, E-mail: marina-shkuropac@mail.ru

АССОЦИАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ СОЦИУМЕ

Статья посвящена описанию обыденного языкового сознания носителей русского языка, которое получило отражение в реальном психологическом значении слова. Психологическое значение слова рассматривается нами как часть единого языкового / речевого механизма человека в составе общего ансамбля психических процессов и их механизмов с учетом включенности человека в социальные взаимодействия разных видов. В качестве основного метода сбора языкового материала использовался свободный ассоциативный эксперимент. Было проанализировано более полутора тысяч реакций, полученных на 10 слов-стимулов, обозначающих домашних животных, которые являются ключевыми словами для данной лингвокультуры. В качестве испытуемых привлекались студенты Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина. На основе анализа ассоциативных полей слов были получены 17 моделей ассоциирования слов, описанию которых посвящено основное содержание статьи. В заключение представлена инвариантная модель ассоциативного значения слов, относящихся к данной группе лексики, полученная на основе количественного анализа ассоциативного материала.

Ключевые слова: язык как достояние индивида. ассоциативное значение слова, модели ассоциирования, семантические отношения в парах «стимул»-«реакция», наименования животных.

Проблема значения слова всегда была одной из сложнейших для лингвистики, психологии, философии, культурологи. «Еще большие трудности возникали при психолингвистическом подходе к этой проблеме, пишет А.А. Залевская, поскольку перенесение в фокус внимания специфики значения как достояния индивида потребовало пересмотра логико-рационалистической трактовки значения, ставшей привычной и устойчивой традицией». [1, с. 215]. Многие дискуссионные вопросы возникали вследствие того, что во многих случаях смешивались или подменялись понятия из смежных, но неравнозначных сфер – языка как системы и языка как достояния индивида. Поскольку в своем исследовании мы стремимся осмыслить ментально-эмоциональное состояние среднего носителя русского и монгольского языков, свойственное определенному историческому моменту его жизни (и жизни общества) и отраженному в его языке, следует, хотя бы вкратце остановиться на трактовке значения как достояния индивида, представленной в современных психолингвистических исследованиях. Трактовка значения как идеального действия хорошо согласуется с идущей от Л.С. Выготского и А.А. Леонтьева тенденцией рассматривать значение как процесс, или, точнее говоря, как множество взаимодействующих процессов, «посредством которых достигается установление соответствия между воспринимаемой индивидом словоформой, социально признанным (системным) значением слова и тем, что благодаря этому «высвечивается» в индивидуальной картине мира (памяти) на разных уровнях осознанности в виде многообразных продуктов переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, так или иначе связанного и со словом, и с обозначаемым им объектом (действием и т.п.), и с текущей ситуацией, в которую включен называемый объект, и с эмоционально-оценочным переживанием всего вышеназванного активным и пристрастным субъектом» [1, с. 229-230]. При таком

подходе значение слова рассматривается как часть единого языкового / речевого механизма человека в составе общего ансамбля психических процессов и их механизмов с учетом включенности человека в социальные взаимодействия разных видов. Чтобы быть для человека средством познания и общения, значение слова, с одной стороны, должно быть «средством выхода на индивидуальную картину мира», вне которой никакое понимание не возможно, а с другой стороны, оно должно быть «средством соотнесения личных картин мира» (А.А. Залевская), для чего необходима общепринятая система значений слов, разделяемая социумом и выступающая в качестве инварианта. Благодаря посреднической функции, значение слова, с одной стороны, обеспечивает взаимопонимание между людьми, а значит, является объективным (системно-языковым). С другой стороны, системно-языковое значение должно быть преломлено через призму индивидуального опыта, поскольку основу для взаимопонимания составляет соотнесение индивидуальных картин мира. Таким образом, в действие вступает психологическая структура значения слова, в которой отражаются личные знания и переживания, но контролируемые и согласуемые с социально признанными системами значений, норм и оценок.

Важным источником и одновременно инструментом анализа языковой способности носителя языка является ассоциативный тезаурус (ассоциативно-вербальная сеть), выявляемый в свободном ассоциативном эксперименте. По мнению ученых, ассоциативный эксперимент позволяет зафиксировать восприятие и оценку мира в определенный исторический момент некоего безликого большинства членов общества, складывающегося из единичных сознаний отдельных индивидуальностей, большинство из которых может быть охарактеризовано как «средняя языковая личность», то, что называется «языковым миноритетом» [2, с. 779]. В нашем исследовании ассоциативный экспе-

римент был направлен на изучение «усредненного облика языкового минаритета» русского и монгольского социумов. Ассоциативные связи, выявленные в ассоциативном эксперименте, «отражают как некоторый экстралингвистический, отчасти когнитивный, стандарт – стандарт типичных ситуаций, связанных в сознании носителей языка с исходными ключевыми словами, так и психолингвистический стандарт – ассоциативные нормы, т.е. наиболее актуальные и устойчивые связи лексикона человека» [3, с. 28]. Не отрицая возможности индивидуальных отклонений от ассоциативных норм, мы считаем, что частотность появления той или иной реакции на заданный стимул подчиняется некоторым закономерностям, связанным с действием нескольких разноуровневых факторов. С одной стороны, ассоциативные связи являются частью прошлого опыта человека, сформированного профессиональной и обыденной деятельностью; его принадлежностью к определенной группе: гендерной, возрастной, социальной, национальной. С другой стороны, возникновение реакций на стимул опирается на сходство, похожесть, аналогию самих языковых единиц. Аналогия между стимулом и реакцией проявляется как в подобии формы и категориальных их признаков, так и в сходстве их содержаний.

Прежде чем перейти к анализу конкретного материала, останемся еще на одной проблеме, связанной с особенностями вербальной категоризации реальной действительности носителями разных языков, получившей отражение в ассоциативных связях слов. Речь идет о проблеме нетождественности вербальной категоризации в разных языках, которая понимается как «проблема нетождественности образцов социально значимых действий, в рамках которых реальная деятельность получает различное членение» [4, с. 7]. Целью нашего исследования является выявление национально-культурной специфики обыденного языкового сознания двух этносов – русского и монгольского, обнаруживаемой при идентификации значения ряда слов, обозначающих животных. Для решения данной проблемы сначала необходимо было произвести анализ моделей ассоциирования значения слов представителями каждого этноса в отдельности. Далее описываются результаты такого анализа, выполненного на материале русского языка с привлечением русскоязычных респондентов (в количестве 100 человек, для которых русский язык являлся родным, городских жителей; основной контингент испытуемых составили студенты разных вузов г. Бийска Алтайского края).

В ассоциативных полях слов реализовались следующие семантические типы отношений (и одновременно модели ассоциирования), которые связывают стимул и реакцию:

1) животное – продукты, получаемые от животного человеком:

Корова: молоко (69), **овца:** шерсть (37), шерсти (2), руно (2); **коза:** молоко (10), шерсть (4), пух (1); **свинья:** мясо (10), сало (3), кожа (1), **кролик:** мех (9), мясо (1), пух (1), пушок (1), шерсть (1), **як:** шерсть (8), молоко (2), жир (1), мясо (1); **верблюд:** шерсть (1); **лошадь:** мясо (1) (всего 364);

2) животное – изделие из животного продукта:

Корова: сметана (1); **овца:** носочки (1), пуловер (1); **свинья:** рулет (1), шашлык (1); **кролик:** шапка (2); **як:** еда (1), шуба (1), **лошадь:** колбаса (1) (всего 10);

3) животное – названия тела животного, части тела, органы, выделения организма, продукты его жизнедеятельности:

Верблюд: горб (25), горбы (6), слюна (3), умные глаза (1), **корова:** рога (5), вымя (1), пятна (1), хвост и пятна (1); **собака:** зубы (3), смешные лапки (1), умные глаза (1), шерсть (1); **коза:** рога (33), борода (5), рожки (2), большие рога (1), копыта (1), с рогами (1); **овца:** кудри (3), кудряшки (2), длинный волос (1), завитки (1), клоч (1); **кошка:** шерсть (4), когти (3), лапки (2), пушок (1), хвост (1); **лошадь:** грива (4), хвост (3), зубы (2), копыта (1); **свинья:** пятачок (5), пятак (3), рыльце (1); **кролик:** уши (14), ушки (2), зубы (1), **як:** рога (6) (всего 153);

4) животное – собственное общее обозначения (а также обиходные, сниженные и метафорические названия, клички):

Верблюд: животное (5), корабль (1); **корова:** Буренка (1); **собака:** домашнее животное (1); **коза:** животное (1), дрезина (2); **овца:** домашний скот (1); **кошка:** животное (10), Мурка (2), домашнее животное (1), домашняя (1), Пушок (1); **лошадь:** животное (3); **свинья:** животное (3), домашняя (1); хрюша (1), хрушка (1); **кролик:** животное (3); **як:** бык (19); животное (3), большой бык (1) (всего 62);

5) животное – название класса, подкласса, отряда, рода, породы:

Корова: крупнорогатый скот (1), **собака:** овчарка (4), дворняга (1), такса (1), таксы (1); **лошадь:** тяжеловоз (1); **як:** парнокопытное (1) (всего 10);

6) Животное – названия самок, самцов, детенышей, а также обиходные названия:

Корова: бык (1), теленок (1); **собака:** щенок (1), **коза:** козеп (6); **овца:** баран (3); **кошка:** кот (2), котенок (1); **лошадь:** конь (7), жеребенок (3); **свинья:** поросенок (3), кабан (2), поросята (1), розовый поросенок (1), хряк (1); **як:** корова (2) (всего 35);

7) Животное – название совокупности животных:

Корова: стадо (1); **овца:** стадо (6), отара (1) (всего 8);

8) животное – названия других животных:

Собака: кошка (1); **коза:** лягушка (1); **овца:** коза (1), корова (1), собака (1); **кошка:** мышка (7), собака (6), мышь (1); **лошадь:** свинья (1); **свинья:** лошадь (1); **кролик:** заяц (4), зайчик (2), собака (1); **як:** вол (1), осел (1), хряк (1) (всего 31);

9) животное – характерный признак – качество:

Верблюд: горбатый (1), коричневый (1), мохнатый (1), оранжевый (1), высокий (1), высота (1), **корова:** рогатая (1), толстая (1), волоокая (1); **собака:** коза: рогатая (3); белая (2), маленькая (1), утонченная (1), лопоухая (1); **овца:** кудрявая (3), кучерявая (3), белая (2), мягкая (2), большая (1), **кошка:** пушистая (7), серая (3), грация (2), лысая (1), теплое (1), черная (1); **лошадь:** сила (5), грация (4), большая (2), быстрая (1), величественность (1), высокая (1), грациозная (1), сильная (1), белая (1); **кролик:** пушистый (6), маленький (3), мягкость (3), мягкий (2), серый (2), белый (1), комочек (1), **як:** большой (8), сила (4), мощь (2), могущество (1), большое животное (1), глыба (1), рогатый (1) (всего 96);

10) Животное – характерное врожденное или приобретенное свойство:

Верблюд: выносливый (1); **собака:** добродушная (1), злока (1), строгость (1), блохастая (1); **коза:** вредная (2), вред (1), капризная (1), наглость (1), упертость (1), упорство (1), упрямство (1), хитрая (1), **овца:** грязная (1), упрямость (1), **кошка:** ласка (6), нежность (2), ласковая (2), уют (2), доброта (1), наглость (1), своеволие, гуляю где хочу (1); свободная (1); **лошадь:** свобода (3), дружелюбная (1), работяга (1), трудяга (1); **свинья:** грязь (38), грязная (6), любопытность (1), чумаза (1); **кролик:** страх (3), активность, трусость (1), плодятся как кролики (1), суета, спокойствие (1); **як:** гнев (1), неповоротливость (1), ярость (1) (всего 93);

11) Животное – исконная или приобретенная функция:

Верблюд: плевок (3), плювок (1), плюется (1), плюнуть (1), перевозчик (1); **корова:** мычит (2), мычанье (1), **собака:** лай (9), лает (4), кусает (2), лаять (2), вой (1), гавкает (1), охрана (5), сторож (4), охранник (2), охраняет (1), **коза:** бодает (2), прыгать (1) пасется (1); **овца:** блеет (2), беканье (1), бляение (1), бляеть (1); **кошка:** мурлыканье (3), спать (1); **лошадь:** скачки (5), работа (4), бежит (1), езда (1), ездить (1), работать (1), ржать (1), скачет (1); **як:** пасется (1) (всего 67);

12) Животное – характеристика совершаемой им функции:

Верблюд: медленно (1); **лошадь:** быстрая (1), галоп (1), скорость (1); **кролик:** быстро (3), быстрый (3), скорость (3) (всего 13);

13) Животное – отношение к человеку:

Корова: кормилица (1), **собака:** друг (21), верность (12), преданность (2), друг человека (1), дружба (1), спутник (1), верная (1), верный (1), верный друг (1); **лошадь:** добро (1) (всего 43);

14) животное – человек, имеющий отношение к животному:

Верблюд: арабы (2), араб (1); **корова:** пастух (1); **коза:** хозяин (1); **овца:** пастух (1) кавказец (1); **лошадь:** рыцарь (1), **як:** пахарь (1) (всего 9);

15) животное – место обитания (предметы, признаки, свойства этих мест):

Верблюд: пустыня (44), жара (4), песок (3), палящий (1), солнце (1), Азия (1), Марокко (1); **корова:** деревня (3), луг (3), пастбище (1), горы (1), холм (1); **собака:** будка (7), дом (3), двор (2), бездомная (1); **коза:** деревня (2), огород (1), полянка (1), горы (1); **овца:** поле (3), пастбище (3), деревня (1), горы (1), Кавказ (1), холм (1); **кошка:** дом (8), окно (1); **лошадь:** деревня (1), поле (1); **свинья:** деревня (1), дуб (1), лужа (1); **кролик:** нора (1); **як:** горы (3), вершина (1), Монголия (1), поле (1), скала (1), степь (1) (всего 114);

16) животное – корм для животного:

Верблюд: вода (2), кактус (1), колючка (1); **корова:** трава (4), сено (1); **коза:** трава (4), капуста (1); **овца:** трава (2); **кошка:**

мышка (7), молоко (3), вискас (1), мясо (1), мыш (1); **лошадь**: сено (4), овес (2); **свинья**: желудь (1); **кролик**: морковь (8), морковь (3), трава (2); **як**: трава (1) (всего 50);

17) животное – эмоциональное или оценочное отношение к животному:

Верблюд: умные глаза (1); **корова**: доброта (1), здоровье (1), балда (1), враг (1); **собака**: добро (1), красота (1), радость (1); **коза**: глупость (1), невежество (1); **овца**: глупость (3), глупая (2), дура (2), бестолковая (1), тупая (1), бедная (1); **кошка**: милая (1), покой (1); **лошадь**: красота (3), добро (1), красивая (1); **кролик**: нежность (1) (всего 28);

Все перечисленные виды семантических отношений являются средствами идентификации значения исходного слова – наименования домашнего животного – в обыденном сознании представителей русского этноса. Важное место в структуре

перечисленных отношений имеют те из них, которые представлены большим количеством реакций. Можно предположить, что у русских в основе ассоциативной модели значения слов, обозначающих домашних животных, находятся те модели ассоциирования, которые характеризуются значительной количественной мощностью (количеством слов-реакций, входящих в их состав). Перечислим данные модели: «животное» – «продукты, получаемые от животных»; «название частей тела животного», «характерные внешние признаки животного», «характерное врожденное или приобретенное свойство», «исконная или приобретенная функция», «места обитания животного», «отношение к человеку». Все остальные семантические характеристики образуют периферию модели ассоциативного значения слов данной тематической группы.

Библиографический список

1. Залевская, А.А. Значение слова и возможности его описания // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. – М., 2005.
2. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – М., 2002. – Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов.
3. Горюшко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков: М., 2001.
4. Сорокин, Ю.Н. «Культурный знак» Л.С. Выгодского и гипотеза Сепира-Уорфа / Ю.Н. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР; отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М., 1982.

Bibliography

1. Zalevskaya, A.A. Znachenie slova i vozmozhnosti ego opisaniya // Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: izbranniye trudiy. – M., 2005.
2. Karaulov, Yu.N. Russkiy associativniy slovarj kak noviy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazikovoy sposobnosti // Russkiy associativniy slovarj: v 2 t. – M., 2002. – T. 1. Ot stimula k reakcii: Ok. 7000 stimulov.
3. Goroshko, E.I. Integrativnaya modelj svobodnogo associativnogo ehksperimenta. – Kharjkov; M., 2001.
4. Sorokin, Yu.N. «Kuljturnij znak» L.S. Vihgodskogo i gipoteza Sepira-Uorfa / Yu.N. Sorokin, E.F. Tarasov, N.V. Ufimceva // Nacionaljno-kuljturnaya specifika rechevogo obsheniya narodov SSSR; отв. red. E.F. Tarasov. – M., 1982.

Статья поступила в редакцию 27.08.14

УДК 81'42

Andryushchenko O.K., Suyunova G.S. SPEECH ACT OF COMPLAINT: SEMANTICS, PRAGMATICS, TYPOLOGY.

The article is devoted to an analysis of a speech act of complaint, which is so significant for the Russian culture. We have researched an idiomatic constituent of a "complaint" lexeme in the Russian language, defined its semantic and pragmatic features. The research showed that the speech act of complaint has its specific structure, participants and intentions, the particular properties of which are stated by the authors of the paper.

Key words: speech act, semantics, pragmatics.

О.К. Андриященко, канд. филол. наук, зав. каф. русского языка и литературы Павлодарского гос. педагогического института, г. Павлодар, Казахстан, E-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru;
Г.С. Суюнова, д-р филол. наук, проф. каф. русского языка и литературы Павлодарского гос. педагогического института, г. Павлодар, Казахстан, E-mail: suynova_gulya@mail.ru

РЕЧЕВОЙ АКТ ЖАЛОБЫ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ТИПОЛОГИЯ

Статья посвящена анализу значимого для русской культуры речевого акта жалобы. Проводится исследование идиоматической составляющей лексемы «жалоба» в русском языке, определяется ее семантика и прагматика. Речевой акт жалобы имеет определенную структуру, участников и интенцию, особенности которых доказываются автором статьи.

Ключевые слова: речевой акт, семантика, прагматика.

Исследование национально-культурной специфики языка в настоящее время представляется чрезвычайно актуальным. В поле нашего зрения оказались перформативные речевые акты, важные для русского языкового сознания. Нами уже предпринимались попытки анализа речевых актов обещания [1] и клятвы [2], которые, с нашей точки зрения, особенно важны для политической коммуникации. В данной статье мы хотели остановиться на анализе речевого акта жалобы, значимого для русской культуры.

Как известно, в сокровищнице любого народа – пословицах, поговорках и фразеологических сочетаниях – заключен его многовековой опыт. Наличие какого-либо понятия в пословицах и поговорках выступает критерием его значимости для народа. Поэтому нам кажется целесообразным рассмотреть речевой акт жалобы в паремиях, изучение его места в речевой комму-

никации. Нами также проанализированы паремии, в которых эксплицитно отражен речевой акт жалобы.

Паремии особенно ярко характеризуют носителя любого языка, следовательно, использование понятия жалобы в пословицах, поговорках представляют собой большой интерес (паремии – краткие высказывания, в которых содержание является нравоучением).

В пословице *Жалеть вина, не видеть гостей* – жалость расценивается как отрицательное качество человека – встреча гостей во многих этносах воспринимается как показатель воспитанности, культурности, учтивости. Недаром женщина непременно

но получала характеристику гостеприимности как свое главное и отличительное качество.

В пословицах *Доброго чти, а злого не жалей, Бей дурака, не жалей кулака!*, *Чужого добра стыдно, а своего жаль, Не жалей того, кто скачет: жалей того, кто плачет* – жалость, наоборот, выступает как положительное / нейтральное качество человека. Одно из значений жалости – именно сочувствие другому человеку – сохранилось в большинстве паремий.

В таких пословицах, как *Жалеть не помочь, когда смерть пришла; Ради милого и себя не жаль; Встретил с радостью, а проводил с жалостью; Лучше жить в зависти, чем в жалости, Не жалей меня, пожалей себя* – жалость выступает как чувство противоположное сочувствию. Жалость как снисхождение к человеку, отношение к нему как к человеку «не своего круга» показывает отрицательное отношение русских к данной лексеме.

В паремиях *«Не жаль молодца не битого, не раненого, а жаль молодца похмельного»*; *«Не жаль себя, да жаль вина»* представленный языковой материал демонстрирует отрицательную оценочную коннотацию. То есть, изначально жалость характеризовалась как отрицательное явление. Даже если оно имело цель передать психологическое состояние печали, грусти, скорби, сокрушения: *В сиротстве жить – слезы лить. Зайцу да воробышу, а третьему – приемышу нет житья на свете хуже. Мать высоко замахивается, да не больно бьет; мачеха низко замахивается да больно бьет. Житие сиротам – что гороху на дороге: кто мимо идет, тот и урвет. Вдовети – беды терпели. Шей, вдова, широкие рукава, было бы во что жалеть небылые слова. Что в сердце варится – на душе не утаится. Видна печаль по ясным очам, а кручина по белу лицу.*

В более поздний период появились устойчивые сочетания, часто негативного характера «давить на жалость», «вызвать жалость» и другие. Несомненно, приведенный комплекс паремий показывает значение понятия «жалость» в русской языковой картине: это и отношение к жизни, человеку, и мировоззрение русского человека вообще.

Жалобу, как и другие речевые акты, например, просьба, клятва мы относим к директивам [3]. Особенностью этого класса речевых актов является то, что они побуждают к действию, в котором заинтересован жалующийся. Хотя некоторые виды жалобы можно отнести и к суггестивам. Например, «Я советую вам рассмотреть мою жалобу». Но в отличие от приказа, требования жалоба не подлежит обязательному рассмотрению, по нашему мнению. Приоритетную позицию занимает адресат: он решает, рассмотреть или не рассматривать данную жалобу. Основанием приоритета служит его социальная, статусная или ситуативная роль.

Ядром просьбы является запрос адресанта пишущего или говорящего, требующего или просящего выполнить какое-либо действие. Для характеристики акта жалобы важными являются следующие признаки: социальная иерархия «нижестоящие – вышестоящие», «обиженные на обидчика», «подчиненный на начальника или к начальнику». Поэтому приоритетность адресата более устойчива и важна.

Адресату очень важно выбрать правильную тактику, чтобы на жалобу получить положительный ответ или положительную реакцию.

Речевое действие жалобы занимает важное место в русской культуре. Толкование и традиции употребления данного понятия находим в словарях [4] и произведениях устного народного творчества (песен), паремиях. Наряду с признаками прагматического и семантического контекста при ситуации жалобы учитываются следующие индикаторы: а) эксплицитные перформативы, такие как «Прошу, просим, требую, требуем»; а такой глагол как «жаловаться» «я жалуюсь на то-то и то-то» почти не встречается в современных текстах жалобы. В более ранний период в жалобе употреблялись такие глаголы «жалобиться, бить челом» и они выступали часто и в первичном значении.

Речевой акт жалобы имеет место, как уже было отмечено, в разностатусных по отношению друг к другу коммуникантов, поэтому нужно выбрать тактику, оформить её нужными (правильными) средствами.

РА жалобы преимущественно находит отражение в асимметричной коммуникации, где инициаторами жалобы выступают занимающие более низкое социальное положение коммуниканты.

Описывая ситуации жалобы, мы будем в основном говорить о РА, условно подразумевая под ним некий универсальный акт,

приобретающий в контексте ситуации оттенки других возможных вариантов прескриптивов: собственно жалобу, жалобу – требование, жалобу-просьбу.

Под собственно жалобой иногда понимают РА, для которого характерна пресуппозиция достичь окончательного результата. Мы придерживаемся более широкого понимания жалобы как вообще всякой жалобы, основанной на праве: жалующийся убежден, что он имеет право пожаловаться и получить определенный ответ или удовлетворение на жалобу от адресата на выполнение. Это сближает жалобу и просьбу, потому что исполнение обеих всегда зависит от воли и желаний адресата; хотя в отличие от просьбы, жалоба чаще имеет положительное решение.

Самым частотным средством выражения РА жалобы является побудительное предложение с глаголами в форме повелительного наклонения. Жалоба в императивных предложениях может быть адресована как одному, так и нескольким: «Дай мне жалобную книгу – дайте мне жалобную книгу; прошу вас выделить мне – просим вас не отказать в рассмотрении этого вопроса».

Примечательно, что в ситуациях жалобы в отличие от других ситуаций значительно чаще используется форма императива 2 л. ед. ч. и, соответственно, обращение к адресату на «вы», что связано с авторитетной позицией принимающего жалобу. Обращение на «вы» считается нормативным независимо от возраста. Кроме того, чаще, чем в других директивных ситуациях, жалоба может адресоваться как коллективному адресату, т.е. группе адресатов, так и одному.

Таким образом, наиболее часто жалующийся обращается к адресату, используя глаголы *прошу, требую*. Жалоба редко реализуется с помощью глагола «жаловаться». В симметричной коммуникации говорящий может потребовать обещанного, что находит отражение в формуле *я прошу выдать мне заработную плату*. Как видно из примеров, в ситуациях жалобы используются лишь классические перформативы, т.е. высказывания, в которых речеактивный глагол выступает в форме настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения 2 л. ед. ч. и мн.ч. Отсюда следует, что для речевого акта жалобы характерны:

а) этикетные формы, ключевыми словами которого выступают глаголы «прошу», «прошу рассмотреть мою жалобу», отличие её от просьбы заключено в слове «жалоба»;

б) жалоба может выражаться и императивными предложениями, в состав которых входит форма повелительного наклонения в 1 лице единственного или множественного числа «Я требую рассмотреть мою жалобу», «мы требуем рассмотреть жалобу»;

в) в состав жалобы могут входить глаголы с обобщенной семантикой действия, например, исполнить – выполнить: «Прошу выполнить мою просьбу, выраженную в данной жалобе»;

г) в состав акта жалобы в современном русском языке часто входит глаголы «рассмотреть, выделить», которые перформативными глаголами не являются. В качестве индикатива в русском языке могут выступать и модальные глаголы, такие как «хотеть, желать» – «я хочу, желаю».

Речевой акт жалобы может выражаться косвенно: жалующийся предпочитает тактику намека, особенно это характерно для произведений устного народного творчества, это могут быть различные глаголы (пропил, бросил); имена прилагательные, часто усеченные (младехоньку), личные местоимения (меня, я, ты), обращения с использованием существительных с суффиксами субъективной оценки (батюшка, матушка).

При ситуации жалобы жалующийся может одновременно использовать несколько тактик. Сочетание императивных предложений или предложений с модальными глаголами *хочу, желаю, помогите, прошу, например, «в этой жалобе я прошу вас, помогите мне получить надлежащее жилье»*. «Помогите мне получить надлежащее жилье» – императивное предложение – «прошу»- модальный глагол в 1 лице единственного числа.

Таким образом, в современных жанрах жалобы сам глагол жаловаться выступает редко, суть жалобы маркируется другими глаголами или другими частями речи, среди которых особенно частотным является существительное «жалоба».

В русских пословицах и поговорках глагол *жаловаться* выступает в первоначальном значении и используется очень часто. Следовательно, глагол «жалеть» в речевом акте жалобы заменился другими глаголами, а о том, что это жалоба, может сказать только содержание высказывания или часто используемое существительное «жалоба».

Кроме существительного «жалоба» частотно и слово «жалость», например, «давить на жалость». Прилагательное «жалобный» – *жалобная книга*, глаголы «разжалобить, жаловать»

ся» употребляются не в прямом акте жалобы, а в опосредованном, например, жаловаться акиму, жаловаться на кого-то, разжалобить учителя.

Библиографический список

1. Андрищенко, О.К. Речевой акт обещания в предвыборной коммуникации: семантико-прагматический анализ // Язык: мультидисциплинарность научного знания. – 2013.
2. Андрищенко, О.К. Семантические и структурные особенности речевого акта клятвы в русском языке // Вестник КазНПУ им. Абая. – 2011. – № 1(35). – Сер. «Филологические науки».
3. Остин, Дж. Л. Слово как действие / пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: Современное написание: в 4 т. – М., 2003. – Т. 4.

Bibliography

1. Andryushenko, O.K. Rechevoyj akt obethaniya v predvibornoj kommunikacii: semantiko-pragmaticheskiy analiz // Yazyhk: multydisciplinarnost' nauchnogo znaniya. – 2013.
2. Andryushenko, O.K. Semanticheskie i strukturnye osobennosti rechevogo akta klyatvy v russkom yazhke // Vestnik KazNPU im. Abaya. – 2011. – № 1(35). – Ser. «Filologicheskie nauki».
3. Ostin, Dzh. L. Slovo kak deystvie / per. s angl. A.A. Mednikovoy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – M., 1986. – Vihp. 17. Teoriya rechevikh aktov.
4. Dal', V.I. Tolkovihy slovarj zhivogo velikogo russkogo yazhka: Sovremennoe napisanie: v 4 t. – M., 2003. – T. 4.

Статья поступила в редакцию 23.09.14

УДК 81-26; 821.161.1

Rybnikova E.E., Shunkov A.V. LINGUISTIC REPRESENTATION OF AN IDENTITY IN THE EPISTOLARY TRADITION OF THE TRANSITIONAL PERIOD (WITH SPECIAL REFERENCE TO OFFICIAL LETTERS OF TSAR ALEXEY MIKHAILOVICH). The article considers epistolary heritage of Tsar Alexey Mikhailovich within the linguistic representation of his identity. Relevant questions of describing a person's verbal behavior in diachrony of the Russian language are determined. In this research describing a person's verbal characteristics is followed by considering the linguistic situation of a corresponding historical era. A comprehensive analysis of the historical linguistic identity is conducted, including description of the structural and semantic and communicative features of the language and style of Tsar Alexey Mikhailovich. Such analysis is very promising for the general theory and methodology of modern anthropological and linguistic directions. Description of the identity represented by speech of Tsar Alexey Mikhailovich allowed to reveal stylistic features of the official correspondence and to determine the discursive features of his speech portrait, as well as the status of the Russian language system as it was in the transitional period. The results of the detailed and level strategic analysis using sufficient speech materials allowed revealing not only an individual style of the linguistic identity of the historic elitist, but also the style of the Russian literature of the second half of the 17 century.

Key words: linguistic identity, historical linguistic identity, language situation, discourse, epistolary genre, literary works of Tsar Alexey Mikhailovich.

Е.Е. Рыбникова, канд. филол. наук, доц. каф. литературы и русского языка Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: ree-elena@yandex.ru; А.В. Шунков, канд. филол. наук, доц., проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПИСЕМ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА)

В статье рассматривается эпистолярное наследие царя Алексея Михайловича в аспекте языковой репрезентации его личности. Поставлены актуальные вопросы описания речевого поведения человека в диахронии русского языка, последовательно решаемые от описания речевых особенностей личности к рассмотрению языковой ситуации исторической эпохи. Проведен комплексный анализ исторической языковой личности, включивший описание структурно-семантических и коммуникативных особенностей языка и стиля царя Алексея Михайловича. Описание языковой репрезентации личности царя Алексея Михайловича позволило выявить стилевые черты официальной переписки и определить дискурсивные особенности его речевого портрета. Результаты исследования позволили раскрыть на богатом речевом материале не только индивидуальный стиль исторической элитарной языковой личности, но и стиль эпохи русской литературы второй половины XVII века.

Ключевые слова: языковая личность, историческая языковая личность, языковая ситуация, дискурс, эпистолярный жанр, литературное творчество царя Алексея Михайловича.

Особенностью современного этапа развития в науке является антропоцентричность. Проблема человеческого фактора в языке – одна из основных в лингвистике XX–XXI вв. Это проявляется в том, что язык рассматривается не в самом себе и для себя, а в тесной связи с человеком – его мышлением, сознанием, духовно-практической деятельностью. Интерес исследователей к языковой личности обоснован, поскольку невоз-

можно глубоко познать язык, не обратившись к его создателю и пользователю. Осуществляя свой языковой выбор, человек максимально самовыражается. В итоге слово в устной или письменной речи является не просто наименованием, а отражает речевые, мировоззренческие и поведенческие особенности субъекта коммуникации. При этом участник коммуникации в своем речевом поведении отражает не только личный языковой

опыт, но и опыт социума, нации. Именно поэтому изучение языковой личности, и особенно «личности другой исторической эпохи» [1, с. 18], остается актуальным направлением современной лингвистики [2; 3; 4].

В этом контексте эпистолярный фонд царя Алексея Михайловича является одним из интереснейших объектов для исследования обозначенной проблемы, поскольку позволяет охарактеризовать особенности языковой манеры яркой исторической личности переходной эпохи в развитии русской книжной культуры.

В исследовательской литературе, посвященной изучению творчества царя Алексея Михайловича, неоднократно уже отмечалось особое пристрастие монарха к письму [5; 6, с. 181–191]. «Он очень любил писать и в этом отношении был редким явлением своего времени...», — отмечал С. Ф. Платонов [7, с. 412]. Подтверждением особой страсти царя к литературной деятельности является солидный архив [8, с. 385–388] его сочинений, включающий в себя свыше 900 единиц и представляющий делопроизводство приказа Тайных дел, утвержденного в 1654 году и выполнявшего функции личной канцелярии царя. Среди бумаг, составляющих фонд приказа (РГАДА. Ф. 27)¹, находятся и грамоты, послания семье, ближайшему окружению царя, составленные при участии Алексея Михайловича, и непосредственно им самим. Любовь царя к сочинительству является уникальной еще и в том плане, что она не вписывается в средневековую традицию, принятую Русью от Византии, запрещавшей монарху оставлять на бумаге «чернения государевой руки», и тем самым демонстрирует появление в русской книжной культуре переходного времени новой личности писателя². Для исследователя графологическая особенность посланий царя представляется важной, так как полностью доказывает их принадлежность Алексею Михайловичу. «Писал сие письмо все многогрешный царь Алексей рукою своею. Аще и черно писание сие, но мило-сердно и приятно» (из письма к Г. Ромодановскому) [РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 305. Л. 28]. В архиве приказа сохранились и такие послания царя, в которых автор просит прощения у своего адресата за то, что письмо написано не его рукою, при этом обязательно указывается и причина этого обстоятельства: «Да не покручинитесь, государыни мои светы, что не своею рукою писал, — голова тот день болела, а после лехче», «да не покручинитесь, что не своею рукою писал: ей, недосуи и дела многия» [9, с. 3, 8]. Современники (особенно иностранные послы³) были единодушны в оценке Алексея Михайловича как одного из книжно образованных людей московского общества второй половины XVII века.

Следы его разносторонней начитанности, церковной, библейской и светской, обнаруживаются во всех произведениях, написанных при непосредственном участии монарха. Стиль посланий царя демонстрирует высокий уровень владения книжным языком. Одновременно писательской манере царя присущи приемы, выходящие за рамки книжной традиции и тем самым позволяющие оценивать Алексея Михайловича как писателя, владеющего не только приемами архаики, но и допускающего отход от законов эпистолярной культуры Древней Руси. Необычайно широкий языковой диапазон посланий служит подтвер-

ждением его писательской индивидуальности. Исследователи отмечают в грамотах и посланиях царя разговорность стиля, легкую насмешку, обилие личных просьб. Кроме того, «дружеские» послания государя отличает особая сердечность и искренность. «Всякое горе, всякая беда находили в его душе отклики и сочувствие. Он был способен и склонен к самым теплым и деликатным дружеским утешениям, лучше всего рисуящим его глубокую душевную доброту» [7, с. 417]. Царь Алексей высказывался легко и просто, любил пофилософствовать в своих произведениях. Впечатлительная, живая и добрая натура царя делала его склонным к веселью и шуткам. Встречаются письма, которые были написаны сложным, «тарабарским» языком⁴ (например, письмо к стольнику А. И. Матюшкину). В серьезных письмах и сочинениях он любит использовать цветистые книжные обороты, но они никогда не отвлекали адресата от основной мысли послания. В его посланиях нет подражания: все продумано, осмыслено, из каждой фразы смотрит живая и ясная мысль, он привык размышлять над тем, что говорит и о чем пишет. Эта особенность языка Алексея Михайловича становится ценной, поскольку она отражает все те изменения, которые произошли в языковой системе XVII века и запечатлены в сочинениях монарха.

Тот факт, что царь Алексей Михайлович обладал литературным талантом и питал особую страсть к ремеслу книжника, широко известен и представлен во многих исследованиях, посвященных изучению эпохи правления монарха. Интерес исследователей к архиву царя, в котором представлены как документальные, так и литературные сочинения Алексея Михайловича, сохраняется уже на протяжении трех столетий. Объемы же самого рукописного наследия, его наполнение и своеобразие с точки зрения литературной природы входящих в него документов позволяют каждый раз обращаться к нему с новых сторон [10, с. 3–18; 11, с. 184–188; 12, с. 140–178; 5], подчеркивая тем самым писательскую незаурядность царя Алексея.

Условно весь эпистолярный фонд царя Алексея Михайловича в зависимости от практической предназначенности (грамоты или послания, по тем функциям, которые им отводились в речевой коммуникации) можно разделить на две группы: официальная и неофициальная переписка. Так, например, официальная переписка (грамоты, содержащие распоряжения по делам дворцового хозяйства, описания военных походов, послания монаршим особам Европы или адресованные своему окружению и др.) в большинстве случаев составлена при участии дьяков приказа Тайных дел [2] и в отдельных случаях содержит правки, внесенные рукою царя. Данная группа писем в основном выдержана в книжном стиле. Неофициальная переписка, носившая частный, личный характер, позволяет отметить более свободную манеру изложения материала, менее всего связанную каноническими правилами письма.

Эпистолярная форма лучше всего позволяет человеку проявить индивидуальные качества, она является ярким выражением личностного начала в тексте. В центре внимания статьи находятся письма официальной переписки, которые, на наш взгляд, позволяют определить своеобразие языковой личности царя Алексея Михайловича. Рассмотрим своеобразие и уникаль-

¹ Российский государственный архив древних актов, г. Москва. В дальнейшем по тексту статьи используется официальная аббревиатура – РГАДА.

² Этикет, заимствованный из Византии, предусматривал возможность записывания речи монарха штатом писцов. См.: История русской литературы: в 4 т. / под ред. Н. И. Пруцкова. Л.: Наука, 1980. Т. 1. С. 294; Панченко, А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. – С. 20–21; Буланин, Д. М. Последнее столетие древнерусской книжности / под ред. Д. М. Буланина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Наука, 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 4; Калугин, В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1998. С. 138.

³ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии // Утверждение династии / Авт.-сост. А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. М., 1997. С. 240–406; Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 1–42; Путешествие в Московию барона Августа Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М., 1874; Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Выпуск 1 (От Алеппо до земли казаков) // Чтения в обществе истории и древностей российских, Книга 4 (179). 1896. С. 3–10; Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М.: Российские семена, 1996. 368 с.; Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. – Репринтное издание 1864 г. СПб.: Альфарет, 2008. 584 с.

⁴ Письмо публиковалось не раз, что свидетельствует об интересе исследователей к столь необычному эпистолярному сочинению Алексея Михайловича. Впервые письмо было опубликовано в Летописи занятий Археографической комиссии за 1885–1887 гг. (СПб., 1895. Вып. 10. Отд. II. С. 38). Однако русской науке оно известно намного ранее его первой публикации. В предисловии к «Собранию писем царя Алексея Михайловича» (1856) П. Бартевев, не приводя его в своем издании, упоминает о нем и дает пересказ содержания письма. В 1898 г. письмо публикуется фототипическим способом Н. Кутеповым во 2-м томе «Царской охоты на Руси...» (С. 104). Во второй половине XX века А. М. Панченко приводит письмо в своей монографии (См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 68–69).

⁵ Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М., 1862. Кн. I. (Раздел «Смесь»).

ность стиля русского монарха, проявляющиеся на разных языковых уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом.

Анализируя лексический состав грамот царя, носящих официальный характер, стоит отметить, что по своему происхождению его можно разделить на следующие группы: заимствованную, церковнославянскую, древнерусскую, экспрессивно-оценочную и эмоционально-окрашенную.

Заимствования в своих письмах Алексей Михайлович употребляет нечасто. В основном, это лексические единицы, относящиеся к военной терминологии (из немецкого, французского и турецкого языков), и слова, касающиеся международных отношений и государственного устройства (из греческого и латинского языков). Характерно, что заимствованные слова употребляются в письмах царем только по необходимости. Основная часть используемой лексики является по своему происхождению древнерусской. Приведем некоторые примеры: «...Да буди тебе въдомо, что нам, великому государю, Калмыки доби́ли челом и **шертованные** записи прислали, и мы послали список с тѣх **шертованных** записей к тебе...» [13, с. 731] (**ШЕРТЬ** – из араб.-турк. *şart* – «соглашение, условие» – ж. стар. присяга мусульман на подданство); «...Да промысли ты тебе **сѣваков** больших... чтоб всему были гораздо **гаразды** по **партесу** и голоса бы были хороши и отлики бас и дышканы и прочие...» (из посланий В.В. Бутурлину) [13, с. 732–733] (**ПАРТЕСНЫЙ** – от латин. *partes* – «части, роли» – церковное многоголосное пение); «Дѣлать тебе, боярину нашему и воеводу, по сей нашей великого государя грамотѣ, будет у Полских комиссаров в мирном совершении правды не чаять...» (из посланий князю Ю. А. Долгорукову) [13, с. 758–759] (**КОМИССАР** – франц. *commissaire*, от средневекового лат. *commissarius* – «уполномоченный» – в некоторых странах должностное лицо с административными или полицейскими функциями); «...а которые есть на Москвѣ **рейтары** и **гусары** и салдаты, и вы б есте высылали их и велѣли ставитца по мѣстом безсрочно...» (**ГУСАР** – венгерск. *Huszar* – военный из частей легкой кавалерии, отличавшихся особой формой венгерского образца) (**Наказы боярину И. В. Морозову**) [13, с. 721]; «...а Божественная писанія не воспоминаю: не надѣйтесь на **кесари**, на сыны челоуѣческія, в них же нѣсть спасенія, изыдет дух их и возвратится в землю свою» (**КЕСАРЬ** – гр. *kaisar* от соб. лат. *Caesar* – «цезарь» – владыка, монарх) (**Наказ окольничему князю И. И. Лобанову-Ростовскому**) [13, с. 744]; «Приде к нам, великому государю, во уши, что, за милостию Божіею, тебе, добронадежному **архистратигу**...» [13, с. 751]; (**АРХИСТРАТИГ** – греч. *Архистратигός* – «главнокомандующий» – титул главнокомандующего в Древней Греции; эпитет архангелов, военачальников ангельских небесных сил); «...и при всем нашем царском **синклитѣ** и по всему нашему Московскому государству служба твоя явно прославляется...» (**СИНКЛИТ** – от греч. *synkletos* – «созванный совет» – собрание высших сановников) (**Наказы боярину В. Б. Шереметеву**) [13, с. 751]; «Как пошел на море, по какому случаю к митрополиту **ясырь** присылал?» (**ЯСЫРЬ** – турец. *Esir* – «узник войны» – пленник) (**Статьи государева письма о расспросе Разина**) [13, с. 735].

В контексте официальной переписки важное место занимают послания и грамоты Алексея Михайловича церковнослужителям. Они написаны высоким стилем с преобладанием церковной лексики. Но церковную лексику царь Алексей Михайлович употреблял не только в письмах к деятелям церкви. Почти в каждом письме можно обнаружить церковные лексемы, устойчивые выражения религиозного характера или цитаты из Священного Писания. Делает царь это с разными целями: когда нужно сообщить о каком-то событии (информативная), подбодрить собеседника, упрекнуть в чем-либо; цитаты из Библии помогают более понятно донести мысль до адресата: «...прося у Бога милости, промышлять над Крымом, сколько **милосердый Бог** помощи подаст, и над городами промышлять всячески...» (**Письма к боярину В.В. Бутурлину**) [13, с. 732].

Примером послания, в котором раскрывается точное знание монархом церковных обрядов, может быть названо письмо, адресованное Никону о смерти патриарха Иосифа.

«...Избранному и крѣпкостоятельному **пастырю** и наставнику душ и тѣлес наших, милостивому, кроткому, **благосердому, беззлюбивому, но и паче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесных овец...**, «...Пишу сице **свѣтлосіяющему в архіереях аки солнцу свѣтящему по всей вселеннѣй...**, «...преосвященному и пресвѣтлому **митрополиту Никону...**» (**Письмо Никону о смерти патриарха Иосифа**) [14, с. 151, 152].

Частотны употребления устойчивых сочетаний с церковной семантикой: «О крѣпкій воине и страдальче **Царя небеснаго, о возлюбленный мой любили и содружбниче, святой владыко...**» [14, с. 152], «...и мы по **милости Божіи** и по вашему **святительскому благословенію**, как есть истинный **царь христіанский** наричуся...», «Да буди тебе **великому святителю**, въдомо: за грѣхи всего **православного христіанства**, но и паче и за мои **окаянные грѣхи**, Содѣтель и Творец и Бог наш изволил взять от здѣшняго прелестнаго и лицемѣрнаго **свѣта отца нашего и пастыря великого, господина кир Иосифа, патриарха московскаго и всеа Русіи**, изволил его вселити в **нѣдра Авраама и Исаака...**, «...а мати наша **соборная и апостольская церква** вдовствует...» (**Письмо Никону о смерти патриарха Иосифа**) [14, с. 152, 153].

Экспрессивно-оценочной и эмоционально-окрашенной лексики в своих официальных посланиях царь почти не употребляет. Если в грамотах царя и встречаются оценочные и бранные слова, то они чаще всего впоследствии оказываются вычеркнутыми или замененными на более мягкие эквиваленты. Используя в своих письмах элементы разговорной речи царь высказывает свое мнение о ситуации. В результате этого первоначально деловая грамота приобретает уже черты литературного послания. «И ты, враг, **злодѣй окаянный** (Зачеркнуто: «**блудин сын, сукин сын**». – Примеч. ред. изд. 1861 г.), к нам не писал ничево...» (**Письмо сокольнику П. Тоболину, 20 апреля 1655 г.**) [13, с. 733]; «...а **такова дурака, Васьки Ярова, со отписками отнюдь бы не присылал...**» (**Письмо к П.С. Хомякову, 28 декабря 1667 г.**)⁵.

К морфологическим особенностям языка монарха можно отнести преобладание глаголов первого лица множественного числа над глаголами первого лица единственного числа в тех случаях, когда речь идет о самом пишущем (царе), и употребление глаголов второго лица единственного числа в обращении к адресату. Глаголы первого лица единственного числа употребляются в Письме Никону о смерти патриарха Иосифа, в котором царь Алексей Михайлович пишет о себе, как об одном из многих: «...А я тебе потом, **великому господину, челом бью...**». Особенно часто в посланиях монарха встречаются глаголы в повелительном наклонении: «...**Как вам ся наша грамота придет, вѣлели собрать к смотру и сказали б есте наш государев указ, чтоб шли к нам, великому государю, со всею службою и з запасы...**» (**Наказы боярину И. В. Морозову, 1655 г.**) [13, с. 720]. Такие грамматические особенности характеризуют деловые письма царя, среди которых много распоряжений и наказов, что, в свою очередь, свидетельствует о лидерских качествах государя.

Примечательно, что Алексей Михайлович в своих письмах нередко использует устаревшие формы прошедшего времени глагола – имперфект («...с **какою похваляю славною и с какою жесточью и како зубами своими, яко дивии зѣври, скрежетаху на церковь Божію и на тебя, боярина нашего и воеводу...**» (**Наказы боярину В. Б. Шереметеву**) [13, с. 753] и перфект: «...**Се уже есть время приближилось...**» (**Письма к боярину князю Ю. А. Долгорукову, 30 сентября 1659 г.**) [13, с. 762]; «...и, **воскричав есаком великому Чюдотворца Сергия, наших государевых врагов и измѣнников победили есте...**» (**Наказ окольничему князю И. И. Лобанову-Ростовскому, 1659 г.**) [13, с. 747]. Данные формы, ... утратившиеся к XVII веку в устной речи, использовались еще в церковных книгах. Поэтому при использовании их в письменной речи высказывание приобрета-

ет несколько религиозный характер. По стилю послание становится похожим на образцы житийной и летописной книжности со свойственными им торжественностью, возвышенностью и образностью.

Не менее показательны и грамматические формы местоимений, используемых автором в речевой практике. Местоименные формы, употребляемые царем Алексеем Михайловичем, немногочисленны. Для обозначения себя в письмах он использует устоявшуюся форму «*мы*», так называемое множественное число величия. Кроме того, после местоимения царь добавляет свой титул — «великий государь». ... В «Письме Никону о смерти патриарха Иосифа» Алексей Михайлович наравне с местоимением множественного числа «*мы*» употребляет личное местоимение единственного числа «*я*» и энклитическое местоимение единственного числа «*мя*», тем самым одновременно уравнивая себя с другими людьми и выделяя из общества себя, просящего монарха. Необходимо заметить, что форма местоимения «*мя*» является по своему происхождению старославянской и чаще всего употреблялась в молитвах и религиозных текстах. Поскольку «Письмо Никону о смерти патриарха Иосифа» выдержано в церковном стиле, употребление данной формы местоимения в тексте можно считать обоснованным.

Грамматические формы прилагательных, употребляемые Алексеем Михайловичем в его официальной переписке, представлены церковнославянским и русским вариантами. Как известно, в XVII столетии употреблялись два варианта флексий прилагательных муж. рода ед. числа — «*-ой*» («*-ей*») и «*-ый*» («*-ий*»). Выбор определенной флексии обусловлен характером письма и адресатом.

«О *крѣпкий* воине и *страдалыче* царя *небеснаго*, о *возлюбленный* мой *любимиче* и *содружебниче*, *святый* *владыко*...»; «...и *мы* по *милости* *Божіи* и по *вашему* *святительскому* *благословению* как *есть истинный* царь *хрістіанский* *наричюся*...»; «...А как *великій* *отец* наш и *пастырь*, *святыйшии* *Іосиф* *патриарх*...» (Письмо Никону о смерти патриарха Иосифа 1652 г.) [14, с. 151, 152, 153] — окончания, характерные для старославянского языка.

«Посланник приходил от *Свейского* *Карла* *короля* *думной* *человѣк* ...»; «...а он *де*, *Курлянской*, *ему*, *королю*, *друг* ...»; «...И *мы*, *великій* *государь*, *отказали* *тѣм*, *что* *подданной* *Полскому* *королю* ...»; «*Подлинно* *Радивил* *да* *Гасевской* *пришли* *под* *Новой* *Быхов* ...»; «...и *обоз* *взяли* *с* *300* *возов*, и *досталной* *обоз* *взяли* ...»; «...и *с* *Смоленска* *молодой* *Соколинской* и *два* *Ляпуновых* *измѣнили* ...» (Письма к А. С. Матвееву, 1655 г.) [13, с. 727, 728]; «...а *которой* *хлѣб* *солдатцкой*, и *вы* *б* *есте* *тотчас* *вѣли* *вѣсть* *в* *Смоленск* ...» (Наказы боярину И. В. Морозову, 1655 г.) [13, с. 721].

Как видно из приведенных примеров, формы прилагательных на «*-ый*» («*-ий*») царь Алексей Михайлович употребляет в тех случаях, когда речь идет о ситуации религиозного характера. Данные слова наделены христианской семантикой, и написание их соответствует старославянской орфографической традиции. В эпоху падения редуцированных в старославянском языке редуцированные [ы] и [и] изменились в [ы] и [и] полного образования. Данная форма сохранилась только в книжной речи, и использование ее в письмах Алексея Михайловича ограничивается религиозной тематикой. В остальных случаях в заударной позиции используется флексия «*-ой*» («*-ей*»), которая, являясь сугубо русской, широко распространена была в устной речи XVII века, в то время как в литературном языке данная форма сохраняется только под ударением.

К речевым особенностям личности государя можно отнести и частотное употребление книжных флексий прилагательных женского рода Род. пад. на «*-ья*» («*-ия*»): «...всѣя *Великия* и *Малыя* и *Бѣлыя* *Росіи* *самодержца*...»; «...поклонитиса *образу* *Пречистыя* *Богородицы* ...»; «...а *буде* на *конечныя* *роты*, *вели* *потому* *же* *разступатся* *или* *тем* *конечным* *ротам* *отдаваться* и *заходить* *за* *полк* ...»; «...и *пред* *образом* *Пречистыя* *Матере* *Его*, *Пресвятыя* *Богородицы* ...»; «...но и *до* *самыя* *смерти* *понуждают* *себе* *страдати* и *страждут*...»; «...испрося у *Господа* *Бога* *милости* и *заступления* у *Всепетыя* и *Пренепрочныя* *Матере* *Божия* ...»; «...по *всей* *воли* *его* и по *повелению* *его*, *еже* *о* *людех* и *общия* *ползы* ...». Являясь по происхождению церковнославянскими, формы на «*-ья*» («*-ия*») встречаются в основном в книжной речи. В устной и разговорной речи употребляются исконно русские формы на

«*-ой*» («*-ей*»), которые возникли из более старых «*ья*» («*ия*»). Русские формы употребляются в письмах реже: «...не *пишешь* *ни* *одной* *строки*...» (Письмо боярину князю Я. К. Черкасскому Косому, 19 апреля 1655 г.) [13, с. 731].

Употребление книжных форм прилагательного свидетельствует о грамотности, начитанности царя и о его следовании книжным традициям письма. Появление же сугубо русского окончания «*-ой*» у прилагательных в сочетании с существительными в род. падеже говорит о начавшемся сближении письменной литературной речи и речи разговорной. Алексей Михайлович, будучи одним из самых образованных людей столицы, демонстрирует свою осведомленность и в современном ему состоянии языка.

Однако на уровне некоторых форм имени прилагательного (форма род. пад. ед. числа муж. рода) наблюдается неразличение вариантов окончаний, например «*-аго*» и «*-ого*». Обе формы свободно употребляются Алексеем Михайловичем в письмах и позволяют определить тенденцию в формировании парадигмы русских полных прилагательных. «О *крѣпкий* *воине* и *страдалыче* царя *небеснаго*...»; «...*моли* *за* *мя*, *грѣшнаго* ...»; «...*Содѣтель* и *Творец* и *Бог* *наш* *изволил* *взять* *от* *здѣшняго* *прелестнаго* и *лицемѣрнаго* *свѣта* *отца* *нашего* и *пастыря* *великаго*...» (Письмо Никону о смерти патриарха Иосифа, 1652 г.) [14, с. 151, 152, 153]. В некоторых случаях наблюдается одновременное использование обоих вариантов флексии: «...и *зело* *оскорбляемся* *двойнаго* и *неутешнаго* *ея* *плача*: *перваго* *ея* *плача* *неумице* *тебе* *Богом* *даннаго* и *истинна* *супруга* *своего* *пред* *очима* *своима* *всегда*, *второго* *плача* *ея* — о *восхождении* и *разлучении* *от* *лютаго* и *яроснаго* *зверя* *драгаго* и *единоутробнаго* *птєнца* *своего*, *напрасно* *отторгнутаго* *от* *утробы* *ее*...»; «...а *такого* *простоумишеннаго* *яда* *под* *языком* *его* *не* *ведали* ...» (Письмо к думному дворянину А. Л. Ордину-Нащокину, 14 марта 1660 г.) [РГАДА. Ф. 96 (Сношения со Швецией). Оп. 1. 1660 г. Ed. Xp. 2. Л. 93].

Характерной особенностью писем царя Алексея Михайловича является наличие объемных сложных предложений. Иногда из одного предложения может состоять целый абзац послания или даже целое письмо. Такие сложные предложения употребляются царем, когда он перечисляет много связанных друг с другом мыслей, указаний или событий, либо это ряды однородных членов, которые не могут быть отделены друг от друга. Кроме того, подобные объемные предложения представляют собой своеобразный поток сознания, мысли, приближающийся к живой, разговорной речи. «Список с *Государевы* *грамоты* *слово* *в* *слово*, *какова* *прислана*, *Его* *Государева* *рукою* *писана*, *в* *Воскресенской* *монастырь*, и *по* *сей* *грамотѣ* *прозвася* *Новый* *Іерусалим*»: «...Сын *твой* *возлюбленный*, царь *Алексій*, *челом* *бьет*: *изволишь*, *Государь*, *про* *нас* *вѣдать*, и *мы* *милостію* *Божією* и *твоими*, *отца* *нашего*, *молитвами* *пришли* *в* *Саввинский* *монастырь* *октября* *в* *1* *день* *в* *четвертом* *часу* *дни* *дал* *Бог* *здорово*; а *потом* *тебѣ*, *Отцу* *своему*, *челом* *бью* *на* *хлѣбе*; *да* *ты* *же* *жалуешь*, *пишешь*, *тужишь* *о* *нас*, и *аще* *Бог* *даст* *живы* *будем* *за* *твоими* *пресвятыми* *молитвами*, и *паки* *не* *зарекалися* и *не* *зарекаемся* и *паки* *пріѣзжати*, а *старца* *твоего* *Государева* *Новаго* *Іерусалима* *препокои*, *отпустил* *к* *тебѣ* и *стрѣльцов* *Саввы* *чудотворца* *пятнадесять* *человѣк* *послал*: царь *Алексій* *со* *многую* *любовію* *радостною*, *ლობазь* *честную* *десницу* *твою* *Государеву*, *челом* *бью*...» [15, с. 146].

Алексей Михайлович очень часто употребляет в своих письмах и грамотах сравнительные конструкции: «...*Пишу* *сице* *светло* *сияющему* *в* *архиереях*, *аки* *солнцу*, *свѣтающему* *по* *всей* *вселенней*...» (Письмо Никону о смерти патриарха Иосифа, 1652 г.); «...Еще *же* *скорбим* и *о* *сожителнице* *твоей*, *яко* *же* *и* *о* *пустыножилице* и *единопробывателнице* *в* *дому* *твоем*...»; «...А *нежели* *в* *печаль* *владычи* *или* *воскочити* *яко* *еленю* *на* *источники* *водныя*...»; «...А *он* *человек* *малодой*, *хочет* *создания* *владычня* и *творения* *рук* *Его* *видеть* *на* *сем* *свѣте*, *яко* *же* *и* *птица* *летает* *семо* и *овами*...» (Письмо думному дворянину Афанасию Лаурентьевичу Ордину-Нащокину, 14 марта 1660 года) [РГАДА. Ф. 96 (Сношения со Швецией). Оп. 1. 1660 г. Ed. xp. 2. Л. 91–105]. Образы, используемые царем в качестве сравнений, раскрывают его литературный талант, демонстрируют умелое использование книжных, художественных оборотов в контексте письма.

В своих посланиях Алексей Михайлович очень часто цитирует Священное Писание. Эти тексты помогают ему лучше сформулировать свою мысль, донести смысл сказанного до адресата, подбодрить в тяжелое время своей мудростью, упрекнуть, показав на примере, к чему приводят гордыня, предательство и гнев. Духовная атмосфера, в которой жил царь Алексей, его воспитание, характер и чтение церковных книг развили в нём религиозность. По понедельникам, средам и пятницам царь во все посты ничего не пил и не ел и вообще был ревностным исполнителем церковных обрядов. К почитанию внешнего обряда присоединялось и внутреннее религиозное чувство, которое развивало у царя Алексея христианское смирение. Он был с детства приучен к книгам, в том числе церковным, и часто использовал цитаты из них, чтобы подтвердить свои слова, усилить выразительность и убедительность речи.

В результате проведенного исследования, посвященного описанию языковой личности царя Алексея Михайловича на материале официального эпистолярного наследия, мы приходим к выводу, что эта языковая личность интересна не только с точки зрения истории, но и, несомненно, имеет большую ценность для лингвистических исследований. Эпистолярное наследие царя огромно и разнообразно по стилю и по тематике и представляет собой феномен русской литературы второй половины XVII века. Послания и грамоты Алексея Михайловича демонстрируют необыкновенный писательский талант царя, его индивидуальный стиль письма, проявляющиеся на всех языковых уровнях. Также его официальный эпистолярный обладает ярко выраженными интонационными особенностями. За счет разнообразия речевых конструкций передается настроение адресанта и его отношение к ситуации – ирония, радость, недовольство, сострадание.

На лексическом уровне особое внимание привлекает большое количество церковной лексики и слов с религиозной семантикой, что связано с характером самого царя, его начитанностью, образованностью и религиозностью. Используемая заимствованная лексика свидетельствует о культурной и военной образованности царя. Употребление же ее только по необходимости говорит о стремлении Алексея Михайловича сохранить родной язык. Была отмечена способность переключаться с одного регистра на другой (с книжной речи на разговорную), что

также свидетельствует об образованности царя. Морфологический уровень позволяет проследить, как отражались изменения в русском языке XVII столетия в речи самых образованных людей столицы. Употребление форм личных местоимений и глаголов в повелительном наклонении способствует субъективизации языковой личности. Использование старославянских форм слов говорит о традиционном подходе, ориентированном на церковно-славянские книги, что свидетельствует об элитарности личности. На синтаксическом уровне наблюдается тенденция к сближению письменной и устной речи за счет использования сложных объемных предложений, соединяющих в себе несколько простых с помощью союзов. Отличительной особенностью является большое количество цитат из церковных книг, отражающих мировоззрение и личностные качества царя. Письма Алексея Михайловича являются уникальными в силу своего «среднего» положения: некоторые из них сохраняют каноническую форму эпистолярного послания, в других же происходит усиление личностного начала, приближающее деловое письмо к публицистике.

В результате дискурсивного анализа языковой личности царя Алексея Михайловича были выявлены две основные речевые стратегии, используемые автором: стратегия самопрезентации, реализующаяся большей частью имплицитно, и стратегия прямого речевого воздействия на адресата. Для данных стратегий характерны определенные тактики («самовозвеличение» и «самоуничижение»; просьба, приказ и поручение) и коммуникативные ходы (обобщение, контраст, приведение примеров). Данные речевые стратегии и тактики направлены на манипулирование сознанием адресата, что способствует достижению Алексеем Михайловичем определенных политических целей.

На основе анализа писем мы пришли к выводу, что Алексей Михайлович Романов обладал необычайными писательскими способностями и обширными языковыми возможностями. Продолжая, с одной стороны, эпистолярную традицию Древней Руси, царь в то же время преобразует устоявшиеся формы письма, стирая границы между деловым посланием и публицистикой, что отражает не только переходные процессы, происходившие в языке XVII века, но и в русской литературе и культуре в целом.

Библиографический список

1. Аникин, Д.В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет»: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004.
2. Гурлянд, И.Я. Приказ великого государя Тайных Дел. – Ярославль, 1902.
3. Конавская, Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). – М., 2000.
4. Попова, О.В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004.
5. Шунков, А.В. Жанр послания в русской литературе XVII века (на материале эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича). – Кемерово, 2006.
6. Шунков, А.В. Авторское слово в русской эпистолографии 2-й половины XVII века (на материале семейной переписки царя Алексея Михайловича) // «Acta Neophilologica» XII, 2010 / Rocznik naukowy Instytutu neofilologii.
7. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993.
8. Путеводитель по ЦГАДА СССР: в 4 т. – М., 1991. – Т. 1.
9. Письма русских государей и других особ царского семейства. Письма царя Алексея Михайловича. – М., 1896. – Т. V.
10. Душечкина, Е.В. Статейный список 1652 г. как литературный памятник // Уч. зап. Тартус. ун-та. – Тарту, 1975. – Вып. 369. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение.
11. Душечкина, Е.В. Царь Алексей Михайлович как писатель. Постановка проблемы // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции / отв. ред. В. Г. Базанов. – М., 1976.
12. Кротов, М.Г. Послания царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа. (Этюд из исторической психологии) // Герменевтика древнерусской литературы XVI – начала XVIII веков. – М., 1989.
13. Записки отделения русской и славянской археологии. – СПб., 1861. – Т. 2.
14. Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856.
15. Начертание жития и д-яний Никона патриарха Московского и всея России. Сочинение архимандрита Аполлоса. – М., 1845.

Bibliography

1. Anikin, D.V. Issledovanie yazykovoy lichnosti sostavitelya «Povesti vremennikh let»: dis. ... kand. filol. nauk. – Barnaul, 2004.
2. Gurlyand, I.Ya. Prikaz velikogo gosudarya Taynykh Del. – Yaroslavl, 1902.
3. Konyavskaya, E.L. Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI – seredina XV v.). – M., 2000.
4. Popova, O.V. Yazykovaya lichnost' Ivana Groznogo (na materiale deloviykh poslaniy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Omsk, 2004.
5. Shunkov, A.V. Zhanr poslaniya v russkoy literature XVII veka (na materiale ehpisto'yarnogo naslediya carya Alekseye Mikhaylovicha). – Kemerovo, 2006.
6. Shunkov, A.V. Avtorskoe slovo v russkoy ehpisto'lografii 2-y poloviny XVII veka (na materiale semeynoy perezpiski carya Alekseye Mikhaylovicha) // «Acta Neophilologica» XII, 2010 / Rocznik naukowy Instytutu neofilologii.
7. Platonov, S.F. Lekcii po russkoy istorii. – M., 1993.
8. Putevoditel' po CGADA SSSR: v 4 t. – M., 1991. – T. 1.
9. Pisjma russkikh gosudarey i drugih osob carskogo semeystva. Pisjma carya Alekseye Mikhaylovicha. – M., 1896. – T. V.
10. Dushchikina, E.V. Stateyniy spisok 1652 g. kak literaturniy pamyatnik // Uch. zap. Tartus. un-ta. – Tartu, 1975. – Vihp. 369. Trudih po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie.
11. Dushchikina, E.V. Carj Alekseyj Mikhaylovich kak pisatel'. Postanovka problemih // Kul'turnoe nasledie Drevney Rusi. Istoki. Stanovlenie. Tradicii / отв. ред. В. Г. Базанов. – М., 1976.

12. Krotov, M.G. Poslaniya carya Aleksey Mikhailovicha o smerti patriarkha Iosifa. (Ehtyud iz istoricheskoy psikhologii) // Germenevtika drevnerusskoy literatury XVI – nachala XVIII vekov. – M., 1989.
13. Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii. – SPb., 1861. – T. 2.
14. Sobranie pisem carya Aleksey Mikhailovicha. – M., 1856.
15. Nachertanie zhitiya i d'yaniy Nikona patriarkha Moskovskago i vsey Rossii. Sochinenie arhimandrita Apollosa. – M., 1845.

Статья поступила в редакцию 11.09.14

УДК 81.

Sajdumova K.N. ABOUT USING PHRASEOLOGY FOR EXPRESSING THE VERBAL AGGRESSION IN DAGESTAN RUSSIAN-LANGUAGE PRESS. The article is devoted to the problem of verbal aggression in Dagestan Russian-language press, which is evidence of a low standard of speech not only of journalists, but also of other inhabitants of Dagestan Republic. In the paper much attention is given to the use of resources of phraseology for expression negative emotions of Dagestanian journalists. The main contents of the research is an analysis of phraseological units, which are the means of verbal aggression in Dagestan mass media. Based on the analysis, the author states that in Dagestan press a means of expressing aggression is comprised by low-colloquial idioms and proverbs. These phraseological units are used by journalists not only intact, but also in a creatively modified style. In addition, in some cases negative evaluation of the statement with phraseological units increases through the use of stylistically marked vocabulary in a certain context.

Key words: verbal aggression, means of expressing aggression, phraseological units, Dagestan newspapers, Dagestan journalists.

К.Н. Сайдумова, соискатель каф. русского языка ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. технический университет», преп. русского языка и литературы Технического лицея филиала ДГТУ, г. Дербент, E-mail: midnighttrain@ya.ru

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИИ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ДАГЕСТАНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

В статье рассматривается проблема речевой агрессии в дагестанских русскоязычных печатных СМИ как свидетельство низкой речевой культуры жителей Дагестана. Автор подробно останавливается на одном из аспектов проблемы: использовании дагестанскими журналистами фразеологических единиц в качестве средства выражения негативных эмоций. Анализируются примеры использования фразеологизмов, пословиц и поговорок для реализации речевой агрессии в дагестанской прессе. Анализ позволяет автору утверждать, что средством агрессии в письменной речи дагестанских журналистов служат стилистически сниженные фразеологизмы и фразеологические выражения, которые употребляются в тексте как в неизменном виде, так и трансформированными. В некоторых случаях негативная оценка высказывания, в котором присутствует фразеологизм, может быть обусловлена также наличием в контексте стилистически маркированной лексики.

Ключевые слова: речевая агрессия, средства выражения агрессии, фразеологизмы, дагестанские газеты, дагестанские журналисты.

Современные русскоязычные печатные СМИ Дагестана играют немаловажную роль в формировании речевой культуры жителей республики. В последние годы в республике наблюдается рост количества людей, владеющих русским языком. При этом уровень культуры русской речи дагестанцев год от года снижается, что особенно заметно в речевом поведении журналистов русскоязычных изданий. Часто из-за неумения выразить собственные мысли, дагестанские авторы пренебрегают нормами общения и заменяют точность высказывания эмоциональностью речи, выбирая агрессивный тип речевого поведения. В связи с этим особое внимание требует проблема речевой агрессии, которая в местных газетах выступает ярким свидетельством низкой речевой культуры не только журналистов, но и жителей Дагестана вообще.

В качестве эмпирической базы исследования мы выбрали негосударственные (независимые) печатные СМИ республики как наиболее релевантные для исследования речевой агрессии. В этих газетах интерпретация преобладает над информированием, в связи с этим случаи проявления субъективного авторского отношения здесь встречаются очень часто. По сути, стиль независимых дагестанских газет представляет собой тип оппозиционной прессы. В них часто имеют место такие характерные оппозиционным текстам черты, как: построение дискурса с позиций конфликта; выражение интенции сарказма; гипертрофированная область отрицательных оценочных номинаций [1] и т.п. В результате в этих изданиях широко распространяется речевая агрессия.

Речевая агрессия – это «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое речевое поведение,

в основе которого лежит одностороннее эмоциональное негативизирующее воздействие на адресата» [2, с. 254]. Агрессия в тексте газеты в основном проявляется в двух формах: 1) в форме прямого призыва адресата к нужным автору действиям; 2) в форме вызова у адресата или поддержания у него агрессивного состояния предметом и структурой речи [3]. Агрессивное речевое поведение характеризуется как конфликтное, неэффективное, конфронтационное (некооперативное). Это противоречит главному закону общения – закону объединения партнеров (общение должно быть эффективным, гармонизирующим, неконфликтным и т.д.). Выбирая агрессивный тип речевого поведения, журналист нарушает нормы общения, вольно или невольно наносит вред не только читателям, но и себе: «несоблюдение этических норм приводит к моральному ущербу не только для адресата (или иного лица, о котором шла речь), но и для адресанта, поскольку нравственный человек всегда, даже в случае невольного нарушения норм этики, испытывает стыд и угрызения совести» [4, с. 4].

В дагестанских газетах используются различные средства языка для реализации агрессии: стилистически окрашенная лексика, жаргонизмы, варваризмы, ирония, языковая игра и др. В данной статье остановимся подробнее на таком средстве выражения агрессии в дагестанской прессе, как фразеологизмы (в том числе пословицы и поговорки).

Дагестанские журналисты часто обращаются к фразеологическим богатствам русского языка с целью усиления экспрессивной окраски речи. Под экспрессивностью мы понимаем «такие признаки языковой / речевой единицы, благодаря которым говорящий / пишущий выражает свое субъективное отношение

к содержанию речи или ее адресату (через категории эмоциональности, оценочности, образности и интенсивности)» [5, с. 521]. Если эмоции автора, которые он стремится выразить в тексте, негативные, то в ход идет стилистически сниженная фразеология, разговорные и просторечные обороты: «Также нет сомнений, что последствия кризиса скажутся и на жизни простых россиян и дагестанцев, ведь руководство страны обязательно хочет стать «полноценным членом Европейского союза», но подобного статуса России никто не даст, а это означает, что очень скоро каждый из нас на собственной шкуре ощутит все «прелести» нового формата общественно-политических взаимоотношений» (Новое дело, от 24.08.2012); «На наследие наше наезжают бульдозерами (Андийская стена), пробивают бреши (Нарын-Кала), безобразно «реставрируют» старые мечети (Казикумух), топят (Урцекинское городище), поджигают и рушат (мечеть и дом Магомеда Ярагского, сел. Вини-Яраг). А министру *хоть бы хны*» (Настоящее время, от 12.03.2010); «Совсем недавно прошли юбилей одного поэта, который жил во времена Расула Гамзатова. Ничем интересным этот поэт широкой публике не известен. <...> И не вспомнили бы о нем, если бы не его дети, которые просто *плешь проели* всем по поводу юбилея своего покойного отца» (Свободная Республика, от 15.11.2013).

Агрессия дагестанского журналиста выражается и в употреблении эмоционально-экспрессивных оборотов с отрицательной окраской (пренебрежительных, предосудительных и презрительных): «В республике почти все свадебные corteжи грубейшим образом нарушают правила движения: для них нет светофоров, запретных знаков, они *ни в грош не ставят* свои и чужие жизни» (Новое дело от 01.05.2013); «Консолидированная воля народа, общественное мнение, контроль общества над властью – всё это уже миф и красивая ширма, дымовая завеса, за которой *нечистые на руку* чиновники и оборотни в погонах вершат свои дела» (Настоящее время, от 03.12.2010); «Большинство из тех, кто сегодня сидит без работы, повторюсь, просто не хотят работать. Им легче *висеть на шее* у предыдущего поколения, нежели каждый будний день тащить свою задницу на работу» (Свободная Республика, от 27.07.2012). В последнем примере негативная окраска высказывания усилена контекстом, в котором присутствует грубая лексика.

Намерение журналиста высмеять предмет речи эффективно реализуется в удачном соединении в одном высказывании двух сниженных оборотов, иронически характеризующих обозначаемое лицо: «Очевидно, что ничто так не мешает Изудинову *держат нос по ветру*, как *ветер в собственной голове*» (Настоящее время, от 09.03.2012).

Ироничные фразеологизмы используются журналистами как средство выражения насмешки в адрес обозначаемого лица: «Он [Ч. Соннен, спортсмен. – К.С.] давно не боец. <...> Он делает всё, чтобы покинуть промоушен и полностью переключиться, наконец, на телевидение. А между прочим, у него это очень хорошо получается. *Язык без костей* – самое то на телевидении» (Черновик, от 22.11.2013); «Наморщив лоб и подняв указательный палец вверх, инспектор по исполнению административного законодательства (ИАЗ) из кабинета №4 оgorошил Руслана *открытием* еще одной «америки», сказав, что сроки лишения права управления ТС, назначенные по административному делу и по уголовному, складываются» (Новое дело, от 05.04.2013).

Выражая свои негативные эмоции, дагестанские авторы не только вводят в текст готовые обороты, но и используют фразеологизмы и фразеологические выражения в качестве «сырья», которое подлежит «творческой обработке» [6, с. 121]. При этом действуют различные приемы обработки фразеологической единицы.

Чаще всего автор расширяет состав устойчивого словосочетания, вводя один или несколько новых компонентов. Например: «*Хлеб – всему голова. Особенно когда на другое нет денег*» (ср.: «Хлеб – всему голова») (Новое дело, от 26.04.2013). Авторское «додумывание» пословицы перевернуло ее смысл, что помогло журналисту создать ироничный заголовок.

Другой частый прием журналистской обработки фразеологизма – сокращение его состава: «Президент UFC Дэна Уайт *слов на ветер ... бросает*» (Черновик, от 01.03.2013). Опустив частицу «не» во фразеологизме, автор иронически охарактеризовал обозначенное лицо как человека, говорящего без пользы, необдуманно. Переработанный журналистом оборот привлекает внимание читателя, заставляя «споткнуться» на этом заголовке. Воздействующий эффект заголовка был бы намного меньше, если бы фразеологизм в нем использовался в неизменном виде, ср.: «Президент UFC Дэна Уайт бросает слова на ветер».

Преобразование фразеологизма (фразеологического выражения) в дагестанских газетах может осуществляться путем замены одного или нескольких компонентов в его составе другими. Так, в заголовке «*Сколько чиновника ни корми...*» (Настоящее время, от 04.10.2013) журналист использовал сразу два приема обработки пословицы: изменен лексический состав пословицы путем замены «волка» на «чиновника»; сокращен состав фразеологического выражения, лишившегося второй части (ср.: «Сколько волка ни корми, он всё в лес глядит»). Благодаря такой обработке заголовок приобрел острый иронический эффект.

Имеет место в качестве средства речевой агрессии в дагестанской прессе и контаминация фразеологизмов, помогающая журналисту облечь свой упрек в необычную форму: «А доходит это дело, на мой взгляд, до полного абсурда. Вышние чины государства не гнушаются *сунуть свои, выдавшие виды, носы* в этот музыкальный шабаш европейского масштаба [О «Евровидении». – К.С.] (Свободная Республика, от 24.05.2013).

Наконец, большой заряд агрессии несут в себе фразеологизмы, в состав которых входят элементы грубой лексики: «Это очень печально, но следует признать тот факт, что у нас всё новое и прогрессивное пробивает себе дорогу только тогда, когда старое *сдохнет и завоняет*. А до тех пор, пока можно терпеть, у нас никто *задницу от стула не оторвет* и не начнет что-либо менять» (Свободная Республика, от 22.06.2012).

Таким образом, фразеологизмы служат популярным средством выражения речевой агрессии в дагестанских СМИ. При этом практически во всех случаях используется экспрессивно-эмоциональная и стилистически окрашенная фразеология с негативной оценкой. Фразеологизмы, пословицы и поговорки, выступающие средством выражения негативных эмоций, употребляются журналистами как в неизменном виде, так и творчески обработанными. Негативная оценка высказывания, содержащего фразеологизм, в некоторых случаях усиливается за счет использования в контексте грубой лексики.

Библиографический список

1. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2006.
2. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2006.
3. Лопухова, Е.Ю. Речевая агрессия в СМИ и преступность [Э/р]. – Р/д: <http://www.cjt.nnov.ru/pravo/mnenie.htm>
4. Савова, М.Р. Каковы «правила игры» в общении? // Начальная школа плюс до и после. – 2004. – № 2.
5. Язык средств массовой информации: учеб. пособ. для вузов / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008.
6. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка. – М., 2010.

Bibliography

1. Yazhikovo-stilisticheskie izmeneniya v sovremennikh SMI // Stilisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj russkogo yazhka / pod red. M.N. Kozhinoy. – M., 2006.
2. Voroncova, T.A. Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivniy podkhod: dis. ... d-ra filol. nauk. – Chelyabinsk, 2006.
3. Lopukhova, E.Yu. Rechevaya agressiya v SMI i prestupnostj [Eh/r]. – R/d: <http://www.cjt.nnov.ru/pravo/mnenie.htm>
4. Savova, M.R. Kakovi «pravila igrj» v obshhenii? // Nachaljnaya shkola plus do i posle. – 2004. – № 2.
5. Yazhik sredstv massovoy informacii: ucheb. posob. dlya vuzov / pod red. M.N. Volodinoj. – M., 2008.
6. Golub, I.B. Stilistika russkogo yazhka. – M., 2010.

Статья поступила в редакцию 05.09.14

УДК 81.119

Tikhonenko M.A. A TERM AS A COMPONENT OF CULTURE. The research is devoted to consideration of terms as components of culture. Special attention is paid to the role of proper names in the processes of term formation. The formation of terms on the basis of a proper name is very topical in the sense of preservation and transferring of cultural, historical and scientific heritage to the next generations. As one of the tasks of the research an attempt to track the way of crossing of a term and culture is undertaken.

Key words: term; culture; science language; proper name; society; mineral.

М.А. Тихоненко, преп. ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: tikhonenkomarina@gmail.com;

ТЕРМИН КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена рассмотрению термина как компонента культуры того или иного народа. Особое внимание обращено на роль имени собственного в процессах терминообразования. Продуцирование терминов на базе имени собственного очень актуально в плане сохранения и передачи культурного, исторического и научно-го наследия следующим поколениям.

Ключевые слова: термин, культура, язык науки, имя собственное, социум, минерал.

На современном этапе развития филологической парадигмы лингвисты стали исследовать языковые единицы в тесной связи с культурой – «специфическим способом организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [1, с. 292].

В «Большом энциклопедическом словаре» представлено следующее определение: «Культура (от лат. cultura – возделывание, воспитание, развитие, почитание) – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [2, с. 607].

В «Словаре русского языка» находим семь значений лексемы «культура», из которых наиболее актуальны для нашей статьи следующие: 1. Совокупность достижений человечества в области производственной, общественной и духовной жизни // Совокупность таких достижений в определенную эпоху у какого-либо народа или класса общества. 2. Уровень, степень развития какой-либо отрасли хозяйственной или умственной деятельности [3, т. 2, с. 148].

Понятие «культура» в «Словаре английского языка и культуры» (Dictionary of English Language and Culture) определено следующим образом: «Culture – the customs, beliefs, art, music, and all the other products of human thought made by a particular group of people at a particular time» [4] («Культура – обычаи, верования, искусство, музыка и другие плоды человеческой мысли определенной группы людей в определенное время». – Перевод С.Г. Тер-Минасовой) [цит. по: 5, с. 14]. Таким образом, культура представляет собой набор социально приобретенных знаний, итоговый результат знания, облеченный в языковую форму.

Иное определение культуры находим у лингвокультурологов. Так, В.А. Маслова трактует её как «свод «правил игры» коллективного существования, набор способов социальной практики, хранимых в социальной памяти коллектива, которые выполняются людьми для социально значимых практических и интеллектуальных действий» [6, с. 17-18].

Культурная информация, которая актуальна для общества, репрезентируется в языке с помощью знаков. Накопление, хранение, использование и передача знаний от поколения к поколению происходит посредством закрепления культуры в знаковой форме. Поэтому В.А. Маслова характеризует язык как «продукт культуры» и как «фактор формирования культурных кодов» [7, с. 6]. Ю.М. Лотман видит в культуре знаковую систему и определяет её как «семиосферу», подчёркивая её глобальный характер. Л.Ю. Буянова высказывает следующее мнение: «Наука как культурный феномен является определяющей цивилизационную перспективу когнитивной сферой социума, формообразующим основанием его культуры» [8, с. 183].

Культурная направленность исследований распространяется и на терминологию разных областей знания и человеческой

деятельности: «В терминах наиболее наглядно обнаруживается связь развития языка с историей материальной и духовной культуры народа» [9, с. 8]. З.Р. Палютина пишет, что термины как единицы языка «отражают как научное, так и социокультурное мировоззрение в целом и связаны с языком и существующими в нём системами понятий» [10, с. 9].

Термин существует и функционирует в такой глобальной сфере, как наука, научное, специальное знание. В настоящее время наука имеет огромное влияние на развитие общества и теснейшим образом связана с культурой, поэтому термин является уникальным языковым средством репрезентации культурного знания. Когнитивная сфера общества как результат эволюции культуры в целом актуализируется в русском языке терминологией, основной единицей которой выступает термин.

Термин как единица общенационального языка связан с культурой как глобальным процессом развития общества. Исследование связи термина и культуры опирается на внутреннюю форму самого понятия «культура», который является производным от латинского глагола colere и имеет три основных семантических компонента: 1) обрабатывать, возделывать, 2) возвращать, 3) населять, обитать [11, с. 14].

Наука, культура и социальная жизнь какого-либо народа непрерывно развиваются, что определяет и динамизм термина как важнейшее его свойство. Термин кодирует специфическую информацию, навечно запечатлевая и отражая все культурно значимые достижения в области как традиционных, так и инновационных производств, сфер деятельности, технологий: в химии, геологии, минералогии, биологии, медицине, искусстве и т.д. Именно поэтому «терминология не является устойчивой, или неизменным слоем лексики языка. Прогресс в самых различных областях человеческой деятельности неизбежно ведет к непрерывному изменению и развитию систем терминов. Вечная новизна науки, эволюция и динамика терминологии создают условия неизбежной вариативности терминов на любом этапе развития области знания» [12, с. 49].

В жизни общества нет ни одной сферы, формирование и эволюция которой не сопровождалась бы одновременным развитием и упорядочением её терминологии. Многие свойства термина как знака, кодирующего культуру, присущи, например, терминам терминологической системы области «Минералогия».

Являясь вербальным средством оперативной деятельности в профессиональной сфере и главным инструментом профессиональной коммуникации, минералогические термины как вербализованная основа языка науки формируют единое интегративное терминологическое пространство языка минералогии.

Большинство наименований минералов образовано на базе имен собственных, которые как фрагмент языковой картины мира содержат значительный информационный культурно-исторический потенциал, ассоциируясь в нашем сознании с известными людьми, мифологическими героями, географическими названиями.

Самую многочисленную группу составляют названия минералов, образованные на базе имен и фамилий выдающихся

людей. Первым, кто ввел в минералогию персональные названия, был Авраам Вернер, немецкий геолог и минералог, основатель научной школы, разработавший классификацию горных пород и минералов. Самым ранним наименованием является термин *пренит*, введенный А. Вернером в 1783 году. Минерал *пренит* был обнаружен голландским капитаном Х. фон Преном на мысе Доброй Надежды и назван в его честь. Примерно в то же время А. Вернер дал названия *торберниту* в честь шведского химика и минералога Торберна О. Бергмана и *витериту* в честь английского ученого У. Витеринга.

В большинстве названий минералов увековечены имена ученых, и в первую очередь тех, которые связаны с изучением Земли. Это минералоги, кристаллографы, геологи, петрографы, геохимики, горные инженеры, а также коллекционеры и торговцы минералами. Есть минералы, названные в честь ученых других специальностей – химиков, физиков, математиков, астрономов, медиков, а также в честь писателей, поэтов, философов, путешественников, политических деятелей. Так, например, фосфат *беловит* назван в честь академика Н.В. Белова, который основал российскую школу рентгеноструктурного анализа. К этой группе можно отнести и минералы, *рентгенит* и *кюриит*, названные в честь В. Рентгена, описавшего в 1895 году новый вид электромагнитных волн, и П. Кюри, открывшего полоний и радий.

Чести быть увековеченными в названиях минералов удостоиваются не только ученые, но и личности, известные своими достижениями в других сферах человеческой деятельности. Например, *лермонтовит* назван в честь М.Ю. Лермонтова, русского поэта. Некоторые минералы названы в честь политических деятелей: *джефферсонит*, *рузвельтит* (Томас Джефферсон – видный деятель Войны за независимость США, один из авторов Декларации независимости, 3-й президент США в 1801-1809, один из отцов-основателей этого государства, выдающийся политический деятель, дипломат и философ эпохи Просвещения; Франклин Рузвельт – 32-й президент США, одна из центральных фигур мировых событий первой половины XX века, возглавлял США во время мирового экономического кризиса и Второй мировой войны).

На языковую репрезентацию терминосферы «Минералогия» существенное влияние оказали внеязыковые факторы её становления и эволюции в процессах развития цивилизации и культуры в целом, что отражает важнейшую социолингвистическую функцию языка как главного атрибута культуры и национального самосознания.

Такова, например, история названия *александрита* – минерала, хромсодержащей разновидности хризоберилла. Этот редкий камень был открыт в XVIII веке шведским минералогом Нильсом Норденшельдом на прииске изумрудов в окрестностях Екатеринбурга. Камень решили назвать в честь царевича Александра, приурочив находку ко дню его совершеннолетия 17 апреля 1834 года. Данному решению способствовало и то, что в этом минерале объединились цвета военного флага Российской империи – зеленый и красный. Александрит был очень ред-

ким и дорогим камнем, поэтому он очень быстро получил признание элиты.

Жизнь человека неразрывно связана с религией. Язык и религия – это те фундаментальные факторы, которые определяют народный менталитет, формируют национальные, языковые, религиозные картины мира разных народов. Имена героев мифопоэтических преданий также послужили производящими базами / основами в процессах терминологического образования: *орфеит*, *нелтунит*, *поллунит*, *касторит*, *зевит*, *танталит* и др.

Названия минералов по местам их находок составляют вторую по численности группу. В качестве примеров подобных наименований можно назвать *везувиан*, найденный на горе Везувий (Италия), *ильменит*, найденный в Ильменских горах на Урале. Многие названия минералов связаны со странами, где они были впервые найдены. Среди них *кубанит* (Куба), *иракит* (Ирак), *иранит* (Иран), *суринамит* (Суринам).

Иногда минералы характеризуются довольно необычными названиями. Примером такого рода может служить *транквилиит*, минерал, который открыт в породах, собранных в море Спокойствия на Луне в ходе экспедиции космического корабля «Аполлон-11». Открытый в 1971 году силикат *раит*, структура которого была определена лишь в 1997 году с использованием синхротронного излучения, назван в честь международной экспедиции (1969-1970 гг.) на папирусной лодке «Ра» под руководством норвежского путешественника Тура Хейердала.

Активное использование антропонимов как мотивирующих основ / баз в терминопроизводстве свидетельствует о тесной связи процессов терминологического образования с национальным менталитетом, научными достижениями, культурно-историческими факторами, мифолого-религиозным сознанием человека. Это подтверждает и тот факт, что традиция образования терминов на базе антропонимов существует много веков. Так, еще в XVIII столетии Карл Линней, известный шведский ученый, при разработке принципов создания ботанических терминов продуктивным источником для названий считал имена великих людей. Ведь имя содержит информацию о личности ученого, о его вкладе в науку, об этапах развития научной мысли.

В подобных терминах основным механизмом когнитивного освоения мира, по мнению Т.Г. Борисовой, является «так называемая терминологическая аллюзия: мотивирующая база / основа (имя собственное) «намекает», указывает на особую «историю» того или иного термина, а специализированный формант кодирует специфическую когнитивную информацию («минерал»). Имена собственные, на базе которых образованы термины-дериваты, содержат важную культурно-историческую информацию об известных людях, мифологических героях, географических названиях» [13, с. 220].

Продуцирование терминов на базе имени собственного очень актуально в плане сохранения и передачи культурного, исторического и научного наследия следующим поколениям, что подтверждает истину, высказанную А.Ф. Лосевым: «В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия...» [14, с. 33].

Библиографический список

1. Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group Ltd., 1993.
2. Борисова, Т.Г. Когнитивные механизмы деривации: деривационная категория вещественности в современном русском языке: дис. ... д-ра. филол. наук. – Краснодар, 2008.
3. Словарь русского языка / гл. ред. А.П. Евгеньев: в 4 т. – М., 1981-1984. – Т. 2.
4. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.
6. Палютина, З.Р. Теоретические основы цивилизационного направления в исследовании терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
7. Маслова, В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
8. Буянова, Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: монография. – Ставрополь, 2010.
9. Гринев, С.В. Введение в терминоведение. – М., 1993.
10. Лосев, А.Ф. Философия имени // Самое само: сочинения. – М., 1999.
11. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2004.
12. Тененева, И.В. Проблема синонимии в английской фототехнической терминологии // Научно-техническая терминология. – М., 2001. – Вып. 1.
13. Борисова, Т.Г. Когнитивные механизмы деривации: деривационная категория вещественности в современном русском языке: дис. ... д-ра. филол. наук. – Краснодар, 2008.
14. Лосев, А.Ф. Философия имени // Самое само: сочинения. – М., 1999.

Bibliography

1. Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group Ltd., 1993.
2. Borisova, T.G. Kognitivnihe mekhanizmihi derivacii: derivacionnaya kategoriya veshchestvennosti v sovremennom russkom yazihke: dis. ... d-ra. filol. nauk. – Krasnodar, 2008.

3. Slovarj russkogo yazihka / gl. red. A.P. Evgenjeva: v 4 t. – M., 1981-1984. – T. 2.
4. Filosofskijj ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 1983.
5. Ter-Minasova, S.G. Yazihk i mezhkuljturnaya kommunikaciya. – M., 2000.
6. Palyutina, Z.R. Teoreticheskie osnovih civilizacionnogo napravleniya v issledovanii terminologii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Ekaterinburg, 2005.
7. Maslova, V.A. Lingvokuljturologiya. – M., 2001.
8. Buyanova, L.Yu. Terminologicheskaya derivaciya v yazihke nauki: kognitivnostj, semiotichnostj, funkcionaljnostj: monografiya. – Stavropolj, 2010.
9. Grinev, S.V. Vvedenie v terminovedenie. – M., 1993.
10. Losev, A.F. Filosofiya imeni // Samoe samo: sochineniya. – M., 1999.
11. Stepanov, Yu.S. Konstantih: slovarj russkoj kuljturh. – M., 2004.
12. Teneneva, I.V. Problema sinonimii v anglijskoj fototekhnicheskoy terminologii // Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya. – M., 2001. – Vihp. 1.
13. Borisova, T.G. Kognitivnihe mekhanizmih derivacii: derivacionnaya kategoriya vethestvennosti v sovremennom russkom yazihke: dis. ... d-ra. filol. nauk. – Krasnodar, 2008.
14. Losev, A.F. Filosofiya imeni // Samoe samo: sochineniya. – M., 1999.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 81.119

Tikhonenko M.A. THE SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF TERMS AS SPECIAL LINGUISTIC UNITS. The paper studied characteristic features of functioning of terms as special linguistic units. The basic attention of the researcher is focused on spheres of the functioning of terms and spheres of their fixing. It is in the sphere of their functioning in the language that we can observe laws and tendencies of their development and actualization. Now the results of researches of the specificity of terms allow representing them as special linguistic units and as a means of scientific communication.

Key words: term; science language; functioning sphere; fixing sphere.

М.А. Тихоненко, преп. ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: tikhonenkomarina@gmail.com

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНА КАК ОСОБОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Данная статья посвящена характеристике особенностей функционирования термина как особой лингвистической единицы. Основное внимание обращено на отграничение сферы функционирования терминов и сферы их фиксации. Именно в сфере функционирования терминов наиболее ярко выражены закономерности и тенденции их развития и актуализации. В настоящее время результаты исследований специфики термина позволяют представить его как особую лингвистическую единицу, как средство научной коммуникации.

Ключевые слова: термин; язык науки; сфера функционирования; сфера фиксации.

Особый ярус национального языка составляет язык науки, который действует по собственным законам, обладает специфическими понятийно-концептуальными и структурно-стилистическими параметрами и закономерностями их актуализации.

Язык науки является особой репрезентационной системой, так как он, подобно языку в его традиционном понимании, «тоже кодирует в знаковой форме нечто, стоящее за его собственными пределами. Слова и прочие языковые единицы – эти языковые репрезентации – активизируют поэтому те сущности, звуковыми заместителями которых они являются, – они возбуждают в памяти человека связанные с ними концепты» [1, с. 7]. Термин представляет собой знак языка науки и выступает особой ментальной репрезентацией, а совокупность всех подобных репрезентаций структурирует концептуальную модель научной картины мира.

Исследуя сферу функционирования термина как когнитивно-derivационное пространство, Л.Ю. Буянова приходит к следующему выводу: «...существует специфическая **дистрибуция** (дифференциация) структурно-семантических и функциональных параметров, derivационных механизмов генерирования (порождения, продуцирования) метаязыковых образований, систем терминов, детерминируемая когнитивно-гносеологической и логико-понятийной **дивергенцией**, концептуальной обособленностью и своеобразием **каждого** из стратифицированных ярусов научного стиля изложения, делимитацией (отграничением) сферы **функционирования** терминов и сферы их **фиксации**» [2, с. 9].

Специфическая сфера функционирования терминов отражает особые сферы и оттенки терминопотреблений, динамичность и своеобразие авторского концептообразования и терминоподобразования. Сферу функционирования терминов составляют тексты специальных изданий: монографий, учебных пособий, учебников, реферативных журналов, научных статей, эн-

циклопедических словарей и т.д. Научный текст рассматривается нами как когнитивное пространство, организующим центром которого является терминология. Для научной прозы характерно деление на общенаучный, общетехнический, межотраслевой и узкоспециальный ярусы. Именно специальные и узкоспециальные научные тексты являются естественной средой образования, существования и функционирования терминов, наиболее полно реализующих свои отличительные признаки.

Общепризнанно, что сферой фиксации терминов являются различные нормативные терминологические словари, терминологические стандарты, сборники рекомендуемых терминов и т.д.

Сфера фиксации и сфера функционирования терминов, подчеркивает Л.Ю. Буянова, «когерентны и обладают свойством взаимодополняемости (принцип «сообщающихся сосудов»): одни термины, функционирующие в научных текстах, инкорпорируются («выливаются») в фиксирующие документы; из сферы фиксации, по мере необходимости, другие термины интродуцируются («переливаются») субъектом науки в сферу научной коммуникации. Перманентность этих процессов отражает поступательность и бесконечность процесса познания, широкую аспектуальность понятийной стратификации и гносеологической структуры окружающего мира» [3, с. 19]. По мнению В.М. Лейчика, «сфера функционирования термина первична, сфера фиксации – вторична» [4, с. 152].

Необходимость изучения сферы функционирования терминов обоснована в лингвистике не так давно. В.М. Лейчик подчеркивает, что «... не сделаны все выводы из положения о различии сферы фиксации и сферы функционирования терминов. А между тем именно при анализе терминов в тексте могут быть, по нашему мнению, выявлены их новые существенные признаки» [5, с. 127]. Только в сфере функционирования терминов можно проследить derivационную «историю» терминодеривата, основные направления и механизмы терминоподобразования, пути

и способы образования терминов, особые оттенки употребления того или иного термина, а также необычность авторского терминологического образования.

Известно, что только в сфере функционирования терминов можно проследить историю их создания, предположить пути и способы образования.

Введение нового термина в научный текст (который представляет собой часть сферы функционирования) обуславливается дифференциацией и дефинированием, а также объяснением соответствующего понятия, закрепленного в термине. Возникновение новых терминов, как правило, связывается с именами ученых, которые сделали то или иное научное открытие. В 1911 году польский ученый Казимир Функ получил из рисовых отрубей препарат, излечивающий паралич (бери-бери) голубей, питавшихся лишь полированным рисом. Так им был предложен термин «витамин», актуальный до настоящего времени. В 1902 году английские физиологи У. Бейлисс и Э. Старлинг ввели в научный оборот термин «гормоны», исследуя биологически активные вещества, вырабатываемые эндокринными железами и выделяемые ими непосредственно в кровь.

В сфере функционирования терминов в качестве мотивирующих слов очень широко используются имена собственные, что является показателем собственно терминологической деривации, например: армстронгит – минерал коричневого цвета со стекляннным блеском. Назван в честь Найла Армстронга – американского космонавта, первым ступившим на Луну; чкаловит – редкий минерал, цепочечный силикат бериллия и натрия. Назван в честь Валерия Павловича Чкалова, первого лётчика, совершившего беспосадочный перелёт из Москвы в США через Северный полюс и т.п. Таким способом имена, составляющие национальную гордость того или иного народа, становятся интернациональным достоянием.

Термины, образованные на базе имени собственного, обладают большим информационно-гносеологическим потенциалом, выступают средством накопления и передачи научного знания, его функционирования. Как научные репрезентанты ментальности, они воплощают функциональное единство принципов традиции, преемственности развития в процессах познания человеком окружающего мира.

Термины, мотивированные именами собственными, функционально способствуют сохранению его системности, понятийно-логической определенности, детерминируют расширение его деривационного пространства. Системность, регулярность и продуктивность этих терминологических типов обуславливается постоянством функционирования имени собственного как производящей базы / основы термина. Так, термин *уваровит*

реализует следующие частные терминологические значения: 1) «минерал (то), названный в честь известного человека (того), чье имя указано в мотивирующей основе»; 2) «минерал изумрудно-зеленого цвета из группы гранатов с примесью хрома. По имени русского министра – графа Уварова».

Во всех специальных изданиях в составе дефиниции обязательно содержится указание «по имени (в честь) известного человека (выдающейся личности)»; «по названию места, где впервые был обнаружен» и т.д. Информация, которую содержат имена собственные, а затем и термины, образованные на их базе, передают научную информацию другим исследователям, реализуя при этом принцип преемственности, который необходим в науке. Помимо этого, производный от имени собственного термин с помощью своей производящей базы включается в систему определенной понятийно-логической сферы, поддерживая ее четкость и стройность на деривационном уровне. Именно в этих терминах происходит уникальное слияние истории и современности.

Кроме того, термин является единицей речи и функционирует в сфере научной, специальной коммуникации. Тем не менее он может использоваться и в других типах дискурса, представляя ту часть содержания ментальной единицы, которая фиксирует результат научного познания, что позволяет рассматривать термин в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы как языковой знак, содержащий в своем значении научное знание о референте, существующий в рамках определенной терминологии, употребляющийся в различных типах дискурса, но полностью реализующий свою функцию лишь при употреблении в соответствующем (научном или техническом) контексте в совокупности с другими единицами (в первую очередь – терминологическими), реферирующими к одной и той же предметной области.

Таким образом, в настоящее время результаты исследований специфики термина позволяют представить его как особую лингвистическую единицу, как средство научной коммуникации.

Термин характеризуется функционально-коммуникативной спецификой его глобальной сферы становления, развития и функционирования – языка науки, который можно интерпретировать как «системно организованную, многуровневую лингвокогнитивную целостность и одновременно как специфическую реализацию особого способа коммуникации» [6, с. 198].

Таким образом, знания человека формируют концепцию информационно-научной картины мира и в целом представляют системно организованную совокупность понятий и отношений между ними. Концепции научной картины мира соответствуют языковая модель бытия, и понятия в языке выражаются с помощью терминов.

Библиографический список

1. Anisfeld, M. Language and development from birth to three. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1984.
2. Буянова, Л.Ю. Термин как единица логоса. – М., 2012.
3. Буянова, Л.Ю. Термин как единица логоса. – М., 2012.
4. Лейчик, В.М. Обоснование структуры термина как языкового знака понятия // Терминоведение. – М., 1994. – Вып. 2.
5. Лейчик, В.М. Новое в советской науке о терминах // Вопросы языкознания. – 1983. – № 5.
6. Anisfeld, M. Language and development from birth to three. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1984.

Bibliography

1. Anisfeld, M. Language and development from birth to three. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1984.
2. Buyanova, L.Yu. Termin kak edinica logosa. – M., 2012.
3. Buyanova, L.Yu. Termin kak edinica logosa. – M., 2012.
4. Leychik, V.M. Obosnovanie strukturii termina kak yazykovogo znaka ponyatiya // Terminovedenie. – M., 1994. – Vihp. 2.
5. Leychik, V.M. Novoe v sovetskoy nauke o terminakh // Voprosih yazyhkoznaniya. – 1983. – № 5.
6. Anisfeld, M. Language and development from birth to three. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1984.

Статья поступила в редакцию 10.09.14

УДК 882-93.09 (075.32)

Chamzyryn E. T. THE ROLE OF THE PEOPLE'S POETICS IN THE WORKS BY M. KENIN-LOPSAN. The purpose of this article is to analyze the role of traditional poetics in the works of M. Kenin-Lopsan, a famous Tuvan writer. This paper describes the ethno-aesthetic elements of texts in the works by M. Kenin-Lopsan that show everyday life, culture and transmit worldview of Tuva. The analysis of the images of the writer suggests that it is based on images and motifs associated with customs and beliefs of ancient folk, leaving the ancient times, in the tradition of folk poetics. The widespread use of proverbs, descriptions of customs is the hallmark of the original works of the Tuvan writer that can be considered as a "people's encyclopedia".

Key words: Tuvan children's literature, ethnopoeitics, heroic motif, image of a horse.

Е.Т. Чамзырын, канд. филол. наук, доц. каф. тувинской филологии и общего языкознания
Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: chamzyryn_e@mail.ru

РОЛЬ НАРОДНОЙ ПОЭТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. КЕНИНА-ЛОПСАНА

Целью данной статьи является анализ изучения роли традиционной поэтики в произведениях известного тувинского писателя М. Кенина-Лопсана. В статье дается описание этно-эстетических элементов в текстах произведений М. Кенина-Лопсана, которые показывают быт, культуру и передают мировосприятие тувинцев. Анализ системы образов писателя свидетельствует о том, что она основана на образах и мотивах, связанных с вековыми народными обычаями и поверьями, уходящими вглубь веков, в традицию народной поэтики. Широкое использование пословиц, поговорок, описаний примет и обычаев является отличительной чертой оригинальных произведений тувинского писателя М. Кенина-Лопсана, которые можно считать «народной энциклопедией».

Ключевые слова: тувинская детская литература, этнопоэтика, героический мотив, образ коня.

Общеизвестно, что фольклор является одной из первооснов детской литературы. Устное народное творчество представляет собой неиссякаемый источник глубоких идей и ярких художественных образов. На протяжении всей истории мировой литературы происходит плодотворное воздействие фольклора на творчество писателей. А в тувинской детской литературе поэтика фольклора занимает видное место.

Таким ярким примером творческого использования народной поэтики может служить повесть «Белолобый рыжий конь» М. Кенина-Лопсана. Автор, используя традиции народного творчества, создал прекрасное произведение для детей.

Основные свои произведения М. Кенин-Лопсан адресовал взрослому читателю, но много сделал для развития тувинской детской литературы, за что мы вправе называть его и детским писателем. Герои М. Кенина-Лопсана не только подростки, но и взрослые (старики), под чьим добрым и неустанным вниманием происходит нравственное формирование личности ребенка, становление человека. Например, в повести «Белолобый рыжий конь» дедушка Эртиме, воспитавший внука Хоптак-оола и коня по кличке Калчан-Шилги, напоминает нам фольклорный образ.

Дедушка Эртиме – пенсионер, охотник, «один из старейших жителей», внутренний облик которого характеризуют мягкость, душевная доброта, отцовская любовь к внуку, Хоптак-оолу. И это подтверждается такими деталями для того, чтобы показать доброту дедушки Эртиме. Повесть начинается с пословицы «Дятел ищет себе дерево помягче, люди к добродушному человеку тянутся». «Возле дома, где живет старик Эртиме, целыми днями играют дети. Если он дома, то дверь у него всегда нараспашку. В день выплаты пенсии, дед достает из чулана даалын (переметная сума из обработанной шкуры), получив деньги, идет в магазин и наполняет даалын сладостями, тетрадками, цветными карандашами и детскими книжками». Затем, собрав «детей в кучу, выстраивает по росту и начинает раздачу с самого младшего и к тому же самого умного». А иногда «Словно борец-победитель, разбрасывающий, по обычаю, сыр среди зрителей, кидает детям конфеты». Автор такую картину наблюдал множество раз и «не уставал дивиться щедрой доброте».

Описание различных обычаев, этикета и этнографические детали, используемые автором помогают ярче изобразить характер, мировоззрение героя. Так, когда ему, дедушке Эртиме, дали скромный подарок «по древнему обычаю, коснулся лбом или прислонил ко лбу». Когда охотился «... соорудил ожук из трех камней», «такова сила традиции: у человека должен быть свой очаг. Тут же, на ветвях ели, разместились нехитрые припасы старика: деревянное ведерко с чекпеком – гущей, остающейся после топления масла, мешочек с курутом (сушеный сыр), даалын, наполненный сухарями. Постелью старику служили брошенный на землю потник и седло в изголовье. Пристанище истинного кочевника!». Прежде чем наполнить свою чашу чаем, дед переломил сухую ветку и прикоснулся ею к сварившемуся чаю. «Побрызгал кипятком в сторону реки, гор, неба, солнца, потом несколько капель воды в костер и, таким образом, благословив все сущее на родной земле», «отломил кусок быштала (сыра) и, отщипнув от него краюшку, бросил его в горящую огонь». «Двумя руками, как того требует обычай, старый Эртиме подал мне связку сушеного творага – ку-

рута». Или «... известно, что старого человека по имени называть нельзя. В крайнем случае, можно упомянуть лишь его прозвище» – эта традиция, как и уважительное и теплое отношение к старикам, является одной из национальных традиций тувинцев. Эти мотивы в основе своей уходят далеко в национальную традицию почитания тувинцами, имевшего первостепенное значение в жизни кочевых скотоводов. «Именно поэтому эти этно-эстетические элементы активно участвуют в самой художественной структуре произведения, в показе формирования национальных характеров, их нравственной психологии, в передаче местного колорита и т.д.» [1, с. 233].

Введение таких этнопоэтических деталей полнее обрисовывает быт, культуру и мировоззрение тувинского народа. Так автор, рисуя условия жизни, быта и обычаи своих героев, воссоздает «этнографический контекст», необходимый для реалистического воспроизведения изображаемой действительности. По этому поводу один из исследователей творчества М. Кенина-Лопсана Д. Молдавский пишет: «Для автора и его героев вся эта этнография – сама живая действительность» [2, с. 8].

Эмоционально окрашенный символический образ коня помогает писателю найти нужную тональность произведения. «Черты фольклорной идеализации коня, усиливает романтический пафос произведения» [3, с. 139]. Автор образа коня, Калчан-Шилги, настойчиво сближает со сказочным. Образ коня, традиционного в тувинских эпических произведениях, помогает автору передать характер, внутреннее состояние героя. Романтически возвышена и опозитизирована верность коня своему хозяину. Калчан-Шилги всегда неразлучен с хозяином, который говорит и советуется с ним. «Эртиме и Калчан-Шилги понимают с полуслова и даже с ползаяда». Дедушка Эртиме с конем разъезжает по окрестным полям, холмам и тайге. И однажды пришли к стоянке оленеводов. Там шел плановый забой оленей. А олени рога выбрасывали выгребную яму. Дедушкины советы, что это большая ценность никого не волновали. Ему стало так больно, как будто кто-то кровно обидел. «И Калчан-Шилги, словно почувствовав огорчение хозяина, издает негромкое, жалобное ржание...». Или во время поездки дедушке Эртиме стало плохо Калчан-Шилги «... явно встревоженный, приближался к хозяину и тербил его губами за плечо» и т.д.

В эпическом стиле передан монолог-исповедь: «– Калчан-Шилги! Любимый мой Калчан-Шилги, – чуть слышно прошептал дед. – Спасибо тебе за дружбу. Если бы не ты, разве мог бы я напоследок объездить твой край, увидеть все, что так любил с самого раннего детства?»

... А ты не горюй – иди домой... Ступай, мой Калчан-Шилги! Я верю, ты не заблудишься. Беги свободно, словно ветерок, а я с вершинами посмотрю тебе след и полюбуюсь твоей красотой и резвостью. Беги...» Такое обращение дедушки Эртиме к своему коню напоминают сказочных богатырей, которые часто разговаривают, советуются в трудные минуты со своим конем.

А в ответ тихо заржал, подобно айтматовскому Гульсары, Калчан-Шилги ощущает и понимает своего хозяина:

«– Неужели ты думаешь, что я могу оставить тебя здесь одного, мой добрый Эртиме? Думаешь, я забыл, как ты выкармливал меня молоком из своей деревянной чашки, дарил мне свою заботу и тепло? Не надо, не закрывай глаз! Не спи!.. почему замолчал?!»

Верность коня своему хозяину романтически возвышена и опозитивирована. «*Благодарный Калчан-Шилги коснулся мягкими теплыми губами ладони старика*». Такой тип передачи внутреннего состояния героев распространен не только в героических эпосах, но и в сказках и устных рассказах.

Итак, в повести конь, как и в фольклоре, изображается как верный помощник и друг человека. Больше того, при всей своей реалистичности повесть написана в фольклорно-романтическом стиле. Основные герои: конь и старик Эртинэ нарисованы поэтически возвышенно, с использованием художественно-образительных средств фольклора. Отсюда видно, что повесть идет от фольклорной традиции, это говорит о ее сильном влиянии на детскую прозу на современном этапе.

М. Кенин-Лопсан в своих произведениях стремится передать мудрость нынешних стариков молодым поколениям, выявить нравственные, духовные ценности, бережно передаваемые от поколения к поколению. В повести «Калдарак» за спиной сироты – подростка можно разглядеть дедушку Мыйыта, прославленного охотника, чутко и бережно оберегающего Четпея, помогающего поверить в добро и справедливость, любить свою малую родину – Салдам. «... здесь, на этом месте, – гляди, как Пий-Хем медленно течет! Не то что по течению – с берега на берег на плоту перебраться можно. Вот и назвали это место Сал-дам, плоты, значит, ходили тут от берега к берегу. ...стоит на ровном месте, как на тарелке! Вот она, земля твоих предков». Автор таким введением топонимического предания о Салдаме, знакомит юного читателя с этим прекрасным уголком Тувы. В повести показаны утро, полдень, вечер, ночь в Салдаме. Дети вместе с автором любят лесами, реками, озерами, лугами, а главное – учатся видеть, понимать природу, ценить непреходящую красоту.

Автор как и в народных произведениях учит его тем нравственным заповедям, на которых стоит жизнь. Так, например, дедушка Мыйыт дает такой наказ внуку, Четпею, главному герою «Калдарака», «... у меня одно сокровище есть. Не успею тебе это передать – все тогда, больше ни от кого не получишь». А это сокровище таково: «От предков повелось, что человек должен знать свою землю, то место, где родился». Образ Мыйыт народный, он выхвачен из жизни. Его речь сверкает разными оттенками, изобилует пословицами и поговорками: «Кто родины своей не знает – тот на пегого безрогого быка похож», «В утку, может, и промахнешься, но уж в озеро непременно попадешь», которые органически удачно вошли в ткань произведения. В повести хорошо написано о народных приметах: дедушка Мыйыт научил внука Четпея, угадывать погоду, он знает то, как проявляет себя в разных погодных условиях солнце и река, дождь и ветер. «Ветер дует в сторону реки. Радуюсь: значит, и завтра день будет ясный. ...если ...с Енисея – загрузил бы я: жди завтра пасмурного дня, дождливого» и т.д.

В повести много интересных картин, характеризующих тоджинский быт и таежную природу. Но самое примечательное в ней – образ Четпея. Теперь у него «Никого ... нет. Ни отца, ни матери, ни мудрого дедушки Мыйыта, ни милого, верного моего пса. Только бабушка и Шиней». М.Кенин-Лопсан психологически тонко передает состояние подростка, когда он мстит за дедушку, убивая того самого медведя, при помощи своего любимой собаки Калдарак. А дедушка Мыйыт был задавлен медведем, спасая детей лесной школы. Так описывается его состояние, в минуту опасности он не теряется. «Стрелять меня дедушка Мыйыт научил, чего же теперь бояться? Пусть я совсем один – во мне, со мною месть: как мог бы я уйти, когда он жив и здесь, тот ненасытный зверь, убийца моего старика? Я взрослый стал теперь, тверда моя рука! И внезапно стал я совсем-совсем спокойным. Прицелился прямо в сердце медведю и выстрелил». Калдарак, верный пес Четпея, тоже погиб, при схватке с тремя волками. От него осталось косточки от передних лап. Четпей похоронил своего любимого четвероногого друга по обычаю охотников. «Подобрал, присмотрел дуллистое дерево неподалеку и положил обе лапки в дупло. Кусок мяса, прихваченный из дому для Калдарака, рядом положил. Знал, конечно, что не съест уже этого моего друга, да ведь так делали все мои предки охотники. И только после того, проотившись с Калдаракон, дал волю слезам».

А наказы дедушки и бабушки своему внуку Четпею, включенные в композицию повести, напоминают героический мотив.

Введением игры «сайзана», во время которой Четпей рассказал Шиней о древнем обычае, как просить щенка, автор знакомит юных читателей с обычаями тувинцев. «*Туда, где щенки народились, вареный курдюк возьми, жирной бараниной досыта мать щенят накорми. Когда подойдет хозяин – остатками курдюка, досыта накорми ты выбранного щенка. Закрой-те глаза собаке хозяйской рукой, щенка же скорей уноси пус-кай человек другой. Ты сиди, не вставая, как будто нет за-бот, и жди, куда хозяин за юрту тебя не позовет. За юр-той, понятно, сразу получишь щенка – он твой!*».

Автор в своей повести «Калдарак» рассказал о большой трогательной дружбе юноши и собаки, о первой нежной любви Четпея и Шиней, о любви к родной земле, об уважении к старшим. Все это передано писателем фольклорными и этнографическими деталями.

Вся система образов известного тувинского писателя М. Кенина-Лопсана основана на образах и мотивах, связанных с вековыми народными обычаями и поверьями, уходящими вглубь веков, в традицию народной поэтики.

«Бабушкин календарь» – это подлинный свод материалов по народным приметам и устной поэзии тувинского народа, который дает много полезного не только для детворы, но и взрослым. Известно, что автор не только писатель, но и этнограф, и фольклорист. Поэтому фольклорные и этнографические материалы широко использованы им. «Бабушкин календарь» – «чудесный календарь», состоящий из 18 маленьких глав, в каждой из которых даны описания самых разнообразных народных примет. Например, в таких главах, как «Солнечные уши», «Красный шар», «Сытая Луна», «Худая Луна» дается многолетний народный опыт, который учит детей определять погоду в зависимости от внешнего облика Луны. «Когда луна толстая – погожая пора наступает», а если «край тонкий – плохая примета: ветры сильные задуят, дожди польют, а может и снег с градом нагрянет».

По поведению животных тоже определяют погоду, если дятел свистит «морозы идут». Изменившийся голос дятла предвещает, «по бабушкиному утверждению», оттепель. Камлание зайца – скоро весна, если звенит кузнечик, то «видно, травы начнут раньше сохнуть» и т.д. Иногда вводятся топонимические легенды, объясняющие повадки животных и приметы. Например, дана такая легенда «В незапамятные времена Хаан птиц устроил большое сборище своих крылатых подданных», чтобы наделить всех голосом «всякой нужен свой, особый, не похожий на других, голос». Наконец, закончена работа. «Теперь вы не бессловесные, у вас есть голоса». А коршун опоздал, и его наделили ржанием лошади, так как Хаан приметил, одиноко стоящего в степи, коня. И Хаан сказал:

– Отныне ты будешь в небе один, как тот конь, который стоит сейчас в степи. И голос твой будет походить на голос лошади». И, действительно, если прислушаться, то голос этой птицы похож на лошадиное ржание. Писатель дает и примету: «Коршун в небе – весна в разгаре». Есть и легенда о Бурундуке. «Бурундук стал полосатым, оттого что он большого леуна. Его крик раздражает Верхний мир, когда он достигает неба, там думают, что случилось какое-нибудь несчастье. Глянь, а бурундук, как ни в чем ни бывало, уполз к себе в нору, под корни дерева, и подремывает в свое удовольствие. На небе сердятся, – там тоже не любят ложной тревоги, – и посылают вниз молнию, чтобы поразить вруна. Но ведь бурундук спрятался под землей. Молнии только скользнет по его спине, светлый свет оставит, а хитрый бурундук даже не проснется!». Поэтому полосатый бурундук напорочил хмурую погоду.

Значение «Бабушкиного календаря» определено самим автором так: «...чтобы голос предков не умолк, не забылся. Я и хочу познакомить вас с теми приметами, которые я запомнил от своей бабушки. Чтобы мы могли передать последующим поколениям мудрые мысли, предания дедов» [4, с. 65].

Можно сказать, что «Бабушкин календарь» – энциклопедия народной приметы. Он, как и все произведения М. Кенина-Лопсана, способствует формированию духовного развития и нравственности у юного читателя.

Таким образом, один народных писателей Тувы М. Кенин-Лопсан, хорошо знающий народную поэзию, и верный традициям творческого осмысления фольклора, использовал народную поэтику для создания оригинальных произведений.

Библиографический список

1. Далгат, У.Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты. – М., 1981.
2. Молдавский, Д. Фольклор, поэзия, поиск // Небесное зеркало. – Кызыл, 1985.
3. Хадаханэ, М.А. Тувинская проза. – Кызыл, 1968.
4. Кенин-Лопсан, М.Б. Небесное зеркало. – Кызыл, 1985.

Bibliography

1. Dalgat, U.B. Literatura i foljklor: teoreticheskie aspektih. – M., 1981.
2. Moldavskiy, D. Foljklor, poehziya, poisk // Nebesnoe zerkalo. – Kihzihl, 1985.
3. Khadakhaneh, M.A. Tuvinskaya proza. – Kihzihl, 1968.
4. Kenin-Lopsan, M.B. Nebesnoe zerkalo. – Kihzihl, 1985.

Статья поступила в редакцию 28.08.14

УДК 821.161.1

Shkapa Ye.S. ON THE QUESTION OF REALTIONSHIP BETWEEN THE CHRISTMAS TRILOGY “SELECTED GRAIN” (OTBORNOE ZERNO) BY N. LESKOV AND OTHER WORKS OF THE WRITER. The article is devoted to a topical problem of studying Leskov's works in an intertextual aspect. This article contemplates the problem of analysis of the poetics of the Christmas novels of the writer from the perspective of the intertextual connections with his other works regarding the Christmas trilogy of “Selected grain”. Special attention is focused on the analysis of narrative and figurative adoption. The author comes to the conclusion that in the dialogical space the trilogy is a recipient of the drama “The Spendthrift” (Rasstochitel) and a pretext to an unfinished “story apropos” “Moscow Ghost”, the manuscript of which is in the archives of N. Leskov in Russian Archive of Literature and Arts. The images' parallelism and thematic adoptions, identified by the author, made it possible to create a whole number of “characters”, to extend the semiotic and the semantic field of works. The problem in the article is studied insufficiently and requires further work.

Key words: Leskov, Christmas stories, intertextuality, story, image, character series.

Е.С. Шкапа, аспирант каф. истории русской классической литературы Института филологии и истории Российского гос. гуманитарного университета, г. Москва, E-mail: elena_shk89@mail.ru

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ СВЯТОЧНОЙ ТРИЛОГИИ Н.С. ЛЕСКОВА «ОТБОРНОЕ ЗЕРНО» С ДРУГИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ПИСАТЕЛЯ

Статья посвящена актуальным на сегодняшний день вопросам изучения творчества Н.С. Лескова в интертекстуальном аспекте. В данной статье рассматривается проблема анализа поэтики святочных произведений писателя в ракурсе межтекстовых связей с другими авторскими произведениями на примере святочной трилогии «Отборное зерно». Основное внимание акцентируется на анализе сюжетных и образных заимствований. Автор приходит к выводу, что в диалогическом пространстве произведений трилогия является одновременно реципиентом драмы «Расточитель» и предтекстом незаконченного «рассказа к стати» «Московское привидение», рукопись которого находится в архиве Н.С. Лескова в РГАЛИ. Выявленные образный параллелизм и сюжетные заимствования позволили выстроить «персонажные» ряды, расширить семиотическое и смысловое поле произведений. Проблема, затронутая в статье, мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: Лесков, святочные рассказы, интертекстуальность, сюжет, образ, персонажный ряд.

Одним из важнейших направлений современного лескововедения становится выявление места и значения творчества Н.С. Лескова в отечественной литературе. Стоит отметить неравномерное распределение исследовательского внимания к наследию писателя. Как верно замечает Н.Ю. Данилова (Заварзина), «возросший интерес к творчеству Н.С. Лескова в отечественном и зарубежном литературоведении, наблюдаемый с начала 90-х гг. XX в., с одной стороны, привел к появлению множества исследовательских работ о творчестве писателя, с другой же стороны, выявил неизученные вопросы» [1]. Так, вопросы исследования интертекстуальных особенностей стиля Н.С. Лескова, в том числе в святочных произведениях, оказались несколько в тени, поэтому проблемы изучения межтекстовых связей в творчестве писателя в последнее время приобретают особое значение. Специальных исследований художественных произведений Н.С. Лескова в интертекстуальном аспекте на данный момент не так много, к проблеме межтекстовых связей, заимствований образов, сюжетов и мотивов в творчестве писателя обращались Н.Н. Старыгина, О.Е. Майорова, И.Н. Минеева, Г.А. Шкута, А.А. Новиков-Строганова, А.А. Федотова. Исследуя «мнемонические элементы» в творчестве писателя, Евдокимова О.В. отмечает, что «не только масштабные эпические произведения, но и самые лаконичные свои сочинения Н.С. Лесков насыщает прямыми или скрытыми цитатами, реминисценциями, многочисленными образами культурной памяти» [2].

Рост интереса литературоведов к наследию писателя, интерпретация его святочных произведений в новом ракурсе, с точки зрения интертекстуальности, определяет актуальность данной работы. Новизна исследования заключается в том, что межтекстовые связи святочных рассказов Н.С. Лескова с другими авторскими произведениями ранее не рассматривались. «В лесковедении уже отмечалась автоинтертекстуальность творчества Лескова, его стремление «переписать», иногда совершенно противоположным образом, уже однажды обработанный сюжет» [1]. В своей творческой манере Н.С. Лесков «всегда стремился к установлению внутренних связей между своими произведениями» [3, с. 15]. При интерпретации святочных произведений писателя, следуя авторской жанровой дефиниции, такие связи нужно учитывать.

Представляет интерес с этой точки зрения трилогия Н.С. Лескова «Отборное зерно», впервые опубликованная в 1884 году в журнале «Живописное обозрение» (№№ 1, 2, 3). В 1886 году, уже с новым началом, включающим святочные мотивы, писатель включает это произведение в свой сборник «Святочные рассказы». Исследуем особенности реализации основных форм авторской интертекстуальности в этом рассказе. Исследователь А. Новикова затрагивала вопрос заимствования «сюжета наоборот»: «...в основе повествования [трилогии – Е.Ш.] – шутовское действо, розыгрыш, обман (в этом смысле «Отборное зерно» соотносится с другим святочным рассказом Лескова – «Об-

ман», 1883). Срабатывает своеобразная логика «обратности» — когда всё «наоборот», «наизнанку», «шиворот-навыворот» [4].

Подготовленный читатель, опираясь на знания творчества писателя, также находит в «Отборном зерне» черты образов, известных по более раннему произведению Лескова — драме «Расточитель», впервые напечатанной в 1867 году в журнале «Литературная библиотека» (№ 13-14). Герой пьесы, самодур и расточитель «ума и совести народной» [5, с. 488], представитель «старого» купечества Фирс Григорьевич Князев не может смириться с тем, что «суд старый рухнул» [5, с. 387-388], и наступили новые судебные порядки, при которых стало опасно открыто обманывать, давать взятки, подкупать стряпчих. В России происходит становление капиталистического общества, наступает время реформ, представители отживающего мира тяжело воспринимают наставшие перемены. Но Князев уверен: «Не может быть, чтоб человек с умом не сделал в России того, что хочет...» [5, с. 388]. Эта мысль эксплицирована в рассказе «Отборное зерно»: «...наш самообытный русский гений, который вы отрицаете, — вовсе не вздор. <...> А вы не слушайте этого звона, а вникайте в дела, как они на самом деле делаются, так вы и увидите, что мы умеем спасаться от бед, как никто другой не умеет» [6, с. 282].

Один из главных героев святочной трилогии, именитый барин, беспощадно обманувший купца, «своего православного человека» [6, с. 286], продав тому пшеницу низкого качества вместо «отборного зерна» под предлогом, что надо «поддерживать своих, истинно русских торговцев, а не чужих» [6, с. 286], напоминает Фирса из «Расточителя», который «душу человеческую и всю совесть мирскую под ногами» [5, с. 402] затопчет, но барин представляет уже другое российское сословие, приспособившееся к новым условиям.

В эпоху становления в государстве буржуазных страховых компаний другой персонаж драмы, Вонифатий Минутка, еще не додумался, что можно застраховать то, чего нет: [Молчанову] «Полтора года тому назад, ровно за три месяца до вашего возвращения из-за границы, у вас сгорели амбары, а в них две тысячи пудов хлопка. Товар этот не был застрахован; а не был он застрахован (помолчае) потому, что его совсем не было» [5, с. 407]. Напротив, купец из «Отборного зерна» уже сознательно совершает воровскую сделку с зерном, обманывая страховую компанию: «Нагрузили барку кулями, в которых черт знает какой дряни набили под видом драгоценной пшеницы; застраховал все это купец в самой дорогой цене, отслужили молебен с водосвятием, покормили православный народочу пирогами с легким и с сердцем и отправили судно в ход» [6, с. 297].

Позже думский секретарь Минутка, когда понял, что «...содать-то больше некого, <...> собрал с ребятками на молочишко и другую дорожку нащупал...» [5, с. 412], сделал донос на Фирса и «остался, в Петербурге. Он дом себе купил в Подьяческой и кассу ссуд открыл с крещеными поляками» [5, с. 488]. Финал драмы окрашен мрачными красками. Купец из святочной трилогии так приспособился к новым условиям, что читатель, разгадывающий секрет его аферы, видит, что в результате обмана «все село отстроилось, и вся беднота и голытьба поприкрылась и понаелась, и божий храм поправили. Всем хорошо стало, и все зажили, хваляще и благодаряще господа, и никто, ни один человек не остался в убытке — и никто не в огорчении. Никто не пострадал!» [6, с. 303]. Так и завершается, с присущей автору иронией, святочный рассказ о том, «как вор у вора дубинку украл и какое от того вышло для всех благополучие жизни» [6, с. 292].

Говоря о трилогии «Отборное зерно», отметим ее связь еще с одним произведением Лескова: В РГАЛИ находится автограф рассказа Н.С. Лескова «Московское привидение» с исправлениями и пометами автора (поверх написанного и на полях) [7]. Этот незаконченный «рассказ к стати» не был известен широкому кругу читателей: однажды опубликованный в одном из сборников неперiodического научного издания «Литературное наследство» Ксенией Петровной Богаевской «по беловому автографу с авторской правкой, находящимся в ЦГАЛИ» [8, с. 36-46], он до сих пор не привлек должного внимания лесковедов. Единственный исследователь, который обратился к рукописи этого произведения, является Л.П. Гроссман, он цитирует «несколько строк из рассказа», «говоря о московской жизни Лескова», а также связывая «Московское привидение» и драму «Расточитель» [9, с. 45; с. 63]. Позволим себе здесь несколько усомниться: на наш взгляд, более выражена связь между незакон-

ченным «Московским привидением» и «Отборным зерном». Оба произведения пишутся в определенный период времени — «Отборное зерно», как мы знаем, впервые было напечатано в 1884 г., над рассказом «Московское привидение», судя по содержанию, Лесков начал работать после прочтения опубликованных в 1985 г. С.Н. Терпигоревым «Дорожных заметок и рассуждений» («Дорожные заметки и рассуждения» фельетониста Терпигорева С.Н. были опубликованы в газете А.С.Суворина «Новое время» в январе 1885 г.).

Лесков соглашается с Терпигоревым, что «...Москва Островского прошла, что типы этого драматического писателя сошли со сцены и заменились в жизни другими «кнутами», которые тоже бьют больно, но бьют иным способом и по иным местам» [7, л. 4]. О предтекстуальности, о своеобразном диалоге с более ранними произведениями свидетельствует эпиграф к «Московскому привидению», ставший своеобразным ключом к пониманию образов и расширяющий подтекстовое поле; Н.С. Лесков перефразировал цитату из драматической поэмы А.К. Толстого «Дон Жуан», намекая читателю о родственности персонажей «рассказа к стати» с другими литературными героями: «Встают опять знакомые виденья». Хотя «Московское привидение» и продолжает полемику с А. Островским, начатую еще двадцать лет назад драмой «Расточитель», но главный персонаж этого незаконченного «рассказа к стати» Капитал Ильич совсем не похож на представляющего старое купечество Фирса Князева из «Расточителя»: купцы «темного царства» «отошли» [7, л. 5]. Скорее, московский «первач» и «барин» символизируют «новые нравы и течения купеческой среды» [7, л. 5]. Внешне они кажутся более образованными, «ведут себя прилично», но их внутренний мир, мысли, поступки пронизаны духом безнравственности, обмана, продажности и ложного патриотизма. Капитал Ильич из купца превратился в богача, «...имел много разных фабрик и заводов и обладал безмерным честолюбием» [7, л. 10], мог «не только обсчитать и не отдать, но и обидеть» [7, л. 12]. Барин, «отсветнейший глушице и патентованный негодяй» [6, с. 288], принадлежал к тем «ловкачам», что «...и славянам братья, и заатлантичникам — друзья, и впереди они вызывались бежать и назад рады спрятиться до обров и дубов» [6, с. 290].

Убедительным аргументом родственности этих персонажей может служить сюжетное сходство, их деятельность в военное для России время: война, своя для каждого из героев, стала источником их обогащения. Барин слыл «...известным славянским деятелем, и в Красном кресте ходил» [6, с. 283] но этого «господина никто не посылал и в пользу славян действовать не уполномочивал, а <...> он сам усматривал в этом хорошее средство к поправлению своих плохих денежных обстоятельств и еще более дрянной репутации» [6, с. 289]. Речь здесь идет о русско-турецкой войне 1877-1878 г.г. (так называемой «славянской» войне в Турции). Лесков с горечью пишет: «Есть довольно много бесчестных людей на свете, которые готовы пользоваться даже затруднениями своего отечества» [7, л. 17]. На какую реальную личность намекает Н.С. Лесков? Ясность вносит прочтение рукописи незаконченного рассказа «Московское привидение»: «Встала крымская война. Потребовалось все, что нужно беспрестанно увеличивавшейся армии, и Капитал Ильич сбыл на пользу отечества все, что у него было заготовлено во время «беспотребное»» [7, л. 16]. На наш взгляд, прототипом барина из святочной трилогии «Отборное зерно», а затем и «первача» из «Московского привидения» послужил Генрих Шлиман, немецкий археолог-самоучка и предприниматель: он составил большое состояние, в том числе в результате махинаций и обмана во время Крымской войны (1853-1856 г.г.), причем имелись сведения, что поставки осуществлялись обоим воевавшим сторонам. Шлиман поставивший кроме пороха, селитры и свинца еще и некачественные сапоги и мундиры, вышел победителем-миллионером из проигранной Россией Крымской войны. Если в «Отборном зерне» барин не имеет собственного имени, выступает как представитель сословия, то в «Московском привидении» герой уже более конкретизирован, хотя имя его больше обобщенное, но оно маркировано в имущественном аспекте — Капитал; отдельные сведения из жизни «первача» схожи с фактами биографии Г. Шлимана: «Происходил он, как большинство наших торговых людей, из «сущей мелюзги», — был лавочным мальчиком, потом приказчиком, обокрал хозяина <...> Затем у него пошли «хорошие дела» и он разбогател, сделался ктитором, покровительствовал больницам, получил медали и гражданство» [7, л. 10-11].

Для подтверждения нашей исследовательской гипотезы обратимся к еще одному литературоведческому источнику, Записной книжке из архива Н.С. Лескова в РГАЛИ [10]. Писатель возмущен публикацией в 1891 г. в детском журнале «Игрушечка» (№4) статьи об авантюрном искателе сокровищ Трое, этот факт не оставил его равнодушным: «Шлимань обогатился от поставок на русскую армию, во время крымской войны и стал миллионером». Т.е. ограбил солдат. Детский журнал хвалить, что он употребил деньги на раскопки в Трое! Все ли средства хороши и все ли знания полезны?» [10, л. 21].

Как в святочной трилогии, так и в незаконченном «Московском привидении» прослеживаются такие формы интертекстуальности, как завуалированные авторские сюжетные и образные заимствования. Анализ межтекстуальных связей «Отборного зерна» с драмой «Расточитель» и «Московским привидением» позволяет выстроить два персонажных ряда «добровольцев оподления» [11, с. 415]. К первому ряду цивилизованных подлецов, ряду «торговых патриархов» [12] отнесем следующих героев, имеющих типологическое родство: Фирс Князев и его литературные преемники – «барин» из святочной трилогии и московский «первач» Капитал Ильич. Временем, когда «выравлены лучшие, даровитейшие силы, настало царство посредственности» [из письма И.Е. Репина Н.С. Лескову, 19.02.1889 г.] [13, с. 734], обусловлен процесс «эволюции» негодяев: еще один ряд персонажей представлен героями «рангом пониже», от думского секретаря и купца из «Отборного зерна» до многочисленных предпринимателей-обманщиков из «Московского привидения». Происходит не только адаптация ловких буржуазных мошенников, но и их количественное изменение. Если в «Расточителе» перед читателем предстает конкретный герой – Вонифатий Викентьевич Минутка, то уже в «Отборном зерне» купец, продавший мешки с мусором вместо дорогой пшеницы, не имеет собственного имени, это собирательный, объединяющий образ. В «Московском привидении» Лесков с горькой иронией замечает, что в эпоху становления буржуазных отношений и пери-

ода нравственного упадка в России таких предприимчивых купцов-аферистов становится невероятно много: «...к мене с Кутяем приготовили сукон все, кто занимался этим делом. <...> Китайцы разменялись на сукна и отъехали восвояси, но, когда осмотрелись дома со своим приобретением, то заметили до толе невиданную странность: в очень большой доле сукон настоящее сукно оказалось навитым только поверху, а середина тюков или свертков была из дубовых кругляков, только лишь по верху оклеенных суконной покрывкой» [7, л. 12-13].

Таким образом, мы исследовали особенности реализации форм интертекстуальности в святочной трилогии Н.С. Лескова «Отборное зерно», рассмотрели ее связь с другими авторскими произведениями, в том числе незаконченным рассказом «Московское привидение», рукопись которого находится в архиве Н.С. Лескова в РГАЛИ. В диалогическом пространстве произведений трилогия является одновременно реципиентом драмы «Расточитель» и предтекстом «рассказа к стати» «Московское привидение», выявленные образный параллелизм и сюжетные заимствования позволили выстроить «персонажные» ряды, расширить семиотическое и смысловое поле произведений.

Настоящая работа имеет значение для дальнейшего изучения творчества Н.С. Лескова, так как в ней уделяется внимание малоисследованным вопросам поэтики святочных произведений писателя. Следует отметить, что за рамками данной работы остались другие святочные рассказы писателя, а также значимым материалом в изучении наследия Лескова в ракурсе проблем межтекстовых связей между авторскими произведениями являются архивные материалы писателя, которые, без сомнения, заслуживают пристального внимания литературоведов и имеют дальнейшие перспективы исследований. Результаты исследования могут быть использованы при анализе поэтики Н.С. Лескова и других писателей с точки зрения интертекстуальности, а также в практике преподавания вузовских и школьных литературоведческих дисциплин.

Библиографический список

1. Данилова, Н.Ю.. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова: на материале произведений 1860-1880-х гг. об иностранцах и инородцах: автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб., 2011.
2. Евдокимова, О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. – СПб., 2001.
3. Кретова А.А. «Будьте совершенны...» (религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н.С. Лескова и современников). – М.; Орел, 1999.
4. Новикова, А. Гоголевские традиции в творчестве Н.С. Лескова («краткая трилогия в просонке» «Отборное зерно») [Э/п]. – Р/д: <http://rusk.ru/st.php?idar=156050>
5. Лесков, Н.С. Расточитель // Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956-1958. – Т. 1.
6. Лесков, Н.С. Отборное зерно // Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956-1958. – Т. 7.
7. Лесков, Н.С. Московское привидение. Рассказ. Без конца. Из цикла «Рассказы к стати» // РГАЛИ, Крайние даты 1880-е-первая половина 1890-х. – ф. 275, оп. 1, ед. хр. 32.
8. Богаевская, К.П. Н.С. Лесков. Из творческих рукописей (незавершенные произведения) // Литературное наследство. – М., 1977. – Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860-1890-х годов.
9. Гроссман, Л. Н.С. Лесков, Жизнь — творчество — поэтика. – М., 1945.
10. Лесков, Н.С. Записная книжка с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спексера, Г. Сковороды и др. с записями пословиц и изречений; выписками из «Сборника Кирши Данилова», Талмуда и др. // РГАЛИ, Крайние даты 1893-1894. – ф. 275, оп. 1, ед. хр. 109.
11. Лесков, Н.С. Письмо И.Е. Репину, 18.02.1889 г. // Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956-1958. – Т. 11.
12. Новикова, А. «Место действия – Орел...». [Э/п]. – Р/д: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200203702>
13. Лесков, Н.С. Письмо И.Е. Репина, 19.02.1889 г. // Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956-1958. – Т. 11.

Bibliography

1. Danilova, N.Yu.. Dialog «svoego» i «chuzhogo» v khudozhestvennom mire N.S. Leskova: na materiale proizvedeniy 1860-1880-kh gg. ob inostrancakh i inorodcakh: avtoref. dis. kand. filol. nauk. – SPb., 2011.
2. Evdokimova, O.V. Mnemonicheskie ehlementih poehtiki N.S. Leskova. – SPb., 2001.
3. Kretova A.A. «Budjte sovershennih...» (religiozno-nravstvennihe iskaniya v svyatochnom tvorchestve N.S. Leskova i sovremennikov). – M.; Orel, 1999.
4. Novikova, A. Gogolevskie tradicii v tvorchestve N.S. Leskova («kratkeya trilogiya v prosonge» «Otbornoe zerno») [Eh/r]. – R/d: <http://rusk.ru/st.php?idar=156050>
5. Leskov, N.S. Rastochitelj // Sobr. soch.: v 11 t. – M., 1956-1958. – T. 1.
6. Leskov, N.S. Otbornoe zerno // Sobr. soch.: v 11 t. – M., 1956-1958. – T. 7.
7. Leskov, N.S. Moskovskoe privedenie. Rasskaz. Bez konca. Iz cikla «Rasskazih kstati» // RGALI, Krayjnie datih 1880-e-pervaya polovina 1890-kh. – f. 275, op. 1, ed. khr. 32.
8. Bogaevskaya, K.P. N.S. Leskov. Iz tvorcheskikh rukopisey (nezavershennihe proizvedeniya) // Literaturnoe nasledstvo. – M., 1977. – T. 87. Iz istorii russkoj literaturih i obtheshvennoy mihsl 1860-1890-kh godov.
9. Grossman, L. N.S. Leskov, Zhiznj — tvorchestvo — poehtika. – M., 1945.
10. Leskov, N.S. Zapisnaya knizhka s vihiskami iz sochineniy Ehviprida, Seneki, Paskalya, Sterna, G. Speksera, G. Skovorodih i dr. s zapisyami poslovic i izrecheniy; vihiskami iz «Sbornika Kirshi Danilov», Talmuda i dr. // RGALI, Krayjnie datih 1893-1894. – f. 275, op. 1, ed. khr. 109.
11. Leskov, N.S. Pisimo I.E. Repinu, 18.02.1889 g. // Sobr. soch.: v 11 t. – M., 1956-1958. – T. 11.
12. Novikova, A. «Mesto deystviya – Orel...». [Eh/r]. – R/d: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200203702>
13. Leskov, N.S. Pisimo I.E. Repina, 19.02.1889 g. // Sobr. soch.: v 11 t. – M., 1956-1958. – T. 11.

Статья поступила в редакцию 12.09.14

УДК 82-31

Shcherbakova Ye.K., Serbina N.S. THE TRADITION OF A GENRE OF THE EASTERN NOVEL IN THE WORKS OF V. I. DAL AND N. A. KRASHENINNIKOV. The paper examines the tradition of the eastern novel genre in regard to the works of V. I. Dal and N. A. Krasheninnikov. The authors convincingly show the resemblance of the genres in the works of the both writers. They needed to achieve actuality in their literary works and ethnographic accuracy in the creation of stylistic harmony. Orenburg material is an organic basis for Dal's and Krasheninnikov's eastern novels, but the difference between the eras of their life and work dictates their own particular features.

Key words: Russian literature, eastern novel, actuality, essay, genre peculiarity, V.I. Dal, N.A. Krasheninnikov.

Е.К. Щербакова, канд. пед. наук, доц. каф. философии, культурологии и религиоведения Оренбургского гос. педагогического университета, г. Оренбург, E-mail: galereya-k@yandex.ru; **Н.С. Сербина**, ст. преп. каф. философии, культурологии и религиоведения Оренбургского гос. педагогического университета, г. Оренбург, E-mail: serbinans@inbox.ru

ТРАДИЦИИ ЖАНРА ВОСТОЧНОЙ ПОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ И Н.А. КРАШЕНИННИКОВА

В работе рассматриваются традиции жанра восточной повести на материале произведений В.И. Даля и Н.А. Крашенинникова. Авторы убедительно показывают жанровую общность повестей обоих писателей, стремление к документальности, очерковости, этнографической точности в создании художественного целого. Оренбургский материал является органической основой восточных повестей Даля и Крашенинникова, но разность исторических эпох диктует своеобразие каждой из них.

Ключевые слова: русская литература, восточная повесть, документальность, очерк, жанровое своеобразие, В.И. Даль, Н.А. Крашенинников.

Рассматриваемая в работе проблема соотношения традиций восточной повести в творчестве писателей разных поколений, а по сути представителей направления, выработанного натуральной школой в начале XIX века, представляется особенно актуальной в контексте исследований УроРАН, создания фундаментального труда «Литература Урала». На протяжении ряда лет творчество Даля активно изучалось московскими, луганскими, оренбургскими учеными: С.А. Фомичевым, Ю.П. Фесенко, Н.Л. Юган, А.Г. Прокофьевой, В.Ю. Прокофьевой, С.М. Скибиным и др. О творчестве Н.А. Крашенинникова писалось сравнительно немного. Еще Н.К. Пиксанов в книге «Областные культурные гнезда» писал о перспективности изучения краевой литературы: с одной стороны, произведения литературы зачастую создаются в провинции, с другой – изучение творчества авторов второго, третьего ряда позволяет составить всеобъемлющее представление о литературном процессе в целом. Эта мысль подтверждается в трудах Н.П. Анциферова. Концепция исследований современных уральских литературоведов, в частности Е.К. Созиной, А.Г. Прокофьевой, во многом опирается на положения и выводы Н.К. Пиксанова, Н.П. Анциферова.

Авторы данной работы, выявляя жанровую общность повестей В.И. Даля и Н.А. Крашенинникова, приходят к выводу о том, что жанр «восточной» повести остается актуальным не только на протяжении всего XIX века, но и в новую, предреволюционную эпоху и что это во многом объясняется стремлением понять законы жизни на необъятном российском пространстве. Личный вклад авторов статьи в решение рассматриваемой проблемы определяется обращением к творчеству почти забытого писателя Н.А. Крашенинникова, материал о творчестве которого частично войдет в третий том фундаментального издания «Литература Урала».

Жанр «восточной» повести получил широкое распространение в европейской и русской литературе XVIII века после перевода на французский язык «Сказок тысячи и одной ночи» и «Персидских писем» Монтескье. Т.Ж. Юсупов отмечает, что «восточная» повесть, сначала переводная, а впоследствии создаваемая и отечественными авторами, была популярна во второй половине XVIII века в России. Он приводит целый перечень произведений этого жанра, среди наиболее известных – написанные в 1790-х гг. «Селим и Роксана, или Превратность жизни человеческой» С. Глинки, «Каиб» И.А. Крылова, «Аравийский пустычник» Н.П. Шаликова и множество других, чьи авторы порой не известны [1, с. 71].

В практике русских беллетристов жанр «восточной» повести был условен, относился «к таким произведениям, в которых

имеется восточный сюжет (он может соответствовать восточной действительности, или же в них могут лишь фигурировать восточные имена, порой обстановка – но все это является только прикрытием мыслей автора)» [2, с. 49]. Т.Ж. Юсупов пишет: «под восточным «покрывалом» обнаруживаются различные по сути типологические ряды: повесть ...ориентальная, ориентальная притча, повесть просветительская, повесть философско-нравоучительная, повесть социально-политическая, любовно-авантюрная и т.д.» [1, с. 70].

Особое место жанр «восточной» повести занимает в творчестве В.И. Даля. Ряд интересных произведений, относящихся к этому жанру, созданы в Оренбурге (1833-1841). Это и сказка «О баранах», и «Сказка о прекрасной царевне Милонеге-белоручке, по прозванию Васильков Глазок, и о трёхстах тридцати трёх затяжных волокитах и поклонниках её», и повесть «Бикей и Мауляна».

Особняком в творчестве В.И. Даля стоит повесть «Бикей и Мауляна» (1836 год). Повесть в какой-то мере развивает традицию «Цыганки», первого серьёзного литературного опыта Даля. В обоих случаях речь идет о влюблённой паре, создаётся притягательный образ героини, повествователь является очевидцем многих происходящих событий. Но если в «Цыганке» была достаточно высока художественная условность, речь шла исключительно о вымышленных событиях, этнографическая точность деталей во многом объяснялась стремлением рассказчика описать своё военное приключение, то в «Бикее и Мауляне» всё по-другому: Даль сознательно снимает установку на художественный вымысел. Коллизии, происходящие с главными героями, служат только иллюстрацией к документальному повествованию. Но и сами герои способны предстать перед нами в документах. Оренбургским исследователем И.К. Зубовой были найдены архивные записи, подтверждающие подлинность описанной истории. Автор даже не изменил имена: «Скажу о рассказе моем, на всякий случай, вот что: не только все главные черты его взяты с подлинного, бывалого дела, но мне не было даже никакой нужды придумывать ни одного побочного обстоятельства, вплетать какую-либо выдумку...» [2, с. 239]. Даль пишет как этнограф, лингвист, чиновник для особых поручений, исследователь, житель Оренбурга и лишь потом как собственно писатель. Не случайно так трудно определить жанр этого произведения. Современную литературу такого рода называли бы по-прежнему «без вымысла». Автор часто отклоняется от основного предмета разговора, словно забывая о своих героях, – и мы понимаем, что дело не в судьбах несчастных влюбленных, что для автора важнее неприукрашенное, почти научное исследование

жизни пограничного Оренбурга и целого мира степного Востока. Автор открывает новый мир, и он не сторонний наблюдатель, не праздный путешественник – он житель этого степного края и ученый, исследующий его. Даль дает научное описание оренбургского климата, размышляет об экологии степи, собирает новые слова, но особенный интерес вызывают у него люди. И в данном случае он проявляет себя в первую очередь как ученый, объектами изучения которого является киргиз-кайсацкий этнос, социальные группы, например, байгуши, киргизские нищие и отдельные индивидуумы.

С точки зрения этнографа Даль подробно описывает одежду кайсаков, караваны верблюдов, особенности местной торговли, оружие, раскрывает перед европейским читателем подноготную калыма, многоженства, баранты, рассказывает об обряде пира, о шаманстве. Будучи чиновником для особых поручений при губернаторе, имея доступ к архивам, он цитирует эти материалы в тексте: они в первую очередь связаны с положением русских пленных в Хиве. Документальность сведений подтверждается постоянно приводимыми точными данными: «...с 1758 по 1832 год увлечено в плен киргиз-кайсаками с оренбургской линии 3797 человек; а следовательно, средним числом около 52 человек на год» [2, с. 229]. Даль воссоздает реальный оренбургский пейзаж, узнаваемый до сих пор: «Позади менового двора, верстах в двух, на том же левом, пологом берегу Урала, зеленилась рощица, одна-одинехонька в обширной степи; на противоположном, крутом, европейском берегу реки, высилось несколько каменных зданий, разрушающийся губернаторский дом, собор – а повыше, в форштадте, церковь Георгиевская...» [2, с. 215].

Вместе с тем именно в установке на документальность виден Даль-писатель. Такая форма выражения авторского сознания, как личный повествователь, дает Далю возможность, с одной стороны, описывать события, увиденные глазами очевидца, а с другой стороны, не демонстрировать постоянно авторскую оценку. Автор пользуется научным и деловым языком. Стиль письма очень сдержан. Появление множества варваризмов в произведении обусловлено спецификой рассказа о неизвестной европейцу стороне жизни.

Важно, что писатель не занимает позицию просвещенного «белого» среди «дикарей». Он не связывает преступление – убийство Биека братьями – с непросвещенностью и неразвитостью киргиз-кайсаков. Напротив, Даль все время подчеркивает, что, несмотря на разницу в общественном развитии, в быту, особенно в культуре, кайсаки такие же люди, как и европейцы: они так же решают имущественные споры, влюбляются, страдают. Красоту Мауляны, дочери природы, автор ценит больше, чем внешность столичных чопорных красавиц.

Мотив убийства Биека – зависть братьев к более умному, красивому, удачливому брату, любимцу отца – навеивает мысль и о библейских легендах, и о народных сказках. Но в некоторой степени В.И. Даль связывает причину преступления с мусульманским обычаем многоженства: «Многоженство мусульман всегда бывает поводом к раздорам семейным, которые может переносить равнодушно только закоснелая в исламе душа» [2, с. 226]. Он пытается учесть все факторы, которые позволили случиться злодеянию: и внешние, связанные со спецификой жизни мусульман-кочевников, и внутренние – отсутствие нравственного стержня в человеке.

Таким образом, мы видим, что В.И. Даль в повести «Бикей и Мауляна» пытается показать истинный лик мусульманского Востока. Его задача – не поэтическое описание жизни «дикарей», не противопоставление цивилизации и природы, а достоверное научное изучение дотоле незнакомой культуры. Поэтому можно говорить о документальности, очерковости этой повести, стоящей у истоков «натуральной школы».

В творчестве В.И. Даля «таится немало типов и коллизий, которые впоследствии легли в основу пространных полотен классической русской литературы» [3, с. 111]. Далевская традиция отразится в «восточных повестях» следующих десятилетий XIX века, создающихся под знаком реализма.

В целом постепенно утвердившийся в XIX веке жанр восточной повести, включающей элементы этнографического очерка, в начале XX века несколько видоизменяется, зачастую преобразуясь в более крупные жанровые формы: цикл рассказов, повесть, роман, отмеченные чертами психологизма. К таковым относятся и «Сказки степи» Н.А. Степного, и «Амеля» Н.А. Крашенинникова – писателя, чья творческая судьба связана с Оренбургским краем.

Современный исследователь по этому поводу отмечает следующее: «Серебряный век заново открывал для культурного освоения многие регионы мира и Российской империи. ... и происходит это благодаря, главным образом, запискам путешественников – их субъективной проекции собственных впечатлений, а нередко и фантазий, то есть, по существу, индивидуальной авторской мифологии, в русло нарратива странствия. В силу специфики времени <...> наблюдается частый переход авторов-травелогов к темам, связанным с жизнью коренного населения описываемых регионов: либо на уровне встроенных сюжетов, либо на уровне метаповествования – в виде авторских размышлений и иных форм рефлексии [4, с. 184-185].

Не случайным является и факт сюжетно-тематических пересечений в «оренбургских сказаниях» В.И. Даля и беллетриста Н.А. Крашенинникова: произведения обоих авторов повествуют о культуре одного региона, конкретного локуса – Оренбуржья.

Проза Н.А. Крашенинникова (1848-1941 гг.), уроженца Оренбургского края, знакомит читателя с башкирским этносом, обитателями восточных – оренбургских – земель. Жанр восточной повести в его творчестве трансформируется: в написанной на «восточную» тему повести «Амеля», не лишенной лиричности, сделана попытка показать жестокую правду жизни. Писатель, подобно просветителям идеализирующий «естественный» народ и подобно модернистам сгущающий краски, тем не менее старается быть объективным. И.А. Бунин, с которым они были дружны, упрекал Н.А. Крашенинникова «за фальшивость, надуманность, избитость языка, за подражание писателям-модернистам» [5, с. 338], отмечая при этом, что его произведения на башкирскую тему «интересны кое-какими бытовыми черточками» [5, с. 353].

Центральный мотив произведения – бедность некогда свободного и счастливого народа. С одной стороны, в этом, по мнению автора, виноваты русские, «цивилизаторы», а с другой – сами башкиры, темные, запуганные, язычески признающие власть муллы и множества факторов. Подобно многим писателям-демократам, Крашенинников выносит приговор религии, одинаково протестуя против православия и мусульманства; в этом отношении его точка зрения разнится с точкой зрения В.И. Даля. Подобных описаний в тексте немало: «Проезжают мимо высокой мечети. Какой странной и чужой кажется она среди нищеты своим высоким, нарядным шпилем, ярко блестящим полумесяцем, яркой окраской окон! Как походит она на высокую церковь села, из которого они выехали; как похож дом муллы при мечети на дом священника» [6, с. 84-85].

В центре повести – девочка Амеля, воспитанная генеральской вдовой, в крещении Нона. Героиня, за живость натуры получившая прозвище Козочка, с детства мечтающая о жизни в степях, среди своего народа, и, однако, любящая приемную мать Анну Петровну, чувствует двойственность своего положения, которое для нее невыносимо. «Что же это, – с острой болью думает Нона. – Две правды? Две разные правды, и какой послушаться... За что было любить ее, эту чужую, русскую?» [6, с. 138]. Любит юная башкирка и друзей деда – добродушного Исына и сурового Исака, – любит и Анну Петровну, и милого Балычкова, старичка перекасти-поле. Выбирая между башкирским и русским, диким, убогим житьем кочевника и сытой жизнью барина, Нона-Амеля руководствуется чувством жалости, стремлением помочь несчастным и обездоленным.

Природа в повести не примиряет противоречия в мире людей, а разделяет этих людей. Но не всегда идеальны обитатели естественного ландшафта и не всегда порочны обитатели ландшафта искусственного. Так, старый батыр Исаак, чье лицо изрыто оспинами, не прощает Амеле перемены веры, в своем свободолубии доходит до жестокости (автор показывает, что в ином случае он бы не сохранил свою этническую идентичность, что по-другому нельзя), а Анна Петровна искренно любит свою воспитанницу, желая ей блага согласно представлениям, сформированным в русской помещичьей среде. Наверное, не случайно в повести появляется тема разоряющегося дворянского гнезда: особняк профессорши Анны Петровны Захаровой «как обедневший дворянин в заношенном платье» [6, с. 9], «профессорше жилось бы туго, если б ей не была определена за ученые заслуги мужа пенсия, вполне достаточная для скромной и тихой провинциальной жизни; немалым подспорьем для домашнего обихода являлся и знаменитый ее вишнево-яблочный сад» [6, с. 10].

Нельзя прийти к однозначному выводу о том, что образ сада, аллюзия на чеховско-бунинские нарративы, введен в произве-

дение неслучайно – ряд описаний оренбургских लोकсов сделан в очерковой манере, вполне натуралистично. Но вместе с тем обстановка прекрасно характеризует «никогда не сдившуюся, никогда не повышавшую голоса» Анну Петровну, и старый Ахмет, слуга профессора, учит Амеля любить барыню. «Профессорша» и ее покойный муж, некогда обследовавший вместе с Эверсманом флору и фауну «воспетого Аксаковым Оренбургского края» [6, с. 9], обошедший пешком всю горную Башкирию, собравший прекрасную коллекцию чучел, – истинная русская интеллигенция. Именно описания такого рода, полудокументальные, придают произведению неповторимое очарование, подобно этнографическим описаниям в «восточных» повестях В.И. Даля.

Есть в тексте и элементы просветительского романа-воспитания: Нона, как благородная девица, обучается в институте. Сообразительная, думающая, она очень отличается от всех русских воспитанниц и даже от киргизки, такой же степнячки, как и она сама. «Действительно, киргизка Шолдиярова не любила степи и рассказывала о них неохотно» [6, с. 35]. Для Шолдияровой степи ассоциируются с бедностью, грязью, болезнями. Не такова Нона: она хочет все знать об «иногородцах», хотя этому и не учат в институте, она хочет быть сильной, чтобы оживить славу батыров. Девушке претят мысли об успешном замужестве, которыми грезят все ее сверстницы, она увлечена одной-единственной идеей – вернуться в степь и помочь ее народу. Нона не любит прекрасного, искреннего Дорнбиля, она, так непохожая на чеховскую героиню Лиду Волчанинову («Дом с мезонином»), но, подобно ей, одержима идеей идеального переустройства жизни, не может полюбить.

Однако и Нона способна увлечься, героине не чуждо искусство: девушка прекрасно танцует, поначалу испытывает восторг перед театром. Слушая замечательный голос опереточного певца Заревича, она не видит, что «театральная зала... старая, облезлая, с протертыми стульями, с керосиновыми лампами, от которых пахло...» [6, с. 120] (безусловно, это описание театра провинциального). Но разглядев на лице артиста «гру-

бые краски грима», увидев его самодовольство, она делает вывод, что «истинное искусство скромнее, что оно чуждается фольги, дешевой раскраски, шпор, хлыстов, фантастических шапок и дешевых перстней; истинное было в самой жизни, – это же было грубой подделкой под жизнь» [6, с. 123].

В Оренбурге Ноне милы те места, что напоминают о кочевниках, например, Меновой двор, описание которого, в силу его установки на документальность, очень напоминает далевское: «Мимо церкви, мимо грязного псаломщика, все протирающего «иллюминацию», проходят они в ворота старинного Менового двора на грязную площадь, плохо замощенную, окруженную древними стенами, с палатками и лавками.

– Непременно на Меновой двор, – сказала Нона. – Там верблюды иногда бывают, и бухарцы сидят, и хивинцы» [6, с. 134].

Мировоззрение Н.А. Крашенинникова как художника формировалось под влиянием идей русских революционных демократов [7]. Это и определило острую социальную направленность его творчества. Писатель в своем романе показывает социальные типы, сформированные в условиях восточной провинции: интеллигенции, учащейся молодежи, коренного полукочевого населения. Женский вопрос и связанная с ним проблема женского образования звучали чрезвычайно актуально в 1980-е гг. годы, а вышедший в 1915 году роман «Амеля» стал едва ли не первым изображением мыслящей восточной женщины. Амеля – твердая духом, способная к борьбе ради общественных интересов девушка. И вместе с тем не все так просто: преобразование милой, грациозной Козочки в борца связано с поиском корней, со стремлением обрести «свое».

Подводя итоги, отметим, что жанр «восточной» повести остается актуальным не только на протяжении всего XIX века, но и в новую, предреволюционную эпоху. Явные «переключки» в «оренбургских» произведениях В.И. Даля и Н.А. Крашенинникова объясняются общностью документального и фольклорного материала, интересом писателей к «восточному» пространству России, к этнологическим особенностям обитателей степи и Оренбургской крепости.

Библиографический список

1. Юсупов, Т.Ж. Развитие русской прозы XVIII века (Проблематика, поэтика, восточные мотивы). – М., 1993.
2. Даль, В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. – Оренбург, 2001.
3. Фомичев, С.А. Актуальный Даль // Вторые международные Измайловские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В.И. Даля / отв. ред. А.Г. Прокофьева. – Оренбург, 2001.
4. Сокина, Е.К. Северные нарративы начала XX века (М. Пришвин, К. Жаков) // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2012. – Т. 3.
5. Отзывы, написанные для Академии наук [Э/р]. – Р/д: <http://www.imli.ru/litnasledstvo>
6. Крашенинников, Н.А. Амеля. – М., 1981.
7. Прокофьева, А.Г. Примечания / А.Г. Прокофьева, В.Ю. Прокофьева // Даль В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. – Оренбург, 2001.

Bibliography

1. Yusupov, T.Zh. Razvitiye russkoy prozy XVIII veka (Problematika, poetika, vostochniye motivy). – M., 1993.
2. Dalj, V.I. Orenburgskij kraj v khudozhestvennykh proizvedeniyakh pisatelya. – Orenburg, 2001.
3. Fomichev, S.A. Aktualnij Dalj // Vtorije mezhdunarodnye Izmaylovskie chteniya, posvyathenniye 200-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Dalja / otv. red. A.G. Prokofjeva. – Orenburg, 2001.
4. Sozina, E.K. Severniye narrativy nachala KhKh veka (M. Prishvin, K. Zhakov) // Dergachevskie chteniya – 2011. Russkaya literatura: nacionalnoye razvitiye i regionalniye osobennosti. – Ekaterinburg, 2012. – T. 3.
5. Otvizhiv, napisanniye dlya Akademii nauk [Eh/r]. – R/d: <http://www.imli.ru/litnasledstvo>
6. Krashennnikov, N.A. Amelya. – M., 1981.
7. Prokofjeva, A.G. Primechaniya / A.G. Prokofjeva, V.Yu. Prokofjeva // Dalj V.I. Orenburgskij kraj v khudozhestvennykh proizvedeniyakh pisatelya. – Orenburg, 2001.

Статья поступила в редакцию 20.09.14

УДК 81'28+811.112.2

Trubavina N.V. COORDINATE CONJUNCTIONS IN GERMAN DIALECTS OF THE ALTAI: COMPOSITION, SEMANTICS AND USAGE. The article describes specific functioning of coordinate conjunctions in the oral speech of upper- and low-insular German dialects in Altai region. The research is based on the practical material gathered during dialectological expeditions to German villages of the Altai Krai in 2003-2013, using methods of comparison and context analysis. The conjunctions in the Altai German dialects, as well as in the literary German language, are used to create and specify coordinate and subordinate syntactic relations between words and sentences. The author of the article describes the main semantic groups of coordinate conjunctions in the insular Altai German dialects and analyzes their main special aspects. Coordinate conjunctions possess a variety of forms in the upper- and low-insular Altai German dialects because of their particular phonetic features, presence of relict forms and close contacts with the Russian language. The system of coordinate conjunctions in the dialects under study is not a closed word-class, which opens a wide scope for further research.

Key words: syntax, coordinate conjunctions, insular German dialects.

Н.В. Трубакина, канд. филол. наук, доц. ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: tschichni@mail.ru

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ АЛТАЯ: СОСТАВ, СЕМАНТИКА, ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию синтаксических особенностей островных немецких говоров Алтайского края. Целью статьи является рассмотрение специфики функционирования сочинительных союзов в устной речи носителей островных верхне- и нижненемецких говоров Алтайского края. Исследование проводится на обширном материале, собранном в ходе исследовательских экспедиций в немецкие села Алтайского края в 2003-2013 гг., с привлечением методов сопоставления и контекстного анализа. В статье выделяются и описываются основные семантические группы сочинительных союзов, разбираются их основные особенности. В ходе анализа практического материала выявляется широкая вариативность форм союзов, как в разных говорах, так и внутри одного говора. Автор приходит к выводу, что сочинительные союзы в островных немецких говорах не являются закрытым классом слов, что открывает широкое поле для дальнейших исследований.

Ключевые слова: синтаксис, сочинительные союзы, островные немецкие говоры.

Как и в современном литературном немецком языке, союзы в островных немецких говорах Алтайского края являются основным маркером подчинительной и сочинительной связи, одновременно конкретизируя отношения между соединяемыми предложениями или их членами. При этом система союзов в говорах обнаруживает определенное своеобразие как по сравнению с современным литературным немецким языком, так и по сравнению с устной разговорной речью, а также с диалектами на территории Германии.

Сочинительные союзы используются для связи элементарных предложений в составе сложносочиненного комплекса, а также для связи членов простого предложения, указания на относительную смысловую автономность связываемых единиц. Кроме того, сочинительные союзы могут использоваться для связи отдельных самостоятельных предложений в развернутом контексте:

Внем.: Ja, moin Elder, ti sin in 1908 hierherkezoughe nach Sibirien. **Unn** to sin se kestorwe.

Ннем.: Min Vuda, dem näume dei ons wach. **Enn** Moda bläif ellein met fäja Tjenja. Von donn on fäuntj etj de Somma on te schoufe.

По значению среди сочинительных союзов в островных немецких говорах Алтая можно выделить те же основные классы, что и в современном немецком языке: присоединительные, противительные и выражающие причинно-следственные отношения союзы. Как справедливо отмечает Н. Н. Семенюк, это основное членение носит универсальный характер, повторяясь в синтаксисе различных языков [1, с. 56]. Схематично состав сочинительных союзов в островных немецких говорах Алтайского края можно представить в форме таблицы 1.

Наиболее обширной и разнообразной представляется группа присоединительных союзов, среди которых самым частотным является союз «unn / enn / onn» со значением перечисления, сочинения, «наизывания»:

Внем.: Ich treip mich to rom mit ti Papiere noch Taitschlond fahre. S Haus romgeschriewe. **Unn** to stimmt noch so net, so net. Ich hab es kekaaft, eine Mutterje, alt Mutter, Fra muss ich sah. **Unn sie** ist fort noch Taitschlond. **Unn tes Haus** war net romgeschriewe. **Unn jetzt** habe ich eine Dowerennostj kriit von triwe, von Taitschlond, so. **Unn jetzt** schriow ich rom tes Haus. Tes is Springerei – to her un to her.

В таких предложениях союз «unn/enn/onn» выполняет соединительную функцию в чистейшем виде: объединяемые союзом компоненты предложения являются равноправными и допускают перестановку и взаимозамену:

Внем.: Schweine hun mer, unn Hingel, unn Kuh, unn Kälbe.

Ннем.: Onse Fotjel send soja krank. Doi stune nesch op, enn gune nesch, enn friet ok nesch.

В устной речи союз нередко употребляется с целью усиления, возрастания, подчеркивания интенсивности описываемого процесса, длительности или повторяемости действия:

Внем.: So sin mondje Lait, ti horche net unn fahre immer wieder unn immer wieder.

Ннем.: Hod se jeden't' enn jeden't', enn es ene Belnetse jekumme.

В этой функции союз может выступать в сочетании с лексическим повтором:

Внем.: Nu wot, ich war kester in ti Pondje kekomme, hun ich mich recht kewäshe unn kewäshe, wot...

Помимо основного, весьма абстрактного соединительного значения, союз «unn / enn / onn» может дополнительно выражать ряд других значений: противительные, временные или следственные отношения, вводить разъясняющее, комментирующее, подтверждающее и другие высказывания, например:

– сочетание соединительного значения с противительным: Ннем.: We dann haft beleiw, wau ein Maun Mensch det jejt, wann de Früü sech ne T'lejt t'aft enn hej besiid stejt.

Внем.: Wot Torf is von tise Mensche alles voll, unn ti arwaide ni net.

– сочетание соединительного значения с причинно-следственным:

Ннем.: Dü brauchst mi schmok, enn dü jejt ook nech wach!

Внем.: Ich war krong, unn tonn war aach unwetterig, warscht regerig, unn alles, unn kunnt ich tes net.

В отличие от предложений, в которых союз «unn/enn/onn» выражает чисто соединительное значение, перестановка элементов, объединенных союзом с осложненным значением, становится невозможной, – смысл либо меняется, либо вовсе теряется:

Внем.: Di hot sich so aufgerecht so, unn ise kronk gewore.

Di is kronk gewore, unn hot sich so aufgerecht so*.

При осложнении соединительного значения временным союз «unn/enn/onn» обозначает очередность, последовательность событий:

Внем.: Mit ti Post prenge se tes zu Hause, unn kehe me, unn trune in ti Post puzahle me.

Ннем.: Doi schoft ma oin Mönat, enn doi Predprinimatel, doi hod din vesproke, dot doi din wut ärent wo hanschete, wude se ne Putjovka t'rie, enn t'riche uk, enn fure nu Leningrad.

В этой функции союз часто выступает в сочетании с наречиями «dann» (нем. «dann(e)/dann/dunn», внем. «nort/tonn») и «da» (нем. «da/do», внем. «to/do»), тем самым говорящий как бы выдерживает линию повествования, обозначая последовательность событий:

Внем.: Unn nort sin ti Sach onschter wore in oonunnfärzig.

Ннем.: Onn dann kaumen de han, onn dann blewe de bie ons te Nacht.

В эмоциональной устной речи союз нередко становится одним из средств тема-рематического членения: в сочетании с сильным интонационным выделением он подчеркивает новую, зачастую неожиданную для слушающего информацию:

Внем.: *Unn Mennonit* wonnst nimmst, mer sahn, ti vuzähle Mennonitisch.

Ннем.: *Onn werendrm Tjriich* wea fäa mi ne säja schwore Tiit, jo.

В этой функции союз сближается с русским союзом «а»: «А меннонитов если взять – они говорят на менонитском» / «А во время войны было очень тяжелое время».

В диалогической устной речи носителей островных немецких говоров союз «unn / enn / onn» также нередко употребляется в качестве зачина эллиптического встречного вопроса, требующего уточняющего или разъясняющего ответа или обозначающего противоположное мнение:

Таблица 1

Сочинительные союзы в островных немецких говорах Алтая

перечисление или присоединение	противоположение, противопоставление	причинно-следственные отношения
unn / enn / onn aa, aach, ooch / ook, uuk palt .. palt / to ... to escht } eescht } ... { nort (noat) eascht } { nodr ischt } { noot { dann (tann) { tonn net plous } nech bluus } ... { no (aach) net krat } { ach (net) noo net } { no noch { awer ach { noch { awer ach net (nit) } nicht } ... { net (nit) nech } { nicht ni } { nech { no net { unn net { ach net	oba (uba)/ awer (awa, aber, aba) a no no ... toch so ... ach, doch / toch; oder (oda) / ili oder(oda) ... oder(oda) / ili ... ili; sonst /sunscht / schunst /schunscht / sunst / sens /sinst to a to;	dondewejn / tondewej(e) /tantwee / towejн (deshalb) for tes, weje tem trum ewe

Ннем.: - Et' t'lew, **deut** jaft nuscht.

- **Enn** wuaron?

Внем.: - Pis es recht kekocht hot, hun ich Kertowel keschejt,
o pissje Riwe,

Kelriwe... Hun ich tes alles noikeschmise.

- **Unn** Zwiewel?

- Nu Zwiebel mise aach tepai sin.

Другой довольно употребительный союз с соединительной семантикой – союз «auch», выступающий в немецких говорах Алтая в формах «aa, aach, ooch / uuk, ook», указывает на добавочность информации:

Ннем.: Sau es jekume, det wi nū ook Televisor habe, ook Telefon habe, ook Elektrolecht.

Внем.: Hot keschafft in Kolchos vurschiedene Arweide, aach Stroitel, aach Tokarj, wie es to keht in Kolchos.

Союз выступает в качестве синонима союзу «unn/enn/onn», однако присоединяемая им информация преподносится как ме-

нее ожидаемая. Может сочетаться с союзом «und», усиливая его значение:

Внем.: To ware Ebel, alle alle Opst un ach alle Gemise un ach Kartowel tem bolee.

Занимая более свободную позицию в предложении по сравнению с союзом «unn/enn/onn» союз «aa, aach, ooch / uuk, ook» может стоять как перед вводимым элементом, так и после него:

Ннем.: T'et' mul Jehoon, bet'et' di daut gaut enn si nech ene haust, of en rodel'et T'lejt mine Hoo **ook** bipaust.

Et' hab ool racht klok mi en achtiin jekoft, enn det pauss mi dann **ook**.

Довольно употребителен в рассматриваемых говорах союз, соответствующий современному литературному «erst...dann» и выступающий в фонетических вариантах «escht ... nodr (nort, noot, noat)», «escht (eescht, eascht, ischt) ... dann (tann, tonn)»:

Внем.: **Escht** hade se Madje kenomme, **tonn** haben se noch Frauen knomme.

Ннем.: Ischt woscha wi te Fenstersch, un dann woscha wi de Flöa.

Особенно распространено употребление данного союза в повествованиях при изложении очередности событий и ситуаций. При этом второе элементарное предложение нередко элиминируется:

Внем.: Escht sin mer noch Nikolaewka iwerzouhe, nort noch Podsosnowo.

Escht hun wir aach unser Kuh kehat unn Schwain kehale, na jetz plous Hennes unn Gäns.

Особого внимания заслуживают многоместные присоединительные союзы, отличающиеся широкой вариативностью форм как в разных говорах, так и внутри одного говора. В первую очередь стоит отметить группу союзных средств, употребляемых для выражения значения, соответствующего немецкому «nicht nur... sondern auch». В исследовательском корпусе нам встретились следующие варианты: net plous ... aach / net plous ... no aach / nech blous ... no / net krat ... no noch / net krat ... awer aach / net ... aach / noo net ... awer aach / net krat ... noch. Отличительной чертой этой группы является употребление отрицания в первой части предложения, с помощью которого отрицается его уникальность и особая значимость, и присоединительно-противительное значение второй части союза, благодаря чему соединяемые союзом элементы получают равную подчеркнутую значимость:

Внем.: Net ploug unser Familje, no aach onre Lait kommdede torde hi.

Вторая группа многоместных союзов с присоединительным значением соответствует значению немецкого союза «weder ... noch». Союзы этой группы за счет повторяемости отрицательного элемента совмещают соединительную функцию с функцией усиления и тем самым обеспечивают более тесную связь компонентов предложения.

Внем.: So sin mer schon Taittsche – mer kenne pal **nicht** mehr taittsch **noch** net russisch.

Ннем.: Nech et', nech mine Maa wisst det nech. = Weder ich noch meine Mutter wussten das.

Характерной чертой данной группы союзов является обязательное повторение отрицательного компонента перед обеими частями сложного предложения: net ... net / nicht ... nicht/ nech ... nech/ net ... no net/ ni ... net/ net ... aach net/ nit ... nit / net ... un net.

Третья группа представлена соединительным составным союзом «palt .. palt» = нем. «bald...bald» и конкурирующим с ним в говорах русским союзом «то ... то», которые используются для присоединения быстро сменяющих друг друга событий или ситуаций, несовместимых во временном плане:

Внем.: To schneet's, to regent's. / Palt schneet's, palt regent's.

Ннем.: To aul, to goa nuscht. / Bald alles, bald gar nichts.

Об употреблении конкурирующих союзов можно судить по распространению союза «то ... то», проникающего в говоры из русского языка, распространившегося повсеместно и практически вытеснившего соответствующую немецкую диалектную форму [2, с. 139].

Вторая по распространенности группа сочинительных скреп – противительные союзы – в отличие от соединительных союзов не соплагают события и явления, а противопоставляют их: при противительных отношениях соединяемые союзом элементы (слова, словосочетания, элементарные предложения) совершаются одно вопреки другому, ограничивают друг друга.

Наиболее употребительный в этой группе союз „aber, aba, awa / oba, uba, ouba“ выражает отношения несоответствия, несовместимости, противоположности:

Внем.: Kolchosniki, tie krieche es pissje pilliger, **awer** misse se toch zahle.

Ja. Schwester hab ich nur oo, **awer** Kbrieder habe ich finf.

Im Feld gibt's ach tieese Erdbeere, **awer** ich kann sie nicht mehr hole. Friehe haben mr ach tie kehold uns un habe uns so Waren'e gekocht. Alles. Awer jetzt kann ich net mehr.

Ннем.: Et jacht ok, **oba** et' hab noch t'oine Flint.

Hab schwo jehaud, **uba** te dem fendochsche Dach, wann et' nudent'e, dau seja enteressaunt es det jewise.

С помощью союза „aber, aba, awa / oba, uba, ouba“ могут противопоставляться не только члены простого предложения и элементарные предложения в составе сложного, но и целые линии повествования в структуре текста:

Ous soi nen'jekumme es nu de Sesta, haft se jekloucht. Wout kunn de Sesta moke, det wi en oula Mensch. De Sesta hod de oula Frü en Rezept rütjeschribe en oulles vetalt, wout soi moke soll. De Frü soll met desem Rezept en de Apotej gunne en fe sech Schmä t'ojpe. Met desem Schmä soll soi sech det kranke T'rits enriwe.

Uba de oule Frü hod oulles nech söu vestune. Ous drei Duogh vegune wire, koun soi nu de Sesta ene Belneze en hod wada jekloucht, dot de Rezept nech jeholpe hod. Os soi dem Rezept de Sesta jewise hod, es oulles kluo jeworde. De oule Frü wi nech nu de Aptet' jegune, seu hod dem Rezept op'em T'rits jelacht.

В вышеприведенном тексте с помощью союза «uba» связываются две ситуации: в первой излагаются предписания медсестры больному, во второй описывается поведение женщины, которое этим предписаниям противоречит. При этом предложение с союзом «uba», вводящее вторую ситуацию, противопоставляет не отдельные предложения, а ситуации целиком.

Совмещение несовместимого, несхожего, различного констатируется в рассматриваемых островных немецких говорах союзом «doch» (иногда в сочетании с „aber, aba, awa / oba, uba, ouba“):

Внем.: Nu in ti Schul sollte mr nur Ruschig spreche, to turfte mr Toitsch net spreche, **toch** is es ksproche wore.

Ннем.: Schmä't'e es onjesund, **awer** Mänsche schmä't'e **doch**.

Носители верхненемецких говоров для выражения данного вида отношений нередко прибегают к русскому союзу «но»: Rauchen is schwach fer tie Ksunheit, **no** viele Lait rauche toch.

Значение альтернативы, выбора одной из нескольких предложенных возможностей выражается союзом «oder, oda / oda, ouda»:

Внем.: Ja, ich waß net, si fahre in ti onere Stadt **oder** si plaiwe tort, wo si jetz sin.

Nu jetz hun ich schon Gurke oikemacht un ta hun ich schon aach te Griby, **oder** Pilze, wie se si nenne, oikemacht.

Ннем.: Do sit' wi anst ap ne Pasatke **oda** en Woultje.

В некоторых случаях на основное значение союза накладывается значение неуверенности, сомнения:

Внем.: Un jezert ises waschöinlich schun Jahre finwe **oder** noch länger schon, wo er Predsedatelj is.

Te Handi, te hot woobschtsche tie 9.Klass puendigt, weiß net, te war eine Vierte **oder** zwei.

Ннем.: Een **oda** twee Mol em Mounat kaum hei.

Wi daut rusche Schole, **oda** uck op Dietsch?

В приведенных примерах союз «oder/oda», выражая альтернативу, возможность другого варианта, ставит под сомнение предыдущее высказывание.

Противительное значение данного союза может также совмещаться со значением возможного следствия:

Внем.: Fahr sachtiger, **oder** ich wer pejs!

В таких предложениях союз «oder» выступает в роли синонима союза «sonst»: Fahr sachter, sonst werde ich böse!

В риторических вопросах данный союз обозначает, что выражения партнера по коммуникации в говор русского «или ... или» не принимается всерьез:

Внем.: Ter kann toch Ruschig, oder is'r net krouß wore in Roglont?

Иногда наряду с исконно немецким союзом «oder» носители островных немецких говоров могут употреблять и заимствованный из русского языка союз «или»:

Внем.: Kehst mit uns ili plaibst tehom?

Однако такие примеры скорее исключение, чем правило, в большинстве случаев для выражения альтернативы носители говора прибегают к союзу «oder». Подобная картина складывается и с употреблением составных противительных союзов – диалектного «oder ... oder / oda ... oda» в значении «entweder...oder» и проникающего в говор русского «или ... или» [2, с. 137]. Диалектный союз в его различных фонетических вариантах распространен повсеместно, в то время как употребление русского союза носит характер единичных вкраплений

Для выражения отношений, акцентирующих взаимоисключение, несовместимость, разграничение (выбор) в рассматриваемых говорах употребляется союз «sonst», выступающий в разных фонетических вариациях – sonst / sunscht / schunst / schunscht / sunst / sens / sinst:

Внем.: Wir hun spidder aach mit moi Monn tie Maschin angeschafft, **sonst** sin me alles mit te Rad kefare.

Ннем.: Mot me de Dea tomoke, **sonst** futjähle me ens.

Зачастую предложения с данным союзом выражают отношения альтернативной мотивации, побуждают слушающего сделать что-либо с целью избежать какой-то ситуации. Иногда носители прибегают в таких случаях к употреблению русского союза «а то» со схожей семантикой:

Внем.: Is jetzt elf Jahr, te Kirch is kebaut, **a to** sin sie immer in ti Haiser kongen.

Самой малочисленной группой среди сочинительных союзов являются союзы, выражающие причинно-следственные отношения. В островных немецких говорах Алтая данная группа представлена союзом «dondewejn / tondeweger / tantwee / tondewej(e) / towejn» = „deshalb, deswegen“ и его факультативными вариантами «for tes», «weje tem», «trum ewe»:

Внем.: Tene kommr's pilliger raus, **tondeweger** rapple tie.

Ннем.: Jester wie Reajewader, dondewejn pläiw wi te Hüs.

Действие второго предложения, присоединяемого с помощью этих союзов, обозначает следствие, результат первого. В аналогичном значении употребляется и союзное наречие «so»:

Внем.: Sin schon all tort kefare, **so** spreche to wenig Taitsch.

Таким образом, сочинительные союзы в островных немецких говорах Алтайского края отличаются большим разнообразием форм как в разных говорах, так и внутри одного говора (в первую очередь за счет фонетических различий говоров и не в последнюю за счет присущей говорам лексической вариативности) и распределяются по трем основным классам в зависимости от семантики и выполняемых функций: присоединительные, противительные и выражающие причинно-следственные отношения союзы. Наряду с основным значением некоторые сочинительные союзы могут дополнительно выражать ряд других значений. В первую очередь это относится к наиболее древним и наиболее распространенным союзам, таким как «unp / enp / onp», «aa, aach, ooch / oook, uuk», «oba (uba) / awer (awa, aber, aba)», «oder (oda)».

Сочинительные союзы в островных немецких говорах не являются закрытым классом слов, в их составе под влиянием русского языка появляются новые простые и многоместные скрепы, что открывает широкое поле для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Семенюк, Н.Н. Развитие сложного предложения в немецком языке XII-XVIII вв. – М., 2010.
2. Москалюк, Л.И. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае: в 2 ч. / Л.И. Москалюк, Н.В. Трубакина. – Барнаул, 2011. – Ч. 2.

Bibliography

1. Semenyuk, N.N. Razvitie slozhnogo predlozheniya v nemeckom yazihke XII-XVIII vv. – M., 2010.
2. Moskalyuk, L.I. Lingvisticheskiy atlas nemeckikh dialektov na Altae: v 2 ch. / L.I. Moskalyuk, N.V. Trubavina. – Barnaul, 2011. – Ch. 2.

Статья поступила в редакцию 19.09.14

УДК 81

Ma Jia-ying. GRAMMATIKA SLOVENSKAYA (1723) BY FYODOR MAKSIMOV: THE STRATEGIES AND PARAMETERS OF GRAMMATICAL DESCRIPTION. The paper conducts a linguistic and textological research of “Grammatika Slovenskaya”, edited by Fyodor Maksimov in 1723 and abridged by Meletiy Smotritsky. This work on grammar hasn't been given a scientific study. Through this work the F. Maksimov realizes a concept of didactic grammar and sees his task as this relation – “minimum of metalanguage – maximum of object-language”. It actualizes in the following: a) the change of logical definitions of grammar terms by illustrative explanations; b) the change of rules and algorithms by tables and schemes; c) the change of a dialogue format by a monologue. F. Maksimov introduces “a poetic prosody” as a allogenic for the Slavic grammar. F. Maksimov's grammar tends to be clear and simple for what the author chooses a *more simplified code*. The researcher of the paper notes that a didactic type of grammar, designed by F. Maksimov was further developed in the Slavic-Russian grammatical tradition and influenced later grammar researchers such as Fyodor Polikarpov and Ivan Ikonnik.

Key words: Slavic-Russian grammatical tradition, Church Slavonic language, didactic grammar.

Цзя-ин Ма, аспирант каф. русского языка Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: svetama0206@gmail.com; **Е.А. Кузьминова**, д-р филол. наук, доц. филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: elenk2002@mail.ru

«ГРАММАТИКА СЛОВЕНСКАЯ» ФЕДОРА МАКСИМОВА (1723 Г.): СТРАТЕГИЯ И ПАРАМЕТРЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Статья посвящена лингвистическому и текстологическому исследованию «Грамматики словенской» Федора Максимова (1723 г.), сокращенной версии грамматики Мелетия Смотрицкого, которая до настоящего времени оставалась за пределами внимания исследователей и не была изучена. Ф. Максимов, реализуя концепцию дидактической грамматики, решает задачу «минимум метаязыка – максимум языка-объекта» тремя основными способами: а) замена логических определений грамматических терминов остенсивными; б) замена правил-алгоритмов таблицами и схемами; в) замена диалогического формата монологическим. В отличие от грамматики Мелетия Смотрицкого, Ф. Максимов выводит «стихотворную просодию» как чужеродную для славян из сферы компетенции грамматики. Заботой об удобстве любителей и учеников продиктовано *введение* в данной грамматике *гипертекстовых элементов*: а) оглавления; б) внутритекстовых ссылок. Более того, Ф. Максимов реализует установку на достижение ясности и понятности посредством *упрощения кода*. Автор приходит к выводу о том, что концепция дидактической грамматики, разработанная и реализованная Федором Максимовым, получила дальнейшее развитие в славяно-русской грамматической традиции и глубоко повлияла на последующих писателей Федора Поликарпова и Ивана Иконника.

Ключевые слова: славяно-русская грамматическая традиция, церковнославянский язык, дидактическая грамматика.

Вплоть до первых десятилетий XVII в. Грамматическая образованность не носила обязательного характера, распростра-

нялась крайне медленно и в ограниченной степени. Овладение языком по «грамматике» как алгоритмическими правилами дол-

Таблица 1

ГС	Г1723
<p>Ū ВѢДѢ:</p> <p>ВѢДѢ ѣстѣ первообразагѡ речѣнїа ѿ произвѣднагѡ раздѣленїе.</p> <p>ВѢДИ сѣтъ два: Первообра́зный: ѿ Произвѣдный:</p> <p>Первообразный вѢДѢ ѣстѣ/ ѿже ū ѿнѣдѣ не произвѣдитѣсѧ: ѡкѡ, златѡ/ древо: ѿ прѣ:</p> <p>Произвѣдный ѣстѣ/ ѿже ū первообразагѡ произвѣдитѣсѧ: ѡкѡ, златый/ древа́ный: ѿ прѣ. (л. 29 об.)</p>	<p>ВѢДИ сѣтъ, ѿ.</p> <p>Первообра́зный/ ѿли первополо́жный, Произвѣдный,</p> <p>ѡкѡ { златѡ, златый.</p> <p>(с. 6)</p>
<p>Ū ЧИСЛАѢ:</p> <p>Число ѣстѣ множества ѿли ма́лости ѿзвѣленїе:</p> <p>Числа сѣтъ три/ Е́динственнѡе/ Дво́йственнѡе/ ѿ Мно́жественнѡе: </p> <p>Е́динственнѡе ѣстѣ/ ѿже е́динѣ вѣщѣ знаменѣетѣ: ѡкѡ, то́и члѡвѣкѣ:</p> <p>Дво́йственнѡе ѣстѣ/ ѿже ū дво́ю вѣщѣ повѣствѣ- етѣ: ѡкѡ, та члѡка:</p> <p>Мно́жественнѡе ѣстѣ/ ѿже мно́га вѣщи прѣставляѣетѣ: ѡкѡ, тѣи члѡци.</p> <p>(л. 30 об.-31)</p>	<p>Числа сѣтъ, ѿ.</p> <p>Е́динственнѡе/ Дво́йственнѡе/ Мно́жественнѡе/</p> <p>ѡкѡ { члѡкѣ, члѡка, члѡци.</p> <p>(с. 6)</p>
<p>Ū Лица:</p> <p>Лица гла сѣтъ три: Пѣрвое: Вто́рое: Трѣ́тїе:</p> <p>Пѣрвое лице ѣстѣ/ ѿмѣ же ко́елико сѣх приложѣтисѧ мо́жетѣ, ѡзѣ/ на/ нѣ/ мы: ѡкѡ, ѡзѣ бѣѡ/ на бѣѡва/ нѣ бѣѡвѣ/ мы бѣѡмѣ.</p> <p>Вто́рое лице ѣстѣ/ ѿмѣ же ко́елико сѣх приложѣтисѧ мо́жетѣ, ты/ ва/ вѣ/ вы: ѡкѡ, ты бѣѣши/ ва бѣѣта/ вѣ бѣѣтѣ/ вы бѣѣте.</p> <p>Трѣ́тїе лице ѣстѣ/ ѿмѣ же ко́елико сѣх приложѣтисѧ мо́жетѣ, ѡнѣ/ ѡна/ ѡно: ѡна/ ѡнѣ: ѡни/ ѡны/ ѡна: ѡкѡ, ѡнѣ/ ѡна/ ѡно бѣѣтѣ: ѡна бѣѣта/ ѡнѣ бѣѣтѣ: ѡни/ ѡны/ ѡна бѣѣтѣ. (л. 120)</p>	<p>Лица, ѿ.</p> <p>пѣрвое второе трѣ́тїе</p> <p>{ ѡкѡ }</p> <p>бѣѡ бѣѣши бѣѣтѣ.</p> <p>(с. 34)</p>

жно основываться на формальном школьном обучении. Между тем почти до начала XVII в. Достоверных данных о таком обучении нет; если оно и имело место, то охватывало лишь весьма узкий круг [1, с. 73].

Целенаправленное внедрение грамматической образованности, предполагающее операциональное освоение церковнославянского языка начинается в Петровскую эпоху в соответствии с «Духовным регламентом» 1721 г. учреждается система школьного образования, а специальными указами Петра I от 1723 и 1724 гг. предписывается обязательное включение в учебные программы славянской грамматики [2, с. 108-121; 3, с. 379].

В целях обеспечения учебного процесса в учрежденных школах и училищах учитель новгородской «Грекословенской» школы Федор Максимов создал сокращенную версию грамматики Мелетия Смотрицкого «Грамматика славенская въ кратце собранная въ Грекословенской школѣ, ꙗже въ великомъ Новѣ градѣ при домѣ Архїерейскомъ» (СПб., 1723) (далее Г1723). Необходимость создания нового грамматического руководства Ф. Максимов объясняет тем, что «преждейданная» грамматика М. Смотрицкого (Евѣе, 1619; 2-е изд. М., 1648; 3-е изд. М., 1721) (далее ГС) не отвечает базовому дидактическому принципу – принципу доступности [4, с. 230], поскольку по своему содержанию и объему является непосильной для учащихся, она достаточно трудна и сложна для детей: «пространнымъ расположѣнемъ сочиненна, дѣтемъ же во оученїи возмнѣся быти продолжителна, ꙗ разѹмъ ѿ пꙋмлати ихъ множества ради ѡтлаготїтелна» (с. 3).

Адресуя свою грамматику «младымъ дѣтемъ» (с. 6), Ф. Максимов ставит перед собой задачу оптимизировать понимание и усвоение учебного материала, облегчить восприятие сложных грамматических правил и предписаний. Исходная дидактическая целеустановка на создание учебного пособия, которое бы

излагало учение о книжном языке «въ кратце» (с. 3), «оудобнѣ» (с. 7), определила общую стратегию грамматического описания, способы организации и презентации теоретического и языкового материала.

«Краткость», которой, по замыслу Ф. Максимова, будет «наслаждѣтисѧ» читатель (с. 8), достигается в грамматике за счет радикальной минимизации метаязыкового комментария. Основное содержание Г1723 составляют единицы языка-объекта, представленных на схемах, в таблицах и парадигмах. Поставленную задачу «минимум метаязыка максимум языка-объекта» Федор Максимов решает тремя основными способами.

Во-первых, он отказывается от логических дефиниций грамматических терминов, данных Мелетием Смотрицким, и последовательно заменяет их дефинициями остенсивными, состоящими в непосредственном указании на то языковое явление, к которому относится термин, но не объясняющими его, т.е. дефинициями через перечень примеров. Так, например, дефиниции, имеющие «нулевую форму», получают в Г1723 все термины, обозначающие грамматические категории каждой части речи в разделе «Ѡ ѡтѹмолѡгїи». Примеры изменений, внесенных Ф. Максимов в исходный текст ГС, представлены в таблице 1.

Второй способ минимизации метаязыкового комментария, избранный Федором Максимовым, – это замена правил-алгоритмов, разработанных Мелетием Смотрицким, видеограммами «табелнаго чїна» (с. 7): искусно выполненными таблицами и схемами. В современной лингводидактике видеограммы рассматриваются как важное средство обучения, позволяющее оптимизировать и активизировать учебный процесс [4, с. 52]. Так, например, все пространственные орфографические правила, занимающие в московском издании ГС семь листов (л. 51–57), Федор Максимов демонстрирует учащимся на одной наглядной и информативной схеме (таблица 2).

Таблица 2

Г1723									
Прави́льное о́ употребле́нїе пра́вописа́нїа.									
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	къ паде́жѣхъ ѿ чїсѣ́лъхъ разнѣ́хъ.	творѣ́цъ/ творѣ́цъ/ мравѣ́емъ/ мравѣ́е/ бл҃гнѣ́/ бл҃гнѣ́/ рѣдѣ́/ рѣдѣ́/ а́ппомъ/ а́ппомъ/ сегнѣ́/ сегнѣ́	пра́вописа́нїемъ разнѣ́хъ дѣла́тъ. мѣръ/ мѣръ/ мѣръ/ вѣнѣ́/ вѣнѣ́/ зѣлѣ́дъ/ зѣлѣ́дъ/ бл҃го/ бл҃го ѡзы́къ/ ѡзы́къ/ фѣ́дѡврѣ́/ фѣ́дѡврѣ́/ пѣ́рстѣ́/ пѣ́рстѣ́.	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
								ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ								
		ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ						
				ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ				
						ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ		
ѣ ѣ и ѣ о ѡ ѡ ѡ	ѣ ѣ и ѣ о								

(с. 2)

Таблица 3

ГС	Г1723
ЧТО ЁСТЬ ГРАММАТИКА: Ёсть ѿзвѣстное хѣдѡжество блгѡ ѿ глѣти ѿ писати оучащее; (л. 5)	Грамматика ёсть хѣдѡжество дѡбрѣ глѣти ѿ прѣвѡ писати оучащее. (с. 1)
Колѣкѡ ёсть писмѣнѣ славѣнѡмъ; Четырѣдесѣ: (л. 6)	Писмена славѣнѡмѣ сѣтъ, ѡ. (с. 1)

Таблица 4

ЎГЛАВЛЕНІЕ КНИ́ГИ ВЕСА СЕА.	
Ў Фрѣографіи.	страница а.
Ў ѣтѣмолѣгѣи.	а.
Ў имени.	тамже.
Ў мѣстоимѣни.	кз.
Ў глаголъ.	лг.
Ў причастіи.	зд.
Ў надглаголіи.	зе.
Ў предлозѣ.	пд.
Ў союзѣ.	пѣ.
Ў междомѣтѣи.	пѣ.
Ў сѣнтази.	чв.

Таблица 5

а	
Аномала, или иноскла́ннаа имена.	ка.
Апострофъ гдѣ полагается :	рѣ.
Аще, аще во, аще и, аще оубо, какъ счиняются :	рзи.
Аще, иногда подчиняется себѣ частицѣ то, иногда же имѣетъ силу Ѿрицательнѣю.	
Аще, иногда прѣмлемо вопросительнѣ.	рѣ.
Аще бы, аще бы оубо, аще не, какъ сочиняется :	тамже.
Аминь, чesѣ радн не прелагается на инъ ѿзыкѣ :	пд.

Неприемлемым для Ф. Максимова является и использование в учебной грамматике диалогической, катехизисной формы изложения, которая ранее, напротив, признавалась наиболее доходчивой формой обучения и была задействована во всех предшествующих грамматиках церковнославянского языка и рукописных грамматических трактатах: «предсѣднѣ за оупотребленіе краткости, вопросѣвѣтнѣе грамматическихъ частей ѡпредѣленіе ѡставити, доволнѣ селѣ въ преждеданныхъ грамматикахъ зрѣнѣсѣ» (л. 4). Ф. Максимов отвергает диалогический формат и последовательно заменяет его монологическим в целях сокращения объяснительной части (таблица 3).

Сокращение исходного текста ГС осуществляется не только за счет метаязыка, но и на концептуальном уровне. Из сферы компетенции грамматики Ф. Максимов выводит «стихотворную просодию» как чужеродную для славян. основополагающая для стихотворной теории классификация гласных по признаку долготы/краткости была унаследована от греческой грамматической традиции и не являлась органичной для церковнославянского языка: «таже стѣхотворнаа просѡдіа, славѣниѣ ѿкъ не нѣжна и ѣдѣа оупотребляема, ѡставнѣсѣ. а ѿкъ

и зрѣтсѣа нѣкѣа стѣхи равносѡжнѣ и подовокончателнѣ славѣны оупотребляемы: но сѣи токъмъ содержѣтъ рѣды пѣитѣскѣа, а мѣра въ нѣхъ весма не хранѣтсѣа» (с. 6). Исключение из грамматики стихотворной просодии закономерно влечет за собой и отказ от двух разработанных М. Смотрицким классификаций гласных и согласных. Ф. Максимов исключает «второе раздѣленіе» гласных по квантитативному признаку, привнесенному из греческого языка («по Грекъмъ мѣритѣкнагѣ въ слога количѣства» ГС л. 6 об.), и «второе раздѣленіе» согласных по характеру их влияния на количество гласных в предшествующем слоге (ГС л. 8 об.).

Заботой об удобстве «любопытѣлей» (с. 2), учеников, продиктовано введение в Г1723 гипертекстовых элементов, позволяющих «читать текст в направлении не от первой страницы к последующим, а от «нужной» страницы к другим «нужным» [5, с. 469], легко ориентироваться в тексте. Ф. Максимов предваряет текст своего учебного пособия оглавлением, отсутствующим в ГС.

Ф. Максимов также снабжает свое руководство внутритекстовыми ссылками: «ѡ семѣи ѿцѣи на страницѣ чз, и на стр : чз, и на стр : ркг, и рѣд» (с.129), и предметным

указателем: «ѡбѣлѣніа кнѣге сѣа по азбѣцѣ скорагѣ радн ѡвѣрѣніа» (с. 213–236), «кѡтѡрое ѡбѡтцѣтелѣмъ ѡнѡ [т.е. грамматику] ѡудѡбнѣ възвѣновѣлѣти, ѡ ѡснѡ ѡчесѣмъ предѣставѣлѣти мѡжетъ» (с. 7).

Установка на достижение ясности и понятности текста учебного пособия реализована Ф. Максимовым посредством упрощения кода – «приложѣніемъ простѣхъ речѣній речѣній, понѣже... славѣнскѣа речѣніа, русскѣи сѣмѣлѣ разѣмѣвѣма» (с. 3). Объяснение «простѣхъ речѣній»

получают в Г1723 маркировано книжные церковнославянские формы – относительные местоимения (ѡже ѡже ѡже), простые претериты и перфект со связкой, краткие причастия, согласованные по роду, числу и падежу с подлежащим, конструкция дательный самостоятельный, презентные формы второго лица с форматом -ши и др.:

бѣжѣнъ мѡжѣ, ѡже не ѡде. простѣ речѣ: бѣжѣнъ мѡжѣ, кѡтѡрый не ѡде (с. 98); ѡже ѡудѣржѣлѣ ѡснѣ сѣбѣ. простѣ: кѡтѡрогѡ ѡудѣржѣлѣ тѣ ѡ сѣбѣ длѣ слѡжѣніа, ѡнѣ помѡщи, ѡ пользы (с. 109); сѣдѣа на брѣта тѡбѣгѡ клеветѣлѣ ѡснѣ. простѣ ѡупотребѣлѣтѣсѣ: клеветѣлѣ сѣдѣчи (с. 128–129); ѡснѣ рѡждѣшѣа въ ѡбѣлѣемъ ѡдѣстѣемъ. волсѣи ѡ вѡстѣмъ прѣдѡша

Библиографический список

1. Живов, В.П. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник: О книге: D.S. Worth. The Origins of Russian Grammar the Russian Grammar. Notes on the Russian Philology before the Advent of Printed Grammar (=UCLA Slavic Studies. Vol. 5). Columbus, 1983 // Russian Linguistics. – 1986. – № 10.
2. Пекарский, П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. – СПб., 1862. – Т. I.
3. Флоровский, Г. Петербургский переворот // Из истории русской культуры. – М., 1996. – Т. IV (XVIII – начало XIX века).
4. Щукин, А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. – М., 2008.
5. Мечковская, Н.В. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекция по общему языкознанию. – М., 2009.
6. Кузьмина, Е.А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. – М., 2012.

Bibliography

1. Zhivov, V.P. Slavyanskije grammaticheskie sochineniya kak lingvisticheskiy istochnik: O knige: D.S. Worth. The Origins of Russian Grammar the Russian Grammar. Notes on the Russian Philology before the Advent of Printed Grammar (=UCLA Slavic Studies. Vol. 5). Columbus, 1983 // Russian Linguistics. – 1986. – № 10.
2. Pekarskiy, P.P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. – Spb., 1862. – T. I.
3. Florovskiy, G. Peterburgskiy perevorot // Iz istorii russkoy kul'turi. – M., 1996. – T. IV (XVIII – nachalo XIX veka).
4. Thukin, A.N. Lingvodidakticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 2008.
5. Mechkovskaya, N.V. Istoriya yazhka i istoriya kommunikacii: ot klinopisi do Internetu: kurs lekciya po obtemu yazhkoznaniyu. – M., 2009.
6. Kuzjminova, E.A. Razvitie grammaticheskoy mihsli Rossii XVI–XVIII vv. – M., 2012.

Статья поступила в редакцию 05.09.14

УДК 811.512.156

Ondar V.S. THE GROUP OF MOTION VERBS WITH THE MEANING 'TO GO DOWN, DESCEND' IN THE TUVAN LANGUAGE. This article gives a lexical semantic description of motion verbs with the main meaning of 'to go down, descend'. The main (nuclear) verb of this group is defined. Lexical semantic invariants of the motion verbs are also found and analyzed. Certain semes and components serve as a criterion for the meaning differentiation. Various meanings of polysemantic verbs are resulting from the lexical context and their collocations. Lexical compatibility is a condition for realization of a certain meaning. Some differentiation markers distinguishing one lexical semantic invariant from the other invariant have been defined. The semantic distinctive features of the motion verbs are analyzed. Such parameters as "subject of motion", "place of motion", "the way of motion/means of transportation" are set up. The author also finds such lexical units that indicate types of space orientation, which are very characteristic for the Tuvans, e.g. 'down the river', 'towards the valley', etc.

Key words: Tuvan language, verb of motion, lexico-semantic invariant, semantic structure of verbs, lexical meaning, seme.

В.С. Ондар, канд. филол. наук, ст. преп. каф русского языка Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: barys-hoov@mail.ru

ГРУППА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «СПУСКАТЬСЯ ВНИЗ» В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья посвящена структурно-семантическому описанию глаголов движения с общим значением «спускаться вниз». Установлен базовый глагол группы. Выявлены и рассмотрены лексико-семантические варианты (ЛСВ) анализируемых глаголов. Дифференцирующим и смысловоразличительным критерием в выделении отдельных значений в структуре данных глаголов выступают определенные семы, компоненты. Разные значения многозначных глаголов выводятся из их лексического окружения, их сочетания с другими словами. Сочетает-

мость с разными словами выступает как условие реализации того или иного значения. Определены дифференциальные признаки, по которым один ЛСВ противопоставляется другому. Проанализированы особенности семантики глаголов движения. Выявлены различия по таким параметрам как «субъект движения», «среда передвижения», «способ совершения движения». Установлены лексемы, указывающие на типы пространственной ориентации, свойственной тувинцам (по течению рек, в сторону долины).

Ключевые слова: тувинский язык, глагол движения, лексико-семантический вариант, семантическая структура слова, лексическое значение, сема.

Глаголы представляют большой интерес с точки зрения их лексической семантики. Глагольная лексика объединяется в лексико-семантические группы (далее ЛСГ). ЛСГ глаголов структурированы. Это делает их благодатным материалом для изучения системных отношений.

Изучению ЛСГ тюркской глагольной лексики положил начало Н.К. Дмитриев. Он выделил семантические группы глагола: глаголы речи, мышления, активного действия и движения [1]. В тюркских языках Южной Сибири исследование системной глагольной лексики ведется представителями Новосибирской научной школы (А.Н. Чугунова [2], Б.Б. Саналова [3], А.А. Салчак [4]).

Целью работы является структурно-семантический анализ группы глаголов движения с общим значением «спускаться вниз».

Фактический материал извлекался путем сплошной выборки анализируемых глаголов из «Тувинско-русского словаря» [5], «Толкового словаря тувинского языка» [6] и художественных произведений тувинских писателей.

Глаголы движения объединены по наличию в их лексическом значении общей категориально-лексической семы 'спускаться вниз'. В данную группу входят следующие лексемы: *бат* = 'спускаться вниз по реке или с более высокого места на более низкое'; *д-ш* = 'спускаться'; *кудула* = 'снижаться', *чавыза* = 'снижаться', *шикээрле* = 'отправляться в низину, долину'; *хон* = 'приземляться'.

Глаголы движения с общим значением «спускаться вниз» включают следующие семантические компоненты: 1) субъект движения; 2) среда передвижения; 3) способ совершения движения.

Базовым глаголом данной группы является глагол *бадар*. В «Толковом словаре тувинского языка» слово *бадар* представлено в следующих значениях: 1) спускаться вниз по реке или с более высокого места на более низкое; 2) течь, стекать; 3) плыть вниз по течению реки; 4) понижаться (напр. о солнце); 5) падать с неба, идти (о снеге); 6) падать сверху или лететь к земле; 7) постепенно ослабевая исчезать. Анализ семантической структуры слова *бадар* в тувинском языке позволяет говорить о его многозначности. В работе будут рассмотрены те значения, которые характерны для глагола движения. Это следующие значения: 1) спускаться вниз по реке или с более высокого места на более низкое; 2) течь, стекать; 3) плыть вниз по течению реки; 4) понижаться (напр. о солнце); 5) падать с неба, идти (о снеге); 6) падать сверху или лететь к земле.

Для данного глагола в качестве основного мы выбираем ЛСВ₁ 'спускаться вниз по реке или с более высокого места на более низкое'. Это значение связано с географическими особенностями ареала, со спецификой своеобразных условий жизни тувинцев. Для тувинцев характерна ориентация относительно реки, горы. Данные значения различаются между собой по следующим параметрам:

1. Субъект движения.

ЛСВ₁ 'спускаться вниз по реке или с более высокого места на более низкое'. Дифференциальными для данного значения являются семы 'двигаться вниз по течению реки', 'двигаться откуда-либо сверху вниз, сходя по чему-либо'. Субъектами движения при ЛСВ₁ 'спускаться вниз по реке' являются человек, животное, транспортное средство. Например, *Авам мени холумдан чедип алааш, суану куду бадыпкан* (МК-Л, с. 342) – 'Мать, взяв меня за руку, ушла вниз по реке'; *Аъттар хоорайның кудумчузу-биле бадыпкан* (КМ, с. 38) – 'Лошади ускакали вниз по улице города (вниз по реке)'; *Дарганың машиназы хемни куду халдып бадыпты* (МК-Л, с. 326) – 'Машина начальника уехала вниз по реке'.

При ЛСВ₁ 'спускаться с более высокого места на более низкое'. Субъектами движения могут быть человек, животное. Например, *Аңчылар озенни куду бадыпкан* (ЛЧ, 61) – 'Охотники спустились медленно вниз по ложбине'. *Хаяны куду арай боор-*

да бадып келгеннер (ЧХ, с. 178) – 'Они спустились с трудом вниз по скале'; *Чакпыыл-Сарыг кудургайны куду бадыпкан* (К-ЭК, с. 44) – 'Чакпыыл-Сарыг (лошадь) спустилась вниз по склону'.

ЛСВ₂ 'течь'. Для этого значения характерна дифференциальная сема 'двигаться струей, потоком'. При данном значении субъектом движения выступает река. Например, *Ше-нелиг хем агып бадып чыткан* (ОВ, с. 14) – 'Река Ше-нелиг текла'; *Баарында хем баткан* (МК-Л, с. 97) – 'Впереди текла река'.

ЛСВ₃ 'плыть вниз по течению реки' содержит в себе сему 'двигаться по поверхности воды в определенном направлении'. Субъектами движения при данном значении выступают человек, транспортное средство, природный объект, объекты-артефакты. Например, *Балыкчылар хемее олурупкаш, хемни куду бадыпканнар* (К-ЭК, с. 89) – 'Рыбаки, сев в лодку, уплыли вниз по течению реки'; *Сиген сөөрткен хемелер хемни куду бадып тур* (МК-Л, с. 362) – 'Вниз по течению реки плывут лодки, которые возят сено'; *Хемни куду доштар бадып турганнар* (ТЕ, с. 119) – 'Вниз по течению реки плавали льды'; *Куруг шил суану куду бадып чыткан* (СС, с. 130) – 'Пустая бутылка плыла вниз по течению реки'.

Для ЛСВ₄ 'постепенно понижаться, закатываться' в качестве дифференциальной семы выделяется 'понижаться за горизонт'. Зона реализации данного значения очень узкая – субъектом движения является только небесное светило – солнце. Например, *Чайгы хун бадыпкан* (СС, с. 78) – 'Летнее солнце закатилось'.

ЛСВ₅ 'падать с неба, идти' содержит в себе сему 'перемещаться сверху вниз к земле'. При данном значении субъектом движения выступает атмосферное явление (снег). Например, *Харжыгаш бадып турган* (МК-Л, с. 182) – 'Снег шел (падал)'.

ЛСВ₆ 'падать сверху или лететь к земле' содержит в себе семы 'двигаться сверху вниз к земле под действием собственной тяжести', 'двигаться в определенном направлении, перемещаясь по воздуху с помощью крыльев', 'двигаться по воздуху при помощи летательных аппаратов'. Субъектами движения при данном значении выступают транспортное средство, птицы, человек. Например, *Самолет черже оожум бадып чыткан* (К-ЭК, с. 190) – 'Самолет летел медленно на землю'; *Долгандыр-үстүмде, солгаай таламда – он таламда – парашютистер. Оларның бирээзи мени мурнавышаан, черже батты* (КМ, с. 95) – 'Кругом: наверху, с левой стороны, с правой стороны – парашютисты. Один из них, опередив меня, очень быстро полетел на землю'; *Кускуннар чаңыс черге дескинип туруп-туруп, куду черже бадыпканнар* (КМ, с. 289) – 'Вороны, покружив на одном месте, улетели вниз на землю'.

2. Среда передвижения.

При ЛСВ₁ 'спускаться вниз по реке' средой передвижения является твердая поверхность. Реки – это ориентир движения. Например, *Кудумчуну куду бадып орган* (ДА, с. 73) – 'Он шел вниз по улице (вниз по реке)'; *Өскүс-оол Каңгай хемни куду бадыпкан* (СС, с. 17) – 'Өскүс-оол Каңгай ушел вниз по реке'; *Киваа оон ойлааш Улуг-Хемни куду бадыпкан* (СС, с. 40) – 'Киваа, сбегав оттуда, уехал вниз по реке Улуг-Хем'.

Средой передвижения при ЛСВ₁ 'спускаться с более высокого места на более низкое' выступает твердая поверхность. Например, *Кожазында огнүлү ошкүлери каыттан бады келген* (МК, 113) – 'Овцы соседнего дома спустились с горного хребта'; *Ол мээсти куду баткан* (ОВ, с. 51) – 'Он спустился вниз по южной стороне горы'; *Аялга дагыны куду бадыпкан* (СС, с. 60) – 'Аялга спустилась вниз по горе'.

При ЛСВ₂ 'течь, стекать', ЛСВ₃ 'плыть вниз по течению реки' средой передвижения выступает водная среда. Например, *Ше-нелиг хем агып бадып чыткан* (ОВ, с. 14) – 'Река Ше-нелиг текла'; *Хеме хемни куду бадып каан* (ОВ, с. 99) – 'Лодка поплыла вниз по течению реки'; *Улуг-Хем томааны аажок, бадып чыткан* (ДА, с. 24) – 'Улуг-Хем текла очень спокойно'.

При **ЛСВ₄** 'постепенно понижаться, закатываться' средой передвижения является воздушная среда. Например, *Чайгы хун бадыпкан* (ДА, с. 78) – 'Летнее солнце закатилось'.

Средой передвижения при **ЛСВ₅** 'падать с неба, идти' является воздушная среда. Например, *Хар чоорту бадып тур* (ДА, с. 150) – 'Снег постепенно идет (падает)'.

При **ЛСВ₆** 'падать сверху или лететь к земле' средой передвижения является воздушная среда. Например, *Кара эзир чердиге кылыптып баткаш, ак анайны теп алгаш, дээрдиве ужул унутту* (МК-Л, с. 312) – 'Черный орел быстро полетел на землю, схватив белого ягненка, полетел в небо'.

3. Способ совершения движения.

При **ЛСВ₁** 'спускаться вниз по реке' субъект спускается ступая ногами, двигаясь шагом, при помощи транспортного средства. Например, *оскүс-оол Каңгай хемни куду бадыпкан* (Аа, 17) – 'Оскүс-оол Каңгай ушел вниз по реке'; *Улаачылар тергелерлиг Би-Хемни куду халдып бадыпканнар* (СС, с. 99) – 'Ямщики уехали на телегах вниз по реке Би-Хем'.

При **ЛСВ₂** 'спускаться с более высокого места на более низкое' субъект спускается ступая ногами, двигаясь шагом. Например, *Ачам кадырны куду бадыпты* (СС, с. 9) – 'Отец спустился вниз по крутой горе'.

Способ совершения движения при **ЛСВ₂** 'течь, стекать' не уточняется.

При **ЛСВ₃** 'плыть вниз по течению реки' субъект плывет при помощи транспортного средства. Например, *Олар хембиле хемни куду бадыпты* (Б-БТ, с. 90) – 'Они уплыли на лодке вниз по течению реки'; *Даартазында даң чырыры билек, ертеги чешкеш, хемни куду салдап бадыпканнар* (ТЧ, с. 89) – 'Как только рассвело, развязав аркан, уплыли на плоте вниз по течению реки'.

Способ совершения движения при **ЛСВ₄** 'постепенно понижаться, закатываться', **ЛСВ₅** 'падать с неба, идти' не уточняется.

При **ЛСВ₆** 'падать сверху или лететь к земле' субъект летит на землю при помощи крыльев, при помощи какого-либо средства. Например, *Кускуннар чаңгыс черге дескинип туруп туруп, куду черге бадыпканнар* (СС, с. 289) – 'Вороны кружили на одном месте, полетели вниз на землю'; *Олар парашютарлыг черге бадыпканнар* (Б-БТ, с. 78) – 'Они на парашютах полетели на землю'.

Таким образом, семантическая структура данного глагола по способу связей ЛСВ друг с другом относится к радиально-цепочечному типу полисемии.

Следующим рассматриваемым глаголом является лексема *дүш*='спускаться'. В тувинском языке глагол *дүш*='спускаться' является многозначным глаголом. В «Тувинско-русском словаре» зафиксированы следующие значения данного глагола: 1) спускаться; слезать; сходить; 2) падать; выпадать; опадать; 3) наступать, начинаться; 4) останавливаться где-либо; 5) тонуть; вязнуть; 6) как вспомогательный глагол обозначает действие, совершаемое стремительно. В статье мы рассмотрим значения, характерные для глагола движения. Это следующие значения: 1) спускаться; слезать; сходить; 2) падать; выпадать; опадать; 5) тонуть; вязнуть. Значения данного глагола различаются между собой по следующим параметрам:

1. Субъект движения.

ЛСВ₁ 'спускаться'. Данное значение содержит в себе сему 'двигаться откуда-либо сверху вниз, сходя по чему-либо'. Субъектами движения при **ЛСВ₁** 'спускаться' являются человек, животное. Например, *Тей бажындан дүжүл келдивис* (МК-Л, с. 140) – 'Мы спустились с вершины холма'; *...Адыг дүже берген* (К-ЭК, с. 117) – '...Медведь спустился'.

В пределах первого значения мы выделяем его оттенки **ЛСВ_{1(а)}** 'слезать', **ЛСВ_{1(б)}** 'сходить'.

ЛСВ_{1(а)} 'слезать' содержит в себе семантический компонент 'спуститься, держась, цепляясь за что-л. конечностями'. Субъектом движения при **ЛСВ_{1(а)}** 'слезать' выступает только человек. Например, *Уруг теректен дүжүл келген* (ОК, с. 41) – 'Девушка слезла с дерева'.

ЛСВ_{1(б)} 'сходить' содержит в себе сему 'удаляться из какого-либо транспортного средства'. Это значение является узким в реализации. Субъектом движения при **ЛСВ₁** 'сходить' выступает только человек. Например, *Ол автобустан дүжүл келген* (ОК, с. 188) – 'Он сошел с автобуса'.

ЛСВ₂ 'падать; выпадать; опадать'. В пределах второго значения выделяются его оттенки **ЛСВ_{2(а)}** 'выпадать', **ЛСВ_{2(б)}** 'опадать'.

ЛСВ₂ 'падать' содержит в себе сему 'опускаться сверху вниз'. Субъектами движения при **ЛСВ₂** 'падать' выступают частицы жидкости. Например, *Кызыл-Борттүгөнү карааны чажы дүжүл турган* (МК-Л, с. 243) – 'Текли (падали) слезы Кызыл-Борттүга'.

Субъектами движения при **ЛСВ_{2(а)}** 'выпадать' являются атмосферные явления, осадки. Например, *Дүне хар дүшкен* (К-ЭК, с. 20) – 'Ночью снег выпал'.

ЛСВ_{2(б)} 'опадать' содержит в себе сему 'удаляться откуда-либо сверху вниз, отделившись, оторвавшись от стебля, ветви'. При **ЛСВ_{2(б)}** 'опадать' субъектами движения являются расчлененные множества природных объектов. Например, *Алдын күс. Сарыг бүрү дүжүл турар* (К-ЭК, с. 242) – 'Золотая осень. Желтый лист опадает'.

ЛСВ₃ 'тонуть' содержит в себе сему 'гибнуть, погружаясь на дно'. Субъектами движения при **ЛСВ₃** 'тонуть' являются человек, животное, транспортное средство. Например, *Бичи уруг Каа-Хемни суунга эштип тургаш, дүже берген* (К-ЭК, с. 275) – 'Маленькая девочка, купаясь в реке Каа-Хем, утонула'; *Сын суга дүшкен* (К-ЭК, с. 205) – 'Марал утонул'; *Хеме суга дүшкен* (МК-Л, с. 205) – 'Лодка утонула'.

В пределах третьего значения мы выделяем его оттенок **ЛСВ_{3(а)}** 'вязнуть'. **ЛСВ_{3(а)}** 'вязнуть' содержит в себе семантический компонент 'увязая, погружаться во что-нибудь зыбкое, рыхлое, мягкое'. Субъектами движения при **ЛСВ_{3(а)}** 'вязнуть' являются человек, животное, механическое средство. Например, *...Хортүкке дүшкеннер* (ТЕ, с. 106) – 'Они увязли в сугробе'; *Аар чүктүг машиналар малгашка дүшкен* (МК-Л, с. 243) – 'Машины с тяжелым грузом увязли в грязи'; *Ыт тулаага дүшкен* (ХМ, с. 123) – 'Собака увязла в болоте'.

2. Среда передвижения.

Средой передвижения при **ЛСВ₁** 'спускаться' **ЛСВ_{1(а)}** 'слезать', **ЛСВ_{1(б)}** 'сходить' является твердая поверхность. Например, *Иелээ тей бажындан дүжүл келдивис* (МК-Л, с. 140) – 'Вдвоем спустились с вершины холма'; *Дургуун-оол аяр теректен дүштү* (ОК, с. 12) – 'Дургун-оол слез с дерева медленно'; *Кара-оол автобустан дүжүл келди* (ТЕ, с. 4) – 'Кара-оол сошел с автобуса'.

При **ЛСВ₂** 'падать' средой передвижения выступает твердая среда. Например, *Доорбаштар...дүжүл тур* (СС, 56) – 'Бревна падают'.

Средой передвижения при **ЛСВ_{2(а)}** 'выпадать' является воздушная среда. Например, *Дүне хар-хыраа дүжүл турар апарган* (К-ЭК, 20) – 'Ночью стал идти (выпадать) снег'.

При **ЛСВ_{2(б)}** 'опадать' средой передвижения является твердая поверхность. Например, *Бичи сырынчыгаш кээрзе-ле, бүрүлөр черге дүжүл тур* (АД, 151) – 'Когда дует легкий ветерок, листья опадают на землю'.

Средой передвижения при **ЛСВ₃** 'тонуть' является только водная среда. Например, *Акым хемге дүже берген* (СС, с. 65) – 'Брат утонул в реке'.

При **ЛСВ_{3(а)}** 'вязнуть' выступает зыбкая, рыхлая масса. Например, *Ол харга дүшкен* (ТЕ, с. 113) – 'Он увяз в снегу'.

3. Способ совершения действия.

При **ЛСВ₁** 'спускаться' субъект спускается с какого-либо возвышения, ступая ногами, двигаясь шагом. Например, *Иелээ тей бажындан дүжүл келдивис* (МК-Л, с. 140) – 'Вдвоем спустились с вершины холма'; *Ол кудургайны куду бадып барла чыткан* (ОК, с. 16) – 'Он спускался вниз по склону'; *Кадырны куду чылбыртып баттым* (5, с. 368) – 'Я спустился медленно вниз по крутой горе'.

ЛСВ_{1(а)} 'слезать' субъект спускается сверху вниз, опираясь на что-л. или держась, цепляясь за что-л. конечностями. Например, *Эртине кырган арай боорда аъттан дүжүл келген* (К-ЭК, с. 296) – 'Дед Эртине слез с коня с трудом'.

При **ЛСВ_{1(б)}** 'сходить' субъект сходит с какого-либо транспортного средства, ступая ногами. Например, *Ооң-биле кады чурук тырттырар аппарат чүктөп алган оол машинадан дүштү* (ОК, с. 71) – 'Вместе с ним с машины сошел парень, у которого на плечах был фотоаппарат'.

Способ совершения действия при **ЛСВ₂** 'падать', **ЛСВ_{2(а)}** 'выпадать', **ЛСВ_{2(б)}** 'опадать' не определяется. При **ЛСВ₃** 'тонуть', **ЛСВ_{3(а)}** 'вязнуть' способ совершения действия не уточняется.

Таким образом, семантическая структура данного глагола по способу связей ЛСВ друг с другом относится к радиально-цепочечному типу полисемии.

Следующими рассматриваемыми глаголами являются глаголы *чавыза* = 'спускаться, снижаться', *кудула* = 'снижаться, спускаться', *ишкээрле* = 'отправляться в низину, долину', *хон* = 'приземляться'. Данные глаголы различаются между собой по следующим параметрам:

1. Субъект движения.

Основным компонентом значения лексемы *кудулаар* 'снижаться', 'спускаться' является сема 'перемещаться вниз, занять более низкое положение в пространстве'.

При глаголе *чавыза* = 'спускаться, снижаться' субъектами движения могут быть солнце, снег, птицы, транспортное средство, человек, животное. Например, *Хүн чавызаан* (К-ЭК, с. 142) – 'Солнце снизилось'; *Хар чоорту чавызап бадьп эзелзэн* (АД, с. 150) – 'Этот снег начал снижаться постепенно'; *Дээлдиген...чоорту чавызап чор* (К-ЭК, с. 29) – 'Коршун снижается постепенно'; *Вертолет кашпалче чавызап бадьп келген* (ЧО, с. 13) – 'Вертолет снизился в ущелье'; *Оолдар чавызап бадьп келгеннер* (ТЧ, с. 86) – 'Парни спустились'; *Кежээ хойлар чавызап бадьп келгеннер* (ТЧ, с. 36) – 'Вечером овцы спустились'.

Субъектами движения при лексеме *кудула* = 'снижаться', 'спускаться' являются небесные светила, человек, животное, транспортное средство. Например, *Хүн кудулай берген* (ЧХ, 78) – 'Солнце (снизилось) село'; *Кадыр ийни кудулап бадьп келген* (К-ЭК, с. 5) – 'Спустился вниз по крутому склону'; *Хой чедер черинге четкеш, дедир кудулапкан* (СС, с. 219) – 'Овцы, дойдя до местности, обратно спустились'; *Самолет кудулай берген* (5, с. 262) – 'Самолет снизился'.

Субъектами движения при глаголе *ишкээрле* = 'отправляться в низину, долину' являются только люди, животное. Например, *Чай орайтап орда, кедээрзе үр олуруп база болбас. Чоорту ишкээрлеп орап херек* (МК-Л, с. 25) – 'Нежелательно поздним летом оставаться на высокогорном месте. Постепенно надо отправляться в низину'; *Ивилер ишкээрлеп турган* (ЛЧ, с. 46) – 'Олени шли в низину'.

Для глагола *хон* = 'приземляться' характерна дифференциальная сема 'достигать поверхности земли, двигаясь сверху вниз'. Субъектами движения при данном слове являются транспортное средство, птицы. Например, *Самолет аэропортка хонупкан* (ЧХ, с. 87) – 'Самолет приземлился в аэропорту'; *Хаяда ийи хараачыгай хонуп алды* (АД, с. 154) – 'На скале приземлились две ласточки'.

2. Среда передвижения.

Средой передвижения при глаголах *кудула* = 'снижаться', 'спускаться', *чавыза* = 'спускаться, снижаться' является как твердая, так и воздушная среда. Например, *...Ынчангаиш олар кудулаан* (СС, с. 95) – 'Поэтому они (маралы) спустились'; *Самолет кудулай берген* (ТЧ, с. 78) – 'Самолет снизился'; *Ачылар чавызап бадьп келгеннер* (У-Х, 90) – 'Охотники спустились'; *...Куштар чавызапты* (СС, с. 63) – 'Птицы снизились'.

Средой передвижения при лексеме *ишкээрле* = 'отправляться в низину, долину' является только твердая поверхность. Например, *Часын, чайын ишкээрлей пээр пис. Хол-Пажы, Устүшү-Ташылың ынхаар* (У-Х, с. 110) – 'Весной, летом мы отправимся в низину. В сторону Хол-Пажы, Устүшү-Ташылың'.

При глаголе *хон* = 'приземляться' средой передвижения выступает твердая поверхность. Например, *Эзир...кадыр хая кырында хонупту* (МК-Л, с. 50) – 'Орел приземлился на крутой скале'.

3. Способ движения.

При лексемах *кудула* = 'снижаться', 'спускаться', *чавыза* = 'спускаться', 'снижаться' субъект спускается с какого-либо возвышения, ступая ногами, двигаясь шагом. Например, *Дескен аң кудулаар звес, ыяп-ла өрүлээр* (СС, с. 14) – 'Убегающий зверь не спускается, а обязательно поднимается'; *Оолдар чавызап бадьп келгеннер* (ТЧ, с. 86) – 'Парни спустились'. Субъект перемещается вниз, занимая более низкое положение в пространстве с помощью крыльев. Например, *Дээлдиген...чоорту чавызап чор* (К-ЭК, с. 29) – 'Коршун снижается постепенно'.

При глаголе *ишкээрле* = 'отправляться в низину, долину' способ движения уточняется из контекста.

При слове *хон* = 'приземляться' субъект двигается сверху вниз при помощи крыльев. Например, *...Агыр доштуң кырынга хонупкан* (МК-Л, с. 352) 'Турпан приземлился на льду'.

Итак, глаголы *чавыза* = 'спускаться', *кудула* = 'снижаться' имеют широкую сферу употребления. Глаголы *ишкээрле* = 'отправляться в низину, долину', *хон* = 'приземляться' имеют узкую сферу употребления.

Анализ материала показал, что основное значение базового глагола *бадар ЛСВ₁* 'спускаться вниз по реке или с более высокого места на более низкое' в отличие от *ЛСВ₂* 'течь', *ЛСВ₃* 'плыть вниз по течению реки', *ЛСВ₄* 'постепенно понижаться, закатываться', *ЛСВ₅* 'падать с неба, идти', *ЛСВ₆* 'падать сверху или лететь к земле' имеет широкую сферу употребления. Данное значение отражает специфику географических особенностей ареала, своеобразных природных условий. Узкую сферу употребления имеют *ЛСВ₂* 'течь', *ЛСВ₃* 'плыть вниз по течению реки', *ЛСВ₄* 'постепенно понижаться, закатываться', *ЛСВ₅* 'падать с неба, идти', *ЛСВ₆* 'падать сверху или лететь к земле'. Аспект 'субъект движения' представлен дифференциальными семами 'одушевленное лицо', 'неодушевленное лицо'. Так, *ЛСВ₁* 'спускаться вниз по реке или с более высокого места на более низкое' сочетается с существительными, называющими людей, животных, транспортных средств. *ЛСВ₂* 'течь' сочетается только со словом *река*. *ЛСВ₃* 'плыть вниз по течению реки' сочетается с существительными *человек, лодка, лед*. *ЛСВ₄* 'постепенно понижаться, закатываться' вступает в сочетании только с существительными, называющими небесные светила. *ЛСВ₅* 'падать с неба, идти' сочетается только со словом *снег*. *ЛСВ₆* 'падать сверху или лететь к земле' сочетается с существительными *самолет, птицы, человек*. К параметру 'среда передвижения' относятся дифференциальные семы 'твердая поверхность', 'водная среда', 'воздушная среда'. К аспекту 'способ совершения движения' относятся дифференциальные семы 'с помощью ног', 'при помощи транспортного средства', 'с помощью крыльев'.

Основное значение лексемы *дужер ЛСВ₁* 'спускаться' является расширенным значением. *ЛСВ_{1(a)}* 'слезать', *ЛСВ_{1(b)}* 'сходить'. *ЛСВ₂* 'падать', *ЛСВ_{2(a)}* 'выпадать', *ЛСВ_{2(b)}* 'опадать', *ЛСВ₃* 'тонуть', *ЛСВ_{5(a)}* 'вязнуть' мы рассматриваем как специализированными. Аспект 'субъект движения' представлен дифференциальными семами 'одушевленное лицо', 'неодушевленное лицо'. *ЛСВ₁* 'спускаться' сочетается со словами *человек, животное*. В отличие от *ЛСВ₁* 'спускаться', *ЛСВ_{1(a)}* 'слезать', *ЛСВ_{1(b)}* 'сходить' являются узкими в реализации. Данные значения сочетаются с существительными, называющими только *людей*. *ЛСВ₂* 'падать' сочетается с существительными *слезы*. *ЛСВ_{2(a)}* 'выпадать' вступает в сочетании только с существительным *снег*. *ЛСВ_{2(b)}* 'опадать' сочетается с существительным *листья*. *ЛСВ₃* 'тонуть', *ЛСВ_{5(a)}* 'вязнуть' сочетаются с существительными *человек, животное, транспортное средство*. Параметр 'среда передвижения' представлен дифференциальными семами 'твердая поверхность', 'водная среда', 'воздушная среда', 'зыбкая масса'. К аспекту 'способ совершения движения' относится дифференциальная сема 'с помощью ног'.

Лексема *чавыза* = 'спускаться' сочетается с существительными *солнце, снег, птицы, вертолет, человек, животное*. Глагол *кудула* = 'снижаться' сочетается с существительными *солнце, человек, животное, самолет*. К параметру 'среда передвижения' относятся дифференциальные семы 'твердая поверхность', 'воздушная среда'. К аспекту 'способ совершения движения' относятся дифференциальные семы 'с помощью ног', 'с помощью крыльев'.

Семантика глагола *ишкээрле* = 'отправляться в низину, долину' отражает специфику географических особенностей ареала. Аспект 'субъект движения' представлен дифференциальными семами 'одушевленное лицо', 'неодушевленное лицо'. Данная лексема сочетается с существительными, называющими людей, животных. К аспекту 'среда передвижения' относится дифференциальная сема 'твердая поверхность'. Глагол *хон* = 'приземляться' сочетается с существительными *самолет, птицы*. Параметр 'среда передвижения' представлена дифференциальной семой 'твердая поверхность'. К аспекту 'способ совершения движения' относится дифференциальная сема 'с помощью крыльев'.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 1404-00-260 «Отражение пространства и времени в тувинском языке».

Библиографический список

1. Дмитриев, Н.К. Глаголы движения // Строй тюркских языков. – М., 1962.
2. Чугункова, А.Н. Глаголы движения в хакасском языке: учеб. пособ. – Абакан, 2002.
3. Саналова, Б.Б. Глаголы мыслительной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком): монография. – Горно-Алтайск, 2007.
4. Салчак, А.Я. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005.
5. Тенишев, Э.Р. Тувинско-русский словарь. – М., 1968.
6. Монгуш, Д.А. Толковый словарь тувинского языка. – Новосибирск, 2003.

Bibliography

1. Dmitriev, N.K. Glagoli dvizheniya // Stroy tyurkskikh yazikov. – M., 1962.
2. Chugunkova, A.N. Glagoli dvizheniya v khakasskom yazihke: ucheb. posob. – Abakan, 2002.
3. Sanalova, B.B. Glagoli mihsliatel'noy deyatelnosti v altayjskom yazihke (v sopostavlenii s kirgizskim yazihkom): monografiya. – Gorno-Altajsk, 2007.
4. Salchak, A.Ya. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov povedeniya v tuvinskom yazihke (v sopostavitel'nom aspekte): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2005.
5. Tenishev, E.R. Tuvinsko-russkiy slovarj. – M., 1968.
6. Mongush, D.A. Tolkovihj slovarj tuvinskogo yazihka. – Novosibirsk, 2003.

Статья поступила в редакцию 12.09.14

Раздел 3

ПСИХОЛОГИЯ

Редактор раздела:

ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВНА КОЛМОГорова – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул)

УДК 373

Evdokishina O.V. **ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF COMMUNICATIVE READINESS OF PRESCHOOL CHILDREN IN PRESCHOOL.** The article studies the organization of pedagogical conditions of formation of communicative readiness of preschool children in preschool. The aim of the article is to analyze the study of the influence of organizational and pedagogical conditions for the formation of communicative readiness of preschool children for school. Particular attention is paid to conditions such as: the organization of subject-developing environment in preschool; providing communicative dialogue basis of relations of preschool children with adults and peers; creation of a single value-semantic field of cooperation of teachers and parents. As a key proof of the value of the communicative activities in the educational process of a preschool educational institution, as well as the role of communication in the development of a personality of a preschool child.

Key words: organizational and pedagogical conditions, communicative activity, communication educational system of a preschool educational institution.

О.В. Евдокишина, канд. пед. наук, доц. каф. социальной педагогики и социальной работы Шадринского гос. педагогического института, г. Шадринск, E-mail: olga_ve@glstar.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ГОТОВНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ В СИСТЕМЕ ДОУ

В статье затрагивается тема организации педагогических условий формирования коммуникативной готовности дошкольников в системе ДОУ. Представлен анализ изучения влияния организационно-педагогических условий на процесс формирования коммуникативной готовности дошкольников к обучению в школе. Особое внимание уделено рассмотрению таких условий, как: организация предметно-развивающей среды в ДОУ; обеспечение коммуникативно-диалоговой основы взаимоотношений дошкольников со взрослыми и сверстниками; создание единого ценностно-смыслового поля сотрудничества педагогов и родителей. В качестве ключевого доказательства используется значение коммуникативной деятельности в образовательном процессе ДОУ, а также роль общения в становлении личности дошкольника.

Ключевые слова: организационно-педагогические условия, коммуникативная деятельность, общение, образовательная система ДОУ.

Современная система дошкольного образования характеризуется принципиально новой ситуацией, заключающейся в необходимости изменить в детских садах организацию образовательного процесса в соответствии с введением государственных требований к структуре общеобразовательной программы в системе дошкольных общеобразовательных учреждений. Это связано не только с новыми положениями в системе дошкольного образования, но и с тем, что в современном российском обществе на первый план выходит **проблема коммуникации людей**, т.е. взаимодействия посредством общения, где оно, в свою очередь, играет важную роль как средство развития личности. Формирование личности начинается с рождения в процессе общения ребенка с взрослыми. Приобщение детей к общественным нормам происходит в дошкольном возрасте, когда ребенок не только усваивает основные и особо важные социальные знания, умения, навыки, но и приобретает определенные ценности, необходимые ему не только в учебной деятельности, но и в дальнейшей жизни.

Поэтому так важно на этапе дошкольного детства организовать и реализовать педагогические условия формирования коммуникативной готовности дошкольников к обучению в школе.

По мнению В.А. Андреева, педагогические условия – это целенаправленный отбор и применение элементов содержания, методов, приемов, а также организационных форм обучения для достижения поставленных целей. Эффективность педагогического исследования зависит от комплекса необходимых и достаточных условий. Достаточным условием считается комплекс объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью следует существование данного явления.

Условиями реализации конструирования образовательного процесса в ДОУ по формированию коммуникативной готовности у детей старшего дошкольного возраста в процессе игровой деятельности по нашему мнению являются:

1) организация предметно-развивающей среды в ДОУ, выступающая в роли стимулятора, движущей силы в целостном процессе становления личности будущего школьника и способствующая проявлению коммуникативной готовности к обучению в школе;

2) обеспечение коммуникативно-диалоговой основы взаимоотношений дошкольников со взрослыми и сверстниками как аспект нравственного развития ребенка при регулярной вклю-

ценности сюжетно-ролевой игры в образовательный процесс ДОУ и семьи;

3) создание единого ценностно-смыслового поля сотрудничества педагогов и родителей на основе понимания сущности проблемы, форм и методов эффективного формирования коммуникативной готовности дошкольника к обучению в школе.

Рассмотрим, как предложенные организационно-педагогические условия находят доказательства в процессе формирования коммуникативной готовности детей старшего дошкольного возраста к обучению в школе.

Способность ребенка к коммуникации является одним из критериев эффективности образовательного процесса в дошкольном образовательном учреждении. Коммуникация в этом плане выступает как определенная форма открытого действия при воспитании и обучении детей дошкольного возраста, поэтому успешность плодотворного взаимодействия ребенка и взрослого будет зависеть от того, насколько хорошо развита коммуникативная деятельность дошкольника.

В современной ситуации одним из основных качеств и трудностей является неумение дошкольника устанавливать взаимоотношения как со сверстниками, так и со взрослыми, т.е. речь идет о несформированности коммуникативной готовности дошкольника к обучению в школе.

В ряде исследований М.И. Лисиной, Т.А. Репиной мы находим, что общение – представляет собой сложный процесс установления и развития контактов между людьми, обусловленный их совместной деятельностью, включающий в себя обмен информацией (коммуникация), выработку общей тактики и стратегии взаимодействия (интеракция), восприятие и понимание партнерами друг друга (социальная перцепция) [1].

Одна из наиболее важных и оригинальных идей Л.С. Выготского заключается в том, что источник психического развития находится не внутри ребенка, а в его отношениях со взрослым.

Значимость взрослого для психического развития ребенка признавалась (и признается) большинством западных и отечественных психологов. Однако общение со взрослыми выступает в них как внешний фактор, способствующий развитию, но не как его исток и начало. Отношение взрослого к ребенку (его чувствительность, отзывчивость, сопереживание и т.д.) лишь облегчает понимание социальных норм, подкрепляет соответствующее поведение и помогает ребенку подчиниться социальным влияниям.

Таким образом, **коммуникативная деятельность выступает в качестве одного из основных условий развития ребенка**, важнейшего фактора формирования его личности, наконец, ведущего вида человеческой деятельности, направленного на познание и оценку самого себя через посредство других людей, что доказывают исследования Л.С. Выготского, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, М.И. Лисиной, Д.Б. Эльконина и др.

Исследователи проблем общения отмечают, что оно служит установлению общности между людьми, регулирует их совместную деятельность, является инструментом познания и основой сознания для отдельного человека, служит самоопределению личности, без чего человек выпал бы из совместной деятельности и оказался бы вне человечества, потерянным и беспомощным.

Положение о решающей роли общения в психическом развитии ребенка было выдвинуто и разрабатывалось Л.С. Выготским, понимающим психологическую природу человека как совокупность человеческих отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры.

Анализируя исследования Проняевой С.В., мы находим, что общение для ребенка – это «активные действия», с помощью которых ребенок стремится передать другим и получить от них определенную информацию, установить с окружающими необходимые ему эмоционально окрашенные отношения и согласовать свои действия с окружающими, удовлетворять свои материальные и духовные потребности. Автором отмечено, что у младших дошкольников ведущее положение занимают выразительные и практические операции, однако к старшему дошкольному возрасту речь выступает на передний план и занимает положение ведущей коммуникативной операции [2].

М.И. Лисина, А.Г. Рузская выделяют последовательно сменяющиеся друг друга формы общения детей со сверстниками – эмоционально-практическую, ситуативно-деловую, внеситуативно-деловую, каждая из которых характеризуется определенными параметрами (содержанием потребности в общении, веду-

щим мотивом, основными средствами общения). Форма общения характеризует изменения содержательной стороны коммуникативной деятельности дошкольников, обусловленные развитием жизнедеятельности ребенка [3]. Возрастает отдаленность общения от других типов взаимодействия дошкольника с детьми, направленность его активности только на сверстника как субъекта, внеситуативность общения, чувствительность к воздействиям ровесника, гибкость в контактах с ним и значимость общения с равным партнером среди других видов взаимодействия с ним.

Важно остановиться более детально на характеристике понятия «коммуникативные умения», о чем пишет в своих трудах Проняева С.В., так как именно они являются первоочередным критерием сформированности коммуникативной готовности. Так, коммуникативные умения – это сложные и осознанные коммуникативные действия, основанные на теоретических знаниях и практической подготовленности ребенка к общению [2].

Характеризуя данное определение, мы хотели бы подчеркнуть:

- коммуникативные умения являются сложными, включающими в себя простые (элементарные) умения;
 - простые (элементарные) коммуникативные умения в ходе постоянных упражнений автоматизируются и доводятся до навыка;
 - коммуникативные навыки входят в состав коммуникативных умений и конкретизируют последние своим содержанием;
 - коммуникативные умения являются осознанными коммуникативными действиями детей, что проявляется в способности дошкольников строить общение в соответствии с задачами, адекватно коммуникативной ситуации и партнерам, анализировать и оценивать коммуникативные контакты со сверстниками и взрослыми;
 - коммуникативные умения основаны на теоретических знаниях и практической подготовленности, которые включают в себя целенаправленную работу по созданию мотивации на общение и приобретение коммуникативных умений, ознакомление детей со средствами и способами общения, практическое осуществление действий в условиях коммуникативной деятельности [4].
- Таким образом, коммуникативные умения включают в себя знания, элементарные умения, навыки, необходимые в процессе общения для выбора и осуществления адекватных коммуникативной ситуации действий.

Вследствие всего выше сказанного можно отметить, что формирование навыков коммуникативной деятельности детей дошкольного возраста должно стать одной из важных задач образовательного процесса ДОУ, особенно в контексте модернизации современной системы образования.

Все это доказывает необходимость реализации организационно-педагогических условий формирования коммуникативной готовности детей старшего дошкольного возраста к обучению в школе.

Анализ исследований позволяет нам спроецировать организационно-педагогические условия успешного формирования коммуникативной готовности детей в образовательной системе ДОУ. При этом принципиально важными мы считаем следующие положения:

1. Критериями эффективности педагогического взаимодействия являются показатели продуктивности педагогической деятельности, где основополагающим фактором является готовность всех субъектов воспитательно-образовательного процесса к успешному формированию коммуникативной готовности детей старшего дошкольного возраста к обучению в школе.

2. Система педагогических условий формирования коммуникативной готовности к школе воспитанников ДОУ обеспечивает целостное воздействие на ребенка, развивая его физическую, психическую и социальную сферы, вовлекая в процесс развития всех участников образовательного процесса в ДОУ, позволяет реализоваться на практике эффективным педагогическим взаимоотношениям, является многоуровневой (включает в себя организационно-управленческий, организационно-структурный, дидактический, методический и личностно-деятельностный уровни), предусматривает создание соответствующей образовательной среды, способствует быстрой адаптации к школе воспитанников ДОУ.

3. Готовность администрации ДОУ к организации работы по формированию коммуникативной готовности к школе воспитанников детерминирует уровень коммуникативной готовности ос-

тальных участников образовательного процесса, так как администрация определяет степень полноты системы педагогических условий и характер взаимодействия между ее элементами.

Система педагогических условий формирования коммуникативной готовности к школе воспитанников ДОУ должна обеспечивать целостное воздействие на ребенка, вовлекая в процесс развития всех участников воспитательно-образовательной

среды и основываться на системном подходе. Предлагаемая система педагогических условий позволяет выпускникам ДОУ успешно адаптироваться в школе. Учитывая психофизиологические особенности детей дошкольного возраста и то обстоятельство, что ведущей деятельностью для них является игровая деятельность, целесообразно рассматривать межличностные отношения в ДОУ как динамическую игровую деятельность.

Библиографический список

1. Лисина, М.И. Общение с взрослыми у детей первых 7 лет жизни // Хрестоматия по детской психологии: от младенца до подростка. – М., 2005.
2. Проняева, С.В. Интеграция задач образовательной области «Коммуникация» с другими видами детской активности // Начальная школа плюс до и после. – 2012. – № 6.
3. Рузская, А.Г. Развитие общения ребенка со взрослыми и сверстниками // Психология дошкольника: хрестоматия. – М., 2000.
4. Смирнова, Е.О. Особенности общения с дошкольниками: учеб. пособ. для студ. сред. пед. учеб. заведений. – М., 2000.

Bibliography

1. Lisina, M.I. Obshchenie s vzroslyimi u detej pervykh 7 let zhizni // Khrestomatiya po detskoj psikhologii: ot mladenca do podrostka. – M., 2005.
2. Pronyayeva, S.V. Integraciya zadach obrazovatel'noj oblasti «Kommunikaciya» s drugimi vidami detskoj aktivnosti // Nachal'naya shkola plus do i posle. – 2012. – № 6.
3. Ruzskaya, A.G. Razvitiye obshheniya rebenka so vzroslyimi i sverstnikami // Psikhologiya doshkol'nika: khrestomatiya. – M., 2000.
4. Smirnova, E.O. Osobennosti obshheniya s doshkol'niki: ucheb. posob. dlya stud. sred. ped. ucheb. zavedeniy. – M., 2000.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 159.9

Medvedeva N.I. **PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF ADAPTIVE AND COMPENSATORY ABILITIES IN THE STRUCTURE OF A PERSONALITY.** The article describes theoretical approaches to psychological mechanisms of self-regulation in the system of a personality. Thanks to these mechanisms a successful adaptation to conditions of the external world is held. The author discusses different views on the genesis and nature of the self-control of a personality.

Key words: mechanisms of self-regulation, compensatory and adaptive capacity, resource state.

Н.И. Медведева, д-р психол. наук, проф., зав. каф. психологии ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: nigstav@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИОННЫХ И КОМПЕНСАТОРНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

В статье раскрываются теоретические подходы к психическим механизмам саморегуляции системы личности, благодаря которым осуществляется успешная адаптация к условиям внешнего мира, рассматриваются различные представления о генезисе и природе саморегуляции личности.

Ключевые слов: механизмы саморегуляции, компенсаторные и адаптационные возможности, ресурсные состояния.

В настоящее время число факторов, несущих угрозу благополучию человека – экологических, экономических, социальных очень велико. Достижение равновесия со средой, стабильности и безопасности становится сложной задачей. Тем самым возникают ситуации, адаптация к которым вызывает определенные трудности. Во многих психологических исследованиях личность рассматривается как целостная система. Эта личность подвержена регулярному потоку агрессивных факторов, но благодаря психическим механизмам саморегуляции системы личности осуществляется эффективная адаптация человека к условиям внешнего мира. Это позволяет человеку жить комфортно, не нарушая его самооценки и Я-концепции [1].

Адаптивное поведение в широком смысле определяется как «степень, в которой человек соответствует стандартам личной независимости и социальной ответственности, установленным для его возрастной и культурной группы» [2, с. 10]. Адаптивное поведение включает такие сферы деятельности как удовлетворение базовых физических потребностей, решение повседневных проблем, социальное взаимодействие (налаживание и поддержание межличностных отношений, организация сотрудничества, использование коммуникативных навыков, инициирование и осуществление целенаправленных действий, правильное понимание социальных ролей, способность к трудовой деятельности, соблюдение установленных норм поведения, способность брать на себя ответственность за свои действия).

Как отмечает В.И. Моросанова, активность человека определяется целостной системой индивидуальной регуляции,

связывающей и интегрирующей динамические и содержательные аспекты личности, ее осознанные и бессознательные структуры. Индивидуальная система саморегуляции человека опосредствует воздействие на любую деятельность личностных переменных, которые выполняют разные функциональные роли в целостном процессе регуляции произвольной активности человека [2].

Представления о форме такой регуляции складывались в психологии в 60-70-е годы 20 века, с одной стороны, под влиянием кибернетических и физиологических моделей управления в контексте информационного подхода, с другой – под влиянием деятельностного подхода в отечественной психологии, в рамках которого саморегуляция рассматривалась как функция сознания, регулирующая различные виды активности субъекта по принципу единства сознания и деятельности. Выделение двух сторон единого процесса психической активности человека в форме двух специфических способов его существования предопределило развитие представлений о возможности относительно независимого выделения двух процессов – активности и ее регуляции – на каждом из уровней организации психики.

Рассмотрим различные представления о генезисе и природе саморегуляции личности. В русле структурного подхода созданы структурно-функциональные модели описания регуляции деятельности. В структурно-функциональной модели осознанного саморегулирования деятельности человека, основанной на представлении о субъектной целостности и положении о том, что при содержательном анализе субъектных характеристик

внимание уделяется осознаваемой целенаправленной активности, которая имеет определенный личностный смысл и относительность которой человек выступает инициатором и творцом. В рамках системного подхода психическая саморегуляция рассматривается как процесс, имеющий многоуровневую детерминацию.

В русле субъектного подхода к исследованию психики человека В.И. Моросанова исследовала осознанные и неосознаваемые механизмы саморегуляции, разработала концепцию индивидуального стиля саморегуляции. Осознанную саморегуляцию она представила как системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых им целей [2].

Личностные особенности человека влияют на его деятельность не непосредственно, а через сложившиеся индивидуальные способы саморегуляции активности, которые опосредуют достижение профессиональных и учебных целей, проявления самостоятельности, автономности, настойчивости, творческих и других субъектных системных свойств, способствующих преодолению субъективных и объективных трудностей. Индивидуальные особенности саморегуляции отражаются в планировании, программировании достижения цели с учетом значимых внешних и внутренних условий, оценивании активности для получения субъективно приемлемых результатов. Самовоздействия и обеспечивающие их приемы саморегуляции активности личности объединяются в четыре основные группы: побуждающие к мобилизации психической активности, побуждающие к организации психических процессов и состояний, принуждающие к мобилизации двигательной активности, принуждающие к организации двигательной деятельности.

Психическая саморегуляция включает как сознательные, так и бессознательные механизмы. Эти механизмы обеспечивают адаптацию к предметному и социальному миру как в привычных для человека условиях, так и в неординарных, новых ситуациях. Экстремальные ситуации отличаются тем, что вторгаются в установившееся течение жизни человека, их негативные последствия сказываются на здоровье, жизненных планах, карьере. Экстремальная ситуация затрагивает важную для человека ценность.

Поведенческие стратегии, применяемые человеком для разрешения экстремальной ситуации, называют копинг-стратегиями или механизмами совладания. Это стратегии действий, предпринимаемые человеком в ситуациях психологической угрозы, в частности в условиях приспособления к болезни как угрозе, физическому, личному и социальному благополучию. Копинг-поведение может проявляться когнитивными, эмоциональными и поведенческими стратегиями функционирования личности. Когнитивные стратегии включают отвлечение или переключение мыслей на другие темы; проблемный анализ ситуации и ее последствий, поиск соответствующей информации, взвешенный подход к решению; относительность в оценке ситуации, сравнение с другими, находящимися в худшем положении; придание сложной ситуации значения и смысла. Эмоциональные стратегии копинг-поведения могут быть представлены в виде переживания протеста, возмущения, противостояния проблемной ситуации; эмоциональной разрядки – отреагирования чувств, например, плачем; сохранения самообладания – равновесия, самоконтроля. Поведенческие стратегии совладания могут быть выражены в отвлечении – обращении к какой-либо деятельности, уход в работу; альтруизме – заботе о других, когда собственные потребности отодвигаются на второй план; уединении – пре-

бывании в покое, размышлении о себе; активное сотрудничество; поиск эмоциональной поддержки – стремление быть выслушанным, встретить содействие и понимание. Продуктивность поведения человека в отношении успешного поиска выхода из экстремальной ситуации и преодоления ее последствий определяется имеющимися у него качествами личности.

Способности и личностные качества, помогающие успешно преодолевать сложные ситуации, называют жизненными ресурсами личности. Жизненные ресурсы можно рассматривать как источник внутренних сил человека, позволяющий ему справиться с необычными жизненными ситуациями, стрессовыми факторами, трудностями внутреннего и внешнего плана, разбираться в проблемах и принять правильное решение, добиться успеха, самоактуализироваться. Существует два вида таких ресурсов: внутренние и внешние. К внешним относятся социальная поддержка, симпатия окружающих, взаимопомощь, к внутренним – интеллектуальные и эмоциональные ресурсы, духовный потенциал, стрессоустойчивость. Чтобы использовать внешние ресурсы, человек также должен обладать определенными личностными качествами – открытостью, доверием, толерантностью, умением и желанием понять, принять другого человека. Внутренние ресурсы включают эмоциональный и социальный интеллект. В эмоциональном интеллекте интегрируются умственные способности, позволяющие обработать эмоциональную информацию, которые включают структурные компоненты – распознавание собственных эмоций, эмоциональная регуляция (адекватность выражения эмоций), понимание эмоций. Качества, характеризующие эмоциональный интеллект включают эмоциональную насыщенность жизни, эмоциональную устойчивость к стрессовым ситуациям, способность принимать свои эмоции, а не закрываться от них, способность к конгруэнтному выражению эмоций, способность «чувствовать» других людей, понимать и принимать их эмоции, способность сопереживать другим людям.

Еще одним способом поиска путей к творческой адаптации и самореализации человека являются так называемые ресурсные состояния. Одно из них – транс – это измененное состояние сознания, когда фокус внимания направлен не во внешний мир, как в обычной жизни, а во внутренний. Мозг не способен находиться на пике сознательного контроля, ему необходимы периоды расслабления (или транса). Транс – это естественное состояние, которое испытывал каждый, например, когда погружался в мечты; другие формы транса могут иметь место во время медитации, молитвы или когда человек выполняет однообразные действия. Другой параметр измененного состояния сознания – сосредоточенность на деле, поглощенность им, так называемого «состояния потока» – состояние оптимального переживания человека – полного слияния со своим делом, поглощения им, когда пропадает ощущение времени и самого себя, когда вместо усталости возникает постоянный приток энергии. «Поток» порождается осмысленными усилиями человека. В нем удовольствие сливается с усилиями и смыслом, порождая активное состояние радости. Измененные состояния сознания могут стать важным ресурсом, поддерживающим контакт человека со своим бессознательным и иррациональными, амбивалентными переживаниями, которые сложно выразить с помощью слов. Функциональная роль защит в психической регуляции – преодоление аффективного напряжения, возникающего в процессе регуляции, контроль взаимодействия субъекта с окружающим его миром в целях сохранения и поддержания позитивного самоотношения.

Библиографический список

1. Медведева, Н.И. Аутодеструктивное поведение подростков: психологические аспекты, психологическая диагностика и профилактика / Н.И. Медведева, Н.Г. Тормосина // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 12.
2. Моросанова, В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. – 2002. – № 6. – Т. 23.

Bibliography

1. Medvedeva, N.I. Autodestructivnoye povedeniye podrostkov: psikhologicheskiye aspekti, psikhologicheskaya diagnostika i profilaktika / N.I. Medvedeva, N.G. Tormosina // Mezhdunarodniy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. – 2011. – № 12.
2. Morosanova, V.I. Lichnostniye aspekti samoregulyacii proizvol'noy aktivnosti cheloveka // Psikhologicheskij zhurnal. – 2002. – № 6. – Т. 23.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 159.9

Pets O.I. STYLE-RELATED FEATURES OF COMMUNICATION OF PARENTS WITH ELEMENTARY SCHOOLCHILDREN IN CURRICULAR AND EXTRACURRICULAR ACTIVITIES. The paper is devoted to a detailed analysis of organization, methods and stages of research. The author focuses on the empirical results of the study of the features of communication of parents and primary school children in classroom work and extracurricular activities. In regard to the study of a psychological climate in most of the families the research registers violation in parent-child interaction and in personal communication of parents with children.

Key words: elementary school students, parents, communicative style.

О.И. Пец, аспирант ФГБОУ ВПО «Нижегородский гос. педагогический университет им. Козьмы Минина» (Мининский университет), г. Нижний Новгород, E-mail: pets-07@mail.ru

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ С МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОЙ И ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена детальному анализу организации, методов, этапов исследования. Основное внимание в работе автор акцентирует на эмпирических результатах изучения особенностей общения родителей и младших школьников в процессе учебной и внеучебной деятельности. На основе изучения психологического климата в большинстве семей испытуемых установлено нарушение в детско-родительском взаимодействии и личностном общении родителей с детьми.

Ключевые слова: младший школьник, родители, стиль общения.

В связи с проблемой изучения особенностей развития стиля общения родителей с младшими школьниками в процессе учебной и внеучебной деятельности прежде всего представляет особый интерес разработка методов исследования, а также психодиагностический инструментарий, это необходимо как для выработки концептуальной основы нашего исследования, так и для разработки его экспериментальной программы.

Методы исследования были направлены на выявление особенностей детско-родительских отношений и сформированности психологической компетенции родителей, в аспекте развития компонентов личностного стиля общения родителей с младшими школьниками.

Характеристика выборки исследования: выборка является репрезентативной по своему составу. Она состояла из 197 младших школьников: учащихся 2-х классов – 102 человека (51,8%), учащихся 3-х классов – 95 человек (48,2%). Экспериментальную группу составили – 98 младших школьников: учащихся 2-х классов – 50 человек (51%), учащихся 3-х классов – 48 человек (49%). Контрольную группу составили – 99 младших школьников: учащихся 2-х классов – 52 человека (52,5%) и учащихся 3-х классов – 47 человек (47,5%).

Родители учащихся: 197 человек: 25-30 лет – 37%, 30-40 лет – 51%, 40-48 лет – 12%, из них матерей – 171 человек (86,8%) и отцов – 26 человек (13,2%).

Задачи исследования: согласно цели исследования и предложенной структуре психологической компетентности родителей младших школьников, подобрать психодиагностический инструментарий; сформировать выборку исследования; проанализировать данные полученные в ходе констатирующего эксперимента; выявить проблемы в стилях общения родителей с младшими школьниками; разработать формирующую программу, направленную на развитие компонентов личностного стиля общения родителей; проследить динамику результатов развития компонентов личностного стиля общения родителей по итогам формирующей программы; оценить эффективность программы развития компонентов личностного стиля общения родителей с младшими школьниками.

Первый блок методик был направлен на выявление особенностей детско-родительских отношений: Методика PAR1 (Е.С.Шефер, Р.К.Белл; адаптация Т.В. Нещерет), опросник эмоциональных отношений в семье Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ), методика Рене Жиля.

Второй блок методик направлен на оценку развития компонентов личностного стиля общения родителей: методика потребности в общении (О.П. Елисеев), методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), методика «Диагностика рефлексии» (А.В. Карпов), методика «Направленность личности в общении» (С.Л. Братченко), методика «Диагностика доброжелательности (шкала Кэмпбелла)», методика «Вера в людей» (шкала доверия

М. Розенберга) и методика «Диагностика принятия других» (шкала В. Фейя).

Почти для всех семей принявших участие в исследовании (ЭГ – 100 % и КГ – 96,97%), имеет место раздражительность, вспыльчивость в отношении родителей к своим детям, что характерно для отношения отвержения ребенка, второе место занимает преодоление сопротивления, подавление воли (ЭГ – 96,94% и КГ – 97,98%), что свидетельствует об авторитарной гиперсоциализации.

На третьем месте, среди выявленных особенностей отношения родителей к своим детям идет чрезмерная забота, установление отношений зависимости (ЭГ – 93,75% и КГ – 90,91%), что свидетельствует о гиперопеке и отношении к ребенку как к «Маленькому неудачнику».

Суровость в отношениях, излишняя строгость, характерная для авторитарной гиперсоциализации и отношения отвержения ребенка присутствует в детско-родительских отношениях у 75,00% – ЭГ и 76,77% семей испытуемых КГ.

Половина родителей экспериментальной и контрольной выборки (56,25% / 53,54%), обеспокоены созданием безопасности, опасением обидеть ребенка, что также характерно для гиперопеки.

Нами выделен ряд характеристик: «понимание причин состояния», «оказание эмоциональной поддержки», «ориентация на состояние ребенка при построении взаимоотношений», которые приближаются среди родителей к границе эмоционального благополучия. На данные характеристики необходимо обратить внимание при разработке формирующей программы, как считает в своем исследовании С.Н. Сорокоумова [1].

Большинство родителей обладают средней потребностью в общении (ЭГ – 57,14% и КГ – 62,63%).

Среди родителей обеих групп преобладает авторитарный тип общения (ЭГ – 48,98% и КГ – 51,52%). Авторитарная направленность личности в общении – есть крайняя форма выражения монологизма, то есть половина родителей принявших участия в исследовании, не слышат и не слушают своего ребенка. Диалогичность, демократичность в общении выявлена лишь у 10,2% родителей ЭГ и 8,08% родителей КГ.

Большинство родителей обладают средним уровнем принятия другого с тенденцией к низкому уровню (ЭГ – 45,92% и КГ – 47,47%).

Результаты исследования выявили преобладание среди родителей младших школьников среднего уровня доброжелательности (ЭГ – 58,16% и КГ – 63,64%).

Реализация методики «Вера в людей» (шкала М. Розенберга) показала, что большинство родителей обладают средним уровнем доверия (ЭГ – 56,12% и КГ – 54,55%). Доверие видимо не является чертой современного человека, так высокий уровень обнаружен лишь у 4,08% в ЭГ и 1,01% в КГ.

Результаты оценки рефлексии выявили преобладание среднего уровня ее развития среди родителей обеих групп (ЭГ – 79,59% и КГ – 80,81%).

Изучая ценностные ориентации родителей младших школьников, можем выделить ряд приоритетных. Так, среди терминальных ценностей три лидирующих места распределились между: материально обеспеченной (1-е место: ЭГ – 42,86% и КГ – 38,38%), счастливой семейной жизнью (1-е место: ЭГ – 31,63% и КГ – 35,35%) и здоровьем (1-е место: ЭГ – 21,43% и КГ – 23,23%).

Среди инструментальных ценностей лидируют: образованность (1-е место: ЭГ – 59,18% и КГ – 44,44%), воспитанность (1-е место: ЭГ – 21,43% и КГ – 27,27%) и эффективность в делах (1-е место: ЭГ – 11,22% и КГ – 16,16%).

По мнению младших школьников, их семьи характеризуются благоприятной обстановкой, доброжелательными отношениями детей с близкими родственниками. Доминируют показатели по шкале «положительное отношение»: большинство младших школьников отмечают хорошее отношение к родителям: доминирует положительное отношение к отцу у 52,04% младших школьников ЭГ и 56,57% детей в КГ; 82,65% детей ЭГ и 90,91% детей КГ отмечают положительное отношение к матери; к отцу и матери, как к семейной чете положительное отношение со-

ставляет у 56,12 % детей в ЭГ и 61,62% учащихся в КГ; к братьям и сестрам положительное отношение составляет 67,35 % в ЭГ и 70,71 % в КГ; к бабушкам и дедушкам – этот процент несколько выше (70,41% / 73,74%), а также и детей друг к другу (79,59% / 81,82 %).

У большей части учащихся 75,51 % детей ЭГ и 76,77% младших школьников КГ складываются доброжелательные отношения с учителем.

Высок процент младших школьников (77,55% ЭГ / 81,82% КГ), испытывающих дефицит общения в семье. Большинство младших школьников считает, что их не понимают в собственной семье, они реализуют эту потребность извне и ищут общения в других социальных группах. Полностью гармоничные отношения только в 12-х семьях из 197 семей, в остальных случаях младшие школьники видят себя ближе к одному из членов семьи. Младшие школьники из трех семей, вообще не идентифицируют себя с семьей, а один ребенок видит себя рядом с отцом, с которым не знаком.

Таким образом, результаты исследования позволяют говорить о существовании неблагоприятного психологического климата в большинстве семей испытуемых, о нарушениях в детско-родительских отношениях и личностном общении.

Библиографический список

1. Сорокоумова, С.Н. Развитие эмпатии у старших дошкольников через оптимизацию детско-родительских отношений // Психолог в детском саду. – 2005. – № 3.

Bibliography

1. Sorokoumova, S.N. Razvitiye ehmpatii u starshikh doshkolnikov cherez optimizatsiyu detsko-roditel'skikh otnosheniy // Psikholog v detskom sadu. – 2005. – № 3.

Статья поступила в редакцию 12.09.14

УДК 159.923

Dmitrieva N.V., Buravtsova N.V., Kozyreva T.S. METHODS OF ART-THERAPY IN THE PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF A PERSONALITY. The paper analyzes the possibility of psychotherapeutic work with clients suffering from professional deformation. The work shows possibilities of an effective use of metaphorical association cards in the narrative therapy. The researcher analyzes cases of psychotherapeutic work with clients, who suffer from professional deformation, and describes methods and techniques of psychotherapeutic work with associative cards. The study proves the effectiveness of the use of the metaphorical association cards in psychotherapy of workaholism.

Key words: professional deformation, psychotherapy, tale, archetype, metaphorical association cards, workaholism.

Н.В. Дмитриева, д-р психол. наук, проф. каф. психологии девиантного поведения Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург, E-mail: dnv2@mail.ru; **Н.В. Буравцова**, канд. психол. наук, проф. каф. практической психологии Новосибирского гуманитарного института, доц. каф. психологии личности и специальной психологии Новосибирского гос. педагогического университета, г. Новосибирск, E-mail: burawzov@yandex.ru; **Т.С. Козырева**, канд. психол. наук, доц. каф. психологии СИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск, E-mail: mira5610@yandex.ru

МЕТОДЫ АРТ-ТЕРАПИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье анализируются возможности психотерапевтической работы с клиентами, страдающими профессиональной деформацией. Показаны возможности эффективного использования метафорических ассоциативных карт в нарративной психотерапии. Проанализированы случаи психотерапевтической работы с клиентами, страдающими профессиональной деформацией. Описаны приемы и техники психотерапевтической работы с ассоциативными картами. Обосновывается эффективность использования метафорических ассоциативных карт в психотерапии трудоголизма.

Ключевые слова: профессиональная деформация, психотерапия, сказка, архетип, метафорические ассоциативные карты, трудоголизм.

В связи с непростыми особенностями культурной и социальной ситуации развития современной России, которая характеризуется влиянием западной культуры на формирование традиций и норм поведения с одновременной утратой части нацио-

нальных традиций, происходит размывание определенных нравственных и ценностно-смысловых стереотипов социокультурной активности личности. Вышеуказанное становится одной из причин внутриличностных кризисов и конфликтов, требующих адек-

ватного психокоррекционного воздействия. Одним из эффективных методов воздействия на психологические проблемы является использование сказкотерапии.

Иногда становится весьма результативным обращение к более древним категориям, позволяющим восполнить утраченные стереотипы поведения, и выступающим основополагающими ориентирами для построения адекватной картины мира субъекта. Такими категориями являются архетипы – первообразы, содержащие в себе коллективные представления о феноменах внешнего и внутреннего психического мира, отражающие бесчисленные переживания одного и того же типа, являющиеся структурными элементами души.

К.Г. Юнг [1] на основании анализа мифов и сказок народов мира описал само понятие архетипа и выделил базовые архетипы (ориентирами для построения личности – Эго, Персона, Тень, Анима и Анимус, Самость; архетипы коллективного бессознательного, Тень, Мудрый старец, Божественный младенец, Великая Мать (Предвечная Мать и Мать-Земля), ее двойник Дева, Герой, Дух, Трикстер и др.). Исследования в области мифологии и образования сказок К. Леви-Стросса [2], Ф.И. Буслаева [3], В.Я. Проппа [4], А.Н. Афанасьева [5], Е.М. Мелетинского [6] и др. дают представление о синтагматических и парадигматических законах строения сказки, которые в своей основе содержат метафоричные понятия и ритуалы первобытного человека. Теоретический анализ славянских мифологических персонажей и их связь с архетипами подробно описаны и в наших собственных исследованиях [7, 8]. Сделан вывод, что первообразы, которые находятся в мифах, формируют полисемантическое пространство избыточных смыслов. Следовательно, в мифах и в сказках содержатся архетипические элементы.

Все большее число исследователей обращается к изучению представленности архетипов в сказочных сюжетах. Так, например, А.В. Чернышевым [9] выявлено двенадцать сказочных персонажей, соответствующих архетипам древности: Мать (Мачеха), Левша, Царь, Богатырь, Кощей, Золотая рыбка, Солдат, Василиса Прекрасная, Черт, Дурак, Иван-Царевич, Баба-яга. Выделенные автором сказочные персонажи соотнесены с полем с двумя координатами: ось мотиваций (Стабильность и контроль, Риск и мастерство, Принадлежность и обладание, Независимость и самореализация) и ось стадий (Подготовка: Архетипы семьи, Путь: Архетипы превращений и изменений, Возвращение: Архетипы королевского двора) и сопоставлены с архетипами. Наши собственные исследования позволили проанализировать проявления архетипов в соответствии с актуальными личностными потребностями [10].

Бессознательный характер проявления архетипа позволяет выбирать с целью психодиагностики личностных особенностей и характера трудной ситуации клиента проективные методы, поскольку, как отмечает Е.Т. Соколова [11], проективный метод ориентирован на изучение неосознаваемых свойств, и в связи с этим является едва ли не единственным способом психологическим методом проникновения в наиболее интимную область человеческой психики. Таким образом, наличие связи между сказками и архетипами, позволяет широко использовать сказкотерапию в психологическом консультировании.

К недостаточному представленным в научной литературе методам психотерапии творческим самовыражением относится направление, в основе которого – наборы метафорических ассоциативных (проективных) карт различной тематики. Данные карты на протяжении ряда лет используются зарубежными специалистами и активно завоевывают свои позиции в психотерапевтической практике. Применение проективных карт немецкого издательства OH-Verlag доказало свою эффективность и в нашей работе [12; 13]. Приведем пример эффективного использования сказки в совокупности с применением проективных карт для коррекции профессиональной деформации.

К нам обратилась 66-летняя женщина – учительница младших классов, с жалобами на конфликтные отношения с членами своей семьи, конфликтными отношениями с коллегами; трудности в принятии точки зрения других людей, на обострившиеся негативные чувства, которые она испытывает к ученикам и коллегам. Клиентка ощущает постоянное желание поучать членов своей семьи, советовать, контролировать выполнение ими самых элементарных обязанностей. Она понимает, что это отравляет ее отношения со взрослыми детьми и мужем, но не может изменить свое поведение.

Мы предложили женщине рассказать сказку с сюжетом, касающимся ее проблемы, с использованием проективной тех-

ники «Путь героя». Работа выполнялась с помощью набора карт «SAGA». Данная техника основана на Юнгианском анализе мифов и сказок. К.Г. Юнг установил, что все сказки и мифы, вне зависимости от культуры, к которой они относятся, используют структуру, состоящую из основных шести шагов [1]:

1. Появление героя, соответственно, карта 1 – представляющая героя (героиню) истории.
2. Герой отправляется в путешествие для выполнения миссии или борьбы с кем-то или чем-то, соответственно, карта 2 – определяющая его миссию.
3. Герой встречает помощников. Карта 3 – представляет, кто или что поможет герою в его странствиях.
4. Герой сталкивается с препятствиями. Карта 4 демонстрирует препятствия или трудности, которые ему необходимо преодолеть.
5. Герой справляется с препятствиями. Карта 5 описывает то, как герой (героиня) преодолели эти препятствия.
6. Благополучное завершение истории. Карта 6 описывает завершение истории.

Составляя сказку (историю), основанную на этих элементах, можно увидеть свой собственный путь в этом мире и то, как мы справляемся с встречающимися на этом пути трудностями и препятствиями.

Клиентке было предложено взять лист бумаги и разделить его на шесть равных частей. Затем, не глядя, выбрать из набора шесть карт и разместить их на выделенных зонах листа. Она выбрала и описала карты со следующими изображениями: 1) молодая женщина в длинных белых одеждах; 2) исписанный свиток; 3) золотая рыбка, плавающая в воде; 4) стена замка с открытыми воротами и дорогой, уходящей вдаль; 5) пожилой мужчина – король, в мантии и с короной; 6) солдат с копьем и шпагой, охраняющий вход в помещение.

Клиентка рассказала следующую сказку: *«Жила была женщина, у которой было много детей. Она была умная, сильная, властная, очень много и давно работала, поэтому считала себя суперспециалистом, с мнением которого должны считаться окружающие. Ее беспокоило желание уничтожить любого, не согласного с ее точкой зрения. Однажды она отправилась в путь, так как узнала, что где-то в другом мире есть свиток мудрости, который она хотела подарить всем, нуждающимся в знаниях и мудрости, которые без ее помощи они не могли приобрести. По дороге она встретила золотую рыбку, которую попросила помочь донести до окружающих информацию, без которой их жизнь представлялась ей тусклой, неполноценной и ошибочной. Она подумала, что рыбка поможет ей в исправлении ситуации. Шла она долго или коротко и попала в страшный таинственный замок. Злой король, который жил в замке, решил не выпускать ее и использовать ее бесценные знания. Просидев в заточении, женщина договорилась со своим освобождением с солдатом – охранником, который и помог ей выбраться на свободу. Охранник уже давно проявлял несогласие с политикой правящего короля (хотя и не демонстрировал этого) и с радостью освободил женщину. Он дал ей возможность донести мудрость всем, кто в ней нуждается».*

Анализ сказки позволил нам предположить наличие у клиентки определенных личностных особенностей. Так, например, продолжительная работа, связанная с педагогической деятельностью, явилась причиной выбора карты «Женщина-мать». В исследованиях С. Биркхойзер-Оэри [14], посвященных анализу архетипического образа Великой матери в сказках и проведенных на анализе большого объема сказочного материала, автор указывает, что сказки – это «портреты человеческой души», в которых запечатлено представление о психических ситуациях в типичных, повторяющихся мотивах. Автор показывает, что психологически негативными характеристиками архетипа матери выступает сверхопека, сверхподавление детей и гиперконтроль окружающих, раскрывающиеся через активацию темной стороны матери. Выбор карт «Царь», «Золотая рыбка», «Солдат», по мнению А.В. Чернышева [9], свидетельствует о наличии таких мотиваций, как стабильность, контроль, риск, мастерство, принадлежность и обладание, независимость и самореализация. Выбор карты «Царь», с нашей точки зрения, также не случаен. Роль Царя в волшебных сказках заключается в поддержании существующего порядка и осуществлении контроля. В проведенных нами исследованиях [7, 10] подтверждено, что Царь-отец может проявлять себя как достаточно жесткий и критичный гос-

подин, в этом ракурсе он кажется сильным, всезнающим, всемогущим и непоколебимым.

Мы считаем, что архетип Героя-освободителя (выбранная клиенткой карта солдата), представляет собой некий элемент борьбы с чудовищем (в данном случае, с Царем). Этот архетип боится потерпеть поражение, «сломаться» и не победить. По мнению М. Марк и К. Пирсон [15], его теневыми качествами могут выступать жестокость, высокомерие и одержимая тяга к победе. При этом он может испытывать страх оказаться слабым или ранимым и в этой связи у него могут проявляться компульсивные действия в виде вечного поиска врага (которым в данном случае являются окружающие клиентку лица, не согласные с ее точкой зрения).

После обсуждения сказки, ассоциированной с психологическими трудностями клиентки, мы выяснили, как она сама относится к такому «Пути героини».

К: Я и сама вижу, что никакая эта женщина не героиня... она по привычке хватается за то, что по ее мнению, может выступать как некая мудрость... получается, что весь смысл жизни в том, чтобы нести этот свиток, даже не спрашивая окружающих – нужно это кому-то или нет... А. по сути и не нужно... Дети выросли и знают о жизни больше меня... Ученики за глаза называют меня бабкой... Да, все это грустно...

П: Давайте попробуем ли сочинить новую сказку?

Получив новые карты, клиентка разложила и описала их согласно схеме: 1) женщина в переднике кухарки; 2) тюремная камера; 3) топор, воткнувший в бревно; 4) старуха – ведьма с горящими глазами; 5) пожилая женщина с седыми длинными волосами; шут с бубном и погремушкой.

Новая сказка клиентки: *«В один из дней уставшая от тяжелой работы мать двоих детей вдруг поняла, что она оказалась в тюрьме с пожизненным заключением. Ей было крайне тяжело осознавать это. Поскольку выхода из ситуации не было, женщина решила убить себя случайно найденным во время прогулки топором, но, взглянув на поленницу с дровами, она вдруг поняла, что на ее ситуацию можно взглянуть с разных точек зрения. Позитивный взгляд подтверждал, что если победить сидящую в соседней камере злую ведьму, с помощью советов доброй и мудрой старушки, то можно не только выбраться из заточения, но и реализовать, наконец, давно желаемую мечту – жить с шутками и прибаутками, весело и беззаботно».*

В ходе анализа второй сказки мы обратили внимание, что выбор карты «Женщина-мать» в данном случае связан с произошедшей в результате терапии актуализацией у женщины та-

ких позитивных качеств, как забота о членах семьи, об окружающих, возможность подарить жизнь, любовь, охрану, защиту, кормление.

Актуализированная клиенткой карта «Великой Старухи» отражает архетип, достаточно часто представленный в волшебных сказках (требующий учета как позитивного, так и негативного аспекта этого образа). Мужской прототип архетипа Великой Старухи – архетип Великого Старца или Духа, который, как утверждает К.Г. Юнг [1], символизирует собой общечеловеческую мудрость, знание, размышления, интуицию и ум, авторитетного человека и т. д. Но, в то же время, он представляет собой серьезнейшую угрозу для личности, потому, что когда он актуализируется, человек действительно начинает верить в то, что он овладел магической мудростью, даром пророчества, исцеления или властью. По мнению К.Г. Юнга, помимо божественного, в этом архетипе есть и демоническое начало.

Архетип Ведьмы представлен у С. Бирххойзер-Оэри [14] на примере огненной матери – образ ужасной матери, подвергающей главного героя (героиню) испытанием огнем. Архетип Ведьмы встречается в сказках в образе феи, которая может быть и доброй. «Проснувшийся» у клиентки в ходе терапии архетип Трикстера спровоцировал выбор карты «Шут», воплощающий физические страсти и желания, не подвластные разуму [16].

Анализ сказок завершился выводом, во-первых, о том, видит ли сама клиентка разницу между негативным контекстом первой и позитивным контекстом второй сказки, и, во-вторых, нашей просьбой рассказать о том, что она имеет в виду, отдав предпочтение выбору карты «Шут» и говоря о нереализованной потребности в веселой и беззаботной жизни. После анализа было сделано заключение, что выбранные карты представляют собой эго-состояния самой клиентки. Вышеупомянутые позитивные черты характера сказочных героев и их стратегии выхода из трудных ситуаций отражают способы решения клиенткой трудных жизненных вопросов. В завершение консультации, были актуализированы и перечислены все неиспользованные ресурсы, которыми обладает клиентка.

Описанный случай является ярким примером использования проективных карт и сказкотерапии в коррекции профессиональной деформации личности. Оценив эффективность ассоциативных карт в коррекции профессиональной деформации личности, можно сделать вывод об эффективности их использования в практике психологического консультирования. Представленный материал может быть полезен при работе с широким спектром внутриличностных конфликтов.

Библиографический список

1. Юнг, К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Минск, 2004.
2. Леви-Стросс, К. Путя масок. – М., 2000.
3. Баландин, А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф.И. Буслаев. – М., 1988.
4. Пропп, В.Я. Морфология сказки. – Л., 1928.
5. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / А.Н. Афанасьев, Л.Г. Бараг, Ю.А. Новиков: в 3 т. – М., 1984.
6. Мелетинский, Е.М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. – М., 1971.
7. Перевозкина, Ю.М. Архетипические основания сказочных персонажей / Ю.М. Перевозкина, С.Б. Перевозкин, Н.В. Дмитриева // Вестник педагогических инноваций: научно-практический журнал. – 2013. – № 1(31).
8. Буравцова, Н.В. Мужские и женские харизматические образы: взгляд сквозь призму архетипов / Н.В. Буравцова, Н.В. Дмитриева // СМАЛЬТА. – 2014. – № 1.
9. Чернышев, А.В. Русские архетипы в брендинге и эффективность рекламы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Нижний Новгород, 2011.
10. Буравцова, Н.В. Архетипические основы профессионального становления личности // Социосфера. – 2012. – № 3.
11. Соколова, Е.Т. Психологическое исследование личности: проективные методики. – М., 2002.
12. Дмитриева, Н.В. Метафорические ассоциативные карты и поэтическая терапия в психотерапии синдрома эмоционального выгорания / Н.В. Дмитриева, Н.В. Буравцова // СМАЛЬТА. – 2014. – № 3.
13. Дмитриева, Н.В. Использование ассоциативных карт в нарративной психотерапии работоголизма / Н.В. Дмитриева, Н.В. Буравцова, Ю.М. Перевозкина // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 4.
14. Бирххойзер-Оэри, С. Мать: Архетипический образ в волшебных сказках. – М., 2006.
15. Марк, М. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / М. Марк, К. Пирсон; пер. В. Домнина, А. Сухенко. – СПб., 2005.
16. Короленко, Ц.П. Homo Postmodernicus. Психологические и психические нарушения постмодернистского мира / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – Новосибирск, 2009.

Bibliography

1. Yung, K.G. Dusha i mif. Shestj arkhetipov. – Minsk, 2004.
2. Levi-Stross, K. Putj masok. – M., 2000.
3. Balandin, A.I. Mifologicheskaya shkola v russkoy foljkloristike: F.I. Buslaev. – M., 1988.
4. Propp, V.Ya. Morfologiya skazki. – L., 1928.
5. Afanasjev, A.N. Narodnihe russkie skazki A.N. Afanasjeva / A.N. Afanasjev, L.G. Barag, Yu.A. Novikov: v 3 t. – M., 1984.
6. Meletinskiy, E.M. Mifih drevnego mira v sravnitel'nom osvethenii // Tipologiya i vzaimosvyazi literatur drevnego mira. – M., 1971.

7. Perevozkina, Yu.M. Arkhetipicheskie osnovaniya skazochnikh personazhey / Yu.M. Perevozkina, S.B. Perevozkin, N.V. Dmitrieva // Vestnik pedagogicheskikh innovatsiy: nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2013. – № 1(31).
8. Buravcova, N.V. Muzhskie i zhenskie kharizmaticheskie obrazi: vzglyad skvoz prizmu arkhetipov / N.V. Buravcova, N.V. Dmitrieva // SMALJTA. – 2014. – № 1.
9. Chernihshch, A.V. Russkie arkhetipih v brendinge i ehffektivnost reklamih: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. – Nizhniy Novgorod, 2011.
10. Buravcova, N.V. Arkhetipicheskie osnovni professionalnogo stanovleniya lichnosti // Sociosfera. – 2012. – № 3.
11. Sokolova, E.T. Psikhologicheskoe issledovanie lichnosti: proektivniye metodiki. – M., 2002.
12. Dmitrieva, N.V. Metaforicheskie asociativniye karti i poehticheskaya terapiya v psikhoterapii sindroma ehmocionalnogo vihgoraniya / N.V. Dmitrieva, N.V. Buravcova // SMALJTA. – 2014. – № 3.
13. Dmitrieva, N.V. Ispolzovanie asociativnikh kart v narrativnoy psikhoterapii rabotogolizma / N.V. Dmitrieva, N.V. Buravcova, Yu.M. Perevozkina // Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal. – 2014. – № 4.
14. Birkhoyzer-Oehri, S. Matj: Arkhetipicheskiy obraz v volshebniikh skazkakh. – M., 2006.
15. Mark, M. Geroy i buntarj. Sozdanie brenda s pomothiyu arkhetipov / M. Mark, K. Pirson; per. V. Domnina, A. Sukhenko. – SPb., 2005.
16. Korolenko, C.P. Homo Postmodernicus. Psikhologicheskie i psikhicheskie narusheniya postmodernistskogo mira / C.P. Korolenko, N.V. Dmitrieva. – Novosibirsk, 2009.

Статья поступила в редакцию 12.09.14

УДК 796

Solovyov G.M., Kozyura Ye.N., Kashin S.N. **SCIENCE AND EDUCATION IN THE CONTEXT OF PHYSICAL EDUCATION COURSE AND OF HEALTH-PROTECTION IN A UNIVERSITY.** In the work contents-related and qualitative characteristics of the modern system of education from a standpoint of saving health of students are considered. The role of physical education in this system is studied. The authors of the article summarize the material on the subject studied, and compare the views of the scientists of the ancient times (Pythagoras, Socrates, Plato), of the Middle Ages (F. Bacon, W.L. Montesquieu) with the views of the modern scientists in the sphere of healthcare and, in particular, the organization of health-saving activities in a university through the discipline of Physical Education. The article summarizes some results of the studies on the problems of functioning of universities in modern conditions and the role of health-saving technologies in the quality of higher education and increasing the competitiveness of universities.

Key words: science, physical training, health, quality of education, management, marketing, multifunctionality of a teaching activity, health of protecting an education system.

Г.М. Соловьев, д-р пед. наук, проф. каф. физической подготовки и спорта ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» Ставропольский филиал, г. Ставрополь; Е.Н. Козюра, канд. юрид. наук, доц., полковник полиции, заместитель начальника по учебной и научной работе ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» Ставропольский филиал, г. Ставрополь; С.Н. Кашин, канд. пед. наук, доц. полковник полиции, начальник каф. физической подготовки и спорта ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» Ставропольский филиал, г. Ставрополь, E-mail: irbis-2004@yandex.ru

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА

В статье рассматриваются содержательно-качественные характеристики современной системы образования с позиции сбережения здоровья ее субъектов и роли в этом физической культуры. В статье обобщен материал по исследуемой теме, при этом авторами приводятся параллели между воззрениями учёных древних времён – Пифагора, Сократа и Платона; учёных Средневековья Ф. Бэкона, Ш.-Л. Монтескье и современными взглядами учёных в области здоровьесбережения и, в частности, организации здоровьесберегающего пространства вуза средствами дисциплины «Физическая культура». Статья подводит некоторые итоги изучения проблемы функционирования вузов в современных условиях и роли здоровьесберегающих технологий в обеспечении качества высшего образования и повышения конкурентноспособности вузов.

Ключевые слова: наука, физическая культура, здоровье, качество образования, менеджмент, маркетинг, многофункциональность преподавательской деятельности, здоровьесберегающая система образования.

Наука как сфера человеческой деятельности, функцией которой является исследование сути явлений, процессов, свойств и состояний, происходящих в природе и обществе, законов и закономерностей их объясняющих, выработка и теоретическая схематизация объективных знаний о действительности; как отрасль культуры существовала не во все времена и не у всех народов. Принято считать, что родоначальником науки как отрасли культуры, выполняющей самостоятельные функции, была древняя Греция. Именно в то историческое время была декларирована и значимость гармонического развития человека, важность роли физических упражнений в обеспечении его здоровья и, в частности, духовного, как нормального состояния человеческой психики. Демокрит соизмерял здоровье с представлениями о счастье и естестве, ровным, спокойным настроением духа, внутренней устойчивостью, мерой и мудростью; великие Пифагор, Сократ и Платон с гармонией духовного и телесного в чело-

веке [1]. В этом контексте английский философ Ф. Бэкон писал, что можно кое-что узнать о теле, исходя из состояния духа, и кое-что о духе, исходя из состояния тела. Ф. Вольтер французский философ и просветитель XVII века отмечал, что люди жалки и несчастны в смысле их естественной подверженности болезням, но они в состоянии успешно противодействовать этому «физическому злу» [2]. Шарль-Луи Монтескье, выдающийся французский мыслитель энциклопедического склада говорил, что здоровый и крепкий человек питает больше доверия к самому себе, то есть имеет большое мужество, большую уверенность в своей безопасности, больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости [3].

Многие великие люди древности, известные всему миру успехами в науке, были и хорошими спортсменами, отмечали положительное влияние физических упражнений на умственную деятельность, придавали огромное значение физическому вос-

питанию. Великий мыслитель философ Пифагор был олимпийским чемпионом в кулачном бою, другой философ – Платон также прославился не только своими знаниями, но и победами в кулачных боях.

Во все времена человеческого бытия знания ценились на вес золота. Ярким примером тому служит известное истории послание А. Македонского своему учителю Аристотелю, в котором выражается негодование по поводу того, что знания, которые принадлежали только его ученикам стали достоянием всех. Великий полководец, возмущаясь, восклицает: «Чем же мы теперь будем отличаться от других? Я бы отдал все свое богатство и все свои завоевания, чтобы этого не произошло!».

Можно сказать, что знания во времени и пространстве социума абсолютны и относительны, субъективны и объективны, инновационны и парадигмалы. Они постоянно совершенствуются и прибавляются, углубляются и расширяются. По этому поводу французский философ Б. Паскаль писал, что если бы последующие поколения людей ничего не прибавляли к знаниям и опыту предыдущих поколений, никакой прогресс в жизни, в науках был бы просто не возможен. Говоря о том, что человек менее всего знает и понимает самого себя, коренные условия своего бытия, смысл своей жизни, свое истинное право, он как многие мыслители того времени подчеркивал значимость образования [4].

Сегодня много говорят о содержании качества данного социального феномена. Между тем в науке до сегодняшнего дня не существует единого мнения, что такое качество в отношении образования. По видимому одной из причин такой ситуации помимо прочих, является то, что в научной мысли не сформировалось общего представления на понятие «образование». Многовариантность данного социального феномена акцентируется в различных научных и официальных источниках в его разном содержании. Образование трактуется как институт передачи накопленного опыта в виде знаний, умений и навыков (сегодня компетенций, включающих помимо ЗУН способности и личностные качества). Данный социальный феномен рассматривается и в контексте системы, и процесса, и становления личности, и результата (образованности), и доступности. Детерминация образования в контексте становления личности предполагает, что качественными характеристиками данной деятельности должна, прежде всего, выступать вся совокупность составляющих структуры физической культуры личности, критериально-диагностируемые и проверяемые в плане достижения цели (желаемого результата) того, что общество хочет получить в развитии физкультурной индивидуальности. А это сегодня интерпретируется как определенный уровень компетенций, креативных способностей и личностных качеств (мотивов, интересов, социально-духовных ценностей, состояния устремленности, творчества, психофизической работоспособности, культуры, эрудиции, конкурентоспособности и прочие). Трактовка образования по дисциплине «Физическая культура» в контексте результата обуславливает качество образованности его обладателя с позиции уровней и критериальных показателей их характеризующих. Например, если знания, то должно учитываться, каков их уровень усвоения, осознанности и степень научности (абстракции). Имеются в виду умения и навыки, то должно быть понятным и каков их уровень. Или репродуктивный (ученический и типовой), или продуктивный (эвристический и творческий). И так по компетентности в целом и по каждой компетенции ее составляющей, причем дифференцировано на всех ступенях образования. Рассмотрение высшего образования в контексте доступности возникает вопрос, в каком плане и степени оно доступно всем и каждому [5; 6].

Если образование в области физической культуры представлять как систему, то качество данного феномена должно определяться состоянием всех элементов, составляющих целостность ее структуры: информационной, инструментальной, кадровой, нормативно-законодательной, организационно-структурной, функциональной и финансовой.

Информационная (идеология), отвечает на вопрос – что? Это наличие и качественное содержание концепций развития физической культуры в вузе, стандарта целей и задач его реализации качественной, современной и научно обоснованной примерной государственной программы, направлений и содержание образования, принципов их реализации, соответствующих инновационным тенденциям, менталитету, социума и перспективам развития общества, экономики и системы образования, в целом.

Инструментальная, отвечает на вопрос – чем? Это необходимое наличие, качество и санитарно-гигиеническое состояние спортивных залов, стадионов, площадок, оборудования, инвентаря, программного, учебно-методического и информационно-компьютерного обеспечения.

Кадровая, социальная составляющая учебного процесса (отвечает на вопрос – кто?). Это компетентность преподавательского состава, его профессионализм, целеустремленность и способность к инновационной практической, научной, учебно-методической, образовательной и воспитательной деятельности, построенной на творческих субъект-субъектных отношениях.

Нормативно-законодательная, предполагает качественное широкое и объемное регламентированное в рамках федеральных, региональных, местных и вузовских правовых положений и требований деятельности системы образования, ее организационно-структурной, финансовой и функциональной составляющей; обязанностей, прав и свобод субъектов образования.

Организационно-структурная – это структурность, иерархичность функционирования системы организации образования в целом в стране и в отдельно взятом высшем учебном заведении. Ее качество определяется наличием и состоянием конструктивных и оптимальных организационно-управленческих технологий, отвечающих современным концептуальным положениям развития образования в области физической культуры: законодательной основе; результатам в достижении цели и задач; соответствием способностей исполнителей должностным обязанностям, возложенных на них; гибкостью, динамичностью и постоянным развитием структурных управленческих подразделений кафедр физической культуры и системы образования учащихся в целом.

Функциональная обуславливает содержание функций в рамках направлений деятельности кафедр физической культуры, (ее управленцев, преподавательского коллектива, вспомогательного состава). Качество данной составляющей системы образования определяется необходимостью наличия конструктивной го-синструкции МО и науки РФ о деятельности кафедры физической культуры, ее структуры и должностных обязанностей преподавательского состава, учитывающих полноту и соответствие содержания его деятельности целям и задачам функционирования и развития образования в контексте учебной, методической, научной и воспитательной физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы, а также учебного процесса, связанного со специальными медицинскими группами и информатизацией образования. Все это должно соизмеряться с научной организацией труда и адекватностью трудозатрат заработной плате исполнителей функций.

Финансовая составляющая системы образования детерминирует ее экономическую базу, эффективность и степень реальности.

Состояние всех составляющих образовательной системы (недостаточность или отсутствие одной из них) непременно сказывается на ее качестве. Например, идеологии (информационно-составляющей) или ее четкой теоретической обоснованности (концепции, ведущей идеи, цели, задач, понятий, принципов, направлений, сути физической культуры личности и содержания различных педагогических технологий ее формирования) не обеспечивает целостное, научное концептуальное мышление субъектам образования, осознанность значимости идеи и затрудняет понимание того, по каким направлениям следует идти, что конкретно осуществлять, как делать и действовать, какие средства и методы использовать, как определять, планировать и опосредовать деятельность – переводить ее из социально значимой в личностно и профессионально-актуальную повседневную педагогическую работу. С другой стороны, наличие четко разработанной идеи, концепции цели и задач образования, а также принципов и направлений их реализации требует и соответствующей подготовки и переподготовки кадров. Разработка современных учебников и учебных пособий, отражающих не только теоретические и технологические аспекты формирования физической культуры личности, но и здорового образа жизни, здоровьесберегающей системы образования в целом, обеспечивающей физический, психический и социально-духовный комфорт всем субъектам образовательного процесса. И учащимся и преподавателям. В отношении последних это объясняется тем, что до середины 90-х годов XX века в рамках подготовки профессиональных кадров система высшего российского образования в основном выполняла четыре ведущие функции – образовательную, развивающую, воспитательную и учеб-

но-методическую. С переходом России на рельсы рыночной экономики государственная политика в образовании определила обязательным для вузов еще четыре функции: дополнительно-образовательная, дистанционного обучения, самофинансирования и научно-производственную. Оказалось, недостаточно быть только пользователем и экстраполятором в студенческую аудиторию имеющегося знания, но надо быть еще и создателем данного продукта. Более того, продавцом и промышленником результатов научных исследований, воплощенных в хозяйственные отношения, конкурсы, гранты и создаваемых сегодня на базе вузов малых промышленных предприятий. Таким образом обозначилась, ранее несвойственная в целом системе высшего образования, промышленная функция, а также биржевая. Вузам вменяется не только осуществлять набор студентов, но и устраивать их на работу, создавать рабочие места.

Демографическая ситуация в стране, а также неудовлетворительное состояние здоровья детей и учащейся молодежи и культуры их здорового образа жизни научно и законодательно предопределяют и становление здоровьесберегающей функции образования как системы. Коммерциализация и конкуренция в образовании обусловили возникновение и функции менеджмента, разработку адекватных административных и общих для всех преподавателей компетенций (знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств), искусства управления и деятельности, информационно-компьютерных и интерактивных способов и манеры коммуникации и общения. Иначе, принципов, методов, средств и форм организации управления системой образования, в совокупности обеспечивающих повышение ее эффективности, качества услуг производимого продукта и прибыльности, как одного из видов отраслевого специального менеджмента.

С развитием рыночных отношений и конкуренции повышается риск неопределенности в деятельности вузов, обусловленной следующей неизвестностью: количества реальных и потенциальных потребителей образовательных услуг и научного продукта; потребностей и возможностей покупателей образовательных услуг; изменчивостью спроса рынка труда и капитала; политики конкурентов. В данных условиях возникла необходимость в осуществление высшими образовательными учреждениями функции маркетинга, сопряженной с функцией менеджмента. Как идеологии, стратегии, политики и тактики деятельности любого производителя в конкретной ситуации. Так как вуз, являясь производителем специфического товара (образовательных услуг, научного и промышленного продукта) может существовать только тогда, когда продает его своим клиентам. Поэтому любому вузу стало необходимо использовать весь набор инструментов бизнес-маркетинга. С помощью которого он может: 1) повысить свою ликвидность, деловую активность, норму прибыли и рентабельность, снизить уровень риска; 2) обеспечить оптимальные пропорции между спросом и предложением образовательных, научных и научно-промышленных услуг определенного вида и специфики; 3) гибко реагировать на динамику спроса и маневрировать всеми видами имеющихся возможностей и ресурсов; 4) формировать систему договорных, рыночных отношений между своими контактными аудиторами, потенциальными потребителями образовательных услуг учебной, методической, научной и других видов продукции; 5) исследовать спрос искать рынки сбыта, расширять существующие, охватывать новые рыночные «ниши» и «окна», достигая при этом оптимального уровня об-

разовательного-научной, производственной, экономической и социальной эффективности; 6) осуществлять внутренний и внешний менеджмент, мониторинг (аудит) качества процесса образовательных услуг и различного рода специфической продукции; 7) расширять возможности самофинансирования, самостоятельности и автономности; 8) обеспечивать устойчивость, стабильность, качество и развитие системы образования в условиях конкуренции и нестабильности рынка.

Многофункциональность высших учебных заведений экстраполируется во многие дополнительные обязанности различных структурных подразделений вуза и каждого преподавателя в отдельности, которые ранее не были им свойственны. Сегодня философия высшего профессионального образования такова, что профессорско-преподавательский состав должен: давать образование студентам, одновременно воспитывать их, формируя личность и развивая ее во всех структурно-качественных проявлениях; разрабатывать программную и учебно-методическую продукцию; быть ученым (проводить исследования и публиковать их результаты не только во всероссийских, но и зарубежных изданиях), защищать собственные диссертации, затем руководить аспирантами и соискателями, зарабатывать деньги на науку, участвовать в конкурсах и конференциях, выигрывать гранты, сотрудничать с образовательными комплексами края, области, региона), активно участвовать во всех функциональных обязанностях, которые вменяются современному вузу, а точнее уже бизнес – вузу. В этой связи несоразмерность множества обязанностей по временным и психофизическим возможностям организма человека обуславливает у профессорско-преподавательского состава состояние постоянного нервно-психического напряжения, астении, тревожности, эмоционального выгорания и навязано современной системой образования неуверенности в себе, в свои силы и способности. Цели и решаемые задачи в образовании должны соотноситься с психолого-педагогическими и физиологическими закономерностями организации учебно-трудовой деятельности, психофизическими возможностями обучающихся и обучающихся. Иначе цели в образовании во многом утрачивают свою социальную и личностную значимость. *Нет смысла в образовании, если система наносит вред здоровью, лишая человека самой важной ценности в жизни. В этом случае она (система) работает ради самой себя в экстремальном режиме по отношению к субъектам образования.* Преумножается все сказанное для преподавательского офицерского состава вузов МВД и МО России. Однако, выполнить перечисленные функции, далеко нелегкая задача. Все это в итоге приводит к формально-адаптационному отношению преподавателей к выполнению той или иной функции, предложенной современной системой образования [7; 8; 9].

Бывший президент РАН, академик Ю.С. Осипов высказал мнение о том, что нельзя полноценно сочетать занятия наукой и преподаванием. Однако, одна из главных задач современного преподавателя – научить студентов быть здоровым, уметь беречь здоровье, а также укреплять и творчески воспроизводить во всех проявлениях: физическом, психическом, социальном и духовно-нравственном. Таковы реалии современной жизни, определяющие, помимо всего прочего, актуальность и необходимость становления здоровьесберегающей системы образования и особого места в ее структуре физкультурно-оздоровительных технологий.

Библиографический список

1. Виц, Б.Б. Демокрит. – М., 1979. – С. 34-36, 145-163.
2. Субботин, А.Л. Фрэнсис Бекон. – М., 1974. – С. 55-56.
3. Баскин, М.П. Монтескье. – М., 1975. – С. 68.
4. Стрельникова, Г.Я. Блез Паскаль. – М., 1979.
5. Виленьский, М.Я. Физическая культура и здоровый образ жизни студента. – М., 2012.
6. Соловьев, Г.М. Здоровьесберегающая система в обеспечении качества образования, здоровья и формирования культуры здорового образа жизни учащейся молодежи: монография. – М., 2009.
7. Соловьев, Г.М. Физическая культура личности (теория и технология формирования): учеб. пособие. / Г.М. Соловьев, С.Н. Кашин. – М., 2014.
8. Соловьев, Г.М. Технологический подход в обеспечении качества образования учащихся высшей школы в области физической культуры / Г.М. Соловьев, С.Н. Кашин // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №3 (46).
9. Петренко, Д.А. Определение понятия профессиональной компетентности инструкторско-педагогических кадров для органов внутренних дел России // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3(46).

Bibliography

1. Vic, B.B. Demokrit. – M., 1979. – S. 34-36, 145-163.
2. Subbotin, A.L. Frehnsis Bekon. – M., 1974. – S. 55-56.
3. Baskin, M.P. Montesque. – M., 1975. – S. 68.

4. Streljnikova, G.Ya. Blez Paskalj. – M., 1979.
5. Vilenskiy, M.Ya. Fizicheskaya kul'tura i zdoroviy obraz zhizni studenta. – M., 2012.
6. Solovjev, G.M. Zdorovjesberegayuthaya sistema v obespechenii kachestva obrazovaniya, zdoroviya i formirovaniya kul'turiz zdorovogo obraza zhizni uchastheysya molodezhi: monografiya. – M., 2009.
7. Solovjev, G.M. Fizicheskaya kul'tura lichnosti (teoriya i tekhnologiya formirovaniya): ucheb. posob. / G.M. Solovjev, S.N. Kashin. – M., 2014.
8. Solovjev, G.M. Tekhnologicheskij podkhod v obespechenii kachestva obrazovaniya uchastheysya vshsshey shkolih v oblasti fizicheskoy kul'turiz / G.M. Solovjev, S.N. Kashin // Mir nauki, kul'turiz, obrazovaniya. – 2014. – №3 (46).
9. Petrenko, D.A. Opredelenie ponyatiya professional'noy kompetentnosti instruktorsko-pedagogicheskikh kadrov dlya organov vnutrennikh del Rossii // Mir nauki, kul'turiz, obrazovaniya. – 2014. – № 3(46).

Статья поступила в редакцию 12.09.14

УДК 159.9

Yurovskikh S.S. THE CORRECTION OF EXPRESSION OF AGGRESSIVE BEHAVIOR OF MENTALLY HANDICAPPED ELEMENTARY SCHOOL PUPILS. The work describes a correction program focused on children of the primary school age with a mild degree of mental deficiency, on their parents and teachers. The implementation of this correction program contributes to reducing children's aggressive behavior.

Key words: aggression, mentally deficient children, parents, teachers, correction, exposure.

С.С. Юровских, аспирант каф. коррекционной педагогики и специальной психологии Шадринского гос. педагогического института, г. Шадринск, E-mail: wetka20@bk.ru

КОРРЕКЦИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье описана коррекционная программа, ориентированная на детей младшего школьного возраста с легкой степенью умственной отсталости, их родителей и педагогов, реализация которой способствует снижению агрессивного поведения детей.

Ключевые слова: агрессивность, умственно отсталые дети, родители, педагоги, коррекция, воздействие.

Нет сомнений, что детская агрессивность в современном обществе – очень важная и трудноразрешимая проблема. На основании проведенных исследований мы пришли к выводу, что среди умственно отсталых детей агрессивность является более распространенной формой поведения, чем среди их нормально развивающихся сверстников.

Целью нашей работы является снижение агрессивных проявлений у детей младшего школьного возраста с умственной отсталостью. При составлении коррекционной программы нами были выделены следующие задачи:

- формирование социально-приемлемого поведения;
- развитие социальной перцепции;

- обучение детей социально-приемлемой форме снижения эмоционального и физического напряжения;
- обучение детей навыкам общения.

Коррекционная программа направлена на работу с детьми, с педагогами и родителями.

Данная программа разработана для стабилизации эмоционально-волевой и аффективной сферы, снятия агрессивных проявлений, сплочения участников группы младших школьников с умственной отсталостью. Она была апробирована на базе учреждения ГКСКУ VIII вида «Школа-интернат №16» г. Шадринска. В формирующем эксперименте принимало участие 10 детей младшего школьного возраста с легкой степенью умственной

Таблица 1

Этапы коррекционной программы

Этап	Цель	Задачи
Ориентировочный этап (с 1 по 5 занятия)	Создание благоприятной атмосферы, настрой на совместную работу.	<ul style="list-style-type: none"> – установление позитивного эмоционального контакта с детьми; – знакомство с участниками группы и установление первичных взаимоотношений; – уточнение причин и форм проявления агрессии; – создание интереса к занятиям.
Конструктивно-формирующий этап (с 6 по 35 занятия)	Коррекция агрессивных проявлений в поведении детей.	<ul style="list-style-type: none"> – обучение детей способам выражения гнева в приемлемой форме; – выработка умения эффективного общения; – формирование мотивационно-потребностной сферы; – расширение сферы чувств и переживаний; – развитие осознания себя и своих возможностей; – развитие психических функций.
Обобщающе-закрепляющий этап (с 36 по 40 занятия)	Закрепление полученных знаний, умений и навыков; подведение итогов.	<ul style="list-style-type: none"> – обобщение и закрепление сформированных на предыдущем этапе знаний и умений; – формирование и закрепление доверительных отношений между участниками группы; – перенос нового позитивного опыта в реальные жизненные ситуации.

Таблица 2

Блоки конструктивно-формирующего этапа

Блок	Занятия	Методы и приемы воздействия
1 блок	С 6 по 11	Бумажотерапия
2 блок	С 12 по 17	Изотерапия
3 блок	С 18 по 23	Лепка из пластилина, глины, соленого теста
4 блок	С 24 по 29	Рисование цветным рисом
5 блок	С 30 по 35	Сочинение историй

отсталости. Было проведено 40 занятий в течение 3 месяцев, при частоте встреч – 3 раза в неделю. Продолжительность одного занятия – 40 минут. Форма работы – групповая и индивидуальная.

Коррекционная программа состоит из трех основных этапов: ориентировочного, конструктивно-формирующего и обобщающе-закрепляющего. Подробнее эти этапы представлены в таблице 1.

Каждое занятие имеет следующую структуру:

Вводная часть (3-5 минут) занятия включает в себя ритуал знакомства, приветствия, создание положительного настроя на занятие, установление эмоционального контакта с детьми и планирование деятельности занятия.

Основная часть (25-30 минут) занимает большую часть занятия, отвечает главной цели и выполняет основные коррекционно-развивающие задачи. Она ориентирована на расширение сферы осознания эмоций и переживаний, нахождение конструктивных способов поведения в конфликтных ситуациях и осознание собственных мотивов поведения, развитие творческого воображения, мышления, речи, умения работать в коллективе.

Заключительная часть (3-5 минут) направлена на подведение итогов, снятие эмоционального и мышечного напряжения, закрепление выработанных в течение занятия знаний и умений, условия для переноса этих знаний и умений в реальные отношения.

На этапе формирующего эксперимента использовались разнообразные методы и приемы, оказывающие влияние на эмоциональную сферу детей и снижающие проявления агрессивности: игротерапия, бумажотерапия, изотерапия, лепка, рисование цветным рисом, сочинение историй, музыкотерапия, рефлексия, методы вербального и невербального общения, релаксационные упражнения, психогимнастика.

На **ориентировочном этапе** основной метод, который мы использовали, – это **игротерапия**, так как игра является наиболее доступным и интересным видом деятельности детей данной категории. Этот метод помогает детям выразить свои переживания наиболее приемлемым для них образом – через игру. Так же игры способствуют развитию произвольного поведения, эмоционально-волевой и интеллектуальной сторон. Для повышения эффективности программы эти игры должны быть интересны по своему содержанию, значимы для детей и касаться всех сторон их жизни. Так же здесь использовались игры на мимическое и пантомимическое самовыражение. Метод игротерапии использовался в большей степени на ориентировочном и обобщающе-закрепляющем этапах, на конструктивно-формирующем этапе он применялся в вводной и заключительной частях занятий.

Конструктивно-формирующий этап был разбит на блоки (5 блоков по 6 занятий). В каждом новом блоке мы использовали новый метод работы с детьми. Это отражено в таблице 2.

Бумажотерапия является достаточно доступным и увлекательным методом, даже для умственно отсталых детей. Плюс ее в том, что с основным материалом – бумагой – можно совершать множество действий: мять, рвать, клеивать, резать и т.д. По мере освоения действий задания усложняются и не перестают заинтересовывать детей.

Изотерапия в работе с агрессивными умственно отсталыми детьми ценна тем, что дает возможность детям выражать в невербальной форме свои эмоции и переживания, что для детей более доступно. Кроме того, рисование позволяет ребенку выплеснуть агрессию на бумагу. Как считает А.И. Захаров, рисование – это не только невербальный способ коммуникации, но и средство развития ребенка, поскольку помогает ему разобраться в своих переживаниях [1]. Много может сказать так же и характеристика рисунка – сила нажима на карандаш, цветовая гамма.

Метод **лепки** (из пластилина, глины, соленого теста) очень важен для выплеска эмоционального и физического напряжения. Он способствует повышению уверенности в себе, формированию интереса к исследовательской деятельности и стимулированию познавательной потребности.

Рисование цветным рисом представляет собой невербальную форму психокоррекции, где основной акцент делается на творческом самовыражении ребенка. Этот метод позволяет избавиться от стрессов, страхов, переживаний, способствует снятию напряжения, тревожности и фобий. Цветной рис является необычным, ярким красочным материалом, тем самым привлекая детей к деятельности и проявлению творческих способностей. Метод базируется на сочетании невербальной (процесс построения композиции) и вербальной экспрессии ребенка (рассказ о готовом рисунке, сочинение истории, раскрывающий смысл рисунка). С помощью данного материала мы создавать целые картины на подносе с рисом, а затем и самим рисом, приклеивая его на основу (бумагу).

Данный метод позволяет:

- проработать психотравмирующую ситуацию на символическом уровне;
- отреагировать негативный эмоциональный опыт в процессе творческого самовыражения;
- изменить отношение к себе, к своему прошлому, настоящему и будущему, к значимым другим, в целом к своей судьбе;
- способствует регрессу ребенка к прошлому опыту с целью повторного переживания определенных жизненных ситуаций и освобождения.

Сочинение историй способствует освобождению от многих переживаний и осознанию внутреннего конфликта, побуждает к самоизменению и самореализации. Вербализация внутренних переживаний ребенка во многом ведет к освобождению от этих переживаний. На начальном этапе работы экспериментатор начинал историю, а дети продолжали ее, затем для каждого ребенка давалось начало новой истории. На последующих занятиях дети сами создавали рассказы от начала до конца. Если окончание истории ребенка оказывалось отрицательным, содержащим агрессивные элементы, мы спрашивали других детей о том, какой могла бы быть еще данная часть истории, или предлагали свой ответ, содержащий альтернативные решения. Истории предлагалось начинать со слов: «Однажды...», «Давным-давно...», «Когда-то...», «Далеко-далеко...». Это отделяет ребенка от содержания высказывания во времени и в пространстве и позволяет говорить о том, что вызывает у него напряжение.

Так же в качестве дополнительных методов использовались: **релаксационные упражнения**, которые способствовали уменьшению гиперактивности, внутренней и эмоциональной напряженности, физической разгрузки, как предпосылок агрессивных актов; **рефлексия** – отработка навыков реакции собственных эмоциональных состояний с целью обучения детей дифференциации, рефлексии, фиксации, контролю и вербализации эмоциональных состояний; **психогимнастика** способствовала овладению навыками контроля за двигательной и эмоциональной сферами, положительному настрою на занятия и положительным взаимоотношениям между участниками группы.

Во время реализации **ориентировочного этапа** с целью создания благоприятной атмосферы, настроения на совместную работу использовались такие игры и упражнения, как: «Клубочек», «Гусеница», «Серебряное копытце», «Давайте говорить друг другу комплименты», «Я грустный когда...», «Сиамские близнецы», «Погоняй хлопки по кругу», «Липучка», «Путаница» и другие.

Во время реализации **конструктивно-формирующего этапа** с целью коррекции агрессивных проявлений детей, снятия

Таблица 3

Этапы работы с родителями и педагогами

Этап	Цель	Задачи
Информационный этап	Информирование об индивидуально-психологических особенностях детей младшего школьного возраста, проблеме агрессивности, ее причинах.	<ul style="list-style-type: none"> – установление положительного контакта с родителями и педагогами; – знакомство с особенностями младшего школьного возраста; – ознакомление с определением агрессивности и ее причинами.
Конструктивно-формирующий этап	Обучение навыкам эффективного общения с агрессивными детьми.	<ul style="list-style-type: none"> – создание психологических условий для преодоления ограничений общения и приобретение родителями и педагогами нового опыта взаимодействия с детьми; – ознакомление с методикой контакта с агрессивными детьми; – обучение взаимопониманию и взаимоуважению в общении между детьми и взрослыми – овладение родителями и педагогами способами саморегуляции и расслабления.

эмоционального и мышечного напряжения мы использовали следующие упражнения: «Корм для птиц», «Снежки», «Аппликации», «Бумага стерпит все», «Попади в мишень», «Агрессия – в клочки», «Маски», «Я рисую свой гнев», «Закончи рисунок», «Нарисуй конфликт», «Групповой портрет», «Вылепим проблему», «Лепим человека», «Лепим раздражающего вас человека», «Рисовая фантазия», «Раскрашиваем рисом», «Злой человек», «Однажды...», «Продолжи историю» и другие.

На **обобщающе-закрепляющем этапе** с целью закрепления полученных знаний, умений и навыков использовались такие упражнения: «Ассоциации», «Я люблю», «Поссорились два петушка», «Зеркала», «Художник», «Комплимент», «Добрые пожелания» и другие.

Основная цель коррекционной работы с родителями и педагогами – это исключение таких факторов в общении взрослого с ребенком, которые могут провоцировать ребенка на ответное агрессивное поведение.

Мы выделили такие основные **задачи работы с родителями и педагогами**:

- переключить внимание взрослого с фиксации на негативном поведении ребенка на собственные неконтролируемые негативные эмоциональные состояния;
- помочь педагогам и родителям овладеть приемами конструктивного, позитивного общения в целях исключения ответной агрессивной поведенческой реакции со стороны детей;
- расширить знания взрослых об эмоциональной сфере детей, особенностях и причинах проявления агрессивного поведения детей с умственной отсталостью.

Работа с родителями и педагогами проводилась в два основных этапа: информационный и конструктивно-формирующий. Подробнее данные этапы представлены в таблице 3.

Важное значение в коррекции агрессивности детей отводилось методической работе с родителями, так как часто одной из ее причин бывает агрессивное поведение самих родителей, их безразличное или жестокое отношение к своим детям, равнодушные к эмоциональному миру ребенка. На первом этапе работы

с родителями – **информационном** – были проведены две лекций для родителей по темам: «Что такое агрессивность и каковы ее причины?», «Основные виды общения с агрессивными детьми». Оформлены и предоставлены родителям брошюры: «Рекомендации, которые можно использовать при общении с агрессивными детьми», «Факторы воспитания и стиля общения взрослых, провоцирующие детей на ответное агрессивное поведение и способствующие формированию негативных эмоциональных состояний детей», «Рецепты избавления от гнева», «Игры и упражнения на снятие эмоционального напряжения», «Игры и упражнения на снятие физического напряжения».

Второй – **конструктивно-формирующий** – этап состоял из трех практических занятий, содержащих элементы социально-психологического тренинга: одного – для родителей и двух – для родителей с детьми.

Так же родителям была рекомендована литература по решаемой проблеме, желающим давались книги для чтения дома: Р.Кэмпбелла «Как справиться с гневом ребенка» [2], Ю.Б. Гиппенрейтер «Общаться с ребенком. Как?» [3].

Работа с педагогами также имела большое значение. На **информационном** этапе были проведены четыре лекции на следующие темы: «Психологические особенности агрессивного ребенка», «Агрессивность: опасность для окружающих или защитная реакция?», «Виды агрессивности детей младшего школьного возраста», «Особенности агрессивности у детей с умственной отсталостью». Были оформлены брошюры для педагогов «Характерологические особенности агрессивных детей» и «Способы речевого воздействия и эффективного реагирования в ситуациях агрессивного поведения детей».

Итак, разработанная и апробированная нами коррекционно-развивающая программа способствует снижению агрессивных проявлений в поведении детей, формированию приемлемых форм поведения, развитию социальной перцепции, приобретению навыков общения с детьми и взрослыми, повышению уровня познавательных процессов и может быть рекомендована педагогам и психологам для работы с агрессивными детьми.

Библиографический список

1. Бреслав, Г.Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности: учеб. пособ. для специалистов и дилетантов. – СПб., 2004.
2. Кэмпбелл, Р. Как справиться с гневом ребенка. – СПб., 2000.
3. Гиппенрейтер, Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? – М., 2008.

Bibliography

1. Breslav, G.Eh. Psikhologicheskaya korrekciya detskoy i podrozkovoy agressivnosti: ucheb. posob. dlya specialistov i diletantov. – SPb., 2004.
2. Kehmpbell, R. Kak spravlyat'sya s gnevom rebenka. – SPb., 2000.
3. Gippenreyter, Yu.B. Obhtat'sya s rebenkom. Kak? – M., 2008.

Статья поступила в редакцию 21.07.14

УДК 159.923.2

Bokova O.A. ON THE PROBLEM OF THEORETICAL BASES OF PSYCHOLOGICAL PHENOMENA OF RESPONSIBILITY AND LOCUS OF CONTROL. The author offers a critical analysis of the major theoretical approaches to understanding such structural formations as individual responsibility and locus of control. These concepts are not considered in the article as similar in presentation, but they are comparable to the continuum of "externality – internality" largely determining human behavior, as well as features of the reactivity of the emotional sphere. Special attention should be consideration of these phenomena as the internal mechanisms of self-regulation. The subjective aspect of responsibility and its expression in the consciousness of an individual, namely, the causal attribution is studied.

Key words: responsibility, locus of control, internality, externality, causal attribution.

О.А. Бокова, канд. психол. наук, доц. ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: olgbokova7@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ

На основе анализа отечественных и зарубежных литературных источников в статье анализируются ведущие теоретические аспекты формирования ответственности и локуса контроля личности. Описывается неодинаковое проявление обоих феноменов в рамках единой корреляции «внутреннее – внешнее». Рассматриваются внутренние механизмы саморегуляции.

Ключевые слова: ответственность, локус контроля, интернальность, экстернальность, каузальная атрибуция.

Роль ответственности в структуре личностной зрелости человека рассматривается в гуманистической и экзистенциальной психологии (А.Г. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Э. Фромм). Именно ответственностью перед жизнью отличается сущность человеческого бытия. С ответственностью, полагал А.Г. Маслоу, объединена не только возможность бытия зрелой личности, но успешность и способы ее самореализации [1]. К. Роджерс полагал, что локус оценки «полно функционирующей личности» смещается извне вовнутрь и человек, перестав искать поддержку у окружающих, самостоятельно определяет ценность своего опыта, понимая и принимая ответственность за свой выбор [2]. В. Франкл наряду с духовностью и свободой вносил ответственность в число трех экзистенциалов человеческого существования, полагая, что нельзя признать человека свободным, не считая его в то же время и ответственным [3]. Э. Фромм в ответственный видел одно из определяющих качеств зрелого человека и считал ее следствием неповторимости и своеобразия каждого индивида [4].

Ответственность как одна из форм произвольной активности человека считается необходимой составляющей, атрибутом зрелого поступка, даже жизнь, по мнению М.М. Бахтина, «в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок, а на ответственный поступок способен человек, осознавший свою единственность и неповторимость в этом единственном для него мире» [5, с. 83]. С.Л. Рубинштейн отмечал, что личность «в качестве субъекта присваивает себе все, что делает человек, относит к себе все исходящие от нее дела и поступки и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца» [6, с. 634].

Возможность выбора как сознательного предпочтения определенной линии поведения является предпосылкой ответственности, по мнению П. Тейяра де Шардена, «...обретая внутри нас свое самосознание, ...приобретаем свободу располагать собой – продолжить себя (свое развитие) или отвергнуть» [7, с. 222]. Выбор же происходит при наличии, по меньшей мере, одной, зачастую, множества альтернатив. Он нередко осуществляется в конфликтной ситуации, когда сталкиваются интересы человека и общества, личные и чужие интересы.

Ситуация выбора, по мнению Б.Ф. Поршнева, П.В. Симонова, осложняется не только противостоянием потребностей «нужды» и «роста», но и конкурирующими равнозначными и однотипными потребностями «нужда-нужда» или «рост-рост», не упорядоченными во времени. Поэтому чаще всего выбор не только предпочтение одной возможности, но и «подавление, отстранение другой, чем и высвобождается первая» [8, с. 347]. Личность несет ответственность не только за выбранное, но и за отвергнутое. Каждый выбор и поступок определяется жизненной позицией личности. В тоже время, с каждым выбором лич-

ность либо подтверждает свою жизненную позицию, либо в чем-то ее меняет и регулирует, а внутренне и социально развитый (зрелый) человек в ситуации выбора может принимать решения самостоятельно, независимо и нести за это решение личную ответственность.

Под ответственностью В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев понимают «способность человека управлять своими действиями, реально-практически преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий» [9, с. 131].

Управление человека своим поведением, отмечает В.М. Пискунов, предполагает ответственность за него, а отличительной чертой ответственного поведения является понимание человеком последствий своих поступков, готовность отвечать за них и умение учитывать свои возможности при принятии обязательств [10]. А.Г. Спиркин считает, что осознание ответственности является необходимым средством управления поведением личности через самосознание индивида [11].

В.А. Петровский, считает, что для ответа на вопрос о том, чем же обусловлена самопричинность (самодетерминация) человека во взаимоотношениях с миром «необходимо принять, по крайней мере в качестве допущения, что человек сам (и вполне добровольно) готов отвечать перед собой за последствия собственных действий, иными словами, что он свободно может взять на себя ответственность за саму возможность несовпадения целей и результатов своей активности» [12, с. 84].

Центральная тенденция развития ответственности проявляется в возникновении дополнительного внутреннего механизма регуляции, что означает становление человека как активного субъекта. Вследствие этого возникает перенос инстанции, перед которой человек держит отчет с внешнего уровня на внутренний, т.е. становясь активным субъектом деятельности, человек отвечает за свои действия прежде всего перед самим собой. Ответственность в этом случае является средством внутренней регуляции и показателем ее в структуре самосознания личности мы считаем уровень субъективного контроля (или локус контроля в терминологии англоязычной западной психологии).

Уровень субъективного контроля является одним из наиболее изучаемых в психологии личности. По данным американского обозрения психологических исследований «Psychological Abstracts» (рубрика «Internal External Locus of Control») публикуется несколько десятков статей в месяц, посвященных этой теме. Х.М. Лефкоурт (H.M. Lefcourt), называя среди многообразных причин изучения локализации субъективного контроля его широкую взаимосвязь с различными параметрами личности, различия проявления в зависимости от возраста и профессиональной деятельности, указывает на необходимость многостороннего изучения данного феномена [13].

Понятие локуса контроля было введено в психологию американским психологом Дж. Роттером (J. Rotter), автором теории социального научения и одним из основателей субъектно-центрированной парадигмы в психологии в середине 50-х годов XX столетия. Одним из основных положений его теории является прогноз поведения в ситуации выбора из определенных альтернатив, причем реализовываться будет именно то действие, «поведенческий потенциал» которого наиболее высок в сравнении с остальными. Сам «поведенческий потенциал» представляет собой интеграцию двух составляющих: субъективной вероятности подкрепления после действия и субъективной ценности этого подкрепления.

Человек, считал Дж. Роттер, во взаимодействии с окружающим миром приобретает обобщенный опыт, который говорит о том, когда и как наступает обычно подкрепление в результате успешных или неуспешных действий. Этот обобщенный опыт представляется двумя формами контроля.

Дж. Роттер предположил, что люди различаются между собой по тому, где они локализируют контроль над значимыми для себя событиями. Возможны два полярных типа такой локализации: интернальный (внутренний) и экстернальный (внешний). В первом случае человек интерпретирует значимые события как результат своей собственной деятельности (контроль исходит от собственных действий). Во втором случае человек полагает, что происходящие с ним события являются результатом действия внешних сил, случая, других людей и т.д. (контроль исходит от окружающего мира).

В теории Дж. Роттера описывается в первую очередь психология человека («интерналы» или «экстерналы»). Он считал локус контроля устойчивым свойством личности, которое формируется в процессе ее социализации. Локус контроля, характерный для индивида, универсален по отношению к любым типам событий и ситуаций, с которыми ему приходится сталкиваться. Существует определенный континуум, границы которого определяются ярко выраженной интернальностью с одной стороны и экстернальностью – с другой. В зависимости от позиции, занимаемой человеком на данном континууме, определяется его локус контроля – внешний или внутренний.

Соотнося подвижность и гиперустойчивость с когнитивным контролем, Г. Бир (G. Bier) показывает, что когнитивно простой (экстернальный) контроль характерен для людей с ограниченным поведенческим репертуаром, закрытым для новообразования, а когнитивно более сложный (интернальный) контроль с большим количеством степеней свободы и открытым способом поведения. Также им выделяются такие характеристики людей с когнитивно сложным контролем: высокая дифференциация восприятия и отдаленность эмоциональной оценки от интеллектуальной; высокая абстрагированность мышления, произвольность в глубине семантической обработки; социальная пластичность и независимость от «поля», возможность учитывать большее количество объектов в социальной ситуации и точнее предполагать поведение людей отличных от себя; в большем объеме учитывают невербальную информацию; осознают больше своих качеств; способны к высокой степени эмпатии и пониманию мотивов другого человека. Люди с упрощенным контролем отличаются оценочно-аффективным соединением качества и оценки; конкретным мышлением, причем чем выше конкретность, тем больше догматичности суждений; излишней возбудимостью, тревожностью, эмоциональной нестабильностью; резкой биполяризацией семантического пространства, одновариантные описания других и себя по принципу «или... – или...»; привлекательность других людей оценивается по степени сходства с собой; пристрастностью, легко возможной дестабилизацией, а также несоответствием прогнозов действительности и стремлением формировать у себя мнение, близкое к мнению окружающих [14].

Локус контроля в связи с верой в свои силы и способности стал предметом исследования Р. Вулри и Дж. Роттера и (R. Wulry, J. Rotter), Д. Уотсона и Э. Боумела (D. Watson, E. Baumal). Они изучали поведение интерналов и экстерналов в ситуациях, конгруэнтных и не конгруэнтных их склонностям, предлагая для решения задачи «навыка» и задачи «шанса», т.е. возможное их решение заключалось либо в использовании имеющихся навыков, либо при помощи удачного стечения обстоятельств. Выяснилось, что интерналы делают больше ошибок в ситуациях «шанса», чем навыка, а экстерналы – меньше ошибок в ситуации «шанса» и больше в задачах на навык [15].

Ситуация «шанса» неодинаково действует на психическое состояние интерналов и экстерналов. Для экстерналов в их жизнедеятельности она перманентна. Однако, как бы они не приписывали ответственность внешним обстоятельствам, постоянная необходимость действовать в неопределенной ситуации оказывает неблагоприятное воздействие, т.к. среди экстерналов много тревожных и депрессивных людей. Для интерналов ситуация «шанса» является случайной, не имеющей особого значения во временной перспективе.

Изучая отношения между ценностью вознаграждения и ответственностью, Н.Т. Визер (N.T. Weather) показал, что удовлетворенность и неудовлетворенность вознаграждением будут расти пропорционально степени интернальности контроля. Ценность вознаграждения для интерналов выше, если оно поступает за результаты, детерминированные навыком, высокая ценность вознаграждения наблюдается, если и личность, и ситуация интернальны. Ситуация и личность экстернальны – ценность вознаграждения низкая [16].

Временная перспектива, отражающая общие взгляды личности на прошлое, настоящее и будущее, сформировавшаяся в процессе ее становления относительно локуса контроля исследовалась Ф.У. Вессманом, С. Тайером и Д.С. Горманом (F.E. Wessman, S. Thayer, D.S. Gorman). Результаты их работы показали, что интерналы в своих временных перспективах более ориентированы на будущее, лучше способны концептуализировать отрезки времени. По сравнению с экстерналами, временная перспектива интерналов охватывает более дальнюю зону и в будущем, и в прошлом, независимо от характера событий, а будущее насыщено большим количеством событий. Временная перспектива экстерналов укорочена и малособытийна [15].

Отмечается, что течение времени у интерналов быстрее, чем у экстерналов, так как им свойственна высокая компетентность во времени, т.е. чувство непрерывности всех трех аспектов времени (прошлого, настоящего, будущего) и возможность размышлять о том, как прошлое относится к настоящему и реалистично связывать свои долгосрочные планы с текущими задачами.

Чем меньше человек верит в свои силы, тем меньше вероятность того, что он предпримет шаги, чтобы упорядочить и регулировать события во времени. Экстерналы более обеспокоены организацией своего времени, обнаруживая слабую его упорядоченность и неэффективное использование, а цели их неконсистентны и изменчивы во времени, их осуществление постоянно откладывается. Также они проявляют низкую компетентность во времени, испытывая трудности соотношения своих прошлых достижений с планами на будущее.

Субъективный аспект ответственности и его выражение в самосознании личности изучается и в рамках исследования процессов каузальной атрибуции. Под атрибуцией понимается приписывание кому-либо или чему-либо произошедшего события или явления. Каузальная атрибуция означает приписывание причин, другими словами, в чем человек видит причину уже произошедших событий и тех, которые еще произойдут, словом, всегда, когда интерпретируются причины возникновения события.

Принципы процессов каузальной атрибуции сформулировал Ф. Хайдер (F. Heider). В их основе заключены следующие положения: адекватное понимание социального поведения человека во многом зависит от выявления того, как человек воспринимает и объясняет окружающий мир; управление средой и своим окружением для человека осуществимо, если он в состоянии правильно выяснять причины возникновения поступков других людей; между восприятием социальных и физических объектов есть некоторое сходство.

Определив такие допущения, Ф. Хайдер выдвинул центральное положение своей теории, касающееся локуса каузальности. Воспринимаемая любое событие как причинное, человек приписывает локус причинности либо себе, либо среде. В первом случае событие вызвано самим человеком, а во втором оно в основном является продуктом данной среды.

Чтобы произвести каузальную атрибуцию человеку необходимо оценить относительную силу двух факторов – сил окружения и личностных ресурсов, в которых значительное место принадлежит локусу контроля. Самым важным из решений человека, является оценка им того, в какой степени за возникновение данного события ответственны интернальные (внутренние) силы человека.

Обобщая вышеизложенное, можно предположить, что люди с внутренней и внешней локализацией субъективного контроля и ответственности качественно отличаются друг от друга по своим личностным особенностям. Мы считаем, что это говорит не только о разных психологических характеристиках, свойственных интерналам и экстерналам, или разных ти-

пах их самоопределения, самоактуализации, жизнедеятельности в целом, но и о противоположных, соотносительных с континуумом интернальность-экстернальность, способах взаимодействия с окружающим миром. Для подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы нами планируется провести экспериментальное исследование.

Библиографический список

1. Маслоу, А.Г. Самоактуализация. Психология личности. / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. — М., 1992.
2. Роджерс, К. К науке о личности // Ист. заруб. психологии. — М., 1986.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.
4. Фромм, Э. Человеческая ситуация / под ред. Д.А. Леонтьева. — М., 1995.
5. Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник 1984-1985. — М., 1986.
6. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. — СПб., 1999.
7. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. — М., 1965.
8. Поршнев, Б.Ф. Функция выбора — основа личности / Б.Ф. Поршнев, П.В. Симонов // Проблемы личности. — М., 1969.
9. Слободчиков, В.И. Психология человека. Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. — М., 1995.
10. Пискунов, В.М. Психологические условия формирования ответственного поведения старшеклассников. — Киев, 1986.
11. Спиркин, А.Г. Сознание и самосознание личности. — М., 1972.
12. Петровский, В.А. Психология неадаптивной активности. — М., 1992.
13. Lefcourt, H.M. Durability and Impact of Locus of Control Construct // Psychol. Bull. — 1992. — V. 112.
14. Bier, G. Cognitive complexity-simplicity and predicative behavior // J. of Abnormal and Social Psychology. — 1955. — V.51.
15. Бокова, О.А. Особенности субъективного контроля у людей юношеского возраста с различной выраженностью личностной ригидности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Барнаул, 2002.
16. Weather, N.T. Valence of outcome and expectation of success in relation of task difficulty and perceived locus of control // J. of Personality and Social Psychology. — 1967. — V.7.

Bibliography

1. Maslou, A.G. Samoaktualizaciya. Psikhologiya lichnosti. / pod red. Yu.B. Gippenreyjter. — M., 1992.
2. Rodzhers, K. K nauke o lichnosti // Ist. zarub. psikhologii. — M., 1986.
3. Frankl V. Chelovek v poiskakh smisla. — M., 1990.
4. Fromm, E. Chelovecheskaya situaciya / pod red. D.A. Leontjeva. — M., 1995.
5. Bakhtin, M.M. K filosofii postupka // Filosofiya i sociologiya nauki i tekhniki: ezhegodnik 1984-1985. — M., 1986.
6. Rubinshteyn, S.L. Osnovih obthej psikhologii. — SPb., 1999.
7. Teyjar de Sharden, P. Fenomen cheloveka. — M., 1965.
8. Porshnev, B.F. Funkciya vihbora — osnova lichnosti / B.F. Porshnev, P.V. Simonov // Problemih lichnosti. — M., 1969.
9. Slobodchikov, V.I. Psikhologiya cheloveka. Vvedenie v psikhologiyu subjektivnosti / V.I. Slobodchikov, E.I. Isaev. — M., 1995.
10. Piskunov, V.M. Psikhologicheskie usloviya formirovaniya otvetstvennogo povedeniya starsheklassnikov. — Kiev, 1986.
11. Spirkin, A.G. Soznanie i samosoznanie lichnosti. — M., 1972.
12. Petrovskiy, V.A. Psikhologiya neadaptivnoy aktivnosti. — M., 1992.
13. Lefcourt, H.M. Durability and Impact of Locus of Control Construct // Psychol. Bull. — 1992. — V. 112.
14. Bier, G. Cognitive complexity-simplicity and predicative behavior // J. of Abnormal and Social Psychology. — 1955. — V.51.
15. Bokova, O.A. Osobennosti subjektivnogo kontrolya u lyudej yunosheskogo vozrasta s razlichnoj vihrzhennostyu lichnostnoy rigidnosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. — Barnaul, 2002.
16. Weather, N.T. Valence of outcome and expectation of success in relation of task difficulty and perceived locus of control // J. of Personality and Social Psychology. — 1967. — V.7.

Статья поступила в редакцию 11.09.14

УДК 159.91

Glebov V.V. CONDITION OF CARDIO-VASCULAR SYSTEM AS AN ADAPTATION INDICATOR IN DEVELOPMENT OF A PERSON.

In the research features of work of a cardiovascular system in the aspect of an adaptation process and dynamics of a person's age development are considered. It is noted that the cardiovascular system represents a functional system, which gives a chance to function and keep adequately a homeostasis of all complete organisms. Complex studying of a person's adaptation showed that the variability of a cardio rhythm (VCR) on the one hand is an indicator of regulatory processes occurring in a human body, and on the other hand one of the most perfect instruments of research. The obtained data on schoolkids and students showed that there are different levels of correlation dependences between values of VSR, sex, age and extent of adaptation to environmental conditions. It is noted that at the age of 12 the functionality of heart and independent mechanisms of regulation of its activity are imperfect. Complex research of school pupils and students showed changes of duration of rhythmic of VSR that are connected with arrhythmia in beat breath. It is noted that respiratory arrhythmia is brightly expressed at the age of 7-9 and decreases by 13-15 and again increases at 16-19 and then again gradually decreases.

Key words: adaptation, variability of a warm rhythm, psychophysiological development of an individual, homeostasis.

В.В. Глебов, канд. психол. наук, доц. РУДН, г. Москва, E-mail: vg44@mail.ru

СОСТОЯНИЕ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ КАК АДАПТАЦИОННЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В исследовании рассмотрены особенности работы сердечно-сосудистой системы в аспекте адаптационного процесса и динамики возрастного развития человека. Отмечается, что сердечно-сосудистая система представляет собой функциональную систему, которая дает возможность адекватно функционировать и сохранять гомеостаз всего целостного организма. Комплексные изучения адаптации человека показали, что вариабель-

ность сердечного ритма (ВСР) с одной стороны является индикатором регуляторных процессов происходящих в организме человека, а с другой стороны одним из наиболее совершенных инструментов исследования. Полученные данные по школьникам и студентам показали, что существуют разные уровни корреляционных зависимостей между значениями ВСР, полом, возрастом и степенью адаптации к условиям окружающей среды. Отмечено, что в 12-летнем возрасте функциональные возможности сердца и автономные механизмы регуляции его деятельности несовершенны. Комплексные исследования школьников и студентов показали изменения длительности ритмики ВСР, что связана с аритмией в ритме дыхания. Выявлено, что дыхательная аритмия ярко выражена в 7-9-летнем возрасте, которая уменьшается к 13-15 годам и снова возрастает в 16-19 лет, а затем постепенно снижается.

Ключевые слова: адаптация, вариабельность сердечного ритма, психофизиологическое развитие индивида, гомеостаз.

В различные возрастные периоды развития человека сердечно-сосудистая система (ССС) происходит ряд изменений, суть которых состоит в обеспечении повышенных потребностей растущего организма. Необходимо отметить, что ССС с ее многоуровневой регуляцией представляет собой функциональную систему, которая дает возможность адекватно функционировать и сохранять гомеостаз всего целостного организма, которая обеспечивается сложными нервно-рефлекторными и нейрогуморальными механизмами [1].

Сердечный ритм является наиболее объективной характеристикой функционального состояния ССС и зависят от многих факторов: возраста, пола, условий окружающей среды, рода деятельности индивида, нервно-психического состояния, температура тела и других факторов, что отражается на состоянии нейрогуморальных механизмов гомеостаза [2]. Вместе с этим известно, что активность ритма сердца уменьшается с возрастом, и связано с сохраняющимся симпатическим влиянием на кардиоритм [2].

При нормальном состоянии ССС человека промежуток времени между двумя соседними сердечными сокращениями имеет разную динамику. Эта динамика называется вариабельностью сердечного ритма (ВСР) [2].

ВСР – это индикатор общих регуляторных процессов происходящих в организме человека и один из наиболее совершенных инструментов ее исследования.

Рассматривая систему управления сердечным ритмом можно выделить два контура: **центральный**, который через нервные гуморальные каналы корректирует синусовый узел сердца и **автономный** – обеспечивает динамическую перестройку уровня функционирования синусового узла с дыхательными изменениями кровенаполнения сердечных полостей [1; 3].

Многоуровневая функциональная адаптационная система человека формируется при неразрывном взаимодействии физиологических и психологических компонентов приспособительных реакций, где важная роль в приспособительных реакциях принадлежит вегетативной нервной системе (ВНС).

Вегетативная организация в регуляции ССС человека имеет свои особенности в разные возрастные периоды развития. Так в течение детско-подросткового периода развития и вплоть до зрелого возраста происходит непрерывное и неравномерное развитие сердца и сосудов, которое выражается в увеличении массы и объема сердца, изменения соотношения его отделов и положение в грудной клетке, совершенствование нервной регуляции функционирования системы кровообращения и т.д. [1-3].

Сердечный орган и вся система кровообращения характеризуется значимым изменением морфофункциональных показателей миокарда в возрасте 5-7 и 11-12 лет, в которых особенным является то, что морфологические перестройки сердечной мышцы всегда возникают раньше, нежели функциональные [2]. В эти два критических периода отмечается усиленные морфологические перестройки артериальных и венозных звеньев и появления дистонических реакций ауторегуляции [1-3].

Подростковый возраст, который в развитии человека является одним из критических этапов онтогенеза, ярко выражен напряжением адаптационных механизмов, связанных с интенсивными нейрогуморальными изменениями [3]. На фоне стрессогенной школьной среды к адаптационному потенциалу детей и подростков предъявляются дополнительные требования. В научных междисциплинарных исследованиях проблем адаптации отмечается ухудшение функционального состояния организма подростков в процессе адаптации к учебной деятельности [5].

Поэтому весьма конструктивным аспектом в обучении и воспитании школьников будет учет адаптационного потенциала организма учащихся на разных периодах возрастного развития. Он строится на законе психофизиологического развития организма человек: периоды максимальной восприимчивости сменяются периодами снижения сопротивляемости организма к воздействию факторов внешней среды [3; 6].

Известно, что в состоянии относительного физического и психического покоя у здорового человека преобладает автономный контур регулирования, имеющий достаточно широкий диапазон свободы колебания сердечной ритмики. Это позволяет в периоды стрессовых реакций подключать центральный контур управления для регуляции ритма сердца (снижения частоты сердцебиений) [1].

По данным разных исследований [1-12], выявлены разные уровни корреляционных зависимостей между значениями ВСР от пола, возраста, степени адаптации к условиям окружающей среды (антропогенной и социальной) [4]. Полученные результаты показали существование возрастно-половых различий в абсолютных значениях статистических характеристик сердечного ритма, которые выявили различие в регуляции функциональных систем среди мужского и женского пола исследуемых возрастов. Во всех возрастных группах (6-10; 11-14; 15-17; 18-23; 25-40; 41-60 лет) уровень симпатических влияний и централизация регулирования ритмики сердечных сокращений у представительниц женского рода была выше, чем у мужского [3-12].

Отмечено, что в 12-летнем возрасте функциональные возможности сердца и автономные механизмы регуляции его деятельности несовершенны, что наблюдалось на экстракардиальной регуляции сердечного ритма подростков. Все это, в конечном счете, отражалось на адаптации: отмечалось снижение адаптационных процессов ВСР и напряжением механизмов регулирования. Также наблюдалось, что нарушение больше выражено у девочек, чем у мальчиков [9; 12].

Комплексные исследования школьников и студентов показало небольшие изменения длительности межсистолических интервалов в ритме дыхания (дыхательная синусная аритмия) [1; 3; 5]. Аритмией – это нарушение нормального ритма сердца, которое проявляется в учащении (тахикардия) или замедлении (брадикардия) сокращений сердца. Дыхательная аритмия ярко выражена в 7-9-летнем возрасте, которая уменьшается к 13-15 годам и снова возрастает в 16-19 лет, а затем постепенно снижается [1; 3].

При исследовании влияния стресс факторов среды на ВСР отмечается разнонаправленные реакции. Так при физической нагрузке отмечена значительная перестройка деятельности сердца в течение дня, недели, учебного года, которая имеет четкую взаимосвязь со здоровьем учеников, индивидуально-типологическими характеристиками индивида, с режимом учебных занятий [1; 2; 5; 7]. Разнонаправленную реакцию организма детей и подростков на повышение двигательной активности можно рассматривать как реакцию адаптивного ответа, которая необходима при реально существующей деятельности [8].

Исследование показало стойкое повышение активности симпатического отдела, активизацию центральных механизмов регуляции ВСР, что показывает об общем снижении уровня активности ССС и утомление организма к концу учебного года [1-12].

Известным является тот факт, что парасимпатическая ВНС является «положительной», т.к. она сдерживает реакцию нейроэндокринных механизмов при различных стрессовых воздействиях, симпатическая ВНС усиливает регуляцию этих реакций («отрицательная система»).

С возрастными изменениями в организме человека наблюдается усовершенствование функциональных возможностей ССС. Оно проявляется в развитии и усложнения нейрогуморальные механизмы регулирования сердечной деятельности человека. Одновременно с этим наблюдается усиление холинергических влияний, оптимизируются взаимоотношения автономности и централизации в регуляции синусного ритма сердца [2].

Заключение. Таким образом, в развитии ССС человека выделяются этапы наиболее интенсивных преобразований центрального звена и периферического. Оно в первую очередь затрагивает регуляторную деятельность сердца и сосудов.

Вместе с этим в процессе возрастного развития системы кровообращения отмечается опережающие морфологические

перестройки сердца, крупных сосудов и микроциркуляции, которые проявляются перед этапами интенсивного развития организма детей и подростков: росто-весовыми скачками, периодом полового созревания.

В связи с этим ССС представляет собой функциональную систему, которая дает возможность адекватно функционировать и сохранять гомеостаз всего целостного организма, которая обеспечивается сложными нервно-рефлекторными и нейрогуморальными механизмами. Используя данную функциональную систему как показатель состояния организма можно с успехом выявлять течение адаптационных процессов на разных стадиях развития человека.

Библиографический список

1. Агаджанян, Н.А. Адаптация и резервы организма. – М., 1983.
2. Баевский, Р.М. Адаптационные возможности и понятие физиологической нормы / Р.М. Баевский, А.П. Берсенева // Тезисы докладов XVIII съезда физиологического общества им. И.П. Павлова. – Казань; М., 2001.
3. Безруких, М.М. Педагогическая физиология / М.М. Безруких, В.Д. Сонькин // Новые исследования: альманах // Физиология развития человека: материалы Междунар. науч. конф. – М., 2004.
4. Глебов, В.В. Уровень психофизиологической адаптации студентов на начальном этапе обучения в системе высшей школы // Вестник РУДН. – 2013. – № 5. – Сер.: «Экология и безопасность жизнедеятельности».
5. Глебов, В.В. Функциональное состояние школьников в условиях столичного мегаполиса / В.В. Глебов, М.Н. Даначева, Н.Ю. Сидельникова // Вестник МГПУ. – 2012. – № 2(10). – Сер.: «Естественные науки».
6. Даначева, М.Н. Влияние экологических и гигиенических факторов на психофизиологическое состояние школьников в условиях мегаполиса / М.Н. Даначева, В.А. Назаров, В.В. Глебов // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6(1).
7. Кузьмина, Я.В. Динамика адаптации иногородних студентов к условиям экологии столичного мегаполиса / Я.В. Кузьмина, В.В. Глебов // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6(2).
8. Лавер, Б.И. Уровень здоровья и физического здоровья учащихся школ в условиях разного экологического состояния территории Москвы / Б.И. Лавер, В.В. Глебов // Вестник РУДН. – 2013. – № 5. – Сер.: «Экология и безопасность жизнедеятельности».
9. Назаров, В.А. Динамика информационных нагрузок в школе и психофункциональное развитие детей столичного мегаполиса / В.А. Назаров, В.В. Глебов, А.А. Марьяновский // Вестник РУДН. – 2012. – № 5. – Сер.: «Экология и безопасность жизнедеятельности».
10. Псеунук, А.А. Адаптационные возможности сердечно-сосудистой системы детей младшего школьного возраста // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 8.
11. Сидельников, А.Ю. Психологические аспекты адаптационных процессов студентов к обучению в строительном вузе / А.Ю. Сидельников, В.В. Глебов // Вестник МГСУ 2012. – № 9.
12. Glebov V., Arakelov G. Level of Schoolboys' Psychophysiological Adaptation Process in Metropolis Megapolis // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014.

Bibliography

1. Agadzhanian, N.A. Adaptatsiya i rezervy organizma. – M., 1983.
2. Baevskiy, R.M. Adaptatsionnye vozmozhnosti i ponyatie fiziologicheskoy normy / R.M. Baevskiy, A.P. Berseneva // Tezisy dokladov XVIII sjezda fiziologicheskogo obshchestva im. I.P. Pavlova. – Kazanj; M., 2001.
3. Bezrukih, M.M. Pedagogicheskaya fiziologiya / M.M. Bezrukih, V.D. Sonjkin // Novye issledovaniya: aljmanakh // Fiziologiya razvitiya cheloveka: materialy Mezhdunar. nauch. konf. – M., 2004.
4. Glebov, V.V. Urovenj psikhofiziologicheskoy adaptatsii studentov na nachalnom eh tape obucheniya v sisteme vihshey shkoly // Vestnik RUDN. – 2013. – № 5. – Ser.: «Ehkologiya i bezopasnost zhiznedeyatel'nosti».
5. Glebov, V.V. Funktsionalnoe sostoyanie shkolnikov v usloviyakh stolichnogo megapolisa / V.V. Glebov, M.N. Danacheva, N.Yu. Sidel'nikova // Vestnik MGPU. – 2012. – № 2(10). – Ser.: «Estestvennye nauki».
6. Danacheva, M.N. Vliyaniye ehkologicheskikh i gigenicheskikh faktorov na psikhofiziologicheskoye sostoyaniye shkolnikov v usloviyakh megapolisa / M.N. Danacheva, V.A. Nazarov, V.V. Glebov // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2010. – № 6(1).
7. Kuz'mina, Ya.V. Dinamika adaptatsii inogorodnikh studentov k usloviyam ehkologii stolichnogo megapolisa / Ya.V. Kuz'mina, V.V. Glebov // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2010. – № 6(2).
8. Laver, B.I. Urovenj zdorov'ya i fizicheskogo zdorov'ya uchastnikhsya shkol v usloviyakh raznogo ehkologicheskogo sostoyaniya territorii Moskvih / B.I. Laver, V.V. Glebov // Vestnik RUDN. – 2013. – № 5. – Ser.: «Ehkologiya i bezopasnost zhiznedeyatel'nosti».
9. Nazarov, V.A. Dinamika informatsionnykh nagruzok v shkole i psikhofunktsionalnoye razvitiye detey stolichnogo megapolisa / V.A. Nazarov, V.V. Glebov, A.A. Mar'yanovskiy // Vestnik RUDN. – 2012. – № 5. – Ser.: «Ehkologiya i bezopasnost zhiznedeyatel'nosti».
10. Pseunok, A.A. Adaptatsionnye vozmozhnosti serdechno-sosudistoy sistemih detey mladshogo shkol'nogo vozrasta // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. – 2007. – № 8.
11. Sidel'nikov, A.Yu. Psikhologicheskoye aspekti adaptatsionnykh processov studentov k obucheniyu v stroitel'nom vuze / A.Yu. Sidel'nikov, V.V. Glebov // Vestnik MGSU 2012. – № 9.
12. Glebov V., Arakelov G. Level of Schoolboys' Psychophysiological Adaptation Process in Metropolis Megapolis // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014.

Статья поступила в редакцию 21.09.14

УДК 316.6

Chernova M.A. THEORETICAL ANALYSIS OF FORMATION OF PSYCHOLOGICAL CULTURE OF FUTURE TEACHERS. The paper analyzes a concept of psychological culture. In the work the issues related to the development of psychological culture are discussed and methods of its formation in students, who will become teachers, are described.

Key words: psychological culture of a person, components of psychological culture, formation of psychological culture.

М.А. Чернова, канд. психол. наук, зав. каф. психологии Ставропольского гос. педагогического института, г. Ставрополь, E-mail: ma.chernova@rambler.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

В статье анализируется понятие психологической культуры, обсуждаются вопросы, связанные с ее развитием, описываются методические приемы формирования психологической культуры студентов-будущих учителей.

Ключевые слова: психологическая культура личности, компоненты психологической культуры, формирование психологической культуры.

Социально-экономическая реформа и происходящие изменения в современном российском образовании актуализируют проблему общекультурного развития студентов. В образовательной практике отмечены тенденции, свидетельствующие о важности и необходимости формирования психологической культуры в процессе обучения в вузе, так как она обеспечивает социальную ценность будущего специалиста, его адаптивность и жизнестойкость в современном мире и на рынке труда.

Перед вузами стоит важная задача подготовки специалистов, способных строить свою профессиональную деятельность в форме продуктивного сотрудничества, с учетом интересов других людей.

Психологические исследования феномена психологической культуры возникли в начале XX века в рамках психоаналитической теории личности (З. Фрейд). М. Мид, Р. Бенедикт рассматривали проблему взаимоотношений индивида с обществом и культурой. Антропологическое направление в исследовании культуры развивали американские исследователи А. Кребер и М. Херсковиц. В понимании связи культуры и человека неразрывна, культура – основной способ жизни людей. Определяющая роль культуры в генезисе личностного развития ребенка была обоснована Л.С. Выготским.

В современных исследованиях психологическая культура представлена как:

- часть общей культуры, способствующей адекватному взаимодействию с окружающим миром (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, И.А. Зимняя, И.В. Дубровина, О.И. Мотков);
- самостоятельный психологический феномен, позволяющий человеку строить отношения с миром в широком смысле слова, самим собой и другими (Л.С. Колмогорова, Н.Ю. Певзнер, В.В. Семикин);
- личностное образование, подвергающееся постоянным изменениям и отражающее индивидуальность его носителя (М.М. Бахтин, М.К. Мамардашвили).

Исследования Н.И. Исаевой, Л.Д. Деминой, Л.А. Лужбиной, И.А. Ральниковой, Л.М. Колмогоровой позволили выделить структуру психологической культуры, представленную совокупностью когнитивного, аффективного, мотивационного и поведенческого компонентов [1].

Психологические знания подразумевают душеведческую направленность мышления, интерес к стороннему человеку, владение элементами психологического познания: наблюдением, беседой и т.д. (Е.А. Климов).

В качестве главной составляющей психологической культуры личности выделяется эмоциональная устойчивость, как способность индивида противостоять эмоциональным раздражителям, отрицательно влияющим на результат педагогической деятельности.

Современный учитель, обладающий психологической культурой, должен одновременно обладать как эмоциональной устойчивостью, так и эмоциональной лабильностью. При этом способность к адекватному эмоциональному реагированию у педагога с высокой психологической культурой сочетается со способностью ценить, правильно понимать, искренне принимать переживания окружающих и уметь экспрессивно выражать свои собственные переживания.

Основу мотивационного компонента психологической культуры составляют педагогическая направленность и ценностные ориентации учителя (С.Л.

Рубинштейн, А.А. Бодалев, Ф.Н. Гоноболин, В.А. Сластенин).

Истинно педагогическая направленность – это направленность на формирование личности студента посредством преподаваемого предмета. Направленность на личность студента включает способность понимать студенчество, их интересы и затруднения; видеть перспективы личностного и профессионального развития студента. Ценностные ориентации рассматриваются нами как наиболее устойчивое психологическое свойство, которое является основой мотивации жизнедеятельности в целом, а профессиональной педагогической деятельности – в частности.

При рассмотрении поведенческого компонента психологической культуры учителя первостепенная роль принадлежит коммуникативным умениям. При этом педагогическая деятельность обретает свою форму и реализуется и как общение, и как система коммуникаций, в которых проявляется психологическая культура учителя.

В профессиональной деятельности учителя особую роль играет практический компонент его психологической культуры. К.М. Романов характеризует данный компонент как внешнеповеденческий и указывает, что соответствующий блок психологической культуры учителя состоит из системы практических умений и навыков педагогического общения и взаимодействия с детьми [2].

В свою очередь надо признать некую несостоятельность прежней системы высшего образования, которая вступила в противоречие с общей ситуацией развития психологической культуры личности студента, обусловленной единством и преемственностью таких важных категорий, как «культура», «образованность», «компетентность». Содержательная сторона вузовского образования реально в значительной степени ориентирует студента на способы передачи готовых научных знаний по предмету.

Основные механизмы приобщения студентов к культуре остаются не задействованы в полной мере, входят в противоречие с традиционными способами организации образовательной деятельности, где отсутствует необходимость самостоятельного поиска, прогнозирования результатов, не требуется самопознание, самооценка уровней развития индивидуальной культуры. В данной ситуации необходимо актуализировать практическую составляющую психологической культуры.

Становление оптимального уровня психологической культуры будущих учителей может быть обеспечено на основе специально спроектированных образовательных программ, которые ориентированы на удовлетворение возрастных, личностных, профессиональных потребностей будущих специалистов, формирование умений применять психологические знания в повседневной жизни и профессиональной деятельности, развитие и совершенствование личностных качеств, которые необходимы для успешной профессиональной деятельности [3].

Решение целого ряда задач по формированию психологической культуры связано с прикладными науками, такими как: «Психология и педагогика»,

«Культура делового общения», «Психодиагностика» и др. Их знания – не балласт для памяти студента. Они должны войти в систему мировосприятия, практического мышления образованного человека, его внутренних установок и привычек, использоваться как инструмент при решении жизненных проблем и задач в профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Дёмина, Л.Д. Структурно-образующие компоненты психологической культуры преподавателя высшей школы РФ // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – №2.
2. Колмогорова, Л.С. Повышение психологической культуры учащихся как проблема современного среднего образования. – М., 2005.
3. Семикин, В.В. Психологическая культура в образовании человека. – СПб., 2002.

Bibliography

1. Dyomina, L.D. Strukturno-obrazuyutchie komponentih psikhologicheskoy kul'turh prepodavatelya vihshey shkolih RF // Izvestiya Altayjskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – №2.
2. Kolmogorova, L.S. Povichshenie psikhologicheskoy kul'turh uchathikhsya kak problema sovremennogo srednego obrazovaniya. – M., 2005.
3. Semikin, V.V. Psikhologicheskaya kul'tura v obrazovanii cheloveka. – SPb., 2002.

Статья поступила в редакцию 12.08.14

Раздел 4

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Редактор раздела:

ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ – доктор искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

УДК 130+371.65

Lichman Ye. Yu. DEVELOPMENT OF ART EDUCATION IN PAVLODAR: HISTORY AND MODERNITY. The analysis of history of development of art education in Pavlodar region is conducted in the article: the 30s – beginning of art education; the 40s – education for painting teachers in a pedagogic technical school named after Vorovsky; the 50s – creation of a regional department of the Union of Artists; the 70s-80s – opening of Palace of Pioneers and Children's Art School №1; the 90s – opening of Children's Art School №2 and Pavlodar Art College; the beginning of the 21st century – foundation of specialized departments in higher educational institutions.

Key words: Pavlodar region; art education; amateur art; professional fine art.

Е.Ю. Личман, д-р филос. наук (PhD), доц. каф. теории и методики музыкального образования Павлодарского гос. педагогического института, г. Павлодар, E-mail: lichmane@mail.ru

РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПАВЛОДАРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье анализируется история развития художественного образования в Павлодарском регионе: 1930-е годы – становление художественного образования, 1940-е годы – подготовка учителей рисования в педагогическом техникуме им. Воровского; 1950-е годы – создание областного отделения Союза художников; 1970-80-е годы – открытие в регионе Дворца пионеров, ДХШ №1; 1990-е годы – открытие ДХШ №2 и Павлодарского художественного колледжа; начало XXI века – создание специализированных кафедр в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: Павлодарский регион, художественное образование, самодеятельное художественное творчество, профессиональное изобразительное искусство.

Художественное образование Павлодарского региона, являясь неотъемлемой частью культуры республики, имеет свои особенности, связанные с государственными, политическими, социально-экономическими задачами, стоящими на разных этапах развития страны. Основные исторические вехи жизни государства: образование СССР, Великая Отечественная Война, послевоенное строительство, освоение целинных и залежных земель, «эпоха застоя» и перестройка, становление Независимого Казахстана определили пути развития художественного образования в Павлодарском регионе.

Первый этап формирования художественного образования в Казахстане охватывает 1917-1930 гг. Он характеризуется острой нехваткой профессиональных кадров и необходимых материальных средств; неполноценной оценкой и учетом национального изобразительного искусства как средства эстетического воспитания школьников; вместе с тем отличается поисками наиболее целесообразных форм и методов художественного образования и эстетического воспитания [1]. Основными задачами художественного образования на данном этапе были приобщение населения к достижениям мировой и национальной культуры и искусства, а также организация самодеятельного художественного творчества. Это осуществлялось посредством проведения выставок, которые регулярно организовывались Наркомпросом КазССР, в разных городах республики. В Павлодаре первая передвижная выставка произведений казахстанских художников состоялась в 1931 году. Во-вторых, посредством обучения изобразительному искусству в изостудиях, художественных кружках при домах народного творчества, которые массово создавались по всей стране в период 20-30-х годов [2, л. 1]. Ста-

новление изобразительного искусства тесно связано с именем художника-передвижника В.П. Батурина, жившего в Павлодаре в 1919-1929 годах. Выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, член Товарищества передвижных выставок, пейзажист Виктор Павлович Батурин (1861-1938) был организатором первых художественных выставок, преподавал черчение и рисование в Павлодарской школе второй ступени, двух школах-семилетках, школе водного транспорта, вел студию для детей. По его инициативе в этих учебных заведениях устраивались выставки детского рисунка. Кроме классов В.П. Батурин организовал кружок любителей живописи. В.П. Батурин заложил фундамент для дальнейшего развития художественной культуры Павлодара и области [3].

Послевоенные годы, ознаменованные огромным эмоциональным подъемом всего советского народа, стали временем больших творческих новаций в сфере художественной жизни. Это в первую очередь коснулось реорганизации администрирования и управления: при исполнительных комитетах Совета депутатов трудящихся создаются отделы культурно-просветительских учреждений (1945); преобразованные в 1953 году в областные управления культуры Министерства культуры Казахской ССР. Оживление культурной и художественной жизни в послевоенном Павлодаре не снимало проблему нехватки специалистов. В единственном среднем специальном учебном заведении педагогическом техникуме им. Воровского, учителей рисования выпускалось мало, что отражалось на темпах развития художественного образования в регионе.

Период 1950-196-х годов характеризуется новым подходом к эстетическому развитию в условиях школьного образования

и воспитания. В это время появляется ряд качественно новых учебно-дидактических методических трудов. Министерством просвещения впервые была создана программа по рисованию, которая предусматривала изучение народного декоративно-прикладного искусства и произведений советских художников. Для реализации новых программ в сфере образования, прежде всего, нужны были педагоги, имеющие специальное образование. В развитии художественного образования в Павлодаре важную роль сыграла творческая и педагогическая деятельность Жамкена Серикбаева. Живописец окончил художественно-театральное училище им. Чокана Валиханова в г. Алма-Ате (класс профессора Л.П. Леонтьева). По настоятельной просьбе директора Павлодарского педагогического училища Бейсена Ахметова в 1951 году Ж.С. Серикбаев возвращается в Павлодар и поступает на работу в педагогическое училище в качестве преподавателя изобразительного искусства и тут же ведет художественный кружок для учащихся педучилища и поклонников изобразительного искусства города.

Активизация художественной жизни в Павлодаре пришлась на 50-е годы, когда в область, в связи с поднятием целины приехали выпускники художественных вузов страны. Из Ленинграда прибыли супруги Величко, из Маньчжурии И.П. Лопатин, из Алма-Аты В.П. Мартынец, из Караганды П. Лысенко. Деятельность приехавших живописцев не замыкалась только художественным творчеством. В 1955 году по поручению горкома партии и отдела культуры при художественных мастерских была открыта изостудия, руководителем назначен Ж. Серикбаев. Помимо этого была открыта школа-студия для художников промышленных предприятий, руководил которой П.Лысенко. И.В. Лагутин организовал изостудию, где учились мастерству юные художники. Преподавателями студии были: Ж.С. Серикбаев, В.А. Критинин, Н. Колмогоров, В. Дьячков, П. Величко, В. Мартынец [4].

В середине 60-х годов с приездом в город выпускников Алма-Атинского художественного училища им. Н.В. Гоголя А. Бибина и С. Шаронова; молодых специалистов, окончивших промышленное Ленинградское высшее художественно-училище им. В.И. Мухомовой И. Курбатова, С. Медведова и выпускника Фрунзенского художественного училища Н. Петерша, художественная жизнь Павлодара оживилась. Значительным событием в городе, наряду с открытием художественных мастерских стала организация художественного музея 24 мая 1965 года. Однако проводимые мероприятия не снимали проблему нехватки профессиональных художников в регионе, которая на данном этапе могла быть решена благодаря подготовке художественно-педагогических кадров в вузах всей республики.

Развитию художественного образования в Казахстане способствовало создание художественных отделений, готовящих учителей изобразительного искусства и черчения, которые впервые открылись в Казахском педагогическом институте им. Абая (1963) и Карагандинском педагогическом институте (1966). В 1968-1969 гг. в Семипалатинском и Шымкентском педагогических институтах появились отделения, готовящие учителей по специальности «Рисование и черчение». На базе отделений позднее были организованы художественно-графические факультеты. Высококвалифицированные специалисты изобразительного искусства и черчения готовились в Алма-Атинском (1969), Карагандинском (1984-1988), Уральском (1972), Аркалыкском (1979), Джамбулском (1980), Жезказганском (1975), Кокчетавском (1980) педагогических институтах. В 1974 г. на базе Шымкентского педагогического училища открылось художественное училище, готовящее художников-профессионалов со средним образованием; здесь же с 1974-го по 1982 гг. готовили учителей изобразительного искусства со средним образованием [5]. В 1987 году в Павлодарском государственном педагогическом институте была образована кафедра дошкольного и начального образования. Выпускники кафедры – учителя начальных классов были также преподавателями труда и рисования в начальной школе. Выпускники вузов получали распределение в качестве педагогов ДХШ и СОШ по всей республике, работали в Павлодаре.

Развитие эстетического воспитания и художественного образования было сопряжено с созданием широкой сети учрежде-

ний дополнительного образования, которое в павлодарском регионе началось с создания районных Домов пионеров, а также открытия 5 ноября 1978 г. Дворца пионеров. Основной задачей педагогических коллективов являлось всестороннее творческое развитие школьников. Во Дворце пионеров было организовано несколько направлений художественного развития детей в различных кружках, которые посещало большое количество учащихся всего города.

В 1979 году в городе открылась первая детская художественная школа. В ее организации принимали участие художники производственных мастерских – А. Игембаев, К. Баранов, К. Баймульдин, В.Ф. Поликарпов, П.Г. Лысенко, В.М. Приходько. Во главе начинания стоял директор Вольмир Семенович Цой, затем директором назначается Н.И. Мартынова, завуч Г.Г. Кабурнеева, позже Н.В. Герусова. Практически все одиннадцать учителей в школе являлись выпускниками художественно-графических факультетов пединститут. Педагоги, составившие ее костяк – творчески заявившие о себе художники: Н.И. Жилькова, Н.Г. Соц, Л.А. Кузнецова, Т.П. Чевтаева, С.Е. Рейн, Т.А. Козлова, А.Б. Атеева – выпускники школы, ее гордость [6].

Детская художественная школа № 2 г. Павлодара была основана в январе 1992 года. Большую поддержку и заинтересованность в ее открытии оказал, занимающий в то время должность заведующего Индустриальным районом, А.А. Рихау. Директором стала Л.Г. Дирксен. Первыми педагогами ДХШ № 2 были в то время невоостребованные, но известные художники: П.Г. Величко, А. Игембаев, В. Шишкина. С 2003 года школу возглавляет Герусова Наталья Васильевна выпускница художественно-графического факультета Семипалатинского педагогического института им. Крупской. За это время школа стала одним из лучших учреждений дополнительного художественного образования в РК [7].

Учитывая потребности региона в подготовке профессиональных художественных кадров, в 1996 году открывается Павлодарский художественный колледж. Директором художественного колледжа назначается В.В. Шишкина. С созданием художественного колледжа было положено начало профессиональному художественному образованию в Павлодаре. В колледже ведется прием по трем специальностям «Графический дизайн», «Дизайн интерьера» и «Дизайн одежды» [8].

В последние два десятилетия в системе художественного, художественно-педагогического образования в Республике Казахстан произошли существенные изменения: во-первых, усилился культурологический подход в подготовке художественно-педагогических кадров; во-вторых, в основу художественно-педагогического образования, которое интегрировало достижения европейского и казахстанского образования, легли, в первую очередь, этнокультурные традиции. Специальность «Изобразительное искусство и черчение» существует в восемнадцати вузах республики, однако одной из ведущих казахстанских школ художественного и художественно-педагогического образования является художественно-графический факультет КазНПУ им. Абая. Он послужил примером для создания целой сети художественно-графических факультетов при педагогических институтах Республики Казахстан [5]. Художественно-педагогическое образование в Павлодаре активизировались благодаря деятельности профессорско-педагогического состава вновь созданных специализированных кафедр высших учебных заведений города: «Архитектура и дизайн», Архитектурно-строительный факультет Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова; «Архитектура и дизайн», Инженерная академия Инновационного Евразийского университета; «Профессиональное обучение», Павлодарского государственного педагогического института.

Таким образом, ретроспективный анализ истории развития художественного образования в Павлодарском регионе, позволяет сделать вывод, что в настоящее время накоплен плодотворный опыт в области художественного и художественно-педагогического образования в регионе, который строится на основе взаимодействия российских и этнокультурных традиций, позволяющий занять учебным учреждениям области достойное место в системе художественного образования Казахстана.

Библиографический список

1. Бейсенбаев, С.К. Становление художественного образования в Республике Казахстан // Вестник Казахского нац. пед. ун-та им. Абая. – Алматы. – 2004. – № 2(5). – Сер.: «Художественное образование: искусство-теория-методика».

2. ЦГА РК. Ф.1736. Оп.1. Д. 32.
3. Жанайхан, Е. Художественная жизнь Павлодарского Прииртышья второй половины XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. ... канд. искусствовед. – Барнаул, 2011.
4. Соколкин, Э. Хранитель истории // Звезда прииртышья. – 1972. – 12 мая.
5. Золотарева, Л.Р. Развитие художественного и художественно-педагогического образования в Казахстане // Вестник Карту. – Караганда. – 2010. – № 2.
6. Денисова, Н.И. Художественная жизнь павлодарского прииртышья начала 40-х – конца 80-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. искусствовед. – Барнаул, 2012.
7. Личман, Е.Ю. Национальное наследие и диалог культур: монография / Е.Ю. Личман, Е. Жанайхан, Н.И. Денисова; науч. ред. проф. Н.Р. Аршабеков, проф. Т.М. Степанская. – Павлодар; Барнаул, 2013.
8. Павлодарский художественный колледж [Э/р]. – Р/д: <http://www.phk.kz/o-kolledzhe>
9. Павлодарский государственный педагогический институт [Э/р]. – Р/д: <http://www.ppi.kz/index.php?Lang=ru>

Bibliography

1. Beyjsenbaev, S.K. Stanovlenie khudozhestvennogo obrazovaniya v Respublike Kazakhstan // Vestnik Kazakhskogo nac. ped. un-ta im. Abaya. – Almaty. – 2004. – № 2(5). – Ser.: «Khudozhestvennoe obrazovanie: iskusstvo-teoriya-metodika».
2. CGA RK. F.1736. Op.1. D. 32.
3. Zhanaykhan, E. Khudozhestvennaya zhiznj Pavlodarskogo Priirishshya vtoroy poloviny XIX – pervoy trety XX vv.: avtoref. dis. ... kand. iskusstvoved. – Barnaul, 2011.
4. Sokolkin, E. Khranitel' istorii // Zvezda priirishshya. – 1972. – 12 maya.
5. Zolotareva, L.R. Razvitiye khudozhestvennogo i khudozhestvenno-pedagogicheskogo obrazovaniya v Kazakhstane // Vestnik Kargu. – Karaganda. – 2010. – № 2.
6. Denisova, N.I. Khudozhestvennaya zhiznj pavlodarskogo priirishshya nachala 40-kh – konca 80-kh godov XX veka: avtoref. dis. ... kand. iskusstvoved. – Barnaul, 2012.
7. Lichman, E.Yu. Nacionalnoye nasledie i dialog kul'tur: monografiya / E.Yu. Lichman, E. Zhanaykhan, N.I. Denisova; nauch. red. prof. N.R. Arshabekov, prof. T.M. Stepankaya. – Pavlodar; Barnaul, 2013.
8. Pavlodarskiy khudozhestvenniy kolledzh [Eh/r]. – R/d: <http://www.phk.kz/o-kolledzhe>
9. Pavlodarskiy gosudarstvenniy pedagogicheskiy institut [Eh/r]. – R/d: <http://www.ppi.kz/index.php?Lang=ru>

Статья поступила в редакцию 08.08.14

УДК 74:339.138

Mazurina T.A. A DESIGN OF A VISUAL STYLE OF A BRAND: THEORY AND METHODOLOGY. In the work actual theoretical aspects of creation of brands are considered; methodical bases of designing of a visual style of modern brands are developed; the most effective ways of their image are investigated. The role of the trademark as a fundamental element of branding is defined. For the first time the author formulates the meaning of a “cultural-ecological approach in designing brands”. The unique method of a bionic shaping of brands is offered.

Key words: brand, design, trademark, territorial branding, cultural-ecological approach, method of bionic shaping, ways of depiction.

Т.А. Мазурина, канд. искусствовед., доц. каф. дизайна Оренбургского гос. университета, г. Оренбург, E-mail: pta-ha9@yandex.ru

ДИЗАЙН ВИЗУАЛЬНОГО СТИЛЯ БРЕНДА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В работе рассматриваются актуальные теоретические аспекты создания брендов, разрабатываются методические основы дизайна визуального стиля современных брендов, исследуются наиболее эффективные способы их изображения. Определена роль товарного знака как основополагающего элемента брендинга. Автор впервые сформулирован «культурно-экологический подход в дизайне брендов», предложен уникальный метод бионического формообразования брендов.

Ключевые слова: бренд, дизайн, товарный знак, брендинг территорий, культурно-экологический подход, метод бионического формообразования, способы изображения.

В настоящее время бренд рассматривается как важнейший элемент системы идентификации страны или другой территории в мировом коммуникативном пространстве. Это актуализирует необходимость новых дизайнерских разработок и научных исследований в области дизайна отечественного брендинга. Как отмечает Павел Родькин, «актуальность разработки фирменного стиля России усиливается в условиях глобальных изменений и сдвигов старых парадигм, своеобразном осевом времени новейших коммуникаций, когда подобные репрезентативные модели становятся ключевыми структурными и одновременно формообразующими элементами политических, экономических и культурных практик» [1].

Алина Уиллер, автор «руководства по созданию, продвижению и поддержке сильных брендов» считает, что понятие бренда отражает в себе основополагающую идею, репутацию и ожидания, которые складываются в умах людей относительно продукта или компании [2]. В России бренд принято рассматривать как дизайн, разработанный для определённого товара в отличающемся стиле, выделяющем товар на рынке сбыта посредством упаковки, графических знаков, логотипов, мультимедийных технологий [3].

Исходя из отмеченных определений, становится очевидной, прежде всего, динамичность ситуации, в которой реализуется бренд. Он может носить вербальный или визуальный характер, но в любом случае чётко соотносится со временем и местом производства и реализации товаров.

Различают вербальный и визуальный стили бренда. Последний, находясь в компетенции дизайна, аккумулирует в себе визуальный образ марки товара, создаваемый рекламой в восприятии покупателя [4].

Система мероприятий по созданию и развитию вербального и визуального стиля бренда, осуществляемая рекламной стратегией компании, называется брендингом. *Брендинг* (англ. branding) – «наука, занимающаяся вопросами создания и продвижения на рынок товара посредством креативных, маркетинговых и социальных исследований» [3, с. 38]. При этом создание бренда в существенной мере опирается на графическую образность, которая отражает те или иные приоритетные стратегии страны, фирмы, корпорации или конкретного предпринимателя. Отсюда становятся очевидными роль и значение имиджа, репутации, культурного потенциала и т.п. страны, которую представляет та или иная производственная организация посред-

Рис. 1. Бренд товара: «Shell», нефтяная компания, США, Раймонд Леви, 1971;
бренд города: «I Love NY», США, Милтон Глейзер, 1977;
бренд страны: знак страны, Греция;
бренд международных событий: XXI Зимние Олимпийские игры, 2010

ством выпускаемого товара на отечественном и зарубежном рынках. Доминирующее значение в данном случае имеет образ и стиль, воплощенные графически в изображение бренда.

В 1996 году Саймон Анхольт (один из ведущих мировых специалистов в области брендинга, советник по общественной дипломатии Британского правительства и ряда других правительств и агентств Объединенных Наций; редактор журнала Place Branding and Public Diplomacy, выпускаемого издательством Henry Stewart Publications.) разработал концепцию национального бренда. В 2002 году Анхольт впервые употребил в качестве термина фразу «брендинг мест». В своей книге «Бренд Америка» он исследует вопросы управления имиджем страны с помощью маркетинговых стратегий [5]. По теории Анхольта, существует шесть элементов современного бренда территории: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди.

Кейт Динни (один из крупнейших мировых специалистов в области брендинга территорий, научный редактор ведущего журнала издательства Palgrave Macmillan «Брендинг территорий и общественная дипломатия»), развивая направление Анхольта, исследует теорию брендинга городов. В книге «Брендинг территорий. Лучшие мировые практики» свои рассуждения о маркетинговых технологиях брендинга он завершает мыслями о способности графического дизайна влиять на восприятие, эмоции, отношение людей и об использовании его для создания характерной для города идентичности бренда. По его мнению, «совместное участие государственного и частного секторов, объединенное со стратегически используемым высококачественным графическим дизайном, представляет собой надежную основу для построения сильного бренда города» [6, с. 267].

Денис Визгалов, ведущий эксперт Европейского Института маркетинга мест, отмечает, что брендинг – это своего рода «высший пилотаж» маркетинга [7]. Отмечая справедливость суждений Визгалова, концентрирующего свое внимание на маркетинге, П. Родькин подчеркивает важную роль дизайна в создании бренда. В его понимании дизайн теснейшим образом связан с политикой государств; становится, своего рода, «инструментом политики», участвуя в создании товаров и брендов, производимых государством, и оказывая усиливающее (синергетическое) воздействие на успешность продвижения бренда [1].

Не ставя под сомнение позиции Павла Родькина, необходимо отметить, что подобное понимание роли и значения дизайна не является единственным.

Н.Н. Александров, доктор философских наук, рассматривает дизайн и брендинг как «одну линию, две стороны одной медали», как «два последовательных цикла в истории XX века, где над развитым дизайном надстраивается брендинг» [8, с. 167].

Очевидно, часто встречающиеся в современном обиходе термины «бренд-дизайн», «бренд-дизайнер», «бренд-менеджмент» в своём истолковании отличаются разнообразием понимания роли дизайна, отклоняясь от общепринятого его понятия. Преимущественно эти словосочетания опираются на знание потребностей целевой аудитории (осознанных и неосознанных) с точки зрения менеджмента, маркетинга, психологии, в том числе психологии восприятия. Именно благодаря использованию неосознанных потребностей, брендинг (бренд-дизайн) стал инструментом завоевания потребительских предпочтений.

Исходя из вышесказанного, становится понятной своевременность и необходимость рассмотрения роли и места графического дизайна в отечественном брендинге. Указанной проблеме посвящается настоящая работа, в которой рассматривается, с одной стороны, актуальная проблема графического образа бренда, а с другой – проблема подготовки дизайнеров, способных комплексно решать проблемы отечественного брендинга.

Синтез задач, которые ставит перед собой брендинговая политика, изначально осмысливается, анализируется и оценивается дизайнером при разработке концепции знака. Он должен аккумулировать в себе как маркетинговые задачи и смыслы, так и семиотические аспекты культуры страны, народа или территории, в пределах которой произведена предлагаемая продукция.

Исходя из этого, можно утверждать, что самым главным, основополагающим элементом брендинга, началом всех начал является знак: товарный знак – для «экспортных» брендов (брендинг товаров и услуг), знак города и знак страны – для туристического и политического территориального брендинга, символика олимпиад и фестивалей – для брендинга международных событий и т.д. (рис. 1). Именно знак является основой визуального стиля бренда. Это высший уровень товарного знака как явление символики международного значения, олицетворяющий высокое качество товара; сам товар как знак самого лучшего качества, знак всемирного потребительского спроса. Именно с товарного знака начинается брендбук предприятия, определяющий свод норм и правил использования фирменного стиля [9].

Подходы и методы создания бренда в контексте графического дизайна представляются следующими.

Рис. 2. Примеры отечественных брендов –
современные товарные знаки предприятий народных промыслов России:
ЗАО «Объединение Жель», Московская область, Раменский, 1998;
ЗАО «Хохломская роспись», Нижегородская область, г. Семенов, 2006;
ОАО «Ореншалъ» (пуховязание), г. Оренбург, дизайн Т.А. Мазуриной, 2000

Рис. 3. Концепция визуального образа XXII зимних Олимпийских Игр и XI Паралимпийских Игр 2014 года в г. Сочи; бренд «Sochi-2014».

Проектная культура бренда представляется ведущим компонентом знаковой формы стиля любой страны, национальности, региона. Одно из важнейших качеств бренда – интернациональность, рассчитанная на возможность раскодировки визуальной информации в любой стране мира. Однако многие бренды имеют национальный контекст. По мнению В.И. Пузанова, национальные дизайны являются ключевыми звеньями экономики, поскольку они формируют инновационные проекты, направленные на создание товаров и услуг, которых нет у конкурентов [10].

В этом свете представляется актуальным предлагаемый автором «культурно-экологический подход в дизайне брендов», подразумевающий выражение в их художественном образе территориальных (национальных, региональных) семантических признаков.

Впервые проблема экологии культуры и гуманизации дизайнерского проектирования были исследованы в трудах К.А. Кондратьевой. Согласно К.А. Кондратьевой, суть культурно-экологического направления в дизайне – сохранение культурной идентичности стран, народов, регионов, выраженной в особенностях объектов дизайна [11].

Для объектов графического дизайна культурно-экологическое направление было сформулировано в виде «культурно-экологического подхода в дизайне товарных знаков» (автор подхода – Т.А. Мазурина) [12].

В процессе проектирования визуального стиля бренда необходимо учитывать семантические признаки, характерные для страны (региона) – производителя товара: исторические (наследие древней культуры, памятники истории и архитектуры), социальные (характер населения), природные (географическое положение, природные ресурсы, особенности ландшафта и климата, элементы флоры и фауны), экономические (промышленность, образование, наука, искусство) (рис. 2).

Своеобразным собирательным знаком России, созданным в русле культурно-экологического подхода, явилась концепция визуального образа XXII зимних Олимпийских Игр и XI Паралимпийских Игр 2014 года в г. Сочи, созданная компанией «28 творческое объединение BOSCO». Ключевую линию смысловой концепции визуального образа Игр представляет «лоскутное одеяло» (пэчворк) – неперенный атрибут убранства русского крестьянского дома, символизирующий здесь общность различных культур, традиций и национальностей, вместе составляющих единое целое (рис. 3). Это коллаж, созданный по принципу соединения в технике мозаичного комбинирования.

Одним из методов культурно-экологического подхода в дизайне брендов выступает «Метод бионического формообразо-

вания в графическом дизайне» (автор метода – Т.А. Мазурина), который подразумевает использование в процессе создания их художественного образа особенностей природных объектов, способных символизировать товар и территориальные признаки [12]. Являясь частью экодизайна, бионика способна привнести в дизайн бренда актуальное современное экологическое содержание. В конце XX – XXI веков наблюдается возрастание бионической составляющей художественного образа и графики брендов в контексте культурно-экологического подхода (рис. 4).

Применение бионики в графическом дизайне впервые было сформулировано для знаковых форм как «Бионический подход в дизайне товарных знаков» (автор подхода – Т.А. Мазурина), получающий логическое развитие и успешное применение в проектировании брендов в виде метода [12; 13]. Ранее бионика рассматривалась учеными в архитектуре и технике. Для объектов графического дизайна рассматривались вопросы стилизации природных объектов (В.М. Волошко), вопросы применения символики флоры и фауны (А.И. Кудрявцев). Метафора в дизайне в целом исследуется доктором искусствоведения профессором Е.В. Жердевым [14].

Использование природных форм, а также национальных и культурных особенностей в дизайне бренда обуславливает единство его графической формы и смыслового содержания, и, следовательно, высокие качественные характеристики.

В связи с необходимостью достижения высокой степени качества дизайна брендов возникает задача выявления наиболее актуальных современных способов графического решения ассоциативных задач в дизайне брендов с целью достижения их информативности, задача определения характера взаимосвязи изобразительности и информативности.

Графическая выразительность бренда – это результат сочетания оригинальных графических приёмов и способов изображения, способных подчеркивать смысловое содержание, которое воспринимается зрительно. Зрительный процесс, согласно Арнхейму, – это «схватывание», быстрое осознание нескольких характерных признаков объекта. «Небольшое число характерных особенностей обуславливает индивидуальность воспринимаемого объекта и создает интегрированную модель, на которую оказывает также влияние и целый ряд второстепенных свойств» [15, с. 56]. По его словам, согласно основному закону зрительного восприятия в гештальтпсихологии, любая стимулирующая модель воспринимается таким образом, что результирующая структура будет, насколько это позволяют данные условия, наиболее простой.

Рис. 4. Бионика в дизайне отечественных брендов: В. Чижиков, XXII Летние Олимпийские игры, 1980; автозавод «Камаз», 1998; XV зимние Олимпийские игры, 1988.

Рис. 5. «Фрагментация»: А. Веселовский, студия «Союз design», 2002; оверлэппинг («перетекание»): знак города Мельбурна; трёхмерность: В. Сумароков, Евроассоциация журналистов-экологов, 2005

Информативность, читаемость, лаконичность бренда как визуальной знаковой формы зависят от сочетания изобразительных средств. «Небольшое число характерных особенностей обуславливает индивидуальность воспринимаемого объекта и создает интегрированную модель, на которую оказывает также влияние и целый ряд второстепенных свойств» [15, с. 56].

Информативность товарного бренда – это его способность сообщать потребителю прямую или косвенную информацию о товаре при помощи образно-символических элементов. Методы достижения информативности базируются на ассоциативности и художественно-образной выразительности. Ассоциативность в данном контексте понимается как способность графической формы бренда при восприятии вызывать у зрителя ассоциации с товаром, его изготовителем и т.д. В свою очередь, ключевыми составляющими художественного образа товарных знаков (брендов) являются символика (смысловое содержание) и стилистика (сочетание изобразительных качеств, приёмов, средств) [12]. Таким образом, смысловое содержание, информативность бренда формируются на основе изобразительности.

В этом контексте в дизайне брендов рекомендуется применять способы изображения знаковых форм (товарных знаков), наиболее важные с точки зрения их читаемости, оптимального сочетания изобразительности и информативности. Из известных способов изображения (контурный, силуэтный, фрагментация, оверлэппинг) особый интерес представляют фрагментация и оверлэппинг в силу их высокой способности придавать изображению знаковый информативный характер [16].

Как изобразительный прием, фрагментация – намеренное разделение плоской формы (силуэта) на части в соответствии с основными линиями (деталью) изображения. Подразделение зрительно воспринимаемых объектов на более простые единицы – один из самых значимых приёмов композиции в визуальных видах искусства. «Визуально подразделение целого на четко определенные части способствует простоте» [15, с. 171].

Фрагментация значительно усиливает выразительность товарного знака, так как каждая полученная часть формы начинает обладать собственной информативностью, вливающейся в единый смысловой контекст функционального назначения знака.

В товарных знаках элементы фрагментации впервые наблюдаются в конструктивизме, затем – в периоды «концепции визу-

альных коммуникаций» и «новой волны». Наиболее яркую выразительность фрагментация приобретает в товарных знаках постмодернизма (рис. 5).

«Оверлэппинг» – способ перевода объёмной формы в двухмерную с помощью проекций нескольких предметов или их элементов на плоскость, в результате получается их частичное совпадение или наложение друг на друга.

С помощью «перетекания» одного цвета в другой оверлэппинг позволяет придать высокую степень читаемости графической формы в виде наложения проекций, детализировать форму и при этом сохранить целостность её восприятия. Наиболее эффектные переходы «чёрное-белое», «белое-чёрное», а также переходы контрастных цветов друг в друга, хотя встречаются и более нюансные сочетания (например «серое-белое» и т.д.).

В товарных знаках оверлэппинг впервые наблюдается в конструктивизме, широко применяется в современных знаках (рис. 5). Посредством «перетекания» достигается целостность, условность и простота формы товарного знака, передаётся глубина изобразительного пространства, что усиливает смысловую глубину информативности.

В современном дизайне брендов актуальна трёхмерность изображения, развитие композиции по законам объёма или пространства. Изображение трёхмерной формы на плоскости получается с помощью средств плоскостного изображения главных структурных особенностей этой формы или с помощью фотоколлажа, или с применением электронных эффектов. Полученные знаковые формы представляют собой целостные сочетания плоскостной и глубинно-пространственной композиции и обладают большей информативностью (рис. 5).

Таким образом, предложенные методические основы дизайна визуального стиля бренда с использованием культурно-экологического подхода, метода бионического формообразования в графическом дизайне и качественного подбора способов изображения позволяют формировать бренд как явление культурной традиции страны.

Брендинг ориентирован на будущее и, следовательно, является частью проектного прогнозирования в виде прогнозирования качеств конкретного товара и характера предметно-пространственной среды в целом как условий деятельности современного человека и становления человека будущего.

Библиографический список

1. Родькин, П. Визуальная политика. Фирменный стиль России. – М., 2007.
2. Уиллер, А. Индивидуальность бренда: руководство по созданию, продвижению, и поддержке сильных брендов. – М., 2004.
3. Техническая эстетика и дизайн: словарь. – М., 2012.
4. Крылов, И.В. Теория и практика рекламы в России. – М., 1996.
5. Анхольт, С. Бренд Америка: мать всех брендов. – М., 2010.
6. Динни, К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. – М., 2013.
7. Визгалов, Д.В. Брендинг города. – М., 2011.
8. Александров, Н.Н. Дизайн как предтеча бренда. – М., 2011.
9. Мазурина Т.А. Система средств визуальной идентификации предприятия / Т.А. Мазурина, А.И. Новиков. – Оренбург, 2012.
10. Пузанов, В.И. Рыночный дизайн. Теория и методология проектирования в системе товарно-денежного обращения. – М., 2007.
11. Кондратьева, К.А. Дизайн и экология культуры. – М., 2000.
12. Мазурина, Т.А. Дизайн отечественного товарного знака: символика и стилистика: автореф. дис. ... канд. искусствовед. – М., 2008.
13. Мазурина, Т.А. Бионическое формообразование в графическом дизайне: учеб. пособ. – Оренбург, 2009.
14. Жердев, Е.В. Метафора в дизайне. – М., 2010.
15. Арнхейм, Р. Искусство и визуальное восприятие. – М., 1974.
16. Мазурина, Т.А. Товарные знаки: изобразительность и информативность / Т.А. Мазурина, А.И. Новиков // Проблемы средового дизайна полиэтнических регионов России: материалы международной научно-практич. конф. – Оренбург, 2010.

Bibliography

1. Rodjkin, P. Vizual'naya politika. Firmenniy stil' Rossii. – M., 2007.
2. Uiller, A. Individualnost' brenda: rukovodstvo po sozdaniyu, prodvizheniyu, i podderzhke sil'nykh brendov. – M., 2004.
3. Tekhnicheskaya estetika i dizayn: slovar'. – M., 2012.
4. Krihlov, I.V. Teoriya i praktika reklam v Rossii. – M., 1996.
5. Ankholt, S. Brend Amerika: mat' vseh brendov. – M., 2010.
6. Dinni, K. Brending territoriy. Luchshie miroviye praktiki. – M., 2013.
7. Vizgalov, D.V. Brending goroda. – M., 2011.
8. Aleksandrov, N.N. Dizayn kak predtecha brenda. – M., 2011.
9. Mazurina T.A. Sistema sredstv vizual'noy identifikatsii predpriyatiya / T.A. Mazurina, A.I. Novikov. – Orenburg, 2012.
10. Puzanov, V.I. Rihnochniy dizayn. Teoriya i metodologiya proektirovaniya v sisteme tovarno-denezhnogo obrasheniya. – M., 2007.
11. Kondratjeva, K.A. Dizayn i ehkologiya kul'tur. – M., 2000.
12. Mazurina, T.A. Dizayn otechestvennogo tovarnogo znaka: simvolika i stilistika: avtoref. dis. ... kand. iskusstvoved. – M., 2008.
13. Mazurina, T.A. Tovarnye znaki: izobrazitel'nost' i informativnost' / T.A. Mazurina, A.I. Novikov // Problemih sredovogo dizayna poliehnicheskikh regionov Rossii: materialih mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf. – Orenburg, 2010.

Статья поступила в редакцию 01.08.14

УДК 7.067

Obrubova A.V. ART STUDIES IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATIONAL ART PEDAGOGICAL SCHOOLS. In the art pedagogical education system Art Studies as a separate science is given a special part. Art Studies promote formation of a creative person on the basis of acquired knowledge in art criticism, professional self-determination and adaptation in the modern art processes and modern conditions. It promotes formation of an outlook and attitude of people, their attitude toward arts, esthetic preferences, an artistic taste and stimulates developing of spiritual culture of a person.

Key words: Art Studies, theory of arts, history of arts, art criticism, competence-based approach.

А.В. Обрубова, соискатель каф. рисунка Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: topsss88.88@mail.ru

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Искусствоведению как науке отведена особая роль в системе художественно-педагогического образования. Искусствоведение способствует формированию творческой личности на основе приобретенных искусствоведческих знаний, профессионального самоопределения и адаптации в современных художественных процессах и условиях действительности, способствует формированию мировоззрения и мировосприятия людей, их отношения к искусству, формированию эстетических предпочтений, вкуса, развитию духовной культуры человека.

Ключевые слова: искусствоведение, теория искусств, история искусств, художественная критика, компетенция.

Все явления действительности, с которыми соприкасается, которые познает, оценивает, преобразует в процессе своей жизнедеятельности человек, служат для него источником различных впечатлений, переживаний, субъектами и объектами эстетического воздействия. Искусство является специфической формой познания реальной действительности и воздействия на нее, форма отражения жизни в конкретных, индивидуальных, неповторимых художественных образах, в которых в то же время выражены мысли и чувства людей.

Отдельные виды искусства в их специфических особенностях исследуются различными областями искусствоведения: теорией и историей изобразительного искусства, теорией и историей художественной литературы и др. Основоположником современного искусствоведения был Джордж Вазари. Дадим определение науке: «Искусствоведение – совокупность наук о всех видах художественного творчества, их месте в общей сфере человеческой культуры. Фундаментом своим граничит с собственной историей, – необходимой базой, фоном и средой, и с философией, прежде всего эстетикой, которая идеологически завершает и возвышает искусствоведение, дает богатейшие материалы для культурологии, так как искусство, являясь квинтэссенцией, магическим зеркалом культуры, представляет ее в наиболее наглядной, выразительной и психологически-доступной форме» [1]. Структурно наука об искусстве состоит из трех составляющих, тесно взаимодействующих друг с другом и опирающихся на эстетику: история искусства, теория искусства, художественная критика. Каждая из этих наук подвергается анализу отдельную сто-

рону или область искусства в его связях с конкретными социальными явлениями. «Эстетикой искусство рассматривается как система, состоящая из трех элементов:

1. Художник-создатель произведений искусства и его творческий процесс.
2. Художественное произведение как объективное явление.
3. Восприятие искусства (индивидуальное и социально-коллективное)» [2].

Изучая искусство в единстве его содержания и формы, как целостное общественное явление, эстетика выступает и как теоретическая основа художественной критики. А художественная критика в свою очередь, применяя теоретические положения эстетики к анализу конкретных художественных произведений (и выявляя при этом как мировоззрение, так и эстетический вкус самого критика). Художественная критика оценивает виды и жанры современного искусства, и современную художественную жизнь, художественные произведения мастеров.

Искусство является средством выражения чувств, мыслей, желаний, стремлений человека, доставляет человеку эстетическую радость и развивает его творческие способности, возникло как средство осознания человеком себя в мире, своих связей с окружающей действительностью. Вторая составляющая искусствоведения – история искусств изучает и описывает развитие искусства в целом, виды и жанры искусства, творчество художников, направлений в искусстве. Третья составляющая науки – теория искусств, которая рассматривает социально-философские взгляды общества на искусство, средства выражения, тех-

ники и технологии искусства, особенности видов и жанров. Вторая и третья составляющая искусствознания основываются на научных методах.

«Искусствознание рассматривает знания о содержании видов искусств, их возникновение и закономерности исторического развития, форму, язык, функции, роль в истории общественного сознания и взаимосвязи с социальной жизнью, с другими явлениями культуры, соотношение с художественной практикой, влияющей на разные формы искусствоведческой деятельности. А искусствоведение как совокупность явлений художественной культуры, способ ее самосознания и осмысления, определяет ее существование и направления развития. В широком смысле оно имеет дело с любыми видами художественного творчества и художественной деятельности (изобразительное искусство, музыка, театр, кино, балет и т. д.), а в узком смысле — с изобразительными видами искусства» [3]. В искусствознании применяется метод анализа художественных произведений. Воздействуя, прежде всего, на чувства человека, на его эмоциональную сферу искусство активно формирует его эмоционально-эстетическое отношение к действительности, мобилизует чувства, мысли, волю на достижение идеала. Развивая творческие способности личности, искусство является необходимым фактором духовной жизни общества, одним из ярчайших проявлений творческих сил человечества.

«Специфика искусствоведческой науки заключается в знании и понимании сущности искусства, его особом духовном содержании, анализе истории его развития, основных, художественных направлений, стилей и тенденций, современной проблематики, интерпретации художественных произведений» [4]. Искусство обладает рядом черт, которые выделяют его как особую форму человеческой жизни деятельности, и является формой общественного сознания. Произведение искусства несет в себе идейное содержание, выражает мысли и чувства людей. Творения искусства запечатлевают в своих художественных образах неповторимость индивидуальности, творческого своеобразия художника. Художественное произведение аккумулирует себе определенную социальную цель: эмоционально воздействовать на человека, доставить ему эстетическую радость и вызвать ответный поток мыслей и чувств, оставить след в духовном мире личности, т.е. не только отражать, но и преобразовать мир. Искусство необходимо обществу и является одной из важнейших составных частей его культуры.

Теории искусств, истории искусств и методологии искусствознания, художественной критике посвящены труды А.А. Курбановского, Б.Р. Виппера, А.В. Бакушинского, В.В. Ванслова, Л.Ю. Лиманского. Научные труды М.С. Кагана посвящены изучению внутреннего строения мира искусств. Философ размышляет над вопросами современного искусствознания, разрабатывает свою модель художественного образования, определяет роль искусства в нем.

Вопросы художественного образования, методику и практику преподавания искусствоведческих дисциплин изучали О.А. Кривцун, Н.Н. Ростовцев, Б.М. Неменский, Л.А. Рапацкая и др. Б.П. Юсов предложил и научно обосновал модель развития целостного художественного сознания человека и внес в педагогическую науку термин «полихудожественность», научно обосновал природу взаимодействия искусств. «Искусство приобщает нас к огромному человеческому опыту поисков нравственных ценностей, к находкам, к ошибкам (часто диким и трагическим), к изменчивости этих поисков от века к веку, от народа к народу, от одной общественной группы к другой. Искусство очеловечивает не назиданием, оно не дает рецепта правильного поведения. Оно открывает путь к освоению огромного, многовекового людского опыта восторга и презрения, любви и ненависти для формирования собственного опыта отношений, поисков сегодняшних, сугубо личных критериев нравственного и безнравственного. Сугубо личных... Всего общества» [5]. — Б.М. Неменский.

Искусствознание дает представление о видах искусствоведческой литературы; развивает профессиональную логику; активизирует аналитическую искусствоведческую деятельность; формирует компетенции в области методов и средств искусствоведческой деятельности. В рамках искусствоведческой подготовки педагогов-художников формируются представления о теоретической, историко-художественной и технологической сферах истории искусств. Студенты узнают о фактах художественной жизни от античности до наших дней, об основных на-

правлениях развития искусствоведческой мысли; видах и жанрах изобразительного искусства. Изучая искусствознание, педагог-художник прививает навыки работы с памятниками искусствоведческой мысли, учится интерпретировать художественные произведения. Дисциплина даёт знания студентам об искусствознании как о комплексе знаний основных этапов развития искусствоведческой мысли, об истории искусствознания, знакомит с основными методологическими принципами искусствознания, историей их становления и характером их изложения; повышает общекультурную компетенцию студентов (педагогический потенциал).

Компетентность — это деятельностная категория; компетентность не сводится к знаниям и навыкам, но включает их в себя; для определения компетентности большое значение имеет контекст.

Компетентность педагога-художника включает в себя наличие необходимых знаний, сформированность умений, наличие объективного представления о себе, мотивации к педагогической деятельности, а также набор личностных качеств для осуществления педагогической деятельности, ее коррекции на основе принятых индивидуально или коллегиально решений. В условиях компетентного подхода важно выделить профессиональные компетенции будущих педагогов-художников по искусствознанию:

- 1) способность анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы;
- 2) умение логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь;
- 3) способность использовать систематизированные теоретические и практические знания гуманитарных, социальных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач;
- 4) понимание закономерностей художественного процесса на основе знания фактологии, терминологии и персоналий;
- 5) выявление и описание композиционных закономерностей произведений изобразительного искусства и архитектуры;
- 6) выделение ключевых компонентов искусства на основе знания его морфологии [6].

В систему художественно-педагогического образования входят интерактивные формы проведения занятий по искусствознанию. Студенты могут выполнять различные задания для самостоятельной и коллективной работы: тесты, рефераты, доклады, создание картотек, презентации с привлечением мультимедийных средств обучения, дизайн-проекты, учебные игры, сбор данных для портфолио, словарь терминов, аннотированный список литературы и Интернет-адресов. Задания должны отражать основные требования федерального образовательного стандарта и быть направлены на формирование и развитие общекультурных и общепрофессиональных компетенций педагога-художника.

«Искусствознание как направление профильного обучения студентов и использование разных форм и видов искусствоведческой деятельности в образовательном процессе являются единственным комплексным способом развития учащегося в сфере художественно-педагогического образования, в котором используется интегральный принцип. Наука способствует формированию творческой личности на основе приобретенных искусствоведческих знаний, профессионального самоопределения и адаптации в современных художественных процессах и условиях действительности, способствует формированию мировоззрения и мировосприятия людей, их отношения к искусству, формированию эстетических предпочтений, вкуса, развитию духовной культуры человека. Искусствоведческая деятельность дает возможность открыть и осмыслить определяющее воздействие художественной культуры на формирование личности учащегося и создание у него целостной картины мира. Искусствознание влияет на художественную деятельность, художественное творчество учащегося, что приводит не только к развитию его творческих способностей, навыков исследовательской и проектной деятельности в сфере искусства, но и к профессиональному самоопределению» [7]. Студенты приобретают не только теоретические и практические искусствоведческие знания, но и навыки поисковой и исследовательской деятельности в области искусства. Изучение искусствознания отвечает современным тенденциям развития художественной культуры и высшего художественно-педагогического образования.

Библиографический список

1. Бакушинский, А.В. Исследования и статьи. – М., 1981.
2. Каган, М.С. Искусствознание и художественная критика. – СПб., 2001.
3. Гольдман, И.Л. Искусствознание в современном гуманитарном знании и художественном образовании России: 1990-2000-е гг.: автореф. дис. ... д-ра наук. – СПб., 2008.
4. Гольдман, И.Л. Искусствознание в современном гуманитарном знании и художественном образовании России: 1990-2000-е гг.: автореф. дис. ... д-ра наук. – СПб., 2008.
5. Неменский, Б.М. Педагогика искусства. Видеть, ведать и творить: книга для учителей общеобразоват. учреждений. – М., 2012.
6. Блинова, Е.К. Программа учебной дисциплины «Введение в искусствознание»: рукопись. – СПб., 2010.
7. Гольдман, И.Л. Искусствознание в современном гуманитарном знании и художественном образовании России: 1990-2000-е гг.: автореф. дис. ... д-ра наук. – СПб., 2008.

Bibliography

1. Bakushinskiy, A.V. Issledovaniya i statji. – M., 1981.
2. Kagan, M.S. Iskustvoznaniye i khudozhestvennaya kritika. – SPb., 2001.
3. Goljdmn, I.L. Iskuststvovedeniye v sovremennom gumanitarnom znanii i khudozhestvennom obrazovanii Rossii: 1990-2000-e gg.: avtoref. dis. ... d-ra nauk. – SPb., 2008.
4. Goljdmn, I.L. Iskuststvovedeniye v sovremennom gumanitarnom znanii i khudozhestvennom obrazovanii Rossii: 1990-2000-e gg.: avtoref. dis. ... d-ra nauk. – SPb., 2008.
5. Nemenskiy, B.M. Pedagogika iskusstva. Videtj, vedatj i tvoritj: kniga dlya uchitelej obtheobrazovat. uchrezhdenij. – M., 2012.
6. Blinova, E.K. Programma uchebnoj disciplini «Vvedeniye v iskustvoznaniye»: rukopisj. – SPb., 2010.
7. Goljdmn, I.L. Iskuststvovedeniye v sovremennom gumanitarnom znanii i khudozhestvennom obrazovanii Rossii: 1990-2000-e gg.: avtoref. dis. ... d-ra nauk. – SPb., 2008.

Статья поступила в редакцию 26.08.14

УДК 130+371.65

Pushkova N.B. ARTS AND CRAFTS ACTIVITY AS THE MEANS OF SOCIALIZATION OF A YOUNGER GENERATION. The article is devoted to consideration of Ural-Siberian painting as a type of regional handicraft, in the context of its connection with education of a younger generation nowadays. The research mentions a problem of a process of socialization of a person and shows an approach when the socialization takes place through the discovery of human potential in the field of decorative activities, as well as the communicative aspect of connection with other societies.

Key words: handicrafts, Ural-Siberian painting, social identity, social production, decorative and applied arts, ethnoculture; social basis; aesthetic needs.

Н.Б. Пушкова, учитель искусства, МХК, ИЗО МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 8», г. Бийск, E-mail: Pushkova@nextmail.ru

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению регионального промысла – урало-сибирской росписи, с которым связано воспитание и образование подрастающего поколения в современное время. Затрагиваются проблемы процесса социализации молодежи средствами художественно-прикладных видов труда и пути решения данных проблем.

Ключевые слова: народные промыслы; урало-сибирская роспись; социальная личность; общественное производство; декоративно-прикладное искусство; этнокультура; социальная сущность; эстетическая потребность.

В данной статье мы обращаем внимание на такой мало знакомый современному человеку промысел, как урало-сибирская роспись. Занимаясь росписью в различных учебных заведениях, человек выбирает свой дальнейший путь для продолжения обучения. М.С. Каган утверждает: «...поскольку далее человек, как духовное существо живет и действует в социальном пространстве, постольку ценностное сознание оказывается призванным определить, каким должно быть само общество – его государственный строй и юридические установки. Поскольку физический облик, внутренний мир и поведение человека, а также природа, в которой разворачивается его бытие и частью которого он является, могут быть сопряжены с человеческими идеалами и измерены их мерой, постольку выявилась еще одна плоскость ценностных ориентации – эстетическая» [1, с. 213].

В современном обществе все же есть настоящие ценители народного искусства, которые поднимают практически промыслы с колен и прославляют народные промыслы в своих произведениях. Такие мастера проводят мастер-классы по обучению ремесел. В Барнауле работает мастер росписи Т.Е. Наговицина. Она возрождает такие промыслы, как хохломская роспись, гжельская роспись, урало-сибирская роспись и другие. Современные

мастера, занимающиеся росписью, проводят выставки своих работ и мастер-классы по обучению данной росписи. Примером тому могут быть еще мастер-классы показанные на базе Государственного художественного музея Алтайского края г. Барнаула, которые проводили мастера росписи Л.В. Живова, Е. Головина, Т. Стрельцова. В экспозиционной обстановке музея подрастающее поколение может воочию убедиться в профессионализме современных народных мастеров и получить опыт в мастерстве росписи. Это помогает формированию у учащихся целостного представления о народном искусстве, о творчестве народного мастера, его творческом и духовном росте на протяжении всей жизни, духовно связанной с природой и культурой родного края, возрождению процесса подлинного ученичества и преемственности в народном искусстве. Таким образом, можно с достаточной точностью сделать вывод, что именно в процессе творческой деятельности, занимаясь художественно-прикладными видами труда, человек проявляет специализированный интерес в определенной области производства, тем самым обретая себе социальный статус, в процессе которого происходит социализация человека. Мы убеждены в том, что декоративно-прикладное искусство помогало и помогает социализиро-

вать человека в обществе и проявить его «Я». В статье кандидата педагогических наук АГАО имени В.М. Шукшина А.Ю. Арутюнян сказано, что «Адаптация и социализация являются взаимосвязанными процессами – осуществляя адаптацию, индивид социализируется в обществе, а социализация включает в себя адаптацию как основной компонент. Благодаря адаптации человек приобщается к социальной жизни, в процессе социализации получает и изменяет свой социальный статус и социальную роль» [2, с. 11]. Новым взглядом на проблему является тот факт, каким образом человек социализирует себя в обществе, используя богатый потенциал декоративного искусства, в частности регионального промысла – Урало-сибирской росписи. Проблема передачи многовекового опыта, посвящена монография «Русская художественная традиция в искусстве Сибири (конец XX-начало XXI в.)», написанная искусствоведами Т.М. Степанской, Л.И. Нехвядович. В ней говорится: «понятие художественной традиции трактуется данными авторами как, «процесс отбора, освоения, передачи и развития исторически сложившегося художественного опыта. На Алтае проявилось свойство преемственности не ограничиваться «вертикальными» связями (от древности к современности), но здесь реализовывались и «горизонтальные» связи, т.е. «взаимная передача культурных традиций от региона к региону, от народа к народу» [3, с. 11]. И в этом вопросе необходимо обратить особое внимание на процесс социализации человека на основе художественно-прикладных видов труда в развитии профессионального искусства, как этот процесс происходил ранее и что происходит в настоящий момент.

Миграция переселенцев происходила на территории всего алтайского края и здесь актуально отметить тот факт, что в регионе появлялись разные культурные традиции. В зависимости от районов существовало отличие в элементах, мотивах и цветовом строе росписи. В целом техника исполнения росписи была едина, и узнаваема в разных районах края. Это дает нам право говорить о продолжении традиции выполнения росписи. Эта техника описана исследователем росписи Н.И. Каплан. Автором проводится описание росписей домов, частей архитектурного убранства. Изучением росписи занимались исследователи В.В. Барадулин, Л.В. Живова. Большой интерес представляют исследования по описанию жизни народов Сибири Е.А. Ащепкова: «Взаимодействие культур русских переселенцев и местных народностей проявилось в многообразии декоративных приемов творчества сибирских строителей. При изучении русской народной архитектуры Сибири невозможно пройти мимо других

областей художественной культуры сибиряков – музыки, фольклора, живописи (росписей), созданных на основе быта, уклада жизни и дающих возможность в большей степени вскрыть генезис народной архитектуры» [4, с. 16]. В течение жизни окружающая обстановка, люди претерпевали определенные изменения. Искусствоведческий анализ истоков урало-сибирской росписи впервые был сделан Е.Э. Бломквист в «Бухтарминских старобрядцах». Исследованием росписей на Алтае занимались также научные сотрудники Алтайского музея изобразительных и прикладных искусств под руководством Л.И. Снитко. Экспонаты, привезенные из экспедиций, сейчас можно увидеть в Государственном Художественном музее Алтайского края. Начиная с 1979 года, над исследованием росписи трудился научный сотрудник алтайского художественного музея Н.П. Гончарик. Позднее в состав музея перешли сотрудники Центра фольклора и народных ремесел, которые приняли участие в исследовании местного промысла. Художник центра фольклора Л. В. Живова, один из авторов книги «Домовая и прялочная роспись на Алтае», подробно изучает историю и развитие урало-сибирской росписи, систематически публикует статьи с материалами экспедиций по региону. Исследователю урало-сибирской росписи В.А. Барадулину удалось выявить авторов многих наиболее талантливых росписей: И.В. Белова, Ф. Корчагина, В.К. Рябова, П. и Е. Мальцевых. Человек был выходцем из природной среды, и эту природу он переносил в дом в виде росписи как настенной, так и на предметах быта. Специальных учебных заведений по подготовке специалистов по росписи не существовало, но есть сведения о том, что мастера сами обучали молодых специалистов по росписи. Мастера тоже отличались по «статусу»: первой руки мастер, второй руки мастер и т.д.

Во многих регионах России образовывались русские национально-культурные центры и общества, авторские фольклорные центры, школы народных ремесел. В настоящее время переносчиками искусства по развитию народной художественной культуры остается сфера образования, включающая различные учебные заведения: общеобразовательные, профессиональные, дополнительного образования и культурно-просветительские учреждения.

В современное время цель образования – подготовка человека к деятельности в новых организациях в новых социокультурных условиях. Специалист любого профиля является продуктом не только образовательного поля, но и своего времени и для наиболее полной социализации необходимо как можно полнее знать и чувствовать культуру своего народа.

Библиографический список

1. Каран, М.С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. Над чем работают, о чем спорят философы. – М., 1974.
2. Развитие личности в образовательном пространстве: труды 10-й Всероссийской научно-практич. конф.: в 2 ч. – Бийск, 2012. – Ч. I.
3. Степанская, Т.М. Русская художественная традиция в искусстве Сибири (конец XX-начало XXI в.): монография / Т.М. Степанская, Л.И. Нехвядович. – Барнаул, 2009.
4. Ащепков, Е.А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. – М., 1953.

Bibliography

1. Kagan, M.S. Chelovecheskaya deyatel'nost'. Opiht sistemnogo analiza. Nad chem rabotayut, o chem sporyat filosofih. – M., 1974.
2. Razvitie lichnosti v obrazovatel'nom prostranstve: trudih 10-yj Vserossiyskoy nauchno-praktich. konf.: v 2 ch. – Biiysk, 2012. – Ch. I.
3. Stepanskaya, T.M. Russkaya khudozhestvennaya tradiciya v iskusstve Sibiri (koniec XX-nachalo XXI v.): monografiya / T.M. Stepanskaya, L.I. Nekhvayadovich. – Barnaul, 2009.
4. Atphepkov, E.A. Russkoe narodnoe zochestvo v Vostochnoy Sibiri. – M., 1953.

Статья поступила в редакцию 08.08.14

УДК 7.036

Urusova N.P. TRADITIONS OF PUBLIC ART OF THE CAUCASUS AS FACTORS OF THE MODERN SPIRITUAL CULTURE. This article discusses an issue of folk art, folk artists schools, rationality and the aesthetics of utilitarian things of a rural life, public understanding of beauty. The aim of the article is to analyze the archaic safety layers of ethnic artistic traditions and a new understanding of folk art. This direction is also complemented by considering a value of folk art in the education of an active and creative personality. The author of the research carries out an attempt to evaluate the role of the traditional image of the architectural environment in the history of construction of the ancient Caucasian settlements. It is concluded that the experience of folk artists contributes to the development of local traditional cultural identity, expression of popular artistic vision.

Key words: public art, material culture of folk, products of folk public life, ancient settlements, modern look of architectural environment.

Н.П. Урусова, канд. иск., доц., зав. каф. «Дизайн» факультета Дизайна и искусств Северо-Кавказской гос. гуманитарно-технологической академии, г. Черкесск, E-mail: ninaurusova@mail.ru

ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ИСКУССТВА КАК ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются проблемы народного творчества, школ народных мастеров, рациональность и эстетика утилитарных вещей сельского быта, народного понимания красоты. Целью статьи является анализ сохранности архаических пластов этнических художественных традиций и нового понимания народного искусства. Данное направление дополняется также рассмотрением значения народного искусства в воспитании активной творческой личности. В качестве исследовательской задачи автором также была сделана попытка оценить роль традиционного облика архитектурной среды в истории строительства древних кавказских поселений. В заключении сделан вывод о том, что опыт народных мастеров способствует развитию местных самобытных культурных традиций, выражению народного художественного мировоззрения.

Ключевые слова: народное искусство, материальная культура народа, изделия народного быта, древние поселения, современный облик архитектурно-предметной среды.

История развития общества тесно связана с формированием материальной культуры. Быт, нравы, характерные черты народов и отдельных национальностей всегда находили выражение в вещественных средствах существования.

Народное творчество сел всегда было делом изучения этнографов, не попадая в поле зрения искусствоведов. Несмотря на некоторые ошибки и необоснованные эксперименты, народное искусство, тем не менее, продолжает функционировать как мощный пласт художественной культуры. Тысячи и тысячи народных мастеров оказываются ее носителями. Традиции школ народного мастерства, национальные и региональные составляют ее богатство. Природные ритмы пронизывают разные сферы жизни и естественно, в первую очередь – народное искусство. Народный мастер мыслит образами, отсюда ощущение его причастности к природному миру.

Сама жизнь настоятельно выдвигает необходимость нового понимания народного искусства. Оно может утвердиться только с наиболее прогрессивных традиций в решении современных проблем духовной культуры. Необходимо выделить всей системой организации и критериями оценок народное искусство, как самостоятельный тип художественного творчества, равный по культурной и эстетической функциям другому типу – искусству профессиональных художников.

Мир вещей человека всегда был отображением его деятельности, поступков, характера, культуры, социального положения в обществе. Эти явления особенно характерны для сельского быта, который формировался, как правило, комплексно и эстетически полноценно. Процесс создания материальной культуры народа часто удивлял умением синтезировать практические и эстетические потребности в предметах окружающей среды. Ремесленный труд как будто сам собою порождал предметы умные, удобные и красивые. Опытный мастер в своем воображении сводил все качества в единое целое, в результате чего создавался образ изделия.

История формирования быта, особенно сельского, таит в себе много примеров рациональной организации всего домашнего уклада. Опыт ремесленного творчества может способствовать созданию целого комплекса специфических предметов домашнего обихода, не устаревших по своему назначению и в наше время. В нашей многонациональной стране есть свои, характерные для определенных регионов товары. Изучение функций и форм изделий народного быта прошлого, истоков формирования быта многих национальностей, населяющих нашу страну, непременно даст положительные результаты.

В сельском хозяйстве и быту особое место занимали предметы домашнего обихода, орудия труда, инструменты. Именно в этих изделиях ярко проявлялось умение мастера-ремесленника синтезировать форму в прямой зависимости от ее функционального назначения. При этом он постоянно совершенствовал свои знания о свойствах материалов, овладевал максимумом приемов их обработки, стремился к выразительной форме, удовлетворяющей самые разнообразные утилитарные нужды. Эти бытовые предметы логичны, цельны; в них заключена зрелая, обдуманная и строгая конструктивность. В деревенском быту почти не существовало вещей чисто декоративного назна-

чения. Рациональность заключалась во всем, даже во внешнем оформлении. Многие бытовые предметы своими плавными очертаниями и незамысловатым декором создавали в интерьере сельского дома единую художественную композицию.

«В приспособлениях и инструментах ремесленник решает не только утилитарную конструктивность, но и внешнюю выразительность формы, то есть максимальную информативность функции данного предмета, которая выражена в рациональной организованности деталей, что в конечном итоге придает предмету определенную художественность. Естественно, что народная мудрость, смекалка, необходимость облегчения труда отложили свой отпечаток на этот вид изделий народного творчества. Они обладают многими синтезированными качествами формообразования, продиктованными утилитарной функцией, потребительскими и эстетическими свойствами» [1].

Привлечение современных народных мастеров к производству товаров широкого потребления, созданных на основе традиций рационального синтеза функции и формы, будет способствовать значительному вкладу не только в материальное обогащение вещественного мира, но и формированию определенных концепций бытовой культуры, домашнего устройства. Проведение ярмарок, создание обществ, дней ремесленников способствует «очищению» народного мастерства от понятий ложной красоты, не имеющей утилитарной или рациональной основы.

Многолетний опыт формирования изделий народного быта имеет богатую основу для разработки научных теоретических трудов не только в области декоративно-прикладного искусства, но и архитектуры, строительства, дизайна, инженерного конструирования. «Человечность» бытовых изделий, их соответствие человеческим нуждам, настроению, мыслям, чувствам, привычкам, традициям – есть основа настоящей бытовой культуры. Отражая народное мировоззрение, народное понимание красоты, народную мудрость, народное искусство несет нравственность, духовность, выковываемые историей каждого народа и всего человечества.

Сегодня народное искусство привлекает все большее внимание не только исследователей, но и широких слоев населения, как в нашей стране, так и за рубежом. Особый интерес вызывает состояние народного искусства в наши дни и перспективы его развития. Вопрос о сохранности архаических пластов этнических художественных традиций в современном народном искусстве широко обсуждается. Некоторые исследователи традиционного искусства народов Европы и исследователи народного творчества в нашей стране пессимистически оценивают ситуацию. Большинство же исследователей видят хорошие перспективы развития народного искусства. Народное искусство как художественная система определяется в собственной целостности. Возрастает эстетическая ценность национальных, краевых школ народного мастерства. Укрепляется значение рукотворности в создании вещей, дух ремесла и традиции.

Наличие противоположных точек зрения на судьбы народного искусства объясняется тем, что отдельные его виды в одних регионах развиваются, в других исчезли, в третьих – искусственно воскрешаются. Все эти явления существуют на фоне возросшего интереса к традиционной народной культуре: к на-

родным песням и танцам, к обрядам и праздникам, народному театру, костюму и т. п. В разных странах, народы которых прошли свой неповторимый путь развития и формирования, существование народного искусства имеет свои отличительные черты.

Декоративное искусство резко дифференцируется в своих культурных функциях. Большое значение имело развитие дизайна, принявшего на себя утилитарную функцию предметного творчества. Не менее значительно было утверждение декоративного искусства в его собственной художественности, равноправно с живописью и скульптурой. Именно в таком контексте народное искусство восстанавливает свою духовную функцию, утверждается в собственной художественной самооценности. Возрождаются забытые мотивы, приемы, образы и техники. Народное искусство, как художественная система, определяется в собственной целостности. Возрастает и эстетическая ценность национальных, краевых школ народного мастерства. Укрепляется значение рукотворности в создании вещей, дух ремесла и традиции. Неслучайно в это время рождаются новые виды народного творчества [2].

С каждым годом возрастает социальный заказ на народное искусство в нашей стране и за рубежом. Заметно оживляется внимание к традиции в селах. Многие утвердившиеся понятия, такие, как школа, традиция, коллективность, образ, приобрели новые теоретические и практические аспекты, иное содержательное понимание.

Роль народного искусства в формировании современной среды может быть многообразной. Это может быть и психологическо-эмоциональное воздействие, содержательно-образное, и, напротив, проявляться в каких-то очень устойчивых качествах. Благодаря этому народное искусство несет обогащение архитектурно-предметной среде, дает огромный заряд живой творческой силы, одухотворяет ее. В век широчайшей индустрии оно устанавливает свои тончайшие, порой невидимые связи – от природы к человеку, от истории к современности, без которых проблематично гуманистическое развитие человечества.

Ведь не случайно, что именно в эпоху экологического кризиса вопрос народного искусства с его началами личностного и общечеловеческого для каждого народа, с его неисчерпаемостью духовного и эстетического содержания, приобрел глобальный характер. Самой современностью он выдвинут в систему новых значимостей и это определяет его место в системе современной культуры.

Перед научной мыслью стоит задача выработать критерии оценок народного искусства согласно его собственной целостности и сущности, а не заимствовать их у искусства профессиональных художников. Исторически народное искусство – основа всей художественной культуры. Его связи с другими видами и типами искусства трансформируются во времени – в развитии, а не во внешних заимствованиях и влияниях. Эти связи могут ослабляться или усиливаться, могут действовать скрытно или явно, но при этом не уничтожаются.

Судьбы народного искусства привлекают внимание у нас в стране не только специалистов, они волнуют самую широкую общественность. Возрастает интерес к народному искусству. Актуальность его проблем и для развития художественной культуры, и для национальной культуры в целом очевидна. Вопросы народного искусства приобретают новую остроту в свете проблем экологии, проблем среды, окружающей человека. Тесно связаны и с проблемами деревни, села. Таким образом, судьбы народного искусства совпадают с проблемами духовной культуры.[1]

Современный облик архитектурно-предметной среды складывается под влиянием целого ряда концепций. Одни из них возникли давно и утратили привкус новизны. Другие продолжают развиваться на экспериментально-художественном уровне и входят в обиход через журналы, выставки и салоны. Критерием выявления стилей послужили визуальные качества среды и отдельных ее элементов, опирающиеся на использование тех или иных доминирующих принципов формообразования.

О традиционном облике древних поселений судить в настоящее время становится все затруднительнее. Все большее число старых селений перестраивается по современной системе, все меньше сохраняется домов архаичного типа. Процесс формирования и развития типов народного жилища и общественных сооружений в основном определяется взаимодействием социальных и хозяйственно-экономических предпосылок, природно-климатических условий и этнокультурных традиций.

«Уже само расположение древних поселений вблизи горных пастбищ, в изолированных труднодоступных ущельях диктовалось как интересами скотоводческого хозяйства, так и условиями безопасности. Народным строителям приходилось считаться и с сильно пересеченным рельефом, и с малоземельем в ущельях. Отсюда особенности террасного расположения поселений. Жилища обращались фасадом в южную или юго-восточную сторону. Все аулы расположены, как правило, на солнечных склонах гор» [3].

Находясь под естественной защитой гор и бурных рек, горцы в смутные времена все же прибегали и к строительству искусственных укреплений. Крепостные сооружения и дозорные башни, возвышаясь своими вертикалями над массивами жилищ, придавали аулам неповторимый облик. Именно в умении народного строителя подчинять природные и материальные возможности конструктивно-художественным задачам вырабатывался выразительный образ жилища. Все отмечено простотой и целесообразностью, дышало своеобразной художественной силой.

Несмотря на многие общекавказские черты, складывавшиеся в народной архитектуре, в формах поселений, композиции жилищ, характере строительных элементов развивались и сугубо местные, локальные варианты, типичные для отдельных ущелий. В сложении основных строительных приемов отчетливо сказывается применение местных материалов – камня, сосновых бревен, глины и щебня.

«В более влажных западных ущельях при обилии лесных массивов в строительстве жилищ применялось в основном дерево. Бревенчатые постройки придавали характерный облик старым аулам. Бревенчатые дома складывались из цельных сосновых стволов, от чего зависели и размеры жилого помещения и его структура. Поперечные стены определялись длиной этих бревен, а продольные – в случае необходимости – наращивались. Позднее, во второй половине 19 – начале 20 веков, развивались более современные строительные формы, с применением уже новых материалов – самана, железа, досок. Планировка диктуется рельефом местности, формой расположения приусадебного участка, характерны крытые хозяйственные дворы» [3].

В своем историческом и культурном развитии человечество всегда опиралось на опыт прошлых поколений. В наше время утрата веры в идеалы, привела к дефициту у молодежи духовности и чувства национального самосознания. Поэтому сегодня необходимо приобщать подрастающее поколение к пониманию ценностей народной национальной культуры. Большое значение в этом процессе имеет роль учителя, особенно, на начальном этапе, так как педагог не только помогает детям войти в новый мир знаний, но и одним из первых знакомит их с народным искусством и культурой того края или региона, где они проживают.

Многовековые традиции национальной культуры и опыт народной педагогики дают возможность современному учителю воспитывать активных, самостоятельных, способных к творческой деятельности людей, понимающих и сохраняющих культуру своего народа. Происходящие в настоящее время изменения в системе образования преследуют своей целью создание условий для развития активной творческой личности.

Опыт народных мастеров способствует развитию местных самобытных культурных традиций, выражению народного художественного мировоззрения, эстетики коллективного труда. Уникальные произведения народных мастеров имеют огромный воспитательный потенциал, способный оказать значительное влияние на приобщение подрастающего поколения к эстетическим ценностям.

Необходимо, чтобы в каждой школе, находящейся в местах бытования того или иного вида традиционных искусства народных мастеров, учитель соответственного цикла педагогических дисциплин преподносил их опыт учащимся на основе местных художественных технических приемов. Именно это будет способствовать возрождению и развитию многообразных проявлений национальной художественной культуры.

Подобная деятельность требует участия специалистов разного профиля, а также энтузиастов, в том числе самих преподавателей средних школ, которым следует активнее привлекать учащихся к сбору, оценке и обобщению материалов по местным видам искусства народных мастеров.

Сосредоточение в школах народных мастеров колоссально, систематизированного ценностного материала способствует превращению их в подлинные очаги художественной культуры.

Потребность в человеке эстетически развитом, творческом, прежде всего, духовное бытие, которое заключается в совершенстве связей — любви, красоты и гармонии, вот почему на современном этапе одним из центральных принципов в системе образования является принцип формирования духовных, нравственно-эстетических потребностей школьников, развитие у них художественной культуры. Согласно этому принципу предметы гуманитарного цикла, прежде всего эстетического как дающего единство истины, доброты и красоты, становятся в центре образовательного пространства. Целостное восприятие культуры и искусства немыслимо без знания истории, этнографии, культуры всех народов, как и культурное наследие каждого отдельного народа вне контекста мировой цивилизации.

Изобразительное, декоративно-прикладное искусство, неоспоримо является важными компонентами общей системы ху-

дожественно-эстетического воспитания, способствующего эффективному развитию у школьников художественной культуры.

Эти вопросы, несомненно, волнующие и художника, и дизайнера-практика, и искусствоведа, не могут не приводить их к соприкосновению с некоторыми стержневыми проблемами теории исторической науки — проблемами, которые образуют сегодня специальный предмет исследований философов и методологов. И не только потому, что художник, работающий в декоративном искусстве, на каждом шагу сталкивается с многообразием жанров, стилей, индивидуальных почерков и подходов к вещи и среде, с многообразием способов восприятия художественных произведений, но и потому, что само народное художественное творчество, в том числе и дизайнерское, есть один из несомненных путей постижения человеком истории и самой жизни.

Библиографический список

1. Воронов, В.С. О крестьянском искусстве: избранные труды. — М., 1972.
2. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство народов Северного Кавказа: история, теория, педагогическая практика: тезисы докладов региональной межвузовской конференции. — Карачаевск, 2000.
3. Кузнецова, А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. — Нальчик, 1982.
4. Мизиев, И.М. История Балкарии и Карачая. — Нальчик, 1996.

Bibliography

1. Voronov, V.C. O krest'janskome iskusstve: izbrannihe trudihi. — M., 1972.
2. Izobrazitel'noe i dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov Severnogo Kavkaza: istoriya, teoriya, pedagogicheskaya praktika: tezisihi dokladov regional'noy mezhvuzovskoy konferencii. — Karachaevsk, 2000.
3. Kuznetsova, A.Ya. Narodnoe iskusstvo karachaevcev i balkarcev. — Nal'chik, 1982.
4. Miziev, I.M. Istoriya Balkarii i Karachaya. — Nal'chik, 1996.

Статья поступила в редакцию 18.08.14

УДК 7.036

Urusova N.P. ENVIRONMENTAL DESIGN IN A PROJECT CULTURE AND PROJECTOGRAPHY AS ONE OF THE METHODS TO FORM OBJECTS AND SPACE. The article is devoted to a problem of aesthetics in the modern time, environmental design and shaping, where geometry and a study of laws of the world join together, and the importance of an event, when a new form is born. The researcher also studies the importance of proportions in general, and in particular the golden ratio in the geometric shaping of architecture and environmental objects. This direction is also supplemented by the evidence that the proportion of the golden section appears in the overall composition of the work and in the ratio of its parts in a completely different civilizations. In this aspect, the method of projectography is an essential method of constructing new forms with countless variations. Considerable attention is paid to define a basic meaning of the creative activity of an artist-designer.

Key words: art design and shaping, projectographing morphogenesis, architecture, proportions.

Н.П. Урусова, канд. искусствовед., доц., зав. каф. «Дизайн» факультета Дизайна и искусств Северо-Кавказской гос. гуманитарно-технологической академии, г. Черкесск, E-mail: ninaurusova@mail.ru

СРЕДОВЫЙ ДИЗАЙН В ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЕ И ПРОЕКТИВГРАФИЯ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ И ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме эстетики средового дизайна и формообразования на стыке изучения законов геометрического мира и важности самого события рождения новой формы. Затронуты вопросы значения пропорций вообще и, в частности, золотой пропорции в геометрическом формообразовании архитектуры и средовых объектов. Данное направление дополняется также доказательством того, что пропорция золотого сечения проявляется в общей композиции произведения и в соотношении его частей в совершенно различных цивилизациях. В этом аспекте также актуален метод проективнографического формообразования, метод конструирования новых форм, имеющих неисчислимое количество вариаций. Значительное внимание уделяется раскрытию основного смысла творческой деятельности художника-дизайнера.

Ключевые слова: художественное проектирование, дизайн, формообразование, проективнографическое формообразование, архитектура, пропорции.

На протяжении всего развития мировой цивилизации человек уделял, и будет уделять большое внимание эстетике своего окружения. Он старается окружить себя такой обстановкой, которая приносит бы ему помимо пользы ощущение комфорта и эстетического наслаждения. Дизайн и архитектура непосредственно влияют на окружение человека и наиболее активно вносятся в бытовую жизнь эстетическое начало, используя тот инструментарий высоких технологий, который позволяет творить все многообразие искусственного предметного мира вещей. Этот

приоритет первоначально возник в дизайне, а затем распространился и на архитектуру.

Процесс создания объекта дизайна включает в себя формообразование, поиски колористического единства, оперирование принципами формальной композиции, математически точные эргономические расчеты и методы комбинаторных преобразований. Изучение законов геометрического мира и стремление разгадать геометрическую «генетику» искусственно создаваемых человеком объектов исходит из понимания важности

самого события рождения новой формы. Основная система дизайнерского образования начинается с пропедевтики, базой которой является формообразование и методы геометрических преобразований. Система профессионального дизайнерского образования должна предвидеть и опережать ситуацию ближайшего будущего. Сейчас нужно не только сохранить сложившуюся систему дизайн-образования, но и расширить ее. Навыки проектного мышления, проектная осознанная деятельность необходимы абсолютно всем, независимо от характера деятельности [1].

Проблемы формообразования давно стали важными в различных сферах деятельности человека. Новые структурные формы всегда несли некоторые революционные идеи, нарушали сложившиеся стереотипы представлений, становились эволюционной ступенью в истории развития общества. Гармоничные пропорциональные соотношения являются основополагающими в создании новых форм. Крупнейшие зодчие, художники, скульпторы изучали пропорциональные отношения: Витрувий, Пьетро делла Франческа, Леонардо да Винчи, Дюрер, Ле Корбюзье, Жолтовский и другие. Частным случаем пропорциональных отношений является «золотое сечение». Отношение этой системы образуют убывающую или возрастающую прогрессию и связывает воедино все элементы сооружения от больших величин до самых малых. Пропорция золотого сечения использовалась как основополагающая закономерность практически во всех известных системах пропорционирования и всегда была объектом специального внимания в теории искусствознания. Свойства золотого сечения обладают замечательными геометрическими качествами, обеспечивающими возможность создания технологически удобных систем пространства. Основоположник современной архитектуры, Ле Корбюзье, выступающий за четкую систему городской планировки, за функциональную организацию окружающей среды, создает универсальную систему пропорций – модульор, построенный на основе золотого сечения.

Издревле в пропорции художники и зодчие видели объективную основу красоты. Истинную красоту можно постичь только в единстве противоположностей. Вот почему именно единство симметрии и асимметрии определяет внутренне содержание прекрасного в искусстве, а мерой соотношения симметричного и асимметричного выступает пропорция, называемая золотой. В чем же сущность золотой пропорции? Если отрезок разделить пополам, зеркально-симметрично, то такое деление выглядит уравновешенным, мертвым. Если же точку деления взять слишком близко к одному из концов отрезка, то такая конфигурация будет чересчур неуравновешенной, беспокойной. Только некоторая «золотая середина», которая в данном случае не является геометрической серединой, обеспечит желаемое единство симметрии и асимметрии. Золотая пропорция определяется как деление отрезка на две неравные части, при котором меньшая из них так относится к большей, как последняя ко всей длине отрезка.

«Такое “радующее глаз” деление отрезка, по преданию, было известно еще Пифагору и зазывалось им золотой пропорцией. Впрочем, скорее всего золотая пропорция была заимствована Пифагором у древних египтян, которых он посетил в своих странствиях по свету. Художник и инженер Леонардо да Винчи, изучавший и восхвалявший золотую пропорцию на протяжении всей своей жизни, называл ее золотым сечением, а математик и астроном Иоганн Кеплер, говорил о ней как о бесценном сокровище и именовал ее божественным сечением. Последующие научные открытия показали, что золотое сечение составляет основу многих природных явлений, что оно связано с глубокими естественнонаучными закономерностями» [2].

Гармония в природе и гармония в архитектуре – две стороны единого великого процесса созидания, обретающие одинаковое математическое выражение в законе золотого сечения. Для достижения гармонии в произведении искусства (в том числе, в архитектурном произведении) должен выполняться принцип Гераклита: «из всего-единое, из единого-все». Гармония в архитектурном произведении зависит не столько от размеров самого сооружения, сколько от соотношений между размерами составляющих его частей. Из всех геометрических прогрессий только ряд золотого сечения обладает свойством, при котором деление целого на части дает принцип «все во всем» и одновременно части «сходятся» в целое.

Архитектура – удивительная область человеческой деятельности. В ней тесно переплетены и строго уравновешены наука,

техника и искусство. Только соразмерное, гармоническое единство этих начал делает возводимое человеком сооружение памятником архитектуры. Архитектура – это совокупность зданий и сооружений, это пространство, созданное человеком и необходимое для его жизни и деятельности, она извечно сочетает в себе логику ученого, ремесло мастера и вдохновение художника. «Прочность – красота – польза» – такова знаменитая формула единого архитектурного целого, выведенная два тысячелетия назад древнеримским теоретиком зодчества Витрувием (1 в. до н. э.). Эта искусственная среда, воздвигнутая человеческими руками, является неременным условием существования и развития общества. Вот почему архитектура зарождается вместе с человеком и сопровождает человечество на всем его историческом пути.

Огромную роль в построении архитектурных произведений играли пропорции – универсальный язык архитектуры, язык всеобъемлющий и всесильный. У греческих зодчих были выработаны законы пропорциональности в архитектуре, и они строго им подчинялись. Уже Платон глубоко понимал не только математическую, но и эстетическую сущность пропорции, которая являлась важным и надежным средством зодчего для достижения хрупкого и тонко сбалансированного равновесия между целым и его частями.

Подробный анализ пропорций некоторых архитектурных шедевров разных эпох, стилей и народов неизменно дает присутствие в их формообразовании пропорции золотого сечения. Конечно, законы пропорциональности определяют только «скелет» сооружения, который должен быть правильным и соразмерным, как скелет здорового человека, но помимо математических законов меры в недрах архитектурного шедевра непременно заложены и непознанные законы красоты. Именно взаимодействие законов меры и законов красоты, которые часто проявляются в отклонениях от законов меры, и создают неповторимый образ архитектурного шедевра.

«Золотое сечение мы находим всюду: в изобразительном и прикладном искусстве, в архитектуре и музыке, в литературе, в предметах быта и машинах. Многочисленные исследования показали, что на точке золотого сечения обычно бывает кульминация в поэтических, драматургических и музыкальных произведениях. Пропорция золотого сечения проявляется в общей композиции произведения и в соотношении его частей, в совершенно различных цивилизациях, отдаленных друг от друга тысячелетиями: в усыпальнице Хеопса в Древнем Египте и в храме Парфенон в Древней Греции, в Баптистерии эпохи Возрождения в Пизе и в храме Покрова на Нерли, в Адмиралтействе Санкт-Петербурга и в ультрасовременных сооружениях Ле Корбюзье» [2].

Загадка притягательной силы золотого сечения давно волнует человечество. Были и чисто математические «доказательства» эстетического предпочтения человеком золотого сечения, были и физиологические, связанные, например, со спецификой сокращения глазных мышц. Наиболее правдоподобным представляется, что золотое сечение дано человеку самой природой в пропорциях его же тела, оно постепенно и стало для него образцом совершенства.

Одним из направлений в формообразовании стала архитектурная бионика, которая исследует биологические системы и процессы и переносит их в технику и архитектуру. Законы формообразования, существующие в природе, могут быть использованы при проектировании технических объектов. В формировании природных объектов принимает активное участие порождающая их среда. Все окружающие нас природные тела находятся в поле земного тяготения и неминуемо несут на себе следы его влияния.

Дизайн – это творческая деятельность, молодой и прогрессивный вид искусства, вбирающий в себя все новые достижения цивилизации, объединяющий в процессе проектирования разные сферы человеческой практики. Дизайнер – это специалист в области формы изделий, вооруженный суммой необходимых разнообразных знаний, способный в конкретном материальном объекте полноценно реализовать свои представления о социальных потребностях, функциональности, конструктивности и технологичности изделий. Дизайнер, используя весь потенциал открытий в области психологии восприятия человеком окружающей действительности, современные научные исследования, идет дальше художника, отображающего на своем полотне реальную действительность. Он творит новые формы, ищет в уже сложившихся канонах дальнейшие пути гармониза-

ции объекта и пространства. Развивая свой творческий потенциал, имея представление о современном уровне науки, дизайнер должен по возможности предвосхищать в своих проектах развитие, как технологических возможностей производства, так и потребностей общества. Это предопределяет необходимость владения методами научного анализа и проектного прогнозирования, выявления перспективных тенденций. Не менее важной основой остается представление о том, что дизайнер – это, прежде всего изобретатель новых, зрительно воспринимаемых форм.

Человек постоянно находится в состоянии творческого проектирования предлагаемых жизненных ситуаций и посему проектная осознанная деятельность необходима всем. Из этого следует вывод о важности внедрения дизайнерской педагогики и методик преподавания этой дисциплины в учебный процесс школ разных уровней.

Наука и техника предлагает творчеству не вещи, готовые к употреблению, а эффекты, которым предстоит найти самое разнообразное применение. Эти эффекты еще нужно морфологизировать, воплотить в полезных вещах, в том числе и таких, каких раньше не было. То есть нужно воплотить прообразы в материальные конструкции, перевести научно-технические достижения на язык потребительских ценностей.

В этом аспекте актуален метод проективнографического формообразования, метод конструирования новых форм, имеющих неисчислимое количество вариаций. Метод проективнографии, открытый В.Н. Гамаюновым, как один из методов геометрического формообразования – это область архитектурно-дизайнерской графики, основанной на методах движений и зеркальных симметрий и направленный не только на отображение, но и на создание многовариантных формообразующих решений объекта, элементы которого были различным способом квантифицированы. «Проективнография позволяет осуществлять структурное пропорционирование пространства. Проективнографические чертежи позволяют быстро, с «метрической достоверностью» выполнять макеты многообразных формообразований. Этот графический метод способствует обогащению современных представлений о формировании предметного мира вещей, технического совершенства и красоты» [3]. Организация проективнографической деятельности на основе компьютер-графики обеспечит формообразующие и формотворческие процессы, позволит обогатить пластический мир предметных форм и реализовать их на основе высоких технологий. Проективнографический метод формообразования уникален, поскольку программа сложна и количество моделей может быть беспредельно. Объектами отображения в проективнографии являются самые разнообразные многогранники, а также их объединения и пересечения, образующие многогранные пространственные системы. Возможность увеличения числа плоскостей системы в проективнографии позволяет моделировать тончайшие нюансы при переходе от грани к грани, вплоть до криволинейных. Произвольно выбирая плоскости системы и пересекая их друг с другом, можно приступать к произвольному процессу формообразования, подчиняясь только практическим намерениям, ведь в окружающем нас пространстве зашифровано геометрически неповторимое и неисчерпаемое богатство форм. А это открывает неисчерпаемые возможности для развития пластических искусств.

Этот метод формотворческой и формообразующей деятельности дает возможность развивать чувство ритма, гармонии, приобретать навыки макетирования и работы с компьютером. Проективнография, основанная на свойствах отображения, должна более широко, практически использоваться в архитектурно-дизайнерской практике, при построении сложных орнаментированных форм. Это определяет развитие такого скульптурно-пластического жанра, каким является проективнографическое макетирование, обладающее математической точностью построений и создающее предельную наглядность.

В основу проективнографического аппарата, преобразующего элементы пространства в соответствующие элементы плоского поля проективнографического чертежа и наоборот, положены классические виды преобразований. В процессе формотворчества найден и используется определенный ключ чтения проективнографических чертежей. «Каждое однокартинное проективнографическое поле представляет собой совмещение одинаковых картин пересечения между собой всех плоскостей-полей пространства. Операции совмещения полей – реальные (перестановки, вращения) и нереальные (зеркальные отражения) движения. Соответствующие совмещения (в эпюре) возникших пе-

ресечений плоскостей и определяют ключ чтения данного поля. Выполняя в этом ключе обратные операции можно осуществлять реконструкции пространственных полей и их элементов: точек, линий, отрезков, плоских и объемных фигур» [3].

Зная основные правила проективнографического формообразования по выбранной эпюре можно приступать к практическому конструированию объемных моделей на основе замкнутых концентрических раскрасок. Они задают программу построения пространственных моделей и устанавливают определенные плоскости, участвующие в ее формообразовании. Круги раскраски определяются путем нахождения совместных линий, т.е. определяются смежные отсеки, которые замыкаются вокруг центра.

В результате этих действий возникают новые, ранее не известные формы, которые можно использовать в дизайнерском и архитектурном формообразовании. В дизайне объектами формообразования могут быть различного рода изделия, участвующие в организации интерьера: люстры, плафоны, настольные лампы, бра, салфетницы, шкатулки, вазы и т.д., в которых целиком или частично могут быть отражены рельефные особенности сконструированных многогранников. В архитектуре эти формы также применимы ввиду их новизны и многообразия.

В учебной практике по проективнографическому формообразованию можно использовать существующие разработки, где подробно представлены готовые шаблоны, по которым можно конструировать модели. В этом случае не обязательно глубоко изучать теорию проективнографии, которая достаточно сложна и требует определенного запаса специальных знаний [4].

Назначение изделия, если взглянуть на него с позиции человека-потребителя, не исчерпывается одной лишь его практической полезностью. Оно должно быть привлекательным, нравиться человеку, быть эстетическим выражением новых форм. Формообразование в своем развитии имеет потребность в новых, ранее не известных формах и проективнография предоставляет такую возможность. Это должно способствовать активизации и повышению эффективности деятельности дизайнеров в области формообразования, осознанию ценностных ориентаций современного человека, освоению новых технологий.

Художественное проектирование – сравнительно молодая область творчества. Только в прошлом веке начали формироваться новые профессии – инженера-конструктора, технолога, художника-конструктора. Художественное проектирование, создавая предметную среду, сообщает ей определенные функциональные и эстетические свойства и особенности. Основной смысл творческой деятельности художника-дизайнера состоит в формировании материального окружения и организации пространства в интересах людей, с учетом индивидуальных потребностей каждого человека в определенных эмоционально-психологических условиях жизнедеятельности. Какой же должна быть подготовка студентов-дизайнеров? О пользе теории для дизайнеров существуют разные мнения. Одни считают, что она лишь отвлекает от творчества, другие, наоборот, утверждают, что настоящий дизайн как раз и состоит в умении создавать продуктивные концепции на основе основательной теоретической подготовки.

Теоретическая подготовка, в первую очередь, предполагает воспитание определенной профессиональной мыслительной дисциплины и осознание студентом смысла первых же своих творческих шагов. Начало определяет все и поэтому исключительно важно, какое теоретическое понятие окажется для студента первым и в каком образе оно ему явится. Первое понятие для студента в этой области должно охватывать что-то уже известное, дабы оно не явилось просто термином, но, одновременно, должно нести в себе новый, профессиональный смысл. С самого начала необходимо теоретическую подготовку не отрывать от творческой задачи и это должно быть связано с ведущим качеством студента как профессиональной личности, то есть качеством, от которого в основном и зависит успех решения поставленной задачи.

Основной профилирующей дисциплиной подготовки дизайнера является художественное проектирование, на которое идет наибольшее по сравнению с другими предметами количество учебного времени. Предварительно студенту необходимо получить общую установку: он должен узнать, что учеба проходит не только в аудиториях, научиться видеть, отбирать интересное, важное, примечательное в окружающей его материальной среде. В постоянном погружении в творчество и состоит профессионализм, вырабатывать его в себе будущему дизайнеру следует буквально со школьной скамьи.

Процесс творчества дизайнера при всем его многообразии воплощается в виде эскизов, кроков, моделей. Исходная ситуация дает возможность многовариантного мышления. Первоначальные идеи, после их проверки и осмысления, сводятся к одной, самой продуктивной. Далее формируются модели объекта в соответствии с общественной, культурной, практической и эстетической функциями.

Осваивать проектное мастерство нельзя умозрительно, выслушав только соответствующие лекции. Исторически сложилась традиция осваивать предметы искусства путем выполнения ряда практических заданий. Основой обучения, средством освоения профессии проектировщика является опыт. Постигание профессионального мастерства происходит в процессе непосредственной работы над проектом, когда студент осознает и осваивает различные стороны этого процесса.

Включение дисциплины «Дизайн» в содержание образования дает возможность развивать у учащихся творческие способности, пространственное, абстрактное и конструктивное мышление, восприятие и воображение, воспитывать эстетический вкус. Система дизайнерского образования должна предвидеть и опережать ситуацию ближайшего будущего. Во всех развитых странах художественно – дизайнерская педагогика приобретает первостепенную роль. Поиск и формирование новых идей имеет свой источник – ассоциативность, преобразование существующих моделей путем приспособления, замены или перестановки. В решении многих задач важен принцип «вживания», вхождения в роль заказчика или потребителя. В то же время очень важно освобождение от осознанного или неосознанного влияния стереотипного мышления: рассудочные действия должны дополняться интуитивными, связанными с механизмом памяти. В результате нередко создается совсем новое, но чаще мы сталкиваемся с сочетаниями, перемещениями, комбинациями уже существующих образов.

Поиски и решения цементируются мыслительной деятельностью. В итоге процесс проектирования предстает в непрерывной связи практического и теоретического. Внутренние побуждения, выход фантазии локализируются рефлексией и контролем сознания. Конфликт между знанием и интуицией решается в конечном итоге методикой.

В основу художественного проектирования положен метод, который постигается в процессе проектного действия. Ориентация на конечную цель, а не на процесс может породить хаотичность и неосмысленность, стремление лишь к завершенной форме, чисто внешнее приближение к конечной цели – качеству макета и красоте графики. Эта подмена в сознании студента таит опасность: работая над проектом, он в погоне за конечным результатом нередко забывает, что его главная цель – не достижение внешнего эффекта, а постижение метода, освоение действий, позволяющих достичь результатов.

Занятия по проектированию требуют особенно обоснованной аргументации, так как в основном на них формируется творческое лицо студента. Основное общение преподавателя ведущей дисциплины со студентом строится через действие, в процессе выполнения проекта.

Совершенствование мастерства идет не только за счет общения с педагогом: личный опыт сам по себе является основой познания. Большое значение имеет общение студентов между собой на почве профессиональной деятельности. Творческая позиция студента формируется на основе существующих представлений о задачах и содержании профессиональной деятельности.

Из профессиональных качеств на первое место можно выделить развитое эстетическое чувство, которое у студента в начале обучения проявляется в элементарной форме – в способности увидеть красивое там, где большинство его обычно не замечает. Представление о красивом поначалу должно идти изнутри, стремиться к воплощению. Пусть при этом личные эстетические установки студента окажутся непонятными другим или слишком банальными, но зато они субъективны и, поэтому, ценны. Понятие «эстетической красоты» формы для начинающего дизайнера – не просто удовлетворять существующие эстетические потребности человека, а развивать их; не только самому уметь найти красивое, но и сделать его явно видимым другим.

Конечно, понятие «красивого» не охватывает всего диапазона и всей глубины эстетических задач дизайна. Это понятие очень важно для познания элементарных задач дизайна, но само по себе оно не обладает чувственной непосредственностью

и поэтому не очень конструктивно для понимания практических задач. В центре чувственного восприятия всегда оказывается то действие, которым образована форма, вне зависимости от того, какими композиционными или образными представлениями ее можно описать. Форма должна быть понята студентом активно – через действие, совершаемое чувствами и сознанием.

Умение «схватывать» красивое через формообразующий прием должно стать для студента профессиональной привычкой. Чтобы оно вырабатывалось, целесообразно для начала совместить предмет эстетического восприятия и характер формообразования. Самое, казалось бы, отвлеченное эстетическое содержание студент должен быть способен пропустить через призму его практического воплощения в форме, связать свои эстетические впечатления с характером формообразующих приемов. Формообразование любые специальные характеристики объекта – художественные, эстетические, конструктивные, технологические и др. – позволяет использовать в синтезе.

Так как категория «формообразование» играет ключевую роль в профессиональной подготовке студента-дизайнера, то необходимо в качестве первого теоретического понятия осмыслить именно ее и этим заложить основу для перехода к другим, более частным понятиям и вопросам.

Одна из специфических сторон проектной деятельности заключается в изучении комплекса проблем, возникающих при проектировании среды, понимания сущности проектирования функционально целесообразных, технически совершенных, эстетически выразительных объектов, составляющих в совокупности оптимальную среду для жизнедеятельности человека. В учебном проекте в системе дизайнерского образования проявляется начальная фаза, стадия проектного размышления и анализа. Обычно студент, прослушав лекцию и проектное задание, пытается в первой Klausure сформулировать свое отношение к функциональным, техническим, художественным аспектам решаемой задачи. В дальнейшем, в процессе знакомства и более полного изучения проблемы, ему приходится неоднократно менять предлагаемое целое. Можно пойти другим путем – расчленив проектную задачу на отдельные ее аспекты, осмысливая каждый из них отдельно и углубленно. В этом случае появлению концептуального эскиза-идеи предшествует развернутая Klausure, постепенно приводящая к осмысленному появлению проектного замысла. Вся система подводящих к рождению идеи упражнений построена на обращении к художественной стороне натуры студента, направлена на пробуждение в нем художественных аспектов личности. Каждая новая проектная тема требует своих особых упражнений, постановки специфических предварительных задач. Нередко предпроектный анализ вырастает в небольшое исследование. Многообразная информация, собираемая во время предпроектного анализа, открывает дизайнеру глаза, привлекает знаний, дает ориентиры, формирует границы поисков, будит воображение, является фундаментом стадии «проектная концепция», которая определяет основные творческие «габариты» будущего проекта, то есть его основные функциональные, художественные, пространственно-средовые ориентиры. Иногда стадия «проектная концепция» становится определяющей, а нередко исчерпывающей проектное решение, является практическим руководством для реализации при авторском надзоре. Но, все-таки чаще всего, «проектная концепция» нуждается в более подробной разработке, имеваемой «эскизный проект» [5].

Эскизный проект учитывает требования к будущему объекту, особенности функциональных процессов, производственно-технологические возможности, качества используемых материалов и конструкций, социально-культурные и эстетические характеристики будущих потребителей. Эскизный проект, сохраняя и развивая художественно-концептуальные идеи предыдущей стадии проектирования, подробно раскрывает уровни и аспекты задуманного средового объекта.

Последний этап работы дизайнера среды – авторский надзор – высшая форма профессионального существования, предполагающая наличие у автора определенной творческой позиции, профессиональной мудрости, умения вести диалог с различными специалистами.

Четкое разграничение этапов работы особенно важно на младших курсах, но вместе с процессом творческого самоопределения оно может становиться все менее четким к концу обучения. Зрелые профессионалы со временем вырабатывают свои приемы, свой подход к проектной деятельности.

Средовой дизайн занимает особое место в проектной культуре. Проектирование среды обитания должно гармонично сочетать все ее параметры: материально-физические, функционально-прагматические, социальные и эмоционально-художественные. Специфика категории «среда» включает в себя понятие единства условий существования объекта (процесса, явления) и самого этого объекта. Сущность проектного отношения к среде состоит из архитектурных (пространственных), дизайнерских (предметных) источников средового состояния и самого этого состояния (атмосфера среды), которые концептуально неразрывны и все три являются предметом проектирования, хотя способы их проектного формирования различны.

Фундаментом становления средовой структуры являются «носители» эмоционального начала – определенным образом организованные и нацеленные производственные и бытовые процессы, соответствующие им микроклиматические условия и – главное – участники процесса, люди как «исполнители» данной деятельности, так и ее «наблюдатели», «потребители» средовых ощущений. Смысл этой части работы – дизайн-процесса, составление своего рода эмоционально-технологического сценария, определяющего эффективность и художественную нацеленность проектирования. Следующий этап – совокупность дизайнерских компонентов, приспособляющих пространственную основу к процессу – от функционально обусловленного оборудования до элементов артдизайна. Эта группа работ имеет двойной смысл. С одной стороны, проектировщик выступает в роли дизайнера, отвечающего за оптимальное оснащение процесса, подбирая (или придумывая) инженерно-технические решения, которые сделают его комфортнее, яснее, красивее. С другой – обращается с попавшими в поле его зрения вещами и устройствами как с элементами средовой композиции – уточняет их пространственные комбинации, выявляет декоративный смысл, устанавливает цветовую гамму и пр. Пространственность средовых построений – ведущее, но не единственное отличие от других произведений дизайнерского творчества. Объекты и системы среды, как правило, физически много больше творений предметного и графического дизайна, что предопределяет особенности их восприятия – не одномоментно, сразу, а по частям и в течение времени. Они много сложнее и богаче по формам и способны создавать в сознании зрителя столь содержательную категорию, как художественный образ.

В основе художественных решений среды лежат три самостоятельные визуальные конструкции – процессуальная, пространственная и предметного наполнения, каждая из которых

проектируется по собственным законам. В конечном счете, они должны образовывать гармоничное единство, составлять комплекс поддерживающих друг друга композиционных структур. Комплексность – совокупность разнородных действий и мероприятий, направленных на получение целостного, заранее задуманного результата – обязательное условие и кардинальное свойство проектного формирования среды. Поэтому столь своеобразна методика средового дизайна, которая указывает, какие проектные действия в той или иной ситуации наиболее эффективны для реализации авторского замысла, помогает ощущать среду и как чуткий слаженный механизм, действующий ради общей цели, и как систему интереснейших по сути и форме деталей этого механизма, само сцепление которых уже есть захватывающее зрелище. Архитектор – дизайнер проектирует максимально емкий вариант предметно-пространственных параметров возникновения и понимания средового образа.

Большинство крупных стационарных дизайнерских форм – оборудование цехов, мебель, сооружения парковых аттракционов – организуют пространственные структуры, превращаясь в своего рода архитектурные объемы и детали. Средства транспорта, вагоны метро, автобусы – определяют эмоционально-психологический настрой средового пространства. Посуда, бытовые приборы придают этому состоянию различные оттенки; визуальные коммуникации, ландшафтный дизайн – формируют эксплуатационные условия. Все вместе они образуют широкую гамму воздействий на средовую структуру, участвуя во всех видах ее проектных трансформаций.

Таким образом, смысл средового творчества вводит в обиход «высокого» искусства творения человеческих рук – вещи декоративно-прикладные, бытовые, ремесленные. Преодолен разрыв между абстрактным стремлением к морально-нравственному идеалу, которым занимались исключительно музы, и утилитарностью обслуживающих «низкие» стороны человеческой природы явлений и устройств. В дизайне среды они сравнялись, став слагаемыми идейно-нравственных структур более высокого уровня. Средовые объекты и системы не всегда претендуют на статус произведения искусства, которые обладают покоряющим сердца художественным образом. Им достаточно охватить лишь часть слагаемых образа: оригинальность облика, способность затронуть чувство прекрасного, пробудить волнение, успокоить и т.д. Такова историческая роль средового дизайна, сделавшего прямой шаг к синтетическому пониманию задач жизнеобустройства.

Библиографический список

1. Шевелёв, И.Ш. Формообразование. Число. Форма. Искусство. Жизнь. – Кострома, 1995.
2. Волошинов, А.В. Математика и искусство. – М., 1992.
3. Гамаюнов, В.Н. Арт-дизайн изящных искусств. – М., 1998.
4. Гамаюнов, В.Н. Проективография: идеи, концепции, метод // Техническая эстетика. – 1993. – № 1.
5. Шимко, В.Т. Основы дизайна и средовое проектирование. – М., 2005.
6. Лебедев, Ю.С. Архитектурная бионика. – М., 1990.
7. Смолина, Н.И. Традиции симметрии в архитектуре. – М., 1990.
8. Боднар, О.Я. Золотое сечение в природе и искусстве // Техническая эстетика. – 1992. – № 1.

Bibliography

1. Shevelov, I.Sh. Formoobrazovanie. Chislo. Forma. Iskusstvo. Zhiznj. – Kostroma, 1995.
2. Voloshinov, A.V. Matematika i iskusstvo. – M., 1992.
3. Gamayunov, V.N. Art-dizayn izyathnihkh iskusstv. – M., 1998.
4. Gamayunov, V.N. Proektivografiya: idei, koncepcii, metod // Tekhnicheskaya ehstetika. – 1993. – № 1.
5. Shimko, V.T. Osnovih dizayjna i sredovoe proektirovanie. – M., 2005.
6. Lebedev, Yu.S. Arkhitekturnaya bionika. – M., 1990.
7. Smolina, N.I. Tradicii simmetrii v arkhitekture. – M., 1990.
8. Bodnar, O.Ya. Zolotoe sechenie v prirode i iskusstve // Tekhnicheskaya ehstetika. – 1992. – № 1.

Статья поступила в редакцию 22.08.14

УДК 78

Yurovskaya O.L. FUNERAL AND FUNERAL LAMENTATIONS OF KALUGA IMMIGRANTS OF CHELYABINSK REGION. The work is devoted to funeral lamentations, one of the genres of a song tradition of Kaluga immigrants in Chelyabinsk region. The factual base of research is made up by materials, collected by the author in 1999 – 2003 in Biyanka Village of Ashinsky region of Chelyabinsk region. The analysis allowed a revealing semantic function of musical and verbal codes of a funeral ritual, realized in lamentations.

Key words: genre of folklore, lamentation, funeral ceremony, funeral lamentations, polytext tune, formular tune, musical code, verbal code.

О.Л. Юровская, аспирант каф. истории и теории музыки ФГ БОУ ВПО «Челябинская гос. академия культуры и искусств», преп. ГБОУ ВПО ЮУРГИИ им. П.И. Чайковского, г. Челябинск, E-mail: oyurovskaya@mail.ru

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ КАЛУЖСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена одному из жанров песенной традиции калужских переселенцев Челябинской области – похоронным причитаниям. Фактологическую базу исследования составили материалы, собранные автором в 1999 – 2003 гг. в с. Биянка Ашинского района Челябинской области. Анализ позволил выявить семантическую функцию музыкального и вербального кодов похоронного ритуала, реализованную в причитаниях.

Ключевые слова: жанр фольклора, причитания, похоронный обряд, похоронные причитания, политекстовый напев, формульный напев, музыкальный код, вербальный код.

Причитания – древнейший жанр фольклора, генетически связанный с похоронно-поминальным обрядом не только в славянской культуре, но и многих других народов. Вербальная и музыкальная характеристика этого жанра наполнена архаическим смыслом, сконцентрированным в музыкальных и словесных формулах. Так называемые формульные напевы составляют музыкальный код фольклорно-этнографического текста любого ритуала: похоронного, свадебного или календарного.

В песенной традиции калужских переселенцев (с. Биянка Челябинской области) похоронные плачи, наряду с духовными стихами, являются одним из важнейших компонентов музыкального кода похоронного обряда. В отличие от духовных стихов, возникших на пересечении народной и церковной культур, они являются порождением именно народной традиции. Как отмечают многие исследователи [1, с. 133], поэтика причитаний тесно связана с семантикой похоронно-поминального обряда, с мифологическими представлениями о жизни и смерти. Это и определяет основную культурную функцию плачей, заключающуюся в обеспечении бесконфликтного и последовательного перехода покойника из мира живых в мир мертвых.

Актуальность данного исследования связана с проблемой изучения региональных певческих традиций, в особенности вторичной локализации. Как известно, Урал представляет собой территорию, заселенную выходцами из разных мест России, при этом, каждая группа переселенцев стремится сохранить родное наследие. Уральская фольклористика пока не имеет в своем арсенале региональных исследований, посвященных плачевым напевам в рамках похоронного обряда, и любое свидетельство сохранности этой уникальной традиции на Урале является очень важным для истории и культуры этого края.

Тем не менее, отечественная этномузыкология располагает несколькими крупными работами по данной теме. Первое фундаментальное исследование причитаний принадлежит Б.Б. Ефименковой [2]. В своей книге «Севернорусская причеть» автор дает структурно-типологическое системное описание похоронных, свадебных и воинских причитаний русского Севера. Значительную часть публикации составляют нотные образцы плачей.

Следующей крупнейшей работой стала публикация Смоленского музыкально-этнографического сборника [1], посвященного похоронно-поминальной обрядности и включающего обширную коллекцию смоленских погребальных плачей и духовных стихов. Кроме того, сборник содержит очерки О.А. Пашиной и Е.А. Дороховой со структурно-типологическим анализом смоленских напевов духовных стихов и причитаний. В числе трудов, обращенных к плачевой традиции, следует отметить диссертационное исследование М.С. Альтшулер [3]. На материале южных и центральных областей России автор рассматривает виды, формы, происхождение и бытование похоронных причитаний.

Наконец, в публикациях уральского песенного фольклора можно встретить различные образцы этого жанра: сборники Т.И. Калужниковой [4; 5] включают похоронные плачи, записанные на территории Свердловской области.

На территории горнозаводского района Челябинской области в с. Биянка (Ашинский район) автором данной статьи была зафиксирована живая традиция похоронно-поминальных причитаний. Это поселение основано еще в 1793 году владельцами Симского завода и заселено крепостными крестьянами из Ка-

лужской вотчины заводчицы И. И. Бекетовой. Основным занятием жителей села было жжение угля и рубка дров для отправки в г. Миньяр на металлургический завод.

Записанные в селе Биянка причитания составляют основу музыкального плана похоронно-поминального комплекса, так как звучат над покойным в течение всего периода от кончины до погребения. Следует отметить, что в с. Серпиевка Катав-Ивановского района Челябинской области, в котором также живут переселенцы из Калужской области, похоронные причитания не зафиксированы. Их функцию в этом населенном пункте выполняют духовные стихи [6].

В русской народной традиции причитания генетически связаны с обрядами перехода. По мнению европейских этнологов А. ван Геннепа и В. Тэрнера [7], все ритуалы отмечают, прежде всего, ситуации, связанные с переменой места, состояния, социального положения и статуса в жизни человека. Во всех обрядах перехода Ван Геннеп выделяет три фазы: *отчуждение от первоначального состояния*, *транзит* (собственно переход) и *вхождение в новое качество*. Первая фаза означает открепление субъекта от занимаемого им в космическом или социальном пространстве места. Это своего рода открытие границ в *иной* мир. В похоронном обряде – это мир умерших, предков. Вторая фаза – состояние контактов с *иным* миром. Наконец, третья фаза знаменует завершение перехода в новое стабильное состояние. В ходе погребального обряда субъект перемещается в *мир мертвых* и обретает *статус предка*.

Похоронный обряд калужских переселенцев из с. Биянка включает в себя следующие важные моменты, соответствующие трем фазам обрядов перехода из схемы А. ван Геннепа:

- *первый этап (отчуждение)* – *прощание*: голошение (днем); обмывание и одевание; положение в гроб; чтение молитв, «Канона» и пение духовных стихов в первые два вечера после смерти;

- *второй этап (транзит)* – *переход*: вынос гроба и дорога на кладбище. Голошение на вынос гроба из дома; «встречающая»; исполнение причитаний по дороге на кладбище;

- *третий этап (вхождение в новое качество)* – *погребение* в могилу: причитания; оформление могилы (деревянный крест с полотенцем);

- *Поминальные обряды (закрепление границ между мирами)*: поминальная трапеза после кладбища; «проводы души» на 40 дней; поминальные обряды на 20-й день, полгода, год, полтора года, три года, и так до 12 лет. Исполнение причитаний на могиле в дни поминовения.

Прощание. Причитать начинают сразу после смерти. Этим умением в Биянке обладают все, в каждой семье, поэтому специально плакальщиц не приглашают. «Горя если нет, так и не научишься голосить. Боль заставляет голосить», – отмечает жительница села Гальцова А. И. (1933 г. р.). «Слова от сердца идут, если жалко», – подтверждает односельчанка Огурцова М.Т. (1925 г. р.). Причитают только в светлое время суток.

Вечернее и ночное время посвящается чтению молитв и пению духовных стихов. Хозяйка персонально приглашает певчих и читальщицу на вечер «*сидеть*». Отказаться им считается грехом. «*Сидят*» с покойным два вечера (две ночи) с 18 до 24 часов: читают «Канон по исходу души от тела» и поют духовные стихи. Раньше при покойнике исполнялось много стихов, теперь поется только один – «На всех солнце светит». В Биянке каждый вечер хозяйка устраивают *трапезу* для певчих: каша, суп,

пирог, печенье, чай. Читальщицу, кроме этого, благодарят деньгами. Хоронят на третий день.

Переход. Вынос гроба и дорога на кладбище. Гроб выносят в обед, в 13 или в 14 часов. В самый драматический момент, при выносе гроба из дома, а также по дороге на кладбище, «все с причетами голосили» (Огурцова М.Т.). Жительница села Шалдина Л.К. (1934 г. р.) отмечает факт исполнения причитаний в этот момент двумя и тремя женщинами одновременно: «Причитали вдвоем, втроем – каждый со своими словами, на разные голоса, причитали особенно по молодому» [8].

Похоронную процессию возглавлял человек с иконой. Отдельному человеку (женщине) поручается подать «встречную». «Встречная» – подношение для первого молодого или старика, попавшегося навстречу похоронной процессии. В платок заворачивают булку, нитки с иглой, платок, свечу, конфеты.

Погружение в могилу – второй кульминационный момент, сопровождающийся причитаниями. Гроб в могилу опускают на полотенцах. Затем эти полотенца разрезают на части и раздают тем, кто нес гроб. Полотенце также завязывают на могильном кресте. После погребения гроба все подходят по очереди к могиле и, бросая в нее горсть земли, приговаривают: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Благослови и сохрани раба (имя покойного) и дай ему доброго здоровья и правую сторонушку», либо «Мать-Сыра-Земля, прими раба (имя покойного) до Всемирного Суда» – 3 раза [8].

Поминальные обряды. По возвращению с кладбища устраивают поминальную трапезу, по окончании которой, встав на колени, поют молитву «О, Вселетя Мати». На 40 дней («проводы души») подают горячей обед, перед которым исполняют духовный стих «Собрались все родные». Похоронные причитания исполняют при посещении могил умерших в родительские дни.

Следует отметить, что вне обрядовой ситуации похоронные плачи, исполняемые на могилах в поминальные дни, уже не обладают той силой экспрессии, которая наблюдалась в ритуале. Кроме того, информантам крайне сложно исполнять причитания вне этнографического контекста, по просьбе, для экспедиционной записи. «Много можно причитать, полно, не могу никак. Как-то страшно голосить. Сейчас расстроюсь, потом затреплет меня», – объясняет свое состояние жительница села Гальцова А.И. Только на могиле своей дочери она сумела настроиться должным образом и исполнить причитание. Здесь удалось зафиксировать такую форму поведения при плаче как «хлестание». Хлестание характеризуется тем, что в момент повышенного эмоционального напряжения вопленица бросалась с криком на пол, лавку или стол. «Хлестались» дома, на улице, на кладбище. Эту форму поведения при исполнении причитаний в Вологодской области и на Среднем Урале отмечают в своих исследованиях Б.Б. Ефименкова и Т.И. Калужникова [2; 9].

В традиционной культуре существуют термины, обозначающие процесс причитания: *вопить, голосить, реветь, завывать, выть, причитывать*. У жителей Биянки есть своя терминология, отражающая степень экспрессии причитаний: *плакать, причитывать, голосить с причетами, голосить, прытко голосить, зевать*. «Прытко голосить, значит здорово голосить, выть на всю мощь. Зевать – кричать на весь рот. Причитывать – значит потихоньку», – поясняют сельчане Гальцова А.И. и Шалдина Л.К. [8].

Как уже отмечалось выше, существуют отличия в характере исполнения погребальных и поминальных причитаний. По замечанию Т.И. Калужниковой, в похоронных причитаниях, «звучащих в ситуации непосредственного соприкосновения со смертью, стремление противопоставить себя ей, отгородиться от нее

Пример 1 [8]

Плач по матери (I этап – "сидят")

Зап. от Шалдиной Л.К. (1934 г. р.)
с. Биянка, 2003 г.

$\text{♩} = 168$

Ох, ми - лы - я ты мы - - - я

Ох, кор - ми - ли - ца ма... (а) - му - шка

Ох, за - ра - стут да всё на - - - ши те - перь

Тро - пынь - ки, до - ро... (о) - жень - ки

Ох, ни - где - то я те - - - бя

И не у - ви - жу - то и не встре... (э) - ну я

Пример 2 [8]

Плач по матери (II этап – вынос гроба)

Зап. от Шалдиной Л.К. (1934 г. р.)

с. Биянка, 2003 г.

$\text{♩} = 162$

Ох ми - лы - е се - стри - - - чки

Ох бра - тек Ва - сю - - - - шка

Ох, сру - би - те - ка вы всё

Бе - лу - ю бе - рё... (о) - зынь - ку

За - ва - ли - те - ка вы та

Путь - до - ро... (о) - жень - ку

проявляется в обращении к освященным традицией природным звукоформам» [9, с. 105]. Это обусловило преобладание в артикуляционном комплексе *плачевой* составляющей. Громкому пению и крику, согласно народным представлениям, было свойственно магическое значение и способность оградить *свой* мир от злых сил. В *поминальных* причитаниях, «отделенных от критического рубежа между миром живых и миром мертвых пространственно-временной дистанцией, главное значение приобретают культурные компоненты этого комплекса – речь либо музыка» [9, с. 105], а также естественный тембр голоса.

Все записанные от калужских переселенцев с. Биянка похоронно-поминальные причитания исполняются на *один политекстовый напев* (Пример 1). Как правило, в каждой локальной традиции преобладает одна типовая интонационная модель, с которой соотносятся все похоронные причитания. Этот *напев-формула*, связанный со множеством причетных текстов несет *знаковую* функцию в обряде. Но, как отмечает Б.Б. Ефименкова, напев и слово имеют в причети неоднородные знаковые функции. В каждом локальном песенном стиле присутствуют одна либо две причетные мелодии, с которыми поются разнообразные тексты. «То, что *функционально* и *семантически* однозначный напев бытует со множеством текстов, помогает понять их соотношение в жанре. Напев — символ, знак сущности породивших его жизненных явлений; текст же в конкретном, единичном раскрывает характерное для своего времени осмысление функции напева. В противовес конвенциональности напева, слово в причети воплощает изменяющееся образное познание мира, отражает действительность в ее непрерывно эволюционирующих исторических, общественных формах» [2, с. 33].

На формульный напев «по мертвому» (Пример 1) в с. Биянка исполняются все тексты причитаний, сопровождающих важные моменты в похоронном обряде: сидение при покойнике, вынос гроба из дома, дорога на кладбище, погружение в могилу. Поминальные причеты также исполняются на этот политекстовый напев.

Немаловажной деталью в исполнении плачей является изменение высоты звучания причета в зависимости от стадии обряда. Как правило, с нарастанием драматизма в ритуале повышается и тесситура исполнения плачей. Это особенно ясно, когда причитания демонстрируются одной исполнительницей. Вышеприведенный фрагмент плача по матери (Пример 1) исполняется в период сидения у гроба покойной. Этот же причет в более драматичный момент обряда – вынос гроба из дома – в исполнении той же плачеи звучит выше (Пример 2).

В поминальных причетах, наоборот, тесситура понижается. Это связано, как уже говорилось, с отдаленностью от ритуала пространственно-временной дистанцией. Кроме того, в народной культуре существовала регламентация на исполнение причитаний. В связи с этим, чрезмерный плач по умершим, особенно в поминальный период, осуждался. Поэтому на кладбище сильно не голосили, а «причитывали», то есть причитали «потихоньку» (Пример 3).

Как видно из приведенных выше примеров, для плачевой традиции характерны устойчивые приемы исполнения: напряженное звучание и дрожание голоса, переходы на скандирование, прерывание пения глиссандирующими «сбросами» голоса, паузы, словообрывы, всхлипы, ферматы в конце каждой мелостроки.

Пример 3 [8]

Плач по детям (на кладбище, поминальный)

Зап. от Гальцовой А. И. (1933 г. р.)
С. Биянка, 2003 г.

♩ = 162

Ми - лы - е де - ту - шки шла я, то - ро - пи - ла - ся

А я ду - ма - ла, что, что встре - ти - тя ме - ня

На сво - ей уз - кой тро - пи... (и) - ноч - ке

С точки зрения ритмической организации местные похоронные причитания представляют собой тексты с нестабильной ритмической структурой, характерной для этого жанра. В них слоговой состав стиха и строение слогоритмического периода изменяется от строки к строке. При такой нестабильности главным формообразующим фактором являются фразовые акценты (начальное и последнее ударение). Ритмическую основу поэтических текстов составляет *тоническое* стихосложение: двухударный тонический стих. Количество слогов в начальном, среднем и конечном сегментах варьируется. Слоговую музыкально-ритмическую форму напева представляет сегментированный слогоритмический период с неравными сегментами. Сегментация напева соответствует сегментации стиха (пример 1):

			Ой	ми-лы-я ты мо	я
			Ой, кор	ми-ли-ца	ма-ту-шка
			Ой, за-рас	тут да все на-ши те-	перь
				Тро-пынь-ки, до-	ро-жень-ки

Все тексты похоронно-поминальных причитаний реализуются в стиховой форме.

Звуковысотный план причетных напевов характеризуется опорой на диатонические *трихорды* и *тетрахорды* (примеры 1, 2, 3). Характерный облик мелодии определяет волнообразное нисходящее движение от верхней границы звукового поля к нижней.

Таким образом, устойчивая форма взаимодействия на ритмическом и композиционном уровнях поэтического и музыкального компонентов образует *причетный тип*, характерный для данной локальной традиции.

Все причитания, выдержанные в форме монолога или лирического обращения, создавались от имени родственников умершего. Как правило, вербальный компонент плачей отражает все стадии похоронного ритуала.

Для текстов причитаний, сопровождающих первый этап ритуала (прощание) характерны речевые обороты, выражающие недоумение и растерянность родственников умершего:

Пример 4(1) Милыя ты моя доченька,
Да ни думала я етыва и ни гадала,
Да что ты мне ничто не сказала,
Да укатилась ты из моей горенки,
Красно солнушко...

(Огурцова М.Т., 1925 г. р.) [8]

(2) Закрылись-то, ох, мила мамынька,
Ох, твои ясны глазаыньки,
Ох, закрылись они, ох, моя милая,
Ох, они веки-навекы...
Ох, моя родима мамынька,

А моя миленька, ой, чего ты наделала?!

Ой, какова горюшка, ой, ты мне прибавила...

(Шубина М.Н., 1930 г. р.) [8]

Поэтическим оборотам плачей, сопровождающих вынос гроба из дома, присущи *символы движения* и *мотивы преграды пути*:

Пример 5(1) Ох, милые сестрички, ох, братик Васюшка,
Ступайте вы во чистое полюшко,
Ой, срубите-ка вы все белую березыньку,
Завалите-ка вы та путь-дороженьку,
Ой, не пускайте-ка вы все,
Ох, все кормилицу мамоньку...

(Шалдина Л.К., 1934 г. р.) [8]

(2) Ой, пойдешь-то ты, ой, мила мамочка,
Ой, путем-дороженькой,
Ой, не попадетс ли тебе,
Ой, мой папочка родименький,
Ой, скажи-ка ты ему от меня низкий поклон,
Ой, скажи-ка ты ему, ой, про мою жизнь,
Ой, про мою сиротскую...

(Шубина М.Н., 1930 г. р.) [8]

В причитаниях, комментирующих погребение гроба в могилу, звучат мотивы «новая горенка», «не воротишься»:

Пример 6(1) Выстроили тебе нову горенку,
Нова горенка без дверей, без окошечек,
Ничего-то ты теперь не видишь,
Голосочка-то мы твоего
теперь не услышим,
Походочки мы твоей больше не увидим
Не увидим мы твоих ясных глазонек,
Закопают тебя глубоко-глубочешенько...

(Шубина М.Н., 1930 г. р.) [8]

(2) Пойдешь ты, мой миленький,
В матушку-сыру-землю,
Ты уж отсель не воротишься,
Уйдешь ты, мой миленький,
Веки-навекы...

(Сырцева А.В., 1918 г. р.) [8]

Трагический контекст и эмоциональная напряженность плачей определила их поэтические особенности, обостряющие лирическое начало.

В похоронно-поминальных плачах используется прием *обращения*, характерный для традиционной народной лирической песни. В причетах оно направлено к умершему («милая ты моя доченька», «ох, моя родима мамынька», либо к родственникам покойного (пример 5(1)).

Для поэтики причитаний характерно множество *восклицательно-вопросительных конструкций, восклицательных частиц, синонимических* («ни думала, ни гадала», «путь-дороженька») и *тавтологических* («веки-навечи», «глубоко-глубошенько») повторов, сочетающихся с *синтаксическими повторами* (примеры 4, 5, 6).

В создании художественного мира причитаний важную роль играют *постоянные эпитеты* («родимая мамонька», «ясны глазоньки», «чисто полюшко», «белая березонька», «родименький папочка»). Мелодическому же эффекту речи способствуют *единоначатия (анафора)* и повторы однотипных по конструкции предложений (примеры 4, 5, 6). Для усиления эмоциональной окраски плачей также применяются *уменьшительно-ласкательные суффиксы* («доченька», «горюшко», «полюшко», «голосочек», «походочка», «глазоньки»).

Библиографический список

1. Смоленский музыкально-этнографический сборник. – М., 2003. – Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи [Текст, ноты].
2. Ефименкова, Б.Б. Севернорусская причеть. – М., 1981.
3. Алтшулер, М.С. Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование: дис. ... канд. искусствовед. – М., 2007.
4. Калужникова, Т.И. Песни горнозаводского Урала. – М., 1997.
5. Калужникова, Т.А. Песни старого Урала. Невьянский и Каменский районы Свердловской области / Т.А. Калужникова, М.А. Кесарева. – Екатеринбург, 2001.
6. Юровская, О.Л. Погребальный фольклорно-этнографический комплекс в традиционной культуре пензенских и калужских переселенцев Челябинской области // Четвертые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры: прошлое, настоящее, будущее»: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. – Челябинск, 2008. – Ч. 2.
7. Тэрнер, В. Символ и ритуал. – М., 1983.
8. Материалы фольклорной экспедиции в Катав-Ивановский район Челябинской области 1999-2003 гг. / сост. и расшифровка О.Л. Юровской [рукопись]. – Челябинск, 2013.
9. Калужникова, Т.И. Песенная традиция русского населения Среднего Урала: учеб. пособ. для студентов музыкальных вузов. – Екатеринбург, 2005.

Bibliography

1. Smolenskiy muzikaljno-ethnograficheskiy sbornik. – M., 2003. – T. 2: Pokhoronniy obryad. Plachi i pominalnihe stikhi [Tekst, notih].
2. Efimenkova, B.B. Severnoruskaya prichetj. – M., 1981.
3. Aljtshuler, M.S. Russkie pokhoronnihe prichitaniya. Vidi, formih, genezis, bihtovanie: dis. ... kand. iskusstvoved. – M., 2007.
4. Kaluzhnikova, T.I. Pesni gomozavodskogo Urala. – M., 1997.
5. Kaluzhnikova, T.A. Pesni starogo Urala. Nevjanskiy i Kamenskiy rayonih Sverdlovskoy oblasti / T.A. Kaluzhnikova, M.A. Kesareva. – Ekaterinburg, 2001.
6. Yurovskaya, O.L. Pogrebalniy folklorno-ethnograficheskiy kompleks v tradicionnoy kuljture penzenskikh i kaluzhskikh pereselencev Chelyabinskoy oblasti // Chetvertiye Lazarevskie chteniya: «Liki tradicionnoy kuljturi: proshloe, nastoyathee, buduthee»: materialih mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch. – Chelyabinsk, 2008. – Ch. 2.
7. Tehmer, V. Simvol i ritual. – M., 1983.
8. Materialih folklornoy ehkspedicii v Katav-Ivanovskiy rayon Chelyabinskoy oblasti 1999-2003 gg. / sost. i rasshifrovka O.L. Yurovskoy [rukopisj]. – Chelyabinsk, 2013.
9. Kaluzhnikova, T.I. Pesennaya tradiciya russkogo naseleniya Srednego Urala: ucheb. posob. dlya studentov muzihkalnihkh vuzov. – Ekaterinburg, 2005.

Статья поступила в редакцию 05.09.14

УДК 792.01, 37.013.41, 782

Belskaya Ye.V., Mergaliev D.M. SHAPING OF ACTING SKILLS IN REGARD TO THE CREATIVE WORK OF F. I. SHALYAPIN. The article is devoted to the creative work of the great Russian opera singer and actor Fyodor I. Shalyapin. This article describes some methods of work on a part and an artistic image that were used by Shalyapin. The researchers provide evidence of teaching an actor's skills and all the rest what an actor's needs meet. The author describes F. Shalyapin's great talent in art of creation of a tragic image, who had a fine taste and tactfulness.

Key words: Shalyapin's creative method, opera role, Russian opera.

Е.В. Бельская, доц. каф. академического хора АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: onir@agaki.ru;
Д.М. Мергалиев, канд. искусствовед., Казахский Национальный университет искусств, г. Астана, E-mail: Mergaliev_D@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ АКТЁРСКОГО МАСТЕРСТВА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ф.И. ШАЛЯПИНА

Статья посвящена творчеству великого русского оперного певца и актёра Ф.И. Шаляпина. В статье описаны некоторые методы работы над ролью и художественным образом, которыми пользовался Шаляпин. Обосновывается необходимость обучать творческому мастерству и всему тому, что соответствовало бы задаче артиста в искусстве, прежде всего, в искусстве трагического образа, на примере мастерства Ф.И. Шаляпина, который показывал высочайший класс артистизма, большой вкус и такт.

Ключевые слова: творческий метод Шаляпина, оперная партия, русская опера.

В феврале 2013 года исполнилось 140 лет со дня рождения великого русского артиста, гениального певца – Фёдора Ивановича Шаляпина. Его всегда угнетала мысль, что после его смерти, о нём быстро забудут. И, тем не менее, через три четверти века после ухода Шаляпина, его имя продолжает оставаться легендарным.

Могут ли современные студенты, которые постигают законы актёрского мастерства почти через 100 лет после того, как Шаляпин блистал на сценах оперных театров всего мира, чему-либо научиться у него? К сожалению, оперный спектакль очень недолговечное произведение искусства. Он существует здесь и сейчас. Потом остаётся только в памяти зрителей и в статьях театральных критиков.

Кроме грамофонных записей и воспоминаний современников осталось ещё литературное наследие Шаляпина – две замечательные книги: «Страницы из моей жизни» и «Маска и душа». Эти книги также свидетельствуют о том, насколько многогранным было дарование Шаляпина. Написанные великолепным языком, они читаются на одном дыхании. Читая их, начинаешь понимать, какой титанический, постоянный труд стоит за его сценическими триумфами и славой. Работа над художественным образом, над художественной правдой – эта работа происходила в его душе постоянно. Думается, что это основное, чему могут и должны учиться будущие актёры у гениального Шаляпина.

Шаляпин пел, когда техника грамофонных записей только набирала силу. В 20 – 30 годах прошлого столетия им было сделано около 300 грамзаписей. Техническое качество этих записей, к сожалению, таково, что сейчас невозможно в полной мере ощутить богатство и мощь таланта Шаляпина. Но в памяти людей остались созданные им образы оперного искусства. Для Шаляпина опера была самым совершенным инструментом для проявления его души. Опираясь на лучшие традиции национальной вокальной школы, Шаляпин открыл новую эпоху в мировом музыкальном театре.

Современные Шаляпину оперные спектакли не отвечали его художественным требованиям. Он называл это «лакированное убожество». Богатые и пышные костюмы и декорации, хорошо поющие певцы, «а всё как-то мёртво и изуроченно приторно» [1]. Шаляпин считал, что существующая школа пения не соответствует требованиям музыки таких композиторов, как Мусоргский и Даргомыжский. Она учит только технологии пения, а надо ещё учить «понимать психологию изображаемого лица..., надо бы учить людей понимать смысл произносимых ими слов, чувства, вызвавшие к жизни именно эти слова, а не другие» [1].

С 9 лет Шаляпин пел в церковных хорах, с 12 – начал участвовать в различных актёрских труппах, с которыми объездил города Поволжья, Кавказа, Средней Азии. Поэтому состояние оперного дела Шаляпин узнал очень хорошо. Оперные певцы, в лучшем случае, стремились умело и свободно двигаться по сцене, ограничиваясь общепринятыми оперными приёмами. Как правило, на оперной сцене было одно из двух: или изумительные голосовые средства при полном отсутствии игры, как у Мазини, Патти, или же то, что было у великолепного актёра-певца Стравинского, владевшего в совершенстве «игрой» при несовершенном голосе. И Шаляпин начал искать свой собственный путь.

Осенью 1895 года Шаляпин познакомился со знаменитым трагическим актёром Мамонтом Дальским и очень увлёкся его игрой. Стал постоянно ходить в Александринский театр, где внимательно следил за игрой первоклассных артистов. Он уже тогда мечтал стать не только хорошим певцом с красивым голосом, но и настоящим артистом, соединить вокальную сторону исполнения со сценическим воплощением образа, создавать характеры.

И Шаляпину удалось в своём творчестве удивительно органично соединить два важнейших начала оперного искусства – драматическое и музыкальное, подчинить свой трагедийный дар, уникальную сценическую пластику и глубокую музыкальность единому художественному замыслу.

Искусство Шаляпина перешагнуло национальные границы и повлияло на развитие мирового оперного театра. Многие западные дирижеры, артисты и певцы могли бы повторить слова итальянского дирижера и композитора Д. Гавадзени: «Новаторство Шаляпина в сфере драматической правды оперного искусства оказало сильное воздействие на итальянский театр... Драматическое искусство великого русского артиста оставило глубокий и непреходящий след не только в области исполнения русских опер итальянскими певцами, но и в целом, на всем сти-

ле их вокально-сценической интерпретации, в том числе произведений Верди».

Шаляпин не раз с болью говорил, что он не выполнил основного своего дела в жизни – не создал своего театра: «Я искренне думал и думаю, что мой талант, так великодушно признанный современниками, я наполовину зарыл в землю, что отпущено мне многое, а сделал я мало. Я хорошо пел, но где мой театр?» [2].

Да, Шаляпин не создал своего театра, но он совершил нечто гораздо большее. Он всем своим творчеством доказал, что музыкальному театру подвластны и драма, и трагедия. Именно трагедийный дар Шаляпина заставил весь мир сопереживать царю Борису, этому венценосному страдальцу, преступнику и несчастному человеку. Почти все его оперные образы трагичны. Трагичен Иоанн Грозный, погрязший в злобе, подозрительности и грехе, и сам же от них страдающий. Трагичен безумный Мельник, вызывающий сочувствие, как всякий человек, пораженный ударами судьбы. Трагичен мужественный Сусанин и трагичен в своей зависти Сальери. Шаляпина называли «оперный трагик». После его спектаклей никому в голову не приходило сказать о Шаляпине, как говорят о других прекрасных певцах, что «он изумительно взял верхнее *до*». Шаляпин открыл для последующих поколений оперных певцов и режиссёров новые перспективы, новые возможности.

Юношеские скитания с различными театральными труппами привели Шаляпина в Тифлис, где он встретил своего первого и единственного вокального педагога – Дмитрия Андреевича Усатова. Именно Усатов заставил Шаляпина всерьёз задуматься о театре, «научил чувствовать характер различных музыкальных произведений, наглядно обучил музыкальному восприятию и музыкальному выражению исполняемых пьес» [1].

Проучившись у Усатова немногим более года, молодой Шаляпин уезжает в Москву, в центр артистической жизни России. И уже весной 1895 года, в возрасте 22 лет, Шаляпин был зачислен в состав труппы Мариинского императорского театра в Петербурге.

Работая над той или иной ролью, Шаляпин постоянно советовался с М. Дальским, которому очень доверял. Именно Дальский указал ему на ошибку, которая тормозила развитие Шаляпина – актёра: «Интонация твоего персонажа фальшивая, – вот в чём секрет. Наставления и укоры, которые Мельник делает своей дочери, ты говоришь тоном мелкого лавочника, а Мельник – степенный мужик, собственник мельницы и угольщика» [2]. Важное средство было найдено: «Интонация! Не потому ли, – думал я, – так много в опере хороших певцов и так мало хороших актёров. Ведь, кто же умеет в опере просто, правдиво, и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека?» [2].

Каждый раз, когда Шаляпин пытался внести что-то новое в исполнение оперной партии, его останавливали режиссёры: «Что вы ещё разводите тут какую-то игру? Делайте, как установлено!». И больше, чем оперные режиссёры, Шаляпину мешала собственная неопытность. Пел он уже тогда прекрасно, но плохо владел своей фигурой, жестом. Его как будто стеснял высокий рост, он не знал, куда девать руки.

Весной 1896 года Шаляпин был приглашён на летние гастроли в оперную антрепризу С.И. Мамонтова в Нижний Новгород. Савва Иванович Мамонтов был меценатом из купеческой среды, создавший свой оперный театр. С ранней юности Савва Иванович проявлял огромный интерес к искусству, в частности, к музыкальному театру. В 1864 году Савва посетил Италию, где начал брать уроки пения. В 1885 году организовал частную оперную труппу. Два десятилетия (1870—1890 гг.) имение Мамонтовых Абрамцево было центром художественной жизни России. Здесь подолгу жили и работали русские художники: И.Е. Репин, В.М. Васнецов, В.А. Серов, М.А. Врубель, М.В. Нестеров, К.А. Коровин.

Мамонтов вкладывал в театр огромные деньги. У этого оперного театра было своё художественное лицо. С.И. Мамонтов привлекал в свой театр всех молодых более или менее одарённых людей % художников, композиторов, певцов, балетных артистов. Чутьё Мамонтова на талантливых людей было фантастическое. В эту творческую и доброжелательную атмосферу и попал Шаляпин. Именно в театре Мамонтова полностью раскрылось огромное дарование Шаляпина. Мамонтов окружил Шаляпина людьми высочайшей культуры и одарённости. Вас-

нецов, Серов, Врубель, Коровин всячески помогали Шаляпину развивать художественный вкус. Они давали советы, снабжали различными историческими материалами. Постепенно Шаляпин начал верить в себя и в свой талант.

Успех Шаляпина в Нижнем был громаден. О Шаляпине заговорили и Москва, и Петербург. Мамонтов убедил Шаляпина оставить императорскую сцену и перейти к нему, в Москву. Через два года Мамонтовская опера приехала на гастроли в Петербург. И петербургская публика увидела, что молодой и неопытный певец Шаляпин превратился в величайшего мастера, достигнувшего вершин не только в вокальном искусстве, но и в актёрском мастерстве.

Савва Иванович сам занимался с Шаляпиным. Он показывал, как надо петь то или иное место партии, как ставить верхние ноты, делал замечания по дыханию. Перед премьерой оперы Шарля Гуно «Фауст» Мамонтов проработал с Шаляпиным каждую мизансцену из партии Мефистофеля. Савва Иванович представлял Мефистофеля торжествующим заранее свою победу над человеком, издевающимся над всеми лучшими проявлениями человеческой души. Шаляпин жадно впитывал все указания режиссёра – короткие, яркие, чрезвычайно доходчивые. Мамонтов учил Шаляпина, как надо подходить к работе над той или иной партией, как надо прочувствовать музыкальный образ, созданный композитором, говорил, что для сценического воплощения этого образа следует пользоваться всеми доступными историческими и художественными материалами. Чем больше актёр будет знать о своём персонаже, о том времени, в котором живёт этот персонаж, тем правдивее будет воплощаемый на сцене образ. Но все эти знания, правильно выученная музыка должны быть *«одухотворены чувством и воображением. Значит искусство пения нечто большее, чем блеск bel canto»* [2].

Репетиционный процесс в Частной опере Мамонтова проходил совершенно иначе, чем в других оперных театрах страны. Все артисты, даже незанятые в очередной постановке, не пропускали ни одной репетиции. Перед каждой новой постановкой Мамонтов собирал всех участников и сам детально знакомил их с музыкой новой оперы. Это сопровождалось объяснениями, по ходу которых он касался эпохи, стиля, художественной стороны произведения, либретто. Художники, привлечённые к постановке, знакомили исполнителей с замыслами в части сценографии. На таких предварительных беседах присутствовала вся труппа, включая хор. В такую творческую атмосферу, созданную неисчерпаемой энергией режиссёра, Шаляпин попал впервые, и она захватила его целиком. Шаляпин начал понимать, как много ему недостаёт, чтобы стать культурным, полноценным артистом-певцом. Он стал больше читать, знакомиться с классической литературой, живописью.

Шаляпин обладал колоссальной работоспособностью. Постепенно он выработал свою методику разучивания той или иной оперной партии. *«Я читаю партитуру и спрашиваю себя: что это за человек? Хороший или дурной, добрый или злой, умный, глупый, честный, хитрюга? Или сложная смесь всего этого? Если произведение написано с талантом, то оно ответит на мои вопросы с полной ясностью... Если слова характерные, если звуки выразительные, если действие осмысленное, то образ интересующего меня лица уже нарисован. Он стоит в произведении готовый, – мне только надо правильно его прочитать. Для этого я должен выучить не только свою роль, – все роли до единой. ... Прежде всего, не зная произведения от первой его ноты до последней, я не могу вполне почувствовать стиль, в котором оно задумано и исполнено, – следовательно, не могу почувствовать вполне и стиль того персонажа, который меня интересует непосредственно. Затем*

полное представление о персонаже я могу получить только тогда, когда внимательно изучил обстановку, в какой он действует, и атмосферу, которая его окружает. Окажется, что как будто малозначительная фраза маленького иногда персонажа – какого-нибудь «второго стража» у дворцовых ворот – неожиданно осветит важное действие, развивающееся в парадной зале или интимной опочивальне дворца.... Если персонаж вымышленный, творение фантазии художника, я знаю о нём всё, что мне нужно и возможно знать из партитуры, – весь в этом произведении. Иное дело, если персонаж – лицо историческое. В этом случае я обязан обратиться ещё к истории. ... из знания истории я всё-таки извлекаю какие-то оттенки игры, которые иначе отсутствовали бы» [2].

О способности Шаляпина к перевоплощению ходили легенды. Вот что рассказывает С.Ю. Левик, его партнёр по спектаклю «Борис Годунов»: «Во время одного из представлений «Бориса Годунова» мы, несколько участников спектакля и гостей, сидели у Шаляпина в уборной. У него в тот день был какой-то семейный праздник, и в его уборной находился кое-кто из членов семьи. Фёдор Иванович был в чудесном настроении, угощал всех фруктами и без конца болтал. ... Но вот прозвучал третий звонок, возвещавший об окончании антракта. Шаляпин оборвал рассказ на полуслове и вместе со стулом резко повернулся к зеркалу, чтобы проверить грим. Взгляд, которым он на всех посмотрел, был красноречивей всякой... метлы. Мы, разумеется, улетучились. Я вышел в фойе, но застрял в двух шагах от открытой двери его уборной. Шаляпин два каких-то штриха на лице, медленно и величественно поднялся и пошёл на сцену. Я вздрогнул: на меня двигался царь Борис. Ничего от недавнего балагура-шармёра не осталось ни в глазах, ни в складках рта, ни в поступи... Двигалась громадина, полная мощи, власти, какой-то грозовой силы. Проходя мимо, он меня буквально насковоз проколол взглядом, как будто в первый раз увидел. Я не любитель гиперболических образов, но, право же, его взгляд сверкнул как молния. «Позвольте, – хотел я сказать, – это же я, баритон имярек». Но я ничего не сказал, я понял, в чём дело: это не Шаляпин увидел человека, а царь Борис увидел своего потенциального врага – католического иезуита Рангони» (Воспоминания о Ф.И. Шаляпине) [3].

Естественно, постоянная внутренняя работа, цепкая наблюдательность, восприимчивость, огромный интеллект помогали Шаляпину воплощать всё, что он задумывал. Но каждое предлагаемое музыкальными и сценическими задачами событие он глубоко переживал. Шаляпин прекрасно знал, что сила впечатления может быть обратно пропорциональна количеству затрачиваемых средств: нежное, еле слышимое, но насыщенное чувством слово может иногда звучать трагичней голосового грохота; хитрая улыбка одними углами губ может ранить куда язвительнее рокошущего хохота. Дело было в гениальных соотношениях света и тени, а главное в мере его вживания во внутренний мир создаваемого образа.

Спустя 76 лет после его кончины, у Шаляпина надо учиться всему тому, что соответствовало бы задаче артиста в искусстве, и прежде всего в искусстве трагического образа, где Шаляпин показывал высочайший класс артистизма, большой вкус и такт: *«Недавно тут я получил письмо из студии имени Шаляпина. Просят моральной поддержки. Не знаю, что им ответить... «Работайте, любите искренно прекрасное и сами будьте сияющими чистотой и красотой – вытравите из сердца зависть и ненависть и поймите, что природа хочет для искусства его избранных. Это поймите всей глубиной сердца и тогда идите вперёд с энергией и силой духа» – вот, что я могу сказать, но в утешение ли это?»* (Из письма к дочери И.Ф. Шаляпиной) [4].

Библиографический список

1. Шаляпин, Ф.И. Страницы из моей жизни. – М., 1977. – Т. 1.
2. Шаляпин, Ф.И. Маска и душа. – М., 1977. – Т. 1.
3. Воспоминания о Ф.И. Шаляпине. – М., 1977. – Т. 2.
4. Шаляпин, Ф.И. Письма. – М., 1977. – Т. 1.

Bibliography

1. Shalyapin, F.I. Stranich iz moyey zhizni. – M., 1977. – T. 1.
2. Shalyapin, F.I. Maska i dusha. – M., 1977. – T. 1.
3. Vospominaniya o F.I. Shalyapine. – M., 1977. – T. 2.
4. Shalyapin, F.I. Pisma. – M., 1977. – T. 1.

УДК 378.147

Mergaliev D.M., Akparova G.T., Aikina L.P. ADDRESSING THE CHALLENGES OF COLLECTIVE MUSIC PLAYING IN ORCHESTRA CLASS. The article discusses the features of organization of an educational process in an orchestral group, aimed at solving problems of collective music playing. The authors examine the importance of combination of forms of training individually, in a large group, in a small-numbered group.

Key words: orchestra class, professional skills of a performing musician, ensemble performance.

Д.М. Мергалиев, канд. искусствоведения, Казахский Национальный университет искусств, г. Астана, E-mail: Mergaliev_D@mail.ru; **Г.Т. Акпарова**, канд. искусствоведения, доц., Казахский Национальный университет искусств, г. Астана, E-mail: gakparova@mail.ru; **Л.П. Айкина**, канд. пед. наук, доц. АГАКИ, E-mail: ajk-lyubov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ КОЛЛЕКТИВНОГО МУЗИЦИРОВАНИЯ В ОРКЕСТРОВОМ КЛАССЕ

В статье рассматриваются особенности организации учебно-воспитательного процесса в оркестровом классе, направленные на решение проблем коллективного музицирования, анализируется важность сочетания индивидуальных, мелкогрупповых и групповых форм обучения.

Ключевые слова: оркестровый класс, профессиональное мастерство музыканта-исполнителя, ансамблевое исполнительство.

В обучении высококвалифицированных инструменталистов-исполнителей, в подготовке их к дальнейшей профессиональной деятельности важная роль отводится оркестровому классу, как учебной дисциплине. Во время репетиций оркестрового класса решаются широкий круг задач: формирование у студента широкого художественного и музыкального кругозора, совершенствование исполнительской культуры, работа над интонацией, изучением штрихов, звукоизвлечением и фразировкой, работа над балансом звучания в оркестровых группах и балансом между группами оркестра в сочинениях композиторов различных стилей и эпох, практика взаимодействия с дирижёром, привитие навыков исполнения в оркестровых пьесах солирующих партий и многое другое.

Совместная игра отличается от сольной прежде всего тем, что и общий план и все детали интерпретации являются плодом раздумий и творческой фантазии не одного, а нескольких исполнителей и реализуются они их объединёнными усилиями [1].

Умение играть с одним или несколькими партнерами – очень важная сторона профессионального мастерства оркестранта, поскольку сольное выступление артиста (без аккомпанемента, без партнеров) возможно лишь в очень ограниченных сферах инструментальной деятельности. Кроме того, оркестровое исполнение по сравнению с ансамблевым нередко бывает более привлекательным для слушателей, поскольку оркестр обладает значительно большими красочными и динамическими возможностями, для оркестрового исполнения доступно гораздо большее применение разнообразных приемов игры, широкое использование самых различных тембровых и гармонических соединений инструментов.

Столь широкий круг задач требует и специальной организации учебно-воспитательного процесса в коллективе, позволяющей решать поставленные задачи комплексно.

Важнейшим условием организации процесса обучения игре на музыкальном инструменте являются индивидуальные занятия. Они служат основой совершенствования исполнительского мастерства и творческого роста не только в рамках специального класса, но и являются базой подготовки студентов в качестве участников оркестра как на начальном этапе становления коллектива как художественно-исполнительской единицы, так и в последующее время, когда оркестр достигнет определенных художественных результатов. Учитывая, что правильная организация индивидуальных занятий является важным условием, обеспечивающим эффективность воспитательного процесса в оркестре, руководитель исполнительского коллектива должен включить в расписание дни и часы проведения индивидуальных занятий с каждым студентом-оркестрантом, ставя перед ним определенные учебные и исполнительские задачи, которые студент решает позднее, во время, запланированное на самостоятельные репетиционные и учебные занятия. Индивидуальные занятия с руководителем оркестрового коллектива позволяют

достичь единства в оркестровом звучании, так как студентам – оркестрантам должны быть понятны требования и методы преподавания руководителя оркестра. Только в этом случае оркестр заиграет на более профессиональном уровне.

Самостоятельная работа студентов представляет собой значительную часть учебно-воспитательного процесса подготовки оркестрантов в плане овладения ими навыками музыкально-исполнительского искусства. Ведь от того, насколько успешно осваивает каждый студент исполнительское мастерство, зависит в целом творческий рост оркестра, его исполнительское мастерство. Для этого необходимо уделять большое внимание организации самостоятельной работы музыкантов.

Существенную помощь в адаптации новых участников оркестрового коллектива к общему исполнительскому уровню помогает практика прикрепления более подготовленных студентов к вновь поступившим. Они могут оказывать весьма плодотворную помощь в овладении навыками игры на инструменте, объяснить особенности трактовки тех или иных музыкально-выразительных средств в исполнявшихся ранее произведениях.

Безусловно, большое значение в учебно-воспитательной работе оркестровых коллективов приобретают групповые занятия. В начальный период рекомендуется вести отдельно, по партиям или по группам, то есть сначала необходимо проработать музыкальный материал с каждой партией отдельно, например, с домбрами-тенорами, с домбра-примой, шертерами и басами, затем с кобызовыми инструментами и точно так же с сыр-наями (баяны). Нередки ситуации, когда требуются отдельные занятия даже с ударными инструментами, особенно, если их много. При встречающихся технических сложностях руководитель должен объяснить студентам-оркестрантам их суть, показать особенности исполнения, а затем отработать с группой, постепенно устраняя недостатки в исполнении. Таким образом, музыкальный материал каждой партии оркестра разучивается отдельно, пока он не будет хорошо усвоен.

По мере того, как участники овладевают навыками игры на инструменте, осваивают музыкальное произведение, будет целесообразным объединить исполнителей в небольшие ансамбли, приучая к совместной, коллективной игре.

Как правило, после мелкогрупповых занятий с отдельными партиями общие репетиции становятся намного продуктивнее, идут быстрее и позволяют решить поставленные исполнительские задачи.

Практика показывает, что самым распространенным недостатком оркестров является посредственное качество звучания. Безусловно, многое зависит и от качества самих инструментов. Но чаще всего причина этого явления заключается в том, что не все руководители, особенно не имеющие специальной подготовки, уделяют достаточное внимание, как настройке инструментов, так и развитию исполнительских навыков, умений правильного прочтения и интерпретации нотного текста.

Именно эти задачи должны лежать в основе групповых занятий. Руководителю необходимо в процессе работы с оркестром регулярно следить и корректировать строй отдельных инструментов, поскольку воспитание у музыкантов навыков качественной игры является одним из важнейших моментов работы в оркестре. Поэтому желательно с первых занятий необходимо приучать студентов-оркестрантов самостоятельно настраивать инструмент.

Основной задачей, как на индивидуальных, так и на групповых занятиях в процессе работы над музыкальными произведениями является совершенствование исполнительского мастерства студентов-оркестрантов, формирование навыков чистоты исполнения, темповой и ритмической слаженности (коллективности исполнения), динамической гибкости, точности в передаче различных штрихов, технической беглости и т.д. [2]. Важно

студентов-оркестрантов приучать к труду, работоспособности, повышать их мотивацию в решении исполнительских задач, добиваться систематичности и целеустремленности в самостоятельной подготовке. Требовательность к самому себе нужно воспитывать у студентов всегда, ведь преодолевать трудности мы сможем тогда, когда будем требовательны к себе.

Таким образом, особенностью организации образовательного процесса в оркестровом классе являются комплексность и многообразие учебно-воспитательных задач: от достижения исполнителями точности в темпе, ритме, штрихах, динамике, агогике, специфике тембрового звучания до воспитания чувства ответственности за качество освоения собственной партии. Решение этих задач способствует созданию единства и целостности музыкально-художественного образа исполняемого произведения.

Библиографический список

1. Готлиб, А. Основы ансамблевой техники. – М., 1971.
2. Кузнецов, В. Работа с самостоятельными эстрадными оркестрами и ансамблями. – М., 1986.

Bibliography

1. Gotlib, A. Osnovih ansamblevoyj tekhniki. – M., 1971.
2. Kuznecov, V. Rabota s samodeyatelnymi ehstradnymi orkestrami i ansamblyami. – M., 1986.

Статья поступила в редакцию 24.08.14

Раздел 5

МЕДИЦИНА

Редактор раздела:

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЧУХРОВА – доктор медицинских наук, профессор, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)

УДК 617.582-089

Gribanov N.I., Kazanin K.S., Shpakovskiy M.S., Basov A.V., Kalashnikov V.VI., Kalashnikov V.V. EXPERIENCE IN TREATMENT OF FEMORAL NECK FRACTURES BY BIOACTIVE CALCIUM AND PHOSPHATE COATED CANNULATED SCREWS. Fractures of the femoral neck in 21 patients were treated with minimally invasive method of osteosynthesis with the help of bioactive calcium and phosphate coated cannulated screws. The research analyzes long-term results after osteosynthesis in terms of 1 to 1.5 year after the surgery. The fusion of fractures is received in 18 (85.7%) cases, nonunion – in 3 (14.3%) cases. The dependence of the functional outcome on the age of patients is revealed. The average age of the patients with poor a outcome was 78.2, a with satisfactory result – 73.1, with a good result – 70.1, with an excellent result – 65.5. Osteosynthesis of fractures of the femoral neck with the use of bioactive calcium and phosphate coated cannulated screws can achieve better functional results and fracture union at an earlier date.

Key words: fracture; femoral neck, osteosynthesis, cannulated screws, calcium phosphate coating.

Н.И. Грибанов, клинический ординатор, ГБОУ ВПО «КемГМА Минсоцразвития», г. Кемерово, E-mail: Shadow_nike@mail.ru; **К.С. Казанин**, канд. мед. наук, доц., ГБОУ ВПО «КемГМА Минсоцразвития», г. Кемерово, E-mail: k.kazanin@mail.ru; **М.С. Шпаковский**, аспирант, ГБОУ ВПО «КемГМА Минсоцразвития», г. Кемерово, E-mail: 89049940660@rambler.ru; **А.В. Басов**, врач-травматолог, МБУЗ ГКБ №3 им. М.А. Подгорбунского, г. Кемерово, E-mail: kemerovo@mail.ru; **В.Вл. Калашников**, ст. ординатор отделения травматологии МБУЗ ГКБ №3 им. М.А. Подгорбунского г. Кемерово, E-mail: Kalashnikov@mail.ru; **В.В. Калашников**, зав. отделением травматологии МБУЗ ГКБ №3 им. М.А. Подгорбунского г. Кемерово, E-mail: Kalashnikov@mail.ru

ОТЫТ ЛЕЧЕНИЯ ПЕРЕЛОМОВ ШЕЙКИ БЕДРЕННОЙ КОСТИ КАНГУЛИРОВАННЫМИ ВИНТАМИ С КАЛЬЦИЙФОСФАТНЫМ ПОКРЫТИЕМ

При переломах шейки бедренной кости у 21 пациента был выполнен малоинвазивный остеосинтез кангулированными винтами с кальцийфосфатным покрытием. Проанализированы отдаленные результаты после остеосинтеза в сроки от 1 года до 1,5 лет после операции. Сращение перелома наблюдалось в 18 (85,7%) случаях, формирование ложного сустава – в 3 (14,3%) случаях. Выявлена зависимость отдаленного функционального результата от возраста пациентов. Средний возраст больных с неудовлетворительным результатом составил 78,2 года, с удовлетворительным результатом – 73,1 года, с хорошим результатом – 70,1 лет, с отличным отдаленным результатом – 65,5. Остеосинтез переломов шейки бедренной кости биоактивными имплантатами с кальцийфосфатным покрытием позволяет добиться лучших функциональных результатов и сращения перелома в более ранние сроки.

Ключевые слова: переломы, шейка бедра, остеосинтез, кангулированные винты, кальцийфосфатное покрытие.

Число переломов шейки бедренной кости в мире непрерывно увеличивается, особенно в развитых странах, связано это с возрастающей продолжительностью жизни населения [1; 2].

Остеопороз служит основной причиной переломов костей у лиц пожилого возраста, и одно из самых тяжелых осложнений при остеопорозе – переломы шейки бедренной кости [3; 4].

Лечение переломов этой локализации является наиболее затратным и в то же время менее успешным: уровень смертности и инвалидизации пациентов при них выше, чем при других переломах [4].

Лечение переломов проксимального отдела бедренной кости имеет ряд особенностей и представляет собой серьезную социально-экономическую проблему. Особенности лечения обусловлены возрастом пациентов, сопутствующей соматической патологией, остеопорозом.

Даже в настоящее время, несмотря на наличие широкого выбора имплантов для остеосинтеза переломов шейки бедренной кости, частота развития неудовлетворительных функциональных результатов лечения остается достаточно высокой: частота несращения 11,1-51,1%, асептического некроза головки бедра 6,1-43%, инвалидности 36,7% [5; 6; 7].

В настоящее время разрабатываются покрытия на основе кальцийфосфатов, наносимые на поверхность титановых имплантатов электрохимическим методом. Предполагается, что такие покрытия имеют не только высокие прочностные характеристики, но и способны к интеграции с костной тканью. Другими словами, если в случае использования биоинертных покрытий мы имели их способность только к механической фиксации, то КФ покрытия переводят эту способность на качественно новый уровень – к биологической фиксации [8].

По сравнению с имплантатами без биокерамики, эти покрытия показали более раннюю (через 6 недель), так и более позднюю (более года) фиксацию имплантата с костной тканью. Так же увеличивалась степень остеоинтеграции, препятствуя росту фиброзного слоя [9].

По данным литературы, КФ покрытия способны улучшать взаимодействие поверхности имплантатов с костной тканью, особенно на ранние сроки после остеосинтеза [10].

Система «имплант + биосовместимое покрытие» способна объединить высокие механические свойства материала основы и качества покрытия, позволяющие импланту быть максимально приближенным к свойствам костной ткани. Вследствие последнего, использование фиксаторов с КФ покрытием, является актуальной задачей [11].

Поводом для проведения исследования стало отсутствие данных об использовании фиксаторов с кальцийфосфатным напылением в лечении переломов шейки бедренной кости.

Цель исследования – улучшить результаты остеосинтеза шейки бедренной кости путем применения имплантов с КФ покрытием, оценить рентгенологический и функциональные результаты, их связь между собой и проанализировать исходы лечения.

Материалы и методы исследования. На базе травматологического отделения Кемеровской Городской Клинической Больницы № 3 им. М.А. Подгорбунского с 2012 по 2014 годы включительно находилось на лечении 233 пациента с переломами шейки бедренной кости (код МКБ – 10 S72.0). Из госпитализированных пациентов 124 (53,2%) человека пролечено оперативными методами. Возраст пострадавших с данной патологией составил от 15 до 94 лет, средний возраст – 63,3 года. Сопутствующая соматическая патология, требующая коррекции, выявлена у 169 (72,5%) пациентов. Преобладала патология сердечно-сосудистой, эндокринной систем и системы дыхания. Наиболее часто обращались пациенты в возрасте от 65 до 83 лет (67,7 %). При изучении механизма травмы выявлено, что большая часть переломов (от 92% до 96% в разные годы исследуемого периода) была связана с минимальной травмой – падение с высоты собственного роста.

Переломы у пациентов в возрасте до 50 лет чаще встречаются у мужчин и происходят в результате высокоскоростной травмы (падение с высоты, автодорожная травма).

При переломах шейки бедренной кости у 119 пациентов был выполнен малоинвазивный остеосинтез каннулированными винтами, из них 21-му пациенту проведена фиксация с помощью каннулированных винтов с КФ покрытием. Остеосинтез в среднем выполнялся на 5,6 сутки после травмы, из них на предоперационную подготовку и коррекцию сопутствующей соматической патологии уходило в среднем 3,7 суток.

Контрольная рентгенография проводилась на следующий день после операции, через 3, 6, 12 месяцев и более поздние сроки. В сроки через 6 месяцев проводилась компьютерная томография.

Отдаленные результаты прослежены в сроки от 1 года до 1,5 лет после операции. Проводились клиническое и рентгенографическое обследование. При рентгенографии оценивалось состояние суставной щели, конгруэнтность суставных поверхностей, наличие сращения перелома и при наличии сращения оценивалась степень укорочения шейки бедра.

Для качественной оценки укорочения мы использовали методику предложенную M. Zlowodzki et al. [12]. Укорочение разделено на три категории: нет/незначительное (в пределах 5 мм), умеренное (5 – 10 мм) и значительное (>10 мм). Наиболее ранняя рентгенограмма перелома шейки бедра в прямой проекции была сравнена с рентгенограммой противоположенного бедра в прямой проекции. Укорочение было измерено на всех послеоперационных рентгенограммах в сравнении со здоровым бедром.

Для комплексной оценки функционального состояния тазобедренного сустава в отдаленном периоде использовали опросник Harris Hip Score [13], который включал такие пункты как: болевой синдром, хромота, использование дополнительной опоры, использование общественного транспорта, подъем по лестнице, самообслуживание, объем движений в тазобедренном суставе. Качественные признаки представлены в работе в виде абсолютной величины и относительной частоты (%).

Результаты и их обсуждение. Результаты после остеосинтеза шейки бедра каннулированными винтами с КФ покрытием прослежены у 21 (100%) больных в сроки от 1 года до 1,5 лет

после операции. После остеосинтеза каннулированными винтами с КФ покрытием сращение перелома наблюдалось в 18 (85,7%) случаях, формирование ложного сустава – в 3 (14,3%) случаях.

Отличные и хорошие результаты получены у 17 (80,9%) больных, удовлетворительные и неудовлетворительные у 4 (19,1%) больных.

Сращение перелома без укорочения наблюдалось в 3 (14,2%), незначительное укорочение выявлено у 5 (23,8%) больных, умеренное у 10 (47,6%) больных и значительное укорочение у 3 (14,2%) больных. Средний возраст больных с неудовлетворительным результатом составил 78,2 года, с удовлетворительным результатом – 73,1 года, с хорошим результатом – 70,1 лет, с отличным отдаленным результатом – 65,5 лет.

При переломах типа Pauwels I отличный функциональный результат получен у 66,7% больных, хороший результат получен у 33,3% больных. Удовлетворительных и неудовлетворительных результатов получено не было. При переломах типа Pauwels II отличный результат получен у 55,3% больных, хороший – 44,7% больных. Удовлетворительных и неудовлетворительных результатов получено не было. При переломах типа Pauwels III отличных результатов получено не было, хороший результат получен у 21,1% больных, удовлетворительный – у 37,7% больных, неудовлетворительный – у 41,2% больных.

При переломах типа Garden I отличный результат был получен у 58,6% больных, хороший – 41,4% больных. Удовлетворительных и неудовлетворительных результатов получено не было. При переломах типа Garden II отличный результат был получен у 39,9% больных, хороший – 40,1% больных, удовлетворительный – у 20% больных. Неудовлетворительных результатов получено не было. При переломах типа Garden III хороший результат получен у 19,8% больных, удовлетворительный – у 44,6% больных, неудовлетворительный – у 35,6% больных. Отличных результатов получено не было. При переломах типа Garden IV хороший результат получен у 19,8% больных, удовлетворительный – у 22,3% больных, неудовлетворительный – у 57,9% больных. Отличных результатов получено не было.

Средний возраст больных с неудовлетворительным результатом составил 78,2 года, с удовлетворительным результатом – 73,1 года, с хорошим результатом – 70,1 лет, с отличным отдаленным результатом – 65,5 лет.

Средний срок с момента травмы до операции у пациентов с неудовлетворительными результатами составил 7,6 суток, с удовлетворительным результатом – 6,3 суток, с хорошими результатами – 4,8 суток, с отличными результатами – 3,2 суток.

После остеосинтеза 3 каннулированными винтами сращение перелома получено в 85,7% случаев. Ложный сустав шейки бедра получен у 14,3% больных после остеосинтеза переломов типа Pauwels 3, Garden IV. Данные типы переломов, на наш взгляд, являются показанием к проведению эндопротезирования тазобедренного сустава.

Отдаленный функциональный результат от давности травмы не зависел.

Выявлена зависимость отдаленного функционального результата от возраста пациентов. Средний возраст больных с неудовлетворительным результатом составил 78,2 года, с удовлетворительным результатом – 73,1 года, с хорошим результатом – 70,1 лет, с отличным отдаленным результатом – 65,5.

Отказ в оперативном лечении производился только тем пациентам, кому оперативное лечение категорически противопоказано из-за тяжелой сопутствующей соматической патологии.

При переломах шейки бедренной кости успешным исходом, на наш взгляд, следует считать не только анатомическое сращение, но и достижение минимального уровня нарушений биомеханики шага, хромоты и потребности в дополнительной опоре, что в свою очередь зависит от степени укорочения шейки бедра.

Таким образом, при остеосинтезе шейки бедренной кости необходимо стремиться не только к достижению сращения перелома, но и к положительному функциональному результату.

Выводы

1. Остеосинтез переломов шейки бедренной кости биоактивными имплантатами с кальцийфосфатным покрытием позволяет добиться лучших функциональных результатов и сращения перелома в более ранние сроки.

2. После остеосинтеза шейки бедренной кости сращение перелома не должно расцениваться как успешный исход лечения без исследования отдаленного функционального результата.

Библиографический список

1. Лазарев, А.Ф. Особенности эндопротезирования при переломах шейки бедренной кости / А.Ф. Лазарев, Э.И. Солод, А.О. Парозин [и др.] // Эндопротезирование в России. – 2007. – Вып. 3.
2. Cummings, S.R Risk factors for hip fractures in white women. Study of Osteoporotic Fractures Research Group / S.R. Cummings, M.C. Nevitt // N. Engl. J. Med. – 1995. – Vol. 322.
3. Макаров, М.А. Влияние структурных особенностей проксимального отдела бедренной кости на риск развития переломов шейки бедра при остеопорозе / М.А. Макаров, С.С. Родионова // Остеопороз и остеопатии. – 2000. – № 1.
4. Цейтлин, О.Я. Распространенность переломов проксимального отдела бедренной кости в группе повышенного риска в г. Чапаевске / О.Я. Цейтлин, А.Ф. Вербовой // Остеопороз и остеопатии. – 2001. – № 2.
5. Ankin, N.L. Osteosintez i ehndoprotezirovaniye pri perelomakh sheyki bedra / N.L. Ankin // Vestn. travmatologii i ortopedii. – 1997. – № 2.
6. Popsuyishapka, A.K. Napryazhenie v konstrukcii «otlomki–fiksator» pri osteosinteze sheyki bedrennoy kosti razlichnymi ustroystvami / A.K. Popsuyishapka, E.A. Pobel // Ortopediya, travmatologiya i protezirovaniye. – 2006. – № 2.
7. Hudson, J.I. Eight-year outcome associated with clinical options in the management of femoral neck fractures / J. I. Hudson, J. E. Kenzora, J.R. Hebel // Clin. Orthop. – 1998. – № 348.
8. Карлов, А.В. Системы внешней фиксации и регуляторные механизмы оптимальной биомеханики / А.В. Карлов, В.П. Шахов. – Томск, 2001.
9. Karlov, A.V. Osteoinductive and osteoconductive properties of composite coating applied by different methods / A. V. Karlov, V. P. Shakhov, V. I. Vereshagin // Medical & Biological Engineering & Computing. – 1999. – Vol. 37, suppl. 2.
10. Yoshikawa, H. Interconnected porous hydroxyapatite ceramics for bone tissue engineering / H. Yoshikawa, N. Tamai, T. Murase // J. R. Soc. Interface. – 2009. – Vol. 6 (Suppl. 3).
11. Сурменев, Р.А. Формирование биосовместимых кальций-фосфатных покрытий методом высокочастотного магнетронного распыления: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. – Томск, 2008.
12. Zlowodzki, M. Femoral shortening after fracture fixation with multiple cancellous screws: incidence and effect on function / M.O. Zlowodzki, Ayeni, B.A. Petrisor // J Trauma. – 2008. – Vol. 64.
13. Harris, W.H. Traumatic arthritis of the hip after dislocation and acetabular fractures: treatment by mold arthroplasty. An end-result study using a new method of result evaluation / W.H. Harris // J Bone Joint Surg Am. – 1969. – Vol. 51A. – № 4.

Bibliography

1. Lazarev, A.F. Osobennosti ehndoprotezirovaniya pri perelomakh sheyki bedrennoy kosti / A.F. Lazarev, Eh.I. Solod, A.O. Ragozin [i dr.] // Ehndoprotezirovaniye v Rossii. – 2007. – Vihp. 3.
2. Cummings, S.R Risk factors for hip fractures in white women. Study of Osteoporotic Fractures Research Group / S.R. Cummings, M.C. Nevitt // N. Engl. J. Med. – 1995. – Vol. 322.
3. Makarov, M.A. Vliyanie strukturnykh osobennostey proksimal'nogo otdela bedrennoy kosti na risk razvitiya perelomov sheyki bedra pri osteoporoze / M.A. Makarov, S.S. Rodionova // Osteoporoz i osteopatii. – 2000. – № 1.
4. Ceytlin, O.Ya. Rasprostranennost' perelomov proksimal'nogo otdela bedrennoy kosti v grupe povyshennogo riska v g. Chapayevske / O.Ya. Ceytlin, A.F. Verbovoy // Osteoporoz i osteopatii. – 2001. – № 2.
5. Ankin, N.L. Osteosintez i ehndoprotezirovaniye pri perelomakh sheyki bedra / N.L. Ankin // Vestn. travmatologii i ortopedii. – 1997. – № 2.
6. Popsuyishapka, A.K. Napryazhenie v konstrukcii «otlomki–fiksator» pri osteosinteze sheyki bedrennoy kosti razlichnymi ustroystvami / A.K. Popsuyishapka, E.A. Pobel // Ortopediya, travmatologiya i protezirovaniye. – 2006. – № 2.
7. Hudson, J.I. Eight-year outcome associated with clinical options in the management of femoral neck fractures / J. I. Hudson, J. E. Kenzora, J.R. Hebel // Clin. Orthop. – 1998. – № 348.
8. Karlov, A.V. Sistemiy vneshney fiksatsii i regulyatoriye mekhanizmy optimal'noy biomekhaniki / A.V. Karlov, V.P. Shakhov. – Tomsk, 2001.
9. Karlov, A.V. Osteoinductive and osteoconductive properties of composite coating applied by different methods / A. V. Karlov, V. P. Shakhov, V. I. Vereshagin // Medical & Biological Engineering & Computing. – 1999. – Vol. 37, suppl. 2.
10. Yoshikawa, H. Interconnected porous hydroxyapatite ceramics for bone tissue engineering / H. Yoshikawa, N. Tamai, T. Murase // J. R. Soc. Interface. – 2009. – Vol. 6 (Suppl. 3).
11. Surmenev, R.A. Formirovaniye biosovmestimikh kaltsiy-fosfatnykh pokriytiy metodom vihsokochastotnogo magnetronnogo raspihleniya: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk. – Tomsk, 2008.
12. Zlowodzki, M. Femoral shortening after fracture fixation with multiple cancellous screws: incidence and effect on function / M.O. Zlowodzki, Ayeni, V.A. Petrisor // J Trauma. – 2008. – Vol. 64.
13. Harris, W.H. Traumatic arthritis of the hip after dislocation and acetabular fractures: treatment by mold arthroplasty. An end-result study using a new method of result evaluation / W.H. Harris // J Bone Joint Surg Am. – 1969. – Vol. 51A. – № 4.

Статья поступила в редакцию 16.08.14

УДК 614.88

Zhigalova G.G., Otarov A.A. REVIEW OF BASE ACTS AND SEQUENCE OF PROVIDING THE FIRST AID BY POLICE OFFICERS. The article gives an overview of normative acts, regulating the first aid to a victim, the main stages of giving the first aid to officers of the Internal Affairs bodies, the rules of sorting victims, taking into account a stage of damage. The authors present the results of the statistics of deaths in Russia and come to the conclusion that 70% of deaths could be avoided, if the first aid is applied in time. The article focuses on the meaning of the term "first aid" and its differences from the term "medical care". With regard to the study of normative documents the authors show a type of the first aid that a police officer should be able to apply.

Key words: first aid, trauma, transport immobilization, grading of victims, reanimation.

Г.Г. Жигалова, канд. мед. наук, ст. преп. каф. криминалистики, ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Ставропольский филиал), г. Ставрополь, E-mail: gigalovagalina@yandex.ru; **А.А. Отаров**, канд. юр. наук, ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Ставропольский филиал), г. Ставрополь, E-mail: gigalovagalina@yandex.ru

ОБЗОР НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ И ПОРЯДОК ОКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШЕМУ СОТРУДНИКОМ ПОЛИЦИИ

В статье дан обзор нормативных актов, регламентирующих оказание первой помощи пострадавшему, основные этапы оказания первой помощи сотрудником органов внутренних дел, правила сортировки пострадавших

с учётом имеющихся у них повреждений. Авторы приводят результаты статистики гибели людей в России и приводят к выводу, что 70% смертельных случаев можно было бы избежать, если вовремя оказать пострадавшему необходимую так называемую «первую помощь». В статье подробно рассматривается что понимается под термином «первая помощь» и чем она отличается от «медицинской помощи». Авторы. На основе изучения нормативных документов, показывают какую именно первую помощь должен уметь оказывать сотрудник органов внутренних дел.

Ключевые слова: первая помощь, травмы, транспортная иммобилизация, сортировка пострадавших, реанимационные мероприятия.

Окружающий человека мир полон неожиданностей и опасностей, которые не выбирают места, времени, а также степени знакомства «спасателей» с правилами оказания первой помощи пострадавшему. Если же несчастный случай происходит в значительной удалённости от жилой местности, то исход повреждения для жизни и здоровья пострадавшего сложно предсказать. По данным отечественной статистики среди погибших от несчастного случая только 15% погибают от несовместимых с жизнью телесных повреждений. Еще 15% погибают вследствие опоздания скорой помощи и 70% – из-за неправильно оказанной первой помощи на месте происшествия до приезда врача. Массовое обучение населения правилам и приемам оказания первой помощи при несчастном случае непосредственно на месте происшествия в большинстве стран мира в настоящее время признаётся жизненно необходимым. Часто исход многих несчастных случаев и ряда неотложных состояний решается в течение нескольких минут после происшествия и зависит от своевременного оказания и качества первой помощи. Зачастую первую помощь оказывают лица, первыми прибывшими на место происшествия. Как правило, это сотрудники полиции.

Первая помощь – это комплекс срочных целесообразных мероприятий, проводимых на месте происшествия пострадавшему человеку или в период транспортировки его в медицинское учреждение с целью поддержания жизни человека и предупреждения развития осложнений. К мероприятиям первой помощи относятся меры, которые поддерживают жизнь пострадавших до приезда врача или при транспортировке в лечебное учреждение. В число этих мер входят: остановка наружного кровотечения, транспортная иммобилизация при травмах опорно-двигательного аппарата, помощь при переломах, восстановление проходимости дыхательных путей, дыхания и сердцебиения.

Как врачи, которые дали при получении диплома врача клятву Гиппократу, не имеют права отказывать в помощи нуждающимся, так и лица, проходящие службу в органах внутренних дел, обязаны уметь оказывать первую помощь при несчастных случаях и внезапных заболеваниях, что оговорено должностными обязанностями сотрудника. За неоказание первой помощи пострадавшему предусмотрена ответственность [1].

Первая помощь (не первая медицинская помощь!) оказывается пострадавшим при несчастных случаях, различных травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, которые угрожают их жизни и здоровью до оказания медицинской помощи лицами, обязанными оказывать первую помощь в соответствии с федеральным законом или со специальным правилом и имеющими соответствующую подготовку, в том числе сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации [2].

На основании функциональных обязанностей, оговоренных в Законе Российской Федерации «О полиции», сотрудники ОВД обязаны оказывать помощь лицам, находящимся в беспомощном, бессознательном, а также любом ином состоянии, угрожающем здоровью и жизни [3].

Несчастным случаем называется повреждение органов или систем человека и нарушение их функций при внезапном воздействии окружающей среды.

Нарушение целостности и функций тканей (органов) в результате внешнего воздействия называется *травмой*.

Первая помощь включает следующие неотложные мероприятия:

I. Незамедлительное прекращение воздействия внешних факторов, обладающих повреждающим действием (воздействие высокой или низкой температуры, электрического тока, сдавление и т.д.) и изолирование пострадавшего от неблагоприятных условий, в которые он попал (из горящего помещения, из воды, из помещения, где скопились отравляющие газы, и пр.).

II. Быстрая диагностика с целью определения общего состояния пострадавшего, которое зависит от наличия нарушений

функций жизненно важных органов и систем организма, а также от характера травмы, обширности повреждения и наличия осложнений.

Обследование пострадавшего должно проводиться в определенной последовательности:

1. Расспрос больного (при невозможности контакта с ним – окружающих) об обстоятельствах травмы, одновременно определяя наличие сознания у пострадавшего.

2. Оценка тяжести общего состояния, выявление характера нарушения дыхания, кровообращения.

3. Исследование, направленное на установление характера поражения, что требует систематического обследования всех частей тела, которые могли пострадать при травме. Особенно внимательно необходимо обследовать больного, находящегося без сознания, в состоянии шока или алкогольного опьянения. При наличии показаний больного следует раздеть.

III. Сортировка пострадавших или пострадавшего с целью определения очередности и объема оказания помощи.

Принципы сортировки пострадавших:

1. Чем тяжелее общее состояние пострадавшего, тем быстрее ему должна оказываться первая помощь.

2. При равных условиях в первую очередь помощь оказывается пожилым, детям и женщинам с явными признаками беременности.

При сортировке выделяют следующие группы:

1. *Лица, имеющие нарушения основных жизненно важных функций организма (дыхание, кровообращение)*. В эту группу входят лица в крайне тяжелом состоянии и в состоянии клинической смерти (с отсутствием дыхания и остановкой сердца, но без признаков биологической смерти). Ключевым моментом дифференцировки лиц с признаками биологической смерти являются наличие феномена «кошачьего» глаза, отсутствие роговичного рефлекса). Сюда также относим пострадавших, имеющих проникающее ранение в грудную, брюшную или полость черепа, пострадавших без сознания или в состоянии шока, пострадавших с открытыми переломами и др. При неоказании первой помощи смерть может наступить в ближайшие минуты.

2. *Тяжело пострадавшие лица*. В эту группу входят лица в тяжелом состоянии и в состоянии средней степени тяжести, а также лица с осложнениями, непосредственно угрожающими жизни пострадавшего. Это пострадавшие с признаками черепно-мозговой травмы, с остановленным кровотечением, ожогами средней степени тяжести, пострадавших с закрытыми переломами и др. При неоказании первой помощи смерть у таких лиц наступает в ближайшие 6 часов.

3. *Легко пострадавшие лица*. В эту группу входят лица в относительно удовлетворительном состоянии, которое не представляет опасности для жизни в ближайшие сутки, но может привести к ухудшению здоровья при неоказании первой помощи. Это лица, имеющие ожоги легкой степени, незначительные кровотечения, травмы и др.

4. *Лица, не нуждающиеся в стационарном лечении*. В данную группу входят лица в удовлетворительном состоянии с легкими повреждениями и с благоприятным для жизни прогнозом, у которых не наступает стойкая утрата трудоспособности.

IV. Оказание первой помощи пострадавшему в зависимости от его общего состояния, характера и вида травмы или внезапного заболевания; поддержание жизненно важных функций организма (в первую очередь, кровообращения и дыхания) с помощью проведения реанимационных мероприятий: прямого массажа сердца и искусственного дыхания. Согласно данным Американской кардиологической ассоциации, частота компрессий грудной клетки и актов искусственного дыхания должна составлять 30 к 2 [4, с. 20].

V. Борьба с осложнениями: шоком, кровотечением, инфицированием раны (остановка кровотечения, введение обезболивающих средств, наложение шин или повязок на рану и др.).

VI. Подготовка к транспортировке с помощью иммобилизации, т.е. обездвижения.

VII. Организация скорейшей транспортировки заболевшего или пострадавшего в ближайшее лечебное учреждение (быстро, бережно, осторожно и под постоянным наблюдением).

Порядок оказания первой помощи пострадавшему.

В перечень состояний, при которых оказывается первая помощь входят [5]:

1. Отсутствие у пострадавшего сознания.
2. Остановка кровообращения (сердечной деятельности) и дыхания.
3. Наружные кровотечения.

4. Закупорка верхних дыхательных путей инородными телами (жидкостью, кровью, пищевыми веществами и т.п.).

5. Травмы и раны различных областей тела.

6. Ожоги, возникшие от воздействия высоких температур, в том числе химических веществ, тепловой удар, солнечный удар.

7. Отморожение и воздействие на организм человека низких температур.

8. Отравления.

Таким образом, каждый сотрудник полиции должен чётко знать нормативную базу и порядок оказания первой помощи пострадавшему, так как эти знания помогают спасти жизни граждан.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 05.05.2014 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Э/р]. – Р/д: <http://www.consultant.ru>.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ: ред. от 28.12.2013 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Э/р]. – Р/д: <http://www.consultant.ru>.
3. О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 07 февраля 2011г. №3-ФЗ: ред. от 03.02.2014 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Э/р]. – Р/д: <http://www.consultant.ru>.
4. Реанимация: методические рекомендации по проведению реанимационных мероприятий Европейского Совета по реанимации / Эн-тони Д. Хандли [и др.]. – М., 2007.
5. Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи: приказ Минздравсоцразвития РФ от 04 мая 2012 г. №477н: ред. от 07.11.2012 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Э/р]. – Р/д: <http://www.consultant.ru>.

Bibliography

1. Uголовniiy kodeks Rossiyskoy Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ: red. ot 05.05.2014 // Konsultant Plyus: komp. sprav. pravovaya sistema [Eh/r]. – R/d: <http://www.consultant.ru>.
2. Ob osnovakh okhranih zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 21 noyabrya 2011 g. №323-FZ: red. ot 28.12.2013 // Konsultant Plyus: komp. sprav. pravovaya sistema [Eh/r]. – R/d: <http://www.consultant.ru>.
3. O politsii: feder. zakon Ros. Federacii ot 07 fevralya 2011g. №3-FZ: red. ot 03.02.2014 // Konsultant Plyus: komp. sprav. pravovaya sistema [Eh/r]. – R/d: <http://www.consultant.ru>.
4. Reanimaciya: metodicheskie rekomendacii po provedeniyu reanimacionnykh meropriyatij Evropeyskogo Soveta po reanimacii / Ehntoni D. Khandli [i dr.]. – M., 2007.
5. Ob utverzhdenii perechnya sostoyaniy, pri kotorikh okazivaetsya pervaya pomoshch, i perechnya meropriyatij po okazaniyu pervoy pomoshchi: prikaz Minzdravsocrazvitiya RF ot 04 maya 2012 g. №477n: red. ot 07.11.2012 // Konsultant Plyus: komp. sprav. pravovaya sistema [Eh/r]. – R/d: <http://www.consultant.ru>.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 611.72-616.78

Mareyev O.V., Mareyev G.O., Fyodorov R.V. BASIC PRINCIPLES OF SURGICAL ROBOTIC SYSTEMS (PART 1).

The paper describes surgical robotized systems available on the market today and gives basic keynotes and principles to their construction. Specific parameters, such as safety as a basic principle of surgery robotic system, are the main aspects the research of the paper. The work provides a summary of a classification of these systems.

Key words: robotic surgery, rotation center, robotic assisted surgery, robotic surgical instruments.

О.В. Мареев, д-р. мед. наук, проф., зав. каф. оториноларингологии ГБОУ ВПО «Саратовский ГМУ им В.И. Разумовского», г. Саратов, E-mail: ovmareew@mail.ru; **Г.О. Мареев**, д-р мед. наук, доц. каф. оториноларингологии ГБОУ ВПО «Саратовский ГМУ им В.И. Разумовского», г. Саратов, E-mail: dr-mareev@mail.ru; **Р.В. Фёдоров**, студент ФГБОУ ВПО «Саратовский гос. технический университет им. Ю.А. Гагарина», г. Саратов, E-mail: fedoroff-roman@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СИСТЕМ ХИРУРГИЧЕСКОЙ РОБОТОТЕХНИКИ (ЧАСТЬ 1)

Работа посвящена обзору существующих на сегодняшний день роботизированных систем используемых в различных отраслях хирургии. Рассмотрены общие принципы конструирования подобных систем, выделены основные понятия и требования, необходимые для успешного внедрения подобных приборов в медицинской практике. Приведена классификация роботизированных хирургических систем по основным конструктивным особенностям.

Ключевые слова: робот-хирург, точка вращения, роботизированная хирургия, роботизированные инструменты.

В настоящее время в медицине находят все более широкое применение различные технологические новинки и приборы, а развитие в области медицинской техники приобрело лавинообразный характер. Так, если ранее классический хирургический инструмент имел чрезвычайно простую конструкцию и, как правило, разрабатывался самим хирургом для решения специфических узких профессиональных вопросов, сочетая в себе не более нескольких движущихся деталей. В последние десятилетия прогресс в области оптики, электроники, металлообработки

и создание новых материалов привел к созданию очень сложных инструментов, совмещенных с оптическими устройствами (различных эндоскопов и фиброскопов), гибких инструментов, инструментов с многочисленными степенями свободы, а также различного рода микроинструментария (например, тончайшие инструменты для эндолярингеальной микрохирургии). В хирургическом воздействии нередко сочетается не только механическое воздействие, но и радиочастотное, плазменное и т.п.

Разработка инструмента с многочисленными степенями свободы связана с развитием методик современной малоинвазивной хирургии – во многих отраслях оперативные вмешательства все больше проводятся из различного рода мини-доступа, точечных отверстий, или через естественные отверстия и полости. Наиболее яркими примерами являются лапароскопические операции в абдоминальной хирургии, гинекологии, урологии; артроскопические операции на суставах в ортопедии; функциональная эндоскопическая хирургия полости носа и околоносовых пазух; хирургические вмешательства на глотке и гортани при прямой ларингоскопии. В данном случае инструмент вводится хирургом в полость через весьма ограниченный доступ, который предоставляет ему троакар или естественное отверстие и полость. При этом возможности манипуляции инструментами в самой полости, при ограничении доступа в нее обычными инструментами без дополнительных степеней свободы, невелики. Разработка и внедрение инструментов с дополнительными степенями свободы началось с широким внедрением лапароскопических операций в практику в 90-х годах. Основная причина задержки развития лапароскопической хирургии, основы которой были заложены еще в начале 20-века [2] заключалась как раз в отсутствии инструментария с достаточным числом степеней свободы, чтобы при ограниченном троакаром доступе, в ограниченном пространстве полости можно было выполнить сложные движения, в частности прошивание и лигирование сосудов и тканей. Появление хирургических клипс и инструментов для их наложения дало основной толчок для развития и широкого внедрения лапароскопической хирургии, однако не решило проблему полностью. Слабые возможности манипулирования в ограниченном пространстве привели к созданию инструментов с дополнительными степенями свободы – изгибающихся в одном или нескольких коленах, а также имеющих возможность ротации рабочего конца инструмента. Однако внедрение подобных инструментов в хирургическую практику не дало нужного эффекта. Количество степеней свободы, которые получил хирургический инструмент, перестало соответствовать возможностям человеческой руки, управление им перестало быть интуитивным. Движения такого инструмента малопредсказуемы, пользование им неудобно, и, зачастую, требует управления двумя руками. Однако обычное оперирование в данном случае для одного хирурга – двумя руками и двумя инструментами, один из которых основной, другой вспомогательный. При передаче вспомогательного инструмента ассистенту резко нарушается координация движения, выполнить какую-либо задачу, требующую сочетанных сложных движений (например, завязывание узла) становится практически невозможно. Поэтому хирургические инструменты с дополнительными степенями свободы не получили должного широкого распространения.

Решение этой проблемы на современном этапе развития приходит к применению робототехники для перемещения в пространстве хирургического инструмента с многими степенями свободы. Ромбот – автоматическое устройство, созданное по принципу живого организма. Действуя по заранее заложенной программе и получая информацию о внешнем мире от датчиков (аналогов органов чувств живых организмов), робот самостоятельно осуществляет производственные и иные операции, обычно выполняемые человеком (либо животными) [1; 2]. При этом робот может, как и иметь связь с оператором (получать от него команды), так и действовать автономно. Применение роботов в промышленности впервые описано в 1938 г. [3]. В конце 50-х – начале 60-х годов XX века были созданы первые роботизированные устройства способные выполнять сложные движения с высокой точностью. В 1969 г. была создана «стенфордская рука», механизм которой обеспечивал свободу движения, сравнимую с рукой человека. Начиная с 1970 года индустриальные роботы стали производиться серийно и нашли широчайшее применение во всех отраслях промышленности [4].

Индустриальные роботы имеют ряд качественных отличий, которые не позволяют непосредственно использовать их для манипулирования хирургическими инструментами [5]. Так, обычно индустриальные роботы изолированы от рабочих таким образом, что человек не может оказаться в рабочем пространстве робота; хирургический робот работает в одном пространстве с больным, а также взаимодействует с хирургом и персоналом операционной. При обслуживании индустриального робота и появлении в его рабочем пространстве человека его либо останавливают, либо используют различные ручные режимы уп-

равления с малыми скоростями перемещения машины. В целом рабочее пространство для хирургического робота является жестко заданным, чрезвычайно ограниченным, а доступ в него строго лимитирован условиями, создающими этот доступ (троакар, естественными отверстиями). Таким образом, совместное наличие человеческого фактора и столь жестких ограничений на действия хирургического робота придает большую специфику этим устройствам. При всем развитии современной науки и техники робот до сих пор не имеет способностей к самообучению и анализу сложных ситуаций, а также существующие проблемы машинного зрения и распознавания объектов усугубляют данную ситуацию, делая самостоятельную работу робота в хирургии невозможной. В таблице 1 приведен список различных качеств, присущих хирургу-человеку и роботу, при этом совмещение работы человека и машины дает значительный эффект усиливая положительные стороны каждого и уменьшая соответствующие негативные качества.

При работе робота в операционной следует также учитывать, что хирург не является специалистом по робототехнике, поэтому интерфейс и управление системой должны быть простыми и интуитивно понятными. Сама система не должна иметь неясных моментов в своем поведении – автоматически избегать мертвых точек, ограничений в механической подвижности суставов, столкновений своих частей. Сама система должна быть достаточно мобильной и быстро реконфигурируемой для быстрой установки новых инструментов, изменения рабочего положения всей системы относительно больного. Сама система также должна иметь возможность стерилизации всего, что находится в пределах операционного поля. Таким образом, хирургический робот не может быть создан простой модификацией или переделкой индустриальной руки. Необходимая ей свобода движений и в тоже время накладываемые на нее пространственные ограничения, требуют радикального изменения конструкции. Любая ошибка робота может очень дорого стоить в данном случае, поэтому надежность системы является главным определяющим фактором.

Таким образом, определяющими параметрами для безопасного хирургического робота будут отсутствие неконтролируемых движений, применения избыточных усилий к тканям при проведении вмешательства, возможность удержаться в жестко заданных рамках рабочего пространства с жестко заданным доступом к нему, контроль хирурга над любым движением робота. Безопасность робота в целом в данном случае определяется на следующих уровнях – механическом, электрическом и программном. При этом в случае хирургического робота безопасность, заданная на механическом уровне гораздо важнее заданной на программном уровне. Например, сила воздействия на ткани может быть ограничена конструктивным исполнением устройства, его мотора, кинематикой системы, а может быть ограничена программно; при этом первый вариант является предпочтительным, так как, несмотря на универсальность программного решения, механические гарантии безопасности куда выше программных. Также, при использовании кинематических систем с гармоническими редукторами и высоким передаточным числом уменьшается скорость движений робота и исключается возможность обратного хода, что в ряде случаев не благоприятно для хирургических систем. Обязательно в данном случае является сохранение возможности достаточно свободного мануального манипулирования структурами робота, с целью коррекции его положения в операционном поле или для выхода из операционного поля. В целях безопасности используются различного рода механические ограничители, заставляющие робота при возникновении критической ситуации выпустить инструмент или перестать оказывать на него давление. Все управляющие системы и приводы хирургического робота должны быть закрыты крышками и находится внутри него, во избежание их случайного повреждения или торможения персоналом операционной.

Рассматривая конструкцию хирургического робота необходимо отметить, что ее возможно разделить на две важные части – собственно рабочий инструмент и руку, несущую рабочий инструмент. Обычно, под хирургическим роботом понимается именно большая часть – несущая инструмент рука, что не является полностью верным, так как сам инструмент с несколькими степенями свободы может быть устроен не менее сложно. В данной статье мы рассмотрим основные типы несущих рук хирургического робота и принципы их построения, особенности хирургических инструментов для роботизированных систем бу-

Таблица 1

Ключевые особенности, присущие действиям человека и робота, и их обобщенное представление в системе для роботизированной хирургии

Хирург		Робот	
Достоинства	Недостатки	Достоинства	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> развитые органы чувств ловкость координация огромные возможности для обучения и адаптации возможность действия в любых ситуациях постоянное самосовершенствование и контроль возможность предсказания развития ситуации по неполным данным 	<ul style="list-style-type: none"> усталость личностные особенности точность слабые представления о соотношениях в пространстве высокая чувствительность к факторам внешней среды (радиация, инфекционные агенты и тп) 	<ul style="list-style-type: none"> высокая геометрическая точность высокая точность дозирования приложения усилий к объекту действия хорошая повторяемость действий нет усталости быстрота действий стационарность 	<ul style="list-style-type: none"> Практическое отсутствие способностей к обучению, распознаванию адаптации Неполное моделирование ситуации внешнего мира и отсутствие предсказания закономерностей ее развития
Хирургическая роботизированная система Высокая точность Безопасность Малоинвазивность Меньшая хирургическая травма Уменьшение числа послеоперационных осложнений Быстрое восстановление в послеоперационном периоде			

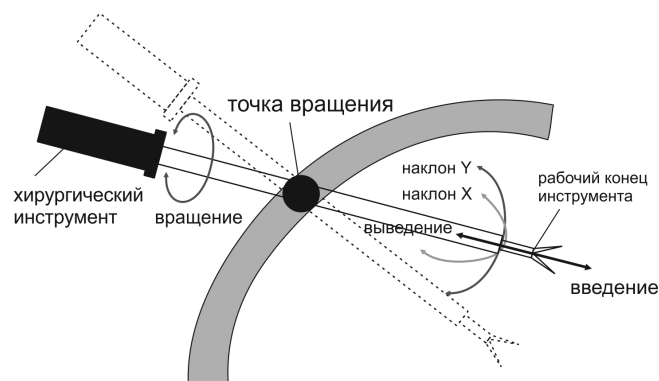

Рис. 1. Движения хирургического инструмента и его точка вращения

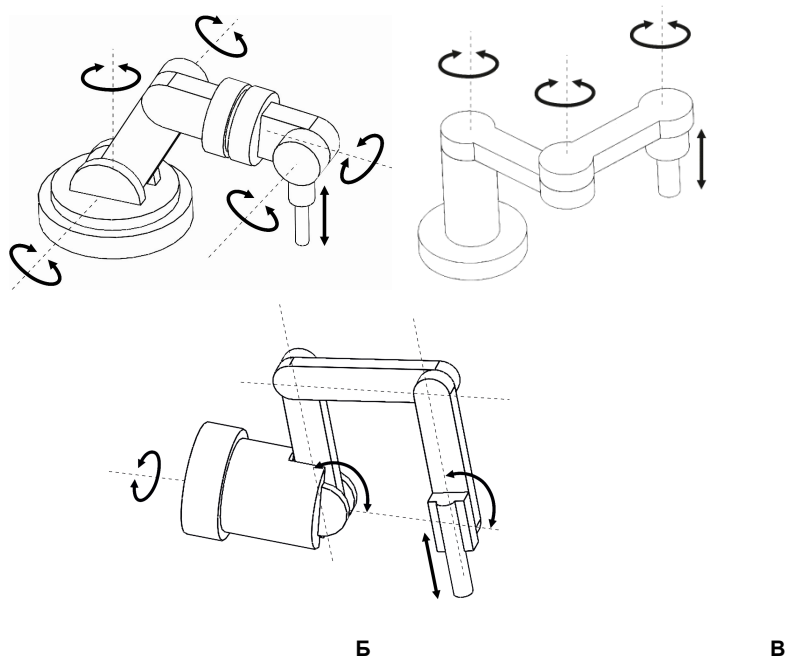

Рис. 2. Основные типы кинематических систем, применяемых для создания хирургических роботов: А – антропоморфная рука (DLR MIRO), Б – рука системы SCARA (ZEUS), В – рука с применением параллелограммного механизма (DA VINCI)

дуг являются предметом рассмотрения 2-й части статьи. Как следует из рис. 1 несущая инструмент рука должна обеспечивать движения наклона по двум осям, а также введение и выведение инструмента. Часть движений может быть возложена на инструмент, и, наоборот, выведена из его компетенции на несущую его руку. Например, ротационные движения могут быть выполнены как несущей рукой, так и самим инструментом.

Все существующие типы несущих рук хирургических роботов можно разделить на два типа: классические руки с последовательной кинематикой и механизмы с параллельной кинематикой. Классические руки с последовательной кинематикой можно разделить на антропоморфные и типа SCARA. Антропоморфные руки имеют рабочее пространство в виде сферы и состоят из нескольких последовательных суставов («плечо», «предплечье»), которые вместе обеспечивают 3 степени свободы, соединенные с «запястьем», несущим исполнительный механизм (рис. 2А). SCARA (*Selective Compliance Articulated Robot Arm*) – это вариант механизма с последовательно кинематикой, имеющий рабочее пространство в виде цилиндра и обычно состоящий из нескольких суставов, оси вращения которых перпендикулярны плоскости основания системы (Рис 2Б). Параллельные механизмы обычно состоят из двух платформ соединенных рычагами, при этом перемещение рычагов и изменение их длины обеспечивает изменение положения платформы в пространстве (платформы Стьюарта, дельта-механизмы).

Руки типа SCARA имеют хорошую устойчивость всей системы к действию силы тяжести, их рабочее пространство хорошо подходит к человеческому телу, находящемуся на операционном столе. Также рука этого типа имеет меньше мертвых точек, чем руки другого типа.

Для дальнейшего рассмотрения роботизированных систем необходимо понятие о точке вращения (*rotation point, rotation center*). Точка вращения является местом проникновения инструмента в тело человека – через естественное отверстие, либо через прокол, сделанный троакаром. При этом поверхность кожи будет являться точкой вращения инструмента, который ни при каких условиях не может переместиться из этой точки, так как смещение от этой точки приведет к тяжелой травме с разрывом кожных покровов. Существуют несколько способов соблюдения постулата о точке вращения при создании хирургического робота. Например, точка вращения является пассивным суставом, на конце руки робота, при закреплении хирургического инструмента применяется 2 пассивных сустава (или один сферический). Таким образом, как бы имитируется работа рук хирурга человека. Троакар не связан в этом случае с рукой робота и перемещается за счет движений инструмента, как и в традиционной лапароскопии. Подобную концепцию использовала одна из первых роботизированных хирургических систем «ZEUS» (CA Motion, USA) [6]. В качестве несущей инструмент руки была использована рука типа SCARA (Рис. 2Б). Подобный подход можно назвать «пассивной точкой вращения» (PRC, *passive rotation center*), он имеет ряд недостатков – повышенная нагрузка на тонкий длинный инструмент, возможности его изгиба, а также смещения точки вращения при оперировании; невозможность работы вне троакара – в естественных отверстиях – полости рта, глотке, трансаксиальном доступе и т.п.

При создании кинематической схемы робота можно механически вынести движения, совершаемые инструментом в точке вращения в другую точку, при этом в точке вращения движения инструмента будут копировать движения в перенесенном центре. Подобная система называется «удаленная точка вращения» или «перенос точки вращения» (*remote rotation center, RRC*). Подобный перенос точки вращения можно выполнить при использовании сферического механизма, что имеет ряд недостатков, главный из которых – слабая предсказуемость движений изогнутых рычагов для персонала операционной, ввиду чего возможны многочисленные коллизии. Однако, возможен пере-

нос точки вращения при помощи параллелограммного механизма. При этом точки в основании параллелограмма всегда имеют одинаковый угол смещения при перемещении его сторон, что дает одну степень свободы для рабочего инструмента. Вторая степень свободы обеспечивается наклоном параллелограммного механизма суставом, ось которого проходит через точку вращения и лежит в плоскости параллелограммного механизма (Рис. 2В). По такому принципу построена наиболее распространенная сейчас в мире [7,8,9] хирургическая система «DA VINCI» (Intuitive Surgical, USA). Эта схема лишена описанных выше недостатков.

Точка вращения может быть жестко закреплена механически, как одна из точек вращения всего устройства, и непосредственно на нее подаваться привод. При этом инструмент будет совершать движения, возможные только в пределах степеней свободы суставов, в которых закреплена троакар. Даная схема опасна значительным числом мертвых точек, сложностью привода непосредственно в зону оперативного вмешательства и поэтому сейчас не имеет широкого распространения. Ее можно охарактеризовать как использование «активной точки вращения» (*active rotation center, ARC*).

Последняя из известных на сегодняшний день возможностей заключается в создании «программной точки вращения» (*software rotation center, SRC*). В данном случае рука хирургического может быть выполнена по любой схеме, однако все ее движения четко просчитываются, контролируются датчиками положения, имеющимися в каждом ее суставе и неоднократно проверяются. Возможно использование камеры и систем машинного зрения для точного наблюдения за положением руки. Подобные системы сложны, и, хотя проектируются и усиленно разрабатываются в настоящее время, пока еще далеки от широкого внедрения, так как программные ограничения не соответствуют нужному уровню безопасности хирургической роботизированной системы. Такие решения используются при работе с несущими инструментом руками антропоморфной системы, например экспериментальная разработка DLR MIRO [10].

Механизмы с параллельной кинематикой являются чрезвычайно стабильными и прочными, однако мало распространены в хирургических роботах. Причиной служит невозможность организации точки вращения на механическом уровне, что считается в большинстве случаев неприемлемым для использования в хирургии на современном этапе.

Выводы. Построение действующей роботизированной хирургической системы – сложный процесс, отличающийся своеобразием технических требований к ее конструкции. В значительной мере они отличаются от требований, предъявляемых к промышленным роботам, поэтому их применение в данной области практически невозможно. В основе конструкции хирургического робота лежит безопасность его применения, жестко заданная на механическом уровне всей системы. Обеспечение безопасности должно лежать в основе кинематической схемы подобных устройств, для чего основным параметром является наличие у механизма точки вращения, совпадающей с местом входа в человеческий организм при проведении оперативного вмешательства. Прочие уровни обеспечения безопасности устройства – электрический и программный – являются дополнительными. Поиск необходимой кинематической схемы роботизированной хирургической системы является основной задачей при ее конструировании. Рассмотренные способы создания механизмов с точкой вращения привели в настоящий момент к созданию лишь одной системы, получившей некоторое распространение в практической медицине. Безусловно, применение грамотно спроектированной хирургической системы позволяет улучшить качество оперативных вмешательств, сделать их более быстрыми и малотравматичными – что является одной из главных задач современной хирургии.

Библиографический список

1. Попов, Е.П. Роботы и ЭВМ / Е.П. Попов, В.С. Медведев. – М., 1985.
2. Тимофеев, А.В. Адаптивные робототехнические комплексы. – Л., 1988.
3. An Automatic Block-Setting Crane // Meccano Magazine. – 1938. – Vol.23 (3).
4. Wallen, J. The history of the industrial robot. Technical reports from the Automatic Control group at Linköping universitet (2008) [Э/п]. – P/d: <http://www.control.isy.liu.se/publications>. Accessed 4 June 2014
5. Taylor, R.H., Funda J., Eldridge B., Gruben K., LaRose D., Gomory S., Talamini M.A., Kavoussi L. R., Anderson J. A telerobotic assistant for laparoscopic surgery // IEEE Eng. –Med. Biol. Mag. – 1995. – vol. 14.
6. Marescaux J., Rubino F. The ZEUS robotic system: experimental and clinical applications / Surg. Clin. N. Am. – 2003. – Vol.83.
7. Hanly, E.J., Talamini M.A. Robotic abdominal surgery // Am. J. of Surg. – 2004. – Suppl. 188.

8. Hartogs, R., Schultz E. Tha DaVinci surgery system improving surgery techniques with robotics [Э/р]. – Р/д: <http://136.142.82.187/eng12/Chair/pdf/4236.pdf>. Retrieved 12 Sep 2014.
9. Bodner, J., Augustin F., Wykypiel H., Fish J., Mueblmann G., Wetscher G., Schmid T. The daVinci robotic system for general surgical applications: a critical interim appraisal // Swiss Med. Wkly. – 2005. – Vol. 135.
10. U. Hagn, M. Nickl, S. Jorg, G. Passig, T. Bahls, A. Nothhelfer, F. Hacker, L. Le-Tien, A. Albu-Schaffer, R. Konietzschke, M. Grebenstein, R. Warup, R. Haslinger, M. Frommberger, and G. Hirzinger, "The DLR MIRO: a versatile lightweight robot for surgical applications", Industrial Robot, vol. 35, issue 4, pp. 324 – 336, 2008.

Bibliography

1. Popov, E.P. Roboti i EhVM / E.P. Popov, V.S. Medvedev. – M., 1985.
2. Timofeev, A.V. Adaptivni robototekhnicheskie kompleksy. – L., 1988.
3. An Automatic Block-Setting Crane // Meccano Magazine. – 1938. – Vol.23 (3).
4. Wallen, J. The history of the industrial robot. Technical reports from the Automatic Control group at Linköping University (2008) [Eh/r]. – R/d: <http://www.control.isy.liu.se/publications>. Accessed 4 June 2014
5. Taylor, R.H., Funda J., Eldridge B., Gruben K., LaRose D., Gomory S., Talamini M.A., Kavoussi L. R., Anderson J. A telerobotic assistant for laparoscopic surgery // IEEE Eng. –Med. Biol. Mag. – 1995. – vol. 14.
6. Marescaux J., Rubino F. The ZEUS robotic system: experimental and clinical applications / Surg. Clin. N. Am. – 2003. – Vol.83.
7. Hanly, E.J., Talamini M.A. Robotic abdominal surgery // Am. J. of Surg. – 2004. – Suppl. 188.
8. Hartogs, R., Schultz E. Tha DaVinci surgery system improving surgery techniques with robotics [Eh/r]. – R/d: <http://136.142.82.187/eng12/Chair/pdf/4236.pdf>. Retrieved 12 Sep 2014.
9. Bodner, J., Augustin F., Wykypiel H., Fish J., Mueblmann G., Wetscher G., Schmid T. The daVinci robotic system for general surgical applications: a critical interim appraisal // Swiss Med. Wkly. – 2005. – Vol. 135.
10. U. Hagn, M. Nickl, S. Jorg, G. Passig, T. Bahls, A. Nothhelfer, F. Hacker, L. Le-Tien, A. Albu-Schaffer, R. Konietzschke, M. Grebenstein, R. Warup, R. Haslinger, M. Frommberger, and G. Hirzinger, "The DLR MIRO: a versatile lightweight robot for surgical applications", Industrial Robot, vol. 35, issue 4, pp. 324 – 336, 2008.

Статья поступила в редакцию 16.09.14

УДК 616.8(075) + 159.923

Cherepkova E.V., Chukhrova M.G., Kushnarev A.P. PSYCHOEMOTIONAL DISTURBANCES AND A TENDENCY TOWARD CRIMINAL BEHAVIOR, COMORBID DRUG DEPENDENCE. The paper presents the survey data of two groups of users of psychoactive substances, "tasters" and clinical drug addicts, in the context of tendency to deviant behavior. The analysis of premorbid personality characteristics. It is shown that personality disorders define criminal acts mainly in adolescents. Drug users with experience of criminal behavior is caused by situational affective lability associated with compulsive attraction to drugs, and personality disorders go by the wayside and masked chronic stress condition associated with substance abuse. The most common deviation in drug addicts was suicidal behavior.

Key words: deviant behavior, drug abuse, teen, personal characteristics, criminal behavior.

Е.В. Черепкова, д-р мед. наук, ст. н.с. научно-исслед. ин-т физиологии и фундаментальной медицины СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: india06@mail.ru, М.Г. Чухрова, д-р мед. наук, проф. каф. ФГБОУ ВПО «Новосибирский гос. педагогический университет», г. Новосибирск, E-mail: mba3@sibmail.ru; А.П. Кушнareв, преп., Войсковая часть 44261, г. Новосибирск, E-mail: saha74@mail.ru

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ И СКЛОННОСТЬ К КРИМИНАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ, СОПУТСТВУЮЩИЕ НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ*

В статье представлены данные обследования двух групп потребителей психоактивных веществ: «дегустаторов» и клинических наркоманов, в контексте склонности к девиантному поведению. Проведен анализ преморбидных личностных особенностей. Показано, что личностные расстройства определяют криминальные поступки преимущественно у подростков. У наркоманов со стажем криминальное поведение обусловлено ситуационной аффективной лабильностью, связанной с компульсивным влечением к наркотикам, а личностные расстройства уходят на второй план и замаскированы хроническим стрессорным состоянием, связанным со злоупотреблением психоактивным веществом. Наиболее частой девиацией у наркоманов было суицидальное поведение.

Ключевые слова: девиантное поведение, наркомания, подростки, личностные особенности, криминальное поведение.

Многолетние наблюдения показывают, что психоэмоциональные нарушения являются одной из наиболее частых форм психопатологических расстройств при наркоманиях, однако дискуссионным остается вопрос о том, являются ли личностные расстройства, психоэмоциональные нарушения и склонность к девиантному противоправному поведению у наркоманов преморбидными, или они результат хронического потребления психоактивных веществ? Ответ на этот вопрос поможет определить с терапевтической мишенью при лечении и реабилитации больных наркоманией лиц. Некоторые авторы, например Н.Д. Клебер [1], подчеркивают связь между депрессией и героиновой наркоманией и указывают на зависимость клинических проявлений депрессии у этих больных от характера и выраженности наркотизации. Ранее нами было показано, что предрасположенность к наркотизации сопутствует личностным расстрой-

ствам [2], однако в отношении криминального образа жизни этот вопрос остается открытым.

Целью исследования было выявление взаимосвязи между степенью наркотизации, психоэмоциональными нарушениями и склонностью к противоправному поведению у лиц молодого возраста. Нами проведено детальное социальное, наркологическое и психологическое обследование подростков мужского пола, попавших в поле зрения правоохранительных органов и направленных на консультацию к наркологу в связи с употреблением психоактивных веществ. Все пациенты были лицами мужского пола, русской национальности, в возрасте от 10 до 18 лет, всего 120 человек, обратившиеся за специализированной помощью в наркологические учреждения г. Новосибирска в период 2008-2012 гг. в связи с употреблением психоактивных веществ. Пациенты были из благополучных и неблагополучных

семей, различного социального уровня, а также из детских домов. Подростки употребляли одно или несколько психоактивных веществ. Преимущественно это было употребление никотина (курение табака), алкоголя, летучих органических растворов, каннабиноидов (производных конопли), опиоидов (опия-сырца, героина). В соответствии медицинской классификации МКБ-10, в основном это было употребление с вредными последствиями или зависимость I степени.

Процесс становления наркотической зависимости был в большинстве случаев стандартным: сначала употреблялся никотин (способом табакокурения), затем алкоголь, летучие органические растворы (ЛОР), далее пробоваались препараты группы каннабиноидов и опиоидов, одновременно с ними шло употребление седативных, снотворных средств, стимуляторов и галлюциногенов. Половина пациентов имела начальное образование, треть лиц была со средним и незаконченным средним и 13,3% уже имела полное среднее специальное образование или незаконченное высшее. По социальному положению, среди лиц до 18 лет наибольшая группа была учащихся (69,2%), количество работающих лиц составило 23,3%, неработающих и не учащихся было всего 15,8%. Несмотря на молодой возраст, каждый третий пациент уже совершил правонарушение, в том числе с привлечением к уголовной ответственности и с условным осуждением или отбыванием наказания в местах лишения свободы или в исправительных колониях.

Психиатрическое освидетельствование позволило выявить определенные психические изменения, симптоматика которых соответствует личностным расстройствам (ЛР), размещенных на Второй Оси (Axis II) классификации психических расстройств DSM-IV-TR и DSM-III-R в кластерах В и С. Это антисоциальное личностное расстройство, пограничное, гистрионическое, нарциссическое, обсессивно-компульсивное, зависимое, избегания и пассивно-агрессивное расстройства.

Больше всего были представлены критерии, соответствующие антисоциальному личностному расстройству – в 51,7% случаев. На втором месте по частоте встречаемости у обследуемых пациентов находились признаки гистрионического и обсессивно-компульсивного личностных расстройств, наблюдавшееся в 25,8% и 24,2% соответственно. Нарциссическое и пассивно-агрессивное личностные расстройства диагностировались 18,3% и 17,5% случаев. В 15,8% наблюдений ведущим было пограничное ЛР. Наименее часто выявлялись критерии, характерные для ЛР избегания – 6,7% и зависимое личностное расстройство – 1,7%.

Анализ полученных данных позволяет выявить некоторые тенденции в психическом состоянии обследуемых в зависимости от возраста и, следовательно, динамики наркопроцесса. При обследовании лиц до 18 лет, даже самых младших, среди которых есть впервые госпитализированные, с диагнозами «Употребление ПАВ с вредными последствиями» или «Зависимость от ПАВ первой степени», уже в большинстве случаев диагностируется антисоциальное личностное расстройство (АЛР). Следует отметить, что с возрастом АЛР диагностируется чаще, т.е. происходит окончательное становление антисоциальной личности. Аналогичная динамика наблюдается и при пограничном личностном расстройстве. Имеет место, с взрослением и по мере развития наркомании, факт увеличения симптомов гистрионического и пассивно-агрессивного расстройств. Стабильно диагностируются, независимо от возраста, признаки обсессивно-компульсивного расстройства, которое, как показано нами ранее, облегчает становление аддиктивного состояния [3].

Учитывая структуру наркологических диагнозов, установленных у подростков и молодых людей, можно определить полинаркотизм, характерный для начальных стадий употребления, в процессе которого выявляется наиболее предпочитаемое психоактивное вещество. Несмотря на наркотизацию и криминальное поведение, основная часть обследованных училась или работала, т.е. молодые люди были преимущественно активными, хотя часто такая активность носила патологический (антисоциальный) характер. Наблюдения за пациентами в возрастном аспекте позволяют сделать вывод, что лица, склонные к наркотизации уже в преморбиде, до формирования регулярного употребления наркотика, имеют определенные личностные расстройства. В числе расстройств в первую очередь диагностируется антисоциальное, которое, в свою очередь, способствует предрасположенности к криминальному поведению и образу жизни, в том числе и употреблению психоактивных веществ.

Наличие обсессивно-компульсивного расстройства способствует быстрому формированию зависимости, устойчивости и интенсивности влечения к психоактивным веществам. Симптомы гистрионического и нарциссического расстройств могут обуславливать соответствующее поведение с эгоцентризмом и гедонистической направленностью. Критерии пассивно-агрессивного поведения, которые наблюдаются в большинстве случаев у сформировавшихся наркоманов, имеются уже изначально в психическом статусе лиц, начинающих употреблять наркотические средства. У пациентов, как правило, могут диагностироваться симптомы нескольких личностных расстройств, образуя «новые», отличающиеся от классических вариантов расстройства [4].

Интерес представляют особенности психоэмоциональной сферы у пациентов более старшей возрастной группы с наркотической зависимостью (героин) на разных этапах заболевания. Обследовано 58 человек, страдающих героиновой наркоманией (37 юношей и 21 девушка), пациентов одной из наркологических клиник, в возрасте от 18 до 22 лет (более половины были в возрасте до 19 лет; средний возраст пациентов – $19,9 \pm 1,4$ года) и с длительностью заболевания от 6 месяцев до 3 лет (в среднем – $1,3 \pm 0,2$ года). Большинство пациентов до начала употребления героина в течение некоторого времени (от нескольких месяцев до 2-3 лет) эпизодически, реже – систематически, курили препараты конопли. Часть из них пробовали психостимуляторы или галлюциногены, к которым у них, однако, не была сформирована зависимость. Героин в большинстве случаев начинали употреблять путем вдыхания; затем, по мере роста толерантности, переходили на внутривенное введение. Потребляемые дозы значительно различались – от 0,2 до 1 г в сутки, реже больше. Использовались следующие методы исследования: катamnестический, метод психологического интервью и математико-статистический.

Наследственность пациентов в большинстве случаев не была отягощена аффективной патологией. Анализ их преморбиды показал, что у юношей в подавляющем большинстве случаев не выявлялось в анамнезе аффективных фаз и даже отчетливых аффективных колебаний. В то же время у 50% девушек в преморбиде наблюдались колебания настроения, с одинаковой частотой — аутохтонные и реактивно спровоцированные. В большинстве случаев у них отмечались сезонные колебания аффекта, которые у юношей выявлены не были. Следует отметить, что аффективные колебания у девушек носили слабо выраженный характер, и не являлись для пациенток поводом для обращения за психиатрической помощью.

При изучении девиантных проявлений выявилось, что каждый второй из наблюдавшихся имел приводы в полицию, судимости, условные и реальные сроки наказания, преимущественно, связанные с мелкими кражами, мошенничеством, нарушениями общественного порядка. Наиболее частой девиацией были суицидальные тенденции, которые до начала употребления наркотиков определялись у 32,5% опрошенных девушек и у 19% юношей; в основном это были суицидальные мысли. Кроме того, часть пациентов наносили себе самоповреждения с демонстративной целью, девушки — несколько чаще (21,3% и 12,3% соответственно). У 2 девушек (10%) отмечались отравления медикаментами с суицидальной целью, не наблюдавшиеся у юношей. У 2-х пациенток в анамнезе были истинные суицидальные попытки, связанные с тяжелыми психотравмирующими ситуациями.

Интересно, что первый прием наркотиков в подавляющем большинстве случаев не был обусловлен расстройством настроения. Мотивами его были в основном любопытство и подражание действиям друзей из наркоманических компаний, что вообще характерно для больных наркоманиями. У девушек наиболее частым мотивом было вовлечение в наркотизацию сексуальным партнером.

Довольно часто у пациентов формировались эмоциональная неустойчивость, повышенная сензитивность, ранимость, которые наиболее отчетливо проявлялись в период ремиссии. Они становились чрезвычайно чувствительными к состоянию даже малейшего душевного дискомфорта. У них развивалась склонность неадекватно реагировать на всевозможные, большей частью незначительные психотравмирующие моменты. В ответ сразу же снижалось настроение, что, в свою очередь, способствовало актуализации патологического влечения к наркотикам и нередко приводило к рецидиву. Эта так называемая

«ситуационная аффективная лабильность» наиболее отчетливо выступала в период ремиссии, и зачастую служила пусковым фактором для противоправных действий.

У девушек в ремиссии значительно дольше по сравнению с юношами сохранялись аффективные нарушения. Преобладали апатико-абулические и ипохондрические расстройства, но встречались также тоскливо-тревожные субдепрессии; чаще, чем у юношей, возникали суицидальные мысли. Девушки редко стремились возобновить учебу, устроиться на работу. Как правило, их активность ограничивалась подчеркнуто внимательным отношением к собственной внешности, здоровью.

Таким образом, в структуре психопатологической картины героиновой наркомании на всех этапах ее течения практически у всех пациентов выявлялись депрессивные расстройства и суицидальные тенденции, выраженность и длительность которых зависела от давности наркотизации, характера изменений личности и периода времени, прошедшего от последних острых проявлений абстинентного синдрома. Длительное время в ремиссии сохранялись: астения, эмоциональная лабильность, ипохондрические и сенесто-ипохондрические аффективные рас-

стройства, апатико-абулический симптомокомплекс, периодические и пароксизмальные дисфорические психопатоподобные состояния, патологическое влечение к наркотикам, бездеятельность. В структуре криминального поведения наркоманов на первый план выходит «ситуационная аффективная лабильность», связанная с актуализацией влечения к наркотикам и компульсивным действиям.

Личностные расстройства, которые выходили на первый план у подростков, которые еще только «дегустируют» или находятся в начальной стадии наркомании, нивелируются у клинических наркоманов, и на первый план выходят психоэмоциональные расстройства, свидетельствующие о хроническом стрессорном состоянии, которые сохраняются и в ремиссии. Отмеченные выше психопатологические особенности больных героиновой наркоманией необходимо учитывать при их реабилитации.

** Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ МД 1401.2014.7 и гранта Правительства Новосибирской обл. на проведение прикладных научных исследований № ОН-14-25.*

Библиографический список

1. Kleber, H.D. Depression and the Narcotism // Depression: Social and Economic Timebomb/ Ed. By Dawson A., Tylee A. – London: BMJ Books, 2001.
2. Черепкова, Е.В. Преморбидные личностные особенности у лиц, употребляющих наркотические вещества // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2009. – № 3(54).
3. Чухрова, М.Г. Аддикция: зависимое поведение: монография / М.Г. Чухрова, В.П. Леутин. – Новосибирск, 2010.
4. Черепкова, Е.В. Основные симптомокомплексы личностных расстройств у лиц, употребляющих наркотические вещества // Наркология. – 2011. – № 1.

Bibliography

1. Kleber, H.D. Depression and the Narcotism // Depression: Social and Economic Timebomb/ Ed. By Dawson A., Tylee A. – London: BMJ Books, 2001.
2. Cherepkova, E.V. Premorbidnihe lichnostnihe osobennosti u lic, upotrebyayuthikh narkoticheskie vethstva // Sibirskiy vestnik psikhiiatrii i narkologii. – 2009. – № 3(54).
3. Chukhrova, M.G. Addikciya: zavisimoe povedenie: monografiya / M.G. Chukhrova, V.P. Leutin. – Novosibirsk, 2010.
4. Cherepkova, E.V. Osnovnihe simptomokompleksih lichnostnihk rasstroystv u lic, upotrebyayuthikh narkoticheskie vethstva // Narkologiya. – 2011. – № 1.

Статья поступила в редакцию 21.09.14

Раздел 6

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ АДУШИНОВ – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Института дополнительного профессионального образования Иркутской государственной сельскохозяйственной академии (г. Иркутск)

УДК 633.12

Vazhov V.M., Odintsev A.V., Kozil V.N. INFLUENCE OF FERTILIZERS ON SOWING QUALITIES OF BUCKWHEAT SEEDS. In the Altai region buckwheat is in demand in the grain market. In 2013, more than 40% of Russian buckwheat is cultivated in the Altai. Despite the high importance of this crop, the yield of buckwheat in the Altai region in the last 7 years was 0.73 t/ha in the biological potential at the level of 2.5-3.0 t/ha, which is largely due to lower sowing qualities of seeds and their weak competition weeds in the phase of the plants. One of the factors to improve vigor and germination of crops is high agrotechnical background, where the fertilizer is given an important place. Therefore, finding ways to improve the seed of buckwheat in the region is crucial. The results show that the best germination of seeds of buckwheat (64%) and their high laboratory germination (72%) occurred during the peat-humic fertilizer "FITOP-FLORA-C". A sort named Design showed good germination (78%) and weight of shoots (22.5 g/100 pcs.). Fertilizers provided yield varieties studied on average for 2 years at the level of 2.0-2.5 t/ha.

Key words: peat-humic acid, buckwheat cultivars, sowing seed quality, linear growth, productivity.

В.М. Важов, д-р сельхоз. наук, проф., зав. агротехнической лабораторией Алтайской гос. академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: vazhov49@mail.ru; **А.В. Одинцев**, канд. сельхоз. наук, доц., ст. н.с. агротехнической лаборатории Алтайской гос. академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: odinzewav@mail.ru; **В.Н. Козил**, канд. сельхоз. наук, н.с. агротехнической лаборатории Алтайской гос. академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: vazhov49@mail.ru

ВЛИЯНИЕ УДОБРЕНИЙ НА ПОСЕВНЫЕ КАЧЕСТВА СЕМЯН ГРЕЧИХИ*

В Алтайском крае гречиха является востребованной на зерновом рынке. В 2013 г. более 40% российских посевов гречихи размещалось на Алтае. Несмотря на высокую значимость данной культуры, урожайность гречихи в Алтайском крае за последние 7 лет составила 0,73 т/га при биологическом потенциале на уровне 2,5-3,0 т/га, что во многом связано с низкими посевными качествами семян и их слабой конкуренцией сорнякам в фазу всходов растений. Одним из факторов улучшения энергии прорастания и всхожести семян зерновых культур является высокий агротехнический фон, где удобрениям отводится важное место. Поэтому поиск путей улучшения семенного материала гречихи в регионе является исключительно важным. Результаты исследований показывают, что лучшая энергия прорастания семян гречихи (64%) и их высокая лабораторная всхожесть (72%) отмечены при использовании торфо-гуминовых удобрений «ФИТОП-ФЛОРА-С». Хорошую всхожесть (78%) и массу всходов (22,5 г/100 шт.) показал сорт Дизайн. Удобрения обеспечили урожайность изучаемых сортов в среднем за 2 года на уровне 2,0-2,5 т/га.

Ключевые слова: торфо-гуминовые удобрения, сорта гречихи, посевные качества семян, линейный рост, урожайность.

Актуальность исследования определяется тем, что гречиха посевная (*Fagopyrum esculentum* Moench.) в Алтайском крае является востребованной на зерновом рынке культурой. В 2013 г. более 40% российских посевов гречихи размещалось на Алтае. Несмотря на высокую значимость данной культуры, урожайность гречихи в Алтайском крае за последние 7 лет составила 0,73 т/га при биологическом потенциале на уровне 2,5-3,0 т/га, что во многом связано с низкими посевными качествами семян и их слабой конкуренцией сорнякам в фазу всходов растений [1].

Одним из факторов улучшения энергии прорастания и всхожести семян зерновых культур является высокий агротехнический фон, где удобрениям отводится важное место [2]. Биологизированные технологии растениеводства с течением времени все чаще предопределяют замену минеральных удобрений на торфо-гуминовые, более безопасные с точки зрения экологии.

Полевые опыты проводились в 2013-2014 гг. на землях хозяйства «Элита» Целинного района. Почвенно-климатические условия территории проведения исследований типичны для лесостепи Алтайского края. Почва опытного участка – чернозём вы-

щелоченный, в пахотном слое имеет близкую к нейтральной реакцию среды, содержит 5,9 % гумуса [3].

Посевная площадь делянки – 1144 м² (8 х 143 м), учётная – 846 м² (6 х 141 м). Повторность опытов – 4-х кратная. Агротехника в опытах – рекомендуемая для лесостепной зоны Алтайского края, срок сева – 10 июня, способ посева – обычный рядовой, норма высева – 3,0 млн. всх. семян на 1 га.

В полевом опыте изучалась предпосевная обработка семян и эффективность торфо-гуминовых удобрений на урожайность гречихи сортов Дикуль, Диалог и Дизайн при свободном пчелоопылении. Опыт проведен по схеме, включающей следующие варианты: 1. Без обработки семян, без удобрений. 2. Без обработки семян, с удобрениями. 3. С обработкой семян, без удобрений. 4. С обработкой семян, с удобрениями. Контролем являлся сорт гречихи Дикуль, возделываемый без обработки семян и без применения удобрений.

Семена перед посевом обрабатывались препаратом «ФИТОП-ФЛОРА-С» за неделю до их посева путем опрыскивания. На вариантах без обработки семена опрыскивались чистой

водой. В почву вносили рабочий раствор методом слабого увлажнения перед весенним боронованием и перед посевом. В полевых опытах применяли общепринятые методы исследований [4].

Известно, что основными факторами повышения урожайности полевых культур до 40-50% является подбор соответствующего зональным условиям сорта, а также качество посевного материала [5]. Применение минеральных и органических удобрений существенно повышает урожайность гречихи, но при высоком урожае не всегда формируются семена с хорошими хозяйственными свойствами. Поэтому необходим поиск путей улучшения семенного материала гречихи агротехническими методами [6].

Результаты опыта показали, что полевая всхожесть семян гречихи существенно зависит от пищевого режима [3]. Так, торфо-гуминовые удобрения повышали всхожесть семян на 7-9%. Отсутствие удобрений снижало полевую всхожесть до 65%, а сохранность – до 74%. Показатели всхожести семян гречихи в меньшей степени связаны с сортовыми особенностями. Сохранность растений во всех опытах можно считать достаточно высокой (74-80%), учитывая уровень окультуренности полей и неблагоприятные метеорологические условия в годы исследований, сложившиеся после всходов растений.

Для изучения посевных качеств семян и уточнения конкурентной способности всходов гречихи, нами проведены лабораторные исследования по выявлению сортов с лучшей энергией прорастания и всхожестью. Анализировались семена гречихи урожая 2013 г. трижды, с интервалом в 4 месяца. Лабораторные исследования показали, что лучшая энергия прорастания (60-64%) характерна для вариантов с предпосевной обработкой семян и с внесением удобрений, меньшие значения (57-59%) получены на контроле, где семена обрабатывались чистой водой без применения удобрений. Достаточно высокая лабораторная всхожесть отмечена на вариантах с обработкой семян и с удобрениями (70-72%). Максимальную эффективность показал сорт Дизайн, где всхожесть самая высокая среди изучаемых сортов (73-78%).

С целью характеристики силы роста семян гречихи, а также изучения способности ростков пробиваться на поверхность почвы для формирования нормальных всходов, нами проведены лабораторные исследования по методике Н.А. Майсурына [7]. Сила роста характеризовалась двумя показателями: количественным – по среднему числу всходов (%) и качественным – по массе всходов в граммах, с пересчетом на 100 всходов. Результаты лабораторных исследований свидетельствуют о том, что среднее число всходов по каждому сорту на вариантах изменялось меньше, чем между отдельными сортами. Так, по Дикюлю данный показатель составил от 78% до 90%, по Диалогу – 74-79%, по Дизайну – 83-94%, т.е. превосходство Дизайна по сравнению с Диалогом достигало 15%. Снижение числа всходов компенсировалось последующим нарастанием их массы практически по всем сортам.

Преимущество по массе всходов также принадлежит Дизайну. Меньшие показатели получены по Диалогу, а Дикюль занимал промежуточное положение. В первом варианте масса всходов по Дизайну составила 18,9 г/100 шт.; во втором – 20,3; в третьем – 20,8; в четвертом – 22,5 г/100 шт. По Диалогу данные иные, соответственно – 20,5; 17,2; 17,6; и 13,7 г/100 шт. Во всех случаях вариант, где вносились удобрения и проводилась предпосевная обработка семян, по всем сортам был наилучшим.

Полученные данные позволяют сделать предварительные выводы о том, что повысить урожайность зерна гречихи на Алтае можно путем использования более качественных семян, выращенных на основе применения торфо-гуминовых удобрений, вносимых перед посевом, а также применяемых для предпосевной обработки семенного материала. Среднее число всходов по перспективному сорту Дизайн превышало 80%, что можно считать неплохим показателем. Масса всходов всех сортов устойчиво нарастала с улучшением агрофона, т.е. они могут дружнее всходить и лучше противостоять сорнякам на ранних этапах роста и развития гречихи. Новый зеленоцветковый сорт Дизайн российской селекции можно отнести к наиболее перс-

пективным, так как он превосходит по силе роста семян районированные на Алтае сорта Дикюль и Диалог.

С целью изучения влияния торфо-гуминовых удобрений на ростовые процессы семян гречихи, определяющие конкурентную способность и урожайность, нами был проведен лабораторный опыт, учитывающий пищевой режим растений и обработку посевного материала. Объектом исследования являлись семена гречихи урожая 2013 г. Методика исследований предусматривала проращивание семян гречихи в постоянно увлажняемых рулонах фильтровальной бумаги размером 30 x 40 см в 4-х кратном повторении [8]. По истечении 7 и 14 суток рулоны разворачивали и у 25 проростков проводили замеры длины стебля и корешка.

Отмечено, что в первые 7 дней у проростков гречихи линейный рост корешка превышал интенсивность роста стебля, затем он уменьшался в связи с использованием запасных ассимилянтов семени. Стебель продолжал расти, что может положительно сказаться на противодействии всходов гречихи сорнякам.

Сорт Дизайн в этом отношении имеет преимущество, так как торфо-гуминовые удобрения активнее стимулировали ростовые процессы данного сорта.

Полученные предварительные данные позволяют утверждать, что линейный рост гречихи активно происходит в первую неделю: прирост ростка в среднем составляет 1 см/сутки, а корешка – 2,3 см/сутки. Очевидно, это можно объяснить интенсивным питанием ассимилянтов, потребляющих запасные соединения семени, которых хватает на первые несколько дней. Подобного мнения придерживается А.В. Амелин с соавт. [8].

На основании проведенных исследований можно сделать предварительный вывод о том, что применение торфо-гуминовых удобрений в виде внесения в почву и предпосевной обработки семян положительно сказывается на качестве семенного материала гречихи. Удобрения способствуют накоплению источников питания в запасных соединениях семени, что обеспечивает их интенсивное прорастание, более быстрое закрепление в почве, а также обеспечивает необходимый рост, позволяющий конкурировать с сорной растительностью и создавать залог высокого урожая.

Отмечая положительную роль минеральных удобрений в целом, можно обозначить их преимущество на уровне 2-5% по полевой всхожести семян, и на уровне 7-9% по сохранности растений, в сравнении с вариантами без внесения удобрений. Следовательно, сохранность зависит от названного выше фактора в большей степени, чем всхожесть.

Соблюдение технологической дисциплины при выращивании гречихи позволяет получать высокие урожаи зерна хорошего качества без дополнительных затрат [9]. При этом рациональное применение удобрений в полевом севообороте является необходимым агротехническим приёмом.

Наши 2-х летние исследования в лесостепи Алтая показали, что применение торфо-гуминовых удобрений положительно влияет на урожайность гречихи. В этом случае создаются благоприятные условия питания, растения лучше развиваются и формируется урожай зерна в количестве – 2,0-2,5 т/га. Торфо-гуминовые удобрения обеспечивают повышение урожайности по сортам на 25-40% при высокой окупаемости затрат. Предпосевная обработка семян способствует росту положительного эффекта удобрений до 32%.

Таким образом, предварительно можно отметить целесообразность применения торфо-гуминовых удобрений при выращивании гречихи в условиях лесостепи Алтая. Однако отдельные вопросы влияния данных удобрений на всхожесть, линейный рост культуры и её урожайность нуждаются в дальнейшем экспериментальном уточнении, так как динамика этих показателей в течение длительного периода как по вариантам, так и по сортам, достаточно противоречива.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания (НИР № 353).*

Библиографический список

1. Вахов, В.М. Гречиха на полях Алтая: монография. – М., 2013.
2. Козил, В.Н. Совершенствование технологии возделывания гречихи посевной в условиях лесостепи Алтайского края: автореф. дис. ... канд. сельхоз. наук. – Новосибирск, 2013.

3. Агроэкологическое обоснование повышения урожайности гречихи в лесостепной зоне Алтайского края / В.М. Важов, А.В. Одинцев, В.Н. Козил [и др.] // Отчет о НИР. № гос. регистрации НИР 01201359095. Фонд ФГБОУ ВПО «АГАО». – Бийск, 2013ф.
4. Доспехов, Б.А. Методика полевого опыта. – М., 1985.
5. Vazhov, V.M. General Methods of Buckwheat Cultivation in Altai region / V.M. Vazhov, V.N. Kozil, A.V. Odintsev // World Applied Sciences Journal. – 2013. – № 23(9).
6. Одинцев, А.В. Технологические особенности возделывания гречихи в Бийско-Чумышской аграрной зоне Алтайского края // Успехи современного естествознания. – 2014. – № 1.
7. Майсuryан, Н.А. Практикум по растениеводству. – М., 1970.
8. Амелин, А.В. Особенности начального линейного роста стебля и корешка у сортообразцов гречихи разных этапов селекции / А.В. Амелин, А.Н. Фесенко, В.В. Заикин // Зернобобовые и крупяные культуры. – 2013. – № 2(6).
9. Vazhov, V.M. Distribution of sowing and buckwheat crop capacity in Altai with regard to environmental conditions / V.M. Vazhov, A.W. Odintsev, V.N. Kozil // Life Science Journal. – 2014. – № 11(10).

Bibliography

1. Vazhov, V.M. Grechikha na polyakh Altaya: monografiya. – М., 2013.
2. Kozil, V.N. Sovershenstvovanie tekhnologii vozdelivaniya grechikhi posevnoy v usloviyakh lesostepi Altayjskogo kraja: avtoref. dis. ... kand. sel'khoz. nauk. – Novosibirsk, 2013.
3. Agroekologicheskoe obosnovanie povysheniya urozhaynosti grechikhi v lesostepnoy zone Altayjskogo kraja / V.M. Vazhov, A.V. Odincev, V.N. Kozil [i dr.] // Otchet o NIR. № gos. registracii NIR 01201359095. Fond FGBOU VPO «AGAO». – Biijsk, 2013f.
4. Dospikhov, B.A. Metodika polevogo opita. – М., 1985.
5. Vazhov, V.M. General Methods of Buckwheat Cultivation in Altai region / V.M. Vazhov, V.N. Kozil, A.V. Odintsev // World Applied Sciences Journal. – 2013. – № 23(9).
6. Odincev, A.V. Tekhnologicheskie osobennosti vozdelivaniya grechikhi v Bijsko-Chumihshskoy agrarnoy zone Altayjskogo kraja // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. – 2014. – № 1.
7. Maysuryan, N.A. Praktikum po rastenievodstvu. – М., 1970.
8. Amelin, A.V. Osobennosti nachalnogo lineynogo rosta steblya i koreshka u sortoobrazcov grechikhi raznihkh etapov selekcii / A.V. Amelin, A.N. Fesenko, V.V. Zaikin // Zernobobovihe i krupyanihe kul'turir. – 2013. – № 2(6).
9. Vazhov, V.M. Distribution of sowing and buckwheat crop capacity in Altai with regard to environmental conditions / V.M. Vazhov, A.W. Odintsev, V.N. Kozil // Life Science Journal. – 2014. – № 11(10).

Статья отправлена в редакцию 17.09.14

Раздел 7

ФИЛОСОФИЯ

Редактор раздела:

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК – доктор философских наук, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово)

УДК 159.9

Vasilieva N.A. FEAR PHENOMENON: ONTOLOGICAL STATUS AND WAYS OF FEAR OVERCOMING. In the article the author using a phenomenological method of the research analyzes the semantic interpretation of a phenomenon of fear as one of the feelings of a person and considers the practical ways of its overcoming. It allows developing the diversity of the methodologies, approaches, which help a person overcome different phobias, which in our opinion is important for the realization of a person.

Key words: life, phenomenology, fear phenomenon, fear-fobia, fear-startling, fear-melancholy, Nothing, freedom.

Н.А. Васильева, канд. филос. наук, доц., каф. философии, социологии и истории Иркутской гос. сельскохозяйственной академии, г. Иркутск, E-mail: vasilieva.nina.66@mail.ru

ФЕНОМЕН СТРАХА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА

В статье автор, используя феноменологический метод исследования, анализирует смысловые интерпретации феномена страха как одного из чувств человека; рассматривает практические пути его преодоления. Это позволяет на практике разрабатывать разнообразные методики, подходы, помогающие преодолевать человеку различные фобии, что, на наш взгляд, очень важно для самореализации личности.

Ключевые слова: бытие, феноменология, феномен страха, страх-боязнь, страх-испуг, страх-тоска, Ничто, свобода

Проблема страха вызывает давний глубочайший интерес, восходит корнями к самым первым попыткам осмысления человеком собственного конца, осознания бессилия и растерянности перед страхом. «Мы все предрасположены к этой болезни – естественная реакция наших далеких предков на окружающий мир, таинственный, опасный, непонятный! Мы несем ее в своих генах. Но одни воюют со страхом всю жизнь и побеждают, а другие сдаются ему – сразу или постепенно. ...Человечество безгранично богато, прекрасно и мудро, и мешает ему быть счастливым только одно – страх» [1].

Подлинный страх возникает тогда, когда само существование для человека становится проблемой. В этом смысле страх выступает одним из определений человека как «существа страшящегося». Понятие страха с самого начала приобрело статус психической характеристики, и в этом качестве интерес к нему существовал на протяжении всей истории философской мысли. Помещение феномена страха в сферу действия собственно философии приводит к тому, что страх, представляющий собой одну из фундаментальных категорий философского знания, становится особой формой описания сущего, которая обусловлена различными способами его понимания в конкретных философских системах. Хотя практически все философские школы и направления рассматривали проблему страха в рамках соответствующих мировоззренческих систем, задача самоопределения страха в качестве онтологического феномена остается актуальной. Это связано с тем, что рационалистическая традиция мышления рассматривала страх только в качестве одного из многих человеческих аффектов, эмоций, страстей, сферой действия которых является душевное. Однако понимание природы, смысла страха невозможно проработать и полностью раскрыть, исходя из анализа какого-либо отдельного вида или аспекта. Философская категория страха может быть определена как сужде-

ние о сущем, посредством которого оно как нечто существующее (то есть реальность мысли, чувства, желания, переживания, поступка, состояния и фантазии) является предметом философского познания.

Исходя из этого, для более полного раскрытия природы страха данное понятие, по мнению автора статьи, необходимо анализировать с позиций феноменологии. Обращение к обозначенному методу позволит полнее раскрыть сложную внутреннюю природу феномена страха. Этому посвящена данная статья.

1. В сферу философской психологии, изначально существовавшей как наука о душе, в качестве сущего попадают эмоционально-волевые акты, и психологическое понятие страха концентрирует в себе эмоциональное состояние, сила которого может вылиться в аффект, в результате чего происходит отток психической энергии, а явление страха отражает энергетические всплески всех возможных аффектов человеческой психики [2].

Выражая изначальную страсть человеческой души, существующую как ее особенная стихия, категория страха сближается с состоянием, формой которого является желание, конкретизирующееся в аффектах удовольствия и неудовольствия. «Так, – пишет Спиноза, – если мы знаем о будущей вещи, что она хороша и что она может случиться, то вследствие этого душа принимает форму, которую мы называем надеждой... С другой стороны, если мы полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом. Страх есть непостоянное неудовольствие, возникшее из образа сомнительной вещи» [3, с. 108]. Духовная жизнь человека, которая представлена в виде системы ассоциаций идей и впечатлений, предопределяет эту ситуацию диалектического противостояния аффектов, что приводит к ощущению недовольности, возникающему вместе с чувством страха, то есть страх вызывает «обусловленную недовольность объекта, что связано, на-

пример, с проблемой определения его существования – несуществования, либо обусловленная недостоверность суждения человека об этом объекте» [4, с. 203]. Переживание страха порождает настроение удивления, которое служит импульсом к познавательной активности индивида [5]. Сам же страх при этом выступает специфической способностью (силой), направленной на преодоление сопротивления познаваемого [6].

2. В систематической философии Гегеля сущее открывается посредством введения понятия «развитие», характеризующего деятельность Абсолюта и являющегося как развивающееся нечто, самодвижение которого представляет собой объективное основание страха; поэтому страх есть имманентное свойство любого нечего, выступающее как аспект его развития. Взятое вне Абсолютного самосознания лишено определенности и означает несвободу. Такое самосознание Гегель характеризовал как самосознание раба по отношению к господину. Так, согласно Гегелю, возникает страх: «Страх перед господином есть основное определение этого отношения» [7, с. 111]. Это – страх перед Абсолютом. В страхе конечность человека (его смертность) становится очевидной. Однако философ не видел в таком страхе ничего негативного. Напротив, он подчеркивал, что в пространстве самого Единого страх перед ним есть начало мудрости. «Мудрый» страх, который составляет существенный момент свободы, помогает человеку освободиться от своей конечности, а затем и от самого страха, который «превращается в абсолютную уверенность, бесконечную веру». Гегель рассматривал страх как позитивное чувство, помогающее человеку обрести подлинную самость через сопричастность к Абсолютному.

3. В религиозном экзистенциализме С. Кьеркегора страх (Angst) понимается как нечто принципиально беспредметное, то есть объектом страха является Ничто, посредством которого и выступает сущее, поэтому страх имеет то же значение, что и тоска; страх представляет эту тоску в ее полной страхе (Angstfulde) симпатии и эгоизме. Пониманием Ничто страх присутствует в состоянии невинности, как неведение, которое представляет собой принципиальную возможность нечего узнать. И поскольку в самой невинности человек не определен, – он предопределен тем, что в людях грезит дух – «свое иное» каждого человека. Страх есть существенное определение грезящего духа как Ничто, страшась возможность мочь, поэтому страх позволяет определиться любому сущему. «Слабо различие, установленное между мною самим и моим иным, оно как бы подвешено в полусонном состоянии, в грезах оно едва обозначено как ничто, которое может только страшиться» «Какое воздействие имеет Ничто? Оно порождает Страх. Такова глубокая таинственность невинности: она одновременно является и страхом» [8, с. 122]. Невинность состояния неведения снимается посредством греха, природу которого объясняет психологический страх: он делает человека бессильным, а первый грех всегда происходит в слабости [8]. Обусловленное запретом грехопадение возбуждает не только желание, но и страх. Диалектическая двусмысленность древнего страха (Antiquus) выражается в том, что он есть желание того, чего страшатся, симпатическая антипатия и, одновременно, боязнь того, чего жаждут, антипатическая симпатия.

4. В иррационализме дается новая трактовка страха. А. Шопенгауэр доказывал, что страх смерти есть не что иное, как обратная сторона воли к жизни. Биологически универсальный и свойственный всякому живому страх смерти заставляет организм избегать опасностей. Поэтому философ называл страх смерти величайшей эмоцией, так как стремление избежать опасности как раз и доказывает наличие воли к жизни. Волюнтаризм шопенгауэровской интерпретации страха соединяется с элементами эпикуреизма и индуистскими представлениями о перерождении. Следуя эпикурейской традиции, философ стремился доказать, что смерть не есть зло, ибо она «нисколько нас не касается» Если бы человека в смерти пугала мысль о небытии, то он должен был бы испытывать, то же самое при мысли о том времени, когда его еще не было, ведь небытие смерти ничем не отличается от небытия до рождения. Этот довод служил для Шопенгауэра рациональным аргументом против иррациональной воли. Как ни парадоксально, но знание, рациональность, по Шопенгауэру, необходимы для того, чтобы, освободившись от страха, постичь иррациональную сущность жизни. Доказательством бессмертия для разума становится идея круговорота жизни (сансары). Опираясь на традиции буддизма, А. Шопенгауэр полагал, что подлинный источник жизни не исчезает вместе с унич-

тожением различных форм живого, «сокровеннейшее начало... жизни этому уничтожению не подлежит» [9, с. 91]. Жалкая и ничтожная индивидуальность как явление переходящая, а воля как сущность есть «вечное в человеке». Поэтому обретение бессмертия возможно только при условии растворения индивидуального в общем. Таким образом, А. Шопенгауэр развивал мысль Гегеля о сопричастности индивидуального бытия общему как условию преодоления страха с той лишь разницей, что на место гегелевского Абсолюта ставится иррациональная воля к жизни. Идеи Шопенгауэра получили развитие в «философии жизни» Ф. Ницше, для которого неприемлем догматизм, порождающий страх и парализующий волю к истине («заболевание воли»). Свободный разум, отказавшийся от веры, хотя и получает «опасную привилегию жить риском», все же свободен от страха перед всяким таинством (потустороннего, половых отношений, власти), на деле является непознанной истиной. Мужество состоит в отказе от слепого повиновения долгу, что позволяет человеку освободить волю к истине и волю к жизни. Поэтому символ свободы для Ницше – отсутствие страха перед самим собой: «Ты должен стать тем, кто ты есть» [10, с. 623].

5. Иррационалистическая трактовка страха в работах А. Шопенгауэра и Ф. Ницше нашла свое продолжение в психоаналитической концепции З. Фрейда. В психоанализе З. Фрейда как методе исследования психики, направленном на выявление глубинных механизмов психической активности, – сущее предстает посредством изучения трех зависимостей Я: от внешнего мира, от Оно и от «Сверх-Я», которые согласуются с тремя видами страха: реальный страх, невротический страх и страх совести. В общем значении понятие страха отражает «склонность к страху вообще» (Angstlich), то есть «боязливость, тревожность» (Agnoissie). Конкретизируя это понятие, можно выделить: «страх-боязнь» (Furcht), указывающий на объект; «страх-испуг» (Schreck), подчеркивающий действие опасности, когда еще не было «готовности к страху» (Angstbereitschaft); и, собственно, «страх-тоску» (Angst). Название «Angst» произошло от «теснота, теснина» (Angustiae), обозначающего осадок впечатления, полученного от акта рождения, так как в теории Фрейда страх и тревога генетически восходят к травме рождения, которая становится прообразом ситуации разлуки с объектом любви, смертельной опасности, которая присутствует во всех последующих переживаниях угрозы. Доказательством этого являются детские страхи перед темнотой или одиночеством в ситуации отсутствия матери, воспроизводящие первоначальное «впечатление от акта рождения» [11]. Идея о разлуке с объектом любви соединяется у Фрейда с его учением о бессознательном, что придает переживаниям страха и тревоги либидозный характер. В динамическом смысле сущностью страха, по Фрейду, является аффективное переживание, которое объединяет разрядки напряжения или оттоки энергии, связанные с энергетическим бюджетом либидо (Libido) и ощущениями ряда «удовольствие-неудовольствие». В психическом смысле настоящей причиной страха является фрустрированное возбуждение, которое возникает, когда либидозный позыв совершается, но не удовлетворяется; аффективный заряд этого либидо превращается в страх, становясь, сигналом к последующему вытеснению; в процессе трансформации получается образное выражение в феномене жуткого. Жуткое (Unheimlich) есть одно из проявлений скрытой природы аффекта, по сути своей противоречивое, так как его источником является и желание, и страх; жуткое – это та разновидность пугающего, которая имеет начало в давно известном, однако запретном и поэтому превращенном в «сокрытое», «потаенное». «Жутким называют все то, что должно было оставаться тайным, сокрытым, и вышло наружу» [12, с. 1160].

6. В XX столетии экзистенциализм окончательно придал феномену страха онтологический статус. Осознание человеком своей конечности чревато страхом, или боязнью, характерной для здешего, посястороннего бытия [13], «страхом перед жизнью» [14], присущим неподлинному бытию. «Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха» [14, с. 342]. Этот человеческий страх может быть преодолен лишь «страхом экзистенции за свое бытие» [14], ужасом перед Ничто [13]. Так, в экзистенциальной философии М. Хайдеггера условием раскрытия сущего как такового выступает Ничто, которое имеется в наличии, давая о себе знать в настроении Ужаса. В этом смысле страх (Angst) приобретает статус фундаментальной категории философского знания, выражающей специфическое отношение, которое возникает между сущим и человечес-

ким существом. «В светлой ночи ужасающего Ничто впервые происходит простейшее раскрытие сущего как такового: открывается, что оно есть сущее, а не Ничто» [13, с. 542]. Хайдеггер именно ужасу отводил роль средства преодоления ограниченности человеческого существования, возможного в ходе трансценденции. «Выдвинутость нашего бытия в Ничто на основе потаенного ужаса есть переагирование за сущее в целом : трансценденция» бытия [13]. Онтологизация страха в философии существования происходит из обоснования необходимости свободы человека. Ясперс считал страх необходимым условием рефлексии, лишаящей человека «ложного покоя» и помогающей реализации историчности бытия. Поэтому страх, по Ясперсу, стимулирует человека к размышлению о собственной судьбе и, преодолевая фатализм, дает ему возможность остаться самим собой, сохранить свою идентичность [14].

Ж.-П. Сартр полагал, что, как и свобода выбора, тревога и страх – это постоянные и неизменные спутники человеческого существования. «Покинутость» человека, а значит, неопределенность его будущего, предполагает, что человек вынужден самостоятельно выбирать свое бытие. Поэтому покинутость связана с ответственностью и страхом. «Тревога постоянна в том смысле, что мой первородный выбор есть нечто постоянное» [15, с. 458]. Поэтому Сартр сделал вывод, что человек – это тревога, страх.

Как видно, природа страха невероятно сложна, благодаря феноменологическому методу исследования мы можем проследить то многообразие значений, которое заключено в содержании феномена страха. Это позволяет на практике разрабатывать разнообразные методики, подходы, помогающие преодолевать человеку различные фобии, что, на наш взгляд, очень важно для самореализации личности. Каждый человек выбирает свой путь борьбы со страхом или отказа от него. Но есть несколько общих советов, как бороться со страхами, которые предлагают специалисты, профессионально занимающиеся изучением страхов-фобий.

1. *Научись отличать страхи полезные от страхов вредных.* Полезные предупреждают об опасности и позволяют избежать ее, они мобилизуют на борьбу; вредные – отнимают волю к действию.

2. *Ты не отождествляешь своему страху.* Есть одна уловка, к которой прибегает страх, чтобы ослабить человека: он заставляет нас отождествлять с ним свою личность, заставляет стыдиться. А стыд вынуждает молчать, таиться, не просить о помощи. Мы привыкаем бояться. Запомни, страх, как любой другой недуг, заслуживает пристального отношения.

3. *Объяви войну вредным страхам, закрывшимся в душу.* Соберись силами, займи активную позицию.

4. *Изучи своих врагов и своих союзников.* Нужно хорошо представлять себе стратегии страха, обстоятельства, при которых он особенно активен, не забывая о тесной взаимосвязи между субъективным фактором – тобой самим – и объективным, то есть реальной ситуацией. Враг находится как внутри, так и снаружи. Изнутри ему помогают ложные установки, боязнь активности, ведь ты развращен привычкой к удобной расслабленности. Чему ты отдал власть над своей жизнью, от каких пустяков начал зависеть? «То, чем я владею, владеет мной», – писал Ницше, предвидя приближение всеобщего потребительского рабства в материальной и духовной сфере.

5. *Сотрудничество с врагом невозможно.* Страх – великий захватчик и стремится разложить дух побежденного. Он способен целиком завладеть сознанием личности, испортить отношения с окружающими. Поэтому следует изолировать его от других движений души. Не пытайся оправдать страх. Не говори себе:

«Пожалуй, я не пойду на это собрание, там так скучно». Признайся себе: «Я не хочу идти, потому что боюсь людей». Не говори: «К чему протестовать из-за такой глупости?», ведь на самом деле ты просто не умеешь или не осмеливаешься возражать.

6. *Укрепи себя.* Вот самое незатейливое уравнение:

Интенсивность опасности

Интенсивность страха = Сила духа

Результаты борьбы со страхом будут успешнее, если мы или уменьшим опасность, или увеличим наши внутренние ресурсы. Следует подготовить организм к бою. Механизмы страха отчасти обусловлены биологическими процессами. Доказано, что физическая активность – прекрасное противоядие от тревоги, так как помогает человеку установить лучший контакт со своим телом и яснее воспринимать собственные ощущения. Выносливость повышается. Помни: люди, склонные к тревожности, обычно избегают физической активности.

7. *Поговори с собой так, словно ты сам себе тренер.* То, как мы обращаемся к себе, и то, как воздействует на наше душевное состояние этот внутренний собеседник, может открыть нам доступ к источникам энергии, а может блокировать их. Тренеру прекрасно известно, что перед прыжком спортсмену необходимо подбодрить себя. Опытные психотерапевты непременно интересуются мысленными комментариями

пациента по поводу лечебных сеансов. Если эти отзывы носят критический или язвительный характер, эффективность терапии снижается.

8. *Ослабь врага.* Не соглашайся с установками, на которые он опирается. Разоблачай его: чувство юмора обезоружит противника. Используй любую возможность, чтобы нанести ему удар. И помни две важные вещи. Во-первых, стараясь уменьшить остроту опасного раздражителя, можно прибегнуть к воображаемой или реальной десенсибилизации, то есть к снижению эмоциональной восприимчивости к ситуациям, которые порождают страхи. Во-вторых, ложные установки необходимо заменить на более жизнеутверждающие.

9. *Ищи добрых союзников.* Нелегко в одиночку сражаться со страхом, а с патологическим – тем более. Так попроси совета и помощи у знающих людей. Психологическая поддержка окружающих в трудную минуту – лучшее решение многих проблем, включая страх. Философ М. Мерло-Понти говорил: «Человек стоит ровно столько, сколько стоят его отношения с людьми». Умение налаживать контакты с окружающими – одно из главных достижений в борьбе со страхом [16, с. 278-282].

В заключение хочется сказать, что каждый выбирает свой путь, чтобы преодолеть свой страх, то есть стать свободным; главное условие, чтобы нам на этом пути хватило мужества сделать это: «...Дорога неожиданно нырнула влево, но наше авто вписалось и в этот поворот. А наши вчерашние огорчения по инерции пролетели вперед – и свалились в придорожный кювет. Застарелые страхи, сросшиеся под горлом, остались, но всё же нам стало легче. Когда же мы объезжали большую сопку, меж деревьев нависло облако, похожее на перевёрнутую тарелку – и мы помчались за ним, всё вверх и вверх по каменистой дороге. Это были очень старые камни, нарезанные ветрами, как очень острым ножом, а потом зацветшие мхами и лишайниками.

Постепенно дорога превратилась в тропу, идущую на вершину. Небо там было очень низкое и косматые облака проплывали так близко, что их форму было невозможно определить. Семь лёгких ветров завевались у этой вершины и прежде чем разлетаться, всматривались друг в друга. И мы тоже стали смотреть друг на друга – как никогда не смотрели. Лёгкий сон спустил прозрачным облачком, а когда мы проснулись, мир стал другим. В нём не было места страхам» [17].

Библиографический список

1. Вайнер, А. Лекарство против страха / А. Вайнер, Г. Вайнер [Э/п]. – П/д: <http://www.gramotey.com/?openfile=534851277>.
2. Аристотель. Риторика // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – М., 1998.
3. Спиноза, Б. Трактаты. – М., 1998.
4. Юм, Д. Сочинения. – М., 1996. – Т. 2.
5. Декарт, Р. Сочинения. – М., 1989.
6. Кант, И. Сочинения. – М., 1966.
7. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии. – М., 1977. – Т. 2.
8. Кьеркегор, С. Понятие страха // Страх и трепет. – М., 1998.
9. Шопенгауэр, А. Свобода воли и нравственность. – М., 1992.
10. Ницше, Ф. Сочинения. – М., 1990. – Т. 1.
11. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции. – М., 1991.
12. Шеллинг, Ф.В. Сочинения. – М., 1998. – Т. 2.
13. Хайдеггер, М. Время и бытие. – М., 1992.

14. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М., 1995.
15. Сартр, Ж.-П. Тошнота: избр. произв. – М., 1994.
16. Марина, Х.А. Анатомия страха: трактат о храбрости. – М., 2011.
17. Рекунова, В.М. Мандархан [Э/п]. – Р/д: <http://www.netslova.ru/rekunova/>

Bibliography

1. Vayjner, A. Lekarstvo protiv strakha / A. Vayjner, G. Vayjner [Eh/r]. – R/d: <http://www.gramotey.com/?openfile=534851277>.
2. Aristotelj. Ritorika // Ehtika. Politika, Ritorika. Poehtika. Kategorii. – М., 1998.
3. Spinoza, B. Traktatih. – М., 1998.
4. Yum, D. Sochineniya. – М., 1996. – Т. 2.
5. Dekart, R. Sochineniya. – М., 1989.
6. Kant, I. Sochineniya. – М., 1966.
7. Gegelj, G.V.F. Filosofiya religii. – М., 1977. – Т. 2.
8. Kjerkegor, S. Ponyatie strakha // Strakh i trepet. – М., 1998.
9. Shopengauehr, A. Svoboda voli i npravstvennostj. – М., 1992.
10. Nicshe, F. Sochineniya. – М., 1990. – Т. 1.
11. Freyjd, Z. Vvedenie v psikhoanaliz: lekicii. – М., 1991.
12. Shelling, F.V. Sochineniya. – М., 1998. – Т. 2.
13. Khayjdegger, M. Vremya i bihtie. – М., 1992.
14. Yaspers, K. Smihsl i naznachenie istorii. – М., 1995.
15. Sartr, Zh.-P. Toshnota: izbr. proizv. – М., 1994.
16. Marina, Kh.A. Anatomiya strakha: traktat o khrabrosti. – М., 2011.
17. Rekunova, V.M. Mandarkhan [Eh/r]. – R/d: <http://www.netslova.ru/rekunova/>

Статья поступила в редакцию 30.06.14

УДК 1.17, 1.18.7.01

Vereshchagina T.N. THE STORY OF A KNIGHT AND A TIGER SKIN. This article represents a philosophical approach in an analysis of a literary text as the most effective form of understanding concealed senses of a literary work. The concealed senses may be stipulated by cultural and historical characteristics and by subjective problems of the author.

Key words: *vityaz, tiger skin, Sh. Rustaveli, Bephictkaocani.*

Т.Н. Верещагина, канд. филос. наук, доц. ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: norapati@yandex.ru

ПОВЕСТЬ О ВИТЯЗЕ И ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Автор полагает, что философский подход в анализе литературного произведения является наиболее эффективной формой обнаружения подчас скрытых смыслов текста, обусловленных культурно-историческими особенностями или субъективными проблемами автора.

Ключевые слова: *витязь, тигровая шкура, Ш. Руставели, Вепхисткаосани.*

Название любого литературного произведения – ничто иное как формулировка сути этого произведения. Благодаря заглавию у нас складываются первые ассоциации относительно того, с чем предстоит встретиться. Однако, нередко по прочтении или уже к середине текста возникает чувство обманутости ожиданий, переходящее в разочарование. Между тем, происходит это может по самым разным причинам: в силу либо низкой художественной ценности произведения, либо несоответствия содержания его заглавию, либо искусной сокрытости истинного смысла повествования. В последнем случае, безусловно, речь идёт о подлинном произведении искусства, взыскующем к жизни философское осмысление познаваемого.

Сказанное в полной мере относится к шедевру грузинской литературы – поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Само знакомство с её названием рождает в воображении картину схватки человека с царём дикой природы Кавказа и неперемённой победы над зверем как апофеоза всего повествования.

Уже с первых строк начинается ощущаться дыхание подлинного востока. И не только потому, что воссоздаётся колорит его культуры, соучастниками поэзиса становятся и слог повествования, и ономастически-топонимические абберации, и постепенное усиление событийной напряжённости, столь типичной для восточного темперамента, нарастание ожидания приближающейся схватки витязя и тигра, которой всё нет и нет...

Но восхитительный слог стиха поэмы, её завораживающий сюжет постепенно овладевают до такой степени, что ожидание главного события как-то само собой истончается, сходит на нет, и лишь в самом конце вновь возникает вопрос: почему же автор решил назвать своё детище именно так?

Да, в тексте есть несколько строк, как бы отвечающих читателю. Однако, их непритязательность столь контрастирует с накалом страстей и событийной насыщенностью поэмы, что

может удовлетворить лишь самый невзыскательный ум: главный герой поэмы Таризль в рассказе другу Автандилу о возлюбленной так объясняет происхождение своей накидки из шкуры тигра:

*В чудном образе тигрицы прозреваю я её,
Оттого я взял у зверя одеяние своё* [1, сказ 17].

«И это всё?» – восклицает разочарованный читатель, ждавший кульминационной схватки двух могучих волей. Но ощущение некой тайны, сокрытой между словами о витязе и тигровой шкуре, вызывает к жизни желание непременно познать её. И первая мысль – о символической форме повествования, которую автор избрал намеренно, не желая публично обнажать нечто глубоко личное, связанное с его «тигрицей».

Известно, что поэма грузинского гения дошла до нас не в изначальном виде (он утрачен, возможно, навсегда), а в многократно интерполированных вариантах, отстоящих от времени создания «Витязя в тигровой шкуре» (начало XII в.) почти в пять столетий. Отсюда – в исследовательской среде такое большое многообразие толкований содержания поэмы и его генезиса. Тем не менее, до сих пор ни одно из них так и не стало доминирующим, даже среди тех, которые научным сообществом признаны в качестве наиболее аргументированных.

Так, Д.И. Чубинашвили утверждает, что Шота Руставели является автором сочинения, созданного для прославления грузинской царицы Тамары, у которой он находился на службе и в которую был безответно влюблён. А Давид Иессевич – один из самых уважаемых в науке картвелологов. Он не просто создатель подстрочника для первого перевода 142-х строк поэмы на русский язык Ипполитом Бартдинским (в 1845 г.): будучи профессором Санкт-Петербургского университета по кафедре грузинского языка и словесности Д.И. Чубинашвили прослыл подлинным знатоком творчества Руставели.

Его современник – другой профессор грузинской словесности (в Лазаревском институте восточных языков г. Москвы), известный ориенталист А.С. Хаханавилис перевёл на русский язык поэму «Барсова кожа» [2]. Хорошо зная грузинский фольклор, он, в ходе работы над переводом, выдвинул предположение, что Руставели является не автором, а *литературным работчиком* широко бытовавших в народной среде сказаний и песен о страстной любви витязя к прекрасной деве.

Ряд исследователей придерживаются точки зрения отнюдь не грузинского, а *наднационального характера сюжета* поэмы.

Большинство же, соглашаясь с тем, что поэма посвящена царице Тамаре, доказывают *заимствование сюжета*, настойчиво обращая внимание литературоведов, историков и философов на слова самого Руставели, изложенные во вступлении к «Витязю в тигровой шкуре»:

*Сказка персов по-грузински мною песенно дана,
Перешла из рук на руки, как жемчужина, она;
Мной наряженная в рифмы, здесь она вознесена.*

Омрачившая мой разум, не отвергни письма! [3, Вступление].

В переводе Ш.И. Нуцубидзе указание исторической родины сюжета вообще деликатно обойдено. Единственное, к чему можно апеллировать исследователю текста, так это упоминание о том, что сюжет, использованный Руставели, изначально уже имел место быть:

*Я, Руставели, спел стихами,
сердцем раненым с ним дружен,
То, что было лишь сказаньем,
а отныне – цепь жемчужин [4].*

<...>

*Этот дивный сказ, что ныне переделан в песнопенья,
Что как жемчуг самородный возлелеют поколенья,
Я нашел и, спев стихами, создал повод для сомненья [4].*

Существует предположение, что, скрывая саму Тамару под именем главной героини Нестан-Дареджан, поэт сознательно переносит действие в другие края, дабы избежать прямого сопоставления с правительницей и не компрометировать её. В произведении действительно преобладает описание географии и топонимики мест, имён, культурно-бытовых и религиозных традиций, типичных не для Грузии, а для арабо-иранского мира, доминирующего в культуре той поры.

Но предпринятые исторические и культурологические изыскания не дали ответа на возникший вопрос о соответствии заглавия поэмы – её сути, содержанию, смысловым и целевым установкам произведения. Ибо, сама идея удоболения характера главного героя – нраву его возлюбленной представляется довольно наивной. К тому же, логика данной идеи низводит образ главного героя до уровня *нравственного опрощения*, что явно противоречит содержанию поэмы, ещё более вуалируя его истинную суть [5, с. 49-60].

Гораздо более эффективным оказался способ этимологической и семантической реконструкции ключевых слов и понятий поэмы. Он позволил уйти от лирического прочтения сути произведения к философскому осмыслению сокрытой глубины истоков нравственных коллизий человека и причин его духовного преображения, так явно проступающему в названии поэмы Ш. Руставели. Раскрытие данной темы предполагает двухчастную структуру изложения, обусловленную содержательно-смысловым разделением. Данная статья – первая часть задуманной формы.

Уже этимологический анализ слова «тигр» начал приоткрывать завесу над тайной: грузинское звучание названия поэмы – «Вепхисткаосани», но, по замечанию Г.К. Цвериаишвили, «в средние века, когда был написан «Витязь», грузинское слово «вепхи» больше означало барса, обитающего в Грузии, чем тигра, который в этой стране не водился» [6].

Лингвистам известно, что слово «тигр» переводится на фарси как «шер», но в среднеперсидском «тигр» звучало как «бабр», а в современном персидском слово «шер» вообще стало означать льва. Аналогично лъва называют в узбекском и таджикском. В урду и хинди «шер» соотносится и со львом, и с тигром. В новом русско-хинди словаре «лев» переводится как синх, кесрии, наахар, шер, шер-бабар, а «тигр» – как баагх, тааигар, шер, вягхра. Что до грузинского, то, как уже было показано Г.К. Цвериаишвили, в Грузии водились барсы, а не тигры.

Отсюда становится понятным многообразие переводов названия поэмы на русский язык: «Рыцарь в тигровой шкуре», «Ви-

тиазь в тигровой шкуре», «Витязь в барсовой шкуре», «Носящий тигровую (барсову) шкуру», «Тариэль – барсова кожа» и др. Но, в любом случае, предложенный ряд недвусмысленно отсылает к региону более восточному, нежели Грузия или даже Персия, откуда, по словам самого автора, им была заимствована сказка о витязе в тигровой шкуре. К тому же, общеизвестен факт: персидский оригинал, несмотря на все поиски, до сих пор не найден, если он вообще был. Чего нельзя сказать о народном художественном творчестве Индии, обильно представленном похожими историями как страстной любви, так и столкновения человека и тигра. К этим историям, как драгоценному источнику, попадали многие художники, поэты, писатели и философы.

В мировой культуре история антагонизма между тигром и человеком наибольшую известность получила благодаря английскому писателю Р. Кипплингу, который в нескольких сказках для детей описал непримиримую борьбу человеческого детёныша и кровожадного владыки (хана) джунглей. Народная основа в соединении с талантом мастера создали неповторимый художественный эффект. Любимый герой кипплинговских произведений – сильная и одинокая натура. Но в рассказах «Книги джунглей» Кипплинга героем становится другой: не гордый, одинокий хищник – хан джунглей Шер, а мальчик, умудренный опытом общения со своими добрыми друзьями. Позитивность метафоры в том, что зверя, пусть и самого могущественного в представлении людей, побеждает человек.

Из истории известно, что первоначально ханамы называли вождей племени центральной Азии: например, у кочевников Ирана и Афганистана. Позже (тюрк. кан; монг. каан) термин «хан» стал обозначаться титул, которым пользовались народы северной части Азии: тюрко-монгольские. Со временем этот термин получил ещё большее распространение. В послемонгольской период – хан это титул государя, в Османской империи – титул султана, в Иране при Сефевидах – правитель области, или один из титулов военно-феодалов знати.

Неудивительно, что в народном сознании индусов владыка джунглей носил тот же титул. Борьба с тигром Шер Ханом и его поражение – становится центром композиции книги рассказов Р. Кипплинга об Индии.

Реконструкция места рождения сюжета «Витязя в тигровой шкуре» имеет право на внимание к этому региону и по другому признаку: в тексте поэмы неоднократно упоминается, что главный герой Тариэль (Тариаэл) – *индийский* принц.

Описание тигровой шкуры, выступающей в качестве одеяния витязя, могло скрывать подсказку не только о регионе, культура которого сохранила память об противостоянии кровожадного зверя (тигра) и человека, но и о времени возникновения этого противостояния, его причине, и даже значении, оказавшимся столь важным, что стало частью духовной традиции и продолжает сохраняться в назидание потомкам доньше.

Каузальный аспект повествования проясняется благодаря одной древней *индийской* сказке. В человеческой семье и в логове тигра в одно время родились мальчик и тигрёнок. Малыша нарекли Маугли, потому что он был игрив и весел, а тигрёнок родился с хромой лапкой и матерью ему было дано имя Лунгри (английское звучание *Lungri* перевода с хинди слова «хромой»). Шло время, век тигров короче человеческого, и тигрёнок возмужал скорее, чем Маугли. Наблюдая из джунглей за человеческим детёнышем, Лунгри всё больше завидовал здоровью, ловкому «лягушонку», и на свою первую охоту отправился к его семье. Охота была удачной. С той поры тигр не знал поражений и возомнил себя полноправным и единоличным хозяином джунглей – ханом. Ребёнок, оставшись сиротой, был взращён волчьей стаей, и, когда подрос, то поклялся отомстить хромому, содрав с него шкуру. Такую историю хранит память народов Индии о начале противостояния тигра и человека.

Однако, Шерхан не просто главный антагонист Маугли: персонажи «Книги джунглей» Р. Кипплинга (художественно переосмысленные заимствования из индийского фольклора) – символ антагонизма животного и человеческого как двух разнокачественных уровней развития природы. Человеческое, стоящее на более высокой ступени, либо подчиняет себе природные задатки, либо становится их жертвой и, тем самым, замедляет поступательное движение эволюции.

Экзотический мир джунглей с его историей противостояния животного и человеческого обусловили своеобразие стилистики «Книги джунглей» настолько, что мировое литературоведение до сих пор не может найти ей однозначного определения. Един-

ственно, в чём исследователи единодушны, так это во мнении, что Киплинг своими сказками возродил традицию героического мифа в литературе начала XX в.

Возродил. Ибо, восемь столетий назад героический миф уже относился к традиции, приняв в средневековые формы героического эпоса во многих европейских культурах: наиболее известные из них – немецкая «Песнь о Нибелунгах», французская «Песнь о Роланде», и т.п. Бытующая точка зрения на средневековые корни времени возникновения «персидского сказания», которое, якобы, легло в основу «Витязя в тигровой шкуре», лишь отчасти укладывается в данную традицию. Ибо повествует о типичном коленопреклоненном отношении рыцаря к своей даме сердца.

Данный аспект, лежащий в границах этической проблематики, явно перекликается с упомянутой идеей уподобления характера Таризля с нравом Нестан-Дареджан. Но согласиться с этой идеей – значит признать нравственное опрошение героя, победу животного начала в его природе, «расчеловечивание». Что, собственно, и наблюдается в первой части повествования. Дальнейшее разворачивание сюжета вынуждает отказаться от идеи уподобления характеров главных героев и продолжить поиски глубинного, *философского* смысла художественного произведения. И здесь аспект героического начинает играть иницирующую роль, открывая возможность опознания связи названия с подлинной смысло-целевой установкой поэмы Ш. Руставели.

Библиографический список

1. Руставели, Ш. Витязь в тигровой шкуре. Сказ 17. Придон раскрывает Таризлю историю Нестан-Дареджан / пер. П.А. Петренко [Э/р]. – Р/д: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/vityaz/text5.htm#17>
2. Руставели, Ш. Барсова кожа / А.С. Хаханашвили. Поэма XII Руставели по рукописям московского архива иностранных дел. – М., 1898.
3. Руставели, Ш. Витязь в тигровой шкуре. Вступление / пер. П.А. Петренко. – [Э/р]. – Р/д: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/vityaz/text1.htm#intro>
4. Руставели, Ш. Витязь в тигровой шкуре. Вступление. Стих 7-9 / пер. Ш.И. Нуцубидзе [Э/р]. – Р/д: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000032/st005.shtml>
5. Верещагина, Т.Н. Etymon // Труды Рубцовского индустриального института. – Рубцовск, 1997. – Вып. 4. Гуманитарные, естественные науки.
6. Цвериаишвили, Г.К. С триумфом по планете. «Витязь в тигровой шкуре» в переводах на языки мира // Научно-культурологический журнал relga. – 2014. – № 6(279) [Э/р]. – Р/д: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3893&level1=main&level2=articles>

Bibliography

1. Rustaveli, Sh. Vityazj v tigrovoyj shkure. Skaz 17. Pridon raskrihvaet Tariehyly istoriyu Nestan-Daredzhan / per. P.A. Petrenko [Eh/r]. – R/d: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/vityaz/text5.htm#17>
2. Rustaveli, Sh. Barsova kozha / A.S. Khakhanashvili. Poehma XII Rustaveli po rukopisyam moskovskogo arkhiva inostrannikh del. – M., 1898.
3. Rustaveli, Sh. Vityazj v tigrovoyj shkure. Vstuplenie / per. P.A. Petrenko. – [Eh/r]. – R/d: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/vityaz/text1.htm#intro>
4. Rustaveli, Sh. Vityazj v tigrovoyj shkure. Vstuplenie. Stikh 7-9 / per. Sh.I. Nucubidze [Eh/r]. – R/d: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000032/st005.shtml>
5. Verethagina, T.N. Etymon // Trudih Rubcovskogo industrialjnogo instituta. – Rubcovsk, 1997. – Vihp. 4. Gumanitarihihe, estestvennihe nauki.
6. Cverianishvili, G.K. S triumfom po planete. «Vityazj v tigrovoyj shkure» v perevodakh na yazihi mira // Nauchno-kuljturologicheskiy zhurnal relga. – 2014. – № 6(279) [Eh/r]. – R/d: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3893&level1=main&level2=articles>

Статья поступила в редакцию 19.09.14

Раздел 8

ИСТОРИЯ

Редакторы раздела:

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ – доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, академик РАГН (г. Горно-Алтайск)

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРМИН – доктор, исторических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул)

УДК 02(574)=(161.1)

Grednikov S.A. MILITARY YOUTH IN SIBERIA. Reconstruction of aspects of labor and everyday life of the young generation reveals their role in the economic and socio-cultural modernization of the Asian part of the Soviet Union during the Great Patriotic War. Just as the war began, along with the measures of the government to provide financial assistance to some territories and objects, initiatives among the population to assist rehabilitation and support to the front were launched.

Key words: youth, Siberia, Great Patriotic War, Novosibirsk, contribution.

С.А. Гредников, начальник лаборатории кафедры тактики ВУНЦ СВ «ОБА ВС РФ», г. Новосибирск, E-mail: kam.mak2009@yandex.ru

ВОЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ СИБИРИ

Реконструкция аспектов трудовой и повседневной жизни молодого поколения позволяет выявить его роль в процессе экономической и социокультурной модернизации азиатской территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. С самого начала войны наряду с мерами правительства по оказанию материальной помощи отдельным территориям и объектам, появились инициативы населения в содействии восстановления и помощи фронту.

Ключевые слова: молодежь, Сибирь, Великая Отечественная война, Новосибирск, вклад.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что ее изучение способствует выявлению исторического опыта использования трудового потенциала молодежи в ведущей отрасли индустриальной экономики сибирского тыла. Его специфика определяется процессом интенсивного формирования рабочей молодежи оборонной промышленности как социально-демографической группы городского населения Сибири, по существу сложившейся в военных условиях. Реконструкция аспектов трудовой и повседневной жизни молодого поколения позволяет выявить его роль в процессе экономической и социокультурной модернизации азиатской территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Юноши и девушки, принимавшие эстафету у старших поколений, усваивали профессиональные навыки, поведенческие стереотипы, моральные ценности, что предопределяло их вклад в укрепление промышленного и культурного потенциала восточных районов страны.

В военные годы молодежь внесла значительный вклад в развитие оборонной промышленности Западно-Сибирского региона. Юноши и девушки являлись неотъемлемой частью людских ресурсов, использовавшихся для комплектования производственных коллективов вновь созданных предприятий. Самоотверженный труд подростков и молодых людей, заменивших ушедших на фронт взрослых рабочих, стал одним из главных факторов развития оборонного производства, обусловившего доминирование военно-промышленного комплекса и машиностроения в отраслевой структуре народного хозяйства Сибири.

С самого начала войны, наряду с мерами правительства по оказанию материальной помощи отдельным территориям и объектам, начались инициативы населения в содействии восстановления и помощи фронту. В тяжелейших условиях военного времени в Советском Союзе появляется такое явление как

шефство [1]. Оно не было уникальным явлением отдельных территорий, его механизм довольно успешно работал на территории всего СССР. Изначально процесс был стихийным, однако постепенно приобрел массовый организованный характер.

Шефская помощь была организована и в Новосибирской области. Одной из форм помощи стала организация шефства над фронтовыми частями соединениями Советской Армии. Постановление об изготовлении кисетов и носовых платков для вручения бойцам и командирам РККА через бригаду государственного театра кукол, выезжавшей для обслуживания фронта, изгототовить на предприятиях Леппрома г. Новосибирска 10 тысяч кисетов и 10 тысяч носовых платков [2]. Постановление бюро обкома ВКП(б) о посылке делегации на Северно-западный фронт с подарками в честь XXIV годовщины Красной Армии [3]. Содержание новогодней посылки в подарок бойцам от Каргатского межрайторга: полотенца — 3 шт, конфеты — 3 кг, пряники — 2 кг, табак — 3 пачки, духи — 1 флакон, зубной порошок — 4 шт, зубная щетка — 2 шт, тетради — 9 шт, конверты — 18 шт, карандаши — 3 шт, мыло туалетное — 6 кусков, порошок для бритья — 4 шт. [4]. В телеграмме из Барабинска в новосибирский обком комсомола указано, что комсомольцы барабинского отделения актива решили организовать сбор средств на танковую колонну, для чего вызвали на соревнование комсомольцев омской дороги [5].

С началом Великой Отечественной войны в Сибири развернулось движение по сбору средств на вооружение Советской Армии. В государственной трудовой сберегательной кассе № 2258 в г. Здвинске принято от сотрудников РКВКП(б) в фонд обороны страны 11 тыс. 900 рублей 6 августа 1941 г. [6]. Перевод на текущий счет № 350055 на постройку самолета «Сибирячка Фронту» на сумму 42 тыс. 350 рублей [7]. Новосибирский

сельский райком партии в 1943 году организовал большую политическую работу вокруг движения по народным взносам на вооружение. В результате за 2-3 дня район собрал 2,5 миллиона рублей и приобрел эскадрилью боевых I машин, назвав ее «За Родину». На передаче самолетов участвовало 150 колхозников и рабочих совхозов района. Партийные организации района воспользовались этим и привлекли делегацию в качестве агитаторов. Результатом стало то, что в короткое время в районе было собрано еще 17 миллионов 220 тысяч рублей на постройку вооружения [8, с. 53].

Пионеры и школьники Новосибирской области послали воинам Советской Армии 11.398 посылок. На строительство авиаэскадрильи, в состав которой вошли самолеты «Новосибирский пионер» и «Новосибирский школьник», они собрали 1.974.820 рублей и на танки 87,240 рублей [8]. Жители области, испытывая большие трудности, собирали все, что только было можно, и отсылали на фронт, чтобы еще больше укрепить моральный дух защитников Родины. В Сталинград, Ленинград, на все фронты Отечественной войны в подшефные подразделения шли эшелоны с грузами — с вооружением и техникой, с продуктами, собранными тружениками тыла [9]. В обращении комсомольской организации завода им. В.П. Чкалова к комсомольцам и молодежи Новосибирской области: «<...> Давайте построим на наши средства вторую эскадрилью. Пусть каждый комсомолец, патриот социалистической Родины внесет свою долю на строительство этой эскадрильи» [10]. Из письма И.В. Сталина секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) товарищу Кулагину: «Передайте трудящимся Новосибирской области, собравшим, кроме первых 223 млн. 653 тыс. 800 рублей, дополнительно 41 млн. 750 тыс. рублей на строительство боевых сибирских эскадрилий «За Родину» и бронепоездов «Советская Беларусь», подарки добровольце-сибиряков и моряков Северного флота, а так же коллективам заводов и предприятий области, выпустившим сверх плана продукции на сумму 11 млн. 604 тыс. 826 рублей — мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин» [11].

Исследование данной проблемы дает возможность сформировать в сознании современного общества представление о значительном влиянии приобретенного молодежью социального и духовного опыта на экономическое и социокультурное развитие Сибирского региона в самые суровые годы страны.

Великая Отечественная война, определившая на несколько десятилетий одно из ведущих направлений социально-экономического развития Сибири, связанное с возникновением и функционированием военно-промышленного комплекса, существенным образом изменила роль рабочей молодежи в процессе индустриального освоения Сибири. В это время его характерной особенностью являлось создание оборонного производства на базе предприятий, эвакуированных из европейской части страны. Возникновение данной отрасли, ставшей становым хребтом народного хозяйства региона, способствовало образованию нового отряда рабочего класса, формировавшегося в основном за счет юношей и девушек в возрасте до 25 лет. В связи с этим возрастает интерес к исследованию проблемы использования труда подростков и молодых людей в военной экономике тыловых районов СССР.

Война в значительной мере повлияла на жизненный путь молодых людей. Для многих из них поступление на оборонные предприятия совпало с началом трудовой биографии, связанным с усвоением и совершенствованием первоначальных технических знаний и навыков. Включение юношей и девушек в военно-промышленное производство сопровождалось их адаптацией к материально-бытовым лишениям, новым формам досуга, возникшим в условиях нехватки свободного времени. В этом социокультурном контексте происходило формирование профессионального и морального облика нового поколения промышленных рабочих, производственная деятельность которого являлась важным условием динамичного роста экономики Сибири в военный и послевоенный период.

Для изучения проблемы потребуется проведение многоаспектного изучения литературы вопроса, архивных документов и материалов.

Библиографический список

1. Шефство — форма общественной деятельности, систематическая помощь, оказываемая, одной организацией, учреждением (шефом) другому (подшефному) коллективу // Советский энциклопедический словарь. — М., 1982. — С. 1507.
2. Из протокола № 331 заседания бюро Новосибирского областного комитета ВКП(б) от 5 июня 1941 г.
3. Из протокола № 282 заседания бюро Новосибирского областного комитета ВКП(б) от 16 февраля 1942 г. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 556. Л. 13.
4. Ф. П-53. Оп. 1. Д. 486. ЛЛ. 11,12,13.
5. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 614. ЛЛ. 52-53.
6. Ф. П-47. Оп. 1. Д. 270. Л. 4.
7. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 208. Л. 144.
8. Васильев, Ю.А. Коммунистическая партия — организатор патриотического движения трудящихся Сибири по оказанию материальной помощи фронту 1941-1945. Тюмень, 1963.
9. Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу 1941-1945 гг. Л.: Изд. ЛГУ, 1980.
10. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 89. Л. 155.
11. Советская Сибирь. — 1943. — № 48. — от 27 февраля. ф. Р-2190.) — 10330.

Bibliography

1. Shefstvo — forma obshchestvennoy deyatel'nosti, sistematicheskaya pomoshch, okazivhaemaya, odnoy organizaciyey, uchrezhdeniem (shefom) drugomu (podshefnomu) kolektivu // Sovetskijy ehnciklopedicheskiy slovarj. — M., 1982. —S. 1507.
2. Iz protokola № 331 zasedaniya byuro Novosibirskogo oblastnogo komiteta VKP(b) ot 5 iyunya 1941 g.
3. Iz protokola № 282 zasedaniya byuro Novosibirskogo oblastnogo komiteta VKP(b) ot 16 fevralya 1942 g. F. P-4. Op. 33. D. 556. L. 13.
4. F. P-53. Op. 1. D. 486. LL. 11,12,13.
5. F. P-4. Op. 33. D. 614. LL. 52-53.
6. F. P-47. Op. 1. D. 270. L. 4.
7. F. P-4. Op. 7. D. 208. L. 144.
8. Vasiljev, Yu.A. Kommunisticheskaya partiya — organizator patrioticheskogo dvizheniya trudyatikhhsya Sibiri po okazaniyu material'noj pomothi frontu 1941-1945. Tyumenj, 1963.
9. Organizatorskaya i massovo-politicheskaya rabota partijnyhkh organizacij RSFSR v tihlu 1941-1945 gg. L.: Izd. LGU, 1980.
10. F. P-190. Op. 1. D. 89. L. 155.
11. Sovetskaya Sibirj. — 1943. — № 48. — ot 27 fevralya. f. R-2190.) — 10330.

Статья поступила в редакцию 28.07.14

УДК 02(574)=(161.1)

Ismailov A.M. RECOGNITION OF THE RIGHT TO ETHNIC IDENTITY IN MODRN PERIOD (LEGAL AND SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS). The paper is dedicated to urgency of studying of problems of a person's identity and national identification and their significance for the historical science and history of Russian culture. The article describes the legal and socio-philosophical aspects of this problem for Russian-language book publishing in interethnic interaction of the countries of Central Asia.

Key words: recognition of rights, identity, national identity, historical and literary science, Russian book publishing, interethnic interaction, book cultures, Central Asia.

Исмаилов Агамехти Мамед-оглы, канд. ист. наук, доц., проф. каф. Государства и права
 ВИ ВВ МВД России, г. Новосибирск, E-mail: mi hail.ismailov@yandex.ru

ПРИЗНАНИЕ ПРАВА НА ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОВСКИЕ АСПЕКТЫ)

Статья посвящена актуальности изучения проблем идентичности и национальной самобытности и ее значимости для историко-книжной науки, истории отечественной культуры. В статье изложены правовые и социально-философские аспекты проблемы для русскоязычного книгоиздания в межэтническом взаимодействии стран Центральной Азии.

Ключевые слова: признание права, идентичность, национальная самобытность, историко-книжная наука, русскоязычное книгоиздание, межэтническое взаимодействие, книжные культуры, Центральная Азия.

Русскоязычное книгоиздание в условиях коренных социальных перемен характеризуется сложностью его организации и неоднозначностью восприятия, понимания обществами его необходимости, а также оценки его результатов. При рассмотрении русскоязычного книгоиздания в межэтническом взаимодействии значительное место отводится изучению проблем идентичности и национальной самобытности.

Глобальные трансформации коренным образом преобразуют сложившийся миропорядок, что особо актуально для современного этнонационального развития. И самый сложный вопрос – его адаптации к новым реалиям без значительного ущерба для собственной идентичности и национальной самобытности. Стандартизация витальных и социальных потребностей людей, усиливающееся схождение образа жизни, унификация культурного пространства теснят национальные культуры. Их существование и развитие всецело зависят от сохранения этнической идентичности, а её защита – от наличия эффективных правовых механизмов.

Этническая идентичность включает в себя «историческую легитимность занимаемой территории; совокупность легенд и традиций в качестве опоры коллективной идентичности; опыт общественной жизни и правовой культуры, придающий каждому сообществу его институциональную конфигурацию; и наконец, развитие экономической системы, позволяющей опознать сообщество и его членов в их отношениях с внешним миром» [1, с. 100]. Как видим, речь идет о совокупности этнонациональных интересов, направленных на реализацию территориальных, культурных, социально-экономических потребностей этнической общности. Поэтому содержание права на этническую идентичность не следует сужать до весьма популярной в наши дни формулировки «уважение к культурному и языковому своеобразие народов». Скорее его следует рассматривать как правовой механизм по защите этнонациональных интересов.

Чтобы понять главное содержание этнонациональных интересов и определить условия для их реализации в русскоязычном книгоиздании, прибегнем к аналогии и воспользуемся воззрениями на сущность общественных интересов А.Г. Маслоу. Эти интересы, обладая наибольшей степенью общности, «отражают базовые нужды людей, к которым относятся физиологические потребности, потребность в безопасности, принадлежности, признании и самоактуализации. В качестве социальных условий, необходимых для их удовлетворения, выступают права человека: свобода слова, свобода выбора деятельности, свобода самовыражения, свобода творчества, право на получение информации, право на самозащиту» [2, с. 22] (эти права гарантируются конституцией). Этнонациональные же интересы в русскоязычном книгоиздании «направлены на сохранение... этнического своеобразия, особенностей жизненного уклада, характера и видов деятельности» [3, с. 68] и выражают стремление к самоутверждению, к признанию своей субъектности в политической, экономической жизни, к развитию культуры, сохранению исторической памяти и обретению перспектив в будущем. А социальные условия, реально обеспечивающими реализацию этнонациональных интересов, следует считать как соответствующее право человека (право на этническую идентификацию), так и право народа на этническую идентичность и иные права народов.

Таким образом, основу этнонациональных интересов составляет стремление сохранить себя как этническую группу, обладающую специфической культурой, и воспроизводить себя

как отдельную социальную общность. И оно может быть реализовано через совокупность коллективных и индивидуальных этнических прав: существовать в качестве самобытной единицы имеет право не только этническая общность в целом, но и отдельно взятый индивид. Однако возможности индивида в осуществлении этого права во многом зависят от объема и реальности прав этнической общности, и в первую очередь от самого факта ее существования в качестве таковой. Поэтому защитить этноиндивидуальность человека, его право быть национально выраженным и разделять исконные ценности посредством только института прав человека, тем более в современных условиях, крайне сложно. Главная причина заключается в том, что реализация индивидуальных культурных прав не позволяет сохранить уникальность самой культуры. Для этого необходима защита самих этнических групп как носителей самобытных культур, что требует установления соответствующих прав народов. Только это обеспечит реальное многообразие стилей жизни и придаст истинный смысл свободе выбора индивида в вопросах самоидентификации.

В вопросе о праве на этническую идентичность самой сложной проблемой является определение этнической идентичности с помощью языка права. Существующие юридические определения в концентрированном виде сводятся к пониманию этнической идентичности как самобытности, особенности, уникальности (религиозной, культурной, социальной). «Многие исследователи видят в национальной идентичности национальный консерватизм и даже национальный эгоизм, стремление сохранить любой ценой культуру и традиции предков и, конечно, сохранить государственный суверенитет» [4, с. 4], – считает К.Н. Пономарев. Если последнее: сохранение государственно-суверенитета, суверенных функций государства, – конкретно и четко, то первое (самобытность, особенность, уникальность, культура, традиции) – многопланово, огромно. По словам К.Н. Пономарева, такой подход не дает четкого понимания «зерна» национальной идентичности [4, с. 5]. Определить же «зерно» национальной идентичности помогают философские воззрения на ее сущность.

Наиболее распространенным является (и об этом свидетельствуют новейшие исследования в этой области [5]) взгляд на этническую идентичность как на совокупность объективных этнодифференцирующих признаков. К ним относятся общность языка, общие черты материальной и духовной культуры, а также субъективные характеристики (особенности национального характера, или поведенческие и мыслительные стереотипы, наличие разделяемых членами группы представлений об общем территориальном и историческом происхождении, религия...) [6].

Такой взгляд на этническую идентичность в обобщенном виде сформулировал А.С. Панарин, утверждая, что основанием национальной идентичности служит: «единство территории (место развития), истории, образующей источник коллективной культурной памяти, и ценностной нормативной системы, служащей ориентиром группового и индивидуального поведения... иначе говоря, закон трех единств, образующих коллективную идентичность народа» [7, с. 136, 137.].

Таким образом, правовые и социально-философские аспекты признания права народов на этническую идентичность в современных условиях являются фактором межэтнического взаимодействия. Данный вывод имеет теоретическое и практическое значение для междисциплинарных историко-книжных исследований. Русскоязычное книгоиздание, формируя национальную идентичность, способствует межэтническому взаимодействию.

Библиографический список

1. Росалес, Х.М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // Политические исследования. – 1999. – № 6.
2. Тотьев, К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Гос. и право. – 2002. – № 9.
3. Росенко, М.Н. Нации в современном обществе: теоретико-методологический анализ // Социология и социальная антропология. – 1999. – Вып. 4. – Т. 2.
4. Пономарев, К.Н. О понятии принципа национальной идентичности Европейского союза // Закон и право. – 2006. – № 6.
5. Хилханов, Д.Л. Этническая идентичность: роль хозяйственно-экономических и культурно-языковых факторов: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Улан-Удэ, 2007 [Э/р]. – Р/д: <http://yak.ed.gou.ru>; Жаде, З.А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Краснодар, 2007 [Э/р]. – Р/д: <http://yak.ed.gou.ru>
6. Хилханов, Д.Л. Этническая идентичность: роль хозяйственно-экономических и культурно-языковых факторов: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Улан-Удэ, 2007 [Э/р]. – Р/д: <http://yak.ed.gou.ru>
7. Панарин, А. Искушение глобализмом. – М., 2003.

Bibliography

1. Rosales, Kh.M. Vospitanie grazhdanskoyj identichnosti: ob otnosheniyakh mezhdunaracionalizmom i patriotizmom // Politicheskie issledovaniya. – 1999. – № 6.
2. Totjhev, K.Yu. Publichniy interes v pravovoyj doktrine i zakonodatelstve // Gos. i pravo. – 2002. – № 9.
3. Rosenko, M.N. Nacii v sovremennom obthestve: teoretiko-metodologicheskij analiz // Sociologiya i socialjnaya antropologiya. – 1999. – Vihp. 4. – T. 2.
4. Ponomarev, K.N. O ponyatii principa nacionaljnoy identichnosti Evropejskogo soyuza // Zakon i pravo. – 2006. – № 6.
5. Khilkhonov, D.L. Ehtnicheskaya identichnostj: rolj khozyajstvenno-ehkonomicheskikh i kulturno-yazikovihkh faktorov: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. – Ulan-Udeh, 2007 [Eh/r]. – R/d: <http://uak.ed.gou.ru>; Zhade, Z.A. Geopoliticheskaya identichnostj Rossii v usloviyakh globalizacii: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk. – Krasnodar, 2007 [Eh/r]. – R/d: <http://uak.ed.gou.ru>
6. Khilkhonov, D.L. Ehtnicheskaya identichnostj: rolj khozyajstvenno-ehkonomicheskikh i kulturno-yazikovihkh faktorov: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. – Ulan-Udeh, 2007 [Eh/r]. – R/d: <http://uak.ed.gou.ru>
7. Panarin, A. Iskushenie globalizmom. – M., 2003.

Статья поступила в редакцию 28.07.14

УДК 02(574)=(161.1)

Ismailov A.M. THE EVOLUTION OF RUSSIAN-LANGUAGE BOOK PUBLISHING IN THE STATES OF CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT. The research reveals the relevance of studying problems of the Russian-language book publishing and its significance for the historical books of science, history of Russian culture. The article describes the socio-political and historical aspects of the problem for the Russian-language book publishing in the countries of Central Asia.

Key words: evolution, social communication, historical and literary science, Russian book publishing, book cultures, Central Asia.

Исмаилов Агамехти Мамед-оглы, канд. ист. наук, доц., проф. каф. Государства и права ВИ ВВ МВД России, г. Новосибирск, E-mail: mihaail.ismailov@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО КНИГОИЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена актуальности изучения проблем русскоязычного книгоиздания и ее значимости для историко-книжной науки, истории отечественной культуры. В статье изложены социально-политические и исторические аспекты проблемы для русскоязычного книгоиздания в странах Центральной Азии.

Ключевые слова: эволюция, социальные коммуникации, историко-книжная наука, русскоязычное книгоиздание, книжная культура, Центральная Азия.

Русскоязычное книгоиздание как составная часть книжной культуры, включенное в социальные коммуникации, содействует общественному прогрессу и определяет дальнейшие пути культурной эволюции. В связи с этим становится актуальным осмысление эволюции русскоязычного книгоиздания в контексте цивилизационного развития, что соотносится с повышением интереса общества к изучению, сохранению и использованию национального историко-культурного наследия при выработке определенной стратегии в условиях глобальной цивилизации; то есть изучение эволюции русскоязычного книгоиздания в конкретные периоды развития общества социально значимо. В этом отношении история русскоязычного книгоиздания является способом ориентации во времени и пространстве между прошлым и будущим.

Конечно, сведения о распространении книг на русском языке за рубежом и возникновении центров русской книжной культуры в Европе и на территории иных континентов – информация достаточно известная. Вопрос этот уже не первый год привлекает внимание исследователей [1, с. 72].

Не анализируя данной многогранной проблемы в целом, автор поставил перед собой иную задачу: рассмотреть русскоязычную книгу, прежде всего, в качестве межгосударственного,

межнационального явления, имеющего место в группе самостоятельных государств, возникших после распада Советского Союза. После обретения фактической самостоятельности некоторые руководители государств центрально-азиатского региона, активно строя национальную культуру, признают особый статус русской культуры [2, с. 285].

Ни одна из стран мира не имеет такого разнообразия социокультурных ландшафтов, как Россия и Центральная Азия, издательства которых неодинаково интегрированы в структуру общественного производства территорий, что обусловлено их культурными и национальными особенностями. В связи с этим проблема изучения эволюции русскоязычного книгоиздания отдельных регионов приобретает еще большую актуальность.

Регион – это определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью и взаимосвязанностью составляющих ее элементов; конкретизация и содержательная интерпретация этого понятия осуществляются при выделении определенных типов регионов. Это и географический район со специфическими физико-географическими характеристиками; и экономический район с системой взаимодействия между хозяйственными субъектами, сложный территориально-экономический комплекс со струк-

Таблица 1

Динамика русскоязычного книгоиздания в странах Центральной Азии (1993-2008 гг.)

Год издания	Казахстан		Кыргызстан		Узбекистан	
	Кол-во названий	Тираж, тыс. экз.	Кол-во названий	Тираж, тыс. экз.	Кол-во названий	Тираж, тыс. экз.
1993	577	11337,8	53	1506,0	416	12222,7
1994	538	6090,0	165	823,5	321	13040,7
1996	542	6948,6	176	439,0	222	3620,1
1997	413	4999,2	138	232,7	197	4952
1998	670	6991,5	219	266,3	160	1704
1999	682	3943,4	287	261,3	156	2222,2
2000	587	3181,8	289	165,4	162	1824,3
2001	680	2801,0	320	168,5	190	2178,6
2002	933	2976,0	349	329,9	136	1726
2003	1083	3688,0	290	508,1	126	1081,5
2004	1174	3382,2	нет данных		130	566,8
2006	1551	5195,48	293	145,5	133	1063,5
2007	1539	4286,65	291	144,9	299	2260,7
2008	1558	4612,78	343	335,8	326	2539,8

турой связи с внешней и внутренней средой; и социально-территориальная общность, включающая совокупность факторов: этнический состав населения, трудовые ресурсы, социальную инфраструктуру, культурные и экономико-политические аспекты развития; и административно-территориальная единица государства [3, с. 16]. С учетом всех этих данных, с нашей точки зрения, и следует рассматривать регион Центральной Азии и все происходящие в нем изменения, в том числе и в русскоязычном книгоиздании.

Центрально-Азиатский регион имеет уникальные исторические, географические, социально-экономические, культурные особенности развития – это особая социокультурная система, функционирующая в общем контексте развития Евразии, которую, с определенной долей условности (на уровне авторских представлений), можно рассматривать и как локальную цивилизацию (конкретное общество со своей культурой), включенную в общий цивилизационный процесс.

Установление закономерностей возникновения русскоязычного книгоиздания и тенденций их развития; определение перспектив эволюции русскоязычного книгоиздания регионов в условиях историко-культурных и социальных трансформаций актуализируют внимание к историко-книжным проблемам регионального характера.

На основе результатов анализа обширного массива исторических, фактологических данных сделаны новые обобщения об особенностях, характере развития русскоязычного книгоиздания всех систем и ведомств, составлявших издательскую сеть региона в определенные хронологические периоды и действовавших в различных социокультурных, административно-территориальных и политических условиях.

Детально исследованы и представлены сегменты русскоязычного книгоиздания, определено их взаимодействие и взаимовлияние как звеньев локальной культурно-цивилизационной системы, являющейся важной составляющей развития мировой культуры.

Русскоязычное книгоиздание не существует само по себе, параметры его функционирования и динамику развития определяют пространственно-временные характеристики. Пространство и время – это контуры формирования любой деятельности, в том числе книгоиздательской. Природа основных процессов формирования и развития русскоязычного книгоиздания, их архитектоника, выраженная через контент пространства и времени, позволяет соотнести все элементы, порождаемые культурой (смыслы, ценности и нормы), с компонентами регионального русскоязычного книгоиздания; то есть пространственно-временной континуум является методологическим основанием для исследования регионального русскоязычного книгоиздания. События, происходящие в региональном пространстве в определенные периоды истории, несомненно, оказывают влияние на развитие социально-культурного ландшафта и соответственно русскоязычного книгоиздания. Являясь открытой социальной системой, взаимодействуя с внешней средой, русскоязычное

книгоиздание закономерно адаптируется в среде функционирования и в то же время оказывает на нее воздействие, изменяя набор и сочетание своих функций и структурных элементов. Наиболее кардинальные изменения внешнего пространства русскоязычного книгоиздания происходят в период активных трансформаций социума. В это время особенно заметными становятся контрасты между экономическим и социокультурным потенциалом центральных и периферийных территорий, усиливается асимметрия регионов преимущественно с русским населением и этническими районами. В результате образуется множество модификаций единого прежде пространства, что определяет разную скорость проведения реформ, различные экономические и социальные результаты, неоднородность институциональных условий существования культурных потенциалов территорий, в том числе и русскоязычного книгоиздания.

Наиболее эффективно процесс русскоязычного книгоиздания в ходе цивилизационного развития общества можно проследить, с нашей точки зрения, на основе изучения динамики русскоязычного книгоиздания (таблица 1) [4].

Из таблицы 1 становится очевидным, что процесс эволюции книгоиздания в государствах Центральной Азии происходил противоречиво, с подъемами и спадами книгопечатания на русском языке. Сразу отметим неуклонный рост количества русскоязычных книг в Казахстане. С меньшими темпами, но в сторону роста количества названий, происходили изменения в Кыргызстане. Начиная с 2003 г. аналогичные процессы наметились в русскоязычном книгоиздании Узбекистана. По результатам исследований, проведенных автором, рост количества названий происходил в основном за счет увеличения производства учебной и учебно-методической литературы. Вместе с тем государства Центральной Азии, испытав на себе последствия развала союзного государства, так и не смогли преодолеть последствия кризиса книгоиздания. Даже издательства Казахстана, достигнув рекордного для постсоветского периода уровня, по-прежнему не достигли уровня 1990 г. Что касается тиражей, то здесь трудно проводить сравнения по издательствам государств. И в то же время, очевидно, что идут процессы сокращения тиражей русскоязычных книг. Отдельные авторы в этом процессе видят негативное отношение издателей. Дело совсем не в этом. Речь идет о том, что каждый издатель ищет своего читателя, свою нишу в книжном рынке. Необходима государственная поддержка выпуска социально-значимой литературы.

На рубеже XX – XXI вв. русскоязычная книга приближала читателя к познанию многоаспектных проблем современной цивилизации, способствовала развитию национальных культур азиатских стран СНГ. Накоплен большой исторический опыт сотрудничества народов, сформировался общий пласт культуры, выступающий в настоящее время, в свою очередь, фактором относительной межэтнической стабильности.

Вопрос толерантности и признания культурных, национальных различий становится одним из важнейших условий дальнейшего развития человечества.

Однако решение данной проблемы лежит не в этнической унификации, национальной индифферентности и социокультурной анонимности социальных общностей, а в нахождении моделей социальной коммуникации, позволяющих сохранить или сформировать позитивно-ресурсные основания национальных культур в условиях усиливающегося и усложняющегося межэтнического взаимодействия, которое, в свою очередь, по-своему

определяет и влияет на особенности формирования локальных социумов и социальных групп.

Русскоязычная книга, будучи результатом процессов духовного и творческого общения людей, подразумевает взаимное обогащение новыми идеями в контексте культурного обмена и выполняет, таким образом, важную коммуникативную функцию.

Библиографический список

1. Баренбаум, И.Е. Предисловие // Пайчадзе С.А. Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. – Новосибирск, 1995; Пайчадзе, С.А. Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. – Новосибирск, 1995. – С. 204; Елепов, Б.С., Пайчадзе С.А. Геополитический характер распространения русской книги: к постановке вопроса. – Новосибирск, 2001.
2. Назарбаев, Н. Стратегия вечной дружбы. Казахстан – Россия. – М., 2000.
3. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики. – М., 2003.
4. Сведения представлены Национальными книжными палатами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана за период 1993-2008 гг.

Bibliography

1. Barenbaum, I.E. Predislovie // Payichadze S.A. Russkaya kniga v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. – Novosibirsk, 1995; Payichadze, S.A. Russkaya kniga v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. – Novosibirsk, 1995. – S. 204; Elepov, B.S., Payichadze S.A. Geopoliticheskiy kharakter rasprostraneniya russkoj knigi: k postanovke voprosa. – Novosibirsk, 2001.
2. Nazarbaev, N. Strategiya vechnoy druzhbi. Kazakhstan – Rossiya. – M., 2000.
3. Granberg, A. G. Osnovih regional'noy ekonomiki. – M., 2003.
4. Svedeniya predstavlenih Nacional'nimi knizhnimi palatami Kazakhstana, Kihrgizstana i Uzbekistana za period 1993-2008 gg.

Статья поступила в редакцию 02.08.14

УДК 93/94

Kortunov A.I. POLISH MILITARY SOLDIERS IN SERVICE AT FORTRESSES OF ORENBURG KRAI (THE FIRST HALF OF THE 19 CENTURY). In the work the research of the question of military service of the Poles in fortresses of Orenburg border line in the first half of the 19th century is conducted. The service of exiled Poles and the officers of the Polish origin officially sent from the regular army, in Orenburg Separate Corps and in particular in Orenburg Cossack Battalion is investigated.

Key words: Poles, exile, military service, fortress, Orenburg Krai, Separate Orenburg Corps, Orenburg Cossack Battalion.

А.И. Кортунув, канд. ист. наук, н.с. каф. Отечественной истории Башкирского гос. педагогического университета им. М. Акумлы, г. Уфа, E-mail: kortunov@rambler.ru

ПОЛЯКИ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В КРЕПОСТЯХ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)*

В работе проведено исследование вопроса военной службы поляков в крепостях Оренбургской пограничной линии в первой половине XIX столетия. Освещается служба ссыльных поляков и офицеров польского происхождения, прикомандированных из регулярной армии, в Оренбургском Отдельном корпусе и в частности в Оренбургском казачьем войске.

Ключевые слова: поляки, ссылка, военная служба, крепость, Оренбургский край, Отдельный Оренбургский корпус, Оренбургское казачье войско.

Одной из интереснейших страниц истории русско-польских отношений, бесспорно, является вопрос пребывания поляков на Урале. С середины XVII и до начала XX вв. просматривается несколько потоков миграции поляков на Урал. При этом стоит отметить, что они попадали в Уральский регион, как в результате добровольного переселения, так и в результате депортации. Ученые-историки с полным основанием утверждают, что польские переселенцы были одной из самых массовых этнических групп из иностранцев, которые когда-либо прибывали на Урал.

Стоит отметить, что выбранная нами тема исследования, бесспорно, является актуальной. На фоне нарастающего интереса общественности к региональной истории и культуре, а особенно к межнациональным и межкультурным взаимодействиям народов, данная работа может выполнить общую научно-просветительскую функцию. Тем более, что вопрос военной службы поляков в крепостях Оренбургского края до настоящего времени не рассматривался.

В российской и зарубежной (в основном польской) историографии довольно подробно освещены вопросы, связанные с историей политической ссылки поляков в XIX в. Конкретно по Уральскому региону выделяются основательные труды В.В. Лапыговой. Начиная с 1994 г. и до настоящего времени ей было

опубликовано несколько научных работ по истории поляков на Южном Урале в XVII – нач. XX вв. [1; 2; 3]. При этом специально по военной службе поляков в крепостях Оренбургской историками не проводилось. Некоторые отдельные статьи, связанные с историей службы офицеров и генералов польского происхождения в Оренбургском крае, мы встречаем в сборниках материалов различных научных конференций [4; 5; 6]. Некоторые сведения по теме нашего исследования мы можем найти в диссертациях и авторефератах уже известных нам авторов [7; 8]. Таким образом, можно утверждать, что выбранная тема не достаточно освещена в историографии.

Необходимо отметить теоретическую и практическую значимость темы нашего исследования. В частности, ее результаты могут быть использованы при дальнейших разработках вопросов исторического прошлого Южно-Уральского региона; при подготовке учебников и учебных пособий для средней и высшей школы; при разработке учебных спецкурсов в высших учебных заведениях; при разработке государственных программ по сохранению и развитию национально-культурного наследия народов Урала.

В будущем возможен более глубокий и системный анализ различных источников связанных с изучением вопроса военной службы поляков в крепостях Оренбургского края в XIX столетии.

На сегодняшний день существует ряд проблем в изучении деопроизводственных, статистических, законодательных и других источников находящихся в фондах различных региональных и центральных архивов. Основная проблема связана с широкой географией архивохранилищ, где хранятся документы связанные с темой нашего исследования. Интересующие нас фонды находятся в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан, Государственном архиве Оренбургской области, Объединенном государственном архиве Челябинской области, Государственном архиве Свердловской области, Российском государственном военно-историческом архиве и др. Данное обстоятельство затрудняет сбор материала, его систематизацию и анализ. Несмотря на это перспективы дальнейших исследований в этом направлении очевидны.

Начиная наше исследование, отметим, что одними из первых выходцев с польских земель, поселившихся на Урале, были смоленские и полоцкие шляхтичи. После захвата в 1654 г. русскими войсками Полоцка и Смоленска (во время русско-польской войны 1654-1667 гг.), часть местной шляхты присягнула на верность русскому царю и была определена на службу в крепости Закамской линии и Уфимского уезда.

С середины XVIII в. потомки шляхтичей начали активно расселяться по уездам и городам Оренбургского края (главным образом в его северной и западной частях). А во второй половине XVIII столетия начинается переселение в Оренбуржье пленных польских конфедератов, открывших историю польской политической ссылки в регионе. В частности, в 1770-х гг. поляки служили в Кизильской, Таналыцкой, Троицкой и других крепостях Юго-восточной пограничной линии (по подсчетам некоторых историков общая численность польских конфедератов в Оренбургском крае в это время была около 1000 человек) [9, с. 125-126, 177-178]. А уже в XIX в. в Оренбургской губернии появляются политические ссыльные, участвовавшие в Отечественной войне 1812 г. на стороне Наполеона, а так же участники польских восстаний 1830-1831 гг., 1846 г., 1848 г., 1861-1863 гг.

Основная масса ссыльных поляков на Урале в XIX в. определялась на военную службу в крепости Оренбургской линии. После учреждения в 1816 г. Оренбургского Отдельного корпуса его ряды начали активно пополняться военным контингентом (корпус просуществовал до 10 августа 1864 г.) и в течении последующих двадцати лет многие поляки были сосланы или призваны на службу как раз в Отдельный корпус в крепости Юго-восточной пограничной линии.

Стоит отметить, что Оренбургский корпус состоял из: корпусного штаба, 29-й (нумерация менялась, с 1820 г. – 26-й, с 1833 г. – 23-й, затем 22-й) пехотной дивизии, гарнизонной артиллерии Оренбургского округа и других частей. Большая часть войск была размещена в Оренбурге, Уральске, Орске, Троицке, Верхнеуральске и Уфе. Часть батальонов размещалась в крепостях Оренбургской линии: Кизильской, Таналыцкой, Магнитной, Звериноголовской и Степной. При этом кавалерию корпуса представляли иррегулярные части: Оренбургское казачье войско с двумя конно-артиллерийскими ротами, Уральское казачье войско, Башкиро-Мещеряцкое (с 1855 г. – Башкирское) войско, Ставропольское калмыцкое войско и два тептярских полка [10, с. 166-168].

Отметим, что участники польских волнений 20-30-х гг. XIX в., сосланные в Оренбургский край, делились на две категории: мятежников, присланных на поселение, и польских военнопленных, принудительно сосланных для военной службы, в основном, в Оренбургском Отдельном корпусе. Но были исключения, когда, например, в солдаты записывали бывших учащихся. В частности, в 1824 г. в Оренбургский корпус были зачислены солдатами члены кружка «Черные братья», созданного учащимися Крожской гимназии Виленского учебного округа: Виткевич, Ивашкевич, Песляк и Сухотский (в это время им было по 14-16 лет). По приговору, Виткевича направили на службу в 5-й линейный батальон Оренбургского Отдельного корпуса в Орскую крепость, Песляка – в Верхнеуральскую, Ивашкевича – в Троицкую, а Сухотского – в Звериноголовскую, без выслуги лет [11, с. 131]. Как известно впоследствии, Виткевич и Сухотский окончили жизнь самоубийством, Песляк благополучно ушел в отставку и умер в 1867 г. в имении своей жены в Бирском уезде, Ивашкевич в 1830-х гг. получил чин унтер-офицера и дальнейшая его судьба неизвестна [12, с. 576-594].

После восстания 1830-1831 гг. в Оренбуржье прибыла самая большая партия поляков. По Высочайшему повелению

к определению на службу в 26-ю Пехотную дивизию Отдельного Оренбургского корпуса было назначено 1400 польских военнопленных и нижних чинов, которые были распределены по крепостям на Оренбургской пограничной линии [13]. Часть ссыльных поляков впоследствии добровольно перешли на службу из линейных батальонов Корпуса в Оренбургское казачье войско. Связано это было с начавшимися реформами на Оренбургской пограничной линии. В частности, в 1837 г. были расформированы линейные пехотные батальоны, расположенные в Орской, Верхнеуральской, Кизильской и Троицкой крепостях. Все солдаты были переписаны в казаки и выселены с семьями на так называемую Новую линию (она проходила на прямую от Орска до Троицка) [14, с. 27-28]. При этом Штаб и Обер-офицерам, дворянам и польским уроженцам было разрешено переходить в войско по их желанию. Всего новобранных казаков оказалось 2001 человек [15, с. 105].

Исследовав приказы по Отдельному Оренбургскому корпусу за 1838 г., мы обнаружили списки поляков изъявивших желание перейти в Оренбургское войско. Так, по приказу № 50 от 10 апреля 1838 г. семь поляков из 22-й Пехотной дивизии Оренбургского линейного батальона № 2 переводились в Оренбургское казачье войско (список не приложен) [16].

Далее приводится отрывочный список польских уроженцев, датированный так же 1838 г. В списке значится 51 человек из 22-й Пехотной дивизии Оренбургских линейных батальонов №№ 2, 3, 4. По документу данные солдаты добровольно выбрали себе место службы, а именно большинство из них попросилось на жительство в крепости: Звериноголовскую, Усть-Уйскую, Крутоярскую, Новоорскую, Степную, Петропавловскую; станицу Атаманскую; отряды: Прорывной, Кочердыцкий, Спасский, Ливневский и укрепление Императорское. Данные укрепления и населенные пункты располагались на Дистанциях №№ 1-6 Оренбургской пограничной линии (соответственно на Старой, Новой и Илецкой линиях) [17].

В следующем приказе № 69 от 12 мая 1838 г. сообщается, что «...по воле Господина Корпусного Командира Отдельного Оренбургского Корпуса рядовых линейного Оренбургского Батальона № 5 Яна Игнаца и Михаила Федеца по изъявленному ими желанию зачисляются в Оренбургское казачье войско. О чем, давая знать Оренбургскому казачьему войску, предписывается войсковой канцелярии по доставлении означенных чинов от Командующего 22-й Пехотной Дивизией сделать распоряжение о распределении их по станицам кто куда пожелает на Оренбургскую и новую линии» [18].

И в последнем, обнаруженном нами приказе от 18 мая 1838 г. за № 73 сообщается, что «...по воле Господина Корпусного Командира предписывается Войсковой канцелярии по именованных в прилагаемом при сем именном списке Нижних чинов из польских уроженцев линейных оренбургских батальонов по изъявленному ими желанию зачислить в Оренбургское казачье войско с водворением их в линейных Станицах, об исключении их из настоящего места служения и отправления по назначению...» [19].

В списке приказа № 73 числится 37 человек так же из 22-й Пехотной дивизии четырех Оренбургских линейных батальонов №№ 1, 2, 3, 4. Среди просителей значится два унтер-офицера (Казмир Новицкий из Батальона №1 и Михаила Имелок из Батальона № 2). Остальные 35 поляков из рядового состава. По документу данные поляки добровольно выбрали себе место службы. Большинство из них попросилось на жительство в крепости: Звериноголовскую, Усть-Уйскую, Крутоярскую и Степную; отряды: Прорывной, Кочердыцкий и Озерной. Данные укрепления и населенные пункты располагались на Дистанциях №№ 4, 5 Оренбургской пограничной линии (соответственно на Старой линии) [20].

Отметим, что точную цифру сосланных участников польского освободительного движения в Оренбуржье установить довольно сложно. При этом известно, что через Оренбургский Отдельный корпус прошло около двух тысяч поляков. В бумагах Оренбургского военного губернатора В.А. Обручева имеется упоминание о наличии в его подчинении 1667 «штрафованных нижних чинов» (40-50-е гг. XIX в.). А вот по данным библиографического словаря В.А. Дьякова, в 1856-1865 гг. в Оренбургском Отдельном корпусе отбывали ссылку уже только 135 поляков [21, с. 105, 114].

Причины уменьшения количества служащих поляков в Оренбургском Отдельном корпусе понятны. Часть их погибла в различных походах (например, в Хивинском походе 1839-1840 гг.)

либо на пограничной линии в стычках с киргизами, часть погибла от болезней, так же нередки были случаи самоубийств поляков из-за сложностей службы. При этом поляков могли переводить на другие пограничные линии (например, Сибирскую или Кавказскую). Многие поляки женились и принимали православие, так как это облегчало их участь и способствовало продвижению по карьерной лестнице. Некоторые поляки заслужили помилование и были отпущены на родину.

Вторую группу поляков, служащих в Оренбургских крепостях, составили прикомандированные офицеры из регулярной армии. Еще в начале XIX в. на действительную службу в российскую армию попадает значительное количество офицеров польского происхождения. Как известно, с присоединением к Российской империи западных территорий, а именно Киевской, Минской, Подольской, Волынской, Могилевской, Гродненской, Виленской, Ковенской и Витебской губерний в русскую армию активно стали вливаться представители польского дворянства. Отметим то, что все помещичье землевладение в этих губерниях было только польским. После вхождения в состав России Царства Польского количество поляков в офицерском корпусе Российской империи значительно увеличилось, так как офицеры бывшей польской армии с 1815 г. принимались на службу в русскую армию в обычном порядке [22, с. 311].

В это время большую часть в офицерском корпусе крепостей Оренбургской пограничной линии составляли прикомандированные из армейской кавалерии офицеры регулярной армии (из гусарских, драгунских и уланских полков). Например, с образованием в Оренбургском казачьем войске территориально-полковых округов и соответственно новых органов управления здесь были определены новые должности в управлении военными округами, в полковых и войсковых дежурствах, в учебных подразделениях. Таким образом, во второй четверти XIX в. в Орен-

бургское войско переводится целая группа офицеров и генералов регулярной армии, среди них офицеры польского происхождения: полковник Ахтырского гусарского полка Дуниковский, полковники Харнский, Каратышевский и др. [23, с. 127-128]. Служили прикомандированные офицеры практически во всех крепостях Оренбуржья, но определить географию службы офицеров-поляков на сегодняшний день довольно сложно. При этом мы можем утверждать, что из них только малая часть осталась в Оренбургской губернии, в большинстве своем прикомандированные польские офицеры после окончания срока службы возвращались к себе на родину.

Итак, отметим, что с начала XIX в. в крепостях Оренбуржья находились на службе польские уроженцы. Во-первых, на службу в Отдельный Оренбургский корпус стали переводиться офицеры-поляки из регулярной армии, сведения о которых сохранились во многих статистических источниках. Во-вторых, начиная с 20-30-х гг. XIX столетия в крепости Оренбургской пограничной линии (Оренбургскую, Орскую, Троицкую, Танайскую, Звериноголовскую, Верхнеуральскую, Усть-Уйскую, Крутойскую и многие другие) в службу направляются участники польских восстаний. Независимо от происхождения ссыльных поляков, их записывали простыми солдатами. По статистическим данным количество служащих поляков в крепостях Оренбуржья уже к середине XIX в. значительно сократилось. Причинами этого послужила высокая смертность среди поляков, переход в другие военные формирования Сибири и Кавказа, помилование и возвращение на родину и др.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Российские крепости как центры генерации государственности в этническом и конфессиональном пространстве Юго-востока России в XVII-XIX вв.» (№ 14-01-00364)*

Библиографический список

1. Латыпова, В.В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX вв.). – Уфа, 2010.
2. Латыпова, В.В. Ссылные поляки на Южном Урале в XVII-XIX вв. // Оренбургской губернии – 250 лет (проблемы истории и культуры). – Уфа, 1994.
3. Латыпова, В.В. Поляки в Башкортостане (XVII-XVIII вв.): краткий исторический очерк // Башкирский край. – Уфа, 1994. – Вып. 5.
4. Кортунов, А.И. Офицеры польского происхождения в Оренбургском казачьем войске (XIX в.) // Третьи Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. – Оренбург, 2007.
5. Семенов, В.Г. Иностранцы и иноверцы в Оренбургском казачьем войске // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург, 2002.
6. Семенов, В.Г. Генералы-поляки С.Т. Циолковский и П.И. Рокасовский на службе в российской армии и Оренбуржье // Поляки в России: XVII-XX вв.: материалы международной научной конф. – Краснодар, 2003.
7. Латыпова, В.В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1996.
8. Кортунов, А.И. Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII-XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2004.
9. Коити Тоёкава Оренбург и Оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773-1774 гг. – М., 1996.
10. Рахимов, Р.Н. Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окраины в николаевскую эпоху // Русский Сборник: исследования по истории России. – М., 2009. – Т. VII: Военная политика императора Николая I.
11. Шкерин, В.А. Ян Виткевич и Оренбургский военный губернатор Василий Перовский // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 2(35).
12. Записки Песляка // Исторический вестник. – 1883. – Т. 13.
13. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф.И-6. Оп.1. Д.64. ЛЛ.49-51.
14. Рязанов, А.Ф. На стыке борьбы за степь // Труды Оренбургского отдела Географического общества. – Оренбург, 1928. – Вып. 26.
15. Старилов, Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков. – Оренбург, 1891.
16. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.И-11. Оп.1. Д.23. Л.28об.
17. ОГАЧО. Ф.И-11. Оп.1. Д.23. Л.29-29об.
18. ОГАЧО. Ф.И-11. Оп.1. Д.23. Л.30об.
19. ОГАЧО. Ф.И-11. Оп.1. Д.23. ЛЛ.31об.-32.
20. ОГАЧО. Ф.И-11. Оп.1. Д.23. ЛЛ.32-33.
21. Латыпова, В.В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX вв.). – Уфа, 2010.
22. Волков, С.В. Русский офицерский корпус. – М., 2003.
23. Абрамовский, А.П. Во славу государства Российского / А.П. Абрамовский, В.С. Кобзов. – Челябинск, 1994.

Bibliography

1. Latipova, V.V. Polyaki na Yuzhnom Urale (XVII – nachalo XX vv.). – Ufa, 2010.
2. Latipova, V.V. Ssihljnihe polyaki na Yuzhnom Urale v XVII-XIX vv. // Orenburgskoy gubernii – 250 let (problemih istorii i kul'turh). – Ufa, 1994.
3. Latipova, V.V. Polyaki v Bashkortostane (XVII-XVIII vv.): kratkiy istoricheskiy ocherk // Bashkirskiy kray. – Ufa, 1994. – Vihp. 5.
4. Kortunov, A.I. Oficerih poljskogo proiskhozhdeniya v Orenburgskom kazachjem voyske (XIX v.) // Tretji Bolshakovskie chteniya. Kul'tura Orenburgskogo kraya: istoriya i sovremennostj: nauchno-obrazovatel'niy i kul'turno-prosvetitel'niy al'manakh. – Orenburg, 2007.
5. Semenov, V.G. Inostranich i inovercih v Orenburgskom kazachjem voyske // Ehtnokonfessional'niy dialog: sostoyanie, protivorechiya, perspektivih razvitiya: Materialih mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferencii. – Orenburg, 2002.
6. Semenov, V.G. Generalih-polyaki S.T. Ciolkovskiy i P.I. Rokasovskiy na sluzhbe v rossiyskoy armii i Orenburzhje // Polyaki v Rossii: XVII-XX vv.: materialih mezhduнародnoy nauchnoy konf. – Krasnodar, 2003.
7. Latipova, V.V. Polyaki na Yuzhnom Urale (XVII – nachalo XX vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – SPb., 1996.

8. Kortunov, A.I. Chislennost' i nacional'nykh sostav Orenburgskogo kazach'ego voyska v XVIII-XIX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Orenburg, 2004.
9. Koiti Toyokava Orenburg i Orenburgskoe kazachestvo vo vremya vosstaniya Pugacheva 1773-1774 gg. – M., 1996.
10. Rakhimov, R.N. Otdel'nykh Orenburgskiy korpus: proekti i realii vuyuyuthej okrainih v nikolaevskuyu ehpkohu // Russkiy Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii. – M., 2009. – T. VII: Voennaya politika imperatora Nikolaya I.
11. Shkerin, V.A. Yan Vitkevich i Orenburgskiy voenniy gubernator Vasiliy Perovskiy // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. – 2012. – № 2(35).
12. Zapiski Peslyaka // Istoricheskiy vestnik. – 1883. – T. 13.
13. Central'nyy istoricheskiy arkhiv Respubliki Bashkortostan (CIA RB). F.I-6. Op.1. D.64. LL.49-51.
14. Ryazanov, A.F. Na stihke bor'by za step' // Trudih Orenburgskogo otdela Geograficheskogo obshchestva. – Orenburg, 1928. – Vihp. 26.
15. Starikov, F.M. Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'ego voyska s prilozheniem stat'ji o domashnem bihte Orenburgskikh kazakov. – Orenburg, 1891.
16. Ob'edineniy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO). F.I-11. Op.1. D.23. L.28ob.
17. OGACHO. F.I-11. Op.1. D.23. L.29-29ob.
18. OGACHO. F.I-11. Op.1. D.23. L.30ob.
19. OGACHO. F.I-11. Op.1. D.23. LL.31ob.-32.
20. OGACHO. F.I-11. Op.1. D.23. LL.32-33.
21. Latipova, V.V. Polyaki na Yuzhnom Urale (XVII – nachalo XX vv.). – Ufa, 2010.
22. Volkov, S.V. Russkiy ofitserskiy korpus. – M., 2003.
23. Abramovskiy, A.P. Vo slavu gosudarstva Rossiyskogo / A.P. Abramovskiy, V.S. Kobzov. – Chelyabinsk, 1994.

Статья поступила в редакцию 20.09.14

УДК: ББК 63.3(2)614+67.401.133.1-1

Kuznetsov D. Ye. **BANDITISM IN WESTERN SIBERIA IN 1925-1935.** The article deals with some historical facts of crimes in Western Siberia. During the period of establishing of the Soviet power in Western Siberia, the number of committed criminal acts, including banditry, has dramatically increased. There was an active process of development of the normative-legal base of the young Soviet State, in order to confront bandits' groups. Despite the difficulties, the staff of Western Siberia militia carried out all kinds of work to combat manifestations of the banditism.

Key words: militia, bandits, West Siberia, criminal act, counteract.

Д.Е. Кузнецов, аспирант Алтайского гос. технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, E-mail: goodjobman@inbox.ru

ПРОЯВЛЕНИЯ БАНДИТИЗМА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1925-1935 ГГ.

В период становления советской власти в Западной Сибири резко возросло количество совершаемых преступлений, в том числе, случаев бандитизма. Активно шел процесс развития нормативно-правовой базы молодого советского государства, с целью усиления противодействия данному негативному явлению. Невзирая на трудности, сотрудники милиции Западной Сибири делали все возможное для борьбы с проявлениями бандитизма в регионе.

Ключевые слова: милиция, бандитизм, Западная Сибирь, преступление, противодействие.

Изучение проблематики преступности и, в частности, бандитизма в 1925-1935 гг., впрочем, как и государственных мер по противодействию ей, сохраняет актуальность и в настоящее время. Эпоха глобальных социальных потрясений, крушения морально-идеологической базы общества и, как следствие, нравственного релятивизма, проявляющегося в росте противоправных действий, имеет много общего с ситуацией в современной России, с присутствием ей отсутствием доминирующей идеологии, коррупцией и отсутствием широкого доверия к органам и представителям власти со стороны населения [1, с. 31]. Существенную сложность в изучении данного явления составляет ограниченное количество архивных материалов и, как следствие, небольшое число научных работ, связанных с данной тематикой.

Бандитизм является одной из разновидностей организованной преступности, однако его опасность для общества заключается в том, что члены банды в большинстве случаев вооружены и во время реализации свои преступных замыслов всегда готовы к его применению. Кроме того члены банды зачастую имеют достаточно высокую степень организованности, нацеленность на неоднократное совершение противоправных деяний, а так же значительное число лиц, вовлеченных в орбиту преступной деятельности, чем представляют повышенную общественную опасность [2, с. 3].

Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1922 года, а в последствии и 1926 года под бандитизмом понималось «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках), в организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушение железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась» [3]. Данное преступление являлось тяжким и наказывалось вплоть до высшей меры – смертной казни

с конфискацией имущества [4, с. 184]. Что позволяло сотрудникам милиции более эффективно бороться с бандами, основываясь на советское законодательство.

К причинам появления и развития бандитизма в Сибири следует отнести тот факт, что ее территория долгое время была полем боя в гражданской войне, следствием чего помимо всеобщего голода и разрухи явилось насыщение социального состава региона антисоветскими элементами, для которых преступный промысел был основной профессией. Также в ходе войны в Сибири было накоплено огромное количество оружия, которое находилось в пользовании у местного населения. Наказания за хранение оружия законодательством не предусматривалось, более того не было даже элементарного учета. Примером может служить выявленный в 1926 году случай нахождения в собственности у милиционера револьвер с патронами, который по документам являлся доказательством по уголовному делу [5, л. 11]. Все вышесказанное свидетельствует о том, что у возможность вооружиться у банд была практически неограниченна.

Одной из особенностей бандитизма в Сибири было то, что в исследуемый период банды носили смешанный, неустойчивый характер. Политическая или уголовная направленность деятельности банды определялась ее лидерами. Во главе часто вставали рецидивисты, доля которых в составе банд в 1927 году равнялась 76% [6, с. 11].

По данным на 1 января 1926 года в Сибири свою деятельность вели 9 банд, из которых к 15 марта были ликвидированы: в Кузнецком округе 2, в Красноярском округе 1, в Хакасии 1, в Минусинском округе 1, в Иркутской губернии 2 [7, л. 54]. Осенью 1926 года была уничтожена банда Огнева, промышленная конюшарня на территории Залесовского и соседних районов, а так же банда Колпакова [8, л. 44]. Однако к 1927 году уровень бандитизма в регионе в целом значительно не снижался.

Таблица 1

Период	Количество банд	Количество участников
1925-1926 гг.	23	1531
1926-1927 гг.	11	976
1927-1930 гг.	37	889

В 1927 – 1928 гг. уровень бандитизма в крае возрос на 14%. Пропорционально числу бандитов росла и их активность, помимо налетов, грабежей и разбоев предпринимались даже попытки крушения железнодорожных составов. Банды имели широкий арсенал оружия: винтовки, револьверы, гранаты. [9, л. 221]. Важно отметить, что в исследуемый период Западная Сибирь трижды объявлялась «территорией, неблагополучной по бандитизму»: в 1925 году, 1926-1927 гг. и в 1929 году.

На передовых позициях по борьбе с преступным миром стояли сотрудники уголовного розыска. До декабря 1927 г. общее руководство уголовного розыска осуществлял отдел уголовного розыска Центрального административного управления НКВД РСФСР, позже ставший самостоятельным оперативным отделом в системе НКВД. В мае 1931 г. уголовный розыск, потеряв самостоятельность, был вновь включен в состав органов милиции [10, л. 51].

К методам борьбы с бандитизмом относилось:

1. Вооруженное подавление любых форм бандитизма.
2. Ликвидацию главарей банд.
3. Формирование лагерей на охваченных бандитизмом территориях, в которые помещались семьи и пособники бандитов. В случае совершения бандитами убийств красноармейцев, партийных работников, коммунистов, заключенные подлежали расстрелу.
4. Во ВЦИК не пропускались прошения и жалобы по делам, связанным с бандитизмом.
5. Расширение агентурной сети и масштабная оперативная работа.

Одновременно с этим ужесточались меры по охране и содержанию заключенных. Значительно сложнее стала процедура досрочного освобождения. Перечисленные меры имели положительный результат не только в борьбе с бандитизмом, но и снижали уровень преступности в целом.

Борьба с бандитизмом велась всеми возможными средствами и методами, часть которых диктовалась ситуацией в регионе и государстве.

В августе 1927 года результатом действий милиции был ликвидирован главарь одной из крупных банд Развозжаева. 11 мая 1929 года был убит своим же сподвижником Михалевым лидер крупной банды Кочкин [11, л. 147, 153]. Его банда действовала в период 1921-1929 гг. Всего было задержано 18 ее участников [12, л. 23].

Часто милиционеры проявляли такие качества как ответственность и мужество, так 10 августа 1929 года в ходе боя с бандой Подирухина погиб начальник РАО Краснов и один милиционер; в том же году. Сотрудники уголовного розыска вели преследование банды Бардыбаева и Горбунова, в состав которой входило более 50-и человек по районам Нарымской тайги Томского округа 750 км зимой на лыжах, задержав при этом всех бандитов [13, л. 151].

Всего же в период 1925 – 1930 гг. сотрудниками правоохранительных органов была уничтожена 71 банда [14, с. 183]. (Таблица 1).

Следствием активной борьбы милиции с бандитизмом явилось значительное снижение количества банд и их преступной активности. Их численность неуклонно снижалась. Были случаи добровольной сдачи бандитов, а так же попытки переговоров с сотрудниками милиции в надежде на снисхождение.

Улучшение криминологической обстановки в регионе способствовало оздоровлению экономической ситуации, восстановлению народного хозяйства, повышению жизненного уровня населения в результате проведения прежде всего новой экономической политике. В результате чего т.н. политический бандитизм становится обыкновенным уголовным бандитизмом, который со временем был фактически ликвидирован сотрудниками правоохранительных органов.

В 1932-1933 гг. в Западной Сибири была ликвидирована 151 банда скотокрадов, а к ответственности привлечено 809 преступников, из которых 294 были приговорены к высшей мере наказания. В 1934 году было ликвидировано 269 «бандитско-грабительских групп», у которых было изъято 300 винтовок, 800 револьверов и 1000 охотничьих ружей [15, с. 196]. 13 октября 1933 года в г. Новосибирске семерыми преступниками было совершено нападение на женщину с целью хищения ее вещей, в последствии ей были причинены тяжкие телесные повреждения. Благодаря оперативным действиям милиции двое из нападавших были задержаны, что позволило впоследствии разыскать всех участников данной банды [16, л. 155].

В первой половине 1934 году за бандитизм и разбой было подвергнуто высшей мере наказания 176 преступников; к заключению приговорен 251 [15, с. 196]. 9 октября 1935 года в Калманке были схвачены бандиты из группы Шатько, совершавшие кражи скота; позднее была задержана банда из 10-и человек, совершившая кражу 14-и центнеров пшеницы из колхоза «Борьба за социализм» и банда Чайкина, совершившая ограбление и убийство [17, л. 207]. Всего в 1935 году в крае к смертной казни по делам о бандитизме было приговорено 85 преступников.

Результатом противостояния сибирской милиции и банд к концу 1935 года стала значительное снижение бандитизма. Этому способствовало оздоровление экономической ситуации в стране и решительные действия милиции, прежде всего уголовного розыска, в нейтрализации преступного элемента. Бандиты зачастую действовали уже разрозненно, хотя и продолжали совершать тяжкие преступления. Кроме того, органами государственной власти принимался большой пакет нормативно-правовых акты в отношении бандитизма, что способствовало плодотворной борьбе правоохранительных органов с организованной преступностью.

Библиографический список

1. Курышев, И.В. К характеристике преступности и бандитизма в Западной Сибири (начало 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 17.
2. Абдулатипов, А.М. Проблемы борьбы с бандитизмом (уголовно-правовой и криминологический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1998.
3. СУ РСФСР, – 1992, – ст. 15.
4. Швеков, Г.В. Первый Советский УК. – М., 1970.
5. ГААК, Ф. Р-110, оп. 1, д. 31.
6. Рапорт рабоче-крестьянской милиции Западно-Сибирского края к 15-й годовщине. Новосибирск, 1932.
7. ГАРФ, Ф. 393, оп. 66, д. 162.
8. ГААК, Ф. Р-110, оп. 1, д. 4.
9. ГАНО-Р, Ф. 20, оп. 2, д. 152.
10. Суверов, Е.В. История алтайской милиции (1917-1953 гг.): учеб. пособ. – Барнаул, 2013. – Ч. 1.
11. ГАНО-П, Ф. 1, оп. 2, д. 367.
12. ГАНО-П, Ф. 2, оп. 2, д. 384.
13. ГАРФ, Ф. 393, оп. 83, д. 17.
14. Харлов, Н.А. Милиция Сибири в 20-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002.
15. Тепляков, А.Г. Машина террора ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. – М., 2008.

16. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 188.
17. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 220.

Bibliography

1. Kurihshev, I.V. K kharakteristike prestupnosti i banditizma v Zapadnoy Sibiri (nachalo 1920-kh gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 17.
2. Abdulatipov, A.M. Problemi borjbi s banditizmom (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskij analiz): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Rostov-na-Donu, 1998.
3. SU RSFSR, – 1992, – st. 15.
4. Shvekov, G.V. Perviy Sovetskij UK. – M., 1970.
5. GAAK, F. R-110, op. 1, d. 31.
6. Raport raboche-krestjanskoy milicii Zapadno-Sibirskogo kraja k 15-yj godovthine. Novosibirsk, 1932.
7. GARF, F. 393, op. 66, d. 162.
8. GAAK, F. R-110, op. 1, d. 4.
9. GANO-R, F.20, op.2, d. 152.
10. Suverov, E.V. Istoriya altajskoy milicii (1917-1953 gg.): ucheb. posob. – Barnaul, 2013. – Ch. 1.
11. GANO-P, F. 1, op. 2, d. 367.
12. GANO-P, F. 2, op. 2, d. 384.
13. GARF, F. 393, op. 83, d. 17.
14. Kharlov, N.A. Miliciya Sibiri v 20-e g.: dis. ... kand. ist. nauk. – Novosibirsk, 2002.
15. Teplyakov, A.G. Mashina terrora OGPU-NKVD Sibiri v 1929-1941 gg. – M., 2008.
16. OAI IC GU MVD Rossii po Novosibirskoy oblasti. F. 4. Op. 1. D. 188.
17. OAI IC GU MVD Rossii po Novosibirskoy oblasti. F. 4. Op. 1. D. 220.

Статья поступила в редакцию 15.09.14

УДК 002.2(44)(09)

Lizunova I.V. TECHNOLOGICAL MODERNIZATION OF PUBLISHING AS A BASIS FOR INTEGRATION IN THE MODERN MEDIA SPACE. The paper considers the technological modernization of the publishing industry, identifies its specific characteristics and developmental trends. Particular attention is paid to the analysis of these concepts: modernization, technological modernization, digitization. The value of the process of modernization in the process of adapting the book industry to the digital age, the development of converged media, the integration of the publishing industry in the global media space.

Key words: technological modernization, technological transformation, publishing, e-book, electronic publishing, digitization, convergence, media space.

И.В. Лизунова, д-р. ист. наук, доц., в.н.с. ГПНТБ СО РАН, г. Новосибирск, E-mail: 2004liv@ngs.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО

Статья посвящена осмыслению технологической модернизации издательского дела, выявлению ее видовых характеристик и основных тенденций развития. Особое внимание уделено анализу понятий: модернизация, технологическая модернизация, дигитализация. Определено значение технологической модернизации в процессе адаптации книжной отрасли к цифровому веку, развитию конвергентных медиа, интеграции издательского дела в глобальное медиaproстранство.

Ключевые слова: технологическая модернизация, технологическая трансформация, издательское дело, электронная книга, электронное издание, дигитализация, конвергенция, медиaproстранство.

Активное использование информационно-коммуникационных технологий в издательском деле и книгораспространении, их деятельное внедрение на предприятиях книжного бизнеса в постсоветские десятилетия, свидетельствует о новом этапе развития всех отраслей книжного дела – этапе *модернизации*. Технологическая модернизация издательского дела, полиграфического производства и информационного обслуживания позволяет говорить о возникновении возможностей и предпосылок для их технологического слияния в единый информационный комплекс и реальной интеграции в формирующееся глобальное медиaproстранство. Попробуем разобраться: действительно ли издательское дело переживает этап революционных преобразований, связанных с технологической модернизацией? Каким образом технологическая трансформация способствует интеграции издательского дела в современное медиaproстранство?

Прежде чем говорить о технологической модернизации в издательском деле, выясним, что подразумевается под *модернизацией* вообще? Перевод с французского языка и краткое понимание дефиниции означает изменение, усовершенствование, отвечающее современным требованиям, вкусам. В энциклопедических словарях даются следующие определения термина:

- изменение в соответствии с требованиями времени;
- переход к более совершенным условиям с помощью обновления оборудования, реформ, социальных взглядов, культуры;

- придание современного характера и свойств чему-либо;
- приспособление к современным взглядам, идеям, потребностям [1, с. 286, 2, с. 1095, 3, с. 286].

Модернизация предполагает кардинальное изменение как на макро-, так и на микроуровне общественной жизни, то есть сопровождается не только трансформацией институтов социальных, экономических и политических отношений, но и изменением поведения и мышления людей, их ценностных ориентаций [4, с. 585].

В широком смысле слова определение применяется в основном для характеристики процессов, происходящих на макроуровне, а именно:

- как одна из возможных стратегий социально-экономического развития государства;
- общественно-культурные изменения соответственно требованиям современности путем внедрения инноваций.

В узком смысле слова модернизация означает механизм постепенного обновления средств производства, повышения конкурентоспособности товаров и услуг [5].

Подразумевая под модернизацией системный трансформационный процесс, ученые выделяют ее видовые характеристики: *технологическая, социокультурная и ментальная*, отмечая при этом их тесную взаимосвязь и взаимозависимость.

Технологическая модернизация предполагает качественное улучшение орудий труда и способов производства в связи с промышленным переворотом, научно-технической или информационной революциями.

Социокультурная модернизация означает процесс перехода от традиционного общества к индустриальной эпохе (классическая модель) или от индустриальной эпохи к информационному обществу (постиндустриальная модель).

Наряду с технологическими новшествами, в современном социуме особенно велика роль инноваций в сфере человеческого капитала. Речь идет о *ментальной* модернизации, связанной с переменами в мировоззрении и мироощущении отдельного человека и всего социума, способствующими его адаптации к изменениям в социальной и экономической сферах. Технологическая модернизация неизбежно влечет за собой социокультурную модернизацию, а та, в свою очередь, оказывает огромное влияние на ментальность людей. Сопровождается ростом специализации в сфере производства и области управления, индустриализацией, урбанизацией, размыванием прежней социальной структуры, резким повышением мобильности населения, распространением новых средств связи и массовой информации. Успех на ментальном уровне имеет решающее значение для всего процесса модернизации.

Говоря о постсоветской модернизации издательского дела в России, в целом, и в сибирско-дальневосточном регионе, в частности, как о системном трансформационном процессе, выделим и сосредоточим свое внимание на *технологической модернизации*, а конкретнее на двух ее основных составляющих: *коренной технологической трансформации и сопутствующей ей институциональной трансформации*.

Важнейший результат *технологической трансформации* издательского дела заключается в смене технологий – модификации методов, способов и механизмов процесса производства, тиражирования, распространения и использования издательской продукции; в изменении состояния последней, ее свойств, формы, материала и т. п. Речь идет:

- о технологических производственных способах, связанных с переходом на «бесбумажные» технологии: компьютерные, информационные, сетевые, мультимедийные, телекоммуникационные в редакционно-издательской деятельности, в полиграфическом производстве и в книгораспространении;
- о возникновении и функционировании электронных издательств;
- о внедрении цифрового управления печатным производством;
- об интеграции с электронными средствами информации и т. п.

Под воздействием технологической трансформации складывается региональное медийное пространство, основу которого наряду с медиаресурсами составляет издательско-полиграфический информационный комплекс Сибири и Дальнего Востока.

Технологическая трансформация региональных предприятий книжной индустрии рубежа XX–XXI вв. формирует актуальную повестку развития издательского дела, предметное поле профессионального изучения которого включает следующие основные проблемы:

1. *Смена и/или сосуществование* печатной (традиционной, типографской) книги – электронной (экранной, цифровой);
2. *Дигитализация* процессов создания, тиражирования, распространения и использования книги, а именно:
 - компьютеризация издательско-редакционных процессов, создание электронных издательств;
 - внедрение цифровой печати в полиграфическое производство;
 - развитие электронного книгоиздания;
 - возникновение, агрегация и распространение электронных книжных ресурсов,
 - создание региональных цифровых фондохранилищ с целью их регистрации учета и сохранности;
 - организация электронных библиотек;
 - развитие электронной коммерции;
 - создание электронно-медийной платформы книгораспространения;
 - интернет-торговля.
3. *Конвергенция* медиа как интеграция коммуникационно-технологических носителей и контента.

Говоря о смене и/или существовании печатной книги и электронной, напомним, что печатная книга как «первый односторонний и воспроизводимый товар, первая отрасль массового производства» [6, с. 187], «главный инструмент просвещения, соединивший в единстве содержания, материальной и знаковой формы возможности фиксации и передачи информации во времени и пространстве» [7, с. 9] формировала медиaprостранство будучи главным и практически единственным медианосителем более пятисот лет. Распространение электронных средств создания, передачи и хранения информации вследствие цифровой революции на рубеже XX–XXI вв. кардинальным образом изменило издательско-полиграфическую сферу. Технологическое обновление отрасли изменило архитектуру пространства книги, породило новые понятия «электронная книга», «электронное издание» (зачастую используемые как синонимы), вызвало к жизни дискуссии по поводу смены форматов – печатной книги на электронную, жизнеутверждения последней.

Формирование электронных медиаресурсов, активное подключение России к интернету в начале 1990-х гг. [8, с. 105] и его бурное внедрение во все сферы жизнедеятельности общества, активное участие библиотек в оцифровке собственных фондов обусловили процесс основательных модификаций традиционной формы книги. На рубеже XX–XXI вв. начался этап интенсивного развития новой формы книги – электронной. В научном сообществе активизировалось обсуждение проблем, связанных с появлением и функционированием электронной книги, прогнозами и оценками возможностей становления электронного книгоиздания, осмысления нового феномена и анализа самого понятия [9; 10].

Внедрение цифровых технологий в издательскую практику создало новые условия для ускорения обмена электронными ресурсами и целевой доставки информационного продукта определенным аудиториям и, в том числе, индивидуальным потребителям. Данные потенциальные возможности, а также быстрая адаптация контента под разные платформы и для отдельных читателей, введение в текст интерактивных элементов являются несомненной прерогативой и преимуществом электронных изданий.

Первое устройство узкоспециализированное для чтения электронных документов было разработано еще в 1996 г. (оно получило слишком дорогим и не пошло в серийное производство). Однако буквально через два-три года в мире выпускалось более десятка моделей букридеров. Те не менее большинство из них оставались непригодными для использования в России, с трудом поддавались русификации.

Появление экранов с технологией «электронной бумаги» (e-ink) в 2007 г. привело к активизации электронного книгоиздания: возросло количество производителей цифровых книг, увеличился список используемых моделей электронных книг. В сравнении с традиционными печатными последние обладают многими достоинствами, такими как: быстрый поиск информации; легкость хранения и транспортировки; доступность и безопасность; компактность и портативность; большая информационная емкость; дополнительные возможности настройки изображения, изменения шрифта, подсветки; воспроизведение аудиокниг; экологичность [11]. Однако, как любые электронные приборы, устройства для чтения электронных книг гораздо чувствительнее к физическому воздействию (повреждению), чем бумажные книги. Им требуется регулярная подзарядка [11]. Имеются и недостатки, которые с техническим прогрессом постепенно нивелируются, в частности, неблагоприятное влияние на зрение человека по аналогии с компьютером.

Электронное книгоиздание в России продолжает развиваться, набирает темпы. Однако оно еще не стало полноценным компонентом российского книжного рынка в целом и регионального, в частности, а большинство электронных изданий, выпущенных высшими образовательными учреждениями, библиотеками, архивами, организациями культурно-массового досуга, ведущими отечественными и местными издательствами – реальным фактором товарно-денежных отношений. Тем не менее, в первом десятилетии XXI в. ситуация в области электронного книгоиздания начала быстро меняться. На рынке электронных книг появились не только эффективные электронные устройства, «книги-читалки», ридеры различных модификаций, но и цифровой контент – электронные издания определенных форматов.

Так, к концу 2013 г. рынок электронных книг в России вырос почти в два раза по сравнению с 2011 г., увеличившись до 383

млн. руб. По подсчетам компании J'son & Partners Consulting к концу 2016 г. он должен дорасти до 574,4 млн руб. Прогнозируется также кардинальное изменение объема продаж: 77% рынка будут составлять продажи контента на мобильные устройства и лишь 23% – продажи на ПК и ноутбуки. По мнению специалистов, в 2013–2014 гг. начался процесс замещения ридеров многофункциональными устройствами: планшетами, смартфонами и мини-планшетами. По данным «Гласа Рунета», в 2011 г. 74% читателей пользовались для чтения персональным компьютером (или ноутбуком), 19% пользователей использовали еще и другие устройства: 7,2% – букридер или планшетник, 11,8% – КПК или телефоны. Лишь 9% читали книгу со специализированных устройств для чтения [12].

Современные информационные технологии формируют технологическую базу деятельности издательского дела, определяют организацию и направление развития издательского процесса. Издательский процесс – это «комплекс взаимосвязанных организационно-управленческих, творческих, методических, производственных, информационных, маркетинговых работ, направленных на подготовку, выпуск и распространение изданий» [13]. По сути, издательский процесс, издательская деятельность составляют основу издательского дела. Издательский процесс включает в себя несколько циклов:

- определение тематики выпускаемой издательской продукции, поиск авторов, определение возможностей удовлетворения актуальных запросов потребностей читателей в книге;
- работа с авторским оригиналом, подготовка издательского оригинала к производству;
- производственно-полиграфическое исполнение;
- книгораспространение, доведение издательской продукции до читателя [14, с. 137].

Все циклы современного издательского процесса подверглись определенной технологической трансформации. Дигитализация как основной компонент новой технологической платформы книжной индустрии повлияла практически на все этапы генерации и трансляции книги: от формы авторского текста, подготовки оригинал-макета до медиапотребителя, читателя-пользователя. Цифровые технологии буквально пронизывают весь редакционно-издательский процесс, позволяя сосредоточить в издательстве большую часть допечатных работ.

В книжном производстве все большее распространение получает цифровая печать, способствуя не только повышению уровня полиграфического исполнения, но и постоянному совершенствованию качества технических средств. В настоящее время для производства книг в полиграфической промышленности Сибири и Дальнего Востока используются различные технологии: от классического офсета, глубокой печати, копиров и цифровых машин до экзотических конструкторов типа Espresso Book Machine. При этом наблюдается тенденция повсеместного перехода на цифру. С 1991 г. в России открыто около 30 типографий, специализирующихся на выпуске книг, а также сотни цифровых печатных салонов общего профиля. По данным статистики, в России книга занимает 12% от общего объема цифровой печати, что свидетельствует о начальном этапе дигитализации в отрасли, в конечном итоге ведущей к смене парадигмы и моделей книгоиздания [15].

Дигитализация сделала возможным использование новых информационных технологий на различных этапах традиционного способа распространения книги через оптовые и розничные книоторговые предприятия, посредством интернет-торговли и т. п. Развитие электронной коммерции, формирование эффективных бизнес-моделей дистрибуции, разработка предложений актуального и качественного ассортимента электронных изданий с хорошим сервисом и удобным доступом к контенту, интернет-торговля способствуют формированию электронно-медийной технологической платформы книгораспространения, охватывают внутриорганизационное развитие издательско-книготоргово-библиотечного комплекса.

Библиографический список

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М., 2003.
2. Толково-энциклопедический словарь. – СПб., 2006.
3. Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1999.
4. Подвойский, Д.П. Модернизация // Большая российская энциклопедия: в 30 т. – М. – 2012. – Т. 20.
5. Румянцева, Е.Е. Модернизация // Новая российская энциклопедия: в 12 т. – М., 2012. – Т. 11(1): Мистраль-Нагоря.
6. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. – Киев, 2003.

На существенный рост книжной электронной коммерции активно влияют постоянно растущие интернет-продажи традиционных печатных и электронных изданий. В 2010 г. объем продаж книг в России достиг 15% от общего, количество пользователей интернет-магазинов превысило 10 млн человек. Число приверженцев покупок книг продолжает расти. Ежедневно онлайн-книжные магазины привлекают около 80 тыс. человек.

Согласно экспертным оценкам, накануне экономического кризиса в 2008 г. в стране значилось около 500 операторов интернет-торговли с долей книг в ассортименте более 25%. По данным компании «Мир книги» 50% продаж в Рунете приходилось на неспециализированные интернет-магазины многопрофильных компаний (Ozon, Болеро, Co@Libri, Myshop.ru), 30% – крупных книготорговых компаний и розничных магазинов (Books.ru, Библион, Библио-Глобус, Лабиринт, Топ-книга), 15% – независимых книжных интернет-магазинов, 5% – интернет-магазины издательств (Альпина Бизнес Букс, Айрис-Пресс, Эксмо) [16, с. 59].

Тенденцией последних лет стало открытие собственных интернет-магазинов региональными производителями и распространителями книг, предлагавших онлайн-заказ своего ассортимента с почтовой или курьерской доставкой. Первым за Уралом был открыт интернет-магазин всероссийской книготорговой компании «Топ-книги» «Букеан» (www.bookean.ru). Вслед за ним подобные услуги в сибирско-дальневосточном регионе стали предлагать: книготорговая компания «Британия Миллениум» (www.magellanbooks.ru), книжные магазины «КапиталЪ» (www.kapital.roxi.ru), «Березка» (www.booksib.ru), «Букинист» (www.magazin-bukinist.ru), книжная сеть «Почитай-ка» – «Скрепка» (www.bookveda.ru), «Экор-книга», компания «Сибверк» (www.sibverk.ru), оптово-розничная компания «Книга-клад», оптовая компания «Эксмар плюс», книжный магазин «Школьная планета», книготорговая компания «Автокнига». Помимо собственных пунктов выдачи заказов в регионе размещались и оптово-розничные подразделения издательств «АСТ», «ЭКМО», «Питер», «Олма Медиа групп», Сибирского университетского издательства, дальневосточной книготорговой компании «Мирс» и многие другие, в которых была возможность сделать онлайн-заказ [17].

Современное состояние книжной отрасли характеризуется стремлением ведущих предприятий к созданию интегрированных издательско-книготорговых комплексов. Речь идет о *конвергенции* (от лат. converge – приближаюсь, схожусь) – слиянии, взаимоуподоблении; в контексте функционирования медиа это процесс интеграции как информационно-коммуникационных технологических платформ, так и контента.

Появление и развитие таких конвергентных комплексов, которые, по сути, являются сложными интегрированными системами, вызвало к жизни необходимость моделирования основных бизнес-процессов и автоматизацию систем управления, адекватных объекту управления. Компьютеризация издательского дела, полиграфического производства и информационного обслуживания привела к возникновению единых информационных центров – Издательских домов, медиахолдингов. По мнению экспертов, консолидация, укрепление и объединение книжных издательств с другими сферами медиаиндустрии связана с общемировой тенденцией – *конвергенцией массмедиа*, которую испытывают большинство цивилизованных стран мира.

Оформившейся тенденцией последних лет на книжном рынке России стала *интеграция книжного бизнеса в медийное пространство*, связанная с технологической трансформацией издательского дела под влиянием цифровых технологий и сетевой дистрибуции, диверсификацией книжного рынка, выходом операторов книжного рынка на медиарынок, слиянием различных секторов медиарынка.

Технологическая модернизация таких сфер медиакommunikаций как книжное и библиотечное дело, пресса, радио, телевидение, кино стирает грани между ними, способствует их конвергенции и интеграции в единую информационную среду – формирующееся глобальное медиaprостранство.

7. Моргенштерн, И.Г. Информационное общество. – Челябинск, 2007.
8. Лизунова, И.В. Интернет как средство массовой коммуникации: его возникновение и развитие // Социальные коммуникации и эволюция обществ: сборник ст. междун. научно-практич. конф. – Новосибирск, 2008.
9. Лизунова, И.В. Книга в формирующемся медиaprостранстве: ее роль, специфика и значение // Книга в медиaprостранстве. Труды ГПНТБ СО РАН. – 2011. – Вып. 2.
10. Лютов, С.Н. Электронная разновидность книги: опыт понятийного анализа // Книга в медиaprостранстве. Труды ГПНТБ СО РАН. – 2011. – Вып. 2.
11. Надеждин, Н. Карманная библиотека: каковы достоинства и недостатки электронных книг // Новые известия. – 2010. – 24 сентября.
12. Глас Рунета – дети в интернете // Subscribe: информационный канал [Э/р]. Р/д: <http://subscribe.ru/archive/media.vox/201110/10122226.html/>
13. Жарков, И.Н. Технология редакционно-издательского дела. – М., 2002 [Э/р]. Р/д: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook077/01/>.
14. Мильчин, А.Э. Издательский словарь-справочник. – М., 2003.
15. Цифровые бизнес-модели производства книг: что, где, когда // Книжная индустрия. – 2010.
16. Книгоиздание в России. Состояние, тенденции и перспективы развития / Доклад. – М., 2009.
17. Альшевская, О.Н. Книжная Интернет-торговля как перспективное направление книжного рынка // Региональные проблемы истории книжного дела. – Челябинск, 2011.

Bibliography

1. Noveyjsijiy slovarj inostrannikh slov i vihrzheniyj. – М., 2003.
2. Tolkovo-ehnciklopedicheskiy slovarj. – SPb., 2006.
3. Slovarj russkogo yazihka: v 4 t. – М., 1999.
4. Podvoyjskiy, D.P. Modernizaciya // Boljshaya rossijskaya ehnciklopediya: v 30 t. – М., 2012. – Т. 20.
5. Rumyanceva, E.E. Modernizaciya // Novaya rossijskaya ehnciklopediya: v 12 t. – М., 2012. – Т. 11(1): Mistralj-Nagoya.
6. Maklyuehn, M. Galaktika Gutenberga. – Kiev, 2003.
7. Morgenshtern, I.G. Informacionnoe obshchestvo. – Chelyabinsk, 2007.
8. Lizunova, I.V. Internet kak sredstvo massovoy kommunikacii: ego vzniknovenie i razvitie // Socialjnihe kommunikacii i ehvolyuciya obshestv: sbornik st. mezhdun. nauchno-praktich. konf. – Novosibirsk, 2008.
9. Lizunova, I.V. Kniga v formiruyuthemsa mediaprostranstve: ee rolj, specifika i znachenie // Kniga v mediaprostranstve. Trudih GPNTB SO RAN. – 2011. – Vihp. 2.
10. Lyutov, S.N. Ehlektronnaya raznovidnostj knigi: opiht ponyatiynogo analiza // Kniga v mediaprostranstve. Trudih GPNTB SO RAN. – 2011. – Vihp. 2.
11. Nadezhdin, N. Karmanaya biblioteka: kakovih dostoinstva i nedostatki ehlektronnihkh knig // Novihe izvestiya. – 2010. – 24 sentyabrya.
12. Glas Runeta – deti v internete // Subscribe: informacionniy kanal [Eh/r]. R/d: <http://subscribe.ru/archive/media.vox/201110/10122226.html/>
13. Zharkov, I.N. Tekhnologiya redakcionno-izdateljskogo dela. – М., 2002 [Eh/r]. R/d: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook077/01/>.
14. Miljchin, A.Eh. Izdateljskiy slovarj-spravochnik. – М., 2003.
15. Cifrovihe biznes-modeli proizvodstva knig: chto, gde, kogda // Knizhnaya industriya. – 2010.
16. Knigoizdanie v Rossii. Sostoyanie, tendencii i perspektivih razvitiya / Doklad. – М., 2009.
17. Aljshevskaya, O.N. Knizhnaya Internet-torgovlya kak perspektivnoe napravlenie knizhnogo rihka // Regionaljnihe problemih istorii knizhnogo dela. – Chelyabinsk, 2011.

Статья поступила в редакцию 19.09.14

УДК 002.2(44)(09)

Lizunova I.V., Lbova Ye.M. **BOOK PUBLISHING INDUSTRY OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN FRANCE DURING THE PERIOD FROM 1900s TO 1930s AS A FACTOR OF PRESERVATION OF NATIONAL CULTURAL IDENTITY “IN AN EXILE”.** The article describes the general characteristics of a political exile of the early twentieth century and the first wave of Russian emigration of 1920-1930s. The paper identifies differences in the goals, objectives and mission of each stage of emigration abroad. The features of the formation of book industry by the exiled people in France are presented. The value of the publishing industry for the preservation of Russian culture “in an exile” is estimated. Particular attention is given to the justification of the study of literary culture of the Russian emigration in France in that period.

Key words: Russian emigration, Russian Diaspora, Society “in an exile”, book culture, book publishing, “first wave” of emigration, political emigration.

И.В. Лизунова, д-р. ист. наук, доц., в.н.с. ГПНТБ СО РАН, г. Новосибирск, E-mail: 2004liv@ngs.ru; Е.М. Лбова, аспирант ГПНТБ СО РАН, г. Новосибирск, E-mail: kate.lbova@outlook.com

КНИЖНОЕ ДЕЛО РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ В 1900–1930-Х ГГ. КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ «В ИЗГНАНИИ»

В статье приведена общая характеристика политической эмиграции начала XX в. и первой эмигрантской волны из России 1920–1930х гг., определены различия в целях, задачах и миссии каждого из этапов эмиграции за рубежом. Выделены особенности формирования книжного дела эмиграции во Франции. Определено значение издательского дела для сохранения русской культуры «в изгнании». Особое внимание уделено обоснованию изучения книжной культуры русской эмиграции во Франции в обозначенный период.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, общество «в изгнании», книжная культура, книжное дело, «первая волна» эмиграции, политическая эмиграция.

Изучение эмиграций различных этапов, их культурных особенностей, в том числе роли книжной культуры в деле сохранения национальной идентичности дает понимание общих процессов истории отдельно взятой страны. Русская эмиграция, как цельное понятие, представляет собой сложное и противоречи-

вое явление включающее несхожесть социально-политических и экономических причин в разные временные промежутки. Данное обстоятельством обусловлена неоднозначность миссии русской эмиграции за границей, а также значения её книжной культуры на протяжении первой четверти XX в.

От этого ещё более интересным становится сопоставление и сравнение эмиграции начала XX в. (1900–1917 гг.) и последующей, из-за своей масштабности получившей название эмиграции «первой волны» (1917–1940 гг.). Условно обозначим движение 1900–1917 гг. первым этапом, и соответственно вторым этапом эмиграцию «первой волны».

О численном и качественном составе эмиграции первого этапа говорить достаточно сложно. В XIX – начале XX вв. у граждан Российской империи не было права покидать страну в любой момент и на неопределенное время. Чиновники ограничивали пребывание россиян за границей сроком на пять лет. По истечении этого срока нужно было просить губернатора (либо чиновника в Министерстве иностранных дел) о продлении срока действия паспорта (стоившего более 15 руб.). Отсутствие соответствующей бумаги могло привести к лишению российского гражданства, а имущество гражданина переходило в опеку государственного управления. Государственный налог, взимаемый с официально выезжавших лиц, превышал сумму в 25 руб. Такие сложные и затратные условия под силу были не каждому. Эти обстоятельства сказывались на массовости и социальном составе эмигрантов. Выходить за границу могли только люди мобильные, образованные и обеспеченные.

Статистические данные об эмиграции начала XX в. весьма отрывочны. Некоторые исследователи приводят данные, в соответствии с которыми с 1861 г. по 1915 г. Россию покинуло 4 200 500 человек, большинство из них не являлись этническими русскими [1, с. 29]. Е.И. Макаренко оперирует более конкретными цифрами: за 25 лет с 1888 г. до начала Первой мировой войны из России выехало примерно 4 млн. человек, прежде всего, евреев, поляков, украинцев, литовцев, в том числе, всего 80 тыс. русских [2, с. 14]. Более точные сведения о количестве русских эмигрантов во Франции дают результаты переписи 1911 г. во Франции, согласно которой на территории Республики находилось 35 тыс. русских, численно составлявших 3% от общего числа иностранцев. Однако и эта цифра весьма относительна, ведь среди этих 35 тыс. учтенных было много поляков, евреев, экономических эмигрантов и туристов [3, с. 96–97].

Граждане Российской империи в начале XX в. покидали страну по разным причинам. Отсюда и различные типы эмиграции: временная – преимущественно трудовая и постоянная – политическая и религиозная. В сферу нашего интереса входит эмиграция политическая, состоящая из представителей социал-демократической (марксисты) и эсеровской партии (социал-революционеры), а также оппозиционно настроенного студенчества. А.В. Прохоренко отмечает, что в период между Первой (1905–1907 гг.) и Второй (1917 г.) русскими революциями страну покинуло примерно 100 тыс. человек, большую часть из которых составляли политические эмигранты [4, с. 7]. Уехавшие из России селились в основном в крупных европейских городах: Лондоне, Женеве и Париже. Постепенно в различных частях Западной Европы образовались не только фонды пожертвований и кассы взаимопомощи, возникали издательские центры, выпускающие журналы, книги и другую пропагандистскую литературу. Так, в Париже до 1917 г. издавалось более тридцати различных по типу печатных изданий: журналы, газеты, бюллетени, информационные листки. Большинство печатных органов существовали всего несколько месяцев, а то и ограничивались одним выпуском. Но отдельные издания публиковались на протяжении нескольких лет. Например, марксистская газета «Социал-демократ» печаталась в Париже с 1908 по 1913 г., а с 1913 по 1917 г. – в Женеве.

Газета эсеров «Революционная Россия» изначально должна была нелегально выходить в России, но после разгрома подпольной типографии в Томске издательский центр переносится за границу в Париж, где и выходит в свет на протяжении нескольких лет с 1901 по 1905 г. «Революционная Россия» являлась прообразом многих последующих изданий партии эсеров. Газета выходила примерно один раз в месяц, все статьи в ней публиковались по условиям конспирации без подписи. Место издания, тираж, адрес типографии также не указывались.

Особенностью вышеперечисленных газет было то, что они в большей степени ориентировались на распространение среди граждан, проживающих на территории Российской империи. Издания переправлялись нелегально через границу и так же нелегально распространялись. В этом состоит одна из главных особенностей книжного дела первого этапа. Эмигрантская издательская деятельность была ориентирована не на проживаю-

щих в Европе или в какой-либо части света бывших соотечественников, а на аудиторию, находящуюся в России. Таким образом, назначение книжного дела «на чужбине», как и миссия русской эмиграции до 1917 г. состояли в организации оппозиции существующему в Российской империи политическому строю. К тому же годы, проведенные в эмиграции, невероятно сплотили партийцев, влияние европейских доктрин помогло формированию их собственных политических программ.

Второй этап развития книжного дела в эмиграции начинается с октябрьских революционных событий 1917 г. и последовавшей вслед за этим гражданской войной «в буквальном смысле расколовшими Россию надвое» [5, с. 13]. Эти события вынудили многих покинуть советскую Россию. Русскую эмиграцию 1920–1930-х гг. многие отечественные и зарубежные исследователи относят к так называемой эмиграции «первой волны» (хотя это не совсем корректно с исторической точки зрения).

Эмиграция «первой волны» приобретает собственное особое название – «русское зарубежье». При этом не стоит отождествлять этот термин с «российским зарубежьем», которое, по утверждению А. С. Федотова, не подразумевает под собой единого этнокультурного явления, а служит для обозначения совокупности всех выходцев из российского государства и их потомков, не ассимилировавшихся до конца на новой родине [6, с. 6].

В чем же особенность «русского зарубежья»? По мнению М. Назарова эмиграция «первой волны» представляла собой не монолитное явление, но все же достаточно единое общество «в изгнании», воспринимавшееся эмигрантами как некая духовная миссия. Целью последней было «сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного прогресса Родины, независимо от того, суждено ли эмигрантам вернуться домой или умереть на чужбине» [7, с. 3].

Особые черты эмиграции «первой волны» отмечает и В.В. Ефременко. Прежде всего, это качественный состав: в большинстве своем среди эмигрантов преобладали люди интеллектуальных и свободных профессий – врачи, учителя, адвокаты, инженеры, ученые, представители артистических профессий, студенты и гимназисты. Причинами эмиграции послужили политические, экономические, психологические факторы: неприятие политического строя, отсутствие средств к существованию вследствие конфискации и национализации имущества, глубокой невозможности творческой реализации и др. [8, с. 7–8].

Русская эмиграция «первой волны» стремилась «сохранить память о дореволюционной России и ее национальное самосознание» [5, с. 13]. «Мы не в изгнании – мы в послании». Авторство этого высказывания разные источники приписывают то З.Н. Гиппиус, то Д.С. Мережковскому, то Н.Н. Берберовой, то И.А. Бунину. Главное, что в этих слов выражена суть, миссия русской эмиграции «первой волны» – нести в мир русскую культуру, великое русское слово. Спасти и сохранить русскую идентичность, культуру, выполнить названную миссию возможно было с помощью книги. Поэтому в первые годы «изгнания» в центрах сосредоточения эмигрантов стали создаваться и активно действовать издательские, книоторговые предприятия, библиотеки. Этими центрами были столичные города Европы и Азии: Берлин, Париж, Прага, Рига, Стокгольм, Константинополь, Шанхай, Харбин. «В начале 1920-х гг. народившееся русское зарубежье захлестывает волна издательского предпринимательства» [9]. По подсчетам П. Милославского «в 1924 г. было издано 665 русских книг, журналов и сборников, в том числе: в Германии – 337, в Чехословакии – 129, во Франции – 63, в Прибалтике – 61, на Балканах – 31, на Дальнем Востоке – 20, в Польше – 19, в Америке – 5» [10, с. 19].

Первоначально основные силы русского книжного дела сосредоточились в Берлине. Поскольку именно здесь в первой половине 1920-х гг. оказалась немалая часть русской диаспоры – более 600 тыс. человек, действовали старые русские книжные связи, работало большое количество издательств и книжных магазинов. По мнению А. Яценко, этому способствовали: «гостеприимство немцев, доброжелательность правительства, много русской эмиграции, дешевизна книжного (и вообще печатного) производства, «эластичность» германской типографической техники, разработанные методы книжного дела, в частности международной книжной торговли, либерализм немецкого торгового законодательства и закона о печати». [11, с. 2]. Однако уже через несколько лет ситуация в Германии для развития издательского дела «русского зарубежья» стало крайне невыгод-

ным, поэтому центр русской пореволюционной культуры сместился во Францию.

С 1924 г. Париж становится культурной столицей русской эмиграции, центром притяжения, сосредоточившим в себе самых ярких представителей русской писательской и издательской среды. Здесь создавалась особая атмосфера, в которой продолжала развиваться русская культура и поддерживались традиции, в то время как в самой бывшей России, а теперь СССР, традиции целенаправленно изживались. Эти особые обстоятельства создали культуру «в изгнании», уникальное по своей сути явление. Дело в том, что большинство эмигрантов надеялось вернуться в Россию, и поэтому не хотело становиться частью европейского общества. Данные обстоятельства вызвали ответную реакцию со стороны европейцев, которые уже более прохладно относились к русским и к их нуждам. Однако это не помешало русской культурной элите довольно успешно развивать книжное дело во Франции. Более того, в сохранении культуры России в инокультурном, инонациональном окружении, культуры «в изгнании» эмиграция видела единственный смысл своего существования. Отсюда и представления русской эмиграции о поддержании книжной культуры как важнейшем факторе передачи национальных культурных традиций. На одном из собраний русских эмигрантов в Париже в 1924 г. известный русский писатель И.А. Бунин в своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции» утверждал: «Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас» [12, с. 67]. Сохранение и совершенствование книжной культуры в деле исполнения исторической миссии в ситуации «посланности» приобретала исключительное значение.

Одним из наиболее известных и действенных факторов развития книжного дела «русского зарубежья» стала знаменитая «Тургеневка». Тургеневская общественная библиотека связывала эмиграцию на протяжении всей истории своего существования. Образованная 1875 г. в Париже по инициативе Г.А. Лопатина и Н.В. Соколова, она существует и по сей день. При этом нельзя сказать, что отношение к ней всегда было одинаковым. Особенно четко различия в восприятии этого общественного учреждения видны при сопоставлении истории первого и второго этапов русской эмиграции.

До 1917 г. библиотека постоянно находилась в критической ситуации. Основными причинами этого являлись постоянные финансовые трудности и отсутствие признания со стороны именитых представителей русской диаспоры в Париже. Отчасти это было обусловлено её географическим положением. Русская аристократия и дипломатическое представительство располагались на правом берегу Сены, Тургеневская библиотека, как и политические эмигранты и студенчество, на левом берегу. Таким образом, хоть библиотека и не причисляла себя официально к какой-либо партии, основными читателями её были революционеры и сомнительные, с точки зрения официальных русских властей, элементы. Русские консервативные круги просто опасались скомпрометировать себя посещением Тургеневской библиотеки, деля вид, что её как будто бы и не существовало вовсе.

Неудачи первых лет существования были преодолены как раз после революционных событий в Российской империи. В 1920–1930-е гг. библиотека приобретает совершенно иное значение для развития книжной культуры общества «в послании», она получает новые невиданные ранее импульсы для развития, превращаясь в общественный и культурный центр русской эмиграции в Париже.

Книги, газеты, журналы становятся не только самым значимым средством, но и практически единственным эффективным способом объединения эмиграции, сохранения русской идентичности и культурных традиций. «Условия зарубежья усилили все стороны значимости печатного слова, ведь язык был едва ли не

единственным объединяющим началом для эмигрантов. Громадная потребность понять, что же произошло с Россией, определила содержание и потенциал развития издательского дела в эмиграции» [13, с. 127].

В период с 1920-х по 1930-е гг. в Париже вышло огромное количество периодических изданий, посвященных различной тематике, были созданы русские библиотеки, издавалась художественная литература. Выходило большое число литературно-политических и литературно-художественных журналов. Самыми успешными были «Последние новости» П.Н. Милокова, «Возрождение» П.Б. Струве и «Современные записки». Каждое из этих изданий выдержало более десяти лет публикации и широко распространялось не только во Франции, но и за её пределами. Считается, что «парижский» период был не менее плодотворным, чем берлинский, а 1925–1935 гг. – золотым десятилетием эмигрантской литературы [10, с. 17].

В Париже в 1920-х гг. формируется большое число писательских и журналистских объединений. Так, ещё в 1920 г. с целью объединения на профессиональных началах деятелей российской печати был создан «Союз русских литераторов и журналистов». Основанный в 1926 г. «Клуб русских писателей» давал возможность приобщиться молодежи к культурным традициям и «удовлетворить тех, кто истосковался по русской культуре» [14, с. 270]. В 1926 г. начинаются знаменитые еженедельные собрания «Зеленой лампы» З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, просуществовавшие до 26 мая 1940 г.

Для русских в эмиграции и на Родине книжная культура на разных этапах имела разное значение. Миссия эмиграции первого этапа состояла в распространении своих печатных органов в России для поддержки и укрепления политической оппозиции. Газеты и журналы, ориентированные на русскую диаспору во Франции не получали желаемой длительной поддержки и закрывались, в большинстве случаев, не просуществовав и нескольких месяцев.

На втором этапе, с 1917 г. основное внимание сместилось на собственно русскую диаспору за рубежом. Это было время так называемой «первой волны» эмиграции пытавшейся всеми силами сохранить национальные традиции и культуру дореволюционной России. И именно широко развитая книжная культура, в частности, пресса и книга, несли главную нагрузку по сохранению национального самосознания. Именно на этом этапе возникает «зарубежная Россия» – государство вне границ, в котором главным консолидирующим фактором выступает печатное слово. Многочисленная периодика и литература расходилась по всему миру из столицы русского зарубежья – Парижа, достигая всё более и более отдаленных от Франции стран. Так, номера «Последних новостей» или «Возрождения» оказывались не только в Латвии или Польше, но и в Аргентине и даже в Австралии. В самой Европе, и конечно же во Франции, повсеместно учреждались русские библиотеки, открывались специализированные книжные магазины и создавались союзы писателей и ученых.

Всё это служило главной цели – сохранить русскую идентичность. А сделать это можно было, лишь зафиксировав и тем самым сохранив утерянное советской Россией наследие. Главным образом именно это стремление отличает миссию эмиграции второго этапа от первого и придаёт особое значение книжному делу «первой волны» русской эмиграции, которое достигает небывалого развития с период с 1920-х по 1930 гг.

Благодаря этому стремлению историки располагают на сегодняшний день огромным количеством фактического материала, позволяющего представить образ мышления и картину мира дореволюционного жителя Российской Империи. И особенно ценными для нас, в этом смысле, являются сохранившиеся свидетельства, являющиеся частью русской книжной культуры во Франции.

Библиографический список

1. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков. – М., 2001.
2. Макаренкова, Е.М. К вопросу о феномене русской эмиграции (XIX-XX вв.) // Роль Русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: тезисы докладов науч. конф. – М., 1993.
3. Catherine Gousseff. Nicolas Sadiet. L'émigration russe en France. 1920-1930. Mémoire de Maîtrise d'Histoire. – Université de Paris I, Département d'Histoire des Slaves. – Paris, Octobre 1983.
4. Прохоренко, А.В. Очерки по истории и философии культуры русского зарубежья. – СПб., 2010.
5. Раев, М. Россия за рубежом. – М., 1994.
6. Федотов, А.С. Российская эмиграция и Русское Зарубежье (к вопросу о дефинициях) // Роль Русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: тезисы докладов науч. конф. – М., 1993.

7. Назаров, М. Миссия русской эмиграции. – М., 1994. – Т. 1.
8. Ефременко, В.В. Научная и культурная жизнь российской эмиграции «первой волны» во Франции. – Новосибирск, 2011.
9. Афанасьев, А.Л. Неутоленная любовь // Литература русского зарубежья. — М., 1990. – Т. 1, кн. 1.
10. Шомракова, И.А. Возрождение культуры России // Книжно-библиотечное дело. – СПб., 1997. – Вып. 5.
11. Яценко, А. Литература за истекшие 5 лет // Новая русская книга. – 1922. – № 11/12.
12. Бунин, И. А. Миссия русской эмиграции // Слово. – 1990. – № 10.
13. Березовая, Л.Г. Культура русской эмиграции (1920–30-е гг.) // Новый исторический вестник. – 2001. – № 3(5).
14. Бочарова, З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М., 2011.

Bibliography

1. Ehmigraciya i repatriaciya v Rossii / V.A. Ioncev, N.M. Lebedeva, M.V. Nazarov, A.V. Okorokov. – M., 2001.
2. Makarenkova, E.M. K voprosu o fenomene russkoy eh migracii (XIX-KhKh vv.) // Rolj Russkogo zarubezhjya v sokhraneni i razvitii otechestvennoj kul'turi: tezisi dokladov nauch. konf. – M., 1993.
3. Catherine Gouseff. Nicolas Saddier. L'emigration russe en France. 1920-1930. Memoire de Maitrise d'Histoire. – Universite de Paris I, Departement d'Histoire des Slaves. – Paris, Octobre 1983.
4. Prokhorenko, A.V. Ocherki po istorii i filosofii kul'turii russkogo zarubezhjya. – SPb., 2010.
5. Raev, M. Rossiya za rubezhom. – M., 1994.
6. Fedotov, A.S. Rossiyskaya eh migraciya i Russkoe Zarubezhje (k voprosu o definiciyakh) // Rolj Russkogo zarubezhjya v sokhraneni i razvitii otechestvennoj kul'turi: tezisi dokladov nauch. konf. – M., 1993.
7. Nazarov, M. Missiya russkoy eh migracii. – M., 1994. – T. 1.
8. Efremenko, V.V. Nauchnaya i kul'turnaya zhiznj rossiyskoy eh migracii «pervoy volnih» vo Francii. – Novosibirsk, 2011.
9. Afanasjev, A.L. Neutolennaya lyubov' // Literatura russkogo zarubezhjya. — M., 1990. – T. 1, kn. 1.
10. Shomrakova, I.A. Vozrozhdenie kul'turii Rossii // Knizhno-bibliotечноe delo. – SPb., 1997. – Vihp. 5.
11. Yathenko, A. Literatura za istekshie 5 let // Novaya russkaya kniga. – 1922. – № 11/12.
12. Bunin, I. A. Missiya russkoy eh migracii // Slovo. – 1990. – № 10.
13. Berezovaya, L.G. Kul'tura russkoy eh migracii (1920–30-e gg.) // Novihy istoricheskiy vestnik. – 2001. – № 3(5).
14. Bocharova, Z.S. Rossiyskoe zarubezhje 1920–1930-kh gg. kak fenomen otechestvennoj istorii. – M., 2011.

Статья поступила в редакцию 15.09.14

УДК 94

Chedgemov I.U. ORGANIZATION OF THE HEALTH SYSTEM IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES IN OSSETIA. In the article, the author discusses the organization of the health care system in Russia in the late 19th and early 20th centuries; the author uses new archival sources, which haven't been studied in science before. The research concludes that the experience of work, acquired in the system of health care, is one of the most important characteristics of a social policy of the state and one of counterparts of the history of the Russian reforms in the sphere of medical health care, which is crucial in the general objective description of the history of the whole country.

Key words: health history, Ossetia, social policy, disease treatment.

А.Ю. Чеджемов, преп. каф. гуманитарных, социальных и экономических дисциплин ГБОУ ВПО СОГМА Минздрава, г. Владикавказ, E-mail: srchedgemov@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ В ОСЕТИИ

В статье, на основании ранее не вводимых в научный оборот архивных источников анализируется организация системы здравоохранения в Осетии в конце XIX – начале XX веков. Автор приходит к выводу о том, что накопленный отечественным здравоохранением опыт работы, представляет собой одну из важнейших характеристик социальной политики государства и ее реализации в соответствующий период развития страны, одну из составных частей истории российских реформ в сфере здравоохранения, без учета которой невозможно объективно характеризовать историю нашего отечества.

Ключевые слова: история здравоохранения, Осетия, социальная политика, заболевания, лечение.

Весомую роль в деле охраны здоровья населения Терской области, в состав которой входила до революции 1917 года Северная Осетия, сыграло учрежденное 30 декабря 1869 года окружное военно-медицинское управление, во главе которого была введена должность областного врача. В полном объеме своей деятельности Терский областной врач, как официально именовалась эта должность, приступил к исполнению своих обязанностей 1 января 1871 года согласно именному приказу Наместника на Кавказе. Данный приказ согласовывался с военным министром Российской империи.

Эта же процедура назначения применялась и в отношении помощника Терского областного врача. Деятельность Терского областного врача и его ведомства можно условно сравнить, исходя из современных реалий, с деятельностью министерства здравоохранения и санитарно-эпидемиологической станции в масштабах всей Терской области. Сегодня становится очевидным, что необходим учет того позитивного опыта в здравоохранении, который был накоплен и в дореволюционное и в советское время, в частности, воссоздание государственных гарантий в сфере здравоохранения по широкому кругу вопросов борьбы

с инфекционными заболеваниями, обеспечением населения бесплатными медицинскими услугами, лекарствами и т.п.

До сих пор в рамках исследований по отечественной истории нет исследований, посвященных анализу социальной политики государства и ее реализации в вопросах здравоохранения в конце XIX – начале XXI века (на примере РСО-Алания), в которых бы характеризовались управленческие решения государственных и муниципальных органов власти и управления по реформированию и совершенствованию деятельности организаций и учреждений здравоохранения в конце XIX – начале XX веков. Анализ проблем истории здравоохранения в конце XIX – начале XX веков в Осетии определяется научным интересом к истории социально-экономического развития страны и ее регионов. Историк Э.М. Рубаева, отмечает, что в конце XIX века на территории столицы Терской области – г. Владикавказ действовало несколько лечебных заведений: городская больница на 90 мест, родильный приют на 8 мест, 3 амбулатории, городской госпиталь, железнодорожная амбулатория, 7 врачебных пунктов и две больницы при учебных заведениях. Кроме того было несколько частных лечебниц [5]. Анализ архивных источников

показывает, что вышесказанное в целом не исчерпывает систему здравоохранения. В центральном государственном архиве РСО-Алания имеются дела, материалы которых неоспоримо свидетельствуют о большой профилактической и лечебной работе центральных и местных властей в деле организации системы здравоохранения.

Следует признать, что и царское правительство и его органы на местах, будь то наместничество на Кавказе или губернское начальство, прилагали весьма большие усилия для организации здравоохранения населения. В этом вопросе существовало тесная взаимосвязь, которая, кстати, до сих пор не отмечается в исторических исследованиях. Эта взаимосвязь выстраивалась следующим образом. Центральное российское правительство, в лице министерства либо наместничества, издавало соответствующий нормативно-правовой акт, на основе которого издавались ведомственные инструкции, которые претворялись в жизнь при активной помощи местных властей, в том числе и различных просветительно-благотворительных обществ и народных сходов и собраний. В начале XX века семидневный отчет был заменен на пятидневный отчет. При выздоровлении больного необходимо было отражать это в отчете, а в случае смерти больного представлять подлинные скорбные билеты, – так тогда назывались медицинские заключения о смерти, в окружное военно-медицинское управление. Данный документ подписали военно-медицинский инспектор Реммерт, его помощник Гаврилко и заведующий медицинской частью окружного военно-медицинского управления Гейдеман. Цитируемый циркуляр был размножен и принят к действию. Его неукоснительное соблюдение было поручено военно-медицинскому инспектору Рудинскому и начальнику отдела Лебедеву [3]. Задачи медицинского обслуживания населения в городах Владикавказе и Моздоке входило в обязанности городского общественного управления, остальные населенные пункты напрямую подчинялись соответствующему комитету Терской области.

В отчете о деятельности центрального правления Кавказского войска помощи инвалидам, так в те годы именовали ветеранов боевых действий и вышедших в отставку военнослужащих, за подписью генерал-лейтенанта Потто и генерал-майора Баратова отмечается большая подвижническая роль Елизаветы Александровны Воронцовой-Дашковой. Именно ей принадлежит идея организации первых благотворительных вечеров, которые с успехом проходили в крупных городах Терской области и на современной Грузии. Именно ее в уставных документах общества миновали специальным термином почетный член-сопредседатель [1].

Помимо уже означенных лиц в правление общества входили полковники Крижевич, фон Гилленшмидт, Занкович, Шишко, Шмидт, Занков, Веселовзоров, Чаплин, Митрофанов, Павлов, Бейдеман, Дедов, Арджванидзе, князь Микеладзе, действительный статский советник Цугинов, капитан Макаев, ротмистр Чавчавадзе, штабс-капитан Бориславский, священник Лихачев, лица без указания должностей и званий Маслянников, Бежанбек, Немирович – Данченко. В ревизионную комиссию входили пять человек – Шмерлинг, Карпов, Габаев, Булыгин, Радионов [2].

Однако, что не все из вышеперечисленных деятелей местной интеллигенции были безупречными как в выше описываемом, так и в иных общественно значимых делах. Так, например, упоминающийся князь Макаев впоследствии вошел в историю общественной жизни дореволюционной Осетии весьма прискорбным фактом убийства одного из крупных общественных деятелей края, известного капиталиста А.В. Замкового.

Этот факт поведал общественности Российской империи видный представитель интеллигенции М.С. Туганов в специальной статье «Наши охранители», опубликованной на страницах газеты «Петроградские ведомости» № 2 за 1917 год [7]. М. Туганов, – отмечал профессор С. Р. Чеджемов, – одним из первых представителей осетинской интеллигенции затронул проблему коррупции в тогдашнем кавказском обществе. Так, например, этой проблеме он посвятил статью «Наши охранители» [8], в которой подробно проанализировано убийство известного в Терской области предпринимателя, мецената и общественного деятеля А.В. Замкового инспектором полицейской стражи князем Макаевым. Этот князь в недавнем прошлом был осужден Петербургским военно-полевым судом за мошенничество и был лишен всех чинов, званий. Но, вскоре, ему, благодаря высоким покровителям удалось выйти на свободу и даже получить административную должность начальника Назрановского округа. Затем он занял вышеназванную правоохранительную должность, которую и использовал во вред закону и справедливости [6]. Спустя годы историк Г.И. Кусов небезосновательно назовет Макаева закоренелым преступником в княжеской среде, сделав оговорку, что убийство произошло в 1914 году. В отношении года нам представляется, что в исследовании опечатка, поскольку в нем несколько выше критикуется эта дата, упоминаемая одним местным краеведом. По этому поводу Г.И. Кусов пишет – «никак не пойму, откуда такие неверные сведения имелись у владикавказского сторожила» [4]. Что же касается ранней деятельности князя Макаева, то, думается, что закон не имеет обратной силы. Да и в молодости князь, как явствует архивный документ, отличался благонравными поступками. Наверное революционная ситуация и призыв грабь награбленное смущал не только пролетарские головы.

Среди людей, осуществлявших ежегодные пожертвования обществу следует назвать Тархан-Моураову и Великого князя Михаила Николаевича, ежегодно жертвовавшего на счет общества 1000 рублей.

Медицинский персонал Терской области зачастую привлекался для оказания квалифицированной медицинской помощи за пределами своей непосредственной работы. Наглядную картину этого содержит ряд архивных источников до сих пор не введенных в научный оборот. Это, в частности, дела заведующего Владикавказским отделом Кавказского бактериологического отряда Всероссийского союза городов в котором содержатся списки и отчеты о работе в командировках. Из данных источников явствует, что заведующим Владикавказским отделом вышеназванного общества являлся некий доктор Акселос. Инициалы в деле не прочитываются. Ему удалось наладить четкий документооборот и исполнительскую дисциплину. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что лица, относящиеся к категории медицинского персонала Владикавказа, неоднократно выезжали в близлежащие села и города для оказания санитарно-просветительной и, непосредственно, медицинской работы. Ими организовывались осмотры населения, вакцинация, профилактические беседы с различными категориями населения. Подытоживая сказанное, следует сделать вывод о том, что накопленный отечественным здравоохранением опыт работы представляет собой одну из важнейших характеристик социальной политики государства и ее реализации в соответствующий период развития страны, одну из составных частей истории российских реформ в сфере здравоохранения без учета которой невозможно объективно охарактеризовать историю нашего отечества.

Библиографический список

1. Рубаева, Э.М. Становление и развитие системы здравоохранения в Терской области (вторая половина XIX – нач. XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владикавказ, 2011.
2. ЦГА РСО-Алания. Ф.11.Оп.52. Д.1116. Отчет о деятельности центрального правления Кавказского войска помощи инвалидам. На 210 л. – Л. 3-9.
3. Центральный государственный архив РСО-Алания (в дальнейшем ЦГА РСО-Алания). Ф.11.Оп.52. Д.1116. Отчет о деятельности центрального правления Кавказского войска помощи инвалидам. На 210 л. Л. 3.
4. ЦГА РСО-Алания. Ф.161 – Терский областной врач. Оп. 1. Д. 2. Циркуляры и бумаги к руководству о мерах борьбы с глазными и эпидемическими заболеваниями. 1882-1883 гг. Л.146.
5. Туганов, М.С. Наши охранители // Петроградские ведомости. – 1917. – № 2.
6. Чеджемов, С.Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России. – Владикавказ, 2012.
7. Туганов, М.С. Литературное наследие. – Орджоникидзе, 1977.
8. Кусов, Г.И. Встречи со старым Владикавказом. – Владикавказ, 1997.

Bibliography

1. Rubaeva, E.M. Stanovlenie i razvitie sistemih zdravookhraneniya v Terskoj oblasti (vtoraya polovina Kh1Kh – nach. KhKh vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Vladikavkaz, 2011.
2. CGA RSO-Alaniya. F.11.Op.52. D.1116. Otchet o deyatelnosti centralnogo pravleniya Kavkazskogo vojskovogo obhtestva pomothi invalidam. Na 210 l. – L. 3-9.
3. Centralnijij gosudarstvennijij arkhiv RSO-Alaniya (v dalnejshem CGA RSO-Alaniya). F.11.Op.52. D.1116. Otchet o deyatelnosti centralnogo pravleniya Kavkazskogo vojskovogo obhtestva pomothi invalidam. Na 210 l. L. 3.
4. CGA RSO-Alaniya. F.161 – Terskiy oblastnoy vrach. Op. 1. D. 2. Cirkulyari i bumagi k rukovodstvu o merakh borjbi s glaznimi i ehpidemicheskimi zabolevaniyami. 1882-1883 gg. L.146.
5. Tuganov, M.S. Nashi okhraniteli // Petrogradskie vedomosti. – 1917. – № 2.
6. Chedzhemov, S.R. Razvitie gosudarstvenno-pravovihkhtnoshenij i pravovoj kuljturh na yuge Rossii. – Vladikavkaz, 2012.
7. Tuganov, M.S. Literaturnoe nasledie. – Ordzhonikidze, 1977.
8. Kusov, G.I. Vstrechi so starihm Vladikavkazom. – Vladikavkaz, 1997.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК: 94 (73)

Yurchenko Ye.S. "FINNISH QUESTION" IN WASHINGTON FOREIGN POLICY IN 1917-1920. The article deals with self-determination of Finland and the problems of Finnish- American relations in 1917-1920. The author of the article investigates the attitude of W. Wilson's government to the Finnish struggle for independence and connection between "the Finnish question" and the strategic plans of USA. Finnish-American relations shows inconsequent and dual character of USA policy to the diplomatic recognition of sovereignty of national states, which appeared on the territory of the former Russian Empire. The author of the paper underlines the importance of a military-strategic position of Finland and pays attention to the close connection between "the Finnish question" and Russian political situation. These were the most significant factors that determined Washington's diplomatic position not to recognize the independence of Finland till 1919.

Key words: self-determination, "Finnish" question, recognition of independence, Washington foreign policy.

Е.С. Юрченко, канд. ист. наук, доц. каф. отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Дальневосточный гос. гуманитарный университет», г. Хабаровск, E-mail: y-k22@yandex.ru

«ФИНСКИЙ ВОПРОС» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВАШИНГТОНА В 1917-1920 ГГ.

В работе отражено отношение правительства В. Вильсона к борьбе за независимость Финляндии и признанию суверенитета страны Суоми. Роль «финского вопроса» во внешней политике США в 1917-1920 гг., его влияние на реализацию стратегических планов американского руководства. На примере американо-финляндских отношений отчетливо проявляется непоследовательный и двойственный характер политики В. Вильсона в вопросе о признании независимости государств, выделившихся из состава бывшей Российской империи. Автор обращает внимание на ряд факторов, обусловивших нежелание официального Вашингтона вплоть до 1919 г. предоставить дипломатическое признание независимости Финляндии. В статье подчеркивается значение для американского правительства военно-стратегического положения Финляндии и тесная связь «финского вопроса» с развитием внутривнутриполитической ситуации в России.

Ключевые слова: самоопределение, «финский вопрос», признание независимости, внешняя политика Вашингтона.

В современной системе международных отношений проблема самоопределения наций, оформления их государственности и выбора вектора политического развития продолжают оставаться не только мощным механизмом реализации интересов отдельных народов, но и источником нестабильности и конфликтов. Для Соединенных Штатов Америки отправной точкой в процессе разработки механизма влияния на этнополитические процессы в различных регионах мира стала концепция о праве наций на самоопределение, выдвинутая президентом В. Вильсоном в ходе Первой мировой войны. В представлении американского лидера данная концепция включала право народов самим определять направление политического развития и форму правления; право на национальное самоопределение; создание международно-правового механизма регулирования, посредством которого решался бы вопрос о границах и статусе новых государств. В сочетании с принципами «свободы мореплавания» и «открытых дверей и равных возможностей», которые США активно отстаивали с конца XIX века, реализация права наций на самоопределение позволяла формировать новую конфигурацию на международной арене. Для Соединенных Штатов принципы послевоенного переустройства, провозглашенные американским президентом в 1916 г., открывали путь для интернационализации проблемы национального самоопределения. В условиях Мировой войны и развития революционных процессов в национальных государствах данный фактор стал дополнительным катализатором дезинтеграционных процессов.

Проблема политики США по отношению к Финляндии в период становления финляндской государственности является одной из наименее исследованных в исторической литературе. За исключением работ нескольких авторов, в которых нашли отражение отдельные аспекты политики иностранных государств по отношению к Финляндии в годы Первой мировой войны, на сегодняшний день, отсутствуют комплексные исследования, посвященные этой теме [1; 2; 3]. Для большинства отечественных историков тема самоопределения Финляндии связана в первую очередь с проблемой российско-финляндских отношений, политикой советского и антибольшевистских правительств в вопросе о независимости страны Суоми. Вместе с тем, позиция США, выступивших с концепцией о праве наций на самоопределение, стала отправной точкой для представителей той части сторонников независимости Финляндии, которая полагала, что вступившая в войну демократическая держава может стать гарантом реализации прав малых народов в послевоенной Европе.

«Финский вопрос», как таковой, отсутствовал в повестке дня официального Вашингтона вплоть до конца 1917 г. Несмотря на то, что с момента открытия первого американского консульства в Хельсингфорсе (Хельсинки) в 1850 г. руководство США получало от своих дипломатических представителей поданные отчеты о социально-экономическом и политическом развитии Финляндии, оно не проявляло сколь-нибудь заметного интереса к этой части Российской империи [4]. Великое княже-

ство Финляндское обладало особым правовым положением в составе Российской империи. Оно имело парламент, государственными языками были признаны шведский и финский. С началом Первой мировой войны правительство России приняло решение не призывать в армию финнов. Особое стратегическое положение Финляндии в балтийском регионе, ее давние и прочные экономические и политические связи с Германией могли стать почвой для роста прогерманских настроений.

Смена власти в России в феврале 1917 г. придала новое звучание сформулированной американским президентом концепции. По мнению руководства США, революция стала реализацией права российского народа на выбор демократического пути развития и являлась важным доказательством жизнеспособности вильсоновского проекта послевоенного переустройства. Временное правительство кн. Г.Е. Львова провозгласило готовность решить вопрос об отношениях с национальными окраинами империи после созыва Учредительного собрания. 20 марта 1917 г. оно издало манифест, предоставляющий Финляндии права широкой автономии. В этот период правительство В. Вильсона не рассматривало возможность отделения от России приграничных территорий. Приняв решение о вступлении в мировую войну на стороне Антанты в апреле 1917 г., руководство Белого дома было заинтересовано в сохранении территориальной целостности России, от которой зависела судьба Восточного фронта. Однако для политической элиты Финляндии декларации Временного правительства о готовности содействовать праву народов на самоопределение стали основанием для борьбы за суверенитет страны Суоми. Важной частью этой борьбы, по мнению финляндских политиков, должны были стать международно-правовые гарантии, полученные при посредничестве великих держав.

Докладывая об изменениях в отношениях между Россией и Финляндией после февральской революции, консул США в Петрограде Н. Уиншип в 1917 г. указывал на то, что первая неделя после революции продемонстрировала готовность финнов признать тот факт, что все полномочия по суверенитету над Финляндией перешли от Николая II к Временному правительству. «Но по прошествии времени в Финляндии усилилось течение, которое отрицало преемственность и настаивало, что теперь эти полномочия должны быть переданы финскому народу» [5, р. 726]. Сторонниками пересмотра характера взаимоотношений России и Финляндии выступили финские социал-демократы, победившие на выборах в Сейм в 1916 г. В отчетах Н. Уиншип обращал внимание государственного департамента на то, что по мере углубления политического кризиса в России, финские социалисты становятся все более радикальными в своих требованиях. Уже в июне они открыто заявляли о том, что решение «финского вопроса» не является прерогативой Временного правительства. Что отношения между Россией и Финляндией могут быть установлены только волей финского народа и международным договором. Консул отмечал, что серьезное влияние на позицию финских социал-демократов оказывают российские большевики, выступившие за полную и немедленную независимость Финляндии и за выход России из империалистической войны [5, р. 723-726]. Эти тревожные тенденции отмечали и другие американские дипломаты. 23 июня 1917 г. американский посланник в Швеции А. Моррис доложил госсекретарю Р. Лансингу о решении конгресса финских социал-демократов, проходившего в Стокгольме, одобрить резолюцию с требованием сделать Финляндию независимой республикой и запретить России иметь там свои войска после войны. Установление независимости скрепить международным соглашением и недостающими гарантиями свободы [5, р. 726].

Борьба, развернувшаяся между Временным правительством и финляндским Сеймом летом 1917 г. за разграничение полномочий отразила неспособность Временного правительства стабилизировать обстановку и прийти к компромиссу. Посетивший летом 1917 г. Хельсингфорс, военный министр А.Ф. Керенский заявил, что «доброту русских не надо рассматривать как слабость». В ответ, финские газеты разразились статьями, в которых заявляли о том, что финские партии солидарны в вопросах об отношении к России и что Временное правительство готовится нарушить принципы, которые само же и провозгласило (что каждый народ может сам определять свое будущее) [5, р. 726]. В конце июля 1917 г. Н. Уиншип докладывал: «По мере того, как власть Временного правительства становится все слабее и слабее, особенно в июне и начале июля под воздей-

ствием прогерманских максималистов-социалистов сепаратистское движение в Финляндии выросло и окрепло. Это движение приняло форму проекта о передаче финскому Сейму полноты власти за исключением вопросов внешних сношений и военных, которые останутся в компетенции Временного правительства» [5, р. 731]. В результате июльского кризиса российские власти приняли решение о роспуске финляндского Сейма и назначении досрочных выборов, которые состоялись в октябре. Итоги этих выборов отразили углублявшийся раскол между финскими социалистами, полагавшими, что полномочия должны быть сосредоточены в руках Сейма, и буржуазными партиями, стремившимися закрепить полноту власти в руках Сената. Правительство США никак не комментировало развитие кризиса в отношениях между Россией и Финляндией.

Ноябрьская революция в России стала катализатором политического противостояния в Финляндии. Сейм предложил создать триумvirат верховной власти в Финляндии. Социалисты расценили это как попытку государственного переворота и попытались силой свергнуть Сейм. 16 ноября посланник США в Швеции сообщил о том, что социалисты захватили телеграф и госучреждения и объявили Сенат низложенным. По выражению посланника, «история переворота коротка, но корни очень глубоки» [5, р. 732]. В революционные события в Финляндии сразу оказались вовлечены российские войска, железнодорожное сообщение с Россией было прервано, в стране набирало обороты гражданское противостояние. В этой борьбе буржуазные партии Финляндии сделали ставку на отделение от России, как средство предотвращения вмешательства Советской России в финляндский внутрисполитический кризис. В результате Финляндия стала первой из национальных окраин России, которая заявила о своем суверенитете в 1917 г., не дожидаясь созыва Учредительного собрания.

6 декабря 1917 г. буржуазный Сейм Финляндии утвердил декларацию о независимости и обратился за международным признанием. Консул США в Хельсингфорсе, выразил свои симпатии к финскому правительству и надежду на то, что правительство США будет первым, кто признает его независимость [6]. Однако из Белого дома последовал отказ. Для руководства официального Вашингтона проблема независимости Финляндии оставалась составной частью «русской политики». Накануне созыва российского Учредительного собрания, в США сочли недопустимым поддержку финского сепаратизма и отказались обсуждать вопрос о предоставлении признания независимости. Посол США в Петрограде Д. Френсис также высказался против признания: «Не представляю, как мы можем признать независимость Финляндии до созыва Учредительного собрания. Подобное признание потребует Украины и другим провинциям» [5, р. 736].

В результате Белый дом занял выжидательную позицию. В России началось формирование белого движения. По мнению членов американского правительства, это должно было способствовать быстрой ликвидации власти большевиков в Петрограде. Надеясь сохранить достигнутые с российскими властями после февраля 1917 г. договоренности и укрепить позиции тех политических сил, которые были бы способны предотвратить выход России из войны, руководство официального Вашингтона отказалось формулировать свою позицию по «финскому вопросу».

В начале 1918 г. независимость Финляндии была признана Францией, Германией, Советской Россией и членами Скандинавской лиги. Руководство Белого дома вновь подчеркнуло, что «США не могут признавать какое-либо правительство, пока сам русский народ не выскажет свою волю по этому вопросу» [5, р. 743]. Начавшаяся в январе 1918 г. гражданская война в Финляндии между буржуазным Сенатом и социалистами усугубила ощущение неопределенности американских властей в «финском вопросе». В провозглашенных президентом Вильсоном 8 января 1914 г. «14 пунктах» Финляндия не упоминалась. В выступлении перед Конгрессом президент Вильсон подчеркнул стремление придерживаться принципа территориальной целостности России и одновременно намерение утвердить право наций на самоопределение как ключевую составляющую послевоенной системы международных отношений. При этом обязательными условиями реализации данного права являлись жизнеспособность новых государственных образований и решение вопроса об их международно-правовом статусе и границах при посредничестве Лиги Наций. Обсуждение «14 пунктов» проис-

ходило на фоне процесса дезинтеграции Российского государства. Большинство из национальных регионов зимой 1918 г. заявили о своей независимости и вскоре оказались оккупированы странами Четвертого союза. Другим немаловажным фактором стало намерение Франции и Великобритании закрепиться в северо-западном регионе России, в Украине и Закавказье. Соглашение, подписанное между двумя государствами в декабре 1917 г. не предусматривало активного американского участия в контроле над этими территориями. При данных обстоятельствах руководство США намеревалось блокировать решение проблемы национальных государств до начала мирной конференции. Вместе с тем, возросшее военно-стратегическое значение Финляндии в балтийском регионе заставляло американское руководство пристально следить за развитием событий.

В феврале 1918 г. с разрешения американского руководства в Вашингтон приехали представители буржуазного правительства П.Э. Свинхувуда. Они намеревались обсудить вопрос о дипломатическом признании, но получили отказ. Глава внешнеполитического ведомства заявил, что США не готовы рассматривать этот вопрос ввиду создавшегося в России положения [5, р. 736]. Глава внешнеполитического ведомства заявил, что его правительство не станет предпринимать официальных шагов до окончания гражданской войны [5, р. 755]. Президент В. Вильсон заявил, что обсуждение вопроса о независимости станет возможным тогда, когда в Финляндии будет избрано постоянное правительство [5, р. 756]. Все попытки представителя социалистического правительства С. Нуортева добиться неофициальных переговоров о признании и предоставлении продовольственной помощи окончились безрезультатно.

К концу января 1918 г. ситуация в Финляндии стала настолько непредсказуемой, что госдепартамент оставил за консулом в Хельсингфорсе право покинуть свой пост, в случае угрозы жизни [5, р. 745]. Однако консул остался исполнять свои обязанности. Будучи свидетелем развития событий, Т. Хэйнс докладывал о тяжелом положении буржуазного правительства и настаивал на немедленном предоставлении признания: «Русские войска из Петрограда на поездах направляются на помощь Красной гвардии. Шведы, датчане и норвежцы бегут, чтобы уплыть на шведском правительственном корабле. Узурпаторское социалистическое правительство хочет обсудить вопрос о снабжении продовольствием. Неофициально ответил, что у Америки нет продовольствия, которое может быть растрчено в гражданской войне и что пока вообще ничего обсуждать официально нельзя» [5, р. 747-748]. Консул настаивал, что бездействие Вашингтона противостоит провозглашенным президентом принципам и способствует росту антиамериканской пропаганды [5, р. 743-744].

Американские дипломаты опасались, что Германия окажет единственной страной, готовой предоставить военную и экономическую помощь буржуазному правительству П.Э. Свинхувуда. В феврале 1918 г. вице консул в Хапаранде сообщил о неуклонном росте численности немецких военных на территории Финляндии. В докладе подчеркивалось, что германские агенты могут беспрепятственно пересекать российско-финляндскую границу, а большевистская пропаганда печатается на немецком языке и распространяется в Финляндии. Суммируя сведения, поступавшие из страны Суоми, посланник США в Стокгольме А. Моррис писал Р. Лансингу: «Финские большевики, находясь в меньшинстве, контролируют правительство при помощи русских солдат и матросов. Ситуация с продовольствием серьезная. Во многих областях люди живут на половину рациона. Тот факт, что Америка не предоставляет помощь в настоящее время, используется как основа для пропаганды» [5, р. 737-738]. Однако на просьбы о поставке продовольствия Р. Лансинг ответил, что «желание США помочь Финляндии с поставками продовольствия ограничено неотложными нуждами наших союзников и наших собственных войск во Франции» [5, р. 748-749].

Усиление зависимости Финляндии от Германии могло быть предотвращено только поддержкой со стороны союзных и нейтральных стран. В своих обращениях представители буржуазного правительства Финляндии стремились подчеркнуть, что основная задача финляндской Белой гвардии под командованием К. Маннергейма не одержать победу над собственным народом, а отстоять независимость Финляндии перед угрозой большевистской экспансии. 18 февраля 1918 г. оно распространило заявление, в котором обвинило Советскую Россию в разжигании гражданской войны в Финляндии. В заявлении указывалось, что «вой-

на в Финляндии – это не гражданская война. Она идет между финскими гражданами и русскими войсками, что противостояние между частью социал-демократов и финским населением никогда не переросло бы в войну, если бы не вмешательство российских войск» [5, р. 752]. Американские дипломаты поддерживали эту позицию, заверяя государственный департамент в том, что «войска Маннергейма не воюют с Россией. Их задача выдворить из Финляндии большевиков и установить независимость Финляндии» [5, р. 753]. Однако правительство США продолжало подчеркнуто дистанцироваться от событий в Финляндии.

7 марта 1918 г. буржуазное правительство заключило договор с Германией, по которому Германская империя выступила гарантом независимости Финляндии. Это привело к разрыву отношений с союзниками. Германская интервенция способствовала тому, что гражданская война в Финляндии окончилась к середине мая 1918 г. разгромом социалистов. Советская Россия вывела свои части с финляндской территории. Перед буржуазным правительством встал вопрос об определении границ государства. П.Э. Свинхувуд стремился добиться вхождения в состав страны Карелии и Кольского полуострова, опираясь на поддержку Германии. В мае 1918 г. от представителей американских дипломатических миссий стали поступать многочисленные сообщения о том, что финские банды орудуют на Мурманской железной дороге [5, р. 781]. Действия финляндского руководства грозили осложнить стратегическое положение союзных войск, начавших осуществлять интервенцию в северо-западном регионе России.

Желая предотвратить развитие конфликта, 19 апреля 1918 г. британское правительство передало финскому представителю меморандум, в котором говорилось о готовности правительства Ее Величества временно признать независимость Финляндии до окончательного решения этого вопроса на мирной конференции. Финское правительство должно было дать гарантии будущего нейтралитета Финляндии, включая гарантии жизни и собственности подданных союзных стран, обеспечить свободу передвижения британских подданных, товаров и судов союзных стран в финских водах и прекратить все действия на железных дорогах [5, р. 784-785]. Мнение американских дипломатов о предложении Великобритании разделилось. Консул в Хельсингфорсе полагал, что Соединенные Штаты могут предоставить временное признание на аналогичных условиях [5, р. 786]. Он считал, что буржуазное правительство контролирует ситуацию и не нуждается в помощи Германии. Консул настаивал на том, что большинство финляндских партий сохраняют просоюзнические позиции и стремятся к нейтралитету. Т. Хэйнс полагал, что и отношение к России меняется: «В первые дни немецкого вторжения местные газеты развернули дискуссию на тему необходимости отвоения у России Карелии и Кольского полуострова... Теперь все газеты предостерегают от конфликта с Великобританией из-за Мурманской железной дороги и советуют заключить договор с Россией, решив вопрос о Карелии путем соглашения» [5, р. 787]. Но посол США в России Д. Френсис считал, что «финско-германский альянс лишь окреп и представляет серьезную угрозу Мурманску, Архангельску, Петрограду и всей Европейской части России» [5, р. 789]. Подтверждением этого довода стало намерение П.Э. Свинхувуда добиться превращения Финляндии в монархию во главе с представителем немецкой династии.

Госсекретаря Р. Лансинга всерьез обеспокоило опубликованное в шведских газетах в мае 1918 г. обращение генерала К. Маннергейма. В нем говорилось о дружбе, которую «финский народ всегда испытывал к германскому кайзеру и немецкому народу» [5, р. 782-783]. 11 мая 1918 г. Р. Лансинг направил президенту очередное обращение финских представителей в Вашингтоне с просьбой о дипломатическом признании. По мнению госсекретаря, этот шаг мог предотвратить дальнейшее сближение Финляндии и Германии. Но В. Вильсон ответил, что США признают Финляндию только тогда, «когда она продемонстрирует, что не находится под контролем Германии» [5, р. 788].

Намерение США и их союзников предотвратить территориальные захваты Финляндии и добиться от нее нейтралитета только укрепило позиции сторонников прогерманского альянса в Финляндии. 9 октября 1918 г. Сейм Финляндии проголосовал за превращение страны в монархию и пригласил на финляндский престол Фредерика Карла Гессенского. Однако окончание Первой мировой войны в ноябре 1918 г. и поражение Германии подвели черту под планами коронации. Теперь вопрос о буду-

щем страны Суоми зависел от стран-победительниц. Несмотря на имеющиеся противоречия, союзники склонялись к мысли о том, что Финляндия может получить признание, если разорвет отношения с Германией, и из состава правительства уйдут прогермански настроенные монархисты.

В октябре 1918 г. советники президента В. Вильсона, У. Липпман и Ф. Кобб рекомендовали признать и оказать помощь «временным правительствам», возникшим в различных регионах России. Однако президент отказался следовать этим рекомендациям. Он полагал, что появление представителей «не осознавших свои интересы национальностей» на приближавшей мирной конференции было «крайне нежелательным» [3, с. 615]. Вместе с тем, В. Вильсон информировал Р. Лансинга о том, что считает не целесообразным предоставлять место за столом мирной конференции и России с учетом, по меньшей мере, временного распада ее на пять частей. Государственный секретарь, напротив, полагал, что «США должны настаивать на рассмотрении русских вопросов как части более широких, а не отдельно взятых проблем, проистекающих из того положения, которое на поверку может оказаться по большей части временной дезинтеграцией» [3, с. 615]. Подтверждением этому служил начавшийся в России процесс консолидации антибольшевистских сил. Большинство лидеров белого движения выступили против вмешательства иностранных государств в российско-финляндские отношения. Однако для президента США «финский вопрос» в преддверии начала мирной конференции являлся лишь частью проекта реализации новой системы международных отношений в послевоенном мире. На совещании членов американской делегации на пути в Париж он заявил, что «право самоопределения – властная аксиома, которую отныне не сможет проигнорировать ни один государственный деятель без вреда для себя». При этом пояснив, что применительно к территориям, выделившимся из состава России, это будет означать, что «в соответствии с принципом самоопределения, необходимо выяснить, под чей суверенитет эти государства хотели бы перейти» [7, с. 42-44]. В. Вильсон полагал, что большинство народов, вышедших из состава авторитарных империй в ходе Первой мировой войны, не обладали достаточным потенциалом для самостоятельного развития и нуждались в патернализме. Решение вопроса об их международно-правовом статусе и границах должно было осуществляться посредством Лиги Наций. Р. Лансинг опасался, что такая трактовка «станет на конференции основой для невозможных требований со стороны малых народов и вызовет во многих странах волнения и недовольство» [7, с. 46].

Позиция американского президента в отношении принципа самоопределения, с одной стороны, создавала возможность для финляндского руководства добиться международного признания независимости, которое стало бы механизмом сдерживания для России вне зависимости от того, какая политическая сила побеждает там в гражданском противостоянии. С другой стороны, она открывала дорогу для активного вмешательства иностранных государств в решение вопроса о характере политического развития Финляндии и ее границах. Несмотря на окончание Первой мировой войны, Финляндия к началу 1919 г. сохраняла свое военно-стратегическое значение в балтийском регионе. Это подогрело у финляндской политической элиты стремление использовать военно-силовой метод для решения вопроса о территориальных рамках государства.

Борьба, развернувшаяся между участниками Совета четырех на Парижской конференции по вопросу о границах новых государств в Европе, отразила стремление держав-победительниц реализовать собственные проекты переустройства в послевоенной Европе. Правительство Франции еще осенью 1918 г. восстановило дипломатические отношения с Финляндией, пообещав финскому руководству содействие в вопросах о признании и границах. Правительство Великобритании было обеспокоено усилением влияния Франции в Европе после войны и стремилось координировать свои действия в вопросе о признании с США. К началу 1919 г. рост антивоенных настроений в Англии и тяжелая экономическая ситуация способствовали тому, что британское руководство отказалось от дальнейшего участия в интервенции в Россию и намеревалось найти политико-дипломатические методы реализации своих национальных интересов. В этой связи привлечение пограничных с Россией государств к войне с большевиками и вовлечение их в патронатную систему Лиги Наций позволяло крупнейшей колониальной державе сохранять рычаги влияния на послевоенную систему международных отношений без участия в локальных войнах.

В середине февраля 1919 г. Франция и Великобритания выразили намерение предоставить признание Финляндии [8, р. 210]. Они добились отставки П.Э. Свинхувуда и поддержали активное участие Финляндии в борьбе с большевиками в Прибалтике. Союзники оказывали сильное давление на членов американской делегации. Ситуация осложнялась тем, что в начале 1919 г. правительство В. Вильсона вынуждено было бороться не только с планами союзников на конференции, но и с растущей оппозицией в США внешнеполитическому курсу президента. Республиканский Конгресс требовал отчета о пребывании американского военного контингента в России. Нарастала критика позиции американской делегации на мирной конференции, ставившая под угрозу ратификацию мирного договора. Наступление белых армий весной 1919 г. в России поставило в повестку дня американской делегации вопрос о роли, которую Финляндия может сыграть в исходе гражданской войны в России. Для США возможность привлечь к борьбе с большевиками в России финские войска представляла не только прекрасную альтернативу непопулярной интервенции. Оно позволило бы повлиять и на лидеров белого движения, от которых Вашингтон добивался признания независимости национальных окраин, и отстранения от власти военных после победы в гражданской войне. Немаловажным фактором было и то, что процесс политического урегулирования в Финляндии не был завершен. Предстояло провести выборы в новый парламент, решить вопрос о форме правления и государственном устройстве. В связи с этим руководство США решило дождаться итогов первых послевоенных выборов в финский парламент, которые должны были состояться в марте 1919 г. Было решено, что США предоставят признание в случае поддержки электоратом буржуазных партий и К. Маннергейма. Если этого не произойдет, то ограничения выражением симпатии финскому народу в его стремлении к независимости [7, р. 211]. Как только стало известно, что большинство мест в парламенте досталось представителям буржуазных партий, консул в Хельсингфорсе получил от госдепартамента распоряжение уведомить «финские власти, что США готовы признать де-факто любое правительство, установленное конституционным путем на демократической основе по итогам выборов и придерживающиеся политики неконфликтности с союзниками» [7, р. 213].

Однако Финляндия намеревалась получить обширные российские территории. Решение вопроса о Финляндии являлось частью проблемы статуса и границ всех национальных государств, возникших по периметру границ бывшей империи. Госсекретарь Р. Лансинг опасался, что признание Финляндии поставит США перед необходимостью предоставить аналогичное признание и другим частям бывшей империи [9, р. 319]. Несмотря на то, что в американском государственном аппарате не было единства мнений относительно перспектив признания финляндской независимости, президент поддержал этот шаг: «Я совершенно убежден в том, что вопрос о Финляндии стоит самостоятельно, написал он Р. Лансингу в начале мая 1919 г., – Она никогда, по правде, не была составной частью России. Она была наиболее неудобной и нежеланной ее частью, и я думаю, что действие в защиту признания Финского правительства не обязывает нас и не обременит признанием независимости других частей бывшей Российской империи, которые могли отделиться» [9, р. 404].

7 мая 1919 г. правительство США одновременно с Великобританией предоставило де-факто признание правительству Финляндии. Белый дом одобрил участие финляндских войск в захвате Петрограда, отказавшись финансировать эту операцию, обсуждать вопрос о границах с Россией и признании де-юре. Это решение было принято на фоне обсуждения союзниками признания правительства Колчака. Верховный правитель неоднократно заявлял, что окончательное урегулирование «финского вопроса» является прерогативой российского Учредительного собрания, созыв которого станет возможным после окончания гражданской войны. Американская делегация заблокировала все попытки союзников предоставить признание Омскому правительству. В. Вильсон поддержал включение в перечень условий, продиктованных союзниками А.В. Колчаку в июне 1919 г. пункта об обязательном признании независимости Финляндии и других национальных государств и передаче всех связанных с их статусом и границами вопросов под юрисдикцию Лиги Наций. Адмирал отверг данные условия и отказался признать соглашение Юденича-Маннергейма о совместном наступлении на Петроград.

Наступление так и не состоялось. Президентские выборы, прошедшие в Финляндии в июле 1919 г. окончились победой прогрессиста К.Ю. Столберга, отказавшегося от идеи совместных военных действий с антибольшевистскими силами. Последовавшее во второй половине 1919 г. поражение белых армий в России подвело черту под финской составляющей «русской политики» Вашингтона. К осени 1919 г. первоочередной задачей американского президента стала борьба за одобрение Конгрессом США Версальского договора. Проблема Финляндии оказалась не периферии интересов американского руководства. Неоднократные обращения финляндских дипломатов с просьбой о предоставлении признания де юре оставались без ответа вплоть до марта 1920 г., когда вопрос об открытии постоянной дипломатической миссии был решен Конгрессом США [4].

США предоставили Финляндии признание де юре, но отказались поддержать попытки финского руководства захватить российские территории. Для американского правительства, отказ Конгресса США ратифицировать Версальский договор явился сокрушительным провалом вильсоновской внешней политики.

В этих условиях поощрение Великобританией и Францией вооруженных действий Финляндии в отношении Советской России В. Вильсон расценил как способ продолжить перекаривание карты Европы в ущерб достигнутым на Парижской конференции договоренностям. Эта позиция стала отражением двойственной и непоследовательной политики Вашингтона в вопросе о независимости национальных государств. Концепция о праве народов на самоопределение стала стимулом для финляндской политической элиты в борьбе за национальное самоопределение, однако для руководства США проблема Финляндии оставалась составной частью «русского вопроса» вплоть до конца 1919 г. Отношение к стране Суоми определялось, в первую очередь, ее военно-стратегическим потенциалом. Это способствовало тому, что для политической элиты Финляндии официальный Вашингтон в межвоенный период не смог стать основополагающим ориентиром во внутренней и внешней политике, в отличие от Германии, в которой многие финские политики продолжали видеть надежного союзника.

Библиографический список

1. Кеттола, Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. – 1993. – № 6.
2. Новикова, И.Н. Причины возникновения егерского движения в Финляндии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 9.
3. Фоглесонг, С.Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война: Пролог XX века. – М., 1998.
4. U.S. – Finnish Diplomatic Relations. – Helsinki. 1999.
5. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. – Washington, 1932. – V. 2.
6. Confidential U.S. Diplomatic Post Records. Part 1. Russia: From Czar to Commissars, 1914–1918 / ed. by Paul Kesaris. – Princeton, 1982. – Reel 5.
7. Бекер, Р.С. Вудро Вильсон, мировая война, Версальский мир. – М.; П., 1923.
8. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: 1919. Russia. – Washington, 1936. – V. 3.
9. The Papers of Woodrow Wilson: April 23–May 9, 1919. – Princeton, 1988. – V. 58.

Bibliography

1. Ketola, E. Revoluciya 1917 goda i obretnenie Finlyandiej nezavisimosti: dva vzglyada na problemu // Otechestvennaya istoriya. – 1993. – № 6.
2. Novikova, I.N. Prichinivozniknoveniya egerskogo dvizheniya v Finlyandii v godih Pervoy mirovoy vojny // Voennno-istoricheskiy zhurnal. – 2004. – № 9.
3. Foglesong, S.D. Soedinenniye Shtatih, problema samoopredeleniya natsiy i borjba protiv bolshevikov v Pribaltike. 1918–1920 // Pervaya mirovaya vojna: Prolog XX veka. – M., 1998.
4. U.S. – Finnish Diplomatic Relations. – Helsinki. 1999.
5. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. – Washington, 1932. – V. 2.
6. Confidential U.S. Diplomatic Post Records. Part 1. Russia: From Czar to Commissars, 1914–1918 / ed. by Paul Kesaris. – Princeton, 1982. – Reel 5.
7. Beker, R.S. Vudro Viljson, mirovaya vojna, Versalskiy mir. – M.; P., 1923.
8. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: 1919. Russia. – Washington, 1936. – V. 3.
9. The Papers of Woodrow Wilson: April 23–May 9, 1919. – Princeton, 1988. – V. 58.

Статья поступила в редакцию 05.08.14

УДК 502.8, 904

Polyakova Ye.A., Vitovtova G.I. CHURCH-ARCHEOLOGICAL INSTITUTIONS IN RUSSIA AND THEIR SUBDIVISIONS IN THE SECOND HALF OF 19 – EARLY 20 CENTURIES. The paper contains generalized information about different types of church-archeological institutions in Russia in the second half of 19 – early 20 centuries. The establishment and development of church archeology as scientific and educational subject affected the organization of church–archeological societies, commissions and museums. The author, considering the church museums as a separate type of church-archeological institutions, presents their classification, reveals goals of their organization and functions.

Key words: church archeology, church archaeological society, church museum, preservation of monuments documenting function; educational function, research function.

Е.А. Полякова, канд. культурологии, проф. каф. истории и философии БЮИ МВД России, г. Барнаул, E-mail: elena2873@mail.ru; **Г.И. Витовтова**, канд. ист. наук, доц. АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: vitovtova51@mail.ru

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИИ И ИХ СТРУКТУРНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье представлены обобщённые сведения о различных видах церковно-археологических учреждений действовавших в России во второй половине XIX – начале XX веков. Становление и развитие церковной археологии как учебной и научной дисциплины повлияло на создание церковно-археологических обществ, комиссий и музеев. Автор, относя церковные музеи к отдельному, самостоятельному типу церковно-археологического учреждения, выявляет цели их создания и функции, предлагает видовую классификацию церковных музеев.

Ключевые слова: церковная археология, церковно-археологическое общество, церковный музей, охрана памятников, документирующая функция, образовательная функция, научно-исследовательская функция.

В России в начале 30-х гг. XIX века происходит становление новой научной дисциплины – церковной археологии. Во второй половине XIX века церковная археология разделилась на теоретическую и практическую составляющие. Теоретическая сфера деятельности заключалась в изучении православного наследия, практическая сфера деятельности нашла выражение в формировании церковно-археологических учреждений (ЦАУ): обществ (ЦАО), комитетов (ЦАК) и церковных музеев. ЦАУ вели работу по изучению и сохранению памятников, что способствовало распространению «археологического интереса и знаний» [1, с. 365]. Точные данные о количестве ЦАУ в России в исторический период современному этапу не известны. Наибольшее полные сведения о количестве церковно-археологических обществ, комиссий, комитетов и церковных музеев представлено в статье И.И. Комаровой [2, с. 83–85]. Автор настоящего исследования, уточнив и дополнив приведённые данные информацией из «Справочника научных обществ России» [3], отчётов обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания [4, с. 169–164], сведений о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях [5, 1–36] и научных статей современных исследователей, составил таблицы, наглядно иллюстрирующие развитие практической составляющей церковной археологии (таблица 1, 2).

В таблице 1 представлены выявленные автором сведения о функционировавших на территории России церковно-археологических обществах и комитетах и об открытых на их базе музеях. Безусловно, таблица не может претендовать на абсолютную полноту ввиду противоречивости и ограниченности выявленных в источниках сведений. Например, во «Всеподданнейших отчетах...» крайне редко была представлена информация по Сибирскому региону, а данные по годам создания обществ и музеев, содержащиеся в «Сведениях о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях» К.Я. Здравомыслова, зачастую противоречат сведениям, содержащимся в местных изданиях.

На основании таблиц 1 и 2 можно констатировать, что нижней границей основания церковно-археологических учреждений является 1872 г. – год второго археологического съезда, а верхней – 1916 год. Из 45 показанных в таблице учреждений, в конце XIX века были основаны 27, а остальные 46 – в первые 16 лет XX века. За Уралом они были открыты в шести городах: в Екатеринбурге, Тобольске, Томске, Енисейске, Иркутске, Якутске. Данные таблицы 1 свидетельствуют о наличии при церковно-археологических обществах 40 древлехранилищ. Примечательным является тот факт, что церковно-археологические общества могли создаваться на базе церковных музеев, а не наоборот (таблица 2). Общее количество церковных музеев равно 68.

Церковно-археологические учреждения были явлением массовым. Одной из причин этого стали предписания Св. Синода. Так, в 1903 г. было дано указание «составить особые описи древностей по монастырям и церквям, где таковые древности имеются, и сосредоточить копии этих описей в московской патриаршей библиотеке». В 1908 г. синодальной Архивной комиссией был представлен проект «Положения о церковно-археологических комитетах» и «Правил церковно-археологических комиссий при Св. Синоде» [6]. Указы Синода от 1909 и 1910 гг. повелевали «при возобновлении старинных церквей, древний, как наружный, так и внутренний вид сохранять тщательно и не допускать без разрешения духовной власти произвольных поправок и перемен» [7]. Исполнение подобных распоряжений требовало наличия на местах определенных научных и людских ресурсов.

Наибольшее количество церковно-археологических обществ было открыто в 1913 году (см. табл.2). Данный факт не является случайным. 25 июня 1911 года Священным Синодом был издан указ за № 18 обязывавший преосвященных епархий «принять меры по учреждению церковно-археологических обществ», а церковно-археологические учреждения предоставлять отчетную документацию и печатные издания «в комиссию по описанию Синодального архива» [8]. В 1912 г. вышло еще одно распоряжение Св. Синода о повсеместном создании епархиальных

археологических обществ «в целях ознакомления духовенства с известными древностями, а равно и заинтересовании его в сохранении церковной старины», а также теоретической подготовке духовенства [7]. С этого года в журналах Св. Синода начали упоминаться церковно-археологические учреждения: «В некоторых епархиях существуют церковно-археологические учреждения, открытые с целью собирания местных исторических памятников и развития в местном обществе, и особенно в среде духовенства и духовных воспитанников, археологического интереса и знаний» [8]. В 1914 году при Святейшем Синоде была организована архивно-археологическая комиссия, целью которой было усиление интереса к церковной старине и её охрана. Комиссия была центральным органом, контролировала действия ЦАУ и давала разрешение на создание новых музеев.

Произведённый автором анализ уставной [9, с. 23–24] и отчетной документации позволил выявить три направления деятельности церковно-археологических учреждений: документирующая, научно-исследовательская и просветительная [10]. Первое направление, или документирующая деятельность, предусматривало выявление, описание, приведение в музейное состояние, сохранение и охрану церковных памятников; фотофиксацию или описание памятников зодчества и иконописи. Второе, научно-исследовательское направление, осуществлялась посредством организации экспедиций, научного изучения в церковно-религиозном аспекте истории конкретных регионов, объектов материального и нематериального наследия, составления различных описей, каталогов, проведения атрибуции, написания научных статей. Просветительная деятельность, третье направление, ориентированная как на духовенство, так и светскую часть населения, реализовывалась в форме публичных лекций и чтений, публикаций статей научно-популярного характера в епархиальных ведомостях или отдельных трудах, например, «Книжки Тобольского церковного древлехранилища».

Церковно-археологические общества (комиссии, комитеты) более 40 лет играли важную роль в деле выявления и сохранения православного наследия и просвещения общества, но, как отмечает Т.Н. Заднепровская, «они находились во многом в стадии становления, испытывая как объективные трудности (финансовые, отсутствие помещений), так и субъективные (отсутствие правовой базы, методологических основ)» [6, с. 39]. Функции церковно-археологических обществ выполняли и церковные музеи, которые могли находиться в составе комиссий и комитетов или быть самостоятельными.

Церковным музеям, помимо памятникоохранительной функции, была свойственна научно-педагогическая, которая была обусловлена потребностью общества в формировании у выпускников духовно-учебных заведений теоретических знаний и практических навыков в области атрибуции объектов православного наследия. В 1872 году на страницах «Православного обозрения» вышла статья известного археолога, профессора Московской духовной академии, председателя Совета общества любителей духовного просвещения И.Д. Мансветова «Об устройстве церковно-археологических музеев» [11], содержащая проект создания российских древлехранилищ. Предварительное теоретическое изучение собраний российских памятников древностей показало, что предметы церковного искусства занимают весьма значительное место в их структуре, и в связи с этим, по мнению ученого, данные коллекции способны оказать «важную услугу» общей археологии, но лишь при условии оформления их в специализированные центры – древлехранилища. И.Д. Мансветов отмечал, что в структуре светских учреждений опыт формирования данных тематических собраний уже был накоплен при Академии художеств, в Московском публичном музее (собрание церковных древностей Савостьянова) и Художественно-промышленном музее. Безусловно, в церковном ведомстве тоже существовали подобные коллекции, не уступавшие по ценности светским собраниям, а порой и превосходившие их, например, знаменитая патриаршая ризница и ризница Троице-Сергиевой лавры [11, с. 263]. Но эти коллекции при всей их полноте не могли использоваться в «научно-педагогических целях» [11, с. 265]: в светских собраниях они были лишены надлежащего идейно-концептуального оформления, так как рассматривались

Таблица 1

Церковно-археологические учреждения и музеи

Название учреждения	Год основания	Год основания музея
Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии	1872	1872
Архангельский совет попечительства по собиранию и хранению памятников церковных древностей преобразован в Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет	1886	1896
Могилёвский археологический историко-статистический комитет с музеем при духовной семинарии	1888	1897
Воронежский историко-церковно-археологический комитет с древлехранилищем	1890	1890
Сухумская церковно-археологическая комиссия	1893	наличие не установлено
Орловское церковное историко-археологическое общество с музеем	1893	1893
Волынское церковно-археологическое общество с древлехранилищем при духовной семинарии	1893	1893
Астраханский церковно-археологический комитет	1894 (1914)	1913
Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество с древлехранилищем	1894	1906
Историческое общество св. Олега (Брянск)	1895	наличие не установлено
Смоленский церковно-археологический комитет с древлехранилищем	1896	1896-1907
Церковно-археологический отдел при Московском Обществе любителей духовного просвещения	1900	1871
Калужское церковно-археологическое общество с древлехранилищем при духовной семинарии	1901	1901
Пензенский церковный историко-археологический и статистический комитет с древлехранилищем при духовной семинарии	1901	1916 (1901?)
Тверской епархиальный историко-археологический комитет с древлехранилищем при духовной семинарии	1902	1902
Херсонское церковно-археологическое общество	1903	1911
Бессарабское церковно-историко-археологическое общество с музеем	1904	1904
Донской епархиальный историко-археологический комитет с древлехранилищем при духовной семинарии	1904	1904
Брянская церковно-историческая комиссия	1905	наличие не установлено
Гродненский церковно-историко- археологический комитет с древлехранилищем	1905	1905
Полтавский церковный историко-археологический комитет с древлехранилищем	1906	1907
Казанское церковно-археологическое общество с древлехранилищем при духовной академии	1907	1907
Минский церковный историко-археологический комитет с музеем	1908	1908
Псковский церковный историко-археологический комитет с древлехранилищем	1908	1908
Костромское церковно-археологическое общество с древлехранилищем	1911	1911
Екатеринбургское церковно-археологическое общество с древлехранилищем при духовном училище.	1911	1911
Екатеринославский епархиальный церковно-археологический комитет с древлехранилищем	1911	1911
Курское епархиальное историко-археологическое общество с древлехранилищем при духовной семинарии.	1911	1911
Благовещенский (Приамурский) епархиальный церковный историко-археологический комитет с древлехранилищем при духовной семинарии	1912	1912
Оренбургский епархиальный церковно-археологический комитет	1912	наличие не установлено
Пермское церковно-археологическое общество с древлехранилищем	1912	1912
Иркутское церковно-историческое и археологическое общество с музеем при духовной семинарии.	1912	1912
Тамбовский церковно-археологический комитет с древлехранилищем при духовной семинарии	1912	1912
Ярославский историко-археологический комитет	1912	1912
Енисейское церковно-историко-археологическое общество с древлехранилищем при духовной семинарии	1912	1912
Варшавский церковно-археологический комитет	1913	1907
Симферопольский церковно-археологический комитет (Таврическое церковно-археологическое обществ) с древлехранилищем при духовной семинарии	1913	1914
Новгородское церковно-археологическое общество с древлехранилищем	1913	1913
Самарское церковно-археологическое общество с древлехранилищем при духовной семинарии	1913	1913
Саратовское церковное историко-археологическое общество с древлехранилищем.	1913	1913
Уфимский церковно-археологический комитет	1913	нет
Симбирское церковное историко-археологическое общество с древлехранилищем	1914	1914
Петербургское центральное церковно-археологическое общество	1914	дата не установлена
Якутский церковно-археологический комитет при духовной семинарии	1916	наличие не установлено
Томское церковное историко-археологическое общество с древлехранилищем.	1912? 1916	1912? 1916

Таблица 2

Церковно-археологические музеи, открытие не на базе церковно-археологических учреждений

Название музея	Год основания	База	Основанные при музеях общества/комитеты
Церковно-археологический музей	1880	Московская духовная академия	
Церковно-археологический музей	1879	Санкт-Петербургская духовная академия	
Холмский Церковно-археологический музей при духовной семинарии	1882	Холмское Свято-Богородицкое Братство	
Ростовский музей церковных древностей	1885	Братство св. Димитрия Ростовского	
Епархиальное древлехранилище г. Тулы (Тульская епархиальная палата древностей)	1885 (1899)	Тульский Архиерейский дом	Тульское ИАТ (1899)
Нижегородское церковное древлехранилище	1886	Нижегородская духовная семинария	Нижегородская ЦАК (1887)
Владимирское церковно-историческое древлехранилище	1886	Владимирское Православное Братство св. Александра Невского	
Тифлисский церковно-исторический музей	1888	Ваннский собор	Постоянная ЦАК
Вологодский церковно-археологический музей	1888		Постоянная ЦАК любителей истории (1896)
Епархиальное церковное древлехранилище г. Каменец-Подольска	1889	Епархиальное управление	
Подольский церковно-археологический музей	1889	Подольский епархиальный историко-статистический комитет	Подольское ЦИАО (1903)
Хранилище старинных предметов церковного характера братства св. Феодосия Печерского	1891	Курская духовная семинария	
Витебское епархиальное Церковно-археологическое древлехранилище при духовной семинарии	1895	Витебское Православное Св.-Владимирское Братство	Витебское ЦИАО (1916)
Церковное древлехранилище в г. Риге	1895		
Церковное древлехранилище	вторая половина XIX в.	Православное Братство св. Креста Саратовской епархии	
Церковное древлехранилище	вторая половина XIX в.	Православное Братство св. Гурия Казанской епархии	
Церковно-археологическое древлехранилище при братстве св. Василия в Рязани	1900	Рязанское Православное Братство Св. Василия в Рязани	ЦАК (1911)
Олонецкое епархиальное древлехранилище	1900	Олонецкое епархиальное братство	Олонецкий ЕИАК (1912)
Тобольское церковное древлехранилище	1902	Тобольское епархиальное братство. Д. Солунского	Археогр. комис. (1903)
Церковно-археологический музей	1904	Харьковская духовная семинария	Харьковское ЕЦАО 1913
Черниговское епархиальное древлехранилище	1906	Черниговская духовная семинария	ЦАК 1906
Церковное древлехранилище	1909	Алекسانдро-Невская Лавра	
Литовское епархиальное древлехранилище	1909	Виленское Свято-Духовное Братство	
Валаамское Епархиальное древлехранилище	1911	Валаамский монастырь	Финляндский ИАК (1913)
Вятский церковно-археологический музей	1910	Губернская архивная комиссия	Вятский кружок любителей церковной старины
Велико-Устюжское церковное древлехранилище	не позднее 1912	Велико-Устюжское Стефано-Прокопьевское братство	
Древлехранилище Луцкого крестовоздвиженского братства	дата не установлена	Луцкое крестовоздвиженское братство	
Древлехранилище Владимиро-Волынского братства	дата не установлена	Владими́ро-Волы́нское братство	

с эстетическо-художественной точки зрения, а собрания ризниц были недоступны для широкого круга посетителей. Таким образом, становление церковной археологии как науки способствовало созданию церковных научно-педагогических музеев, нацеленных на решение памятникоохранительных и учебных задач.

Церковные музеи традиционно открывались на базе церковно-археологических обществ и духовно-учебных заведений. Активизировавшаяся памятникоохранительная, церковно-образовательная и миссионерская деятельность обусловила необходимость их присутствия и в структуре других церковных организаций (см. табл. 2). Проведенный автором анализ позволил

произвести классификацию по видам церковных музеев [12]. К первому виду относятся церковные музеи, созданные при духовных учебных заведениях (таблица 2). Для этих учреждений было характерно превалирование образовательно-воспитательной функции в рамках обеспечения наглядности преподавания. Так, согласно уставам, эти музеи учреждались с целью «успешного преподавания и учебной разработки церковной археологии» [13, с. 90], «для преподавания церковной истории и литургии», «для научной разработки церковной истории и археологии», «для сохранения церковно-исторических древностей» [13, с. 91]. Примерами являются музеи при Московской, Санкт-Пе-

тербургской и Киевской духовных академиях и семинариях, Харьковской духовной семинарии, Нижегородской духовной семинарии и пр.

Второй, самый многочисленный вид (таблица 1), был представлен музеями, основанными при церковно-археологических обществах с целью сохранения и изучения «памятников церковной старины, древностей первобытной истории и вообще предметов археологического и исторического значения» [14]. Образовательная функция этих музеев была направлена на популяризацию церковной археологии и формирование соответствующих знаний у местного духовенства и интеллигенции. Следует отметить, что фонды музеев при обществах также использовались в образовательном процессе духовных и светских учреждений [10]. Примерами являются древлехранилища при Томском ЦИАО, Псковском ЦАО, Орловском ЦИАО и др.

Третий вид составляли музеи, основанные при православных братствах, таких как Братство св. Гурия Казанской епархии, Братство св. Креста Саратовской епархии и пр. (таблица 2). Их фонды также формировались с образовательно-воспитательными целями, но в несколько ином аспекте – для обеспечения наглядности «распространения просвещения в духе православной церкви» [15, с. 399], «ознакомления посетителей с замечательными памятниками церковной старины» и «предохранения как собранных в нем, так и известных на пространстве епархии памятников от повреждения и разрушения» [9, с. 5], «поддержания в местном русском населении сознания своих религиозных убеждений» [13, с. 93] и противодействия другим верованиям. Фонды братских древлехранилищ могли использоваться как духовными учебными заведениями, так и светскими. Тобольское церковное древлехранилище братства св. Димитрия Солунского предоставляло свои фонды помимо представителей духовенства преподавателям и студентам Тобольской духовной семинарии, духовного и епархиального училищ, городских школ ведомства Министерства народного просвещения [16].

Четвертый вид музеев, действовавших при монастырях, был самым малочисленным (таблица 2) [17, л. 1-2]. Фактически это были открытые для доступа различные собрания, не предполагавшие масштабной памятникоохранительной деятельности. Их работа заключалась в «сохранении религиозных предметов», «изучении древнего искусства», презентации собраний. Просветительная деятельность таких древлехранилищ была ориентирована преимущественно на паломников. Как отмечает исследовавший эту группу церковных музеев В.А. Безродин, несмотря на то, что их «наглядно-учебная роль была второстепенна», они также ставили перед собой «учебно-воспитательные задачи» [13, с. 96]. Примером представителей этой группы может служить музей при Александро-Невской Лавре [17, л. 1-2], древлехранилище Валаамского монастыря.

Завершая обзор церковных музеев, следует отметить, что все они, независимо от видовой принадлежности, занимались памятникоохранительной, научно-исследовательской и просветительной деятельностью, причём некоторые церковные музеи, открывавшиеся, как правило, на базе духовных учебных заведений и православных братств, выполняли функции церковно-археологических обществ (таблица 2). Использование потенциала собрания для миссионерского служения было характерно для музеев при братствах и монастырях. Наглядно-учебная функция в большей степени была выражена в музеях, основанных на базе духовно-учебных заведений, церковно-археологических учреждений, православных братств.

Формирование церковной археологии как научной дисциплины, выделение из её структуры не только теоретической, но и практической составляющей, актуализация памятникоохранительной, церковно-образовательной и миссионерской деятельности, обусловили появление в России во второй половине XIX века различных церковно-археологических учреждений – обществ, комиссий, комитетов и музеев, выполнявших по отношению к обществу документирующую, научную, культурно-образовательную, воспитательную и наглядно-учебную (педагогическую) функции.

Библиографический список

1. Церковно-археологические учреждения // Зодчий. – 1904. – Вып. 32.
2. Комарова, И.И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры России конца XIX – начала XX века // Археологический ежегодник за 1990 год. – М., 1992.
3. Церковные научные общества: типологический указатель // Справочник научных обществ России: сайт проекта [Э/р]. – Р/д: <http://www.snor.ru/?m=catalog&an=typ&val=12>.
4. Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. – СПб, 1915.
5. Здравомыслов, К.Я. Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах. – Петроград, 1917.
6. Заднепровская, Т.Н. Церковно-археологические комитеты России и их роль в деле охраны и изучения памятников церковной старины // Санкт-Петербург и Отечественная археология. – СПб., 1995.
7. Отчет о деятельности Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского за 1914-1915 гг. // ТобЕВ. – 1916. – № 10.
8. Ранне, Г. Культурологические причины и задачи создания церковно-археологических обществ и музеев в России в конце XIX – начале XX веков: доклад // Санкт-Петербургская православная духовная академия: офиц. Сайт [Э/р]. – Р/д: <http://spbda.ru/news/a-460.html>.
9. Устав Тобольского Епархиального Братства св. великомученика Д. Солунского // ТобЕВ. – 1890. – № 23-24.
10. Полякова, Е.А. Томское Церковное историко-археологическое общество и его роль в сохранении культурного наследия // Теоретические и прикладные исследования в религиоведении – Барнаул, 2009. – Вып. 1-2.
11. Мансветов, И.Д. Об устройстве церковно-археологических музеев // Православное обозрение. – 1872. – № 2 (февраль).
12. Полякова, Е.А. Церковные музеи Западной Сибири: вопросы классификации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 1 (13).
13. Безродин, В.А. Организация церковно-археологических музеев в России // Вестник молодых учёных. Исторические науки. Археология: спец. вып. – 2001. – №1.
14. Устав Томского церковного историко-археологического общества // ТомЕВ. – 1914. – № 21.
15. Тобольское церковное древлехранилище (речь хранителя А.И. Юрьевского при открытии) // ТобЕВ. – 1902. – № 22.
16. Полякова, Е.А. Тобольское церковное древлехранилище: история становления и развития // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 3.
17. РГИА. Ф. 792., оп. 1., д. 15., л. 1-2.

Bibliography

1. Cerkovno-arkheologicheskie uchrezhdeniya // Zodchij. – 1904. – Vihp. 32.
2. Komarova, I.I. Cerkovno-arkheologicheskie uchrezhdeniya i okhrana pamyatnikov kul'turih Rossii konca XIX – nachala XX veka // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1990 god. – M., 1992.
3. Cerkovnihe nauchnihe obshstva: tipologicheskiy ukazatel' // Spravochnik nauchnikh obshestv Rossii: sayt proekta [Eh/r]. – R/d: <http://www.snor.ru/?m=catalog&an=typ&val=12>.
4. Vsepoddaneyshijy otchet ober-prokurora Sv. Sinoda po vedomstvu pravoslavnnogo ispovedaniya za 1913 g. – SPb, 1915.
5. Zdravomihslv, K.Ya. Svedeniya o suthestvuyutikh v eparkhiyakh cerkovno-arkheologicheskikh uchrezhdeniyakh i konsistorskich arkhivakh. – Petrograd, 1917.
6. Zadneprovskaya, T.N. Cerkovno-arkheologicheskie komitetih Rossii i ikh rolj v dele okhranih i izucheniya pamyatnikov cerkovnoy starinih // Sankt-Peterburg i Otechestvennaya arkheologiya. – SPb., 1995.
7. Otchet o deyatelnosti Toboljskogo Eparkhialnogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo za 1914-1915 gg. // TobEV. – 1916. – №10.
8. Ranne, G. Kul'turologicheskie prichinih i zadachi sozdaniya cerkovno-arkheologicheskikh obshestv i muzeev v Rossii v konce XIX – nachale XX vekov: doklad // Sankt-Peterburgskaya pravoslavnnaya dukhovnnaya akademiya: ofic. Sayt [Eh/r]. – R/d: <http://spbda.ru/news/a-460.html>.
9. Ustav Toboljskogo Eparkhialnogo Bratstva sv. velikomuchenika D. Solunskogo // TobEV. – 1890. – № 23-24.

10. Polyakova, E.A. Tomskoe Cerkovnoe istoriko-arkheologicheskoe obshchestvo i ego rolj v sokhraneni kulturnogo naslediya // Teoreticheskie i prikladnye issledovaniya v religiovedenii – Barnaul, 2009. – Vihp. 1-2.
11. Mansvetov, I.D. Ob ustrojstve cerkovno-arkheologicheskikh muzeev // Pravoslavnoe obozrenie. – 1872. – № 2 (fevralj).
12. Polyakova, E.A. Cerkovniye muzei Zapadnoy Sibiri: voprosy klassifikatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kuljturologiya i iskusstvovedenie. – 2014. – № 1 (13).
13. Bezrodin, V.A. Organizatsiya cerkovno-arkheologicheskikh muzeev v Rossii // Vestnik molodikh uchyonikh. Istoricheskie nauki. Arkheologiya: spec. vihp. – 2001. – №1.
14. Ustav Tomskogo cerkovnogo istoriko-arkheologicheskogo obshchestva // TomEV. – 1914. – № 21.
15. Tobolskoe cerkovnoe drevlekhranilishche (rechj khranitel'ya A.I. Yurjevskogo pri otkriitii) // TobEV. – 1902. – № 22.
16. Polyakova, E.A. Tobolskoe cerkovnoe drevlekhranilishche: istoriya stanovleniya i razvitiya // Mir nauki, kuljturi, obrazovaniya. – 2011. – № 3.
17. RGIA. F. 792., op. 1., d. 15., l. 1-2.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 27-523.

Kuprianova I.V. SCHOOLING IN THE OLD BELIEVERS' COMMUNITIES OF ALTAI IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES. The article discusses the activities of the Altai Old Believers to form a system of education that would teach young people to their basic values that at the same time incorporate the necessary elements of civil science. Thus, the Old Believers, taking advantage of the opportunities that the religious legislation of this period opened, tried to give their school a more secular character, without forgetting their critical task to bring up children with the same religious and cultural tradition of the Old Believers.

Key words: religious education, reproduction of Old Believers' tradition, Old Believers' illegal schools, monastic schools.

И.В. Куприянова, соискатель АлтГАКИ, г. Барнаул, Email:irinak-63@mail.ru

ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО В СТАРООБЯДЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается деятельность алтайских старообрядцев по формированию системы образования, которая позволяла бы приобщать молодежь к их базовым ценностям и в то же время включала бы в себя необходимые элементы гражданской науки. Таким образом, старообрядцы, пользуясь возможностями, которые открывало религиозное законодательство этого периода, пытались придать своему школьному делу несколько более светский характер, не поступаясь при этом важнейшей задачей воспроизводства старообрядческой религиозно-культурной традиции.

Ключевые слова: религиозное образование, воспроизводство старообрядческой идентичности, старообрядческие нелегальные школы, монастырские школы

На основе проведенных исследований нами выявлены типы молитвенных помещений, создаваемые старообрядцами Алтая и Барнаула в различные периоды их жизнедеятельности, в зависимости от практикуемого в стране законодательства о культурах, изучены возможности их открытия и содержания общинами в различных социально-политических условиях.

Проблема обучения молодежи, как ключевая в деле сохранения и воспроизводства старообрядческой культурной традиции, всегда находилась в центре религиозно-общественной жизни старообрядцев. Невзирая на государственные установления запретительного характера, на недостаток преподавательских кадров и другие трудности, они настойчиво проводили в жизнь идею религиозного образования, чтобы воспитать своих детей последователями своей старообрядческой конфессии.

В качестве основного требования здесь неизменно выступало обучение детей правилам веры и традициям старообрядчества. Необходимым для этого считалось изучение церковнославянской грамоты, овладение церковным чтением и пением. По отзывам миссионеров РПЦ, старообрядческое образование «слишком узко и односторонне – не идет дальше знания молитв, умения читать по-церковному, положить начал и писать полууставом» [1, с. 2]. Многие старообрядцы из крестьян и мещан такое образование считали вполне достаточным; некоторые из них отдавали детей в государственные школы, где их обучали гражданской грамоте, письму и счету.

Такой подход старообрядцев к вопросам образования постоянно подвергался критике деятелей РПЦ, утверждавших, что их дети оставляют школу, «не усвоив почти ничего, довольствуясь тем, что они могут читать и мало-мальски писать» [2, л. 392 об.]. Старообрядцы же, со своей стороны, избегали более широкого светского образования: прежде всего, чтобы предотвратить молодежь от охлаждения к религии своих отцов, обмирщения и неверия. Неправильно было бы утверждать, что старообрядчество совершенно отрицало светскую науку, но при этом

в его среде преобладало мнение, что «школа не должна убивать спасительные ростки религиозных переживаний» [3, с. 20]. Таким образом, главную задачу старообрядческого образования составляло гармоничное сочетание светской науки и религиозности, нахождение правильного соотношения между тем и другим. Решение этой задачи откладывалось по причине длительного преследования старообрядцев со стороны государства и господствующей церкви: до выхода указов о религиозной свободе 1905-1906 гг. обучение детей, как и вся религиозно-общественная жизнь, осуществлялось ими нелегально, так как эта деятельность являлась противозаконной.

На окраинах государства – в Сибири и на Алтае, условия существования староверия были не столь жесткими, поэтому для администрации и миссионеров РПЦ не составляло тайны наличие здесь в конце XIX – начале XX в. довольно многочисленной сети старообрядческих школ. Кроме того, обучение детей, являясь частью религиозного воспитания, осуществлялось внутри семейно-родственных коллективов [4, с. 326], а также являлось функцией духовных руководителей общин, как наиболее образованных представителей старообрядчества. В конце XIX – начале XX вв. организацией школ и преподаванием на Алтае занимались такие выдающиеся вожди местного старообрядчества, как А.Е. Зырянов, П.Е. и М.И. Бобровские, Г.А. Страхов. Широкой известностью пользовалась школа часовенного наставника А.Е. Зырянова в деревне Белой: кержаки всего Бухтарминского края присылали ему своих детей, живших у него годами, пока он обучал их грамоте и догматам старой веры [5, с. 29-30].

В ряде случаев общины приглашали на жалование особых учителей и учительниц – старых дев или монахинь («черничек»). Учителя религиозных школ, по желанию родителей, могли обучать детей и гражданским знаниям: азбуке, письму, счету; но, не имея соответствующей подготовки, преподавали эти предметы хуже, чем учителя министерских школ. Таким образом, в старо-

обрядческих школах давали преимущественно религиозное образование посредством обучения догматам старообрядческого православия, церковнославянскому чтению, обычно по Часослову и Псалтыри, и церковному пению, которое дополнялось самообразованием путем чтения религиозной и светской литературы и совершенствовалось жизненной практикой. Такое образование сами старообрядцы называли «домашнее», то есть, полученное вне государственной образовательной системы, не подтвержденное никакими официальными документами. Домашний характер обучения детей не связывал его с казенной школьной программой и образовательными шаблонами.

В целом старообрядцы обеспечивали своим детям «скромную, но прочную» грамотность, но по причине длительных гонений не могли поставить это образование шире и основательнее. Нерешенной оставалась главная задача – движение старообрядческой школы в общеобразовательную сторону, что обусловило ее исключительно религиозный характер. Религиозное образование помогало старообрядцам сохранять веру отцов в условиях давления на них со стороны господствующей церкви. «Подпольная жизнь, постоянная боязнь за целостность своей веры, неопределенность своего нравственного положения» мешали старообрядцам установить правильные взаимоотношения между светской, общеобразовательной стороной школы и ее духовными, религиозно-нравственными задачами [6, с. 1-2]. С другой стороны, государственную школу они находили слишком светской; кроме того, уставы гимназий и университетов представлялись им нерусскими: они трактовали их как «суть компиляции с иностранного, и даже проще – перевод с немецкого» [7, с. 194]. Еще меньше доверия вызывали у старообрядчества церковно-приходские школы: их возмущало, например, что в них детям давали учить стихи мирского содержания, обучали танцам, не только мальчиков, но и девочек, что воспринималось уже как форменное «издевательство» [6 с. 187]. Главной причиной, вызывавшей отторжение у старообрядцев, была изощренная антираскольническая пропаганда, которой их дети подвергались в этих школах, теряя «свое „святое-святых“: веру, убеждения, церковно-религиозную настроенность, святой дух и душу старообрядчества» [8, с. 443]. В этом отношении очень точным представляется наблюдение В. В. Розанова: «Всюду, где дети раскольников посещают общую школу, они сливаются с православной средой и перестают быть „раскольниками“... они оставляют раскол без всяких, собственно, церковных споров... Они входят в ту психическую атмосферу, в которой живём мы, для которых всё это – несколько отвлечённо» [9, с. 35]. В качестве примера можно рассмотреть опыт церковно-приходской школы в с. Тайнинском, открытой в 1906 г., в которую местное священство и миссионеры всячески заманивали детей старообрядцев [10, л. 4 об.]. Ради получения детьми образования, родители были вынуждены отправлять их в эти учебные заведения. Так, например, в Барнауле в начале XX в. в начальных и городском двухклассном училище обучалось 23 мальчика и 10 девочек старообрядцев, еще три мальчика были отданы в церковно-приходские школы [11, с. 5].

После реформ 1905-1906 г. руководители согласий выдвинули амбициозную задачу поднятия старообрядческой школы на новый уровень. Образование и просвещение рассматриваются теперь как краеугольный камень будущего старообрядчества, которое должно «действовать, оказывать свое влияние на ход жизни, жить жизнью своего народа» [12, с. 610]. Серьезной проблемой, тормозившей решение указанных задач, стали консерватизм и упорство лидеров некоторых общин – преимущественно представителей старшего поколения, – в отношении введения в образовательный процесс элементов светской науки, использования новых учебников, книг, современных методик обучения. Так, например, в 1910-х гг. в Барнаульской общине часовенных обозначились расхождения между наиболее передовой частью верующих, желавших основать для молодежи современную школу, выписывать книги и журналы старообрядческих издательств, и лидерами общины («старцами») – противниками «общественных улучшений». Первые считали, что «вера предков не затенится от света познания», вторые видели в этих новшествах губительную ересь и всячески препятствовали им [13, с. 25-26]. Подобные опасения существовали во всех старообрядческих согласиях.

Необходимо было найти гармоничный вариант образовательной системы, который не отвергал бы светского знания, но при этом не убивал «спасительные ростки религиозных пережи-

ваний». Новая, современная школа по-прежнему представлялась основанной на прочных религиозных устоях. Главный смысл образования старообрядцы продолжали видеть во всестороннем развитии личности, понимаемом как «пробуждение в ней чувства сыновней связи с Творцом вселенной – Богом». Поэтому они продолжали настаивать на необходимости изучения в начальной школе Часослова, Псалтыри и церковнославянского языка, и на подготовке кадров старообрядческих учителей [7, с. 196-197].

Как только систему образования стало возможно формировать свободно и открыто, старообрядцы активизировали обсуждение на своих соборах проблем школьного дела, из которых важнейшими являлись организация школ, их программы, финансирование и подготовка преподавательских кадров. Эти проблемы решались очень медленно, главным образом, из-за недостатка средств: старообрядцы, как правило, были зажиточны и охотно жертвовали на образование, но в этот период большие суммы направлялись ими на строительство храмов, поэтому открытие школ, как следующая по важности задача, зачастую откладывалось на будущее.

В решениях соборов белокриницкого согласия предлагалось, чтобы не оставлять детей совсем без образования, учить их в школах «общего типа», в том числе в «обихристианских» – то есть, церковно-приходских, но при этом добиваться освобождения их от изучения тех разделов Закона Божия, в которых говорится о разделении и различиях в молитвах и обрядах. Кроме того, допускалось и обучение старообрядческих детей в министерских школах: «Науку мы не переделаем, она – одна для всех»; но при этом необходимо добиваться, чтобы преподавателями Закона Божьего и пения, а также воспитателями были непременно старообрядцы. Серьезной проблемой становилась нехватка старообрядческих учителей, имевших специальное педагогическое образование, позволявшее работать в государственных школах; таких учителей еще нужно было готовить. Таким образом, в решении школьного вопроса белокриничанами выдвинулось два возможных варианта: открытие старообрядческих училищ, организация школ грамотности, пения, постановка преподавания Закона Божьего, или же использование в своих целях школ общего типа [6, с. 9-13].

Несмотря на то, что решение первой задачи представляло большую трудность, кое-что здесь было сделано. Так, например, 12 декабря 1910 г. состоялось торжественное открытие старообрядческого духовного училища Министерства народного просвещения в с. Платово [14, с. 72-73]. Это было первое старообрядческое училище, открытое в Томско-Алтайской старообрядческой епархии. В дореволюционный период старообрядческие школы, открытые с разрешения государства, в которых преподавали по утвержденным программам профессиональные педагоги, на Алтае существовали также в с. Ново-глушенском Барнаульского уезда, где преподавал сын местного священника Афанасий Поликарпович Портнягин, а также в с. Богатырево.

Несмотря на многочисленные проблемы, дело развития старообрядческого образования неуклонно продвигалось вперед. Позиция белокриничан Томско-Алтайской епархии состояла в том, чтобы добиваться устройства старообрядческих школ на средства казны: они считали это справедливым, «так как мы наравне с другими платим все налагаемые на нас повинности». В апреле 1914 г. Барнаульская Крестовоздвиженская община ходатайствовала перед городской Думой об открытии городской школы специально для детей старообрядцев. Речь шла о начальной школе с трехгодичным курсом, одноклассного типа, для детей обоего пола, старообрядческого вероисповедания, «с надлежащим цензом, с правом введения в школу своих специальных предметов: Церковного «Знаменного пения» и «Закона Божия» по своим учебникам». Община апеллировала к тому обстоятельству, что все ее члены несут городские повинности наравне с другим населением Барнаула, поэтому помещение, оборудование и содержание школы, а также учительского персонала просили отнести на средства города, на общих основаниях с городскими школами. К моменту подачи ходатайства у общины уже был готов список учеников в возрасте от 8 до 11 лет в количестве 45 человек [15, л. 253-254].

К вопросам школьного образования старообрядцы возвращались в колчаковский период гражданской войны, пытаясь наладить свою религиозно-общественную жизнь на буржуазно-правовых основах [16, с. 372]. В школьном деле важнейшей проблемой являлась катастрофическая нехватка дипломированных

учительских кадров: в Москве работал старообрядческий богословско-учительский институт, готовивший эти кадры, но в сравнении с запросами огромной страны его деятельность представляла собой каплю в море; поэтому в провинции повсеместно открывались краткосрочные курсы для подготовки учителей. На епархиальном съезде 1918 г. было принято решение об открытии таких курсов в Барнауле [17, с. 2]. Однако это начинание, как и многие другие, с окончанием гражданской войны не получило дальнейшего развития: после установления советской власти вопросы школьного образования и просвещения были монополизированы государством.

Итак, можно отметить у алтайского старообрядчества конца XIX – начала XX в. стремление к модернизации образовательной системы, попытку продвинуть ее в сторону светской

науки, сохраняя, в то же время, ее религиозные основы. Можно предположить, что эта тенденция имела большие перспективы: со временем позиции консервативной части старообрядческих объединений, блокировавшей нововведения в области образования, были бы потеснены, и сообщества, желавшие прогресса в сфере просвещения, получили бы более или менее гармоничные образовательные стандарты, соединявшие религиозность и светскую образованность. В советский период, когда система образования была полностью выведена из церковной сферы, оно не только оказалось для старообрядцев слишком светским, но и приобрело неприемлемый для них, подчеркнуто атеистический характер. В этих условиях сообщества актуализировали религиозные компоненты образования, для преподавания которых им пришлось вернуться к практике нелегальных школ.

Библиографический список

- Новиков, И. Обзор деятельности первого Епархиального Миссионерского съезда в г. Томске 10-27 августа 1898 г. Современное состояние местного расколосектантства // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отдел. – 1899. – № 1.
- КГУ ГААК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1.
- Стонятыся ли старообрядцы образования? // Слово Церкви. – 1915. – № 1.
- Куприянова, И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. – 2013. – № 4(41).
- Бухтарминские старообрядцы. – Л., 1930.
- Вопросы народного образования на всероссийских съездах старообрядцев. – М., 1909.
- Кириллов, И.А. Старообрядчество и русская школа // И.А. Кириллов. Правда старой веры. – Барнаул, 2008.
- Мельников, Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. – Барнаул, 1999.
- Розанов, В.В. Психология раскола // В.В. Розанов. Религия. Философия. Культура. – М., 1992.
- КГУ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 106.
- Златомрежев, В. Раскол в г. Барнауле // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отдел. – 1902. – № 13.
- Журавлев, А. Восток, Запад и старообрядчество // Слово Церкви. – 1916. – № 29.
- Часовенный. Среди часовенных. Барнаул Томской губернии // Старая Русь. – 1912. – № 1.
- Платов. Открытие старообрядческого Министерства Народного просвещения училища // Старообрядческая мысль. – 1911. – № 1.
- КГУ ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 22.
- Куприянова, И.В. Революция и гражданская война – годы политического самоопределения старообрядчества // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5(42).
- Обращение ко всем старообрядческим приходам и общинам // Сибирский старообрядец. – 1919. – № 7.

Bibliography

- Novikov, I. Obzor deyatel'nosti pervogo Eparkhial'nogo Missionerskogo sjezda v g. Tomske 10-27 avgusta 1898 g. Sovremennoe sostoyanie mestnogo raskolosektantstva // Tomskie eparkhial'nihe vedomosti. Missionerskiy otdel. – 1899. – № 1.
- KGU GAAK. F. 166. Op. 1. D. 1.
- Storonyatsya li starobryadcih obrazovaniya? // Slovo Cerkvi. – 1915. – № 1.
- Kupriyanova, I.V. Starobryadcheskaya semiya: religiozno-kul'turnaya dominanta // Mir nauki, kul'turih, obrazovaniya. Nauchniy zhurnal. – 2013. – № 4(41).
- Bukhtarminskiye starobryadcih. – L., 1930.
- Voprosih narodnogo obrazovaniya na vserossiyskikh sjezdash starobryadcev. – M., 1909.
- Kirillov, I.A. Starobryadchestvo i russkaya shkola // I.A. Kirillov. Pravda staroy verih. – Barnaul, 2008.
- Mel'nikov, F.E. Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoy (starobryadcheskoy) Cerkvi. – Barnaul, 1999.
- Rozanov, V.V. Psikhologiya raskola // V.V. Rozanov. Religiya. Filosofiya. Kul'tura. – M., 1992.
- KGU GAAK. F. 164. Op. 1. D. 106.
- Zlatomrezhev, V. Raskol v g. Barnaule // Tomskie eparkhial'nihe vedomosti. Missionerskiy otdel. – 1902. – № 13.
- Zhuravlev, A. Vostok, Zapad i starobryadchestvo // Slovo Cerkvi. – 1916. – № 29.
- Chasovenniy. Sredi chasovennikh. Barnaul Tomskey gubernii // Staraya Rusj. – 1912. – № 1.
- Platov. Otkritie starobryadcheskogo Ministerstva Narodnogo prosvetheniya uchilitha // Starobryadcheskaya mihsly. – 1911. – № 1.
- KGU GAAK. F. 135. Op. 1. D. 22.
- Kupriyanova, I.V. Revolyuciya i grazhdanskaya vojna – godih politicheskogo samoopredeleniya starobryadchestva // Mir nauki, kul'turih, obrazovaniya. – 2013. – № 5(42).
- Obrathenie ko vsem starobryadcheskim prihodam i obthinam // Sibirskiy starobryadec. – 1919. – № 7.

Статья поступила в редакцию 05.06.14

УДК 271.2 (571.1)

Kovalenko P.S. THE ORTHODOX HISTORY OF BISK IN THE WORKS OF RESEARCHERS. The author of the paper considers the main works of researchers, who studied the history of Orthodox culture of Bisk. Some of the research materials for this paper are used for the first time. The study of this theme by the scientists and historians is represented in a chronological order. The author is especially interested to the alteration of the themes for the investigations in different historical periods.

Key words: history of Orthodox culture, scientific papers, researchers, Museum of history of the Altai spiritual mission.

П.С. Коваленко, аспирант ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: kovalenko197808@mail.ru

ПРАВОСЛАВНАЯ ИСТОРИЯ БИЙСКА В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В работе представлен анализ научной и краеведческой литературы по истории православной культуры Бийска, впервые рассматриваются основные работы исследователей по истории православной культуры г. Бийска.

Изучение темы учеными и краеведами представлено в хронологическом порядке. Автор обращает внимание на изменение тематики исследований в разные исторические периоды.

Ключевые слова: история православной культуры, научные труды, исследователи, музей истории Алтайской духовной миссии.

Анализ научной и краеведческой литературы по истории православной культуры Бийска позволяет утверждать, что данная тема слабо исследована. Только в последние два десятилетия, с началом перестройки в СССР, возрождается интерес ученых к истории Русской православной церкви. Появляются отдельные статьи в научных изданиях, проводятся научные конференции. В силу ряда известных причин только сегодня начинается изучение архивных документов, преобладающая часть которых пока не введена в научный оборот.

Актуальность темы в настоящее время вызвана необходимостью музеефикации православных историко-культурных и архитектурных памятников в связи с реконструкцией и несанкционированной застройкой отдельных исторических городских районов, развитием в регионе познавательного паломнического туризма, а также возрождением православных храмов и монастырей Бийского благочиния Барнаульской епархии, организацией Музея истории Алтайской духовной миссии.

Одной из важных проблем исследования истории православной жизни Бийска и прилегающего региона является слабая степень изученности во многих архивах городов Сибирского федерального округа, районных и сельских архивных отделах документов, позволяющих проводить изучение истории храмов и монастырей, церковно-приходских школ и приходских училищ, составлять биографии служителей религиозного культа и тем самым реконструировать историю православной культуры Бийска. Отсутствие доступной документальной информации, подлинных архитектурно-строительных проектов церковных построек порождает искажение первоначальных названий храмов, приводит к некачественной реставрации и перестройке культовых сооружений, что влечет за собой уничтожение первоначального исторического облика объектов. Поэтому в последнее время многие здания теряют былую привлекательность, выразительные элементы декора фасадов и интерьеров, характерные особенности архитектурных форм и стилей. Все это приводит к утрате ценности строений, выведению зданий из свода особо охраняемых объектов, и как следствие, лишению статуса памятника архитектуры, истории и культуры.

В процессе работы нами была изучена научная дореволюционная литература по истории Сибири, Томской губернии и Томской епархии, Алтайской духовной миссии и г. Бийску, энциклопедические издания: «Энциклопедический словарь» и «Новый энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «Большая энциклопедия» под редакцией С.Н. Южакова. Как показал анализ всех выявленных источников, – книг, сборников статей и справочников, содержащих сведения по Бийску и православной жизни города, истории отдельных церковных объектов просто не существует. Так, только краткую информацию о церковном причте Градо-Бийских Троицкого собора и Успенской церкви дает «Справочная книга. Состав священно-церковнослужителей Томской епархии», составленная Г. Меншагиным и выпущенная в Томске в октябре 1886 г. [1].

В этом смысле сложно назвать научными исторические работы, которые содержат четыре «Справочные книги по Томской епархии» изданные в период с 1900 по 1914 гг. [2-5].

Характеристика приходов, церковных школ и попечительств, биографии правящих архиереев, священно- и церковнослужителей, содержат данные, взятые из ежегодных клировых ведомостей храмов и монастырей. Это годы постройки бийских церквей, даты открытия учреждений церковного образования, статистические данные о численности приходов, а также биографии церковных причтов. Краткая разобранная историческая информация по истории Бийского архиерейского подворья, Сахаровской церковно-приходской школы и Бийского миссионерского катехизаторского училища содержится в ежегодных отчетах Алтайской духовной миссии, составленных бийскими архиереями и их помощниками.

В 1910 и 1911 гг. вышли книги бийского уездного полицейского исправника В. П. Штейнфельда «Бийский уезд Томской губернии: Топографический, экономический и этнографический очерк уезда» и «Справочник по городу Бийску и Бийскому уез-

ду» [6-8]. Это, по сути, первый научный труд по истории Бийска, где отдельная глава посвящена истории и различным аспектам жизни города. К сожалению, в книге дается только перечисление названий православных приходов и упоминание о Бийском архиерейском подворье – резиденции бийских архиереев, начальников Алтайской миссии.

Изучение опубликованных краеведческих изданий и отдельных статей в местной и краевой периодической печати по Бийску и Алтайскому краю в советские годы, в период 1920-1980-х гг., буквально обходят церковную тему стороной или направлены на «разрушение» православных вероубеждений читателей. Пропитанные духом советского атеизма публикации бийских краеведов Л.А. Мальцева, Э.П. Шмойлова, В. Третьякова и других исследователей содержат только упоминания названий бийских храмов и отдельных учреждений церковного образования.

В связи с изменением политического курса в стране в конце 1980-х гг., подготовкой к празднованию 1000-летия христианства на Руси церковная тематика краеведческих исследований и публикаций становится с каждым годом все более актуальной. Так, бийский краевед В.Н. Шпилов, первым предпринимает попытки изучения роли церкви в жизни дореволюционного бийского общества, рассматривает благотворительную деятельность некоторых купцов, направленную на строительство церковных зданий, школ и причтовых помещений. Ему принадлежат первые краткие публикации и статьи, рассказывающие на страницах городских газет «Бийский рабочий», «Кредо», «Круг» историю Успенской церкви, судьбы миссионеров, Апостолов Алтая Макария (Глухарева) и Макария (Невского), регента архиерейского хора А.В. Анохина, настоятеля Старо-Успенского «Казачьего» собора протоиерея Владимира Дагаева [9]. Работая в центральных государственных архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Томска и Барнаула, В.Н. Шпилов создает объемную рукопись «Макарий Невский – Апостол Алтая», которая до настоящего времени не издана, но интересна и актуальна, так как содержит ценные и редкие исторические данные о миссионерской деятельности святителя.

Возрождение Казанской архиерейской церкви, возведение храма во имя святого благоверного князя Александра Невского у истока Оби, что в Одинцовском Посаде, строительство комплекса Свято-Макарьевского Покровского мужского монастыря в Бийске порождают в начале 1990-х гг. в местных газетах ряд публикаций журналистов Б.С. Косенкова, А. Никольского, Ю.П. Верещагина, О.И. Павловой, краеведа Б.Х. Кадикова, иерея Валерия Замятина и других.

Назревший в обществе вопрос о передаче Александро-Невской церкви Бийска, используемой со времен Великой Отечественной войны под кузнечный участок и склады предприятия «Электропечь» побуждает члена Союза журналистов России, ведущего корреспондента газеты «Бийский рабочий» Л.М. Хвостенко разобраться в истории храма, собрать воспоминания старожилов и бывших прихожан. Итогом стала статья «Дорога мимо храма» [10]. Статья нашла серьезный отклик жителей города и получила свое развитие в отзывах читателей, опубликованных в последующих номерах газеты.

В 1992 г. в связи с формированием краевого свода памятников историко-культурного наследия Алтайского края создается сборник-каталог бийских памятников «Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры», где появляются краткие описания Успенской церкви и комплекса Бийского архиерейского подворья исследователей из г. Барнаула – доктора искусствоведения Т.М. Степанской и краеведа, писателя, бывшего ответственного секретаря Бийского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры В.Ф. Гришаева [11].

С образованием Барнаульско-Алтайской епархии с 1994 г., в г. Барнауле начинает ежемесячно издаваться епархиальная газета «Алтайская миссия», в которой публикуется несколько исторических исследований, посвященных святым местам Бийска. Это статья о Бийском Тихвинском монастыре архивариуса

Барнаульской епархии Т.В. Сковрцовой и председателя миссионерского отдела епархии иерея Георгия Крейдун, материалы краеведов Бийска М.В. Торопчина – об изъятии церковных ценностей из храмов Бийска в 1920-е гг. и П.С. Коваленко, автора данной статьи, по истории Успенского собора, Покровской и Свято-Димитриевской церквей, Бийского архиерейского подворья, катехизаторского училища и другие.

Историком и краеведом, учителем Бийского лицея С.Ю. Исуповым в 1990-е гг. предпринимаются исследования, посвященные первым храмам Бийска. Их итоги публикуются сначала в местной периодической печати, а затем в двух его книгах «Бийск: острог, крепость, город» и «Крепость Бийская есть главная». В основу его работы были положены материалы фондов Бийского краеведческого музея, в частности, сборник указов из Барнаульского духовного десятиначалия священно-церковнослужителям крепости Бийской за 1749-1807 гг. [12].

В 1996 и 1997 гг. в Бийске была предпринята попытка издания еженедельника благотворительного фонда «Возрождение Алтая», приложения к газете «Бийский рабочий». В это же время начинает выходить газета «Храм» Бийского благочиния и Казанского православного братства г. Бийска, затем переименованная в «Наш храм», где на страницах появляются воспоминания бийчан о бийских храмах – Троицком соборе, Сретенской церкви, а также более десятка исторических статей о православных святынях города.

Стараниями магистра богословия, протоиерея Бориса Пивоварова составлен сборник «Из духовного наследия алтайских миссионеров» изданный в 1998 г. в Новосибирске. Цель сборника, которую ставил составитель, – представить богатейшее духовное наследие миссионеров-просветителей Алтайской духовной миссии [13].

С 1999 г. в Барнауле и Бийске издаются книги писателя В.Ф. Гришаева «Дважды убитые» и «Невинно убиенные», рассказывающие о политических репрессиях на Алтае и в г. Бийске, где часть статей посвящена судьбам священно- и церковнослужителей, невинно пострадавших за православные вероубеждения [14-15].

В 2000-е гг. выходит несколько брошюр и книг по истории Алтайской духовной миссии, миссионерскому делу на Алтае доктора искусствоведения и кандидата богословия, протоиерея Георгия Крейдун. В 2001 г. издается брошюра «Бийский архиерейский дом и катехизаторское училище (1880-1921 гг.)», первая попытка объединить разрозненную информацию по истории Бийского архиерейского подворья [16]. Позднее, в 2010 г. – монография «Бийский архиерейский дом. История и архитектура» с дополнительной информацией и приложениями: списками состава братии архиерейского дома и сотрудников катехизаторского училища [17].

В 2003 г. протоиерей Г. Крейдун выступает в качестве составителя брошюры «Материалы к жизнеописанию священномученика Никиты (Прибыткова)», епископа Бийского, репрессированного в 1930-е гг. [18].

В последние два десятилетия в монографиях, сборниках научных тезисов конференций и других изданиях барнаульских и бийских ученых – историков и искусствоведов вузов края В.А. Скубневского, А.В. Старцева, Ю.М. Гончарова, Т.М. Степанской, кандидата исторических наук А.В. Летагиной, а также писателя В.А. Шнайдер, посвященных в основном теме купечества и предпринимательства в Сибири и на Алтае, появляются отдельные факты из православной жизни Бийска.

Книга В.А. Шнайдер «Дворики старого Бийска» основана на многочисленных архивных источниках государственного архива Алтайского края, которые автор исследовал более двух десятилетий. В книге подробно, на научной основе, освещается благотворительная деятельность бийских купцов и предпринимателей в адрес Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX вв.

Кандидат исторических наук, декан факультета истории и права Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина Р.В. Мезенцев в своей диссертации на тему «Православная Церковь на Алтае в 1917-1940 гг.» и ряде научных публикаций рассмотрел тему церковного обновленчества, предпринял попытку обобщить в том числе данные по г. Бийску.

Статьи на основе личных исследований, посвященные отдельным аспектам истории православия в Бийске в период с 1990 по 2013 гг., опубликованы краеведами И.В. Молодцовой, Л. Новиковой, А. Кудиновым и другими. Так, И.В. Молодцова, библиотекарь детского образовательно-оздоровительного центра «Алтай», с начала 1990-х гг. изучает историю Бийского Тихвинского женского монастыря, некогда одного из крупнейших в Томской епархии. Итогом стали не только публикации в научных сборниках и периодической печати, но и музейная комната по истории монастыря.

С 2006 по 2008 гг. в рамках совместной просветительской программы Бийского благочиния и Бийского отделения Демидовского фонда выходит три альманаха духовно-нравственного содержания «Бийск православный», приложения к альманаху «Бийский вестник». В первом выпуске впервые автором совместно с краеведом М.В. Торопчиным публикуется многолетнее исследование «Православная летопись города Бийска (1709-2006)» [19].

Начиная с 1999 г., автором данной статьи в сборниках тезисов к научно-практическим конференциям, в научных изданиях, в том числе энциклопедии «Бийск», «Алтайский благодатный край», на страницах краевых и городских альманахов, вестников, газет опубликовано более 140 статей, в том числе написано и издано две брошюры «Храмы Бийска» и «Вековая история Успенского собора г. Бийска» [20; 21].

Работы, посвященные вопросам музеефикации объектов православной истории и культуры в Бийске, единичны. Это статьи Н.И. Заниной, заведующей отделом фондов Бийского краеведческого музея имени В.В. Бианки, характеризующие музейное собрание рукописных и старопечатных книг XVII нач. XX вв., опубликованные в историко-публицистическом альманахе музея «Краеведческий вестник» [22]. Других публикаций автором исследования выявлено не было.

Таким образом, научные издания и другие публикации в рамках темы исследования можно объединить в две группы:

1. Работы по истории православия в Бийске в XIX – XXI вв.;
2. Работы, посвященные музеефикации объектов православной истории Бийска XXI в.

Анализируя работы исследователей по истории православия Бийска, с уверенностью можно говорить пока о слабой изученности разных направлений церковной жизни, неизученности истории многих православных объектов города, биографии и деятельности большинства служителей церкви, отсутствии комплексного исследования трехвековой православной истории Бийска.

Результатом исследования проблемы стал созданный нами библиографический указатель «Бийск православный: XIX – начало XXI вв.».

Библиографический список

1. Меншагин, Г. Справочная книга. Состав священно-церковнослужителей Томской епархии. – Томск, 1886.
2. Справочная книга по Томской епархии за 1898-1899 гг. – Томск, 1900.
3. Справочная книга по Томской епархии за 1902-1903 год. – Томск, 1903. – С. 41, 360-365.
4. Справочная книга по Томской епархии за 1909-1910 гг. – Томск, 1911. – С. 36,37, 105-107, 126 – 132.
5. Справочная книга по Томской епархии. 1914 г. – Томск, 1914. – С. 37, 38, 98, 99, 101-105.
6. Штейнфельд, В.П. Бийский уезд Томской губернии: топографический, экономический и этнографический очерк уезда. – Бийск, 1910.
7. Штейнфельд, В. Бийский уезд Томской губернии: топографический, экономический и этнографический очерк уезда. – Бийск, 1911.
8. Штейнфельд, В.П. Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду. – Бийск, 1911.
9. Шипилов, В.Н. Библиографический указатель. – Бийск, 1998.
10. Хвостенко, Л.М. Дорога мимо храма // Бийский рабочий. – 1990. – 17 февр.
11. Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск, 1992.
12. Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки (БКМ). ОФ. 8940. Л. 124. Сборник указов из Барнаульского духовного правления священноцерковнослужителям Бийской крепости. 1749-1807.
13. Из духовного наследия алтайских миссионеров: сборник / сост. прот. Б.И. Пивоварова. – Новосибирск, 1998.
14. Гришаев, В.Ф. Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). – Барнаул, 1999.
15. Гришаев, В.Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. – Барнаул, 2004.
16. Крейдун, Ю.А. Бийский архиерейский дом и катехизаторское училище (1880-1931 гг.). – Барнаул, 2001.

17. Крейдун, Ю.А. Бийский архиерейский дом. История и архитектура / Ю.А. Крейдун. – Бийск, 2010.
18. Материалы к жизнеописанию священномученика Никиты (Прибыткова) / сост. Ю.А. Крейдун. – Барнаул, 2003.
19. Коваленко, П.С. Православная летопись города Бийска (1709-2006) / П.С. Коваленко, М.В. Торопчин // Бийск православный. К истории православия в городе Бийске (приложение к альманаху «Бийский вестник» № 1, 2006 г.). – Бийск, 2006.
20. Коваленко, П.С. Вековая история Успенского собора города Бийска (брошюра). – Бийск, 2003.
21. Коваленко, П.С. Храмы Бийска (брошюра). – Бийск, 2006.
22. Занина, Н.И. Книги и рукописи древнерусской традиции в фондах БКМ им. В. Бианки // Краеведческий вестник. – 2001. – № 11.

Bibliography

1. Menshagin, G. Spravochnaya kniga. Sostav svyathenno-cerkovnosluzhiteley Tomskoy eparkhii. – Tomsk, 1886.
2. Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1898-1899 gg. – Tomsk, 1900.
3. Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1902-1903 god. – Tomsk, 1903. – S. 41, 360-365.
4. Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1909-1910 gg. – Tomsk, 1911. – S. 36,37, 105-107, 126 – 132.
5. Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii. 1914 g. – Tomsk, 1914. – S. 37, 38, 98, 99, 101-105.
6. Shteynfel'd, V.P. Biyskiy uезд Tomskoy gubernii: topograficheskiy, ehkonomicheskiy i ehtnograficheskiy ocherk uyezda. – Biysk, 1910.
7. Shteynfel'd, V. Biyskiy uезд Tomskoy gubernii: topograficheskiy, ehkonomicheskiy i ehtnograficheskiy ocherk uyezda. – Biysk, 1911.
8. Shteynfel'd, V.P. Spravochnik po gorodu Biysku i Biyskomu uезду. – Biysk, 1911.
9. Shipilov, V.N. Biobibliograficheskiy ukazatel'. – Biysk, 1998.
10. Khvostenko, L.M. Doroga mimo khrama // Biyskiy rabochiy. – 1990. – 17 fevr.
11. Biysk, Biyskiy rayon. Pamyatniki istorii i kul'turi. – Biysk, 1992.
12. Biyskiy kraevedcheskiy muzey im. V.V. Bianki (BKM). OF. 8940. L. 124. Sbornik ukazov iz Barnaul'skogo dukhovnogo pravleniya svyathennocerkovnosluzhitelyam Biyskoy kreposti. 1749-1807.
13. Iz dukhovnogo naslediya altayskiykh missionerov: sbornik / sost. prot. B.I. Pivovarov. – Novosibirsk, 1998.
14. Grishaev, V.F. Dvazhdih ubitiye (K istorii stalinskiykh repressiy v Biyske). – Barnaul, 1999.
15. Grishaev, V.F. Nevinno ubienniye. K istorii stalinskiykh repressiy pravoslavnogo dukhovenstva na Altae. – Barnaul, 2004.
16. Krejydun, Yu.A. Biyskiy arkhieyevskiy dom i katekhizatorskoe uchiliye (1880-1931 gg.). – Barnaul, 2001.
17. Krejydun, Yu.A. Biyskiy arkhieyevskiy dom. Istoriya i arkhitektura / Yu.A. Krejydun. – Biysk, 2010.
18. Materiali k zhizneopisaniyu svyathennomuchenika Nikiti (Pribytkova) / sost. Yu.A. Krejydun. – Barnaul, 2003.
19. Kovalenko, P.S. Pravoslavnaya letopis goroda Biyska (1709-2006) / P.S. Kovalenko, M.V. Toropchin // Biysk pravoslavniy. K istorii pravoslaviya v gorode Biyske (prilozhenie k al'manahu «Biyskiy vestnik» № 1, 2006 g.). – Biysk, 2006.
20. Kovalenko, P.S. Vekovaya istoriya Uspenskogo sobora goroda Biyska (broshyura). – Biysk, 2003.
21. Kovalenko, P.S. Khrami Biyska (broshyura). – Biysk, 2006.
22. Zanina, N.I. Knigi i rukopisi drevnerusskoy tradicii v fondakh BKM im. V. Bianki // Kraevedcheskiy vestnik. – 2001. – № 11.

Статья поступила в редакцию 19.09.14

УДК 94 (571.1)

Skopa V.A. ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE STATISTICAL COMMITTEES OF THE STEPPE REGION IN THE LAST THIRD PART OF THE 19 – EARLY 20 CENTURIES. The article conducts research on a process of formation and development of statistical committees in the territorial boundaries of the Steppe Region. Steppe governor-generalship in the Russian Empire existed from 1882 to 1917 on the territories of modern Russia and Kazakhstan. On the basis of archival materials and published sources the researcher tells about the organization of Akmola and Semirechensk statistical committees and their activities. A special emphasis is made on the formation and popularization of scientific knowledge of the region through the creation of statistical committees at museums and libraries.

Key words: history; statistical committee; Steppe Region; statistics.

В.А. Скопа, канд. ист. наук, доц. каф. историко-культурного наследия и туризма ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: sverhtitan@rambler.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ СТЕПНОГО КРАЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается процесс становления и развития статистических комитетов в территориальных границах Степного края. Степное генерал-губернаторство в Российской империи существовало с 1882 года по 1917 год на территории современных России и Казахстана. На основе архивного материала и опубликованных источников раскрываются организационные начала Акмолинского, Семипалатинского и Семиреченского статистических комитетов и их направления деятельности. Отдельное внимание уделено формированию и популяризации научных знаний о регионе посредством создания при статистических комитетах музеев и библиотек.

Ключевые слова: история; статистический комитет; Степной край; статистика.

Развитие статистического учета, а вместе с тем и унифицированное формирование статистических данных в Степном крае, напрямую связано с организацией и деятельностью статистических комитетов в территориальных границах Семипалатинской, Акмолинской и Семиреченской областей.

До начала 1830-х гг. единой статистической службы в Российской империи не было. Сбором статистических сведений занимались разные министерства: полиции, финансов, народного просвещения и другие. Результатом такого положения являлось отсутствие общегосударственной методики получения и обработки материалов, а нередко и встречавшиеся разногласия по статистическим данным [1, с. 7].

Юридическое оформление региональных статистических центров, которые существовали только как де-юре, было определено постановлением от 20 декабря 1834 г. Реформы 60-70-х годов XIX века создали благоприятные условия для развития экономики, социальной сферы, а вместе с тем и существующих общественных и государственных институтов.

Природные богатства и людские ресурсы Степного края, большие площади земель, широкий рынок сбыта и дешевизна рабочей силы привлекали к этому краю, способствовали его быстрейшему хозяйственному освоению. Вовлечение присоединенных территорий в капиталистические отношения, потребности в изучении конъюнктуры, источников сырья, рынков сбыта застав-

ляли правительство заниматься статистикой, способствовать созданию статистических учреждений на местах.

В обозначенных областях, несмотря на потребности в статистическом учете, специальных статистических учреждений еще не было, а сбор необходимых сведений возлагался на войсковые правления, на средства которых в каждой из областей содержался чиновник по статистической части [4, с. 78]. Однако практически их деятельность ограничивалась статистическими работами только на войсковой территории.

Областные правления относились к ведению статистики формально. Публиковавшиеся ими данные носили приблизительный, порой противоречивый характер, отличались эпизодичностью и краткостью, были разбросаны по многим источникам.

Одними из первых на территории Степного края были учреждены статистические комитеты в Семипалатинской и Акмолинской областях. Вопрос об открытии комитета в Семипалатинске был поднят ещё в 1861 г., когда МВД разослало губернаторам запрос о возможности распространения положения о комитетах в степных областях. В нём указывалось, что общее положение может быть подвергнуто некоторым изменениям «сообразно с местными обстоятельствами» [6, д. 2, л. 12-13]. Областное правление, изучив циркуляр, ответило, что «сбор точных сведений по области необходим, что правила оно находит «удобноприменимыми» [6, д. 2, л. 14]. Было решено ходатайствовать об открытии статистического комитета с содержанием в 2 тыс. руб. из земских сборов Томской губернии. Однако администрация фактически ещё не была готова к учреждению комитета, в области «не предвиделось большого числа действительных членов, могущих быть полезными своими трудами и не нуждающихся в вознаграждении» [6, д. 2, л. 14]. Этот факт – одна из причин того, что учреждение комитета было отложено на 17 лет. Главной причиной стало отсутствие средств, необходимых для организации системного функционирования статистических служб. Томское земство отказало в них. В ответ на ходатайство управления Западной Сибири открыть комитеты на средства от ясачного сбора МВД ответило отказом. Рассчитывать на доходы от типографии и пожертвования от частных лиц тоже не приходилось.

С учетом возрастающих потребностей в статистических данных и своевременном их предоставлении в МВД в 1874 году вновь был поднят вопрос об устройстве в Акмолинске и Семипалатинске статистических комитетов, тем более что войсковое правление прекратило финансирование всех статистических работ. В этом же году генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов представил на имя министра внутренних дел прошение об открытии статистических комитетов в Омске и Семипалатинске. Свое послание он мотивировал тем, что, согласно правительственным указам, в каждой губернии или области должны иметься специальные учреждения для исправного содержания административной статистики. Письмом от 8 августа 1874 г. управляющий Министерством внутренних дел А.Е. Тимашев ответил, что не находит для этого никаких препятствий. И хотя МВД ответило, что «никаких препятствий к открытию означенных комитетов нет», всё же переписка длилась ещё около четырёх лет. В итоге комитеты были учреждены 14 декабря 1877 г. Фактическое же их открытие состоялось в 1878 г.: Семипалатинского – в июне, Акмолинского – в августе. На их содержание выделялось по 2 тыс. рублей в год из земских сборов Западной Сибири [2, д. 95, л. 42].

Семиреченский статистический комитет был образован одним из последних среди областей Степного края. До его образования область не имела своего статистического органа. Сбором сведений занималось областное правление. В 1872 году была предпринята попытка создания комитета в области, но план не был осуществлен. В декабре 1878 г. на улучшение статистики в области было разрешено отпускать 1 тыс. руб. Однако в области ещё не было многих управлений, ведомств, предусмотренных «Положением», и состав комитета был сформирован номинально. Первое собрание состоялось 18 февраля 1879 г., фактическое же его открытие местные власти затянули до 23 июля 1883 г. Но и после этого комитет не приступил к работе, все его функции были возложены на одного из чиновников областного правления, которое расходовало и средства комитета. Фактически статистические работы ограничивались сбором и группировкой сведений для годовых отчетов и производством однодневной переписи населения г. Верного и прилегающих к нему станиц и слобод.

Подобное состояние статистики не могло удовлетворять власти. После неоднократных ходатайств с 1896 г. средства комитета увеличились до 2 тыс. рублей, был назначен секретарь, расширена номенклатура неперенных членов, избрано 176 действительных членов.

Фактическое оформление статистических комитетов позволило приступить к выполнению работ на местах. Деятельность комитетов не была одинакова и зависела в основном от наличия в области научных учреждений, творческих сил, способных вести исследовательскую работу, от средств на исследование. Акмолинский комитет располагался в Омске, центре Степного края. Здесь находились административные и научные учреждения, в том числе и Западно-Сибирский отдел Российского географического общества, учрежденный в один год с комитетом. Комитет, сформированный только из неперенных членов, не мог осуществлять исследовательскую программу, возложенную на него «Положением». Его деятельность ограничивалась выполнением обязательных работ, однако не регулярно. Начальствующие лица слабо знали функции комитета, не имели представления об отчетности и её важности. Акмолинский губернатор запрашивал у Министерства внутренних дел сведения, которые «представляют более действительный интерес и настоятельную необходимость в собирании их» [7, д. 134, л. 1, 8].

В организации статистики в регионе немаловажную роль играло и отношение к ней местных властей. Получив в своё распоряжение лишний штат и средства, региональные власти забыли о комитетах и его функциях и ограничились минимумом статистических работ, выполняемых секретарем. В 1883 г. председатель ЦСК выговаривал степному генерал-губернатору, что Акмолинским комитетом «со времени его учреждения не представлено ни одной из годичных таблиц». Акмолинский губернатор, оправдываясь, писал, что сведения собираются, но ни разу ещё не представлялись в ЦСК «по крайней их дефектности» [5, д. 1, л. 123]. Годовой отчет по области впервые представлен был только в 1883 г., отчеты о деятельности комитета до 1893 г. не составлялись совсем. Исследования края велись благодаря частной инициативе членов комитета. Зато губернатор в отчете перед МВД писал: «Что же касается порядка депопроизводства в подведомственном мне комитете, то особых упущений в нём не замечено» [2, д. 227, л. 276].

В то же время работы статистического характера во многом выполнялись канцелярией и секретарем без участия остальных членов. Заседаний комитет не проводил. Деятельность его была несколько оживлена лишь в 90-х годах. Первое заседание после многолетнего перерыва состоялось 13 февраля 1893 г. Было решено считать этот год «первым годом возобновленной деятельности комитета» [5, д. 9, л. 6]. Но и после этого она, хотя и несколько улучшилась, далеко не отвечала требованиям «Положения». За 1878-1911 гг. комитет провёл всего 9 собраний, состоял из одних неперенных членов и выполнял в основном лишь обязательную часть работы. Действительные члены впервые были избраны только в 1911 г.

По-иному была поставлена работа в Семипалатинском комитете. Осуществляя программы исследования края, Семипалатинский комитет проделал большую работу по изучению юридических обычаев казахов, провёл подворные переписи волостей и станиц, обследовал переселенческие поселки, многие казахские волости, изучил археологические и архитектурные памятники. Эти материалы до сих пор представляют научный интерес. Определенную работу провел комитет по совершенствованию статистики на местах, по повышению достоверности её данных.

Являясь почти единственной организацией, ставившей одной из задач своей работы изучение и исследование края, комитет объединил в своем составе «любителей истории» и заложил благоприятную основу для создания музея. Под руководством первого секретаря статистического комитета Е.П. Михазлиса, обладавшего солидным разносторонним образованием, в стенах комитета начали собираться первые коллекции по археологии и зоологии. Сама идея создания музея была поддержана председателем комитета – губернатором А.П. Проценко, что указывало на научную заинтересованность со стороны губернской администрации. Подготовительные мероприятия по организации музея заняли несколько лет. Этот период характеризовался накоплением опыта работы и формированием актива комитета, от деятельности которого зависели многие направления «необязательных» работ, в том числе и формирование музейных фондов [3, с. 186].

Открытие музея при статистическом комитете состоялось 11 сентября 1883 года. В руководство музея вошли члены комитета В. Н. Филиппов и М.И. Суворцев. Секретарем был избран Е.П. Михаэлис, во многом предопределивший научно-просветительскую деятельность музея. Активное участие в жизни организованного музея принимали политические ссыльные А.А. Леонтьев, П.Д. Лобановский, А.А. Блэк, Н.Я. Коншин, а также уездный судья П.Е. Маковецкий. Свою лепту в развитие и деятельность внесли поэт Абай Кунанбаев, философ и писатель Шакарим Кудайбердиев и прозаик Мухтар Ауэзов. Проявляя личную заинтересованность в приумножении коллекций, к середине 90-х годов XIX столетия при музее насчитывалось более 2000 экспонатов по 414 наименованиям, относящимся к этнологии, археологии, зоологии, палеонтологии и горному делу.

В начале XX столетия сумма, выделяемая Семипалатинскому областному статистическому комитету, уменьшилась на 500 рублей. Это сразу поставило под угрозу до того успешно налаженное им издание «Памятных книжек». В 1902 г. сотрудники комитета возбудили ходатайство об ассигновании на его содержание прежних 2000 рублей, но не получили положительного ответа. Летом того же года общее собрание постановило с 1902 г. издание «Памятных книжек» полностью прекратить [2, д. 645, л. 352]. Очередной этап в деятельности комитета начался с 1902 года, когда был организован Семипалатинский подотдел Западносибирского отдела императорского русского географического общества. Его исследовательская деятельность по существу являлась продолжением научной работы

областного статистического комитета. В то же время необходимость учреждения научной организации в области, которая ставила бы своей задачей изучение края, была очевидной.

Научное изучение региона было не чуждо и Семипалатинскому статистическому комитету. Уделяя внимание «необязательным» работам, несмотря на кадровые и финансовые трудности, в структуре комитета был образован музей, впоследствии имеющий уровень областного. Накапливая ценный археологический, этнографический, статистический материал, а также достижения в области промышленности и сельского хозяйства в регионе создавались объективные предпосылки к сохранению этого. В одном из отчетов секретаря статистического комитета подчеркивалось «степень точности статистических данных пропорциональна культурности изучаемого региона. В особенности это справедливо в отношении такого малоизученного края как Семипалатинское» [8, д. 2, л. 12]. Существенно дополняла музейные фонды созданная библиотека, которая пользовалась популярностью среди местного населения.

Таким образом, организация и деятельность статистических комитетов в территориальных границах Степного края имела принципиальное значение с точки зрения формирования достоверных статистических сведений и расширения научных знаний о регионе. Деятельность административных структур в лице областных статистических комитетов способствовала системному изданию статистических отчетов и сборников, а также привлечению научной общественности к популяризации знаний о регионе.

Библиографический список

1. Игумнов, Е.В. Создание губернских и областных статистических комитетов в Сибири и их научная деятельность (1835-1917 гг.). – СПб., 2010.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1290 Оп. 2. Д. 95. Л. 42.
3. Скопа, В.А. Вклад статистических комитетов Степного края в формирование музейных фондов в последней трети XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 2-1.
4. Скопа, В.А. История организации статистического отдела Сибирского казачьего войска во второй половине XIX века // Вестник ТГУ (История). – Томск, 2011. – № 3(15).
5. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф. 393. Оп. 1. Д.1, лл.123.
6. ЦГА РК Ф.480.Оп. 1. Д.2. Л.12-13
7. ЦГА РК Ф. 64. Оп.1.
8. ЦГА РК Ф.828. Оп. 1. Д.2. Л.12.

Bibliography

1. Igumnov, E.V. Sozdanie gubernskikh i oblastnykh statisticheskikh komitetov v Sibiri i ikh nauchnaya deyatel'nost' (1835-1917 gg.). – SPb., 2010.
2. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv (RGIA) F. 1290 Op. 2. D. 95. L. 42.
3. Skopa, V.A. Vklad statisticheskikh komitetov Stepnogo kraia v formirovaniye muzeynnykh fondov v posledney trety XIX – nachale XX v. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. – 2012. – № 2-1.
4. Skopa, V.A. Istoriya organizatsii statisticheskogo otdela Sibirskogo kazach'ego voyska vo vtoroy polovine XIX veka // Vestnik TGU (Istoriya). – Tomsk, 2011. – № 3(15).
5. Centralniy gosudarstvenniy arkhiv Respubliki Kazakhstan (CGA RK) F. 393. Op. 1. D.1, ll.123.
6. CGA RK F.480.Op. 1. D.2. L.12-13
7. CGA RK F. 64. Op.1.
8. CGA RK F.828. Op. 1. D.2. L.12.

Статья поступила в редакцию 04.09.14

УДК 94 (571.1)

Skopa V.A. LOCAL STATISTICAL SURVEYS BASED ON "SEMIPALATINSK OBLAST NEWSLETTER" (LATE 19 – EARLY 20 CENTURIES). In the late 19 – early 20 centuries the amount of statistical work significantly increased. Many statistical program campaigns were published in forms of reports in official governmental editions. According to the materials of one of these publications ("Semipalatinsk Regional Newsletter"), this article examines the organization and mechanisms of regional surveys. By analyzing the pages of the newsletter, published by the statistical program of campaigns, the author examines the methods of statistical work and reveals their regional specificity.

Key words: history; statistical surveys; statements; statistics; census program; statistical material.

В.А. Скопа, канд. ист. наук, доц. каф. историко-культурного наследия и туризма ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», г. Барнаул, E-mail: sverhtitan@rambler.ru

ЛОКАЛЬНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ «СЕМПАЛАТИНСКИХ ОБЛАСТНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В конце XIX – начале XX веков существенно возрастает количество статистических работ. Многие программы статистических кампаний печатались в официальных правительственных изданиях. В данной статье по

материалам одного из подобных изданий («Семипалатинских областных ведомостей») рассматривается организация и механизмы проведения региональных статистических обследований. Анализируя на страницах ведомостей опубликованные программы статистических кампаний, автор особое внимание уделил методам проведения статистических работ и выявил их региональную специфику.

Ключевые слова: история; статистические обследования; ведомости; статистика; переписная программа; статистический материал.

Активизация статистических обследований во второй половине XIX века способствовала массовому представлению публикуемого статистического материала. Накопление статистических данных, разных по направлению и содержанию, было представлено не только в ежегодных губернаторских отчетах, но и в регулярных губернских изданиях.

Располагая разносторонним материалом, статистические комитеты предпринимали попытки сделать статистические сведения открытыми для всех заинтересованных лиц. Так, циркулярами от 27 июля 1857 года и от 14 мая 1858 года было предложено Начальникам губерний и областей печатать в «Губернских и Областных Ведомостях» сведения «о ежегодном движении народонаселения в губернии, извлекаемые из метрических книг духовной Консистории, и о населенных местностях губернии по данным, собираемым офицерами Генерального штаба» [2, с. 56]. Это предпринималось для составления точного понятия о состоянии региона с привлечением широкого статистического материала о народонаселении, промышленности и производительных силах, где статистические сведения носили открытый и доступный характер.

В конце XIX – начале XX веков **статистические обследования увеличились в количественном выражении, что объяснялось** активным формированием отраслевых статистических сведений. Многие программы статистических и учетных работ, методов их проведения печатались в региональных изданиях. Одним из источников, позволяющих рассмотреть организацию и механизмы проведения локальных статистических обследований, являются «Семипалатинские областные ведомости». Как региональный печатный орган, ведомости начали выходить в свет с 1871 года. Они состояли из двух частей – «официальной» и «неофициальной». Начиная с 1906 года «неофициальная» часть выходила отдельно 2 раза в неделю под названием «Семипалатинские ведомости». В «неофициальной» части довольно часто печатались сведения о проведении отраслевых статистических обследований, программы обследований, результаты данных мероприятий [3, с. 210]. Во многом это было связано с переселенческой политикой государства на территории Сибири и Степного края и возрастающими запросами центральных и региональных властей, потребностью в регулярных статистических данных как ресурсе управления. Существенно активизировало этот процесс и то обстоятельство, что в 1895 году Министерство земледелия и государственных имуществ с целью лучшей организации дела образования переселенческих участков в степных областях Сибири признало необходимым организовать исследование этих областей. Как отмечалось в ведомостях, «основную задачу исследования должно было составить определение с одной стороны количества земли, необходимого при существующих естественных и хозяйственных условиях для удовлетворения потребностей киргизского населения, а с другой, тех земельных излишков, которые могли бы быть изъяты из владения киргиз для образования переселенческих участков» [4, с. 3].

Для решения предложенной Министерством задачи была разработана переписная программа, впоследствии опубликованная на страницах «Семипалатинских областных ведомостей». Программа включала следующие объекты статистического обследования: «количества хозяйств и населения; размеры продовольственных и других потребностей средней киргизской семьи, по которым можно было бы судить о средствах для удовлетворения их; самые эти средства и в особенности количество скота, как главного хозяйственного фактора по обеспечению быта кочевого населения; особенности киргизского землепользования, как выразились они в фактическом отношении населения к земле; качественные особенности разного рода пастбищ» [4, с. 12]. Вместе с тем, неотъемлемыми частями программы являлись прописанные способы и приемы обследования: «в одних случаях требовался сплошной, массовый учет тех или других признаков, в других чисто монографические работы. Сообразно с этим

были выработаны и применены на деле и важнейшие программы» [4, с. 13].

С целью правильного формирования данных и своевременного предоставления сведений прописывался механизм организации работ. «Для учета хозяйств, населения, скота, размера запасов, количества снимаемого сена и числа лиц, занимающихся промыслами, была составлена карточка, на которую и заносились все эти сведения по показаниям хозяев. При этом в основу понятия о хозяйстве была положена нераздельность содержания и пользования скотом под главенством хозяина, так как по преимуществу скотом определялись с одной стороны, для существования кочевника, а с другой его хозяйственные отношения к разным видам пастбищ» [5, с. 2].

Развитие статистической науки и практики позволяло разработать и адаптировать программы и способы статистического учета под конкретный объект обследования. Так, на страницах «Семипалатинских областных ведомостей» печаталось, что «для определения состава киргизского хозяйства, его наличного имущества и годового оборота было произведено по средне типичным хозяйствам на основании бюджетных учетов» [6, с. 24]. Также прописывались и методы формирования сведений «формы землепользования, фактическое отношение кочевого населения к разным видам пастбищ и качественные особенности этих поселений обследовались по четырем различным формулярам» [7, с. 15]. Они охватывали такие объекты статистического учета как «поселочная форма кочевого населения и условия кочевого хозяйства» [1, с. 101-102]. Исследования показали, что основной единицей в этом отношении был одиночный киргизский аул. «Такие аулы в местах зимовых стойбищ известны под именем «кстау», а на время весенних, летних и осенних кочевков они снимаются и перекечываются в полном составе хозяев, имеющих нужду в перекечках. Это, следовательно, чисто хозяйственная поселочная форма, не имеющая административного значения и не носящая особого названия. Ввиду этого она названа была экспедицией «хозяйственным аулом» в отличие от аула административного, под которым принято разуметь целое аульное общество, всегда состоящее из более или менее значительного количества кстау, а следовательно и хозяйственных аулов, по терминологии экспедиции» [4, с. 15].

В текущих статистических обследованиях с целью детализации формируемых данных разрабатывались более конкретные программы и переписные листы, которые также были представлены на страницах ведомостей. Так, программа по обследованию аула заключала в себе вопросы для описания, как индивидуальных признаков хозяйственного аула, так и для установления связи его с другими хозяйственными аулами в отношении землепользования. Описание общего или совместного пользования хозяйственных аулов земельными угодьями производилось по особому бланку. Программа для исследования землепользования аульных групп была представлена пообщинным бланком. В этот бланк, кроме обычных отметок о составе общины и принадлежности к известной волости и аульному обществу, заносились преимущественно сведения о площадях зимних, весенних, летних, и осенних пастбищ, о степени их использования и естественно-исторических признаках. Для описания общих условий киргизского хозяйства была составлена особая программа, охватывающая волости, которая была расширена и затрагивала аспекты социально-бытового характера [6, с. 33].

Нередко на страницах ведомостей были сведения о похозяйственно-массовых и бюджетных обследованиях кочевого населения. Для организации и проведения этих мероприятий определяли площади фактического землепользования; виды угодий и степень пастбищного хозяйства. Определение видов угодий по формам их хозяйственного использования не представляло никаких трудностей; деление пастбищ самими киргизами по сезонам было установлено [6, с. 33-34]. Сформированные и обработанные статистические материалы имели практикоориентированную направленность для решения вопросов, связан-

ных с переселенческой политикой и рациональной организацией этого мероприятия.

Текущие статистические обследования, имеющие отраслевой характер, существенно дополняли официальную статистику региона, которая испытывала серьезные трудности. Редактором областных ведомостей отмечалось: «К сожалению, в статистическом комитете нет почти никаких более или менее точных сведений о прочих сторонах экономической жизни переселенческих селений: о мелких промыслах, торговле и прочие. А между тем эти промыслы, по крайней мере в Усть-Каменогорском уезде, имеют большое значение в хозяйстве переселенцев. Здесь на первом плане стоят лесопромышленность, рыболов-

ство и звероловство, в некоторых селениях с успехом занимаются пчеловодством» [7, с. 32]. Не исключением было и то, что материалы локальных статистических обследований использовались в официальных статистических отчетах.

Таким образом, посредством анализа программ статистических кампаний в территориальных границах Семипалатинской области, удалось детально рассмотреть организационные начала статистических мероприятий, выявить специфику проведения статистических обследований, которая заключалась в разработке программ для обследования аула и волости, а также способов и приемов обследования, где основными и самыми распространенными являлись сплошной и массовой учет.

Библиографический список

1. Переселенческая политика царского правительства и ее осуществление в восточном Казахстане (XVIII – начало XX вв.). Сборник документов: в 2 ч. – Семей, 2010. – Ч. 1.
2. Скопа, В.А. История развития статистики и статистических учреждений Томской губернии в 1835-1919 годах. – Барнаул, 2009.
3. Скопа, В.А. Неофициальная часть губернских ведомостей как исторический источник по изучению «необязательных» работ статистических комитетов второй половины XIX века (по материалам Западной Сибири) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – начале XX в. Сборник научных трудов. – Томск, 2011. – Вып. 3.
4. Хозяйственно-статистические исследования степных областей // Семипалатинские областные ведомости. – 1899. – № 5. – 30 января.
5. Хозяйственно-статистические исследования степных областей // Семипалатинские областные ведомости. – 1899. – № 7. – 13 февраля.
6. Хозяйственно-статистические исследования степных областей // Семипалатинские областные ведомости. – 1899. – № 10. – 6 марта.
7. Хозяйственно-статистические исследования степных областей // Семипалатинские областные ведомости. – 1899. – № 17. – 1 мая.

Bibliography

1. Pereselencheskaya politika carskogo pravitel'stva i ee osusthestvlenie v vostochnom Kazakhstane (XVIII – nachalo XX vv.). Sbornik dokumentov: v 2 ch. – Semey, 2010. – Ch. 1.
2. Skopa, V.A. Istoriya razvitiya statistiki i statisticheskikh uchrezhdeniy Tomskoy gubernii v 1835-1919 godakh. – Barnaul, 2009.
3. Skopa, V.A. Neofitsial'naya chast' gubernskikh vedomostey kak istoricheskiy istochnik po izucheniyu «neobyazatelnykh» rabot statisticheskikh komitetov vtoroy poloviny XIX veka (po materialam Zapadnoy Sibiri) // Khozyaystvennoe i kul'turnoe razvitiye Urals i Sibiri v XIX – nachale XX v. Sbornik nauchnykh trudov. – Tomsk, 2011. – Vyp. 3.
4. Khozyaystvenno-statisticheskie issledovaniya stepnykh oblastey // Semipalatinskies oblastnihe vedomosti. – 1899. – № 5. – 30 yanvarya.
5. Khozyaystvenno-statisticheskie issledovaniya stepnykh oblastey // Semipalatinskies oblastnihe vedomosti. – 1899. – № 7. – 13 fevralya.
6. Khozyaystvenno-statisticheskie issledovaniya stepnykh oblastey // Semipalatinskies oblastnihe vedomosti. – 1899. – № 10. – 6 marta.
7. Khozyaystvenno-statisticheskie issledovaniya stepnykh oblastey // Semipalatinskies oblastnihe vedomosti. – 1899. – № 17. – 1 maya.

Статья поступила в редакцию 17.09.14

Раздел 9

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БОРТНИКОВ - доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА - кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе АлтГАКИ (г. Барнаул)

УДК 008

Astakhov O.Yu., Chernyaeva Ye.N. SOURCES FOR IDEAS OF CREATIVITY IN CULTURE IN NON-CLASSICAL PHILOSOPHY IN 19 – EARLY 20 CENTURY. The article deals with some aspects of creativity in culture, which were initially reflected in non-classical philosophy of A. Schopenhauer and F. Nietzsche. In particular, the authors define the peculiarities of understanding of ideas of creative work in life as reflection of the classical rationalism crisis. In the middle of 19 century, pure theorizing in philosophy becomes much less significant and gives way to philosophy that is enriched with expressive imagery, which serves as a basis for the new worldview with plurality of meanings and values of culture. New philosophical concepts, first by A. Schopenhauer, R. Wagner and then by F. Nietzsche, give a motivation to turn to a true existential aspect of the world, which does not exclude a subjective attitude, and states the need for unlocking the creative potential of the creative life. An example of this worldview is the symbolism of late 19 – early 20 centuries, which tends to become a life itself. The perception of arts as a spiritual “life” realizing itself as a specific characteristic of the European school of thinking, known as the “philosophy of life”. According to the “philosophers of life”, a creator can feel the life stream as something complete in his desire to create culture and overcome a crisis and find a new integrity. An artificial union with the universum cannot maintain the disintegrating links of existence, it needs continuous co-creation, which is further reflected in ideas of creativity in culture.

Key words: cultural and creative ideas, life-creation, philosophy of life.

О.Ю. Астахов, канд. культурологии, доц. каф. культурологии Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: astahov_oleg@mail.ru; **Е.Н. Черняева**, канд. искусствоведения, преп. каф. культурологии Кемеровского гос. университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: gorevega@gmail.com

ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИХ ИДЕЙ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматриваются аспекты формирования культуротворческих идей, которые первоначально получили отражение в неклассической философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. В частности, авторами определяются особенности понимания идей жизнотворчества как рефлексии кризиса классического рационализма. В середине XIX века чистое теоретизирование постепенно уходит на второй план, а философия сближается с творчеством, обогащаясь образной выразительностью, что послужило основой формирования нового мировоззрения, характеризующегося множественностью смыслов и значений культуры. Новые философские концепции, сначала А. Шопенгауэра, Р. Вагнера, а вслед за ними и Ф. Ницше, обосновывают необходимость обращения к подлинной бытийной стороне мира, не исключая субъективные отношения, заявляя о необходимости реализации жизнотворческого потенциала культуры. В качестве примера реализации данных установок авторы статьи приводят символическое искусство рубежа XIX – XX вв., стремящееся стать самой жизнью. Восприятие искусства как одухотворенной «жизни», в которой она приходит к осознанию самой себя, было отличительной чертой европейской школы мышления, известной под названием «философии жизни». С наибольшей полнотой ощутить поток жизни как нечто цельное, по мысли представителей «философии жизни», мог творец, обращающийся к возможности культуротворчества, стремясь преодолеть кризисность, найти новую целостность. Искусственное соединение с универсумом не способно сохранить распадающиеся связи существующего, оно требует постоянного сотворения, что в дальнейшем получило отражение в идеях культуротворчества.

Ключевые слова: культуротворчество, жизнотворчество, философия жизни.

Аспекты концептуальных оснований культуротворческих идей, получивших свое развитие в начале XX века, мы находим в неклассической философии XIX века как рефлексии кризиса

классического рационализма. Масштабные концепции, выдвинутые немецкой классической философией фактически были последней попыткой культуры представить мир в рамках целос-

тных и всеохватывающих систем, интегрирующих весь новоявленный философский инструментарий. Интеллектуальная атмосфера середины XIX века диктовала появление новых открытий концепций, свободных от статичной архитектоники, ориентированных на преодоление панлогизма, что способствовало активному включению в поле рассуждений рефлексивного субъекта. В середине XIX столетия происходит интенсивное сближение философии с образной выразительностью, чистое теоретизирование уходит на второй план, и уже антропологизация мира и рефлексивность его восприятия, способствует формированию нового калейдоскопичного мировоззрения, порождающего множественность смыслов и значений культуры.

Своеобразным итогом развития эпохи явилась книга А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», появившаяся в 1819 г. Вслед за Ф. Шеллингом А. Шопенгауэр соединяет философское мышление с художественной выразительностью и достигает их подлинного синтеза в определении новых векторов своих суждений. В философии А. Шопенгауэра центральное положение занимает иррациональная воля, понимаемая как неукротимое хотение, желание без начала и конца, вне всякого целеполагания. Будучи основой и сущностью мира, Мировая воля едина, тождественна сама себе, неизменна, свободна, пребывает вне времени и пространства, не подчиняется законам причинности. «...Воля, — пишет философ, — самая сердцевина, ядро всего частного, как и целого; она проявляется в каждой слепой действующей силе природы, но она же проявляется и в обдуманной деятельности человека: великое различие между ними касается только степени проявления, но не сущности того, что проявляется» [1, с. 107]. Фактически, с одной стороны, Шопенгауэр продолжает неоплатоновскую и кантовскую традицию, выделяет подлинный мир сущностей и видимый мир для субъекта, но с другой стороны, он отмечает, что мир — это макроантропос. Этот поворот в суждениях автора оказался столь необычным, что многие современники его не приняли, так как мир в его философии оказался представлением, как то, что волей поставлено перед собой в качестве предмета, объекта своего воздаяния. Объективный мир означает не тот мир, который существует вне сознания, а тот, который находится в непосредственной связи с ним и волей, и это затрудняет его глубинное постижение.

Поэтому центральным моментом в метафизике А. Шопенгауэра становится понятие страдания. Невозможность открытия истины, наличие препятствий в получении удовлетворения обрекают человека на страдания, связанные с невозможностью принять существующие принципы мироустройства. «Мы видим стремление постоянно наталкивающимся на препятствия, постоянно в борьбе; — отмечает Шопенгауэр, — следовательно, всегда как страдание: нет последней цели стремления, нет, следовательно, и меры, и цели страданию» [1, с. 411]. Философ обосновывает свои пессимистические мысли о бесконечном страдании человека действием слепой и неразумной воли. Но возможно ли ее преодоление?

А. Шопенгауэр заявляет о необходимости отстранения от себя и даже уничтожения себя, что может сокрушить действие мировой воли. И первой ступеней самоуничтожения воли является эстетическое созерцание, которое философ осмысливает в русле кантовской традиции как действие свободное от всякой заинтересованности в любых утилитарно значимых результатах и независимое от эгоистических чувств. Таким образом философ делает серьезный шаг в понимании необходимости дальнейшего освобождения творчества от конкретной индивидуальности, находящейся в плену мировой воли. Такое забвение самого себя, как ни парадоксально, одновременно является средством избавления и нас и самой воли от себя как носителей жизни.

Взгляды А. Шопенгауэра принял Р. Вагнер в отношении к музыкальному искусству. На основании сопоставления времени написания текста оперы «Кольцо Нибелунга» и знакомства Р. Вагнера с философией А. Шопенгауэра. А.Ф. Лосев вполне обоснованно утверждал, что «нужно говорить не столько о влиянии Шопенгауэра на Вагнера, сколько о самостоятельном шопенгауэрианстве Вагнера» [2, с. 300]. Р. Вагнер в духе А. Шопенгауэра утверждал, что счастье состоит в отказе от желаний, связанных с проявлением Воли. Отрешенность от неразумной Воли способна привести к спокойствию, а, следовательно, и к счастью. Фактически речь идет об эстетическом созерцании. Задача музыки, как и искусства в целом, возвысить человека и тем самым спасти его от корысти и безнравственности. Обращаясь

к музыке, человек забывает о своем я и преодолевает эгоизм, одновременно Р. Вагнер актуализирует значимость действительного начала, связанного с преобразованием мира. В связи с этим А.Ф. Лосев писал: «Эстетика Вагнера и есть эстетика революционного пафоса, который он сохранил на всю жизнь и который с молодым задором выразил еще в 1849 году в статье «Искусство и революция». Идеалом Вагнера, несмотря ни на какие жизненные коллизии, всегда оставалось „свободное объединенное человечество“, неподвластное, по словам композитора, „индустрии и капиталу“, разрушающим искусство. Это новое человечество, по мнению Вагнера, должно быть наделено „социальным разумом“, овладевшим природой и ее плодами для всеобщего блага. Вагнер мечтает о „будущих великих социальных революциях“, путь к которым указывает преобразующая роль искусства» [2, с. 8]. Наиболее активно действенное начало, связанное с преобразованием мира, проявляется в творческой деятельности и в этом были едины А. Шопенгауэр и Р. Вагнер, а вслед за ними и Ницше, наиболее яркий представитель «философии жизни».

В немецкой «философии жизни» творческий процесс превратился в атрибут самой жизни и в дальнейшем культуры. И наиболее отчетливо этот принцип проявился в философских воззрениях Ф. Ницше, в концепции которого функция человека по отношению к искусству эволюционирует от пассивного созерцания, к активному житетворчеству. Не случайно, опираясь на идеи немецкого романтизма и пессимизма А. Шопенгауэра, Ф. Ницше обосновывает «метафизику для художников» [3, с. 104]. Основным субъектом и иницирующей силой развития культуры у Ф. Ницше выступает человек. Определение сущностного места человека в мире является исходной сущностной точкой начала его философии.

Человек и мир у Ницше резко противопоставляются друг другу, изобретение человеком равновесия осуществляется двумя способами познания и преобразования мира — научное и художественное. Философ раскрывает основные внутренние мотивы двух содержательно противоположных способов взаимодействия человека с миром — художественно-творческий мифологизм и научно-рационалистический реализм. В рамках каждого из них человек создает свою, уникальную систему ценностных ориентиров, приспособленную для снятия конфликта внутри пары Я — Бытие.

Именно эти два способа изменения мира, по мнению мыслителя, формируют содержательные основания историко-культурного развития европейской цивилизации. В зависимости от доминирования художественно-творческого мифологизма или научно-рационалистического реализма Ф. Ницше выделяет два основных этапа культурной эволюции: архаическая (досократическая) Греция и сократическая культура современности. В результате характер выстраивания отношений человека и мира определяет содержание культуры.

По его мнению, человек в акте творчества культуры становится Демургом, уподобляется Богу. Сам творческий акт понимается философом как бессознательный, поэтому в процессе творения художник отторгает часть своей индивидуальности и растворяется в высших метафизических сущностях. В результате, считал мыслитель, человек обретает чувство целостного единения с Вселенной [4, с. 62-63]. В его понимании творчество является главным источником жизни, единственной областью бытия, которая доставляет удовольствие и оправдывает существование как самого мира, так человека в нём. Поэтому можно согласиться с А.Г. Кутлуниным, полагающим, что «Ницше возвел эстетический подход в ранг фундаментального онтологического принципа» [5, с. 75]. Одновременно идеи немецкого философа, связанные с панэстетизмом, становятся культуроцентричными в связи с универсализацией принципа творческого отношения к миру. Главными силами, диктующими характер творческой активности и обеспечивающими поступательное развитие культуры, Ф. Ницше считал аполлоническое и дионисическое начала, а их равновесный синтез в идеале должен порождать равновесное положение вещей. Собственно, эти две категории становятся ключевыми понятиями ницшеанской культур философии, эстетики, а впоследствии и этики.

Аполлоническое есть, по мнению Ф. Ницше, мир прекрасной иллюзии, рождённый состоянием физиологически сходным со сном. Этот мир характеризуется соразмерностью, правильностью форм и «ласкающими образами», которые являются человеку во всей своей «ясной простоте и понятности» [4,

с. 59–60]. Стремление к упорядоченности является одной из главных характеристик аполлонического начала. Если обобщить многочисленные сравнительно-образные эпитеты, в которых Ф. Ницше описывает содержательное основание аполлонического начала, то можно сказать, что ядром данной тенденции является своеобразный эквивалент разумного начала, обладающим своим творческим потенциалом. Хотя аполлоническое вовсе не следует отождествлять с рациональным, аполлоническое более уместно соотносить с некой уравновешенностью, порядком и даже разумностью, но обязательно сопровождающуюся свободным творческим зарядом.

Что касается дионисического начала, то сам Ф. Ницше описывает его следующим образом. Прежде всего, немецкий мыслитель указывает на его прямое отождествление с состоянием опьянения [4, с. 59]. Помимо этого, Ф. Ницше считал, что сущностным основанием дионисического является процесс осознания «глубинного ужаса» бытия и через его преодоление достижения «блаженного восторга» [4, с. 61.]. То есть данная творческая тенденция содержит в себе нечто иррациональное, приобщение к которому приводит человека через ужас к высшей степени счастья. Дионисический мир – это проявление чистой иррациональной энергии. Перманентное неразумное действие есть его главная внешняя составляющая. Дионисическое является своеобразным триумфом биологической жизненной энергии, однако это не исключает его существование и в духовной плоскости.

Между аполлонической и дионисической тенденциями постоянно происходит борьба, но их столкновение имеет созидательную направленность. Предельная степень поляризации этих разнонаправленных тенденций может порождать творческую активность как результат взаимодействия разумности и природно-хаосогенной иррациональности. Но обращаясь к современной культуре, Ф. Ницше отмечает в ней нарастание кризисных тенденций и демонстрирует крайне отрицательное отношение к начинающемуся с Сократа проникновению в культуру принципов рациональности и строгого подчинения мысли законам логики. Главная причина неприязни Ф. Ницше сократической традиции заключается в том, что пришедшая рациональность, по его мнению, разрушила идеальную культуру, существовавшую в архаической Греции. И далее «болезненная» традиция сократизма сформировала основы современной культуры, тем самым, поразив этой болезнью всё общество. Сократ для немецкого мыслителя становится символом, олицетворяющим логизм и наукоцентризм нового мира. С нарастанием рационализма начинается разложение мифологического сознания, оно теряет

свою силу и постепенно перерождается в «историческое сознание». Ф. Ницше считал, что сократизм ставит перед культурой новую цель – отыскание абсолютной истины, и таким образом в сознании большинства людей происходит аксиологическая девальвация мира ценностей. Теперь, с развитием рационализма, дионисическое как порождение всего иррационального и неумеренного оказывается лишним и ненужным в этой новой культуре. Но с утратой сдерживающей и одновременно способствующей развитию силы в лице дионисизма, аполлоническая тенденция становится «плоской», теряет свой творческий потенциал и вырождается в «логический схематизм», что приводит к почти фатальному искажению всей культуры [4, с. 110]. И главное, на что обращает внимание Ф. Ницше, сократизм лишает человека всей полноты жизни, которая заключается в созидании аполлонически-дионисического мира иллюзий, заменяя её сухими рационализациями. На смену воли к иллюзии, присутствовавшей у древнего эллина, приходит воля к доступному, повседневному. Это порабощение человека обыденной реальностью приводит к принципиальному изменению статуса творчества в современной (рациональной) культуре, что приводит к утрате бытийного статуса творчества.

Таким образом, Ф. Ницше, продолжая в этом отношении идеи А. Шопенгауэра и Р. Вагнера о необходимости обращения к подлинной бытийной стороне мира, не исключая субъективные отношения, заявляет о необходимости реализации жизнетворческого потенциала культуры, что также было представлено в его учении о новом человеке будущего. Примером реализации его установок явилось символическое искусство рубежа XIX – XX вв., стремящееся стать самой жизнью. Восприятие искусства как одухотворенной «жизни», в которой она приходит к осознанию самой себя, было отличительной чертой европейской школы мышления, известной под названием «философии жизни». С наибольшей полнотой ощутить поток жизни как нечто цельное, по мысли представителей «философии жизни», мог творец, обращающийся к возможности культуротворчества, стремясь преодолеть кризисность, найти новую целостность. Искусственное соединение с универсумом не способно сохранить распадающиеся связи существующего, оно требует постоянного сотворения, что в дальнейшем получило отражение в идеях культуротворчества. Основы мировидения новой эпохи, в которую вступало человечество с началом XX века, закладывались именно в XIX веке, и аспекты новых идей, связанных с творческим созиданием культуры, уже были предвосхищены в неклассической философии, указавшей на возможности становления нового многополярного мира.

Библиографический список

1. Шопенгауэр, А. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1992. – Т. 1.
2. Вагнер, Р. Избранные работы. – М., 1978.
3. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. – М., 2005. – Т. 12.
4. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. – М., 1990. – Т. 1.
5. Кутлунин, А.Г. Эстетизм как способ понимания жизни в философии Ницше / А.Г. Кутлунин, М.А. Малышев // Философские науки. – 1990. – № 9.

Bibliography

1. Shopengauher, A. Sbranie sochineniy: v 6 t. – M., 1992. – T. 1.
2. Vagner, R. Izbrannihe rabotih. – M., 1978.
3. Nicshe, F. Polnoe sbranie sochineniy: v 13 t. – M., 2005. – T. 12.
4. Nicshe, F. Sochineniya: v 2 t. – M., 1990. – T. 1.
5. Kutlunin, A.G. Ehstetizm kak sposob ponimaniya zhizni v filosofii Nicshe / A.G. Kutlunin, M.A. Malihshev // Filosofskie nauki. – 1990. – № 9.

Статья поступила в редакцию 20.08.14

УДК 130.2

Gudova M.Yu. POST-LITERACY READING OF PICTOGRAPHIC WRITING IN “LOGOGLYPHS” ART PROJECT BY EDUARDO KAC, 2006-2013. In this article a topical problem of relations between visual and verbal text in the contemporary culture is being analyzed within the methodology of structure and semiotics. As a conclusion the researcher states that reading of pictographic writing is one of the traditional cultural practices. This practice was founded in ancient times, and is kept in the practice of ornamental reading. Today it is actualized by a method of computer graphics.

Key words: post-literacy reading, pictographic writing, visual text, verbal text, ornament.

М.Ю. Гудова, канд. филос. наук, доц. каф. этики, эстетики, теории и истории культуры Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, E-mail: MargGoodova@gmail.com

ПОСТГРАМОТНОЕ ЧТЕНИЕ ПИКТОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА В АРТ-ПРОЕКТЕ «LOGOGLYPHS» ЭДУАРДО КАСА, 2006-2013

В статье в структурно-семиотической методологии анализируется актуальная проблема взаимоотношения вербального и визуального текста в современной культуре. Делается вывод, что чтение пиктографического письма является традиционной для культуры практикой, возникшей в древности, сохранявшейся в практике чтения орнаментов и актуализированной современной компьютерной графикой.

Ключевые слова: постграмотное письмо, пиктографическое письмо, визуальный текст, вербальный текст, орнамент.

Особым случаем постграмотного несловоцентричного чтения в современном искусстве является проект «LOGOGLYPHS» Э. Каса.

Арт-проект «LOGOGLYPHS» был представлен американским художником Э. Касом в качестве одного из событий, сопровождавших 19 Международный Конгресс по эстетике: «Эстетика в действии» в Галерее Современного Искусства (Bunkier Sztuki Gallery of Contemporary Art) в городе Кракове в Польше.

Проект интересен, прежде всего, характером представленных работ, тем как существует и развивается современное пиктографическое письмо и чтение, какие возможности креативности и рецепции оказываются востребованными, и какие художественные и культурные эффекты при помощи задействованных художественных изобразительно-выразительных средств достигаются.

Арт-проект «LOGOGLYPHS» представляет из себя серию пиктограмм и анимогамм, выполненных на основе рисунка зеленого кролика («my green-glowing transgenic bunny»), созданного художником Альба в 2000 году, и экспонировавшегося на многочисленных выставках и в каталогах по всему свету. Серия работ Э. Каса берет начало в 2006 году, и включает произведения графики, гравюры, скульптуры, живописные полотна, анимацию, а также работы, созданные специально для визуализации в Google Earth [1].

Как утверждает Э. Кас, его проект, представленный в Кракове – это серия графических и анимационных работ, изобретающих и развивающих современные формы письма на основе графических изображений зеленых зайцев и кроликов. В проекте представлены как первоначальные одиночные изображения, так и изображения, объединенные в группы, и в орнаментальные рисунки.

Одиночные изображения кроликов, равно как и отдельные изображения групп кроликов автор называет пиктограммами.

Как говорит Э. Кас, пиктограммы, входящие в проект «LOGOGLYPHS», это своеобразный неалфавитный, небуквенный визуальный язык. Основой его являются визуальные символы зеленого кролика Альбы и композиции, которые на основе его изображений можно составить. Эти пиктограммы зеленого кролика представляют передаваемый при помощи его изображений смысл иначе, чем слова, написанные или произнесенные про зеленого кролика. Свободные от букв, шрифтов и фонетических символов, свободные от силлабических и логографических значений, «LOGOGLYPHS» функционируют, используя изобразительные и выразительные возможности жестов, объема, фактуры, через сопоставление, наложение, прозрачность/замутненность, свет/темноту, последовательность и порядок чередования изображений. Все это соединяется в беззвучные и многообразные рукотворные изображения записей, структурированные при помощи визуального композиционного единства, которое смыслонасыщенно многообразнее, чем ограниченные и определенные эксплицитные значения вербального описания при помощи алфавитного письма.

Составленные из двухцветных каллиграфических групп (один кролик зеленый, другой черный), пиктограммы в «LOGOGLYPHS» визуализируют процесс рождения нового рисуночного письма подобного клинописному письму, иероглифической орфографии, идеографии. Значения смысловых групп кроликов намеренно вибрируют между монореференциальными значениями (всегда присутствует и в тексте, и в смысловой референции зеленый кролик Альбы) и полисемантическими примерами авторского визуально-графического письма или языка.

Полисемантичность пиктографического письма связана с тем, что каждая из пиктограмм зеленого кролика или группы кроликов отправляет читателей этой пиктограммы к богатому культурному и, в том числе, литературному контексту, связанному с образами зайцев и кроликов в индивидуальном читательском коде, при помощи которого декодируется предлагаемый текст.

Для русского читателя это образы фольклорного «косого», «зайца-хвасты», музыкально-кинематографического «зайцы косят траву...», литературных зайцев деда Мазая, «североамериканского кролика-зануды» из спектакля «День Радио», кроликов из спектакля «Быстрее, чем кролики» Квартета «И», кролики отца Федора из книги «12 стульев» Ильфа и Петрова, или молекулярные зайцы с картин Игоря Коновалова и т.д. Для британского читателя – это Белый Кролик Льюиса Кэрролла из «Алисы в стране чудес» и кролик из «Винни-Пух и все-все-все». Для американского читателя – Кролик из сказок дядюшки Римуса и Кролик Роджер. Для космополитического начитанного читателя – это контекст самых разных народных сказочных героев, литературных, живописных, анимационных и кинематографических персонажей.

В конечном счете, смысл каждой кроличьей пиктограммы требует читательской расшифровки и декодирования. Каждый читатель, имеющий свой собственный смысловой код, наделяет изображения своим особым смыслом. В результате семантика пиктограмм для каждого читателя будет различной, но каждый раз верной. Потому что это истина интерпретации, в множестве которых одна дополняет другую.

По мнению художника, представленная им в Кракове серия пиктографических работ предназначена не столько для визуального восприятия, скользкого по поверхности знаков, сколько для чтения, то есть погружения в расшифровывание значений, рождаемых пиктографическими изображениями.

Пиктограмма в оформлении интерфейса гаджетов сегодня – это не только рисунок, это не только определенный текст, передаваемый изображением, но и определенная программа действий (сортировать, редактировать, вырезать, вставить, удалить). Пиктограмма это текст, открывающий возможности создания бесконечного множества других текстов.

Вопрос о том, чем являются орнаментальные рисуночные изображения Э. Каса – текстами для внешнего созерцания, что характеризует восприятие пространственных искусств или текстами для чтения и интерпретации, что относится к письменным текстам временных искусств, мы можем разрешить, опираясь на исследования в области морфологии орнамента.

Для орнамента характерны такие сущностные характеристики как ритмичность (метричность), что роднит его с поэзией и с музыкой, композиционность, присущая всем искусствам, и визуальная декоративность, позволяющая увидеть в орнаменте черты пространственных искусств [2]. «Композиционный принцип построения проявляется в орнаментах, заполняющих пространство плоскостное, где подчеркивается, как правило, центр (центры), периферия (той или иной степени), углы (если они есть), или создается «мифологизированный образ» иного, нежели исходный, пространства и материала» [3, с. 12].

Рисунки кроликов Э. Каса носят не только одиночный, но и орнаментальный характер. Зеленые и черные кролики повторяются, чередуются, переворачиваются, кувиркаются, скачут в определенном направлении и ритме. В плане композиции они оформлены как изобразительно-декоративный орнамент. Скоплениями изображений в центре, и расходящимися разнонаправленными сужающимися дугами из кроличьих изображений на периферии. С композиционностью орнаментальных изображений тесно связана и их внешняя декоративность. Пиктографический орнамент Э. Каса не просто располагается, развивается в естественных или виртуальных экранных пространствах, но он безусловно не только организует, но и украшает эти пространства. Такой орнамент предназначен для внешнего созерцания.

Ритмический принцип организации орнамента основан на «ощущении части как отрезка времени, необходимого для перемещения в пространстве» [3, с. 13] рукой или глазом. Это роднит, в том числе, и кроличий орнамент с произведениями временных искусств, в частности, поэзии, где фонемы – слоги также организованы орнаментально в слова и строки. Сам Э. Кас называет ритмически организованные в пространстве орнаментальные рисунки кроликов био-поэмами или голограмм-поэмами.

Сочетание в орнаментальных изображениях кроликов композиционных, ритмических и декоративных принципов организации предполагает двойственный механизм восприятия: их можно и разглядывать как произведения пространственных искусств, и читать как произведения литературно-поэтического творчества. Соответственно, данные работы можно и созерцать, и разглядывать, и читать, что непривычно для современного европейского глаза, но издавна характерно для традиции китайской живописи, где «живописец – это не столько рисовальщик, сколько писатель

и каллиграф» [4, с. 212]. А потому его произведения носят и пространственный, и временной характер одновременно: и рисунка для рассматривания, и текста для чтения.

Визуальный язык серии работ «LOGOGLYPHS» намекает на значения создаваемой визуальности, но требует при своем прочтении внимательной читательской интерпретации. «Эта серия работ, – пишет Э. Кас, – контрапункт для завесы дискурсов, вырабатываемых разумом сквозь, для и вокруг «my green-glowing transgenic bunny» художника Альба» [1].

В проекте «LOGOGLYPHS» соединены многообразные формы и различные способы представления нового пиктографического письма на основе только лишь одного исходного изображения «зеленого кролика Альбы».

В итоге нужно сделать вывод, «LOGOGLYPHS» – это одна из репрезентаций совершенной формы полисемантического рисуночного пиктографического письма или зашифрованного, закодированного беззвучного визуального языка.

Библиографический список

1. Кас, Э. Logoglyphs: Mark and Meaning // Bunkier Sztuki Gallery of Contemporary Art [Э/п]. – P/d: <http://www.bunkier.art.pl>
2. Синцов, Е.В. Орнамент как метаязык хронопоэтических представлений культуры (К развитию одной идеи И. Канта) [Э/п]. – P/d: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1999web3/phil/199930507.html>
3. Синцов, Е.В. Природа невыразимого в искусстве и культуре. – Казань, 2003.
4. Hongbao, Niu. Table Painting and Easel Painting: A Cross-cultural Analysis Between Chinese and West Painting // Books of Abstracts. 19-th International Congress of Aesthetics "Aesthetics in Action". Krakow 2013, Poland – Krakow, 2013.

Bibliography

1. Kas, Eh. Logoglyphs: Mark and Meaning // Bunkier Sztuki Gallery of Contemporary Art [Eh/r]. – P/d: <http://www.bunkier.art.pl>
2. Sincov, E.V. Ornament kak metayazhik khronotopicheskikh predstavleniy kul'turi (K razvitiyu odnoy idei I. Kanta) [Eh/r]. – P/d: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1999web3/phil/199930507.html>
3. Sincov, E.V. Priroda nevyrazimogo v iskusstve i kul'ture. – Kazanj, 2003.
4. Hongbao, Niu. Table Painting and Easel Painting: A Cross-cultural Analysis Between Chinese and West Painting // Books of Abstracts. 19-th International Congress of Aesthetics "Aesthetics in Action". Krakow 2013, Poland – Krakow, 2013.

Статья поступила в редакцию 30.07.14

УДК 008-27.21:656.2

Lesovichenko A.M., Maltseva Ye.A. AN ARCHETYPE OF MOTHER AS A BASIS OF RAILWAY IMAGES IN LITERATURE AND ARTS. This work is a cultural understanding of art thematically oriented to railways. In the research there is an idea about how good a railway fits an archetype of mother, which was selected long ago by K. Jung. A lot of literature, painting and cinema works are analyzed from this point of view. The authors highlighted the ambivalences of the archetype of mother and prove the opportunity of interpretation of arts about railways as a display of positive and negative aspects ("a loving mother" and "a frightening mother"). In the first case, a train or a station is like home for passengers, it gives them safety. In the second case, it is like an inhuman machine, which only brings destruction. From the authors point of view an accent on archetypal subject like this can help us to understand the principle of choosing the theme of a railway in arts and to realize the meaning of the ideas.

Key words: archetype, artistic image, railroad, literature, painting, cinema.

А.М. Лесовиченко, д-р культурологии, проф. каф. «Философия и культурология» Сибирского гос. университета путей сообщения, г. Новосибирск, E-mail: lesovichenko@mail.ru; **Е.А. Мальцева**, канд. искусствовед., доц. каф. «Философия и культурология» Сибирского гос. университета путей сообщения, г. Новосибирск, E-mail: eamaltseva@yandex.ru

АРХЕТИП МАТЕРИ КАК ОСНОВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ОБРАЗОВ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

В работе рассматривается образ железной дороги в литературе и искусстве как воплощение выделенного К. Юнгом архетипа матери. Проявление данного архетипа в искусстве раскрывается на основе анализа литературных, живописных, кинематографических произведений железнодорожной тематики. В ходе исследования раскрывается амбивалентная природа архетипа матери в искусстве, пронизанном образами железной дороги («любящая мать», «устрашающая мать»). С одной стороны, в литературе и искусстве изучаемой тематики вагон и станция воспринимаются как нечто домашнее, обеспечивающее защиту. С другой стороны, они порождают массу других образов, объединенных идеей разрушения. Исследование помогает восстановить механизм выбора темы железной дороги в искусстве и полнее понять ее идейную основу.

Ключевые слова: архетип, художественный образ, железная дорога, литература, живопись, кинематограф.

Появление нового транспортного средства – железной дороги, сразу же, в первые годы стало стимулом для художественного творчества. Поэты, композиторы, живописцы, скульпторы стали активно разрабатывать железнодорожную тема-

тику и в пейзажном, и в психологическом, и в символическом аспектах. Выдающиеся произведения М.И. Глинки, Г. Берлиоза, В. Ван-Гога, Л.Н. Толстого – лишь вершина айсберга в искусстве XIX века.

Можно было бы думать, что здесь сказался фактор появления нового средства передвижения, радикального отличающегося от всех прежде существовавших. Разумеется, это так. Учитывая, что железнодорожная тема в искусстве не потеряла своего значения в искусстве XX века, когда активно развивались и другие технические средства – автомобиль, самолёт, монорельс, фуникулёр, ракета (более того, в новом виде искусства – кинематографе, тема железной дороги заняла прямо-таки ведущее положение) можно полагать, что значение этой темы выходит за рамки простого интереса к новому изданию. Вероятно, железная дорога отозвалась какому-то психокультурному субстрату, присутствующему в глубинных свойствах человеческого подсознания, их архетипах. Вопрос: каких именно?

Согласно К.-Г. Юнгу, «Архетипы определены не содержательно, а формально, да и то лишь в незначительной степени. Изначальный образ определён в отношении своего содержания лишь тогда, когда он становится сознательным и т.о. обогащается фактами сознательного опыта... Архетип сам по себе пуст и чисто формален, он не что иное, как *factus praeformandi*, возможность представления, данная а priori... он может быть назван и иметь ядро значения, но всегда только в принципе и никогда по отношению к его проявлениям» [1, с. 216-217]. При этом Юнг выделяет несколько содержательных значений для архетипов, среди которых наиболее подходящим для рассмотрения нашей темы представляется образ матери.

«Как любой другой архетип, архетип матери обнаруживает практически разноеобразие в своих проявлениях. Первыми по важности являются мать, бабушка, мачеха, свекровь (тёща)... К этой же категории принадлежат богини... Вещи, вызывающие у нас набожность или чувство благоговения, такие как церковь, университет, город, страна, земля, леса и моря, преисподняя и луна, или просто какой-то предмет.

Другие символы матери в переносном смысле присутствуют в вещах, выражающих цель нашего страстного стремления к спасению... Магический круг, или мандала, ввиду его защитной функции, может быть формой материнского архетипа.

Все эти символы могут иметь как позитивное, благоприятное значение, так и негативное, связанное со злом» [1, с. 218].

«Этиологическое и травматическое воздействия, исходящее от матери, должны быть разделены на две группы: те, которые соответствуют чертам характера и отношениям, действительно свойственным матери; и те, которые относятся к чертам, лишь по видимости присущим матери, и которые состоят из более или менее фантастических (т.е. архетипических) проекций со стороны ребенка» [1, с. 219].

Железная дорога хорошо вписывается в систему образов архетипа матери. Дом на колёсах. Дом, внутреннее пространство которого сближает людей до предела, т.к. они неизбежно попадают в зону жизненного пространства друг друга. Это в нормальных условиях бывает только в семье и кругу близких друзей. В условиях же «транспортной» незнакомые люди всегда очень сближены.

Таким же квази-домом оказывается вокзал с его залами ожидания, камерами хранения, точками питания, телевизорами и местами для чтения. В определённых случаях, если, например, выезд задерживается, такой «дом» может оказаться пристанищем надолго. Неизбежно вокзал притягивает и всех бездомных, поскольку общедоступен, находится в центре населённого пункта (а не за его пределами, как, например, аэропорт).

Следует так же заметить, что поездка возвращающегося, что создает ощущение движения по кругу. Следовательно, это тоже соотносится с фиксированным образом мандалы, выражающим, по Юнгу, архетип матери.

Если с таких позиций анализировать произведения на железнодорожную тематику, возможность их трактовки как образного проявления архетипа матери, на наш взгляд, становится очевидной.

Каким домашним уютом пронизано стихотворение А.А. Фета «На железной дороге»!

«Мороз и ночь над далью снежной,

А здесь уютно и тепло.

И предо мной твой облик нежный

И детски чистое чело».

Иными реалиями времени наполнена поэма Владимира Сосюры «Красная зима», но и здесь железная дорога трактуется как что-то очень личное:

«Вновь перестук колёс... На стыках – перебои...

Уж мост через Донец давным-давно затих...

Я у дверей стою... И дышит даль сосною.

И ветер мне поёт о вешних днях моих».

В романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день (Буранный полустанок)» отношение к железной дороге как стержню жизни степи формулируется в самом начале и потом проходит лейтмотивом через весь текст:

«В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана... А поезда шли с востока на запад и с запада на восток...»

Значительное место образ железной дороги занимает в повести (и пьесе) В.В. Иванова «Бронепоезд 14-69». Его тоже удобно интерпретировать в архетипическом смысле. С самого начала, когда бронепоезд защищает железную дорогу от партизан, это сооружение воспринимается как дом с, более или менее, налаженным бытом, в окружении дикой природы, в которой прячутся люди, тоже стремящиеся к нормальному укладу жизни. Все разговоры как у белых, так и у красных посвящены, в основном, воспоминаниям о прежней спокойной жизни или мечтами о преодолении текущего бездаль. Тут, собственно, и не так важно, кто находится внутри поезда. Все эти люди одинаково бесприютные, измученные войной, стремящиеся к самому простому житейскому миру, но в силу обстоятельств, постоянно его разрушающие.

Веничку в ерофеевской «Москва – Петушки» магнитом влечёт Курский вокзал. «А потом я пошёл в центр, потому что это у меня всегда так: когда я иду в Кремль... Если даже ты пойдёшь налево – попадёшь на Курский вокзал, если пойдёшь прямо – всё равно на Курский вокзал. Поэтому иди направо, чтобы уже наверняка туда попасть...» Вокзал компенсирует дом – реальный дом безразличен: «Что это за подъезд, я до сих пор не имею понятия; но так и надо. Всё так...»

Любопытно, что «перетекание» Венички с вокзала в поезд вообще не фиксируется. Он долго размышляет о попадании на вокзал, а вот перрон и всё остальное – уже не важно, потому что цель достигнута. Даже глава «Москва – Серп и Молот» (начало движения) не отделена от предыдущей – заглавие появляется на тексте, не разделённом даже запятой.

До самых Петушков, пока Веничка пребывает в пределах железной дороги – он дома. Он уверен в себе, в своих действиях. Растерянность появляется когда он добирается до вокзальной площади Петушков – как будто бы разрывается реальность: «Если хочешь идти налево, Веничка, – иди налево. Если хочешь направо – иди направо. Всё равно идти некуда. Так уж лучше иди вперёд, куда глаза глядят...»

А дальше приходит мысль о смерти: «Кто-то мне говорил когда-то, что умереть очень просто: что для этого надо сорок раз подрыть глубоко, глубоко, как только возможно, вдохнуть, и выдохнуть столько же, из глубины сердца, — и тогда ты испустишь душу. Может быть, попробовать?» Может быть, Веничка способен жить только в пределах железной дороги?

Что-то подобное можно выявить и в «Транссибирском экспрессе» Б. Сандрара, Герой повествования – почти ребёнок:

«В ту пору я только что с детством простился,

Шестнадцать лет мне недавно исполнилось,

и позабыть я о детстве стремился».

Такое начало говорит о типичном для детей стремлении к самостоятельности, при том, что они ещё нуждаются во внешней опеке. И вот опорой для него становятся церкви и железная дорога:

«Я был в Москве, в этом городе тысячи трёх колоколен и семи железнодорожных вокзалов».

Дальше – дорога, сильные впечатления, среди которых снова мотив детства (хоть и искажённого пороком):

«Когда о моей любовнице я вспоминаю:

Она – всего лишь ребёнок непорочный

и бледный,

И такую я нашёл её в борделе».

Рядом с этой женщиной герой Сандрара ещё сильнее чувствует свою детскость, которая приобретает суггестивный акцент:

«И вот – моя колыбель.

Моя колыбель

Всегда с фортепиано рядом стояла,

когда моя мать, как мадам Бовари,

играет сонаты Бетховена:

Детство моё провёл я в висячих садах Вавилона,

Прогуливал школу, глядел на вокзалах, как

в путь поезда отправлялись».

Тёплые воспоминания детства сменяются ужасами действительности. Железная дорога превращается в машину мучений, в точности в соответствии с характеристикой архетипа:

*«Мир вытянулся и растянулся и вновь
сократился, наподобие аккордеона во власти
садиистой руки.
Обезумев,*

*Локомотивы к расщелинам неба несутся,
В провалах небесных – колёса, рты, голоса.
Псы несчастья нам лают во след».*

Продолжая развивать мотив железной дороги как жестокой матери, можно вспомнить русских классиков:

*«Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?»*

*(Н.А. Некрасов. Железная дорога)
«Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.»*

(Блок А.А. На железной дороге)

Вокзал всё время влечёт к себе Анну Каренину и в романе Л.Н. Толстого, (как и в балете Р.К. Щедрина). Здесь есть что-то притягательное, хотя и бесчувственное, безличностное, во всяком случае, более сильное и желанное, чем холодные светские салоны, чопорный дом Каренина, пустые комнаты гостиниц. Прямую агрессию производит железная дорога по отношению к доброй, налаженной жизни милых людей в «Вишнёвом саду» А.П. Чехова. Здесь железная дорога выступает в образе бесчеловечной машины, которая приносит разрушение. С точки зрения трактовки архетипа – это сильный приём.

Можно выявить архетипические интенции в изобразительном искусстве.

Бесчисленно количество живописных и графических произведений, изображающих пассажиров поездов. Показательна в этом смысле работа британского художника 19 в. А. Соломона «Первый класс. Встреча» (1854 г.). Живописец изображает своих героев в купе первого класса – удобном, по-домашнему уютном. Вся обстановка купе – мягкие кресла, сложенный плед, слегка потрепанная книга, корзинка для рукоделия, напоминает тихую комнату, в которой очень комфортно себя чувствуют персонажи.

Столь же удобен вагон для пассажира в картине Дж. Тиссо «Джентльмен в вагоне поезда» (1872 г.). Используя исключительно теплые тона, автор изображает небольшой фрагмент вагона всё того же первого класса, в котором с большим удобством расположился герой полотна. На его коленях – теплый плед, только что отложенная книга, всё настраивает на спокойное длительное путешествие.

Совершенно по-домашнему выглядят спящие люди в купе поезда на рисунке Д. Кондора «Рассвет в поезде» (1941 г.). Интересно организует пространство рисунка А.Н. Бережной в акварели «Перрон Херсонского вокзала», трактуя перрон как комнату, наполненную людьми между стеной вокзала и стоящим на первом плане поездом. Перечень подобных работ можно продолжать. Меняются герои, ситуации, но вагон поезда продолжает оставаться пусть временным, но домом для пассажиров.

Правда, этот дом может по-разному выглядеть, быть не очень гостеприимным (не матерью, а мачехой). О. Домье в 1864 г. создает серию рисунков, изображающих пассажиров вагонов разного класса, очень разнородных, но временно собранных вместе и мерно покачивающихся в такт движения поезда. Пассажиры вагона первого класса спокойны, благополучны и уверены в себе. Здесь вновь появляется мотив чтения (женщина читает газету), взгляды героев на пейзажи за окном открыты и заинтересованы. Совсем иное впечатление производит работа «Вагон второго класса». Сумрачные, какие-то скрюченные, съжившиеся от холода фигуры, неудобные позы – эти герои не вызывают симпатии. Пассажиры, изображенные на третьем рисунке – «Вагон третьего класса», едут в переполненном общем вагоне с простыми неудобными скамейками, но их образы наполнены достоинством и особым благородством. Из темного пространства вагона Домье светом «выхватывает» лица своих героев – женщины, кормящей ребенка, старухи, глядящей прямо на зрителя и спящего мальчика, чему-то улыбающегося во сне. В этом вагоне царит свое спокойствие – спокойствие обыденной жизни простых людей.

При необходимости вагон может превратиться и во дворец. П.Я. Пясецкий в живописной панораме «Пребывание Их Императорских Величеств во Франции в 1901 г.» изобразил «Интерьер Салона в императорском поезде», всем своим обликом напоминающий роскошный дворцовый зал с большими светлыми окнами, мягкими креслами, позолотой и живыми цветами.

Негативное, связанное с жестокостью, начало, так же, как в литературе, мы находим и в изобразительном искусстве, хотя здесь таких примеров значительно меньше. В картинах немецкого художника Г. Балушека поезда кажутся чудовищами, сверкающими желто-красными глазами-фонарями и изрыгающими пар. Живописец часто выбирает для изображения темное время суток, что добавляет фантастичности происходящему. В картине «Последний вагон» параллельно поезду движется похоронная процессия, вызывая отнюдь не радостные ассоциации.

Кинематографические образы вагона-дома с бегущими за окном пейзажами бесчисленны. Где-то это место для бесконечных доверительных разговоров, где-то – для драматических столкновений. И вновь железная дорога предстает в двух ипостасях – «матери любящей» и «матери устрашающей».

Поезд, дающий кров, становящийся домом, – образ, часто встречающийся в художественных кинолентах. В этом доме рождаются красивые и светлые чувства, как например, в фильмах «Алешкина любовь» (1960 г., режиссеры Г.Б. Шукин, С.И. Туманов), «Поезд идёт на восток» (1948 г., режиссер Ю.Я. Райзман). В нем получают убежище люди, спасающиеся от войны. Так, в фильме «Самый медленный поезд» (1963 г., режиссеры В.А. Краснополский, В.И. Усов) главный герой, военный корреспондент, делит вагон-типографию с самыми разными попутчиками. И вновь переплетаются судьбы, проявляются характеры, и даже рождается новая жизнь. Примечательна фраза, произнесенная одной из героинь фильма о том, что рожденные в дороге становятся самыми счастливыми людьми. Эпизод рождения ребенка в поезде встречается и в других фильмах, например, в известной советской киноленте «Офицеры» (1971 г., режиссер В.А. Роговой).

Повесть В.Ф. Пановой «Спутники», действие которой разворачивается в военно-санитарном поезде, была дважды экранизирована. В фильмах «Поезд милосердия» (1964 г., режиссер И.А. Хамраев) и «На всю оставшуюся жизнь» (1975 г., режиссер П.Н. Фоменко) создан яркий образ поезда – символа жизни, движущегося наперекор смерти.

Однако кинематографический образ поезда может нести и смерть. Режиссеры многочисленных фильмов-катастроф и фильмов ужасов выбирают местом действия железную дорогу. В фильмах-катастрофах в силу разных причин (в отечественном кинематографе – в связи с действиями людей, непосредственно участвующих в жизнедеятельности дороги, в зарубежном – чаще под угрозой поезду и его пассажирам со стороны некоей внешней силы) поезд становится грозной силой, способной уничтожить человеческую жизнь. В фильмах «Поезд вне расписания» (1985 г., режиссер А.В. Гришин), «34-й скорый» (1981 г., режиссер А.И. Малюков), «Остановился поезд» (1982 г., режиссер В.Ю. Абдрашитов), «Опять надо жить» (1999 г., режиссер В.С. Панин) и других подобных эту грозную силу удается усмирить только ценой человеческого подвига.

В фильмах ужасов даже героические усилия героев не спасают от смерти, наполняющей железнодорожные составы. Такие фильмы, как «Поезд ужаса» (англ. *Horror Express*, 1972 г., режиссер Э. Мартин), «Спальный вагон» (1989 г., режиссер Д. Кертис), «Поезд-призрак» (2006 г., режиссер Т. Фурсава), «Поезд страха» (англ. *Terror Train*, 1980, режиссер Р. Споттисвуд) подтверждают идею о том, что в фильме ужасов борьба со злом в принципе не может быть завершена никогда. Конкретная история заканчивается, часть героев спасается, но зло, несомое железнодорожным составом, сохраняется.

Предыдущие примеры по большей части демонстрируют один из аспектов архетипа матери, однако можно обнаружить кинематографические произведения, создающие образы, сочетающие в себе обе его характеристики, в частности, короткометражная лента «Незначительные подробности случайного эпизода» (2011 г., режиссер М. Местецкий). Действие фильма развивается в двух надолго остановившихся рядом поездах. Люди боятся покинуть свои места, и поезда превращаются в настоящие дома, в них играют свадьбы, рожают детей, ссорятся, разводятся, умирают. Купе трансформируются и в них появляются кухни, вагоны обрастают хозяйственными пристрой-

ками, балкончиками... И все это серое, невзрачное, гнетущее... Но в тех же вагонах живет мечта о счастье, о высоких чувствах – два героя, мужчина и женщина, видят друг друга через окна своих купе, но они слишком долго не решаются встретиться, а когда решаются, поезда трогаются с места.

Архетип матери прослеживается в самых разных художественных произведениях, посвященных железной дороге, осо-

бенно в тех случаях, когда осмысливается внутренне пространство поезда или вокзалов. Конечно это не исчерпывающий подход к теме. Могут быть и другие решения. Однако мы считаем, что акцент на архетипической проблематике позволяет многое понять в принципах выбора железнодорожной темы в художественном творчестве, осознать глубинный смысл реализуемых здесь идей.

Библиографический список

1. Юнг, К. Душа и миф. – Киев, 1996.
2. Лесовиченко, А.М. Железная дорога в музыке и изобразительном искусстве / А.М. Лесовиченко, Е.А. Мальцева // Железнодорожный транспорт. – 2012. – № 5.
3. Лесовиченко, А.М. Художественно-культурные аспекты железнодорожного транспорта в профессиональной подготовке инженеров / А.М. Лесовиченко, Е.А. Мальцева // Инновационные факторы развития Транссиба на современном этапе: материалы международной научно-практич. конф., посвященной 80-летию СГУПС. – Новосибирск, 2013. – Ч. 2.
4. Мальцева, Е.А. Железная дорога как часть культуры в контексте художественного осмысления // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – Новосибирск, 2010.
5. Мальцева, Е.А. Железная дорога и кинематограф // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2013. – № 29.

Bibliography

1. Yung, K. Dusha i mif. – Kiev, 1996.
2. Lesovichenko, A.M. Zheleznyaya doroga v muzhke i izobrazitel'nom iskusstve / A.M. Lesovichenko, E.A. Maliceva // Zhelezнодороzhniy transport. – 2012. – № 5.
3. Lesovichenko, A.M. Khudozhestvenno-kul'turniye aspekty zhelezнодороzhnogo transporta v professional'noy podgotovke inzhenerov / A.M. Lesovichenko, E.A. Maliceva // Innovacionnye faktori razvitiya Transsiba na sovremennom etape: materialy mezhdunarodnoy nauchno-praktich. konf., posvyatyonnoy 80-letiyu SGUPS. – Novosibirsk, 2013. – Ch. 2.
4. Maliceva, E.A. Zheleznyaya doroga kak chast' kul'tury v kontekste khudozhestvennogo osmysleniya // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobsheniya. – Novosibirsk, 2010.
5. Maliceva, E.A. Zheleznyaya doroga i kinematograf // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobsheniya. – 2013. – № 29.

Статья поступила в редакцию 17.09.14

УДК 639.3

Khadzhiyeva M.H. FISH FOOD IN THE MEALS' SYSTEM OF PEOPLE OF THE KARACHAY-BALKAR REPUBLIC.

In the article shows reasons of ambiguous attitude, and often of negative attitude, to fish food among the Karachay-Balkar people, which doesn't have an important place in their traditional system of meals. Still, it is mentioned that fish dishes were presented in the diet of this people in ancient times. The author analyses ancient legends of the Karachay-Balkar people and author makes a conclusion about the reasons of the attitude to fish food.

Key words: fish products and dishes, system of feed, mythology, epos, natural and climatic conditions.

М.Х. Хаджиева, зав. учебно-методическим отделом КЧГУ, доц. каф. истории России ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский гос. университет им. У.Д. Алиева», г. Карачаевск, E-mail: b.madina@yandex.ru

РЫБНАЯ ПИЩА В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДА

В статье, рассмотрены причины неоднозначного, а чаще негативного отношения к рыбной пище, которая в традиционной системе питания карачаево-балкарского народа не имела определенного места, но входила с древнейших времен в рацион питания. Исходя из анализа древних легенд карачаево-балкарского народа, автор делает вывод о причинах такого отношения к рыбной пище.

Ключевые слова: рыбные продукты и блюда, система питания, мифология, эпос, природно-климатические условия.

В традиционной культуре одного из древнейших насельников Северного Кавказа карачаевцев и балкарцев, пища рассматривается, прежде всего, как божья благодать, с ней связаны понятия «счастье», «изобилие», «благополучие». Но рыбная пища не подходит под перечисленные понятия, неоднозначное отношение к рыбной пище наблюдается и сегодня, несмотря на то, что рыбу употребляли с древнейших времен, еще летописцы Феофан и Никифор называют на Кубани специальную болгарскую рыбу – «ксист», о существовании рыболовства упоминали Рубрук и Интериано. Е.П. Алексеева писала, о промыслах предков карачаевцев и конкретно указывала на то, что они «занимались рыболовством, о чем свидетельствуют находки шипов осетровых рыб» [1, с. 221].

Споры о том причислять ли рыбу к запрещенным продуктам, велись между богословами с давних пор, в исследуемый период рыбные блюда входят в меню правоверных мусульман. По мнению информатора, существовал запрет, есть рыбу, у которой нет чешуи, на остальные сорта запрета не было. По опросам информаторов различной национальности, в северокавказской кухне – карачаевской, адыгской, абхазской – не было устойчивого и постоянного потребления рыбы, как свидетельству-

ет Б.А. Хажба, живя у моря, абхазцы не ели рыбу, неизвестно по каким причинам. Противоречивое отношение к рыбе прослеживается и на материале пословиц славян, которые употребляли рыбу в большом количестве. С одной стороны, славяне говорят: «Карасева ушца – гостиная еда», а с другой – «Рыба не хлеб, ею сыт, не будешь». На вопрос, почему карачаевцы не едят рыбу, информатор ответил так: «Чабак да джыланда, кеселекке да бирдилье» что в переводе с карачаевского означает («Рыба, змея и ящерица все одно»). Другой информатор, выказывая пренебрежение к рыбным продуктам, ответил следующим образом. Чего это я буду готовить и нахваливать рыбу, когда скот под боком и вся основа традиционной кухни – мясо. По нашим полевым данным, другой информатор, услышав отдаленный запах жарящейся рыбы, закрывает все двери, окна, ставни и не выходит в свой двор или огород до тех пор, пока «джахалим иис» («запах ада») не пройдет. Рыба, змея, дракон, ящерица, червь все одно в понятии карачаево-балкарского народа, они представители мира хаоса, подземного мира, они связаны как со смертью, так и с воскрешением. Создателем этого хаоса, является Эрлик хан, хозяин Земли и Воды (Джер-Суу иеси), который выступает покровителем Среднего мира у всех тюркских народов. Отмеча-

ется даже особый разряд гуннских «колдунов», «призывающих» землю. Как пишет исследователь Маммаев М.М. «...змея воплощала водную стихию, выступала в качестве охранителя, олицетворяла плодородие, богатство, здоровье, считалась покровительницей дома, хранительницей достатка, но также ассоциировалась с враждебной силой» [2].

По представлению шорцев, татар, карачаево-балкарцев Мать Воды создана богом раньше, чем Хозяин Земли, их полномочия разделены, хотя цель у них общая. В жертву ей приносили коня рыжей масти, прося приумножить количество скота, повысить урожайность, даровать здоровье и благополучие тюркскому роду. Перевоплощение рыбы в змею, а после сбрасывания кожи в дракона «отождествляется с идеей перевоплощения бессмертия и вечности». В чувашских легендах рассказывается о чудовище-змее – Юху, которая сто лет живет как змея, тысячу лет, как дракон, а потом эволюционирует в прекрасную девушку. В башкирской мифологии «змея прожив до ста лет превращается в дракона» [3]. По представлениям карачаево-балкарского народа змеи, живущие вблизи водных источников, также перевоплощаются в драконов. В карачаево-балкарских сказках часто встречается сюжет о женитьбе героя на девушке – змее, у которой нет пупка, она лишает жителей селений воды, скота, в конце концов, от нее избавляются с помощью хитрости, обычно ее сжигали в доме без окон и дверей. И сегодня существует поговорка «Суу баш кескен сарубекча» дословно «Крокодил или дракон отрезавший голову воде». Сарубеки существа издревле враждебные людям, они преграждают русла рек, выпивают всю воду, требуют дани в виде девушек, которых тут же проглатывают. Но в тоже время они являются и покровителями воды и земли, что существует в представлениях большинства тюркских народов.

Многочисленные реминисценции эпохи первотворения мы обнаруживаем в тексте родового моления горам и водам, записанном у шорцев: «...Начало года повернулось, голова змеи загнулась...». Начало нового года понимается как поворот на новый виток, новый цикл (голова змеи загнулась). Упоминание змеи в молитвенных текстах шорцев может быть вызвано традицией тотемного почитания. Старинная карачаево-балкарская поговорка так же гласит: «Март гьурт кетмей, дерт кьетмес» Пока

не уйдет змей-червь (хвост года) он не закончится и не начнется новый, т.е. прежде всего, рыба-змея – это начало чего-либо. Рыбы, змеи, драконы символизируют вечность. Естественные циклы, их начало и конец. Змея расценивалась, как «гиперболизированное олицетворение реальной опасности» [4, с. 107]. По мнению информаторов, у карачаевцев и балкарцев змеи и драконы это тоже опасность, так при затмении луны карачаевцы считали, что их хочет проглотить джелмауз – дракон, люди должны шуметь, греметь, стрелять, что бы проснулись собаки и отогнали дракона от луны. Отношение к людям, занимающимся рыбной ловлей также неоднозначное, а чаще пренебрежительное. В исследуемый период рыбалкой занимался только тот, у кого не было скота, земли или же он был ленив, болен, нетрудоспособен, не социализирован. По мнению информатора, увлекающегося философией Древнего Востока: «Рыба – это великий мусорщик, который впитывает в себя не только отбросы жизнедеятельности человека, но и отбросы эмоциональные». Отсутствие голоса у рыб определяет запрет кормить ею детей, впрочем, запрет распространялся на птицу, и некоторые части крупного и мелкого рогатого скота, пока они не научатся говорить, иначе они долго будут немые. Немота как признак мира мертвых играет существенную роль в представлениях о рыбах, она связана как со смертью, так и с рождением. Рыба вызывает страх, безразличность, заложенный в человеке инстинкт самосохранения заставляет неоднозначно относиться к блюдам, приготовленным из существ напоминающих червей (кьурт), змей (джылан), чудовищ (джелмауз), драконов (сарубек). По сути, безразличность – это защитная реакция, то есть обусловленная наличием некоей скрытой угрозы, некоем неосознаваемом страхе. Боязнь подвергнуться какой-либо опасности, особенно «записанной в инстинктивной области» как смертельная.

Однозначного мнения, почему рыбная пища не имеет в системе питания, конкретного местоположения нет. В неоднозначном отношении к рыбной пище, рыбакам, проявляется противоречивое понимание человеком своих глубинных духовных структур и их содержания, подобно двойственному положению в мифологии, эпосе, сказках и гимнах, пословицах и поговорках рыб, змей, драконов, действия и функции которых можно оценить, как положительно, так и отрицательно.

Библиографический список

1. Алексеева, Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М., 1971.
2. Маммаев, М.М. Жертвоприношение Змеи и скорпион в раннесредневековом прикладном искусстве Дагестана // Крупновские чтения: тезисы докладов. – Элиста, 1979.
3. Гордеев, Н.П. Змея в обрядово-религиозных системах различных народов // Этнографическое обозрение. – М. – 2002. – № 6.
4. Гаджиев Доисламские верования и обряды народов нагорного Дагестана. – М., 1991.

Bibliography

1. Alekseeva, E.P. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaevo-Cherkessii. – M., 1971.
2. Mammaev, M.M. Zhertvoprinoshenie Zmei i skorpiion v rannesrednevekovom prikladnom iskusstve Dagestana // Krupnovskie chteniya: tezisih dokladov. – Ehlista, 1979.
3. Gordeev, N.P. Zmeya v obryadovo-religioznihkh sistemakh razlichnihkh narodov // Ehtnograficheskoe obozrenie. – M. – 2002. – № 6.
4. Gadzhiev Doislamskie verovaniya i obryadih narodov nagornogo Dagestana. – M., 1991.

Статья поступила в редакцию 24.07.14

УДК 069.1

Yefremova A.O., Olenina G.V. **CLASSIFICATION OF CULTURAL AND EDUCATIONAL PROGRAMS IN MUSEUMS: A REGIONAL ASPECT.** In the work the experience of a Russian museum in the field of cultural and educational activity is analyzed; a classification of cultural, educational, and pedagogical programs for museums is described; the research reveals features of each group of the programs and makes a special emphasis on a regional aspect.

Key words: cultural and educational activity, cultural, educational and pedagogical programs for museums, regional features.

A.O. Ефремова, аспирант АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: anjuta@myttk.ru;

Г.В. Оленина, д-р пед. наук, профессор АГАКИ, E-mail: ustlama@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В МУЗЕЯХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В работе обосновывается необходимость разработки таких программ, проектов, в которых заинтересованы посетители разного возраста социального статуса, профессиональной ориентации, проанализирован опыт российских музеев в области культурно-образовательной деятельности, описана классификация культурно-

образовательных и музейно-педагогических программ, выявлены особенности каждой группы программ, особое внимание уделено региональному аспекту.

Ключевые слова: культурно-образовательная деятельность, культурно-образовательные и музейно-педагогические программы, региональные особенности.

Культурно-образовательная деятельность является важным компонентом музейной коммуникации и одним из ведущих направлений музейной работы [1, с. 427]. Развитие культурно-образовательной деятельности на современном этапе, прежде всего, связано с изменением социальной роли музея и повышением эффективности взаимодействия музея и общества. Как отмечает Оленина Г.В., для социальной и культурной антропологии вещи (причем все вещи, включенные в конкретный социальный контекст) важны, прежде всего, как посредники, осуществляющие социальные связи, как промежуточные продукты реализации человеческих сил и способностей, намерений и ориентаций [2, с. 53]. В этом направлении важное значение имеют музейные экспонаты, которые являются проводниками и основой музейно-образовательных программ.

В ряде музеев проводятся социологические исследования, способствующие разработке таких программ, проектов, в которых заинтересованы посетители разного возраста социального статуса, профессиональной ориентации [1, с. 431].

Теоретическую основу культурно-образовательной деятельности составляет музейная педагогика [1, с. 427]. Интерес к проблеме освещения в печати вопросов музейной педагогики возник в российской науке в конце 1980-х гг. [3]. Большой вклад в распространение музейно-педагогических знаний внесли ежегодные сборники научных трудов «Образовательная деятельность художественного музея» (с 1995 г.), которые издаются Российским научно-практическим центром (РНПЦ) на базе Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге, а также мультимедийные программы по истории искусства для музейной программы «Здравствуй, музей!» [4].

Первой московской публикацией стал сборник «Культурно-образовательная деятельность музеев», вышедший в 1997 г. на кафедре музейного дела Московского института переподготовки работников искусства, культуры и туризма Российской Федерации [5]. В 2001 г. было издано учебное пособие Б.А. Столярова и А.Г. Бойко «Концепция и программа эстетического воспитания молодежи в условиях школы и музея» [6], разработанная в Российском центре музейной педагогики и детского творчества Государственного Русского музея. В 2003 г. Детский учебно-образовательный центр краеведения и музейной педагогике Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника опубликовал книгу «Культурно-образовательная деятельность музея: проблемы, поиск, опыт» [7], в которой представлены творческие разработки проектов, учебных программ по истории, краеведению и литературе, музейные уроки, занятия, игры. В 2005 г. было издано значительное количество научных, учебных и методических материалов в области образовательной деятельности в музее. К ним относятся сборники научных трудов «Образовательное пространство музея» [8], «Образовательная деятельность художественного музея» [9]. В 2006 г. эта проблема была рассмотрена в публикации «Музей и посетитель. Образовательный потенциал музейной экспозиции» [10] и материалах XXVIII Всероссийского семинара «Музей и подрастающее поколение» [11]. В 2007 г. были опубликованы методические пособия и тетради для творческих работ для программы «Здравствуй, музей!» [12]. Также с 2007 г. в журнале «Музей» ведётся постоянная рубрика «Музейная педагогика».

Таким образом, в настоящее время ведётся активная издательская деятельность как научных трудов, так и учебно-методической литературы в области образовательной деятельности музеев, но наиболее издаваемая литература связанная с опытом конкретного музея.

Всё чаще в музейной терминологии встречается такое понятие, как программа, которое наиболее часто используется нашими зарубежными коллегами для обозначения музейного события, которое имеет длительную протяженность (до нескольких лет) и осуществляется через различные формы музейной коммуникации [13]. Характерной чертой деятельности современных музеев является налаживание прочных контактов со школами, колледжами и университетами. Этому способствует разработка культурно-образовательных (в том числе музейно-педагогических) программ.

В настоящее время в музеях России действует большое количество программ. Сотрудники Российского центра музейной педагогики и детского творчества на базе Русского музея разработали многоуровневую образовательную программу «Здравствуй, музей!» (научный руководитель Б.А. Столяров) с целью создания системы взаимодействия музея, детского сада, школы и вуза, которая позволяет объединить усилия музейного педагога воспитателя дошкольного учреждения, школьного учителя, преподавателя высшей школы в деле воспитания эстетически развитой, обогащённой художественным опытом и знанием личности. Комплексная образовательная программа «Здравствуй, музей!» успешно реализуется более чем в двадцати регионах России и лежит в основе Программы художественного воспитания и образования детей и юношества в Русском музее, удостоенной Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства 2003 года за произведения для детей и юношества [14].

Программа состоит из шести разделов. *Первый раздел* «Мы входим в мир прекрасного» направлен на работу с дошкольниками, поэтому материал этого раздела построен на основе общепринятой государственной программы для детского сада и в возможностях художественного музея, он формирует основы визуального мышления и эстетического восприятия на базе наблюдения как природных, так и музейных объектов, что способствует развитию мыслительных процессов, речи ребенка, формированию творческих начал как в практике изобразительной деятельности, так и в общении с детьми, родителями, педагогами. *Второй раздел* «Мир музея» разработан специально для детей младшего школьного возраста и состоит из трёх учебных курсов: для первого класса «Учись смотреть и видеть», для второго класса «Введение в музей», для третьего класса «Виды искусства». Занятия в рамках курсов предлагаются в учебное расписание и проводятся, как в школе, так и в музее по методике, использующей систему опорных вопросов и диалоговую форму. *Третий раздел* «Личность и изобразительное искусство» направлен на работу с детьми среднего школьного возраста и так же состоит из нескольких курсов: для 5 класса занятия проводятся в рамках курса «Язык изобразительного искусства», для 6-9 классов – «Рассказы о художниках», для 8-9 классов – «История изобразительного искусства» и «Архитектурно-художественное краеведение». Занятия направлены на стимулирование, интеграцию и оптимизацию двух взаимосвязанных процессов: самопознания, самоопределение развивающейся личности и ориентации школьника в пространстве художественной культуры. *Четвёртый раздел* «Социальное творчество и художественная культура», состоящий из одного курса «Проблемы современной художественной культуры», разработан для 11 класса и построен на изучении старшеклассниками дисциплин гуманитарного и художественных циклов и подводит итог обучения по программе «Здравствуй, музей!» в средней школе, а также он направлен на формирование и развитие потребности учащегося найти свой место в пространстве культуры. *Пятый раздел* «Художественный музей в современном мире» разработан специально для студентов высших учебных заведений. Он состоит из одного курса «Пути развития отечественного искусства», который вводит в проблематику бытования современного художественного музея и знакомит с развитием отечественного искусства в контексте мировой художественной культуры. Занятия по курсу, рассчитанному на два года и ориентированному на формирование общей культуры студентов, проводятся на базе музея. Курс может быть адаптирован для последипломного образования педагогов и представителей других гуманитарных профессий. Материал *шестого раздела* «Шаг навстречу» состоит из одноимённого арт-терапевтического курса, который содержит не только практические рекомендации по организации арт-терапевтической деятельности в художественном музее, но и важнейшие установки и принципы арт-терапии, как метода психологической практики, использующей возможности искусства для достижения положительных изменений в интеллектуальном, эмоциональном и личностном развитии детей «с проблемами». Раздел содержит также методические материалы, необходимые специа-

листу, начинающему арт-терапевтическую практику, а также обучающий семинар-тренинг «Арт-терапия в художественном музее» цель которого – общая подготовка специалистов и волонтеров для работы в музейно-педагогических и просветительских отделах музеев [15].

Образовательную программу «Здравствуй, музей!» музеи нехудожественного профиля адаптировали под свою специфику. Например, образовательная программа в МУК «Шаховской районный историко-краеведческий музей» (Московская область), аудиторией которой являлись воспитанники дошкольных образовательных учреждений посёлка Шаховская. Для реализации программы музей и дошкольные учреждения разработали совместный план культурно-массовых мероприятий. В течение года дошкольники ежемесячно приходили в музей. За это время дошкольники познакомились с историей родного края и правилами поведения в музее, а также овладели начальными навыками восприятия образного языка музейной экспозиции. Сотрудники музея учили дошкольников выявлять предметы музейного значения в окружающем мире. В рамках программы помимо музейных уроков была проведена встреча с участником Великой Отечественной войны П.В. Сальниковым. Итоговым мероприятием стала викторина «Мы любим посещать музей», на которой были подведены итоги года и всем участникам программы были вручены памятные сувениры с логотипом Шаховского музея [16]. Образовательная программа «Здравствуй, музей!» реализующаяся на базе Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова отличается тем, что в ней входят тематические беседы, которые предполагают демонстрацию экспонатов из фондов музея («О чём поёт самовар?», «Где родился сарафан?», «Богатыри земли русской» и др.) и передвижные выставки («Весёлый светофорик», «Озорная спичка») [17].

Вторую группу составляют образовательных программ историко-краеведческой направленности. Подобные циклы занятий отличаются тем, что они посвящены истории конкретного края, области или города, т.е. имеют чёткие территориальные границы. Примером подобных программ является экспериментальная музейная образовательная программа «Край, в котором ты живёшь», разработанная в образовательной программе «История моей родины на предметах старины», действующая на базе Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. Особенностью программы Калужского областного краеведческого музея является то, что тематика лекций, экскурсий и занятий в большинстве своём совпадает с различными разделами школьных общеобразовательных программ по биологии, истории, литературе и может быть использована как дополнительный материал при изучении многих тем. Перечень и последовательность тем могут быть изменены по выбору педагога. Периодичность проведения занятий также может варьироваться по его усмотрению.

Программа «История моей родины на предметах старины» отличается тем, что в неё входят не только лекции экскурсии («Музей и вещи», «Северная Мекка», «Из-за острова на стрежень...», «А ворон-то ещё летит...», «Жили-были», «Что это?»), но интерактивные беседы («Свидетели времён минувших», «Пока горит свеча», «В гостях у Марьи-искусницы», «Деньга-денежка», «Как хлеб на стол пришёл», «В стране Динозаврии», «Рассказ каменного топора», «Пир на весь мир», «Буквы разные писать», «Дорого яичко к Христову Дню») и музейные праздники («Душа ль ты моя, Масленица!», «Аты-баты, шли солдаты», «И помнит мир спалённый...», «Праздник урожая», «У истории в гостях»). Музейный праздник «У истории в гостях» завершает программу. Активное участие в его подготовке принимают дети [17].

К третьей группе относятся образовательные программы экологической направленности. Особенностью этой группы является то, что входящие в неё циклы направлены на развитие экологического самосознания детей и подростков. Примером является программа «Экологическое краеведение» реализованная в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина. Она адаптирована для нескольких возрастных категорий: детей дошкольного, младшего школьного, среднего и старшего школьного возраста, а также студентов профильных специальностей высших учебных заведений. Эта программа отличается от других этой группы тем, что музейные педагоги вводят такие понятия, как «приспособления к различным условиям жизни» (адаптация), «сообщества живых организмов», «соперничество» (конкуренция), «взаимовыгода» (симбиоз), «пищевые сети» [18].

Другой пример – это эколого-биологическая программа «Живая природа вокруг нас», разработанная в Тольяттинском краеведческом музее выделяется тем, что в её рамках школьники знакомятся не только с флорой и фауной Тольятти, но и особенностями комнатных растений, а также узнают о влиянии автомобилей на живую природу города. Завершается программа занятием «Стрекоза и муравей», на котором учащиеся узнают о насекомых своего региона [19]. Также отличительной чертой является то, что в музее действует зелёный сад, в котором и проводятся занятия.

Четвёртую группу составляют образовательные программы патриотического содержания. Патриотическое воспитание на материале истории войн – процесс воздействия на учащихся с целью осознанного восприятия исторических дат, героической борьбы, подвигах, талантах, нравственных качеств сынов Отечества, непримиримости к врагам России. Особенно сильно это восприятие через осознание причастности к данным событиям людей, живших или живущих рядом. С целью знакомства с героическим прошлым края в Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова для детей среднего и старшего школьного возраста разработана образовательная программа «Героями не рождаются» состоящая из четырёх экскурсий («Гроза 12 года», «Время выбрало нас», «А она всё продолжает ждать», «Афганистан – наша память, Афганистан – наша боль»), восьми тематических бесед («Подвиги и муза храброго гусара», «Священная война», «Всё для фронта, Всё для победы!», «Их именами названы улицы города», «Плакаты Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.», «Ордена и медали Великой Отечественной войны», «Время выбрало нас», «У памятников грустные глаза...»), а так же выставки «Победители!». Наиболее значимым мероприятием программы было оформление стационарной выставки «Победители!», рассказывающую о трудовом вкладе ульяновцев в дело Победы и о боевом подвиге на фронтах Великой Отечественной войны. На ней были представлены мемориальные комплексы участников войны, образцы военной продукции предприятий области. Также сотрудники музея подготовили одноименную передвижную выставку, на которой были представлены копии документальных материалов военных лет, фотографии, плакаты, карты-схемы важнейших сражений. Каждый стенд сопровождался аннотациями об основных событиях Великой Отечественной войны, судьбах ульяновцев – участников боевых событий и тружеников тыла. В рамках губернаторской программы «Связь времён – связь поколений» в ознаменование 65-летия Победы выставка работала в учебных заведениях города и области [17].

Широко распространены в музеях России образовательные программы пятой группы – этнографического направления. В эту группу вошли циклы, посвящённые традиционной культуре населения России и сопредельных территорий. Здесь особое место занимает Российский этнографический музей, в собрании которого представлены памятники традиционной культуры более ста пятидесяти народов, что открывает широкие возможности для создания образовательных и рекреационных программ этнографического содержания [20].

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста действуют студия этнопедагогики «Солнышко» и «Этностудия». Обе программы представляют собой трёх годичный цикл. Особенность студии «Солнышко» в том, что программа занятий опирается на накопленный к трём годам личный опыт ребёнка, включающий его знания о природе и различных природных явлениях: изменениях в течение суток, наиболее ярких приметах наступления осени, зимы, весны и лета, характерном поведении животных и птиц в разное время года. В рамках «Этностудии» дети знакомятся с русской стариной, мифологическими и фольклорными сюжетами, миром дикой природой и крестьянской избой, детским народным календарём и традиционными занятиями, обычаями и обрядами народов. Каждое занятие обязательно включает в себя выполнение творческого задания (рисунок, аппликация, лепка из солёного теста, роспись по дереву и др.), тематически связанного с соответствующим разделом программы. Кроме музейного педагога, с детьми работают профессиональный художник, музыкант и мастера прикладного творчества, обучающие детей основам изобразительного искусства и различным видам художественного творчества. Лучшие рисунки и поделки демонстрируются на музейных и городских выставках.

Старшеклассникам, студентам, преподавателям, родителям и тем, кто каждый день общается с молодёжью, кому не безраз-

личные её проблемы адресована программа «Круг друзей». Занятия проходят на экспозиции «Русские конца XIX – начала XX вв.» и в детско-юношеском центре музея [21].

Для семейной аудитории в РЭМ действуют две программы: «Приглашаем в гости!» и «Крошка-Этнограф». «Приглашаем в гости!» представляет собой цикл занятий для родителей с детьми 5-10 лет и занятия представляют собой путешествия на берегах суровых северных морей, высоко в горах Кавказа, в пустынях Средней Азии и на празднике в русской деревне. На игровой площадке музея проводятся традиционные игры, в которых используются новоделы, с которыми дети могут играть. Завершается программа занятием-викториной «Что такое, кто такой?» на базе экспозиций РЭМ.

Семейный клуб «Крошка-Этнограф» создан для организации познавательного досуга всей семьи и представляет собой игровые и театрализованные занятия с музыкой и танцами, основной темой которых является события традиционного календаря. Например, в январе проводится занятие «Раз в крещенский вечерок», где раскрывается тема девичьих гаданий, нечистой, святой и крестной силы.

Сотрудники Российского этнографического музея также разработали этнопедагогическую программу для взрослых «Мамина школа», которая адресована молодым семьям, где ожидается появление ребёнка, но в то же время она будет полезна для любого человека, заинтересованного в получении знаний о традициях воспитания в народной культуре. «Мамина школа» основана на традициях народной педагогики и направлена на подготовку к материнству [22].

Программы этнографической направленности действуют не только в Российском этнографическом музее, но в других музеях России. Например, сотрудники Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина разработали об-

разовательную-воспитательную программу для детей среднего школьного возраста «Путешествие в страну Этнографию». Особенность этого цикла в том, что в него входит курс занятий по занимательному музееведению, включающий знакомство с коллекциями, вводятся такие понятия, как «этнография» и «этнос». В рамках программы учащиеся также знакомятся с культурой и бытом народов Приволжья. Цикл рассчитан на три года и завершается «Музейным карнавалом», праздником на котором учащиеся поют песни, танцуют и участвуют в различных конкурсах, проводимых сотрудниками музея [18].

Таким образом, в настоящее время в России действуют образовательные программы пяти групп. Региональный аспект встречается во всех группах музейно-педагогических программ. Например, в программу «Здравствуй, музей!» (первая группа) Шаховского районного историко-краеведческого музея (Московская область) входит встреча с участником Великой Отечественной войны. Вторую группу составили программы краеведческой направленности, которые в каждом программном мероприятии содержат региональный компонент. Третья группа – программы экологической направленности, содержат в себя экологическое краеведение (например, в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина музейно-педагогическая программа так и называется «Экологическое краеведение»). Примером регионального аспекта в музейно-педагогических программах патриотической направленности является программа «Героями не рождаются» в Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова, в которую входила беседа «Их именами названы улицы города».

Данная классификация культурно-образовательных и музейно-педагогических программ разработана автором статьи и соответствует основным направлениям культурно-образовательных технологий социально-культурной деятельности.

Библиографический список

1. Музейное дело России: учеб. пособ. / ред. М.Е. Каулен. – М., 2003.
2. Оленина, Г.В. Социально-культурные основания связей с общественностью в контексте антропологического подхода / Г.В. Оленина, В.И. Десятов (авторство не разделено) // Мир науки, культуры, образования. – 2007. – № 1(4).
3. Образовательная деятельность художественного музея: труды Рос. научно-практич. центра по проблемам музейной педагогики. – СПб., 2000. – Вып. 4.
4. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. для вузов по специальности «История» / под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. – М., 1988.
5. Культурно-образовательная деятельность музеев: сб. творч. лаборат. «Музейная педагогика» каф. музейного дела Института переподготовки работников искусства, культуры и туризма Российской Федерации. – М., 1997.
6. Столяров, Б.А. Концепция и программа эстетического воспитания молодежи в условиях взаимодействия школы и музея / Б.А. Столяров, А.Г. Бойко. – СПб., 2001.
7. Культурно-образовательная деятельность музея: проблемы, поиски, опыт / под ред. Е.М. Акулича. – Тобольск, 2003.
8. Образовательная деятельность музея: материалы семин., посвящ. 15-летию Рос. центра музейной педагогики и детского творчества / под ред. Б.А. Столярова. – СПб., 2005.
9. Образовательная деятельность художественного музея / под ред. Б.А. Столярова. – СПб., 2005. – Вып. 8.
10. Музей и посетитель. Образовательный потенциал музейной экспозиции: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2006.
11. XXVIII Всероссийский семинар «Музей и подрастающее поколение»: сб. материалов / под ред. Е.Г. Вансловой. – М., 2006.
12. Лузе, О.Р. Музейно-педагогическая программа «Здравствуй, музей!». Раздел «Мир музея». Курс «Учись смотреть и видеть»: методич. пособ. для учителей нач. школы / О.Р. Лузе, Л.А. Гольякова. – СПб., 2007.
13. Березовская, С.В. О роли музейной экспозиции в поиске новых форм взаимодействия музея и школы: экспонат – игра – театр // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: материалы Всероссийской научной конференции. – Томск, 2002.
14. Российский центр музейной педагогики и детского творчества [Э/п]. – Р/д: http://www.muzped.net/?main=hello_museum
15. Российский центр музейной педагогики и детского творчества [Э/п]. – Р/д: http://www.muzped.net/?main=hello_museum1
16. Музейно-педагогическая программа «Здравствуй, музей!» [Э/п]. – Р/д: <http://www.shahovskaya.ru>
17. Образовательные программы Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова – новости музея [Э/п]. – Р/д: <http://www.uokm.ru/news.php?id=56>
18. Музей им. П.В. Алабина / Абонементы и образовательные программы [Э/п]. – Р/д: <http://www.alabin.ru/alaina/visitors/education/>
19. Образовательные программы / Тольяттинский музей [Э/п]. – Э/п: http://tltmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=82&Itemid=29
20. Российский этнографический музей: Посетителю: Музей – детям, родителям, педагогам [Э/п]. – Р/д: <http://www.ethnomuseum.ru/section33/318.htm>
21. Российский этнографический музей: Посетителю: Музей – детям, родителям, педагогам: Занятия для взрослых [Э/п]. – Р/д: <http://www.ethnomuseum.ru/section33/318/1639/6165.htm>
22. Российский этнографический музей: Посетителю: Музей – детям, родителям, педагогам: Занятия для взрослых: Этнопедагогическая программа для взрослых «Мамина школа» – Мамина школа [Э/п]. – Р/д: <http://www.ethnomuseum.ru/section33/318/1639/2121.htm>

Bibliography

1. Muzejnoe delo Rossii: ucheb. posob. / red. M.E. Kaulen. – M., 2003.
2. Olenina, G.V. Socialjno-kulturniye osnovaniya svyazey s obshchestvennost'yu v kontekste antropologicheskogo podkhoda / G.V. Olenina, V.I. Desyatov (avtorstvo ne razdeleno) // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2007. – № 1(4).
3. Obrazovatel'naya deyatel'nost' khudozhestvennogo muzeya: trudih Ros. nauchno-praktich. centra po problemam muzejnoy pedagogiki. – SPb., 2000. – Vihp. 4.
4. Muzevedeniye. Muzei istoricheskogo profilya: ucheb. dlya vuzov po special'nosti «Istoriya» / pod red. K.G. Levikhina, V. Kherbsta. – M., 1988.
5. Kul'turno-obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeev: sb. tvorch. laborat. «Muzejnaya pedagogika» kaf. muzejnogo dela Instituta perepodgotovki rabotnikov iskusstva, kul'turi i turizma Rossiyskoy Federacii. – M., 1997.

6. Stolyarov, B.A. Konceptsiya i programma ehsteticheskogo vospitaniya molodyozhi v usloviyakh vzaimodeystviya shkolih i muzeya / B.A. Stolyarov, A.G. Boyko. – SPb., 2001.
7. Kulturno-obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeya: problemih, poiski, opit / pod red. E.M. Akulich. – Tobolsk, 2003.
8. Obrazovatel'noe prostranstvo muzeya: materialih semin., posvyat. 15-letiyu Ros. centra muzejnoy pedagogike i detskogo tvorchestva / pod red. B.A. Stolyarova. – SPb., 2005.
9. Obrazovatel'naya deyatel'nost' khudozhestvennogo muzeya / pod red. B.A. Stolyarova. – SPb., 2005. – Vihp. 8.
10. Muzej i posetitel. Obrazovatel'nyy potencial muzejnoy ehkspozicii: tez. dokl. Vseros. nauch.-prakt. konf. – M., 2006.
11. XXVIII Vserossiyskiy seminar «Muzej i podrastayuthee pokolenie»: sb. materialov / pod red. E.G. Vanslovoy. – M., 2006.
12. Luze, O.R. Muzejno-pedagogicheskaya programma «Zdravstvuy, muzej!» [Eh/r]. Razdel «Mir muzeya». Kurs «Uchisj smotretj i videtj»: metodich. posob. dlya uchitelej nach. shkolih / O.R. Luze, L.A. Goltyakova. – SPb., 2007.
13. Berezovskaya, S.V. O roli muzejnoy ehkspozicii v poiske novihk form vzaimodeystviya muzeya i shkolih: ehksponat – igra – teatr // Muzejnihe fondih i ehkspozicii v nauchno-obrazovatel'nom processe: materialih Vserossiyskoj nauchnoy konferencii. – Tomsk, 2002.
14. Rossiyskiy centr muzejnoy pedagogiki i detskogo tvorchestva [Eh/r]. – R/d: http://www.muzped.net/?main=hello_museum
15. Rossiyskiy centr muzejnoy pedagogiki i detskogo tvorchestva [Eh/r]. – R/d: http://www.muzped.net/?main=hello_museum1
16. Muzejno-pedagogicheskaya programma «Zdravstvuy, muzej!» [Eh/r]. – R/d: <http://www.shahovskaya.ru>
17. Obrazovatel'nihe programmih Uljanovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. I.A. Goncharova – novosti muzeya [Eh/r]. – R/d: <http://www.uokm.ru/news.php?id=56>
18. Muzej im. P.V. Alabina / Abonentih i obrazovatel'nihe programmih [Eh/r]. – R/d: <http://www.alabina.ru/alaina/visitors/education/>
19. Obrazovatel'nihe programmih / Toljyattinskiy muzej [Eh/r]. – Eh/r: http://tltmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=82&Itemid=29
20. Rossiyskiy ehntograficheskiy muzej: Posetitelyu: Muzej – detyam, roditelyam, pedagogam [Eh/r]. – R/d: <http://www.ethnomuseum.ru/section33/318.htm>
21. Rossiyskiy ehntograficheskiy muzej: Posetitelyu: Muzej – detyam, roditelyam, pedagogam: Zanyatiya dlya vzroslihkh [Eh/r]. – R/d: <http://www.ethnomuseum.ru/section33/318/1639/6165.htm>
22. Rossiyskiy ehntograficheskiy muzej: Posetitelyu: Muzej – detyam, roditelyam, pedagogam: Zanyatiya dlya vzroslihkh: Ehntopedagogicheskaya programma dlya vzroslihkh «Mamina shkola» – Mamina shkola [Eh/r]. – R/d: <http://www.ethnomuseum.ru/section33/318/1639/2121.htm>

Статья поступила в редакцию 15.03.14

УДК 796.5

Bespalova N.N., Yagovets V.S. INTEGRATION OF THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF OLD BELIEVERS OF THE ALTAI TERRITORY IN THE FIELD OF TOURISM. The work analyzes different works of researchers on history and geography of settlement of the Old Believers in the Altai region. The paper identifies the key features of the life and traditions of the Old Believers. The work indicates at modern cultural centers of the Old Believers in the Altai Krai and identifies the problem of their cultural heritage in the tourism sector. The authors propose a number of areas for inclusion of the Old Believers into programs with touristic services.

Key words: cultural and historical heritage, Old Believers, settling of Old Believers in the Altai Krai, centers of Old Believers' culture, integration of cultural heritage into tourism.

Н.Н. Беспалова, канд. пед. наук, доц. АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: Natbes117@yandex.ru;

В.С. Яговец, доц. каф. социально-культурного сервиса и туризма АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: viton@inbox.ru

ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СФЕРУ ТУРИЗМА*

На основе трудов различных авторов анализируется история и география расселения старообрядцев в Алтайском крае. Выявляются ключевые особенности быта и традиций староверов. Указываются современные центры старообрядческой культуры в Алтайском крае и определяются проблемы использования культурного наследия старообрядцев в сфере туризма. Предлагается ряд направлений взаимовыгодного включения старообрядческих центров в программы обслуживания туристов.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, старообрядцы, расселение староверов в Алтайском крае, центры старообрядческой культуры, интеграция культурного наследия в сферу туризма.

Вхождение территории Алтая в состав Российской империи и дальнейшее ее освоение переселенцами привело к формированию необычайно разнообразной культурной палитры. Можно назвать территорию Алтайского края местом встречи представителей всех историко-культурных групп русского населения – от коренных сибиряков или старожилов до региональных переселенцев из европейских губерний России (курян, тамбовцев, орловских, воронежских, туляков и т.д.) или «россейских» [1].

В настоящее время в Алтайском крае проживают представители более 80 народностей и этнических групп, нередко образуя зоны компактного расселения и сохраняя традиции и быт своих предков. Культурная самоидентичность и способность противостоять аккультурации – важнейшие цивилизационные функции таких диаспор, а поиск способов и моделей устойчивости самобытной культуры – приоритетные задачи исследователей и специалистов в данной сфере.

Особый колорит культурному сообществу Алтая придавали староверы, которые составляли значительную часть населения и являлись последователями различных согласий и толков «дониконовской» веры. Значительная часть их появилась здесь

в поисках убежища, скрываясь от религиозных преследований. Сегодня сохранились места их компактного расселения, находящиеся на территории Алтайского края: Смоленский район (Солоновка), Солонешенский район (села Сибирячиха, Топольное, Карпово), Змеиногорский район (села Шемонаиха, Лосиха, Верх-Убинское и др.), Третьяковский район (села Староалейское, Ектерининское). Центры старообрядческой культуры можно найти и в крупных городах – Барнауле, Бийске, и на территории сельских районов – Алтайского, Залесовского, Заринского, Красногорского, Ребрихинского, Топчихинского и других [2].

Жизнь и быт староверов еще в XIX – начале XX вв. изучали многие исследователи: К.Ф. Ледебур, Ф.Ф. Болонев, Л.И. Снитко, М.В. Швецова, Г.Д. Гребенщиков, Н.К. Рерих. Интерес к этой теме возродился в начале XXI в. в работах К.Ю. Иванова, В.Н. Ильина, И.В. Куприяновой [3; 4], Р.П. Кучугановой, Т.К. Щерловой и других. Все они отмечали религиозность староверов, которая проявляется в чтении молитв и священных книг, сохранение себя в «древнем благочестии» и высокую грамотность населения. В их избах всегда наблюдалось большое количество икон, причем древних многостворчатых, которые вряд ли уда-

лось бы увидеть нам сегодня, потому что они варварски уничтожались во времена церковного раскола.

Староверы, бежавшие на Алтай, стремились уберечь от уничтожения и сохранить свои старинные обычаи, бытовой уклад, характерные для их духовной и материальной культуры особенности. Они являлись носителями народной культуры тех мест, выходцами которых они были, а, переселившись на новые места, становились хранителями этой культуры.

Роль старообрядчества в сохранении средневековой русской культуры настолько очевидна, что ее трудно переоценить, и это очень точно выразил известный писатель Валентин Распутин: «Мы должны быть благодарны старообрядчеству за то, в первую очередь, что на добрых три столетия оно продлило Русь в ее обычаях, верованиях, обрядах, песне, характере, устоях и лице. Эта служба, быть может, не меньше, чем защита Отечества на поле брани».

Культура старообрядцев уникальна и самобытна и может представлять интерес не только у ученых и исследователей, но и у обычных людей, кому дорога история наших предков. Однако важно учитывать то, что староверы очень замкнутый народ и достаточно тяжело идут на контакт с чужими людьми. Своеобразие и замкнутость их культуры обусловлены тем, что на протяжении многих веков они жили в полном затворничестве, оберегаясь от внешнего мира. Отсюда, кстати, и отношение ко всем людям, не принадлежащим к ним, как к «мирским» или «мирянам». Старообрядцы сохранили свою культуру практически в неизменном виде, при этом большую роль сыграло жесткое соблюдение религиозных и бытовых норм и запретов. Исследователи до сих пор поражаются той способности, которая дала возможность в столь короткий промежуток времени сориентироваться в непривычной природной обстановке и успешно осваивать любую территорию.

Быт староверов был очень скромный, а условия жизни достаточно трудные, можно даже сказать, спартанские. Им приходилось не просто жить, а выживать, и во многом им помогало истовое желание сохранить свою культуру и, конечно же, их трудолюбие, благодаря которому они выжили в сложных условиях необжитых мест. Староверы, жившие среди лесов, отличались бережным отношением к природе, а она, в свою очередь, щедро отдавала им свои дары. Такому отношению ко всему живому стоит поучиться у наших предков.

Дошла до нашего времени, почти в неизменном виде, и строгая система запретов, призванная оградить себя от влияния внешнего духовного и материального мира. Так, например, старообрядцы старались ничего не покупать, а всю домашнюю утварь и орудия труда делали собственными руками. Главным же орудием труда обычно был топор, которым и валили деревья, и тесали плахи для будущего дома, и даже делали посуду. В отношении посуды бывал строгий закон: каждому едоку отдельная чашка, за что их иногда называли «чашечниками». Староверы соблюдали «чистоту посуды»: отдельно для скота, для «приборки», для угощения «мирских». Существовал обычай выбрасывания посуды, из которой поел чужак, что, с нашей стороны, можно расценить как проявление неуважения, для них же это элементарная предосторожность, помогающая избежать всевозможных эпидемий. Строго были запрещены алкоголь, курение и бранные слова, которые, по их мнению, отдаляют от Бога. В некоторых местах до сих пор существуют запреты на гармонь и танцы, зато сохранилось пение духовных стихов и старинное пение по книгам.

У староверов еще в древности существовала выработанная система православного домостроительства, исключаяющая какое либо своеволие. Строгий порядок жизни, когда человек знал, в какой день пост, когда праздник, а когда пахать и сеять, не допуская суеты. Поэтому оставались силы и время на духовное и материальное «делание», на сохранение своей самобытности.

Переселенцы-староверы принесли с собой и особенности материальной культуры, связанные со строительством жилища. Так, благодаря им на Алтае до сих пор сохранилось расположение населенных пунктов по водным магистралям. Река при этом служила как хозяйственным подспорьем, так и средством передвижения. Традиция освоения новых мест путем продвижения по рекам на плотах, построенных из бревен собственных домов, долго сохранялась в среде староверов. По прибытии на место плоты разбирали и снова возводили из них дома. Для этих целей использовали исключительно «листвяг» (лиственницу),

который хорошо переносил испытание водой и мог простоять более ста лет. В домах была распространена роспись стен, потолков, печи и домашней утвари, выполненная в традициях русской орнаментальной культуры XVII века с присущим ей жизнелюбием. Наиболее часто встречались изображения растущих из намеченного контура вазона куста с цветами-кругами, розетками соцветий как знаками цветущей жизни и изображение птиц, обычно двух «пташек», являющихся символическим изображением счастливой семейной пары и прочного домашнего очага.

Одежда старообрядцев также сохраняет своеобразные черты старинной северно-русской народной культуры, которая состоит из рубахи, сарафанного комплекса и специфического головного убора. Женские рубахи шились из однотонной ткани, а декоративным элементом выступал узор растительного или геометрического происхождения, синего, зеленого и красного цветов, располагавшийся на вороте, рукавах и «оплечьях». Сарафаны же изготавливались из пестрой, крупноузорной или набивной ткани, поверх него надевали передник («запон») с рукавами, иногда доходящий спереди до горла, а сзади заканчивающийся у лопаток. Повседневным головным убором староверок был платок, который у замужних женщин повязывался поверх «шамшуры», которую не снимали даже на ночь, при этом не допускалось выпадение ни единой пряди волос из под платка (в таких случаях говорили: «Опросто-волосилась»).

Особую роль, как в мужской, так и в женской одежде, играл пояс или опоясок, сплетенный из разноцветных шерстяных нитей, который служил своеобразным оберегом. Так, пояс, надеваемый при крещении на голое тело, носился до самой кончины. Пояс символизировал разделение на верхнее, связанное с Богом, и нижнее, низменное начало, он был богато украшен художественным орнаментом, где преобладали ромбы и кресты с крючками. Потеря пояса считалась плохой приметой, потому что, по мнению старообрядцев, исчезала граница между божественным и низменным, отсюда и появление устойчивого выражения, обычно адресованного молодому поколению, «распоясавшаяся молодежь».

Необходимо отметить, что люди, державшиеся основ старообрядческого учения, вероятно, имели ту внутреннюю свободу, которая позволяла им даже под жестким прессингом государственных и церковных властей, оставаться независимыми. Старообрядцы не переставали считать естественным жить по законам совести, не потеряли высокой нравственности, способности сочувствовать и помогать ближним. Фундаментальной основой их духовного учения были знание и вера, выражавшиеся одним понятием «древнее благочестие», в котором был аккумулирован опыт нравственной жизни предыдущих поколений и выражение общечеловеческих ценностей культуры.

Культура старообрядческих поселений, сохранившаяся до сегодняшнего дня вопреки и наперекор всему, представляет особый интерес и ценность и дает возможность наглядно продемонстрировать, подобно машине времени, живую историю наших предков, окунуться в уклад жизни, материальную и мировоззренческую «архаичную» культуру русского населения.

Однако, несмотря на определенный интерес к этой тематике, реальные возможности интеграции культурно-исторического наследия старообрядцев в сферу туризма на данный момент весьма ограничены. По результатам анализа культурных и этнографических туристских продуктов туроператоров Алтайского края можно сказать, что специализированных туров, посвященных старообрядческой тематике, на рынке не представлено. Более того, в программы туров по Алтаю посещение объектов старообрядческой культуры в виде экскурсий также не входит (исключение составляет музей старообрядчества в с. В. Уймон на территории Республики Алтай). Интересные для организации экскурсий экспозиции находятся в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая в Барнауле, в ДШИ «Традиция» в с.Власиха, в музее «Русская горница» в с.Топольное, в историко-краеведческом музее Третьяковского района и др. Есть также примеры формирования небольших частных музеев подобной тематики на туркомплексах «Селена» в с. Ая и «Сибирское подворье» в с. Новотырышкино.

Проблемы интеграции культурного наследия старообрядцев в сферу туризма связаны во многом с их образом жизни и мировоззрением, подчас сознательным избеганием контактов с «мирянами». Такая на первый взгляд «негостеприимность» староверов может отпугнуть многих организаторов туризма. Однако, достаточно ближе познакомиться с бытом и традициями этих людей,

чтобы понять их доброжелательность и искреннюю заботу о ближних. Также имеются категории туристов, которые разделяют жизненные принципы старообрядцев – «без излишеств». Такой вариант отдыха вполне может подойти семейным туристам, людям с высокой духовной культурой или желающим отстраниться от популярных и шумных развлечений и нетрезвых компаний. А по данным социологических опросов число потенциальных потребителей такого турпродукта постоянно растет.

Также проблемой является малоизвестность центров старообрядческой культуры. Многие из них сформировались сравнительно недавно и не имеют большой поддержки в продвижении информации о себе. Потенциальные потребители, в том числе организаторы туризма, просто не знают об их существовании и тех возможностях, которые они предлагают. Следовательно, решить эту проблему можно путем включения старообрядческой культуры в различные целевые программы и грантовые конкурсы, поддержки со стороны краевых и муниципальных органов власти, а также сотрудничеством с предприятиями туризма.

Еще одним направлением в популяризации наследия старообрядцев Алтайского края стало участие Алтайской государственной академии культуры и искусств в международной туристической выставке «Интурмаркет – 2014» в Москве. Выставочный стенд академии был стилизован под старообрядческую горницу с предметами быта староверов – прялка, бердо, пояса и рушники, посуда, печь с росписью, а сотрудники академии работали на стенде в традиционных старообрядческих костюмах, были организованы мастер-классы по плетению поясов, а также выступления творческих коллективов. Такой подход позволил привлечь сотни российских и зарубежных посетителей выставки, а также представителей турбизнеса, которые были заинтересованы в подобном тематическом турпродукте. Многие высказывались о том, что этот уголок выставки наиболее «живой» и пробуждает желание поближе познакомиться с исконной русской культурой [5].

Таким образом, можно говорить о необходимости разработки тематических турпродуктов с использованием наследия старообрядцев:

- этнографические экспедиционные туры под руководством научных работников для специалистов, студентов, занимающихся данной тематикой;

- этнокультурные туры, включающие ознакомление с различными этносами и этническими группами, населяющими Алтайский край;

- этнографические экскурсии, в которых можно объединять посещения музеев и культурных центров с проведением мастер-классов, праздничных обрядов, дегустаций и «живым» общением с носителями культуры. Удачным примером такого подхода может стать появление «Этнографической деревни Алтай» [1];

- размещение в экопоселениях с приобщением к традиционному быту и устоям старообрядцев.

Примером экопоселения может стать возрождаемое село Анамас в Ельцовском районе, которое при поддержке директора группы компаний «Алтай-старовер» А. Холмогорова оформится как сельскохозяйственный производственный кооператив. Прием туристов в гостинице станет одним из направлений работы данного предприятия [6].

Для староверов возможности туризма могут стать и элементом экономического благосостояния за счет обслуживания туристов, и фактором возрождения и сохранения исконной культуры, и трансляцией своих духовных устоев на широкую аудиторию, и способом удержания молодежи в общине.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что культура старообрядчества представляет собой необходимую основу для развития востребованных инновационных видов туризма: историко-культурного, этнического, экологического и религиозно-паломнического. Именно поэтому в решении проблемы создания туристско-рекреационного комплекса в Алтайском крае территории с компактным проживанием староверов являются перспективной составляющей туристско-рекреационной зоны.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Главного управления экономики и инвестиций Алтайского края, проект № 14-06-98003.*

Библиографический список

1. Щеглова, Т.К. «Этнографическая деревня Алтай» – туристско-экскурсионный комплекс историко-культурного наследия Алтай // Проблемы развития туризма в Алтайском крае: материалы научно-практич. конф. – Барнаул, 2007.
2. Куприянова, И.В. Старообрядцы Алтай в первой трети XX века: монография. – Барнаул, 2010.
3. Куприянова, И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4(41).
4. Куприянова, И.В. Революция и гражданская война – годы политического самоопределения старообрядчества // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5.
5. Экспозиция АГАКИ на выставке «Интурмаркет-2014» [Э/п]. – Р/д: <http://www.altgaki.org/news/2904-ekspozitsiya-agaki-na-vystavke-inturmarket-2014r>
6. Заброшенные села в Алтайском крае спасают фермеры и староверы / Д. Абалакин [Э/п]. – Р/д: http://barnaul.rusplt.ru/index/zabroshennyy_sela_v_altajskom_krae_spasajut_fermeriy_i_starovery.html

Bibliography

1. Theglova, T.K. «Ehtnograficheskaya derevnya Altaya» – turistsko-ehkursionniy kompleks istoriko-kulturnogo naslediya Altaya // Problemih razvitiya turizma v Altajskom krae: materialih nauchno-praktich. konf. – Barnaul, 2007.
2. Kupriyanova, I.V. Staroobryadchii Altaya v pervoy treti KhKh veka: monografiya. – Barnaul, 2010.
3. Kupriyanova, I.V. Staroobryadcheskaya semiya: religiozno-kulturnaya dominanta // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2013. – № 4(41).
4. Kupriyanova, I.V. Revolyuciya i grazhdanskaya vojna – godih politicheskogo samoopredeleniya staroobryadchestva // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2013. – № 5.
5. Ehkspozitsiya AGAKI na vihstavke «Inturmarket-2014» [Eh/r]. – R/d: <http://www.altgaki.org/news/2904-ekspozitsiya-agaki-na-vystavke-inturmarket-2014r>
6. Zabroshenniye sela v Altajskom krae spasayut fermerih i staroverih / D. Abalakin [Eh/r]. – R/d: http://barnaul.rusplt.ru/index/zabroshennyy_sela_v_altajskom_krae_spasajut_fermeriy_i_starovery.html

Статья поступила в редакцию 14.06.14

УДК 069.5

Polteva T.I. EPISTOLARY HERITAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945) FROM THE MATERIALS OF THE NATIONAL MUSEUM n.a. A.V. ANOKHIN. The article analyzes the epistolary heritage of the Great Patriotic War (1941-1945.) from the collection of the National Museum n.a. A.V. Anokhin (Altai Republic), in accordance with generally accepted classification of sources. The collection consists of letters addressed to newspapers and letters, written in the state and public institutions, and personal correspondence. The collection of letters that refer to the period of the Great Patriotic War, includes about 100 items that characterize participation of Oirot Autonomous Region in the war. The letters describe the history of human life in hard conditions and give an estimate of the military events. The military letters show the relationship between people, the atmosphere of drama and tension and feelings of the

soldiers (enemy's hatred, friends' and family's love, love for the native Altai). The collection of the National Museum has letters written in both Russian and Altai languages.

Key words: museums, collections, epistolary heritage, letters from the front, source base, personal correspondence, war.

Т.И. Полтева, аспирант ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. педагогическая академия», зав. отделом истории БУ РА «Национальный музей имени А.В. Анохина», г. Горно-Алтайск, E-mail: Polteva-Tatyana@mail.ru

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.) ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ А.В. АНОХИНА

В работе анализируется эпистолярное наследие Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) из собрания Национального музея имени А.В. Анохина (Республика Алтай) в соответствии с общепринятой в источниковедении классификацией. В ней приводятся примеры писем газетного жанра, писем в государственные и общественные учреждения и личной переписки на русском и алтайском языках. Письма военных лет отражают отношения между людьми, напряженную, полную драматизма атмосферу, чувства солдат (ненависть к врагу, любовь к друзьям и семье, любовь к родному Алтаю).

Ключевые слова: музеи, коллекции, эпистолярное наследие, фронтовое письмо, источниковая база, личная переписка, война.

В 2015 г. будет широко отмечаться 70-летие Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). История Великой Отечественной войны относится к наиболее разработанным направлениям в советской и российской историографии. Актуальность исследования Великой Отечественной войны на базе материалов различных регионов *Российской Федерации* определяется возросшим интересом к проблемам локальной истории. Современное развитие исторических дисциплин характеризуется поиском качественно новых подходов к концепции исторического развития, к проблеме исторической фактографии, к формированию и изучению источниковой базы исследований.

Наряду с государственными архивами, основными фондодержателями историко-документального наследия являются музеи. За длительное время они сумели собрать, изучить, сохранить и представить коллекции, освещающие различные события Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

Ценнейшим материалом по истории советского самосознания в военное время является эпистолярное наследие. Музеи уделяют особое внимание его изучению и популяризации посредством научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности. Проводится работа по публикации фронтовых писем в сборниках, периодических изданиях. Они цитируются при проведении различных мероприятий (экскурсий, лекций, музейных уроков, встреч и др.), используются в теле- и радиопередачах, размещаются в Интернете. Возрождение интереса к изучению индивидуального жизненного опыта участников боевых сражений через эпистолярное наследие способствует повышению общественной и научной значимости исследуемой проблемы и обуславливает ее актуальность.

Введение новых, ранее не использовавшихся источников (работа выполнена на основе материалов Бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей имени А.В. Анохина»), позволяет раскрыть тему с новых методологических позиций, обратить внимание на множество аспектов, связанных с участием различных социальных групп населения в военных действиях, и на отдельных примерах показать величие народного подвига. Автором в течение ряда лет была проделана работа по изучению данной коллекции.

Письма – уникальный вид исторических документов. Они представляют особую ценность для исследований. Письма – самое распространенное в советское время средство общения между людьми и между обществом и властью. По принятой в источниковедении классификации с точки зрения видовой принадлежности письма можно рассматривать как: газетный жанр (письма в газеты), разновидность делопроизводственных документов (письма в государственные и общественные учреждения), письма известным политическим деятелям, артистам, писателям, как разновидность эпистолярного жанра (личная переписка) [1, с. 641].

В Национальном музее имени А.В. Анохина представлены письма газетного жанра, письма в государственные и общественные учреждения и личная переписка.

В музейных фондах хранятся письма в газету «Красная Ойротия» из боевой части о подвиге гвардии капитана Н.Г. Процкого, совершившего во время боя таран немецкого танка, и М.И. Табакаева о «злодеяниях фашистов на территории Украины» [2, № 395]. Они были написаны с целью публикации в периодическом издании Ойротской автономной области (Республика Алтай). Из письма майора Нестачного «Просим поместить нашу статью о героическом подвиге Вашего земляка гвардии капитана Николая Гавриловича Процкого с фотографией... Правительством... наградила его высокой воинской наградой орденом Суворова III ст... Один номер Вашей газеты просим выслать нам... для вручения гв. капитану Н.Г. Процкому» [3, с. 117, 121].

Письма, написанные коллективу Бело-Ануйской школы Усть-Канского аймака (района) В.И. Кречетовым, И.Я. Березневым, В.А. Михалевым, в Национальном музее представляют группу писем, адресованных в государственные и общественные учреждения. В.И. Кречетов пишет: «Товарищи! Я как бывший член вашего коллектива, пока, что немногим могу вас порадовать, но тем не менее у меня в армии есть кое-что положительное... Комсомольская организация, которой я руковожу, стала одной из передовых организаций нашего полка... При подведении итогов предоктябрьского соревнования я вышел отличником боевой и политической подготовки... За что командованием полка... был послан с некоторыми другими бойцами... в г. Ленинград» [3, с. 85]. Кречетов В.И. был награжден орденами Ал. Невского, Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II ст., орденом Отечественной войны I ст., медалями «За героическую оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Значительную часть коллекции составляет личная переписка, где преобладают письма солдат с фронта своим родным, в первую очередь, матерям, женам, сестрам (письма семьи Курнаковых, Петрушиных, И.М. Зайцева, И.М. Курносова, Г.Ф. Тозыякова, М.С. Табышкина, И.З. Шуклина).

Определенный интерес представляет коллекция писем семьи Петрушиных, которая была передана в музей в 1994 г. Письма относятся к 1941–1943 гг. Семья Петрушиных проживала на заимке Петрушинская (ныне Петрушин Лог) Чойского района. В фондах хранятся письма отца Петрушина Макария Емельяновича, сыновей: Петрушина Прокопия Макаровича, Петрушина Федора Макаровича, Петрушина Александра Макаровича, Петрушина Николая Макаровича. Трое представителей этой семьи погибли в боях: П.М. Петрушин (1941 г., река Марово Житомирской области [4, с. 229]), Ф.М. Петрушин (4 сентября 1941 г. Похоронен в г. Смоленске [4, с. 229]), Н.М. Петрушин (январь 1945 г., Румыния [4, с. 229]).

В письме, датированном 22 августа 1941 г., Ф.М. Петрушин сообщает: «Сейчас едем на Южный фронт. Уже проехали г. Омск. Там видели раненых, которые кое-что рассказали» [5, № 10102/5]. О чем могли рассказать раненые начала войны? Видимо о первых поражениях, о тяжелых кровопролитных боях, о больших потерях.

О готовности сражаться с врагом рассказывает письмо защитника г. Ленинграда Тозыякова Геннадия Федоровича: «спешу сообщить вам, что я нахожусь в батальоне выздоравливающих... Рана уже заживает, думаю, что скоро опять пойду в действующую армию громить немецких гадов, отомстить за свою кровь и за все злодеяния немецких оккупантов» [6, № 6464]. Тозыяков Геннадий Федорович родился в 1914 г. в с. Узнезя Эликманарского аймака Ойротской автономной области. В ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии был призван в мае 1941 г. После окончания Казанского танкового училища зачислен командиром танка в 3-й гвардейский механизированный корпус. Г.Ф. Тозыяков погиб в боях на территории Литвы, похоронен в местечке Гаудикий [6, № 6464].

Среди личной переписки определенную часть составляют письма, написанные девушкам, друзьям и знакомым (И.И. Митрофанов, А.П. Кайгородов, З.А. Шадрин, И. Заварзина, А.А. Заняткин).

О фронтовых буднях медицинских работников повествуют письма Заварзиной Ирины, которые она пишет Пановой Зое Ерофеевне. В фондах музея хранятся два ее письма. «Зоя Е., Вы спрашиваете, сколько я вынесла раненых с поля боя? Откровенно говоря, точно не знаю, так как считать не приходится... Жизнь моя протекает в боевой обстановке, были такие случаи, что была от смерти на волосок» [7, № 5968].

Редкими в коллекциях музеев являются письма, написанные на фронт родными, знакомыми. Фронтовики часто в силу различных обстоятельств не могли сохранять письма близких людей. Письма же с фронта были связующей нитью между бойцами и членами их семей. Они часто перечитывались и бережно хранились. В фондах Национального музея имеются письма, написанные на фронт, в которых сообщается о жизни в тылу (А.А. Помарский, Г. Омельченко).

Изучение эпистолярной коллекции показало, что письма, сосредоточенные в Национальном музее имени А.В. Анохина, имеют разную степень сохранности. Часто они были написаны на бумаге плохого качества: тетрадный лист, кусок плаката, канцелярский бланк, реже почтовая открытка. Писались письма чернилами и перьевой ручкой, но чаще карандашом. На письмах имеется штамп «Просмотрено военной цензурой». Местами часть текста вымарана чернилами или тушью.

Важной задачей исследователя военных писем было воссоздание судьбы адресанта. Для этой цели привлекались различные источники: документы личных архивов, хранящихся в музее, воспоминания родственников, материалы «Книги Памяти», изданной в Республике Алтай и другие.

Авторы обладали разной степенью грамотности. Как правило, эти люди имели начальное образование. Чтобы сохранить историческую достоверность, показать дух времени, личность человека, цитаты из писем приведены в оригинале.

Коллекция состоит из писем, написанных на русском и алтайском языках. Письма, написанные на алтайском языке, принадлежат авторству Н.Г. Куранакова, Д.Г. Куранакова, М.С. Табышкина, Г.Н. Таштамышева, И.А. Идылова. Перевод был подготовлен научными сотрудниками БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С.С. Суразакова» и научными сотрудниками БУ РА «Национальный музей имени А.В. Анохина».

В фонды музея поступила переписка семьи Куранаковых. Она состоит из 17 писем, которые были написаны с фронта Бояркиной (Куранаковой) Анисье Григорьевне в с. Актел Шебалинского района Ойротской автономной области. Автором 14 писем был Н.Г. Куранаков. Письма написаны на русском и алтайском языках.

Куранаков Николай Григорьевич родился в 1913 г. в с. Актел Шебалинского аймака (района) Ойротской автономной области. Защитник г. Ленинграда, воевал на Волховском, Карельском, 2-м Белорусском фронтах, командир батальона 731-го полка 205-й орденов Ленина, Кутузова стрелковой дивизии, майор; демобилизован 20 марта 1946 г. Награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, 2-мя орденами Отечественной войны I степ., орденом Отечественной войны II степ. [8 №№ 6020, 7320; 9, с. 154].

Письмо от 8 декабря 1942 г. Н.Г. Куранаков написал на алтайском языке. Вот его примерный перевод: «Добрый день, дорогая мама, милая сестра! Как живете?... Кровавая пуля врага многих моих друзей настигает, до меня не долетает. Шапка моя прострелена в 2 местах, шинель в 7 местах. Игла доктора ни разу не коснулась меня. Удивляюсь этому. Думая над этим, считаю, что это благопожелания отца, матери, благословения сестер оберегают меня... Хищных фашистов истребляю, не оставляя им выхода... Благодарю мою старую маму за мужественное воспитание, благословляю сестру, вырастившую меня на своих руках, выведшую меня в люди. Больше слов нет, живите в мире и согласии. Ждите моего возвращения» [10, № 10293/4].

Мысль Н.Г. Куранакова о связи с родной землей подтверждает письмо Таштамышева Георгия Николаевича, 1912 г.р., уроженца с. Улала (ныне г. Горно-Алтайск). 9 сентября 1941 г. он был призван в ряды РККА, гвардии рядовой отдельной разведывательной роты. Погиб в 1944 г., похоронен в с. Железна Стара (Польша) [3, с. 105]. Выдержка из его письма «...дом Таштамышевых далек, моя дорога трудна... Благопожелания отца и матери не забываю, помню... Когда домой вернусь не знаю... Силы мои на исходе... Жду, когда двое мужчин — братьев и двое сыновей за меня бороться придут. Очень сильно жду изо дня в день... Но сейчас я здоров... Что дальше будет не знаю... Когда получите письмо мое, сразу ответьте. Я жду. Всем... привет из Польши. 13.10. 1944 г.» [11, № 9548/1].

Таким образом, эпистолярное наследие Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в фондах Национального музея имени А.В. Анохина представляет собой совокупность источников военной действительности: рассказывает о существовании человека в экстремальных условиях, отражает оценку военных событий отдельными людьми. Оно составляет около 100 единиц хранения, состоит из писем газетного жанра, писем в государственные и общественные учреждения и личной переписки.

В письмах содержится информация о военных лагерях, где проходили подготовку будущие солдаты и офицеры (г. Бийск, г. Новосибирск, г. Бердск Новосибирской области), о военных специальностях (минеры, минометчики, санинструкторы), о рационе питания, об обмундировании (М.Е. Петрушин, Ф.М. Петрушин). В письмах речь идет о боях, в которых принимали участие жители Ойротской автономной области (битва за Москву, оборона Ленинграда, Сталинградское сражение, освобождение Киева и т.д.), приводятся данные о награждениях (Г.Ф. Тозыяков, Ирина Заварзина) и другие сведения. Все письма отражают особенности взаимоотношения между людьми, драматизм и напряженность военного времени. Они передают чувства и эмоции участников военных действий (ненависть к врагу, любовь к своим родным и близким, к Горному Алтаю).

По приведенным выдержкам из писем можно судить о главных ценностях человеческой жизни. Пройдет время, и фронтовые письма будут транслироваться как живые свидетельства ветеранов, которые расскажут о духе военного времени, о подвиге, об отношении к большой и малой Родине.

Коллекция фронтовых писем регулярно используется Национальным музеем в своей деятельности. Она представлена в экспозиции «Горный Алтай в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)» (2012–2014 гг.), на выставках («Ради жизни на земле» (2000 г.), «Салют, Победа!» (2005 г.), «Солдаты Победы» (2010 г.), применяется в культурно-образовательной деятельности (лекция «Эпистолярное наследие Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», встреча «Победители» (2007 г.), встреча «Сохраните память о былом», посвященная 70-летию снятия блокады Ленинграда (2014 г.). В 2005 г. вышел сборник «Адалар откон жолдор. Дороги, по которым прошли отцы» (Сборник писем и воспоминаний участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Деятельность БУ РА «Национальный музей имени А.В. Анохина» по документированию, сохранению и популяризации эпистолярного наследия Великой Отечественной войны, представленная в его собрании, актуальна для исследователей и посетителей музея.

Библиографический список

1. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники Российской истории. / под ред. И.П. Данилевского, В.В. Кабанова, О.М. Медушевской, М.Ф. Румянцев. — М., 2000.

2. Национальный музей имени А.В. Анохина. – Фонды. – ВОВ. – Инв. № 395.
3. Адалар откон жолдор... Дороги, по которым прошли отцы... Письма и воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Горно-Алтайск, 2005.
4. Книга Памяти. – Горно-Алтайск, 1995. – Т. 3.
5. Национальный музей имени А.В. Анохина. – Фонды. – ВОВ. – Инв. № 10102/1, 10102/2, 10102/4, 10102/5.
6. Национальный музей имени А.В. Анохина. – Фонды. – ВОВ. – Инв. № 6464.
7. Национальный музей имени А.В. Анохина. – Фонды. – ВОВ. – Инв. № 5968.
8. Национальный музей имени А.В. Анохина. – Фонды. – ВОВ. – Инв. №№ 6020, 7320.
9. Они сражались за Родину. – Горно-Алтайск, 1995. – Т. 2.
10. Национальный музей имени А.В. Анохина. – Фонды. – ВОВ. № 10293/4.
11. Национальный музей имени А.В. Анохина. – Фонды. – ВОВ. № 9548/1.
12. Альтман, М.М. Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне: из опыта работы ЦГА СССР и гос. архивов РФ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002 [Э/п]. – Р/д: <http://www.dissercat.com/content/organizatsiya-sobiraniya-i-ispolzovaniya-dokumentov-lichnogo-proiskhozhdeniya-o-velikoi-otec#ixzz2h22Ya7vO>.
13. Полтева, Т.И. Коллекция фронтовых писем из фондов Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина // Билим. «Наука». – 2005. – Вып. 1.
14. Полтева, Т.И. У войны не женское лицо (по материалам фондов Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина) // Оставляю в наследство. – Горно-Алтайск, 2010.
15. Тадышева, Н.О. Дороги, по которым прошли отцы // Билим. «Наука». – 2005. – Вып. 1.

Bibliography

1. Istochnikovedenie. Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki Rossiyskoy istorii. / pod red. I.P. Danilevskogo, V.V. Kabanova, O.M. Medushevskoy, M.F. Rumyantseva. – М., 2000.
2. Nacionaljnihiy muzeyj imeni A.V. Anokhina. – Fondih. – VOV. – Inv. № 395.
3. Adalar otkon joldor... Dorogi, po kotorim proshli otcih... Pisjma i vospominaniya uchastnikov Velikoyj Otechestvennoy vojnyih 1941-1945 gg. – Gorno-Altajsk, 2005.
4. Kniga Pamyati. – Gorno-Altajsk, 1995. – Т. 3.
5. Nacionaljnihiy muzeyj imeni A.V. Anokhina. – Fondih. – VOV. – Inv. № 10102/1, 10102/2, 10102/4, 10102/5.
6. Nacionaljnihiy muzeyj imeni A.V. Anokhina. – Fondih. – VOV. – Inv. № 6464.
7. Nacionaljnihiy muzeyj imeni A.V. Anokhina. – Fondih. – VOV. – Inv. № 5968.
8. Nacionaljnihiy muzeyj imeni A.V. Anokhina. – Fondih. – VOV. – Inv. №№ 6020, 7320.
9. Oni srazhalisj za Rodinu. – Gorno-Altajsk, 1995. – Т. 2.
10. Nacionaljnihiy muzeyj imeni A.V. Anokhina. – Fondih. – VOV. № 10293/4.
11. Nacionaljnihiy muzeyj imeni A.V. Anokhina. – Fondih. – VOV. № 9548/1.
12. Aljtman, M.M. Organizaciya sobiraniya i ispolzovaniya dokumentov lichnogo proiskhozhdeniya o Velikoyj Otechestvennoy vojne: iz opihta rabotih CGA SSSR i gos. arkhivov RF: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – М., 2002 [Eh/r]. – R/d: <http://www.dissercat.com/content/organizatsiya-sobiraniya-i-ispolzovaniya-dokumentov-lichnogo-proiskhozhdeniya-o-velikoi-otec#ixzz2h22Ya7vO>.
13. Polteva, T.I. Kolleciya frontovihkh pisem iz fondov Nacionaljnogo muzeya Respubliki Altajj im. A. V. Anokhina // Bilim. «Nauka». – 2005. – Vihp. 1.
14. Polteva, T.I. U vojnyih ne zhenskoe lico (po materialam fondov Nacionaljnogo muzeya Respubliki Altajj im. A. V. Anokhina) // Ostavlyayu v nasledstvo. – Gorno-Altajsk, 2010.
15. Tadihsheva, N.O. Dorogi, po kotorim proshli otcih // Bilim. «Nauka». – 2005. – Vihp. 1.

Статья поступила в редакцию 01.09.14

Раздел 10

ЭКОНОМИКА

Редакторы раздела:

ИННА НИКОЛАЕВНА САННИКОВА - доктор экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА ТЕРЕНТЬЕВА – доктор экономических наук, проректор по НИР, зав. каф. бухучета и аудита (г. Владивосток)

УДК 657: 349.536.31

Melikhov V.A. **CONCEPTION OF ESTABLISHING COHERENT AND COHESIVE COMMUNICATIONS IN THE FORMATION OF INTEGRATED REPORTS IN AGRO-INDUSTRIAL HOLDINGS.** The paper is dedicated to topical issues of corporate public reporting, analyzes the current level of the accounting process in agro holdings. The research considers a problem of disconnectedness of accounting information in the formation of integrated reporting and analyzes the current development of accounting and information systems in the agricultural sector. The author substantiates the idea of coherence multiformat (uncoordinated) reports within a single unified reporting form. In the article the advantages and disadvantages of the concept of integrated reporting is solved by the establishment of coherent and cohesive communications between the different elements of reporting and accounting systems. A scheme of the original concept of the coherently integrated reporting, based on the study of modern accounting process, is worked out. The author provides a summary of characteristics and classification of global and local relationships to solve problems connected with accounting information. In conclusion, the paper substantiates an idea that coherently integrated reporting gives more accurate information how a company creates assessment.

Key words: concept of integrated reporting; principle of connectedness of information; coherent and cohesive connection; agroholding.

В.А. Мелихов, канд. эконом. наук, доц. ФГБОУ ВПО «Волгоградский гос. аграрный университет», г. Волгоград, E-mail: Melikhov707@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ КОГЕРЕНТНЫХ И КОГЕЗИОННЫХ СВЯЗЕЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ОТЧЕТОВ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ХОЛДИНГОВ

В представленной работе рассматривается проблема несвязности учетной информации при формировании интегрированных отчетов агропромышленными холдингами, автором обосновывается идея когерентности разноформатных (несогласованных) отчетов внутри единой унифицированной формы отчетности. В статье раскрываются преимущества и недостатки концепции интегрированной отчетности, на базе которой решается задача по установлению когерентных и когезионных связей между разными элементами отчетности и учетными системами, предложена схема оригинальной концепции когерентно-интегрированной отчетности. На основе исследования современного учетного процесса, автором дается обобщенная характеристика и классификация глобальных и локальных связей для решения проблем связности учетной информации.

Ключевые слова: концепция интегрированной отчетности; принцип связности информации; когерентные и когезионные связи; агропромышленные холдинги.

Современные реалии развития публичной корпоративной отчетности в Российской Федерации таковы, что в данной области появляются инновационные подходы и концепции, которые напрямую влияют на конкурентоспособность отечественных предприятий, в том числе на крупнейшие агропромышленные холдинги [1]. Для сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий АПК в целом существенно меняется модель ведения бизнеса и учета вследствие глобализации экономики, развития производственных, управленческих, маркетинговых технологий, увеличения потребления продуктов сельского хозяйства и переработки сельскохозяйственного сырья, а также экологических, социальных и кадровых проблем современного аграрного производства.

В процессе выполнения стратегии по комплексному развитию сельских территорий Волгоградской области и эффектив-

ному функционированию агропромышленного комплекса в условиях ВТО с учетом социально-экономических, природно-климатических особенностей мы пришли к выводу, что существует определенный дефицит учетно-аналитического и контрольного инструментария для формирования отчетности по МСФО, внутренней управленческой отчетности, прочей нефинансовой отчетности (отчеты об устойчивом развитии, экологические, социальные отчеты и т.п.) [2; 3].

Для повышения открытости, качества представления финансовой и нефинансовой информации, уменьшения транзакционных издержек Международным советом по интегрированной отчетности предложен унифицированный комплексный инструмент – интегрированная отчетность. Предлагаемая советом концепция базируется на фундаментальных основах и ведущих принципах (рис. 1).

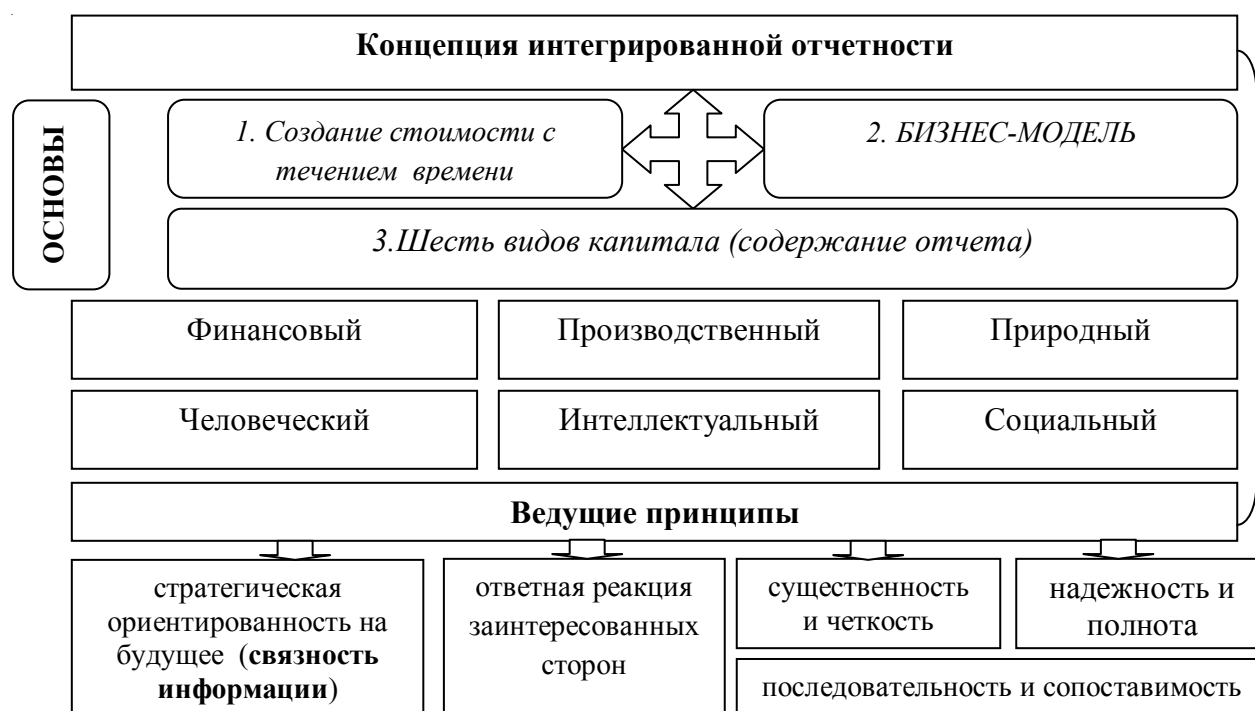

Рис. 1. Базовые компоненты интегрированной отчетности (составлено автором)

На основе анализа концепции интегрированной отчетности [4; 5; 6] можно отметить, в современных условиях не будет необходимости предоставлять разноплановые, разноформатные, многочисленные, несвязанные учетные данные.

Исследовав базовые принципы концепции интегрированной отчетности, мы пришли к промежуточному выводу, что необходимо развивать интегрированное мышление в части отчетности, развивать и использовать принцип связности информации.

Связность релевантной информации (учетной, аналитической, контрольной) при формировании интегрированных отчетов агрохолдингов не стабильна и не в полной мере показывает связь между финансовой и нефинансовой (прочей) информацией, между количественными и качественными показателями, между ключевыми показателями эффективности при реализации управленческого подхода при унификации систем управленческого и финансового учета.

В этой ситуации необходима «поднастройка» концепции в части усиления принципа связности и, актуально достоверно и в полном объеме формировать, раскрывать не только финансовую публичную информацию, но и нефинансовые учетные данные, которые важны для заинтересованных пользователей (бизнес-модель, стратегия, устойчивое развитие, кадровая политика, экологическая безопасность).

Несмотря на многократное обращение ученых в области бухгалтерского учета к таким аспектам учета как единство, связность и целостность учетно-информационных систем, мотивация к решению проблемы унификации учета не ослабевает, и вопрос установления видов связи между разными учетными системами остается одним из актуальных направлений бухгалтерского учета.

В данной научной работе мы вводим понятия «когерентность» и «когезия» как понятийный аппарат современного бухгалтерского учета и отчетности. Для этого представляем базовые основы концепции когерентно-интегрированной отчетности для агропромышленных холдингов. Важно определить аспекты терминологии. Когерентность (от лат. *cohaerens* — «находящийся в связи») — термин, использующийся в различных областях знаний [7]. Для целей бухгалтерского учета и отчетности мы понимаем когерентность как процесс скоррелированности (согласованности) нескольких учетно-аналитических процессов во времени, проявляющийся при их сложении. Учетно-аналитические процессы когерентны, если разность их фаз постоянна во времени и при сложении колебаний (отклонений) получается единая целостная отчетность. По нашему мнению, когерентность учетной информации означает, что в различных пространствен-

ных точках контроль существенных данных происходит синхронно, разность содержания аналитических данных между двумя учетными системами не зависит от времени.

В современных условиях развития бухгалтерского учета в России агропромышленные холдинги формируют и представляют большое разнообразие разнонаправленных отчетов. Соответственно видно отсутствие когерентности, и, следовательно, возникает ситуация, когда разница формируемых данных между отчетами не постоянна, а меняется со временем. Такая ситуация существует, если формирование отчетов и раскрытие разнородной учетной информации было сгенерировано не единым инициатором (заинтересованным пользователем), а совокупностью нескольких независимых (то есть нескоррелированных) стейкхолдеров. Мы считаем, что также имеет значение понятие временная и пространственная когерентность учетных систем и процессов [8].

В 2012 – 2014 годах произошли серьезные изменения международных норм отчетности в России: вступление в действие ФЗ-402 «О бухгалтерском учете»; законодательное закрепление МСФО в России (Положение 106-н и 160-н); публикация версии G4 Руководства по отчетности в области устойчивого развития и консультационного проекта, и Международного стандарта интегрированной отчетности.

Все это позитивные изменения («точки роста») в корпоративном бухгалтерском учете РФ, но приводит к определенной интерференции учетной информации – к варианту ее конкуренции и неблагоприятным взаимодействиям, возникающих при наличии близких по релевантности показателей и параметров информации. Происходит некое угнетение или уничтожение одними типологичными учетными данными других (или их замена) и теряется существенность информации для заинтересованных пользователей. При интерференции учетных данных возможна декогеренция учетной информации – нарушение целостности и согласованности учетных систем и не получение важной информации вследствие взаимозависимости данных.

Предлагаемая концепция системы когерентно-интегрированной отчетности агропромышленных холдингов (рис. 2) стала очевидна после того, как за период 2010-2013 гг. был создан Международный совет по интегрированной отчетности (IIRS), который опубликовал Международный стандарт интегрированной отчетности. Когерентно-интегрированная отчетность важна для инвесторов, так как традиционные годовые отчеты не дают интегрированной картины бизнеса вследствие отсутствия информации для принятия решений в отношении того, есть ли возможности и риски бизнеса. Необходимость концепции воз-

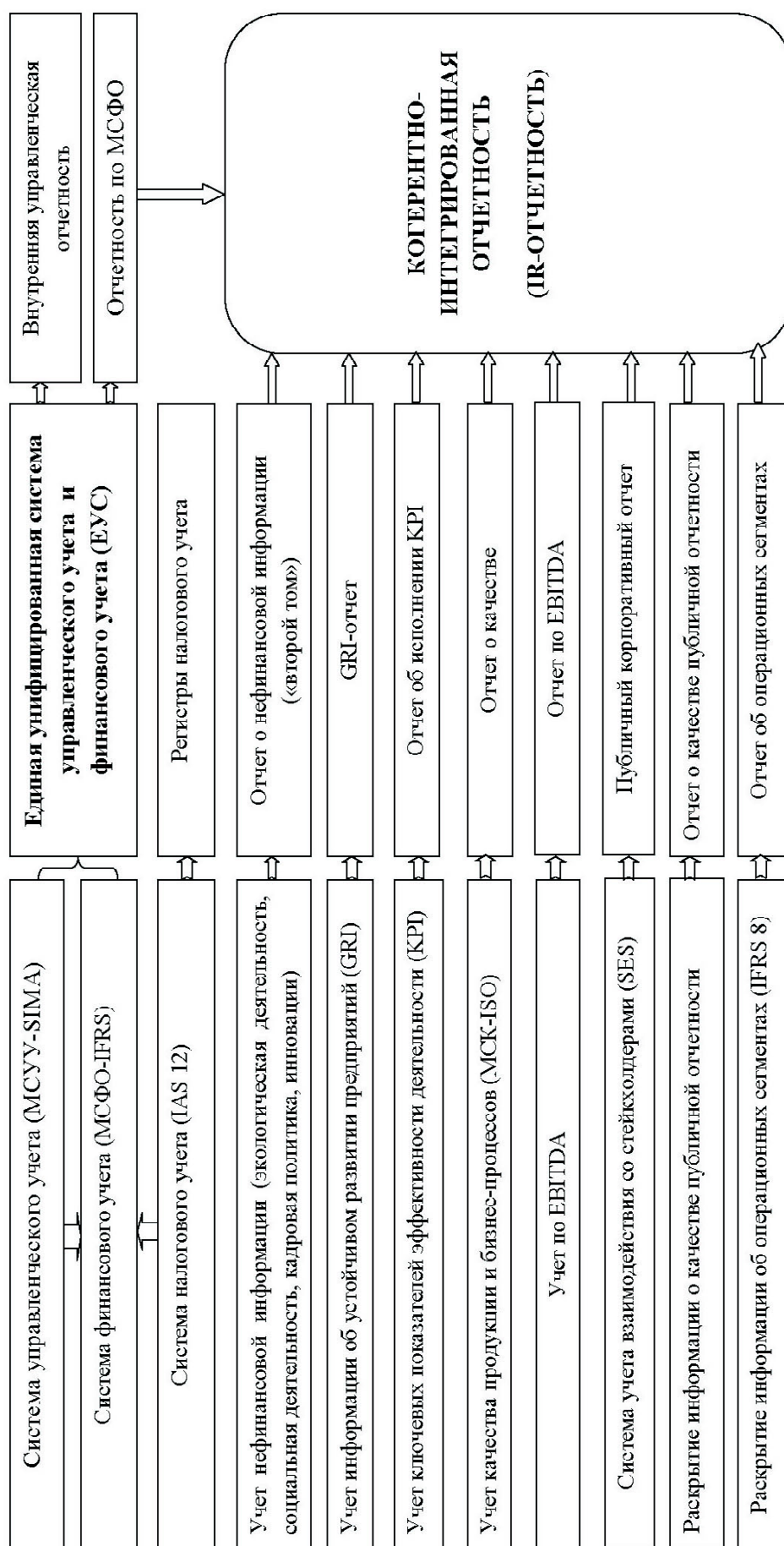

Рис. 2. Схема базовой концепции когерентно-интегрированной отчетности агропромышленных холдингов (разработано автором)

Таблица 1

Характеристика и классификация когерентных и когезионных связей

Критерий сравнения	Когерентные связи	Когезионные связи
1. Уровень связи	Глобальная	Локальная
2. Объект связи	Отчетность по МСФО, внутренние управленческие отчеты, прочая нефинансовая отчетность	Конкретные ключевые показатели эффективности (КПЭ), методы оценки учетных данных, регистры, трансформационные корректировки
3. Предмет связи	Элементы содержания отчетности (бизнес-модель, риски, стратегия)	Операционные, функциональные единицы, капиталы
4. Метод связи	Унификация разных форматов и систем отчетности	Управленческий подход, сегментный подход, трансформация
5. Регламентация связи	Совокупность стандартов (МСФО, SIMA, GRI)	МСФО 8 «Операционные сегменты», Международный стандарт по интегрированной отчетности
6. Формы связности	1. Между элементами содержания; 2. Между прошлым, настоящим и будущим; 3. Между капиталами; 4. Между финансовой и прочей информацией; 5. Между количественной и качественной информацией; 6. Между управленческой информацией, информацией для совета директоров и информацией, включаемой в отчеты для внешних сторон	1. Связать ресурсы или осуществлять будущие инвестиции для достижения плановых результатов; 2. Адаптируется стратегия холдинга; 3. Связь стратегии и бизнес-модели организации с изменениями во внешней среде, включая повышение или понижение темпа технологических изменений; 4. Связь ожидаемого роста доходов или доли рынка исследований и разработок, технологий/ноу-хау или инвестиций в человеческие ресурсы; 5. Уровень снижения затрат или новых возможностей для бизнеса в отношении технологий для решения социальных вопросов
7. Цель, результат	Когерентно-интегрированный отчет; Полное и достоверное раскрытие существенной финансовой и прочей (нефинансовой) информации	1. Тесная интеграция учетно-информационных систем; 2. Внедрение систем оценки и мониторинга для получения информации, необходимого для принятия решений; 3. Единая унифицированная система управленческого и финансового учета.
8. Примеры	1. Стоимость, создаваемая для себя, взаимосвязана со стоимостью, которую организация создает для заинтересованных сторон; 2. Анализ стратегии объясняет, как эта стратегия связана со способностью создавать стоимость в различных периодах, а также с использованием капиталов и воздействием на них; 3. Связь между результатами деятельности в прошлом и будущем	1. Раскрытие информации продажи клиентам, которые напрямую связаны с изменениями в финансовом капитале. 2. Воздействие результатов деятельности холдинга на удовлетворенность клиентов; готовность поставщиков работать с организацией и условия, на которых они готовы это делать; 3. Аспекты учета того, в какой степени воздействие на капиталы выходит за рамки самой организации (т.е. затраты или иное воздействие на капиталы, которые не принадлежат холдингу)

ника из-за огромного количества видов внутренней и внешней отчетности предприятий, которые формируются для менеджмента, участников финансового рынка, налоговых органов, банков (она является разного объема, структуры и характера), что ведет к потере времени и финансовых ресурсов при поиске релевантной информации.

По нашему мнению, система когерентно-интегрированной отчетности – это унифицированный комплексный инструмент скоррелированности и взаимосвязи разнородных отчетов в единое целое, который базируется на концепции и на фундаментальных основах и ведущих принципах. Результатом функционирования системы является интегрированный отчет – единый когерентно-унифицированный документ, где отражается существенная и точная информация о стратегии холдинга, системе управления на всех уровнях и взаимосвязанных показателях в экономической, социальной и экологической сферах деятельности.

В структуре агрохолдинга большое количество предприятий, которые осуществляют разнообразную деятельность (производство сельскохозяйственной продукции, переработка, торговля и т.д.). Агрохолдинг формирует отчетность в соответствии со стратегическими целями своего развития. Каждый вид отчетов соответствует оригинальной концепции, целям и задачам, направленным на удовлетворение потребностей обособленной группы стейкхолдеров (заинтересованных пользователей). Например, инвесторы, кредиторы, учредители, акционеры, менеджеры. Одни отчеты могут быть не релевантны и «не комфортны» для группы пользователей, кому они не предназначены. Наша задача сформировать инструмент, который позволит потерять «своему» отчету четкие границы через уменьшение раз-

меров до минимально существенного для пользователя и вписаться в одно пространство, не конфликтуя и не мешая данным из другого отчета. Информация в интегрированном отчете должна сжаться, но остаться существенной, а возможно ценность ее вырастет.

Как отмечалось ранее, необходимо одновременно решить задачи по сохранению свойств отчетности – целостности и связности. Мы предлагаем использовать понятие «когерентные связи» по отношению интегрированной отчетности. Для связности учетной информации в единый формат против когерентности как глобальной связности должно быть противопоставлено понятие «когезионные связи» (от лат. *cohaesi* – «быть связным») как связности локальной [9]. Локальная связность – это связность аналитических последовательностей (показателей, учетных данных), которая определяется синтетическими связями и осуществляется при помощи ряда элементов связи на уровне минимальных центров ответственности, объектов учета. Когезию можно определить как «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.».

В таблице 1 приводится обобщенная характеристика и авторская классификация когерентных и когезионных связей, определенных для целей интегрированного учета.

В заключение важно отметить, что представленные рекомендации по установлению когерентных и когезионных связей направлены на оптимизацию связности учетной информации, то есть когерентно-интегрированный отчет должен представлять целостную картину комбинаций, взаимосвязи и взаимозависимости между факторами, влияющими на способность организации создавать стоимость в течение долгого времени.

Библиографический список

1. Мелихов, В.А. Перспективы формирования международной интегрированной отчетности на сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятиях агропромышленного холдинга / В.А. Мелихов, Л.Н. Павлова // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. – 2014. – № 1(33).
2. Мелихов, В.А. Оценка перспектив представления когерентно – интегрированной отчетности и раскрытия нефинансовой информации агропромышленными холдингами / В.А. Мелихов, С.И. Ахманова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 9.
3. Стратегия по комплексному развитию сельских территорий Волгоградской области и эффективному функционированию агропромышленного комплекса в условиях ВТО с учетом социально-экономических, природно-климатических особенностей [Э/р]. – Р/д: http://ksh.volganet.ru/folder_3/folder_5/
4. Консультационный проект международной структуры [Э/р]. – Р/д: www.ir.org.ru/attachments/article/13/23.11.12 – Consultation Draft of the International Framework-Russian. pdf.
5. Международный стандарт по интегрированной отчетности [Э/р]. – Р/д: [www.pwc.ru/International Integrated Reporting Framework](http://www.pwc.ru/International%20Integrated%20Reporting%20Framework)
6. «Towards Integrated Reporting – Communicating Value in the 21st Century»[Э/р]. – Р/д: [www.ir.org.ru/attachments/article-IR Discussion Paper-2011.pdf](http://www.ir.org.ru/attachments/article-IR%20Discussion%20Paper-2011.pdf).
7. Физическая энциклопедия [Э/р]. – Р/д: www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_physics/1408
8. Балашова, Н.Н. Организационно-методические подходы к разработке учетной политики для целей формирования когерентно-интегрированной отчетности агропромышленных холдингов / Н.Н. Балашова, В.А. Мелихов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2014. – № 2(27).
9. Самохвалова, Е.В. К вопросу об идентификации категорий когерентности и когерентности в дискурсе [Э/р]. – Р/д: http://www.rusnauka.com/26_NII_2011/Philologia/3_92332.doc.htm

Bibliography

1. Melikhov, V.A. Perspektiv formirovaniya mezhdunarodnoy integrirovannoy otchetnosti na sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiyakh agropromyshlennogo kholdinga / V.A. Melikhov, L.N. Pavlova // Izvestiya Nizhnevolzhskogo agrouniversitetskogo kompleksa. – 2014. – № 1(33).
2. Melikhov, V.A. Otsenka perspektiv predstavleniya kogerentno – integrirovannoy otchetnosti i raskryitiya nefinansovoy informatsii agropromyshlennymi kholdingami / V.A. Melikhov, S.I. Akhmanova // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 9.
3. Strategiya po kompleksnomu razvitiyu sel'skikh territoriy Volgogradskoy oblasti i ehffektivnomu funkcionirovaniyu agropromyshlennogo kompleksa v usloviyakh VTO s uchetom social'no-ehkonomicheskikh, prirodno-klimaticheskikh osobennostey [Eh/r]. – R/d: http://ksh.volganet.ru/folder_3/folder_5/
4. Konsultatsionniy proyekt mezhdunarodnoy struktur [Eh/r]. – R/d: www.ir.org.ru/attachments/article/13/23.11.12 – Consultation Draft of the International Framework-Russian. pdf.
5. Mezhdunarodniy standart po integrirovannoy otchetnosti [Eh/r]. – R/d: [www.pwc.ru/International Integrated Reporting Framework](http://www.pwc.ru/International%20Integrated%20Reporting%20Framework)
6. «Towards Integrated Reporting – Communicating Value in the 21st Century»[Eh/r]. – R/d: [www.ir.org.ru/attachments/article-IR Discussion Paper-2011.pdf](http://www.ir.org.ru/attachments/article-IR%20Discussion%20Paper-2011.pdf).
7. Fizicheskaya ehnciklopediya [Eh/r]. – R/d: www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_physics/1408
8. Balashova, N.N. Organizatsionno-metodicheskie podkhodi k razrabotke uchetoynoy politiki dlya celey formirovaniya kogerentno-integrirovannoy otchetnosti agropromyshlennikh kholdingov / N.N. Balashova, V.A. Melikhov // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. – 2014. – № 2(27).
9. Samokhvalova, E.V. K voprosu ob identifikatsii kategoriy kogezi i kogerentnosti v diskurse [Eh/r]. – R/d: http://www.rusnauka.com/26_NII_2011/Philologia/3_92332.doc.htm

Статья поступила в редакцию 24.07.14

УДК 332.145

Patrakhina T.N. A LONG-TERM TARGET-ORIENTED PROGRAM AS A GOVERNMENTAL MECHANISM FOR DEVELOPING THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION IN KHANTY-MANSYISK AUTONOMOUS DISTRICT – YUGRA. The paper is dedicated to an issue of program-oriented management of the educational system in a northern region of Russia. The author studies the features of the state long-term target program in the context of public management and describes a concept of “a regional system of professional education”. The research task is to analyze the structural components and contents of Subprogram I “Professional Education, Science and Technology” as part of the state program “Development of Education in Khanty-Mansiysk Autonomous District – Yugra in 2014-2020” in terms of its compliance with the guidelines introduced by the Ministry for Economic Development of the Russian Federation. The ideas stated in the paper are of particular interest for professionals in strategic management of public education. The author offers ways to optimize the state program of regional education development from the structural perspective.

Key words: system of professional education, long-term target program, public administration, northern region.

Т.Н. Патрахина, канд. филос. наук, доц. каф. коммерции и менеджмента Нижневартковского гос. университета, г. Нижневартковск, E-mail: patraxina75@mail.ru.

ДОЛГОСРОЧНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА КАК МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ

В статье затрагивается тема программно-целевого управления образовательной системой северного региона. Автором исследованы характерные признаки государственной долгосрочной целевой программы в контексте механизма государственного управления, раскрыто содержание понятия «региональная система профессионального образования». В качестве исследовательской задачи была определена попытка анализа структурных компонентов и содержания подпрограммы I «Профессиональное образование, наука и технологии» государственной программы «Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2014 – 2020 годы» на предмет соответствия критериям методических указаний Министерства экономического развития Российской Федерации. Позиция автора будет интересна специалистам в области государственного стра-

тегического управления в сфере образования. В статье автором предложены пути оптимизации государственной программы развития регионального образования с позиции структурных компонентов данного документа.

Ключевые слова: система регионального профессионального образования, долгосрочная целевая программа, государственное управление.

Эффективное развитие экономики не представляется возможным без создания региональной системы профессионального образования, отвечающей запросам потребителей образовательной услуги, специфике рынка труда и потребностям инновационной экономики региона. Традиционно профессиональное образование – это базовый источник формирования квалифицированных кадров для экономики региона.

В 2005 году стартовал приоритетный национальный проект «Образование», который положил начало модернизации профессионального образования в Российской Федерации (РФ). Среди ключевых направлений модернизации профессионального образования в проекте были выделены: повышение доступности высшего профессионального образования, обновление содержания образовательных программ, развитие кооперации образовательных организаций с промышленными предприятиями, выявление и поддержка лидеров среди профессиональных образовательных организаций, создание внешней независимой системы оценки качества профессионального образования, а также адаптация профобразования к рынкам труда регионов [1, с. 3].

С 2011 года приоритетный национальный проект «Образование» приобрел комплексный регионально-отраслевой формат, предполагающий ориентацию программ модернизации регионального профессионального образования на одну из десяти приоритетных отраслей российской экономики: авиационная промышленность и космическая промышленность, педагогическое образование, машиностроение, энергетика, атомный энергопромышленный комплекс, добыча полезных ископаемых, нефтехимия, металлургия, наноиндустрия, медико-биологическая и фармацевтическая промышленность. Сегодня формирование системы профессиональной подготовки кадров регионов – это совместная ответственность и комплексное долгосрочное партнерство государства, образовательных организаций и бизнес-сообщества, реализуемое в рамках программно-целевого управления.

Дефиниция понятия «региональная система профессионального образования» представлена в научных трудах: Ипатов Ю.М. и Юнацкевича Р.И. [2], Киченко Л.П. и Попов Е.С. [3], Ковцевой И.П. [4], Шарипова В.Ф. [5] и др. Так российский исследователь Н.Б. Пугачева рассматривает данное понятие в широком и узком смыслах. В широком смысле, под региональной системой профессионального образования она предлагает понимать взаимодействие трех рынков: рынка труда, рынка образовательных услуг и рынка рабочей силы. В узком смысле, это совокупность профессиональных образовательных организаций, органов управления наукой и образованием, государственной власти, определяющей образовательную политику в регионе, предприятий, которые заинтересованы в подготовке высококвалифицированных кадров [6, с. 79]. В трактовке Землянского В.В., региональная система профессионального образования – это целеустремленная открытая система, обладающая процессами равновесного обмена с окружающей средой и процессами упорядоченного развития среды обитания в процессе коэволюции [7, с. 24].

Современный этап социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югра) требует качественной реконструкции системы профессионального образования. Региональная образовательная политика, механизмы государственного управления, характер трансформации профессионального образования ХМАО – Югры представлены в Подпрограмме I «Профессиональное образование, наука и технологии» государственной программы «Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2014 – 2020 годы», утвержденной постановлением Правительства ХМАО – Югры от 09.10.2013 г. № 413-п. Документ предусматривает долгосрочное планирование образовательной политики, определяет субъекты системы, механизмы реализации и индикаторы оценки профессионального образования региона. Базисом программы являются Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от

17.11.2008 г. № 1662-р и Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства ХМАО-Югры от 22.03.2013 г. № 101-рп, а также демографические прогнозы численности детей и молодежи. В качестве основных отраслевых ориентиров выступили Федеральная целевая программа развития образования на 2011 – 2015 годы, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 07.02.2011 г. № 61, и Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 – 2020 годы, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г.

Отметим, что требования к подпрограмме государственной программы сформулированы в Методических указаниях по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, утвержденных Приказом Министерства экономического развития РФ от 20.11.2013 г. № 690 (далее, Методические указания). Согласно этим требованиям, подпрограмма формируется с учетом согласованности базовых параметров подпрограммы и государственной программы, согласованности параметров – залог эффективного государственного управления и успешной реализации программы.

Рассмотрим соответствие структурных и содержательных компонентов подпрограммы I «Профессиональное образование, наука и технологии» государственной программы «Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2014 – 2020 годы» базовым параметрам Методических указаний. Следует обратить внимание, что структура государственной программы должна включать следующие части: титульный лист, паспорт госпрограммы, паспорта подпрограмм, паспорта федеральных целевых программ по форме, текстовую часть и приложения. Государственная программа «Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2014 – 2020 годы» в целом соответствует данному требованию, однако в программе не представлены паспорта подпрограмм, которых в программе шесть. Паспорта подпрограмм заполняются аналогично паспорту государственной программы.

Содержание подпрограммы традиционно отражает базовые составляющие процесса стратегического управления: сканирование среды ! формулирование стратегии ! реализация стратегии ! оценка и контроль [8, с. 9]. В Методических указаниях данный процесс, в общем, представлен следующими составляющими подпрограммы: 1) характеристика текущего состояния сферы профессионального образования региона, основные показатели и анализ рисков реализации подпрограммы; 2) прогноз развития сферы профессионального образования и планируемые макроэкономические показатели по итогам реализации подпрограммы; 3) прогноз ожидаемых результатов подпрограммы, характеризующих целевое состояние (изменение состояния) общественно значимых интересов и потребностей в соответствующей сфере; 4) приоритеты и цели государственной политики в сфере профессионального образования; 5) характеристика целей, задач, мероприятий подпрограммы, а также сведения об их ресурсном обеспечении; 6) перечень и сведения о целевых индикаторах и показателях подпрограммы с расшифровкой плановых значений по годам ее реализации; 7) перечень и характеристики основных мероприятий с указанием сроков их реализации и ожидаемых результатов; 8) основные меры правового регулирования в сфере реализации подпрограммы; 9) описание мер государственного регулирования в сфере реализации подпрограммы; 10) обоснование необходимости применения инструментов для достижения цели и (или) ожидаемых результатов подпрограммы с финансовой оценкой ее реализации; 11) прогноз сводных показателей государственных заданий в ходе реализации подпрограммы в случае оказания федеральными государственными учреждениями государственных услуг юридическим и (или) физическим лицам; 12) информация, включающая данные о прогнозных расходах государственных корпораций, акционерных обществ с государственным участием, общественных, научных и иных организаций, а также внебюджетных фондов на реализацию подпрограммы в случае их участия в реали-

зации подпрограммы; 13) информация по финансовому обеспечению подпрограммы; 14) обоснование необходимых финансовых ресурсов на реализацию подпрограммы, а также оценки степени влияния выделения дополнительных объемов финансирования на показатели (индикаторы) подпрограммы [9].

Как было отмечено выше структурно подпрограммы государственной программы не выделены, они включены в общий контекст государственной программы «Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2014 – 2020 годы» и информация по всем уровням образования и молодежной политике представлена в четырех разделах госпрограммы [10].

Раздел 1. Характеристика текущего состояния сферы образования и молодежной политики автономного округа. В разделе указаны приоритеты в развитии образовательной системы региона, концептуальные правовые акты, дана краткая характеристика текущего состояния образовательной сферы, в том числе и профессионального образования, а также обозначены основные проблемы. В частности, в профессиональном образовании к проблемам отнесено: несоответствие содержания подготовки кадров уровню современных производственных технологий (дорожное строительство, водный транспорт, лесозаготовка, деревообработка), неполная ориентация на опережающие потребности рынка труда в сфере среднего профессионального образования. В высшем профессиональном образовании: востребованность у населения округа специальностей «Экономика», «Управление», а также гуманитарных направлений, что не соответствует потребностям регионального рынка труда. Выявлена необходимость повышения квалификации инженерных и педагогических кадров, необходимо усовершенствование материально-технической и производственной база образовательных организаций. Перечень обозначенных проблем является неполным, о чем свидетельствуют задачи подпрограммы, демонстрирующие ключевые направления модернизации профессионального образования региона. Основные показатели и анализ рисков реализации подпрограмм в данном разделе не представлены. Здесь же указаны основные направления развития образования на прогнозный период.

Раздел 2. Цели, задачи и показатели их достижения. Помимо целей и задач, представленных по подпрограммам, в разделе определены прогнозируемые изменения, целевые показатели с формулами расчета, показатели конечных результатов. Целевые показатели подпрограмм в течение срока реализации госпрограммы представлены в таблице.

Раздел 3. Обобщенная характеристика программных мероприятий. Перечень мероприятий представлен в таблице.

Раздел 4. Механизм реализации государственной программы. В разделе указаны пути реализации программы, законодательные акты финансирования программы, а также риски (финансово-экономические, нормативно-правовые, организационные, управленческие, социальные; риски, связанные с особенностями окружных муниципальных образований).

Далее в программе представлены таблицы, приложения о порядке предоставления субсидий.

Таким образом, говоря о долгосрочной целевой программе как механизме государственного управления развитием системы профессионального образования в ХМАО – Югре, отметим, что в целом госпрограмма соответствует Методическим указаниям, в части содержания. Однако следует отметить, что структурно государственную программу можно было представить как перечень подпрограмм, которые были бы описаны согласно положениям Методических указаний. Подпрограмма I «Профессиональное образование, наука и технологии», как и другие подпрограммы, должна включать паспорт, характеристику сферы реализации с детальным описанием проблем в данной сфере и прогноз её развития; приоритеты, цели, задачи, индикаторы достижения целей и задач, подпрограммы; характеристику основных мероприятий, мер государственного регулирования, направленных на решение обозначенных проблем; прогноз сводных показателей государственных заданий по этапам реализации подпрограммы; ресурсное обеспечение и методику оценки эффективности реализации подпрограммы. Данный подход значительно упрощает восприятие программы в целом, дает четкое представление о специфике конкретной подпрограммы и служит четким механизмом государственного управления системой образования региона.

Библиографический список

1. Щур, К. Векторы развития // Business guide. Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ». – 2012. – № 42.
2. Ипатов, Ю.М. Системно-моделирующий подход к построению регионального профессионального образования / Ю.М. Ипатов, Р.И. Юнацкий // Человек и образование. – 2009. – Вып. 2.
3. Киченко, Л.П. Роль системы высшего образования в повышении конкурентоспособности и развитии стержневых компетенций региона / Л.П. Киченко, Е.С. Попова // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 3.1. – Сер.: Экономика.
4. Ковцева, И.П. Региональный аспект модернизации высшего профессионального образования как фактор развития экономического потенциала региона // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2011. – Вып. 1. – Сер.: Экономика.
5. Шарипов, В.Ф. Менеджмент общего и профессионального образования. – М., 2014.
6. Пугачева, Н.Б. Концептуальные основы модернизации системы профессионального образования для регионального рынка труда // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2009. – Вып. 1.
7. Землянский, В.В. Комплексная интеграция в региональной системе профессионального образования // Проблемы современного образования. – 2011. – Вып. 3.
8. Хангер, Дж. Дэвид. Основы стратегического менеджмента / Дж. Д. Хангер, Т.Л. Уиллен; пер. В.Н. Егоровой. – М.: 2008.
9. Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, утвержденные Приказом Министерства экономического развития РФ от 20.11.2013 г. № 690 [Э/п]. – Р/д: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70485826/>.
10. Государственная программа ХМАО-Югры «Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре на 2014 – 2020 годы», утвержденная постановлением Правительства ХМАО-Югры от 09.10.2013 г. № 413-п [Э/п]. – Р/д: <http://www.doinhmao.ru/programs/>.

Bibliography

1. Thur, K. Vektorih razvitiya // Business guide. Tematicheskoe prilozhenie k gazete «Kommersantj». – 2012. – № 42.
2. Ipatov, Yu.M. Sistemno-modeliruyushiy podkhod k postroyeniyu regionalnogo professionalnogo obrazovaniya / Yu.M. Ipatov, R.I. Yunackevich // Chelovek i obrazovanie. – 2009. – Vihp. 2.
3. Kichenko, L.P. Rolj sistemih vihshego obrazovaniya v povyshenii konkurentosposobnosti i razvitii stержnevihh kompetenciij regiona / L.P. Kichenko, E.S. Popova // Vestnik Permskogo universiteta. – 2012. – Vihp. 3.1. – Ser.: Ekhonomika.
4. Kovceva, I.P. Regionalnijiy aspekt modernizacii vihshego professionalnogo obrazovaniya kak faktor razvitiya ehkonomicheskogo potenciala regiona // Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2011. – Vihp. 1. – Ser.: Ekhonomika.
5. Sharipov, V.F. Menedzhment obthego i professionalnogo obrazovaniya. – M., 2014.
6. Pugacheva, N.B. Konceptualnihe osnovih modernizacii sistemih professionalnogo obrazovaniya dlya regionalnogo rihinka truda // Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. – 2009. – Vihp. 1.
7. Zemlyanskiy, V.V. Kompleksnaya integraciya v regionalnoy sisteme professionalnogo obrazovaniya // Problemih sovremennogo obrazovaniya. – 2011. – Vihp. 3.
8. Khanger, Dzh. Dehvid. Osnovih strategicheskogo menedzhmenta / Dzh. D. Khanger, T.L. Uilen; per. V.N. Egorovoy. – M.: 2008.
9. Metodicheskie ukazaniya po razrabotke i realizacii gosudarstvennihh programm Rossiyskoy Federacii, utverzhdeniye Priказom Ministerstva ehkonomicheskogo razvitiya RF ot 20.11.2013 g. № 690 [Eh/r]. – R/d: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70485826/>.
10. Gosudarstvennaya programma KhMAO-Yugrih «Razvitie obrazovaniya v Khandih-Mansiyskom avtonomnom okruge-Yugre na 2014 – 2020 godih», utverzhennaya postanovleniem Pravitelstva KhMAO-Yugrih ot 09.10.2013 g. № 413-p [Eh/r]. – R/d: <http://www.doinhmao.ru/programs/>.

Статья поступила в редакцию 25.08.14

УДК 796.51(571.150)

Kharlamov S.V. THE DEMAND FOR THE UNIQUE PROPERTIES OF THE TOURISM RESOURCES OF THE ALTAI KRAI. It is shown that the territory of the Altai region in modern borders has an exceptional variety of landscapes (over 80 types) that is a valuable recreational resource. 9 unique tourism facilities are named after the Altai territory, corresponding to the international level of significance (Denisova cave; the "Queen of Vases"; steam machine of I.I. Polzunova; Srostki, a birthplace of V.M. Shukshin; Kurya, a birthplace of M.T. Kalashnikov, etc.), which should receive prior attention in the implementation of the international tourism market promotion projects of the Altai territory as a territory of intensive development of tourism.

Key words: tourist resources, Altai region, unique tourist resources, I.I. Polzunov, M.T. Kalashnikov, V.M. Shukshin, Altai tourism resources, international level of significance of tourist resources of Altai Krai.

С.В. Харламов, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. социально-культурного сервиса и туризма АГАКИ, г. Барнаул, E-mail: harlamovageo@rambler.ru

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ УНИКАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ТУРИСТСКИХ РЕСУРСОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ*

В работе показано, что территория Алтайского края в современных границах обладает исключительным разнообразием ландшафтов (более 80-и типов), что является ценным рекреационным ресурсом. Названы 9 уникальных туристских объектов Алтайского края, соответствующих международному уровню значимости: Денисова пещера, «Царица ваз», паровая машина И.И. Ползунова, Сростки – родина В.М. Шукшина, Курья – родина М.Т. Калашникова и др., которые заслуживают приоритетного внимания при реализации на международном туристическом рынке проектов продвижения Алтайского края как территории интенсивного развития туризма.

Ключевые слова: туристские ресурсы, Алтайский край, уникальность туристских ресурсов, И.И. Ползунов, М.Т. Калашников, В.М. Шукшин, туристские ресурсы Алтайского края международного уровня значимости.

Развитие любого вида экономической деятельности общества основывается на использовании необходимых ресурсов. Поэтому на этапе планирования и проектирования очень важно осуществить анализ ресурсной базы. Не является исключением туристская деятельность, тем более, когда речь идет о региональном стратегическом планировании.

Одним из важных качеств объектов природного, исторического и культурного наследия, относящихся к числу туристских ресурсов, является их неповторимость или уникальность. Именно наличие этого качества зачастую мотивирует туристские поездки людей. При этом в зависимости от круга потребителей, можно разделять туристские ресурсы международного, российского, регионального и местного уровней значимости. Соответственно этому необходимо выстраивать формирование туристской деятельности в каждом из административных субъектов России.

В ряде субъектов сибирского и дальневосточного регионов природные объекты, относящиеся к туристским ресурсами мирового уровня, определены и включены в Список объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Например, озеро Байкал в Иркутской области и Республике Бурятия, вулканы Камчатки с Долиной гейзеров в Камчатском крае.

Вместе с тем в последние два десятилетия в условиях построения новых экономических отношений осуществляются реальные активные действия по освоению туристских ресурсов вновь образованных административных субъектов РФ, и в ряде случаев эта деятельность поддерживается федеральным центром путем формирования условий для развития особых экономических зон туристско-рекреационного типа и туристских кластеров различного функционального назначения. К числу таких субъектов в первую очередь относится Алтайский край.

Алтайский край, независимо от момента в истории его более чем семидесятилетнего существования и прежде всегда ассоциировался у россиян с туристическим регионом [1 – 5]. Однако до момента выхода из его состава Горно-Алтайской автономной области (далее – Г.-А. а.о.) и образования самостоятельного субъекта Российской Федерации – Республики Алтай в начале девяностых годов XX в., основными туристскими ресурсами, привлекавшими туристов, были природные объекты Г.-А. а.о., в первую очередь – Телецкое озеро, гора Белуха, долина реки Катунь и высокогорные Шавлинские озера. Они по-прежнему являются основой туристской деятельности Республики Алтай.

В Алтайском крае к моменту выхода Г.-А. а.о. развивался и имел широкую известность у жителей нашей страны только курорт Белокуриха. Крупные объекты туристской базы для взрослых «Алтай», детская туристическая база «Рассвет», автобаза «Турист» – работали, главным образом, на обеспечение туристско-экскурсионных услуг на территории Г.-А. а.о.

Вместе с тем, территория Алтайского края в современных границах обладает исключительным разнообразием ландшафтов. Здесь есть пространства, занятые сухими степями, расположенные в западной равнинной части края с минимальной отметкой абсолютной высоты 59 м над уровнем моря (оз. Большое Яровое). Кулундинская степь отличается изобилием озер, многие из которых имеют соленую или щелочную воду, а ландшафты прибрежной зоны этих озер имеют своеобразный уникальный характер. Лесостепные ландшафты приурочены к более приподнятой части равнин Алтайского края. Характерные для Приобского плато, Бийско-Чумышской возвышенности и Предалтайской равнины, они пересекаются долинами основных притоков Верхней Оби: рек Песчаной, Ануя, Чарыша, Чумыша и долинами двух истоков Оби – Катунь и Бии. Пойменные ландшафты речных долин являются весьма контрастными по отношению к лесостепным ландшафтам, занимающим значительные пространства междуречий.

Для лесостепной и степной зон территории Алтайского края свойственны также азональные лесные ландшафты ленточных сосновых боров и Приобского соснового бора. Наличие значительных массивов леса придает равнинной части территории края особую рекреационную ценность.

Горные массивы, расположенные на юге и востоке, входят в состав гор Южной Сибири [6]. Рудный Алтай, занимающий северо-западную окраину Алтая, относится к области герцинской складчатости, в отличие от основной части Алтая, относящейся к каледонской. При этом заметное отличие имеют низкогорные ландшафты Кузнецко-Салаирской области на востоке края от ландшафтов низко- и среднегорной Алтайской горной области на юге края. Исключительное разнообразие растительности в горах определяет мозаичность ландшафтной структуры, представленной степными, лугово-степными, лесостепными, лесными, альпийско-луговыми, каменисто-тундровыми и даже нивально-гляциальными ландшафтами. А всего на территории Алтайского края около 80-ти типов ландшафтов [6].

Наличие такого большого разнообразия ландшафтов, а также соседство на относительно небольшой по своим размерам местности контрастно-противоположных ландшафтов (например, степь – бор, горная тайга – каменистая лишайниковая тундра и пр.) является ценным фактором, получающим высокую оценку при организации туристской деятельности. Опыт продвижения ряда зарубежных стран на международном туристском рынке, например, Израиля, показывает, что они очень эффективно используют показатель ландшафтного разнообразия своей территории.

Уникальность территории Алтайского края, в первую очередь, во множестве ландшафтов, как характерных для внутриконтинентальной области умеренных широт, так и нетипичных ландшафтов. Возможность во время небольшого, непродолжительного путешествия наблюдать многократную смену пейзажей значительно повышает привлекательность территории для туристов.

Природные условия этой части планеты, находящейся на стыке очень крупной равнины и мощной горной системы, были всегда благоприятны для обитания человека, о чем свидетельствуют многочисленные археологические исследования [7]. Особенно уникальными, имеющими мировое признание, являются два археологических объекта, расположенных рядом друг с другом в горной долине реки Ануя на юге края. Это палеолитическая стоянка древнего человека открытого типа Карамы – древнейшая в северной Азии, возрастом от 400 до 900 тысяч лет, раскопки на которой продолжаются и возможны новые находки. Второй объект – Денисова пещера – в 15 км от Карамы вверх по течению Ануя, в которой в 2008 г. обнаружены костные останки человека, разновидность которого ранее не была известна ученым. Его называли «денисовец» или «человек алтайский» [8].

Еще одним исторически значимым для края событием, имеющим в качестве туристского ресурса международное значение, является изобретение и изготовление в 1764-1766 гг. в Барнауле И.И. Ползуновым «пароатмосферного двигателя (огнедействующей машины)», от которого в настоящее время сохранились только чертежи и отдельные фрагменты [9]. В музеях Барнаула и Москвы демонстрируются действующие миниатюрные модели этой машины. В проекте Генплана туристической зоны в исторической части Барнаула предусмотрено воссоздание огнедействующей машины И.И. Ползунова в реальном масштабе.

Примерно через 80 лет после сооружения машины И.И. Ползунова, так и не нашедшей применения в патриархальной России, на шлифовальной фабрике в Колывани в 1843 г. была завершена многолетняя работа по изготовлению «Чаши колоссальной», которая в наши дни является образцом камнерезного искусства мирового уровня и именуется «Царицей ваз». Подобно двум другим «царственным», почитаемым у русского народа изделиям – Царь-пушке и Царь-колоколу, хранящимся в центре Российского государства в Московском Кремле, Царица ваз находится в самом посещаемом музее северной столицы России – Эрмитаже г. Санкт-Петербурга.

Колыванский камнерезный завод им. И.И. Ползунова (так теперь называется бывшая шлифовальная фабрика) действует и является местом активного посещения экскурсантов. Доступна также для туристов каменоломня яшмы, из которой был добыт камень для «Царицы ваз», расположенная довольно дале-

ко от завода – у подножия горы Ревнюха по другую сторону Колыванского хребта.

Среди множества талантливых людей, родившихся в Алтайском крае, мировую известность получили В.М. Шукшин и М.Т. Калашников. На родине киноактера, кинорежиссера и писателя В.М. Шукшина в селе Сростки действует Мемориальный музей-заповедник, ежегодно посещаемый более полусотней тысяч туристов. «Шукшинские дни» на Алтае, с кульминационным представлением на вершине горы Пикет, являются главным культурным событием нашего края, для участия в котором съезжаются десятки тысяч гостей со всей России и из-за рубежа.

Если творчество В.М. Шукшина за пределами нашей страны хорошо известно преимущественно жителям стран СНГ, то фамилия М.Т. Калашникова знакома едва ли не во всем мире. Село Курья – место, где родился и вырос конструктор стрелкового оружия, дважды Герой Социалистического Труда, Герой России М.Т. Калашников. Здесь действует современный музей, посвященный этому легендарному человеку, расположенный на пути ежегодно возрастающего потока туристов, направляющихся в Горную Колывань.

Популярным у россиян и жителей Казахстана объектом социального предназначения является курорт Белокуриха. Здесь применяются и совершенствуются современные технологии не только лечебно-оздоровительного, но и культурно-познавательного, конгрессного и делового туризма, а также современные технологии продвижения турпродукта. Федеральный статус курорта позволил ему войти в государственные программы развития.

Необходимость выделения из всего комплекса туристских ресурсов региона наиболее значимых объектов имеет важное практическое значение, особенно для Алтайского края, поскольку в ближайшие годы с введением новых объектов размещения, отвечающих международным стандартам [10], здесь весьма актуальным станет вопрос о содержании программ туров, предлагаемых двух-, трехкратно увеличенному потоку туристов.

Каждый из предложенных объектов в силу своей уникальности в настоящее время вовлечен в сферу туристской деятельности. Но востребованность их пока не соответствует высокому уровню значимости. Например, если с. Сростки, являющееся родиной В.М. Шукшина, хорошо известно и пользуется популярностью не только у туристов Алтайского края, Сибири, но и России, то с. Курья – родина М.Т. Калашникова, пока посещается преимущественно жителями края.

В связи с этим предлагаем анализ уровня современного использования тех ресурсов, которым предлагается присвоить международный уровень значимости (таблица 1).

При определении уровня современного использования наиболее значимых объектов туристского интереса в Алтайском крае учитывались:

- степень готовности для посещения туристами, включая транспортную доступность, наличие объектов размещения и их уровень;
- наличие туристских и экскурсионных программ, посвященных этим объектам;
- степень активности продвижения объекта на туристском рынке;

Таблица 1
Современный уровень использования туристских ресурсов Алтайского края, отвечающих международному уровню

Туристские ресурсы Алтайского края, отвечающие международному уровню	Уровень использования в настоящее время			
	международный	российский	региональный	местный (краевой)
Исключительное разнообразие ландшафтов	-	+	+	+
Ленточные сосновые боры	-	-	-	+
Место образования реки Обь	-	-	+	+
Денисова пещера	-	-	+	+
«Царица ваз»	-	-	-	+
Паровая машина И.И. Ползунова	-	-	-	+
Сростки, родина В.М. Шукшина	-	+	+	+
Курья, родина М.Т. Калашникова	-	-	-	+
Курорт Белокуриха	-	+	+	+

– экспертная характеристика контингента посетителей.

Качественные изменения данных параметров могут способствовать повышению уровня использования туристских ресурсов. Реальность перехода объектов туристского интереса, упомянутых выше, в более высокую категорию использования в современных условиях, связана, в первую очередь, их включением в состав различных программ: Федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ на 2012-2018 годы» (курорт Белокуриха), краевую целевую программу «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2011-2016 годы (ленточные сосновые боры в рамках туристских кластеров «Егорьевский» и «Завьялово-Гуселетово»; «Царица ваз» и Курья – родина М.Т. Калашникова – в рамках туристского кластера «Горная Колывань»; Денисова пещера – в рамках туристского кластера «Солонешенский»; место образования Оби – в рамках туристского кластера «Сибирь изначальная»), муниципальную

целевую программу «Развитие туризма в г. Барнауле» (паровая машина И.И. Ползунова) и муниципальную программу «Развитие туризма в Бийском районе» (Сростки – родина В.М. Шукшина). Кроме того, все без исключения объекты входят в состав регионального туристского маршрута «Большое Золотое кольцо Алтая», а половина из них являются ключевыми для регионального брендового туристского маршрута «Малое Золотое кольцо Алтая» [11].

Таким образом, названные уникальные туристские ресурсы заслуживают приоритетного внимания при реализации проектов продвижения Алтайского края как территории интенсивного развития туризма.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Главного управления экономики и инвестиций Алтайского края, проект № 14-06-98003)*

Библиографический список

1. Turner, S. Siberia. A Record of Travel, Climbing, and Exploration. – N.Y.:CHARLES SCRIBNER'S SONG; LONDON: T. FISHER UNWIN, 1905.
2. Камбалов, Н.А. По Алтаю / Н.А. Камбалов, Т.Г. Дулькейт. – Барнаул, 1963.
3. Алтайский край // Туристские районы СССР. – М., 1987.
4. Алтайский край / состав. Н.Ф. Харламова, С.В. Харламов. – М., 2005.
5. Харламов, С.В. Большое путешествие // Туристские районы Алтайского края – Барнаул, 2013.
6. Николаев, В.А. Ландшафты и географическое районирование, карты: атлас Алтайского края / В.А. Николаев, Г.С. Самойлова. – М.: Барнаул, 1978. – Т. 1.
7. Шуньков, М.В. Летопись каменного века. Алтайский благодатный край // Наследие народов Российской Федерации. – М., 2007.
8. Научная Россия [Э/р]. – Р/д: <http://scientificrussia.ru/articles/denisovskie-lyudi>
9. Гусельникова, М.П. Гениальный самоучка Иван Ползунов / Алтайский благодатный край // Наследие народов Российской Федерации. – М., 2007.
10. Дунец, А.Н. Устойчивое развитие туризма в горных центрально-континентальных районах (на примере Алтае-Саянской горной страны) // Вестник Национальной академии туризма. – 2009. – № 1.
11. Харламова, Н.Ф. Туристские ресурсы Алтайского края / Н.Ф. Харламова, А.Н. Романов, Ю.И. Винокуров, С.В. Харламов. – Барнаул, 2011.

Bibliography

1. Turner, S. Siberia. A Record of Travel, Climbing, and Exploration. – N.Y.:CHARLES SCRIBNER'S SONG; LONDON: T. FISHER UNWIN, 1905.
2. Kambalov, N.A. Po Altayu / N.A. Kambalov, T.G. Duljkeyjt. – Barnaul, 1963.
3. Altajskij kraj // Turistskie rajonih SSSR. – M., 1987.
4. Altajskij kraj / sostav. N.F. Kharlamova, S.V. Kharlamov. – M., 2005.
5. Kharlamov, S.V. Bolshoe puteshestvie // Turistskie rajonih Altajskogo kraja – Barnaul, 2013.
6. Nikolaev, V.A. Landshaftih i geograficheskoe rajonirovanie, kartih: atlas Altajskogo kraja / V.A. Nikolaev, G.S. Samojlova. – M.; Barnaul, 1978. – T. 1.
7. Shunjkov, M.V. Letopisj kamennogo veka. Altajskij blagodatnij kraj // Nasledie narodov Rossijskoj Federacii. – M., 2007.
8. Nauchnaya Rossiya [Eh/r]. – R/d: <http://scientificrussia.ru/articles/denisovskie-lyudi>
9. Guseljnjkova, M.P. Genialnij samouchka Ivan Polzunov / Altajskij blagodatnij kraj // Nasledie narodov Rossijskoj Federacii. – M., 2007.
10. Dunec, A.N. Ustojchivoe razvitie turizma v gomihkh centraljno-kontinentalnihkh rayonakh (na primere Altae-Sayanskoy gornoy stranih) // Vestnik Nacionalnoj akademii turizma. – 2009. – № 1.
11. Kharlamova, N.F. Turistskie resursih Altajskogo kraja / N.F. Kharlamova, A.N. Romanov, Yu.I. Vinokurov, S.V. Kharlamov. – Barnaul, 2011.

Статья поступила в редакцию 11.09.14

Раздел 11

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Редактор раздела:

СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ПОЛЯКОВ – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)

УДК 34.096

Boynov E.I. A CURRENT STATUS AND ISSUES OF PROBLEMS OF INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS AND INTERNAL TROOPS IN PERFORMING TASKS IN CASES OF TERRORISTIC ACTS AT NUCLEAR INDUSTRIAL COMPLEXES. This article discusses the main issues and guidelines for the development of interaction of ATS and explosives in cases of threats of terrorism and terroristic acts at sites of a nuclear-industrial complex. The author analyzes the characteristics and shortcomings of the legal framework governing the issue. The paper explains the meaning of a notion of a "nuclear terrorism" and describes the prevention measures directed to the extinction of a terroristic act. The main ideas on the methods in the work against nuclear terrorism comprise the conclusion of the paper.

Key words: terrorism, nuclear terrorism, interaction, sites of nuclear industry plants, prevention, act of terrorism.

*Е.И. Бойнов, подполковник полиции, слушатель Академии управления МВД России, г. Москва,
E-mail: Diplomat-1978@mail.ru*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОВД И ВВ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ИМИ ЗАДАЧ ПРИ УГРОЗЕ И СОВЕРШЕНИИ АКТОВ ТЕРРОРИЗМА НА ОБЪЕКТАХ ЯДЕРНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

В статье рассматриваются основные проблемы и ориентиры развития взаимодействия ОВД и ВВ при угрозе и совершении актов терроризма на объектах ядерно-промышленного комплекса. Автором проанализированы особенности и недостатки законодательной базы, регулирующей данную проблему. Статья раскрывает содержание понятия «ядерный терроризм», рассмотрены профилактические действия, направленные на пресечение акта терроризма. Статья подводит некоторые итоги изучения проблемных вопросов взаимодействия ОВД и ВВ при выполнении ими задач при угрозе и совершении актов терроризма на объектах ЯПК, в итоге выделены основные позиции по противодействию ядерного терроризма.

Ключевые слова: терроризм, ядерный терроризм, взаимодействие, объекты ядерной промышленности, профилактика, террористический акт.

Мировая и отечественная практика показывает, что взаимодействие должно организовываться в интересах тех, кто играет определяющую роль в решении поставленной задачи.

Как известно взаимодействие – один из важнейших принципов согласования по цели, месту, времени и способам применения различных по предназначению и составу, структур принимающих участие в выполнении поставленных задач.

В исследуемых условиях данными структурами являются части и подразделения внутренних войск, обеспечивающие охрану и оборону объектов ЯПК. В этом случае, территориальные органы внутренних дел своей оперативно-служебной деятельностью должны, как бы, обеспечивать служебно-боевую деятельность внутренних войск.

На практике, как показало исследование, данное положение вещей представляется в несколько ином ракурсе. И более того, сегодня система взаимодействия ОВД и ВВ, принимающих участие в обеспечении физической защиты объектов ЯПК, оказалась не в полной мере готова к современным угрозам ядерного терроризма на охраняемых объектах.

Таким образом, считаем целесообразным рассмотреть проблемные вопросы взаимодействия между ОВД и ВВ начать с правовых и организационных основ противодействия ядерно-

му терроризму, так как именно от этих аспектов в конечном итоге и зависит согласованность в действиях всех структур призванных обеспечить физическую защиту объектов ЯПК.

Анализируя правовые основы противодействия терроризму, мы опираемся на международные и Российские законодательные акты.

В мировой практике накоплен значительный опыт обеспечения безопасности объектов ядерной промышленности, который базируется на прочной правовой и организационной основе. Основопологающим во всех системах обеспечения физической защиты в различных странах является надежное и четкое взаимодействие между службами охраны и местными структурами внутренних дел (полиция, жандармерия и т.д.). Частично зарубежный опыт уже взят на вооружение в России. Однако, в ряде случаев, слепое копирование мирового опыта в отечественную практику не только не повышает эффективность совместных действий, а наоборот может принести вред, что обусловлено спецификой нашего производства, особенностями условий обстановки и требует дифференцированного подхода к Российской действительности.

Эти особенности отмечаются уже при анализе законодательной базы по обеспечению совместных действий ОВД и ВВ при

охране ЯО и их противодействию терроризму. К законодательным актам Российской Федерации, регулирующим деятельность правоохранительных органов по противодействию терроризму мы относим: Конституцию Российской Федерации [1], законы «О безопасности» [2], «О противодействии терроризму» [3], «О полиции» [4], «О внутренних войсках МВД РФ», «Об оперативно-розыскной деятельности» [5], «Об обороне», «О службе внешней разведки», «О средствах массовой информации», «О прокуратуре РФ» и другие.

В системе правовых мер, призванных обеспечить охрану государственного строя и прав граждан от преступных посягательств, важную роль играют Основы уголовного судопроизводства и Уголовный кодекс, содержащие нормы, предусматривающие ответственность за общеуголовные преступления, в том числе и терроризм.

При этом, проведенный анализ вышеуказанных документов, включая межведомственные и ведомственные нормативные акты, дает нам основание говорить о недостаточной проработке в них вопросов, относящихся к раскрытию основ совместной деятельности ОВД и ВВ по противодействию ядерному терроризму. Разработанное и принятое в июне 2000 г., «Положение о взаимодействии в системах физической защиты ядерно-опасных объектов», хотя и согласованно с главным штабом ВВ МВД России не может быть признано совершенным для сегодняшнего дня.

На взгляд автора, вопросам противодействия ядерному терроризму необходимо придать первостепенное значение в связи с особой, общественно опасной формой проявления и непоправимыми последствиями. В законодательных актах содержащих общее понятие о терроризме необходимо выделить ядерный терроризм в отдельный раздел или, что было бы наиболее правильным, создать законодательные акты, непосредственно определяющие формы противодействия ядерному терроризму [1]. Именно так это сделано по отношению к терроризму на воздушном транспорте. Законодательные меры касаются вопросов общего терроризма и совершенно не учитывают терроризм ядерный. Вопросы профилактики терроризма неоднократно рассматривались на заседаниях межведомственной антитеррористической комиссии. Однако, на основе анализа и углубленного изучения принятых ей документов, автор пришел к выводу, что, в большинстве своем, все законодательные акты направлены на вопросы профилактики террористической деятельности, нацелены на пресечение непосредственной угрозы или акта терроризма, но не регламентируют порядок реализации правоохранительными структурами совместных ОВД и ВВ функций, когда угроза террористического акта на объекте ЯПК реальна.

Под профилактикой ядерного терроризма следует понимать совокупность знаний и деятельность правоохранительных структур в целях:

- выявления и нейтрализации причин ядерного терроризма;
- выявления и нейтрализации условий, способствующих ядерному терроризму;
- выявления и нейтрализации организаций и групп, способных поставить своей задачей ядерный терроризм;
- определения форм и методов контроля.

Для того, чтобы в полном объеме понимать и осуществлять профилактическую деятельность необходимо понимание обобщенных целей террористов и исходя из их анализа можно определить комплекс совместных мер ОВД и ВВ, которые мы условно разделили на три группы:

- информационно-аналитическая деятельность;
- общая и специальная профилактика;
- специальные мероприятия, проводимые ОВД и ВВ при непосредственной угрозе террористического акта на объекте ЯПК.

Информационно-аналитическая деятельность осуществляется всеми субъектами заинтересованными и задействованными в обеспечении безопасности объектов ядерной энергии. Цель данной деятельности, прогнозирование предпосылок, тенденций развития различных видов и форм терроризма в том или ином регионе, социальном объединении граждан, с учетом внутриполитических, социально-экономических, национально-этнических криминогенных, религиозных, демографических факторов.

Общая профилактика может осуществляться всеми субъектами заинтересованными и задействованными в обеспечении безопасности объектов ядерной энергии. Цель данной деятельности, противодействие развитию негативных процессов, конфликтности в обществе, социальному ожесточению людей, своевременное реагирование политическими, социально – экономическими методами на тенденции определенных партий, религиозных объединений, общественно-политических движений к проявлению экстремизма, использованию вооруженных способов борьбы.

Специальная профилактика осуществляется силами субъектов обеспечения безопасности объектов ядерной энергии, в пределах их компетенции и носит более оперативный характер.

Практика деятельности органов внутренних дел идет по пути проведения специальных профилактических операций для устранения причин роста отдельных видов преступлений. Она вполне оправдывает себя. Но в борьбе с терроризмом, в том числе ядерным, проведение профилактических операций по какому-то виду преступлений не может дать полный эффект, т.к. террор осуществляется как путем совершения различных преступлений, так и тщательно спланированными действиями направленными только на совершение акта терроризма, с соблюдением жесткой конспирации, исключением утечки информации о готовящемся террористическом акте. Современный террорист – это не обязательно преступник в прошлом, скорее, это более политизированный элемент, чем преступный.

В связи с этим необходимо рассматривать антитеррористическую профилактику, как комплекс идеологических, информационно – аналитических, оперативных и войсковых мероприятий, согласованных по периодам, целям, содержанию, задачам, объектам профилактики и субъектам участия в ней.

На основании обобщения и анализа полученной информации об обострении оперативной обстановки и появление признаков, свидетельствующих о возможных террористических актах разрабатываются меры по их предотвращению и пресечению.

Завершая рассмотрение современного состояния и проблемных вопросов взаимодействия ОВД и ВВ при выполнении ими задач при угрозе и совершении актов терроризма на объектах ЯПК, необходимо выделить следующие основные позиции:

1. Система безопасного функционирования объектов ЯПК в России нуждается в детальном рассмотрении на основе опыта передовых стран мира, с учетом современных угроз, т.е. реального положения в атомной промышленности нашей страны.

2. При рассмотрении системы обеспечения физической защиты необходимо учитывать уже существующую систему безопасности и наличие материальных средств на данную безопасность.

3. Необходимы новые, кардинальные, технические и организационные решения обеспечения безопасности, основанные на опыте передовых стран мира и существующей системы деятельности правоохранительных структур.

4. Необходимо вводить в систему деятельности правоохранительных органов, служб безопасности объектов, новое понятие – ядерный терроризм, со всеми вытекающими организационными и юридическими последствиями.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993года, (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации «О поправках к Конституции Российской Федерации» от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ).
2. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 N 390-ФЗ.
3. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.06.2014) «О противодействии терроризму».
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».
5. Федеральный закон № 27-ФЗ от 6 февраля 1997 г. «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Bibliography

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12 dekabrya 1993goda, (s uchetoj popravok, vnesennihh Zakonami Rossijskoj Federacii «O popravkakh k Konstitucii Rossijskoj Federacii» ot 30.12.2008 № 6-FKZ i ot 30.12.2008 № 7-FKZ).

2. Federal'nyi zakon «O bezopasnosti» ot 28.12.2010 N 390-FZ.
 3. Federal'nyi zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ (red. ot 28.06.2014) «O protivodeystvii terrorizmu».
 4. Federal'nyi zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ «O policii».
 5. Federal'nyi zakon № 27-FZ ot 6 fevralya 1997 g. «O vnutrennikh voyskakh Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federacii».
- Статья поступила в редакцию 08.09.14*

УДК 343

Gontar S.N., Uvarov N.A. GENESIS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL PRIVACY RIGHTS FOR PEOPLE INVOLVED IN COURT PROCEEDINGS (FROM THE EARLY RUSSIAN STATEHOOD TO THE BEGINNING OF 20TH CENTURY). This article examines the historical aspects of formation and development of a constitutional right to privacy of an individual working in the field of court proceeding. The authors give examples from the life of Russia, which show the first attempts to legislate privacy of citizens on the example of so-called codes, established in 1136, 1209, 1649 and in 1903. Thus, the authors reveal the main periods of the development of the right to privacy, which is of great scientific interest.

Key words: constitutional rights, right to privacy, criminal justice.

С.Н. Гонтарь, канд. юр. наук, начальник каф. криминалистики, ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Ставрополь, E-mail: s_gontar@mail.ru;
Н.А. Уваров, преп. каф. криминалистики ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Ставрополь, E-mail: uvaroff.nikolai@yandex.ru

ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЛИЦА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (С НАЧАЛА СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ДО НАЧАЛА XX В.)

В статье исследуются исторические аспекты становления и развития конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства. Авторы приводят примеры из истории Руси, в которых показаны первые попытки закрепить законодательно неприкосновенность частной жизни граждан на примере так называемых Краткой Правды 1136 г. и Пространной Правды 1209 г., Соборного Уложения 1649 г., Уголовного Уложения 1903 года. Тем самым авторы раскрывают основные периоды становления права на неприкосновенность частной жизни, что представляет научный интерес.

Ключевые слова: конституционные права, право на неприкосновенность частной жизни, уголовное судопроизводство.

Право на неприкосновенность частной жизни, являясь одним из основных конституционных прав человека и гражданина, отражает стремление каждого иметь свой собственный мир интимных, семейных, деловых и иных интересов, не подлежащих контролю со стороны государства и общества.

Кардинальное изменение отношения государства к личности связано с принятием в 1993 году Конституции РФ [1], впервые закрепившей право на неприкосновенность частной жизни. В связи с этим, частная жизнь лица уже не может рассматриваться как социальная категория, не имеющая правового содержания.

Невмешательство государства в частную жизнь граждан – один из принципов гражданского общества. Неприкосновенность частной жизни граждан всегда признавалась ценностью, неотъемлемым правом человека, хотя степень возможного вмешательства государства в частную жизнь своих граждан в различные периоды существования нашего государства была различна.

Как отмечает Т.В. Кашанина, «процессуальное право как совокупность правовых норм ... появляется лишь на сравнительно поздних этапах жизни человеческого общества» [2]. Однако сама деятельность (процедура) по разрешению правовых споров, возникла уже на ранних этапах развития общества и права. Так, Г.В. Мальцев, отмечая это, пишет: «Зарождение примитивных процессуальных форм, упорядочивающих конфликтную ситуацию спора или наложения наказаний за действия, близкие к преступлению или являющиеся таковыми, относится к весьма ранним стадиям человеческого общества» [3].

Понимание необходимости особой охраны сведений, составляющих, в современном толковании, предмет частной жизни, имело место уже в самых ранних правовых памятниках России. На формирование права древней Руси сильное влияние оказывала религия. Связано это, в первую очередь, с принятием Рос-

сией христианства в 988 г. Его распространение на Руси, оказало существенное влияние на законодательство Киевской Руси и явилось фундаментом формирования норм уголовного судопроизводства. Христианская доктрина изначально несет в себе элемент «тайнства» [4]. Еще до возникновения канонического права правовые источники указывали на недопустимость никакого вмешательства в церковные таинства и устанавливали самые суровые наказания за нарушения этого запрета. Уже со времени Лютеранского собора (1215 г.) в каноническом праве Европы утвердилось положение о тайне исповеди, которую никто не вправе нарушить. Христианская религия сыграла решающую роль в проявлении всякого рода индивидуальных начал в человеке, в том числе интимных. Как отмечает Г.Д. Мепаришвили, «аскетизм и десексуализация бытия, занимающие заметное место в системе христианских ценностей, стесняли идею свободной индивидуальной жизни и породили явление, которое не знала ни одна прежняя культура, а именно – табуирование (от слова «табу») тела человека как такового. Дальнейшее развитие общественных отношений, науки и техники привело к существенному расширению круга тайн частной жизни человека. За занавесом оказались жилище, личная переписка и документация и т.д.» [5]. Следовательно, уже в средневековые европейская правовая мысль стала признавать право отдельного человека, по сути, на свою собственную частную жизнь, со своими индивидуальными секретами, в которой судья ему — только Господь Бог. В историографии усиление правовой защиты индивида обусловливается также развитием городской цивилизации, в которой отдельный человек стал цениться как личность [6]. Именно взаимодействие двух основных факторов — христианства и городской цивилизации — стало краеугольным камнем для последующего юридического признания права человека не только на собственную персонификацию, но и на тайну частной жизни — как охраняемое законом благо.

Выдающуюся роль в развитии законодательства о праве на частную жизнь сыграла Русская Правда. Как отмечает В.М. Волженкина, «введенные этим законом процедурные установления — новеллы великих князей (под более поздним названием «Краткая Правда») с целью охраны администрации княжеского дома положили начало законодательным привилегиям, широко распространенным в современном международном, уголовном и уголовно-процессуальном праве и внутреннем законодательстве государств» [7]. Сохранились тексты Краткой Правды 1136 г. и Пространной Правды 1209 г., которые объединяли несколько разноименных кодексов и регулировали взаимоотношения и деятельность князей в Киеве и Новгороде. Эти документы содержали процедурные нормы уголовного процесса и интересны тем, что статья 17 указанного Закона — первая в России уголовно-процессуальная норма, определяющая правовой статус жилища. Холоп, укрывшийся в доме своего господина, не может быть изъят оттуда. Неприкосновенность жилища охранялась законом. Правовое обоснование неприкосновенности жилища можно отнести к началу возникновения института иммунитета в международном праве и создания современных норм [8].

Статья 67 Пространной Правды посвящена частично процессуальному праву. В ней излагались уголовно-наказуемые запреты и процедуры их применения. В более поздних правовых документах можно проследить дальнейшую эволюцию правовой охраны сведений частного характера.

Таким образом, уже в средневековых памятниках существовал феномен особого правового статуса ряда сведений, составляющих элементы частной жизни отдельного человека. Конечно, о правовом закреплении и охране частной жизни лица в средневековье говорить весьма трудно по причине отсутствия определенной системы законодательства. Для нас же важен факт того, что уже в это время потребностями общественного развития обуславливалась необходимость правовой защиты некоторых сведений, эволюционировавших в последствии к праву на неприкосновенность частной жизни в современном понимании этого термина.

Процесс усиления влияния церкви на процессы, происходящие в обществе, стал причиной повышенного интереса монархов ко всему, что было связано с церковными обрядами. Церковь выступала одним из средств государственного управления. Воля монарха, поддержанная церковью, возводилась в волю господина, и, следовательно, подлежала исполнению непрекаемо. Безусловно, интересы государства были превыше интересов отдельного человека. Изданное в 1649 году Соборное Уложение явилось, по сути, первым сборником законов, охватывающим вопросы государственного, административного, финансового, гражданского, уголовного права и судопроизводства. Соборное Уложение, будучи первым универсальным правовым документом русского абсолютизма, вообще весьма скрупулезно охраняет интересы государства и короны, разрешая любому произвольно убивать изменника и, более того, предписывая давать за это «государево жалованье» (ст. 2.15). Свидетельства значимости церковных предписаний можно найти в ст. ст. 1.1, 1.2 Соборного Уложения царя Алексея Романова 1649 года охраняющих церковные таинства, установив смерть «безо всякия пощады» за любое нарушение церковных обрядов, в том числе таинства литургии и исповеди [9]. Несмотря на преобладание приоритета воли монарха, названный акт впервые в отечественной истории непосредственно указал на существование

защиты личной и семейной тайны, в которую не имеют права вмешиваться «государственные люди» при осуществлении правосудия. Тем самым, в российской правовой системе еще до выделения отдельных отраслей права (в том числе, уголовно-процессуального законодательства) сформировалось положение об особом значении некоторых сведений личного (семейного) характера. Эта традиция была продолжена имперским судостроительным и уголовным законодательством на протяжении XVIII до начала XX веков.

Демократическое развитие российского общества в XIX — начале XX вв. также потребовало более серьезной защиты сведений, составляющих частную жизнь лица. Наиболее ярким проявлением особого отношения к частной жизни лица явилось установление уголовно-правовой охраны тайны личного и семейного характера. В статьях 162 — 170 Уголовного Уложения 1903 года выражался запрет на вмешательство должностных лиц при отправлении правосудия в личную и семейную жизнь человека, даже если это влекло определенные негативные последствия для системы судебной власти. Им строго запрещалось «вступаться в частные и непринадлежащие до них дела» [10]. В результате право на частную жизнь гражданина приобрело государственный статус, найдя свое выражение в свидетельском иммунитете от уголовного преследования, основанного на супружеской и родственных связях при совершении преступлений — отказа от дачи показаний против себя, супруга и близких родственников, недоносительства о преступлении или преступнике.

В этот же период в теории отечественного права появляется понятие служебной (профессиональной) тайны. Разглашение сведений о частной жизни лицом, обязанным хранить эту тайну, а так же какой-либо несанкционированный доступ к информации о частной жизни мог повлечь уголовную ответственность. Так, необходимость соблюдения такой разновидности профессиональной тайны, как адвокатская тайна была обоснована выдающимся русским юристом А.Ф. Кони, отметившим, что «проникнут нравственным элементом закон в том случае, когда воспрещает спрашивать о сознании подсудимого своему защитнику. Между защитником и тем, кто в тоске и тревоге от грозно надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой, скрываемый от других позор, таким подробностями личной жизни, по отношению к которым слепая Фемиды должна быть и глухую» [11].

Таким образом, в законодательстве России до Октябрьской революции 1917 года частная жизнь как правовая категория, нашла свое законодательное закрепление и стала объектом правовой охраны. Государство признавало право частной жизни через признания права каждого гражданина на тайну церковных обрядов (тайна исповеди), личную и семейную тайну, служебную тайну. Признание каждого вида тайны особым объектом правовой охраны было, в свою очередь, исторически обусловлено потребностями развития российского общества и государства. Можно констатировать, что право на неприкосновенность частной жизни имеет глубокие исторические корни и прошло долгий путь эволюции от понимания важности охраны сведений о частной жизни лица до реального законодательного закрепления рассматриваемого права.

Библиографический список

1. Конституция РФ. — М., 1993.
2. Кашанина, Т.В. Происхождение государства и права. — М., 1999.
3. Мальцев, Г.В. Происхождение и ранние формы права и государства // Проблемы общей теории права и государства. — М., 1999.
4. Кибальник, А.Г. Тайна в уголовном праве / А.Г. Кибальник, С.В. Кузьмин, И.Г. Соломоненко. — Ставрополь, 2000.
5. Меларишвили, Г.Д. О неприкосновенности личной документации граждан в уголовном процессе // Гос. и право. — 1996. — № 1.
6. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. — М., 1984.
7. Волженкина, В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. — СПб., 2001.
8. Памятники русского права. — М., 1952. — Вып. 1.
9. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. — М., 1984.
10. Бастрыкин, А.И. Розыск, дознание, следствие / А.И. Бастрыкин, И.Ф. Крылов. — Ленинград, 1984.
11. Кони, А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. — М., 1967. — Т. 4.

Bibliography

1. Konstituciya RF. — M., 1993.
2. Kashanina, T.V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava. — M., 1999.
3. Maljcev, G.V. Proiskhozhdenie i rannie formih prava i gosudarstva // Problemih obshchey teorii prava i gosudarstva. — M., 1999.
4. Kibalnik, A.G. Tajna v ugolovnom prave / A.G. Kibalnik, S.V. Kuzjmin, I.G. Solomonenko. — Stavropolj, 2000.

5. Meparishvili, G.D. O neprikosновенности lichnoy dokumentatsii grazhdan v ugolovnom processe // Gos. i pravo. – 1996. – № 1.
6. Gurevich, A.Ya. Kategorii srednevekovoy kul'tur. – M., 1984.
7. Volzhenkina, V.M. Normi mezhdunarodnogo prava v rossiyskom ugolovnom processe. – SPb., 2001.
8. Pamyatniki russkogo prava. – M., 1952. – Vihp. 1.
9. Rossiyskoe zakonodatel'stvo Kh-KhKh vv.: v 9 t. – M., 1984.
10. Bastrihkin, A.I. Rozhsk, doznanie, sledstvie / A.I. Bastrihkin, I.F. Krihlov. – Leningrad, 1984.
11. Koni, A.F. Sobranie sochineniy: v 8 t. – M., 1967. – T. 4.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 343.983

Zhigalova G.G. Ryasov A.A. USING OF SPECIAL MEDICAL KNOWLEDGE IN INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES AGAINST LIFE AND HEALTH OF A HUMAN. The paper gives an analysis of activities of an expert in the field of forensic medicines, when crimes against life and health of a human are investigated, and the role of this knowledge at the various stages of the investigative actions. The paper reveals the main problems related to the disclosing of crimes against life and health. The article summarizes new materials on the subject studied on the basis of the analysis of the practical experience of the authors and their colleagues. The work has interdisciplinary nature. It is scientific value is important for both medicine and law. The authors state that to improve the effectiveness of investigation of crimes, it is very important to organize a constant interaction between forensic institutions and bodies of inquiry, investigation and court.

Key words: forensic medicine examination, material evidence of biological extraction, exposure of crime.

Г.Г. Жигалова, канд. мед. наук, ст. преп. каф. криминалистики, ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» Ставропольский филиал, г. Ставрополь, E-mail: gugalovagalina@yandex.ru; **А.А. Рясков**, канд. юр. наук, доц. каф. криминалистики, ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» Ставропольский филиал, г. Ставрополь, E-mail: identifiks@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ПОЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье дан анализ деятельности эксперта в области судебной медицины при расследовании преступлений против жизни и здоровья человека, показана его роль на различных этапах следственных действий, раскрывающих основные проблемы, связанные с раскрытием преступлений против жизни и здоровья. В статье обобщен новый материал по исследуемой теме на основе анализа опыта практической работы как самих авторов, так и их коллег. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке медицины и юриспруденции. Авторы констатируют, что для повышения эффективности работы по раскрытию и расследованию преступлений имеет огромное значение организация постоянного взаимодействия судебно-медицинских учреждений с органами дознания, следствия, судом.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, вещественные доказательства биологического происхождения.

Тот факт, что участие судебно-медицинского эксперта в расследовании уголовных дел и не только значительно повышает эффективность следственных действий в раскрытии преступлений против личности, делает их более целенаправленными и полными, а иногда является единственным источником, позволяющим ответить вопросы, возникающие у следователя в процессе раскрытия преступлений, в том числе против жизни и здоровья человека. Не в силу незнания, а в силу неосведомленности в специальных вопросах судебной медицины следователем могут быть пропущены доказательства, которые специалист в области медицины способен ввести в ряд доказательств.

В преступлениях против жизни и здоровья человека, которые совершаются в настоящее время, поражают достаточно изощренные и извращенные способы их совершения, всё больше наблюдаются жестокость совершения рассматриваемых преступлений с элементами издевательства над людьми, особого цинизма, а также причинения потерпевшему и иным лицам тяжкого физического и психического насилия. Для успешного раскрытия и расследования современных преступлений следователю необходимо использовать не только адекватные средства и приёмы, но и применять наукоёмкие технологии. Расширяющиеся познания в различных сферах науки, в том числе судебной медицины и судебной психиатрии, раскрывают новые возможности в их использовании при расследовании различных видов и категорий преступлений [1].

При расследовании преступлений против жизни и здоровья человека возникают сложности, т.к. наблюдается нарушение процессов нормального функционирования человеческого организма, выходящее за границы приспособительных реакций орга-

низма человека. Специальные познания в области медицины позволяют следователю использовать имеющиеся у него процессуальные возможности наиболее полно при производстве следственных действий, что не противоречит Уголовно-Процессуальному Кодексу и специальным познаниям, имеющимся у должностных лиц уголовного судопроизводства.

Специалист в области медицины, в том числе и судебной, играет важную роль в производстве по уголовным делам на этапе досудебного производства, так как именно судебный медик может помочь следователю обнаружить следы преступления, воспроизвести порядок действий преступника, предложить алгоритм следственных действий, которые направлены на раскрытие данного правонарушения, изобличение конкретных лиц в его совершении, установление других обстоятельств, которые подлежат доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ).

Эксперт в области судебной медицины может оказать следователю помощь в выяснении некоторых обстоятельств, ранее установленных по уголовному делу, а также правильно задать или сформулировать вопросы допрашиваемому лицу. Вопросы, которые решаются при производстве данных расследования по уголовным делам о преступлениях против жизни и здоровья человека могут касаться ряда обстоятельств, при которых лицу были причинены телесные повреждения различной степени тяжести, а также механизма образования данных повреждений.

Неоценимое значение для расследования и раскрытия преступлений против жизни человека имеет осмотр трупа, который обязательно производится с участием судебного медика или врача соответствующей специальности, например врача скорой медицинской помощи.

Объектами судебно-медицинской экспертизы в этом случае выступают трупы, трупные материалы, вещества биологического происхождения, отделяемое слизистых оболочек человеческого организма, слеодообразующие выделения человеческого организма, живых лиц (подозреваемого, обвиняемого). С помощью судебно-медицинской, а также судебно-биологической, медико-криминалистической экспертиз решаются ряд вопросов, касающихся обстоятельства убийства и особенности преступника. При обнаружении трупа на месте происшествия решаются вопросы: какова причина наступления смерти, была ли смерть естественной или насильственной. В случае насильственной смерти выясняется, наступила ли она в результате воздействия тупых или острых предметов, либо стала следствием механической асфиксии, отравления, падения с высоты, воздействия электричества, радиоизлучения, воздействия высокой или чрезмерно низкой температуры.

Важную роль в расследовании преступления играет установление экспертом личности потерпевшего. При исследовании трупа эксперт определяет возраст потерпевшего, род его занятий, присущие ему вредные привычки, например, пристрастие к алкоголю, наркотическим веществам, курению, перенесенные при жизни заболевания, операции и травмы [2].

В экспертной практике достаточно часто наблюдаются случаи необходимости производства судебно-медицинской экспертизы трупов, подвергшихся посмертным трупным изменениям на поздних сроках (гниению, мумификации, жировоску, торфяному дублению). Основные затруднения при этом связаны со значительными искажениями картины повреждений и изменений в тканях и органах, а также телесных повреждений.

В деятельности следователя достаточно часто возникает необходимость проведения исследования трупа, который прижизненно имел болезненные изменения различных органов и тканей, а также решения вопроса о причине наступления смерти, например, труп, который находился в водной среде, труп, подвергшийся прижизненному воздействию высокой температуры (пламени). Данные обстоятельства затрудняют решение вопросов о непосредственной причине смерти, характере повреждений и прижизненном или посмертном происхождении выявленных повреждений, механизм их образования.

Свои особенности имеет расследование уголовных дел, когда совершается убийство с расчленением трупов. Наиболее важное значение при расследовании таких преступлений имеет судебно-медицинское исследование трупов с целью сокрытия следов и места преступления, затруднения опознания личности убитого, облегчения транспортировки частей трупа с места преступления. Преступник может прибегнуть к обезображиванию

трупа, в первую очередь, изменяя лицо и другие части тела, которые могут быть использованы для опознания. Например, удаляет зубы, отрезает уши, искажает кожу лица, отсекает ногтевые фаланги пальцев рук, устраняет особые приметы (рубцы, татуировки, родимые пятна и т.п.), удаляет индивидуальные признаки (молочные железы, наружные половые органы и т.п.). Судебно-медицинский эксперт особенно тщательно осматривает линии расчленения, характер краёв ран, распилов, кровоизлияний. На костях и хрящах исследуются поверхности расчленения с целью выявления следов, оставленных орудием. Положение конечности при отчленении устанавливают по направлению и локализации повреждений, по следам крови, кровоподтёков. При обнаружении частей расчленённого трупа судебно-медицинский эксперт может дать заключение о возможных профессиональных навыках в секционной технике у преступника.

Важное значение имеет тщательная фиксация специфики отчленённых кистей и стоп (размеры, возможные аномалии развития, следы перенесённых заболеваний, рубцы, мозоли, состояние костей, загрязнения, и др.).

Если на месте происшествия обнаружены кисти рук, то части трупа дактилоскопируются, если имеющиеся повреждения позволяют провести данное исследование [3]. Эксперт-криминалист совместно с экспертом-медиком получают отпечатки пальцев и составляют дактилокарту [4].

Вещественные доказательства со следами биологического происхождения являются распространенными объектами судебно-медицинского (биологического) исследования. Эксперт решает вопросы о видовой принадлежности обнаруженных следов крови, их гендерной принадлежности, принадлежность крови потерпевшему или подозреваемому лицу. Возможно определение специфических характеристик преступника при исследовании оставленных им на месте происшествия выделений (пота, мочи, кала или крови). При расследовании преступлений значительный интерес представляет судебно-одорологическая экспертиза [5].

Особый интерес представляет изучение вопроса участия судебно-медицинского эксперта в расследовании преступлений, совершённых медицинскими работниками.

Существует необходимость в обобщении информации и анализе практики использования и применения специальных судебно-медицинских познаний при расследовании преступлений, в том числе против жизни и здоровья человека. Для повышения эффективности работы по раскрытию и расследованию преступлений большое значение имеет организация постоянного взаимодействия судебно-медицинских учреждений с органами дознания, следствия, судом.

Библиографический список

1. Кустов, А.М. Судебная медицина в расследовании преступлений: курс лекций. Криминалистика / А.М. Кустов, С.С. Самищенко. – М., 2002.
2. Величко, Н.Н. Основы судебной медицины и судебной психиатрии: учебник. – М., 2002.
3. Гонтарь, С.Н. Собрание вещественных доказательств при раскрытии и расследовании преступлений: монография. – Ставрополь, 2012.
4. Рясов, А.А. Собрание вещественных доказательств при раскрытии и расследовании преступлений: монография. – Ставрополь, 2012.
5. Кондрашова, Н.П. Использование специальных познаний в области судебной медицины при расследовании преступлений против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 2009.

Bibliography

1. Kustov, A.M. Sudebnaya medicina v rassledovanii prestupleniy: kurs lekciy. Kriminalistika / A.M. Kustov, S.S. Samithenko. – M., 2002.
2. Velichko, N.N. Osnovih sudebnoy medicinih i sudebnoy psikhiiatrii: uchebnik. – M., 2002.
3. Gontarj, S.N. Sobiranie veshchestvennikh dokazatelstv pri raskrihtii i rassledovanii prestupleniy: monografiya. – Stavropolj, 2012.
4. Rjasov, A.A. Sobiranie veshchestvennikh dokazatelstv pri raskrihtii i rassledovanii prestupleniy: monografiya. – Stavropolj, 2012.
5. Kondrashova, N.P. Ispoljzovanie specialjnihkh poznaniy v oblasti sudebnoy medicinih pri rassledovanii prestupleniy protiv zhizni i zdorovja: avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. – M., 2009.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 343. 9

Otarov A.A., Zhigalova G.G. THE UNITY OF FORM AND CONTENT AS A NECESSARY SIGN OF EVIDENCE USED AS A BASIS FOR THE ADOPTION OF THE CRIMINAL PROCEDURE DECISIONS. This article discusses some of the problems of the use of evidence in the process of investigation of crimes in criminal cases. In particular, the authors reveal the basics of the feature of unity of evidence content and form as an integral element of evidence used in judicial decisions in criminal cases. Thus, the authors contribute to the solution of this problem, proposing to amend Article 74 called "Evidence" in the Criminal procedure code of the Russian Federation.

Key words: evidence, criminal case, procedural decision, evidence, expert testimony.

А.А. Отаров, канд. юр. наук, ст. преп. каф. криминалистики, ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Ставрополь, E-mail: examiner_oa@mail.ru;
Г.Г. Жигалова, канд. мед. наук, ст. преп. каф. криминалистики, ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Ставрополь, E-mail: examiner_oa@mail.ru

ЕДИНСТВО СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ПРИЗНАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВАНИЙ ПРИНЯТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

В статье рассматриваются отдельные проблемы использования доказательств в процессе расследований преступлений по уголовным делам. В частности, авторами раскрывается сущность признака единства содержания и формы доказательства как неотъемлемого элемента доказательств, используемых в процессуальных решениях по уголовным делам. Тем самым авторы вносят свой вклад в решение этой проблемы, предлагая внести изменение в статью 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Доказательства».

Ключевые слова: доказательство, уголовное дело, процессуальное решение, вещественные доказательства, показания специалиста.

Доказательство, как и всякое отражение, всегда состоит из отображения или образа отображаемого, и формы, то есть способа существования и выражения отображения. Отображение является содержанием доказательства, которое представляет собой единство всех основных элементов, свойств и связей доказательства, оно существует и выражается в форме и неотделимо от неё. Поэтому доказательства в уголовном процессе не могут существовать исключительно в виде своего содержания или в виде формы. Для полноценной структуры доказательства должны одновременно состоять из содержания и формы.

Однако среди исследователей нет единства в понимании терминов «содержание доказательства» и «форма доказательства».

Традиционно считается, что содержанием доказательств являются заключённые в них «фактические данные» [1]. Под «фактическими данными» понимают: факты (или обстоятельства), сведения (или данные о фактах), сведения о фактах и сами факты, информацию [2].

Для определения содержания доказательств через понятие «фактические данные» необходимо, как представляется, брать за основу специфику появления и проявления отображаемого образа в ходе отражательных процессов.

По справедливому утверждению авторов [3], доказательство в уголовном процессе, будучи отражением объекта, структурно не отличается от сигнала. «Оно так же, как и любой сигнал имеет содержание – информацию, сведения о фактах, подлежащие установлению по делу». Информация же представляет собой сведения об окружающем мире и протекающих в нём процессах, которые воспринимаются человеком или специальными устройствами. В этой связи некоторыми учёными даже предлагалось заменить при определении доказательств понятие «сведения» на понятие «информация», поскольку первое неоправданно ограничивает круг доказательств сообщениями, исходящими от людей [4].

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении понятия «фактические данные», которое используется большинством исследователей в качестве основной составляющей содержания доказательств. Содержание доказательств как сведения (информация) совпадает с понятием «фактические данные». «Фактический» буквально означает отражающий действительное состояние чего-нибудь, соответствующий фактам, а термин «данные» – сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения [5]. Соответственно при сопоставлении указанных терминов «фактические данные» должны представлять собой сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения, которые отражают действительность. Поэтому «фактические данные» по своему этимологическому значению не отличаются от «сведений (информации)».

В части первой статьи 74 УПК РФ говорится о том, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определённом настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Законода-

тель прямо называет сведения доказательствами по уголовному делу. Вместе с тем, ч.2 ст.74 УПК РФ указывает, что в качестве доказательств допускаются: 1) показания подозреваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показания эксперта; 3.1.) заключение и показания специалиста; 4) вещественные доказательства; 5) протоколы следственных и судебных действий; 6) иные документы. Это есть не что иное, – отмечают В.Т. Томин, М.П. Поляков, А.С. Александров, – как законодательное подтверждение концепции «двойственного» понимания доказательств, признающей доказательствами как сведения (информацию), так и форму, в которой эти сведения представляются [6]. Сведения о фактах рассматриваются в отрыве от их процессуальной формы, при этом и то и другое рассматривается как доказательство, то есть одним и тем же термином обозначаются различные категории [7]. В этой связи, по нашему мнению, предписания ч.1 ст.74 УПК РФ обозначают только содержание уголовно-процессуальных доказательств, но они не могут заменять собой понятие самих доказательств по уголовному делу.

Понятие «форма доказательств» также не имеет однозначного понимания в науке уголовного процесса. Некоторые процессуалисты утверждают, что сам термин «источник доказательств» предпочтительнее бы заменить на термин «вид доказательства», который способен отразить различия как в способах сохранения и передачи сведений, так и в процессуальном положении носителя доказательственной информации [8]. По утверждению В.С. Балакшина, существуют серьёзные основания сомневаться в теоретической и практической обоснованности применения понятия «источник доказательств» [9]. Высказывается также суждение о том, что помимо понятия «источник доказательств» можно использовать такой термин, как «носитель информации» [10].

Полагаем, что форма доказательств неотделима от их содержания. Как обоснованно подчёркивает Ю.К. Орлов, в принципе форма и содержание неразделимы, поскольку не существует информации (как и энергии) вне какого-то материального носителя [11]. Поэтому форма доказательств должна быть способом существования содержания доказательств, служащим их процессуальным (законодательным) выражением. Эту роль способа существования содержания доказательств могут выполнять только определённые разновидности источников, в которые по закону оформляются (облачаются) сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Значит, процессуальная форма доказательств совпадает с такой категорией, как «источник сведений».

Однако как показывает непосредственный анализ положений действующего законодательства, прямого определения и указания на разновидности источников сведений или на разновидности процессуальных форм доказательств в УПК РФ не содержится. Закон (ч.2 ст.74 УПК РФ) сразу обозначает категории, которые допускаются в качестве доказательств. На самом деле указанные предписания не могут быть тождественны понятию «доказательства». Доказательства обязательно состоят из содержания, то есть любых сведений, и формы, то есть источника, в котором содержатся указанные сведения. Признание же в ч.2 ст.74 УПК РФ в качестве доказательств показаний подо-

зреваемого, обвиняемого, показаний потерпевшего, свидетеля, заключения и показания эксперта, заключения и показания специалиста, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий, иных документов не даёт ответа на вопрос о том, что в этих категориях представляет собой содержание доказательств (сведения об обстоятельствах и фактах), а что – их процессуальную форму (источник сведений об обстоятельствах и фактах).

В этой связи не случайно на практике органы уголовного судопроизводства признают доказательствами самые различные материалы, не придавая значения необходимости облачения их в строгую процессуальную форму.

Нередкими являются также случаи, когда полученные в не предусмотренной законом процессуальной форме доказательства влекли отмену приговора с направлением дела на новое судебное рассмотрение [12].

Поэтому представляется важным правильно обозначить в законе содержание и форму доказательств по уголовным делам. Соответственно ст.74 УПК РФ должна выглядеть следующим образом:

«Статья 74. Доказательства». Доказательствами по уголовному делу являются сведения, содержащиеся в показаниях по-

дозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, в заключении эксперта, в заключении специалиста, в протоколах следственных и судебных действий, в иных документах, либо сведения, выраженные в физических признаках предмета или вещи, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определённом настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

За необходимость законодательного усовершенствования понятия «доказательства» высказалось и большинство опрошенных нами практических работников. Так, в ходе интервьюирования 265 человек на вопрос «Считаете ли Вы необходимым предусмотреть в УПК РФ новое определение понятия уголовно-процессуальных доказательств» большинство – 179 респондентов (67,5%) – ответило положительно. Отрицательно высказалось 83 человека (31,3%), затруднились ответить – 3 из числа опрошенных (1,1%).

Тем самым можно резюмировать, что в настоящее время назрела необходимость конкретизации ст.74 УПК РФ в целях его совершенствования по рассмотренной проблеме.

Библиографический список

1. Лупинская, П.А. Понятие доказательства. Доказательства – средства доказывания // Уголовно-процессуальное право / под общ. ред. П.А. Лупинской. – М., 1997.
2. Шейфер, С.А. Доказательство и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – Тольятти, 1998.
3. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М., 1973.
4. Ларин, А.М. Рецензия на кн.: Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий / под ред. С.А. Пашина, Л.М. Карнозовой. – М., 1996. // Государство и право. – 1997. – № 10.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – М., 1989.
6. Томин, В.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Вводный / В.Т. Томин, М.П. Поляков, А.С. Александров. – М., 2002.
7. Григорьев, В.Н. О методологии совершенствования доказательственного права / В.Н. Григорьев, А.В. Победин // Государство и право. – 2003. – № 10.
8. Шейфер, С.А. Проблемы правовой регламентации доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве РФ // Государство и право. – 1995. – № 10.
9. Балакшин, В.С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация. – Екатеринбург, 2002.
10. Бедняков, Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М., 1991.
11. Орлов, Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. – М., 2000.
12. Постановление президиума Верховного суда Республики Татарстан от 25.04.2001 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 1.

Bibliography

1. Lupinskaya, P.A. Poniatie dokazatelstva. Dokazatelstva – sredstva dokazivaniya // Uголовно-processualnoe pravo / pod obth. red. P.A. Lupinskoy. – M., 1997.
2. Sheyfer, S.A. Dokazatelstvo i dokazivanie po ugovolnizm delam: problemih teorii i pravovogo regulirovaniya. – Tol'yatti, 1998.
3. Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugovolnom processe / otv. red. N.V. Zhogin. – M., 1973.
4. Larin, A.M. Recenziya na kn.: Sostyazatelnoe pravosudie. Trudih nauchno-prakticheskikh laboratoriy / pod red. S.A. Pashina, L.M. Karnozovoy. – M., 1996. // Gosudarstvo i pravo. – 1997. – № 10.
5. Ozhegov, S. I. Slovarj russkogo yazihka. – M., 1989.
6. Tomin, V.T. Kommentariy k Ugovolno-processualnomu kodeksu Rossiyskoy Federacii: Vvodniy / V.T. Tomin, M.P. Polyakov, A.S. Aleksandrov. – M., 2002.
7. Grigorjev, V.N. O metodologii sovershenstvovaniya dokazatelstvennogo prava / V.N. Grigorjev, A.V. Pobedkin // Gosudarstvo i pravo. – 2003. – № 10.
8. Sheyfer, S.A. Problemih pravovoy reglamentacii dokazivaniya v ugovolno-processualnom zakonodatelstve RF // Gosudarstvo i pravo. – 1995. – № 10.
9. Balakshin, V.S. Dokazatelstva v rossiyskom ugovolnom processe: ponyatie, suthnostj, klassifikaciya. – Ekaterinburg, 2002.
10. Bednyakov, D.I. Neprocessualnaya informaciya i rassledovanie prestupleniy. – M., 1991.
11. Orlov, Yu.K. Osnovih teorii dokazatelstv v ugovolnom processe. Nauchno-prakticheskoe posobie. – M., 2000.
12. Postanovlenie prezidiuma Verkhovnogo suda Respubliki Tatarstan ot 25.04.2001 goda // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. – 2002. – № 1.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 343

Ryasov A.A., Gontar S.N. **ON THE QUESTION OF THE CLASSIFICATION OF MOTION TRACES.** The article deals with the questions related to the evidence for classification of material traces; a most complete and integrated system of different types of material traces from the position of crime thracology is presented. The authors give a detailed description of the different types of motion traces: according to the type of information carrier: the ideal and the material traces of the crime; according to the material condition: item-traces; substance-traces; reflection-traces; according to the size: macro and micro traces. The authors described and classified reflection-traces, which differ by a type of impact energy; by origin; according to the degree of perception; by a degree of deformation of trace-perceptive surfaces; by a degree of transition of one object to another; by the direction of the impact of two objects at each other; by the area on trace-perceptive surfaces. The analysis of the motion traces summarizes research of scientists on this issue.

Key words: forensic science, thracology, traces, types of traces.

А.А. Рясов, канд. юр. наук, доц. каф. криминалистики, ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Ставрополь, E-mail: identifiks@mail.ru; **С.Н. Гонтарь**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: identifiks@mail.ru

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с основаниями для классификации материальных следов, приводится наиболее полная и целостная система различных видов материальных следов в криминалистической трасологии. Авторы дают подробную характеристику различным видам трасологических следов: по виду носителя информации: идеальные и материальные следы преступлений; по материальному состоянию: следы-предметы; следы-вещества; следы-отображения; по размеру: макро и микроследы. Отдельно авторами подробно описываются и классифицируются следы-отображения, которые различаются: по виду энергии воздействия; по источнику происхождения; по степени восприятия; по степени деформации следовоспринимающих поверхностей; по степени перехода части одного объекта на другой; по направлению воздействия двух объектов друг на друга; по зоне отображения на следовоспринимающей поверхности. Приведенный анализ трасологических следов обобщает исследования многих учёных по данной проблеме.

Ключевые слова: криминалистика, трасология, следы, виды следов.

Следы являются неотъемлемой частью нашей жизни. Они сопровождают любые изменения, происходящие в материальной среде. Изучения следов уже много лет является предметом исследования ученых, специализирующихся как в области уголовно-процессуальных исследований [1], так и в криминалистике. Им посвящен большой раздел, именуемый трасологией. Трасология (от фр. *tracé* – след + греч. *logos* – учение; учение о следах, следоведение) – раздел криминалистики, в котором изучаются теоретические основы следоведения, закономерности возникновения следов, отражающих механизм преступления; разрабатываются рекомендации по применению методов и средств обнаружения следов, их фиксации, изъятия и анализа с целью установления обстоятельств, имеющих существенное значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В настоящее время в криминалистике нет единого мнения об основаниях для классификации и самой классификации следов. На наш взгляд, проанализировав всю систематику следов можно представить следующую наиболее полную и целостную классификацию трасологических следов.

По виду носителя информации:

– *идеальные следы преступлений* – образы, отображенные в сознании человека и хранящиеся в его памяти;

– *материальные следы преступлений* – отображения в окружающей среде, как результат механического, химического, биологического, термического и иного воздействия на нее и отдельные объекты. Предметом изучения трасологии являются только материальные следы. Идеальные следы в большей степени изучаются при рассмотрении вопросов тактики производства отдельных следственных действий. В трасологии сформировалась довольно четкая система классификации материальных следов на различных уровнях и по целому ряду оснований [2].

По материальному состоянию: следы-предметы; следы-вещества; следы-отображения.

Следами-предметами принято называть материальные объекты, имеющие четко фиксированную материальную структуру, в устойчивом внешнем строении которых содержится информация, имеющая значение для расследования.

Следы-вещества – это объекты, не имеющие четко фиксированной материальной структуры и находящиеся в жидком, пастообразном, мазиобразном, сыпучем или газообразном состоянии, образующиеся в результате подготовки, совершения или сокрытия преступления. К ним можно отнести следы крови (капли, брызги, потеки, помарки), горюче-смазочных материалов, тормозных жидкостей, кислот, едких щелочей, одорологических (запаховые) следы, наркотические, взрывчатые вещества и т.д. Трасологические исследования этих следов направлены, чаще всего, на решение диагностических вопросов.

Следы-отображения (наиболее традиционные для трасологии) образуются при контактом взаимодействии двух объектов, в результате чего внешнее строение по меньшей мере одного объекта отображается на другом объекте.

По размеру все следы можно классифицировать на макро и микроследы.

Макроследами называют объекты, имеющие значительную массу, для обнаружения которых не требуется использовать увеличительные приборы.

Микроследами являются объекты, имеющие очень малую массу, для обнаружения которых требуется использовать увеличительные приборы. По своему материальному состоянию они могут быть в виде предметов, веществ и отображений.

Микроследы отображения – это следы, образованные в результате механического взаимодействия различных объектов, отличающиеся лишь своими микроскопическими размерами.

Микрочастицами принято называть небольшие по размеру материальные объекты, образовавшиеся в результате механического отделения от другого объекта. Микрочастицы – это твердые тела, обладающие устойчивой геометрией и структурой.

Микроколичества вещества – это жидкие, вязкие и сыпучие микрообъекты с неустойчивыми пространственными границами.

Важное значение в трасологии имеют представления о механизме слеодообразования следов отображения. Под механизмом слеодообразования следует понимать процесс взаимодействия различных объектов в результате которого остаются следы.

Результатом механизма слеодообразования является след-отображение.

Следы-отображения классифицируются по различным основаниям:

1. По виду энергии воздействия:

– механические – это следы, образованные в результате механического воздействия одного объекта на другой (следы рук, ног, транспортных средств и др.);

– химические – это следы, образованные в результате химического воздействия одного объекта на другой (следы, образованные кислотами и щелочами, например, следы травления или смывания в документах);

– термические – это следы, образованные в результате изменения температурной среды (ожоги, обморожения, следы пожара и др.);

– фотохимические – это следы, образованные в результате светового и химического воздействия одного объекта на другой (в качестве примеров можно привести фотографию, выцветание красителя в напечатанном тексте и др.).

2. По источнику происхождения выделяют следы человека, орудий и инструментов, транспортных средств и животных.

3. По степени восприятия: видимые; маловидимые; невидимые.

4. По степени деформации следовоспринимающих поверхностей объекта следы отображения можно разделить на две самостоятельные группы – объемные и поверхностные.

Объемные следы образуются в процессе деформации следовоспринимающей поверхности объекта и имеют три параметра – длину, ширину и глубину, или высоту. Например, шины транспортного средства при движении по грунтовой дороге после дождя оставляют объемные следы, при выезде того же автомобиля на асфальт, какое-то время также будут оставаться объемные, выступающие следы.

Поверхностные следы образуются в результате взаимодействия контактных поверхностей без их деформации. Они измеряются только по длине и ширине. Такие следы могут иметь и определенную глубину, но она либо практически не измерима, либо не имеет значения для результатов трасологического исследования. Например, потожировые следы рук или пылевые следы обуви.

5. По степени перехода части одного объекта на другой.

Следы наслоения, образуются в результате перехода части слепообразующего объекта, или того вещества, которое находится на нем, на следовоспринимающий объект (потожировой след пальца руки на бутылке).

Следы отслоения, образуются в результате перехода части следовоспринимающего объекта или того вещества, которое находится на нем, на слепообразующий (след краски переходящий на подошву обуви со свежеекрашенного пола). Однако, понятие слепообразующего и следовоспринимающего объекта при образовании таких следов очень относительно, например, при ДТП оба объекта одновременно являются и слепообразующими, и следовоспринимающими.

6. По направлению воздействия двух объектов друг на друга их можно разделить на две группы:

Динамические следы, образующиеся в тех случаях, когда одна точка слепообразующего объекта непрерывно касается нескольких точек следовоспринимающего (следы скольжения, торможения, юза, резания, трения, перекуса, распила, сверления).

Библиографический список

1. Рясов, А.А. Проблемы собирания вещественных доказательств в досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... канд. юр. наук. – Волгоград., 2008.
2. Гонтарь, С.Н. Собирание и предварительное исследование следов при производстве следственных действий: методич. рекомендации / С.Н. Гонтарь, С.Н. Кубитович, А.А. Рясов, Н.А. Уваров. – Ставрополь, 2011.

Bibliography

1. Rysov, A.A. Problemih sobiraniya veshchestvennykh dokazatelstv v dosudebnykh stadiyakh rossiyskogo ugovnogo processa: dis. ... kand. yur. nauk. – Volgograd., 2008.
2. Gontarj, S.N. Sobiranie i predvaritelnoe issledovanie sledov pri proizvodstve sledstvennykh deystvij: metodich. rekomendacii / S.N. Gontarj, S.N. Kubitovich, A.A. Rysov, N.A. Uvarov. – Stavropolj, 2011.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

УДК 94

Chedgemov S.R., Chedgemov I.Yu. INTERACTION OF POLICE AND HEALTH AUTHORITIES IN THE FIGHT AGAINST COMMUNICABLE DISEASES IN THE 19th CENTURY THE TEREK REGION. This article analyzes the interaction of police and health authorities in the fight against communicable diseases in the 19th century in present-day North Ossetia. The article is of interest, because it is interdisciplinary, written at the intersection of medicine, history, law. The novelty is presented in the article is that many of the facts are taken from archival documents, which were unfamiliar to most scientists. As a research task, the authors have defined an attempt to assess the nature of the interaction between the police and health authorities in the fight against infectious diseases in the 19 century in the Terek Region and specifically in North Ossetia. This presents an example of cooperation of various social institutions in the fight against serious diseases.

Key words: health history, Ossetia, Terek Oblast, social policy, infectious diseases, police.

С.Р. Чеджемов, канд. ист. наук, д-р пед. наук, проф. каф. гуманитарных, социальных и экономических дисциплин ГБОУ ВПО СОГМА Минздрава, Г. Владикавказ, E-mail: srchtdgtmov@mail.ru; **А.Ю. Чеджемов**, преп. каф. гуманитарных, социальных и экономических дисциплин ГБОУ ВПО СОГМА Минздрава, Г. Владикавказ, E-mail: srchtdgtmov@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ И ОРГАНОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В БОРЬБЕ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В XIX ВЕКЕ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируется взаимодействие полиции и органов здравоохранения в борьбе с инфекционными заболеваниями в XIX веке в Терской области. Статья представляет интерес, т.к. она носит междисциплинарный характер, написана на стыке медицины, истории, юриспруденции. Новизна представленного в статье материала заключается в том, что многие факты взяты из архивных документов и малоизвестны для большинства учёных. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка оценить характер взаимодействия полиции и органов здравоохранения в борьбе с инфекционными заболеваниями в XIX веке в Терской области и конкретно в Северной Осетии. Тем самым представлен пример сотрудничества различных социальных институтов в борьбе с серьёзными заболеваниями.

Ключевые слова: история здравоохранения, Осетия, Терская область, социальная политика, инфекционные заболевания, полиция.

Для Осетии, как и для многих регионов юга Российской империи в XIX веке, одной из острых проблем в здравоохранении являлась борьба с инфекционными заболеваниями. Наиболее распространенной и опасной являлась холера. Эта острая диарейная инфекция поражала десятки тысяч людей. Распространению данного заболевания во многом способствовал низкий санитарно-гигиенический уровень населения. Для усиления профилактических мероприятий и в условиях нарастания противоправных действий некоторой части населения, громивших больницы, в 1832 году в России была введена смертная казнь за несоблюдение карантина [4].

В дальнейшем эта мера долгие годы играла положительную роль в системе российского законодательства. По мере либерализации уголовного права смертная казнь трансформировалась в более мягкие виды уголовной ответственности. В современном законодательстве она предусмотрена только за заражение двумя видами болезней – венерическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией и предусматривает санкции, на наш взгляд, смехотворного свойства. Думается, что хотя бы в некоторой части, но следует вернуться к положительному опыту отечественного здравоохранения и ужесточить наказания за заражение опасными и неизлечимыми инфекционными заболеваниями.

Особого анализа заслуживает проблема совместной деятельности органов правопорядка и медицинских учреждений и организаций. В центральном государственном архиве Северной Осетии имеются дела, не введенные в научный оборот и, как нам кажется, в должной мере не проанализированные с точки зрения вопросов организации здравоохранения. Речь, в частности, идет об отчетах по линии существовавшего в середине XIX века всесильного и, следует объективно сказать, довольно высококомпетентного министерства внутренних дел Российской империи.

Имеющиеся отчеты и их анализ дают возможность выявить исторический процесс взаимосвязи органов государственной власти и общественных организаций в вопросах осуществления медицинской помощи населению. Это, например, дела, содержащие отчеты городского полицейского управления [1].

Согласно этим отчетам все медицинские заведения Владикавказа и Терской области ежемесячно сдавали в полицейское управление рапорты по специально утвержденной форме в виде специального бланка, который заполнялся либо на пишущей машинке, либо от руки. Среди прочих статистических показателей обязательным были количественные данные о том, сколько было положено по штату в той или иной административном поселении иметь медицинских работников по штату. Сколько имелось реально и сколько недоставало или имелось сверх комплекта врачей, фельдшеров, медицинских сестер и вспомогательного персонала.

Особое внимание в рапорте уделялось подробному отчету о смертности от заразных болезней. К таковым в те годы относились: оспа, скарлатина, дифтерия и круп, коклюш, грипп (так тогда писали грипп) тиф, подразделявшийся на: сыпной, брюшной, возвратный неопределенный, эпидемический менингит, кровавый понос, сибирская язва, водобоязнь (бешенство). Наименование болезней мы перечисляем в последовательности и орфографии архивного источника.

Помимо этого в ведомости содержались данные и числе больных, умерших, бежавших и выключенных, очевидно в современной лексикологии исключенных, по болезни нижних чинов армии. Данный отчет завершался полицейским письмоводителем, как в те годы называлась должность делопроизводителя.

В начале 1893 году перед городской управой Владикавказа и Моздока встал вопрос появления эпидемии холеры. В связи с этим, общественным управлением были проведены мероприятия по очистке всех водосточных городских канав, базарных площадей и всех городских общественных отхожих мест. Ежедневно производилась их дезинфекция карболовой кислотой, купоросом и негашеной известью. Населению предписывалось мусор и нечистоты сжигать на окраинах города, для чего городская дума выдавала необходимое количество керосина.

Городские власти совместно с полицейскими и медиками строго наблюдали за чистотой на базарах и площадях, на которых складывались и реализовывались продукты питания. Домовладельцы обязывались осуществлять чистку придомовой территории, тротуаров, уличных канав, дворов, отхожих мест и помойных ям.

Требовалось, чтобы все заинтересованные лица немедленно доносили о появлении эпидемических заболеваний с указанием возможных причин появления очага этой болезни и мер предпринятых для его локализации и прекращения. Медицинские учреждения, а в их отсутствие органы полиции либо старосты селений или избранные сельским собранием ответственные лица начиная с 1 дня заболевания должны были представлять руководству семидневный отчет в виде специальной ведомости.

Главный холерный комитет Терской области был открыт 25 октября 1865 года приказом начальника Терской области за номером 2686в целях принятия предупредительных мер на случай появления холерной эпидемии. Его председателем был назначен генерал-майор, граф Доброволь-Евдокимов, членами штаба комитета утверждены доктор войск области, статский советник Головинский, областной прокурор коллежский советник Евлахов, старший доктор Терпухов, начальник Осетинского округа Эглау и старший чиновник-войсковой старшины Беляков [3].

Главный холерный комитет Терской области имел четкую организационную структуру в своей деятельности подразделялся по административному принципу на местные комитеты названия, которых, как правило, олицетворяли их юрисдикцию.

Это были комитеты Владикавказский, Грозненский, Кизлярский, Нальчикский, Наурский, Пятигорский и Хасавюртский. Весьма примечательно, что данные отделы действовали в виде так называемой модульной схемы. Они разворачивали свою деятельность по мере необходимости и сворачивали ее, экономя государственные средства по мере того, как угроза эпидемии отступала. В этих случаях руководители отделов обращались со специальными петициями о закрытии в Главный холерный комитет.

Помимо непосредственно медицинских мер по борьбе с холерой комитет и его отделы проводили большую профилактическую разъяснительную работу, в том числе и с использованием средств наглядной агитации. Так, широко практиковалось издание различного рода памяток как пособий и средств для проведения профилактических бесед среди широких слоев населения. Факт их издания не только на русском языке, но и на языках других народов страны говорит о том, что подобная работа проводилась с привлечением сил национальной интеллигенции.

Так, согласно отчету за 1865 год памятка о борьбе с холерой была напечатана – на русском языке – 400 экземпляров, на грузинском и армянском – по 30 экземпляров, та татарском – 100 штук, на немецком 10. Помимо памяток были распечатаны краткие наставления по борьбе с холерой – на грузинском языке – 100, армянском 200, татарском 1000, немецком – 100 и еще 50 экземпляров на языке, наименование которого нам прочесть в архивном источнике не удалось, ввиду неразборчивости почерка. Помимо начальника Терской области большую роль в организации санитарного просвещения народов Терской области сыграл и. о. наместника на Кавказе, генерал-адъютант, князь Г. Д. Орбелиани. Судя по всему, именно ему принадлежит идея издания памяток по профилактике инфекционных заболеваний на местных языках. Во всяком случае, в архивном источнике именно им подписаны «Народно-врачебные наставления на случай появления холеры». В гражданских больницах и военных госпиталях были открыты холерные отделения. Городская санитарная комиссия открыла также временную холерную больницу на 120 коек (позднее она стала называться Рождественской барачной больницей) и 27 холерных приютов (от 6 до 30 коек каждый) во всех частях города [2]. В холерных приютах были организованы постоянные дежурства врачей или фельдшеров. Они при надобности использовали амбулаторные лечебницы для внезапно заболевших расстройствами желудочно-кишечного тракта людей. При полицейских частях были устроены склады дезинфекционных средств.

Во время эпидемий принимались максимально широкие противозидемические меры, создавались санитарные отряды, усиливался надзор за удалением нечистот и мусора, устанавливались бочки с кипяченой водой, выпускалась популярная санитарная литература, например, «Охранительные меры от холеры». В связи с появлением бактериологических лабораторий и развитием соответствующих исследований стал возможным санитарно-эпидемиологический контроль воды и пищевых продуктов, который совместно с бактериологической клинической диагностикой выявлял общую эпидемиологическую ситуацию в городе по определенной инфекции.

Специальные приказы по борьбе с холерой были изданы также военным ведомством, Министерством путей сообщения, Министерством финансов. В 1892 Министерство внутренних дел издало специальное распоряжение о борьбе с холерой. Во всех городах были созданы санитарно-исполнительные комиссии, которые обязаны были иметь планы борьбы с эпидемией, как в ожидании ее, так и на случай ее появления. Особо предусматривались меры общего оздоровления населенных пунктов, как-то содержание в чистоте улиц, площадей, дворов, очистка отхожих мест, мусорных и навозных ям, «неусыпное попечение» о чистоте источников воды для питья и обихода, санитарно-полицейский контроль за продажей съестных припасов и т.д.

При появлении первых случаев заболеваний холерой или похожей на нее болезнью предписывалось: немедленно донести об этом через полицейско-санитарную власть надлежащему начальству; расследовать свойство заболевания; безотлагатель-

но принять надлежащие меры изоляции и дезинфекции (изоляцию необходимо производить в лечебных учреждениях или в домах, где жили заболевшие, при этом выселяя из них всех здоровых); дома, в которых были случаи заболевания или смерти от холеры, должны были «непрерывно и немедленно» посещены членами комиссии для распоряжения по дезинфекции извержений, белья, платья, постелей и помещений больных и умерших. Во избежание распространения инфекции трупы не должны были обмываться, а завертываться в простыню, смоченную дезинфицирующим раствором, и скорее помещаться в гроб, забиваемый наглухо. Похоронные процессии и многолюдные похороны запрещались. Таким образом, следует признать успешной деятельность как постоянно действующих, так и временных комиссий и санитарные бюро во главе с санитарным врачом в деле борьбы с инфекционными заболеваниями.

Библиографический список

1. Гессен, С.Я. Холерные бунты (1830-1832). – М., 1932.
2. Центральный государственный архив РСО-Алания (в дальнейшем ЦГА РСО-Алания). Ф. 11. Оп. 52. Д. 791. Отчеты о состоянии Владикавказского городского полицейского управления. На 791л. – ЛЛ. 89-92.
3. ЦГА РСО-Алания. Ф. 197. Оп. 1. Д. 3. Дела Главного холерного комитета Терской области 1865. . На 28 л. Л.2 – 5 об.
4. ЦГА РСО-Алания. Ф. 161. Оп. 1. Д. 30. Переписка об открытии при 5 полках приемных покоев. 1878. Л.1.

Bibliography

1. Gessen, S.Ya. Kholerniye buntih (1830-1832). – M., 1932.
2. Centralniy gosudarstvenniy arkhiv RSO-Alaniya (v daljneyshem CGA RSO-Alaniya). F. 11. Op. 52. D. 791. Otchetih o sostoyanii Vladikavkazskogo gorodskogo policeyskogo upravleniya. Na 791l. – LL. 89-92.
3. CGA RSO-Alaniya. F. 197. Op. 1. D. 3. Dela Glavnogo kholernogo komiteta Terskoy oblasti 1865. . Na 28 l. L.2 – 5 ob.
4. CGA RSO-Alaniya. F. 161. Op. 1. D. 30. Perepiska ob otrikhtii pri 5 polkakh priemnihh pokojev. 1878. L.1.

Статья поступила в редакцию 08.09.14

Раздел 12

ЭКОЛОГИЯ.

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГИГИЕНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Редакторы раздела:

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПУЗАНОВ – доктор биологических наук, профессор, зам директора по научной работе Учреждения Российской академии Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул)

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ – доктор медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

УДК 911.52 (571.6); 504.54.05 (571.6)

Cheryomkin I.M., Alekseyev I.A., Puzanov A.B., Schyokina V. V. CHARACTERISTICS OF RODENT FAUNA IN LAUNCH AREA OF CONSTRUCTION SITES OF VOSTOCHNY SPACE AREA. As a result of the work of the authors of this paper on materials of the studies of landscape and ecology of a territory, where construction work in Vostochny Spaceport takes place, the scientists characterize fauna of rodents' food chain. The main indicators of different anthropogenic and ecological transformations show satisfactory conditions of the landscapes.

Key words: landscape, ecological analysis, Vostochny Spaceport, place of residing and population of animals.

И.М. Черёмкин, канд. биол. наук, доц. Благовещенского гос. педагогического университета;

И.А. Алексеев, канд. географ. наук, доц. Благовещенского гос. педагогического университета,

E-mail: alexeyev@bgpu.ru; **А.В. Пузанов**, д-р биол. наук, зам. директора по научной работе Института водных и экологических проблем СО РАН, E-mail: puzanov@iver.asu.ru; **В.В. Щекина**, канд. биол. наук, доц. Благовещенского гос. педагогического университета, E-mail: puzanov@iver.asu.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ФАУНЫ ГРЫЗУНОВ ТЕРРИТОРИИ ПОЗИЦИОННОГО РАЙОНА СТРОЯЩИХСЯ ОБЪЕКТОВ КОСМОДРОМА «ВОСТОЧНЫЙ»

Характеризуется фауна грызунов на основе материалов ландшафтно-экологической изученности территории позиционного района строящихся объектов космодрома «Восточный». Основные фаунистические показатели являются индикаторами антропогенной трансформации и экологического благополучия ландшафтов.

Ключевые слова: ландшафт, экологический анализ, космодром «Восточный», ареал и популяция животных, фауна грызунов.

Строящиеся объекты космодрома «Восточный» находятся в пределах недифференцированных площадок II-III надпойменных террас р. Зея, образующих мезоводораздельные поверхности, расчлененные долинами рек и долинообразными понижениями. В пределах анализируемой территории коренные породы фундамента в результате суффозии и линейной эрозии могут выходить на дневную поверхность, нередко образуя на склонах псевдокурумниковые комплексы. Почвенный покров образован вариациями почв буроземного ряда, луговых и болотных почв. Ландшафтная структура территории имеет характер обширного экотона смешанных лесных, лесолуговых, суббореальных и южнотаежных биоценозов.

Фоновые ландшафты позиционного района космодрома «Восточный» имеют высокую степень антропогенной трансформированности. В зооценотической структуре это проявляется в уменьшении по сравнению с окружающими территориями количества видов позвоночных животных и численности популяций. Достаточно крупные и быстро размножающиеся млекопитающие могут служить наряду с представителями почвенной

и напочвенной энтомофауны индикаторами экологического благополучия и качества ландшафтной структуры территории.

Фауна млекопитающих в пределах позиционного района космодрома «Восточный» и сопредельных территорий образована типичными представителями восточно-сибирского комплекса в совокупности с несколькими видами маньчжурского происхождения. Мозаичность биотопов, обусловленная экотональностью ландшафтных комплексов и сильной расчлененностью рельефа, обусловила формирование разнообразного видового состава млекопитающих, включая грызунов.

Грызуны, в частности, мышевидные – наиболее удобная для изучения процессов влияния антропогенного прессинга на биоценозы группа млекопитающих. Она многочисленна и способна быстро восстанавливать численность своих популяций. Мышевидные грызуны имеют высокую рождаемость, и изъятие для исследований определенного количества особей из популяций не вызывает никакого отрицательного воздействия на нее. Грызуны в отличие от более крупных млекопитающих не совершают больших по протяженности миграций и постоянно обитают на

достаточно ограниченной территории в непосредственном контакте с почвой.

В полевой период 2009 г. (до начала строительства объектов космодрома) в фауне исследуемой территории были выявлены 10 видов мышевидных грызунов семейств мышиных (*Muridae* Grar, 1821) и хомячьих (*Cricetidae* Fischer, 1914): восточноазиатская мышь (*Apodemus peninsulae* Thomas, 1907), домовая мышь (*Mus musculus* Linnaeus, 1758), серая крыса (*Rattus norvegicus* Berkenhout, 1969), полевая мышь (*Apodemus agrarius*, Pallas, 1771), мышь-малютка (*Micromys minutus* Pallas, 1771), барабинский хомячок (*Cricetulus barabensis* Pallas, 1773), красно-серая полевка (*Myodes rufocanus* Sundevall, 1846), красная полевка (*Myodes rutilus* Pallas, 1779), полевка Максимовича (*Microtus Maximowiczii* Schrenk, 1858), большая полевка (*Microtus Fortis* Buchner, 1889) [1].

В пределах территории позиционного района политоппы лесные виды: полевки красная и красно-серая, а так же восточно-азиатская мышь. В лесных биотопах доминирует полевка красная или красно-серая, на открытых пространствах – полевка Максимовича. По данным полевых наблюдений 2009 г. на осоково-разнотравных закоряченных, переувлажненных лугах в общем населении биотопа численность особей полевки Максимовича составила 42,8%, красно-серой полевки – 14,1% [1]. При этом процессы антропогенной трансформации ландшафтов не оказывают существенного влияния на характер распространения вышеуказанных видов.

В полевой период 2014 г. (через 1,5 года после начала строительства объектов наземной инфраструктуры космодрома «Восточный») полевые работы по изучению фауны грызунов осуществлялись на пяти ключевых участках, включающих типичные формы ландшафтно-биоценотической структуры территории.

Ключевой участок, расположенный в районе территории МИКа (площадка № 1) на выровненной, субгоризонтальной площадке, представлен хвойно-широколиственным лесом. Район размещения ловушек неоднократно пройден пожаром. Увлажнение имеет плакорный тип и достаточный уровень. Мертвая подстилка мощностью 3-4 см, она представлена опадом хвойных и лиственных пород, войлоком прошлогодних трав. Общая сомкнутость крон – 0,5, древостой представлен лиственницей Гмелина (*Larix gmelinii*), дубом монгольским, сосной обыкновенной (*Pinus sylvestris*) и осинкой. Формула древостоя 4Л4Д2С+О. Высота древесного яруса составляет 10-12 м, средний диаметр стволов – 22-24 см, подъярусы не выражены. На стволах деревьев дотмечены пиротравмы. Подлесок многовидовой, развит хорошо, общее проективное покрытие (ОПП) составляет 100%, в нем доминируют леспедеца двуцветная и рододендрон даурский (*Rhododendron dahuricum*) средней высоты около 120 см, к ним примешиваются шиповник даурский (*Rosa davurica*) и лещина разнолистная, изредка встречается таволга средняя. Травяной покров осоково-орляково-разнотравный. Из разнотравья можно отметить костянику (*Rubus saxatilis*), делленгерии шершавую (*Doellina gerascaber*), синурас дельтовидный (*Synurus deltoides*), крохоблюку аптечную (*Sanguisorba officinalis*), володушку длиннопучковую (*Bupleurum longiradiatum*), касатик одноцветковый (*Iris sibirica*), ландыш Кейске (*Convallaria arvensis*) и др. Возобновление естественное, семенное, степень сомкнутости крон – 15 %, представлено лиственницей, сосной и дубом. Ассоциация – сосново-лиственнично-дубовый лес леспедецево-орляково-разнотравный.

Ключевой участок, расположенный в 2-х км к северо-востоку от МИК (площадка № 2) в пределах пологонаклонного дна долинообразного понижения. Линия ловушек пересекает несколько биотопов: лиственнично-березовый лес, ольховник и кочкарный луг, лиственнично-березовый лес. Увлажнение имеет плакорный тип с достаточной степенью увлажнения. Мертвая подстилка мощностью 2-3 см, она представлена опадом хвойных и лиственных пород, войлоком прошлогодних трав. Общая сомкнутость крон 0,5, древостой представлен лиственницей Гмелина (*Larix gmelinii*) и березой плосколистной. Формула древостоя 5Л5Бп. Высота древесного яруса составляет 10-12 м, средний диаметр стволов – 18-20 см, подъярусы не выражены. На стволах деревьев наблюдаются разновозрастные пиротравмы. Подлесок развит хорошо, общее проективное покрытие составляет 100 %; средняя высота – около 1 м. Он многовидовой, в его составе леспедеца двуцветная, ива скрытая, шиповник даурский, таволга средняя. Травяной покров – осоко-

во-орляково-разнотравный. Ассоциация – лиственнично-березовый лес осоково-орляково-разнотравный. Ольховый лес имеет проточный тип увлажнения с избыточной степенью увлажнения. Мертвая подстилка мощностью 5 см, она представлена опадом лиственных пород. Общая сомкнутость крон – 0,6-0,7. Формула древостоя 6Ол2Бп2И. В составе древостоя ольха пушистая, береза плосколиственная и ива. Подлесок развит слабо, представлен рябинником рябинолистным. Травяно-кустарничковый ярус преимущественно осоково-хвощовый, ОПП составляет 40-45%. Ассоциация – ольховник рябинниково-осоково-хвощовый.

Ключевой участок, расположенный в районе стартового комплекса КРК «Союз-2» (площадка № 3) на участке выровненной мезоводораздельной площадки и долинообразного понижения. Представлен горельником на месте лиственнично-березового леса. Увлажнение имеет трансэлювиальный тип с нормальной степенью увлажнения. Мертвая подстилка мощностью 3 см, она представлена опадом березы, войлоком осок. Древостой имеет общую сомкнутость крон (СК) < 0,2, он представлен единичными экземплярами лиственницы Гмелина, березы плосколистной и осины. Подлесок развит хорошо (ОПП 60-65 %), образован леспедецей двуцветной, ивой скрытой, лещиной разнолистной, единичными экземплярами рододендрона даурского, таволги средней и шиповника даурского. Травяно-кустарничковый ярус – многовидовой, орляково-разнотравный, ОПП – 60-65%. Площадь неоднократно пройдена пожарами. Возобновление семенное и порослевое из дуба монгольского, березы плосколистной. Ассоциация – горельник на месте лиственнично-березового леса осоково-орляково-разнотравного.

Ключевой участок, расположенный в районе топливной станции (площадка № 4), на выровненной, субгоризонтальной площадке представлен хвойно-широколиственным лесом. Увлажнение имеет плакорный тип с достаточной степенью увлажнения. Мертвая подстилка мощностью 4-5 см, она образована опадом хвойных и лиственных пород, войлоком прошлогодних трав. Общая сомкнутость крон – 0,6. Древостой представлен лиственницей Гмелина (*Larix gmelinii*), сосной обыкновенной (*Pinus sylvestris*), дубом монгольским и березой даурской. Формула древостоя – 5Л3С1Д1Бп. Высота древесного яруса составляет 10-12 м, средний диаметр стволов – 22-24 см, подъярусы выражены. Первый подъярус представлен хвойными породами и березой (высота 15-16 м), второй – дубом монгольским (высота 7-8 м). Подлесок развит слабо, ОПП не более 10%, состоит из рододендрона даурского с осоково-разнотравным травяным покровом. Разнотравье представлено грушанкой хвойными породами, бокоцветкой однобокой, брусникой, чинкой низкой, фиалкой пальчатой. Возобновление естественное, семенное и порослевое, представлено сосной, лиственницей и дубом. Ассоциация – лиственнично-сосновый лес с дубом монгольским осоково-разнотравный.

Ключевой участок, расположенный в пределах выровненной площадки дна долины ручья Охотничий (площадка № 5), представлен сильно увлажненным заболоченным, закоряченным лугом (высота кочек – 30-50 см). Общее проективное покрытие подлеска составляет 5-7%; он представлен ивами (*Salix brachypoda*, *S. myrtilloides*), березой кустарниковой (*Betula fruticosa*) и ольхой пушистой (*Alnus hirsuta*), высота не более 80 см. Травяно-кустарничковый ярус – разнообразный, проективное покрытие – 90 %. На кочках преобладают осоки (*Carex minuta*, *C. schmidtii*, *C. globularis*) и вейник узколистный (*Calamagrostis angustifolia*), пространство между кочками заполнено водой и зелеными листостебельными мхами. Высокое разнотравье дает белый (*Angelica maximowiczii*, *Sanguisorba parviflora*), желтый (*Ligularia fischerii*) и голубой (*Aconitum macrorhynchum*, *Adenophora verticillata*) аспекты. Среди мелкотравья встречаются фиалка амурская (*Viola amurica*), калужница болотная (*Caltha palustris*), звездчатка ялусская (*Stellaria jaluana*), герань Власова (*Geranium wlassowianum*), мята даурская (*Mentha dahurica*) и др. Возобновление слабое, порослевое, сомкнутость его менее 5%, представлено только ольхой пушистой. Ассоциация – влажный кочкарный вейниково-осоковый луг.

Учеты относительной численности грызунов проводились стандартными методами. Животные отлавливались ловушками Геро; отработано 850 ловушко-суток. Были пойманы 173 зверька, которые относились к 6 видам: полевая мышь (*A. agrarius*), восточноазиатская лесная мышь (*A. peninsulae*), красная полевка (*M. rutilus*), красно-серая полевка (*M. rufocanus*), большая по-

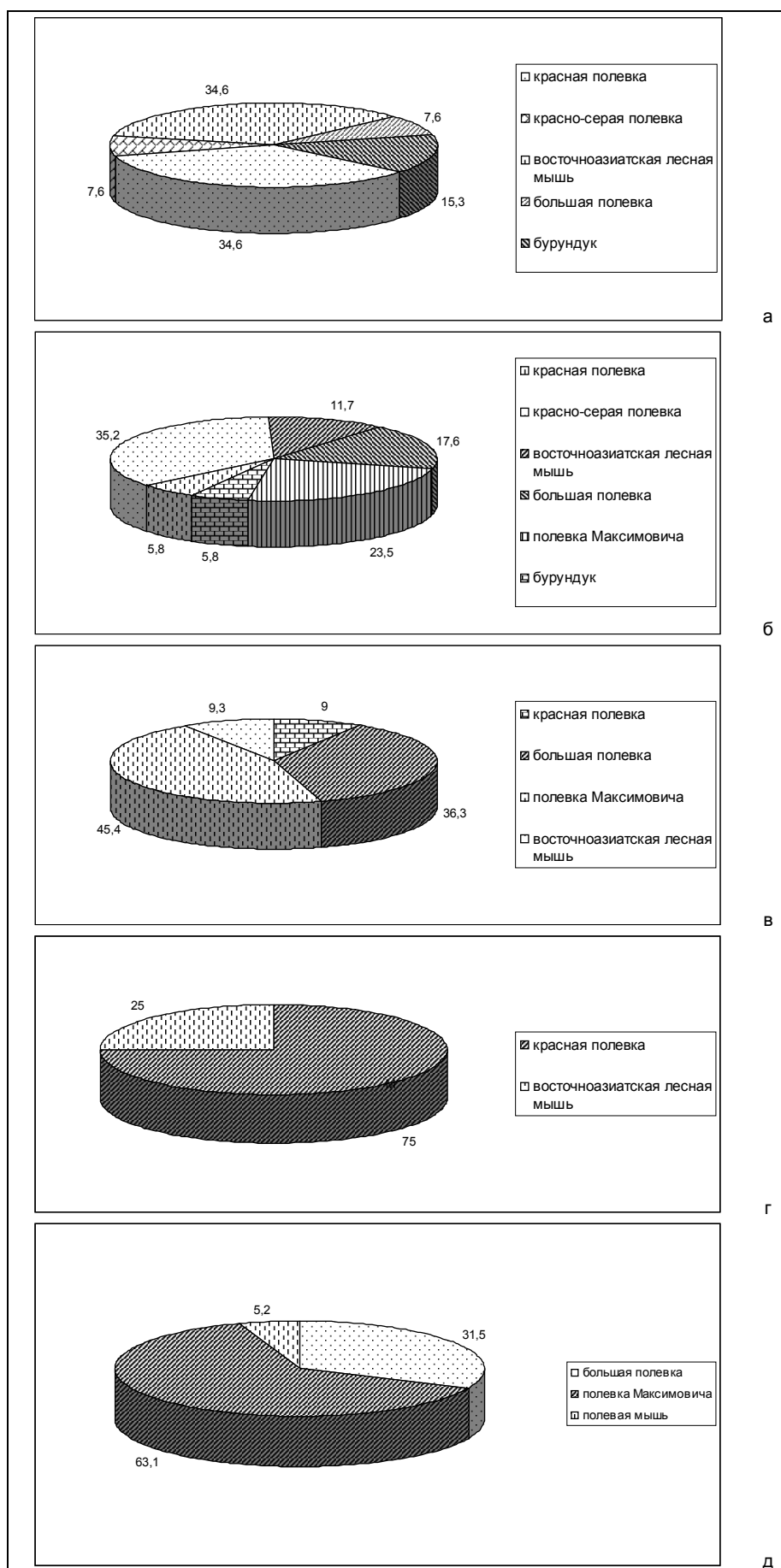

Рис. 1. Видовое обилие группировки грызунов: а – на ключевом участке № 1, б – № 2, в – № 3, г – № 4, д – № 5.

левка (*M. fortis*), полевка Максимовича (*M. maximowiczii*), азиатский, или сибирский бурундук (*T. sibiricus*). Анализ материала показал, что видовые группировки грызунов, населяющих территории пяти ключевых участков различаются по видовому составу и его обилию (рис. 1).

По богатству видового разнообразия на первом месте стоит ключевой участок № 2 (рис. 1б), расположенный к северо-востоку от МИК. На его территории отловлены грызуны шести видов: группировка лесных видов представлена красной и красно-серой полевками, а так же восточно-азиатской мышью и бурундуком. Кроме типично лесных видов в состав данной группировки вошли виды, являющиеся обычно обитателями открытых пространств (влажные заочкаренные луга различных травянистых ассоциаций). Это полевки Максимовича и большая.

Абсолютным доминантом здесь является красно-серая полевка (35,2% от общего числа выловленных). В качестве субдоминанта неожиданно для данного биотопа выступили мезофильные представители серых полевок – Максимовича и большая (23,5% и 17,6%, соответственно). На восточно-азиатскую мышь приходится 11,7 % и на красную полевку и бурундука – по 5,8%.

Относительно богатый видовой состав наблюдается и на ключевом участке № 1 (рис. 1а), расположенном на территории МИК. Здесь зарегистрировано 4 вида, представляющих лесную группировку – полевки красная и красно-серая, восточно-азиатская мышь и бурундук и 1 вид – обитатель открытых луговых пространств – большая полевка. В роли доминантов здесь выступают красная полевка и восточно-азиатская мышь (34,8% и 34,6%, соответственно). Довольно высокая доля участия в формировании группировки грызунов зарегистрирована у бурундука – 15,3%, у красно-серой и большой полевок 7,7 и 7,6%, соответственно.

На ключевом участке № 3 (рис. 1в) отловлены грызуны четырех видов: лесные виды – красная полевка и восточно-азиатская мышь, а также представители открытых пространств – полевки большая и Максимовича. Ядро группировки грызунов в пределах анализируемой площадки составили серые полевки Максимовича (45,4%) и большая (36,3%). На долю восточно-азиатской мыши и красной полевки приходится 9,3 и 9,0%, соответственно.

Территорию ключевого участка № 5 (рис. 1д) населяют грызуны трех видов: полевки Максимовича и большая, а также полевая мышь. Данный биотоп является типичным местообитанием для полевок Максимовича и большой. Это подтверждается материалами, отражающими участие этих видов в формировании группировки населения грызунов на ключевом участке, расположенном на днище ручья Охотничьего (63,1% и 31,5%, соответственно). При этом на долю полевой мыши приходится всего 5,2%.

Самым бедным по видовому разнообразию населения грызунов характеризуется ключевой участок № 4 (рис. 1г). Здесь отмечено присутствие грызунов всего двух видов: красной полевки (75%) и восточно-азиатской мыши (25%).

Анализ вышеупомянутых материалов видового состава населения грызунов на всех ключевых участках различается как количественно, так и качественно. Доминирующее положение лесных видов мышевидных грызунов в отловах на подавляющем большинстве ключевых участков является следствием пре-

обладания лесных комплексов пределах исследуемой территории. Существенно различающиеся показатели обилия полевок красной и красно-серой в фаунистических группировках грызунов в облесенных ключевых участках подтверждают ранее установленный факт взаимного конкурентного исключения этих двух видов в местах совместного обитания. Например, на ключевом участке № 1 на долю участия в формировании фаунистической группировки грызунов красной полевки приходится 34,8%, красно-серой – 7,7%, а на ключевом участке № 2 наблюдается прямо противоположная картина: на долю красной полевки приходится только 5,8%, а красно-серой – 35,2%.

Довольно значительное представительство серых мезофильных полевок Максимовича и большой – типичных обитателей увлажненных лугов – в фаунистических группировках грызунов лесных биоценозов объясняется проникновением сюда этих видов по долинам из типичных для них мест обитания в связи с интенсификацией миграционных процессов.

Характер видового состава населения грызунов открытых ландшафтов отражают данные с ключевого участка, расположенного в пределах днища долины ручья Охотничьего. Увлажненные заочкаренные разнотравно-осоковые луга являются излюбленными местообитаниями этих животных. Присутствие в отловах из данного биотопа полевой мыши объясняется ее эвритопностью.

Данные по уровню численности грызунов в различных ключевых участках отражены на рисунке 2. Как видно из диаграммы, наивысший уровень численности населения грызунов зафиксирован на увлажненных заочкаренных осоково-разнотравных лугах (ключевой участок № 5). Здесь количество зверьков на 100 ловушко-суток – 86. О высокой численности грызунов в данном биотопе косвенно указывает и факт одновременной поимки двух зверьков в одну ловушку, что происходит довольно редко. Высокий уровень численности грызунов на увлажненных заочкаренных осоково-разнотравных лугах является следствием того, что популяционный цикл динамики численности популяций серых полевок (Максимовича и большой) находится на фазе пика численности. На это указывают и другие факты. Прежде всего, следует отметить присутствие указанных видов в отловах грызунов из лесных биоценозов, где доля их участия в фаунистических группировках грызунов может достигать значительных показателей (23,5% – полевка Максимовича на ключевом участке № 2). Высокий уровень численности данных видов полевок в лесных биотопах является следствием выселения их из традиционных мест обитания из-за достижения высокой плотности популяции, что стимулирует миграционные процессы.

О вступлении популяции серых полевок в фазу пика численности указывают и показатели, отражающие репродуктивное состояние представителей вида. Случаи резорбции эмбрионов отмечены у представителей трех видов: красной полевки, полевки Максимовича и большой полевки. У красной полевки резорбции отмечены всего у одной самки, что составило 1,8% от всех отловленных. У серых полевок резорбции встречались значительно чаще: 12,3% – у полевки Максимовича и 8,3% – у большой полевки. Отмечено и раннее прекращение репродуктивной активности у значительной доли половозрелых самцов этих видов: у 16,5% взрослых самцов наблюдались опавшие семенни-

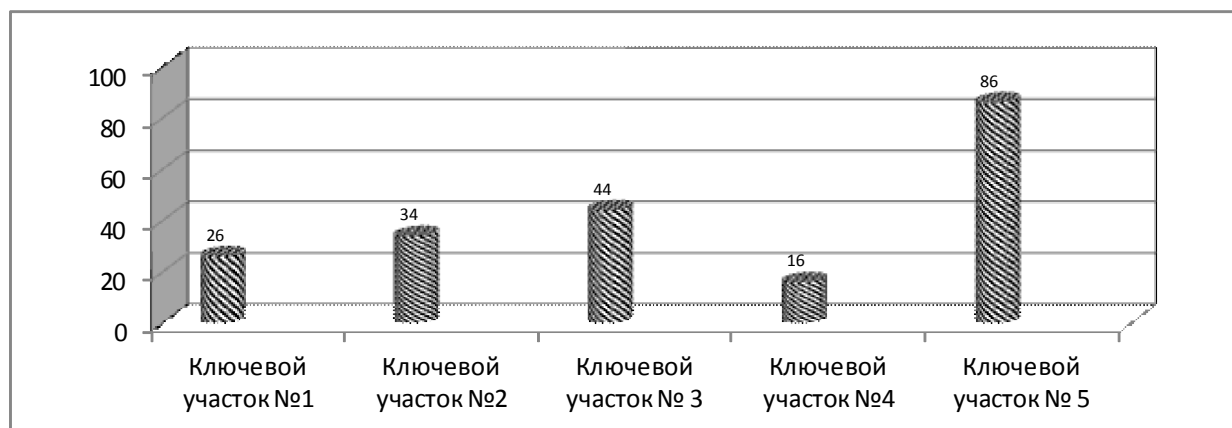

Рис. 2. Общая численность грызунов в различных ключевых участках, % на 100 ловушко-суток.

ки, что в середине августа в условиях Амурской области является нетипичным.

В целом анализ материалов изученности фауны мышевидных грызунов, полученных как до начала и на промежуточном этапе строительства, показывает отсутствие изменения ее качественных и количественных показателей. Это свидетельствует об отсутствии чрезмерного антропогенного прессинга при стро-

ительстве объектов наземной инфраструктуры космодрома «Восточный». Между тем для целей анализа воздействия антропогенных факторов на ландшафтно-биоценологическую структуру возникает необходимость определения качественных и количественных показателей фауны мышевидных грызунов на этапах завершения строительства и эксплуатации объектов наземной инфраструктуры космодрома «Восточный».

Библиографический список

1. Алексеев, И.А. Характеристика антропогенных трансформаций ландшафтов проектируемого космодрома «Восточный» / А.В. Пузанов, И.А. Алексеев, И.М. Черемкин, Т.В. Ступникова, Е.Н. Борисенко // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6 (25).

Bibliography

1. Alekseev, I.A. Kharakteristika antropogennikh transformatsiy landshaftov proektiruемого kosmodroma «Vostochniy» / A.V. Puzanov, I.A. Alekseev, I.M. Cherekin, T.V. Stupnikova, E.N. Borisenko // Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya. – 2010. – № 6 (25).

Статья поступила в редакцию 19.08.14

УДК 574.587:574.633(282.256.16)

Koveshnikov M.I. THE CHARACTERISTICS OF ZOOBENTHOS AND THE WATER QUALITY ASSESSMENT OF THE RUSSIAN SECTION OF THE IRTYSH RIVER AND ITS TRIBUTARIES IN THE SUMMER OF 2001. The work provides information about the composition and quantity of zoobenthos of the Irtysh River (from Omsk to Khanty-Mansiysk) and of the lower reaches of the Om, Tara, Osha, Tui, Ishim, Tobol Rivers, (July-August 2001). The research gives an assessment to the quality of water judging by the zoobenthos.

Key words: Irtysh River, zoobenthos, water quality.

М.И. Ковешников, канд. биол. наук, н.с. Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул, E-mail: koveshnikov@iwer.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗООБЕНТОСА И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ВОДЫ РОССИЙСКОГО УЧАСТКА РЕКИ ИРТЫШ И ЕЕ ПРИБОКОВ ЛЕТОМ 2001 ГОДА

Приводятся сведения о составе и количестве зообентоса в реке Иртыш (от Омска до Ханты-Мансийска) и в нижнем течении рек Омь, Тара, Оша, Туй, Ишим, Тобол (июль-август 2001 г.). Дана оценка качества воды по зообентосу.

Ключевые слова: Иртыш, зообентос, качество воды.

Иртыш – самая длинная река-приток в мире. Протекает по территории Китая (525 км), Казахстана (1700 км) и России (2010 км). Гидробиологические исследования реки проводятся с 1930-х гг., начиная с экспедиции Пермского госуниверситета [1]. Однако сведения о пространственном распределении донных беспозвоночных в реке крайне скудны, большинство работ касается только отдельных таксономических или экологических групп на ограниченных участках речной системы. Наиболее подробное исследование в этом направлении было предпринято Т.А. Шараповой (2003), посвященное распределению зооперифитона. Исследованием был охвачен участок 655 км в российской части Иртыша [1-2]. Оценку качества воды реки и ее притоков по зообентосу проводили редко, хотя он, как постоянная и относительно неподвижная часть пресноводных экосистем широко используется при биологическом мониторинге водных объектов во всем мире.

В ходе комплексной экспедиции «Пойма-2001» с 19 июля по 4 августа 2001 г. было обследовано примерно 1800 км реки (90 % ее российской части) с целью изучения состава, пространственного распределения зообентоса и оценки качества воды по его показателям для реки Иртыш и некоторых ее притоков на территории Омской, Тюменской областей и Ханты-Мансийского АО. Были использованы стандартные методы, что дает возможность сопоставлять данные в трансграничном и историческом аспектах.

Материалы и методы. Зообентос исследовали на 14 примерно равноудаленных участках реки Иртыш и в нижнем течении ее притоков: Омь, Тара, Оша, Туй, Ишим, Тобол. В дополнение к количественным пробам с грунта собирали пробы дрефты и зооперифитона. В главном русле Иртыша собрано 14 количественных проб макрозообентоса и 3 пробы ночного дрефты, в притоках – 7 количественных проб и 3 качественные пробы зооперифитона (таблица 1).

Количественные бентосные пробы собирали в рипали на глубине 0,2-0,8 м штанговым дночерпателем «ГР-91» с площадью захвата 70 см² (по 3 повторности от берега к стрежню). Промывали в сачке-промывалке с капроновым газом № 23 (размер ячеи 320х320 мкм), фиксировали этанолом. Качественные пробы зооперифитона собирали сачком-промывалкой среди водной растительности, пробы дрефты – с теплохода фиксированной на штанге дрефтовой сетью (с диаметром входного отверстия 0,27 м). Сеть экспонировали ночью на глубине 2-5 м в 10 см от дна в течение 5-10 минут. Камеральная обработка проведена в Лаборатории водной экологии ИВЭП СО РАН стандартными методами [3]. Класс Oligochaeta определен Е.Н. Крыловой, прочие таксоны – М.И. Ковешниковым (класс Ostracoda не учитывали).

Оценку качества воды по зообентосу проводили в соответствии с действующими нормативами: согласно утвержденной Минприроды РФ методике оценки экологической обстановки [4]. В качестве основных показателей зообентоса приведены индексы Вудивисса, Гуднайта и Уитлея, Балушкиной, в качестве дополнительных – индекс Пантле и Букка, индексы Цанера (по *Tubifex tubifex* и р. *Limnodrilus*) и индекс Пареле. Методика предписывает три варианта оценки экологической обстановки: относительно удовлетворительная ситуация (ОУС); чрезвычайная экологическая ситуация (ЧЭС); экологическое бедствие. Более подробную оценку предполагает Государственный Стандарт, где приведена градация индексов Пантле и Букка, Гуднайта и Уитлея, Вудивисса по шести классам качества воды, соответствующим шести зонам сапробности [5].

Результаты исследования. Таксономический список зообентоса, зооперифитона и дрефты обследованных участков включает 72 вида беспозвоночных, восемь из которых обнаружены только в виде остатков (раковин или экзuvia). Указанные виды относятся к 56 родам, 27 семействам, 13 отрядам и 6 клас-

Таблица 1

Обследованные летом 2001 г. участки (расстояние от устья р. Иртыш, по логии)

Река	Участок, ориентир, берег	Пробы
<i>Омская область</i>		
Иртыш	с. Новая станица (выше г. Омск), ПБ главного русла	ЗБ
Омь	с. Андреевка, (выше г. Омск), 20 км выше устья, ПБ	ЗБ, ЗФ
Иртыш	1800 км, ниже п. Береговой, ПБ	ЗБ
Иртыш	1673 км, 2 км выше с. Согра, ЛБ	ЗБ, Д
Тара	1488 км, 100 м выше устья, ПБ	ЗБ, ЗФ
Иртыш	1480 км, ЛБ	ЗБ
Иртыш	1390 км, ЛБ (110 м. выше устья р. Оша)	ЗБ, Д
Оша	1390 км, 50 м выше устья, ПБ	ЗБ
Иртыш	1218 км, выше с. Журавлевка, ПБ	ЗБ
Туй	1198 км, 50 м выше устья, ПБ	2 ЗБ
Иртыш	1045 км, ЛБ	ЗБ
Ишим	1039 км, 100 м выше устья, ПБ	ЗБ, ЗФ
Иртыш	980 км, ПБ	ЗБ
<i>Тюменская область</i>		
Иртыш	860 км, ПБ, 5 км ниже с. Курья	ЗБ
Иртыш	687 км, 3 км ниже с. Сибиряк, ПБ	ЗБ, Д
Тобол	666 км, выше г. Тобольск, 1 км выше устья, ЛБ	ЗБ
Иртыш	403 км, 15 км ниже с. Уват, ЛБ	ЗБ
Иртыш	331 км, 200 м ниже устья р. Демьянка, ПБ	ЗБ
<i>ХМАО</i>		
Иртыш	193 км, 25 км ниже г. Горноправдинск, ПБ	ЗБ
Иртыш	65 км, ЛБ (45 км выше г. Ханты-Мансийск)	ЗБ

Примечание: ЗБ – пробы зообентоса; Д – пробы дрефты; ЗФ – качественные пробы зооперифитона, ЛБ – левый берег, ПБ – правый берег.

сам из 3 типов: Annelida, Mollusca, Arthropoda. Основу таксономического разнообразия составляют личинки насекомых (47 видов из 12 семейств), моллюски (9 видов из 15 семейств) и малощетинковые черви (9 видов из 5 семейств). Среди насекомых по числу видов лидируют комары-звонцы (36 видов), преимущественно за счет трибы Chironomini – 21 вид (таблица 2).

Численность и биомасса зообентоса на различных участках колебались от полного отсутствия до 14,1 тыс.экз./м² и 15,8 г/м². Средние значения для главного русла р. Иртыш (из 42 повторностей) составили 2,3 тыс.экз./м² и 2,5 г/м², для притоков (21 повторность) – 1,3 тыс.экз./м² и 4,6 г/м². Средняя интенсивность ночного дрефты по трем участкам составила 1,0 тыс.экз./м²Час при 1,3 г/м²Час. Видовое разнообразие в дрефте было выше, чем в пробах зообентоса на тех же участках (таблица 3).

Обсуждение результатов. Донное население р. Иртыш (зообентос и дрефт главного русла) было представлено живыми организмами 41 вида. Остатков животных, не соответствующих данному списку, не обнаружено. По числу видов значительно преобладали личинки комаров-звонцов подсемейств Chironominae и Orthoclaadiinae (18 и 7 видов, соответственно). Дрифтовало 13 видов, в том числе двукрылые: подсем. Chironominae (6 видов), подсем. Orthoclaadiinae (1), сем. Chaoboridae (1), а также ручейники (3), поденки (1) и раки (1). Из них только 4 вида не были обнаружены в донных или зарослевых пробах Иртыша и притоков: *Mysis relicta*, *Chaoborus flavicans*, *Lipiniella* sp., *Parachironomus* sp. В бентосных пробах р. Иртыш по встречаемости лидировали комары-звонцы: мелкие личинки *Polypedilum scalaenum* – на первом месте, и крупные личинки *Chironomus plumosus* – на третьем. Второе место по встречаемости, но первое по численности и биомассе, занимал малощетинковый червь *Limnodrilus hoffmeisteri*. В дрефте главного русла черви отсутствовали, по встречаемости и количеству преобладали ручейники, преимущественно *Hydropsyche bulgaromanorum*. Второе место занимали звонцы, доминировавшие в бентосных пробах главного русла (таблица 4).

Донное население притоков (зообентос и зоофитос) было представлено 45 видами, из которых 22 не встречались в Иртыше. В живом состоянии обнаружены 41 вид и еще остатки 4-х (только под зарослями): моллюски *Cincinna piscinalis*, *Lymnaea stagnalis*, *Sphaerium corneum* и поденка *Ephoron nigradorsum*. По числу видов в притоках преобладали личинки звонцов подсемейства Chironominae (16 видов). Чаще других встречались червь *Limnodrilus hoffmeisteri* и звонец *Polypedilum gr. nubeculosum* (доминирующий по численности), по биомассе лидировал *Chironomus plumosus*. Ручейник *Brachicentrus subnubilus* занимал второе место по численности и биомассе.

Видовые спектры донной фауны главного русла Иртыша и его притоков в целом сходны. Но фауна притоков отличается большей лимнофильностью: доля подсемейства Orthoclaadiinae в ней ниже, зато велика доля малощетинковых червей и брюхоногих моллюсков, отсутствовавших в фауне главного русла (рис. 1).

Пространственное распределение зообентоса в реках во многом определяется температурой воды, скоростью течения, характером донных отложений и прочими факторами, связанными с географическим положением и рельефом местности. Обследованные участки реки Иртыш и нижнего течения ее притоков обладали преимущественно заиленным грунтом, мало отличались между собой по ландшафту берегов, температуре воды (около 20°C), скорости течения (около 0,3 м/с, перекастов нет). Сходство условий отразилось в единообразии донной фауны и доминирующего комплекса зообентоса главного русла и притоков (с преобладанием семейств Tubificidae и Chironomidae), а так же в близких значениях численности и биомассы. Наблюдаемые таксономические отличия в основном определяются разностью экологических групп дрефты (в Иртыше) и зооперифитона (в притоках). Среди сопоставляемых параметров условий среды и зообентоса была обнаружена зависимость только для изменения числа семейств, численности, биомассы и индекса Шеннона от характера грунта. Максималь-

Таблица 2

Таксономический список донных беспозвоночных и максимальная численность видов (экз/м²)
на российском участке реки Иртыш и в устьях ее притоков, июль-август 2001 г.

Таксоны	Иртыш	Омь	Тара	Оша	Туй	Ишим	Тобол
Класс Oligochaeta							
<i>Limnodrilus hoffmeisteri</i> Claparede, 1862	1762	143	286	48	–	429	–
<i>Limnodrilus udekemianus</i> Claparede, 1862	–	48	–	–	–	–	–
<i>Lumbriculus variegatus</i> (Müller, 1773)	–	–	–	–	–	–	48
<i>Nais elinguis</i> Müller, 1773	–	–	–	–	–	–	48
<i>Nais pseudobutusa</i> Piguët, 1906	–	–	–	–	–	–	48
<i>Nais variabilis</i> Piguët, 1906	48	–	–	–	–	–	–
<i>Ophidonais serpentina</i> (O.F. Müller, 1773)	333	–	–	–	–	191	–
<i>Gen. sp.</i> (Enchytraeidae)	48	–	–	–	–	–	–
Класс Hirudinea							
<i>Piscicola geometra</i> (Linnaeus, 1761)	48	–	–	48	–	–	–
Класс Gastropoda							
<i>Bithynia tentaculata</i> (Linnaeus, 1758)	–	48	–	–	–	–	–
<i>Boreolona lindholmiana</i> (Starobogatov et Streletzkaia, 1967)	–	48	–	–	–	–	–
<i>Cincinna (Atropidina) depressa</i> (Pfeiffer, 1828)	–	ост	–	–	–	–	–
<i>Cincinna piscinalis</i> (Müller, 1774)	–	ост	–	–	–	–	–
<i>Lymnaea (Peregrina) ovata</i> (Draparnaud, 1805)	–	ост	–	–	–	95	–
<i>Lymnaea stagnalis</i> (Linnaeus, 1758)	–	–	–	–	–	ост	–
<i>Oxiloma pfeifferi</i> (Rossmassler, 1835)	–	–	–	–	–	95	–
<i>Anisus (Torquis) laevis</i> (Alder, 1838)	–	–	–	–	–	зф	–
Класс Bivalvia							
<i>Anadonta cygnea</i> Linnaeus, 1758	–	–	зф	–	–	–	–
<i>Parasphaerium nitidum</i> (Classin in Westerlund, 1877)	–	ост	–	–	–	–	–
<i>Sphaerium (Sibirisphaerium) levinodis</i> Westerlund, 1876	–	ост	–	–	–	–	–
<i>Sphaerium corneum</i> (Linnaeus, 1758)	–	ост	–	–	–	–	–
<i>Pisidium amnicum</i> (Müller, 1774)	48	ост	–	–	–	286	–
<i>Hensloviana (Supiniana) sp.</i>	–	ост	–	–	–	–	–
<i>Pseudeupera rotundotrigona</i> (Krivosheina, 1978)	95	–	–	–	–	–	–
Класс Crustacea							
<i>Mysis relicta</i> Loven, 1868	др	–	–	–	–	–	–
Класс Insecta							
отряд Odonata							
<i>Somatochlora metallica</i> Vanderlinden, 1825	–	зф	–	–	–	–	–
отряд Ephemeroptera							
<i>Cloeon sp.</i>	др	зф	–	–	–	–	–
<i>Caenis miliaria</i> (Tshernova, 1952)	48	зф	–	–	–	–	–
<i>Ephoron nigridorsum</i> Tshernova, 1934	ост	ост	–	–	–	–	–
<i>Heptagenia sulfurea</i> Müller, 1776	–	зф	–	–	–	–	–
отряд Trichoptera							
<i>Neureclipsis bimaculata</i> Linnaeus, 1758	48	–	95	–	–	–	429
<i>Hydropsyche bulgaromanorum</i> Malicky, 1977	143	–	–	–	–	ост	–
<i>Oecetis notata</i> (Rambur, 1842)	–	зф	–	–	–	–	–
<i>Brachicentrus subnubilus</i> Curtis, 1834	238	ост	286	–	–	–	619
отряд Diptera							
семейство Chaoboridae							
<i>Chaoborus flavicans</i> (Meigen, 1830)	др	–	–	–	–	–	–
семейство Ceratopogonidae							
<i>Probezzia seminigra</i> (Pancer, 1798)	95	–	–	–	–	–	–
семейство Chironomidae							
подсемейство Tanytopodinae							
<i>Ablabesmia monilis</i> L., 1758	–	зф	–	–	–	–	–
<i>Procladius (Holotanipus) ferrugineus</i> Kieffer, 1919	–	зф	48	–	–	–	–
<i>Rheopelopia sp.</i>	95	–	–	–	–	–	–
подсемейство Orthoclaadiinae							
<i>Cricotopus (Isocladus) gr. sylvestris</i>	429	–	–	–	–	–	–
<i>Cricotopus gr. bicinctus</i>	238	–	–	–	–	–	–
<i>Cricotopus gr. fuscus</i>	238	238	–	381	–	–	–
<i>Eukiefferiella gr. gracei</i>	48	–	–	–	–	–	–

<i>Nanocladius gr. bicolor</i>	48	–	–	–	–	–	–
<i>Orthocladius sp.</i>	191	–	–	–	–	–	–
<i>Paratrichocladius inserpens</i> (Walker, 1856)	95	–	–	–	–	–	–
<i>Thienemanniella gr. clavicornis</i>	–	–	48	–	–	–	–
подсемейство Chironominae							
<i>Chironomus plumosus</i> (Linnaeus, 1758)	3048	48	–	619	–	–	–
<i>Chironomus sp.</i> (pupa)	–	48	–	–	–	–	–
<i>Chironomus sp.1</i>	1095	–	–	–	–	–	–
<i>Chironomus sp.2</i>	667	–	–	–	–	–	–
<i>Chironomus sp.3</i>	др	–	48	–	–	–	–
<i>Cryptochironomus gr. defectus</i>	ост	–	–	–	ост	ост	–
<i>Dicrotendipes nervosus</i> (Staeger, 1839)	95	–	238	–	–	238	95
<i>Dicrotendipes sp.</i>	95	–	–	–	–	–	–
<i>Endochironomus tendens</i> (Fabricius, 1775)	–	–	–	48	–	–	–
<i>Glyptotendipes glaucus</i> (Meigen, 1818)	191	–	–	–	–	–	–
<i>Harnischia fuscimana</i> Kieffer, 1921	381	зф	–	–	–	–	–
<i>Lipiniella sp.</i>	др	–	–	–	–	–	–
<i>Microchironomus tener</i> (Kieffer, 1918)	95	95	–	238	–	–	–
<i>Parachironomus sp.</i>	др	–	–	–	–	–	–
<i>Paralauterborniella nigrohalteralis</i> (Malloch, 1915)	48	–	–	–	–	–	–
<i>Phaenopsectra flavipes</i> (Meigen, 1818)	–	–	–	–	–	48	–
<i>Polypedilum cultellatum</i> (?) Goetghebuer, 1931	143	–	48	–	–	–	–
<i>Polypedilum gr. nubeculosum</i>	48	95	48	–	–	2905	–
<i>Polypedilum scalaenum</i> (Schränk, 1803)	523	–	–	–	–	–	48
<i>Polypedilum sordens</i> (van der Vulp, 1874)	–	–	48	–	–	–	–
<i>Tribelos intextus</i> (Walker, 1856)	48	–	–	–	–	–	–
<i>Cladotanytarsus gr. mancus</i>	143	48	–	48	–	–	–
<i>Paratanytarsus confusus</i> Palmen, 1960	48	–	95	–	–	–	–
<i>Rheotanytarsus sp.</i>	–	–	48	–	–	–	–
<i>Tanytarsus gr. lestagei</i>	–	–	–	–	–	48	–

Примечание: др – только в дрифте; зф – только в зооперифитоне; ост – только остатки.

Таблица 3

Число семейств и видов донных беспозвоночных российского участка р. Иртыш с притоками, их численность и биомасса, индексы Шеннона, Пиелу и полидоминантности, июль-август 2001 г.

Река	Участок	Проба	Fam.	Sp.	N/N _д	B/B _д	H	IPie	Ipol
Иртыш	Новая станица	ЗБ	4	7	1,10	7,97	2,59	0,85	6,66
Омь	Андреевка	ЗБ	4	10	0,90	14,3	3,18*	0,91	11,4*
	Андреевка	ЗФ	5*	10	–	–	–	–	–
Иртыш	1800 км	ЗБ	4	9	2,19	1,25	2,35	0,72	3,57
Иртыш	1673 км	ЗБ	1	1	1,19	1,76	0,00	0,00	1,00
	1673 км	Д	5	8	2,31 _д *	1,87 _д	2,85	0,93	13,8
Тара	1488 км	ЗБ	4	12	1,33	2,67	3,14	0,89	9,00
	1488 км	ЗФ	1	1	–	–	–	–	–
Иртыш	1480 км	ЗБ	2	4	1,19	0,55	1,71	0,67	3,03
Иртыш	1390 км	ЗБ	2	5	3,67	1,07	0,98	0,31	1,44
	1390 км	Д	2	5	0,06 _д	0,02 _д	2,25	0,93	15,0*
Оша	1390 км	ЗБ	3	7	1,43	0,56	2,12	0,73	3,75
Иртыш	1218 км	ЗБ	3	6	4,24	1,81	2,01	0,72	3,52
Туй	1198 км	ЗБ	0	0	0,00	0,00	–	–	–
	1198 км	ЗБ	0	0	0,00	0,00	–	–	–
Иртыш	1045 км	ЗБ	2	5	0,38	0,03	2,16	0,86	7,00
Ишим	1039 км	ЗБ	6	8	4,33	12,3	1,79	0,54	2,16
	1039 км	ЗФ	1	1	–	–	–	–	–
Иртыш	980 км	ЗБ	5	7	14,11*	15,8*	2,10	0,69	3,26
Иртыш	860 км	ЗБ	5	13*	3,43	3,99	2,66	0,75	3,94
Иртыш	687 км	ЗБ	0	0	0,00	0,00	–	–	–
	687 км	Д	5	6	0,75 _д	1,92 _д *	1,69	0,62	2,62
Тобол	666 км	ЗБ	5	7	1,33	2,30	2,00	0,70	3,29
Иртыш	403 км	ЗБ	0	0	0,00	0,00	–	–	–

Иртыш	331 км	ЗБ	3	5	0,48	0,11	2,12	0,82	5,63
Иртыш	193 км	ЗБ	0	0	0,00	0,00	–	–	–
Иртыш	65 км	ЗБ	1	4	0,86	0,13	1,79	0,71	3,40

Примечание: ЗБ – пробы зообентоса, ЗФ – зооперифитона, Д – дрефта; N/N_0 – численность зообентоса (тыс. экз./м²) или дрефта (тыс. экз./м²×час), B/B_0 – биомасса зообентоса (г/м²) или дрефта (г/м²×час); * – максимальные значения.

Таблица 4

Доля встречаемости (I), численности (N) и биомассы (B) доминирующих видов донных беспозвоночных на российском участке р. Иртыш и в устьях ее притоков, июль-август 2001 г., %

	Иртыш						Его притоки		
	зообентос (11 проб)			дрифт (3 пробы)			зообентос (5 проб)		
	I	N	B	I	N	B	I	N	B
<i>Limnodrilus hoffmeisteri</i>	82	28*	37*	–	–	–	80*	10	8
<i>Mysis relicta</i>	–	–	–	33	6	19	–	–	–
<i>Neureclipsis bimaculata</i>	9	1	4	67	6	3	40	8	14
<i>Hydropsyche bulgaromanorum</i>	9	<1	1	100*	18*	34*	–	–	–
<i>Brachicentrus subnubilus</i>	18	2	3	33	18*	18	40	14	14
<i>Cricotopus gr. Fuscus</i>	18	3	1	–	–	–	40	11	2
<i>Chironomus plumosus</i>	27	12	12	67	9	6	40	10	15*
<i>Parachironomus sp.</i>	–	–	–	33	11	7	–	–	–
<i>Polypedilum gr. nubeculosum</i>	9	1	<1	–	–	–	60	16*	3
<i>Polypedilum scalaenum</i>	91*	18	7	67	10	4	20	1	<1

Примечание: доминирование считалось при ≥ 10 от общей численности или биомассы в пробе [3]; учтены только живые организмы из количественных проб; * – максимальные значения.

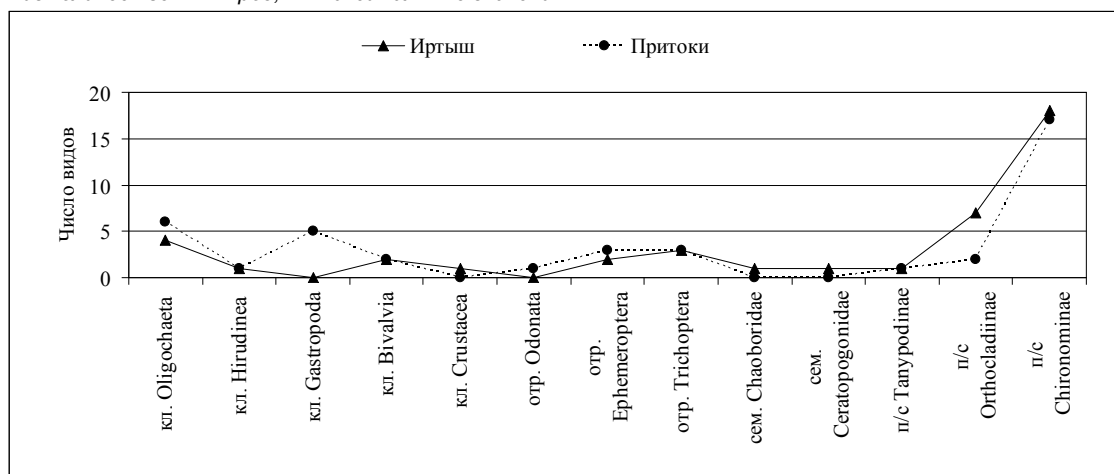

Рис. 1. Сравнение видовых спектров донных беспозвоночных главного русла и притоков российского участка р. Иртыш, июль-август 2001 г.

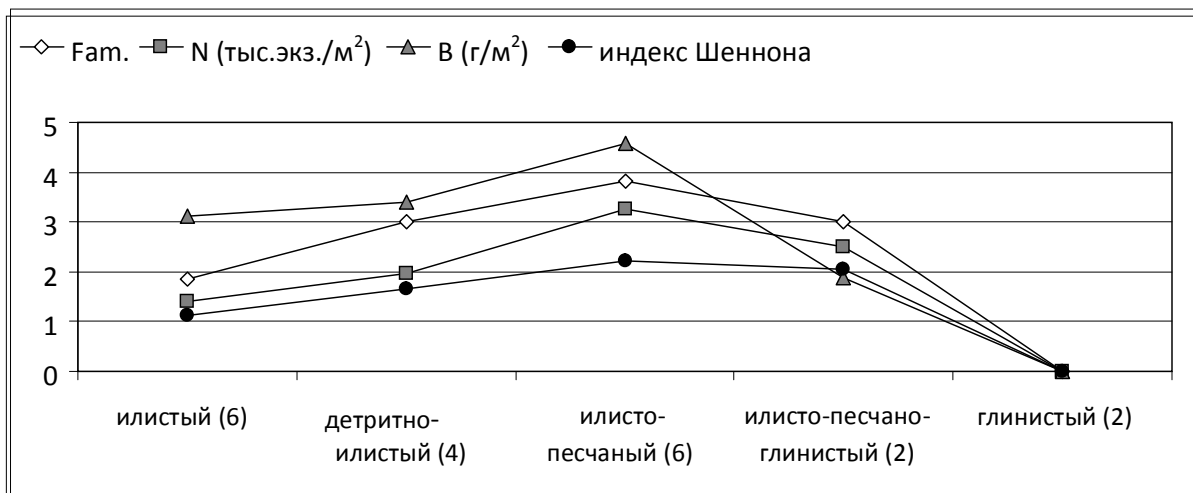

Рис. 2. Средние для различных типов грунта значения числа семейств, численности и биомассы зообентоса и индекса Шеннона на российском участке р. Иртыш с притоками, июль-август 2001 г., в скобках – количество проб.

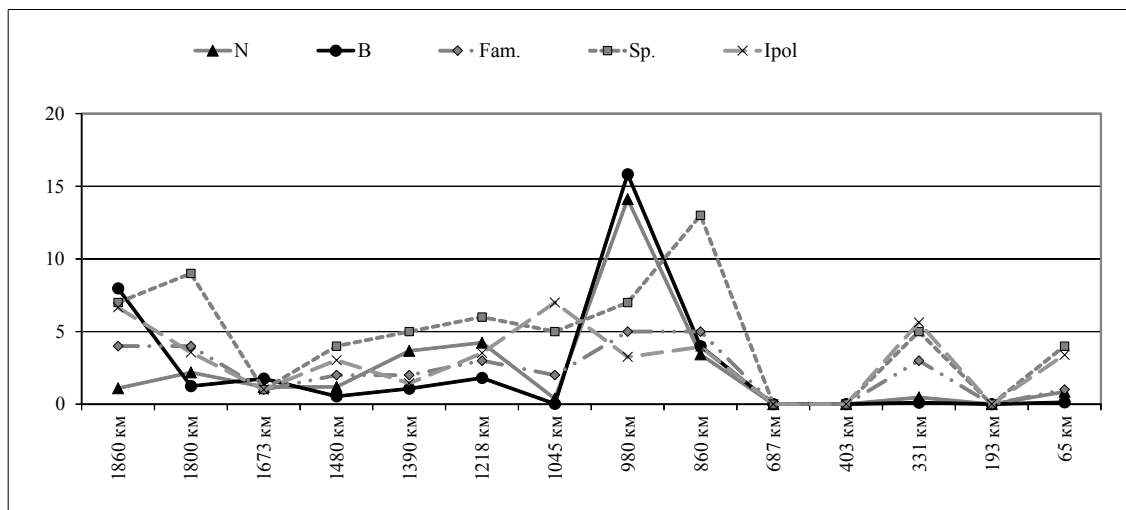

Рис. 3. Продольное распределение численности и биомассы зообентоса, количества семейств, видов и значения индекса полидоминантности на российском участке р. Иртыш, июль-август 2001 г.

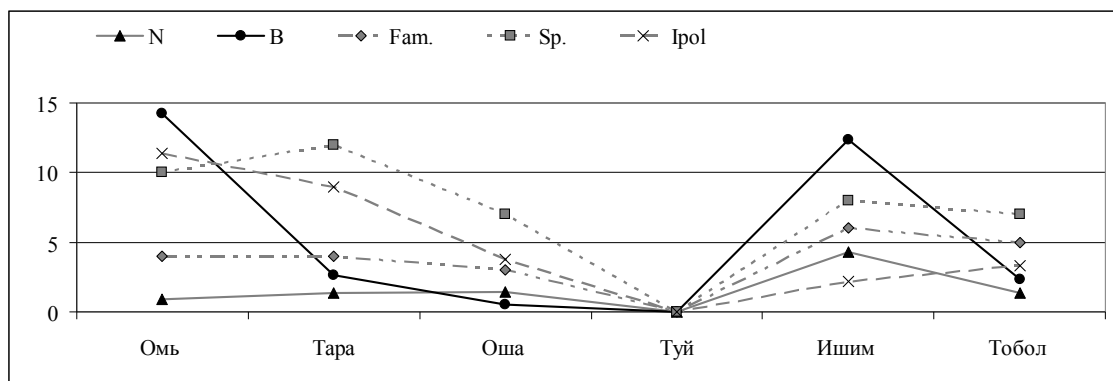

Рис. 4. Значения численности и биомассы зообентоса, количество семейств, видов и значение индекса полидоминантности в устьях притоков российского участка р. Иртыш, июль-август 2001 г.

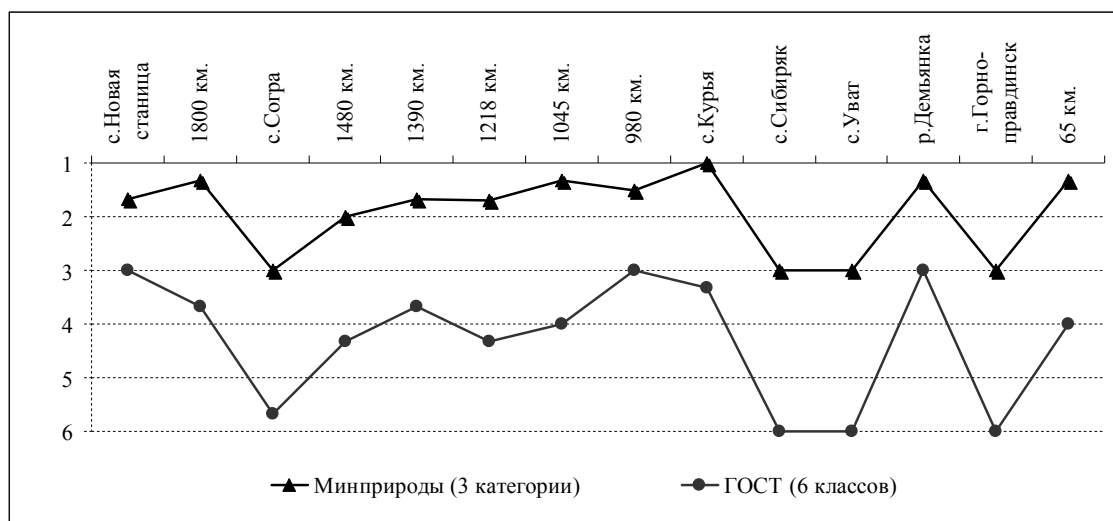

Рис 5. Оценка качества воды [5] и экологической ситуации [4] по зообентосу на российском участке р. Иртыш, июль-август 2001 г.

ного развития донное население обследованных участков достигало на наиболее характерных грунтах: илесто-песчаных – в Иртыше и детритно-илстых – в притоках. Илстые грунты заселены немного слабее, а на глинистом грунте зообентоса не обнаружено (рис. 2).

По биомассе зообентоса 7 из 13 обследованных участков р. Иртыш, а также притоки Оша и Туй относятся к ультраолиготрофному классу [6]. К олиготрофному – 3 участка и р. Тобол.

К α - или β -мезотрофному – 2 участка и р. Тара. И к α -евтрофному только участок вблизи с. Курия (980 км) и р. Омь. В среднем более высокий уровень кормности (α -мезотрофный класс по Китаеву) показали илстые и особенно илесто-песчаные грунты, значительно меньший (до ультраолиготрофного) – глинистые грунты.

Продольное распределение таких параметров, как численность и биомасса зообентоса, число семейств и видов, значе-

ние индекса полидоминантности на большинстве участков р. Иртыш изменялись незначительно. Исключением были участки в 1673, 687, 403 и 193 км от устья (рис. 3).

Резкое снижение этих показателей зообентоса вблизи с. Согра (1673 км) относительно соседних участков отмечено на илистом грунте, при этом дрейф в данной точке являлся наиболее богатым, что может свидетельствовать о локальном характере угнетения зообентоса. Максимально потенциал зообентоса Иртыша реализован в районе с. Курья (980-860 км) на илисто-песчаном и илистом грунтах, соответственно. Аналогичное первому (но уже критическое) снижение показателей зообентоса илистого грунта при богатом дрейфе наблюдалось в районе с. Сибиряк (687 км). В отличие от иловых участков нулевые показатели зообентоса на 403 и 193 км от устья могут быть объяснены наличием глинистого грунта при используемом методе отбора проб. В притоках наибольший диапазон из указанных параметров имели биомасса и число видов зообентоса при одинаковой численности. Зообентос отсутствовал только в жидком иле р. Туй, что может быть связано с сильной заболоченностью ее устья (рис. 4).

Качество воды, оцененное по показателям зообентоса, для устьев рек Омь, Тара, Оша, Ишим и Демьянка соответствует III классу ГОСТа [5]; для р. Туй – VI; для р. Тобол – II классу. Вода р. Иртыш преимущественно соответствовала III-IV классу качества с локальным участком VI класса в районе с. Согра и протяженным участком VI класса в нижнем течении: от р. Вагай до р. Конда, исключая место непосредственного впадения р. Демьянка (рис. 5).

В нижнем течении притоков Омь, Тара, Оша, и на участке Иртыша (в месте впадения р. Демьянка) наблюдалась относительно удовлетворительная экологическая ситуация, несколько худшие условия – на границе ОУС-ЧЭС – в притоках Ишим и Тобол. В заболоченном устье р. Туй выявлено отсутствие зообентоса, что соответствует экологическому бедствию.

Ситуация в главном русле р. Иртыш выше г. Омска соответствовала ЧЭС. От места впадения относительно чистой р. Омь, до с. Согра, в Иртыше наблюдалась ОУС. Экологическое бедствие, локализованное в районе с. Согра, обусловило ЧЭС в Иртыше, однако положение постепенно восстанавливалось на заиленных грунтах к с. Курья до уровня ОУС. На этом участке Иртыш вбирает крупные и относительно чистые притоки (Тара, Оша), а более загрязненный Ишим и даже Туй не нарушили тенденцию восстановления качества воды в Иртыше. Ситуация снова резко ухудшилась ниже притока Вагай: в районе населен-

ных пунктов Сибиряк, Тобольск, Уват, Горноправдинск. Там наблюдалось экологическое бедствие, которое не смогли исправить относительно чистые притоки Тобол и Демьянка. При этом возможность восстановления зообентоса на участке Уват-Горноправдинск существенно ниже, чем на других участках из-за потенциально бедных глинистых грунтов. Только ниже впадения реки Конда (выше г. Ханты-Мансийск) при детритно-илистом грунте ситуация в реке снова восстановилась до ОУС.

Заклучение. В ходе комплексной экспедиции «Пойма-2001» в реке Иртыш и в устьях 6-ти ее притоков было обнаружено 72 вида донных беспозвоночных. Таксономический состав зообентоса притоков и главного русла сходен между собой и характерен для равнинных рек этих широт: основу разнообразия составляют личинки насекомых, моллюски и малощетинковые черви; по количеству лидируют тубифициды и хирономиды.

Наибольшего развития зообентос достигает в р. Омь (с. Андреевка) и на участке р. Иртыш (район с. Курья, 980-860 км от устья). Характер пространственного распределения зообентоса и высокие показатели на благоприятных для него участках свидетельствуют о значительном потенциале самоочищения речной системы: до 14 тыс. экз./м², 16 г/м², 13 видов и 5 семейств на пробу; индекс Шеннона – до 3,2, индекс полидоминантности – до 11,4.

В притоках (кроме р. Туй) наблюдаются лучшие условия для жизни зообентоса, чем в р. Иртыш, где на распределение животных помимо характера грунта влияет и антропогенное загрязнение. Донное население р. Иртыш наиболее угнетено в районе с. Согра (Омская область) и на участке с. Сибиряк – г. Горноправдинск (Тюменская область – ХМАО). По показателям зообентоса вода р. Иртыш выше Омска соответствует III классу качества, от Омска до р. Ишим – IV (с участком VI класса вблизи с. Согра), ниже, до с. Сибиряк – III и далее до р. Конда – IV (с локальным участком III класса при впадении р. Демьянка), ниже, до г. Ханты-Мансийск – IV классу.

Восстановлению донных сообществ реки Иртыш ниже участков антропогенного загрязнения способствуют относительно чистые притоки Омь, Тара, Оша, Ишим, Тобол, Демьянка. Выше впадения реки Тобол оно происходит благодаря илистым донным отложениям. Восстановление донных сообществ Иртыша между притоками Тобол и Конда затруднено из-за бедных глинистых и грунтов и концентрации источников загрязнения (села Сибиряк и Уват, города Тобольск и Горноправдинск). По показателям зообентоса расстояние, на котором на реке дважды мигрируется загрязнение, не превышает 630 км.

Библиографический список

1. Шарапова, Т.А. Зооперифитон внутренних водоемов Западной Сибири. – Новосибирск, 2007.
2. Шарапова, Т.А. Пространственное распределение зооперифитона р. Иртыш // Вестник экологии, лесоведения и ландшафтоведения. – 2011. – № 11.
3. Руководство по гидробиологическому мониторингу пресноводных экосистем. – СПб, 1992.
4. Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия (утв. Минприроды РФ 30 ноября 1992 г.) [Э/р]. – Р/д: <http://www.priroda.ru/>
5. ГОСТ 17.1.3.07-82. Охрана природы. Гидросфера: правила контроля качества воды водоемов и водотоков. – М., 1982.
6. Китаев, С.П. Основы лимнологии для гидробиологов и ихтиологов. – Петрозаводск, 2007.

Bibliography

1. Sharapova, T.A. Zooperifiton vnutrennikh vodoemov Zapadnoy Sibiri. – Novosibirsk, 2007.
2. Sharapova, T.A. Prostranstvennoe raspredelenie zooperifitona r. Irtysh // Vestnik ehkologii, lesovedeniya i landshaftovedeniya. – 2011. – № 11.
3. Rukovodstvo po gidrobiologicheskomu monitoringu presnovodnykh ehkosistem. – SPb, 1992.
4. Kriterii ocenki ehkologicheskoy obstanovki territoriy dlya viyvavleniya zon chrezvichaynoy ehkologicheskoy situatsii i zon ehkologicheskogo bedstviya (utv. Minprirodi RF 30 noyabrya 1992 g.) [Eh/r]. – R/d: <http://www.priroda.ru/>
5. GOST 17.1.3.07-82. Okhrana prirodi. Gidrosfera: pravila kontrolya kachestva vodih vodoemov i vodotokov. – M., 1982.
6. Kitaev, S.P. Osnovih limnologii dlya gidrobiologov i ikhtologov. – Petrozavodsk, 2007.

Статья поступила в редакцию 19.08.14

УДК 56.01/08+561.261

Mitrofanova Ye. Yu., Sutchenkova O.S. DIATOMIC ALGAE IN THE BOTTOM SEDIMENTS OF LAKE TELETSKOYE (ALTAI, RUSSIA) AS INDICATORS OF ENVIRONMENTAL CONDITIONS DURING THE LAST 2000 YEARS. The scientists reconstruct the rating of pH according to a diatomic analysis for Lake Teletskoye bottom sediments from the underwater Sophia Lepnyova Range. The groups of diatoms in relation to the pH in the interval of the core 0-1000 mm are isolated. The calculated ratings of pH range from 7,51 to 7,69, which corresponds to a weak alkaline environment in the reservoir and does not differ from the recent ones.

Key words: bottom sediments, diatom algae, composition, abundance, Lake Teletskoye, indicators related to pH conditions.

Е.Ю. Митрофанова, с.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: emit@iwep.ru;
О.С. Сутченкова, м.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: olgaklassen@rambler.ru

ДИАТОМОВЫЕ ВОДОРОСЛИ В ДОННЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ ГЛУБОКОГО ОЗЕРА ТЕЛЕЦКОЕ (АЛТАЙ, РОССИЯ) КАК ИНДИКАТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ В ПОСЛЕДНИЕ 2000 ЛЕТ*

В работе реконструирована величина pH для оз. Телецкое по данным диатомового анализа в донных отложениях с подводного хребта Софьи Лепневой. Выделены группы диатомей по отношению к pH на отрезке керна 0-1000 мм. Рассчитанные значения pH варьировали в пределах 7,51-7,69, что соответствует слабощелочной среде в водоеме и не отличается от современной.

Ключевые слова: донные отложения, диатомовые водоросли, состав, количество, озеро Телецкое, индикаторы pH условий.

В настоящее время особое внимание человечества в целом и научного сообщества, в том числе привлечено к проблемам глобальных изменений окружающей среды и климата. Чтобы понять и предсказать, что будет в будущем с водными экосистемами, особенно пресноводными водоемами как источниками питьевого водоснабжения, нужно знать и реконструировать изменения, происходившие в водоемах на протяжении их исторического развития. Поэтому в последнее время особое значение придается палеоэкологическим исследованиям, позволяющим построить такие долговременные реконструкции.

В палеоэкологии для изучения природных тенденций развития озерных экосистем и климата территорий во времени и пространстве используется свойство озер накапливать в течение длительного геологического периода осадочные толщи, содержащие информацию об эволюции флоры и фауны и экосис-

темы озера в целом. Диатомовый анализ озерных осадков основан на хорошей сохранности в них кремневых створок диатомовых водорослей. Стратиграфический анализ остатков диатомовых водорослей (кремнеземных панцирей) в разных слоях донных отложений позволяет реконструировать те условия окружающей среды, которые были в тот или иной промежуток времени [1].

Диатомеи образуют характерные экологические комплексы, приуроченные к разным биотомам водоемов и адаптированные к различным факторам среды [2]. По составу и количеству диатомей, соотношению их основных групп (планктонные и бентосные, центрические и пеннатные), наличию видов-индикаторов можно реконструировать природные условия в предшествующие временные отрезки. Это позволяет определить температурный режим, выделить периоды засухливости или повышенной ув-

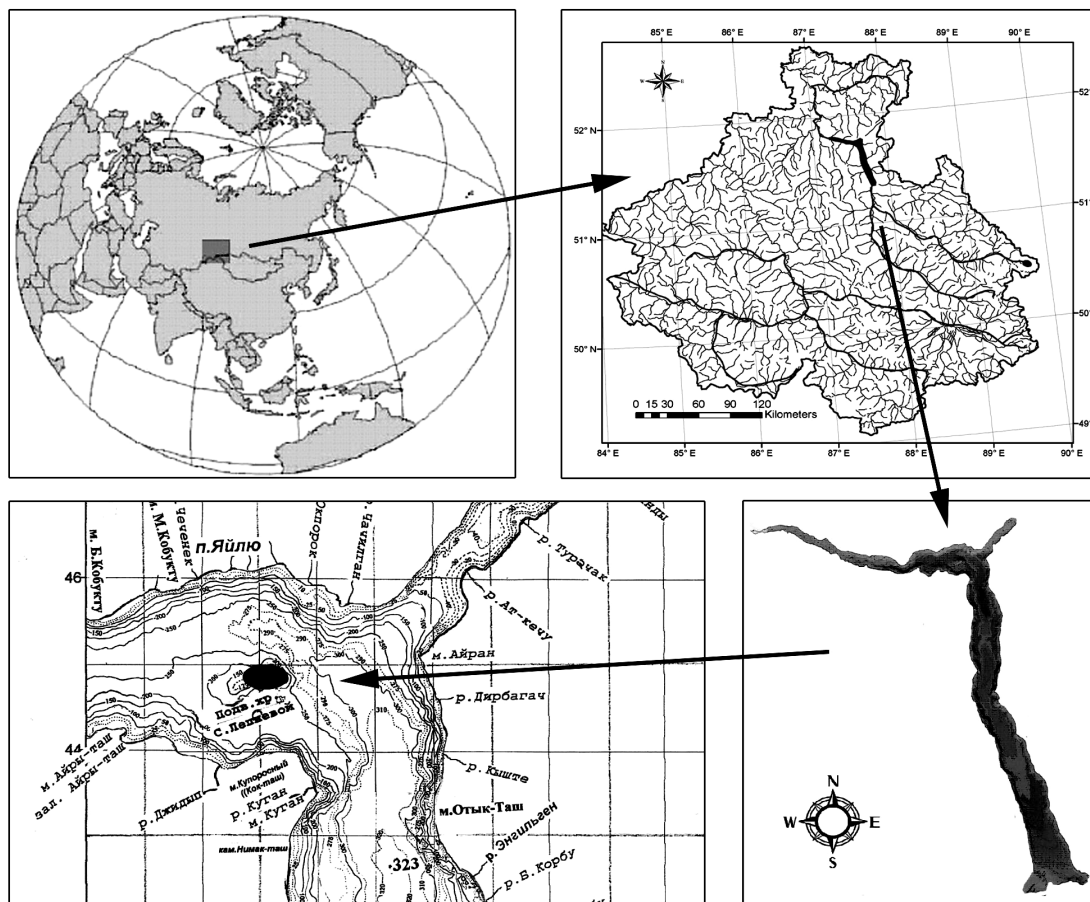

Рис. 1. Карта-схема расположения оз. Телецкое с указанием подводного хребта С. Лепневой¹

¹ Батиметрическая карта оз. Телецкое в районе подводного хребта С. Лепневой по В.В. Селегею [10-11].

лаженности, оценить колебания уровня воды в водоеме, а также содержание водородного иона, определяющего кислотность или щелочность воды [3-4]. Изучению закисления вод отводится особое внимание ввиду все возрастающей ацидификации водоемов из-за естественных и антропогенных причин [5-6]. Еще в 1930-е гг. среди водорослей были выделены виды, чувствительные к изменению pH воды. Ф. Хустедтом они были объединены в 11 групп: от алкалибионтов, обитающих в водах с pH=8 и более, до ацидобионтов, живущих в кислых водах с pH=5 и менее [7].

Целью данной работы было изучение диатомовых водорослей в донных отложениях глубокого олиготрофного озера Телецкое и анализ доли среди них видов-индикаторов для реконструкции величины pH в водоеме за последние 2000 лет.

Водоемы с ненарушенной экосистемой или минимальным антропогенным воздействием особенно интересны для целей реконструкции изменений любых факторов среды, в том числе и уровня pH, ввиду протекания в них всех процессов естественным путем. Озеро Телецкое (51°31'45"N и 87°42'53"E) относится именно к таким водным объектам. Это глубокий (максимальная глубина 323,3 м) олиготрофный водоем тектонического происхождения, расположенного в горах Алтая на юге Западной Сибири, длиной 78 км и максимальной шириной 5,2 км [8-9].

Донные отложения в оз. Телецкое имеют большую мощность и могут быть использованы при создании региональных высоко-разрешающих реконструкций природной среды. В настоящее время технические возможности гравитационных пробоотборников позволяют отбирать на озере колонки донных отложений длиной около двух метров. Скорость накопления в озере влажного осадка, определенная по ^{137}Cs , варьирует от 2,39 мм/год (в южной котловине, где впадает основной приток озера р. Чулышман) до 1,33 мм/год (в северной котловине, в зоне максимальных глубин) [10]. В 2006 г. был отобран керн донных отложений длиной 1940 мм с подводного хребта С. Лепневой (рис. 1). Данная подводная возвышенность расположена на стыке двух морфометрически разнородных частей озера: южной меридиональной глубоководной (длина около 48 км) и северной широтной мелководной (30 км). Вершина подводного хребта возвышается над дном озера до 211 м.

Скорость осадконакопления на данном участке дна озера – одна из самых низких и составляет 0,3 мм/год [12], или 45 мм/год с учетом влажности осадка. Для крупных и глубоких водоемов характерна различная скорость осадконакопления донных отложений ввиду особенностей морфометрии и гидрологических условий. Так например, для Северного Байкала данная величина составляет 0,705 мм/год, для Среднего – 0,910, для

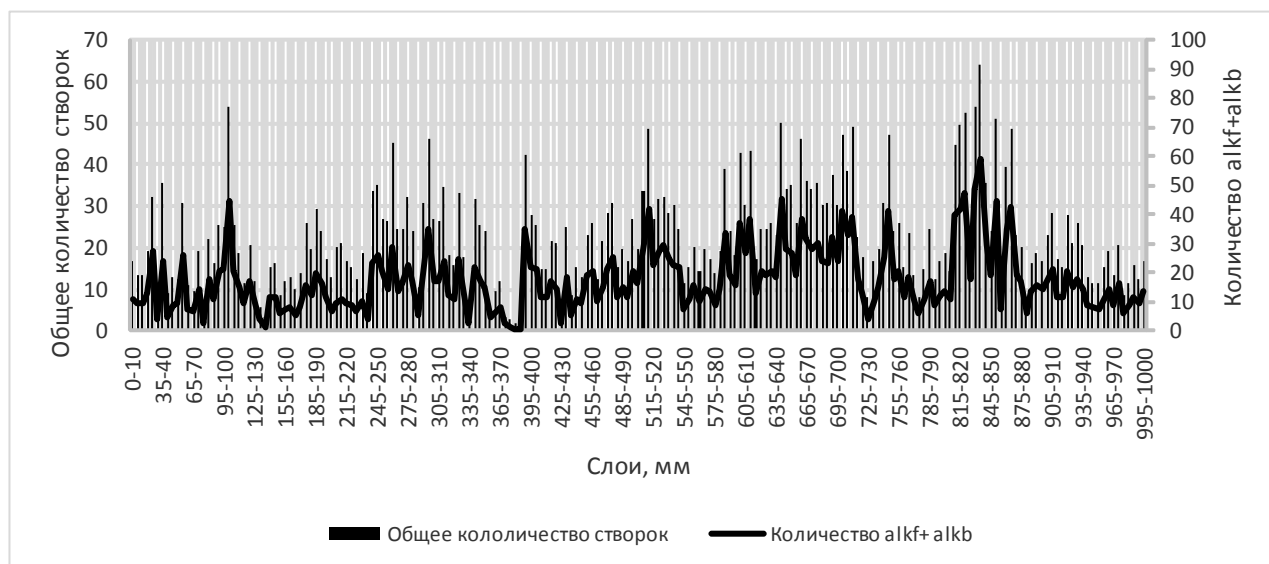

Рис. 2. Общее количество створок диатомовых водорослей и количество группы алкалифилов и алкалибионтов в керне донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта С. Лепневой, млн ств./г

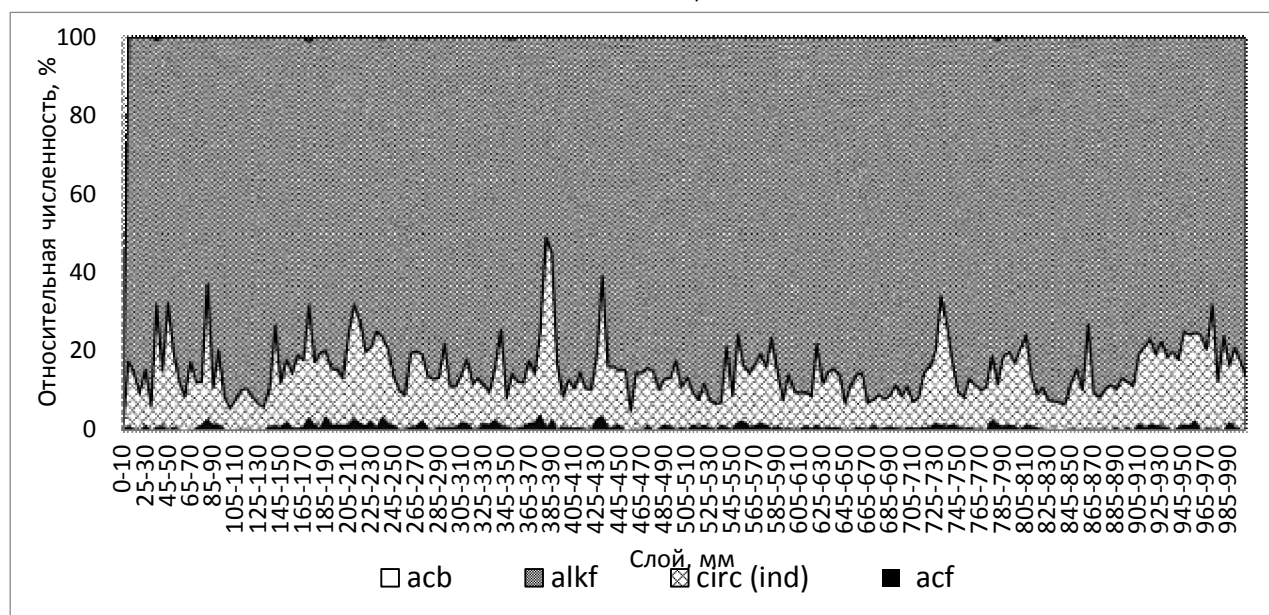

Рис. 3. Доля групп водорослей-индикаторов по отношению к pH в общем количестве их створок в керне донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта С. Лепневой

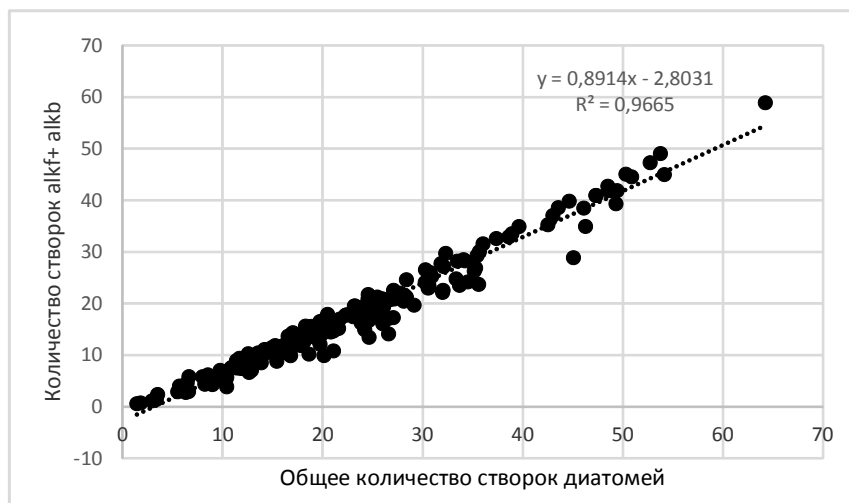

Рис. 4. Зависимость между количеством створок алкалифилов и алкалибионтов и общим числом створок диатомовых водорослей (млн ств./г) в керне донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта С. Лепневой

Южного Байкала – 1 мм/год и является максимальной. Скорость осадконакопления на Академическом хребте, отделяющем Северную котловину озера Байкал от Средней, наименьшая – 0,015 мм/год [13]. Исследуемый керн донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта вскрывает осадки возрастом около 4 тыс. лет. В основу данной работы положены данные диатомового анализа верхних 1000 мм керна, или последних 2222 ± 11 лет.

Пробы подготавливали и обрабатывали стандартными методами [14–15]. Препараты исследовали с помощью светового микроскопа Nikon H550L. При световом микроскопировании и подсчете учитывали все встреченные панцири диатомовых водорослей, после чего производили пересчет количества створок диатомей на 1 грамм осадка. Идентификацию и систематизацию диатомей проводили с использованием классических и современных определителей, сводок и Атласов [16–21]. Среди диатомовых выделены четыре группы видов-индикаторов pH: alkf – алкалифилы, предпочитающие среду с pH=7, circ (ind) – циркумнейтралы (индифференты), (pH=7), acf – ацидофилы (pH=7), acb – ацидобиионты, (pH=5,5). Подсчитано их процентное соотношение в общем количестве створок диатомей-индикаторов содержания водородного иона, что необходимо для реконструкции pH в каждом слое донных отложений и получения общей картины изменения pH на исследованном отрезке керна. Теоретическое значение pH вычисляли на основе уравнения линей-

ной регрессии по индексу В, разработанному для озер Швеции [6]: $B = (\% \text{ circ} + 5\% \text{ acf} + 40\% \text{ acb}) / (\% \text{ circ} + 3,5\% \text{ alkf})$. Нами было использовано уравнение, полученное для одного из озер Кольского Севера [5], сходное с оз. Телецкое по уровню pH:

$$\text{pH} = 7,5 - 0,85 \log B.$$

В изученных слоях керна донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта Софьи Лепневой общее количество створок диатомовых водорослей изменялось в значительных пределах – от 0,86 (слой 135–140 мм) до 64,4 млн ств./г (слой 835–840 мм) при среднем значении по исследованному отрезку керна $22,9 \pm 0,78$ млн ств./г (рис. 2). Слои с низким содержанием створок (не более 5 млн ств./г) были немногочисленны: 135–140 мм – 0,86 млн ств./г; 370–375 мм – 3,70; 375–380 мм – 3,20; 380–385 мм – 1,90; 385–390 мм – 1,10 млн ств./г. К слоям с наибольшим количеством створок диатомовых водорослей относятся: 100–105 мм – 54,70 млн ств./г; 510–515 мм – 53,03 млн ств./г; 820–825 мм – 53,01 млн ств./г; 830–835 мм – 54,23 млн ств./г и 835–840 мм – 64,36 млн ств./г.

С общим количеством створок диатомовых водорослей хорошо согласуется количество видов-алкалифилов, т.е. тех водорослей, которые предпочитают слабощелочную среду. На исследованном интервале керна было отмечено преобладание именно алкалифильных видов – от 50,7 % (в слое 375–380 мм) до 95,2 % (в слое 450–455 мм). Это обусловлено развитием аб-

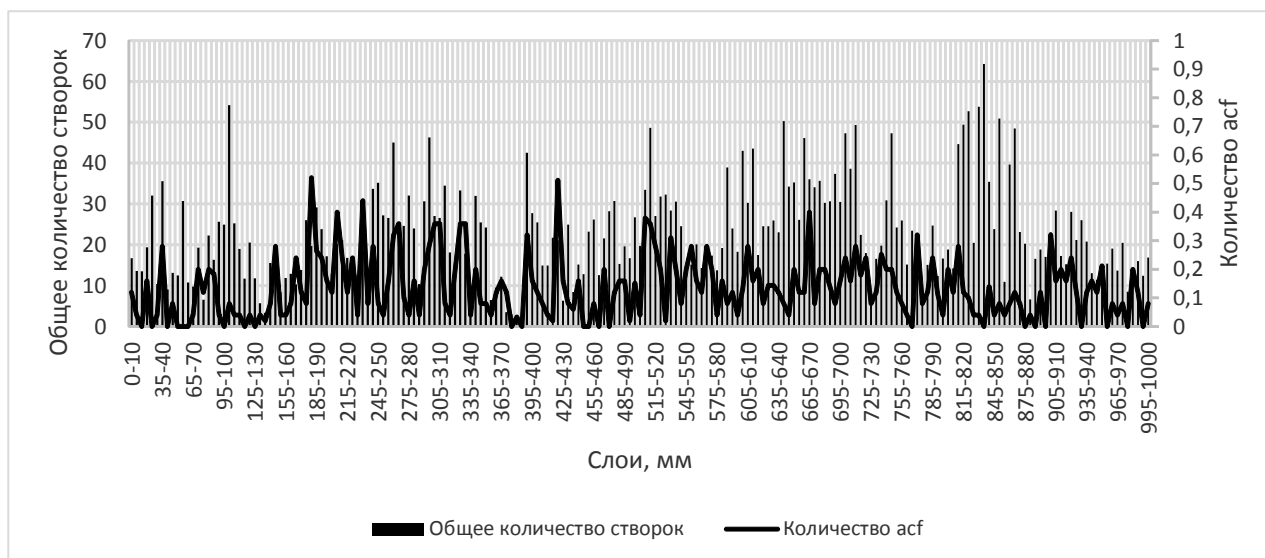

Рис. 5. Общее количество створок диатомовых водорослей и количество ацидофилов в керне донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта С. Лепневой, млн ств./г

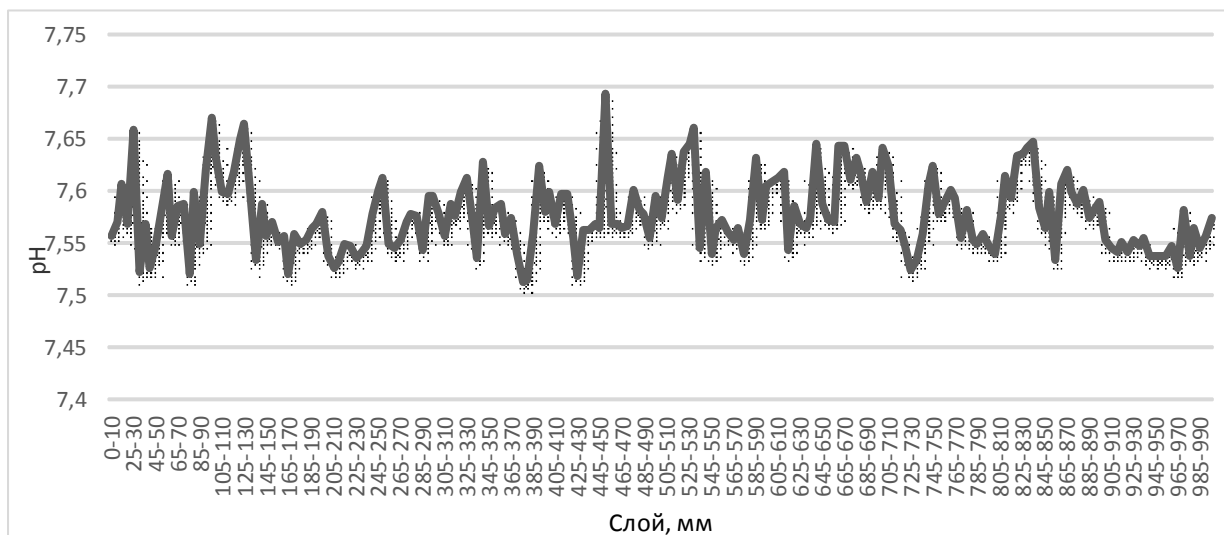

Рис. 6. Реконструированные значения pH для исследованного интервала ядра донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта С. Лепневой

солотного доминанта донных отложений — *Aulacoseira subarctica* (O. Müll.) Haw., предпочитающей водную среду со значениями pH = 7,3 (рис. 2-3). Коэффициент корреляции количества створок алкалифилов и общего числа створок диатомей составил 0,97, и эта зависимость носила линейный характер (рис. 4).

Кроме *A. subarctica* к алкалифильным видам относятся *Aulacoseira italica* (Ehr.) Sim. (pH = 5,8-8,4), *Ulnaria ulna* (Nitzsch) Comp. (5-9,5), *Gomphonema olivaceum* var. *olivaceum* (Horn.) Grüb. (7,5-8), *Nitzschia fonticola* Grun. (6-9). Эти виды в диатомоценозах донных отложений занимают субдоминирующие позиции.

Циркумнейтральные (или индифферентные) виды составляют от 4,8 до 49,2 % в общем количестве створок диатомей-индикаторов pH. Основными представителями данной группы являются *Cyclotella bodanica* (Grun.) Hakan., *Cymbella sinuata* Grög., *Encyonema ventricosum* (Kütz.) Grun., *Gomphonema ventricosum* Grög., *Nitzschia palea* (Kütz.) W. Smith, виды родов *Diatoma* Bory и *Pinnularia* Ehr. При этом наблюдается обратная зависимость наличия индифферентов от такового алкалифильных видов: наибольшая доля индифферентов отмечена в слое с наименьшим количеством алкалифилов (слой 375-380 мм), а минимальная доля индифферентов приурочена к максимуму развития алкалифилов (450-455 мм).

Развитие видов, предпочитающих pH меньше 7 (ацидофилы) и pH меньше 5,5 (ацидобонты), возрастает в биоценозах при снижении показателей pH среды. Именно эти группы видов являются наиболее показательными индикаторами при ацидофикации водоемов, ведь первые увеличивают свою численность при снижении pH, а вторые развиваются только в закисленных условиях. Но в оз. Телецкое таких видов немного. На исследованном отрезке ядра из 200 слоев ацидофилы отсутствовали в 24, а ацидофобы были обнаружены только в 11 слоях. Количество створок ацидофилов варьировало в разных слоях от 0 до 0,51-0,52 млн ств./г (слои 420-425 мм и 180-185 мм, соответственно) (рис. 5). Количество створок ацидофилов в донных отложениях не коррелирует с общим количеством створок диатомовых водорослей, коэффициент корреляции составил всего 0,25, т.е. появления ацидофилов и ацидофобов в диатомоценозах озера, вероятно, был вызван не изменением pH среды в водоеме, а попаданием таких видов из расположенных выше по течению водоемов и водотоков заболоченного бассейна. По данным В.В. Селегея и Т.С. Селегей [8] коэффициент заболоченности территории бассейна оз. Телецкое составляет 2,1 %.

К группе ацидофилов и ацидофобов относятся виды, которые отмечены в донных отложениях озера эпизодически — *Cyclotella antiqua* (Jouse) Gles., *Aulacoseira distans* (Ehr.) Sim. (pH = 6,9), *Tabellaria flocculosa* (Roth) Kütz. (5,7), *Frustulia rhomboides* (Ehr.) De Toni (5,5), *Neidium bisulcatum* (Lagerh.) Cl. (5,2) и *Gomphonema parvulum* Kütz. (4,5).

Подсчитанные для каждой группы видов — индикаторов pH среды — доли в общем количестве створок позволили рассчитать индекс В и реконструировать значения pH для каждого из

слоев исследованного отрезка ядра донных отложений оз. Телецкое с подводного хребта Софьи Лепневой. Эта величина варьировала в пределах 7,51-7,69 (рис. 6) при среднем значении $7,58 \pm 0,003$, т.е. соответствовала слабощелочной среде. Наименьшее реконструированное значение pH приходится на слой 380-385 мм при низком общем количестве створок диатомей (1,8 млн ств./г) и значительном количестве ацидофилов, в то время как наибольшее pH было подсчитано для слоя 450-455 мм, где было зафиксировано близкое к среднему значению общего количества створок диатомей для исследованного отрезка ядра при полном отсутствии ацидофилов (23,23 млн ств./г, среднее для ядра — $22,9 \pm 0,78$ млн ств./г).

Сравнивая рассчитанные и современные значения pH, полученные при вертикальном зондировании водной толщи оз. Телецкое в разные годы с помощью зондов, следует отметить, что эти показатели очень близки. Так в районе п. Яйло 26 сентября 1994 г. при замерах до дна (общая глубина 207 м) среднее значение pH для данной вертикали составило $7,77 \pm 0,002$, в придонном слое оно было выше (7,74), чем у поверхности (7,65). При зондировании верхнего 25-метрового слоя на этой же станции 26 августа 2013 г. среднее значение pH было $7,35 \pm 0,04$. В поверхностных слоях водной толщи идут интенсивные процессы окисления органики, что и вызывает некоторое уменьшение значения pH. Этим процессам способствует и достаточное количество растворенного в воде кислорода, содержание которого от поверхности до самых глубинных горизонтов в оз. Телецкое высокое. Например, в августе 2006 г. в пелагиали озера средняя для столба воды концентрация кислорода составила $10,88 \pm 0,38$ мг/л при насыщении $98,3 \pm 0,9\%$.

В целом проведенное исследование диатомовых водорослей в донных отложениях оз. Телецкое для воссоздания уровня pH показало, что резких и кардинальных изменений содержания водородного иона в воде данного водоема за последние чуть более 2000 лет не выявлено. Величина pH была и в настоящее время остается в пределах, соответствующих слабощелочной среде. Незначительные изменения значений pH вследствие появления ацидофилов и ацидобонтов в составе диатомоценозов озера могут свидетельствовать, скорее всего, о привносе этих водорослей с заболоченной территории водосборного бассейна озера при увеличении стока. Озеро глубиной более 300 м и объемом около 40 км³ отличается постоянством среды по показателю pH на протяжении последних 2000 лет.

Авторы признательны проф. Яну Клерксу (Бельгия) и А.В. Дьяченко (ИВЭП СО РАН) за ретроспективные и современные данные по pH в воде оз. Телецкое.

* Работа выполнена при поддержке партнерского проекта фундаментальных исследований СО РАН № 34 «Динамика природной среды Сибири и Дальнего Востока в голоцене и ее сопряженность с глобальными атмосферными процессами: высокоразрешающие реконструкции как функция геохимического отклика современных морских и озерных отложений».

Библиографический список

- Smol, J.P. Tracking long-term changes in climate using algal indicators in lake sediments / J.P. Smol, B.F. Cumming // *J. Phycol.* – 2000. – № 3.
- Дорофеюк, Н.И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализозерных осадков Монголии): автореф. дис. ... д-ра. биол. наук. – М., 2008.
- Chipman, M.L. A 2000 year record of climate change at Ongo Lake, southwest Alaska / M.L. Chipman, G.H. Clarke, B.F. Clegg, I. Gregory-Eaves, F.S. Hu // *J. Paleolimnol.*, 2009. – Vol. 41, Is. 1.
- Wolin, J.A. Diatoms as indicators of water-level change in freshwater lakes / J.A. Wolin, J.R. Stone // *The diatoms applications to the environmental and earth Sciences*, E.F. Stoermer and J.P. Smol (eds.). – Cambridge University Press, 2010.
- Моисеенко, Т.И. Горные озера как индикаторы загрязнения воздуха / Т.И. Моисеенко, В.А. Даувайттер, Л.Я. Каган // *Водные ресурсы*. – 1999. – № 5. – Т. 24.
- Renberg J., Hellberg T. The pH history of lakes in south-western Sweden, as calculated from the subfossil diatom flora of the sediments / J. Renberg, T. Hellberg // *AMBIO*. – 1982. – Vol. 11.
- Барина, С.С. Биоразнообразие водорослей-индикаторов окружающей среды / С.С. Барина, Л.А. Медведева, О.В. Анисимова. – Тель-Авив, 2006.
- Селегей, В.В. Телецкое озеро / В.В. Селегей, Т.С. Селегей. – Л., 1978.
- Selegei, V. Physical and geological environment of Lake Teletskoye / V. Selegei, B. Dehandschutter, J. Klerks, A. Vysotsky // *Annales Sciences Geologiques*. – 2001. – Vol. 105.
- Калугин, И.А. Паводковая периодичность в Телецком озере, обусловленная региональными колебаниями климата на юге Сибири за последние 570 лет / И.А. Калугин, В.В. Селегей, В. Бобров, С. Воробьева, С. Кривоногов // *Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири*. – Новосибирск, 2000.
- Селегей, В.В. Телецкое озеро: очерки истории: в 3 кн. – Барнаул, 2011. – Кн. 3.
- Калугин, И.А. 3000-летняя реконструкция среднегодовых температур Алтайского региона по литолого-геохимическим индикаторам донных осадков оз. Телецкое / И.А. Калугин, А.В. Дарин, В.В. Бабич // *Докл. АН*. – 2009. – № 4. – Т. 426.
- Вологина, Е.Г. Особенности осадконакопления в озере Байкал в голоцене / Е.Г. Вологина, М. Штурм, С.С. Воробьева, Л.З. Гранина, С.Ю. Тошakov // *Геология и геофизика*. – 2003. – № 5. – Т. 44.
- Водоросли. Справочник / С.П. Вассер, Н.В. Кондратьева, Н.П. Масюк [и др.] – Киев, 1989.
- Диатомовые водоросли СССР (ископаемые и современные). – Л., 1974. – Т. I.
- Забелина, М.М. Диатомовые водоросли. Определитель пресноводных водорослей СССР / М.М. Забелина, И.А. Киселев, А.И. Прошкина-Лавренко [и др.]. – М., 1951. – Вып. 4.
- Hartley, B. An atlas of British diatoms. – Bristol: Biopress Ltd., 1996.
- Krammer, K, Lange-Bertalot H. *Süßwasserflora von Mitteleuropa*. Bd. 2, Bacillariophyceae. Teil 1. Naviculaceae. – Stuttgart: Gustav Fischer Verl., Jena. 1986.
- Krammer, K, Lange-Bertalot H. *Süßwasserflora von Mitteleuropa*. Bd. 2, Bacillariophyceae. Teil 2. Bacillariaceae, Epithemiaceae, Surirellaceae. – Stuttgart: G. Fischer; Jena, 1988.
- Krammer, K, Lange-Bertalot H. *Süßwasserflora von Mitteleuropa*. Bd. 2, Bacillariophyceae. Teil 3. Centrales, Fragilariaceae, Eunotiaceae. – Stuttgart: G. Fischer; Jena, 1991.
- Krammer, K, Lange-Bertalot H. *Süßwasserflora von Mitteleuropa*. Bd. 2, Bacillariophyceae. Teil 4. Achnanthaceae. – Stuttgart: G. Fischer; Jena, 1991.

Bibliography

- Smol, J.P. Tracking long-term changes in climate using algal indicators in lake sediments / J.P. Smol, B.F. Cumming // *J. Phycol.* – 2000. – № 3.
- Dorofeyuk, N.I. *Rekonstrukciya prirodnikh usloviy Vnutrenneyj Azii v pozdnelednikovye i golocene (po materialam diatomovogo i palinologicheskogo analizovozernnykh osadkov Mongolii): avtoref. dis. ... d-ra. biol. nauk.* – M., 2008.
- Chipman, M.L. A 2000 year record of climate change at Ongo Lake, southwest Alaska / M.L. Chipman, G.H. Clarke, B.F. Clegg, I. Gregory-Eaves, F.S. Hu // *J. Paleolimnol.*, 2009. – Vol. 41, Is. 1.
- Wolin, J.A. Diatoms as indicators of water-level change in freshwater lakes / J.A. Wolin, J.R. Stone // *The diatoms applications to the environmental and earth Sciences*, E.F. Stoermer and J.P. Smol (eds.). – Cambridge University Press, 2010.
- Moiseenko, T.I. *Gornye ozera kak indikatorih zagryazneniya vozdukh* / T.I. Moiseenko, V.A. Dauvalter, L.Ya. Kagan // *Vodniye resursy*. – 1999. – № 5. – Т. 24.
- Renberg J., Hellberg T. The pH history of lakes in south-western Sweden, as calculated from the subfossil diatom flora of the sediments / J. Renberg, T. Hellberg // *AMBIO*. – 1982. – Vol. 11.
- Barinova, S.S. *Bioraznoobrazie vodoroslej-indikatorov okruzhayutheyj sredih* / S.S. Barinova, L.A. Medvedeva, O.V. Anisimova. – Telj Aviv, 2006.
- Selegey, V.V. *Teleckoe ozero* / V.V. Selegey, T.S. Selegey. – L., 1978.
- Selegei, V. Physical and geological environment of Lake Teletskoye / V. Selegei, B. Dehandschutter, J. Klerks, A. Vysotsky // *Annales Sciences Geologiques*. – 2001. – Vol. 105.
- Kalugin, I.A. *Pavodkovaya periodichnostj v Teleckom ozere, obuslovlennaya regionalnijnimi kolebaniyami klimata na yuge Sibiri za poslednie 570 let* / I.A. Kalugin, V.V. Selegey, V. Bobrov, S. Vorobjeva, S. Krivonogov // *Problemih rekonstrukcii klimata i prirodnoj sredih golocene i pleystocena Sibiri*. – Novosibirsk, 2000.
- Selegey, V.V. *Teleckoe ozero: ocherki istorii: v 3 kn.* – Barnaul, 2011. – Kn. 3.
- Kalugin, I.A. 3000-letnyaya rekonstrukciya srednegodovihk temperatur Altajskogo regiona po litologo-geokhimicheskim indikatoram donnihk osadkov oz. Teleckoe / I.A. Kalugin, A.V. Darjin, V.V. Babich // *Dokl. AN*. – 2009. – № 4. – Т. 426.
- Vologina, E.G. *Osobennosti osadkonakopleniya v ozere Baykal v golocene* / E.G. Vologina, M. Shturm, S.S. Vorobjeva, L.Z. Granina, S.Yu. Tothakov // *Geologiya i geofizika*. – 2003. – № 5. – Т. 44.
- Vodorosli. Spravochnik* / S.P. Vasser, N.V. Kondratjeva, N.P. Masyuk [i dr.] – Kiev, 1989.
- Diatomovye vodorosli SSSR (iskopaemihe i sovremennihe)*. – L., 1974. – Т. I.
- Zabelina, M.M. *Diatomovye vodorosli. Opredelitel presnovodnihk vodoroslej SSSR* / M.M. Zabelina, I.A. Kiselev, A.I. Proshkina-Lavrenko [i dr.]. – M., 1951. – Vihp. 4.
- Hartley, B. *An atlas of British diatoms*. – Bristol: Biopress Ltd., 1996.
- Krammer, K, Lange-Bertalot H. *Süßwasserflora von Mitteleuropa*. Bd. 2, Bacillariophyceae. Teil 1. Naviculaceae. – Stuttgart: Gustav Fischer Verl., Jena. 1986.
- Krammer, K, Lange-Bertalot H. *Süßwasserflora von Mitteleuropa*. Bd. 2, Bacillariophyceae. Teil 2. Bacillariaceae, Epithemiaceae, Surirellaceae. – Stuttgart: G. Fischer; Jena, 1988.
- Krammer, K, Lange-Bertalot H. *Süßwasserflora von Mitteleuropa*. Bd. 2, Bacillariophyceae. Teil 3. Centrales, Fragilariaceae, Eunotiaceae. – Stuttgart: G. Fischer; Jena, 1991.
- Krammer, K, Lange-Bertalot H. *Süßwasserflora von Mitteleuropa*. Bd. 2, Bacillariophyceae. Teil 4. Achnanthaceae. – Stuttgart: G. Fischer; Jena, 1991.

Статья поступила в редакцию 19.08.14

УДК 582.26

Nazyn Ch.D. DIATOMIC ALGAE OF THE ELEGEST RIVER BASIN IN THE TUVA REPUBLIC. The article is dedicated to an up-to-date issue of preserving the biological diversity of regional algal flora. This article presents the results of a study of algae from the headwaters to the mouth of the Elegest River, including tributaries of Kara-Sug, Henderge, Ulugh Saylyg, Ungesh, Shadrinka, Krasniy Kluch, Onkazha, Mezhegei. The author identifies 361 species of algae, represented by 465 infraspecific taxonyms, including those containing nomenclatural type species of 82 genera, 46 families, 18 orders, 12 classes and 7 departments. Taxonomic analysis of algae in the basin of The Elegest showed that a number of species dominated by diatoms, green and blue-green, poor composition of Euglena, red, golden and yellow-green algae. Particular attention is paid to the diatomic flora, which is represented by 214 (301) species belonging to 38 genera and 2 classes found here. As a result, the author could estimate degrees of relations, what showed 8 families and 9 genera, of which the family of Naviculaceae comprises 18,0% and the genus of Navicula – 9,4% from the total amount of species and intraspecific diversity of algal flora. Basing on the study of ecological and geographical characteristics of diatoms found in the flora of diatoms, cosmopolitans indifferent towards galobnosti are found and pH of the habitat – fouling. Complexes that are dominant at every season are specified.

Key words: river, basin, Elegest, algae, diatoms, family, genus, benthos, dominant

Ч.Д. Назын, кан. биол. наук, доц. каф. общей биологии Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: nazynch@mail.ru

ДИАТОМОВЫЕ ВОДОРΟΣЛИ БАСЕЙНА Р.ЭЛЕГЕСТ РЕСПУБЛИКИ ТУВА

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме сохранения биологического разнообразия региональной альгофлоры. В работе представлены результаты изучения состава водорослей от верховья до устья реки Элегест, включая притоки: Кара-Суг, Хендерге, Улуг-Сайлыг, Унгеш, Шадринка, Красный ключ, Онкажа Межегей. Идентифицировано 361 вид водорослей, представленных 465 внутривидовыми таксонами, включая те, которые содержат номенклатурный тип вида, из 82 родов, 46 семейств, 18 порядков, 12 классов и 7 отделов. Таксономический анализ водорослей бассейна реки Элегест показал, по числу видов преобладают диатомовые, зеленые и синезеленые, беден состав эвгленовых, красных, золотистых и желтозеленых водорослей. Особое внимание уделено флоре диатомовых, в которой обнаружено 214(301) видов, относящихся к 38 родам и 2 классам. В результате ранговой оценки семейственного и родового спектра водорослей обнаружено 8 семейств и 9 родов по таксономической значимости, из них главенствующее положение занимает семейство Naviculaceae – 18,0% и род Navicula – 9,4% от всего видового и внутривидового разнообразия альгофлоры. На основе изучения эколого-географической характеристики диатомей установлено, что в составе флоры диатомей преобладали космополиты, индифферентны по отношению к галобности и pH, по местообитанию – обростатели. Выделены комплексы доминантов для каждого сезона.

Ключевые слова: река, бассейн, Элегест, водоросли, диатомовые, семейство, род, бентос, доминант.

Сохранение водных объектов всех рангов от малого ручья до крупных рек в качестве источника возобновимых водных ресурсов – в интересах оптимального состояния биосферы требует больших усилий и значительных затрат. Основным составляющим водных объектов являются водоросли. Между тем в масштабах интенсивной эксплуатации природных ресурсов изученность этой группы, относимой к категории «низших» растений, невелика по сравнению с таковой «высших» – сосудистых растений.

Планомерная инвентаризация водорослей континентальных водоемов России еще далека до завершения. Реки Тувы являются белым пятном в этом плане – многие реки не изучены в альгологическом отношении, еще не проведены первый этап изучения – инвентаризационный. Альгофлору бассейна реки Элегест начали изучать с 2000 года [1; 2], поэтому одной из основных задач нашей работы – изучение разнообразия диатомовых водорослей.

Бассейн реки Элегест представляет область северного склона Танну-Ольского горного массива, простирается у его подножия широкой Улуг-Хемской равниной. В плане он вытянут с запада на восток, длина его 120 км, ширина в средней части около 65 км. Элегест – левый, наиболее крупный приток верхнего Енисея, длиной 178 км, площадью водосбора 5852 км², падение русла 1540 м, вероятный среднегодовой расход 15-20 м³/с, берет начало на северном макросклоне хр. Танну-Ола на высоте 2400 м над ур. м. Ширина реки колеблется от 1 до 30 м, русло в верховье умеренно-извилистое с характерным для горных рек плохо разработанным руслом, ширина его в верховье до 1 м. [3].

Сбор образцов водорослей производили на 13 створах (рис. 1) маршрутным методом. Исследованы притоки верхнего, среднего и нижнего течения р. Элегест. К притокам верхнего течения относятся: Кара-Суг, Хендерге, Улуг-Сайлыг, среднего – Унгеш, Шадринка, Красный ключ, Онкажа и нижнего – Межегей. Пробы

водорослей собраны в толще воды (планктон) и на дне реки (бентос), а также в обростаниях на различных погруженных в воду предметах.

Материалом для работы послужили альгологические пробы, собранные в лотических водоемах бассейна реки Элегест в разные сезоны 2000-2010 гг.

В работе использованы единые, общепринятые, унифицированные методики сбора и обработки альгологического материала [4; 5].

Таксономический анализ водорослей бассейна реки Элегест показал, богатую в родовом и видовом отношении флору водорослей, относящихся к 361 видам, представленных 465 видами разновидностями и формами водорослей, из 82 родов, 46 семейств, 18 порядков, 12 классов и 7 отделов. По числу видов преобладают диатомовые – 59,3%, затем следуют зеленые – 22,4%, синезеленые – 14,7%, беден состав эвгленовых, красных, золотистых и желтозеленых, которые в общем дают 3,6% состава.

Диатомовые водоросли самый многочисленный отдел бассейна реки Элегеста, включает 214 (301) видов, разновидностей и формы водорослей. Почти все диатомовые относятся к представителям класса Pennatophyceae – 209(296) видов, класс Centrophyceae представлен только 5 видами: Cyclotella comta, C. meneghiniana, Melosira undulata, M. varians, Aulacosira italica, они в подавляющем большинстве планктонные виды, но мы их отмечали и в бентосе.

Общее число семейств, обнаруженных в изучаемых реках бассейна равно 46. Наиболее крупные по числу видов 12 семейств, которые включают 283 вида, из них 8 семейств относятся к диатомовым, что составляет 53,4% (таблица 1).

Как правило, семейства, занимающие ведущее положение в альгофлоре региона, играют важную роль и в структуре альгоценозов. Расположение ведущих родов по числу видов представлено в таблице 1, которое свидетельствует о том, что 9 из

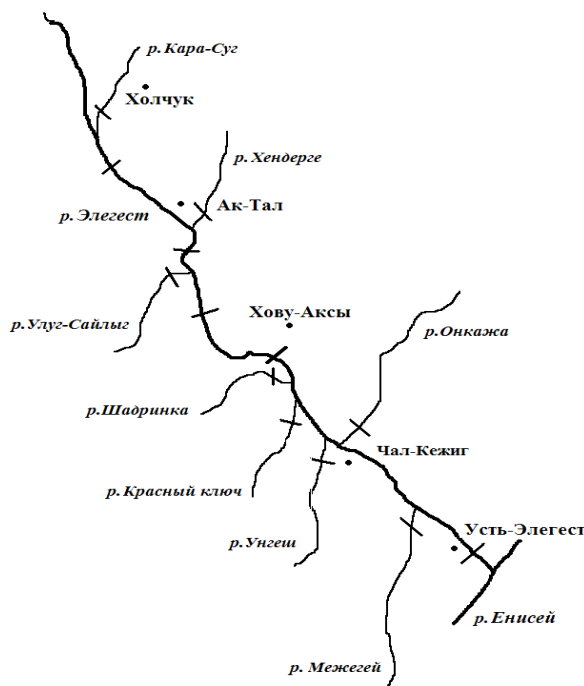

Рис. 1. Карта-схема бассейна р. Элегест.

• – населенный пункт; / – пункты сбора альгологического материала.

Таблица 1

Крупнейшие по числу видов семейства и рода диатомовых водорослей бассейна реки Элегест

Место по числу видов	Семейство	Число видов		Место по числу видов	Роды	Число видов	
		абсолютное	%			абсолютное	%
1	Naviculaceae	65	18,0	1	Navicula	34	9,4
2	Cymbellaceae	35	9,7	2	Cymbella	32	8,9
3	Nitzschiaceae	25	6,9	3	Nitzschia	24	6,6
4	Fragilariaceae	21	5,8	4	Fragilaria	12	3,3
5	Achnanthaceae	15	4,2	5	Gomphonema	10	2,8
6	Surirellaceae	12	3,3	6-9	Achnanthes	9	2,5
7	Gomphonemataceae	11	3,0	6-9	Surirella	9	2,5
8	Eunotiaceae	9	2,5	6-9	Pinnularia	9	2,5
				6-9	Eunotia	9	2,5
	Всего:	193	53,4			148	41,0

38 наиболее крупных по числу видов рода включают 41,0%, остальные двадцать девять родов исследуемых водотоков включают 66 видов.

К числу родов отдела диатомовых, виды которых распространены во всех обследованных водотоках, относятся только 10 родов, т.е. одна четвертая часть всего родового спектра. Эта цифра может свидетельствовать о существенных экологических различиях обследованных рек. Специфичных родов, встречающихся только в одном каком-либо водотоке – 2. К ним принадлежат как новый и редкий для Тувы род – *Oerphora*, так и довольно банальные для других сибирских водоемов *Tetracyclus*.

Таким образом, в альгофлоре исследуемых водотоков четко просматривается концентрация видов в сравнительно небольшом числе родов и семейств, что подтверждает представление об аллохтонном развитии альгофлоры. Значительное количество маловидовых родов и семейств подчеркивает сложность флорогенетических процессов.

За период исследования высокий удельный вес имели представители бентоса 238, типично планктонных представителей немного – 23, виды с невыясненной природой составили 40 видовых и внутривидовых таксонов (таблица 2).

По отношению к солености воды согласно классификации Колбе почти все найденные виды являются олигогалолами, из них 69,8 % составляют индифференты, 12,7 % – галлофобы,

8,3 % – галлофилы, мезогалофы (1,3%) представлены следующими видами: *Synedra pulchella*, *Navicula digitoradiata*, *Entomoneis paludosa*, *Nitzschia obtusa*.

Из 259 видов, разновидностей и форм водорослей, являющихся индикаторами pH среды, большая часть (47,9%) относится к индифферентам, меньшая к ацидофилам (8,3%) и алкалофилам (29,9%).

Сведения о географическом распределении имеются для 277 видовых и внутривидовых таксонов, из них 125 составляют космополиты, 114 – бореальные и 38 – арктоальпийские формы.

Доминировали за период исследования следующие таксоны: *Diatoma hiemale*, *D. hiemale* var. *mesodon*, *Synedra ulna*, *Ceratoneis arcus*, *Didymosphenia geminata*.

Все доминанты можно разделить на 4 группы:

1. Виды, вегетирующие круглый год – *Diatoma hiemale*, *D. hiemale* var. *mesodon*.

2. Виды, которые в массе вегетируют в летний период – *Synedra ulna*, *Gomphonema ventricosum*.

3. Виды, доминирующие в зимний период – *Ceratoneis arcus*.

4. Виды, вегетирующие в массе в летне-осенний период *Didymosphenia geminata*, *Cocconeis placentula*, *Amphora ovalis*.

Таким образом, из 301 видовых и внутривидовых диатомовых водорослей, встречающихся в бассейне р. Элегест, к диатомовым бентоса относятся 238 таксона, что составляет 91,5%. Рас-

Таблица 2

Эколого-географическая характеристика диатомовых водорослей бассейна реки Элегест

Эколого-географическая группа	Число таксонов	% от выявленных классов
Местообитание		
планктон	23	7,6
обрастание	130	43,2
донные	108	35,9
виды с невыясненной природой	40	13,3
Отношение к NaCl		
олигогалофиты:		
галофилы	25	8,3
индифференты	210	69,8
галофобы	38	12,7
мезогалофиты	4	1,3
виды с невыясненной природой	24	7,9
Отношение к pH		
ацидофилы	25	8,3
индифферент	144	47,9
алкалофилы	90	29,9
виды с невыясненной природой	42	13,9
Географическая характеристика		
космополиты	125	41,5
бореальные	114	38,0
арктоальпийские	38	12,6
виды с невыясненной природой	24	7,9

пределение водорослей в притоках в общих чертах повторяет распределение таковых в бассейне. Это преобладание бентос-

ных форм над планктонными и господство диатомовых, показывает горный характер реки [6; 7].

Библиографический список

1. Науменко, Ю.В. Первые сведения о водорослях р. Элегест (Республика Тува) / Ю.В. Науменко, Ч.Д. Назын // Центральная Азия в XXI веке. Устойчивое развитие. Тр. VI-го Убсунурского междунар. симпозиума. – Кызыл; М., 2000.
2. Науменко, Ю.В. Водоросли реки Элегест и её притоков (Тыва) в зимний период / Ю.В. Науменко, Ч.Д. Назын // Сибирский экологический журнал. – 2007, – № 6.
3. Природные условия Тувинской автономной области. – М., 1957.
4. Вассер, С.П. Водоросли: справочник / С.П. Вассер, Н.В. Кондратьева [и др.]. – Киев, 1989.
5. Методические рекомендации по сбору и обработке материалов при гидробиологических исследованиях на пресноводных водоемах. – Л., 1981.
6. Сафонова, Т.А. Водоросли реки Катунь (Горный Алтай, Россия). Эколого-ценотические особенности // Альгология. – 1997. – № 1. – Т. 7.
7. Науменко, Ю.В. Водоросли реки Тес-Хем (Тува, Россия) // Ботан. журн. – 1999. – № 2. – Т. 84.

Bibliography

1. Naumenko, Yu.V. Pervye svedeniya o vodoroslyakh r. Ehlegest (Respublika Tuva) / Yu.V. Naumenko, Ch.D. Nazihn // Centralnaya Aziya v XXI veke. Ustoychivoe razvitiye. Tr. VI-go Ubsunurskogo mezhdunar. simpoziuma. – Kizhih; M., 2000.
2. Naumenko, Yu.V. Vodorosli reki Ehlegest i eyo pritokov (Tihva) v zimniy period / Yu.V. Naumenko, Ch.D. Nazihn // Sibirskiy ehkologicheskiy zhurnal. – 2007, – № 6.
3. Prirodniye usloviya Tuvinskoy avtonomnoy oblasti. – M., 1957.
4. Vasser, S.P. Vodorosli: spravochnik / S.P. Vasser, N.V. Kondratjeva [i dr.]. – Kiev, 1989.
5. Metodicheskie rekomendacii po sboru i obrabotke materialov pri gidrobiologicheskikh issledovaniyakh na presnovodnykh vodoemakh. – L., 1981.
6. Safonova, T.A. Vodorosli reki Katunj (Gorniy Altay, Rossiya). Ehkologo-cenoticheskie osobennosti // Aljgologiya. – 1997. – № 1. – Т. 7.
7. Naumenko, Yu.V. Vodorosli reki Tes-Khem (Tuva, Rossiya) // Botan. zhurn. – 1999. – № 2. – Т. 84.

Статья поступила в редакцию 20.09.14

УДК 574.91

Popov S.V., Volkovsky Ye.V., Serebryakov O.N. **PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF GEOGRAPHICAL INFORMATION SYSTEMS (GIS).** This paper studies the views on the creation of multifunction object-oriented GIS according to the principle “from particulars to generals” and gives a broad overview of a modern state of the GIS development, ideology and methodology. All mentioned above should eventually lead to the emergence of such features as “properties of objects” (a primary element GIS), and a set of properties “set of objects” to the modeling of “event horizon”, i.e. virtual model of the environment in all its links and forms. In fact, it is the ideology of geographic information systems, namely geography, with its comprehensive approach to the study of the Earth (physical geography, biogeography, economic geography, etc.) should be a leader in the development of GIS.

Key words: geographic information systems, ecosystems.

С.В. Попов, доц. ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина», г. Бийск, E-mail: ksit@bigpi.biysk.ru; **Е.В. Волковский**, доц. ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина», г. Бийск, E-mail: ksit@bigpi.biysk.ru; **О.Н. Серебряков**, доц. ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина», г. Бийск, E-mail: ksit@bigpi.biysk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ (ГИС)

В работе изучены взгляды на создание многофункциональной объектно-ориентированной ГИС по принципу от «частного» к «общему», дан обзор современного состояния развития ГИС, их идеологии и методологии. Учет всего вышесказанного в конечном итоге должен привести к появлению такой характеристики, как «свойства объектов» (первичного элемента ГИС), а совокупность свойств «множества объектов» к моделированию «горизонта событий» т.е. виртуальной модели среды обитания во всех ее взаимосвязях и проявлениях. По сути дела – это есть идеология геоинформационных систем, именно география с ее комплексным подходом к изучению Земли (физическая география, биогеография, экономическая география и т.д.) должна стать лидером в области развития ГИС.

Ключевые слова: географические информационные системы, экосистемы.

В последние два десятилетия термин «геоинформационные системы» (geographik information system) достаточно прочно укрепился в научных кругах, отраслях и сферах деятельности, имеющих дело с планированием и управлением территорий, объектов и процессов пространственно-ориентированных на местности и во времени.

Заявлена наука – «геоинформатика», а так же «технологии и индустрия» [1], освоены немалые инвестиции и бюджет под ГИС, создано большое количество автоматизированных информационно-справочных, поисковых и прикладных инженерных систем, программных продуктов, включающих в свое название аббревиатуру «ГИС». Но представляют ли они собой таковые системы?

В 90-е годы рынок «новой» России стал полностью открыт для появления на нем персональных компьютеров, программных продуктов и технологий, связанных с обработкой, хранением и представлением в электронном виде пространственно-ориентированной информации об объектах и явлениях на местности, используя в качестве исходной информации и различные карты и планы. Такая, зачастую не отвечающая картографическим требованиям полноты и точности, переведенная в цифровой вид, основа дополнялась в дальнейшем специальной семантикой с применением самостоятельных классификаторов и в доступных форматах стала находить достаточно широкий спрос. В это же время стало возможным приобретать аппаратуру и технологии, связанные с позиционированием объектов на местности, «geographik position system» (GPS), использующие спутниковое созвездие «NAVSTAR» (США). GPS-технологии в совокупности с традиционными геодезическими методами полевых измерений с помощью современных электронных тахеометров различных модификаций, существенно расширили возможность автоматизированных систем за счет полевых измерений, связанных с корректурой устаревших топографических съемок, отводов земель и угодий, изыскательных работ.

Соответственно этому, каждый, кто освоил в той или иной степени эти технические новшества завил о себе, как о специалисте в области создания геоинформационных систем. Эти заявители своей дееспособности (как государственные, так и частные) занялись достаточно упрощенным решением задач создания информационно-прикладных систем различного назначения (справочные, поисковые, информационные базы данных, системы проектирования, земельные, кадастровые, муниципальные и т.д.). Как правило, сфера приложения и возможности подобных систем определялись наличием и объемом финансирования у заказчика, степенью квалификации и добросовестности разработчиков и исполнителей.

Первое время программную основу таких систем представляли зарубежные пакеты программ (AutoCad, ArcInfo, MapInfo и т.д.), адаптированные с базами данных и характером задач. В дальнейшем в России стали разрабатывать собственные программные продукты (GeoCad, Ceozem, WinGIS и т.д.) Т.е. под современной и модной аббревиатурой «ГИС» появилось множество автоматизированных систем, где в качестве пространственно-координатной основы использовалась «добытая» разнородная картографическая основа, дополненная в лучшем случае полевой координатной привязкой с помощью электронных

тахеометров или приемников GPS без соответствующего технического контроля. На наш взгляд эти системы не имеют отношения к ГИС. Это автоматизированные прикладные системы для решения конкретных инженерных задач, задач поиска и учета, территориального планирования, проектирования объектов и аспектов жизнедеятельности на территории городов. В прошлые времена такие вопросы решались с помощью топографических планов крупного масштаба (1:10000, 1:5000, 1:2000, 1:500), которые по точности вполне соответствовали классу решаемых задач.

Вполне закономерно, что топографический план, топографическая карта является первичным и универсальным документом описания местности или территории. Топографические карты всего масштабного ряда созданные в СССР более чем за 60 лет исполнялись по строгим научно-техническим принципам (Красовский Н.Ф., Изотов А.А. и др.) на основе единой геодезической сети, созданной по принципу «от общего к частному» с поэтапными технологическими контролями полевых и камеральных работ, в единой системе координат и по единым инструкциям и наставлениям. Это обеспечило полноту, достоверность и точность отображения объектов и явлений местности на топографической карте данного масштаба, согласованность листов карт и масштабов, условных знаков и обозначений и т.д.

Конечно, геодезисты имели основание на то, чтобы претендовать на роль лидера в вопросах разработки отечественных ГИС. Во-первых, потому, что являлись держателем первичной информации о местности (каталоги координат и высот, топографические карты и планы, технологические полуфабрикаты, приборы и аппаратура и т.д.) Во-вторых, уже 80-90 годы служба занималась вопросами цифрового картографирования, используя для этого технологии и отечественное программное обеспечение перевода аналоговых картографических материалов в цифровую форму при помощи дигитайзеров (планшетов) и ЭВМ класса СМ и ЕС. [2] В третьих, в ГУГК при СМ СССР (в дальнейшем в Роскартографии) велись работы по созданию автоматизированных систем картографированию (АСК). [3]

По ряду причин некогда одна из мощных в мире геодезическая отрасль в нынешнем государстве осталась практически без государственного финансирования и растворилась в ряде других направлений хозяйственной деятельности, что при огромной территории России весьма печально и чревато непоправимыми последствиями.

Помимо этой причины была и другая. Геодезическая служба не восприняла вовремя саму идеологию ГИС, сферу ее применения и целенаправленность.

В общем понимании, наличие в понятии ГИС «гео» или «ге» (греч.) – «земля» и предопределяет назначение информационно-системы.

Во-первых, Земля – это космическое тело, существующая по законам Космоса и являющаяся его частью. Как планетарное тело Земля – это сложная экосистема, состоящая из ряда компонент, находящаяся в процессе взаимосвязанного кругооборота, циркуляции и движений, преобразующих колоссальные энергии, поддерживающие определенных баланс их распределения.

Во-вторых, Земля – это среда обитания всего живого, состоящая из ряда территорий, наделенных суверенитетом, в той

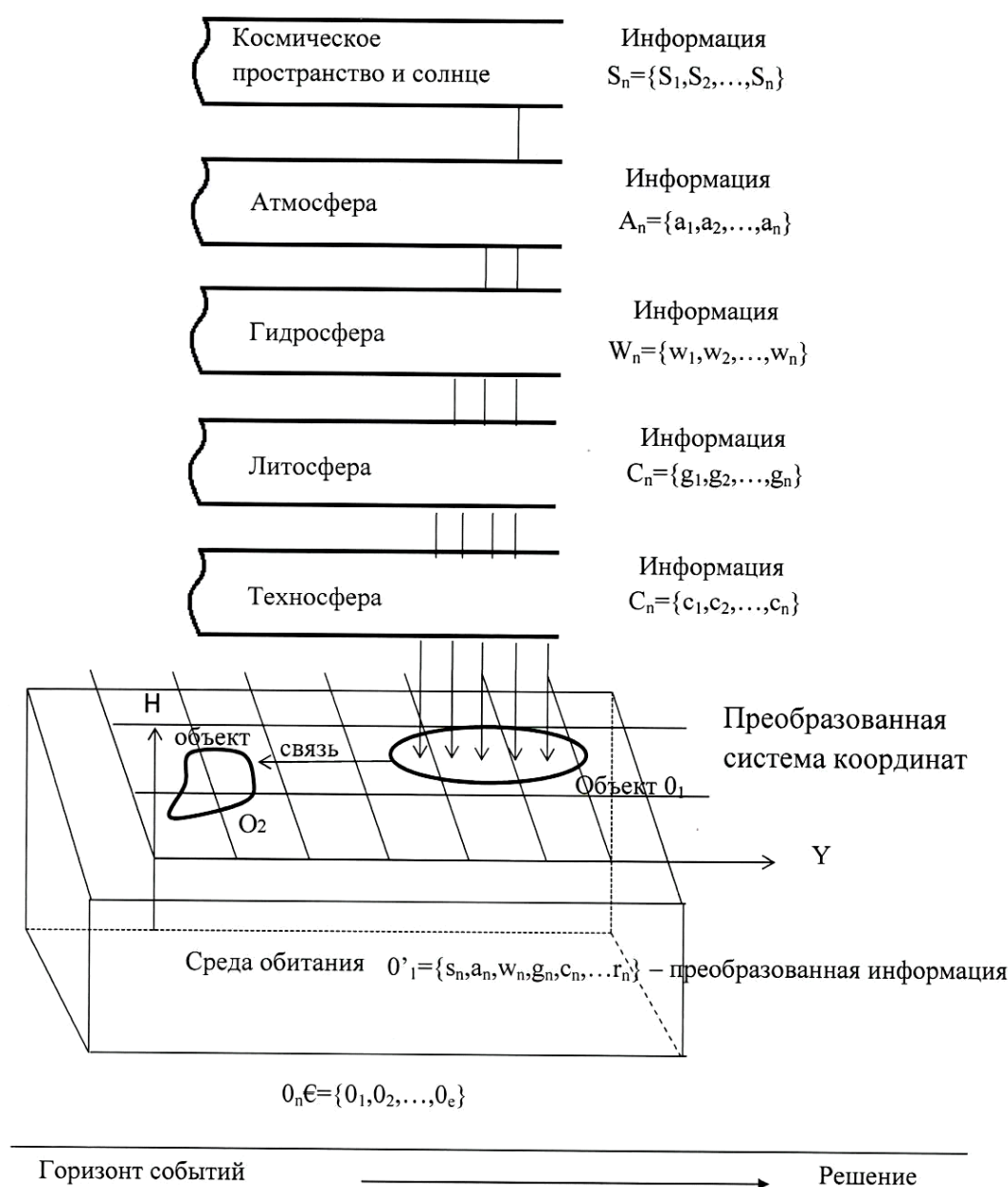

Рис. 1. Структурно-идеологическая схема

или иной мере приспособленных к жизнедеятельности. В конечном итоге Земля и ее недра – это природный восстанавливаемый или невозстанавливаемый ресурс.

На наш взгляд, ГИС – это виртуальная модель пространства в принятии решения, созданная на основе обработки, анализа и моделирования с большими массивами разнородной информации о местности как среде обитания и жизнедеятельности.

Таковым пространственным объектом может являться часть территории, подлежащая идентификации по какому-либо системообразующему признаку. Первичным элементом информационного поля является объект или явление. Он (o) может быть точечным, либо описываться векторизованным конечным множеством точек, подлежащая классификации и имеющим пространственную привязку, т.е. соответствовать какой-либо системе координат: государственной, местной или условной. Кроме того, в этих системах пространственные координаты могут быть как географическими, так и прямоугольными. Создание и размещение пространственной модели в единую координатную систему вопрос крайне ответственный и важный, требует всесторонней проработки и может решаться поэтапно в процессе моделирования. Пространственная основа может создаваться ис-

ходя из наличия первичных элементов привязки. Ими могут являться: 1) Непосредственно, координаты точек (объектов)– x, y, h (y, α), полученные из каталогов координат, либо с топографических карт первичного масштабного ряда (1:1000000, 1:100000, 1:25000, 1:10000), либо в результате полевых измерений и привязки к пунктам и реперам государственной геодезической системы. 2) Ситуационное положение объекта может быть определено относительно других объектов с известными координатами и положением на местности, устанавливаемых либо в результате полевых измерений, либо камеральных работ с топографическими картами, планами, аэрофотоснимками, космическими снимками, материалами инженерных изысканий, проектами и др. 3) Объекты могут быть внесены на описательном уровне местоположения с использованием каких-либо фактографических данных в какой-либо идентифицируемой системе местоопределения или в системе ориентирных направлений.

Все три уровня объектов могут существовать в одном пространственно-временном поле, но в разных точностных форматах, допускающих некие процедуры взаимного уточнения местоположения (по аналогии с геодезией – уравнивательных процедур по принципу «от частного к общему»), что в корне отличает пространственную модель ГИС от, например, цифровой карты.

Помимо пространственных характеристик каждый объект (или группа объектов) должен быть классифицирован по своим свойствам (количественным, качественным и др.), что в конечном итоге помогает представлять объекты и группировать их по слоям.

Взаимное ориентирование объектов и наличие свойств позволяет установить формальные и неформальные связи между объектами, что в дальнейшем даст возможность анализа этих связей (их количества, тесноты, взаимообусловленности и т.д.) реализовывать прогностические и диагностические модели принятия решений.

При этом необходимо учитывать не только горизонтальные связи, возникающие в основном в процессе техногенной жизнедеятельности, но вертикальные связи, как правило, природного

характера, обуславливающие наличие локальных экосистем и образующие на горизонтальном уровне ландшафт, ареалы, климатические зоны и т.д.

Учет всего вышесказанного в конечном итоге должен привести к появлению такой характеристики, как «свойства объектов» (первичного элемента ГИС), а совокупность свойств «множества объектов» к моделированию «горизонта событий» т.е. виртуальной модели среды обитания во всех ее взаимосвязях и проявлениях. По сути дела – это есть идеология геоинформационных систем, именно география с ее комплексным подходом к изучению Земли (физическая география, биогеография, экономическая география и т.д.) должна стать лидером в области развития ГИС (рис. 1).

Библиографический список

1. Основы геоинформатики / под. ред. проф. В.С. Тикунова. – М., 2004. – Кн. 1, 2.
2. Халугин, Е.И. Цифровые карты / Е.И. Халугин, Е.А. Жалковский, Н.Д. Жданов; под ред. Е.И. Халугина. – М., 1992.
3. Проблемы цифрового картографирования территории России. Обзорная информация. Госгисцентр. – М., – 1996.
4. Инструкция о построении государственной геодезической сети СССР. ГУГК при СМ СССР. – М., 1966.
5. Серебряков, О.Н. Проблемы устойчивости среды обитания: труды 12 Российско-Монгольской науч. конф. молодых ученых и студентов. – Бийск, 2013.

Bibliography

1. Osnovih geoinformatiki / pod. red. prof. V.S. Tikunova. – M., 2004. – Kn. 1, 2.
2. Khalugin, E.I. Cifrovihe kartih / E.I. Khalugin, E.A. Zhalkovskiy, N.D. Zhdanov; pod red. E.I. Khalugina. – M., 1992.
3. Problemih cifrovogo kartografirovaniya territorii Rossii. Obzornaya informatsiya. Gosgiscentr. – M., – 1996.
4. Instrukciya o postroenii gosudarstvennoy geodezicheskoy seti SSSR. GUGK pri SM SSSR. – M., 1966.
5. Serebryakov, O.N. Problemih ustoychivosti sredih obitaniya: trudih 12 Rossiysko-Mongol'skoy nauch. konf. molodikh uchenikh i studentov. – Biysk, 2013.

Статья поступила в редакцию 20.09.14

УДК 574.630

Robertus Yu.V., Lubimov R.V., Kivatskaya A.V. A SCOPE OF DEPOSITS AND EMISSIONS OF CARBON IN THE ALTAI REPUBLIC. The paper presents the preliminary results of the evaluation of modern carbon pools and the level of its deposit in the ecosystems of the Altai Republic; its prevalence in mountain forest ecosystems is shown; the main sources and the scope of this carbon emission in the region are identified. The author states a positive carbon balance in all ecosystems in the region, and that the rate of emission of CO₂-eq. (0,03 t/ha/year) in the territory is one of the lowest in the Russian Federation.

Key words: Altai Republic, ecosystems, carbon balance, annual run-off, deposition and emission, deforestation of lands, environmental monitoring.

Ю.В. Робертус, канд. геол.-минер. наук, в.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул; **Р.В. Любимов**, канд. геол.-минер. наук, н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул; **А.В. Киватская**, канд. геол.-минер. наук, м.н.с. ИВЭП СО РАН, г. Барнаул, E-mail: ariecol@mail.gornyy.ru

МАСШТАБЫ ДЕПОНИРОВАНИЯ И ЭМИССИИ УГЛЕРОДА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

В статье приведены предварительные результаты оценки современных пулов углерода и уровня его депонирования в экосистемах Республики Алтай, показано его преобладание в горно-лесных экосистемах, намечены основные источники и масштабы эмиссии углерода на территории региона. Сделан вывод о положительном балансе углерода во всех экосистемах региона и о том, что уровень эмиссии CO₂-экв. (0,03 т/га/год) на его территории один из самых низких в Российской Федерации.

Ключевые слова: Республика Алтай, экосистемы, баланс углерода, годовой сток, депонирование и эмиссия, облесение земель, экологический мониторинг.

Считается [1-3], что новейшие глобальные изменения климата связаны с увеличением содержания в атмосфере парниковых газов (в основном CO₂ и CH₄), в связи с чем растет интерес к геохимическому обороту углерода, в том числе на региональном уровне. В общих чертах оборот складывается из процессов изъятия углерода из атмосферы, связывания и депонирования в природных средах, и противоположного процесса его выделения в атмосферу.

Большинство субъектов Российской Федерации, в том числе Республика Алтай (РА), имеют положительный баланс стока углерода, но при этом отсутствуют достоверные оценки его значений. Отсутствуют также данные по уровню депонирования углерода экосистемами (леса, степи, болота), не ведется монито-

ринг его эмиссии, что не позволяет оценить углеродные выгоды при планировании земле- и лесопользования.

Республика Алтай характеризуется значительным разнообразием высотно-поясных экосистем, среди которых преобладают бореальные горно-лесные экосистемы, занимающие 4,46 млн. га или 48% ее территории, а с учетом «вкрапленных» в них лесостепных экосистем – 65,6%. В высокогорном поясе широко проявлены горные тундры, а в межгорных котловинах и широких речных долинах – горно-степные и остепненные экосистемы. Около 7% территории РА занимают болота и заболоченные ландшафты, и примерно 10% – территории, лишенные почвенно-растительного покрова – ледники, скальные выходы, курумники, осыпи, водные объекты и др.

Таблица 1

Пулы углерода и уровень его депонирования в основных экосистемах Республики Алтай

Экосистемы	Площадь, млн. га	Средний запас углерода, т/га	Общие запасы углерода, Мт	Депонирование углерода	
				т/га-год	Мт-год
Горно-тундровые	2,13	50	53,2 ¹	0,5	1,06
Горно-лесные	4,46	160	713,8 ²	0,61	2,71
Горно-лесостепные	1,63	100	163	1,0	1,63
Горно-степные	1,00	135	135 ³	1,0	1,00
Горно-болотные	0,07	800	56	5,0	0,35
Итого:	9,29		1121		6,75

1 – с учетом площадей, лишенных почвенного покрова; 2 – запасы в кроне, корнях и лесной подстилке; 3 – запасы в почвах и растениях на сельскохозяйственных угодьях

Таблица 2

Запас углерода надземного органического вещества лесных земель Республики Алтай

Категории лесных земель	Площадь, млн. га	Фито-масса, Мт	Запасы углерода Мт	Депонирование углерода, Мт/год	Фитомасса, т/га	Запасы углерода т/га	Депонирование углерода, т/га-год
Покрытые лесом	4,12	657	327	2,62	159,5	79,7	0,64
Не покрытые лесом	0,336	10,7	5,3	0,09	31,9	15,9	0,27
Всего:	4,456	667,7	332,3	2,71	149,8	74,6	0,61

Экосистемы региона претерпели незначительные антропогенные изменения, большинство из них сохранили свой первозданный облик. Основные виды землепользования в Республике Алтай – лесное и сельское хозяйство, в основном, животноводство, в небольшой степени рекреация, добыча полезных ископаемых, оказывают незначительное, чаще локальное воздействие на экологическое состояние экосистем [4].

Согласно имеющимся оценкам, средний уровень депонирования углерода лесными экосистемами РА составляет 0,8-1,1 т/гаЧгод. Суммарное удельное депонирование лесными и болотными экосистемами оценивается в 0,8-1,7 т/гаЧгод. Антропогенная эмиссия CO₂ на территории республики составляет менее 0,2 т/гаЧгод [5]. Запасы фитомассы лесных экосистем составляют 20-40 т/га, а удельный поток органического углерода, поступающего в лесные почвы – 1-2,5 т/гаЧгод, в степные почвы – 1,5-3,5 т/гаЧгод. Эмиссия углерода почвенным покровом оценивается величиной 0,9-2 т/гаЧгод [6].

В настоящем кратком сообщении приведены предварительные результаты оценки современных пулов углерода в основных экосистемах Республики Алтай, выполненные с учетом подходов, изложенных в работах [7-10]. Так, при оценке запасов углерода в древесной фитомассе применялся коэффициент пересчета 0,5, при пересчете углерода в CO₂-экв. коэффициент 3,67 [7]. Для оценки депонирования углерода на непокрытых лесом землях применялся коэффициент 0,2 [9]. При расчете потерь углерода от пожаров применялся коэффициент 0,11 от его запасов в общей надземной фитомассе, от вредителей – 0,05 [8, 10]. Запасы углерода в почве пересчитывались от запасов гумуса с коэффициентом 1,15. Доля углерода в кроне, корневой системе и мортмассе принималась равной 50% от его запасов в древесине.

Ориентировочная оценка современного пула углерода на территории Республики Алтай, проведенная в разрезе основных экосистем региона, показала превалирование его общих запасов в горно-лесных экосистемах – 63,7 % (с учетом лесостепей – 78,2 %). Средние ориентировочные запасы углерода в экосистемах региона варьируются от 50 т/га для горной тундры до 800 т/га для низовых болот. Среднегодовой сток углерода на территории региона оценен в 6,75 Мт (0,6 % от его общих запасов) (таблица 1).

Для оценки запасов фитомассы лесных земель и депонированного в ней углерода использованы данные государственного лесного реестра по РА на начало 2014 г. Общий запас углерода в надземной фитомассе лесопокрываемой территории региона составляет 327 Мт или 79,7 т/га, а его среднегодовое депонирование – 0,64 т/га (таблица 2).

Следует отметить, что по результатам ранее проведенной детальной оценки (с учетом всех составляющих депонирования углерода в лесных экосистемах) общий запас органического углерода в надземной фитомассе лесопокрываемой площади РА составил 311 Мт, а его сток из атмосферы оценен в 0,43 т/гаЧгод [10].

Эмиссия углерода на территории РА происходит, в основном, из-за его выбросов в атмосферу в форме CO₂ и частично в виде “черного углерода” при лесных пожарах, сельхозпалах, при обработке сельхозземель. Лесные пожары, 80-90 % из которых имеют антропогенное происхождение, один из наиболее значимых факторов эмиссии, нарастающих в условиях увеличения степени горимости лесов на территории региона. В то же время эмиссия от сельхозпалов незначительна из-за их запрета в регионе.

В 2013 г. в приземную атмосферу от стационарных и передвижных источников республики было выброшено около 10 Кт углерода (0,004 т/га), 62% из которых поступило от автотранс-

Таблица 3

Источники и масштабы эмиссии углерода на территории Республики Алтай

Источники эмиссии	Площадь, тыс. га	Запасы углерода, Кт	Годовая эмиссия, Кт		Эмиссия CO ₂ -экв., т/га-год
			углерода	CO ₂ -экв.	
Выбросы в атмосферу	9290	10,0 ¹	10,0	36,7	0,004 ⁴
Лесные пожары	3,9	310,8	27,5	100,9	28,9
Сельхозпалы	0,5	68,5	1,0	3,7	7,3
Распашка земель ²	106,2	14337,0 ³	28,9	106,2	1,0
Итого эмиссия:			67,4	247,5	0,03 ⁴

1 – в выбросах от стационарных и передвижных источников; 2 – пашня и приусадебные участки; 3 – с учетом запасов углерода в почве; 4 – в среднем для территории РА

Таблица 4

Основные источники депонирования и потерь углерода в лесных экосистемах РА

Основные факторы депонирования	Площадь, тыс. га	Депонирование углерода, Кт/год	Основные факторы потерь	Площадь, тыс. га	Потери, Кт/год
Продукционные процессы	4456	2710	Все виды рубок	600 ³	300,0
Лесовосстановление	1,6	0,8	Лесные пожары	3,9	34,2
Лесовозобновление ¹	3,2	1,6	Вредители, болезни	0,4	1,1
Лесовозобновление ²	12,8	3,2	Потравы, перевыпас	2,0	1,2
Итого:	4473,6	2715,6	Итого:		336,5

1-2 – естественное лесовозобновление в лесах (1), на сельхозземлях (2), 3 – объем, т. м³

Таблица 5

Запасы депонированного углерода при облесении деградированных сельхозугодий РА

Типы угодий	Площадь облесения, тыс. га	Запасы углерода в молодняках, Кт	Запасы CO ₂ -экв., Кт	Депонирование углерода, т/га-год
Пашня	39,1	68,7	252,1	0,5
Сенокосы	43,5	72,6	266,4	0,4
Пастбища	198,8	149,1	547,2	0,25
Все угодья	281,4	290,4	1065,7	0,25-0,5

порта. Среднегодовая общая эмиссия CO₂-экв. на территории РА оценивается величиной 247,5 Кт, что составляет порядка 0,03 т/гаЧгод (таблица 3).

Предварительные данные по масштабам депонирования и потерям углерода в лесных экосистемах РА указывают на то, что главным фактором его накопления является прирост фитомассы древостоя лесного фонда – 2,71 Мт/год (0,8% от запасов углерода в надземной массе древостоя). Объемы лесовосстановления и естественного лесовозобновления обеспечивают депонирование углерода всего 0,2% от этого уровня.

Основной причиной потерь углерода в лесных экосистемах республики – около одной трети Мт/год или 12,4% от объема его депонирования, являются все виды рубок (89 % от всех потерь) и лесные пожары (10 % потерь). Другие виды потерь углерода из-за гибели лесных культур от вредителей, болезней, потрав и перевыпаса скота на лесопокрытой территории РА не превышают 1 % от его ежегодных потерь (таблица 4).

Необходимо отметить, что существующие биоклиматические модели [2] прогнозируют увеличение фитомассы на территории Горного Алтая в результате глобальных изменений климата и, следовательно, увеличение массы связанного растениями углерода. Вместе с тем предполагаемое обострение пожароопасной обстановки в регионе будет способствовать увеличению объема выбросов CO₂ от лесных и степных пожаров.

Последствия социально-экономического кризиса 1990-х годов имели позитивную роль в плане увеличения депонирования и снижения эмиссии углерода из-за ликвидации большинства промышленных предприятий и значительного уменьшения поголовья скота в Республике Алтай. Последнее привело к выводу части сельхозугодий (пашня, сенокосы, пастбища) из оборота, что способствовало их зарастанию кустарниково-древесной растительностью. По официальным данным и экспертным оценкам, в настоящее время в республике не используется по прямому назначению 29% пашни, 46% сенокосов и до 20% пастбищ, а общий фонд полностью или частично деградированных земель сельскохозяйственного назначения составляет около 280 тыс. га.

В 2013 году авторами в рамках гранта ПРООН/ГЭФ № 2013-206-01 была проведена рекогносцировочная оценка масштабов прогрессирующего процесса облесения неиспользуемых в республике сельхозземель. Предварительно установлено, что за-

пасы углерода в молодняках на выбывших из хозяйственного пользования сельхозугодиях составляют около 0,3 Мт (таблица 5), а уровень его депонирования (0,25-0,5 т/гаЧгод) в целом сопоставим с показателями для лесопокрытых земель. Следует отметить, что часть молодняков на облесенных землях сельскохозяйственного назначения, граничащих с лесными землями, в настоящее время рассматривается как резерв для включения в земли лесного фонда.

Таким образом, продолжающаяся деградация сельхозугодий, в том числе перевод части пашни в залежи, значительное недоиспользование пастбищ и сенокосов и их облесение способствует увеличению стока атмосферного углерода в горно-степные и лесостепные экосистемы региона. Предварительно намеченные в настоящем сообщении особенности формирования углеродного пула и потенциала его стока на территории Республики Алтай нуждаются в детальном изучении: во-первых, по причине отчетливо выраженного высотно-поясной смены экосистем, чутко реагирующих на глобальные климатические изменения; во-вторых, из-за стокоформирующего характера влияния природно-ресурсного (в т.ч. углеродного) и климатического потенциала Горного Алтая на сопредельные регионы юга Западной Сибири.

Исходя из этого, предлагается создать информационную базу распределения и динамики запасов углерода на основе ГИС-технологий и организовать в рамках территориальной системы экологического мониторинга (ТСЭМ РА) ведение мониторинга депонирования и эмиссии углерода (CO₂) путем заложения серии пробных площадей в основных экосистемах РА для проведения инструментальных измерений.

Выводы:

- углеродный пул основных экосистем РА составляет ориентировочно 1121 Мт;
- для всех экосистем РА характерен положительный баланс углерода, его суммарный годовой сток (6,75 Мт) превышает эмиссию в атмосферу (0,25 Мт) в 27 раз;
- годичное депонирование углерода лесными экосистемами составляет 40 % от годового стока и в условиях глобальных изменений климата имеет тренд на расширение;
- уровень эмиссии CO₂-экв. (0,03 т/гаЧгод) на территории Республики Алтай один из самых низких в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Смелянский, И. Роль степных экосистем России в депонировании углерода // Степной бюллетень. – 2012. – № 35.
2. Изменение климата и его воздействие на экосистемы, население и хозяйство российской части Алтае-Саянского экорегиона: оценочный доклад / под ред. А.О. Кокорина. – М., 2011.
3. Инишева, Л.И. Депонирование и эмиссия углерода болотами Западной Сибири / Л.И. Инишева, М.А. Сергеева, О.Н. Смирнов // Научный диалог. – 2012. – Вып. 7.
4. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Республики Алтай в 2012 году / под ред. Ю.В. Робертуса. – Горно-Алтайск: 2013.
5. Окружающая среда и здоровье населения России: Web-Атлас [Э/р]. – Р/д: www.sci.aha.ru/ATL/ra23b.htm.
6. Картографическая характеристика биоты как фактора почвообразования / И.О. Алябина, Б.Н. Моисеев, М.И. Герасимова [и др.] // Доклады по почвоведению: электронный журнал ИП МГУ-РАН. – 2002 [Э/р]. – Р/д: http://soilinst.msu.ru/publ/

7. Алексеев, В.А. Углерод в экосистемах лесов и болот России / В.А. Алексеев, Р.А. Бердси. – Красноярск, 1994.
8. Расчет запаса и годичного депонирования углерода в фитомассе лесного фонда России [Э/р]. – Р/д: sopkgu.org/nvnmml/environmental-problems-0062.htm.
9. Устойчивое землепользование и предотвращение изменения климата путем сохранения углерододепонирующих экосистем в Алтае-Саянском экорегионе: проект [Э/р]. – Р/д: Russia ASE PIF LD CC in Altai-Sayan Ecoregion.
10. Стратегия по снижению пожарной опасности на ООПТ Алтае-Саянского экорегиона. – Красноярск, 2011.

Bibliography

1. Smelyanskiy, I. Rolj stepnihkh ehkositsem Rossii v deponirovanii ugleroda // Stepnoy byulleten'. – 2012. – № 35.
2. Izmenenie klimata i ego vozdeystvie na ehkositsemih, naselenie i khozyajstvo rossiyskoy chasti Altae-Sayanskogo ehkoregiona: ocenochniy doklad / pod red. A.O. Kokorina. – M., 2011.
3. Inisheva, L.I. Deponirovanie i ehmissiya ugleroda bolotami Zapadnoy Sibiri / L.I. Inisheva, M.A. Sergeeva, O.N. Smirnov // Nauchniy dialog. – 2012. – Vihp. 7.
4. Doklad o sostoyanii i ob okhrane okruzhayuthey sredih Respubliki Altay v 2012 godu / pod red. Yu.V. Robertusa. – Gorno-Altayjsk: 2013.
5. Okruzhayutaya sreda i zdorovje naseleniya Rossii: Web-Atlas [Eh/r]. – R/d: www.sci.aha.ru/ATL/ra23b.htm.
6. Kartograficheskaya kharakteristika biotih kak faktora pochvoobrazovaniya / I.O. Alyabina, B.N. Moiseev, M.I. Gerasimova [i dr.] // Dokladih po pochvovedeniyu: ehlektronniy zhurnal IP MGU-RAN. – 2002 [Eh/r]. – R/d: <http://soilinst.msu.ru/publ/>
7. Alekseev, V.A. Uglerod v ehkositsemakh lesov i bolot Rossii / V.A. Alekseev, R.A. Berdsi. – Krasnoyarsk, 1994.
8. Raschet zapasa i godichnogo deponirovaniya ugleroda v fitomasse lesnogo fonda Rossii [Eh/r]. – R/d: sopkgu.org/nvnmml/environmental-problems-0062.htm.
9. Ustoychivoe zemlepoljzovanie i predotvrathenie izmeneniya klimata putem sokhraneniya uglerododeponiruyutikh ehkositsem v Altae-Sayanskom ehkoregione: proekt [Eh/r]. – R/d: Russia ASE PIF LD CC in Altai-Sayan Ecoregion.
10. Strategiya po snizheniyu pozharnoy opasnosti na OOPT Altae-Sayanskogo ehkoregiona. – Krasnoyarsk, 2011.

Статья поступила в редакцию 10.08.14

УДК 613.863

Alam Md Shamsher, Rodionova O.M. ENVIRONMENTAL, SANITARY AND HYGIENIC PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BANGLADESH. The article is dedicated to difficulties in environmental, sanitary and hygienic development of the Republic of Bangladesh. The growth of economic activity in the country and global climate change on the planet is reflected in economic and social levels of Bangladesh. First of all the cases of diseases among the population of the country grow. Because of the floods a great damage is done to the national economy that reckons from tens to hundreds of billion dollars. Some statistical data is provided on the basis of ecological and socio-economic indexes of development of the state.

Key words: incidence of diseases, population, ecology, climate, water resources, development of a country, social problems.

Аллам Мд Шамшер, аспирант каф. экологии человека, экологического факультета РУДН, г. Москва, E-mail: shamsher367@gmail.com; О.М. Родионова, зав. каф. экологии человека, экологического факультета РУДН, г. Москва, E-mail: proktor6@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БАНГЛАДЕШ

Статья посвящена экологическим и санитарно-гигиеническим проблемам развития Республики Бангладеш. Рост народно-хозяйственной деятельности в стране и глобальное изменение климата на планете отражается на экономическом и социальном уровнях Республики Бангладеш. В первую очередь растет заболеваемость населения страны. От наводнений, ущерб которых составляет от нескольких десятков до сотен млрд. долларов отражается на экономике страны. В статье приводятся некоторые статистические данные по основным экологическим и социально-экономическим показателям развития государства.

Ключевые слова: заболеваемость, население, экология, климат, водные ресурсы, развитие страны, социальные проблемы.

Республика Бангладеш расположена в Южной Азии, имеющая площадь 147 570 км². Страна имеет границы на западе, севере и востоке с Индией, а на юго-востоке с Мьянмой. Южная часть Республики Бангладеш омывается Бенгальским заливом [2].

Между Гималаями на севере и Деканским плоскогорьем на юге расположена Индо-Гангской низменность на территории которой расположена Республика Бангладеш. Данная территория представляет собой плоскую аллювиальную равнину, рассеченную густой сетью рек. Дельта Ганга — Сундарбанс — широкая полоса аллювия вдоль берега Бенгальского залива. Страну пересекают 58 трансграничных рек и вопросы, возникающие при использовании водных ресурсов, являются очень острыми, особенно при обсуждении их с Индией [2]. Большая часть страны расположена на двенадцать метров ниже уровня моря и есть предположение, что 50% страны будет затоплено при повышении уровня моря на один метр [4]. По границе с Мьянмой проходят невысокие горные цепи. Страна находится в сейсмически опасной зоне [2; 4].

Бангладеш находится в тропической зоне, которая имеет условия мягкой зимы. Зимний период начинается с октября по март, который быстро переходит в жаркое, влажное лето, начинающееся с марта по июнь [2]. Сезон муссонов продолжается с июня по октябрь. В этот период устанавливается жаркая и очень влажная погода с выпадением большого количества осадков. Среднегодовые температуры повышаются в направлении с северо-востока на юго-запад. По количеству осадков страна занимает одно из первых мест в мире. В среднем за год выпадает 1900 мм осадков, особенно велико их количество на северо-востоке (более 3000 мм). [2; 4]. Во время муссонных дождей и наводнений водой покрыто до 70% территории, заливаются почти все рисовые поля [1; 4].

По статистическим данным, каждый год убытки от наводнений составляют несколько десятков млрд. долларов [5]. В иные, неблагоприятные годы, когда наводнения покрывают большие территории, убытки могут составлять сотни млрд. долларов, принося большие разрушения, страдания и гибель людей [1; 4]. Так, например, от наводнения, тропических циклонов, торнадо

и бора в 1970 году пострадало более 1 млн. 100 тыс. человек, в 1991 году 13 млн. 798 тыс. 275 человек, погибших людей в том году превысило более 140 тысяч бангладешцев [2; 4; 6; 10].

В настоящее время Бангладеш считается наиболее уязвимой страной в мире вследствие изменения климата [9]. Есть предположение, что в грядущем десятилетии увеличение уровня моря приведет к появлению 20 млн. [7; 11] «климатических беженцев» [5; 7]. Этому способствует активная хозяйственная деятельность в стране, которая в первую очередь выражается в вырубке леса для сельскохозяйственных угодий.

Вырубки лесов. Леса являются экологически и экономически важными природными ресурсами в наземных экосистемах. Общая площадь земель под лесами в Бангладеш составляет около 2560 тысяч га [6; 7].

До середины 1980-х годов темпы обезлесения в Бангладеш составляла 8000 га в год. За период 1980-1990 годов было сведено 37600 га лесного покрова темпы сокращения – 3,3 процента в год [7]. Основные причины обезлесения: индустриализация страны, высокая скорость урбанизации, рост населения, выпас скота, увеличение посевных площадей и угодий, пожары, неконтролируемые и коммерческие вырубки леса. Таким образом, почти половина территорий, где находился лес, используется под различные типы лесного использования.

50% уничтожение лесов, которое произошло в течение последних 20 лет, привело деградации почвенного покрова [7; 8; 9].

Питьевая вода. Еще одной из насущных проблем Республики Бангладеш является проблема питьевой воды. Качество питьевой воды во многих районах страны не отвечает требованиям, предъявляемым Всемирной организацией здравоохранения. Значение этой проблемы значительно возрастает в связи с низким уровнем благосостояния, малой грамотностью населения Бангладеш и слабо развитой системой здравоохранения в стране.

На качество питьевой воды, большое значение имеют геохимические факторы, обусловленные повышенным содержанием в воде химических элементов, в частности, мышьяка. Мышьяк попадает в реки и водоёмы страны из межпластовых вод и включается в природные процессы кругооборота во внешней среде. В Бангладеш этот процесс был запущен в 1970-е годы, когда правительство страны провело кампанию по водоснабжению сельского населения путем массового бурения скважин, в том числе и в местах с природным залеганием мышьяковых руд.

В Республике Бангладеш отравление подземных вод страны мышьяком стало национальным бедствием. В официальных источниках сообщается, что 53 района из 64 в стране (т.е. 80%), находятся в зоне загрязнения мышьяком. Нецентрализованное использование воды (свыше 2 млн. трубчатых колодцев), заражённое мышьяком в сельской местности ухудшает состояние здоровья крестьян. Около 1 млн. скважин содержат опасные для здоровья концентрации мышьяка. 75 млн. человек находятся под угрозой отравления мышьяком, из них 24 млн. т.е. 1/3 страдают арсеникозом.

Библиографический список

1. Авакян, А.Б. Наводнения в мире в последние годы XX в. / А.Б. Авакян, М.Н. Истомина // Водные ресурсы. – 2000. – № 5. – Т. 27.
2. Атлас мира. Государства и территории мира. Справочные сведения. — Роскартография, 2010.
3. Родионова, О.М. Экоэкологическая болезнь как следствие экологического кризиса // Экономика природопользования. – 2010. – № 5.
4. Brammer, H. Floods in Bangladesh, I – Geographical Background to the 1987 and 1988 Floods // Geographical Journal. GEOAREA: Southeast Asia, Bangladesh. 1990. Vol. 156. Part 1.
5. Human Development Report 2013. UN (2013) [Э/п]. – P/д: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2013_CH.pdf
6. Bangladesh Today, Asia Report N°121, International Crisis Group, October 23, 2006 [Э/п]. – P/д: <http://www.crisisgroup.org/en/regions/asia/south-asia/bangladesh/121-bangladesh-today.aspx>
7. CIA World Factbook 2007 [Э/п]. – P/д: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bg.html>.
8. Ali A (1996). "Vulnerability of Bangladesh to climate change and sea level rise through tropical cyclones and storm surges". Water, Air, & Soil Pollution 92 (1–2): 171–179.
9. Alexander, D.E. The Third World // Natural Disasters. — Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1999.
10. Haggett, P. The Indian Subcontinent // Encyclopedia of World Geography. — New York: Marshall Cavendish, 2002.
11. "Bangladesh – population". Library of Congress Country Studies [Э/п]. – P/д: <http://countrystudies.us/bangladesh/26.htm>

Bibliography

1. Avakyan, A.B. Navodneniya v mire v poslednie godi KhKh v. / A.B. Avakyan, M.N. Istomina // Vodnihe resursih. – 2000. – № 5. – Т. 27.
2. Atlas mira. Gosudarstva i territorii mira. Spravochniye svedeniya. — Roskartografiya, 2010.
3. Rodionova, O.M. Ehndoehologicheskaya bolezn kak sledstvie ehkologicheskogo krizisa // Ehkonomika prirodoopolzovaniya. – 2010. – № 5.
4. Brammer, H. Floods in Bangladesh, I – Geographical Background to the 1987 and 1988 Floods // Geographical Journal. GEOAREA: Southeast Asia, Bangladesh. 1990. Vol. 156. Part 1.
5. Human Development Report 2013. UN (2013) [Eh/r]. – R/d: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2013_CH.pdf
6. Bangladesh Today, Asia Report N°121, International Crisis Group, October 23, 2006 [Eh/r]. – R/d: <http://www.crisisgroup.org/en/regions/asia/south-asia/bangladesh/121-bangladesh-today.aspx>

Сложности социально-экономического развития и наводнения отражаются на состоянии здоровья населения Республики Бангладеш.

Территории страны, подверженные наводнению, где происходит длительное затопление (течение многих месяцев) создают благоприятные условия для развития водных и околоводных организмов, которые часто являются переносчиками возбудителей инфекционных заболеваний и природноочаговых инфекций малярии. К тому же на таких территориях наблюдается нарушение канализационных сооружений, многочисленных выгребных ям. Это становится причиной роста эпидемиологических осложнений, приводящих к кишечным инфекциям. Отмечается рост болезней, которые переносятся различными путями [3].

Болезни, передаваемые насекомыми, являются наиболее опасными, которые ведут к большому росту заболеваемости и летальности населения по всей территории Республики Бангладеш. В этом отношении необходимо отметить малярию. Также с помощью насекомых распространяется чума, японский энцефалит, денге и геморрагическая лихорадка. Клещевой тиф регистрируется в большинстве районов на территориях, не занятых лесными массивами [5; 7].

Болезни, передаваемые с водой и пищей. Холера, диарея, амёбная и бациллярная дизентерия, брюшной тиф, гепатит А и Е, передаваемые через воду обнаружены во всех провинциях Республики Бангладеш. Из гельминтных инфекций, можно отметить фасциолопсидоз (гигантский кишечный червь) и клонорхоз (восточный печеночный червь), описторхоз (кошачий печеночный червь), парагонимоз (восточный легочный червь).

Вывод. Таким образом, в стране отмечается ухудшение санитарно-гигиенической ситуации, которая связана с особенностями климата и комплекса факторов окружающей среды, которые имеют для государства неблагоприятное воздействие. К ним можно в первую очередь отнести ежегодные наводнения, которые связаны тропическими циклонами и разливами рек из-за высоких ливневых дождей.

Данные природные катаклизмы являются причиной роста разрушений и гибели людей, и имеют в последние десятилетия тенденцию роста.

Негативное воздействие носит и активная хозяйственная деятельность в стране, которая связана с неконтролируемой зачастую вырубкой леса, что ведет к обезлесению, размытию и эрозии почв в Республике Бангладеш.

На территориях, подверженных наводнению отмечается рост числа заболеваний различной этиологии. Наиболее опасные из них инфекционные заболевания, вызывающие вспышки эпидемий в стране.

Для улучшения санитарно-гигиенического и экологического состояния в стране необходима хорошо продуманная и долгосрочная государственная Программа развития, в которой основное внимание необходимо уделить экологическим, экономическим и социальным вопросам, связанная с природоохранной деятельностью.

7. CIA World Factbook 2007 [Eh/r]. – R/d: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bg.html>.
8. Ali A (1996). "Vulnerability of Bangladesh to climate change and sea level rise through tropical cyclones and storm surges". *Water, Air, & Soil Pollution* 92 (1–2): 171–179.
9. Alexander, D.E. *The Third World // Natural Disasters*. — Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1999.
10. Haggett, P. *The Indian Subcontinent // Encyclopedia of World Geography*. — New York: Marshall Cavendish, 2002.
11. "Bangladesh – population". *Library of Congress Country Studies* [Eh/r]. – R/d: <http://countrystudies.us/bangladesh/26.htm>

Статья поступила в редакцию 20.09.14

УДК 613.863

Nguyen X.F.V. MEDICO-DEMOGRAPHIC CONDITION OF THE POPULATION IN LARGE CITIES OF THE VIETNAM REPUBLIC. The analysis of a medico-demographic condition of the population in large cities of the Republic of Vietnam is presented in the article. The results of the comparative analysis of the birth rate in 5 cities (Hanoi, Haiphong, Hue, Da Nang and Ho Chi Minh) showed small growth of birth rate because of a campaign, which is carried out at the state level and is directed to strengthening of control over the birth rate. Owing to the high level of air pollution in the cities under research, frequent cases of poisoning among the population are noted. The analysis makes it clear that the leading causes of death in 5 large cities among the adult population of Vietnam are: diseases of respiratory organs, diseases of systems of digestive organs, trauma and poisoning, infectious diseases, neoplasms. Among the reasons of infants' mortality connected with pathology during the prenatal period, there are congenital anomalies, diseases of respiratory organs both infectious and parasitic diseases. The analysis of a medico-demographic situation showed that diseases of respiratory organs take a first place in the structure of the general incidence of the population of the 5 cities. Emissions of the polluting substances in the atmospheric air can be a cause of these diseases.

Key words: monitoring, medico-demographic situation, environment, health, population, cities.

Х.Ф.В. Нгуен, аспирант каф. экологического мониторинга, экологического факультета РУДН, г. Москва, E-mail: topoc333@gmail.com

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

В статье представлен анализ медико-демографического состояния населения в крупных городах Республики Вьетнам. Результаты сравнительного анализа по рождаемости 5-ти городов (Ханой, Хайфонг, Гуэ, Дананг и Хошимин) показали небольшой рост рождаемости из-за проводимой на государственном уровне кампании, направленной на усиление контроля над рождаемостью. Вследствие высокого уровня загрязнения воздушного бассейна исследуемых городов отмечены частые случаи отравлений населения. Анализ выявил, что основными причинами смертности в пяти крупных городах среди взрослого населения Вьетнама были: болезни органов дыхания, болезни систем органов пищеварения, травмы и отравления, инфекционные болезни, новообразования. Среди причин младенческой смертности, связанной с патологией перинатального периода были врожденные аномалии, болезни органов дыхания и инфекционные и паразитарные заболевания. Анализ медико-демографической ситуации показал, что болезни органов дыхания занимают первое место в структуре общей заболеваемости населения 5 крупных городов. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух могут быть причиной этих заболеваний.

Ключевые слова: мониторинг, медико-демографическая ситуация, окружающая среда, здоровье, население, города.

Проблема предотвращения деградационных изменений среды обитания человека, рационального использования и охраны природы затрагивает не только развитые промышленные государства. Не в меньшей степени эта проблема касается и развивающихся стран [7]. Несомненно, что масштабы промышленного и сельскохозяйственного производства, степень использования естественных природных ресурсов и соответственно характер деградационных изменений среды обитания человека в этих странах значительно отличаются от первых [2; 8]. Результаты этих исследований показывают глобальный масштаб антропогенного изменения природной среды [1].

Сложная экологическая ситуация во Вьетнаме, где техногенное преобразование и загрязнение среды привели к деградации экосистем, ухудшению здоровья населения и значительным экономическим потерям, вызвали необходимость районирования территории страны по признакам экологической напряженности и экологической безопасности. Все это можно достичь с помощью экологического мониторинга [12].

Из всего комплекса эколого-экономических и социальных показателей, характеризующих развития страны, для оценки экологического состояния территории, нами были использованы рекомендованные Министерством юстиции Российской Федерации, следующие интегральные показатели экологического состояния природно-техногенных территорий страны. К ним относят [12]:

- превышение экологической емкости территории;
- медико-демографический критерий плотности и заболеваемости населения территории;
- доля затрат на экологическую безопасность в экономике территории.

Так как наиболее чувствительным и информативным показателем антропогенного воздействия на окружающую среду и взаимоотношения в диалекте «Человек-Среда» является критерий плотности и степени заболеваемости населения на проживающих территориях. Нами, в данной исследовательской работе был проведен медико-демографический анализ антропогенного воздействия на разных территориях Республики Вьетнам [12].

Демографическая ситуация в 5-ти крупных городах Вьетнама, характеризуется небольшим ростом по рождаемости. Данные показатели по рождаемости 5-ти городов (Ханой, Хайфонг, Гуэ, Дананг и Хошимин) с 2009 г. по 2011 г. представлены на рис. 1.

Можно отметить, что численность за представленный промежуток времени практически не менялась. В первую очередь сокращение показателя рождаемости в стране происходило в основном из-за проводимой на государственном уровне кампании, направленной на усиление контроля над рождаемостью под лозунгом: «В одной семье — не больше двух детей» [9].

Вследствие высокого уровня загрязнения воздушного бассейна отмечены частые случаи отравлений населения в ис-

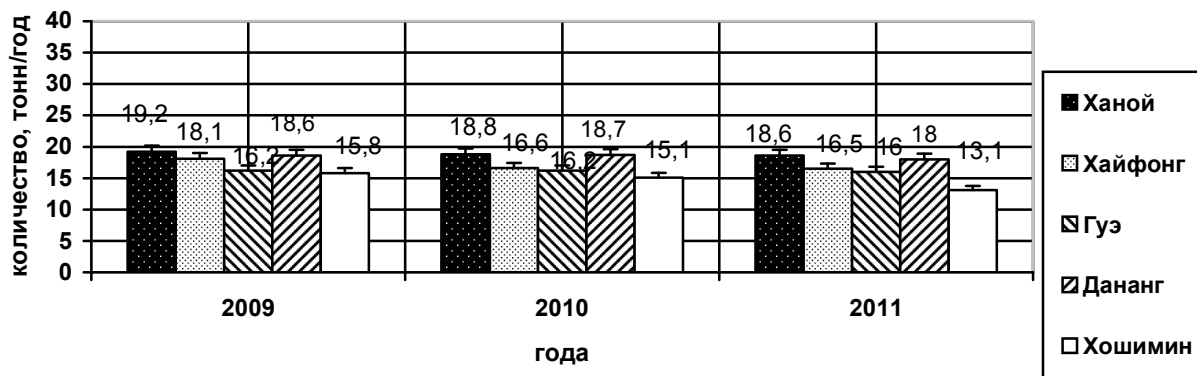

Рис. 1. Динамика рождаемости в 5-ти крупных городах с 2009 г. по 2011 г. (показатель рождаемости на 1000 человек).

следуемых территориях. Так оксид серы при отравлении проявляется в таких признаках как кашель, насморк, удушье, расстройство речи и рвота. Физиологическое действие оксидов азота на человека имеет сходный механизм воздействия угарного газа на организм человека – переводит кислород в связанную форму. Окись углерода (угарный газ) является очень опасным, вызывая отравления и даже смерть. И наконец, мелкодисперсные частицы диаметром 10 и менее микрон по данным ВОЗ становятся причиной 9% смертей от рака легких, 5% смертей сердечно-сосудистой системы [13].

Болезни органов дыхания занимают первое место в структуре общей заболеваемости населения 5 крупных городов. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух могут быть причиной этих заболеваний [4].

Основными причинами смертности в 5-ти крупных городах среди взрослого населения Вьетнама были: болезни органов дыхания, болезни систем органов пищеварения, травмы и отравления, инфекционные болезни, новообразования [12].

Показатели младенческой смертности детей в возрасте до одного года считаются самым чувствительным индикатором условий жизни населения любой страны [6].

На этом фоне отмечается рост показателей детской смертности. Этот показатель в пяти городах за 3 года (с 2009 по 2011 гг.) был следующим: в Ханое с 6,1 до 6,8 ребенка на 1000 чел., в Хайфонге с 7,5 до 7,7 ребенка, в Гуэ с 7,0 до 7,7 ребенка, в Дананге с 6,7 до 6,8 ребенка, в Хошимине с 6,3 до 6,7 ребенка.

Группа основных причин младенческой смертности связана с патологией перинатального периода – на первом месте, врожденные аномалии – на втором; болезни органов дыхания –

на третьем, и инфекционные и паразитарные заболевания на четвертом [13].

Самая высокая младенческая смертность в Ханое, Хайфонге и Гуэ.

Анализ социально-экономического развития страны и состояние окружающей среды Вьетнама показывает, что младенческая смертность является следствием недостаточного уровня развития сети качественных и общедоступных учреждений здравоохранения, состоянии уровня благосостояния населения, питания, росте цен на лекарства и услуги медицинских учреждений [3; 10; 11].

Изменение здоровья населения является не только существенным показателем экологического состояния территории, но и его важнейшим социально-экономическим следствием, которое должно определять ведущие направления в улучшении качества окружающей среды [5].

Заключение. Высокая хозяйственная деятельность в крупных городах Вьетнама (Ханой, Хайфонг, Гуэ, Дананг и Хошимин) ведет к резкому ухудшению санитарно-экологическому состоянию данных территорий, что отражается на здоровье населения горожан, особенно на показателях младенческой смертности.

Помимо этого на младенческую смертность влияет слабый уровень развития сети качественных и общедоступных учреждений здравоохранения, росте цен на лекарства и услуги медицинских учреждений.

Болезни органов дыхания занимают первое место в структуре общей заболеваемости населения 5 крупных городов. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух могут быть причиной этих заболеваний.

Библиографический список

1. Акимов, Т.А. Экология. Человек – Экономика – Биота – Среда: учебник для ВУЗов / Т.А. Акимов, В.В. Хаскин. – М., 2000.
2. Алексеев, В.П. Экологические аспекты антропогенеза // Эволюционная историческая антропоэкология. – М., 1994.
3. Баушт, И.Д. История Вьетнама / И.Д. Баушт, В.И. Мещерякова. – М., 1991.
4. Лавер, Б.И. Состояние медико-психологической и социальной адаптации человека в условиях крупного города / Б.И. Лавер, В.В. Глебов // Вестник РУДН. – 2012. – № 5. – Сер.: «Экология и безопасность жизнедеятельности».
5. Глебов, В.В. Влияние комплексных факторов на адаптацию популяции человека в условиях мегаполиса (на примере города Москвы) / В.В. Глебов, Е.В. Аникина // Вестник Международной академии наук (Русская секция). – 2010. – № 3.
6. Глебов, В.В. Психологическая адаптация популяции человека к условиям мегаполиса: монография / В.В. Глебов, К.Ю. Михайличенко, А.Я. Чижов. – М., 2013.
7. Вьетнам. Справочник. – М., 1993.
8. Мосяков, Д.В. История Юго-Восточной Азии / Д.В. Мосяков, В.А. Тюрин. – М., 2004.
9. Поляков, А. Вьетнам на пути перемен // Международная жизнь. – 2000. – № 11.
10. Сенин, Р.А. Соперничество – сотрудничество в политических отношениях Вьетнама и стран Запада на современном этапе // Вестник РУДН. – 2008. – № 3. – Сер.: Политология.
11. Тригубенко, М.Е. Народнохозяйственный комплекс СРВ: проблемы формирования. – М., 2008.
12. Черных, Н.А. Экологическая аттестация природно-хозяйственных территорий: методич. пособ. по судебно-экологической экспертизе / Н.А. Черных, В.Н. Зыков, В.И. Чернышов. – М., 2013.
13. Statistical Yearbook of Vietnam 2012. Hanoi, 2013.

Bibliography

1. Akimova, T.A. Ekologiya. Chelovek – Ekonomika – Biota – Sreda: uchebnik dlya VUZov / T.A. Akimova, V.V. Khaskin. – M., 2000.
2. Alekseev, V.P. Ekologicheskie aspekty antropogeneza // Evolyucionnaya istoricheskaya antropoekologiya. – M., 1994.
3. Bausht, I.D. Istoriya Vjetnama / I.D. Bausht, V.I. Metheryakova. – M., 1991.
4. Laver, B.I. Sostoyanie mediko-psikhologicheskoy i socialnoy adaptatsii cheloveka v usloviyakh krupnogo goroda / B.I. Laver, V.V. Glebov // Vestnik RUDN Vestnik RUDN. – 2012. – № 5. – Ser.: «Ekologiya i bezopasnost zhiznedeyatel'nosti».
5. Glebov, V.V. Vliyaniye kompleksnykh faktorov na adaptatsiyu populyatsii cheloveka v usloviyakh megapolisa (na primere goroda Moskvih) / V.V. Glebov, E.V. Anikina // Vestnik Mezhdunarodnoy akademii nauk (Russkaya sekciya). – 2010. – № 3.

6. Glebov, V.V. Psikhofiziologicheskaya adaptatsiya populyatsii cheloveka k usloviyam megapolisa: monografiya / V.V. Glebov, K.Yu. Mikhaylichenko, A.Ya. Chizhov. – M., 2013.
7. Vjetnam. Spravochnik. – M., 1993.
8. Mosyakov, D.V. Istoriya Yugo-Vostochnoy Azii / D.V. Mosyakov, V.A. Tyurin. – M., 2004.
9. Polyakov, A. Vjetnam na puti peremen // Mezhdunarodnaya zhiznj. – 2000. – № 11.
10. Senin, R.A. Sopernichestvo – sotrudnichestvo v politicheskikh otnosheniyakh Vjetnama i stran Zapada na sovremennom eh tape // Vestnik RUDN. – 2008. – № 3. – Ser.: Politologiya.
11. Trigubenko, M.E. Narodnokhozyaystvenniy kompleks SRV: problemih formirovaniya. – M., 2008.
12. Chernikh, N.A. Ehkologicheskaya attestatsiya prirodno-khozyaystvennikh territoriy: metodich. posob. po sudebno-ehkologicheskoy ehkspertize / N.A. Chernikh, V.N. Zihkov, V.I. Chernishov. – M., 2013.
13. Statistical Yearbook of Vietnam 2012. Hanoi, 2013.

Статья поступила в редакцию 20.09.14

УДК 613.863

Glebov V.V., Kirichuk A.A. POSSIBILITIES OF BIOMONITORING IN THE ASSESSMENT OF THE ECOLOGICAL CONDITION OF ECOSYSTEMS OF THE CAPITAL MEGALOPOLIS. In article possibilities of carrying out complex researches of an ecological condition of the urbanized territories by means of biological indication of environment are considered. In an assessment of an ecological state plants bioindicators such, for example as the poplar and a linden which are often growing in Moscow were used. Comparative studying on extent of pollution of territories of the Southwest administrative district and Southeast administrative district by means of plants of indicators confirmed the different level of anthropogenesis influence of the studied territories. The analysis of the received results showed a significant difference of chemical impurity of the Southeast administrative district in comparison of the Southwest administrative district. Researches were revealed by the most often met toxicants of the Moscow megalopolis. Pb, Fe, Sr, Zn were basic elements of seasonal pollution of the Southeast administrative district.

Key words: bioindication, plants indicators, megalopolis, environment, toxicants.

В.В. Глебов, канд. психол. наук, доц. РУДН, г. Москва, E-mail: vg44@mail.ru;

А.А. Киричук, канд. сельскохозяйств. наук, доц. РУДН, г. Москва, E-mail: a.kirichuk@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ БИОМОНИТОРИНГА В ОЦЕНКЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЭКОСИСТЕМ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА

В статье рассмотрены возможности проведения комплексных исследований экологического состояния урбанизированных территорий с помощью биологической индикации окружающей среды. В оценке экологического состояния были использованы растения биоиндикаторы такие, например, как часто произрастающие в Москве тополь и липа. Сравнительное изучение по степени загрязнения территорий Юго-Западного административного округа и Юго-Восточного административного округа с помощью растений индикаторов подтвердило разный уровень антропогенного воздействия исследуемых территорий. Анализ полученных результатов показал значимую разницу химической загрязненности Юго-Восточного административного округа по сравнению Юго-Западного административного округа. Исследования выявили наиболее часто встречаемые токсиканты Московского мегаполиса. Основными элементами сезонного загрязнения Юго-Восточного административного округа были Pb, Fe, Sr, Zn.

Ключевые слова: биоиндикация, растения индикаторы, мегаполис, окружающая среда, токсиканты.

Биоиндикация – научное, междисциплинарное направление, которое изучает состояние окружающей среды, где оценка комплексных факторов осуществляется с помощью растений индикаторов [1; 2].

Растительные сообщества урбанизированных территорий (лесопарковые зоны) как функциональный компонент урбоэко-систем по своей сути являются объектами, в которых происходят сложные геохимические особенности сопряженных сред, и в которых отражается воздействие антропогенных факторов хозяйственной деятельности человека. В этом заключается принципиальное отличие фитогеохимических методов от мониторинга выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. Методологические основы биомониторинга основаны на синтезе фундаментальных теоретических положений триады наук: биогеохимии В.И. Вернадского, геохимии ландшафтов Б.Б. Полынова, и ботанической географии А.Н. Бекетова и А.А. Корчагина [10]. Важно отметить, что оценка интенсивности загрязнения городской среды на основе фитогеохимической индикации имеет свою специфику и дает интегральную оценку экологического состояния городской территории [12].

Для выявления степени воздействия антропогенного воздействия на экосистемы города нами в течение ряда лет (2006–2013) проводился биомониторинг экологического состояния городской среды разных административных округов г. Москвы (Юго-Западного и Юго-Восточного административных округов). Иссле-

дования реакций городских растений проводились *фитогеохимическим* и *дендрогеохимическим* (по содержанию химических элементов в годичных кольцах древесины) методами, которые успешно используются коллегами кафедры биогеографии и охраны природы СПбГУ [12; 13; 16].

Картирование реакций сообществ зеленых посадок на техногенное загрязнение проводилось по разработанной методике [12–16]. Определение принадлежности зеленых насаждений к конкретному классу функционирования дает определенное представление об общей экологической обстановке в исследуемых территориях столичного мегаполиса. В этой связи нами определялось соотношение типов биологических реакций зеленых насаждений, которое является критерием устойчивости деревьев и кустарников к загрязнению среды [13].

Для понимания реакций древесно-кустарниковых сообществ на техногенное загрязнение нами были взяты часто встречаемые городские посадки тополя и липы. Исследование показало, что тополь берлинский *Populus berolinensis* (C. Koch) Dipp. более устойчив к антропогенным факторам городской среды, чем липа мелколистная *Tilia cordata* Mill. На основании коэффициентов концентрации (Kс — отношение содержания элемента в растениях исследованной территории к содержанию элемента в растениях фона) позволил выявить приоритетные загрязнители городских растений.

При исследовании листьев и коры основных древесных пород (*Populus berolinensis* и *Tilia cordata*) Юго-Восточного административного округа, который по официальной статистике является загрязненной территорией, были составлены ряды коэффициентов концентрации (в порядке их уменьшения. Они выглядели следующим образом:

Populus berolinensis (кора): $Sr_{20} > Pb_{19} > Co_{15} > Fe_6 > Cu_{12} > Cr_{10} > Zn_7 > Mn_5 > Ba_4$ *Populus berolinensis* (листья): $Pb_{12} > Zn_9 > Fe_7 > Sr_5 > Ba_3, Co_3 > Cu_2, Cr_2, Ni_2 > Mn_1$

Tilia cordata (кора): $Cr_{174} > Sr_{169} > Cu_{12} > Ba_{10} > Fe_9 > Pb_7 > Co_6 > Ni_4 > Zn_{3.5} > Mn_2$ *Tilia cordata* (листья): $Pb_{10} > Fe_9 > Sr_7 > Cu_5 > Ba_4 > Cr_2, Zn_2, Ni_2, Co_2, Mn_1$

Приведенные ряды полученных нами результатов показали, что главными элементами сезонного загрязнения (по листьям) Юго-Восточного административного округа являются Pb, Fe, Sr, Zn. В коре изучаемых деревьев, характеризующей многолетнее загрязнение, отмечался более широкий спектр элементов, значительно превышающих фоновые значения: Sr, Cu, Pb, Cr, Co, Ba, Fe [5].

Проведенные исследования на благополучной территории по экологическим условиям Юго-Запада столицы на тех же видах зеленых насаждений показало, что данные по тяжелым металлам исследуемых растений не превышали ПДК [8; 9].

Необходимо отметить, что при биомониторинге огромное значение приобретает видовые особенности аккумуляции химических элементов [11]. В нашем случае тополь характеризуется большей аккумулятивной способностью, так как содержание в его органах (листья, кора) активных химических элементов — Mn, Sr, Co, Ni, Cu, Zn превышал концентрации этих элементов в органах липы. Содержание Pb и Cr в листьях липы было выше, чем в листьях тополя. Интересно также отметить, что, несмотря на высокие содержания многих химических элементов в листьях и коре тополя, мы не наблюдали ни хлороз не некроз листьев, за редким исключением в зонах, где происходила активная строительная деятельность.

Полученные нами результаты исследования совпадают с данными наблюдений, проведенными биомониторингом в Санкт-Петербурге [13; 14].

Исходя из вышесказанного можно отметить, что метод биоиндикационных параметров является перспективным при интегральной экологической оценке городской среды. Биомониторинг позволяет связывать и рассматривать в комплексе все живые организмы в системе урбосреды [11]. Поэтому изменение соотношений химических элементов регионального круговорота под влиянием техногенеза является индикатором реакций фитособ-

ществ урбосреды, а также маркером популяционного здоровья городского населения [4; 6; 16].

Выявление зон экологического риска необходимо осуществлять по наиболее чувствительным экофитоиндикаторам. При этом экобиоиндикация, включает два сопряженных блока: фитоцентрический и антропоцентрический [18].

Фитоцентрический блок является интегральным, в котором экофитоиндикация представлена широким спектром параметров, получаемых при системном анализе взаимосвязей зеленых насаждений и городской среды [7-9]. Антропоцентрический блок базируется на оценке факторов среды, влияющих на здоровье человека, по параметрам, полученных на основе анализа биосубстратов [13, 17].

Таким образом, метод фитоиндикации, способен обеспечивать комплексный подход при оценке биомониторинга степени загрязнения городской среды и определять уровень антропогенного воздействия на течение адаптационных процессов разных возрастных популяций человека, например иностранных и иногородних студентов прибывших из разных регионов мира и Российской Федерации [3; 5; 18].

Также важно отметить, что в практике медицинских исследований часто используются результаты анализов крови и урины на предмет присутствия токсических химических элементов при оценке здоровья разных групп населения. Исследования в этой части находят подтверждение [4; 17] в том, что концентрации большинства химических элементов присутствующих в организме животных и человека действительно отражаются в биосубстратах (кровь, урина), однако в волосах покрове концентрация токсических веществ значительно выше [17]. Исходя из современных методов исследования, принято считать, что химический состав волос отражает интегрированное состояние минерального обмена веществ в организме человека и животных в связи с их содержанием в воздухе, почвах, продуктах питания и кормах [4; 6; 13].

Биомониторинг является важным методом в оценке качества среды обитания и её отдельных характеристик по состоянию биоты в антропогенных территориях. Для учёта изменения среды под действием антропогенного фактора главную роль играют растения-биоиндикаторы. В нашем исследовании в качестве растений биоиндикаторов выступили часто встречаемые тополь и липа. Сравнительное изучение по степени загрязнения ЮЗАО и ЮВАО подтвердило значительную загрязненность ЮВАО. Исследования позволило выявить приоритетные загрязнители городских растений. Основными элементами сезонного загрязнения (по листьям) ЮВАО являются Pb, Fe, Sr, Zn.

Библиографический список

1. Банарь, С.А. Экобиоиндикационная оценка изменений городской среды под влиянием техногенеза: автореф. дис. ... канд. г. наук. — СПб., 2005.
2. Вайнерт, Э. Биоиндикация загрязнений наземных экосистем / Э. Вайнерт, Р. Вальтер, Т. Ветцель [и др.]. — М., 1988.
3. Глебов, В.В. Китайские и африканские студенты в московских вузах // Азия и Африка сегодня. — 2013. — № 12(677).
4. Ермаков, В.В. Индикация биохимических аномалий по химическому составу волос // Биохимическая индикация аномалий: Материалы V Биохимических чтений, посвящ. памяти В.В. Ковальского. — М., — 2004.
5. Кузьмина, Я.В. Динамика адаптации иногородних студентов к условиям экологии столичного мегаполиса / Я.В. Кузьмина, В.В. Глебов // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 6-2.
6. Куриленко, В.В. Основы экогеологии, биоиндикации и биотестирования водных экосистем / В.В. Куриленко, О.В. Зайцева, Е.А. Новикова [и др.]. — СПб., 2003.
7. Мауринь, А.М. Зеленые насаждения как индикатор качества городской среды / А.М. Мауринь, О.Э. Никодемус, К.К. Раман // Проблемы качества городской среды. — М., 1989.
8. Николаевский, В.С. Экологическая оценка загрязнения среды и состояния наземных экосистем методами фитоиндикации. — Пушкино, 2002.
9. Опекунова, М. Г. Биоиндикация загрязнений. — СПб., 2004.
10. Северцов, А.С. Направленность эволюции. — М., 1990.
11. Сунцова, Л.Н. Древесные растения в условиях техногенной среды / Л.Н. Сунцова, Е.М. Иншаков // Хвойные бореальной зоны. — 2007. — № 1. — Т. 24.
12. Терехина, Н.В. Биогеохимия травянистых растений в городе // Материалы 4 Российской биогеохимической школы «Геохимическая экология и биогеохимическое изучение таксонов биосферы». — М., 2003.
13. Уфимцева, М.Д. Биогеохимические критерии оценки экологического риска для здоровья городского населения / М.Д. Уфимцева, С.А. Банарь // Вестник СПбГУ. — 2003. — Вып. 1 (№7). — Сер. 7.
14. Уфимцева, М.Д. Фитоиндикация экологического состояния урбоэкосистем Санкт-Петербурга / М.Д. Уфимцева, Н.В. Терехина. — СПб., 2005.
15. Цыганов, Д.Н. Фитоиндикация экологических режимов в подзоне хвойно-широколиственных лесов. — М., 1983.
16. Чернышенко, О.В. Древесные растения как аккумуляторы и показатели загрязнения атмосферы // Мониторинг состояния лесных и городских экосистем: моногр. / под ред. В.С. Шалаева, Е.Г. Мозолевской. — М., 2004.
17. Черняева, Т.К. Содержание ТМ в волосах детей в промышленном городе / Т.К. Черняева, Н.А. Матвеева, Ю.Г. Кузьмичев // Гигиена и санитария. — 1997. — № 3.
18. Шандала, М.Г. Определение роли отдельных факторов в комплексном влиянии окружающей среды на здоровье населения / М.Г. Шандала, Я.И. Звиняцкий // Гигиена и санитария. — 1981. — № 9.

Bibliography

1. Banarj, S.A. Ehkobiindikacionnaya ocenka izmenenij gorodskoj sredih pod vliyaniem tekhnogeneza: avtoref. dis. ... kand. g. nauk. – SPb., 2005.
2. Vayjnert, Eh. Bioindikaciya zagryaznenij nazemnykh ehkositsem / Eh. Vayjnert, R. Valjter, T. Vetcelj [i dr.]. – M., 1988.
3. Glebov, V.V. Kitajskie i afrikanse studentih v moskovskikh vuzakh // Aziya i Afrika segodnya. – 2013. – № 12(677).
4. Ermakov, V.V. Indikaciya biokhimicheskikh anomalij po khimicheskomu sostavu volos // Biokhimicheskaya indikaciya anomalij: Materialih V Biokhimicheskikh chtenij, posvyath. pamyati V.V. Kovaljskogo. – M., – 2004.
5. Kuzjmina, Ya.V. Dinamika adaptacii inogorodnykh studentov k usloviyam ehkologii stolichnogo megapolisa / Ya.V. Kuzjmina, V.V. Glebov // Mir nauki, kuljturi, obrazovaniya. – 2010. – № 6-2.
6. Kurilenko, V.V. Osnovih ehkogeologii, bioindikacii i biotestirovaniya vodnykh ehkositsem / V.V. Kurilenko, O.V. Zajceva, E.A. Novikova [i dr.]. – SPb., 2003.
7. Maurinj, A.M. Zeleniye nasazhdeniya kak indikator kachestva gorodskoj sredih / A.M. Maurinj, O.Eh. Nikodemus, K.K. Raman // Problemih kachestva gorodskoj sredih. – M., 1989.
8. Nikolaevskij, V.S. Ehkologicheskaya ocenka zagryazneniya sredih i sostoyaniya nazemnykh ehkositsem metodami fitoindikacii. – Pushkino, 2002.
9. Opekunova, M. G. Bioindikaciya zagryaznenij. – SPb., 2004.
10. Severcov, A.S. Napravlenostj ehvolucii. – M., 1990.
11. Suncova, L.N. Drevesniye rasteniya v usloviyakh tekhnogennoj sredih / L.N. Suncova, E.M. Inshakov // Khvojnyie borealnoj zoni. – 2007. – № 1. – T. 24.
12. Terekhina, N.V. Biogeokhimiya travyanistnykh rastenij v gorode // Materialih 4 Rossijskoj biogeokhimicheskoy shkolih «Geokhimicheskaya ehkologiya i biogeokhimicheskoe izuchenie taksonov biosferih». – M., 2003.
13. Ufimceva, M.D. Biogeokhimicheskie kriterii ocenki ehkologicheskogo riska dlya zdorovya gorodskogo naseleniya / M.D. Ufimceva, S.A. Banarj // Vestnik SPbGU. – 2003. – Vihp. 1 (№7). – Ser. 7.
14. Ufimceva, M.D. Fitoindikaciya ehkologicheskogo sostoyaniya urbogeosistem Sankt-Peterburga / M.D. Ufimceva, N.V. Terekhina. – SPb., 2005.
15. Cihganov, D.N. Fitoindikaciya ehkologicheskikh rezhimov v podzone khvojno-shirokolistvennykh lesov. – M., 1983.
16. Chernihshenko, O.V. Drevesniye rasteniya kak akkumulyatorii i pokazateli zagryazneniya atmosferih // Monitoring sostoyaniya lesnykh i gorodskikh ehkositsem: monogr. / pod red. V.S. Shalaeva, E.G. Mozolevskoj. – M., 2004.
17. Chernyaeva, T.K. Soderzhanie TM v volosakh detej v promyshlennom gorode / T.K. Chernyaeva, N.A. Matveeva, Yu.G. Kuzjmichev // Gigiena i sanitariya. – 1997. – № 3.
18. Shandala, M.G. Opredelenie roli otdelnykh faktorov v kompleksnom vliyanii okruzhayuthej sredih na zdorovye naseleniya / M.G. Shandala, Ya.I. Zvinyackovskij // Gigiena i sanitariya. – 1981. – № 9.

Статья поступила в редакцию 20.09.14

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	2
----------------------------	---

ПЕДАГОГИКА

Ю.И. Щербаков КАФЕДРА НА БАЗЕ ШКОЛЫ – НОВЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР	3
Ю.И. Щербаков ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛО- ГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕН- НЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗА- ЦИЯХ	5
О.Л. Баранчиков, Е.Н. Иващенко ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИКЕ КУРСАНТОВ ВОЕН- НЫХ ВУЗОВ ВВ МВД РОССИИ	7
Н.С. Белобородова, Е.С. Мирзаханова ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ, ИМЕЮЩИХ ДЕВИ- АНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	10
С.С. Важенина МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННО- СТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ИСКУССТВУ У СТУДЕНТОВ ВУЗА КУЛЬТУРЫ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	13
Л.О. Володина ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВА- НИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ СЕМЕЙ- НОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕН- НОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ КОНЦЕП- ТУАЛИЗАЦИИ	17
Н.Ф. Искандеров МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРА- ЦИИ СРАВНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ШКОЛЬНОГО КУРСА ФИЗИКИ	20
А.А. Магомедова ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВ- РОВ ПО ПРОФИЛЮ «ЮРИСПРУДЕН- ЦИЯ» К СЕТЕВОМУ ВЗАИМОДЕЙ- СТВИЮ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАН- НОГО ЯЗЫКА	23
Т.А. Матафонова ПРОГРАММНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬ- НОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ТУРИСТСКОГО ПРОФИЛЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМА- ЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	25
Е.В. Меркель, Н.П. Семикопная БАЗОВАЯ КАФЕДРА И ШКОЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР – НОВЫЕ ФОРМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХ- СЯ И СТУДЕНТОВ	26
О.А. Овсянникова ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА СО СТУДЕНТАМИ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» В РАМКАХ ШКОЛЬНОГО ПРЕДМЕТА «ИСКУССТВО»	28
И.М. Переревина ПРОГРАММА ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕН- ТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ КУЛЬТУРЫ ПОЛИЛОГА СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	31

И.А. Столярчук ПРОФИЛАКТИКА ГЕНДЕРНОЙ ДЕЗАДАПТИРОВАННОСТИ ПОДРОСТ- КОВ НА ОСНОВЕ ЦЕЛОСТНОГО ПОДХОДА	33
Л.В. Балясникова, С.И. Васильева ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ КАК ФОРМА СОЗДАНИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ СУБЪЕКТНОГО РОСТА ОБУЧАЮЩИХ- СЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕ- НИИ	34
А.А. Фортунатов ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДИКИ ФОРМИРО- ВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕС- КОГО ОБРАЗОВАНИЯ	37
О.Н. Апанасенко, С.Г. Малюков ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ КАК СПОСОБ СОВЕР- ШЕНСТВОВАНИЯ ИХ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ	40
Л.Н. Бережнова, Д.Ю. Тарасов ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВОЕННЫХ ИНСТИТУ- ТОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ В МИРОВОЕ ОБРАЗОВА- ТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	42
С.А. Богатенков ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ РАБОТЫ С КОМПЛЕКСОМ ТЕХНИЧЕС- КИХ СРЕДСТВ «ЭНЕРГИЯ» В АСПЕК- ТЕ БЕЗОПАСНОСТИ	46
Н.И. Кашина ПРОБЛЕМА ОСВОЕНИЯ ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ	50
И.Н. Корзенникова К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВ- НОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	52
Г.М. Лохонова ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА КООПЕРАТИВ- НОГО ВУЗА	57
А.М. Миронова К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИНТЕЛЛЕК- ТУАЛЬНОЙ ОДАРЁННОСТИ ШКОЛЬ- НИКОВ	58
Л.С. Науменко БЛОГ УЧИТЕЛЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬ- НО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОС- ТИ	61
Г.И. Николаенко, И.В. Таяновская ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБУЧЕНИИ ФУНКЦИ- ОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА БЕЛОРУССКИХ ШКОЛЬНИКОВ	67
Н.И. Кашина, Н.Г. Тагильцева ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОСВОЕНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ ТРАДИЦИ- ОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ И ХУДОЖЕ- СТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ	70
Н.А. Куликова АКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ- ИНОСТРАНЦЕВ КАК СРЕДСТВО	

ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВ- НОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	73
О.А. Долматова, Б.А. Федулов ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ МАТЕРИНСТВА У ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТ- КОВ СРЕДСТВАМИ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ	76
Е.В. Кокорин, Е.И. Мурзина СОЦИОКУЛЬТУРАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В ОБЩЕСТВЕ	78
К.А. Кокорина ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА: РЕАЛИ- ЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ И АЛТАЙСКОМ КРАЕ	80
Э.Р. Успек ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	82
А.А. Фомина СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ БИБЛИОТЕЧ- НОГО ДЕЛА	84
Е.В. Багирова ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ХОРЕОГ- РАФИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА	87
Т.И. Новичихина НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	88
Т.И. Новичихина НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ XVII ВЕКА	92
Е.В. Тимофеева, Ю.Б. Виноградова АКТИВИЗАЦИЯ УЧЕБНО-ПОЗНАВА- ТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕН- ТОВ СРЕДСТВАМИ ИКТ	96
П.А. Шептенко СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ	99
Р.П. Абдина, В.В. Мирошников ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРА НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВА- НИЯ ДЛЯ РАБОТЫ В ПОЛИКУЛЬТУР- НОМ РЕГИОНЕ	101

ФИЛОЛОГИЯ

И.В. Башкова СЕМАНТИКА СЛОВА МУЖИК В ДИСКУРСЕ В.П. АСТАФЬЕВА	104
И.В. Башкова СЕМАНТИКА СЛОВА БАБА В ДИСКУРСЕ В.П. АСТАФЬЕВА	107
Н.А. Вахрушева ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В ВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ НА АЛТАЕ	110
А.Р. Газзаева ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛОЙ ПРОЗЫ ГИНО БАРАКОВА	114
Е.Н. Важина ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТАКСОНОМИЯ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПРИЗНАКОВЫМ КОМПОНЕНТОМ ..	115
Н.А. Загрядская ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ АНГЛИЙСКИМИ ФРАЗЕО- ЛОГИЧЕСКИМИ ПРОЗВИЩАМИ	117

Е.В. Кузина
МИФОЛОГИЧНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ 120

Ю.С. Перевезенцева, С.А. Атрощенко
БИНАРНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ МАТЕМАТИКИ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 122

Е.А. Плеханова, И.Ю. Мусеева
АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ КОНВЕРГЕНЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПО ВИДУ 124

О.В. Ромашова
ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА МЕДИЦИНСКОГО ДОКУМЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКОЙ КАРТЫ СТАЦИОНАРНОГО БОЛЬНОГО) 127

П.А. Якимов
РЕЛИГИОЗНАЯ КАРТИНА МИРА VS. РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА 130

Ундармаа Даваа, М.Г. Шкуропацкая
АССОЦИАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В РУССКОМ СОЦИУМЕ 132

О.К. Андрющенко, Г.С. Суюнова
РЕЧЕВОЙ АКТ ЖАЛОБЫ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ТИПОЛОГИЯ 134

Е.Е. Рыбникова, А.В. Шунков
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПИСЕМ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА) 136

К.Н. Сайдумова
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИИ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ДАГЕСТАНСКОЙ РУССКО-ЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ 141

М.А. Тихоненко
ТЕРМИН КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ 143

М.А. Тихоненко
СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНА КАК ОСОБОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ 145

Е.Т. Чамзырын
РОЛЬ НАРОДНОЙ ПОЭТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. КЕНИНА-ЛОПСАНА 146

Е.С. Шапа
К ВОПРОСУ О СВЯЗИ СВЯТОЧНОЙ ТРИЛОГИИ Н.С. ЛЕСКОВА «ОТБОРНОЕ ЗЕРНО» С ДРУГИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ПИСАТЕЛЯ 149

Е.К. Щербакова, Н.С. Сербина
ТРАДИЦИИ ЖАНРА ВОСТОЧНОЙ ПОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ И Н.А. КРАШЕНИННИКОВА 152

Н.В. Трубакина
СОЧИНТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ АЛТАЯ: СОСТАВ, СЕМАНТИКА, ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ 154

Цзя-ин Ма, Е.А. Кузьмина
«ГРАММАТИКА СЛОВЕНСКАЯ» ФЕДОРА МАКСИМОВА (1723 Г.): СТРАТЕГИЯ И ПАРАМЕТРЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ 158

В.С. Ондар
ГРУППА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «СПУСКАТЬСЯ ВНИЗ» В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ 162

ПСИХОЛОГИЯ

О.В. Евдокишина
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ГОТОВНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ В СИСТЕМЕ ДОУ 167

Н.И. Медведева
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИОННЫХ И КОМПЕНСАТОРНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ 169

О.И. Пец
СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ С МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНОЙ И ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 171

Н.В. Дмитриева, Н.В. Буравцова, Т.С. Козырева
МЕТОДЫ АРТ-ТЕРАПИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ 172

Г.М. Соловьев, Е.Н. Козюра, С.Н. Кашин
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА 175

С.С. Юровских
КОРРЕКЦИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 178

О.А. Бокова
К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ 181

В.В. Глебов
СОСТОЯНИЕ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ КАК АДАПТАЦИОННЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА 183

М.А. Чернова
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ 185

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Е.Ю. Личман
РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПАВЛОДАРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 188

Т.А. Мазурина
ДИЗАЙН ВИЗУАЛЬНОГО СТИЛЯ БРЕНДА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ 190

А.В. Обрубова
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 194

Н.Б. Пушкова
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ 196

Н.П. Урусова
ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ИСКУССТВА КАК ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ 197

Н.П. Урусова
СРЕДОВЫЙ ДИЗАЙН В ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЕ И ПРОЕКТИВНОГРАФИЯ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ И ПРОСТРАНСТВА 200

О.Л. Юровская
ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРИЧТАНИЯ КАЛУЖСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ 204

Е.В. Бельская, Д.М. Мергалиев
ФОРМИРОВАНИЕ АКТЁРСКОГО МАСТЕРСТВА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ф.И. ШАЛЯПИНА 209

Д.М. Мергалиев, Г.Т. Акпарова, Л.П. Айкина
К ВОПРОСУ О РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ КОЛЛЕКТИВНОГО МУЗИЦИРОВАНИЯ В ОРКЕСТРОВОМ КЛАССЕ 212

МЕДИЦИНА

Н.И. Грибанов, К.С. Казанин, М.С. Шпаковский, А.В. Басов, В.В. Калашников
ОПЫТ ЛЕЧЕНИЯ ПЕРЕЛОМОВ ШЕЙКИ БЕДРЕННОЙ КОСТИ КАННУЛИРОВАННЫМИ ВИНТАМИ С КАЛЬЦИЙФОСФАТНЫМ ПОКРЫТИЕМ 214

Г.Г. Жигалова, А.А. Отаров
ОБЗОР НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ И ПОРЯДОК ОКАЗАНИЯ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШЕМУ СОТРУДНИКОМ ПОЛИЦИИ 216

О.В. Мареев, Г.О. Мареев, Р.В. Фёдоров
ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СИСТЕМ ХИРУРГИЧЕСКОЙ РОБОТОТЕХНИКИ (ЧАСТЬ 1) 218

Е.В. Черепкова, М.Г. Чухрова, А.П. Кушнарев
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ И СКЛОННОСТЬ К КРИМИНАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ, СОПУТСТВУЮЩИЕ НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ 222

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

В.М. Важов, А.В. Одинцев, В.Н. Козил
ВЛИЯНИЕ УДОБРЕНИЙ НА ПОСЕВНЫЕ КАЧЕСТВА СЕМЯН ГРЕЧИХИ 225

ФИЛОСОФИЯ

Н.А. Васильева
ФЕНОМЕН СТРАХА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА 228

Т.Н. Верещагина
ПОВЕСТЬ О ВИТЯЗЕ И ТИГРОВОЙ ШКУРЕ 231

ИСТОРИЯ

С.А. Гредников
ВОЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ СИБИРИ ... 234

Исмаилов А. М. ПРИЗНАНИЕ ПРАВА НА ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬ- НО-ФИЛОСОВСКИЕ АСПЕКТЫ) 235
Исмаилов А.М. ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО КНИГОИЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ 237
А.И. Кортунюв ПОЛЯКИ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В КРЕПОСТЯХ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА) 239
Д.Е. Кузнецов ПРОЯВЛЕНИЯ БАНДИТИЗМА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1925-1935 ГГ. 242
И.В. Лизунова ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗА- ЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕН- НОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО 244
И.В. Лизунова, Е.М. Лбова КНИЖНОЕ ДЕЛО РУССКОЙ ЭМИГРА- ЦИИ ВО ФРАНЦИИ В 1900–1930-Х ГГ. КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИО- НАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ «В ИЗГНАНИИ» 247
А.Ю. Чеджемов ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВОО- ХРАНЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ В ОСЕТИИ 250
Е.С. Юрченко «ФИНСКИЙ ВОПРОС» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВАШИНГТОНА В 1917-1920 ГГ. 252
Е.А. Полякова, Г.И. Витовтова ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИИ И ИХ СТРУК- ТУРНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВО ВТО- РОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 256
И.В. Куприянова ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО В СТАРООБРЯД- ЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 261
П.С. Коваленко ПРАВОСЛАВНАЯ ИСТОРИЯ БИЙСКА В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 263
В.А. Скопа ОРГАНИЗАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ СТЕПНОГО КРАЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 266
В.А. Скопа ЛОКАЛЬНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ «СМИПАЛАТИНСКИХ ОБЛАСТНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.) 268

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О.Ю. Астахов, Е.Н. Черняева ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИХ ИДЕЙ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСО- ФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА 271
М.Ю. Гудова ПОСТГРАМОТНОЕ ЧТЕНИЕ ПИКТОГ- РАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА В АРТ-

ПРОЕКТЕ «LOGOGLYPHS» ЭДУАРДО КАСА, 2006-2013 273
А.М. Лесовиченко, Е.А. Мальцева АРХЕТИП МАТЕРИ КАК ОСНОВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ОБРАЗОВ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ 275
М.Х. Хаджиева РЫБНАЯ ПИЩА В СИСТЕМЕ ПИТА- НИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДА 278
А.О. Ефремова, Г.В. Оленина КЛАССИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В МУЗЕЯХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 279
Н.Н. Беспалова, В.С. Яговец ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИ- ЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СТАРООБРЯД- ЦЕВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СФЕРУ ТУРИЗМА 283
Т.И. Полтева ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИ- КОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941- 1945 ГГ.) ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬ- НОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ А.В. АНОХИНА 286

ЭКОНОМИКА

В.А. Мелихов КОНЦЕПЦИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ КОГЕРЕНТНЫХ И КОГЕЗИОННЫХ СВЯЗЕЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ОТЧЕТОВ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ХОЛДИНГОВ 289
Т.Н. Патрахина ДОЛГОСРОЧНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАМ- МА КАК МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕН- НОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ХАНТЫ-МАНСИЙС- КОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ 293
С.В. Харламов ВОСТРЕБОВАННОСТЬ УНИКАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ТУРИСТСКИХ РЕСУРСОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ 296

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Е.И. Бойнов СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМО- ДЕЙСТВИЯ ОВД И ВВ ПРИ ВЫПОЛНЕ- НИИ ИМИ ЗАДАЧ ПРИ УГРОЗЕ И СОВЕРШЕНИИ АКТОВ ТЕРРОРИЗМА НА ОБЪЕКТАХ ЯДЕРНО-ПРОМЫШ- ЛЕННОГО КОМПЛЕКСА 299
С.Н. Гонтарь, Н.А. Уваров ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИ- ТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЛИЦА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СФЕРЕ УГЛОВ- НОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (С НАЧАЛА СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙС- КОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ДО НАЧАЛА XX В.) 301
Г.Г. Жигалова, А.А. Рясков ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ПОЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА 303
А.А. Отаров, Г.Г. Жигалова ЕДИНСТВО СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ПРИЗНАК

ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВАНИЙ ПРИНЯ- ТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ 304
--

А.А. Рясков, С.Н. Гонтарь К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ 306
С.Р. Чеджемов, А.Ю. Чеджемов ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ И ОРГАНОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В БОРЬБЕ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В XIX ВЕКЕ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ 308

ЭКОЛОГИЯ. ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГИГИЕНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

И.М. Черёмкин, И.А. Алексеев, А.В. Пузанов, В.В. Щекина ХАРАКТЕРИСТИКА ФАУНЫ ГРЫЗУНОВ ТЕРРИТОРИИ ПОЗИЦИОННОГО РАЙОНА СТРОЯЩИХСЯ ОБЪЕКТОВ КОСМОДРОМА «ВОСТОЧНЫЙ» 311
М.И. Ковешников ХАРАКТЕРИСТИКА ЗООБЕНТОСА И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ВОДЫ РОССИЙС- КОГО УЧАСТКА РЕКИ ИРТЫШ И ЕЕ ПРИТОКОВ ЛЕТОМ 2001 ГОДА 315
Е.Ю. Митрофанова, О.С. Сутченкова ДИАТОМОВЫЕ ВОДОРОСЛИ В ДОН- НЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ ГЛУБОКОГО ОЗЕРА ТЕЛЕЦКОЕ (АЛТАЙ, РОССИЯ) КАК ИНДИКАТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ В ПОСЛЕДНИЕ 2000 ЛЕТ 321
Ч.Д. Назын ДИАТОМОВЫЕ ВОДОРОСЛИ БАССЕЙ- НА РЭЛЕГЕСТ РЕСПУБЛИКИ ТУВА 327
С.В. Попов, Е.В. Волковский, О.Н. Серебряков ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГЕОГРА- ФИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ (ГИС) 329
Ю.В. Робертус, Р.В. Любимов, А.В. Кивацкая МАСШТАБЫ ДЕПОНИРОВАНИЯ И ЭМИССИИ УГЛЕРОДА НА ТЕРРИТО- РИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ 332
Аллам Мд Шамшер, О.М. Родионова ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И САНИТАРНО- ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БАНГЛАДЕШ 335
Х.Ф.В. Науен МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ 337
В.В. Глебов, А.А. Киричук ВОЗМОЖНОСТИ БИОМОНИТОРИНГА В ОЦЕНКЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЭКОСИСТЕМ СТОЛИЧ- НОГО МЕГАПОЛИСА 339
ИНФОРМАЦИЯ 348

ALPHABETICAL INDEX	2
--------------------------	---

PEDAGOGICS

Shcherbakov Yu.I. A DEPARTMENT AS A STRUCTURAL COMPONENT OF A SCHOOL: A NEW EDUCATIONAL CLUSTER.....	3
Shcherbakov Yu.I. PSYCHO-PEDAGOGICAL BASES OF FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE IN THE MODERN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS	5
Barancheyev O.L., Ivashchenko Ye.N. INFORMATION SYSTEMS IN THE IMPLEMENTATION OF THE MODEL OF TEACHING SCIENCE TO STUDENTS IN MILITARY SCHOOLS OF MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA	7
Beloborodova N.S., Mirzahanova Ye.S. THE FEATURES OF SOCIALIZATION OF STUDENTS WITH DEVIANT BEHAVIOR	10
Vazhenina S.S. METHODS OF FORMING VALUABLE ATTITUDE TOWARD ARTS IN STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION OF CULTURE BY MEANS OF ARTISTIC ACTIVITIES	13
Volodina L.O. PEDAGOGICAL PROJECTING OF THE SYSTEM OF FAMILY UPBRINGING VALUES IN MODERN RUSSIA: THE ISSUE OF CONCEPTUALIZATION	17
Iskanderov N.F. A METHOD OF ORGANIZATION OF OPERATIONS ON COMPARISON IN THE STUDY OF PHYSICS IN SCHOOL	20
Magomedova A.A. INFORMATION-METHODOLOGICAL SUPPORT IN THE FORMATION OF READINESS FOR NETWORKING IN LANGUAGE LEARNING IN FUTURE BACHELORS OF JURISPRUDENCE DEPARTMENT	23
Matafonova T.A. EDUCATIONAL BACKGROUND IN THE PROCESS OF BUILDING A PROFESSIONAL COMPETENCE IN FUTURE SPECIALISTS IN TOURISM IN CONDITIONS OF INFORMATION- BASED EDUCATIONAL ENVIRONMENT	25
Merkel Ye.V., Semikopnaya N.P. THE BASE DEPARTMENT AND THE SCHOOL SCIENTIFIC CENTER – NEW METHODS OF FORMING CIVIL-LEGAL CULTURE OF LEARNERS AND STUDENTS	26
Ovsyannikova O.A. ORGANIZATION OF THE JOINT RESEARCH PROJECT WITH THE STUDENTS MAJORING IN MUSIC EDUCATION WITHIN THE SCHOOL SUBJECT OF ARTS	28
Perervina I.M. THE PROGRAM OF EXPERIMENTAL WORK ON THE DEVELOPMENT OF CULTURE TO CARRY OUT A POLILOQUE BY STUDENTS OF JUNIOR COURSES IN THE PROCESS OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE ..	31

Stolyarchuk I.A. PREVENTING GENDER DISADAPTATION OF TEENAGERS: A HOLISTIC APPROACH	33
Balyasnikova L.V., Vasilieva S.I. LITERARY WORKSHOPS AS A FORM OF CREATING CONDITIONS FOR PERSONAL GROWTH OF PUPILS IN AN EDUCATIONAL INSTITUTION	34
Fortunatov A.A. TECHNOLOGICAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF WAYS TO FORM STUDENTS' ECOLOGICAL CULTURE IN VOCATIONAL ECOLOGICAL TRAINING	37
Apanasenko O.N., Malyukov S.G. ORGANIZATION OF COGNITIVE AND RESEARCH WORK OF STUDENTS AS A METHOD OF IMPROVING THEIR FUTURE PROFESSIONAL PREPARATION	40
Berezhnova L.N., Tarasov D.Yu. TRENDS OF INTEGRATION OF HIGHER MILITARY EDUCATION TAUGHT BY MILITARY INSTITUTIONS OF MINISTRY OF INTERIOR AFFAIRS OF RUSSIA INTO THE GLOBAL EDUCATIONAL SPACE	42
Bogatenkov S.A. FORMATION OF A COMPETENCE THAT ENABLES TEACHING STAFF TO WORK WITH "ENERGY" COMPLEX OF TECHNICAL MEANS (A SAFETY ASPECT)	46
Kashina N.I. A PROBLEM OF UNDERSTANDING TRADITIONAL CULTURAL AND ART VALUES BY CHILDREN AND YOUTH	50
Korzennikova I.N. ON THE QUESTION ABOUT FORMING CROSS-CULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE	52
Lochonova G.M. FORMING OF A MULTICULTURAL PERSONALITY OF A STUDENT IN COOPERATIVE HIGHER EDUCATIONAL SCHOOL	57
Mironova A.M. ON THE QUESTION OF DEVELOPMENT OF PUPILS' INTELLECTUAL GIFTEDNESS	58
Naumenko L.S. THE USE OF A BLOG BY A TEACHER IN HIS OR HER PROFESSIONAL LIFE ...	61
Nikolayenko G.I., Tayanovskaya I.V. PERSPECTIVE TRENDS IN MODERN TEACHING OF RUSSIAN FUNCTIONAL STYLISTICS FOR BELARUSIAN STUDENTS	67
Kashina N.I., Tagiltseva N.G. PSYCHOLOGICAL PREREQUISITES OF DEVELOPMENT OF TRADITIONAL CULTURAL AND ART VALUES IN CHILDREN AND YOUTH	70
Kulikova N.A. ACTIVE FORMS OF TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS AS A MEANS OF DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE	73
Dolmatova O.A., Fedulov B.A. FORMATION OF VALUES OF MOTHERHOOD IN GIRLS THEIR TEENS BY MEANS OF FOLK TRADITIONS	76
Kokorin Ye.V., Murzina Ye.I. SOCIOCULTURAL FACTORS OF ADAPTATION OF CONVICTS IN THE SOCIETY	78
Kokorina K.A. A STATE AND CULTURE: REALIZATION OF CULTURAL POLICY IN RUSSIA AND IN ALTAI KRAI	80
Uspek E.R. VIRTUALIZATION OF THE SOCIOCULTURAL ACTIVITY	82
Fomina A.A. THE FORMATION OF STATE POLICY IN THE FIELD OF LIBRARY SCIENCE	84
Bagirova Ye.V. PARTICULAR FEATURES IN SOCIALIZATION OF TEENAGERS BY MEANS OF CHOREOGRAPHY	87
Novichikhina T.I. SCIENTIFIC AND INFORMATIONAL FIELD OF THE MIDDLE AGES	88
Novichikhina T.I. SCIENTIFIC-INFORMATIONAL FIELD OF THE 17 CENTURY	92
Timofeeva E.V., Vinogradova Yu.B. ACTIVATION OF STUDENTS' EDUCATIONAL-COGNITIVE ACTIVITY WITH INFORMATION AND COMMUNICATIONS TECHNOLOGIES	96
Sheptenko P.A. THE SPECIFICITY OF THE PROFESSIONAL WORK OF A SOCIAL PEDAGOGUE IN RURAL SCHOOLS ..	99
Abdina R.P., Miroshnichenko V.V. LINGUISTIC AND CULTURAL PREPARATION OF THE BACHELOR OF PRIMARY EDUCATION FOR WORK IN A MULTICULTURAL REGION	101

FILOLOGY

Bashkova I.V. THE SEMANTICS OF A WORD MUZHNIK ("A MAN, A PEASANT" – RUS.) IN V.P. ASTAFIEV'S DISCOURSE	104
Bashkova I.V. SEMANTICS OF A WORD BABA ("A WOMAN, A PEASANT WOMAN" – RUS.) IN V. P. ASTAFIEV'S DISCOURSE	107
Vahrusheva N.A. PHRASEOLOGICAL SYNONYMY IN THE UPPER GERMAN DIALECT GROUP IN ALTAI	110
Gazzayeva A.R. THE GENRE FEATURES OF FLASH PROSE BY GINO BARAKOV	114
Vazhina Ye.N. THE LEXICAL TAXONOMY OF COMPOUND NOUNS WITH AN INDICATIVE COMPONENT	115
Zagryadskaya N.A. THE REFLECTION OF HISTORIC EVENTS IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL NICKNAMES	117
Kuzina Ye.V. MYTHOLOGY AS THE MAIN CHARACTERISTIC FEATURE OF ENGLISH ROMANTIC DISCOURSE .	120

Perevezentseva Yu.S., Atroshchenko S.A.	BINARY TERMS IN MATHEMATICS: STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS 122
Plekhanova Ye.A., Moiseyeva I.Yu.	THE ANALYSIS OF PATTERNS OF CONVERGENCE OF STYLISTIC DEVICES 124
Romashova O.V.	GENRE-STYLISTIC SPECIFICS OF A MEDICAL DOCUMENT (ON THE MATERIAL OF A PATIENT'S MEDICAL REPORT) 127
Yakimov P.A.	THE RELIGIOUS PICTURE OF THE WORLD VS. THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD 130
Davaa Undarmaa, Shkuropatskaya M.G.	ASSOCIATIVE CHARACTERISTICS OF ANIMALS' NAMES IN THE RUSSIAN SOCIETY 132
Andryushchenko O.K., Suyunova G.S.	SPEECH ACT OF COMPLAINT: SEMANTICS, PRAGMATICS, TYPOLOGY 134
Rybnikova E.E., Shunkov A.V.	LINGUISTIC REPRESENTATION OF AN IDENTITY IN THE EPISTOLARY TRADITION OF THE TRANSITIONAL PERIOD (WITH SPECIAL REFERENCE TO OFFICIAL LETTERS OF TSAR ALEXEY MIKHAILOVICH) 136
Sajdumova K.N.	ABOUT USING PHRASEOLOGY FOR EXPRESSING THE VERBAL AGGRESSION IN DAGESTAN RUSSIAN- LANGUAGE PRESS 141
Tikhonenko M.A.	A TERM AS A COMPONENT OF CULTURE 143
Tikhonenko M.A.	THE SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF TERMS AS SPECIAL LINGUISTIC UNITS 145
Chamzyryn E.T.	THE ROLE OF THE PEOPLE'S POETICS IN THE WORKS BY M. KENIN- LOPSAN 146
Shkapa Ye.S.	ON THE QUESTION OF REALTIONSHIP BETWEEN THE CHRISTMAS TRILOGY "SELECTED GRAIN" (OTBORNOE ZERNO) BY N. LESKOV AND OTHER WORKS OF THE WRITER 149
Shcherbakova Ye.K., Serbina N.S.	THE TRADITION OF A GENRE OF THE EASTERN NOVEL IN THE WORKS OF V. I. DAL AND N.A. KRASHENINNIKOV 152
Trubavina N.V.	COORDINATE CONJUNCTIONS IN GERMAN DIALECTS OF THE ALTAI: COMPOSITION, SEMANTICS AND USAGE 154
Ma Jia-ying	GRAMMATIKA SLOVENSKAYA (1723) BY FYODOR MAKSIMOV: THE STRATEGIES AND PARAMETERS OF GRAMMATICAL DESCRIPTION 158

Ondar V.S.	THE GROUP OF MOTION VERBS WITH THE MEANING 'TO GO DOWN, DESCEND' IN THE TUVAN LANGUAGE 162
-------------------	---

PSYCHOLOGY

Evdokishina O.V.	ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF COMMUNICATIVE READINESS OF PRESCHOOL CHILDREN IN PRESCHOOL 167
Medvedeva N.I.	PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF ADAPTIVE AND COMPENSATORY ABILITIES IN THE STRUCTURE OF A PERSONALITY 169
Pets O.I.	STYLE-RELATED FEATURES OF COMMUNICATION OF PARENTS WITH ELEMENTARY SCHOOLCHILDREN IN CURRICULAR AND EXTRACURRICULAR ACTIVITIES 171
Dmitrieva N.V., Buravtsova N.V., Kozyreva T.S.	METHODS OF ART-THERAPY IN THE PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF A PERSONALITY 172
Solovyov G.M., Kozyura Ye.N., Kashin S.N.	SCIENCE AND EDUCATION IN THE CONTEXT OF PHYSICAL EDUCATION COURSE AND OF HEALTH- PROTECTION IN A UNIVERSITY 175
Yurovskikh S.S.	THE CORRECTION OF EXPRESSION OF AGGRESSIVE BEHAVIOR OF MENTALLY HANDICAPPED ELEMENTARY SCHOOL PUPILS 178
Bokova O.A.	ON THE PROBLEM OF THEORETICAL BASES OF PSYCHOLOGICAL PHENOMENA OF RESPONSIBILITY AND LOCUS OF CONTROL 181
Glebov V.V.	CONDITION OF CARDIO-VASCULAR SYSTEM AS AN ADAPTATION INDICATOR IN DEVELOPMENT OF A PERSON 183
Chernova M.A.	THEORETICAL ANALYSIS OF FORMATION OF PSYCHOLOGICAL CULTURE OF FUTURE TEACHERS . 185

ARTS STADIES

Lichman Ye.Yu.	DEVELOPMENT OF ART EDUCATION IN PAVLODAR: HISTORY AND MODERNITY 188
Mazurina T.A.	A DESIGN OF A VISUAL STYLE OF A BRAND: THEORY AND METHODOLOGY 190
Obrubova A.V.	ART STUDIES IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATIONAL ART PEDAGOGICAL SCHOOLS 194
Pushkova N.B.	ARTS AND CRAFTS ACTIVITY AS THE MEANS OF SOCIALIZATION OF A YOUNGER GENERATION 196

Urusova N.P.	TRADITIONS OF PUBLIC ART OF THE CAUCASUS AS FACTORS OF THE MODERN SPIRITUAL CULTURE 197
---------------------	---

Urusova N.P.	ENVIRONMENTAL DESIGN IN A PROJECT CULTURE AND PROJECTOGRAPHING AS ONE OF THE METHODS TO FORM OBJECTS AND SPACE 200
---------------------	--

Yurovskaya O.L.	FUNERAL AND FUNERAL LAMENTATIONS OF KALUGA IMMIGRANTS OF CHELYABINSK REGION 204
------------------------	--

Belskaya Ye.V., Mergaliev D.M.	SHAPING OF ACTING SKILLS IN REGARD TO THE CREATIVE WORK OF F. I. SHALYAPIN 209
---------------------------------------	--

Mergaliev D.M., Akparova G.T., Aikina L.P.	ADDRESSING THE CHALLENGES OF COLLECTIVE MUSIC PLAYING IN ORCHESTRA CLASS 212
---	--

MEDICINE

Gribanov N.I., Kazanin K.S., Shpakovskiy M.S., Basov A.V., Kalashnikov V.VI., Kalashnikov V.V.	EXPERIENCE IN TREATMENT OF FEMORAL NECK FRACTURES BY BIOACTIVE CALCIUM AND PHOSPHATE COATED CANNULATED SCREWS ... 214
Zhigalova G.G., Otarov A.A.	REVIEW OF BASE ACTS AND SEQUENCE OF PROVIDING THE FIRST AID BY POLICE OFFICERS 216
Mareyev O.V., Mareyev G.O., Fyodorov R.V.	BASIC PRINCIPLES OF SURGICAL ROBOTIC SYSTEMS (PART 1)..... 218
Cherepkova E.V., Chukhrova M.G., Kushnarev A.P.	PSYCHOEMOTIONAL DISTURBANCES AND A TENDENCY TOWARD CRIMINAL BEHAVIOR, COMORBID DRUG DEPENDENCE 222

SELJSKOKHOZYAYJSTVENNIH NAUKI

Vazhov V.M., Odintsev A.V., Kozil V.N.	INFLUENCE OF FERTILIZERS ON SOWING QUALITIES OF BUCKWHEAT SEEDS 225
---	---

PHILOSOPHY

Vasilieva N.A.	FEAR PHENOMENON: ONTOLOGICAL STATUS AND WAYS OF FEAR OVERCOMING 228
Vereshchagina T.N.	THE STORY OF A KNIGHT AND A TIGER SKIN 231

HISTORY

Grednikov S.A.	MILITARY YOUTH IN SIBERIA 234
Ismailov A.M.	RECOGNITION OF THE RIGHT TO ETHNIC IDENTITY IN MODRN PERIOD

(LEGAL AND SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS)	235	Lesovichenko A.M., Maltseva Ye.A. AN ARCHETYPE OF MOTHER AS A BASIS OF RAILWAY IMAGES IN LITERATURE AND ARTS	275	Ryasov A.A., Gontar S.N. ON THE QUESTION OF THE CLASSIFICATION OF MOTION TRACES	306
Ismailov A.M. THE EVOLUTION OF RUSSIAN-LANGUAGE BOOK PUBLISHING IN THE STATES OF CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT	237	Khadzhiyeva M.H. FISH FOOD IN THE MEALS' SYSTEM OF PEOPLE OF THE KARACHAY-BALKAR REPUBLIC	278	Chedgemov S.R., Chedgemov I.Yu. INTERACTION OF POLICE AND HEALTH AUTHORITIES IN THE FIGHT AGAINST COMMUNICABLE DISEASES IN THE 19TH CENTURY THE TEREK REGION	308
Kortunov A.I. POLISH MILITARY SOLDIERS IN SERVICE AT FORTRESSES OF ORENBURG KRAI (THE FIRST HALF OF THE 19 CENTURY)	239	Yefremova A.O., Olenina G.V. CLASSIFICATION OF CULTURAL AND EDUCATIONAL PROGRAMS IN MUSEUMS: A REGIONAL ASPECT ..	279	ECOLOGY. ECOLOGY OF THE PERSON AND HYGIENE OF ENVIRONMENT	
Kuznetsov D.Ye. BANDITISM IN WESTERN SIBERIA IN 1925-1935	242	Bespalova N.N., Yagovets V.S. INTEGRATION OF THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF OLD BELIEVERS OF THE ALTAI TERRITORY IN THE FIELD OF TOURISM	283	Cheryomkin I.M., Alekseyev I.A., Puzanov A.B., Schyokina V.V. CHARACTERISTICS OF RODENT FAUNA IN LAUNCH AREA OF CONSTRUCTION SITES OF VOSTOCHNY SPACE AREA	311
Lizunova I.V. TECHNOLOGICAL MODERNIZATION OF PUBLISHING AS A BASIS FOR INTEGRATION IN THE MODERN MEDIA SPACE	244	Polteva T.I. EPISTOLARY HERITAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945) FROM THE MATERIALS OF THE NATIONAL MUSEUM N.A. A.V. ANOKHIN	286	Koveshnikov M.I. THE CHARACTERISTICS OF ZOOBENTHOS AND THE WATER QUALITY ASSESSMENT OF THE RUSSIAN SECTION OF THE IRTYSH RIVER AND ITS TRIBUTARIES IN THE SUMMER OF 2001	315
Lizunova I.V., Lbova Ye.M. BOOK PUBLISHING INDUSTRY OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN FRANCE DURING THE PERIOD FROM 1900-S TO 1930S AS A FACTOR OF PRESERVATION OF NATIONAL CULTURAL IDENTITY "IN AN EXILE"	247	ECONOMICS			
Chedgemov I.U. ORGANIZATION OF THE HEALTH SYSTEM IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES IN OSSETIA	250	Melikhov V.A. CONCEPTION OF ESTABLISHING COHERENT AND COHESIVE COMMUNICATIONS IN THE FORMATION OF INTEGRATED REPORTS IN AGRO-INDUSTRIAL HOLDINGS	289	Mitrofanova Ye.Yu., Sutchenkova O.S. DIATOMIC ALGAE IN THE BOTTOM SEDIMENTS OF LAKE TELETSKOYE (ALTAI, RUSSIA) AS INDICATORS OF ENVIRONMENTAL CONDITIONS DURING THE LAST 2000 YEARS	321
Yurchenko Ye.S. "FINNISH QUESTION" IN WASHINGTON FOREIGN POLICY IN 1917-1920	252	Patrakhina T.N. A LONG-TERM TARGET-ORIENTED PROGRAM AS A GOVERNMENTAL MECHANISM FOR DEVELOPING THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION IN KHANTY-MANSYISK AUTONOMOUS DISTRICT – YUGRA	293	Nazyn Ch.D. DIATOMIC ALGAE OF THE ELEGEST RIVER BASIN IN THE TUVA REPUBLIC	327
Polyakova Ye.A., Vitovtova G.I. CHURCH-ARCHEOLOGICAL INSTITUTIONS IN RUSSIA AND THEIR SUBDIVISIONS IN THE SECOND HALF OF 19 – EARLY 20 CENTURIES	256	Kharlamov S.V. THE DEMAND FOR THE UNIQUE PROPERTIES OF THE TOURISM RESOURCES OF THE ALTAI KRAI	296	Popov S.V., Volkovsky Ye.V., Serebryakov O.N. PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF GEOGRAPHICAL INFORMATION SYSTEMS (GIS).	329
Kuprianova I.V. SCHOOLING IN THE OLD BELIEVERS' COMMUNITIES OF ALTAI IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES	261	JURISPRUDENCE			
Kovalenko P.S. THE ORTHODOX HISTORY OF BIYSK IN THE WORKS OF RESEARCHERS	263	Boynov E.I. A CURRENT STATUS AND ISSUES OF PROBLEMS OF INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS AND INTERNAL TROOPS IN PERFORMING TASKS IN CASES OF TERRORISTIC ACTS AT NUCLEAR INDUSTRIAL COMPLEXES	299	Robertus Yu.V., Lubimov R.V., Kivatskaya A.V. A SCOPE OF DEPOSITS AND EMISSIONS OF CARBON IN THE ALTAI REPUBLIC	332
Skopa V.A. ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE STATISTICAL COMMITTEES OF THE STEPPE REGION IN THE LAST THIRD PART OF THE 19 – EARLY 20 CENTURIES	266	Gontar S.N., Uvarov N.A. GENESIS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL PRIVACY RIGHTS FOR PEOPLE INVOLVED IN COURT PROCEEDINGS (FROM THE EARLY RUSSIAN STATEHOOD TO THE BEGINNING OF 20TH CENTURY)	301	Alam Md Shamsheer, Rodionova O.M. ENVIRONMENTAL, SANITARY AND HYGIENIC PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BANGLADESH	335
Skopa V.A. LOCAL STATISTICAL SURVEYS BASED ON "SEMIPALATINSK OBLAST NEWSLETTER" (LATE 19 – EARLY 20 CENTURIES)	268	Zhigalova G.G., Ryasov A.A. USING OF SPECIAL MEDICAL KNOWLEDGE IN INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES AGAINST LIFE AND HEALTH OF A HUMAN	303	Nguyen X.F.V. MEDICO-DEMOGRAPHIC CONDITION OF THE POPULATION IN LARGE CITIES OF THE VIETNAM REPUBLIC	337
CULTUROLOGY					
Astakhov O.Yu., Chernyaeva Ye.N. SOURCES FOR IDEAS OF CREATIVITY IN CULTURE IN NON-CLASSICAL PHILOSOPHY IN 19 – EARLY 20 CENTURY	271	Otarov A.A., Zhigalova G.G. THE UNITY OF FORM AND CONTENT AS A NECESSARY SIGN OF EVIDENCE USED AS A BASIS FOR THE ADOPTION OF THE CRIMINAL PROCEDURE DECISIONS	304	Glebov V.V., Kirichuk A.A. POSSIBILITIES OF BIOMONITORING IN THE ASSESSMENT OF THE ECOLOGICAL CONDITION OF ECOSYSTEMS OF THE CAPITAL MEGALOPOLIS	339
Gudova M.Yu. POST-LITERACY READING OF PICTOGRAPHIC WRITING IN "LOGOGLYPHS" ART PROJECT BY EDUARDO KAC, 2006-2013	273	THE INFORMATION FOR AUTORS ..			
347					

СТРУКТУРА ИНСТИТУТА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ

ИСТОРИЯ

- **НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ** – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, (г. Горно-Алтайск), ГАГУ, E-mail: mns@gasu.ru
- **ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРИН** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: Valbarin@mail.ru
- **ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ДАЦЫШЕН** – д-р ист. наук, профессор (г. Красноярск), Сибирский федеральный университет, зав. кафедрой всеобщей истории
- **МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕМИН** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул), АлтГПА,
- **ТАТЬЯНА КИРИЛЛОВНА ЩЕГЛОВА** – д-р. ист. наук, профессор, первый проректор по учебной работе (г. Барнаул), АлтГПА
- **ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ БУТАНАЕВ** – д-р ист. наук, профессор, зав. каф. этнографии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
- **АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОНТЕВ** – канд. ист. наук, доцент (г. Барнаул), АлтГПА
- **НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА ИВАНЦОВА** – д-р ист. наук, профессор (г. Москва), МГПИ
- **МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ШИЛОВСКИЙ** – доктор исторических наук, профессор, зав. сектором истории 19 в. института истории СО РАН, (г. Новосибирск)
- **ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРБУНОВ** – д-р ист. наук, профессор (г. Барнаул), АГУ
- **АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ МАРТЫНОВ** – д-р ист. наук, профессор, академик РАН, , зав. каф. археологии, (г. Кемерово), КГУ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- **СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БОРТНИКОВ** – доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)
- **ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА** – канд. культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, проректор по научной работе (г. Барнаул)
- **ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЖЕРНОСЕНКО** – канд. культурологии, доцент, зав. каф. культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), E-mail: iaj2002@mail.ru

МЕДИЦИНА

- **МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЧУХРОВА** – доктор мед. наук, профессор, Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск), НГУ, E-mail: mba@sibmail.ru
- **ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КУРПАТОВ** – доктор мед. наук, профессор, зав. каф. психотерапии СПбМАПО, гл. психотерапевт СПб., председатель правления СПб регион. об-ва психотерапевтов (г. Санкт-Петербург), E-mail: kafedrap@yandex.ru
- **МИРИАНА МИЛАНКОВА** – доктор медицины и философии (г. Нови Сад, Сербия), E-mail: drmirjana.milankov@gmail.com
- **ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ШЕВЧЕНКО** – д-р медицинских наук, профессор, главный анестезиолог (г. Новосибирск)
- **НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ** – д-р медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ, член Российской научной комиссии по радиационной защите, вед. науч. сотр. лаборатории сравнительного анализа и управления рисками, E-mail: professor121@rambler.ru
- ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КАЛАЧЕВ** – д-р. мед. наук, профессор (специализация - морфология), начальник научного отдела (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: gak@uni-altai.ru

ПЕДАГОГИКА

- **АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЕМЕРБЕКОВА** – д-р педагогических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ШАПОВАЛОВ** – д-р педагогических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **ВАЛЕНТИНА СТАНИСЛАВОВНА ЧЕРНЯВСКАЯ** – д-р педагогических наук, профессор Владивостокского Госуниверситета экономики и сервиса (г. Владивосток), E-mail: tina_v@rambler.ru

ПСИХОЛОГИЯ

- **ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВНА КОЛМОГорова** – д-р психологических наук, профессор, заведующий каф. психологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЛУКЬЯНЕНКО** – канд. психологических наук, доцент, зав. каф. психологии Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

СОЦИОЛОГИЯ

- **ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСТОВ** – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)
- **СВЯТОСЛАВ ИВАНОВИЧ ГРИГОРЬЕВ** – д-р социологических наук, профессор, член-корр. Академии образования РФ, декан факультета социального управления Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **РАИСА АФАНАСЬЕВНА ТРОФИМОВА** – д-р социологических наук, профессор, член-корр. Петровской академии наук и искусств, первый проректор АГАКИ (г. Барнаул)
- **ЛЮДМИЛА ДЕНИСОВНА ДЕМИНА** – д-р социологических наук, профессор, декан факультета психологии АлтГУ (г. Барнаул)
- **НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА ЗАРУБА** – д-р социологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, зам. председателя совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кузбасской государственной педагогической академии (г. Кемерово)
- **АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ УДОДЕНКО** – д-р. социологических наук, профессор, зав. каф. социологии в АлтГТУ (г. Барнаул)
- **НАТАЛЬЯ СТАНИСЛАВОВНА ТИМЧЕНКО** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. социальных наук АлтГПА (г. Барнаул)
- **АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ТРОЦКОВСКИЙ** – д-р социологических наук, профессор, зав. Барнаульской лабораторией института экономики и организации производства СО РАН (г. Барнаул)

- **ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ЖЕЛТОВ** – д-р философских наук, профессор, проректор Кемеровского госуниверситета (г. Кемерово)
- **СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА МАКСИМОВА** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. ПКПТ ФС АлтГУ (г. Барнаул)
- **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ НОВОКРЕЩЕННОВ** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. Сибирской академии государственной службы (г. Новосибирск)
- **ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОПКОВ** – д-р филос. наук, профессор, зав. сектором этносоциологии отдела социологии института истории СО РАН (г. Новосибирск)
- **ВАЛЕНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ НЕМИРОВСКИЙ** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. социального менеджмента Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

ФИЛОЛОГИЯ

- **ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ЛУКАШЕВИЧ** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. языка массовых коммуникаций и редактирования Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **НИНА ВАЛЕРЬЕВНА ГУБИНА** – канд. филологических наук, доцент, зав. каф. литературы, социальной психологии и педагогики Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)
- **ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)
- **ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ** – д-р филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- **ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ** – д-р искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ФРАНТОВА** – доктор искусствоведения, проф. каф. теории музыки и композиции, член диссертационного совета Ростовской гос. консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова (г. Ростов-на-Дону)

ФИЛОСОФИЯ

- **АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК** – д-р философских наук, профессор Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово)
- **ВИКТОР ИВАНОВИЧ МАРКОВ** – канд. философских наук, д-р культурологии, профессор кафедры культурологии, председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кемеровском государственном университете культуры и искусств (г. Кемерово)
- **МАРГАРИТА ПАВЛОВНА АРУТЮНЯН** – доктор философских наук, доцент, зав. каф. философии Дальневосточного гуманитарного университета, E-mail: tra@email.su
- **МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ШИШИН** – д-р философских наук, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

ЭКОЛОГИЯ

- **ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ХАСНУЛИН** – д-р медицинских наук, профессор, зав. Отделом дизадаптации НЦКЭМ СО РАМН
- **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПУЗАНОВ** – д-р биологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе ФГБУН Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Барнаул), E-mail: puzanov@iwer.ru
- **ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЗМАТЕРНЫХ** – канд. биологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе ФГБУН Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Барнаул), E-mail: bezmater@iwer.ru
- **НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ** – д-р медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

ЭКОНОМИКА

- **ИННА НИКОЛАЕВНА САННИКОВА** – д-р экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
- **ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА ТЕРЕНТЬЕВА** – д-р экономических наук, проректор по НИР, зав. каф. бухучета и аудита (г. Владивосток)
- **МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АПСИТЕ** – канд. экономических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ЛЮБАВСКАЯ** – канд. экономических наук, д-р пед. наук, профессор, директор Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **ИРИНА ПАВЛОВНА ЛАПТЕВА** – канд. экономических наук, доцент Вяткинского сельскохозяйственного университета (г. Киров)

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- **СТЕПАН СУЗАНОВИЧ ТЮХТЕНЕВ** – д-р юридических наук, профессор, зав. каф. уголовного, административного права и процесса Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ПОЛЯКОВ** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. уголовного права и процесса Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)
- **ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ ОСТАПОВИЧ** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск), E-mail: ostapovich7@mail.ru

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

- **ВАЛЕРИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ПЕТУХОВ** – д-р биологических наук, профессор, председатель докторского совета по экологии (биологические науки) при Новосибирском Государственном Аграрном университете (г. Новосибирск)
- **ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ АДУШИНОВ** – директор Института дополнительного профессионального образования Иркутской государственной сельскохозяйственной академии, д. с.-х. н., профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного международного периодического журнала «Мир науки, культуры, образования», включенного в Перечень ведущих журналов и изданий, в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, приглашает вас к публикации статей по следующим научным направлениям:

• «Искусствоведение»	• «Психология»	• «Экономика»
• «История»	• «Социология»	• «Юриспруденция»
• «Культурология»	• «Филология»	• «Сельскохозяйственные науки»
• «Медицина»	• «Философия»	
• «Педагогика»	• «Экология»	

Для публикации в журнале необходимо предоставить заявку с указанием сведений об авторе (Ф.И.О. полностью, место работы, ученая степень, звание, должность, а также телефон, E-mail и домашний почтовый адрес). Наименование раздела, в который направляется статья.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А 4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал – 1,5; отступ от всех сторон листа – 2,5 см.

Статья оформляется следующим образом:

- заявка на публикацию в электронном варианте;
- на английском языке: Ф.И.О. автора (авторов), название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова;
- на русском языке: УДК, Ф.И.О. автора (авторов), сведения об авторе, город, E-mail, название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова, текст статьи, библиографический список.

Библиографический список (в порядке цитирования, не по алфавиту!) оформляется по ГОСТу 7.1.-2003. Библиографические ссылки в тексте указываются в квадратных скобках. Например, [1]. В случае дословной цитаты, указывается также номер страницы приведенной цитаты, т.е. «ТЕКСТ, ТЕКСТ, ТЕКСТ ...» [2, с. 5], [2; 3]. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.

Примечания к тексту в виде постраничных и концевых сносок не допускаются. В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию. Рисунки должны выполняться по ширине текста в формате ***jpg**.

Рецензия должна быть выслана обычной почтой. Статья с рецензией и заявкой отправляются электронной почтой (E-mail: mnko@mail.ru).

Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора с указанием города. Например, «Иванова_Челябинск». Если статья вторая, третья и т.д., то следует указывать в названии файла соответствующий номер: «Иванова_Челябинск_1», «Иванова_Челябинск_2». Размещение в одном файле нескольких статей не допускается.

После независимой научной и технической экспертизы, статья либо возвращается на доработку, либо принимается к публикации, о чем сообщается автору по электронной почте или указанному телефону.

РЕЦЕНЗИЯ НАПРАВЛЯЕТСЯ ПО АДРЕСУ:

649006, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 68, Офис 301, Редакция журнала «Мир науки, культуры, образования».

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, которые необходимо учитывать при подготовке статьи к публикации

биол.	–	биологических наук	пед. наук.	–	педагогических наук
геогр.	–	географических наук	проф.	–	профессор
гл. н.с.	–	главный научный сотрудник	психол. наук.	–	психологических наук
дис.	–	диссертация	Р/д	–	режим доступа
доц.	–	доцент	ред.	–	редактор
д-р.	–	доктор	рис.	–	рисунок
журн.	–	журнал	сельхоз. наук	–	сельскохозяйственных наук
зав. каф.	–	заведующий кафедрой	социол. наук	–	социологических наук
изд-во	–	издательство	ст. преп.	–	старший преподаватель
ист.	–	исторических	тех. наук	–	технических наук
канд.	–	кандидат	филол. наук	–	филологических наук
каф.	–	кафедра	филос. наук	–	философских наук
мед. наук	–	медицинских наук	Э/р	–	электронный ресурс
н.с.	–	научный сотрудник	эконом. наук	–	экономических наук
науч.	–	научный	юр. наук	–	юридических наук

С материалами журнала можно ознакомиться на официальном сайте:

<http://amnko.ru/>

Тел.: +7(38822) 4-74-44, E-mail: mnko@mail.ru

Отпечатано в типографии «Концепт»,
г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
т./ф.: (3852) 36-82-51, concept-print@yandex.ru

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

УДК 371:351.851

Ivanjva A.P., Kolosov A.E. INFRASTRUCTURES OF DEVELOPMENT OF THE PERSON AS THE FACTOR OF INCREASE OF INNOVATIVE POTENTIAL OF REGION. In work modern contexts of innovative activity in sphere of vocational training, a problem and reference points of its development are described, the characteristics of a postindustrial epoch demanding changes in the organization of an education system, with a support on professional networks and possessed experience introductions of new forms of the organization of educational activity of students are allocated.

Key words: innovative activity, professional networks, the technology, the new educational programs, developing training, models of the management, open educational space.

Иванова А.П., канд. пед. наук, доц., зав. каф. педагогики Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, E-mail: ivanova@mail.ru; **Колосов А.Е.**, д-р психол. наук, проф., ст. н. с. Института Психологии СО РАН, г. Новосибирск, E-mail: kolosov@ngs.ru

ИНФРАСТРУКТУРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

В работе описаны современные контексты инновационной деятельности в сфере профессионального образования, задачи и ориентиры ее развития, выделены характеристики постиндустриальной эпохи, требующие изменений в организации системы образования, с опорой на профессиональные сети и имеющийся опыт внедрения новых форм организации учебно-образовательной деятельности студентов.

Ключевые слова: инновационная деятельность, профессиональные сети, технология, новые образовательные программы, развивающее обучение, модели управления, открытое образовательное пространство.

Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [1, с. 14].
Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [2; 3]¹.
Текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... текст... [3, р. 35].

Библиографический список²

1. Баллер, Э.А. Преемственность в развитии культуры. – М., 1969.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Э/п]. – Р/д: <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>
3. Torrance, E.P. Growing up creatively gifted // Creative Child and Adult Quaterly. – 1980. – V. 5.

Bibliography

1. Baller, Eh.A. Preemstvennostj v razvitii kuljturih. – M., 1969.
2. Nacional'naya doktrina obrazovaniya v Rossijskoj Federacii [Eh/r]. – R/d: <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>
3. Torrance, E.P. Growing up creatively gifted // Creative Child and Adult Quaterly. – 1980. – V. 5.

Статья поступила в редакцию 05.08.11

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

1. После написания статьи автор представляет текст доктору или кандидату наук по соответствующей специализации для рецензии, которая заверяется в отделе кадров и высылается вместе со статьей в редакцию журнала.
2. После получения редакцией статьи она проходит техническую экспертизу, в ходе которой проверяется: наличие на английском языке: Ф.И.О. автора (авторов), название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова; на русском языке: УДК; Ф.И.О. автора (авторов), должность и звание, место работы, контактная информация для переписки - E-mail или номер телефона; название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова, текст статьи, библиографический список, оформленный в порядке цитирования (ответственный - технический редактор журнала, кандидат педагогических наук, международный журналист Н.С. Часовских, E-mail: mnko@mail.ru).
3. Если статья не проходит техническую экспертизу, она возвращается автору на доработку. Доработанные статьи отправляются в редакцию с пометкой в названии файла «доработано». Например, «Сидоров. Тюмень. Доработано».
4. Статья, прошедшая техническую экспертизу, отправляется на научную экспертизу специалисту по данному профилю.
5. Если статья не проходит научную экспертизу, она возвращается автору на доработку. При работе над замечаниями эксперта автор может контактировать с экспертом по E-mail. Доработанные статьи отправляются в редакцию с пометкой в названии файла «доработано». Например, «Сидоров. Тюмень. Доработано».
6. Статьи, прошедшие техническую и научную экспертизы, принимаются к публикации с соответствующим уведомлением автора по контактной связи (письма, телефон, E-mail).

¹ Все ссылки на библиографию ставятся по **порядку цитирования**, а не по алфавиту. Примеры оформления библиографического списка приведены в информационном письме на сайте журнала по адресу: <http://amko.ru/>

² Библиография приводится на **русском и латинском** языках (транслитерация). Для транслитерации мы рекомендуем использовать бесплатную программу «RusTranslit».